

ДУХОВНЫЙ ТРУЖЕНИК

ДУХОВНЫЙ
ТРУЖЕНИК

К 200-летию
со дня рождения
А.С. ПУШКИНА

ДУХОВНЫЙ
ТРУЖЕНИК

ДУХОВНЫЙ ТРУЖЕНИК

А. С. Пушкин работы О. А. Кипренского. 1827.
Третьяковская галерея

Российская академия наук
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

ДУХОВНЫЙ ТРУЖЕНИК

*А.С. ПУШКИН
в контексте
русской
культуры*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
„НАУКА”
1999

УДК 80
ББК 83
Д 85

Ответственные редакторы:
В. А. Котельников, Э. С. Лебедева

Рецензенты:
Е. И. Анненкова, Л. А. Федоровская

Редактор издательства
Т. Л. Ломакина

Книга выходит при финансовой поддержке
Комитета по печати и связям с общественностью
Администрации Санкт-Петербурга

Вместо предисловия

«Ты, Моцарт, бог!» — слова, которые в пушкинской трагедии Сальери обратил к Моцарту, в русской литературе, да и — шире — в русской жизни, завистливо ли, раздраженно ли, благоговейно ли, но почти неизменно обращали к самому Пушкину. Однако то, что до поры до времени воспринималось во многом как литературный образ, поэтическая фигура, в пору отмены (или подмены?) абсолютных бытийных ценностей вдруг обрело смысл почти универсального духовного представительства — за все. Пушкин выдержал и этот искуc: может быть, вследствие того, что сам был идеальным воплощением культуры.

В ряду других обозначений культуру можно было определить и как систему культов, их иерархию. Не является ли подлинность культуры подлинностью лежащих в ее основе культов, истинностью их иерархий, точностью их восхождения? С возвращением нации Бога и Пушкину дано освободиться от бремени всеобщности (или это бремя ослабить).

Для всей нации — и для верующих, и для неверующих — появились новые конечные точки отсчета. Обозначилась необходимость и возможность достаточно широкой и свободной перестройки иерархии культов. Но роль Пушкина в новом духовном жизнестроении снова поистине уникальна, даже на фоне других русских литературных и нелитературных гениальностей. Особенно сейчас, «в минуту вольности святой», если воспользоваться пушкинским словом. Впрочем, святой ли? Ведь уже юный Пушкин сочетает два понятия: «вольность и закон». Вольность — не своеволие. Пушкин вообще отвергает самовластие, в том числе и самовластие вольности. Потому-то всегда и явлена у него вольность в ореоле святости: «Где крепко с Вольностью святой/Законов мощных сочетанье...».

Юный поэт начал свою первую оду с культа закона. Не в юристике дело, но, конечно, в обязательном соотношении всего с высшим и внеположным, которое не вполне произведение рук человеческих, хотя и выговаривается человеком. «И горе, горе племенам,/Где дремлет он неосторожно,/ Где иль народу, иль царям/Законом властвовать возможно!».

Пушкин учит нас обходиться со свободой должным образом, учит нас благородству свободы всем складом своей души и всем строем своих стихов, любой фразой и каждым словом. Какое преодоление ограниченности, какая освобожденность от эгоизма, например, в этом признании: «Я вас любил так искренно, так нежно,/Как дай вам Бог любимой быть другим».

Гоголь сказал о Пушкине слова, с тех пор стократно повторенные: русский человек в его развитии, в каком он явится, может быть, через 200 лет. Сроки близятся, и пророчество сбывается, хотя и не совсем в гоголевском смысле. Кажется, не нынешний «русский человек» явится Пушкиным, но Пушкин является современному «русскому человеку» во

всей неотвратимости последней надежды: и как грозное предостережение, и как возможность разрешения всего.

Русский человек должен во что-то верить. Во что? В великую идею абсолютной монархии, спасительную и многократно спасавшую страну, но к определенному времени, очевидно, изжившую себя (к отречению последнего государя побуждали... верноподданные монархисты)?

В великую идею социализма? Изначально обреченную всем ходом нашей истории на трагическое существование, а ныне проходящую через период испытания горечью, виной, растерянностью?

Великую идею демократии? Переживающую сейчас у нас свою драму?

Когда-то сказано Пушкиным: «С изумлением увидели демокрацию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве». Это об Америке, которая «спокойно совершает свое поприще, донныне безопасная и цветущая, сильная миром, упроченным ей географическим ее положением, гордая своими учреждениями». К нам последнее не относится. Так что оставьте пушкинскую картинку демократии за вычетом всего этого последнего, и тогда она будет относиться к нам. Дело не в отрицании демократии, а в том, чтобы и на нее, не обольщаясь первоначальными детскими восторгами и опьяняющими словами, взглянуть трезвым оком и увидеть, с какой энергией заработали вроде бы отринутые прежние начала: жестокие предрассудки, нестерпимое тиранство, отвратительный цинизм. Цинизм внешне эффектен при поношении прошлого, но можно ли с таким запасом отправляться в будущее? «Ибо, — говорил Пушкин, — нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви».

Победит какое-то из всех названных начал или некая их комбинация? Трудно сказать. Пушкин знал о России, что «история ее требует другой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада». Непредсказуемость уж во всяком случае входит в эту формулу, если просто не является ею.

Пушкин недаром часто возвращался ко времени Смуты и смут в русской истории. И уроки эти поучительны. Во-первых, народ. Народ, которым у нас все клянутся, к которому простирают руки и на который чуть ли не крестят лбы. Пушкин знал и показал в «Борисе Годунове», какая это сложная и страшная штука — народ в своем реальном историческом бытовании: наивный и умный, доверчивый и скептический, жестокий и милосердный. Ведь это народ отверг законно им самим избранного Бориса, и народ привел к власти Димитрия (лже). Активное иностранное, тогда польское, вмешательство, как и всегда, как и сейчас, конечно, помогало делу, но все-таки не было и не могло быть решающим.

Появление Лжедмитриев — неперемнная особенность русских смятенных эпох. Время требует героя, а он не рождается. Мининым и Пожарским предшествуют Лжедмитрии. И сейчас возникает впечатление, что в стране бегают, прыгают, суетится какой-то бесконечный многоликий Лжедмитрий...

* * *

«Писатели во всех странах мира суть класс самый малочисленный из всего народонаселения. Очевидно, что аристократия самая мощная, самая опасная — есть аристократия людей, которые на целые поколения, на целые столетия налагают свой образ мыслей, свои страсти, свои предрассудки. ...Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда. Уважайте класс писателей, но не допускайте же его овладеть вами совершенно».

Сейчас дело идет уже не по писательскому счету. Сам писатель с его претензией на более или менее объемное мышление на основе более или менее объемной картины жизни потеснен и оттеснен «политиком» — фигурой существенной, однако в общем жизнитоке все же частной и поверхностной, хотя и стремящейся все время предстать в качестве определяющей и главной.

«Порядок общественный, вне порядка политического, составлен из религии, умственной деятельности и промышленности материальной. Во всяком народе, во время величайших бедствий и важнейших событий, священник молится, стихотворец поет, ученый мыслит, живописец, ваятель, зодчий творят и зиждут, ремесленник работает. Смотря только на них, вы видите мир настоящий, истинный, неподвижный, основание человечества, однако, по-видимому, чуждый обществу политическому. Но священник в своей молитве, поэт, художник, ученый в своих творениях, ремесленник в своем труде — открывают от времени до времени, в какую эпоху они живут, в них отзываются удары событий, от которых сильнее и обильнее текли их жалобы, их пот и дары вдохновения...», — это Пушкин сочувственно цитировал Шатобриана. Понятно, как поэт остро реагирует на истинную иерархию общественного порядка: что есть что и кто есть кто.

Кстати сказать, зрелый Пушкин, всегда так или иначе страдавший от цензуры и много злого сказавший о ней в стихах и прозе, был тем не менее глубоко убежден в ее необходимости. У нас же цензуры не было. Был произвол, в частности произвол бесцензурности; могли запретить все что угодно — жестко и беспринципно. Сейчас другой произвол, другой бесцензурности, но часто столь же жесткий и беспринципный. Из массовой нашей жизни почти ушло то, что отделяет человека от нечеловека, — стыд. И бесстыдство самой наглядной (видео и печатной) порнографии не невиннее ли бесстыдства всего нашего быта, наших политических трибун и, может быть, лишь производное от них?

Но есть и иное... Падение тиражей книг в последнее время — это не только реакция на повышение цены: видимо, в народе срабатывает и какой-то инстинкт самосохранения. В то же время если раньше люди, скажем, почти не реагировали на закрытие церквей, то сейчас остро реагируют на их уничтожение. Что же, как часто бывает в России, нужно умереть, чтобы воскреснуть? Россия начинает, подобно человеку, дышать возрождаемой духовностью. Перейдут ли признаки такого становления в духовное сотрясение, во всеобщий катарсис, изольется ли тот народный дух, которым только и могла спастись и всегда спасалась Россия? Ведь Россия — не географическое пространство, не правовое существование, не экономическое обеспечение. Россия — это *идея*. Эта общая идея, кажется, начинает наконец просматриваться и, пусть робко, обнадеживать. Тем более что Россия все-таки не стала пока обществом потребления. Наш народ всегда почитал благом не богатство, а *достаток*, самим словом поставив ограничение, — хватит, *достаточно*. Сейчас опрокидывают идею достатка под видом борьбы с казарменной уравниловкой и приманивают богатством немногих, погружая в нищету остальных. И лишь разумное производство духовного способно отвлечь от безудержного и потому безумного потребления материального.

Есть и еще один великий залог: пробуждающееся, кажется, позднее прочих русское национальное самосознание. Сейчас его становление у русских вселяет гордость и надежду. Наш народ не отреагировал ни одной националистической выходкой ни на одну националистическую гнусность. Такое-то отсутствие национализма, кажется, и есть великий признак пробуждения и становления глубинной и спасительной для всех русской национальной ответственности. Только в таком решении «русского вопроса»

светится решение других национальных вопросов. И здесь Пушкин — наш великий учитель. Повторю то, что писал о всемирной отзывчивости на любой национальный голос «нашего» Пушкина Достоевский: «И эту-то способность, главнейшую способность нашей национальности, он именно разделяет с народом нашим, и тем, главнейше, он и народный поэт». Он — наша вечная школа, и вместилище многонациональной жизни, и решение межнациональных задач. Может быть, еще никогда в нашей истории он не предстал перед нами в такой насушности, предлагая свое, пушкинское, решение «русского вопроса».

Мы вообще закрываем глаза на «русский вопрос». А он нуждается, так сказать, в решении внутри самого себя, и от этого во многом будут зависеть и решения вовне. Мощной традиции раскола, распада сейчас — это решительно отличает ситуацию от ситуации гражданской войны — противостоит складывающаяся и набирающая мощь традиция национального единения: русской «метрополии» и русского зарубежья, настоящего и прошлого России, и на самых разных уровнях: на «элитном» и на массовом.

Как известно, Пушкин — историк и социолог — отнюдь не благосклонным оком смотрел на социальный мир. Может, во всей нашей классической, очень социальной литературе нигде не предстала с такой остротой классовая борьба, как в «Капитанской дочке». Как хорошо, что мы еще не разучились учить детей по «Капитанской дочке»! Разве не разрывается наше сердце от жалости на две части: сочувствие башкирцу, которого пытается *добрый* Иван Кузмич, ничуть не меньше сочувствия *бедному* Ивану Кузмичу, которого на другой день вешает этот башкирец.

Но Пушкин-то являет *третье*. И не случайно самое основное в повести, самоутверждающее и жизнестойкое, — Маша Миронова, капитанская дочка: автор и назвал повесть по самой ее сути. Капитанская дочка, русская женщина, подобно оси как бы стягивает полюсные состояния раскалывающегося национального бытия, как оно предстает в повести.

Русская жизнь полярна, тяготеет к противоположностям, полюсным состояниям и к крайностям. Кажется, русская жизнь менее, чем любая иная, способна к равновесной центровке, и потому она более, чем любая иная, сейчас в ней нуждается. Знаменитые слова — «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь» — один старый историк русской литературы назвал национальным гимном. Это действительно одна из основных формул русской жизни. Но не единственная.

Есть вечный корректив к этому положению, другая вечная формула — Пушкин. В русской жизни он — постоянный центр, вечное разрешение и искомое *третье*. Поверим же в спасительность пушкинского понимания, пушкинского знания, пушкинского чутья русской жизни сейчас, когда вновь с такой силой обнажились для России ее непредсказуемые начала, ее главные формулы, ее страшный крестный путь.

Давно сказано и много раз повторено: «Пушкин — наше всё». В самом деле: по мере нашего общего движения, подчас обогащающего, иногда обедненного, но никогда не остановимого, снова и снова убеждаешься, что Пушкин в своей неисчерпанности с нами всегда и во всем.

Многие годы религиозная жизнь страны была скрыта или полуоткрыта. Сейчас она восстанавливается: трудно, но неизбежно. И мы видим, как и здесь Пушкин служит такому восстановлению. А это восстановление, в свою очередь, позволяет и учит в новом сильном свете увидеть, что Пушкин действительно — *наше всё*.

Н. Н. Скотов

Мир Пушкина в свете православия

Н. И. Грановская

НЕБЕСНЫЙ ПОКРОВИТЕЛЬ РОДА ПУШКИНЫХ

Предки А. С. Пушкина служили новгородскому князю Александру Ярославичу и его сыновьям и внукам, великим московским князьям. В их родословной говорится: «Во дни княжения Святого и Благоверного Великого князя Александра Невского из Семиградской земли выехал знатной славенской фамилии Муж честен Радша. Произшедший от сего Радши Григорий Александрович имел прозвище Пушка, и от него пошли Пушкины. От сего же Радши произошли Мусины-Пушкины, Бутурлины, Кологривовы, Нехлюдовы, Полуектовы и иные знатные фамилии... Потомки сего рода Пушкины многие Российскому престолу служили боярами, наместниками, посланниками, стольниками, воеводами, окольными и в иных знатных чинах и жалованы были от Государей... поместьями и разными почестями и знаками монарших милостей». У Государев Родословец, составленный при Иване Грозном в 50-х годах XVI в., Бархатная книга и другие источники называют Радшу соратником Александра Невского. На самом же деле им был его правнук Гаврила Алексич, боярин Александра Невского и старший дружинник князя.

Следуя семейным преданиям, и Пушкин писал в начатой им автобиографии: «Мы ведем свой род от прусского выходца *Радши* или *Рачи* (*мужа честна*, говорит летописец, т. е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского» (VIII, 56).²

В стихотворении «Моя родословная» Пушкин закрепил это нарушение хронологии:

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил.

(III, 197)

¹ Долгоруков П. В. Российская родословная книга. СПб., 1856. Ч. III; СПб., 1857. Ч. IV.

² Все цитаты из произведений и писем Пушкина в тексте и в примечаниях к статьям сборника приводятся (кроме особо оговоренных случаев) по изданию: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.*: В 10-ти тт. Л.: Наука, 1977—1979. Все указания и справки в тексте даются в виде двух цифр: римской обозначается том, арабской — страница (или страницы). При написании некоторых слов издательство сочло возможным вернуться к старой орфографии.

Исторические данные говорят, что на землях, освобожденных новгородским князем Александром Ярославичем после знаменитой Невской битвы в 1240 г., на берегах Невы и Охты жили потомки одного из главных героев этой битвы — Гаврилы Алексича.

Что касается самого Радши, он был реальной личностью, в наше время генеалоги и историки это установили. Киевская летопись свидетельствует о некоем Радше, жившем в Киеве за 100 лет до Александра Невского и служившем великому киевскому князю Всеволоду II Ольговичу. Его потомки связали свою судьбу с Новгородом Великим. С. Б. Веселовский писал: «Род Радши, от которого вышел А. С. Пушкин, по исторической значимости происшедших от него фамилий, принадлежит к древнейшим русским родам».³ Фамильный герб Пушкиных, изученный известным исследователем русской геральдики историком В. К. Лукомским, подтверждает, что Радшичи, потомки Радши, служили Александру Невскому. Основные эмблемы герба, одноглавый орел и рука с поднятым вверх мечом, — древний славянский геральдический символ, территориальный герб бывшего королевства Славония, а княжеская шапка — свидетельство службы представителей этого рода князю. Герб потомков Радши — Якуны, Алексы, Гаврилы Алексича — был занесен в «Общий гербовник дворянских родов».

А. С. Пушкин живо интересовался историей своих предков, дорожил доставшейся ему, как старшему в роду, после смерти дяди Василия Львовича печатью, на которой можно видеть основные эмблемы герба рода Пушкиных.

Потомки соратника Святого Александра Невского Пушкины всегда помнили об этом родстве и гордились им, отличаясь достоинством, независимостью и благочестием. Предки поэта строили храмы в своих селах, делали вклады в монастыри и церкви, а в конце жизни некоторые, по примеру великого князя Александра Невского, принимали постриг. Например, Гаврила Григорьевич Пушкин, выведенный А. С. Пушкиным в трагедии «Борис Годунов», умер в 1638 г., а незадолго до смерти постригся под именем Герасима. Известно также, что в принадлежавшем ему подмосковном селе Виноградове он построил церковь, которая сохранилась и поныне!⁴

В двадцатом колене А. С. Пушкин являлся прямым потомком Радши, а по материнской линии через родную бабушку Марию Алексеевну Ганибал, в девичестве тоже Пушкину, через ее мать, урожденную Ржевскую, был в тридцать третьем колене потомком Рюрика и первых киевских князей: Игоря, Святослава, Владимира Святого, Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха. Так, по новейшим изысканиям исследователя А. А. Черкашина, Пушкин был потомком некоторых Святых русской православной Церкви, и в том числе по женской линии в двадцать первом колене — Святого благоверного князя Александра Невского!⁵

В неразрывной связи с Россией Пушкин видел историю своих предков. Его «Отрывки из писем, мыслей и замечаний» содержат ряд рассуждений на эту тему: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие» (VII, 41). В 1830 г. в черновом наброске о русской литературе он пишет: «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости» (VII, 155).

³ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых земледельцев. М., 1969. С. 39.

⁴ Холмогоров В., Холмогоров Е. Исторические материалы о церквях и селах XVI—XVIII столетий. Вып. III. М., 1884.

⁵ Черкашин А. А. Прямые предки и потомки А. С. Пушкина // Слово. 1989. № 6. С. 2—19.

Пушкин говорил о насущной необходимости знать свою историю, о том, что «не заботясь ни о славе, ни о бедствиях Отечества нельзя считать себя патриотами». Незадолго до гибели, 19 октября 1836 г., он писал П. Я. Чаадаеву: «...клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал» (X, 689). Интерес Пушкина к собственной родословной вызывали яркие фигуры его предков. Через них, участников государственной и духовной жизни России, поэт ощущал свою причастность к ней, ответственность перед ней. Он был не только Пушкиным, но так же, как и они, древнерусской родовой личностью.

Могучих предков правнук бедный,
Люблю встречать их имена
В двух-трех строках Карамзина.

(IV, 247)

«Корень дворянства моего теряется в отдаленной древности, имена предков моих на всех страницах истории нашей» (VI, 380).

Представители рода Пушкиных подали в Разрядный приказ свои родословные росписи еще в конце XVII в. А в 1797 г. Павел I велел начать составление «Общего гербовника дворянских родов Российской Империи» для учета русских родовых гербов. Чтобы войти в «Гербовник», каждая дворянская семья должна была представить в Гербовую контору соответствующие сведения о древности рода и изображение фамильного герба. Для этого собирались и подготавливались семейные бумаги. Сведения о роде Пушкиных были также поданы в Гербовую контору. Видимо, их готовила бабушка поэта Ольга Васильевна Пушкина, урожденная Чичерина, при участии старшего сына Василия Львовича. Знаменательно, что это было в 1799 г., вскоре после рождения Александра Сергеевича. Среди документов были представлены фамильный герб и описание истории рода.⁶

Естественно предположить, что имя Александр (*греч.* — защитник людей) давалось в роду Пушкиных в честь их покровителя Святого благоверного князя. Долгое время исследователи и биографы А. С. Пушкина не интересовались, именем какого Святого был наречен поэт при крещении. Неизвестны были также и место его рождения, и точная дата. Между прочим, московский адрес, где родился поэт, до сих пор выясняется.⁷ Поиски места рождения ведутся около двух столетий. Одно время считали даже, что он родился не в Москве, а в Петербурге. Но в 1879 г. была найдена церковная запись о рождении и крещении поэта. Из нее-то и стало известно, что отец поэта Сергей Львович с семьей в год рождения сына квартировал у некоего Скворцова. Последний владел «большим двором в приходе церкви Богоявления, что в Елохове». (Дело, правда, осложняется тем, что Скворцов в том же приходе владел не только этим двором).

Читателей июньской книжки журнала «Русская старина» за 1879 г. автор заметки, подписавшийся инициалами К. П. П., извещал: «Студент Московской Духовной семинарии Сергей Федорович Цветков сообщил, что в московской Богоявленской, что в Елохове, церкви за 1799 год имеется следующая запись: „Мая 27го. Во дворе коллежского регистратора Ивана Васильевича Скворцова у жильца его майора Сергея Львовича Пушкина

⁶ Бартнев П. И. Род и детство А. С. Пушкина // Отечественные записки. 1858. № 11.

⁷ Романюк С. К. Пушкины в Москве в конце XVIII — начале XIX века // Временник Пушкинской комиссии: 1979. Л., 1982.

родился сын Александр (подчеркнуто) крещен июня 8ого дня, восприемник — граф Артемий Иванович Воронцов, кума — мать означенного Сергея Пушкина вдова Ольга Васильевна Пушкина»». Итак, крестили раба Божия Александра в среду, 8 июня 1799 г. Церковь Богоявления, построенная в 1731 г. и позднее перестроенная, ныне — кафедральный собор в Москве. Предполагают, что требу исполнил священник Федор Иванов. Благодаря найденной метрической записи стали известны имена тех, кто крестил младенца. Крестной матерью оказалась бабушка Ольга Васильевна. Ей, по всей вероятности, и принадлежало приоритетное решение, какое имя дать продолжателю рода. Считали, что Александром он был назван в честь двух своих родственников Пушкиных: прадеда с отцовской стороны Александра Петровича и двоюродного брата матери Александра Юрьевича.

Но кто же был избран в Небесные покровители новокрещенного? Церковь поминает в году около пятидесяти Святых этого имени. Имена давались в память ближайшего после дня рождения Святого, а также, и прежде всего, в честь особо почитаемых в роду Святых. Священник обычно шел навстречу родным и крестным младенца. Например, император Александр Павлович родился 12 декабря, но был крещен в честь Александра Невского, хотя ближайший день памяти Святого благоверного князя — 23 ноября. Новорожденный будущий великий поэт, несомненно, был назван бабушкой во имя столь почитаемого Пушкиными Александра Невского. Таким образом, император Александр и Пушкин были тезоимениты одному Святому.

В творчестве Пушкина не однажды упомянуто имя Александра Невского. Такой интерес его к покровителю закономерен. Более того, поэт удивлялся людям, не имеющим «никакого понятия о житии того св. угодника, чье имя носят от купели до могилы и чью память празднуют ежегодно» (VII, 326). Это было сказано по поводу вышедшего в свет в 1836 г. «Словаря о Святых».

Метрическая запись о рождении Пушкина помечена 27 мая 1799 г. Но сам поэт и его родные считали днем рождения Александра Сергеевича 26 мая. Публикация в «Русской старине» объясняет это разночтение тем, что Пушкин родился в самый праздник Вознесения, но первая молитва дана была утром 27 мая, а также тем, что Церковь считала день от восхода до заката, и рожденные во второй половине дня могли быть записаны в церковной метрической книге на следующий день. Не имея возможности комментировать данное утверждение, отметим только, что это разночтение было исправлено в 1811 г. в копии метрической записи, полученной в церкви Богоявления, которую представил С. Л. Пушкин при определении сына в Лицей. В этом свидетельстве сказано, что поэт родился «Маия 26 дня 1799 года, в четверг». День этот в 1799 г. совпадал с праздником Вознесения Господня, особенно почитавшимся в роду Пушкиных: это был храмовый праздник предков поэта, москвичей, некогда живших «у Вознесения в Варсонофьевском переулке».⁸

В большой церковный праздник в древней столице России родился будущий великий русский поэт, «солнце русской поэзии», слава и гордость России, и был наречен во имя одного из самых почитаемых на Руси Святых. Когда А. С. Пушкина не стало, князь В. Ф. Одоевский начал свой некролог словами, потрясшими русское общество: «Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!.. Всякое русское сердце знает всю цену этой невозвра-

⁸ Виноградова Л. А. Детские годы А. С. Пушкина у Харитонья в Огородниках // А. С. Пушкин в Москве. М., 1930.

тимой потери и всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин! наш поэт! наша радость, наша народная слава!..».

В 1263 г., когда умер великий князь Александр Ярославич Невский, навечно оставшийся в памяти народной и позднее причисленный к лику Святых, митрополит Киевский Кирилл обратился к народу: «Дети мои милые! Знайте, что зашло солнце земли Русской».⁹ Эти слова митрополита, как и само житие Святого благоверного князя, где они приводятся, были, конечно, широко известны нашим соотечественникам в прошлом веке и тем более знакомы князю В. Ф. Одоевскому — писателю, мыслителю и знатоку светской и церковной истории. Словно соединяя великого поэта с его Небесным покровителем, князь употребил тот же образ зашедшего над землей солнца как выражение невозвратимой утраты и великой народной скорби.

---

⁹ Памятники литературы Древней Руси. М., 1981.

Э. С. Лебедева

«СВЯТОМУ НЕВСКОМУ СЛУЖИЛ» (к вопросу об обстоятельствах крещения и о Небесном покровителе А. С. Пушкина)

Весь 1990 год община верующих пыталась получить освобожденную от последнего арендатора церковь Спаса Нерукотворного Образа на Конюшенной площади в Санкт-Петербурге. Впускали туда, в виде исключения, только в памятные пушкинские дни, и число этих дней увеличилось на один, когда в канун Александрова дня, 11 сентября, благословением Его Высокопреосвященства Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, служили акафист Святому благоверному князю Александру Невскому и панихиду по А. С. Пушкину. В ответ на это 22 сентября в партийной газете «Ленинградская правда» появилась статья «Пушкинские именины» об отслуженной якобы «по недоразумению» панихиде. Было предложено исправить ошибку: впредь отмечать день именин поэта 9 июня по старому стилю, т. е. 22 июня (!). Было сообщено при этом, что сам поэт «так и отмечал свои именины».

9/22 июня Церковь прославляет Святого Александра Куштского, который и был объявлен Небесным покровителем великого поэта. Однако вскоре автор указанной статьи, известный пушкинист В. П. Старк, от куштского пустынножителя отказался в пользу другого Святого. Исследователь обратил внимание на письмо, которое В. А. Жуковский отправил А. С. Пушкину в Михайловское: «Прости, чертик, будь ангелом. Завтра же твой Ангел. Твои звали меня к себе, но я быть у них не могу: пошлю только полномочие выпить за меня заздравный кубок и за меня провозгласить: быть Сверчку Орлом и долететь ему до солнца».¹ Документ этот давно опубликован и не однажды цитирован, под ним проставлена дата: 1 июня. Значит, речь идет о 2 июня.

---

¹ Жуковский В. А. Сочинения: В 3-х тт. М., 1980. Т. 3. С. 447.

Как установил В. П. Старк по месяцесловам прошлого века, это был день почитания Святого Александра, архиепископа Константиноградского.² Следовательно, прав был П. И. Бартенев, единственный из биографов, кто интересовался именинами Александра Сергеевича: «Родившийся 26 мая, Пушкин по общему и до сих пор не совсем оставленному обычаю считался именинником в ближайший ко дню рождения день того Святого, именем которого он назван: 2 июня память Александра Константинопольского».

Можно было бы на этом остановиться и поставить точку, но в 1992 г. православная Церковь признала Небесным покровителем Александра Сергеевича Пушкина Святого благоверного князя Александра Невского, и теперь в его день, 12 сентября (30 августа по ст. ст.³), в Елоховском Богоявленском соборе, ныне Патриаршем (где будущий великий поэт был приобщен к православию через Таинство Св. Крещения), ежегодно служат панихиды по приснопамятному рабу Божию Александру.⁴

К большой нашей радости Церковь закрепила мнение, которое было высказано в 1990 г. мною и Н. И. Грановской, известной исследовательницей предков поэта, и которое оспаривалось, как уже было сказано, а потому есть смысл повторить наши аргументы в упорядоченном виде. Они заключаются в истории рода Пушкиных, в обстоятельствах крещения Александра Сергеевича и в живой практике Церкви.

В старину православный человек праздновал именины и тем почитал своего Святого, а день рождения просто отмечал или напрочь забывал (а иногда вместе с ним забывал и год, как это нередко бывало с простолюдными). XIX век дает уже иную картину. Во времена Пушкина многие праздновали и тот и другой день, притом в терминах путались уже тогда.

Любезный именинник,
О Пущин дорогой!
Прибрел к тебе пустынный
С открытою душой, —

поздравляет Пушкин своего школьного товарища Ивана Пущина в день его рождения 4 мая (I, 104) (дата стоит на автографе). Сергей Львович, отец поэта, судя по переписке и мемуарам, праздновал только день рождения. Такой обычай входил тогда в моду и был одним из симптомов отступления от древней народной традиции.

Александр Сергеевич никогда не пропускал дня своего рождения; ежегодно так или иначе его отмечал, следил за тем, что он ему приносит. 26 мая входит в число знаменательных дат, которые он ставил иногда под тем или иным стихотворением. Близкие знали, что поэт придавал особое значение тому факту, что появление его на свет Божий пришлось на день величайшего христианского праздника Вознесения Господня. Таким образом, поэт сам направил своих биографов, и они тщательно отследили дату 26 мая за все 37 лет его жизни.

С именинами дело обстоит по-другому. Этот вопрос мало кого занимал и в прошлом веке. В недавнем переиздании капитального труда М. А. Цявловского «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина» восстановлены некоторые даты церковной жизни. Однако «ежегодного» празднования именин Пушкина вы не найдете, как, впрочем, и не найдете ни одного

² Месяцесловы 2-й половины XIX и XX вв. уже не дают этого указания.

³ Характерно, что в тезисах «Истории Петра» А. С. Пушкин приводит этот день. С 1724 г. 30 августа отмечается перенесение мощей Святого благоверного князя в Петербург из Владимира.

⁴ Мемориальная доска о крещении А. С. Пушкина установлена на Елоховском соборе в том же 1992 г.

прямого свидетельства о том, что он в какой-нибудь день сам их отмечал. Так что поэт нам здесь не помощник...

Есть три косвенных свидетельства — В. А. Жуковского, П. А. Плетнева, А. П. Керн. Последняя вспоминает о том, как она праздновала именины Александра Сергеевича в 1827 г. в «семейном кружке», когда поэт вернулся из ссылки.⁵ Учитывая, что словом «именины» называли часто и день рождения, уточним ситуацию. А. С. Пушкин после ссылки, как известно, зажился в Москве и долго не ехал в Петербург. Среди многих причин одна и, может быть, не последняя, связана с родителями. Отец и сын не могли забыть жесточайшей семейной сцены в Михайловском осенью 1824 г. Общие друзья в течение двух с половиной лет старались их помирить, призывая Александра Сергеевича смягчиться. Сергей Львович сетовал в письме к брату, что сын «скорее выпрыгнул бы через окошко, чем дал бы мне прощение». Как известно, ссора произошла из-за согласия отца сообщать официальным инстанциям о поведении опального сына. Когда осенью 1826 г. поэт был прощен новым императором и призван в Москву, он не спешил оттуда в Петербург. Может быть, и потому, что откладывал встречу с отцом. Протянув с осени до весны, наконец 18 мая 1827 г. он сообщает Льву Сергеевичу: «Завтра еду в Петербург увидаться с дражайшими родителями, compte on dit, и устроить свои денежные дела» (X, 177). В северную столицу поэт прибыл 21 или 22 мая. 23 мая, день рождения Сергея Львовича, — удобный повод для примирения. В календаре дни рождения отца и сына стоят рядом (23 и 26), и иногда их отмечали как общий семейный праздник. Не случилось ли так же и на этот раз? Вряд ли, решившись на перемирие, Александр Сергеевич тянул бы еще 10 дней до 2 июня! Так что приведенный А. П. Керн семейный праздник может быть датирован скорее всего 23 мая 1827 г.

Теперь относительно эпизода 2 июня 1824 г., о котором сообщает Жуковский. Родители, не видя сына уже более 4 лет, пригласили перед своим отъездом из Петербурга близкого ко двору и могущего за него замолвить слово В. А. Жуковского в ближайший Александров день, т. е. 2 июня, имея в виду скорее общий обычай празднования именин, о котором говорит П. И. Бартнев, чем точные сведения о том, какого Святого избрала Ольга Васильевна Пушкина покровителем своего крестника в июне 1799 г.

В старину священники обыкновенно предлагали в первую очередь Святых, «в земле Российской просиявших», и в этом списке особое место занимал Святой благоверный князь Александр Невский. Со стороны О. В. Пушкиной, родной бабки новокрещеного, было бы странным, если бы она не имела в виду того Святого, которого уже полтысячелетия особо почитали бояре Пушкины. Нельзя думать, что они видели в новгородском князе и невском герое только историческую личность, а не причисленного к лику Святых. Поэтические строки «Мой предок Рача мышцей бранной / Святому Невскому служил» как раз подчеркивают всю полноту почитания.

В выборе Святого Церковь учитывала пожелания родных. Автор гипотез о куштском пустынножителе и архиепископе Константинопольском В. П. Старк опирался на древнее правило, состоящее в том, что ребенка крестят во имя Святого, ближайшего после дня его рождения. Древний этот обычай долго сохранялся для тех, кто находился в полном послушании у своего приходского батюшки, — для крепостных крестьян и простого люда, чего нельзя сказать о дворянском сословии или о царствующем

⁵ Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Письма. М., 1989. С. 39, 433.

щем доме, где все Александры были наречены во имя благоверного князя. (Есть мнение, что в XIX в. в Петербурге, где особо чтили Александра Невского, чуть ли не у всех Александров он был Небесным покровителем).

Имя Небесного покровителя не заносилось в церковную метрическую книгу, его знали участники крещения и совершающий таинство священник. А вот имена восприемников от купели записывались. По правилам при крещении младенцев мужского пола главным и обязательным лицом являлся крестный отец. На практике это правило иногда нарушалось, и в крещении Александра Сергеевича участвовала, видимо, только крестная мать, так как записанный крестным отцом граф Артемий Иванович Воронцов, по некоторым данным, находился в это время в отъезде и, значит, был записан заочно. Между тем родная мать младенца оставалась в уверенности, что крестным записан ее двоюродный брат (и крестник ее матери) Александр Юрьевич Пушкин. Его воспоминания приведены в 1852 г. в «Москвитянин»: «Наш полк был в походе, где я и получил об рождении Александра Сергеевича письмо, что он на память мою назван Александром, а я заочно был восприемником». По правилам родители не присутствовали при совершении Таинства крещения их ребенка. Очевидно, Надежда Осиповна просила свекровь о брате, но Ольга Васильевна поступила по-своему и вписала того, кого считала более полезным в будущем для крестника и внука, а именно богатого дальнего родственника — и своего, и невесткина (ведь Надежда Осиповна с материнской стороны была тоже из рода Пушкиных, и Александр Сергеевич является потомком сразу двух ветвей этого древнего боярского рода). Так что бабушка новокрещеного по-своему проявила житейскую мудрость. Добрых отношений с невесткой свекровь не поддерживала, недовольная женитьбой сына Сергея на внучке «царского арапа», «эфюпке», и в свой просторный московский барский дом молодую семью не пригласила. Они снимали какой-то более чем скромный деревянный флигель в Немецкой слободе, где и родился их второй ребенок, будущий великий поэт. Первенца своего, Ольгу, супруги назвали в честь бабушки, но, видимо, ее это не смягчило. Крещение внука произошло на 14-й, а не на 8-й день, как положено. Возможно, время ушло на переговоры. Глухая стена отчуждения стояла между самыми близкими людьми, и получилось, что Надежда Осиповна не знала, кто записан крестным отцом ее сына... В обстоятельствах крещения его много неразгаданного. Крестная мать вскоре умерла и унесла с собой «тайну» Небесного покровителя и крестного отца великого поэта.

Вернемся к именинной дате 2 июня. Нигде не видно, чтобы она была хорошо известна близким людям поэта и всегда отмечаема им самим. Об этом говорит, в частности, августовское письмо близкого Пушкину и его родным П. А. Плетнева из Петербурга в Михайловское в 1825 г.: «А рgoros (кстати), ты, кажется, завтра именинник. Так что поздравляю тебя и целую». Под этим письмом дата — 29 августа, т. е. речь идет о 30-м, о петербургском дне почитания Святого благоверного князя.

Интересно, что в 1826 г., при восшествии на престол императора Николая Павловича мать поэта обратилась к нему с прошением за опального сына, выбрав именно этот день.⁶ Случайно ли? А может быть, призывала помощь Небесного покровителя?

Подведем итоги. Точных, т. е. документальных, свидетельств по интересушему нас вопросу нет, но есть живое ощущение православной народ-

⁶ Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: 1799–1826. Л., 1991. С. 636–637.

ной традиции. Во имя какого Святого Александра крещен Пушкин, если Церковь вспоминает около полусотни Святых этого имени? Многих знатоков и поклонников великого русского поэта данный вопрос ставит в тупик в первую минуту, и уже в следующую почти все называют Александра Невского, которого не раз в стихах и прозе вспоминал поэт и которого особо почитали на Руси и в роду Пушкиных.

Конечно, если бы А. С. Пушкин по традиции отмечал свои именины ежегодно, то свидетельства об этом наверняка бы до нас дошли и вопросов бы никаких не было. Но до поры до времени для Пушкина — и в этом он человек своей эпохи — невняты были некоторые великие традиции, образы и символы. В 30-е годы поэт как будто очнулся и вспомнил что-то очень важное, о чем запомнил было. В каждом письме, адресованном жене, — тревога о ней и детях и надежда на заступничество Провидения: «Прощай, Христос с вами...», «Целую и благословляю тебя и ребят...» (X, 510), «Обнимаю тебя крепко — детей благословляю — тебя также. Всякий ли ты день молишься, стоя в углу?», «...Целую — благодаря тебя за то, что ты Богу молишься на коленях посреди комнаты. Я мало Богу молюсь и надеюсь, что твоя чистая молитва лучше моих, как для меня, так и для нас» (X, 396).

Именины жены — Натальин день 26 августа — Александр Сергеевич никогда не забывал. В этот день у него было две именинницы — жена и теща, а в 1836 г. появилась третья: младшую дочь окрестили Натальей. «Поздравляю вас со днем 26 августа, — пишет он Наталье Ивановне Гончаровой в Полотняный Завод, — и сердечно благодарю Вас за 27-ое (день рождения Н. Н. Пушкиной. — Э. Л.). Жена моя прелесть, и чем долее я с ней живу, тем более люблю это милое, чистое, доброе создание, которого я ничем не заслужил перед Богом» (X, 398).

Святые наши покровители напоминают о себе, а если мы не почитаем их достойно, то напоминают иногда очень болезненно. На ум приходит один день из жизни Пушкина: 30 августа 1834 г., — праздничный для всех и тяжелый для поэта. В этот день освящали Александровскую колонну в Петербурге. В «Дневнике» А. С. Пушкина читаем: «Выехал из Петербурга за 5 дней до открытия Александровской колонны, чтоб не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами, — своими товарищами» (VIII, 42).

Это был всенародный праздник. В. А. Жуковский в статье «Воспоминание о торжестве 30 августа 1834 года» именно так описал церемонию. Бесчисленные народные толпы окружали площадь: окна, кровли зданий, бульвар перед Адмиралтейством, башня Адмиралтейства — все было усыпано людьми. Военный парад напомнил Жуковскому о днях Бородина, о вступлении русских войск в Париж.⁷ Почему Александр Сергеевич так сосредоточился на камер-юнкерах?

Впрочем, может быть, была и другая причина. Вот взгляд поэта на рукотворные памятники, выраженный в дневниковой записи 28 ноября 1834 г.: «Церковь, а при ней школа, полезнее колонны с орлом и с длинной надписью, которую безграмотный мужик наш долго еще не разберет» (VIII, 42).

Пушкин глубоко чувствовал сопоставимость Поэта и Царя в русской исторической традиции. Одно и то же имя — Александр — особенно настраивало на этот лад. Сравнение переходило в противопоставление, поэт полемизировал с монархом, иногда мысленно менялся с ним местами.

⁷ См.: *Иезутова Р. В.* Жуковский в Петербурге. Л., 1976. С. 256.

Вспомним «Воображаемый разговор...»: «Когда б я был царь, то позвал бы Александра Пушкина и сказал ему...» (VIII, 51). Старший сын Александра Сергеевича и Натальи Николаевны был назван именем отца, и таким образом будущее сулило неприятный для поэта повтор: «Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфиородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил. Не дай Бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями!» (X, 370).

Заканчивая тему о Небесном покровителе Пушкина, хочется отметить таинственный смысл еще одного совпадения: именно в 1990 г., названном годом Александра Невского, совершились первые после долгого перерыва многолюдные церковные панихиды по А. С. Пушкину и началось возвращение великого русского поэта в мир православной культуры.

Е. Н. Иванова

КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ А. С. ПУШКИНА

Противоречивость сведений о Пушкине, именах, с ним связанных, датах и прочее — со временем не исчезает, и пушкинская фраза «гений — парадоксов друг» может быть применена как к его творчеству, так и к его биографии. Достаточно вспомнить споры о дне именин, о детском портрете, о месте рождения поэта. В 1822 г. (Пушкин был тогда в Кишиневе) Николай Греч в редакторском предисловии к публикации пушкинских стихотворений указывал на Петербург как место рождения поэта.¹ Двадцать различных предположений было выдвинуто впоследствии по поводу дома, где произошло событие 26 мая 1799 г. Анализ девяти гипотез сделан Л. Виноградовым в обстоятельном докладе Пушкинской комиссии (1927 г.). Одна из них указывала на флигель дома Скворцова на Немецкой улице в Москве.² Позже был назван другой адрес: угол Малой Почтовой и Госпитального переулка (С. Романюк, 1980 г.). П. Анненков помещал дом Пушкиных близ Арбата на Молчановке, которая называлась так по имени богатого владельца. В 1807 г. Молчановы породнились с Пушкиными: А. Ю. Пушкин женился на А. И. Молчановой.

Существуют разночтения в дате рождения поэта. В церковную книгу при крещении Александра было занесено его имя, рождение помечено 27-м мая. Позже, в 1811 г., выдавая свидетельство для Лицея, священник Никита Иоаннов ставит дату 26 мая. В «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» читаем: «Май, 26, четверг, церковный праздник Вознесение. Москва. Рождение Пушкина...».³

Семья Пушкиных незадолго до рождения сына переехала в Москву из Петербурга. Родители сняли жилье в приходе Елоховской церкви, на Немецкой улице. Немецкая слобода была восточной окраиной Москвы, с

¹ См.: Памятники Отечества. М., 1980. № 1.

² Имя сослуживца С. Л. Пушкина И. В. Скворцова в документах XVIII—XIX вв. упоминается в сочетании с разными адресами.

³ Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: 1799—1826. Л., 1991. С. 18.

середины XVIII в. там селились католики, лютеране, приезжие иностранцы. С петровских времен это была привилегированная часть города. Удаленная от старого центра, она представляла «род Сен-Жерменского предместья» (Бутурлин).⁴ Елоховская слобода (как она называлась в Духовной грамоте Дмитрия Донского) оставила по себе память церковью Богоявления (стоящей на прежнем месте с XVIII столетия после того, как была отстроена после пожара 1748 г.). После пожара Москвы 1812 г. (тогда сгорел и дом, где родился Пушкин) церковь отстроена еще раз (1837—1845 гг., архитектор Е. Д. Тюрин). От старой постройки ныне остался нижний ярус колокольни и трапезная с приделами. В одном из них и крестили раба Божия Александра Пушкина.⁵ Запись в метрической книге (хранится в ЦГИАЛ, ф. 1452) гласит: «Во дворе коллежского регистратора Ивана Васильевича Скворцова у жильца его майора Сергея Львовича Пушкина родился сын Александр (подчеркнуто) крещен июня 8ого дня, восприемник — граф Артемий Иванович Воронцов, кума — мать означенного Сергея Пушкина вдова Ольга Васильевна Пушкина».

Об обряде крещения в «Стоглаве» читаем: «...детей крестили в церквах по уставу и по преданию Святых Апостол и Святых Отец...».⁶ Из Таинства крещения: «...и посем мажет его великим миром и облачает его во вся новое, прежде вдав его на руки преемнику...». Кто же был тем человеком, что взял на руки новокрещеного? Это была его родная бабушка О. В. Пушкина, урожденная Чичерина (вторая жена деда Л. А. Пушкина), записанная кумой в метрической книге.⁷ Но почему не крестный? Исследователи считают, что его не было в Москве в этот момент, и он был записан заочно.⁸ Хотя могут быть и по этому поводу сомнения.

Крестные были теми людьми, которые должны были заботиться о цельности личности младенца, затем отрока. «Появившемуся на свет существу для созидания человеческой цельности (целомудрия) дается мать, отец, крестные, кормилица, няня, духовный отец. Целомудрие должно быть заложено в детстве, тогда оно ведет к благу. (Главное очертить границы НЕдолжного)».⁹ Принимая из рук священника младенца, восприемник брал на себя опеку над ребенком. Конечно, очень важно было правильно избрать круг близких людей. Говоря об этой традиции, вспомним, что крестным отцом у старшей сестры поэта, Ольги, был Иван Абрамович Ганнибал, а у его отца Абрама Петровича — император Петр Великий.

Как складывались отношения крестника Александра с крестным отцом — неизвестно, хотя последний не был человеком безвестным и незаметным.

⁴ Русский архив. 1897. Т. 1.

⁵ *Волович Н.* Пушкинские места Москвы. М., 1979.

⁶ Домострой. М., 1991. С. 182.

⁷ О. В. Пушкина умерла в 1802 г., не оставив воспоминаний о крещении внука. Похоронена на кладбище Донского монастыря, где ранее, в 1790 г., был погребен ее муж Л. А. Пушкин.

⁸ Первым кандидатом в крестные отцы был А. Ю. Пушкин, двоюродный брат Надежды Осиповны. Он оставил воспоминания для биографии А. С. Пушкина («Москвитянин». 1852. № 24), где писал, что, находясь в походе, получил от сестры письмо с сообщением (8 июля 1799 г.) о рождении у Сергея Львовича и Надежды Осиповны сына, названного «на память его» Александром. (Надо сказать, что имя Александр носил и прадед Александра Сергеевича по отцовской линии (см. родословную роспись). А. П. Пушкин был женат на Евдокии Головиной (дочери приближенного Петра Великого), получил в наследство село Болдино по завещанию). В коллекции Всероссийского музея А. С. Пушкина есть собрание портретов семейства Александра Юрьевича Пушкина. Во-первых, это три портрета его самого: в детстве, в пору женитьбы на А. И. Молчановой и в пору вдовства; во-вторых, есть и портреты А. И. Молчановой и их сына Николая. Все портреты получены от другого их сына — Льва Александровича, потомки которого и сейчас живут в Петербурге.

⁹ *Соловьев В.* Собр. соч.: В 12-ти тт. Брюссель, 1966. Т. 8. С. 411.

Граф Артемий Иванович (1748—1813) — двоюродный брат Александра Романовича и Екатерины Романовны Воронцовых-Дашковых, камергер, сенатор, дружен был с В. В. Капнистом, Н. А. Львовым, П. Я. Вельяминовым. Переводил с французского, латыни. С. Л. Пушкин, служивший в Петербурге в Измайловском полку (там же и живший, по обыкновению того времени), был близок Воронцовым даже территориально, один из домов графа находился на Фонтанке, рядом с домом Державина.¹⁰

Уже тогда могли возникнуть контакты, упрочившиеся с женьбой Сергея Львовича на Надежде Осиповне Ганнибал: жена графа Артемия Ивановича Прасковья Федоровна¹¹ приходилась двоюродной сестрой Марии Алексеевны Ганнибал.

А. И. Воронцов — внук Артемия Петровича Волынского, казненного в 1740 г., старший сын его единственной дочери (она же была троюродной сестрой царицы Елизаветы Петровны) и Ивана Илларионовича Воронцова. Артемием был назван в честь своего несчастного деда. В наследство с именем страдальца получил и богатство. Барин-хлебосол, вельможа с фантазиями, под Тамбовом в поместье Воронцовка затеял строительство церкви — миниатюры петербургского Казанского собора. Среди уникальной его коллекции находились скульптурные изображения его самого и супруги его Прасковьи Федоровны.¹² Стоит ли удивляться, что его портреты писали выдающиеся художники того времени: Ф. Рокотов (Государственная Третьяковская галерея), Д. Левицкий (Государственный Русский музей). В Третьяковской галерее хранится еще один редкий портрет Артемия в группе детей (братьев и сестер), написанный иностранным художником К.-Т. Преннером (1755 г. — ?) (см. Каталог 1984 г.). Зал Левицкого украшает собрание воронцовских портретов: графа Артемия Ивановича (конец 1780-х годов), графини Прасковьи Федоровны и четыре детских портрета дочерей — Анны (в замужестве Бутурлиной), Екатерины, Марии и Прасковьи (см. Каталог 1980 г.). В коллекции Всероссийского музея А. С. Пушкина сохранилось еще одно изображение человека, которому судьба определила стать крестным отцом А. С. Пушкина.

Последние годы жизни Артемия Ивановича Воронцова прошли при сложных обстоятельствах: он стал значительно беднее, чем прежде. К началу этого периода и относится вышеупомянутый портрет. Он поступил с юбилейной выставки 1937 г. (из собрания Государственного Исторического музея: через музейный фонд пришел из какого-то воронцовского поместья; майоратное поместье уже в 1800 г. было продано Ф. В. Ростопчину). Путешествие портрета могло быть самым фантастичным. Он необычен уже тем, что в отличие от известных, писанных знаменитыми художниками, это — домашний портрет. Здесь Артемий Иванович сидит в кресле перед горящим камином с книгой в руках; справа — консоль с вазой, столик со звонком и перьями. Возможно, художник писал Воронцова в кабинете его любимой Воронцовки (Тамбовской губернии). Кстати, соседом Артемия Ивановича Воронцова по губернии был прадед А. С. Пушкина Алексей Федорович Пушкин («Тамбовский воевода»). Бодрый и крепкий, статный

---

¹⁰ Родственные связи Пушкиных с Воронцовыми существовали давно. Брат родной бабушки А. С. Пушкина Марии Алексеевны — Михаил — был женат на родственнице Александра Романовича Воронцова (Анне Андреевне Мишуковой). Их сына, Алексея Михайловича, кстати, вскормила Арина Родионовна. Алексей Михайлович умер в 1821 г. в звании профессора Царско-сельского лицея.

¹¹ Умерла в 1797 г. Похоронена в семейной усыпальнице Александро-Невской лавры на Лазаревском кладбище (Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 1).

¹² Русский архив. 1897. Т. 2.

и деятельный А. И. Воронцов занемог простудой от неумеренного употребления ледяной воды в жаркие дни и умер в своем калужском имении в 1813 г.; похоронили его в г. Боровске. Его могила еще до революции оказалась уничтоженной,¹³ а сочинения его в некоторых исследованиях приписывались А. Р. Воронцову.¹⁴

Такова судьба человека, чье имя соединилось с именем великого поэта в самом начале его земного пути.

¹³ Телтова Н. Забытые родственные связи А. С. Пушкина. Л., 1981.

¹⁴ Словарь русских писателей XVIII в.: Вып. 1. Л., 1988.

Архимандрит Августин (Никитин)

ПОЧИТАНИЕ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В ПЕТЕРБУРГЕ

«Святой Благоверный великий княже Александре, моли Бога о нас!» — это церковное песнопение многократно раздавалось под сводами Свято-Троицкого собора Александро-Невской лавры 12 сентября 1989 г., куда пришли тысячи верующих, чтобы почтить память Небесного покровителя города на Неве.

Князь Александр наименован Невским после разгрома иноземных войск, вторгшихся в новгородские земли. Сын великого князя Ярослава Всеволодовича Александр свои юные годы провел в Новгороде, куда в 1228 г. его посадил княжить отец. Когда в 1237 г. папа Григорий I организовал крестовый поход для покорения русских земель, князь Александр со своей дружиной выступил на защиту православного Отечества и 15 июля 1240 г. в сражении на Неве, в устье реки Ижоры, разбил ополчение крестоносцев во главе со шведским воеводой Биргером. Об этом событии напомнил в своем слове митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей, возглавивший празднование памяти Святого князя.

Память благоверного князя Александра благоговейно почитается и в соседней Эстонии. Кафедральный православный собор в Таллине носит его имя, и это не случайно. 5 апреля 1242 г. Александр возглавил русские войска в битве с меченосцами на Чудском озере, получившей название Ледового побоища. Иноземное войско было разгромлено; на долгие годы были укреплены западные рубежи русских земель.

Иную стратегию пришлось избрать князю на Востоке. Став в 1252 г. великим князем Владимирским, он вынужден был иметь дело с гораздо более сильным врагом — татаро-монголами. Четыре раза он ездил в Орду и благодаря гибкой политике сохранил от разорения восточные русские пределы. 14 ноября 1263 г., возвращаясь с очередных переговоров, он занемог и скончался в Городце Волжском. В его лице земля Русская лишилась великого подвижника за веру и Отечество, который, по словам летописца, «много потрудился за землю Русскую, за Новгород и за Псков, за все великое княжение, отдавая жизнь свою и за православную веру». Князь был погребен во Владимире, «и положено бысть честное Святого тело в монастыре Рождества Пречистыя Богородицы». Русская Православная Церковь, выразительница народной воли, причислила его к лику Святых, а в 1380 г. были обретены его мощи.

Память о святом князе прошла через века, и когда Петр I основал на берегах Невы новую столицу, он распорядился заложить монастырь во имя Александра Невского. В 1723 г., посетив обитель, русский император приказал: «Обретающиеся во Владимирском Рождествене монастыре мощи Святого благоверного великого князя Александра Невского пренести в тот Александро-Невский монастырь».¹

Чтение царского указа, напечатанного на пожелтевших от времени страницах, вызывает сегодня особый интерес. В нем содержатся подробные предписания о том, как доставить в Петербург святыню: «Для пренесения оных мощей, во-первых, устроить удобный ковчег, который бы раку Святого с мощьми свободно вместить мог и имел бы над оною ракою приличный балдахин, и нести оный ковчег и над ним балдахин людьми, с переменою, чего ради во всех городах и селах и деревнях брать как из посадских, так и из ямщиков и из крестьян, чьего бы оные ведения ни были, по скольку человек надлежит, и при том пренесении быти окольниковому Михаилу Васильевичу Собакину, да того Рождественного монастыря архимандриту, да для провожания тех мощей и караулу и посылков велено дать из московского гарнизона обер-офицера с унтер-офицером и с двадцатью человек драгун; и тем, как духовным, так и светским, от Владимира до Санкт-Петербурга дать ямские подводы из Ямского Приказа, а прогонные деньги из Штатс-Конторы».

В Петровском указе предусматривались всевозможные меры предосторожности при перенесении мощей. Для сопровождения выделялась надлежащая охрана — духовная и светская. «Нести оные мощи путем умеренно, со усмотрением мест, дабы в удобных никакого свыше потребности медления, а в неудобных вредительной скорости не употреблялося; при оных мощах как окольниковому, так архимандриту и обер-офицеру и драгунам всегда быть безотлучно и смотреть, чтоб ни от кого никаких при том сквернословий и непотребных действий отнюдь не происходило и в непреминуемых нужных местах оной ковчег с мощами как от мокроты, так и от прочих случайных вредительств был сохранен».

Были учтены даже такие вероятные опасности, как пожары, и об этом также говорилось в указе: «Для лучшей, а паче от случайных пожаров безопасности нигде в лежащих при пути городах и селах со оными мощьми не останавливаться, а иметь, во время потребности, станы в полевых местах и содержать оные в шатре, который для того дать в Москве из Шатерной Палаты».

При перенесении мощей благоверного князя предписывалось оказывать им подобающее поклонение, для чего необходимо было заранее оповещать жителей сел и городов, через которые проходил путь следования: «Когда, к которому городу или селу приближаться оные (мощи) имеют, тогда окольниковому посылать в городы к воеводам и прочим гражданским командирам и в села к светским обывателям, дабы ими при своих местах оныя мощи предустретены и чрез те места препровождены были, со обычайною честью».

Издав указ 4 июня 1723 г., Петр I распорядился доставить чтимые мощи в Петербург без излишней задержки и, «как все оное к пренесению потребное определено и приуготовлено будет, тогда то пренесение без всякого умедления действием производить». Русский император желал скорейшего перенесения мощей и в том же указе наметил дату прибытия

---

¹ Указ № 4241 от 4 июня 1723 г. «О перенесении мощей Святого Александра Невского из Владимира в Невский монастырь» // Полное собрание законов Российской Империи: Т. VII. СПб., 1830. С. 75.

бесценной реликвии в северную столицу: «В пути иметь такое поспешение, чтоб могли с теми святыми мощьми к Санкт-Петербургу прибыть приближающегося августа к 20-му, а по всеконечной мере к 25-му числу неотложно». Предполагалось торжественно внести святые мощи в Александро-Невский монастырь 30 августа, в память заключенного в этот день Ништадтского мира со Швецией.

Для встречи мощей святого князя был разработан особый ритуал. В указе предписывалось заранее известить императора об их прибытии в окрестности столицы: «Как приближаться будут к Санкт-Петербургу, тогда прислать наперед с рапортом нарочного курьера и, остановясь в Вологодской ямской слободе, ожидать повелительного о прибытии определения». Но при осуществлении этого плана возникали вполне объяснимые задержки, и последовал новый указ, согласно которому повелевалось с шествием не спешить и по прибытии в Шлиссельбург поставить святыню в тамошней Благовещенской церкви, что и было исполнено 1 октября 1723 г. Там мощи находились до августа следующего 1724 г.²

Содержание Петровского указа настолько подробно детализировано, что можно ясно представить процесс перенесения святыни из Владимира на невские берега. Что касается торжественной встречи мощей в Петербурге, то сохранилось свидетельство одного из очевидцев этого события — члена дипломатической миссии Берхгольца, камер-юнкера при герцоге Голштинском Карле Фридрихе, который был в Петербурге в 1724 г. в свите герцога и присутствовал при этом знаменательном событии.

Для встречи мощей у Александро-Невского монастыря корабельная флотилия должна была подняться из дельты Невы, где был основан Санкт-Петербург, вверх по течению, следуя крутому изгибу реки. Как отмечал немецкий посланник в своем дневнике от 12 сентября (30 августа по ст. ст.), «в воскресенье, в 5 часов утра, три пушечных выстрела подали всем буерам, торншхоутам и другим маленьким судам сигнал для отплытия к Александро-Невскому монастырю, а часов в 10 раздался точно такой же сигнал для всех барок, шлюпок и вереек».³

В составе флотилии, бросившей якорь у монастыря, было много судов, и на одном из них — старом маленьком боте, родоначальнике всего русского флота, развевался государственный флаг. «Когда все суда выстроились в ряды, а именно около часа пополудни, показался гроб с мощами Святого Александра, — повествует немецкий автор. — Его везли на небольшой адмиральской галере, на которой спереди помещались три большие пушки. Он стоял под большим балдахинном, и за ним следовала императорская яхта, называемая „Принцессой Елизаветой“. Как скоро эта адмиральская галера стала подходить ближе, ей начали салютовать — сперва знаменитый ботик, стоявший на якоре впереди всех, из маленьких пушек, а потом и вся флотилия. „Принцесса Елизавета“ отвечала из своих пушек».

На этой торжественной церемонии присутствовал Петр I со своими приближенными, члены императорской фамилии, а также почетные гости. Император заранее прибыл на галере к устью Ижоры — месту, где Александр Невский в 1240 г. одержал победу над врагами. Благоговейно сняв ковчег с мощами с яхты и поставив его на галеру, Петр повелел вельможам взяться за весла, а сам управлял рулем. Во время плавания раздавалась непрерывная пушечная пальба. «Император, князь Меншиков и многие другие знатные русские господа выехали навстречу мощам, а затем Его Величество и бывшие с ним возвратились на галеру, на которой в честь

² См.: Лавры, монастыри и храмы на Св. Руси: С.-Петербургская епархия. СПб., 1908. С. 9.

³ Дневник камер-юнкера Берхгольца. М., 1863. Ч. IV. С. 83.

Святого развевался императорский флаг и с веслами сидели все гвардейские гренадеры», — так описывает эту часть церемонии Берхгольц.

Далее немецкий автор подробно приводит церемонию перенесения мощей с корабля на берег: «Когда адмиральская галера причалила к нарочно устроенной пристани и гроб перенесли на берег, со всех судов два раза выпалено было из пушек. После этого офицеры с церемонией понесли гроб в монастырь. Гроб этот, серебряный, вызолоченный, несен был под большим бархатным балдахинном, на котором стояло серебряное распятие. Все духовенство, в богатыших облачениях, встретило его у моста. Оно шло потом впереди и позади гроба. Император находился между шедшими впереди певчими, а прочие русские господа шли кто впереди, кто позади. Во время этой процессии звонили во все колокола и не было видно ничего, кроме необъятного множества зрителей, которые крестились и кланялись».

Святыя мощи были внесены в церковь, и в тот же день состоялось ее освящение во имя Святого Александра Невского. Тогда же было решено праздновать торжество перенесения мощей ежегодно 30 августа (12 сентября). Вот как рассказывает об этом немецкий посланник: «Освященная только в этот день утром часовня нового монастыря, где должны были оставаться мощи Святого до окончательного устройства главной церкви и всего монастыря (еще вполнину неотделанного), возвышалась на целый этаж от земли; к ней вела поэтому очень большая и широкая терраса, по которой гроб и внесли туда. Тотчас после этого, как поставили его на место, из окна был вывешен флаг, которым подали сигнал к начатию пушечной пальбы в третий раз. Затем духовенство совершило в часовне несколько церемоний, после которых знатнейшее духовное лицо сказало похвальное слово Святому Александру Невскому, продолжавшееся почти целый час. По окончании его совершены были еще некоторые церемонии, и тогда Их Величество, равно как и прочие высокие особы и все присутствовавшие, отправились опять на свои суда... В вечеру город был иллюминирован».

Впоследствии мощи Святого Александра Невского были помещены в большую 86-пудовую серебряную гробницу, на ее изготовление императрица Елизавета Петровна распорядилась передать первое серебро, добытое в Кольванских рудниках. С правой стороны раки были высечены строки М. В. Ломоносова:

Святой и храбрый князь здесь телом почивает,
Но духом от Небес на град сей призирает,
И на брега, где он противных побеждал
И где невидимо Петру способствовал,
Являя дщерь его усердие святое,
Сему защитнику воздвигла раку в честь
От первого сребра, что недро ей земное
Открыло, как на трон благоволила сесть.

В 1790 г. в обители была завершена перестройка нового соборного храма во имя Святой Троицы, а 30 августа (12 сентября) состоялось освящение собора и перенесение под его своды мощей Святого Александра Невского.

Незадолго до своей кончины, последовавшей в 1725 г., Петр I учредил орден Святого Александра Невского. Впоследствии сложилась традиция, следуя которой кавалеры этого ордена в день памяти Александра Невского шли торжественной процессией от Адмиралтейства до Александро-Невской лавры, чтобы поклониться его мощам. Эта традиция пресеклась в годы первой мировой войны; в 1916 г. торжественной процессии к Лавре уже

не было, а еще через несколько лет на эту обитель обрушились тяжелые испытания. В 1920-е годы она была закрыта, ковчег с мощами Святого изъят из Лавры и передан на хранение в кладовую бывшего Казанского собора, превращенного в музей истории религии и атеизма, а серебряная гробница оказалась в Эрмитаже.

В годы Великой Отечественной войны ратные подвиги Александра Невского вдохновляли защитников Отечества на борьбу с врагами. В 1942 г. был учрежден боевой орден Александра Невского, которым за годы войны было награждено более 42 тысяч человек. В середине 1950-х годов был вновь открыт для богослужения Свято-Троицкий собор бывшей Александро-Невской лавры. Но лишь в 1989 г. святые мощи благоверного князя Александра вернулись под своды храма. Новое перенесение мощей из музея в Александро-Невскую лавру состоялось 3 июня.

А осенью 1989 г., в день празднования памяти Святого Александра Невского, была возрождена еще одна старинная традиция. 12 сентября по окончании крестного хода с чтимыми мощами вокруг Свято-Троицкого собора митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей поздравил участников торжества с праздником, а затем обратился со словом приветствия к кавалерам ордена Александра Невского, удостоенным этой награды за личную отвагу, мужество и храбрость в годы Великой Отечественной войны, собравшимся в этот день в Александро-Невской лавре.

В 1989 г. в Санкт-Петербурге, насколько известно, проживали 13 кавалеров этого ордена, 5 из них смогли принять участие в церковном торжестве. Под звон колоколов митрополит сердечно поздравил ветеранов. «Теперь этот праздник вновь воссоздан, — писала „Ленинградская правда“, — и с каждым годом он будет обретать традиции былого, обычаи отцов наших».⁴ Сегодня, когда возобновилась монашеская жизнь в Александро-Невской лавре, можно надеяться на возвращение из Эрмитажа гробницы Святого Александра Невского на свое исконное место, с тем чтобы вновь перед ней звучали слова церковного песнопения: «Яко утро, яко день светлый, твой праздник явися, просвещая наша сердца, и всех, с верою восхваляющих тя, Александре преславне».

---

⁴ Смирнов Ю. Живет в веках слава предков // Ленинградская правда. 1989. 13 сент.

ХРИСТИАНСКАЯ СВЯТЫНЯ ДОМА ПУШКИНЫХ

Нас жаловал страдальца сын.

А. С. Пушкин. «Моя родословная»

Боготочною Кровию Твоею весь облеклся еси, одеяйся светом, яко ризою. Вем, воистинну вем со пророком, почто червлены ризы Твоя: аз, Господи, аз грехи моими уязвих Тя: Тебе убо, мене ради уязвленному, благодарственно зову: Аллилуиа.

*Акафист Божественным
Страстям Христовым,
кондак 5*

«В роде бояр Пушкиных с незапамятных времен хранилась металлическая ладанка с довольно грубо гравированным на ней Всевидящим Оком и наглухо заключенной в ней частицей Ризы Господней. Она — обязательное достояние старшего сына, и ему вменяется в обязанность 10 июля, в день праздника Положения Ризы, служить перед этой святыней молебн. Пушкин всю свою жизнь это исполнял и завещал жене соблюдать то же самое, а когда наступит время, вручить ее старшему сыну, взяв с него обещание никогда не уклоняться от семейного обета».¹

Так пишет дочь Натальи Николаевны Пушкиной-Ланской Александра Петровна Арапова, и у нас нет оснований ей не доверять. Можно только удивляться, что это свидетельство не привлекло к себе должного внимания за почти девяностолетний период, прошедший с момента первой публикации записок Араповой в «Новом времени».²

Посмотрим, что пишет о празднике Положения Ризы Господней в Москве Православный календарь (на 1995-й год): «В 1625 г. шах персидский Аббас покорил Иверию и овладел Хитоном Господним, хранившимся в Мцхетском храме. Заискивая благорасположение русского царя, Аббас послал Хитон в золотом ковчеге, усыпанном драгоценными камнями, Патриарху Филарету, отцу царя Михаила Феодоровича. С великой радостью принял Филарет эту драгоценную святыню. В Москве были созваны греческие архиереи и старцы. Патриарх расспрашивал их обо всем, что было известно относительно Хитона Господня. Затем Хитон был испытан возложением его на больных, причем свершились разные чудеса. Тогда в главном святилище Русской земли, Успенском соборе, устроили в юго-западном углу особый медный шатер, и здесь была положена Одежда Христова, хранимая поныне. В память этого события в день 10 июля ст. ст. /23 июля н. ст. Патриархом Филаретом установлен праздник Положения Ризы Господней».

Однако Православный календарь на 1996-й год указывает другое местоположение Ризы Господней: «...две части Ризы находились прежде в С.-Петербурге, а третья часть Ризы Господней находится сейчас в Москве, в храме Ризоположения на Донской улице».

¹ Арапова А. П. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская. М., 1994. С. 56.

² Митрополит Анастасий в статье, написанной к юбилею 1937 г., приводит этот факт без указания на первоисточник (*Митрополит Анастасий. Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви. М., 1991. С. 47*).

Посетив летом 1995 г. музей-памятник Успенский собор в системе государственных музеев Московского Кремля и расспрашивая сотрудников о местоположении великой христианской святыни, мы получили буквально следующий ответ: «У нас ничего такого по музейным описям не числится с XIV в. Впрочем, обратитесь к главному хранителю». Мы последовали данному совету и уже в письменном виде из Петербурга сделали запрос, ответа на который не дождались.

Посмотрим теперь, как и при каких обстоятельствах мог получить эту святыню А. С. Пушкин. Можно думать, что такое событие произошло скорее всего в конце лета 1830 г. в Москве перед кончиной Василия Львовича Пушкина. Старший сын Льва Александровича Пушкина от второго брака, Василий Львович, по настоянию матери своей, Ольги Васильевны (родной бабки и крестной матери Александра Сергеевича), в год рождения великого русского поэта собирал семейные бумаги для представления в Геральдическую комиссию, которая, по мысли императора Павла I, должна была составлять Общий Гербовник дворянских родов. Умирая, дядя мог передать семейную реликвию старшему своему (и любимому) племяннику, так как собственных рожденных в законном браке потомков не имел. Известно, что Александр Сергеевич присутствовал при кончине дяди и хоронил его на кладбище Донского монастыря.

Это наиболее вероятное предположение об обстоятельствах получения Александром Сергеевичем ладанки с частицей Ризы Господней. Передача ее Наталье Николаевне произошла, по всей видимости, в Петербурге в трагические часы после роковой дуэли, возможно, сразу после исповеди и причастия, при прощании с семьей.

Мы знаем, что от дяди к А. С. Пушкину перешла фамильная гербовая печать. Можно думать, что и дальнейшие судьбы этих семейных реликвий — гражданской и церковной — оказались тождественны, т. е. обе они от Александра Сергеевича перешли к его старшему сыну — генералу, герою освобождения Болгарии от османского ига Александру Александровичу Пушкину, а затем к дочери последнего — Елене Александровне, в замужестве фон дер Розенмайер. Из Константинополя, куда она эмигрировала в 1918 г., Елена Александровна писала в Париж известному владельцу пушкинских коллекций А. Ф. Отто-Онегину и предлагала гербовую печать Пушкиных. При этом и словом не обмолвилась о ладанке. Если мы правы и она владела ею, то, конечно, и не думала ее продавать, что вполне естественно для верующего человека. Существует большая доля вероятности, что ладанка перешла именно к ней — и ни к кому иному. Это было в 1914 г. Елена Александровна находилась при своем отце в момент его кончины. Сын великого поэта умер, получив известие о начале первой мировой войны, поразившее его несказанно.³ После октябрьского переворота святыня дома Пушкиных, частица Ризы Господней, с внучкой Александра Сергеевича отправилась в город Святой равноапостольной Елены. По одной из западных версий, именно царица Елена обрела Ризу Господню — другая Елена «вернула» частицу ее, намоленную в России и освятившую род Пушкиных, в Константинополь. Е. А. фон дер Розенмайер намеревалась уехать из Турции в Африку (путь, обратный ее предку Ганнибалу), но неясно, жила ли она там. В 1941 г. она гостила в семье Ивана Алексеевича Бунина, а в 1942 г. умерла в Ницце.⁴ След пушкинской святыни потерялся...

³ Русаков В. М. Потомки Пушкина. Л., 1978. С. 119.

⁴ Там же. С. 126.

А теперь представим себе 1625 год, Москву, Успенский собор... Существует икона, датируемая 1627 годом, на которой изображен момент Положения Ризы в Успенском соборе Кремля. В центре, под медной сенью, стоят друг против друга Патриарх Филарет и сын его, государь Михаил Федорович. Патриарх полагает Ризу в драгоценный ковчег. Сень окружена духовными и светскими лицами — целой толпой. Здесь с полсотни их, и все они написаны портретно, узнаваемо. Нетрудно вообразить в этой толпе и бояр Пушкиных, предков поэта. Все помнят:

Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ,
Мы к оной руку приложили,
Нас жаловал страдальца сын.
Бывало, нами дорожили...

(III, 198)

Эти строки из «Моей родословной» написаны 3 декабря 1830 г., когда, по нашему предположению, Александр Сергеевич уже был счастливым обладателем семейной святыни. Связь ее с началом династии Романовых была им вполне осознана.

Заглянем в родословную роспись Пушкиных, потомков Радши, Радшичей. Наше внимание привлечет XIV колено и, может быть, XIII, — это современники первых Романовых, царя Михаила и Патриарха Филарета.⁵ В XIV колене находим Гавриила Владимировича, дворянина московского, патриаршего стольника. О родном брате его, Андрее Владимировиче, известно, что он также был стольником Патриарха в 1629 г.

Борис Иванович Пушкин находился среди лиц, взятых в плен вместе с Патриархом Филаретом, десять лет он провел в Польше. Все трое не были прямыми предками великого поэта — в XIV колене таковым являлся Петр Тимофеевич Пушкин Черной (или Толстой). В 1625 г. он находился в Тюмени и уже потому не мог получить из рук царя либо Патриарха ладанку с частицей Ризы Господней. Она, по-видимому, перешла потом от одной ветви Пушкиных к другой — в какой-то нам пока не известный момент.

Многочисленный род бояр Пушкиных верно служил первым Романовым. При избрании на царство присутствовали семь его представителей. Их было бы гораздо больше и в момент Положения Ризы Господней, но многие служили на воеводствах, т. е. в провинции.⁶

Григорий и Степан Гавриловичи, как и упомянутый Борис Иванович, делаются «советными людьми» царя Алексея Михайловича. Особенно выдвинулся Григорий Гаврилович по прозвищу Косой, который в 1625 г. значился стольником Патриарха. В 1643 г. этот Пушкин был назначен к работам по возобновлению фресок Московского Успенского собора, и к жалованию его причислена придача в 30 рублей. Известно, что он был послом в Швеции и Польше. За удачную посольскую службу Григорий Косой получил чин окольного, затем был пожалован в бояре, заведовал Оружейным и Ствольным приказами, управлял Золотой и Серебряной палатами; не имея потомства, он передал свои вотчины брату Степану и его сыновьям. *А может быть, и семейную святыню?* Этот человек и его

⁵ Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В. Пушкины: Родословная роспись. Л., 1932.

⁶ Грановская Н. И. «Род Пушкиных мятежный...». СПб., 1992. С. 37.

отец должны быть учтены нами как наиболее вероятные кандидаты на роль первых обладателей частицы Ризы Господней в роде бояр Пушкиных.

Отец Григория Гавриловича — герой трагедии «Борис Годунов» Гаврила Пушкин. В сцене «Лобное место» он обращает к собравшемуся народу пылкую речь:

Московские граждане!
Мир ведает, сколь много вы терпели
Под властью жестокого пришельца:
Опалу, казнь, бесчестие, налоги,
И труд, и глад — все испытали вы,
Димитрий же вас жаловать намерен,
Бояр, дворян, людей приказных, ратных,
Гостей, купцов — и весь честной народ.
Вы ль станете упрямитесь безумно
И милостей кичливо убежать?
Но он идет на царственный престол
Своих отцов — в сопровожденье грозном.
Не гневайте ж царя и бойтесь Бога.
Целуйте крест законному владыке...

(V, 278)

Предки поэта, перейдя на сторону самозванца, жестоко разочаровываются в нем. А затем, во время начавшейся Смуты, польской и шведской интервенции стараются найти выход и помочь своему государству.

«Москва была освобождена Пожарским, — пишет А. С. Пушкин, — польское войско удалилось, король шведский думал о замирении... Отечество отдохнуло и стало думать об избрании себе нового царя. Выборные люди ото всего государства стекались в разоренную Москву и приступили к великому делу. Долго не могли решиться; помнили горькие последствия двух недавних выборов. Многие бояре не уступали в знатности родам Шуйских и Годуновых... вдруг, посреди прений и всеобщего недоумения, произнесено было имя Михаила Романова. Михаил Феодорович был сын знаменитого боярина Феодора Никитича (Патриарха Филарета. — *Е. М.*), некогда сосланного царем Борисом и неволею постриженного в монахи...» (VIII, 102).

Первый государь из династии Романовых соцарствовал с родным отцом, Патриархом всея Руси, — счастлиное начало!

Об интересующем нас Гавриле Пушкине великий поэт, его потомок, в набросках предисловия к «Борису Годунову» сообщает следующее: «...я снова нашел его в Москве в числе семи начальников, защищавших ее в 1612 году, потом в 1616 году, заседающим в Думе рядом с Козьмой Мининым, потом воеводой в Нижнем, потом среди выборных людей, венчавших на царство Романова, потом послом» (VII, 112, 520).

При Романовых этот предок Александра Сергеевича был жалован вотчинами и в их числе — селом Виноградовым Московского уезда, где выстроил церковь. Перед смертью принял схиму под именем Герасима. Умер в 1638 г. В набросках «Опровержения на критики» Пушкина читаем: «Г(аврила) Г(ригорьевич) Пушкин, тот самый, который выведен в моей трагедии, принадлежит к числу самых замечательных лиц той эпохи...» (VII, 135).

Итак, слова из «Моей родословной» 1830 г. — «Водились Пушкины с царями», «Нас жаловал страдальца сын» (сын Патриарха Филарета государь Михаил Романов), «Бывало нами дорожили» — имеют глубокий сокровенный смысл. Сегодня мы можем лишь строить предположения о том, как и при каких обстоятельствах частица Ризы Господней по воле

Романовых стала достоянием предков Пушкина — но СТАЛА, и освятила весь род, который и дал России ее великого поэта.

И последнее. Описывая Успенский собор Московского Кремля при посещении его в 1837 г. наследником цесаревичем Александром Николаевичем, известный духовный писатель Андрей Николаевич Муравьев пересказал объяснения митрополита Московского Филарета (Дроздова) и ответную реплику наследника: «Под сению медного, искусно изваянного шатра Филаретова, рассказывал митрополит великому князю, как принесена была в дар царю Михаилу Феодоровичу и Патриарху, отцу его, честная Риза Господня, которую шах Аббас Персидский взял из Мцхетского собора, в завоеванной им Грузии, и что ныне часть ее хранится в алтаре вместе со Святым Гвоздем и иными Святыми Мощами, часть же в Петербургском придворном соборе. Его Высочество вспомнил, что при крещении каждого императорского младенца полагают ему в крест малую частицу от Ризы Господней; так простирается благословение Патриаршее на все его потомство».⁷

Таким образом, представления поэта о взаимоотношениях его предков с русскими царями вполне адекватны реальности, притом реальности духовной. И род Романовых, и род Пушкиных были освящены величайшей святыней христианского мира.

---

⁷ *Муравьев А. Н.* Путешествие по Святым местам русским. СПб., 1846. С. 203.

Архимандрит Августин (Никитин)

РИЗА ГОСПОДНЯ И РОССИЯ

Ежегодно 10 (23) июля Русская Православная Церковь празднует Положение Честной Ризы Господа нашего Иисуса Христа в Москве в память обретения этой святыни в 1625 г. История ее восходит ко времени земной жизни Спасителя. Согласно евангельскому повествованию, Хитон — Риза Господня — по жребию досталась одному из воинов: «Воины же, когда распяли Иисуса, взяли одежды Его и разделили на четыре части, каждому воину по части, и хитон; хитон же был не сшитый, а весь тканый сверху. Итак сказали друг другу: не станем раздирать его, а бросим о нем жребий, чей будет, — да сбудется реченное в Писании: „разделили ризы Мои между собою и об одежде Моей бросали жребий”» (Евангелие от Иоанна, XIX, 23—24). Об обстоятельствах перенесения Ризы Господней из Иерусалима повествуется в различных восточных сказаниях: армянских, грузинских и сирийских.¹ По преданию, воин, которому досталась Риза Господня, был грузином, и он впоследствии перенес ее в Грузию, где она и сохранялась вплоть до начала XVII столетия.

Согласно другому восточному сказанию, в пределах Иверии (Грузии) еще со времени вавилонского пленения осела община еврейских переселенцев, потомки которых жили в Мцхете — древней столице Иверии. Мцхетские евреи ежегодно отправляли в Иерусалим своих посланников для участия в праздновании ветхозаветной Пасхи. Один из них, по имени Елиоз, был очевидцем страданий Иисуса Христа на Голгофе и уверовал в Спасителя. Он сумел при-

---

¹ *Март Н.* Хитон Господень в книжных легендах армян, грузин и сирийцев // Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена. СПб., 1897. С. 71—96.

обрести Ризу Господню у того воина, которому она досталась по жребию, а затем вернулся в Мцхету.² После принятия Грузией христианства (IV в.) Честная Риза хранилась в Мцхете, в ризнице патриаршего собора во имя Святых Двенадцати Апостолов — Светицховели.

Дальнейшая судьба Ризы Господней связана с историей взаимоотношений трех государств: Грузии, Персии и России. В XVII столетии отношения России и Персии были весьма тесными. В рассказе о Московии, принадлежащем перу голландского путешественника Стрюйса, есть красноречивый эпизод. Описывая святыни Московского Кремля, голландский автор замечает: «Между прекраснейшими украшениями царского дворца считают весьма высокую колокольню, называемую Иван Великий. Она покрыта позолоченной медью. Рассказывают, что царь Борис (Годунов (1598—1605). — *А. Н.*) взшел однажды на нее для того, чтобы показать город персидскому посланнику, прибывшему незадолго перед тем к его двору».³ Это отнюдь не означает, что московские государи развивали отношения с Персией за счет угнетаемых ею православных народов. Вот что сообщал другой автор, посетивший Россию около 1675 г.: «В бытность мою в Москве там проживал князь-христианин из Грузии, нашедший убежище при этом дворе... Был еще персидский посол-резидент, прекрасный человек, с одетою по-персидски челядью; он жил богато и пышно, пользовался почетом, но к целованию руки царь его не допускал, называя магометан и других „неверными собаками“; взамен того они целуют его колена», — пишет Эрколе Зани.⁴

В 1617 г. Грузия была завоевана персидским шахом Аббасом I. Грузинский (кахетинский) царь Теймураз в грамоте, присланной в 1619 г. царю Михаилу Феодоровичу (1613—1645) с послом игуменом Харитоном, так описывает это событие: «Божиим праведным судом и гневом, по нашему греху, над нами учинилось; солнце во тьму превратилось, и луна померкла, день в ночь, а ночь в день... Пришел на нашу землю шах кизылбашский со многою своею несчетною ратью и землю нашу разорил, Пречистый Образ и иные образы нашей православной христианской веры обругал, разорил церкви Божии и четыре великие монастыри, сооруженные при царе Феодоре Ивановиче, иконы Святых пожег и нищих ваших богомольцев побил; да и иные многие монастыри разорил: оклады с Божия милосердия, злато и серебро обдирали, а Святых иконы в огонь клали. Монастырь великого Чудотворца Георгия, а в нем был митрополит, и тот монастырь разорен до основания...».⁵ Через своего посла игумена Харитона царь Теймураз бил челом царю Михаилу Феодоровичу, чтобы он, «Великий Государь, Его царское величество, принял его под свою царскую высокую руку и от недруга его от шаха учинил его в обороне»; о том же «со слезами» просил и его посол в Москве — чтобы «Государь над ними смилвался, для православной христианской веры за них и за их землю вступился и шаху их не выдал».⁶

В ответной грамоте Теймуразу от 5 мая 1621 г. царь Михаил Феодорович уведомлял о своем желании держать его «в царском жаловании», что и персидским послам, бывшим в то время в Москве, было говорено, и

² С. Д. Ф. (Флоринский Д. И.). Сказание о святыне Санкт-Петербургского Петропавловского собора. СПб., 1858. С. 5—7.

³ Путешествие по России голландца Стрюйса в 1668 году // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 370.

⁴ Эрколе Зани. Реляция о путешествии в Московию // Там же. С. 357.

⁵ Цит. по: Воейков В. Н. Икона Спасителя с частицею Ризы Господней, хранящаяся в церкви Святых и Праведных Захарии и Елисаветы. СПб., 1897. С. 5.

⁶ Там же. С. 6.

русским послам, отправленным к шаху, наказано, и в царской грамоте шаху Аббасу писано, чтобы он, шах, «ведая то, что иверские цари и вся Иверская земля прежде того были под державою Великих Государей Царей и Великих Князей Российских, ныне бы на Иверскую землю наступати и войны и тесноты никакия чинити не велел».⁷

Вскоре после этого в Персию были направлены послы Василий Коробьин и дьяк Остафий Кувшинов. 21 января 1622 г. они уже были у шаха «в первом приезде». В ходе переговоров о дальнейшей судьбе Грузии и царя Теймураза шах заявил русским посланникам о том, что у него находится Хитон Господень, «и кто помолится с верою и к тому Хитону коснется, того Бог помилует и от того Хитона исцелует; и кто придет без веры, и к тому Хитону коснется, у того тотчас очи выпадут».⁸ По словам шаха, Хитон был взят им в Грузии и он собирался послать его в Москву царю Михаилу Феодоровичу и Патриарху Филарету Никитичу. Послы Коробьин и Кувшинов сразу же сообщили в Москву о том, что Аббас I намерен прислать в подарок Хитон Спасителя. Эта «отписка» была получена в Москве 27 июня 1624 г., и послам был отправлен запрос: собрать подробные сведения о происхождении Ризы Господней. Но послы при всех стараниях могли узнать только то, что «шах достал ее из Грузии, что в Грузии ее чествовали и от нее совершалось много чудес».⁹

В древнерусской письменности существует несколько сказаний о присылке Ризы Господней в Москву. Одно из них принадлежит известному писателю XVII в. князю Семену Шаховскому. Это сказание было помещено в рукописном сборнике, хранившемся в собрании академика Н. С. Тихонравова.¹⁰ Подлинные акты, в которых речь идет о присылке Ризы Господней в Москву, хранились в Московском главном архиве Министерства иностранных дел; они были изданы в 1879 г., а принадлежавшее тому же архиву «Дело о присылке в Москву шахом Аббасом Ризы Господней» впоследствии также было опубликовано.¹¹

Получив краткие сведения о Ризе Господней, Патриарх Филарет распорядился расспросить о ней тех греков, которые прежде жили в Иерусалиме, а впоследствии обосновались в Москве. Так, думному дьяку Ивану Грамотину было приказано расспросить в Посольском приказе Спаса-Нового монастыря келаря грека Иоанникия (Ионикия). Келарь Иоанникий сказал, что в бытность его в Иерусалиме ему пришлось слышать от «многих верных людей», что перед распятием Христа с Него сняли Хитон, весь тканый, без шитья, «и ткала де тот Хитон Сама Святая Богородица». Хитон достался воину-грузину; вернувшись на родину, он принес с собою Хитон Христов и рассказывал всем, что произошло при нем в Иерусалиме.¹²

Еще одно свидетельство о Ризе Господней было получено от Нектария, архиепископа Вологодского и Великопермского, который прибыл в Россию из Греции в 1613 г. В своем письме, переданном в Посольский приказ, он сообщал, что в бытность свою архидиаконом Патриарха Константинопольского он был однажды послан в Грузию. Посетив там церковь под названием Мцхета (Исхета), он увидел на правом клиросе у первого столба зажженные свечи. На его вопрос о причинах этого местные священники

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 7.

⁹ Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. СПб., 1882. Т. 11. С. 64.

¹⁰ Белокуров С. Дело о присылке шахом Аббасом Ризы Господней царю Михаилу Феодоровичу в 1625 году. М., 1891. С. VIII. Тексты посольских документов, «отписок», опубликованы им же. В его же труде помещены факсимильные фрагменты этой переписки.

¹¹ Там же. С. III.

¹² Цит. по: Воейков В. Н. Указ. соч. С. 8.

сообщили, что под этим столбом положен Хитон Христов, принесенный сюда грузином, бывшим в числе тех воинов, которые после распятия Иисуса Христа разделили Его ризы. «И меташа жребий, и падоша жребий ему, и взял он всю одежду целу и принес ее в Грузинскую землю, и многия от нея чудеса сотворишася».¹³

В марте 1625 г. персидский посол Урусамбек привез Честную Ризу в Москву в дар Святейшему Патриарху Филарету (1619—1633) от шаха Аббаса. Вручая Патриарху золотой ковчег, украшенный драгоценными камнями, он сказал: «Государь мой Аббас шах прислал к тебе, Великому Государю, золотой ковчег, а в нем Великого и Славного Христа срачица (сорочка. — А. Н.)».¹⁴ На расспросы Патриарха Филарета посол ответил, что когда шах завоевал Грузию и взял Мцхету, «та Христова срачица была у митрополита заделана в Кресте, и шах ее сыскал».¹⁵ В письме, врученном Патриарху Филарету вместе с Ризой Господней, шах извещал, что он, покорив Грузию, обрел эту святыню в ризнице митрополита, сокрытую в Кресте.

В день получения дара — 11 марта 1625 г. — Патриарх Филарет со всем Священным собором стал осматривать ковчег. «И по досмотру в том ковчеге (оказалась) часть некая полотняна, кабы красновата, походила на мели, или будет от давних лет, лице изменила, а ткана во лну, а в длину и поперег пяди».¹⁶ Поскольку Риза была прислана от иноверного царя, а «неверных слово без испытанья во свидетельство не приемлется», то стали искать доказательства подлинности присланной святыни. Греческие и иерусалимские архиереи и архимандриты, находившиеся в то время в Москве, единогласно заявили, что в их церквях сохраняется предание о том, что Риза Спасителя хранится в Грузии, куда она была принесена воином, бывшим при распятии Иисуса Христа.

Патриарх Филарет не был удовлетворен этими свидетельствами и пожелал иметь о святыне свидетельство свыше. Указом от 22 марта 1625 г. повелевалось: «Во всех монастырях держать семидневный пост и во всех храмах молить Господа Бога, чтобы Он Сам явил Свою волю о той святыне; а самую Святыню с пением молебнов в крестных ходах носить по городу и возлагать на больных».¹⁷ Многие больные получали исцеление после возложения на них Ризы Господней. По приказанию Патриарха митрополит Сарский и Подонский Киприан вместе с архимандритом Сиимонова монастыря Левкеем и игуменами Ильей и Евфимием собрали сведения о таких выздоровлениях; было выявлено 14 случаев чудесных исцелений от Ризы Господней в течение Крестопоклонной недели (4-я неделя Великого поста).¹⁸ Это неоспоримо свидетельствовало о подлинности Ризы Господней. 27 марта Честная Риза была торжественно положена в Успенском соборе Московского Кремля.¹⁹

Вскоре после этого для хранения «пребогатого сокровища» царь Михаил Феодорович и Патриарх Филарет устроили медный шатер, который был поставлен в юго-западном углу собора, в приделе Святых Апостолов Петра и Павла. Риза Господня была привезена в Москву в марте, но из-за бывшего в те дни Великого поста празднование Положения Честной Ризы

¹³ Там же. С. 9.

¹⁴ Макарий (Булгаков), митрополит. Указ. соч. С. 64.

¹⁵ Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные. СПб., 1850. Т. 1. С. 661.

¹⁶ Истомин Г., протоиерей. Указатель святынь и достопримечательностей Московского Большого Успенского собора. Сергиев Посад, 1916: С. 58.

¹⁷ Цит. по: Воейков В. Н. Указ. соч. С. 10.

¹⁸ Там же. С. 11—14.

¹⁹ См.: Миняя. М., 1988. Ч. 1. Июль. С. 520.

в Москве было установлено 10 июля — в канун дня возведения на царство Михаила Феодоровича. Службу празднику, по благословению Святейшего Патриарха Филарета, составил митрополит Крутицкий (Сарский и Подонский) Киприан.²⁰ В день праздника Положения Ризы Господней в Москве священнослужители выносили эту святыню на середину храма для поклонения верующим.

По описи Успенского собора 1627 г., в соборе было три частицы Ризы Господней. «На Гробе Господне ковчег серебрян золочен, на ковчеге — образ Распятие Господа нашего Иисуса Христа резной; а в том ковчеге другой ковчежец серебрян, золочен, а в ковчежке — Риза Господа нашего Иисуса Христа; ковчегу оба запечатаны за печатью великого государя и царя и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси и отца его, великого государя, Святейшего Патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси. Киот серебрян, в нем часть Ризы Господни лежит на Гробе Господне за печатью великого государя Святейшего Патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси. Киот меньшей серебрян золочен, в нем часть Ризы Господни, за печатью великого государя, Святейшего Патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси. На ковчеге образ Распятие Господне, по краем обнизан жемчугом в одну прядь, во главе образ Спасов...».²¹

Из других мест описи следует, что одна частица называлась большой, вторая — меньшей, а третья предназначалась для ношения по домам к болящим. Таким образом, уже в 1627 г. на кипарисовом Гробе хранились три ковчегу с разными частями Ризы. Кроме того, частицы Ризы посылались по монастырям. Так, уже в 1626 г. Патриарх Филарет передал малую частицу Ризы Господней в Ипатьевский монастырь под Костромой. Часть Ризы хранилась также в Киевском Софийском соборе.

Праздник Положения Честной Ризы Господней торжественно совершался 10 июля (по ст. ст.), причем вместе с Ризой Спасителя чествовался и Гвоздь Господень. В 1688 г. грузинский царь Арчил Вахтангевич, переселившись на жительство в Москву, привез сюда Гвоздь Господень. В 1715 г. по указу Петра I велено было отдать его на хранение в Успенский собор.²² При совершении водосвятного молебна перед Ризой Господней, при пении тропаря «Спаси, Господи, люди Твоя», в первый раз в воду погружался Святой Крест, во второй — Гвоздь Господень, в третий раз, при пении тропаря Крещению, ковчежец с Ризой Спасителя орошался водой, которая стекала в водосвятную чашу.²³

Православные христиане в великом множестве приходили в Успенский собор для поклонения Ризе Господней. Одержимые тяжкими недугами, не имевшие возможности дойти до собора просили приносить Ризу Господню в их жилища, где она возлагалась на них для исцеления. Эти просьбы были настолько частыми, что Риза была разделена на несколько частей.²⁴ Кроме того, верующие, принимая в свои дома Ризу Господню, стали отделять от нее небольшие частицы. Это проистекало из благоговейного желания иметь у себя в доме святыню, но такое усердие приводило к ущербу для целостности Ризы. Поэтому в 1681 г. Святейший Патриарх Иоаким

²⁰ Подробнее см.: *Беляев С. А.* Богослужение в честь Ризы Господней в Успенском соборе Московского Кремля // Журн. Моск. Патриархии. 1996. № 7. С. 75—78.

²¹ *Тимофеев А. И.* Описи Успенского собора от начала XVII века по 1701 год включительно. II. Опись, составленная в 1627 году // Русская историческая библиотека. СПб., 1876. Т. 3. Стб. 416—417.

²² *Истомин Г., протоиерей.* Указ. соч. С. 60.

²³ Там же. С. 61.

²⁴ *С. Д. Ф. (Флоринский Д. И.).* Указ. соч. С. 15—16.

был вынужден издать особое повеление: «Часть Животворящего Древа устроить в уготованном ковчеге и держать в соборной церкви в особом твердом, к тому устроенном месте, со всяким опасством, а Ризу Спаса нашего Иисуса Христа, все отдельные части также собрать и устроить во едином ковчеге и держать вкупе с частию Животворящего Древа и воздвигать единожды в год, в день спасительных Христовых страданий, еже есть в Великий Пяток; а на просвещение православным христианам, приходящим в соборную церковь и в дома желающим имети прежний к тому устроенный ковчег с частью тоя Божественныя Ризы и Креста Его в прежде устроенном месте, на западной стороне в угле, и утвердить ныне с соборным положением, чтобы впредь того пребогатого сокровища на части отнюдь не разделять».²⁵

О «Воздвижении Ризы в Великий Пяток» пишет в своем дневнике Николаас Витсен (1641—1717), уроженец Амстердама, находившийся в составе голландского посольства к царю Алексею Михайловичу. 3 апреля 1665 г. он был очевидцем этого церковного торжества. «В Страстную пятницу я опять видел царя в шествии от дворца к главной церкви (Успенский собор в Кремле). В этот день торжественно несут иконы, реликвии и особенно — одежды Христа, ради чего, главным образом, это шествие и происходит. Одежду эту все целуют в церкви, реликвии моют, благословляют и освящают. Все главные иконы Святых и реликвии, такие как черепа, руки и ноги умерших Святых, книги, резные древности, иконы, кресты и хоругви, были взяты со своих постоянных мест и перевезены в собор (Благовещенский), чтобы они там встретились с одеждой Христа и как бы благословили друг друга».²⁶

Вот как проходила эта церемония. «Рано утром, в третьем часу, началось шествие, — продолжает Витсен. — Впереди шел священник, который нес высокую хоругвь с изображением Рождения Христа... Затем следовал главный митрополит, который держал икону, прислонив ее к своему лбу; его вели четыре человека... Впереди несли упомянутую одежду (Христа) и большую икону „Страсти Господни“; перед ней шли двое и кадили ладаном. За митрополитом шло целое шествие монахов, и каждый из них такам же образом нес икону и священные реликвии... Присутствующие смотрят на все это с большим благоговением и почитанием, все время крестятся. В это время были слышны все колокола Кремля...».²⁷

Около 1627 г. была написана икона «Положение Ризы Христовой», а по определению 1681 г. были изготовлены два ковчег для хранения Ризы Господней. В первом из них часть ее хранилась вместе с частью Животворящего Древа Креста Христова. Этот ковчег раз в год, в Великую пятницу, воздвигали в храме, и эта традиция бытовала до времени правления Павла I (1796—1801). Впоследствии повелением императора этот ковчег с Ризой был перевезен в Санкт-Петербург. «Большая часть Ризы Спасителя взята была императором Павлом I для хранения в соборе Зимнего дворца», — читаем в одном из описаний московских святынь.²⁸ Еще одна часть Ризы хранилась в Петропавловском соборе, «в крепости».

Второй ковчег с частью Ризы по-прежнему оставался в Успенском соборе Кремля — «на просвещение православным христианам, приходящим в собор-

²⁵ Цит. по: Историческое сказание о Ризе Господа нашего Иисуса Христа. Сказание о Ризе Владычицы нашей Богородицы. М., 1897. С. 18—19.

²⁶ Витсен Николаас. Путешествие в Московию: 1664—1665 гг. Дневник. СПб., 1996. С. 148.

²⁷ Там же. С. 149.

²⁸ Описание святынь и достопримечательностей Успенского собора и других московских соборов и монастырей, находящихся в Кремле. М., 1901. С. 14.

ную церковь и в дома желающим».²⁹ Вот как выглядела «московская» часть святыни: «Имеющаяся в Успенском соборе часть Ризы Спасителя несколько более квадратного вершка; она устроена в золотом ковчеге, который, в свою очередь, устроен в серебряном створчатом киоте (6.5 × 4 вершка), покрытом черневыми священными изображениями и украшенном в середине под стеклом 180-ю крупными бриллиантами, из коих один весит 7.5 карат».³⁰

На ковчеге была сделана надпись: «Сей ковчег с алмазами устроен повелением Великого Государя Царя и Великого Князя Федора Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца, и принесен им Великим Государем в соборную и апостольскую церковь Пресвятые Владычицы наша Богородицы и Приснодевы Марии честнаго и славнаго Ея Успения во Св. и Великий Пяток на воспоминание страстей Господа и Спаса нашего Иисуса Христа лета 7190 (1682) апреля в 4 день».³¹

Оставшаяся в Москве часть святыни, как и прежде, ежегодно выносилась для поклонения. «Ковчег с Ризою Господнею хранится вместе с другими ковчегами, вмещающими в себе Св. мощи, — читаем в одном из описаний, — и ежегодно 10 июля, в день празднования Положения Ризы Господней, возлагается в шатре на Гробе Господнем, откуда во всюнощное бдение выносится архиереем и ставится на налое для чествования».³² Оставленный в Успенском соборе ковчег с Ризой по-прежнему хранился в приделе Святых Апостолов Петра и Павла. «Риза Господа нашего Иисуса Христа, шелковая, находится в юго-западном углу, в медной часовне, для сего нарочито выстроенной», — сообщалось в середине XIX в.³³

В 1698 г. в Москву прибыло посольство австрийского императора Леопольда I (1658—1705). Это было время наибольшего сближения обеих стран в совместной борьбе против турок. Посольство находилось в Москве несколько месяцев; в 1699 г. в небольшом городке на Дунае был заключен Карловицкий мирный договор между Россией, Австрией, Польшей и Венецией — с одной стороны, и Турцией — с другой. Россия получила Азов, Австрия — земли в Южной Венгрии, Польша — Подолию и Украину, а Венеция — некоторые земли в Греции и Далмации.³⁴

Членам посольства был оказан прием на высоком уровне; этим и можно объяснить то, что дипломатам-католикам посчастливилось осмотреть православные святыни Кремля. Один из членов посольства, Иоганн Георг Корб, записал в своем дневнике 5 апреля 1699 г.: «Сегодня господин посланник осматривал царский замок Кремль, по которому водил его какой-то немецкий полковник». Вот что отметил Корб при посещении Успенского собора: «В этой церкви хранится частица Ризы нашего Спасителя и рука Св. Андрея, до сих пор невредимая, к которой мы прикладывались».

В 1701 г. Петр I начал войну со Швецией: Россия боролась за выход к Балтийскому морю. Накануне тяжелых испытаний царь приказал воздвигнуть в Москве церковь Ризоположения — каменный храм на месте встречи Ризы Спасителя, привезенной в Россию персидским посольством. Однако сама Риза по-прежнему хранилась в Успенском соборе.

Еще одним иностранцем, допущенным к осмотру церковных святынь Московского Кремля, был голландский путешественник Корнелий де Бруин (1652—1727). По словам голландского автора, царь Петр I, «еще бывши в

²⁹ *Истомин Г., протоиерей.* Указ. соч. С. 60.

³⁰ Там же.

³¹ *Рычин Ф. И.* Путеводитель по московской святыне. М., 1887. С. 38—39.

³² Москва белокаменная; ее святыни и достопримечательности. СПб., 1875. С. 92.

³³ *Струков Д.* Путеводитель к московской святыне. М., 1850. С. 12.

³⁴ Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1907. Т. 1. Вып. 1. С. 2012.

Воронеже, приказал показать мне в Москве все, что заслуживало внимания в церквах и других местах этого города».³⁵ При осмотре кремлевских святынь (10 апреля 1703 г.) Корнелия де Бруина сопровождал Иван Алексеевич Мусин-Пушкин — «главный смотритель монастырей», т. е. глава Монастырского приказа. Посещение Кремля гость начал с Успенского собора, «в котором, как полагают, находится образ работы Св. Евангелиста Луки и Ризы Иисуса Христа, о которой воины, сторожившие Его, метали жребий».³⁶

В записке о «Путешествии в Московию» Корнелий де Бруин пересказывает предание, связанное с историей обретения Ризы Господней на Руси. В его изложении нет ничего нового, но оно интересно тем, что знакомило европейских читателей с чтимой на Руси святыней. Ведь в то время на Западе существовало предание о том, что Риза Господня первоначально была найдена царицей Еленой (IV в.) в Палестине, перенесена в Трир и в 328 г. положена в Трирском соборе.³⁷ Это «альтернативное» предание появилось в Западной Европе только в 1196 г.³⁸

Вот что сообщает Корнелий де Бруин: «Русские рассказывают, что Риза сия досталась по жребию одному воину из Грузии, который принес ее в свою землю и подарил там своей незамужней сестре; что сестра эта, принявшая такой подарок за весьма драгоценный для себя, пожелала, чтобы когда она умрет, с нею положили и Ризу, покрыв ее оной; что когда все это так сделали, то на ее могиле тотчас же выросло большое дерево; что далее персияне овладели Грузией, и шах персидский, услыхав будто бы рассказ о могиле, приказал разрыть ее и вынуть оттуда сказанную Ризу, которую и увез с собою в Персию; что спустя несколько времени после того он отправил в Московию посольство, с которым послал и сию Ризу в дар Великому Князю Московскому, как христианину; что москвитяне, желая удостовериться, действительно ли то была Риза Христова, собрали всех слепых, хромых и иных калек, полагая, что если она настоящая Христова Риза, то, без сомнения, исцелит всех калек, и оказалось, что исцеление последовало, согласно с их надеждою; что с тех пор всегда хранили ту Ризу для того, чтобы пользоваться ею в подобных случаях, и никогда, говорят, не случалось, чтобы она не оказывала исцеления, — так заканчивает свое повествование голландский автор, замечая при этом, — русские утверждают все это как истину несомненную».³⁹

---

³⁵ *Корнелий де Бруин. Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 129.*

³⁶ Там же. С. 130.

³⁷ В городе Трире через каждые 30—40 лет на две-три недели выставляется для чествования хранящийся запечатанным в главном алтаре Трирского собора Хитон Господень. Вот что писал по этому поводу известный русский историк С. В. Булгаков: «Во время бывшего в 1892 г. торжества „выставки Трирского Хитона“ в различных западных газетах и журналах выражено было сомнение в его подлинности, имевшее довольно прочную для себя опору в том, что в Аржантейле, близ Парижа, оказался другой, тоже считаемый подлинным, Хитон Христов. Вместе с этим оказалось, что Трирский Хитон — сшивной и по своему материалу не может быть древнее VI века, а хитон, хранящийся в Аржантейле, не есть хитон, а только плащ пурпурного цвета. Возник горячий спор между самими католиками, и образовалась целая литература о Хитоне; считавшиеся достоверными сказания о нем оказались не подлинными, а в результате — выставку Трирского Хитона посетило не очень значительное число богомольцев-католиков. Все это само собою делает сомнительным подлинность не только Трирского, а и Аржантейльского Хитона, а вместе с тем и самих сказаний о них. В противоположность этим, не имеющим под собой прочной исторической почвы, западным сказаниям о Хитоне Господнем, с великою устойчивостью выступает непоколебимое верование нашей православной Церкви, основанное на едином, в себе согласном, древнейшем предании и подтвержденном ясными свидетельствами свыше» (*Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковнослужителей. Харьков, 1900. С. 236*).

³⁸ Христианство // Энциклопедический словарь: М., 1995. Т. 2. С. 488.

³⁹ *Корнелий де Бруин. Указ. соч. С. 130.*

И. А. Мусин-Пушкин показал голландскому гостю многое, что находилось на территории Московского Кремля, в том числе и Патриаршую ризницу, чем Корнелий де Бруин был весьма доволен: «Удовлетворив здесь мое любопытство, я отложил осмотр следующих церквей до другого дня», — пишет он.⁴⁰ Однако заморский путешественник, узнавший так много об истории обретения Ризы Господней, не смог лицезреть эту святыню. Вот что рассказал он о постигшей его неудаче: «В этот следующий день, воскресенье, я отправился прежде к господину Мусину-Пушкину, чтобы узнать от него, нельзя ли мне взглянуть на Ризу Христа, на что он ответил мне, что это невозможно, потому что она хранится в месте, запечатанном печатью Его величества, так что без особого разрешения и видеть ее нельзя. Мне было досадно, что я не подумал и не знал об этом пораньше».⁴¹

Неудача, постигшая Корнелия де Бруина, не дала ему возможности сообщить своим читателям подробные сведения о Ризе Господней. Однако это легко восполнить, изучая опись Успенского собора за 1701 г. Вот что говорится там об этой святыне: «Гроб Господень кипарисной... В ките у Гроба Господня образ Воскресения Христова... У Гроба ж Господня образ месной Распятие Господне... Ковчег серебряной резной золочен, четверугольной, а в ковчеге — ковчежец малой четверугольной серебряной с кровлею, местами золочен, на кровле вырезан Крест, а в ковчежце малая часть Ризы Господни. Мерою те ковчеги, большой в вышину, опричь яблок, четверть аршина, длина полшеста вершка, ширина тож, а малой ковчежец длина два вершка, ширина полтора вершка, а вышина полвершка.

На Гробе ж Господни ковчег серебряной белой, мерою длина полпята вершка, ширина три вершка, вышина полвершка; на кровле того ковчежца вырезан Крест четвероконечной, а в ковчежце — часть Ризы Господни.

На Гробе ж Господни ящик медной, длиною аршин шесть вершков, ширина аршин без полутретья вершка, а в нем ковчег серебряной золоченой с Ризою Господнею, с которой ходят в дома; ковчег сделан киотью, на ковчеге вырезан образ Распятия Господня, по сторонам и внизу по краям обнизано в одну нить, а вверху в возглавии в две нити, средним кафимским жемчугом, во, оглавии вырезан образ Нерукотворенного Спаса, в возглавии на закрепках три зерна гурмышских средних; у ковчеге чель золотая колчатая, трубки золотые».⁴²

Из описи алтаря за тот же 1701 г.: «Позади жертвенника налой». На нем: «Киот створчетой серебряной... А в том киоте ковчег деревянной... А в том ковчеге ковчежец маленькой серебрян гладкой золочен, а в нем четыре Ризы Господни; а у того ковчежца верхняя цка золотая накладная сквозная, в середине ее над частию Ризы Господни хрусталь круглой, а на нем вырезано Распятие Господне да в предстоении Образы Пресвятыя Богородицы да Иоанна Богослова... У того ж ковчежца на исподней цке подписание: „Лета 7206, сей святыи маленькой ковчежец со златою алмазною многоценною накладочкою соделан многоцелебной Ризе Великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, за многая ея различных болезней целения, тщанием и желанием многогрешного и недостойного иерея Благовещенского собора... ключаря Иоанна Маленкого...“. Другая подпись на вышеописанном большом киоте на исподнем поле: „Сии ковчеги на целбоносную Ризу Спасителя нашего (и) Бога Иисуса Христа устроишася... в поминовение

⁴⁰ Там же. С. 132.

⁴¹ Там же.

⁴² Цит. по: *Энеева Н.* Частица Ризы Спасителя — в Московском Кремле // Журн. Моск. Патриархии. 1996. № 6. С. 72.

души правоверного боярина Иоанна Михайловича Милославского... мизоддания 7198, месяца марта...».⁴³

И наконец, в ризнице, по описи того же 1701 г.: «Ковчег серебряной с покрывкою и закладкою золочен, на крышке вырезаны Распятие Господне, а по сторонам — Пресвятые Богородицы, Иоанна Богослова, Марии Магдалины, Лонгина сотника. На той же крышке по краю кругом подпись: „Лета 7192, июля в день, построен сей ковчег в соборную и апостольскую церковь Успения Пресвятыя Богородицы при державе Великих Государей Царей и Великих Князей Иоанна Алексеви́ча, Петра Алексеви́ча, всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержцев, повелением брата их государева, блаженные памяти Великого Государя Царя и Великого Князя Феодора Алексеви́ча...“. А в том ковчеге ковчег златой, в котором лежит Риза Господня; верхняя цка гладкая, на ней на середине около Ризы Господни круг золотой, а в кругу над Ризою Господнею хрусталь, среди хрусталя в золотом гнезде камень алмаз. А внизу на исподней цке того ж ковчеха вырезана надпись: „Сей златый ковчег, с алмазы и с изумруды, устроен поведением Великого Государя Царя и Великого Князя Феодора Алексеви́ча...“».⁴⁴

Таким образом, в Успенском соборе на 1701 г. было пять ковчегов с восемью частями Ризы Господней; три ковчеха хранились на так называемом Гробе Господнем, один в алтаре (в жертвеннике) и один в ризнице. Позже две части Ризы были отправлены в Петербург, одна — в Ярославль.

На протяжении веков святыни, хранившиеся в Успенском соборе Кремля, оберегались от чужеземцев, и визит сюда Корнелия де Бруина был скорее исключением из правил. Не было доступа к Ризе Господней и во время «нашествия галлов», когда Москва была занята наполеоновскими войсками. В брошюре, выпущенной к столетию Отечественной войны 1812 г., об этом говорилось следующее: «Более пострадал от неприятелей Успенский собор. Хотя главные его святыни — чудотворная икона Владимирской Божией Матери, Риза Господня, корсунские Кресты и другие священные предметы — своевременно были отправлены вместе с Патриаршей ризницей из Москвы (вся ризница в Вологду, а икона Владимирской Божией Матери вместе с иконою Иверской Божией Матери — во Владимир)».⁴⁵

После победы над Наполеоном Патриаршая ризница была возвращена из Вологды в Москву, и Риза Господня заняла свое прежнее место в Успенском соборе. В августе 1837 г. в Московском Кремле побывал великий князь Александр Николаевич (будущий император Александр II). В сопровождении митрополита Московского Филарета (Дроздова) он осмотрел кремлевские храмы; посетил он и «богатую ризницу Успенского собора, которая была спасена от неприятеля».⁴⁶

В свите почетных гостей находился А. Н. Муравьев, исполнявший в те годы должность «секретаря за обер-прокурорским столом» в Святейшем Синоде (1833—1846). В своей книге «Путешествие по Святым местам русским» он рассказывает и об этом августейшем визите, и о святынях Успенского собора. В его записках подчеркивается общность судеб Ризы Господней и обретшего ее в XVII в. Патриарха Московского Филарета. «У ног святых митрополитов Киприана и Фотия и возле медного шатра, сооруженного им для Ризы Господней, возлег Филарет Никитич и первым

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Розанов Н. П. Московские святыни в 1812 году. М., 1912. С. 8.

⁴⁶ Муравьев А. Н. Путешествие по Святым местам русским. СПб., 1846. С. 200.

обновил, своим прахом, усыпальницу Патриаршую в Успенском соборе», — пишет А. Н. Муравьев.⁴⁷

Под сводами Успенского собора наследник российского престола постигал историю чтимых святынь, обретенных родоначальником династии рода Романовых. «Под сенью медного, искусно изваянного шатра Филаретова, рассказывал митрополит великому князю, как принесена была в дар царю Михаилу Феодоровичу и Патриарху, отцу его, Честная Риза Господня, которую шах Аббас Персидский взял из Мцхетского собора, в завоеванной им Грузии, и что ныне часть ее хранится в алтаре вместе со Святым Гвоздем и иными святыми мощами, часть же в петербургском придворном соборе», — повествует А. Н. Муравьев, добавляя при этом: «Его высочество вспомнил, что при крещении каждого императорского младенца полагают ему в крест малую частицу от Ризы Господней; так простирается благословение Патриаршее на все его потомство».

Это замечание подтверждается сведениями, содержащимися в ризничной описи церкви Зимнего дворца в Петербурге. Под номером 415 в перечне упомянут «Образ Божией Матери Тихвинской, в золотой ризе, с крестиком, в котором частицы Риз Спасителя и Божией Матери. На обороте образа надпись: „Этим образом Государыня Императрица Мария Феодоровна благословила Государя Императора Александра Павловича в день его крещения 20 декабря 1777 года. А крестик возложен тогда же на него”».⁴⁸

Отсюда следует, что Риза Господня находилась в ведении царской семьи, и российские правители могли распоряжаться святыней по своему благоусмотрению. Так, императрица Елизавета Петровна, вернув в 1743 г. из ссылки своего фаворита — Алексея Яковлевича Шубина (бывший прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка был сослан на Камчатку Анной Иоанновной), пожаловала ему село Работки, в Макарьевском уезде Нижегородской губернии. Выйдя в отставку в чине генерал-майора, А. Я. Шубин поселился в пожалованных ему Работках, где и умер. На прощанье Елизавета подарила ему драгоценный образ Спасителя и часть Ризы Господней. Эти святыни сохранялись в церкви села Работки еще в 1880-х годах.⁴⁹

Повествуя о Ризе Господней, А. Н. Муравьев отмечает, что ее «московская» часть «хранится в алтаре». Таким образом, ковчег с Ризой был изъят из-под медной сени и помещен на постоянное хранение в алтарь Успенского собора. Быть может, это произошло после того, как чтимая святыня была возвращена из Вологды, где сохранялась во время Отечественной войны 1812 г. Вместо Ризы под роскошную сень была положена Плащаница, шитая в XVIII в. «В справочниках XIX века она иногда по недоразумению упоминается как древняя, привезенная вместе с Ризой Господней из Персии, — пишет современная исследовательница. — Это ошибка. Некоторые авторы вообще путали Плащаницу с Ризой и все относящееся к одной приписывали другой. Ризы на виду уже давно не было, и хотя раз в год, в праздник Положения Ризы Господней в Москве, ее из алтаря выносили и каждому новорожденному наследнику царского рода продолжали отделять частичку Ризы для ношения в натальном кресте, тем не менее представления о ней в народе становились все более расплывчатыми, легендарными, почти сказочными».⁵⁰

И все же именитым гостям доводилось видеть часть Ризы Господней, хранившейся в Успенском соборе Кремля. К их числу относится Кнут

⁴⁷ Там же. С. 202.

⁴⁸ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии: Вып. 3. СПб., 1873. С. 371.

⁴⁹ Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1889. С. 330.

⁵⁰ Энеева Н. Указ. соч. С. 73.

Гамсун, побывавший в Москве в 1899 г. «Пока набожные москвичи молятся перед различными алтарями и святыми иконами, служитель, даже не слишком понижая голос, объясняет нам, что вот лоскут от Ризы Христа, святыня под стеклом — гвоздь от Креста Господня, а в запертом ларце хранится лоскуток от Ризы Девы Марии», — сообщал известный норвежский писатель.⁵¹

После того как Павел I перевез части Ризы Господней в Санкт-Петербург, одна из них хранилась в церкви Спаса Нерукотворного Образа, находившейся в Зимнем дворце, а другая — в соборном храме Петропавловской крепости. 17 декабря 1837 г. в Зимнем дворце возник пожар, и святыни, хранившиеся в дворцовой церкви, подверглись большой опасности. Вот что писал по этому поводу современник и очевидец этих событий А. П. Башуцкий: «По вынесении во время пожара мастеровыми гоф-интендантского ведомства и нижними воинскими чинами всех вещей из большой церкви в ней оставался образ Спасителя, на самом верху иконостаса. Посланные для снятия его рядовой 10-го флотского экипажа Нестор Троянов и столяр ведомства гоф-интендантской конторы Абрам Дорофеев, презирая явную опасность и не смущаясь даже не только увещаний, но приказаний выйти из церкви, положили себе христианский обет: спасти, во что бы то ни стало, от огня святыню. Лестница, приставленная к иконостасу, была коротка, по чрезвычайной высоте его. Троянов не смутился этим; с неимоверною трудностью взобравшись на карниз, цепляясь за обламывающуюся резную работу иконостаса, он, благословясь, снял образ Спасителя, передал его товарищу — Дорофееву, спустился, весьма скоро, и торжественно вынес с ним из пожарища образ». ⁵² Впоследствии оба они получили, по высочайшему повелению, по 300 рублей, а Троянов, сверх того, был переведен в гвардию.⁵³

Часть Ризы Господней и другие святыни также были спасены от огня. По словам того же автора, «кроме того спасены в совершенной целости из дворцовой церкви: прежде всего Святые мощи, потом вся богатая ее утварь, великолепная ризница, образа с их дорогими окладами». ⁵⁴ Вскоре началось восстановление дворцовых построек, и уже 2 февраля 1839 г. в Зимнем дворце была освящена малая церковь во имя Сретения Господня, возобновленная после пожара. А за несколько дней до празднования Святой Пасхи был обнародован «высочайше утвержденный церемониал для слушания службы, в первый день сего общего христианского праздника, в большой церкви Зимнего дворца». ⁵⁵

Часть Ризы Господней снова заняла свое место в придворном храме. В описании Зимнего дворца, помещенном в журнале «Нива» за 1872 г., сообщается про ризницу дворцовой церкви и про хранившиеся там святыни. Составитель обзора упоминает про «часть Ризы Господней, в золотом ковчеге; как показывает находящаяся на нем надпись, приношение царя Федора Алексеевича». ⁵⁶

Обратимся к содержанию описи дворцовой церкви, подтверждающей, что ковчег с частью Ризы Господней был «принят в ризницу из комнат Государя Императора Павла I». ⁵⁷ Под № 143 в описи содержатся подробные сведения о чтимой святыне: «Золотой ковчег, устроенный наподобие книги,

51 Гамсун К. В сказочном царстве. М., 1993. С. 16.

52 Башуцкий А. П. Возобновление Зимнего дворца в Санкт-Петербурге. СПб., 1839. С. 54.

53 Там же.

54 Там же. С. 55.

55 Там же. С. 70.

56 Зимний дворец // Нива. 1872. № 11. С. 167.

57 Историко-статистические сведения... С. 365.

содержит нашитую на шелковой подушке часть Ризы, или Хитона, Господа нашего Иисуса Христа. Ковчег украшен эмалевыми изображениями четырех Евангелистов и Страданий Господних, также бриллиантами, яхонтами и изумрудами. На задней стороне надпись: „На многоцелебную Ризу Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа сей златый ковчег с алмазы и изумруды устроен повелением Великаго Государя и Царя и Великаго Князя Феодора Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца и принесен им Великим Государем в соборную и апостольскую церковь Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии, Честнаго и Славнаго Ея Успения, в Святый и Великий Пяток на воспоминание Спасительных Страданий Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, в лето 7190 (1682) апреля 14 дня, и того же числа положена в сей устроенный ковчег многоцелебная и спасительная Риза Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, великим господином Святейшим Иоакимом, Патриархом Московским и всея России”». ⁵⁸

Следует отметить, что в той же описи кратко упоминается о другом ковчеге — уже не золотом, а серебряном, в котором также хранилась часть Ризы. Под № 160 приводятся такие сведения: «Ковчег серебряный, вызолоченный, с частями Древа Креста Господня, Ризы Господней и мощей разных Святых». ⁵⁹ Чтимая Риза благоговейно сохранялась в дворцовой церкви и в начале XX в. В «Путеводителе по церквам города Санкт-Петербурга и ближайших окрестностей» читаем: «В дворцовой церкви — часть Ризы Господней в золотом ковчеге, устроенном при царе Феодоре Алексеевиче в 14 день августа 7190 (1682) г.». ⁶⁰

Вплоть до 1917 г. другая часть Ризы Господней хранилась в соборе Святых Апостолов Петра и Павла («в крепости»). Возможно, она была привезена в Санкт-Петербург по распоряжению Павла I, как и «дворцовая» часть Ризы. Но достоверных сведений на этот счет не имеется; в описании Петропавловского собора, составленном в середине XIX в., отмечалось: «Когда и по какому случаю часть Ризы Господней поступила в собор — неизвестно: об этом не сохранилось ни документов, ни преданий». ⁶¹ Автор этого трактата пишет: «Перед царскими вратами хранятся предметы особенного поклонения и чествования благочестивых христиан. Между ними первое место занимает частица от святой и многоцелебной Ризы Спасителя... Эта частица сохраняется в небольшом серебряном позлащенном ковчеге, помещенном в деревянном позлащенном же киоте за стеклом». ⁶² Киот, в свою очередь, был установлен на деревянной тумбе, пред иконостасом, у иконы Спасителя. ⁶³ С чтимой святыней была связана интересная традиция: «Во время панихид по Августейшим усопшим этот ковчегец кладется на гробницу особы, по которой совершается поминовение», — сообщает С. К. Новоселов. ⁶⁴

Летом 1698 г. царский стольник П. А. Толстой, совершавший путешествие по Европе, прибыл на Мальту. Будучи в Ла-Валетте, он посетил кафедральный собор Святого Иоанна Крестителя, где поклонялся чтимым святыням.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 366.

⁶⁰ *Тихомиров Н. А.* Путеводитель по церквам города Санкт-Петербурга и ближайших его окрестностей. СПб., 1906. С. 91.

⁶¹ *Новоселов С. К.* Кафедральный собор во имя Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла в Санкт-Петербурге. СПб., 1857. С. 92.

⁶² Там же.

⁶³ *Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии: Вып. 1.* СПб., 1869. С. 89.

⁶⁴ *Новоселов С. К.* Указ. соч. С. 91.

25 июля 1698 г. П. А. Толстой сделал такую запись: «Поутру пришел ко мне кавалер Иосиф Маноель, а потом привезли ко мне гранмайстерову корету (карету гроссмейстера ордена. — А. Н.), в которой я с тем кавалером приехал к костелу Святого Иоанна Предтечи, при котором пребывает епископ римской веры. Тот костел велик и строения предивного; при том костеле живут сто двадцать человек попов, которые в том костеле и приделах того костела служат. Те попы носят на черных своих одеждах кресты белые, нашиты на левом плече, полотняные; а иные из них носят золотые кресты кавалерские по изволению гранмайстера, которому он поволит».⁶⁵

Среди прочих реликвий в соборе Ла-Валетты хранилась Филермская икона Божией Матери, десница Святого Иоанна Предтечи, а также «Крест, в котором есть часть древа Христова Креста».⁶⁶ Упомянув о Кресте, П.А.Толстой приводит такие сведения: «В нем же две малые части некоторой древней материи, а сказывают мальтийцы, что то есть часть от Риз Спасителей, видом лазоревы и стканы подобием крашенины толстой, реткой и нелощеной».⁶⁷

В конце XVIII в. Мальтой овладели наполеоновские войска, и тогда мальтийские рыцари решили перейти под защиту России. В 1796 г. посол Мальтийского ордена граф Джулио (Юлий) Литта прибыл в Петербург, где на торжественной аудиенции просил императора Павла I принять Мальтийский орден под свое высокое покровительство. В 1798 г. мальтийские рыцари избрали императора Павла I главой ордена, и 29 ноября того же года император торжественно возложил на себя корону Великого магистра. Десная рука Святого Иоанна Крестителя была привезена в Петербург в том же 1798 г., а чудотворная Филермская икона и часть Древа Животворящего Креста Господня были доставлены в Петербург в 1799 г.

Движимые чувством благодарности за оказанные ордену благодеяния и в знак подчинения своему новому магистру, 3 августа 1799 г. мальтийцы отправили депутацию в Петергоф для принесения святынь в дар Павлу I. Император принял депутацию; при этом он изъявил желание ознаменовать сие событие особым празднеством, усматривая в нем проявление особой милости Божией к России. 12 октября 1799 г. состоялось торжественное перенесение привезенных с Мальты святынь в Гатчину, где они были помещены в дворцовой церкви. Осенью того же 1799 г., с отъездом императорского двора из Гатчины, мальтийские святыни были перевезены в Санкт-Петербург. Вплоть до 1917 г. они находились в соборе Зимнего дворца. Можно предположить, что, передавая Павлу I часть Древа Животворящего Креста, мальтийские рыцари вручили ее императору вместе с частицей Ризы, находившейся в одном и том же Кресте. А поскольку ранее большая часть Ризы Спасителя была перевезена Павлом I из Москвы в собор Зимнего дворца, то — как знать? — не тогда ли император передал «мальтийскую» часть Ризы в Петропавловский собор?

Если в дворцовую церковь вход для простого народа был, по понятным причинам, ограничен, то в Петропавловский собор доступ был свободным, и, по свидетельству, относящемуся к середине XIX в., «в Петропавловском соборе почти во всякое время дня можно встретить усердно молящихся близ того аналогия, в котором помещается ковчег с Ризою Господнею».⁶⁸

В дореволюционной печати можно почерпнуть интересные сведения, относящиеся к чтимой святыне. Вот одно из них. В 1896 г. в газете

⁶⁵ Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе: 1697—1699. М., 1992. С. 166—167.

⁶⁶ Там же. С. 168.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ С. Д. Ф. (Флоринский Д. И.). Указ. соч. С. 3.

«Новости» сообщалось о том, что 8 апреля в Петропавловский собор «прибыл Его королевское высочество князь Фердинанд Болгарский. Его высочество был в болгарском генеральском мундире, имея через плечо ленту русского ордена Св. Александра Невского, пожалованного ему в Москве во время Священного Коронования в 1883 г.».⁶⁹ «Посетив гробницы императоров Александра II и Александра III, — продолжает корреспондент «Новостей», — князь Фердинанд со всею своею свитою обошел гробницы всех членов императорской фамилии, погребенных в соборе, а также осмотрел весь собор и в особенности обратил внимание на святыню собора — Хитон Господень, а также на работу императора Петра Великого — сделанные из слоновой кости резные образа и точеные украшения к ним».⁷⁰

После 1917 г. ковчег с частью Ризы Господней постигла, по-видимому, та же участь, что и другие святыни, хранившиеся в Петропавловском соборе: в мае 1922 г. большая часть церковных ценностей была изъята из собора, а в 1924 г. собор был превращен в музей.

* * *

В граде на Неве издавна хранились чтимые иконы, передававшиеся по наследству из поколения в поколение. В одной из таких икон имелась частица Ризы Господней, и вплоть до конца XIX в. этот чтимый образ находился в частном владении старинного рода Салтыковых. Однако в 1896 г. эта икона была передана в церковь Святых Захарии и Елисаветы, о чем сообщалось в тогдашней церковной печати. «В молитвенную память о сыне, служившем в Кавалергардском полку, действительный статский советник Сергей Сергеевич Салтыков пожертвовал в полковую церковь Святых и Праведных Захарии и Елисаветы дорогую для него и рода его святую икону Спасителя с частицей Ризы Господней, — писал ктитор этого храма В. Н. Воейков, приводя затем интересные сведения об истории этой святыни. — Согласно преданию, сохранившемуся в роде Салтыковых, царица Прасковья Феодоровна, супруга царя Иоанна Алексеевича, урожденная Салтыкова, вложила в сию икону Спасителя частицу от Ризы Господней, хранящейся в Московском Большом Успенском соборе, и благословила эту святынюю родную племянницу свою Анну Васильевну Салтыкову».⁷¹

По сообщению того же автора, «частица Ризы Господней находится в этом золотом ковчежце в нижней части иконы и прикрыта крупным аметистом».⁷² На обороте иконы Спасителя имелась надпись: «Сия святая икона принадлежит Ея императорского величества фрейлине Анне Васильевне Салтыковой. 1704 мая дня 29 в сем месте положена часть Ризы Христа Бога нашего».⁷³ 10 марта, с благословения митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Палладия, С. С. Салтыков доставил икону в домовую церковь протопресвитера военного и морского духовенства, откуда она была торжественно перенесена в церковь Святых и Праведных Захарии и Елисаветы.⁷⁴

Дальнейшая судьба этой святыни неопределенна, причем разночтения прослеживаются уже в дореволюционных публикациях. Так, в «Путеводителе по церквам Санкт-Петербурга и ближайших его окрестностей» один

⁶⁹ Новости. 1896. 9 (21) апр. (№ 97).

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Воейков В. Н. Указ. соч. С. 17.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. С. 18.

из разделов посвящен описанию церкви во имя Святых Захарии и Елисаветы лейб-гвардии Кавалергардского полка (храм находился по адресу: Захарьевская ул., д. 20/22). Но упоминания об иконе Спаса с частью Ризы Господней здесь нет. (Зато в другом разделе, где речь идет о достопамятностях Александро-Невской лавры, сообщается про икону «Нерукотворенного Спаса, в венце; над ликом вложена часть Ризы Господней».⁷⁵ Можно предположить, что это та самая икона, которая ранее находилась в церкви Святых Захарии и Елисаветы. Но с полной уверенностью говорить об этом нельзя, поскольку в иконе Салтыковых часть Ризы находилась «в нижней части», а в лаврской — «над ликом»).

Драматична была судьба тех частей Ризы Господней, которые пребывали в Московском Успенском соборе. Вот как описывает корреспондент газеты «Берлинер Тагеблатт» Пауль Шеффер состояние соборов Кремля после «изъятия» церковных ценностей: «Ущерба не описать инвентарной описью. Всего сильнее и глубже действует утрата общего живописного эффекта внутренностей этих соборов, их мягкой и вместе гнетущей и смущающей таинственности. Ее уже нет. Бывало, здесь из тьмы (лишь наверху, близ купола, несколько разреженный свет) светили тысячи маленьких и больших свечей. Свет их играл на серебре, на золоте, богатых тканях, темных ликах Святых, на тяжелых формах паникадил, на тяжелых роскошных ризах.

С XVIII века укоренился обычай оставлять на виду только лица, руки и ноги Святых, скрывая все остальное под золотом или серебром; но эти матовые панцири на всех стенах, у всех колонн и алтарей, на которых играл свет восковых свечей, более всего наполняли храмы неведомо откуда притекавшей, торжественной, струящейся жизнью... Теперь все эти ризы сорваны. Даже с медных футляров, прикрывающих гробницы Патриархов, сняты серебряные бляхи. Парчовые покровы свалены грудями или сложены в ящики. Все лампы, паникадила и серебряные светильники сданы для переплавки. Оставлен только дар казаков из отобранного ими у французов похищенного церковного имущества — массивный канделябр в Архангельском соборе в 400 кило весом. Пощажены „для образца“, чтобы видели, какое тут богатство было прежде. Оставлены и некоторые малоценные исторические достопримечательности. Но общее впечатление — ужасающей пустоты. С гробницы митрополита Петра сорвана серебряная рака, в которую было вделано изображение Святого, — теперь видны только голова, руки и стопы на темной опечатанной доске. Большевики хозяйничали здесь беспощадно, систематически, — беспощаднее, чем французы в 1812 году. Забраны даже все священные сосуды, так как кремлевские церкви бездействуют. Оставлены, потому что их невозможно было взять, — знаменитые двери с золотой резьбой в Благовещенском соборе. Но над дверьми собора с знаменитой иконы Христа Спасителя, перед которой некогда молился Лжедмитрий, содрана серебряная риза, и видна лишь шероховатая доска, покрытая чем-то черным и липким, с чуть обрисовывающимся очертанием головы. И такими стали все старинные иконы XIV и XV вв.»⁷⁶

О дальнейшей судьбе «московской» части Ризы Господней сообщает современная исследовательница. «По сведениям сотрудников музеев Московского Кремля, после революции, в 1918 г., хранившиеся в алтаре Успенского собора святыни были перенесены в Крестовоздвиженский монастырь, находившийся неподалеку, в начале Воздвиженской улицы. Когда

⁷⁵ Тихомиров Н. А. Указ. соч. С. 42.

⁷⁶ Берлинер Тагеблатт. 1922. № 142. Цит. по: Черная книга («Штурм небес»): Сборник документальных данных. Париж, 1925. С. 282–283.

монастырь закрыли и разрушили, а духовенство его арестовали, святыни были у Церкви конфискованы и помещены в фонды музеев Московского Кремля, где и сохранялись (подчас с большими трудами и опасностями) музейными работниками в неприкосновенности вплоть до настоящего времени, — пишет Н. Энеева. — Среди них находится и ковчег с Ризой Господней, который попал в отдел драгоценных металлов, где и хранится поныне».

Еще одна частица Ризы Господней находится ныне в московском храме Ризоположения на Донской улице. Она была передана сюда Святейшим Патриархом Алексием I в 1951 г., в связи с 250-летием со времени основания этой церкви. А Патриарх Алексей I, в свою очередь, ранее получил эту святыню в подарок от Патриарха Александрийского.

Наши предки, благоговейно сохранявшие дарованную православной Руси святыню, считали себя недостойными этого великого благодеяния. «О, преславное чудесе! Каково Божие дарование Российской земли даровася, Риза, еуже безгрешный Господь одеем, сию неблагодарнии людие от дальних стран, яко дар некий, в царствующий град Москву принесоша», — говорится в одном из песнопений службы на Положение Ризы Господней.⁷⁷

Почти три столетия Риза Господня сохранялась и почиталась на Святой Руси. И хотя впоследствии бóльшая часть чтимой святыни была утрачена, в чем повинны новые «неблагодарнии», память о ней остается в литургическом наследии Русской Православной Церкви. И это дает надежду на духовное возрождение России: «Риза честная Твоя, Владыко, яже Твое Божественное и Пречистое Тело покрывающая, одежду исцелений дарова нам».⁷⁸

---

⁷⁷ Миняя. 10 июля, Утренняя, икос канона.

⁷⁸ Там же, из стихир на Господи воззвах.

М. Ф. Мурьянов

ПУШКИН О МОСКОВСКОЙ РЕЧИ

В набросках «Опровержение на критики» (1830) Пушкин заметил: «Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава Богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований. Альфиери изучал итальянский язык на флорентинском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвириям. Они говорят удивительно чистым и правильным языком» (VII, 122).

Знаем ли мы, что же это за *удивительно чистая и правильная* разновидность русского языка? Об этом однажды зашла речь в Отделении литературы и языка АН СССР, обсуждавшем вопрос о том, каким должен быть словарь современного русского языка. Тогда — это было весной 1939 г. — виднейший лексикограф член-корреспондент АН СССР Д. Н. Ушаков поделился своими впечатлениями о новом поколении филологической молодежи. Опубликована стенографическая запись его выступления: «Студент, хороший студент, говорит мне: „Вот, Дмитрий Николаевич, не понимаю пушкинской фразы: он советует прислушиваться к говору московских просвириен“. Студент не знает,

что такое *просвирня*. Он думает, что это, очевидно, какая-то мастерская: *столярня, слесарня* и т. д. Так вот я и думаю: очень почетная задача этого молодого человека — филолога — просветить. Где же он это слово найдет? В словаре оно должно быть».¹

Созданные Академией наук словари эту задачу решили. Так, в большом «Словаре современного русского литературного языка» читаем: «*Просвирня*. Женщина, занимающаяся выпечкой просвир». А *просвирá* (*просфорá*) — это «белый круглый хлебец, употребляемый в обрядах православного богослужения». Как видим, задача решена лишь в первом приближении: словарь ведь не может вдаваться в развернутые пояснения таких понятий, о которых коротко не скажешь. К тому же в данном случае точное знание значения слова *просвирня* вовсе не означает, что тем самым известны особенности языка просвирен в пушкинскую эпоху, причины этих особенностей, смысл проведенного Пушкиным сравнения с языковой ситуацией в Италии.

Пушкинское высказывание содержит несколько принципиальных положений:

1) владение иностранными — прежде всего французским — языками обернулось для образованной части русского общества ущербностью знания родного языка;

2) ущербному русскому языку русского дворянства противостоит разговорный язык простого народа, пренебрегаемый в социальных верхах, но достойный глубочайших исследований;

3) точнее: этот язык «достоин также глубочайших исследований». Знаменательным наречием *также* устраняется возможность толковать высказывание как отрицание достоинств языка образованной части общества, открытого для обогащения культурными ценностями других народов Европы;

4) известна ведущая роль Флоренции, т. е. тосканского диалекта, в складывании общенационального языка Италии. К словам о Флоренции присоединено через бессоюзную подчинительную связь, обозначенную пунктуационно, двоеточием, высказывание о Москве, где, как казалось современникам Пушкина, по-русски говорят правильнее и чище, чем в других местах;

5) еще одна линия русско-итальянского сравнения по поводу обращения к народным истокам языка — «мы» и граф Витторио Альфьери (1749—1803), человек французской культуры, латинист и эллинист, в начале своей литературной деятельности плохо знавший родной язык, а затем поднявшийся до создания своего собственного стиля, совершенно нового трагического стиха;

6) для Флоренции как коллективный носитель разговорного языка простого народа обозначен базар, а для Москвы — просвирни.

Это, конечно, полемическое заострение, сделанное пером русского человека. В Москве ведь тоже был базар, а во Флоренции тоже кто-то выпекал опресноки — хлебцы для мессы. Но католическое духовенство безбразно, а за русскими просвирнями — школа семейной жизни. Кому что нравится. Пушкину нравились русские просвирни. Это национальное пристрастие поэта было настолько хорошо известно в литературных кругах, что в 1832 г. по инициативе президента Российской Академии адмирала А. С. Шишкова поэт стал действительным членом Академии. Но и на другом полюсе противостояния в спорах о языке между «шишковцами» и «карамзинистами», в Петербургской Академии наук Пушкина понимали и

¹ Современная русская лексикография: 1981. Л., 1983. С. 152.

высоко ценили, в 1831 г. ее глава филолог-античник С. С. Уваров высказывал желание увидеть поэта почетным членом Академии.

В рассматриваемом нами тексте есть один скрытый, но существенный показатель того, что Пушкин был далек от национальной ограниченности, что его «шишковизм» был весьма условным. Нет, Пушкин стоял лицом к Европе, а взгляд его на европейскую культуру отличался избирательностью вкуса. В самом деле, мысль об Альфьери в связи с раздумьями о русской языковой действительности не была лингвистически неизбежной. Она, пожалуй, даже неожиданна. Закономерность здесь есть только в одном: имя выдает как раз ту направленность ума, которую выслеживали в Пушкине душители его свободы.

Пафос творческой индивидуальности Альфьери — тираноборчество, он сумел его выразить не только в трагедиях, которые на русской сцене не шли и на русский язык не переводились, причем не по недостатку знаний, не по отсутствию интереса к итальянскому театру. Официальный Петербург запомнил известные всему миру слова отвращения, высказанные в автобиографических записках Альфьери по поводу политического устройства России, где для него все дышало тиранией, начиная от самодержицы Екатерины II, запятнанной «самым ужасным преступлением, убийством безоружного супруга». Русские ему показались рабами, их гнула к земле переписывавшаяся с лучшими мыслителями европейского Просвещения императрица, эта «философствующая Клитемнестра» (*Clitemnestra filosofessa*).

Русскому обществу не положено было знать об этом отзыве, о чем выразительно сказано в статье об Альфьери в вышедшем еще при жизни Пушкина «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара (СПб., 1835, т. 2): «Сочинения Альфьери дышат красноречием истинного трибуна. Что же касается до записок о его жизни, то желательно бы было не видеть их в печати». Это не осталось пустым пожеланием, автобиографические записки Альфьери никто не увидел напечатанными в России. Но Пушкин произведения Альфьери знал и считал, что в его творчестве есть образцы для некоторых трагедий Байрона, — это на языке Пушкина являлось высшей похвалой. Примечательно, что все упоминания об Альфьери поэт позволял себе только в письмах к ближайшим друзьям и в черновых набросках не для печати.

Итак, Пушкин признал за Москвой роль высшего авторитета в вопросах правильности русского языка. Это находится в драматическом противоречии с медленным, но верным движением речевых навыков самого Пушкина от нормы родной, московской к норме петербургской — движением, зафиксированным и доказанным академиком С. П. Обнорским.² Пушкин в этот момент все еще считал свое произношение московским, как явствует из его слов в том же «Опровержении»: «Московский выговор чрезвычайно изнежен и прихотлив... Мы даже говорим *женщины, нослег...*».

Язык всегда в чем-то подвижен, а в чем-то стабилен. Когда в языке ищут правильность и чистоту, обращаются именно к стабильному началу, которое в старой Москве имело несравненно более глубокие корни, нежели в молодом Петербурге. А внутри пестрого московского общества его самой стабильной, консервативной частью было духовенство. Занимавшие дворян и мещан, сменявшие друг друга моды на ополячивание, онемечивание, офранцуживание духовенство не затрагивали; вместе с тем эта замкнутая каста не подвергалась тому разрушительному действию крепостного права,

---

² См. его фонетическое исследование «Пушкин и нормы русского литературного языка», впервые опубликованное в Трудах юбилейной научной сессии Ленинградского университета, 1946.

которое испытывал на себе самый обширный и обездоленный класс — крестьянство.

Основная линия традиционности внутри духовенства — женская. Хранительницы домашнего очага обладали, при прочих равных условиях, тем качеством в своем языке, которого не имели их мужья. Эти женщины воспитывали детей, об их особенностях напоминает шутливая поговорка у Даля: «Ты не просвирнин сын, сквозь тебя не видно (не засть)», поэтому их язык обладал всей полнотой выразительных средств, чего не могло быть в языке церковных книг, применимом далеко не во всех случаях жизни.

Полнота языка женщин является фактом, положенным в основу лингвистического термина, отсутствующего в русском языке, но точно выражающего суть явления: *нем.* Muttersprache, *франц.* langue maternelle, *англ.* mother tongue — буквально «материнский язык». Идея создать такой термин возникла у западных ученых XII в. Общась между собой на мертвой латыни, они остро ощущали скованность своей речи, нехватку того живительного начала в языке, которое человеку дано принять только из уст матери. Это недостающее ученые мужи метко назвали по-латыни *materna lingua* — *материнский язык*.

Просвирней могла стать далеко не каждая москвичка духовного сословия, поскольку должность просвирни — общественная, она уже в древнерусских княжеских уставах XI—XV вв. числится в причте (церковном штате). Такое новшество возникло на древнерусской почве, а византийцы считали, что иметь женщин в составе причта не следует, дабы для мужчин не возникло соблазна. Это установили историки.³ Постановлением созванного Иваном Грозным Стоглавого собора (1551 г.) разъяснено, что допускать к должности просвирни можно только единобрачных вдов духовного сословия, имеющих безупречную репутацию. Незадолго до этого немецкий дипломат и путешественник Зигмунд Герберштейн обратил внимание на просвирен как на русскую достопримечательность (см. его «Записки о московитских делах», 1549).

Лингвист, изучающий сегодня территориальные и социальные диалекты русского языка, не имеет возможности назвать конкретные признаки языка московских просвирен, реконструировать их. В пушкинскую эпоху русской диалектологии еще не было, и, следовательно, диалектологических записей того времени не существует, а в пореформенное время языковая картина Москвы стала быстро меняться. В 1869 г. закон отменил наследственность русского духовенства и упразднил должность просвирни в составе причта. Уникальное, крохотное племя просвирен, чье имя не переводится ни на какие языки, все еще влачило какое-то существование, в 1891 г. А. П. Чехов заметил о своих денежных делах в Москве: «...я еще не запутался, потому что изошряюсь и живу скромнее просвирни».

Церковные просфоры выпекались в неумножающемся количестве, но делали это уже в основном не просвирни, а централизованные пекарни. Для Руси пришло время распрощаться с одной из своих исконных реалий; грусть исторического расставания прозвучала еле заметной ноткой в оптимистических словах великого ученого-генетика академика Н. И. Вавилова, сказанных по поводу задач селекции пшеницы: «Средневековые сорта — белотурки, гарновки и ульки — жалкие, как просвирни, и лишние, как ижица, навсегда оставят в покое наши поля».⁴

³ См.: Reallexikon für Antike und Christentum/Hrsg. von Th. Klauser. Stuttgart, 1970. Lfg. 58.

⁴ Ленинградская правда. 1933. 29 авг.

НОВЫЙ КОММЕНТАРИЙ К ЗАМЕТКЕ А. С. ПУШКИНА О СЛАВЯНСКОЙ АЗБУКЕ

Память о прошлом для А. С. Пушкина всегда была «животворящей святыней». В составе уникальной личной библиотеки поэта, отразившей, в частности, его неизменный и действительный интерес к истокам отечественной и славянской культуры, имелась и книга историко-филологических изысканий Н. Ф. Грамматина с длинным названием «„Слово о полку Игоревомъ историческая поэма, писанная в началѣ XIII века на Славенскомъ языкѣ прозою и с оною преложенная стихами древнѣишаго Русскаго размѣра, съ присовокупленіемъ буквального преложенія, съ историческими и критическими примѣчаниями, критическимъ же разсужденіемъ и родословною”». Изданиемъ издателя. Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго. 1823».¹ Не ограничиваясь своей версией перевода «Слова о полку Игореве» и примечаниями к нему, Н. Ф. Грамматин сделал крайне необудительную и неуклюжую попытку (впрочем, в большей степени обусловленную уровнем развития науки своего времени) истолковать всем известную церковнославянскую азбуку как некие «апоффегмы» (изречения), составленные буквенными именами в порядке их следования.

А. С. Пушкин одним из первых интуитивно, чутьем художника разгадал в языке «Песни о полку Игореве» «дух древности, под который невозможно поддаться».² К попытке же истолкования Н. Ф. Грамматиным азбуки поэт отнесся с глубоким недоверием. Более того, явные натяжки, местами полная логическая бессвязность, а также совершенное отсутствие поэтической струи в предложенном истолковании азбуки спровоцировали А. С. Пушкина на категорическое утверждение: «Буквы, составляющие славенскую азбуку, не представляют никакого смысла. *Аз, буки, веди, глаголь, добро* etc. суть отдельные слова, выбранные только для начального их звука» (VII, 355).

С тех пор историческая славистика продвинулась далеко вперед. Изданы и исследованы тысячи древних славянских рукописей, в деталях изучена грамматика древнейшего славянского языка. Составлены этимологические и исторические словари почти для всех славянских языков. Более подробно и всесторонне исследована творческая деятельность создателя славянской письменности — великого ученого Святого Константина Философа (в монашестве Кирилла) и его брата Святого Мефодия, всецело подчиненная высокой гуманистической миссии приобщения славян к христианству.

В ходе длительных дискуссий в науке окончательно утвердилось мнение об историческом приоритете одной из двух славянских азбук, а именно глаголицы, которая признается творением Святого Кирилла. Именно для причудливых глаголических знаков (заметим при этом, что они начинались с креста) придумал автор эти названия, которые потом перешли в азбуку, названную его именем («кириллицу») и унаследовавшую от глаголицы

---

* Лидия Владимировна Савельева — прямой потомок А. С. Пушкина через его старшего сына А. А. Пушкина, живет и работает в Петрозаводске. Доктор филологических наук, профессор, автор книг и статей по истории русского языка и эстетике слова. — *Прим. ред.*

¹ *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 31.

² *Пушкин А. С.* Мысли о литературе. М., 1988. С. 327.

главное — соотношение звуковых типов и буквенных знаков.³ В глаголице названия букв обнаруживают очень строгую упорядоченность до буквы *чрьвь* включительно, поскольку каждый из этих буквенных знаков обозначал определенную цифру в натуральном ряде единиц, десятков и сотен. Буква *чрьвь* завершала этот ряд, соответствуя 1000, оставшиеся же азбучные имена были «пустыми» и количественно, и семантически.

Что же касается внутренней связи наименований букв друг с другом, то она в полной мере не замечалась. Большинство исследователей вслед за Э. Георгиевым и Н. С. Трубецким признают в этих именах рудименты акростиha постулируемой Азбучной молитвы Святого Кирилла.⁴ Тем самым оказывается, что одно неизвестное — принцип буквенных наименований — объясняется через другое неизвестное — не дошедший до нас текст.

Мы предлагаем свою интерпретацию славянской азбуки, исходя из ярко выраженной текстообразующей роли каждого пронумерованного слова-названия. Главные аргументы нашей расшифровки — это полное соблюдение в азбучном тексте грамматических и лексических знаков старославянского языка IX в. Так, здесь отражены закономерности согласования в роде и в числе: *нашь онъ покои; слово тврѣдо, укѣ фертъ*; в лице и числе: *азъ... вѣдѣ, добро естъ*; закономерности управления: *буки вѣдѣ, рѣци слово*, а также правила употребления числовых форм при обращении: *людие мыслите, живѣте... земля*. Исходные значения большинства буквенных названий документируются показаниями исторических и этимологических словарей.⁵ При этом группу слов — концептов христианского вероучения (*добро, земля, покой, слово*) мы расширяем за счет этимологизации буквенного имени *хѣръ*, восходящего к *хѣруимъ*, а также расшифровки загадочной глаголической буквы *пѣ*, в которой мы реконструируем словоформу *печали* (род. пад.) в значении «забота, мирская печаль». Именно этим словом начинается соответствующий 26-й стих в большинстве списков знаменитой Азбучной молитвы XI в.: *Печаль мою на радость прѣложу*.⁶ Общеизвестен и термин аскетике *беспечалие* как «отрешение от мирских забот».⁷

Особого примечания требует также этимология буквы *фертъ*. На наш взгляд, поскольку славянской речи звук [ф] был чужд и соответствующая буква нужна была только для передачи фонетики заимствованных слов (прежде всего из греческого), то естественно искать именно греческий источник наименования. Поэтому, вопреки этимологическому словарю М. Фасмера, мы связываем славянский *фертъ* с греческим *ferτος*, отглагольным прилагательным пассивно-страдательного значения от глагола *fero*, в значении «избираем», «избирателен»; при этом греческому слову создатель азбуки придал славянское окончание для согласования с *укѣ*.

Характерно, что буквенные имена глаголицы, как оказалось, выстраиваются в структурно и ритмически организованные ряды, поскольку явную

³ Иванова Т. А. Славянские азбуки // Актуальные проблемы старославянского языка. М., 1984. С. 64—69.

⁴ Георгиев Е. Именита на старобългарските букви // Сборник в памет на Петър Нинов. София, 1940. С. 115—125; *Trubetskoj N. S. Altkirchenslavische Grammatik*. Wien, 1954. S. 18—20.

⁵ Подробнее об этом см.: *Савельева Л. В. Сакральный смысл славянской азбуки // К интерпретации славянского азбучного именника как текста*. СПб., 1998; *Савельева Л. В. Славянская азбука. Дешифровка и интерпретация первого славянского поэтического текста // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX вв.* Петрозаводск, 1994.

⁶ Азбучная молитва Константина Болгарского // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1988. Т. XXI. С. 298.

⁷ *Седакова О. А. Церковнославянско-русские паронимы // Славяноведение*. 1992. № 5. С. 99.

цикличность интонационно-смысловых отрезков трудно считать случайностью.

Азь буки въдѣ/Глаголи добро есть //
Живѣте зѣло земля/Иже (и) како //
Людіе мыслите/Нашь Онѣ покои //
Рѣци слово тврьдо/Укъ фертъ //
Хѣрувимъ отъ печали/Ци чрьвь //

Нет сомнения, что реконструированный текст — это поэтическое произведение Первоучителя «славянского племени», творчески использовавшего сакральную образность и стиховые традиции византийской литургической поэзии. Подобно греческим ирмосам,⁸ стихотворение Святого Кирилла тяготеет к парному изосиллабизму (13-12-13-10-12), при этом симметричное распределение акцентов в полустипических компенсирует нарушения в их равносложности. Своеобразное ритмическое «дыхание» азбучного текста создается также типичной для молитвословного стиха «системой грамматических сигналов»⁹ — императивов (*глаголи, живѣте, рѣци*) и обращений (*людіе*), особо акцентирующих начала стихов (или полустипических), а также постоянной женской клаузулой (заметим, что слово *земля* имело ударение на первом слоге).

Знаменательно, что начало азбуки — понятие «я». Азь («я») выступает как субъект познания и самосознания, как ценностная точка отсчета в христианской культуре и вместе с тем как точка пересечения различных символических построений. Создатель азбуки очерчивает концептуальную модель мира, обозначая в сгущенных образах сакральной поэтики полюсы макрокосма (*земля — Онѣ покои*) и микрокосма (*хѣрувимъ*), как начало идеальное, духовное, высокое (*чрьвь*), как начало земное, плотское, низменное. В точке пересечения этих осей координат (первой, внешней по отношению к человеку, и второй, символизирующей внутреннюю жизнь человеческой души) и вместе с тем в центре очерченной модели мира стоит свободный в своем выборе «азъ». Обучение грамоте представлено Святым Константином Философом как отправной шаг в сущностном познании мира, как пробуждение личности, осознающей «царство Божие внутри себя» и свой сознательный выбор.

Таким образом, наш традиционный буквенный именник отнюдь не представляет собой всего лишь случайное скопление взятых наугад слов с нужным начальным звуком. В азбучном «прологе» к чтению и письму заложена социокультурная установка, направляющая деятельность человека в соответствии с нравственными ориентирами христианского вероучения, согласно четко обозначенным векторам духовного пространства.

Забвение исходного, этимологического смысла «азов» нашего повседневного письма значило бы отторжение славянской культуры от ее исторически детерминированной нравственной первоосновы. Вряд ли А. С. Пушкин согласился бы с таким решением.

Именно поэтому краткая заметка об азбуке в новом полном собрании сочинений А. С. Пушкина должна быть снабжена соответствующим историко-культурным комментарием.

⁸ Тарановский К. Формы общеславянского и церковнославянского стиха в древнерусской литературе XI—XIII вв. // American Contribution to the VI International Congress of Slavists. Hague—Paris, 1968. Vol. 1. P. 377.

⁹ Jakobson R. The Slavik Response to Byzantine Poetry // XII Congress der Etudes Byzantines. Rapporte VIII. Belgrade—Ochride. 1961. P. 252.

ПУШКИН И ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ

Когда размышляешь о духовной жизни Пушкина, о его восхождении «к Сионским высотам», о путях, которыми вело его благое Провидение, неизменно встает вопрос, как же случилось, что не встретился он с величайшим из русских Святых, который Промыслом Божиим жил с ним в одно время. Могло ли быть, что в пору своей духовной зрелости, на пороге жизненного перелома (женитьбы), осенью 1830 г. оказавшись в ближайшем соседстве с Саровским монастырем,¹ Пушкин не пришел поклониться батюшке Серафиму, не взалкал благословения святого старца? Ну, а если бы, допустим, они все-таки встретились, то как бы мы могли узнать об этом?

Мы знаем, что Пушкин хранил свою веру, свою внутреннюю духовность в тайне, в глубине сердца, целомудренно. Да и батюшка Серафим всегда наставлял так: «Не должно без нужды другому открывать сердца своего. Из тысячи найти можно одного, который бы сохранил твою тайну. Когда мы сами не сохраним ее в себе, как можем надеяться, что она будет сохранена другим? Когда случится быть среди людей в мире, о духовных вещах говорить не должно... Всеми мерами должно стараться скрывать в себе сокровище дарований: в противном случае потеряешь и не найдешь. Ибо, по изречению Святого Исаака Сирина, „лучше есть помощь, яже от хранения, паче помощи, яже от дел. Когда же надобность потребует, или дело дойдет, то откровенно во славу Божию действовать должно“».²

Стало быть, если Пушкин и доверил (предположим) сию тайну кому-то близкому, кто бы мог сохранить тайну — тот ее и сохранил. Как же узнать? По намекам, разбросанным в произведениях поэта? Но намек есть намек — вещь тонкая, неопределенная. Так как же все-таки узнать? Да ведь Пушкин постоянно вел свой графический дневник, и все важные события и своей жизни, и своего времени запечатлевал в зарисовках на полях и в тексте рукописей!

В автографе стихотворения «Отцы пустынники и жены непорочны» (1836) есть рисунок, настолько замечательный, что Николай I после смерти поэта высказал пожелание опубликовать эту рукопись вместе с рисунком. На нем поэт изображает «молящегося монаха в келье».³ Но рука монаха поднята выше лба, — значит, он не молится, он благословляет (нетрудно догадаться кого!). И он не просто монах, а святой монах, или, лучше сказать, святой старец. Он весь светится, и лицо его светится, и от поднятой вверх благословляющей руки идет свет, как бы от свечи. Нечто подобное замечали за Святым Серафимом; один саровский инок видел, как перед иконою около молящегося отца Серафима «появился голубоватый свет, потянулся, подобно ленте, стал навиваться на светильню большой восковой свечи, и она зажглась». Черты лица изображенного старца хотя и зыбки, как пламя, однако же соответствуют чертам батюшки Серафима: впадины щек, обрисовывающие треугольные скулы, крутой лоб, покатый к носу, полная нижняя губа, бровь, приподнятая вдохновенно. По трепещущим этим чертам, а более всего по сиянию и просветленности, по необычно-

¹ От Болдина до Дивеева всего 65 верст (по данным «Генеральной карты Нижегородской губернии... полковника Пядышева». СПб., 1822).

² *Поселянин Е.* Преподобный Серафим Саровский Чудотворец. СПб., 1908. С. 82.

³ *Цвяловская Т. Г.* Рисунки Пушкина. М., 1988. С. 96.

венному выражению необычайной любви, прямо-таки выступающей, наступающей из лица, понимаешь, что это — батюшка Серафим. «Он весь как бы трепетал этой любовью, этой безграничной силой сочувствия и сострадания. Она сияла в его глазах, звучала в тех ласковых, нежных словах и обращениях его к людям... Вид его лица был совершенно необыкновенный. Сквозь кожу у него проникал благодатный свет. В глазах у него выражалось спокойствие и какой-то неземной восторг».⁴ Таким запомнили батюшку Серафима видевшие его. Таким же, вплоть до «неземного восторга», изобразил его Пушкин.

На рисунке Пушкина старец согбен: преподобный Серафим после нападения на него разбойников в 1804 г. остался таким навсегда и ходил, опираясь на топорик или мотыгу. Пушкинский монах и одет необыкновенно: он не в черной рясе, а в белом балахончике, какой носил батюшка Серафим, в стужу и непогоду накрываясь сверху выделанной кожей. И на пушкинском рисунке старец накрыт чем-то некроенным, темным, жестким.

Еще одна деталь: левее правой ступни старца виден острый угол. Не сразу поймешь, что это. И только присмотревшись, догадаешься: это топорик, которым старец подпирается. Он нарисован нечетко, как бы только слегка намечен, — не как одна из реалий, ибо ни в келье, ни в храме (а это может быть и храм) он был бы неуместен, но как знак присутствия преподобного Серафима, как атрибут его, как подпись к портрету. А сверх того, есть еще и подпись: на уровне левой ступни, правее ее, старославянской вязью начертана буква «С». Все это означает, что *сретенье* состоялось и что Святой Серафим благословил поэта.

Была и *другая* встреча, о которой намекает дата под текстом стихотворения «Отцы пустынники...», — «22 июля 1836». 22 июля — день Святой равноапостольной Марии Магдалины. «Бывают странные сближения»: в предыдущем 1835 г. день Святой Марии Магдалины стал важной вехой в жизни поэта, днем некоего жизненного перелома, известного только ему.

1835 г. был характерен для Пушкина двумя настроениями, резко отличными друг от друга. Первую половину года Пушкин стремился к «побегу» из Петербурга и это свое настроение запечатлел в стихотворном переводе из Джона Беньяна «Странник», написанном в самый разгар мыслей об отставке, в июне—июле 1835 г. (на автографе дата: «26 ию 835»). 4 июля он просил об отставке (в письме к А. Х. Бенкендорфу), 14 июля в письме к Н. И. Гончаровой выражал ожидание «решения судьбы (...) от Государя» (X, 420). Но из письма к Бенкендорфу от 22 июля видно, что он уже не хочет ни деревни, ни отставки, а вместо этого просит займы денег, чтобы заплатить «долги чести» (письмо от 26 июля). Он даже отправился к Бенкендорфу, чтобы иметь возможность лично объяснить столь неожиданную замену одной просьбы на другую (притом что на сей раз ему не было отказано в отставке); очевидно, возникла новая ситуация, когда ни деревня, ни отставка стали не нужны. В. А. Сайтанов связывает эту перемену и письмо к Бенкендорфу от 22 июля с «благовестным виденьем» святого старца, предсказавшего поэту скорую кончину. С этим трудно не согласиться. Видение отразилось в отрывке:

Чудный сон мне Бог послал:
С длинной белой бородою,
В белой ризе предо мною

⁴ Там же. С. 89.

Старец некий предстоял
И меня благословлял.

А также в стихотворном переводе из Саути «Родрик» («На Испанию родную...»):

В сновиденье благодатном
Он явился королю,
Белой ризою одяен
И сияньем окружен...

(III, 308)

22 июля 1835 г. может показаться отправным моментом в замысле перевода из Саути, датую благодатного видения. Дата же под стихотворением «Отцы пустынноики...» (22 июля 1836) оказывается воспоминанием о явившемся в «чудном сне» Святом Серафиме Саровском. Так или иначе, пушкинский рисунок изображает отнюдь не видение, а наяву им виденного живого реального старца. Об этом красноречиво говорят многие детали, запечатленные в зарисовке, и в особенности эта чернота, всегда окружающая старца в его земной жизни. Чернота эта изображена сгустками вполне отчетливых конфигураций, напоминающих «бесов изображенья». Особенно выразительно пятно перед старцем в виде сидящего на задних лапах медведя (темный дух, но вместе с тем как бы и добрый, признающий святость Святого, покоряющийся ему). В этом можно видеть отражение рассказов о медведе, приходившем к Святому Серафиму.

Л. А. Краваль

ПУШКИН И СВЯТЦЫ

...Ублажаю Предтечу Иоанна, Тебя крестившаго, Господи; почитаю и провозвестившия Тя пророки, прославляю апостолы Твоя святыя; торжествую же и мученики, священники же Твоя славлю; поклоняюся преподобным Твоим, и вся Твоя праведники пестунствую.

Акафист Иисусу Сладчайшему

Пушкин бережно хранил в памяти даты важнейших событий прошлого и современности. Можно вполне допустить, что заказанная им в Воронической церкви панихида по Байрону в 1824 г. — не единичный случай. Но поэт, почитающий всех Святых каждого дня, молящийся за своих знакомцев-соименников Святых, — такой Пушкин вряд ли кому знаком. А между тем это так, и это наглядно видно из его рисунков, которые можно точно датировать.

Вот, например, запись 1828 г. в тетради Пушкинского Дома № 838: «25 июня. Няня!». Рядом с портретами умершей няни (определены Н. И. Грановской) — изображение Петра Киреевского (определено Т. Г. Цявловской). 25 июня Православная Церковь чтит князя Петра и княгиню Февронию Муромских.

На листе 41 об. тетради № 835 — черновик письма Шварцу, датируемый 4—8 декабря 1824 г. А на лицевой стороне этого же листа — оттушеванный,

торжественный, празднично-нарядный портрет Николая Михайловича Карамзина. А чуть позже, на листе 45, — головка Анны Николаевны Вульф (оба определения — А. Эфроса). 6 декабря — день Николая Чудотворца, а 9 декабря — пророчицы Анны; 10 декабря — день рождения Анны Вульф.

На листе 30 тетради № 834 есть дата: 3 ноября 1823 г., а на листе 34 (чуть позже) — три портрета Иоанна Каподистрии (определены Я. Гординым). Вскоре после 3 ноября православная Церковь чтит сразу трех Иоаннов: 12 ноября — Иоанна Милостивого и Иоанна Блаженного, а 13 ноября — святителя Иоанна Златоуста. Слово для «проверки» здесь нарисована головка Наталии Степановны Голицыной в преогромной шляпе, надетой на чепец или косынку, точно так же она изображена на акварели А. Брюллова 1822 г.: Н. С. Голицына родилась 13 ноября.

Изображенный здесь Александр Николаевич Раевский родился 16 ноября, а день рождения Александра Скарлатовича Стурдзы, также здесь изображенного, — 18 ноября. Ощущается приближение дня памяти Святого благоверного князя Александра Невского — 23 ноября. И через лист, когда, надо думать, наступает этот день, на листе 36 Пушкин рисует свой «именинный» автопортрет — торжественный облик в черном фуляре, с короткой стрижкой.

На листе 46 тетради № 831 между записями от 18 и 26 июля 1821 г. изображена Святая равноапостольная княгиня Ольга (определена Эфросом), а еще — Александр Ипсиланти (определен им же), Марат, Занд (подписаны) и др. Наверху — два разномасштабных облика, тем не менее выходящих парными: справа медальный профиль Иоанна Каподистрии (тождественный портрету, определенному Гординым). И большой портрет анфас — трагический облик с веревкой на шее, который я отождествляю с вождем крестьянского восстания Тодором Владимиреску, казненным в конце мая 1821 г. по приказу Ипсиланти. Но что же по этому поводу говорит православный календарь? 11 июля — память равноапостольной княгини Ольги, 12 июля — память мучеников Феодора Варяга и сына его Иоанна Киевских. («Проверочный» вариант: 13 июля 1793 г. Шарлоттой Корде был заколот Марат).

Записи на листах 3—8 тетради № 835 датируются мартом 1824 г. Столбики с расчетами долгов сделаны при получении гонорара за «Бахчисарайский фонтан» около 8 марта. А на смежном листе (л. 2 об.) набросаны стихи «Разговора книгопродавца с поэтом», красноречиво комментирующие факт получения гонорара:

Стихи питомца Граций
Мы в миг рублями заменим
И в пук тяжелый ассигнаций
Его листочки превратим.

Связь стихов с мартовским гонораром столь очевидна, что их тоже следует датировать около 8 марта. При стихах нарисованы три профиля «питомцев Граций»: Евгений Баратынский, Антон Дельвиг (вполне узнаваемый, хоть и без очков) и Василий Туманский (профильная линия с характерными очертаниями носа, напоминающими приклад ружья). 7 марта — память священномучеников Херсонесских (Крымских) Василия, Ефрема, Капитона, Евгения, Агафодора.

На листе 5 этой же тетради, в марте 1824 г., во время поездки в Кишинев из Одессы Пушкин рисует П. А. Осипову и падчерицу ее Алину. С чего бы? Оказывается, в это время, вслед уехавшему Пушкину, А. И. Каз-

начеев, правитель канцелярии М. С. Воронцова, сообщая кишиневскому полицмейстеру Родичу о том, что Воронцов установил слежку за поэтом, просит «намекнуть ему деликатно» на это. Зарисовка тригорской соседки говорит нам о том, что намек дошел и был понят как засквозившая возможность ссылки в псковское имение. В знак посещения Михайловского Пушкин рисует здесь три автопортрета в профиль: правый, самый юный, — в знак посещения в 1817 г., центральный, чуть постарше, — в 1819 г., и левый, возмужалый (без глаза), — в знак возможного, но еще не решенного отбытия в Псков. Но почему из всех детей Прасковьи Александровны он рисует именно падчерицу Александру? А потому, что 20 марта чествуются мученицы Фотина, Александра, Клавдия, Матрона, Феодосия, Параскева. («Проверочный» вариант — еще одна мартовская дата: у правого края страницы нарисован профиль Дантона, гильотинированного 23 марта 1794 г.).

Когда портреты в рукописях Пушкина не связаны ни с текстом, ни с мыслью зарисовки, ни с реалиями его текущей жизни, это — почти всегда знак «именинности». На листе 79 об. тетради № 835 есть дата: 4 января 1826 г. А далее, несколько дней спустя (а сколько, в точности не известно), на листах 80 об. и 81 об. Пушкин рисует профили декабристов, имена которых названы в петербургских газетах в первых числах января. Обе декабристские сюиты (на л. 80 об. и 81 об.) возглавляет профиль Сергея Муравьева-Апостола. Сообщение о восстании Черниговского полка опубликовано в «Русском инвалиде» за 10 и 12 января 1826 г. Плюс несколько дней на доставку газет в Михайловское. Значит, зарисовки на листе 81 об. сделаны не ранее 15 января. Среди декабристских профилей этого листа есть портрет Антона Дельвига (никак не замешанного в событиях, газетами не названного), — 17 января Православная Церковь чествует преподобного Антония Великого.

Портретные зарисовки в тетрадях Пушкина зачастую являются как бы хронологическими вехами, помогающими ориентироваться в рукописях поэта. Скажем, листы 56—60 тетради № 829 могут датироваться меж 4 июля (послание Орлову на л. 54 об.) и 27 ноября (послание Всеволожскому на л. 64) 1819 г. На листе 56, отдельно, без текста, нарисованы портреты двух Софий Потоцких, матери и дочери. Нарисованы крупно, выразительно, мадригально. Возникает предположение, что эта композиция связана с датой 17 сентября — Святых Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Но чем это подтвердить? А таким же, подобным, последующим рисунком — «подобным бо подобное призвав». На листе, лишенном текста, нарисованы фигуры двух военных. Уже одно то, что портреты даны в полный рост и во всех подробностях, позволяет предположить их приуроченность к именной дате. Ножки центральной фигуры сложены статично, иконописно, как бы с ориентацией на некую икону некоего Святого. Эта фигура отождествлена Эфросом с М. А. Милорадовичем, петербургским военным генерал-губернатором. Субтильную фигурку чернявого молодого офицера я отождествляю с адъютантом генерала Милорадовича, чиновником особых поручений, самым близким и доверенным лицом генерала — Федором Глинкой (портретное сходство лица и фигуры, ношение с генералом одинакового оружия — сабли, наличие при всем еще и шпаги, коей Глинка был награжден в Отечественную войну, капитанский эполет, коротенькие, пообгоревшие при полевых огнях фалды фрака, перегруженность оружием и орденами, которые он, как известно, носил даже в старости на партикулярном платье, и т. д.). Так вот, 20 сентября — память мучеников Михаила, князя Черниговского и боярина его Феодора. Чего же, кажется, боле? Но есть и боле: наверху — профиль Кондратия Рылеева, с которым

поэт познакомился в сентябре 1819 г. А кроме того, 21 сентября — день апостола Кодрата.

Первые изображения графини Е. К. Воронцовой на листах 11 и 12 тетради № 834 датируются исследователями после ее приезда в Одессу 6 сентября 1823 г. На листе 11 она изображена в паре с супругом. Облики стилизованы под Красную шапочку и Серого волка: он в бабушкином чепце с нарочито добродушным выражением волчьего профиля, она — в виде девочки в шляпке с лентами. В облике ее не ощущается «живых» впечатлений. Внизу нарисован портрет директора Лицея Е. А. Энгельгардта. Пушкин, конечно, помнил день его рождения — 12 августа. Возможно, этот портрет — одновременно и дата, говорящая нам о посещении кабинета Воронцова, где Пушкин мог видеть портрет графини.

Но на листе 12 явственно появляется живой облик Е. К. Воронцовой в сплоченной группе из пяти женских профилей. Нижний из них зачеркнут, но у виска зачеркнутой дамы проставлена четкая и несомненная цифра 8. 8 сентября? Конечно, Пушкин должен был впервые увидеть графиню именно 8 сентября, в храме, на богослужении в честь Рождества Богородицы и Приснодевы Марии. Слева головки сестер Ралли — Мариолы и Екатерины, в замужестве Стамо (на виске ее буквенная помета: «ес»). А перекрывает все изображения большой портрет во весь рост татарки Анны, крестницы генерала Н. Н. Раевского: 8 сентября поминались, а 9 сентября почитались родители Приснодевы Марии, праведные Иоаким и Анна. «Подобным бо подобное призвав», — на обороте этого листа еще один профиль красавицы-татарки Анны (9 сентября), а на следующем листе — портрет Павла Дмитриевича Киселева: 10 сентября — память преподобного Павла и святителей Петра и Павла, епископов Никейских.

«Именинные» рисунки Пушкина могут выполнять роль хронологических ориентиров в датировке рукописей. Но и — напротив — если известна точная дата, то иногда из нее можно «вычислить» изображенного.

Портрет, нарисованный Пушкиным болдинской осенью 6–8 ноября, отождествляется Эфросом с Павлом Нащокиным, а Цявловской — с Фаддеем Булгариным. Кто прав? Черты вроде бы совершенно нащокинские, и есть буква «п» (Павел) пониже рисунка. Ну, а что скажет календарь? 6 ноября празднуется день святителя Павла, 8 ноября — день рождения Павла Нащокина. Этот день Пушкин, конечно, отлично помнил и, находясь в Болдине, отмечал его, что и выразил в рисунке.

Другой пример. Рисунки сделаны на листе с рукописью послания Петру Чаадаеву — 6 апреля 1821 г. (№ 831, л. 27). Это стройная композиция на тему греческого восстания. На фоне большого портрета деятеля французской революции Кондорсе маленькая женская фигурка, символизирующая собою восставшую Грецию, протягивает руки с мольбой о помощи. Фризоподобный постамент состоит из портретов борников освобождения Греции. Среди них есть графиня Роксандра Эдлинг (второй профиль слева), Михаил Орлов (последний справа); есть профиль, похожий на Александра Ипсиланти (третий слева), но это не он, а, вероятно, один из его братьев. Но и центральная крупная полуфигура, служащая основанием для фигурки «Греции», тоже, увы, не Ипсиланти. Вторым лидером национально-освободительного греческого движения был Георгий Кантакузин. Так, может быть, это он? У нас нет его портретов. Заглянем, однако, в календарь: 7 апреля чествуется святитель Георгий Исповедник. И значит, вся эта композиция сделана в поздравление Георгия Кантакузина. По обычаю Православной Церкви богослужебный день начинается с вечера предшествующего дня, потому тропари и кондаки Святым завтрашнего дня читаются и поются уже накануне. Вот и Пушкин рисует накануне (воз-

можно, придя с вечерни) здравицу Георгию Кантакузину. Лицо же, похожее на Александра Ипсиланти, по всей вероятности — его брат Георгий.

Еще пример. На листе с набросками планов повести «Дубровский» и крупными денежными расчетами нарисованы министр финансов Е. Ф. Канкрин с женой и портрет генерала, отождествленного Л. Керцелли с князем С. Г. Волконским, мною же — с московским генерал-губернатором Д. В. Голицыным. Рисунки датируются, соответственно планам «Дубровского», 1—21 декабря 1831 г. Но планы вписаны в перевернутом положении листа и поэтому весьма вероятно, что позже заполнения листа в прямом его направлении. Крупные же расчеты и портрет министра финансов, несомненно, связаны с мыслью о презакладе Болдина, — с этим делом Пушкин специально поехал в Москву, выехав из Петербурга 17 сентября. Вероятно, для успешного исполнения этого дела нужен был визит к Канкрину, и портреты четы Канкриных свидетельствуют о том, что поэт посетил не канцелярию, а дом министра. В Москве же, вероятно, необходимо было нанести визит генерал-губернатору. Приехал Пушкин в Москву 21 сентября, в день памяти святителя Димитрия, митрополита Ростовского. Губернатор был именинник, и так как он был уже в мыслях Пушкина в связи с занимавшим его делом, то поэт и не преминул поименовать его рисунком.

Теперь рассмотрим интересующую нас часть тетради Пушкина. Последовательность записей в тетрадях поэта является правилом. Нарушения всегда логически оправданы и в принципе объяснимы. Возьмем листы 18—51 тетради № 838. В ней последовательно идут записи майские, затем июньские, затем августовские, сентябрьские, октябрьские. А июльских совсем нет. Это кажется неправдоподобным: ведь Пушкин никуда не уезжал, ничем особенным занят не был. Думается, что июльские записи и зарисовки были, но потом они перекрылись августовскими и в них потерялись.

На листе 17 об., 25 июня 1828 г., Пушкин сделал запись о смерти няни («и тем я начал мой роман»). На листе 18 об., в конце июня, появляются черновики «Полтавы». Поэма не пошла, и на листе 19 он начал новый поэтический замысел — «Кирджали», написав несколько стихов. Через несколько листов продолжалось вялое писание «Полтавы», являлись отдельные стихи и строки, покрывая страницы день за днем, уже в июле, реденьким бреднем текста. Но Святые ревностно чтились, и регулярно поминались их соименники.

На листе 23 — портрет Марьи Ивановны Римской-Корсаковой: 22 июля — память мироносицы равноапостольной Марии Магдалины. На листе 24 — Ермолай Керн: 26 июля — память священномученика Ермолая. На листе 25 — Николай Киселев (определен Л. Керцелли): 27 июля — память блаженного Николая. На листе 26 об. — Михаил Лунин (определение А. Чернова): 29 июля — память мученика Михаила. А далее, на листах 28—36, единым духом, без перерывов, пишется повесть «Гости съезжались на дачу». И пока она писалась, началось дело о «Гавриилиаде» — допросы, ответы на вопросы следственной комиссии. Все записи по этому поводу Пушкин поместил, не желая прерывать хорошего хода прозаического отрывка, на пустых страницах, оставленных для «Кирджали», затем, на них не уместившись, «пошел» по полупустым предыдущим страницам. К началу сентября Пушкин кончил заниматься повестью и вернулся к поэме «Полтава».

На листе 36 об. поэт рисует Елизавету Хитрово: 5 сентября — память Святых и праведных Захарии и Елисаветы. На листе 38 две виселицы: с декабристами и отдельно двое повешенных. 20 сентября — память мученика князя Михаила Черниговского, 21 сентября — апостола Кодрата. Двое повешенных — это Михаил Бестужев-Рюмин и Кондратий Рылеев.

На листе 44 — трое повешенных. 25 сентября — память Сергия Радонежского. Видно, в этот день поэт возносил молитвы за прощение грехов и упокой душ Сергея Муравьева-Апостола и двух оставшихся в эти дни без покровительства Святых Павла Пестеля и Петра Каховского.

На листе 47 нарисованы две Анны — Оленина (определена Эфросом) и компаньонка Раевских Анна Ивановна. 2 октября — память благоверной княгини Анны Кашинской. Пушкин поминал одну Анну во здравие, другую — за упокой (выразителен рисунок мертвого лица). Святая Анна Кашинская в пушкинское время не чтилась официальной Церковью. На Соборе 1649 г. постановили открыть ее мощи для всеобщего почитания и причислить благоверную княгиню Анну к лику Святых русской Церкви, но в 1677 г. Патриарх Иоаким поставил вопрос на Московском соборе об упразднении ее почитания в связи с обострением старообрядческого раскола, использовавшего имя Анны Кашинской в своих целях. Но Пушкин эту Святую чтит, 2 октября 1829 г. он рисует профиль Анны Керн (определенный Эфросом). В 1830 г. во вступлении к «Домику в Коломне», написанном в первых числах октября, он опять рисует портрет крестницы генерала Раевского Анны.

И наконец, на листе 51 Пушкин делает зарисовки, графически намекающие тему стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный». Нарисованы два рыцаря: один миниатюрный, динамичный, с поднятым хлыстом, по видимому — автопортрет; но нижний, статичный, царственный — совсем другой. Кто видел портреты государя Николая Павловича в рост или на коне, тотчас узнает его: выпуклая грудь, вжатый живот, S-образная осанка, сильные ляжки, тугие икры, «каменный» постав головы, овал лица — все узнаваемо. Пушкин изображает государя рыцарем (вслед за Генрихом Гейне императора Николая называли «рыцарем Европы»). Ожидая ответа на признание в авторстве «Гавриилиады», поэт думал о царе, и 14 октября, в день Николы Святоши, видимо, вспоминал его.

И коль скоро вопрос коснулся государя, надобно сказать, что отношение Пушкина к Николаю проявилось еще в 1819 г. в бытность того великим князем. В 1819 г. впервые поэт нарисовал великого князя Николая (определено Эфросом). Мало портретов в рисунках Пушкина столь прекрасных. Такой портрет снимает все вопросы о лести поэта царю в «Стансах» и пр. Но полностью он может быть прочитан только в контексте всего листа. В композиции, напоминающей карточного короля, но с «расходящимися» половинками, Николай явно противопоставлен другому, в котором Эфрос не узнал императора Александра, возможно, из-за капитанских эпюлет. Напрасно! Лишнее доказательство! «Воспитанный под барабаном, / Наш царь лихим был капитаном». Черты же все совершенно Александровы, только зарисовка ориентирована на портрет работы Кюгельхена, непривычно несимпатичный в иконографии императора.

Установив личность, пойдём далее. Один — яркий, ясный, сверкающий, другой — блеклый, линиялый, с поникшей головой. Здесь нарисовано пророчество: падение Александра и восхождение Николая. Для тех, кому не ясно, нарисована камнем падающая птица, пронзенная стрелой, — как символ падения.

Но откуда, как Пушкин мог знать в 1819 г. о падении Александра и тем более — о восхождении Николая, когда наследовать Александру должен был Константин? И тем более, кто сказал, что Николай угоден небесам? Ответ на этот вопрос Пушкин рисует тут же. Слева от композиции — юноша, повернувший лицо в сторону Александра; рука его красноречиво сжата в кулак: это он пророчит, не Пушкин. По иконописной статичности фигуры можно догадаться, что это — Святой. По образу он

походит на Святого Даниила, пророчившего царю Валтасару падение его царства. Метафоры из Книги пророка Даниила в рисунках Пушкина встречаются не однажды.

17 декабря 1825 г. от приехавшего из Петербурга тригорского повара Арсения Пушкин узнал о падении «вавилонского царства» Александра I и о восшествии на престол Николая. 17 декабря православная Церковь чтит Святого пророка Даниила. «Бывают странные сближения»...

В. А. Кошелев

ЕВАНГЕЛЬСКИЙ КАЛЕНДАРЬ ПУШКИНСКОГО «ОНЕГИНА»

Что означают известные слова Пушкина: «Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю»?¹

Календарное «расчисление» — это всегда по существу «расчисление» циклическое, рассчитанное на повторяющиеся временные изменения внутри какого-то отрезка бытия, в данном случае — года. Единственной книгой в доме невежественного дяди Онегина оказывается «календарь осьмого года», — устаревший, но тем не менее весьма полезный именно из-за установки этой книги на повторяемость общих знаменательных дат, праздников и т. д. Эта календарная, циклическая установка на повторяемость оказывается и основой временной организации романа в стихах «Евгений Онегин». Так, двумя композиционными опорами произведения становятся описанный в первой главе «день Онегина» и сопоставимый с ним «день автора», представленный в финале («Отрывки из путешествия Онегина»).² Но элементы циклической повторяемости мы видим и на более длительных временных срезах.

Характерно, например, что каждая перемена в действии романа обозначается неким моментом перехода в ежегодном состоянии природы:

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало...
(VI, 89)³

(лето еще продолжается, но оно уже являет некоторые приметы осени);

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа...
(VI, 97)

¹ Проблема календаря «Евгения Онегина» — не новость в пушкиноведении. Она была поставлена еще восемь десятилетий тому назад Р. В. Ивановым-Разумником и с тех пор многократно уточнялась, развивалась и варьировалась. Она отразилась в комментариях к роману Н. Л. Бродского, С. М. Бонди, А. Е. Тархова, Ю. М. Лотмана, в работах Г. А. Гуковского, И. М. Семенко, С. Г. Бочарова, И. М. Тойбина, М. Лазуковой, Ю. М. Никишова, В. С. Баевского. Подробнее об этом см.: Кошелев В. А. Евангельский календарь пушкинского «Онегина» // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков. Петрозаводск, 1994. С. 131—139.

² Чумаков Ю. Н. «Евгений Онегин» и русский стихотворный роман. Новосибирск, 1983. С. 6—34.

³ Все цитаты в этой статье приводятся по изданию: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1937—1949.

(и далее — развернутый приход зимы и особенно волнующий *первый день* этой перемены);

Дни мчались; в воздухе нагретом
Уж разрешалась зима...

(VI, 184)

(опять-таки: уже не зима — но еще не весна!).

С этими моментами перехода связаны и те основные узлы действия романа, которые Пушкин удостаивает подробным описанием. Причем, отметим, сопоставимые события представлены в одном и том же времени года. Вот подробно описанное праздничное собрание гостей. В романе представлены три бала и один светский раут. Все они происходят в разгар зимы — в январе: случайно ли это? Почему в одном случае деревенское торжество описывается в двух строках («Попы и гости ели, пили, / И после важно разошлись»), в другом случае — в пределах целой главы, пятой (хотя по логике вещей в обоих торжествах участвуют одни и те же лица)?

Сопоставимое романное время принято Пушкиным и для описания значимых внутренних переживаний любимой героини — Татьяны. Письмо Татьяны к Онегину сопровождается обилием примет цветущего лета: пение соловья, «вдохновительная луна» (полнолуние), рожок пастуший, песня девушек, собирающих ягоды, и т. д. Но теми же приметами сопровождаются раздумья Татьяны, посещающей дом Онегина (седьмая глава):

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.
Уж расходились хороводы;
Уж за рекой, дымясь, пылал
Огонь рыбацкий. В поле чистом,
Луны при свете серебристом,
В свои мечты погружена,
Татьяна долго шла одна.

(VI, 145)

И здесь циклическая соотнесенность примет явно не случайна и связана с интересующим нас «расчислением» по календарю.

В словаре В. И. Даля слово «календарь» определено следующим образом: «роспись всех дней в году, с показанием и других, к сему относящихся, сведений; месяцеслов. Святцы составляют часть календаря, а сведения астрономические, по суточному и годовому обращению земли и планет, другую». В XVIII столетии месяцесловы включали в себя и справочную часть, содержащую общую роспись чинов Российской Империи, в пушкинские времена календарь уже был отделен от адрес-календаря (собственно справочной части) и устойчиво включал следующие элементы:

— собственно календарь, который в оглавлении именовался так: «Месяцы, содержащие в себе Святцы, аспекты, течение Солнца, вид Луны и прочие небесные явления»;

— четыре дополнительные таблицы: «Церковное счисление», «Роспись Господским праздникам и статским торжественным дням», «Таблица некоторых особых праздников, дней и церковных обрядов на текущий год», «Кавалергардские и молебственные дни»;

— дополнительную часть, в которой (с некоторыми вариантами) представлялись сведения географического характера (восход и заход Солнца в разных регионах мира, среднемесячная температура, роспись городам Российской Империи и т. д.), статистические данные (численность населения

регионов страны, число школ, приходов и т. п.), генеалогические таблицы (в частности, роспись Императорского дома) и, наконец, бытовые сведения, относящиеся к данному году: приход и отход почты, такса на почтовые отправления и поездки, отчеты полиции и др.

В пределах собственно календарной росписи важную часть занимали сведения церковные, — с ними были связаны и праздники именин (Святцы), и выходные дни (прежде всего — две выходные седмицы: на Рождество и на Пасху). Особо указывались переходящие церковные даты — праздники, приходившиеся на воскресенье: Троица, Радоница, праздник Иконы «Живоносный источник», Вознесение и т. д.

Состояния природы календарь, по понятным причинам, не указывал: год на год не приходится. Но и Пушкина абстрактный календарь природы по большому счету не очень-то интересует. Он запросто смещает в одной картине несколько сезонов. Вот типичный пример такого смещения — из первой главы, «день Онегина»:

Покамест в утреннем уборе,
Надев широкий *боливар*,
Онегин едет на бульвар
И там гуляет на просторе,
Пока недремлющий брежет
Не прозвонит ему обед.

XVI

Уж тёмно: в санки он садится.
«Пади! Пади!» — раздался крик;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротник.
К *Talon* помчался...

(VI, 11)

Попробуйте соединить две указанные здесь принадлежности верхней одежды Онегина: боливар (легкую широкополую шляпу из плотного шелка) и заиндевевшую бобровую шубу... Действие «дня Онегина», как известно, разворачивается морозной петербургской зимой («Еще, прозябнув, бьются кони, / Наскуча упряжью своей, / И кучера, вокруг огней, / Бранят господ и бьют в ладони...» — VI, 14); само гуляние по бульвару, да еще «на просторе», да еще в летней бразильской шляпе в это время весьма сомнительно. Но Пушкину важно ввести в повествование боливар (символ республиканского вольнолюбия) — и он легко забывает о календаре природы.

Другое дело — устойчивый календарь христианских праздников. Для православного человека пушкинского времени понятие «календарь» включало в себя неперменное представление о церковном, евангельском годе:

Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили русские качели,
Подблюдны песни, хоровод;
В день Троицын, когда народ
Зевая слушает молебен,
Умильно на пучок зари
Они роняли слезки три...

(VI, 47)

В нескольких строках, посвященных «привычкам милой старины», воссозданы важнейшие вехи повседневного бытия православного русского человека, охватывающие почти весь годовой цикл. Здесь и Масленая седмица (начинавшаяся в промежутке от 26 января до 1 марта), и говение дважды в год, связанное с двумя основными годовичными постами (Великий пост начинался сразу же после «масленицы жирной» — от 2 февраля до 8 марта — и продолжался семь недель, до Пасхи; Филиппов пост, длившийся с 15 ноября до Сочельника 24 декабря). «Русские качели» были непременной принадлежностью празднования Пасхи (переходящий праздник: от 22 марта до 24 апреля); «день Троицын» — 49-й день после Пасхи, непременной принадлежностью этого дня являлся «хоровод» (хороводы обыкновенно начинали в Троицу и оканчивали в «русалкино заговенье» перед Петровым днем, 29 июня). Наконец, «подблюдны песни» Пушкин подробно опишет в пятой главе «Онегина» как принадлежность Святков — времени от Рождества (25 декабря) до Крещения (6 января).

Подобное представление о евангельском годе было не только церковным, но и светским. Своеобразное философское обоснование его выражено в одной из заметок К. С. Аксакова, оставшейся неопубликованной. Заметка эта датируется серединой 1850-х годов, но также ориентирована на «милую старины» и вполне выражает мировосприятие человека пушкинского времени. «Церковь, — пишет Аксаков, — имеет также свою историю года, но вечную, непреходящую среди сменяющихся мирских явлений, историю, необходимую для человека, для души его и для всего христианского общества. Над ходом истории мира, гибнущей ежеминутно, совершается вечный круг негибнущих святых воспоминаний Веры — год церковный, с празднествами и постными днями. К этим-то великим воспоминаниям Церкви должна примыкать вся деятельность человека. Благотворны они для души его. Пусть человек, покорствуя тоже воле Божией, идет в мир на историческое поприще — но да проживет он вполне Священную Историю года, соглашая с нею образ своей жизни».⁴

Священное Писание, отраженное в «истории года», давало особую модель времени. Она базировалась на двух этапах жизни Спасителя: Рождестве Христовом и Светлом Христовом Воскресении. В соответствии с этими двумя датами (одна — переходящая, другая — переходящая) строился и весь порядок народного евангельского календаря: не случайно указание о том, что «два раза в год они говели» (накануне Рождества и перед Пасхой), предваряет перечисление всех ежегодных «привычек милой старины» у супругов Лариных. Святки от Рождества до Крещения; Великий пост от Прощеного воскресенья масленицы до Пасхи (предполагавший отказ от всяких увеселений, в том числе и общественных); пасхальные празднества, Радоница (в период с 31 марта по 3 мая), Вознесение (в период с 1 мая по 3 июня), Троица. Летние праздники, наступавшие после Троицы, осложнялись постами — Петровым (оканчивался в день Святых Петра и Павла) и Успенским, от 1 августа (день Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня, Первый Спас) до Успения, 15 августа; с ними связывались и природные изменения: «Петр и Павел — час убавил; Илья Пророк — два уволок...» (Ильин день, 20 июля) — ср. у Пушкина: «Короче становился день...». Осенние праздники завершались непреходящим Филипповым (или Рождественским) постом, начинавшимся 15 ноября и продолжавшимся 40 дней — до Рождества. На эту годовичную модель накладывались и праздники, имевшие языческие истоки: весенний

⁴ Аксаков К. С. Великий пост // РГАЛИ, ф. 10, оп. 4, ед. хр. 7, л. 30.

Юрьев день (23 апреля), Аграфена Купальница (23 июня), Иван Купала (24 июня) и т. д., и праздники «личные», именины, тоже связанные с календарем.

Основные события романа «Евгений Онегин» включены в евангельский календарь. Вот упомянутые уже четыре массовые сцены «Онегина» — балы. Наше школьное представление о том, будто петербургские дворяне гуляли на балах всю долгую зиму, нуждается в уточнении. По крайней мере, любое официально заявленное общественное увеселение (на которое «записочки несут», украшают дом «плошками», а кареты — «двойными фонарями» и т. д.) не могло происходить во время постов. Невозможен был во время постов и бал в Дворянском собрании в Москве, представленный в седьмой главе. Подобного рода мероприятия ограничивались временем от Рождества (25 декабря) до Прощеного воскресенья (самая ранняя дата которого — 1 февраля). В пределах этих одного-двух месяцев и шли балы; их время поневоле приходилось на разгар морозов. Пределы эти можно несколько уточнить. Деревенский бал в доме Лариных происходит в точно определенный день: 12 января (именины Татьяны); этот день, связанный с «законом лунного полугодия», был праздником, традиционно отмечавшимся еще с языческих времен. Петербургский бал в первой главе лишен примет «маскерада», следовательно, происходит уже после Святков (после 6 января), но еще во время сильных морозов, т. е. вблизи Татьянина дня. Примерно в это же время происходит и бал в Дворянском собрании в Москве: незадолго до приезда Лариных в первопрестольную был Сочельник (24 декабря); потом начались святочные родственные обеды; наконец — «ее привозят и в Собрание...». Светский раут в последней главе, в отличие от бала, мог происходить и во время поста (ср. примечание Пушкина: «Rout, вечернее собрание без танцев, собственно значит толпа»), но логически и он может быть приурочен к тому же времени: не случайно в черновых вариантах на этом рауте присутствуют царь и царица (VI, 637), лица официальные и зависимые от календарных установлений.

Четыре бала — это знаки четырех временных циклов, вместились в роман. Два из них связаны с двумя главными персонажами «вместе» (Татьянины именины и светский раут); два — представлены персонажами «по отдельности»: Онегин без Татьяны на петербургском балу и Татьяна без Онегина в Московском собрании. Это признаки той же «зеркальной» композиции романа, что и два письма друг другу тех же героев, соотношение «дня Онегина» и «дня автора» и т. д. Признаки этой «зеркальности» находим и в соответствии порядка описаний (Онегин в первой главе сначала попадает на обед, затем в театр и, наконец, на бал; Татьяна после родственных обедов сначала оказывается «там, где Мельпомены бурной/Протяжный раздается вой»; а только потом — на балу), и в похожести ощущений:

Татьянины именины

В ней страстный жар; ей душно, дурно;
Она приветствий двух друзей
Не слышит...

(VI, 110—111)

Бал в Собрании

Татьяна смотрит и не видит,
Волнение света ненавидит;
Ей душно здесь...

(VI, 162)

Поэтому особенно примечательно, что все четыре бала привязаны к одному и тому же календарному времени.

Вот два других повторенных цикла, представляющих Татьяну в мыслях об Онегине: жаркое лето, полнолуние и некое условное время между

пением соловья и созреванием ягод. В качестве значимой календарной приметы выступают и летние девичьи песни, и хороводы, и костер. Все это — приметы апогея летних праздников, связанных с «купальной», или «русальной», неделей:

Как у нас в году три праздника:
Первый праздник — Семик честной,
Другой праздник — Троицын день,
А третий праздник — Купальница.

День Аграфены Купальницы (23 июня) и непосредственно следующий за ним Иван Купала, Петр и Феврония (25 июня; счастливый день для любви), Давид Земляничник (26 июня; с этого дня начинали собирать ягоды) и т. д. — вплоть до апостолов Петра и Павла (29 июня) сливались в русском сознании в один большой праздник Купальницы, наполненный огромным смыслом и включающий множество обрядовых действий, песен, приговоров, гаданий, примет, поверий. В эти дни открывалось купание в реке (продолжавшееся до Ильина дня, 20 июля); тогда же собирали приворотные травы, а девушки гадали по ним; ночами и на заре папоротники пускались на поиски любовной травы Иван-да-Марья или цветка папоротника; звучали «купальные» песни (типа «Вышла Дуня на дорогу...» или «Девичьи, красавицы...»), разжигались очищающие костры и т. д. Все это были реликты знаменитого языческого праздника любви, которые порождали особого рода волшебную атмосферу, подобную той, которая возникала во время Святков.

Не случайно именно в это время Татьяну охватывает «тоска любви» (VI, 58), предстающая как «неизъяснимая отрада»; это время рождает и сочувственный отклик няни на неуместный вопрос: «Была ль ты влюблена тогда?» (VI, 59); да и сами детали представления Татьяны ориентированы на Иванову ночь: «Приподнялася грудь, ланиты/Мгновенным пламенем покрыты...» (VI, 58); «Татьяны бледные красы,/И распущенные власы...» (VI, 60); «Сорочка легкая спустилась/С ее прелестного плеча...» (VI, 68). И неперменная полная луна, становящаяся лейтмотивом этих описаний, — тоже признак Купальницы.

Своеобразным итогом ощущений героини становится ее письмо к Онегину — в определенном смысле языческий акт, связанный с календарным переживанием любви: «Душа ждала... кого-нибудь...». В результате подобного же переживания бродящая «без цели» Татьяна «вдруг» оказалась возле дома уехавшего Онегина.

Календарные переключки подобного типа вовсе не случайны. Более того: именно в «расчислении» по евангельскому календарю приоткрывается сущность композиции романа.

К. Ясперс разделял человеческую историю на три «неизбежные данности»: доистория, история и грядущая постистория.⁵ В соответствии с этими тремя временными данностями строится и роман «Евгений Онегин».

Собственно «история» в нем представлена подробно описанными событиями, происшедшими между двумя «купальными» (языческими) состояниями героини, развернутыми в главах третьей и седьмой. Эта центральная композиционная «данность» романа действительно «расчислена» по календарю и сюжетно сгруппирована вокруг единственного *события*, которое представляет реальные следствия, — дуэли и смерти Ленского. Это событие приходится на середину земледельческого года: дуэль происходит 14 января,

⁵ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 287.

а 16 января отмечался день Петра Половинника (Петра Полукорма, на который должно быть съедено не более половины зимних припасов: этот день считался переломом зимы). Все остальное в «истории» — только некая видимость событий: даже письмо Татьяны не приводит к каким-либо реальным изменениям в жизни героев. Финалом этой собственно «истории» становится момент *узнавания* Татьяной Онегина:

Уж не пародия ли он?

XXV

Ужель загадку разрешила?

Ужели слово найдено?

(VI, 149)

Слово в библейской традиции, как известно, суть и начало, и конец. В начале же «истории» Онегин тоже нашел *слово*, заявив Ленскому о том, что из двух сестер Лариных предпочел бы Татьяну (VI, 53 — кстати, именно с этим заявлением связано и примечание Пушкина о календаре).

Эта «история» описана детально; именно в нее включены и знаменитые описания времен года в их моментах перехода, которые тоже оказываются привязанными к евангельским праздникам. «Уж небо осенью дышало...» и т. д. — последовательно отражены такие осенне-зимние вехи, как Ильин день, Преображение, Воздвижение (14 сентября), Покров (1 октября), Филиппов день (14 ноября), Никола Зимний (6 декабря); перечислены приметы, приуроченные к этим дням (сокращение дня, дыхание осени, облетание листьев, отлет гусей, первые морозы). «Зима! Крестьянин торжествуя...» и т. д. — 2 января, день Сильвестра Печерского (самый «несчастный» день в году) — и его «природное» преодоление «на третье в ночь». «Гонимы вешними лучами...» и т. д. — Благовещение (25 марта; день перелома во всех житейских порядках). В соответствии с евангельской традицией в романе рисуются *две* зимы: одна в четвертой главе, другая — в начале пятой. Одна зима грустная, постная (ноябрь — декабрь); другая — светлая, святочная.

Типичный евангельский прием той же «истории» — отсутствие какого бы то ни было наказания Онегина, убившего на дуэли своего друга. В данном случае юридическое наказание заменено нравственным самонаказанием (так же, как нравственно наказывается Иуда-предатель, апостол Петр, трижды отрекшийся от Иисуса, или Фома Неверный). И автор и читатель в данном случае вполне удовлетворены этой нравственной мотивировкой.

Все события «доистории» сконцентрированы вокруг «дня Онегина» и первого в романе бала. Здесь, в отличие от «истории», множество событий и персонажей, но представлены они в дискретном, колебательном времени, которое заставляет воспринимать их как неизбежные превратности: кончина отца, смерть дяди, кончины отцов Ленского и сестер Лариных, «заимодавцев жадный полк», неожиданная перемена социального положения Онегина, его хозяйственные новации и т. д. — все эти превратности даны вне логической и хронологической мотивировки, как то и положено в «доистории». Здесь уже у читателя в принципе не должно возникать досужих вопросов вроде того, куда девалась мать Онегина? Были ли у него братья и сестры? Почему Ленский остался верен странному уговору своего покойного отца с отцом Ольги Лариной? и т. п. Автору это не важно, — точно так же, как евангелистам не важны братья и сестры Иисуса Христа: если они и являются в сюжете Евангелий, то лишь по «второму плану». Да и сами общие вопросы «доистории» не предполагают однозначного

толкования: был ли Онегин недоучкой или, напротив, широко образован? Как могло получиться, что Татьяна, воспитываясь в русской деревне у русской няни, так хорошо освоила французский язык? и т. д.

«Постистория» начинается тогда, когда «слово найдено» и, в соответствии с основной установкой, она набросана весьма избирательно. Единственное событие в ней — замужество Татьяны — изображено мимоходом и без какой-либо детализации. Что представляет собой «толстый этот генерал»? Сколько лет Татьяне? Есть ли у нее дети (у хозяйки салона пушкинского времени дети, как правило, были)? Тут же весьма разбросанно и неустойчиво описанный салон Татьяны⁶ и светский раут. И наконец, зеркальное повторение события, с которого начинается «история»: письмо Онегина (такой же языческий акт, как и письмо Татьяны) и урок христианской нравственности, преподанный Татьяной Онегину, подобно тому как и он некогда преподавал ей урок морали светско-языческой.

Если языческий акт Татьяны был отражением языческого мироощущения календарной Купальницы, то онегинское письмо неприемлемо именно с календарной точки зрения. Вспомним обстановку финальных сцен романа: «...в воздухе нагретом/Уж разрешалась зима...», «На синих иссеченных льдах/Играет солнце; грязно тает/На улицах разрытый снег». Ранняя весна — Онегин устремился к Татьяне:

Идет, на мертвеца похожий.
Нет ни одной души в прихожей.
Он в залу; дальше: никого.
Дверь otvorил он. Что ж его
С такою силой поражает?
Княгиня перед ним, одна,
Сидит, не убрана, бледна,
Письмо какое-то читает
И тихо слезы льет рекой,
Опершись на руку щекой.

(VI, 185)

Время действия дано намеком, но намек абсолютно прозрачен: в доме Татьяны он является «ясным утром» на Страстной седмице перед Пасхой — во время принятого богослуженья и говенья. Он не находит «ни одной души» именно потому, что вся прислуга — на заутрени в церкви; Татьяна читает его письмо — несомненно, готовясь к исповеди и причастию; да и сам он, соответственно времени, «на мертвеца похожий». Предшествовавшее время онегинского уединения «в молчаливом кабинете» приходилось на Великий пост, когда прекращались увеселения, а ранее, в разгар этих увеселений, было время, когда Онегин каждый день искал встречи с Татьяной дома и в гостях.

Финальное объяснение Татьяны, следовательно, происходит в атмосфере покаянно-исповедальных настроений Страстной седмицы, чем и отмечено завершение романа. Дальше — Светлое Воскресение, неизбежное обновление и соответственно — новый роман...

⁶ Кошелев В. А. Татьяна Ларина и «русская традиция»: К постановке вопроса // Проблемы современного пушкиноведения. Псков, 1991. С. 31 — 40.

ВРЕМЯ ПУШКИН ИСЧИСЛЯЛ ПО ПРАВОСЛАВНОМУ КАЛЕНДАРЮ

Радостное, полнокровное ощущение жизни у А. С. Пушкина, ярко выражающееся в его блистательных стихах и прозе, удивительно гармонично сочетается с глубоко трезвым восприятием событий. В Пушкине все мудро и правдиво, чего бы ни коснулся он своим пером. И даже такое сложное, неопределимое явление, как время, воспринимается им реально и спокойно, несмотря на его быстротечность. Для Пушкина есть внушающая оптимизм неизменная череда: прошлое — настоящее — будущее:

Сердце в будущем живет,
Настоящее уныло.
Все мгновенно, все пройдет,
Что пройдет, то будет мило.

И пусть не только «нам положен предел, его ж никто не преступает», но и время течет по-разному в зависимости от возраста, как об этом говорится в «Телеге жизни»:

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел! . . . .

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры, и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит по-прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега,
А время гонит лошадей.

(II, 148)

Но главное, что всегда ощущается Пушкиным, — это неизбежность, назначенность сроков событий

Всему пора, всему свой миг,
Все чередой идет определенной...

и неурядицы при нарушении назначенного порядка:

Нет ни в чем вам благодати,
С счастьем у вас разлад,
И прекрасны вы некстати,
И умны вы невпопад.

Этой естественной и закономерной определенности Пушкин всегда придерживался и в своих произведениях, что бы ни вышло из-под его

пера. «Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю» (V, 167), — написал в свое время автор в примечаниях к отдельному изданию «Евгения Онегина». По какому календарю? По евангельскому — ответил в своей интереснейшей статье В. А. Кошелев, поименовавший этот календарь несколько произвольно.¹ Его называли и называют по-разному — и Святцами (под которыми понимается список христианских Святых и праведников в календарном порядке, нередко сопровождаемый Пасхалией, а также некоторыми молитвами и песнопениями), и месяцесловом, и церковным (пасхальным) календарем.

Тот факт, что именно месяцесловом (Святцами) пользовался А. С. Пушкин при создании «Евгения Онегина», вполне основательно доказал В. А. Кошелев. Влияние Святцев распространялось вообще на расписание жизни поэта, который, несомненно, соблюдал посты и праздники, отмечал именины друзей и знакомых. Знание месяцеслова видно и в заметках Пушкина самого прозаического содержания. Так, например, в «Материалах по соколиной охоте» — коротких набросках, — скорее даже перечне употребляемых терминов, — говорится: «С Благовещенья их (соколов. — Н. М.) поднимают, т. е. на руки берут, до Петрова дня учат» (V, 477).²

Словом, для Пушкина летосчисление и в литературе, и в жизни осуществлялось самым обыкновенным для России того времени, а не каким-либо иным образом, и наша задача состоит в том, чтобы показать, к чему же сводится это самое обыкновенное христианское, а более точно — православное летосчисление³ и исчисление сроков будней, праздников, постов и постных дней. Тут мы должны несколько отвлечься от главной темы, чтобы было понятно, что же представляет собой одна из основ церковного календаря — юлианский (старый) стиль — и чем он отличается от более позднего григорианского (нового) стиля летосчисления.

Как известно, система счета продолжительных отрезков времени называется календарем. В основе всех календарей лежат единицы меры времени, значительно большие, чем солнечные сутки. В календарях, где за основу берется солнечный цикл, годом считается промежуток времени между двумя последовательными прохождением Солнца по его орбите через точку весеннего равноденствия. В астрономии такой год называется «тропическим», а при его вычислении используется понятие «среднего Солнца».⁴ Длительность этого слегка искусственного тропического года — 365.2422 солнечных суток.

В 46 г. до н. э. Юлий Цезарь ввел календарь, где не было поправки на «среднее Солнце», и продолжительность года принималась равной 365 средним солнечным суткам, за исключением тех годов, которые делятся на 4 без остатка, — високосных (равных 366 суткам). Таким образом, в юлианском календаре средняя длительность года за 4-летний промежуток равна 365.25 средних солнечных суток. Промежуток в 36 525 суток называется юлианским столетием.

¹ См. наст. сб., с. 59.

² Цит. по: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6-ти тт. М.: Л., 1931.

³ Католиками в календарь внесены изменения, в частности в исчислении порядка наступления Пасхи, и назначают ее, исходя из даты еврейской Пасхи, в результате чего только в 25 % случаев католики и православные празднуют ее в один день.

⁴ В силу того что Солнце движется не по круговой орбите, а по эклиптике, т. е. вытянутой окружности, и с переменной скоростью, истинное солнечное время неравномерно, а продолжительность истинных солнечных суток непостоянна, — зимой она больше, чем летом. Для облегчения расчетов точку, которая двигалась бы по небесному экватору равномерно, называют «средним экваториальным Солнцем», а промежуток времени между двумя последовательными одноименными кульминациями «среднего экваториального Солнца» называют «средними солнечными сутками», за начало которых принимается нижний момент кульминации — «средняя полночь».

Счет времени юлианскими годами за 128 лет дает расхождение со счетом тропическими годами примерно в одни сутки, что никак не искажает процессов, протекающих в природе, как не отражается на них и тот факт, что перемещаются даты весеннего равноденствия, которое при этом наступает в свой естественный срок. Но это почему-то крайне обеспокоило папу римского Григория XIII, который в 1582 г. произвел реформу календаря, заключающуюся в следующем. Поскольку к этому времени дата весеннего равноденствия переместилась по отношению к его дате во времена Никейского собора⁵ на 10 суток (между 1582 и 325 гг. прошло 1257 лет; каждые 125 лет происходит сдвиг на одни сутки; деление 1257 на 128 дает 9.82 суток), то в приказном порядке их уничтожили, повелев день 5 октября 1582 г. считать 15 октября. Прodelали небольшую дырку в вечности почему-то в октябре, в то время как равноденствие — в марте. Астрономы при решении некоторых задач вынуждены пользоваться юлианскими днями. Осложняет это и расчеты времени наступления Пасхи, разработанные великим математиком Гауссом, а решение обратной задачи, прекрасно выполняемой по юлианскому счету, делает невозможным. Кроме того, провели манипуляцию с високосными годами, исключив из их числа годы с целыми числами столетий, если число сотен не делится на 4 без остатка (1700, 1800 и т. д.). Таким образом, добились того, что средняя продолжительность календарного года за 400 лет равна 365.2425 солнечных суток (т. е. календарный год стал длиннее тропического на 0.0003 суток вместо 0.0078 по юлианскому календарю), а дата весеннего равноденствия оказалась закрепленной за определенным числом — 21 марта, хотя это не совсем верно: момент весеннего равноденствия колеблется в пределах смежных дат, два года подряд оно происходит 20 марта, следующие два года — 21 марта и т. д.

Большие хлопоты и внесение разлада в хронологию и жизнь, продолжающиеся около трех столетий,⁶ привели к утверждению за равноденствием относительно точной даты, хотя природные явления такой точностью не страдают, разница длительности календарного и тропического года им совершенно безразлична, да и сама эта разница по григорианскому календарю все равно накапливается. В нашем столетии, как известно, она была не 10 дней, как при папе Григории XIII, а 13. В будущем веке она будет 14, так что григорианский календарь тоже пересматривается.

Православная Церковь григорианского календаря не приняла и осталась на позициях юлианского летосчисления, которое явилось основой пасхального календаря.

Теперь о самом термине «пасхальный календарь». Он не имеет широкого распространения, календари называются просто церковными, однако в специальных православных книгах, посвященных Пасхалии, различаются годы пасхальные в 350, 357, 378 и 385 дней и январские в 365 и 366 дней.⁷

⁵ Никейский собор — I Вселенский собор, созванный императором Константином в городе Никее в 325 г. по поводу ереси Ария. На соборе поднимался вопрос и о праздновании Пасхи, поскольку уже в те времена будущие католики (так сказать, «пракатолики») определяли ее сроки не так, как это сказано в православных правилах. «От этого разногласия происходит то, что в одно и то же время одни христиане пребывают в подвиге поста и молитвы, вспоминая страдания Господа, а другие наслаждаются торжеством Воскресения Христова» (*Иоанн, епископ Аксентский*. История вселенских соборов. М., 1955. С. 28). Постановлений собора по этому поводу нет.

⁶ Страны, где распространен католицизм, признали григорианский календарь сразу же в XVI или XVII—XVIII вв. Другие страны сделали это в XX в. (Советская Россия — в 1918 г., Египет — в 1928 г. и т. д.).

⁷ *Хавский П.* Сокращенные хронологические таблицы на текущий великий индиктион, или 532-летия (указывающие порядок следования годов: пасхальных в 350, 357, 378 и 385 дней и январских в 365 и 366 дней). М., 1855.

И хотя новый год, согласно всем церковным календарям, наступает 1 сентября по старому стилю (14 сентября по новому стилю),⁸ церковная служба построена в ином порядке. В богослужебном пасхальном календаре⁹ счет недель в году начинается от Воскресения Христова. Сразу после него идет Светлая седмица,¹⁰ затем седмица вторая по Пасхе и т. д. до седьмой седмицы, которая заканчивается Днем Святой Троицы (Пятидесятницы), сразу после которой идет счет седмиц по Пятидесятнице,¹¹ и кончается на трех седмицах, предшествующих Великому посту, из которых две специального названия не имеют, а третья называется седмица Сырная, или Масленая. Затем счет идет по седмицам Великого поста — от первой по шестую. Последняя седмица называется Страстной.

Таким образом, весь год расписан по седмицам, связанным со священными событиями. И это естественно, поскольку в основе пасхального календаря лежит Священное Писание, истоки которого относятся к I в. н.э., согласно которому Иисус Христос был распят в пятницу и воскрес в назначенный Богом срок — день, который совпал с первым полнолунием после весеннего равноденствия (а сам этот день назван воскресеньем) и который Самому Христу был известен: в Евангелии от Иоанна говорится: «на это Иисус сказал им: Мое время еще не настало, а для вас всегда время» (VII, 6); «И искали схватить Его, но никто не наложил на Него руки, потому что еще не пришел час Его» (VII, 30); «Перед праздником Пасхи Иисус, зная, что пришел час Его перейти от мира сего к Отцу...» (XIII, 1).

Празднование дня Пасхи определяется седьмым правилом Святых Апостолов, в котором сказано: «Аще кто, епископ, или пресвитер, или диакон день Пасхи прежде весеннего равноденствия с иудеями праздновать будет, да будет извержен из священного чина».¹²

Счет «от Пасхи» вели издревле. На I Никейском соборе в пятом правиле, гласящем о созвании соборов, говорится: «Время же собору между праздником Святой Пасхи и месяцем октябрем». Это правило почти в тех же словах утверждено на IV Халкедонском соборе.¹³

Дату Святой Пасхи служители Церкви вычислили и вычисляют с помощью «солнечного круга», «золотого числа» (указывающего место данного года в Дионисиевом 19-летнем лунном цикле, называемом также «лунным кругом»); «эпакты» (числа, показывающего «рост Луны» на 1 января данного года, т. е. сколько прошло времени от последнего новолуния истекшего года); «воскресной буквы» (помогающей установить, на какие числа падают воскресенья в разные месяцы данного года) со многими относящимися сюда таблицами. При этом имеется определенная связь

⁸ Новый год — «начало индикта — церковное новолетие» — считается 1 сентября. Этот день посвящен памяти: преподобного Симеона Столпника (459 г.) и матери его Марфы (ок. 428 г.); мученика Аифала диакона (380 г.); мучениц 40 дев постниц и мученика Аммуна диакона, учителя их (307 — 324 гг.); мученицы Каллисты и братьев ее мучеников Евода и Ермогена (309 г.); праведного Иисуса Навина (XVI в. до Р. Х.); Собора Пресвятой Богородицы в Миасинской обители (в память обретения Ее иконы) (864 г.); иконом Божией Матери Черниговской-Гецманской (1869 г.), Александрийской и именуемой «Всеблаженная» (в Казани).

⁹ Православный церковный календарь на 1997 г. (для клиросного использования). М., 1996.

¹⁰ В православном календаре седмицей называется неделя, а слово «неделя» означает воскресенье.

¹¹ Число седмиц по Пятидесятнице варьируется в связи с изменениями длительности года от 33 — 34 до 37 — 38.

¹² Книга правил Святых Апостолов, Святых соборов вселенских и поместных и Святых Отцов / Репринт. изд. 1893 г. Сергиев Посад, 1992.

¹³ Правила Святых Апостолов, Святых соборов вселенских и поместных и Святых Отцов с толкованиями. Вып. II, III: Правила Святых вселенских соборов. М., 1912 — 1913.

между установлением начала новой эры по Рождеству Христову и датами Святой Пасхи.

Связь эта обнаружена великим математиком Гауссом,¹⁴ который в 1800 г. опубликовал свою формулу расчетов даты Пасхи, исходя из номера года, т. е. расстояния данной Пасхи от первой Пасхи в I веке н. э. Формула дана для юлианского и для григорианского календарей раздельно и поражает необъяснимостью используемых цифр.

Для определения даты Пасхи как по юлианскому, так и по григорианскому календарю (расчеты отличаются только тем, что в первом случае числа M и N постоянны, а во втором — определяются по таблице) Гаусс предложил алгоритм, который сам назвал «формулой».

Формула Гаусса

Что делится	Делить на:	Остаток
Число (номер) года	19	a
То же	4	b
» »	7	c
$a \times 19 + M$	30	d
$2b + 4c + 6d + N$	7	e
Для юлианского календаря $M = 15$, $N = 6$.		

Из пояснений к таблице следует, что номер года последовательно делится на 19, на 4 и на 7. Остатки от делений называются соответственно a , b и c . Далее число a умножается на 19 и складывается с числом M , равным в юлианском календаре 15, сумма делится на 30, остаток называется d . Далее складываются $2b + 4c + 6d + N$, равное 6. Сумма делится на 7 и называется e . Далее смотрят на сумму $d + e$. Если она меньше 9, то ее прибавляют к числу 22 и определяют месяц — март. Если сумма больше 9, то вычитают из нее 9 и получают дату, относящуюся к апрелю. Никаких объяснений о происхождении формулы Гаусс не дал, указав, что она основана на началах высшей арифметики, относительно которой он не может сослаться ни на какое сочинение. Создается впечатление, что свои «простые числа» Гаусс определил по наитию!¹⁵

Пасхальный календарь обеспечивает единую по всему миру дату начала года — дату, когда все живое отрясает зимнюю спячку и воскресает для обновленной жизни. Используя современную терминологию, можно говорить о начале истинного, экологического года как цикла пробуждения всей природы, развития, расцвета, плодоношения, угасания и замирания.

Может ли это утверждение быть доказано с помощью современных методов исследования? Да, может. В течение 16 пасхальных лет была изучена космогеофизическая обстановка в разные отрезки года, для чего были использованы материалы из журналов-справочников «Солнечные данные» и «Космические данные», содержащие сведения о плотности потока солнечной радиации на 18 диапазонах частот на каждые сутки, а также сведения о числе волокон на Солнце, числе хромосферных вспышек, числе появлений необычных явлений в радиодиапазоне, в метровом диапазоне и

¹⁴ Gauss. Berechnung des Osterfestes Monatliche correspondenz zur beforderung der Erd- und Himmelskunde (Herausgegeben von F. von Zach). Julius, 1800. T. 2. S. 121—130.

¹⁵ Как уже говорилось, формулу можно использовать для решения обратной задачи, т. е. вычисления, в каком году Пасха приходится на такую-то дату (что важно для историков при уточнении хронологии), но только при счете по юлианскому календарю.

быстрых процессов с указанием времени их появления в часах и минутах. Оказалось, что изменения исследованных показателей (заключающиеся в увеличении плотности потока радиации и частоты появления каких-то необычных явлений или в их уменьшении по сравнению со среднегодовыми значениями) весьма непостоянны в разные годы. Но общее число показателей, значение которых достоверно увеличивается, явно возрастает на Пасхальной седмице и уменьшается после нее постепенно, становясь минимальным во время Великого поста. Таким образом, *Пасха оказывается моментом общего усиления космических воздействий на Землю, по-видимому, определяющих окончательное пробуждение природы после зимней спячки.*¹⁶

При подобном рассмотрении гелиогеофизической обстановки на Пасху возникает естественный вопрос: о какой Пасхе идет речь — о православной или католической, поскольку сроки их определяются различным способом. Из проведенного нами сравнения дат наступления Пасхи католической и Пасхи православной выяснилось, что эти даты совпадают в 25 % случаев. В 50 % случаев католическая Пасха опережает православную на 7 дней; в 25 % случаев — на 28 и 35 дней. А это значит, что в 75 % случаев католическая Пасха по срокам соответствует дням Великого поста.

Проведенное нами исследование гелиогеофизических показателей на католическую Пасху выявило, что они существенно не отличаются от данных, полученных для Великого поста, и резко отличаются от данных, полученных на православную Пасху. Таким образом, именно православная Пасха маркирует начало годового экологического цикла. Цикл этот, как и полагается естественным циклам, не имеет постоянной длительности, а составляет то 350, то 357, то 378, то 385 дней, т. е. 50, 51, 54 или 55 недель, тем самым выделяя седмицу как некую естественную единицу счета дней.

Постами и праздниками год разделяется на отрезки, при этом будни составляют 4 отрезка, посты (Великий, Петров, Успенский и Рождественский) — также 4 отрезка. Праздников два — Пасха и Святки. Одновременно роль праздника и при этом Постной недели играет Масленая неделя. Итого 11 отрезков, для многих из которых имеется определенная регламентация образа жизни.

Но в календаре должно быть еще и деление на сезоны. Об этом в церковных календарях ничего не говорится. И иного быть не могло, ибо сезоны в разных широтах и на разных континентах сильно различаются. Для определения их начала могут послужить народные месяцесловы, например русский народный календарь, — счет времени в быту, тесно связанный с климатом, хозяйственной деятельностью (несколько отличающихся в разных губерниях), который начал совмещаться с датами юлианского календаря в XVI—XVII вв. Для маркировки накопленных веками календарных примет подбирались дни празднования памяти христианских Святых.¹⁷ Для народного календаря характерна жесткая связь с определенным днем года и нерасторжимое соединение не только счета дней и сельскохозяйственных замет, но и обрядов. Народный календарь несомненно был

¹⁶ См.: *Моисеева Н. И.* Экологический год и влияние его структуры на организм человека // Корреляции биологических и физико-химических процессов с космическими и гелиогеофизическими факторами: IV Международный Пушкинский симпозиум. Пушкино, 1996. С. 34—35; *Moiseeva N. I.* Heliospace effects explaining duration and structure of ecological year // Book of Abstracts International Conference on Problems of Geocosmos. St. Petersburg, 1966. P. 16—17; *Моисеева Н. И.* Календари западный и восточный: Структура и назначение // Историко-астрономические исследования: На рубежах познания Вселенной. М., 1994. С. 289—294; *Моисеева Н. И.* Время в нас и время вне нас. Л., 1991.

¹⁷ *Власов В. Г.* Русский народный календарь // Советская этнография. 1985. № 4. С. 22—35.

лунно-солнечным. Во-первых, языческие праздники Ивана Купалы и Кольяды (последний слился позднее с Рождеством и Святками) приурочены к моментам солнцестояния, которые на Руси назывались «солнцеворотами». Были даже различные названия для зимнего Солнца (Сивко) и Солнца весеннего (Бурка). Во-вторых, Масленая седмица, предшествующая Великому посту, оказывается остатком обряда лунного культа Велеса. Ставя опару для блинов, крестьянка обязательно причитала, обращаясь к месяцу. Дата наступления Масленой седмицы сдвигается в связи с фазами Луны и всегда падает на полнолуние, опережая Пасху на 8 седмиц.¹⁸

Поскольку народный календарь отвечал жизненным запросам, непрерывный счет дней мог распространяться в ряде случаев только на ту часть года, когда это было необходимо. Но зато в определении момента начала сезона этот календарь обладал точностью до 1 дня.

Лето начинается 9(22) июня, в день солнцеворота, иначе — в Кирилин день («На Кирилу — конец весны, почин лету»; «На Кирилу отдаст земля солнышку всю свою силу» и т. д.).

Осень начинается 8(21) сентября, в день Рождества Богородицы.

Зима начинается 6(19) декабря, в день Николы Зимнего, — дата, близкая к зимнему солнцестоянию 21 декабря.

Вследствие изменения даты Пасхи при фиксированных датах начала лета, осени и зимы меняется число дней весны и зимы.

А. С. Пушкин знал и, наверное, любил народный календарь, с большим вниманием относясь к приметам, о чем у него сказано:

Старайся наблюдать различные приметы.
Пастух и земледел в младенческие леты,
Взглянув на небеса, на западную тень,
Умеют уж предречь и ветер, и ясный день,
И майские дожди, младых полей отраду,
И мразов ранний хлад, опасный винограду.
Так, если лебеди, на лоне тихих вод
Плескаясь вечером, окличут твой приход,
Иль солнце яркое зайдет в печальны тучи,
Знай, завтра сонных дев разбудит дождь
ревучий,
Иль бьющий в окна град, а ранний селянин,
Готовясь уж косить высокий злак долин,
Услыша бури шум, не выйдет на работу
И погрузится вновь в ленивую дремоту.

(II, 65)

Следует подчеркнуть, что по народному календарю регламентировались не только сельскохозяйственные и все прочие работы, характер которых круглый год менялся, но и весь уклад жизни — чередование будней и праздников, труда и отдыха, типов питания и, наконец, семейно-брачных отношений.

На Пасху, Рождество, по воскресеньям и на двенадцатые праздники работа была воспрещена. Брачные отношения воспрещались во время постов и церковных праздников, а также в ночь на постные дни (среда и пятница) и на воскресенье. Соответственно венчали (и венчают в наши дни) в воскресенье, понедельник, среду и пятницу и не венчали во вторник, четверг, субботу.

Наиболее сложной является система регламентации питания, в которой одновременно учитывается недельный ритм, где существуют два постных

¹⁸ Цыбульский В. В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии. М., 1987.

дня — среда и пятница, многодневные посты и праздники, прерывающие посты, или, напротив, скорбные дни, превращающие будни в пост, как, например, Усекновение главы Иоанна Предтечи.

Во времена Пушкина эти правила питания были не только широко известны, но и обязательны для исполнения. С теми или иными отклонениями (а отклонения от правил предусмотрены, в частности, для тех, кто находится в гостях и не должен обидеть хозяина; для тех, кто находится в дороге; для тех, кто болен, и для тех, кто выполняет тяжелую физическую работу).¹⁹ Православные правила питания не мог не соблюдать и Пушкин, так же как он не мог не жить по православному пасхальному календарю. И не просто потому, что «так принято», а потому, что любил эти «привычки милой старины», в том числе и те, благодаря которым у Лариных

...на Масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод...
(V, 44)

Глубокое уважение к традициям вообще характерно для Пушкина, который писал:

Два чувства равно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

---

¹⁹ Моисеева Н. И. Естественный календарь питания на Руси. СПб., 1994.

Э. С. Лебедева

ПУШКИН И ДАТЫ ЦЕРКОВНОГО КАЛЕНДАРЯ

У Пушкина было острое ощущение причинно-следственных и временных связей — этих характеристик нашего падшего мира. Достаточно вспомнить «Телегу жизни», где разворачивается целая философия времени и где поэт размышляет об относительности времени для разного возраста человека. В не дошедшей до нас повести Пушкина-лицеиста «Фатам, или разум человеческий» и позже в цикле «Подражание Корану» возникает мотив обратимости времени. «Не должно торопить времени...», — говорится о способах усовершенствования общественного устройства.

Но самое поразительное — это стихотворение 1831 г., посвященное Лицею: «Чем чаще празднует Лицей / Свою святую годовщину...». В таком парадоксальном утверждении (годовщина, как известно, наступает не чаще одного раза в году) Пушкин выразил чувство времени, неумолимо ускользающего свой бег, словно скручивающегося в спираль. Наглядно эта спираль могла бы быть представлена в виде мишени. Характерно, что стихотворение заканчивается пророчеством автора о своем близком уходе из жизни: «И мнится, очередь за мной, / Зовет меня мой Дельвиг милый...», а потому в данном контексте образ мишени становится неожиданно точным символом будущей гибели от пули противника.

Мемуаристы и биографы Пушкина приводят свидетельства его близких о том, что, родившийся в день двенадцатого праздника Вознесения Господня, великий поэт придавал этому обстоятельству особое значение. «„Родился в Вознесение, женился у Вознесения и — уверен, что мне суждено умереть в праздник Вознесения“, — говорил он неоднократно моей матери», — пишет племянник поэта Лев Павлицев.¹ У П. В. Анненкова читаем: «Незадолго до своей смерти Пушкин задумчиво рассказывал одному из своих друзей о том, что все важнейшие события его жизни совпадают с днем Вознесения, и передавал ему твердое свое намерение выстроить со временем в селе Михайловском церковь во имя Вознесения Господня. Упоминая о таинственной связи своей жизни с одним великим днем духовного торжества, он прибавил: „Ты понимаешь, что все это произошло недаром и не может быть делом одного случая“».²

Получается, что Вознесение — это как бы еще одна дата рождения великого поэта, причем вырывающая его из потока падшего времени и плывущая над миром, это как бы прорыв в Вечность.

Однако мироощущение поэта не было однозначным. Оказывается, «...при всякой постигавшей его невзгоде он говорил: „Что же делать? Так уж мне на роду написано: в несчастный день родился“».³ По поводу своего венчания он сказал сестре: «...из головы мне вышло вон — не венчаться 18 февраля, а вспомнил об этом поздно — в ту самую минуту, когда нас водили уже вокруг аналоя». Как назло, венчание сопровождалось дурными приметам: потухла свеча, Евангелие упало с аналоя, кольцо Александра Сергеевича покатилося на пол...

Лев Павлицев вспоминал о том, что Пушкин носил при себе какую-то таблицу и дал ее списать Ольге Сергеевне. «У кого и каким образом дядя списал ее, этого я не спрашивал. Считаю не лишним, тем не менее, привести ее дословно: „Дней в году тридесять пять, oprичь еще понедельников и пятниц... В оные дни не токмо не довлеет пути держать, но ничего важного задумывать, предпринимать, совершать. Человек, родившийся в один из таковых дней, не богат и не долголетен. А кто в один из этих дней занеможет, или переедет из двора во двор, или на службу вступит — ни в чем оном не найдет себе счастья...“».⁴

Оказывается, эта таблица, под названием «Таблицы Альберта Великого» или «Таблицы Тихо Браге», входила в знаменитые лубочные сборники Мартына Задеки из круга чтения Татьяны Лариной:

То был, друзья, Мартын Задека,
Глава халдейских мудрецов,
Гадатель, толкователь снов.

(V, 95)

Вершиной суеверных настроений Пушкина явилось стихотворение 1828 г. «Дар напрасный, дар случайный», помеченное днем рождения автора — 26 мая. Как известно, на него Пушкину ответил митрополит Филарет, протянув руку помощи впадшему в грех уныния христианину. Пожалуй, никогда больше, после увещевания святителя, состояние уныния не охватывало поэта с такой силой, хотя рецидивы имели место до самой его кончины.

¹ Павлицев Л. Воспоминания об А. С. Пушкине. М., 1890. С. 117.

² Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984. С. 288—289.

³ Павлицев Л. Указ. соч. С. 118.

⁴ Там же.

В биографиях А. С. Пушкина не раз отмечалось его особое внимание к нескольким датам: 19 октября, 14 декабря, 13 июля (день казни декабристов). Сформировавшийся в советский период культ Пушкина обязавелся постепенно сводным календарем, подобным церковному годовому кругу. В него входили, причем извлеченные то из юлианского, то из григорианского календарей, дни рождения и кончины поэта, даты основания Лицея, приезда Пушкина в Михайловское из Одессы (празднование, так сказать, местного значения — в Государственном Псковском заповеднике) и т. п. Свои дни существуют в музеях Болдина, Москвы, Кишинева и Одессы.

В упраздненном в 1988 г. энциклопедическом музее «Пушкин. Личность, жизнь и творчество» в г. Пушкине (Царское Село) повествование о поэте начиналось очень сильным экспозиционным приемом — сопоставлением событий, современных рождению великого поэта. Итальянские победы Суворова, перенос праха Вольтера в Пантеон, объявления в московских газетах о продаже крепостных — рядом с записью из метрической книги Елоховского собора в Москве о рождении сына Александра в семье отставного майора Сергея Львовича Пушкина. Мысль о совпадении в 1799 г. этой даты с Вознесением Господним не возникала, — не те были тогда времена (музей создавался в 1967 г.).

Теперь пришла пора расширить «пушкинский календарь» за счет православного календаря, наполненного памятью о священных событиях, о подвигах Святых, о явлении чудотворных икон — обо всем, что дорого христианину.

В годы выпадения из христианской цивилизации люди XX столетия отвыкли соотносить свою жизнь с богослужебным кругом, забыли своих Небесных покровителей и дни поминовения усопших. Великий поэт принадлежал православному миру. Он отмечал церковные праздники и почитал Святых. Л. А. Краваль, изучая графику Пушкина, пришла к выводу, что он имел обыкновение рисовать профили своих знакомых и родных в дни их именин — тому не один, не два, а сотни примеров. Исследовательница сделала важное открытие не только в конкретной теме — графическая пушкиниана, но в области самой структуры пушкинского мышления и мировоззрения.⁵

То, что Пушкин помнил именины близких друзей, показано, в частности, в работе В. С. Листова «К истории пушкинской заметки о Дельвиге».⁶ В свете таких фактов становится очевидным, что Пушкин вдохновил на создание «Словаря о Святых, прославленных в российской Церкви, и некоторых сподвижниках благочестия местно-чтимых» М. Л. Яковлева и князя Д. Эрнстова, а не только написал на него рецензию и напечатал ее в «Современнике».

С этой точки зрения интересно взглянуть и на следующую запись в «Table-talk» (1830-е годы):

«Один из адъютантов Потемкина, живший в Москве и считавшийся в отпуску, получает приказ явиться; родственники засуетились, не знают, чему приписать требование светлейшего. Одни боятся незапной немилости, другие видят неожиданное счастье. Молодого человека снаряжают наскоро в путь. Он отправляется из Москвы, скачет день и ночь и приезжает в лагерь светлейшего. Об нем тотчас докладывают. Потемкин приказывает ему явиться. Адъютант с трепетом входит в его палатку и находит Потемкина в постеле, со Святцами в руках. Вот их разговор: *Потемкин*. Ты, братец, мой адъютант такой-то? — *Адъютант*. Точно так, ваша светлость. — *Потемкин*. Правда ли, что ты Святцы знаешь наизусть? *Адъютант*. Точно так. —

⁵ См. наст. сб., с. 53.

⁶ Временник Пушкинской комиссии: Вып. 20. Л., 1986. С. 171—172.

Потемкин (смотря в Святцы). Какого же святого празднуют 18 мая? — *Адьютант*. Мученика Феодота, ваша светлость. — *Потемкин*. Так. А 29 сентября? — *Адьютант*. Преподобного Кириака. — *Потемкин*. Точно. А 5 февраля? — *Адьютант*. Мученицы Агафии. — *Потемкин* (закрывая Святцы). Ну, поезжай же себе домой» (VIII, 72).

Нетрудно догадаться, что таким человеком, знавшим наизусть Святцы, был и сам Пушкин. И в своей рецензии на «Словарь о Святых» он пишет: «Издатель „Словаря о Святых“ оказал важную услугу истории. Между тем книга его имеет и общую занимательность: есть люди, не имеющие никакого понятия о житии того св. угодника, чье имя носят от купели до могилы и чью память празднуют ежегодно. Не позволяя себе никакой укоризны, не можем, по крайней мере, не дивиться крайнему их нелюбопытству» (VII, 326).

Календарные даты входят в круг проблем жизнеописания поэта. Издание «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» в 1951 г. по понятным причинам не содержало церковных дат, в переиздание 1991 г. так называемые табельные дни включены в лицейские годы. Отрезок жизни, запечатленный этим разделом, обрел ритм и вехи, расстался с прежней нерасчлененностью временного потока. Сейчас готовится к печати летопись «Пушкин в Царском Селе в 1831 году». Как редактор, я предложила метод сопоставления событий внешней и творческой жизни поэта с датами церковного календаря, и метод оказался весьма плодотворным.

Дореволюционные издатели сочинений поэта обыкновенно вводили в основной текст даты, находящиеся в автографах, беловых и черновых, и принадлежащие автору. В изданиях советского времени в основном даты сосланы в комментарий и нередко опущены. Тексты становятся при этом слепыми, не закрепленными во времени и не соотношенными с календарем. Читатель лишен важных указаний. Издатели нового академического полного собрания сочинений в серии «Неизданный Пушкин» (СПб., «Нотабене», 1997) приводят подготовительные материалы: выпуск второй посвящен творческим и биографическим пометам в рукописях А. С. Пушкина. Хочется добавить к их наблюдениям следующее: авторские даты, поставленные не только в контекст мысли Пушкина, событий его жизни, но и в связь с календарными темами, могут стать импульсом к более точному пониманию замыслов поэта, — их не стоит скрывать от читателя (а вдруг он знает церковный календарь!).

Так, один из двух известных автографов «Клеветникам России» имеет авторскую помету: «2 авг., 1831. С.Ц.» (т. е. Село Царское. — Э. Л.) (Соч. и письма А. С. Пушкина, под ред. П. О. Морозова, т. II). Впервые пьеса появилась с пометой «16 августа 1831 г.»; вероятно, это день ее окончательного исправления (см. издание С. А. Венгерова, т. VI). Обе даты, при помещении их в церковный годовой круг, — говорящие.

День 16 августа — Третий Спас, память перенесения из Эдессы в Константинополь Нерукотворного Образа Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Эта икона столетиями благословляла и охраняла русских воинов: как известно, она изображалась на древнерусских воинских стягах. Нерукотворенный образ Спасителя из Конюшенной церкви находился в походном алтаре императора Александра при взятии Парижа; император Николай имел его при себе в Турецком походе.

Первая помета (видимо, начало работы над стихотворением) — 2 августа, — назавтра после праздника Крещения Руси. В нескольких православных календарях нашлось указание на этот праздник. Он был приурочен к 1 августа, когда Церковь почитает Происхождение Честных Древ Животворящего Креста Господня, Всемиловитого Спаса и Пресвятую Богородицу. Историю возникновения праздника Крещения Руси пока не

удалось проследить, а потерян он был, как и многое другое, после 1917 г. и возрожден в 1988 г., но на другое число: в неделю вторую по Святой Пятидесятнице.

За патриотическое стихотворение Пушкина порицали графиня Долли Фикельмон и князь Вяземский, но приветствовали император Николай, В. А. Жуковский, многие безвестные сыны отечества и, как ни странно, П. Я. Чаадаев («Вот, наконец, вы — национальный поэт; вы угадали, наконец, свое призвание»)⁷.

Скорее всего, к Вяземскому обращено недописанное стихотворение:

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды чистый лик увидел,
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.

.....

Ты руки потирал от наших неудач,
С лукавым смехом слушал вести,
Когда . . . . . бежали вскачь
И гибло знамя нашей чести.

(III, 357)

Толчком к написанию «Клеветникам России» было церковно-придворное и историко-патриотическое торжество в Царском Селе летом 1831 г. с водосвятием, окроплением святой водой знамен и штандартов, с военным парадом, — самое пышное празднество за все то лето, что Пушкин прожил на даче вдовы придворного камердинера Анны Китаевой. Если принять тезис о том, что высокая патриотическая нота праздника Крещения Руси подвигла автора на создание стихотворения, то углубляется и без того, конечно, очевидная связь его с «Бородинской годовщиной», написанной 5 сентября (после получения известия о взятии Варшавы, а именно: в день, когда в придворной церкви служили благодарственный молебен).

Куда отдвинем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Волынь?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?

(III, 212)

Польские деятели восстания требовали присоединения к Польше Белоруссии и Украины до Днепра, включая Киев.

Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?

В письме к Е. М. Хитрово Пушкин пояснил последний стих: «Речь идет о могилах Ярослава и печерских угодников» (X, 662). В сияющем образе древнего Киева священные воспоминания о Крещении Руси Святым Владимиром соединились с памятью о киево-печерских старцах.

⁷ Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 224.

Временные отметки творческой работы поэта, сориентированные на церковный календарь, должны как-то учитываться при комментировании текстов Пушкина. Метод поэт подсказывает сам. «Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. „Граф Нулин” писан 13 и 14 декабря. Бывают странные сближения» (VII, 156), — хрестоматийный пример. 19 октября — эта дата поставлена под серией лицейских годовщин. О 26 мая уже говорилось. Однако можно составить целый список знаменательных дат.

«30 мая 1831 г. Царское Село», — так помечена рукопись отрывка, условно названного «О французской революции». Важная для Пушкина дата: по свидетельству А. О. Смирновой, он поминал в этот день Петра Великого, которого называл «полу-Робеспьер, полу-Наполеон».

Произведения глубочайшего смысла создавались вблизи православных праздников или же в самые их дни.

«Безумных лет угасшее веселье...» — 8 сентября (Рождество Пресвятой Богородицы);

«Когда за городом задумчив я брожу...» — 14 августа (канун Успения);

«Пока не требует поэта...» — 15 августа (Успение);

«Поэту» — 7 июля (канун летней Казанской);

«Мадонна» — 8 июля (Казанская);

«Бесы» — 7 сентября (канун Рождества Богородицы).

Безусловно, дата под стихотворением «Брожу ли я вдоль улиц шумных, / Вхожу ли в многолюдный храм...» говорящая. Оно написано 26 декабря 1829 г. — на второй день праздника Рождества Христова. Пушкин только что посетил многолюдный храм...

Отдельно рассмотрим день 8 сентября — дату встречи с императором Николаем в Чудовом дворце. 8 сентября — Рождество Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии. В русской истории с этим праздником соединяется память победы на Куликовом поле. Некоторые календари к тому же дают указание на это число как на День Начала Русского государства, и на Памятнике тысячелетия России в Новгороде стоит дата «8 сентября 862 года». Так что встретился Пушкин с императором в особенный день. Конечно, эта случайность не зависела от Пушкина, но не отметить подобных совпадений нельзя.

Трудно судить о преднамеренности авторской датировки в случае со стихотворением «Я памятник себе воздвиг *нерукотворный*». М. Ф. Мурьянов давно отметил, что оно написано через несколько дней после Третьего Спаса, праздника Перенесения *Нерукотворенного* Образа Спасителя из Эдессы в Константинополь (курсив в обоих случаях мой. — Э. Л.). Священник Иоанн Малинин недавно обратил внимание на то, что сама дата под стихотворением — 21 августа — также связана с этим праздником. Это — память Апостола Фаддея, которого Господь послал в Эдессу с *Нерукотворенным Своим Лицом*, запечатленным на убресе, для исцеления царя Авгаря.

Помета на рукописях «Рославлева» (незаконченное произведение мыслилось как ответ на роман М. Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году») 22 июня — день накануне Сретения Владимирской Иконы Божией Матери, охранительницы Москвы и России (23 июня). Эту икону — чего не мог не знать Пушкин — в момент, когда «напрасно ждал Наполеон», обнесли крестным ходом вокруг Кремля.

Умышленны или случайны авторские отметки времени, но они должны войти в сознание читателя пушкинских текстов. Предстоит тщательно про-

следить даты значительнейших событий внешней и внутренней жизни поэта, ориентируясь на церковный богослужебный год. И здесь, как мы убедились, нас ожидают открытия.

«Странные сближения» чисел пронизывают и всю жизнь Пушкина. Полон противоречивых смыслов день 27 января. За 30 лет до последней пушкинской дуэли в этот день венчались родители Натальи Николаевны Гончаровой. На другом полюсе — празднование Святому преподобному Ефрему Сирину (начинается вечером 27 января). В этот вечер в 1837 г. протопресвитер Петр Дмитриевич Песоцкий пришел причастить раба Божия Александра после Всенощного Бдения, которое сопровождалось воспоминанием о древнем сирийском подвижнике. Священник, конечно, не знал, что раненный на дуэли, лежащий перед ним окровавленный человек незадолго до катастрофы переложил в благоговейных стихах великопостную молитву преподобного, любимейшую молитву православных:

Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначала, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

(III, 337)

Старец-священник был потрясен глубиной пушкинского покаяния. «Дух смирения, терпения, любви» теперь снизошел на умирающего поэта.

Пушкинские даты имеют одну удивительную особенность: с течением времени они наполняются новым смыслом, словно кто-то позаботился углубить значение этих дней в нашей культуре. Дню рождения Пушкина в перспективе лет суждено было быть отмеченным важными событиями дальнейшей русской истории: в 1883 г. 26 мая был освящен храм Христа Спасителя. В день смерти Пушкина в наши дни Церковь поминает всех святых новомучеников и исповедников российских, от безбожных властей убиенных.

Возьмем день Лицея — 19 октября. 19 октября 1981 г. Архиерейский собор зарубежной Русской Православной Церкви прославил всех новомучеников и исповедников российских. Древний обычай почитать в этот день Святого мученика Уара, которому молятся за некрещеных родственников, — тоже многозначительное совпадение: в годовину отступничества многие из «потомков православных», к которым обращался пушкинский Пимен, оказались в их числе. В 1981 г. на этот день установлен праздник почитания отца нашего праведного Иоанна Кронштадтского.

В предисловии к «Православному церковному календарю-святцам» на 1997 г. владыка Иоанн (Снычев) писал: «Наши теперешние Святцы... — это не сухой перечень имен и праздников — это своеобразно изложенная история Божия домостроительства; это сжато представленная история Церкви; это жизнь подвижников, это углубление в духовный горный мир, приближающий нас к Богу». Дополняя пушкинскую формулу, можно сказать, что это — «историческая память (православного) народа». Отрывать от нее пушкинские даты православным людям не пристало.

А какова реальная картина? День рождения поэта признан государственным праздником. И это — 6 июня, а в православном календаре 26 мая старого стиля соответствует 8 июня нового стиля...

ПОЭТ ПРАВОСЛАВНОГО ЦАРСТВА

Известный философ русского зарубежья Г. П. Федотов назвал в свое время А. С. Пушкина певцом империи и свободы. Я думаю, что Пушкин был поэтом Православного соборного царства, — так будет вернее.

В 1823 г. молодой Пушкин написал стихотворение на мотив евангельской притчи о сеятеле:

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

(II, 145)

Мне представляется, что в историософском плане это стихотворение есть ключ к началу пушкинианы. Оно еще более резко, чем предшествующие ему ода «Вольность» («...Где ты, где ты, гроза царей/Свободы гордая певица?») или знаменитое послание «К Чаадаеву», выставляет на передний план категорию свободы. Если же при этом учесть, что Пушкин сопроводил его в письме к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 г. ироническим комментарием («...я закаялся и написал на днях подражание басне умеренного демократа Иисуса Христа» — X, 61), то позволительно заподозрить, что пушкинская муза воспевала либерализм, для которого важна свобода сама по себе, свобода как таковая, а все остальное — приложится.

Было бы, однако, большой ошибкой начало выдавать за конец, а хронологию путать с онтологией. Да, Пушкин начал как свободолюбец, иронист и гордец, а кончил мученически: исповедовавший его священник-старец признавался потом, что он себе хотел бы такой христианской смерти. Но что самое главное — в своем искусстве, в своем слове перед Богом и народом Пушкин пришел к совсем иным вероисповедным берегам, он буквально перешел в другую веру. Но не надо думать, что Пушкин отказался от своей поэтической юности («строк печальных не смываю»), — он духовно покаялся в ней, бесконечно расширил и углубил свой художнический горизонт, и это дало его поэзии такую силу, что она заслуживает название поэтического образа Православного царства — не больше и не меньше. В таком плане я бы разделил поэзию Пушкина на три больших периода — до покаяния («Свободы сеятель пустынный...»), само покаяние («Евгений Онегин», «Борис Годунов») и, наконец, вершина его пути («Медный всадник», «Капитанская дочка», каменноостровский цикл).

В первом периоде пушкинская лира требует свободы, гордится и любит себя собой, — примеры я привел выше. Мирная жизнь, смирение и покорность в это время для нее — холопство, удел которого — «умеренный

демократизм», до которого нет дела певцу всяческой вольности. Однако уже здесь сквозят ноты сомнения в самодостаточности свободы, особенно на Руси. Само желание отчизне посвятить души прекрасные порывы свидетельствует о том, что у свободы должен быть духовный Предмет, без которого она вырождается в свободу греха. «...И познаёте истину, и истина сделает вас свободными», — сказано в Писании (Евангелие от Иоанна, VIII, 32), и Пушкин искал эту истинную свободу, или, лучше сказать, свободу в истине, до самой смерти.

По-видимому, высшей и одновременно наиболее отчаянной точкой этого поиска явился роман «Евгений Онегин». Принято считать, что в нем Пушкин отразил трагедию русского барства («великое дворянское безделье», по определению И. Л. Солоневича). Я полагаю, что разговор надо вести именно о таком этапе духовного возрастания Пушкина, когда он вступил в пору покаяния в православном смысле этого слова и в пору чуткого внимания к своеобразности своей Родины — в историософском своем воззрении. Евгений Онегин — это дитя Петербурга, дитя Летнего сада — по существу отвергнут собственной страной в лице Татьяны, которая хотя и «изъяснялася с трудом на языке своем родном», все же сохранила верность преданьям «милой старины» — таинству брака, сокровищу женской чести. Подобный «домострой», а точнее, строгое православное домостроительство семьи как малой Церкви, и повергает в отчаяние Онегина. Пусть лучше все будут несчастны, чем кто-либо будет счастлив за счет другого, как бы высказывает ему Татьяна сокровенную русскую мудрость. Онегин в ужасе бежит, и в эту злую для него минуту Пушкин оставляет своего героя... как будто оставляет себя — ветхого, грешного, гордеца и сластолюбца.¹

Справедливости ради скажем, что петербургская родословная Онегина не противоречит тому типу русского странника, которого увидел в нем Достоевский. Наоборот, двойственность петербургской культуры, одновременно наследующей и отрицающей традицию русской духовности, приводит к тому, что Онегин (как и Чацкий, и Печорин) «не удостаивает» своим участием жизненного торжища, где идет борьба за власть и деньги. В этом плане Онегин — дальний родственник тех старообрядцев, которые бежали от дел тьмы, и предшественник Ильи Ильича Обломова, не встававшего с дивана из безразличности перед суетой («священная лень»). Кроме того, Пушкин проводит прямую параллель между Онегиным и Чаадаевым: «второй Чадаев, мой Евгений...». И сходство их не только в изысканности туалета. Ведь и Чаадаев не был принят собственной страной, тоже оказался лишним человеком в ней и возвратился духом к Отечеству только через «метанойю» — перемену ума.

В перерыве между работой над главами «Онегина» Пушкин пишет «Бориса Годунова» — эту драму власти без любви. Вот Иоанн Грозный был жестокий, суровый — а народ любил его, видел в нем законного государя (вспомним «Песню про царя Ивана Васильевича...» М. Ю. Лермонтова), тогда как Борис Годунов — безлюбый царь, хотя и добрый, и хлебосольный, и даже «демократ-западник». Более того, подозрение в убийстве царевича Димитрия посланцами Бориса не находит фактического подтверждения, а самозванцы множатся, потому что не в эмпирических фактах тут дело, а в харизматической природе русской монархии: если уж царь — так всея Руси, помазанник Божий, а не ловкий ставленник случая или тех или иных боярских кругов. Еще более усиливает анти-

¹ Символическим аналогом «онегинского переворота» в судьбе самого Пушкина была его поэтическая переписка с митрополитом Московским Филаретом.

христианский характер борьбы за царский венец на Руси стремление «грех грехом поправить» (выражение В. В. Розанова) — замысел Гришки Отрепьева, который и приводит в Москву поляков. Общее православное покаяние приносит за всю Русь Пимен:

Прогневали мы Бога, согрешили,
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли.

(V, 203)

Так, вместе со своими героями углублялось творческое сознание Пушкина, восходя в полноту возраста Христова. Само собой разумеется, что речь идет здесь об объективном идеальном горизонте его поэзии, о ее опорных духовных ценностях, а вовсе не о пушкинской судьбе. Среди этих ценностей оставалась свобода, оставалась честь, оставалась любовь к отеческим гробам и родному пепелищу, но они пресуществились из языческих в православные, засияли в Божьем луче, как сказал бы И. А. Ильин. Причем Пушкин готов был жертвовать собой ради них, — вспомним реакцию тогдашней «прогрессивной общестственности» на его грозные патриотические стихи «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» (1831). Не за эти ли строки определенные круги в Петербурге обрекли его на смерть? Что же касается периода послепокаянного, то жемчужинами его выступают, как я уже сказал, «Медный всадник», «Капитанская дочка» и стихотворения каменноостровского цикла.

Смысл православного искусства состоит в том, чтобы человеческими средствами передать радость бытия с Богом («всякое дыхание да хвалит Господа!»). Именно такой радостной вестью все более и более становится с годами поэзия Пушкина, хотя внешне это может быть и личная трагедия, и народная драма, и экзистенциальная «заброшенность» («Маленькие трагедии»). В этом плане «Медный всадник» и «Капитанская дочка» — это как бы эпохальная и личная грани русской жизни, сливающиеся в ее религиозном преображении (каменноостровский цикл). В поэме о Петре Пушкин являет христианскую антиномию высшего напряжения — антиномию между соборной и индивидуальной душой России, потревоженной титанической волей властелина. Вклад Пушкина в разрешение этого противостояния выражается приятием его во всей полноте, без попытки уйти в ту или другую сторону. Говоря проще, Пушкин в своей поэме — не с Евгением и не с Петром, а с Богом, который обещал нам, что в конце «...смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежде прошло» (Откровение Иоанна Богослова, XXI, 4). В «Капитанской дочке» та же по существу дилемма ставится уже как задача персонального выбора: либо ты с истиной (т. е. идешь царской дорогой русской истории), либо ты отщепенец и самозванец, который уже был осужден в лице Григория Отрепьева и теперь осуждается в лице Емельяна Пугачева: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Собственно, в образе Пугачева Пушкин окончательно расстается со своим прошлым — с демоническим соблазном воли для гения, а не для Творца. Характерен в этом плане сон Гринева, где он видит перед собой мужика с топором: «Страшный мужик ласково меня кликал, говоря: „Не бойсь, подойди под мое благословение...”» (VI, 269). Не сословно-партийные разделения и не титанизм короля-солнца держат Русь, а симфоническое согласие Всех с Одним и Одного со Всеми (ср. финал «Капитанской дочки»), и горе ей, если это согласие поколеблется.

Зрелый Пушкин — это певец христианской свободы, которая ответственна перед Богом, и это певец Православного русского царства, которое

волею судеб предстает в облике петербургской империи. В Пушкине как художнике наиболее полно воплощена одновременно русскость и всемирность петербургской культуры. В поэзии Пушкина действуют те же духовные энергии, что и в «Троице» Андрея Рублева, но выступают они теперь в ренессансно-романтических формах, более того — самоопределяются по отношению к ним. Именно на этом скрещении духа и формы рождается каменноостровский цикл, из которого мы приведем лишь два стихотворения. Одно из них — «Из Пиндемонти» (1836):

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Всё это, видите ль, *слова, слова, слова.**
Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не всё ли нам равно? Бог с ними.

Никому

Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
— Вот счастье! вот права...

(III, 336)

Казалось бы, тот же гимн вольности, что и двадцать лет назад, однако здесь мы встречаемся с новым Пушкиным, «новым Адамом», который понял Божий замысел и нашел свое место в нем. Свобода для него теперь — не самоцель, а способ приближения к Творцу; права человека — не разрешение на эгоизм и грех, а возможность отказаться от цивилизованной суеты ради божественных красот мироздания. Более того, само лишение формальных «прав человека» не вызывает теперь у него ропота, а демократическая комедия «свободы печати» вызывает только усмешку. Нет и тени вызова Господу, — есть кротость и смирение перед Ним:

Отцы пустынноики и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,

* Hamlet (Примеч. Пушкина).

Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

(III, 337)

Вторая часть стихотворения, как известно, представляет собой переложение великопостной молитвы преподобного Ефрема Сирина. Вместе с тем это — поэтическое завещание Пушкина, итог и цель его художнического труда. «...Семь раз упадет праведник, и встанет» (Притчи Соломона, XXIV, 16), — говорит Священное Писание. Такими словами позволительно обозначить пушкинское начало серебряного века России — петербургского периода ее истории, который начался на костях строителей невской твердыни и кончился тремя революциями. И все же это была великая эпоха, когда Святой Руси пришлось столкнуться с Западом не только на поле сражения, но и внутри собственной души.

Священник Иоанн Малинин

К ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРЕПИСКЕ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА И А. С. ПУШКИНА

Любителям русской поэзии известен стихотворный ответ приснопамятного московского святителя митрополита Филарета А. С. Пушкину на его, по выражению самого поэта, «скептические куплеты».

Приведем тексты и попытаемся определить источники, послужившие для их написания.

[Пушкин]

26 мая 1828

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

[Филарет]

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.

Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум, —
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светел ум.

(III, 59)

Продолжая тему, Пушкин пишет своего рода исповедь:

19 января 1830, СПб.¹

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

¹ Помета в первой публикации в «Литературной газете», 1830, № 12 (III, 453).

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.

(III, 157)

Первое стихотворение Пушкина, побудившее владыку Филарета взяться за перо, помечено днем рождения поэта. Эта дата усугубляет тяжесть настроения, выраженного в стихотворении. Кажется, именно это и подвигло чрезвычайно занятого митрополита Московского, постоянного члена Святейшего Синода протянуть «руку общения» (Послание к Галатам, II, 9) талантливому поэту в трудные минуты его жизни.

1828 г. был для А. С. Пушкина годом решения одного из тяжелейших вопросов его нравственной и творческой жизни и во многом определил общественную позицию поэта в 1830-х годах. Известно, что примерно с июня 1828 г., т. е. почти сразу после дня рождения поэта, начинает работу комиссия по делу о «Гавриилиаде». Пушкин внешне с иронией, но внутренне тяжело переживал события этих дней. Его самого коснулось теперь то, о чем он писал двумя годами раньше в записке «О народном воспитании»: «Должно обратить строгое внимание на рукописи, ходящие между воспитанниками. За найденную похабную рукопись положить тягчайшее наказание; за возмутительную — исключение из училища, но без дальнейшего гонения по службе: наказывать юношу или взрослого человека за вину отрока есть дело ужасное и, к несчастью, слишком у нас обыкновенное» (VII, 33). Возможно, что стихотворение «Дар напрасный...» родилось именно в тревожные для поэта дни, а дата, подчеркивающая тщетность его рождения и предназначения, поставлена в отчаянии. Известно, что работа комиссии закончилась закрытием темы и прощением поэта, приуроченным — случайно или нет — к 19 октября того же года. Под этим числом читаем у Пушкина:

Усердно помолившись Богу,
Лицею прокричав ура,
Прошайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

(III, 77)

В самом деле, 19-м октября датируется подорожная: поэт ехал в тверскую деревню Малинники.

Митрополит Филарет, отвечая на вопрос, зачем дана человеку жизнь и зачем она «на казнь осуждена», пишет: «Не без воли Бога тайной», т. е. таинственной, сие совершается. Другими словами, Господь наш, желая, «...чтобы все люди спаслись и достигли познания (*разума* в славянском

тексте. — И. М.) истины» (1-е Послание к Тимофею, II, 4), по Своему милосердию наказывает человека, т. е. ограничивает его возможности, которые человек использует для удовлетворения своих похотей (Послание Иакова, IV, 1—5). Поэтому-то Господь наказывает человека, воспитывая его с отцовской строгостью (Послание к Римлянам, XI, 22; Послание к Евреям, XII) и заботясь о нем, как о сыне, чтобы человек не погиб и не подпал под суд вместе с погибающим в растлении, не верующим в своего Создателя миром (1-е Послание к Коринфянам, XI, 32). Святой Апостол Павел, объясняя наши временные страдания здесь, на земле, пишет: «Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец? Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны» (Послание к Евреям, XII, 7—8). В другом месте читаем: «...если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы; будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром» (1-е Послание к Коринфянам, XI, 31—32), ибо Бог посылает наказание, «чтобы нам иметь участие в святости Его» (Послание к Евреям, XII, 10). И воля Божия о нас есть, по словам Святого Апостола Павла, освящение наше, «...чтобы вы воздерживались от блуда, чтобы каждый из вас умел соблюдать свой сосуд в святости и чести, а не в страсти похотения, как язычники, не знающие Бога» (1-е Послание к Фессалоникийцам, IV, 3—5). Отвечая Пушкину, митрополит Филарет имел в виду, конечно же, и эти строки Священного Писания о таинственной силе Божией, пресекающей греховный путь грешника и привлекающей его к участию в святости Бога.

То, что А. С. Пушкин в юности правильно понимал и чувствовал богообщение, митрополит, как тонкий психолог и педагог, мог заметить во время посещений Лицея в 1815 г. У самого Пушкина в письме к князю П. А. Вяземскому от 27 марта 1816 г. читаем: «...недавно говел и исповедовался — все это вовсе незабавно» (X, 9), а в стихотворении «Безверие» (1817) читаем о том, что к неверующему в Бога «...мощная рука... с дарами мира/ Не простирается из-за пределов мира» (I, 217), причем мира духовного (см. старую орфографию). Как просвещенный человек и поэт, владыка, конечно, знал это стихотворение лицеиста, тем более что оно было опубликовано дядей поэта в «Трудах Общества любителей российской словесности Московского университета» в 1818 г. (I, 448). В этом стихотворении есть и такие строки, обращенные к праведникам, считающим «мрачное безверие пороком»:

Смирите гордости жестокой иступленье:
Имеет он права на ваше снисхожденье,
На слезы жалости; внемлите брата стон,
Несчастный не злодей, *собою*² страждет он.

(I, 216)

Не поэтому ли взялся за перо Филарет, исполняя свой долг архипастыря и учителя? Он, мудро руководя поэтом в поисках виновника его душевных и умственных терзаний, указывает ему: ведь ты сам писал некогда, что не имеющий общения с Богом и Творцом своим «страждет собою»:

Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.

² Курсив во всех приведенных стихотворениях Пушкина мой. — И. М.

Зная, что юный Пушкин мог видеть «мощную руку» Божию, простирающуюся «с дарами мира из-за пределов мира» духовного, владыка Филарет так и напоминает ему о Боге:

Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум...

Участие столь знаменитого церковного и государственного деятеля не оставило поэта равнодушным. Узнав о стихотворении владыки от Е. М. Хитрово и еще не прочитав его, Пушкин пишет ей, что это «большая удача — стихи христианина, русского епископа». Правда, свое стихотворение «Дар напрасный, дар случайный...» здесь он называет «скептическими куплетами»: состояние души поэта в эту минуту понятно, — острота ощущений, вызвавших «скептические куплеты», прошла. Полтора года миновало со времени их написания, и теперь нужно признать, что стихи рождены не разочарованием в жизни, а скептическим настроением. Существующее мнение о «ерническом» тоне фразы в письме к Е. М. Хитрово вряд ли приемлемо. Слова поэта (перевод с франц.) «стихи христианина, русского епископа в ответ на скептические куплеты» свидетельствуют лишь о его терминологической точности. Даже если бы Пушкин не написал в ответ Филарету своего прекрасного стихотворения, он знал, когда писал Хитрово, что его слова станут известны митрополиту.

Прочитав же стихотворное наставление Филарета, поэт пишет с благодарностью: «Твоих речей благоуханных / Отраден чистый был елей». Он исповедует и признает, что иногда, «*бывало*», своей лире с забавой ли или от праздности «вверял изнеженные звуки безумства,³ лени и страстей».

Думается, что, отвечая на наставления архипастыря, и сам Пушкин вспомнил свое юношеское «Безверие»:

Во храм ли Вышнего с толпой он молча входит,
Там умножает лишь тоску души своей.
При пышном торжестве старинных алтарей,
При *гласе Пастыря*, при сладком хоров пенье,
Тревожится его безверия мученье...

(I, 218)

Сравним:

.....
...твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

Человек, не верующий в Бога, даже если плачет, то

...не те потоки слез лиются,
Которы сладостны для страждущих очей
И сердцу дороги свободою своей...

И, словно вспоминая о Держащем дланию весь мир и Простирающем руку помощи верующим в Него, своего Создателя и Господа, Пушкин адресует митрополиту, как он выразился, «русскому епископу», слова:

³ Ср.: «Рече безумен в сердце своем: несть Бог» («Сказал безумец в сердце своем: „нет Бога“») (Псалтирь, XIII, 1).

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Эта строфа очень глубока и объемна по своему содержанию. Если Пушкин в самом деле использовал стихотворение «Безверие», то, возможно, эти слова обращены к Богу Вседержителю, простирающему мощную руку Свою с «драмами мира», — не потому ли ответ Филарету был оставлен без надписи, без заглавия, что контекст данного стихотворения гораздо шире. Если же эти слова — «и ныне с высоты» — относятся к Филарету, то тем самым Пушкин, обращаясь к архипастырю, возносит епископский сан его на подобающую высоту, ибо, по учению Церкви Христовой, епископ олицетворяет образ Христов (см. Послание Св. Игнатия Богоносца к Ефесянам, гл. 3, 6 и другие главы и послания его же: «...на епископа должно смотреть, как на Самого Господа...»). «Все почитайте диаконов, как заповедь Иисуса Христа, а епископа, как Иисуса Христа, Сына Бога Отца, пресвитеров же, как собрание Божие, как сонм Апостолов. Без них нет Церкви» (Послание к Траллийцам Св. Игнатия Богоносца, гл. 3). И по учению Святого Апостола Павла, «...начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении» (1-е Послание к Тимофею, V, 17). Смысл стихотворного ответа Филарета есть напоминание о Боге и вразумление человека, впадающему в грех отчаяния. Еще одну параллель теме ответа Пушкина находим в послании Святого Апостола Павла к Галатам (VI, 1—2).

[Апостол Павел]

Братия! если и впадет человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте такового в *духе кротости*... Носите бремена друг друга и таким образом исполните закон Христов.

[Пушкин]

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты
И силой *кроткой* и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Послание Апостола Павла, именно этот фрагмент, всегда читается на литургии в день памяти Святого благоверного князя Александра Невского. Даже если кто-то считает, что Пушкин не праздновал именин в этот день, он присутствовал на торжественных литургиях и молебнах в день Ангела императора Александра I, и его, как любознательного человека, не мог не интересовать вопрос: как можно «исполнить закон Христов»?

Человек, знакомый с гимнографией Православной Церкви, обратит внимание и на словосочетание: «с высоты... силой». 26 мая — день рождения поэта — иногда попадает на период празднования и поспразднства великого праздника в честь Святой Троицы. В одном же из песнопений на этот праздник есть слова: «С высоты силою учеником, Христе, дондеже облечется рекл еси...» (Ирмос 3 песни канона Утрени). Пушкин чтит «обычай родной старины», в которые входило посещение храма по великим праздникам. Кроме того, известно, что он самостоятельно изучал Священное Писание. Таким образом, отвечая митрополиту и используя слова общего для них лексикона, Пушкин не только выражает благодарность за внимание к его духовным и душевным терзаниям,⁴ но и показывает, что он — не чуждое чадо для Церкви Христовой.

⁴ Благодарность не была чужда его сердцу. См. в том же 1830 г. в «Ответе анониму»: «О, кто бы ни был ты... Благодарю тебя душою умиленной... К доброжелательству досель я не привык — И странен мне его приветливый язык» (III, 170).

«АПОКАЛИПСИЧЕСКАЯ ПЕСНЬ» ПУШКИНА
(опыт истолкования стихотворения «Герой»)

1

Впервые стихотворение «Герой» было опубликовано анонимно в первом номере журнала «Телескоп» за 1831 г. Об авторстве поэта читающая публика узнала шесть лет спустя из пятого, «посмертного» выпуска пушкинского «Современника», где «Герой» был напечатан вместе с кратким приложением — сопроводительным письмом М. П. Погодина: «Посылаю вам стихотворение Пушкина „Герой“. Кажется, никто не знает, что оно принадлежит ему. Пушкин прислал мне оное во время холеры в 1830 г. из нижегородской своей деревни. (...) Я напечатал стихи тогда в „Телескопе“ (1831, № 1, без подписи). (...) Кажется, должно перепечатать их теперь. Разумеется, никому не нужно припоминать, что число, выставленное Пушкиным под стихотворением, после многозначительного: утешся! — 29 сентября 1830 года — есть день прибытия Государя Императора в Москву во время холеры».

Пояснения Погодина не оставляют сомнений в поводе к написанию и подлинном адресате пушкинского творения. Поэта вдохновил не Наполеон, легендарный подвиг которого в пораженной чумой Яффе был оспорен в мнимых мемуарах Бурьенна, сочиненных парижским публицистом Вильмаре,¹ а российский самодержец, разделивший с жителями первопрестольной тяготы азиатской холеры.

«Сегодня минуло две недели, — отметил князь П. А. Вяземский в своей записной книжке 3 октября 1830 г., — что я узнал о существовании холеры в Москве. 17-го вечером приехал я в Москву с Николаем Трубецким. Холера и парижские дела были предметами разговора нашего. Уже говорили, что холера подвигается, что она во Владимире, что учреждается карантин в Коломне. Я был убежден, что она дойдет до Москвы. Зараза слишком расползлась из Астрахани, Саратова, Нижнего, чтобы не проникнуть всюду, куда ей дорога будет. 18-го меня давило какое-то предчувствие. Вечером я был у Кутайсова, где нашел Льва Перовского, возвращающегося из Казани и далее: он следовал за болезнью, которую настигал в разных губерниях, и по наблюдениям своим уверял, что она наносная. Вообще все думали, что она поветрие и потому и дали ей ход. Мнение его еще более подтвердило мое. На другой день поехал я к Николаю Муханову, чтобы узнать о действиях холеры и Закревского, проехавшего через Москву, — о средствах защищаться против неприятеля, если он приступит. Нашел я у него Маркуса, и узнал, что неприятель в Москве, что в тот же день умер студент, что умерло в полиции несколько человек от холеры. Меня всего стеснило, и ноги подкосились, отсутствие жены, поехавшей к матушке, неизвестность, что благоразумнее: перевезти ли детей в Москву, или оставаться в деревне, волновали и терзали меня невыразимо».²

24 сентября в Петербурге государь дал рескрипт на имя московского генерал-губернатора князя Д. В. Голицына (позже опубликованный в

¹ Mémoires de M. de Bourienne, ministre d'Etat sur Napoleon, le Directoire, le Consulat, l'Empire et la Restauration / Composés par M. de Villemarest. Paris, 1829—1830. Vol. 1—10.

² Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: В 12-ти тт. СПб., 1878—1896. Т. 9. С. 140.

«Московских ведомостях»): «С сердечным соболезнованием получил я Ваше печальное известие. Уведомляйте меня с эстафетами о ходе болезни. От Ваших известий будет зависеть мой отъезд. Я приеду делить с Вами опасности и труды. Преданность в волю Божию! Я одобряю все Ваши меры. Поблагодарите от меня тех, кои помогают Вам своими трудами. Я надеюсь всего более теперь на их усердие».³

25 сентября (в день памяти преподобного Сергия Радонежского) в московских храмах служили молебны об избавлении от холеры, толпы горожан во главе с московским митрополитом Филаретом обошли крестным ходом Кремль. Московский старожил граф М. В. Толстой свидетельствует: «Никогда, ни прежде (насколько старики могли упомнить), ни после не бывало такого благочестивого настроения между московскими жителями: храмы были полны ежедневно, как в светлый день Пасхи; почти все говели, исповедовались и причащались Святых Тайн, как бы готовясь к неизбежной смерти».⁴

Вечером 26 сентября в Петербург дошли известия об опустошениях, производимых холерой в первопрестольной. На следующее утро Николай Павлович покинул невские берега и спустя два дня прибыл в Москву, где был встречен в Кремле московским митрополитом и толпами народа. 1 октября в «Московских ведомостях» появилось краткое сообщение: «Москва. Его Величество Государь Император изволил прибыть из С.-Петербурга в сию столицу 29 сентября в 11 часов пополуночи».

А. Х. Бенкендорф, вернувшийся из отпуска, чтобы присоединиться к императорской свите, позже вспоминал: «Когда он (Николай I) появился перед народом, презрев опасность, чтобы пособить ему, общий энтузиазм достиг крайних пределов, и всем казалось, что сама болезнь должна уступить его всемогуществу. Было решено оцепить Москву для охранения от заразы прочих губерний и Петербурга; все исполнялось без затруднений, и покорность народа, одушевленного благодарностью, не знала границ. Холера, однако же, с каждым днем усиливалась, а с тем вместе увеличивалось и число ее жертв. Лакей, находившийся при собственной комнате Государя, умер в несколько часов; женщина, проживавшая во дворце, также умерла, несмотря на немедленно поданную ей помощь. Государь ежедневно посещал общественные учреждения, презирая опасность. (...) Вдруг за обедом во дворце, на который было приглашено несколько особ, он почувствовал себя нехорошо и принужден был выйти из-за стола. Вслед за ним поспешил доктор, столь же испуганный, как и мы все, и хотя через несколько минут он вернулся к нам с приказанием от имени Государя не останавливать обеда, однако никто в смертельной нашей тревоге уже более не прикасался к кушанью. Вскоре затем показался в дверях сам Государь, чтобы нас успокоить; однако его тошнило, трясла лихорадка и открылись все первые симптомы болезни. К счастью, сильная испарина и данные вовремя лекарства скоро ему пособили, и не далее как на другой день все наше беспокойство миновалось».⁵

По словам биографа Николая Павловича, «Государь провел там десять дней (с 29 сентября по 7 октября 1830 г. — В. М.) в неутомимой, беспрерывной деятельности; он лично наблюдал, как по его приказаниям устраивались больницы в разных частях города, отдавал повеления об удовлетворении Москвы в жизненных потребностях, о денежных вспомо-

³ Московские ведомости. 1830. 1 окт. (№ 79). С. 3518.

⁴ Русский архив. 1881. Кн. 2. С. 45.

⁵ Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 2. С. 306—307.

ществованиях неимущим, об учреждении приютов для детей, у которых болезнь похитила родителей; беспрестанно показывался на улицах; посещал холерные палаты в госпиталях, и только устроив и обеспечив все, что могла человеческая предусмотрительность, выехал 7-го октября из Москвы». ⁶

Пушкин не был свидетелем царского приезда: 31 августа 1830 г. поэт покинул Москву и на три месяца оказался отрезанным от мира в своем нижегородском имении. Все попытки оставить Болдино заканчивались ничем, каждый раз карантинные заставы вынуждали Пушкина возвращаться. «Болдино имеет вид острова, окруженного скалами», — писал поэт невесте 11 октября 1830 г. (X, 646).

Не приходится сомневаться, что дата, указанная в конце «Героя», равно как и место его создания, не имеют ничего общего с временем и обстоятельствами написания стихотворения. Пушкин сочинил «Героя» в Болдине во второй половине октября 1830 г. и в начале ноября переслал его в Москву М. П. Погодину, поставив под стихотворением фиктивную дату, намекающую на сокровенного адресата поэтического послания. «Из „Московских ведомостей“, единственного журнала, доходящего до меня, вижу, любезный и почтенный Михайло Петрович, что вы не оставили Матушки нашей. Дважды порывался я к вам, но карантинны опять отбрасывали меня на мой несносный островок, откуда простираю к вам руки и вопию гласом велиим. Пошлите мне слово живое, ради Бога. Никто мне ничего не пишет. Думают, что я холерой схвачен или зачах в карантине. Не знаю, где и что моя невеста. Знаете ли вы, можете ли узнать? ради Бога, узнайте и отпишите мне: в Лукояновский уезд в село Абрамово, для пересылки в село Болдино. Если при том пришлете мне вечерую свою трагедию, то вы будете моим благодетелем, истинным благодетелем. Я бы на досуге вас раскритиковал — а то ничего не делаю; даже браниться не с кем. Дай Бог здоровье Полевому! его второй том со мною и составляет утешенье мое. Посылаю вам из моего Пафмоса Апокалипсическую песнь. Напечатайте, где хотите, хоть в „Ведомостях“ — но прошу вас и требую именем нашей дружбы не объявлять *никому* моего имени. Если московская цензура не пропустит ее, то перешлите Дельвигу, но также без моего имени и не моей рукою переписанную...» (X, 245).

Письмо Погодину, частью выдержанное в пародийно-архаическом ключе, побуждает задать три вопроса, непосредственно связанных с «Героем»:

— почему поэт, сочинивший сугубо верноподданническое стихотворение, настаивал на его анонимной публикации?

— отчего автору было важно напечатать стихотворение именно в Москве — «хоть в „Ведомостях“» — в официозном издании князя Шаликова, исправно печатавшем распоряжения высших властей (правительства, генерал-губернатора и проч.)?

— какие цензурные затруднения предвидел поэт на пути «Героя»?

Частичный ответ на первый вопрос традиционно усматривают в письме М. П. Погодина князю П. А. Вяземскому от 11 марта 1837 г.: «В этом стихотворении самая тонкая и великая похвала нашему славному царю. Клеветники увидят, какие чувства питал к нему П(ушкин), не хотевший, однако ж, продираться со льстецами». ⁷ Но решающим мотивом, побудившим поэта настаивать на строгой анонимности, по-видимому, была высочайшая цензура; среди смут и шатаний 1830 г. — революции во Франции, восстания в Бельгии, холеры в России — ожидать скорого решения государя о

⁶ Там же. С. 310.

⁷ Пушкин. Письма / Под ред. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 474.

публикации «Героя» не приходилось. Пушкин же был заинтересован в скорейшем появлении стихотворения на страницах московской печати. К тому же не следует забывать, что поэту была памятна судьба послания «Друзьям»: Николай Павлович, прочитав пушкинское стихотворение, начертал: «Это можно распространять, но нельзя печатать».⁸ Применительно к «Герою» подобный исход дела не устраивал поэта, стремившегося опубликовать свое сочинение едва ли не на манер официального манифеста. Тщательное соблюдение анонимности как нельзя лучше отвечало этому замыслу. Первым шагом в его осуществлении была отправка «Героя» Погодину. Сын вольноотпущенника графа П. И. Салтыкова ни по происхождению, ни по воспитанию не принадлежал привычному пушкинскому кругу. Если в письме Вяземскому или Дельвигу просьба «напечатайте, где хотите, хоть в „Ведомостях“» означала бы «на худой конец у Шаликова» (чего бы друзья поэта, разумеется, не допустили), то в письме Погодину, редактировавшему в 1830 г. специальное «холерное» приложение к «Ведомостям»,⁹ пушкинское пожелание обретает привкус провоцирующей подсказки, — автор не возражает против публикации «Героя» в московском офицбюро.¹⁰ Столь же явно стремление поэта увидеть свое стихотворение напечатанным в первопрестольной — свидетельнице жертвенного подвига российского государя.

Приведенные суждения способны смягчить остроту двух первых вопросов, но они не в силах указать источники возможных цензурных затруднений, волновавших поэта. Современный исследователь творческой истории пушкинского «Героя» полагает, что московских цензоров могло смутить сравнение подвига российского самодержца с беглой описью трудов и дней Бонапарта. «Значит, в стихотворении были какие-то смысловые оттенки, существенно отличные от официальных воззрений. Один из таких оттенков, кажется, нетрудно выявить. Это уже упомянутое сопоставление Наполеона с ныне царствующим православным государем. Легендарное посещение Наполеоном чумного госпиталя в Яффе Пушкин соотносит с приездом Николая I в Москву, пораженную холерой. Конечно, и тот и другой совершают доброе дело. Но русский император как бы идет по следам Бонапарта. Пушкин, разумеется, понимает, сколь в официальном легитимном сознании широка пропасть между французским узурпатором и русским царем из династии, третий век сидящей на престоле. Поэт вовсе не стремится возвеличить Наполеона или унижить Николая. В историко-философском контексте „Героя“ это, может быть, и неважно. Но сама возможность такой примитивной трактовки могла усложнить цензурную судьбу „Героя“».¹¹

Читателю, не обремененному разночинными страхами перед российской цензурой, подобная аргументация вряд ли покажется убедительной. После июльской революции во Франции, лишившей трона старшую ветвь Бурбонов, утверждение нравственного превосходства российского государя перед исчезающей революцией (а именно таков был «официальный» статус Наполеона в России) могло показаться предосудительным сонму «лишних

⁸ Вересаев В. В. Пушкин в жизни. М., 1984. С. 98.

⁹ Первый выпуск «Ведомостей о состоянии города Москвы» вышел 23 сентября 1830 г. Всего за 1830—1831 гг. Погодин подготовил 106 номеров, за единственным исключением (№ 60), помещенных в «Московских ведомостях» (см.: Корсунский И. Деятельность Филарета, Митрополита Московского в холеру 1830—1831 годов. М., 1887. С. 3).

¹⁰ Пушкинское «хоть в „Ведомостях“» имело зримый повод: в номере «Московских ведомостей» от 1 ноября 1830 г. были опубликованы стихи Эвальгина на смерть московского коменданта генерал-лейтенанта Н. Н. Веревкина.

¹¹ Листов В. С. Из творческой истории стихотворения «Герой» // Временник Пушкинской комиссии: 1981. Л., 1985. С. 139.

людей», но не чиновникам цензурного ведомства. О том же, что политические события холерного года рассматривались в России как звено в исторической драме «Россия и революция», недвусмысленно свидетельствует письмо великого князя Константина Павловича своему венценосному брату: «Итак, мои мрачные предвидения оправдались, начинается новая эра, и мы отброшены на 41 год назад. Сколько трудов, сколько крови, сколько сил потрачено зря, только для того, чтобы привести к торжеству принципы, которые составляют основу принципов наших врагов».¹²

Неопределенность с уяснением причин цензурных опасений Пушкина побуждает еще раз обратиться к тексту «Героя» в надежде отыскать в самом стихотворении поэтические образы, оправдывающие беспокойство поэта. В том, что тревога Пушкина была отнюдь не беспочвенной, убеждают дневниковые записи М. П. Погодина: «22 декабря 1830 года — На минутку к Аксаковым, раздосадованный на поправки Над(ежда) в героe...».¹³

Пушкинское стихотворение открывает эпитафия «Что есть истина?», заимствованная из 18-й главы Евангелия от Иоанна: «Пилат сказал Ему: итак, Ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь; Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине: всякий, кто от истины, слушает гласа Моего. Пилат сказал Ему: что́ есть истина? И, сказав это, опять вышел к Иудеям и сказал им: я никакой вины не нахожу в Нем» (ст. 37—38).

Последний вопрос Пилата остается без ответа. Перед римским прокуратором стоял Тот, Кто есть Истина. Она была очевидна (т. е. непосредственно видима очами) и, раскрытая в своей полноте, не нуждалась в пояснениях. Для христианина любая сколько-нибудь удачная попытка объяснить, что́ (а точнее Кто) есть истина, всегда остается недоговоренной, недосказанной, в решающий момент человеческая речь смолкает, и о Боге свидетельствует Само Слово. Эта евангельская перспектива, заданная эпитафией, обрекает творение Пушкина на фрагментарность, незавершенность, на неизбежное отточие после многозначительного «Утешься». В сердце российского самодержца, грядущего спасти гибнущий народ, начертан Христос, и явственно осязаемая близость Бога растворяет в молчании поэтические глаголы. Пушкин не просто возводит Николая I на степеня традиционного «добурьенновского» образа Наполеона, как может показаться читателям, с излишним доверием усвоившим уроки «чистого афеизма». В свете опыта религиозного поэт совершает большее: он противопоставляет православного государя, носителя харизматических даров, французскому полководцу, венчанному отпавшей от истины тварной свободой (вольностью).¹⁴

Новозаветные мотивы «Героя» не исчерпываются одним эпитафией. Уже первые строки стихотворения:

Да, слава в прихотях вольна.
Как огненный язык, она
По избранным главам летает,
С одной сегодня исчезает
И на другой уже видна.
За новизной бежать смиренно
Народ бессмысленный привык;
Но нам уж то чело священо,
Над коим вспыхнул сей язык, —

¹² Сборник Русского исторического общества. СПб., 1911. Т. 132.

¹³ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х тт. М., 1984. Т. 2. С. 30.

¹⁴ Пушкин, разумеется, знал, что во время коронации в Notre-Dame de Paris Наполеон перехватил из рук Пия VII императорский венец и сам возложил его на свою голову.

восходят к фрагменту Деяний Апостолов, повествующему о сошествии Духа Святого на Апостолов: «При наступлении дня Пятидесятницы, все они были единомысленно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещавать» (II, 1–4).

Аналогия между вступлением «Героя» и второй главой Деяний Апостолов станет еще более прозрачной, если вспомнить о традиционных образах «Сошествия Духа Святого на Апостолов», предстоящих в храмах взорам молящихся. Над челом каждого из учеников, сошедшихся в кружок возле Богородицы, иконописцы, как правило, изображают язычок пламени, свидетельствующий о помазании Духом.

Для христианина праздник Пятидесятницы — День Откровения Духа — есть праздник утверждения Церкви Христовой, исполнение обетования, данного Спасителем: «...на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее...» (Евангелие от Матфея, XVI, 18). Именно в Пятидесятницу на литургии читают стихи Деяний Апостолов, вольно переименованные в зачине пушкинского «Героя». И подобно тому как Пятидесятница раскрывает человеку Св. Церковь, начало пушкинского стихотворения, навеянное новозаветными образами, как бы вводит читателя в храм, — храм славы, где совершается служение героям.

Столь рискованное использование богодухновенного текста, надо полагать, давало повод цензурным опасениям поэта. Поэтическая дерзость Пушкина, по-видимому, не ускользнула и от редактора «Телескопа». Бывший семинарист Н. И. Надеждин потянулся к карандашу, стремясь упредить цензоров новообразованного журнала. Своевременное вмешательство Погодина, судя по всему, успокоило редактора. В конечном итоге посвящение государю, поддержанное разорением капища славы человеческой («...мечты поэта, историк строгий...») и утверждением Храма Славы Божией («Утешься...»), извинило вольность поэта.¹⁵

Вступление пушкинского стихотворения, связанное с литургическим чтением праздника Пятидесятницы (День Откровения Духа Святого), побуждает с подчеркнутым вниманием отнестись к последнему высказанному слову «Героя» — «Утешься...». Христос обещал своим ученикам: «И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек» (Евангелие от Иоанна, XIV, 16). В повседневной молитве Св. Духу православные христиане взывают: «Царю Небесный, Утешителю...». В соединении с заключающей «Героя» датой, указывающей на приезд Николая Павловича в охваченную холерой Москву, подспудная пневматология пушкинских ямбов исподволь свидетельствует о харизме русского государя. В итоге стихотворение Пушкина как бы оковано двойным кольцом новозаветных реминисценций: «Что есть истина?..» — «...»; «Да, слава в приключениях вольна...» — «Утешься...».

Прислушаемся к литургическим отголоскам, пронизывающим пушкинское стихотворение. «Герой» раскрывается как беседа двух участников — Поэта и Друга. Для лирики Пушкина эта переключка голосов, вовлеченных

¹⁵ Характерно, что в 1855 г. цензура сомневалась, можно ли позволить П. Анненкову опубликовать в его «Материалах для биографии А. С. Пушкина» строку из письма Погодину «Посылаю вам из моего Пафмоса Апокалипсическую песнь»: применительно к лирическому стихотворению упоминание новозаветной книги казалось цензору предосудительным (см.: *Пушкин. Письма*. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 475). Наталкивает на размышления и судьба первой посмертной публикации пушкинского «Героя». В пятом номере «Современника» то ли по недосмотру наборщиков, то ли по требованию цензуры выпущена строка: «Над коим вспыхнул сей язык».

в диалог, не была чем-то новым. Достаточно вспомнить «Разговор книгопродавца с поэтом» или знаменитый пушкинский «Ямб» («Поэт и толпа»), чтобы опознать поэтический ряд, включающий «Героя». Схожие по чисто формальному признаку, эти сочинения придают диалогу различную смысловую окраску. «Разговор...» — это беседа двух современников, повествующая о мучительных коллизиях культуры пушкинской поры и завершающаяся в конце концов прозаической коммерческой сделкой. «Поэт и толпа» напоминает руины античной трагедии: поэту-корифею («Поэт по лире вдохновенной...») оппонирует хор черни. В «Герое» же перекличка Поэта и Друга приобретает отчетливый тайнодейственный смысл. Пушкин недаром называл «Героя» песнью, давая понять, что Поэт и Друг — суть исполнители некоего песнопения.

Здесь впору напомнить, что песнопение на два лика (так называемое антифонное пение) — древний обычай христианской Церкви. По свидетельству Сократа Схоластика, «Игнатий, третий после Апостола Петра Епископ Сирийской Антиохии, обращавшийся с самими Апостолами, в видении созерцал Ангелов, воспевающих торжественную песнь Святой Троице на двух противоположных сторонах, и образ сего пения ввел в Антиохийскую Церковь. Отсюда это предание перешло уже во все прочие Церкви».¹⁶

В болдинском «Герое» пушкинские «антифоны» влекут читателя из храма славы человеческой в Храм Славы Божией, от преходящих подвигов века сего — к нетленной добродетели, запечатленной Христом. Для поэта подлинный героизм сродни мученичеству, — поэта влечет не полководец, одолеваящий врагов и укрепляющий империю, а Спаситель, идущий в Иерусалим на вольную муку. С этим событием евангельской истории сопрягается у Пушкина подвиг русского императора, верного завету Христову: «Больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» («Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих») (Евангелие от Иоанна, XV, 13).

О том, что приезд государя в Москву Пушкин пережил в свете христианского откровения, свидетельствует также строка из письма Погодину: «Посылаю вам из моего Пафмоса Апокалипсическую песнь». Уподобляя Болдино месту ссылки Св. Иоанна Богослова, Пушкин подчеркивает характер своего песнопения. Было бы грубой ошибкой понимать определение «апокалипсический» в духе расхожих представлений, как характеристику послания, сочиненного среди «апокалипсических» ужасов — эпидемии холеры. По своему буквальному значению Апокалипсис есть Откровение — «Откровение Иисуса Христа, которое дал Ему Бог, чтобы показать рабам Своим, чему надлежит быть вскоре. И Он показал, послав *оное* через Ангела Своего рабу Своему Иоанну, который свидетельствовал слово Божие и свидетельство Иисуса Христа, и что он видел» (Откровение Иоанна Богослова, I, 1–2).

Не менее важно отчетливое разумение жанрового своеобразия Апокалипсиса как послания: «Иоанн семи церквам, находящимся в Азии: благодать вам и мир от Того, Который есть и был и грядет, и от семи духов, находящихся перед престолом Его, и от Иисуса Христа, Который есть Свидетель верный, первенец из мертвых и владыка царей земных» (Там же, I, 4–5). Во второй главе Откровения Христос повелевает Св. Иоанну написать отдельно каждому Ангелу каждой из семи Асийских церквей: «Ангелу Ефесской церкви напиши...», «И Ангелу Смирнской церкви на-

---

¹⁶ Сократ Схоластик. Церковная история. СПб., 1850. С. 471.

пиши...», «И Ангелу Пергамской церкви напиши...» и т. д. Одно из традиционных толкований этих строк усматривает в Ангелах церковей их предстоятелей — епископов.¹⁷

Пушкину была внятна эта классическая интерпретация.¹⁸ Строка поэта «Посылаю вам из моего Пафмоса Апокалипсическую песнь» является своеобразной авторской реминисценцией: в мае 1821 г. в письме А. И. Тургеневу Пушкин писал: «...не можете ли вы меня вытребовать на несколько дней (однако ж не более) с моего острова Пафмоса? Я привезу вам за то сочинение во вкусе Апокалипсиса и посвящая вам, христоролюбивому пастырю поэтического нашего стада» (X, 25). Позже, в январе 1830 г., Пушкин закончил «стансы» Филарету четверостишием:

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.¹⁹

(III, 157)

По своему прямому смыслу пушкинская фраза «Посылаю вам из моего Пафмоса Апокалипсическую песнь» есть краткое пояснение к поэтическому посланию о богооткровенном событии, обращенному к Ангелу (предстоятелю) Московской церкви. Этот конкретный адресат делает принципиально необходимой публикацию стихотворения именно в Москве, иначе понимание «Апокалипсической песни» рискует понести тяжелый смысловой ущерб.

Теперь обратимся к лику Ангела столичной церкви: в разгар холерного поветрия ее предстоятелем был митрополит Филарет. В начале 1830 г. Пушкину уже пришлось иметь дело с московским владыкой. Добрая знакомая Пушкина и почитательница Филарета Е. М. Хитрово указала московскому первосвященнику на пушкинское стихотворение «Дар напрасный, дар случайный...», напечатанное в «Северных цветах» Дельвига на 1830 г. Святитель, удрученный душевной смутой поэта, дерзнул вразумить Пушкина поэтическим посланием «Не напрасно, не случайно...», переданным Пушкину все той же Е. М. Хитрово. Строфы тронули сердце поэта, и в ответ Пушкин сочинил знаменитые «стансы» («В часы забав иль праздной скуки...»), опубликованные в феврале 1830 г. в 12-м номере «Литературной газеты» Дельвига.²⁰

¹⁷ «К числу наиболее распространенных и популярных принадлежит то объяснение, по которому Ангел церкви обозначает предстоятеля церкви, епископа или пресвитера... Иустин Философ, блаж. Августин, Иларий диакон..., Sylveira, Bossuel, Stern, Sabel, Kliefoth, Beck, Tait — и вообще все католические толкователи» (Жданов А. Откровение Господа о семи Азийских церквах. М., 1891. С. 100).

¹⁸ Для разуменья этой истины Пушкину не было нужды копаться в фолиантах блаженного Августина или сдувать пыль с трудов позднейших экзегетов. Достаточно было вполуха внимать наставлениям лицейских законоучителей — о. Николая Музовского, о. Гавриила Полянского, о. Герасима Павского.

¹⁹ «Не исключено, что ангельская арфа пушкинского стихотворения принадлежит к числу образов, навеянных осведомленностью в конкретных жизненных обстоятельствах адресата „Стансов“. Владыка Филарет был персоной заметной, и его почитателям (а через них и более широкому кругу) были известны „тайны“ архипастырских (а прежде просто монашеских) досугов святителя — „...покинув отроческие забавы и устрояя праздность от головы и сердца, даже в краткие часы отдыха от молитв и уроков, он (Филарет. — Н. М.) употреблял их обыкновенно то на головоломную игру в шахматы — это для упражнения ума; то на извлечение стройных звуков из дедовских гуслей — это для занятия души. С детства прислушивался внук к игре на них своего деда и перенял от него искусство бряцать по струнам царя-пророка» (Сушков Н. В. Записки о жизни и времени святителя Филарета, Митрополита Московского. М., 1868. С. 33).

²⁰ Помня об этом, Пушкин, в случае препятствий со стороны московской цензуры, просил Погодина переслать «Героя» в Петербург Дельвигу.

Осенью 1830 г. красноречие московского владыки вновь вдохновило поэта. 29 сентября на паперти Успенского собора митрополит Филарет произнес «Слово», обращенное к приехавшему в Москву государю. Речь московского архипастыря в основных чертах предопределила сквозные темы пушкинского «Героя»: «Благочестивый Государь! Цари обыкновенно любят являться Царями славы, чтобы окружать себя блеском торжественности, чтобы принимать почести. Ты являешься ныне среди нас как Царь подвигов, чтобы опасности с народом Твоим разделять, чтобы трудности препобеждать. Такое Царское дело выше славы человеческой, поелику основано на добродетели христианской. Царь Небесный провидит сию жертву сердца Твоего, и милосердно хранит Тебя, и долготерпеливо щадит нас. С Крестом сретаем, Тебя, Государь, да идет с Тобою воскресение и жизнь».²¹

«Слово» Филарета, напечатанное в «Московских ведомостях» (и следовательно, известное поэту), явилось одним из ключевых источников пушкинского «Героя».²² Оно же объясняет обилие литургических мотивов, пронизывающих стихотворение. Любопытно, что соборное красноречие Филарета восхитило не одного Пушкина. Остафьевский сиделец князь П. А. Вяземский отметил 6 октября в записной книжке: «Приезд Государя в Москву есть точно прекраснейшая черта. Тут есть не только небоязнь смерти, но есть и вдохновение, и преданность, и какое-то христианское и царское рыцарство, которое очень к лицу владыке. Странное дело, мы встретились мыслями с Филаретом в речи его Государю. На днях в письме к Муханову я говорил, что из этой мысли можно было бы написать прекрасную статью журнальную. Мы видели царей и в сражении. Моро был убит при Александре, это хорошо, но тут есть военная слава: есть point d'honneur нося военный мундир и не скидывая его никогда, показать себя иногда военным лицом. Здесь нет никакого упоения, нет славолубия, нет обязанности. Выезд Царя из города, объятого заразою, был бы, напротив, естествен и не подлежал бы осуждению; следовательно, приезд Царя в таковой город есть точно подвиг героический. Тут уже не близ Царя близ смерти, а близ народа близ смерти».²³

Пушкину не довелось увидеть своего «Героя» на страницах «Московских ведомостей». Проницательности Погодина хватило лишь на половину замысла Пушкина: безошибочно уловив первое из посвящений — государю, автор «Марфы Посадницы» не распознал второго пушкинского адресата. Безнадежно промедлив с публикацией, Погодин отдал «Героя» в надежный «Телескоп», где стихотворение на несколько лет опочило среди перлов изящной словесности. Позднее перепечатанный в «Современнике» «Герой», благодаря подсказке Погодина, понимался исключительно как поэтическое посвящение Николаю Павловичу. В сознании читателей из утвержденного Пушкиным мистического союза государя, пастыря и певца выпал белый митрополичий клубок.

²¹ Московские ведомости. 1830. 4 окт. (№ 80). С. 3559.

²² Применительно к подвигу Николая Павловича речь Филарета предопределила исходную смысловую посылку пушкинского стихотворения — противопоставление славы человеческой и утверждаемой во Христе Славы Божией.

²³ Вяземский П. А. Указ. соч. С. 142.

Приветственное «Слово» Филарета, определившее ключевые понятия пушкинского «Героя», не исчерпывает смыслового строя стихотворения. При всем желании из проповеди московского владыки не извлечь ни наполеоновской темы, ни перечня важнейших политических и военных событий конца XVIII—начала XIX в. Каким образом сочетал Пушкин безусловную верность гомилетическому перлу Филарета с развернутым историческим экскурсом, сфокусированным на кульминационном событии египетского похода Наполеона? Какова в принципе роль наполеоновской легенды в пушкинском стихотворении?

За определением «Апокалипсическая песнь» скрыто осознание исконной связи между историей и Церковью, жизнью человека и Христом. По Вознесении Спасителя Его обетования нашли осуществление в праздник Пятидесятницы, в День утверждения Церкви Христовой. С этой поры начинается история, понятая как уникальный и неповторимый процесс, каждый момент которого обладает несводимым значением в деле устройства человеческого спасения. В пространстве христианской культуры подлинная история совершается под сводами Церкви — Патмосское видение Св. Иоанна, связывающее воедино историю, Церковь и конечные судьбы человека, служит исчерпывающим выражением этой интуиции.²⁴ Раскрытый как богослужение, небесная литургия, совершаемая перед взором тайновидца («...и вот, престол стоял на небе, и на престоле был Сидящий... И от престола исходили молнии и громы и гласы, и семь светильников огненных горели пред престолом» (Откровение Иоанна Богослова, IV, 2, 5)), Апокалипсис назидает, что реальные глубины истории открываются человеку в Церкви, в единстве Тела Христова. В этом смысле формула Св. Игнатия Богоносца «Христос — вот мой архив» является кратчайшим выражением христианского взгляда на историю. Истинное постижение протекающих исторических событий, опыт исторического самопознания возможны лишь в движении человека к Богу, в его встрече с Ним.

Эти хрестоматийные положения христианского вероучения побуждают видеть в пушкинском песнопении нечто большее, чем блистательное стихотворение «на случай». Если признать, что авторская характеристика — «Апокалипсическая песнь» — не исчерпывается сокровенным адресом московского архиерея, то в апокалипсической песни (храмовом действе) Пушкина приоткроется слово об истории, неразрывно связанное с жизненным опытом самого поэта. Естественно, что эта попытка самопознания, совершаемая в истории, неизбежно привнесет в поэтический текст самореминисценции, поэтические повторы, заново осмысляемые в свете христианского откровения. Образный строй пушкинского стихотворения (равно как и письмо Погодину) не обманывает этих ожиданий.

Еще П. О. Морозов заметил,²⁵ что в «Герое» проскальзывают строки, восходящие к незавершенному²⁶ стихотворению поэта «Недвижный страж дремал на царственном пороге», датируемому концом 1823 — первой половиной 1824 г.²⁷

²⁴ Содержание Апокалипсиса обычно рассматривают с двух точек зрения: или как мистическую историю мира, или как внутреннюю историю человеческой души. Сами по себе эти подходы недостаточны, опыт прочтения истории мира, равно как и усилие самопознания, находят синтетическое выражение в единящем их Теле Христовом, т. е. в Церкви.

²⁵ См.: Сочинения Пушкина / Под ред. П. О. Морозова. СПб., 1887. Т. 2. С. 500—501.

²⁶ Обычный взгляд на пушкинское стихотворение. См., например: *Бонди С. М.* О Пушкине. М., 1983. С. 23—24.

²⁷ См.: *Цявловский М. А.* Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: 1799—1826. Л., 1991. С. 377, 380.

Посвященный Александру I, пушкинский «Недвижный страж...» открывается описанием грандиозного политического пасьянса, обременяющего мысли российского самодержца:

Недвижный страж дремал на царственном пороге,
Владыка севера один в своем чертоге
Безмолвно бодрствовал, и жребии земли
В увенчанной главе стесненные лежали,
Чредою выпадали
И миру тихую неволю в дар несли...

(II, 158)

Торжественные шестистопные ямбы, соединяющие ветхую библейскую лексику с описанием близкой сердцу романтика ночной поры, облегчают сочетание в одном стихотворении двух характерных для Александрова царствования систем символов. С одной стороны, Пушкин апеллирует к устойчивой мифологии второй половины XVIII — начала XIX вв., привычно опознававшей в России северную державу, страну Гипербореев (именно поэтому Александр I — владыка севера). С другой стороны, опальный поэт пробуждает воспоминания о библейском северном царе, упоминаемом в ветхозаветных пророчествах Иеремии (XXV, 26) и Даниила (XI). Это сплетение политической мифологии с высоким библейским слогом удачно выражает политические устремления Александра I в последнее десятилетие его царствования. Созданный по почину российского самодержца, Священный союз был попыткой едва ли не прямой поверки политических событий истинами библейского откровения (недаром писанный текст Венского союза монархов напоминал не столько дипломатическую хартию, сколько развернутую мистико-политическую декларацию).

Использование, если не злоупотребление, библейской фразеологии — характерная черта романтических опытов Пушкина. Незадолго до написания первых тринадцати строк «Недвижного стража...» Пушкин сочинил «подражание басне умеренного демократа Иисуса Христа» (X, 61) — «Свободы сеятель пустынный...» и в письме от 1—8 декабря 1823 г., адресованном князю Вяземскому, требовал «...оставить русскому языку некоторую библейскую похабность» (X, 62). Как ни вредила репутации Пушкина-христианина «Гавриилиада» и богохульные сентенции, рассыпанные в лирике и переписке романтической поры, наследие исторического христианства сохраняло для поэта свое живое значение. Например, позднейшее переложение великопостной молитвы Св. Ефрема Сирина («Отцы пустынники и жены непорочны...») — отнюдь не первая встреча пушкинского пера с молитвенным песнопением низибийского отшельника. В 1821 г. в письме А. А. Дельвигу, рассуждая о поездке В. К. Кюхельбекера в Париж в качестве секретаря А. Л. Нарышкина, Пушкин писал: «Ты не довольно говоришь о себе и об друзьях наших — о путешествиях Кюхельбекера слышал я уж в Киеве. Желаю ему в Париже духа целомудрия, в канцелярии Нарышкина духа смиренномудрия и терпения; об духе любви я не беспокоюсь, в этом нуждаться не будет, о празднословии молчу — дальний друг не может быть излишне болтлив» (X, 23). Сугубую остроту пушкинскому сочетанию осколков великопостной молитвы и парижского путешествия Кюхельбекера придает легендарное мотовство и хлебосольство А. Л. Нарышкина. Недурно осведомленный в Законе Божиим, поэт время от времени обновлял свои познания усердным чтением Библии («...читая Библию и Шекспира... Святой Дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира...»). Осмеивая и кощунственно переиначивая библейские образы, используя Священное Писание не во Славу Божию, а в иных, чуждых

Создателю целых, Пушкин тем не менее оставался человеком определенного культурного круга, отменно разумевшим исконные символы христианства.

Впрочем, воспринимать библейские реминисценции Пушкина лишь на фоне глумливой усмешки Вольтера и легких поэм Парни было бы очевидной односторонностью. Культурному сознанию конца XVIII — начала XIX в. была свойственна известная оккультная одержимость, оттеняющая (а порой и заставляющая) наследие Просвещения. Многообразные формы нецерковной мистики (среди них — разносимые по Европе «вольными каменщиками», источившими границу между мистикой и политической) побуждали к использованию Библии в частных мистических медитациях, опытах частных прочтений, толкованиях видений и разгадках грядущих судеб. В поэзии эти явления прихотливо сочетались с преромантическими (в частности, оссианическими) мотивами, порождая своеобразные сумеречные пейзажи, усугублявшие лирико-мистические настроения поэтов. Музе Пушкина не были чужды эти таинственные и (в силу известных увлечений Александра Павловича) несколько «официозные» переживания. Вспомним хотя бы пушкинского «Наполеона на Эльбе», совместившего роковую закатную панораму («Вечерняя заря в пучине догорала, / Над мрачной Эльбою носилась тишина...») с апокалиптическими тревогами царскосельского лицеиста. К сходной традиции мистически напряженного, ответственного использования библейской символики примыкает и пушкинский «Недвижный страж...».

Отчетливые библейские мотивы не ослабевают во втором шестистишии пушкинского стихотворения:

И делу своему владыка сам дивился,
Се благо, думал он, и взор его носился
От Тибровых валов до Вислы и Невы,
От саркосельских лип до башен Гибралтара:
Всё молча ждет удара,
Всё пало — под ярем склонились все главы.
(II, 158)

Если обратиться к первым стихам Книги Бытия («В начале сотвори Бог небо и землю. Земля же была невидима и неустроена, и тьма верху бездны: и Дух Божий носашеся верху воды... И виде Бог, яко добро...»),²⁸ то пушкинские строки «И делу своему владыка сам дивился, / Се благо, думал он, и взор его носился...» раскроются как религиозно окрашенный взгляд обуюнного гордыней государя на созданную им политическую систему. Библейские реминисценции, пронизывающие стихотворение, обязывают внимательнее отнестись к двум последним строкам шестистишия: «Всё молча ждет удара, / Всё пало — под ярем склонились все главы».

²⁸ В синодальном переводе: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою... И увидел Бог, что это хорошо» (I, 1 — 2, 10). Заслуживает внимания и пушкинский курсив *се благо* в строке, восходящей к Книге Бытия. В славянском Священном Писании, разумеется, никакого курсива нет; нет его и в соответствующих стихах французской Библии Местра де Саси, напечатанных Санкт-Петербургским Библейским обществом в 1817 г. В стереотипных изданиях Лондонского Библейского общества курсивом выделена глагольная часть: «et Dieu vit que cela etoit bon». Кроме того, в русских книгах первой половины прошлого столетия существовала традиция выделять библейские цитаты курсивом: в частности, им набраны фрагменты Священного Писания в Филаретовых «Записках на Книгу Бытия», вышедших в свет в 1816 г. В своих размышлениях Филарет непосредственно связывает библейское добро и благо: «Каждая тварь в особенности добра: но в целом добра зело. Каждый день творения вносил в тварь новое благо: но день сотворения человека возвысил благо всего мира» (*Архимандрит Филарет (Дроздов)*. Записки на Книгу Бытия. СПб., 1816. С. 23). Если учесть, что в Филаретовых «Записках» славянский текст Книги Бытия сопоставлялся с еврейским, а законоучителем в Лицее в 1817 г. был знаменитый русский гебраист о. Герасим Павский, то знакомство Пушкина с «Записками» Филарета отнюдь не исключено.

Это внезапное «затишье перед бурей» не имеет ничего общего с приевшимися романтическими штампами: в пушкинском стихотворении наступившее молчание восходит к устойчивым библейским образам. «В Апокалипсисе (8, 1) перед началом чреды бедствий, грядущих разорить грешный мир, Св. Иоанн замечает: „И когда он снял седьмую печать, сделалось безмолвие на небе, как бы на полчаса...” Почему тишина? В пророческих книгах она возвещает Божоявление, блистательное шествие Божие (Аввакум, 2, 20; Захария 2, 17; и особенно Софония 1, 17: „Умолкни перед лицом Господа Бога, ибо близок День Господень”). Точно так же в Апокалипсисе „тишина” знаменует канун Судного дня».²⁹

Последующее развитие пушкинского стихотворения не искажает этой апокалиптической перспективы:

«Свершилось! — молвил он.. — Давно ль народы мира
Паденье славили великого кумира...».

3

Сорвавшееся с царских уст «Свершилось!» без труда опознается в заключительных стихах 16-й главы Апокалипсиса: «Седьмый Ангел вылил чашу свою на воздух: и из храма небесного от престола раздался громкий голос, говорящий: совершилось! И произошли молнии, громы и голоса, и сделалось великое землетрясение, какого не бывало с тех пор, как люди на земле» (ст. 17—18).³⁰

Внезапный обрыв пушкинского стихотворения, отмеченный строками точек в автографе, является сознательным художественным приемом — символом апокалиптических потрясений, свидетельством несказанного

---

²⁹ Introduction à la Bible. Le Nouveau Testament. Vol. 4. La tradition johannique. Desclée. Paris, 1977. P. 21.

³⁰ Апокалиптическое «Свершилось!», вложенное поэтом в уста российского государя, было бы принято современниками как характерная биографическая черта, оттеняющая образ петропольского венценосца. Если раскрыть церковнославянский текст Откровения, то на месте «совершилось!» читатель найдет славянское «бысть» (с'е est fait во французском переводе Местра де Саси). Предпочтение, оказанное Пушкиным русскоязычному тексту Апокалипсиса, побуждает вспомнить об участии Александра Павловича в публикации «русского» Нового Завета. В 1816 г., внимая пожеланиям государя, Российское Библейское общество, возглавляемое синодальным обер-прокурором князем А. Н. Голицыным, приступило к подготовке русской Библии. Переводом текста ведала Комиссия духовных училищ под началом ректора Санкт-Петербургской Духовной академии архимандрита Филарета. Под высочайшим покровительством дело продвигалось споро, и в 1820 г. «русский» Новый Завет был издан первым тиснением. В предисловии, подписанном тремя архиереями (Михаилом Новгородским и Санкт-Петербургским, Серафимом Московским и Коломенским, Филаретом (в ту пору) Тверским и Кашинским), приводился текст Высочайшего повеления Священному Синоду, заканчивавшийся словами: «Его Императорское Величество находит соответственным с обстоятельствами, что и для российского народа под смотрением духовных лиц сделано было переложение Нового Завета с древнего славянского на новое российское наречие, каковое переложение и может быть издано для желающих от Российского Библейского общества, вместе с древним славянским текстом, подобно как издано уже с дозволения Святейшего Синода Послание Римлянам на славянском и российском наречии совокупно. Само собою разумеется, что церковное употребление славянского текста долженствует остаться неприкосновенным». Кроме значения сугубо религиозного, перевод Нового Завета сыграл свою роль в литературной полемике Александра царствования, именем государя подрывая устои языковых представлений литературных староверов (для адмирала Шишкова «славянский» и русский — суть модусы одного языка, обращенные соответственно миру горнему и миру дольнему; переложить Библию по-русски — значит влачить святыню на торжище). Для современников не было секретом, что «партизаном» библейского перевода среди иерархов русской Церкви был владыка Филарет. В 1830 г., сочиняя «Героя», Пушкину было тем проще использовать собственные реминисценции из «Недвижного стража...», что в сознании поэта языковой строй стихотворения, начатого в Одессе, косвенно сопрягался с библейскими начинаниями московского митрополита.

ужаса.³¹ Все последующие размышления Александра Павловича непосредственно связывают политическую историю Европы начала XIX в. с апокалиптическими катаклизмами. Этот перенос «геологических» потрясений в область политики — традиционный экзегетический ход: в Откровении Св. Иоанна Богослова «Совершилось!» открывает суд над вавилонской блудницей, в которой истолкователи Тайновидца привычно усматривают богоборческую империю. «И повел меня в духе в пустыню; и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богоухальными, с семью головами и десятью рогами... Здесь ум, имеющий мудрость. Семь голов суть семь гор, на которых сидит жена, и семь царей, из которых пять пали, один есть, а другой еще не пришел, и когда придет, не долго ему быть» (XVII, 3, 9–10). В начале XIX в. в ненадолго пришедшем царе мистически одаренные натуры прозревали Наполеона, мнившего себя наследником и владыкой великого Рима (града на семи холмах).³²

Завершается полуночная речь венценосца торжественным апофеозом, утверждающим величие и мощь самодержавной России:

Вот Кесарь — где же Брут? О грозные витии,
Целуйте жезл России...

По своему слогу размышления Александра Павловича, явленные в пушкинском стихотворении, основаны на систематической узурпации лексики, уместной лишь в устах Господа Бога. Они обличают тяжелейший грех российского самодержца — обольщение властью, стремление помазанника Божия сравняться с Творцом. И в полном согласии с принципами библейской поэтики, тяготеющей к сближению во времени греха и последующей Божией кары (либо возвещения о ней), полуночное возмездие за упоение гордыней настигает Александра Павловича немедленно, лишь только стихает последнее слово монолога:

Он рек, и некий дух повеял невидимо,
Повеял и затих, и вновь повеял мимо,
Владыку севера мгновенный хлад объял,
На царственный порог вперил, смутясь, он очи —
Раздался бой полночи —
И се внезапный гость в чертог царя предстал.

Ночным гостем, проникшим в покои Александра Павловича, был император Наполеон:

То был сей чудный муж, посланник Провиденья,
Свершитель роковой безвестного веленья,
Сей всадник, перед кем склонилися цари,
Мятежной вольности наследник и убийца,
Сей хладный кровопийца,
Сей царь, исчезнувший, как сон, как тень зари.

Явление Бонапарта кладет предел земной жизни русского самодержца. В облике Наполеона в чертог царя грядет смерть («Сей всадник... убийца...

---

³¹ По мнению С. М. Бонди, эта «строфа была написана Пушкиным, очевидно, настолько политически нецензурно, что он даже не решился ее записать в своей тетради» (Бонди С. М. Указ. соч. С. 24).

³² В пушкинском стихотворении, а точнее в словах Александра I, нельзя усматривать попытку прямого истолкования Апокалипсиса, правильнее говорить об интерпретации политических событий первой четверти XIX в. в свете Иоаннова (и шире — библейского) Откровения. Это позволяет с известной вольностью обращаться с библейским текстом, сближая и интерпретируя различные библейские свидетельства на потребу текущей истории.

хладный кровопийца»). Исчерпывающее осмысление хрестоматийного образа («И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним» (Откровение Иоанна Богослова, VI, 8)) заключено в следующем пушкинском шестистишии, где формальные отрицания, необходимые для изображения явленного Александру Павловичу Наполеона, не в силах скрыть inferнальной природы французского полководца, подчеркнутой характерным переносом канонического эпитета («конь бледный» у Св. Иоанна — «пламя бледное» у Пушкина):

Ни тучной праздности ленивые морщины,
Ни поступь тяжкая, ни ранние седины,
Ни пламя бледное нахмуренных очей
Не обличали в нем изгнанного героя,
Мучением покоя
В мрях казненного по манию царей.

В стихотворении, построенном на библейских образах,³³ словосочетание «мучением покоя» обличает в Наполеоне если не антихриста, то персонаж, ему близкий. Следуя устойчивой христианской традиции, поддержанной авторитетом эллинской философии, высшему началу бытия, Творцу Вседержителю, свойственны абсолютный покой, ничем не смущаемая неподвижность. Объясняется это тем, что в движении античность и христианское средневековье видели способ восполнения некоего недостатка, онтологического несовершенства, присущего вещам. Бог же, по определению, есть преизбыток бытия, довлеющее себе совершенство. Традиционному христианскому сознанию не составило большого труда уяснить сравнительную ценность созерцаемого бытия по типу свойственного ему движения. Чем угоднее вещь Богу, тем «правильнее» ее движение, расчисленное Творцом; чем дальше отстоит она от Источника всего и всех, тем случайнее, хаотичнее ее движение, срываясь на «противоположном» Богу конце в беснование, конвульсивную пляску. Для средневекового книжника картина броуновского движения была бы неоспоримым свидетельством уязвляющего мир греха. Сходными интуициями питались традиционные представления о поведении человека. Святости вменялось правильное, плавное движение, благостное владение своим телом, тогда как рабство греху проявлялось в нелепом, безобразном дерганьи, в неспособности найти себе место.³⁴ В конечном итоге покой — худшая казнь для беса. Не

³³ К подспудным библейским реминисценциям, утверждающим адскую принадлежность Наполеона, принадлежит и пушкинская строка «Сей царь, исчезнувший, как сон, как тень зари», восходящая к пророчеству Исаии: «Како спаде с небесе денница, заутра возсияющая сокрушится на землю посылая ко всем языком...» («Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы») (XIV, 12). Ср. французский текст: «Comment es-tu tombé du ciel, Lucifer, toi qui paroissais si brillant au point du jour? Comment as-tu été renversé sur la terre, toi qui frappaes de plaies les nations?».

³⁴ Пушкинская эпоха с ее безграничной творческой свободой и еще не утратившими значение, живо сознаваемыми символами и заветами классической (в том числе христианской) культуры, рождает ощущение едва ли не ренессансной избыточности и полноты. В знаменитом пушкинском «Портрете», посвященном графине А. Закревской, «космология» неразлучно связана с «этикой».

С своей пылающей душой,
С своими бурными страстями,
О жены севера, меж вами
Она является порой.
И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как беззаконная комета
В кругу расчисленном светил.

(III, 66)

случайно в Апокалипсисе Иоанна сатану сковывают: «И увидел я Ангела, входящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей. Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет» (XX, 1—2). В таком же положении пребывает Велиар у Данта:

Мучительной державы властелин
Грудь изо льда вздымал наполовину;
И мне по росту ближе исполин,
Чем руки Люцифера исполину;
По этой части ты бы сам расчел,
Каков он весь, ушедший телом в льдину.

Наконец, пушкинские строки «Мучением покоя/В морях казненного по манию царей» есть абрис ада, набросок разверзающейся за Наполеоном бездны.

Настигшая царя смерть тем тягостнее и унижительнее для Александра, что приходит к нему в облике Наполеона времен Аустерлица и Тильзита, — поры безмерного унижения российского самодержца:

Нет, чудный взор его, живой, неуловимый,
То вдаль затерянный, то вдруг неотразимый,
Как боевой перун, как молния сверкал;
Во цвете здравия и мужества и мощи,
Владыке полунощи
Владыка запада, грозящий, предстоял.

Таков он был, когда в равнинах Австерлица
Дружины севера гнала его десница,
И русский в первый раз пред гибелью бежал,
Таков он был, когда с победным договором
И с миром, и с позором
Пред юным он царем в Тильзите предстоял.

Возникающее по прочтении стихотворения ощущение некоторой незавершенности, оборванности пушкинского текста, парадоксальным образом свидетельствует о его исчерпывающей смысловой полноте: к царю явилась смерть, и он умирает. Внезапный обрыв стихотворения есть выражение этой смерти.³⁵

Итак, в «Недвижном страже...», сочинении безусловно законченном, Пушкин пророчествует о смерти царя за полтора года до его кончины.

4

Не чуждая политики ранняя лирика Пушкина (за вычетом эпиграмм и посвященного царю пасквильного «Ноэля») тяготела к характерному для XVIII в. сочетанию дидактики и явственного визионерства. Ода «Вольность», снискавшая поэту репутацию опасного либерала, соединила в одном

С романтическим переживанием неповторимого своеобразия графини Аграфены соседствует внятное традиционному сознанию понимание падения и порока, скрытое в пушкинском комплименте («как беззаконная комета»).

³⁵ Почему-то комментаторы считают, что явившаяся в облике Наполеона смерть непременно должна обратиться к Александру Павловичу с гневной прочувствованной речью: «Стихотворение Пушкина осталось далеко не законченным отрывком, — писал П. О. Морозов, — и мы не знаем, какую речь вложил бы поэт в уста грозной тени Наполеона» (Сочинения Пушкина. СПб., 1912. Т. 3. С. 349). Согласно С. М. Бонди, «вторая половина стихотворения описывает появление перед Александром грозящего призрака Наполеона. Какое значение имеет это появление и что должен был сказать Наполеон торжествующему „владыке полунощи“ — сказать трудно: стихотворение осталось недописанным» (Бонди С. М. Указ. соч. С. 24).

тексте вести с треножника (пушкинское «вижу» сродни обращенному вспять прозрению) с назидательной интонацией заключительных строк оды. В «Недвижном страже...» растерявший лавры провидец уступил место библейскому пророку, — вскоре после смерти Александра Павловича эта метаморфоза станет осознанным принципом пушкинской поэтики.

Отношения с самодержцами — неизбывная тема пушкинского творчества. В апреле 1834 г., незадолго до размолвки с государем, вызванной прошением об отставке, поэт писал жене: «Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфиородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил. Не дай Бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями!» (X, 370). По этой хронологической канве, набросанной поэтом, щедро рассыпаны хрестоматийные пушкинские творения, связанные с российскими венценосцами, не исключая оставшегося в набросках «Воображаемого разговора с Александром I». Для дворянина история его взаимоотношений с самодержцами всегда оставалась важнейшей составляющей жизни.

Пережив нескольких царей, человек пушкинского круга обращал сравнение между ними в мерило понимания истории, в исходный принцип, поверяющий ход политических событий. Характерно, что князь Вяземский, размышляя на страницах записной книжки о подвиге Николая Павловича, обращается мыслью к событиям предшествующего царствования (Александр I, Моро и косвенно Наполеон), подчеркивая этим сравнением величие души русского самодержца. Пушкин отправляется той же исхоженной дорогой: в его «Герое» в несколько измененном виде появляются строки, некогда мелькнувшие в «Недвижном страже...».

Все он, все он — пришлец сей бранный,
Пред кем смирились цари,
Сей ратник, вольностью венчанный,
Исчезнувший, как тень зари.

На сей раз поэт предпочитает четырехстопные ямбы шестистопным, старательно изгоняя лексику, дающую повод прямым апокалиптическим ассоциациям. Единственное исключение — последняя строка четверостишия, позволяющая придирчивому читателю вспомнить Исаиино пророчество и опознать в «тени зари» ускользающего от взоров денницу. Далее на вопрос Друга («Когда ж твой ум он поражает...») в развернутом ответе пушкинского Поэта вновь проскальзывает образ, заимствованный из пророчества о смерти Александра Павловича:

Не там, где на скалу свою
Сев, мучим казнию покоя,
Осмеян прозвищем героя,
Он угасает недвижим,
Плащом закрывшись боевым...

Несмотря на приглушенность апокалиптической символики «Героя», две реминисценции из «Недвижного стража...» превращают пушкинского Наполеона в мерило, позволяющее сравнить жизненные уделы двух российских самодержцев. Смертоносный для одного из них, Бонапарт, вернее, его подвиги, не в силах затмить христианские добродетели другого. В творческой икономии поэта, сочинившего «Недвижного стража...», торжество сердца Ни-

колая Павловича над деяниями Наполеона косвенно обращается в испытание двух русских монархов пред ликом смерти, — бесславной кончине Александра Пушкин противопоставляет поправление смерти его преемником.

В первую болдинскую осень достигает пика свойственное пушкинской поэзии 20-х годов противостояние поэтических образов Александра Павловича и его августейшего брата. Это нашло выражение в самой лексике пушкинских стихов: уцелевшие фрагменты X главы «Евгения Онегина», сожженной 19 октября 1830 г. (и связанной, как известно, авторскими реминисценциями как с «Героем», так и с «Недвижным стражем...», облегчившими П. О. Морозову расшифровку пушкинской тайнописи), начинаются сатирической, почти пасквильной зарисовкой русского Агамемнона:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.

(V, 180)

В этих строках Пушкин собирает черты, резко отличающие Александра Павловича от образа идеального монарха, каким рисовался поэту Петр Великий. В перечне царских добродетелей, упоминаемых в «Стансах» («В надежде славы и добра...»), обращенных к восшедшему на престол государю, Пушкин настойчиво подчеркивает качества Петра, чуждые предшественнику Николаю:

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

(II, 307)

Заключительное четверостишие «Стансов», непосредственно адресованное Николаю Павловичу, также выделяет среди царских добродетелей «твердость», несовместную со «слабостью и лукавством» почившего в Таганроге монарха:

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращурю подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

Наконец в 1828 г. в пушкинском послании «Друзьям» («Нет, я не льстец...») вновь мелькает мотив монарших трудов, столь чуждый, по мнению поэта, «царскому правилу» Александра Павловича: «дела не делай, от дела не бегай».³⁶

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

(III, 47)

---

³⁶ Со временем эта оппозиция двух венценосцев сходит у Пушкина на нет. Если довериться авторитету Анны Ахматовой, в 1834 г., сочиняя «Сказку о золотом петушке», поэт соединил в царе Дадоне характеры обоих самодержцев — Александра и Николая Павловичей (см.: Ахматова А. О Пушкине. Л., 1977. С. 35—38). На исходе жизни почитание в Николае I просто государя со-

Характерно, что историко-сатирический очерк царствования Александра Павловича, начертанный в сохранившихся стихах X главы «Онегина» (как и «Герой», посвященный Николаю), не чужд беглым вариациям на темы, заданные «Недвижным стражем...»:

Сей муж судьбы, сей странник бранный,
Пред кем унизились цари,
Сей всадник, папою венчаный,
Исчезнувший, как тень зари,
.....

Измучен казнию покоя...

Эти строки, хронологически предшествующие болдинскому «Герою», придают пушкинской трактовке образа Наполеона прежде не свойственные ей черты. Несколько затеняя апокалиптическую символику, восходящую к «Недвижному стражу...», поэт упоминает о римском первосвященнике, обращая свои ямбы к событиям дольней истории (коронации Наполеона в 1804 г.):

Сей всадник, папою венчаный...

Непосредственное соседство «всадника» и «папы» облегчает автору «Онегина» исчерпывающую характеристику «владыки Запада». В пушкинской строке «всадник» указывает на императорское достоинство Наполеона, — из всаднического сословия Рима вышел Юлий Цезарь, впервые воплотивший имперскую идею Запада. Как и Цезарь, не принадлежавший избранному кругу знати, Наполеон стяжал свой венец исключительно благодаря своему гению полководца и государственного мужа. В пределах земной истории пушкинский стих по сути тождествен формуле:

Сей кесарь (цезарь), папою венчаный...

В соединении же с inferнальными мотивами «Недвижного стража...» и удержанной в зашифрованном фрагменте X главы строкой «Измучен казнию покоя» пушкинский всадник, венчаный папою, отдаленно предвосхищает каноническую тему позднего Достоевского — «римский первосвященник, венчающий на царство антихриста (или его предтечу)».

5

Пушкинский «Герой» не отвечал бы авторской характеристике «Апокалипсическая песнь», если бы он не сочетал религиозно осмысленные исторические события с личной судьбой поэта. Чтобы уловить эту сторону творческого синтеза «Героя», еще раз обратимся к сочинениям Пушкина, посвященным Николаю Павловичу и Филарету. В январе 1828 г. в «Московском вестнике» были опубликованы пушкинские «Стансы» («В надежде славы и добра...»), не вызвавшие возражений высочайшего цензора поэта. Иначе обошелся Николай Павлович с другим пушкинским шедевром: посланием «Друзьям» («Нет, я не льстец...»). Царь обрек пушкинское стихотворение

_____
существовало у Пушкина со все менее враждебным отношением к Александру I, — в стихах, написанных к лицейской годовщине 1836 г., строки об умершем царе звучат едва ли не ностальгически:

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда пред ним раздался!
Как был велик, как был прекрасен он...

(III, 342)

на полулегальное существование в списках, отлучив автограф поэта от печатного станка. Чем было вызвано это царское запрещение? В «Стансах» отношения «я» и «ты», пиита и самодержца не выходят за рамки церемониальных отношений царя и одного из его подданных. Строки «В надежде славы и добра / Гляжу вперед я без боязни» лишены биографической основы, связывающей поэта и царя, — это голос «русского», обязанного своему государю формулой церковной присяги. Иное дело — послание «Друзьям». Здесь «встречу» поэта и венценосца обременяют биографические события, свидетельствующие о живой заинтересованности Николая Павловича в судьбе исключенного со службы коллежского секретаря Александра Пушкина:

Текла в изгнанье жизнь моя;
Влачил я с мильми разлуку,
Но он мне царственную руку
Простер — и с вами снова я.

Вслед за этой «песнью избавления» в заключительных четверостишиях послания поэт столь явно посягает на порядок службы, установленный петровской табелью о рангах, что позволить публикацию этого стихотворения российский самодержец не мог даже «умнейшему мужу России». Публичного, государственного значения за биографическими подробностями своих отношений с Пушкиным царь не признавал, — его мысль обрела себя в суждении, что частные отношения государя и поэта уместно воспевать лишь в частном кругу.

Между тем отчетливые биографические мотивы в стихах, обращенных владыкам духовным и светским, становятся обыденной чертой пушкинской поэтики. В написанных двумя годами позже «стансах» Филарету первые три четверостишия обращают к лицейским годам поэта, его первым шагам на творческом поприще.

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

(III, 157)

В ту пору ректор Санкт-Петербургской Духовной академии архимандрит Филарет посещал Лицей (присутствовал на лицейских экзаменах в 1815 и 1817 гг.) и не раз проповедал в храмах Санкт-Петербурга.

Вторая половина пушкинского стихотворения возвращается к 1828—1830 гг. (времена сочинения «Дар напрасный, дар случайный...» и последующей поэтической «переписке» певца и московского владыки), причем движение архипастыря навстречу страждущему поэту передано в словах, сходных с описанием царского прощения в послании «Друзьям»:

[«стансы» Филарету]

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты...

[«Друзьям»]

Но он мне царственную руку
Простер...

В итоге эти два стихотворения, сочетая обращение к властям предрежащим (духовным и светским) с опытом осмысления минувшей жизни поэта, покрывают едва ли не весь его творческий путь (лицейский и ранний петербургский периоды, 1826—1830 гг.), за исключением пяти лет южной ссылки. Именно эту биографическую лакуну между Кишиневом и Михайловским символически восполняет Пушкин в своем «Герое». В памяти поэта не случайно всплывают строки начатого в Одессе «Недвижного стража...» и характерный апокалиптический оборот из кишиневского письма А. И. Тургеневу.³⁷ Творчески южная ссылка была периодом утверждения пушкинского романтизма, питавшегося мучительным несоответствием устремлений свободной воли и противостоящих ей установлений косного бытия. Обличение внутренней тщетности романтизма, извечной неспособности самозаконной воли утвердить себя в жизни, не посягая на высшие установления Творца, обернулись для поэта тяжелым творческим кризисом (1823—1824 гг.), выход из которого Пушкин обрел в 1825—1826 гг. в сознательном обращении к христианству и нерасторжимо сопряженному с ним историзму. Художественное претворение эти творческие коллизии находят в судьбе Поэта в пушкинском «Герое».

В 20-х годах XIX в. в императоре Наполеоне привычно видели одну из ключевых фигур романтического пантеона. С прославления подвигов французского полководца начинает свою хвалу пушкинский певец. Но в момент героического апофеоза Бонапарта его мужество и великодушие изобличаются как заурядная легенда, украшающая жизнь завоевателя. Это падение кумира отчаявшийся Поэт встречает богохульственным взрывом:³⁸

Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности холодной...

И в ответ он слышит кроткое «Утешься...», соединившее в пушкинской жизни сентябрьские события 1830 г. (приезд государя в охваченную холерой Москву) с осенними днями коронационного 1826 г. (высочайшей аудиенцией в Кремлевском дворце), смывшей с михайловского изгнанника клеймо отверженного поэта. В сущности, «Друзьям», «стансы» Филарету и «Герой» образуют своеобразную биографическую трилогию, опыт поэтического самопознания пушкинской души.

Уподобляя удел поэта видению Св. Иоанна («Посылаю вам из моего Пафмоса Апокалипсическую песнь»), Пушкин являет в своем «Герое» художественно совершенное свидетельство «пророческого» служения поэта (по слову Откровения, Св. Иоанн — пророк (I, 3)). Поэт мнит себя тайнозрителем двух миров, он избран Богом и поставлен между Ним и людьми возвещать Божию волю. Его пророческая миссия, в согласии с библейскими традициями, дает ему право непосредственно обращаться к владыкам духовным и царям земным³⁹ (именно поэтому Пушкин с таким восторгом принял позволение

³⁷ В Болдине Пушкин не раз возвращался мыслью к годам южной ссылки: 5 октября поэт пишет «Прощание» и там же сочиняет «Путешествие Онегина» («совершенное» в 1823—1824 гг.).

³⁸ Трудно избежать соблазна сопоставить пушкинского «Героя» с историей создания и содержанием «Героической симфонии» Бетховена. Обои произведениям присущи внутренний драматизм (конфликтность развития) и единство темы — прославление подвигов Бонапарта и последующее разочарование в своем кумире. Вместе с тем пушкинский текст емче (если угодно, рефлексивней), — он как бы вбирает в себя жизненную драму Бетховена, оставшуюся за пределами симфонического полотна композитора, причем ее итогом становится в пушкинском «Герое» не утверждение героического демонизма, а явление положительного христианского идеала.

³⁹ По свидетельству А. В. Веневитинова, во время государевой аудиенции в Кремле в кармане пушкинского сюртука лежал автограф «Пророка» (см.: *Вересаев В.* Пушкин в жизни. М., 1984. С. 30).

прямо посылать царю свои творения, минуя цензуру). За вычетом языческих aberrаций тютчевская формула «он был орган богов живой» с исчерпывающей точностью указывает место поэта на стыке двух миров — небесного и земного. Этому пророческому пафосу пушкинского служения не внял Николай Павлович, возложивший на себя цензуру пророческих озарений поэта. С чиновным педантизмом вчитываясь в пушкинские строки, государь изведал по команде через шефа Третьего отделения высочайшие сентенции о творениях «богоизбранного» певца. «На тебя надевали тиару, юрода колпак», — о пушкинской жизни этого не скажешь. В его судьбе все было проще, — вместо тиары явился камер-юнкерский мундир и вымазанная помадой круглая шляпа (от графа Бобринского).⁴⁰ Пророка усиленно втискивали в скруток титулярного советника.

Спустя без малого столетие эту мистическую «охлажденность» государя, при случае дерзавшего изъясняться высоким библейским слогом («С нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог!», — из манифеста 1848 г.), в присущем ему ключе уловил В. В. Розанов. Его «Апокалипсис нашего времени» в полном согласии с жанровым определением, вынесенным в заголовок книги, открывается описанием Ангела (предстоятеля) Московской церкви:

«Филарет Святитель Московский был последний (не единственный ли?) великий Иерарх Церкви Русской... „Был крестный ход в Москве. И вот все прошли, — архиереи, митрофорные иереи, купцы, народ; пронесли иконы, пронесли кресты, пронесли хоругви. Все кончилось, почти... И вот поодаль от последнего народа шел он. Это был Филарет”.

Так рассказывал мне один старый человек. И прибавил, указывая от полу — на крошечный рост Филарета: „И я всех забыл, все забыл: и как вижу сейчас — только его одного”.

Как и я „все забыл” в Московском университете. Но помню его глупокомысленную подпись под своим портретом в актовом зале.

Слова, выговоры его были разительны. Советы мудры (императору, властям). И весь он был великолепен.

Единственный...

Но что же „опреж того” и „потом?” — незаметное, дробн. „Мы их видели” (отчасти). *Nota bene*. Все сколько-нибудь выдающиеся были уже с „ересью потаенною”. Незаметно, безмолвно, но с ересью. Тогда как Филарет был „во всем прав”.

Он даже Синод чтит. Был „сознательный синодал”. И Николая Павловича чтит — хотя от него же был „уволен в отпуск от Синода и не появлялся там”. Тут — не в Церкви, но в императорстве — уже совершился или совершался перелом, надлом. Как было великому Государю, и столь консервативному, не соделать себе ближним советником величайший и тоже консервативный ум первого церковного светила за всю судьбу Русской Церкви?

Разошлись по мелочам. Прав этот бес Гоголь.

Между тем Пушкин, Жуковский, Лермонтов, Гоголь, Филарет — какое сияние Царства. Но Николай хотел один сиять „со своим другом Вильгельмом-Фридрихом” которым-то...».⁴¹

⁴⁰ «Третьего дня был я наконец в Аничковом. (...) На лестнице встретил я старую графиню Бобринскую, которая всегда за меня лжет и вывозит меня из хлопот. Она заметила, что у меня треугольная шляпа с плюмажем (не по форме: в Аничков ездят с круглыми шляпами...). Гостей было уже довольно; бал начался контрдансами. (...) Граф Бобринский, заметя мою треугольную шляпу, велел принести мне круглую. Мне дали одну, такую засаленную помадой, что перчатки у меня промокли и пожелтели. — Вообще бал мне понравился» (VIII, 43).

⁴¹ *Розанов В. В. О себе и жизни своей.* М., 1990. С. 578—579.

Московские старожилы помнили, что у торжественной встречи 29 сентября 1830 г. была скандальная изнанка, омрачившая отношения Николая Павловича и Филарета. Московский митрополит был архиереем независимым и властным, державшим при случае вразумлять зарвавшуюся светскую власть.⁴² 18 сентября при освящении храма Св. Василия Великого на Тверской московский владыка произнес «Слово... по принесении Господу Богу молитв о предохранении от губительной болезни», чувствительно уязвившее царствующего государя:

«Вкратце буду беседовать с вами, братия; хотя не мало сказать надобно. Продолжившиеся молитвы не позволяют быть долгому слову. Послушайте недолго, но внимательно. В молитвах упоминалось о губительной язве во дни Давида и о чудесном ее прекращении (2 Цар., XXIV).⁴³ Воспоминание сие здесь к месту, теперь ко времени.

⁴² См.: Сочинения Филарета, Митрополита Московского и Коломенского. Слова и Речи: 1826—1836. М., 1877. Т. 3. С. 149.

«Так, раз митрополит Филарет отказался освящать триумфальные ворота, потому что на них находились изображения некоторых из языческих богов. Император Николай Павлович сам вздумал присутствовать на открытии и освящении триумфальных ворот. Когда флигель-адъютант государя приехал к Филарету и объяснил ему, что „Государю Императору благоугодно завтра освятить триумфальные ворота“, Филарет, устремив взор долу, отвечал: „слышу“.

Флигель-адъютант продолжал: „Государю Императору благоугодно, чтобы Ваше Высокопреосвященство сами изволили быть на освящении“. Филарет отвечал тем же „слышу“, так же понунив голову и с тою же задумчивостью.

„Не будет ли каких распоряжений, Ваше Высокопреосвященство? Что прикажете доложить Государю Императору?“

„А что слышите“, — отвечал тем же тоном владыка.

Когда государь спросил: „а что Филарет?“, флигель-адъютант доложил, что он его не понял и дословно передал государю свой разговор с Высокопреосвященным.

„А, так я понимаю, — заметил государь. — Приготовить лошадей: я сегодня уезжаю“. Таким образом, открытие происходило в отсутствие государя. Полковой священник отслужил перед войсками молебен и участие Церкви в этом торжестве тем и кончилось» (Русская старина. 1885. Т. 47. С. 10).

Этому анекдотичному в изложении журнала столкновению архипастыря и государя сопутствовали тяжелые душевные переживания митрополита, после открытия Триумфальных ворот случайно уврачеванным чудесным явлением преподобного Сергия. По свидетельству еп. Леониды (Краснопевкова), «когда владыке объявлено было, чтобы святые ворота (триумфальные), владыка приехал в Лавру и передал о. наместнику, что он в борьбе помыслов. Ему говорила совесть: не святые, а все говорят: святые. „Ты что скажешь?“

— Не святить.

— Будет скорбь.

— Потерпите.

Возвратился владыка из Москвы в Лавру крайне смущенный.

— Вот какая скорбь пришла.

— Это и прежде видно было.

— Да уж хорошо ли я поступил: раздражил государя. Я не имею достоинств Св. Митрофана.

— Да и не берите их на себя, а помните, что вы епископ христианский, пастырь Церкви Христовой, которому страшно одно: разойтись с волею Иисуса Христа.

До глубокой ночи толковали; но владыка остался в смущении. Поутру рано присылает за мной (речь идет о наместнике. — Н. М.). Я испугался, ибо знал, что смущение уже перешло в телесную болезнь. Однако прихожу и невольно улыбнулся, взглянув на владыку.

— Что ты?

— Да виден орел по полету.

Владыка уже сияющий сказал мне: пойдем поблагодарим преподобного Сергия. Он мне явился чувственным образом. Я заснул, а был уже час пятый, как послышался шорох в двери. Я чутко, проснулся, привстал: дверь, которую я обыкновенно запираю, тихонько отворилась и вошел преподобный, старенький, седенький, худенький и росту среднего, в мантии без епитрахили и, наклонясь к кровати, сказал мне: „Не смущайся, все пройдет“ и скрылся... Спасибо, сказал мне владыка, ты один говорил мне против всех. И оправдались слова преподобного...» («Записки Пресвященного Леониды, Архиепископа Ярославского». М., 1907. С. 69—70).

⁴³ В синодальном переводе: «Гнев Господень опять возгорелся на Израильян, и возбудил он в них Давида сказать: поиди, исчисли Израиля и Иуду. (...) И вздрогнуло сердце Давидово после

Царь Давид впал в искушение тщеславия: хотел показать силу своего царства, и повелел исчислить всех способных носить оружие, тогда как такое исчисление совсем не было в употреблении у Евреев. И праведник не безопасен от падения, если вознерадит.

Еще не кончилось исчисление народа, как Царь почувствовал в совести своей обличение греха и страх наказания от Бога. В самом деле явился Пророк, и, по повелению Божию, предложил Давиду на выбор одно из трех наказаний: войну, голод, мор. Примечайте из сего примера, что война, голод, мор и подобные бедствия, хотя кажутся приключениями случайными; хотя происходят частью от известных причин естественных, тем не менее однако суть орудия правосудия Божия, употребляемые для наказания согрешивших человек...». ⁴⁴

Вспыхнувшая в столице холера не обуздала злые языки. По первопрестольной разлетелся слух, что в проповеди, упоминая царя Давида, владыка имел в виду царствующего государя (недавний рекрутский набор сообщал истолкованию вестовщиков вящую убедительность).

В дни, когда в охваченной холерой столице разносила свежую сплетню, составленная Филаретом служба о предохранении от губительной болезни (включавшая стихи Второй Книги Царств), вместе со «Словом», произнесенным 18 сентября, были напечатаны и разосланы по московским приходам во исполнение письменного распоряжения владыки: «Напечатанное „Слово“ по принесении Господу Богу моления о предохранении от губительных болезни раздать во все церкви столицы, с предоставлением на рассмотрение священников прочитать оное на литургии 25 дня, сего месяца». ⁴⁵ Не приходится сомневаться, что в день общенародного молебна и крестного хода, возглавленного московским митрополитом, «Слово» прозвучало во всех храмах столицы, вдохнув новые силы в уста московских вестовщиков. К концу сентября Филаретова служба официальным порядком была разослана по епархиям. ⁴⁶

Приехавшему в Москву Николаю Павловичу не замедлили донести о двусмысленной проповеди московского митрополита. Государь нашел донос не лишенным основания и велел управляющему Главным штабом по военному поселению графу П. А. Толстому истребовать у Филарета объяснений. Непосредственно высочайшую волю (а по сути монарший реприманд) передал владыке адъютант графа Толстого Павел Муханов (старший брат пушкинского приятеля Петра Муханова). ⁴⁷

Митрополит понимал, что лучший способ изгладить неблагоприятное впечатление, произведенное «Словом» 18 сентября, — привлечь взоры к блистательному приветствию, произнесенному в Кремле одиннадцатую днями позже. Как нельзя кстати прились Филарету и вирши московского пиита Н. М. Шатрова, в меру отпущенного таланта воспевшего приезд царя и обращенные к пастве речи владыки:

того, как он сосчитал народ. И сказал Давид Господу: тяжко согрешил я, поступив так; и ныне молю Тебя, Господи, прости грех раба Твоего; ибо крайне неразумно поступил я. Когда Давид встал на другой день утром, то было слово Господа к Гаду пророку, прозорливцу Давида: Пойди и скажи Давиду: так говорит Господь: три наказания предлагаю Я тебе; выбери себе одно из них, которое совершилось бы над тобою. И пришел Гад к Давиду и возвестил ему, и сказал ему: избирай себе, быть ли голоду в стране твоей семь лет, или чтобы ты три месяца бегал от неприятелей твоих, и они преследовали тебя, или чтобы в продолжении трех дней была моровая язва в стране твоей? теперь рассуди и реши, что мне отвечать Пославшему меня. И сказал Давид Гаду: тяжело мне очень; но пусть упаду я в руки Господа, ибо велико милосердие Его; только бы в руки человеческие не впасть мне» (2-я Книга Царств, XXI, 1, 10—14).

⁴⁴ Корсунский И. Указ. соч. С. 24—25.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Русская старина. 1885. Т. 47. С. 11—12.

Царь-Отец Сам приезжает
С нами страх и труд делить,
Сам везде распоряжает

И готов, на всех, пролить
Милостей возможных море,
Чтоб утешить в общем горе
Страждущих детей Своих
Положить скорбям пределы
Притупить заразы стрелы
И спасти Москву от них....
.....

Слышу звон громов словесных:
Вдохновенный Филарет —
От источников небесных
Черпая ученья свет —
Как духовный воевода,
Духи целаго народа
Успокоив говорит:
«Как Отец, нас Бог карает»
И тому, кто умирает
Он из зла добро творит...⁴⁸

Растроганный Филарет отметил нуждающегося поэта двухсотрублевым пожалованием. По мнению графа М. В. Толстого, стихи Шатрова «понравились Владыке тем более, что он видел в них защиту от доноса, поданного против него Государю, которого старались уверить, что Филарет, упоминая в одной из проповедей своих о покаянии царя Давида во время моровой язвы, намекает как будто на то, что грехи царей навлекают гнев небесный на подвластные им народы».⁴⁹

Вынужденный оправдываться, Филарет 5 октября в «Слове», произнесенном в высочайшем присутствии в Успенском соборе Кремля, сказал: «Много должно утешать и ободрять нас, братия, и то, что творит среди нас Помазанник Божий, Благочестивейший Государь наш. Он не причиною нашего бедствия, как некогда был первою причиною бедствия Иерусалима и Израиля Давид (хотя, конечно, по грехам и всего народа): однако с Давидовым самопожертвованием приемлет Он участие в нашем бедствии».⁵⁰

Далее владыка не удержался, чтобы не указать Николаю Павловичу очередной предмет забот, требующий непосредственного внимания самодержца.

«Государь! мы знаем, как близка к сердцу Твоему Твоя древняя столица: но Россия на раменах Твоих; Европа предлежит заботливым очам Твоим, — Европа, зараженная гораздо более смертоносным поветрием безверного и буйного мудрования; против сей язвы нужно Тебе укрепить преграду; для сего потребно бдительное наблюдение происшествий, многие советы, дополнение рядов Твоего воинства».⁵¹

А. И. Герцен на правах очевидца холерных событий 1830 г. спустя десятилетия вспоминал о впечатлении, произведенном двумя «Словами» Филарета: «Проповедь Филарета на молебствии по случаю холеры пре-

⁴⁸ Шатров Н. М. Осень 1830 года: Лирико-историческое песнопение слепого. М., 1831. С. 10, 17.

⁴⁹ Русский архив. 1881. Кн. 2. С. 63.

⁵⁰ Сочинения Филарета... С. 155.

⁵¹ Там же. В октябре 1830 г. граф Нессельроде писал И. И. Дибичу: «Мы, любезный граф, тоже не отдыхаем на розах: холера господствует в очень многих губерниях, которые посему пришлось освободить от рекрутской повинности» (Русская старина. 1881. Т. 39. С. 388).

взошла все остальные; он взял текстом, как Ангел предложил в наказание Давиду избрать войну, голод или чуму; Давид избрал чуму. Государь приехал в Москву взбешенный, послал министра двора князя Волконского намылить Филарету голову и грозился его отправить митрополитом в Грузию. Митрополит смиренно покорился и разослал новое „Слово“ по всем церквам, в котором пояснял, что напрасно стали бы искать какое-нибудь приложение в тексте первой проповеди к благочестивейшему императору, что Давид — это мы сами, погрязшие в грехах. Разумеется, тогда и те поняли первую проповедь, которые не добрались до ее смысла сразу». ⁵² При всех неточностях (князя П. М. Волконского, например, в Москве просто не было) рассказ Герцена передает восприятие проповедей митрополита изрядной долей московского общества.

Но на сей раз обвинить владыку в нелояльной выходке не было никаких оснований. Перед тем как отдать «Слово», произнесенное 5 октября, в печать, митрополит поверг его на высочайшее рассмотрение, испросив царское разрешение через графа П. А. Толстого:

«Сиятельнейший граф! милостивый государь! Хотя, по возможности, вслушиваюсь и я в народный голос, чтобы неправильные мнения исправлять, а правильные поддерживать; и хотя не встречалось мне замечания подобного тому, которое ваше сиятельство сообщили мне по высочайшей воле; но сие замечание, как ваше сиятельство удобно рассудите изволите, поставило меня в великую заботливость о том, что я говорю. Посему, по некоторым причинам вскоре могущего последовать отбытия Его Императорского Величества, решился я осмелиться, просить особенного разрешения Государя Императора на напечатание говоренного мною вчера „Слова“. Его Величеству благоугодно было назначить мне время явиться к Его Величеству. В ожидании сего, препровождаю к вашему сиятельству упомянутое „Слово“ на тот конец, не найдете ли возможным представить оное, особенно заключительную часть оного, на всемилостивейшее усмотрение Государя Императора, дабы я без сомнения мог приступить к напечатанию оного. С глубоким почтением и совершенной преданностью имею честь быть вашего сиятельства милостивого государя покорнейший слуга и богомолец Филарет, Митрополит Московский. Октября 6-го 1830». ⁵³

«Слово», сказанное 5 октября, было напечатано в три дня и 10 и 11 октября разошлось по Москве. В особой резолюции Филарет распорядился: «Разослать по церквам, с предоставлением священникам, если рассудят, прочитав оное в следующее воскресенье». Биограф митрополита пишет: «Без сомнения, святителю не желалось, чтобы и пастыри, ему подчиненные, и паства также были под впечатлением помянутого доноса, и потому отчасти этим может быть объяснено настоящее распоряжение». ⁵⁴

⁵² Герцен А. И. Собр. соч.: В 8-ми тт. М., 1975. Т. 4. С. 125–126.

⁵³ Русская старина. 1885. Т. 47. С. 11–12.

⁵⁴ Корсунский И. Указ. соч. С. 70. Рассказ Герцена, свидетельство графа М. В. Толстого, мнение И. Корсунского расходятся с воспоминаниями П. А. Муханова, записанными в 1870 г. редактором «Русской старины». Согласно Герцену, завершившему 1-й том «Былого и дум» спустя два с лишним десятилетия после описываемых событий, монарший выговор был передан владыке до произнесения «Слова» 5 октября 1830 г., и проповедь в Успенском соборе была ответом на неудовольствие государя. В передаче же П. А. Муханова монарший реприманд последовал за октябрьской речью владыки, и граф Толстой был послан к митрополиту после произнесения второго скандального «Слова» (см.: Русская старина. 1885. Т. 47. С. 11–12). Дерзнем предположить, что спустя 40 лет в памяти П. А. Муханова «склеились» два события — проповедь 18 сентября и 5 октября. Психологически совершенно невероятно, чтобы Филарет произнес «Слово» в день Московских Святителей без предварительного внушения со стороны государя. По этим причинам, следуя канве Герцена, Толстого и Корсунского, миссия графа Толстого отнесена нами к первым числам октября и связана с поучением от 18 сентября.

Рискованные гомилетические опыты московского владыки, обрамляющие приветственное «Слово», произнесенное 29 сентября, наделяют пушкинское стихотворение едва уловимым смысловым двоемием. Если Пушкин не догадывался о московских скандалах, то его замысел, безупречный *sub specie aeternitatis*, в обстоятельствах 1830 г. отдает долей наивности: мистический триумvirат поэта, пастыря и государя воспет Пушкиным как-то невпопад. Если же Пушкин знал о слухах, смущавших Москву, то «Герой» с его отчетливой экклезиологической символикой и скрытыми апелляциями к «Слову» Филарета от 29 сентября становится (кроме своего идеального значения) поэтическим вразумлением Филарета, своего рода «Не напрасно, не случайно...», возвращенным строптивому владыке. (О том, что в январе 1830 г. Пушкин был задет нечаянным появлением Филарета на российском Парнасе, свидетельствует фрагмент известного письма князя Вяземского А. И. Тургеневу: «Ты удивишься стихам Пушкина к Филарету, он был задран стихами Его Преосвященства, который пародировал или, лучше сказать, палинодировал стихи П(ушкина)».⁵⁵ С уверенностью судить об осведомленности Пушкина в московских дрязгах 1830 г. вряд ли возможно, но уцелели упоминания о том, что поэт в конце сентября 1830 г. демонстративно вторгся в область гомиластики и проповедал мужикам в болдинской церкви. «Я бы хотел переслать тебе проповедь мою здешним мужикам о холере; ты бы со смеху умер, да не стоишь ты этого подарка», — пишет Пушкин Плетневу 29 сентября 1830 г. (X, 241). Отголосок пушкинской проповеди сохранился и в позднейших мемуарах П. Д. Боборыкина: «Дядя П. П. Григорьев любил передавать мне разговор Пушкина с тогдашней (нижегородской) губернаторшей Бутурлиной... Это было в холерный год. — „Что же вы делали в деревне, Александр Сергеевич?“ — спрашивала Бутурлина. — Скучали?“ — „Некогда было, Анна Петровна. Я даже говорил проповеди“. — „Проповеди?“ — „Да, в церкви, с амвона. По случаю холеры. Увещевал их. И холера послана вам, братцы, оттого, что вы оброка не платите, пьянствуете. А если вы будете продолжать так же, то вас будут сечь. Аминь!“».⁵⁶ Не была ли пушкинская проповедь своего рода пародией на знаменитое «Слово» Филарета от 18 сентября 1830 г.? Если на исходе сентября проповедь владыки стала известна Пушкину, то при обостренной чувствительности поэта к сплетне от него бы не ускользнул скандальный пафос Филаретовой речи (не исключено, что к службе о предохранении от губительной болезни, присланной в болдинскую церковь, было приложено напечатанное отдельной брошюрой «Слово» святителя). Впрочем, если пушкинское упражнение в гомилетике с проповедью московского митрополита не связано, о столичных сплетнях поэт мог узнать до сочинения «Героя», в дни первой попытки прорвать холерные кордоны (30.09—1.10) или уловить *argère pensée* «Слова» от 5 октября, разошедшегося по России отдельным тиснением. В этом случае «Герой», воспевший подвиг государя и содержательно примыкающий к «Речи» 29 сентября, становится не просто постскриптумом к «переписке» Пушкина и Филарета, но способом окончательной «расплаты» с музой московского митрополита.⁵⁷

⁵⁵ Пушкин. Письма. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 360.

⁵⁶ Боборыкин П. Д. Воспоминания. М., 1965. Т. 1. С. 65—66.

⁵⁷ «Если предположить сугубую осведомленность Пушкина в ходивших среди почитателей митрополита рассказах о владычной жизни, то сам эпиграф „Героя“: „Что есть истина?“ обретет характерный „филаретовский“ подтекст. Еще в Петербурге, в Духовной академии, у будущего архиеерея произошло памятное собеседование с епископом Феофилактом (Русановым), смутившим Троицкого мниха пилатовым вопросом: „Феофилакт еще с первой встречи своей с только что прибывшим из Троице-Сергиевой лавры иеродиакон Филаретом обошелся неприветливо, а

Итог холерной истории известен. Государь 7 октября 1830 г. отбыл в Петербург бороться с духами безначалия и мятежа, разлившимися по Европе; Пушкин, истомившись в карантинах, в начале декабря вернулся в Москву, где спустя два месяца сочетался законным браком с девицей Наталией Гончаровой; московский митрополит в воздаяние услуг, оказанных Отечеству в дни холеры, получил к Пасхе 1831 г. ленту и орденские знаки Св. Андрея Первозванного.

Жизнь продолжалась.

потом уже и явно неблаговолил к нему. Когда инок впервые явился к нему, то он, приняв его сухо и свысока, стал испытывать, какие сведения вынесены им из семинарии, и в заключение своих напрасных стараний смутить и сбить его, как бы новичка на экзамене, с важностью спросил: что есть истина? Прослушав определение слова „истина“ в смысле логическом, физическом, математическом и т. д., он с досадой сказал: не то; все это мало; вообще, что есть истина? — Строго испытываемый, словно ученик учителем, мог бы ответить ему: „Спаситель“ — словом Иисуса Христа „Я есмь истина“, но ректор Евграф, который ввел его к вопросителю, молвил: вопрос Пилата в Евангелии остался без ответа. — Тем и окончился неожиданный экзамен“» (*Сушков Н. В. Указ. соч. С. 94*).

В. Г. Мороз

СКРИЖАЛЬ СВОБОДЫ (святитель Филарет и наполеоновская легенда Пушкина)

В эссе, посвященном пушкинскому «Герою»,¹ я, среди прочего, исследовал связи болдинского шедевра с романтическим сочинением Пушкина первой половины 20-х годов — стихотворением «Недвижный страж дремал на царственном пороге», навеянным мистико-политическими устремлениями «русского Агамемнона» — императора Александра I. Выяснилось, что посредством внятных библейских (преимущественно апокалиптических) реминисценций автор «Недвижного стража...» явил в облике Наполеоновой тени смерть, грядущую в чертог российского самодержца. Полуночное свидание Александра Павловича и Бонапарта разрешилось у Пушкина в немую сцену, знаменующую кончину петропольского венценосца. Едва ли не за полтора года до реальной смерти царя одержимая пророческой экзальтацией пушкинская муза сумела провидеть гибельную гордыню императора Александра I, сокрушившего вольнолюбивые мечты революционной Европы. В поэтическом наследии Пушкина «Недвижный страж...» оказался своего рода оккультным постскриптумом к оде «Наполеон», описанием провиденциального возмездия за греховное поправление Бонапартова завещания («И миру вечную свободу/Из мрака ссылки завещал»).

Что стояло за мистическим строем «Недвижного стража...» — разовое, маргинальное вторжение апокалиптических образов, позволивших поэту «свести счеты» со своим венчаным гонителем, или же Библия подспудно формировала основополагающие символы творимой Пушкиным-романтиком наполеоновской легенды?

---

¹ См. наст. сб., с. 90.

О том, что стремление поверять судьбу Бонапарта Священным Писанием было отнюдь не мимолетной прихотью пушкинской музы, свидетельствует наряду с «Недвижным стражем...» отрывок «Зачем ты послан был, и кто тебя послал?», написанный в марте 1824 г., в одно время с пророчеством о смерти Александра Павловича.²

Сочиненный в Одессе черновой фрагмент открывают недоуменные вопрошания лирического героя, предваряющие основную тему стихотворения, близкую ключевой идее оды «Наполеон» (свобода и ее самовластное попрание):

Зачем ты послан был, и кто тебя послал?
Чего — добра иль зла ты верный был свершитель?
Зачем потух, зачем блистал,
Земли чудесный посетитель?

Пушкинские современники не затруднились бы опознать в этих строках привычное для русской литературы 1810-х годов сопряжение Наполеона и библейского денницы (в обиходном толковании — падшего ангела, сатаны): «Како спаде с небесе денница восходящая заутра; сокрушися на земли посылай ко всем языком. Ты же рекл еси во уме твоём: на небо възду, выше звезд небесных поставлю престол мой, сяду на горе висоце, на горах високих, яже к северу: възду выше облак, буду подобен Вышнему. Ныне же во ад снидеши и во основания земли. Видевшии тя удивятся о тебе и рекут: сей человек раздражая землю, потрясая цари, положивый вселенную всю пусту и грады ея разсыпа, плененных не разреши. Все царие языков успоша в чести, кийждо в дому своем. Ты же повержен будеши в горах, яко мертвец мерзкий со многими мертвецы изсеченными мечем, сходящими во ад. Якоже риза в крови намочена не будет чиста, такожде и ты не будеши чист, зане землю мою погубил еси и людя моя избил еси: не пребудеши в вечное время, семя злое» (Книга пророка Исаии, XIV, 12 — 20).

После нашествия 1812 г. сравнение Бонапарта с денницей (Люцифером) было дежурным библейским «применением»: им пестрели гомилетические опыты служителей Христова алтаря, равно как и поэтические озарения одержимого патриотическими восторгами российского Парнаса. (В «стране Гипербореев» с особой весомостью звучало библейское: «на горе висоце, на горах високих, яже к северу»). Дряхлеющий Державин в «Гимне лиро-эпическом на прогнание французов из отечества»³ столь усердно подвизался в части провиденциального обличения Наполеона, что подвиг юного Пушкина на сочинение пародийных строк в «Тени Фонвизина» (октябрь — ноябрь 1815 г.):⁴

Открылась тайн священных двери!..
Из бездн исходит Луцифер,
Смиранный, но челоперунный.

² В «большом» академическом собрании сочинений Пушкина (М.; Л., 1937 — 1949 гг. С. 10, 82) набросок «Зачем ты послан был, и кто тебя послал?» датирован концом мая — первой половиной июня 1824 г. Во втором издании хрестоматийной «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина: 1799 — 1826» (Л., 1991. С. 405) сочиненные поэтом строки на «пришествие» свободы отнесены к 28 — 31 марта 1824 г. Одним из оснований для изменения датировки явилось соседство в рабочей тетради Пушкина одесского черновика с записанными по памяти стихами В. А. Жуковского «На первое отречение... Бонапарте» (император Наполеон отрекся от престола 28 марта 1814 г. в Фонтенбло). В настоящей работе фрагменты «Зачем ты послан был...», равно как и отброшенные Пушкиным в процессе работы варианты стихотворения, цитируются по указанному выше изданию (Т. II (1). С. 281; Т. II (2). С. 770 — 774).

³ См.: Державин Г. Р. Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества. СПб., 1813.

⁴ Фрагмент приведен по изданию: Пушкин А. С. Стихотворения лицейских лет: 1813 — 1817 гг. СПб., 1994. С. 124.

Наполеон! Наполеон!
Париж и новый Вавилон,
И кроткий агнец белоруный,
Превосходясь, как дивий Бог,
Упал, как дух Сатанаила,
Исчезла демонская сила!..
Благословен Господь наш Бог!

Случалось, денницу и Бонапарта сближал в своих проповедях архимандрит Филарет (Дроздов) — в ту пору ректор Санкт-Петербургской Духовной академии. В «Слове перед погребением тела светлейшего князя Михаила Иларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского» будущий московский святитель наставлял свою паству, разумея памятные всем события: «Если... всеобъемлющее владычество Божие подвергает нас некоторой судьбе, то судьбе премудрой. Если оно, по-видимому, налагает узы, то разве на своеволие и буйство. Если уничтожает, то единственно тех, которые думают быть творцами своего величия, мечтают *„взыти выше облак и быти подобны Вышнему“* (Исаии, XIV, 14)».⁵

Год спустя в «Слове на день торжественного венчания на царство... Благочестивейшего Государя Императора Александра Павловича» — проповеди, вряд ли оставшейся не известной в Царскосельском лицее, тот же Филарет поучал: «Будем, слушатели, внимательны к настоящим судам Божиим, так же как и древним, и примем из уст Пророка совершившуюся уже притчу сию на нового царя Вавилонского, на сего надменного исполина, недавно мечтавшего разделить державу вселенной со Вседержителем... Каждый, кто когда-либо с царем Вавилонским желал в сем *„быти подобен Вышнему“* и домогался всемирного единовластительства, подвергался единому с царем Вавилонским осуждению: *„во ад снидеши и в основании земли“* (Исаии, XIV, 14—15)».⁶

В победном 1814 г., 30 августа, в день своих именин, российский самодержец дал в поверженном Париже указ Святейшему Синоду, в котором высочайше повелел:

«1. Декабря 25 число день Рождества Христова, да будет отныне и днем благодарственного праздника под наименованием в кругу церковном: Рождество Спасителя нашего Иисуса Христа и воспоминание избавления Церкви и Державы Российския от нашествия Галлов и с ними двадцати язык.

2. По окончании обычной, совершаемой в день сей службы, приносить особое благодарственное молебствие с коленопреклонением, при чтении уставленной на сей случай молитвы».⁷

В памяти Александра I победа в Отечественной войне была тесно связана с Рождеством Христовым: 25 декабря 1812 г. в Вильне государь подписал манифест об изгнании неприятеля из России, к тому времени ни одного вражеского солдата (за вычетом пленных) не оставалось в российских пределах.

«Благодарственное и молебное пение... в воспоминание избавления...»⁸ Синод поручил составить все тому же архимандриту Филарету.⁹

⁵ Сочинения Филарета, Митрополита Московского и Коломенского. Слова и Речи. М., 1873. Т. 1. С. 43.

⁶ Там же. С. 192—193, 195.

⁷ *Мостовский М.* Историческое описание храма во имя Христа Спасителя в Москве. М., 1883. С. СXXXI.

⁸ См.: Последование благодарственного и молебного пения ко Господу Богу, певаемого в день Рождества Спасителя нашего Иисуса Христа и воспоминание избавления Церкви и Державы Российской от нашествия Галлов и с ними двадцати язык. М., 1816.

⁹ См.: *Корсунский И.* Петербургский период проповеднической деятельности Филарета (Дроздова), впоследствии Митрополита Московского (1809—1819). Харьков, 1885. С. 70.

В качестве паремии — уставного ветхозаветного чтения — в службе были помещены стихи 13—17 и 24—27 из 14-й главы Исаиных пророчеств, сообщившие сопоставлению денницы и Бонапарта литургическое, общецерковное значение.

В. Э. Вацуро, перечислив ряд ветхозаветных реминисценций наполеоновской легенды Пушкина («тьень зари» трех поэтических опытов,¹⁰ вступительное четверостишие «Зачем ты послан был...»), полагал, что пушкинская трактовка Бонапарта-денницы независима от «мистико-историсофской концепции Наполеона» и лишена «историсофского значения».¹¹ Тщательное прочтение одесского черновика убеждает в обратном. Вслед за беглыми «извлечениями» из Исаиных пророчеств Пушкин изображает пришествие вольности в обрамлении внятных новозаветных образов:

Вещали книжники, тревожились цари,
Толпа пред ними волновалась,
Разоблаченные пустели алтари,
Свободы буря подымалась.

Явление свободы в этих строках сродни событиям, сопровождавшим Рождество Спасителя: «Услышав это, Ирод царь встревожился и весь Иерусалим с ним. И, собрав всех первосвященников и книжников народных, спрашивал у них: где должно родиться Христу?» (Евангелие от Матфея, II, 3—14).

Исходные этапы работы над четверостишием связывают его с евангельским повествованием еще теснее:

Вещали книжники, тревожились цари,
Толпа свободой волновалась —
Дрожали троны, алтари,
Над ними буря собиралась —
Родился ты...

По воле поэта в одесском наброске соединены прозрачные реминисценции из двух библейских фрагментов, используемых в богослужении праздника Рождества Христова. 25 декабря на литургии вычитывают вступительные стихи 2-й главы Евангелия от Матфея (ст. 1—12), а на молебном пении — отрывок из 14-й главы Книги пророка Исаии.

Поэтически слава пришествие свободы, Пушкин отнюдь не пренебрегал литургической разметкой Священного Писания: подбором ключевых библейских отсылок поэт связал свое стихотворение с вполне определенным событием годового церковного круга — праздником Рождества Господня и, в силу определения Святейшего Синода, — днем памяти победы в Отечественной войне 1812 г.

Исподволь элегическое вступление пушкинского стихотворения («Зачем ты послан был...») сменяется отчетливыми одическими интонациями («И горд и наг пришел Разврат...»), едва дело доходит до обличения губителей свободы. Это соединение элегического зачина и высокого одического строя роднит незавершенный пушкинский отрывок с сочиненным в ноябре 1823 г. «подражанием басне умеренного демократа Иисуса Христа» — «Свободы сеятель пустынный...», в котором элегически окрашенные размышления, толкующие несколько переиначенный евангельский стих, вынесенный в эпиграф («Изыде сеятель сеяти семена своя») завершаются шестью строками, напоминающими (частью пародирующими) финал оды.

¹⁰ Имеются в виду: «Недвижный страж...», фрагменты X главы «Онегина» и болдинский «Герой».

¹¹ Вацуро В. Э. Из записок филолога // Русская речь. 1987. № 6. С. 20.

Воспоминания о деннице-Бонапарте и смущение коронованных владык («...тревожились цари...») — не единственные библейские реминисценции пушкинского черновика. В заключительных стихах одесского наброска проскальзывают очевидные заимствования из Псалтири. Апофеоз тирании — «Рекли безумцы: нет свободы» — восходит к 13-му Давидову псалму: «Рече безумен в сердце своем: несть Бог» («Сказал безумец в сердце своем: „нет Бога“») (ст. 1), а последняя строка — «Как ветру предан долный прах» — адресует к вступительному песнопению Царя и Пророка: «Не тако нечестивии, не тако; но яко прах, егоже возметает ветр от лица земли» («Не так — нечестивые; но они — как прах, возметаемый ветром») (Псалтирь, I, 4).

К середине 20-х годов в наполеоновской легенде Пушкина изменяется соотношение непосредственных исторических описаний и поверяющих «реку времен» историософских размышлений. Если в оде «Наполеон», начатой в 1821 г., преимущественно царит история, а итоговые оценки жизненной стези Бонапарта вынесены во вступительные и заключительные строфы — своего рода раздвинутые кулисы исторической сцены, обрамляющие череду «живых картин» европейской истории, то в «Недвижном страже...» историческое поприще сведено к мыслительному опыту Александра Павловича, произносящего на провиденциальных подмостках свой предсмертный монолог. Наконец, в одесских вопрошаниях «Зачем ты послан был...» сжатие исторических событий достигает своего пика: стихотворение построено на историософских постулатах, исчерпывающих смысл эпохи. По сути историю первой четверти XIX в. Пушкин укладывает в две строки:

Явился Муж судеб, рабы затихли вновь,
Мечи да цепи зазвучали.

Эти «мечи да цепи» — пример пушкинского лаконизма. Одной формулой поэт объемлет период от революционных войн до апофеоза Реставрации (условно говоря, от Тулона до Вероны — последнего конгресса Священного союза). В том, что обличения заключительных восьми строк одесского наброска касаются не только Бонапартовой тирании, но и позднейшей эпохи (после падения Наполеона), убеждает один из первоначальных вариантов пушкинского стиха «Рекли безумцы...».

Исходно вольнолюбивая муза нашептала: «Цари сказали: нет Свободы...».

Русская титулатура не должна затмевать общеевропейского значения пушкинской строки. Безусловно, поэт разумел детище европейских монархов — Священный союз. В этом назидает рождественский строй пушкинской скрижали. Акт Союза, подписанный 14 сентября 1815 г. в Париже,¹² был распубликован в России 25 декабря: возле православных храмов на специальных щитах был выставлен его текст. Верный однажды избранному символическому ряду, Александр Павлович неукоснительно связывал свои политические начинания с праздником победы в Отечественной войне 1812 г.

Примечательно, что один из отвергнутых поэтом черновых вариантов несомненно свидетельствует об отношении Пушкина к мистическим экзерсисам российского самодержца (и не только его): «Созданье глало Провиденью...».

---

¹² См.: Шильдер Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1905. Т. 3. С. 359–360.

Равным образом пушкинское: «За власть отечество забыли...» сперва читалось: «Цари Отечество забыли...», прозрачно намекая на низость «легитимных», в частности на тильзитский позор. Предпочтя «вселенское» уязвление властолюбцев, Пушкин снял противоположность царей и Наполеона, сопричтя императора французов кругу коронованной публики, писавшей «парижскому монстру»: «Государь, брат мой...». Настойчиво вымарывая исторические отступления, отыскивая решающие в своей определенности историософские формулы, Пушкин последовательно превращал свой черновик в итоговое обличение эпохи, обобщающий суд над нею.

За вычетом теологической благонадежности концовка пушкинского фрагмента напоминает мозаику одического переложения псалмов, столь популярного у русских пиитов XVIII—начала XIX вв. (от Ломоносова и Державина до осмеянного Пушкиным Федора Глинки (Фиты)). Опальный поэт использует переиначенные библейские образы не «акцидентально», приводящим образом, — в его стихотворении они играют решающую смысловую роль. В одесском черновике Пушкин выговаривает коренную интуицию своего романтизма: теологически безупречную формулу «Бог есть свобода» поэт оборачивает, инверсирует. Полученное в итоге суждение «Свобода есть бог» Пушкин изъясняет с оглядкой на Библию, превращая поэтические творения в писанные откровения свободы. «Святая вольность» становится кумиром поэта, мнящего себя ее пророком, обращенным к земной истории.

Эта подмена библейского Вседержителя священной свободой резко отличает одесскую скрижаль от предшествующих сочинений поэта, навеянных Бонапартом. Скажем, в «Недвижном страже...», широко прибегая к символике, восходящей к Священному Писанию, Пушкин не стремился выявить сравнительной ценности «святой вольности» и библейского Бога. В пророчестве о смерти царя Творец и Промыслитель остался на своем исконном, засвидетельствованном Откровением «месте», но к привычному сакральному пространству прибавилось еще одно измерение — «священная свобода», двусмысленно расщепившая облик Бонапарта-денницы, обретшего способность упорствовать в противлении Богу, одновременно раскаиваясь в узурпации вольности.

Подобное теологическое «зависание», неопределенность взаимного положения ключевых источников смысла и бытия (свободы и Бога) принадлежит к числу неизбежных внутренних конфликтов романтизма, порождая парадоксальные в своей «многомерности», принципиально не поддающиеся «фокусировке» двоящиеся образы. Внутренняя необходимость решить эту апорию в пользу одного из сакральных начал сочетается в створе романтической поэзии с невозможностью совершить окончательный выбор, не повредив фундаментальных устоев романтического мировосприятия. Недвусмысленное утверждение первенства Бога представляется поэту-романтику метафизической изменой свободе, покушением на святыню вольности. Попытка же поместить свободу на месте Вседержителя, завершив созидание романтического иконостаса, приводит к удручающей деструкции самого романтического героя. В справедливости последнего утверждения Пушкину пришлось убедиться на собственном опыте, сочиняя одесский отрывок.

В первых же строках наброска пушкинская муза пускается наезженной «Филаретовой» колеей, нерасторжимо связавшей библейского денницу и Бонапарта. Вереница вопрошаний, щедро рассыпанная поэтом во вступительном четверостишии, воспринимается скорее как риторическая оснастка, нечто из разряда «Не се ль Минервы Росской храм?». Лишь наведя на

лик Бонапарта привычный «вавилонский» глянec, Пушкин приступает к непосредственному изображению пришествия свободы. Обуявшее ветхую Европу томление вольностью мнится поэту чем-то родственным тревожному ожиданию Рождества Спасителя. В какой-то момент, по примеру новозаветного Откровения, Пушкин провидит в Наполеоне возлюбленное чадо свободы: «Родился ты...». Но следом поэт тщательно вымарывает эту обмолвку из парнасской метрики вольности. Признание Бонапарта воплощением свободы обрекало Пушкина на безоглядную апологию низвергнутого «владыки Запада», «распятого» объединенными усилиями европейской реакции. Стремление же сочетать в одном поэтическом опыте отчетливое разумение безмерного властолюбия «единородного» сына вольности с настойчивостью в признании Наполеона мессией свободы вынуждало служителей Феба, вырядив музу истории в сюртук ординарного профессора метафизики, удручать мир повествованием о тирании как необходимом внутреннем «моменте» в развитии самого божества (вольности), — перспектива для Пушкина едва ли приемлемая. Преодолев соблазн видеть в Наполеоне сыновнюю ипостась романтической святости, поэт низводит на историческое поприще саму божественную свободу. О недвусмысленном водворении священной вольности на месте библейского Бога свидетельствует и пушкинский парафраз первого стиха 13-го псалма, помещенный в заключительной части одесского фрагмента: «Рекли безумцы...». В известном смысле рождество романтической *idée fixe* вытесняет у Пушкина исторически «изжитое» христианство и основанную на нем политическую систему («Разбились ветхие скрижали...»), превращаясь в нечто схожее с Третьим заветом — Заветом свободы (если угодно, Иоахим Флорский ошибся, прочитав 1260 г. там, где более искусственные толкователи высмотрели бы 1789 г.). На трон Вседержителя взшла «святая вольность», и Бонапартденница, волнуяще неоднозначный в мире с двумя святыми — свободой и полузабытым, но все же поддерживающим своды неба Богом (Творцом), преобразился в персонаж откровенно отрицательный, противостоящий вольности, наследовавшей вселенские прерогативы Создателя. Эту метаморфозу венчанного завоевателя пушкинская муза усиливает характеристикой Наполеона на терминах рока («Явился Муж судеб...»), изначально чуждого свободе. Бескомпромиссное утверждение державных прав вольности низвергает с романтического пьедестала Бонапартов истукан, приобщая императора французов к кругу коронованных властолюбцев, узурпирующих вольность. По существу в пушкинском фрагменте происходит смысловая мутация героической ипостаси романтического героя, предопределяющая неодолимый кризис всего романтического мирозерцания.

Так и не доведя дело до белого автографа, поэт прервал работу над стихотворением.

Насколько закончен пушкинский набросок? Свелось бы гипотетическое завершение черновика к отделке уже написанных стихов, или внутренняя логика фрагмента настоятельно требовала его продолжения?

По отношению к романтическим сочинениям поиски убедительного ответа на поставленный вопрос отнюдь не безнадежны. Демонстративная фрагментарность, тщательно расчисленный «неожиданный» образ содержательно законченного стихотворения принадлежат к числу характерных приемов поэтики романтизма. Судя по всему, к разряду подобных текстов тяготеет и пушкинский набросок. По мысли поэта унижение свободы влечет за собою постыдную смерть самих узурпаторов. Заключительная пушкинская строка («Как ветру предан дольный прах») отсылает читателя к 1-му Давидову псалму, непосредственно предваряющему его финал: «Сего ради не воскреснут нечестивии на суд, ниже грешницы в совет праведных. Яко

весть Господь путь праведных, и путь нечестивых погибнет» («Потому не устоят нечестивые на суде, и грешники — в собрании праведных. Ибо знает Господь путь праведных, а путь нечестивых погибнет») (ст. 5—6). В этой библейской перспективе взметаемый ветром прах становится провозвестием и символом гибели, посрамлением тирании и ее многоглаголивых адептов. Библейские реминисценции Пушкина задают второй смысловой план стихотворения, знаменующий суд над низостью и развратом, мнимо торжествующими в прямом поэтическом рассказе.

Впрочем, этот вердикт, подспудно выносимый в пушкинском черновике, не оставляет человеческому роду никакой надежды, ибо являет собой пришествие смерти, символ ее конечного торжества. «Разоблачение алтарей» и обожествление романтической свободы завершаются в горизонте событий европейской истории удручающим исходом попранной вольности и грядущим ей на смену апофеозом гибели. Одесский набросок оказывается одним из самых безысходных сочинений в поэтическом наследии Пушкина. Системой библейских отсылок поэт связывает свое стихотворение с чинопоследованием праздника Рождества Христова и «...воспоминания избавления... Державы Российской от нашествия Галлов и с ними двадцатия язык». Но окрест себя Пушкин видит не свет, воссиявший «живущим в... сени смертной», а наступающее царство гибели, простершей свою длань не только над тиранами, оскверняющими свободу, но также и над всем человечеством («И им поверили народы...», недвусмысленно вторя прозрению «Сеятеля»: «Вас не разбудит чести клич...»)¹³. Вместо литургии жизни в пушкинском стихотворении совершается литургия смерти, inferнальное действо, обнажающее за лживым маскарадом повседневной политики тлен и распад. Вся европейская история со времени тиранической узурпации французской революции видится поэту дикой пляской смерти, ее триумфальным шествием. Отказ (или неспособность) Пушкина завершить работу над текстом исчерпывающе воплощает отчаяние поэта, свидетельствует о постигшей его экзистенциальной катастрофе (преломляясь в сфере поэтики сугубой радикализацией романтической фрагментарности — невозможностью продвинуться далее чернового наброска, ведь перебелить одесский черновик означало бы явить чистой автограф смерти, окончательно скрепить ее торжество). Поэтически осмысленные и последовательно осуществленные заветы романтизма обернулись в пушкинской скрижали разложением самого романтического опыта, утверждением безраздельного господства четвертого всадника Иоаннова Откровения над апокалиптическими ландшафтами гибнущей Европы.

Соседство в одесском наброске реминисценций из библейских чтений праздника Рождества Спасителя нашего Иисуса Христа и «...воспоминания избавления Церкви и Державы Российской от нашествия Галлов и с ними двадцатия язык» убеждает, что на исходе марта 1824 г., сопрягая Бонапарта с денницей и подменяя свободой Христа, опальный поэт вдохновлялся отнюдь не «парнасскими» (державинскими) традициями, а литургическим обиходом, намеренно уподобляя свое стихотворение рождественской службе.

Конечно же, человеку благочестивому и верующему использование переиначенных библейских фрагментов во славу de la deesse Liberte (с

¹³ Одесскую скрижаль сближает с пушкинским подражанием «басне умеренного демократа Иисуса Христа» не только своеобразный элого-одический строй, тонированный явственными библейскими реминисценциями. В черновом наброске «Зачем ты послан был...» поэт до последнего предела обостряет тематические контрверсы «Сеятеля» и, более не довольствуясь сочашейся желчью пасторальной «идиллией» («Паситесь, мирные народы...»), приступает к непосредственному изображению агонизирующей Европы.

чувствительным нарушением первой заповеди: «...да не будут тебе боги инии разве Мене») едва ли покажется допустимым. Столь же сомнительно и обращение установленного порядка богослужебного использования библейских чтений: подобная перестановка обнаруживает настораживающую близость структурному принципу чинопоследований «вечного» оппонента Творца (попросту говоря, «черной мессе»).

Сознавал ли Пушкин, следуя мистически предосудительным внушениям своей музы, что его перо уязвляет не только государя Александра Павловича — Божия помазанника и главу греко-российской католической Церкви, но и святителя Филарета, составившего последование «Благодарственного и молебного пения...», непосредственно примыкающего к литургии праздника Рождества Христова? Прямых признаний поэта («Я, имярек, в безумии своем, по весенней распутице 1824 г. и т. д.») в бумагах Пушкина, разумеется, не отыскать. Но сохранилось непреложное поэтическое свидетельство, безусловно назидающее в том, что поэт знал (или, в крайнем случае, уразумел позднее), чьи литургические опыты перетолковывала его своенравная муза к десятой годовщине первого отречения Бонапарта.

В 1830 г., кроме знаменитых «стансов», посвященных Филарету, Пушкин оставил еще один поэтический опыт, вдохновленный святительским словом, — болдинское стихотворение «Герой». Изучение текста, эпистолярного обрамления и череды исторических событий, сопровождавших написание «Апокалипсической песни» (как назвал «Героя» сам поэт), свидетельствует, что стихи, воспевшие Николая Павловича, были навеяны речью московского святителя, произнесенной на паперти Успенского собора 29 сентября 1830 г., в день приезда государя в охваченную холерой столицу. Мастерски вплетенная Бонапартова тема, построенная на реминисценциях из «Недвижного стража...», позволила Пушкину исподволь противопоставить поправшего смерть Николая Павловича его августейшему брату (императору Александру). А сугубое отчаяние пушкинского Поэта, разочаровавшегося в Наполеоне, символизировало в «Герое» отчетливый биографический мотив — историю преодоления роковых коллизий романтизма, ввергших Пушкина в тяжелый творческий кризис 1823—1825 гг., окончательно урочечанный высочайшей аудиенцией в Чудовом дворце, вернувшей России «нового Пушкина» (как определил суть происшедшего государь Николай Павлович, герой сентябрьских событий 1826 и 1830 гг.).

Предпринятое исследование одесской скрижали позволяет существенно обогатить понимание пушкинской «Апокалипсической песни», выявляя глубинные основания творческого синтеза, связавшего воедино Бонапарта, святителя Филарета, душевные конфликты поэта-романтика и приехавшего в Москву «делить опасности и труды» российского самодержца.

Эпиграф «Героя» — «Что есть истина?», почерпнутый из 18-й главы Евангелия от Иоанна, предопределил «романтическую» фрагментарность пушкинского стихотворения, завершеного отточием после многозначительного «Утешся...». Не довольствуясь легендарным Пилатовым вопрошанием, Пушкин еще более сгущает новозаветный колорит своего «Героя», заимствуя ключевые образы первых строк из 3-го стиха 2-й главы Деяний Апостолов, повествующей о сошествии Св. Духа на Господних учеников («И явились им... языки как бы огненные, и почили на каждом из них»). Вступительные стихи 2-й главы Деяний читаются на литургии праздника Пятидесятницы — дня утверждения Церкви Христовой, сообщая пушкинским реминисценциям и в целом смысловому пространству болдинского стихотворения явственную эkkлeзиологическую окраску.

Наполеоновская тема обнимает подавляющую часть пушкинского «Героя», — 53 строки из 67. Вводит образ «владыки Запада» четверостишие, запечатлевшее восторги Поэта жизненным уделом Бонапарта.

Всё он, всё он — пришлец сей бранный,
Пред кем смирились цари,
Сей ратник, вольностью венчанный,
Исчезнувший, как тень зари.

Последняя строка вступительного славословия Наполеону обращает к «Недвижному стражу...» («Сей царь, исчезнувший, как сон, как тень зари») и влечет далее к библейскому истоку пушкинской реминисценции — 14-й главе Исаиных пророчеств. В свете экклезиологической символики начальных строк стихотворения пушкинская «тень зари» вводит две темы «Героя». Одна из них (побочная) отсылает к пророчеству о кончине Александра Павловича и позволяет Пушкину развести перед лицом смерти двух российских самодержцев. Другая же (ключевая, «литургическая»), изобличает под «храмовой» сенью мнимость Бонапартова подвига, сообщая пушкинской оглядке на Книгу пророка Исаии богослужебное значение, восходящее к последованию «Благодарственного и молебного пения...».¹⁴ Соединение в «Герое», навеянном приветственной речью митрополита Филарета, «храмового» зачина и паремийной реминисценции, открывающей повествование о Бонапарте, служит пусть и косвенным, но едва ли не исчерпывающим доказательством осведомленности Пушкина об авторе молебного пения в память победы в Отечественной войне 1812 г.

В «Герое» без труда прочитывается «диагноз» душевного состояния пушкинского Поэта, вдохновенно славящего подвиг венчанного «свободой» завоевателя. На вопрос Друга «Из сих избранных кто всех боле/Твоею властвует душой?», — Поэт отвечает: денница-Наполеон, невольно «расписываясь» в собственном духовном неблагополучии, по сути дела — в одержимости инфернальными силами.

Если выделить наполеоновский фрагмент «Героя», оставив в стороне вступительный монолог Друга и заключительное «Утешься...», то окажется, что Бонапартова составляющая «Апокалипсической песни» структурно напоминает одесскую скрижалю, являясь ее отдельным парафразом: болдинские размышления о Наполеоне открывает реминисценция из 14-й главы Исаиных пророчеств, а затем, вслед за изображением «ряда побед», повествуется о тщетном усилии одоления смерти силами «вавилонского» героя (Наполеона). Это псевдопопранье губительного недуга завершается в стихотворении разоблачением Бонапартова кумира, повергающим Поэта в безысходное душевное смятение. Правда на сей раз пушкинская муза продвигается далее чернового наброска, облекая едва ли не богохульные стенания Поэта в безупречные четырехстопные ямбы:

Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,

¹⁴ Пушкинская обмолвка «исчезнувший... как тень зари», навеянная «Недвижным стражем...» и соответствующим кругом ассоциаций, связанных с российскими венценосцами, несет в болдинском стихотворении сугубую смысловую нагрузку, знаменуя помимо отходной Александру Павловичу паремии Филаретова молебна и косвенно — написанный в Одессе черновик на «рождество» свободы. Причем узнаваемость каждого из адресов двузначного пушкинского намека стоит в обратной связи с содержательным весом подразумеваемой поэтической отсылки; для уяснения смыслового строя «Героя» прозрачное сопряжение с «Недвижным стражем...» оказывается в конечном счете менее существенным, нежели совершаемое тою же строкой «Апокалипсической песни» осторожное указание на ветхозаветное чтение молебного пения и его посредством — на сочиненную в Одессе рождественскую скрижалю.

Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! — Нет!
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...

Сближению одесского черновика и болдинского «Героя» как будто препятствует отсутствие в «Апокалиптической песни» Пушкина внятных реминисценций из евангельского чтения праздника Рождества Христова. Однако их появление вдогонку за паремийной отсылкой воспроизвело бы «вывернутое» последование «черной мессы», что в стихотворении, вдохновленном речью московского святителя (даже с целью опровержения inferнальных «прилогов»), было бы неуместным.

Спешить же с отрицанием новозаветных аллюзий в наполеоновской теме «Героя», обходя вниманием вторичные, «опосредованные» библейские намеки, означает бедственно ограничить понимание пушкинской «Апокалиптической песни». Реминисценции из Священного Писания не всегда удается опознать, непосредственно сличая поэтические творения со Словом Божиим. В тех случаях, когда стихотворцу важно подчеркнуть литургическую роль библейских отрывков, поэтические возможности их косвенного описания, как это ни парадоксально, существенно расширяются. Особо это касается библейских фрагментов многочисленных молебных пений, созданных в память избавления от исторических катаклизмов, отведенных по милости Спасителя. Составители подобных служб, как правило, используют библейские чтения прообразовательно, тщательно подобранными выдержками из Священного Писания знаменуя исторические обстоятельства, связанные с молебным торжеством. Устоявшийся церковный обиход соотносит позднейшие исторические события с библейскими стихами (Священной Историей), и поэты, стремящиеся запечатлеть богослужбное значение извлечений из Писания, вольны использовать не только прямые отсылки к библейскому тексту, но и символизировать его фрагменты посредством литургически (церковно) засвидетельствованных исторических «отражений». В иных случаях поэтические начертания, казалось бы, совершенно нейтральных исторических картин приобретают смысл непреложных библейских реминисценций.

Естественно, что, сочиняя стихотворение, посвященное Николаю Павловичу, Пушкин воздержался от обращения рождественского чинопоследования. Вить абсолютное литургическое целомудрие своей музы, одновременно сохранив структурное подобие Наполеоновой темы «Героя» одесской скрижали (сперва паремийная реминисценция, а затем — евангельская), поэт мог лишь намеренно восстанавливая надлежащий порядок библейских аллюзий, вплетая вслед за ветхозаветной отсылкой указание на евангельский фрагмент, вычитываемый на рождественском богослужении после Филаретовой паремии. Другими словами, болдинскому затворнику, отрезанному от столицы холерными заставами, предстояло отыскать в молебном пении московского святителя евангельское чтение, наследующее стихам из Исаиина пророчества, и, поэтически претворив новозаветное благовестие, разместить его вслед за «библейской» «тенью зари», подведя литургически безупречное основание под изображение жизненной драмы поэта-романтика. В этом случае, утвердив неизблемым чинопоследование «Благодарственного и молебного пения...», Пушкин приобщил бы смысловому строю своего «Героя» сокровенное покаяние, приносимое московскому святителю за оккультные передержки одесского черновика («Зачем ты послан был...»).

В составленном митрополитом Филаретом праздничной службе после паремии из Исаииных пророчеств помещено евангельское чтение из Бла-

говестия от Матфея (так называемого малого евангельского Апокалипсиса): «Рече Господь своим учеником: услышати же имате брани и слышания бранем. Зрите, не ужасайтесь: подобает бо всем сим быти, но не тогда есть кончина. Встанет бо язык на язык, и царство на царство: и будут глади и пагубы, и труси по местом. Вся же сия начало болезнем. (...) Будет бо тогда скорбь велия, якова же не была от начала мира доселе, ниже имать быти. И аще не быша прекратилися дние оны, не бы убо спаслася всяка плоть: избранных же ради прекратятся дние оны» (XXIV, 6—8, 21—22).¹⁵

В молебном пении московского святителя стихи Матфеева благовестия использовались прообразовательно, как библейское провидение войн и смятений начала XIX в., промыслительно завершившихся триумфом православной России. Это утвержденное богослужебным обиходом сопряжение евангельского фрагмента и памятных современникам поэта исторических событий позволило Пушкину, не перегружая стихотворения избытком прямых библейских реминисценций, ознаменовать евангельское чтение Филаретовой службы непосредственным описанием наполеоновской эпохи (гибельных браней, восстаний царств и народов, смертельного недуга):

Когда ж твой ум он поражает
Своею чудною звездой?
Тогда ль, как с Альпов он взирает
На дно Италии святой;
Тогда ли, как хватает знамя
Иль жезл диктаторский; тогда ль,
Как водит и кругом и вдаль
Войны стремительное пламя
И пролетает ряд побед
Над ним одна другой вослед;
Тогда ль, как рать героя плещет
Перед громадой пирамид,
Иль как Москва пустынно блещет
Его приемля, — и молчит?

.....

Одров я вижу длинный строй,
Лежит на каждом труп живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болезней... Он,
Не бранной смертью окружен,
Нахмуясь ходит меж одрами
И хладно руку жмет чуме
И в погибающем уме
Рождает бодрость...

Очевидный анахронизм — моровое поветрие в Яффе — отнюдь не венчает последовательности наполеоновских войн, как того требует от «болезней» евангельское чтение, устраняется не только «финальным» положением чумного эпизода в Бонапартовой составляющей «Героя», но и замыслом пушкинской музыки, твердившей устами Поэта: чума, подспудно разумея — холера. Осенью 1830 г., когда воспоминания о тифозных горячках 1812—1814 гг., косивших враждующие племена, изгладились из памяти, выбранные Филаретом евангельские стихи воспринимались как повторно сбывающееся пророчество, прикосновенное новому царствованию

¹⁵ См.: Последование благодарственного и молебного пения... Л. 7 об., 8.

(в этом назидали свирепствующая холера и европейские смуты, угрожавшие России). Положив в основание «Героя» чинопоследование молебного пения в память Отечественной войны,¹⁶ поэт признал в Николае Павловиче наследника славы 1812 г., упреждая своей «Апокалипсической песнью» сочиненные в 1831 г. «Перед гробницею святой...», «Клеветникам России», «Бородинскую годовщину». В глазах Пушкина русский царь, приехавший в первопрестольную делить со своим народом тяготы эпидемии, явил себя тем избранным, ради которых Суд Божий прелгается на милость. (Примечательно, что в посвященном государю «Герое» содержится единственный лексический обломок из евангельских чтений Филаретова молебна: «Из сих избранных кто всех боле/Твоею властвует душой?» с итоговим признанием: Николай Павлович — «Избранных же ради прекратятся дние оны»). Евангельские стихи благодарственного молебна предрешают и указание в конце «Героя» на российского венценосца, — сразу после Евангелия у митрополита Филарета следует ектенья с характерным прошением: «Еще молимся о Благочестивейшем Самодержавнейшем Великом Государе Нашем Императоре Николае Павловиче всея России, о державе, победе, пребывании, мире, здравии, спасении Его, и Господу Богу нашему, наипаче поспешити и пособити Ему во всех, и покорити под нозе Его всякаго врага и супостата».¹⁷

Теперь не составляет труда бегло обозреть смысловые истоки «Героя». Исходным толчком к его созданию была речь митрополита Филарета, произнесенная в Кремле 29 сентября 1830 г. и спустя несколько дней напечатанная в «Московских ведомостях».¹⁸ Она определила ключевые символы пушкинского стихотворения: противостояние славы человеческой и Славы Божией, «жертву сердца», встречу государя как Божия помазанника («С Крестом сретает, Тебя, Государь, да идет с Тобою воскресение и жизнь»). Предварив «Апокалипсическую песнь» евангельским эпиграфом, Пушкин связал вступительные строки «Героя» с экклезиологическим фрагментом Деяний Апостолов, а затем, утвердив основную часть стихотворения на библейских чтениях Филаретова молебна, обременил свою музу очередными встречами с Бонапартом — в походах, в изгнании, среди торжествующей чумы. Посредством реминисценций из «Недвижного стража...» Пушкин развел жизненный удел Николая Павловича с гибельной судьбой его августейшего брата, душевную же смуту поэта-романтика, воплощенный в литургически безупречном парафразе одесской скрижали, болдинский невольник умирал явлением царствующего российского государя.

В итоге, кроме своего прямого, навеянного событиями 1830 г. значения, «Герой» оказался текстом, знаменующим окончательное преодоление мис-

---

¹⁶ Если обращение к «Благодарственному и молебному пению...» было предрешено внутренней логикой творческого развития поэта, то в «Герое», написанном среди холеры 1830 г., использование молебна, созданного в честь победы над Наполеоном, приобрело по отношению к московскому архипастырю несколько назидательный оттенок. Дело в том, что в 1830 г. святитель Филарет составил специальную службу об избавлении от губительной болезни, где в качестве паремии поместил стихи 14-й главы Второй Книги Царств. Опротечивый гомилетический опыт владыки (18 марта 1830 г.), толкующий ветхозаветное чтение холерного молебствия, дал пищу скандальной сплетне, обернувшейся высочайшим внушением митрополиту, вынужденному оправдываться перед государем. Пушкинская муза, предпочтя в болдинском «Герое» не разосланную по приходам службу холерной поры, а молебное пение в память 1812 г., косвенно (и очень прикровенно) как бы «выговаривала» святителю: «Итак вспомни, откуда ты ниспал, и покаяйся, и твори прержие дела» (Откровение Иоанна Богослова, II, 5).

¹⁷ См.: Последование благодарственного и молебного пения... Л. 8 и об. В тексте 1816 г. в молебном прошении стоит имя государя Александра Павловича, которое с 1826 г. заменяли именем царствовавшего самодержца Николая I.

¹⁸ См.: Московские ведомости. 1830. 4 окт. (№ 80). С. 3559.

тических соблазнов пушкинского романтизма, одним из вершинных творений христианской лирики Пушкина.

Сочиненная в дни холеры 1830 г. «Апокалипсическая песнь» вместе с написанным в южной ссылке одесским наброском «Зачем ты послан был...» не оставляют сомнений, что накануне михайловского изгнания среди оппонентов Пушкина-романтика был святитель Филарет. Его богослужебные опыты препарировала пушкинская муза, созида я десятой годовщине первого отречения Бонапарта свою скрижаль свободы. Едва ли поэт, изображавший на развалинах рождественского чинопоследования гибельный апофеоз вольности, не разумел, что его «литургические» начинания не просто сокрушают молебное пение, утвержденное Святейшим Синодом, но также уязвляют составителя службы — владыку Филарета. Об авторстве святителя (несомненно известном поэту в 1830 г.) Пушкин мог узнать еще в Лицее, выстаивая после рождественской литургии «Благодарственное и молебное пение...» в память победы России в Отечественной войне, либо приобщившись к кругу лиц, наслышанных о составителе молебна. На исходе 1810-х годов «верный покровитель» поэта А. И. Тургенев был заметной фигурой в «сугубом» министерстве (просвещения и духовных дел), возглавляя департамент иностранных исповеданий. В ту же пору, умножая подвиги министерского благочестия, чиновный «гонитель» мнимой пушкинской «лени» подвизался в секретарях Санкт-Петербургского Библейского общества, где одним из наиболее усердных членов (отвечавшим за библейский перевод) был владыка Филарет. (По-видимому, отнюдь не случайно в письме М. П. Погодину, посланному из Болдина вместе с «Героем», характеристику «Апокалипсическая песнь» вводит автореминисценция из пушкинского письма А. И. Тургеневу, написанного в 1821 г.). Косвенным подтверждением осведомленности поэта о составителе молебна служит и сочинявшийся в пору создания одесской скрижали «Недвижный страж...», своими библейскими реминисценциями укорененный в русском Новом Завете — памятнике трудов московского святителя. Словом, ранние «встречи» Пушкина и Филарета не исчерпываются, как может показаться при беглом прочтении стансов «В часы забав иль праздной скуки...», периодическими припадками раскаяния за «эпикурейские» шалости вольнолюбивой музы:

Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

В годы, предшествующие михайловской ссылке, пушкинские отношения с будущим митрополитом опрометчиво ограничивать только жизненными событиями («Но и тогда струны лукавой/Невольно звон я прерывал»), оставляя в стороне собственно творческие (поэтические) сопряжения. Одесский черновик связал «Благодарственное и молебное пение...» московского святителя с последними в своем трагизме мистическими глубинами пушкинского кризиса 1823—1825 гг. Сколь мучительными были духовные борения поэта, ясно уже из того, что одесский изгнанник посягнул на святыню своего сердца — победу в войне 1812 г., в отчаяньи разлучая подвиг русского народа и Бога. В пушкинских стансах «В часы забав...» эти духовные брани не нашли отражения (если не усматривать в «безумстве» четвертого стиха отголосок 13-го псалма: «Рече безумен в сердце своем...» и с несколько большими основаниями не простирает «Смиряешь буйные мечты...» за пределы безысходного уныния «Дар напрасный, дар случайный...»). Сокровенным продолжением поэтической исповеди, при-

носимой московскому святителю, стал болдинский «Герой», перед лицом русского государя, его жертвенного подвига засвидетельствовавший разрыв с мистически ущербным строем одесской скрижали и в высшем, горнем значении смывший ее скорбные письма.¹⁹

---

¹⁹ В моей статье, посвященной исследованию пушкинского «Героя», связь Филаретовой составляющей стихотворения с наполеоновской темой была раскрыта не в полной мере. Указав на литургический строй «Героя», я не опознал Филаретова молебного пения как основы стихотворения, оправдывающей поэтическое «соседство» московского святителя и Наполеона. Настоящая работа должна рассматриваться как дополнение к аргументации, развернутой в моей статье, толкующей «Апокалипсическую песнь» Пушкина.

А. П. Дмитриев

МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ ФИЛАРЕТ И КУЛЬТУРА ПУШКИНСКОГО ВРЕМЕНИ

Известный историк и археограф Н. П. Барсуков в начале нашего столетия так описывал Москву 1830—1840-х годов: «Московский университет, славянофилы и западники, и Московский театр, — служители науки и служители искусства, — составляли одно нераздельное целое. {...} А над всеми ними царило Троицкое Подворье, в котором пребывал Филарет».¹

Следующий период русской жизни был отмечен таким трагическим разладом, что филаретовская эпоха с высоты рубежа веков казалась чуть ли не идиллической; залогом этого согласия, его прочным основанием, на взгляд наиболее пронизательных современников, был союз веры и светской культуры, точнее — облагораживающее влияние православных идеалов на мирскую жизнедеятельность вообще. Когда в царствование Александра Освободителя многие публицисты одновременно заговорили о разобщенности двух культур — церковной и светской, в их словах часто слышалась не столько убежденность в объективной исторической оценке, сколько боль по утраченной гармонии и норме.

Известна поэтическая встреча московского первосвятителя и А. С. Пушкина, получившая отражение не только в мемуарах и научной литературе, но даже в художественной прозе, например в рассказе интересного духовного писателя В. А. Никифорова-Волгина.² Не всегда обращают внимание на то обстоятельство, что митрополит Филарет откликнулся на «мировоззренческий вызов»,³ брошенный поэтом в стихотворении «Дар напрасный, дар случайный...», почти тотчас после выхода в свет альманаха «Северные цветы» на 1830 г., где оно было впервые опубликовано. И Пушкин не замедлил со своим ответом — глубоко прочувствованной сердечной исповедью «В часы забав иль праздной скуки...», которую современники называли «стансами к пастырю Церкви». «Северные цветы» вышли в свет

---

¹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1907. Кн. 21. С. 288.

² Никифоров-Волгин В. Дорожный посох. Таллин, б. г. С. 179—188.

³ Свешников В., Шелгунов А. О церкви, России, нравственном мире: Сб. статей. М., 1993. С. 27.

в двадцатых числах декабря 1829 г.⁴ В первой половине января стихи митрополита Филарета уже были написаны, а 19 января Пушкин закончил свои «стансы».

Стоит отметить, что он, смиренно каясь в невольном поэтическом грехе, все же не должен был ощущать его как проявление мятежной гордыни. Ведь несмотря на то что идейное содержание стихотворения «Дар напрасный, дар случайный...», написанного в минуты уныния и хандры, вполне отвечает богатой европейской традиции, опирающейся на рационалистическую эстетику, у Пушкина эта традиция являет свою сокровенную прежде ущербность и несостоятельность. Способ изображения душевных переживаний лирического героя, с которым поэт себя отождествляет, отдаленно напоминает метод апофатического (отрицательного) богословия, когда Господь в Своем истинном бытии познается путем называния всего того, чем Бог не является. Давая Творцу определения, имеющие хождение в среде, далекой от христианского просвещения, обвиняя Его одного в пороках и страстях, которыми обзавелось само человечество со времени грехопадения, поэт словно ставит на самом себе, вернее — на своей душе, опыт.

Впрочем, душевный разлад, отраженный в стихотворении, с самого начала свидетельствует о том, что поэтическая мудрость Пушкина противится поверхностному рационализму, самохвальству знания, покушающегося на первородство веры. Неизбежное порождение испорченного гордыней человеческого разума, греховное уныние, заранее преодолевается искренним протестом, идущим из сердечной глубины. Сама интонация вопросов, которыми задается поэт, указывает на его несогласие с образом мира, в котором господствует враждебный человеку рок, Пушкин словно возражает против обезличивающего, опустошающего действия на душу такого миропонимания:

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

(III, 59)

И тут же — как результат этих бунтарских вопрошаний — поэт описывает свое гнетущее состояние:

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум...

Быть может, подобное ощущение какой-то метафизической тоски как предвестие обретения жизненного смысла и должен испытывать человек на пороге личного открытия подлинной реальности Бога.

Но тем не менее пушкинская благодарность митрополиту Филарету показательна. В его «стансах» восторженный отклик на пастырское увещание перерастает в искреннюю признательность Церкви, в радостное осознание благотворного воздействия религиозно-нравственных идеалов на художественное творчество. «Голос величавый» высокочтимого владыки, «чистый елей» его «речей благоуханных» исполнены «силой кроткой и любовной» и потому даруют благодатную помощь взыскующей душе поэта.

Митрополит Филарет, обладавший недюжинным даром слова и, кстати, в разные годы написавший еще несколько стихотворений, не забывал о своей поэтической встрече с Пушкиным. П. И. Бартенев со слов С. П. Ше-

⁴ См.: Синяевский Н., Цявловский М. Пушкин в печати: 1814—1837. М., 1938. С. 70.

вырева передает, что, когда тот заговорил об этом с Высокопреосвященным, Филарет «подтвердил дело и ласково улыбнулся».⁵ Автор интересных мемуаров о святителе, драматург и поэт Н. В. Сушков, указывал и название его стихотворения — «Пушкин, от мечтаний перешедший к размышлению». Сушков свидетельствовал также, что владыка не соглашался с оценкой своего ответа поэту, — «опровержение его философствования». Он говорил: «Не возражение, а переиначенное стихотворение Пушкина, пародия».⁶

Тем не менее не случайно замечательный православный мыслитель И. А. Ильин, ссылаясь на «поэтическую переписку» митрополита Филарета с Пушкиным (в ряду других ярких культурных событий), показывает, что «русское православие не мыслит мира внехристианским или „светским“». Напротив, христианское просвещение и просветление мира является его прямым заданием».⁷

Есть нечто знаменательное в том, что, хотя поэтический диалог наших национальных гениев произошел в 1830 г., Филарет, по легенде более позднего происхождения (получившей отражение в известной репинской картине, 1910 г.), был свидетелем первого настоящего триумфа Пушкина. В числе почетных гостей он (в то время архимандрит, ректор Санкт-Петербургской Духовной академии) действительно присутствовал на лицейском акте 1815 г., но это было за четыре дня до того экзамена, где юный Пушкин своими «Воспоминаниями в Царском Селе» растрогал Г. Р. Державина. Через верного друга поэта и почитательницу преосвященного Е. М. Хитрово общение Пушкина с митрополитом Филаретом продолжалось и после обмена стихотворениями.⁸ Виделся с ним поэт и на заседаниях Российской Академии.

Заслуживает внимания и тот факт, что уже в первом томе своего «Современника» Пушкин в статье о сочинениях архиепископа Белорусского Георгия (Кониского) отмечает, что даже наиболее прославленная речь этого иерарха уступает проповедям московского митрополита. Одна из них (приветствие Филарета царю в 1830 г., во время эпидемии холеры в Москве), по словам Пушкина, «в своей умильной простоте заключает гораздо более истинного красноречия» (VII, 223). В очередном номере журнала в списке «новых русских книг», вышедших с апреля по июнь 1836 г., звездочкой поэт пометил филаретовский сборник «Слов и речей, во время управления московскою паствою говоренных» и им же составленное житие преподобного Сергия Радонежского.⁹ Позже в редакционной заметке Пушкин объяснил, что им были выделены таким образом книги, «которые показали ему замечательными или которые намерен он был прочитать» (VII, 359).

Обращение поэта, все более укреплявшегося в вере, к творениям святителя говорит само за себя. Впрочем, известно, каким пиететом в эти годы было окружено имя митрополита Филарета в русском обществе. Так, издание его сочинений тогда же задумывал М. П. Погодин,¹⁰ дружеские отношения с которым Пушкин ценил в последние годы своей жизни.

Конечно, у митрополита Филарета представители светской культуры искали прежде всего авторитетного изъяснения православного вероучения.

⁵ *Бартенев П. И.* О Пушкине. М., 1992. С. 363.

⁶ *Сушков Н. В.* Записки о жизни и времени Святителя Филарета, Митрополита Московского. М., 1868. С. 125—126.

⁷ *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10-ти тт. М., 1993. Т. 1. С. 315.

⁸ См. письмо Е. М. Хитрово Пушкину от 18 марта 1830 г. (*Пушкин А. С.* Сочинения. Переписка. СПб., 1908. Т. 11. С. 123).

⁹ См.: *Современник*. 1836. Т. 2. С. 314.

¹⁰ См.: *Барсуков Н. П.* Указ. соч. Кн. 6. С. 86—89.

И. В. Киреевский писал своему товарищу А. И. Кошелеву: «Если сказать правду, удовлетворительного богословия у нас нет. „Введением“ в него могут служить проповеди Филарета: „там много бриллиантовых камушков, которые должны лежать в основании Сионской крепости”». ¹¹

Но творения святителя замечательны и с художественно-эстетической точки зрения, и за это тоже, видимо, их ценил Пушкин и другие русские писатели. Одна из первых попыток проанализировать с таких позиций проповеди митрополита Филарета принадлежит академику А. В. Никитенко. Рассматривая словесную ткань проповедей святителя, ученый отметил его особые заслуги в развитии отечественного языка: его «архитектоника речи», по словам Никитенко, «для выражения мыслей высшего умозрения... представляет немалые трудности для самых избранных писателей». ¹²

Контакты русских писателей и Церкви в лице такого видного ее представителя, как митрополит Филарет, — тема недостаточно изученная. Известно, например, какое участие принял Филарет в мьтарствах Г. Р. Державина, чью оду «Христос» (1814) никак не соглашалась одобрить для издания духовная цензура, требовавшая бесконечных поправок. ¹³ Ода наконец вышла в свет с многочисленными ссылками на библейские тексты. Судя по всему, эти подстрочные примечания были составлены не без помощи просвещенного архимандрита.

Мнением еще довольно молодого в ту пору архипастыря дорожил и Н. М. Карамзин. Рассказывая в одном из писем к И. И. Дмитриеву (1820 г.), как его чествовали в собрании Российской Академии, историк особо выделяет: «Филарет благословил меня усердно». О том, что петербургские духовные лица, и в том числе Филарет, к нему «ласковы», Карамзин сообщал другу и раньше. ¹⁴

И. И. Козлов в одном из лучших своих стихотворных посланий («Высокопреосвященнейшему Филарету», 1830) создал образ владыки — вдохновенного проповедника и поэтическими средствами передал содержание как раз той приветственной речи Николаю I, которую похвалил в «Современнике» Пушкин. Неудивительно, что величаяя речь митрополита — настоящее стихотворение в прозе! — своими возвышенными образами вдохновила поэта. ¹⁵

Легко умножить примеры благотворного воздействия личности и трудов московского святителя на русских писателей и их благодарной отзывчивости на пастырское окормление и духовную поддержку (хотя, следует оговориться, литераторы, далекие от веры, нередко критически оценивали личность Филарета). Для лучших наших художников он воплощал мудрость Церкви и во многом — заветную душу народа, его жажду святости.

Сам владыка, неся на своих плечах весь груз ответственности за духовное состояние России (по свидетельству современника, общественное мнение возвело его в сан «Патриарха Всероссийского» ¹⁶), несмотря на свое мона-

¹¹ Киреевский И. В. Полн. собр. соч.: В 2-х тт. М., 1911. Т. 2. С. 258.

¹² Никитенко А. В. Отчет за 1867 г. по Отделению русского языка и словесности // Торжественное собрание Императорской Академии наук 29 декабря 1867 г. СПб., 1868. С. 75.

¹³ См.: Грот Я. К. Приложение к оде «Христос» // Державин Г. Р. Сочинения. СПб., 1866. Т. 3. С. 209.

¹⁴ См.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 206, 280.

¹⁵ Автор комментариев к последнему наиболее полному изданию стихотворений Козлова, И. Д. Гликман, ошибочно считает это послание откликом на подавление царем декабристского мятежа и последующую коронацию его в Москве (1826 г.). Поэтому, например, в образе поэта «полумертвые восстанут» ученый видит сосланных в Сибирь декабристов, а не заболевших холерой москвичей (см.: Козлов И. И. Полн. собр. соч. Л., 1960. С. 464).

¹⁶ Сушков Н. В. Указ. соч. С. 138.

шество, делал акцент в своей деятельности не на аскетическом отрицании греховного мира, а на служении миру ради его спасения. Он всегда занимал активную позицию по отношению к светской культуре, прежде всего — к литературе и философии.

В 1818 г. при ревизии Московской Духовной академии Филарет (в то время — епископ Ревельский), оценивая, в частности, уроки всеобщей словесности, высказался по поводу популярных тогда эстетических теорий. Его возмущало, что «красоту поставляют целью поэзии, с исключением истины и добра». ¹⁷ Даже в теории изящное, считал Филарет, должно быть только «отличено, а не отсечено... от истинного и доброго». ¹⁸ Иными словами, душу истинно художественного произведения составляют оживотворяющие его религиозно-нравственные идеалы. Литература и искусство должны не отвлекать от Бога, а приводить к Нему, — митрополит Филарет ставил в своей практической деятельности задачу воцерковления культуры, преобразования ее христианским духом. Поэтому, к примеру, высоко оценивая хоровую музыку Д. С. Бортнянского за сохраненный в ней «дух древнего церковного пения» и навеваемое ею «чувство умиления», ¹⁹ святитель неодобрительно относился к лаицистским тенденциям в культуре и был непримирим, если дело доходило до непочтения к святыне. Даже в том, что И. А. Крылов давал животным в своих баснях христианские имена, митрополит Филарет видел «глумление над Святыми», ²⁰ еще большим соблазном показалось ему «смещение предметов священных и светских» в романе М. Н. Загоскина «Аскольдова могила» (1833). ²¹

Заслуживает внимания один эпизод еще из петербургского периода служения святителя. Уже тогда, в начале XIX в., а особенно после войны с французами, он одним из первых осознал опасность всеобъемлющего обмирщения жизни, которое искало себе надежное основание в объективистских интерпретациях священных текстов. Сугубый рационализм доходил здесь подчас до последних пределов, когда прокомментированное соответствующим образом Слово Божие становилось опорой для смелого миропонимания без Бога.

Еще в 1814 г., будучи ректором Академии, Филарет по просьбе министра народного просвещения графа А. К. Разумовского просмотрел присланный ему третий сборник «Трудов Общества любителей российской словесности». Его внимание не могла не привлечь большая статья под названием «Разбор и объяснение Псалма ХLI; с кратким примечанием о характере Давида как творца псалмов», ²² принадлежащая перу профессора Московского университета М. Г. Гаврилова, занимавшего кафедру славянской словесности. В ответном письме к графу от 29 мая 1814 г. архимандрит Филарет возмущался тем, что автор «показывает в Давиде стихотворца и совсем уничтожает в нем пророка... описывает его как творца пастушеских, героических и печальных од». Характерно, что Филарет, человек широких взглядов и разносторонне образованный, вовсе не отрицает, что псалмы можно рассматривать с филологических позиций как стихотворения, «примечать совершенства слова человеческого» в них. Истина извращается, когда подобный анализ выдается за исчерпывающий, и, таким образом,

¹⁷ Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. СПб., 1885. Т. 1. № 119. С. 408.

¹⁸ Там же. Т. 2. № 172. С. 142.

¹⁹ Там же. Т. 3. № 370. С. 477.

²⁰ Сушков Н. В. Указ. соч. С. 130.

²¹ См.: Котович А. Н. Духовная цензура в России (1799—1855 гг.). СПб., 1909. С. 558—559.

²² Труды Общества любителей российской словесности. М., 1812. Ч. 3 (Отд. 2). С. 3—29.

возбуждаются сомнения в богодухновенности псалмов, а их создатель отождествляется с каким-нибудь светским сочинителем, в то время как Давид, подчеркивает Филарет, «в отношении к духу псалмов был орудием токмо Св. Духа».²³

В таких комментариях к священным книгам архимандрит Филарет усмотрел влияние протестантских богословов — «немецких лжеистолкователей Библии». Исправляя другие погрешности и даже фактические ошибки статьи, он высказывает сожаление, «чтобы соотечественники не так торопливо перенимали иностранные моды в учености, как моды в платье!».²⁴ Справедливость своих недоумений духовный критик подтверждает, ссылаясь на здоровое религиозное чувство, хранимое народной душой: «Если бы простому доброму христианину сказали, что у нас в церкви, во время богослужения, читают героические оды и элегии еврейские, — он, верно, сотворил бы молитву».²⁵

Все большая популярность в обществе поверхностно-либеральных идей секуляризованной культуры, помирщения разных областей жизни требовала и строгой охранительной политики. Хотя митрополит Филарет никогда не полагался на внешние, запретительные меры, его участие в работе Комиссии по разработке цензурных уставов 1828 г., судя по всему, было решающим.²⁶ Духовная цензура, получив право контролировать печатные издания, заняла подобающее ей место судьи русской умственной жизни. Важна и опека Церкви над системой просвещения. В современном исследовании отмечается: «Школьные программы и учебники утверждались, как правило, после одобрения их московским митрополитом Филаретом».²⁷

В истории России первая треть XIX в. ознаменовалась трудным ростом национального, религиозного самосознания, которому особенно способствовали своим творчеством Карамзин и Пушкин. Интересно, что в это же время митрополит Филарет видел очередную задачу нашей культуры в создании своей философской традиции. Камень веры должен лечь в основание здания самобытной русской философии, которая в свою очередь призвана доказывать религиозные истины, считал святитель.

Он высоко оценил в свое время (в 1818 г.) намерение профессора Московской Духовной академии Василия Кутневича «подружить философию с откровенною религиею и чрез исследования первой уготовить путь сей последней».²⁸ Через двадцать лет, при очередной ревизии Академии, митрополит Филарет особо отмечал труды преемника В. И. Кутневича по кафедре, протоиерея Ф. А. Голубинского, чьи «философские занятия, — по словам святителя, — одушевляются любовию к христианству», и потому ими «пролагается путь к познаниям из Откровения Божественного, и скромная философия становится служительницею истинной религии».²⁹ Именно в этом направлении шли поиски как представителей духовно-академической науки, начиная с основоположника русского философского теизма о. Ф. А. Голубинского и его ученика В. Д. Кудрявцева-Платонова, так и светских религиозных мыслителей — И. В. Киреевского, А. С. Хомякова, Ф. М. Достоевского и других.

²³ Материалы для биографии Филарета, Митрополита Московского // Чтения в Московском Обществе любителей духовного просвещения. М., 1869. Кн. 8 (Отд. 2). С. 27.

²⁴ Там же. С. 26, 30.

²⁵ Там же. С. 28.

²⁶ См.: Котович А. Н. Указ. соч. С. 120—122.

²⁷ Лялина Г. С. Цензурная политика Церкви в XIX—начале XX в. // Русское православие: Веки истории. М., 1989. С. 467.

²⁸ Собрание мнений и отзывов Филарета... С. 408.

²⁹ Там же. Т. 2. № 232. С. 414, 418.

В одной из лучших своих проповедей («Слово в день Благовещения Пресвятой Богородицы», 1835), обличая самодовольное свободомыслие светской культуры, оторвавшейся от религиозных корней и уповающей не на Откровение свыше, а только на силу человеческого разума, митрополит Филарет отмечал: «Поистине, довольно печальных опытов для удостоверения, что самоспасение человечества естественными средствами и усилиями разума есть не более как мечтание и болезненный бред духовно недугующего человечества. Лучший и действительно спасительный подвиг разума человеческого может состоять только в том, чтобы... предать себя в благодородный плен, в свободное послушание вере в Бога, являшагося во плоти».³⁰

Преодоление автономности мирской культуры, мятежной независимости ее от Источника жизни и постепенная христианизация, преобразование небесными идеалами ее земного состава — такой завет оставил нам в наследство великий святитель, один из самых напряженных периодов деятельности которого приходился на золотой век русской культуры — пушкинское время.

---

³⁰ Сочинения Филарета, Митрополита Московского и Коломенского. Слова и Речи: 1826—1836. М., 1877. Т. 3. С. 346.

А. П. Дмитриев

ДУХОВНЫЕ ПАСТЫРИ XIX в. О А. С. ПУШКИНЕ

У современных Пушкину пастырей Церкви было достаточно причин для настороженного и подчас неприязненного отношения к поэту. Его эпиграммы на А. Н. Голицына, архимандрита Фотия, духовного писателя А. С. Стурдзу совершенно беспощадны в своем сатирическом задоре. Петербургский митрополит Серафим (С. В. Глаголевский) через 5 лет после дела о «Гавриилиаде» не мог простить Пушкину этого кощунственного произведения, — при выборах поэта в Российскую Академию он был единственным, кто проголосовал против его избрания.

Но дело не только в произведениях, проникнутых вольтерьянским духом. Как известно, святые отцы весьма осторожно относились к художественному творчеству вообще и, если признавали благотворность чтения языческих писателей, в частности Гомера,¹ все же видели в искусстве немалый соблазн для слабой человеческой души, не способной без Божией помощи противостоять прелести рукотворной красоты. Упоение ею отвлекает, рассеивает зачарованную душу, забывающую о Боге, и притупляет нравственное чувство человека.² В то же время гениальность Пушкина, его необычайная одаренность были явственны уже при жизни поэта. В дальнейшем священники, служа панихиды по рабу Божию Александру, нередко начинали проповеди с упоминания евангельской притчи о талантах, и Пушкин представлялся «человеком наиболее наделенным высшими небесными дарами»,³

---

¹ См.: Дроздов Н. М. К вопросу о религиозно-нравственном значении классической системы образования // Труды Киевской Духовной академии. 1895. Т. 1, март (отд. 2). С. 257.

² См., например: Преосвященный Виссарион, епископ Костромской. Ложные мнения о просвещении и воспитании народа // Душеполезное чтение. 1899. Ч. 3. № 12. С. 632—633.

³ Иванцов-Платонов А. М., протоиерей. Речь при поминании А. С. Пушкина в пятидесятилетнюю годовщину его кончины // Православное обозрение. 1887. Т. 1 (январь). С. 200.

который «не зарыл в землю талантов, данных ему от Бога, а употребил их на то самое дело, на которое был избран».⁴

Однако существовал и противоположный взгляд. Безвестный оптинский насельник, скорее всего иеромонах Евфимий (Трунов), размышляя о назначении писательского дара, в дневнике 1857 г. пишет, обращаясь к Богу: «...божественный талант... вручается Тобою Твоему избраннику не для самоуслаждения себялюбивой человеческой гордости, не для скорогибнущей земной славы, а для славы Святейшего Имени Твоего... Привести и соблюсти Христу во всей полноте любви Его душу христианскую — вот единственная задача христианского писателя, вот истинное употребление доверенного ему таланта».⁵ Пушкин и Лермонтов, в отличие от Гоголя, по мнению духовного критика, не поняли истинного назначения христианского писателя и великим даром Божиим распорядились несправедливо.⁶

Религиозная проблема Пушкина уже в XIX в. имела немалую литературу. У сторонников различных точек зрения накопилось много аргументов. Не вдаваясь в подробности споров, отметим, что нам ближе взвешенный, трезвый подход к этой проблеме известного духовного оратора и богослова архиепископа Херсонского и Одесского Никанора (А. И. Бровковича), который в 1887 г. так писал о поэте: «...был он двойственный человек, плотской, душевный и духовный. Служил он больше плоти, но не мог заглушить в себе и своего богато одаренного духа. Глубоко постигал он неверие и веру, и не только постигал, но и чувствовал, вмещая в себе и то и другое».⁷

С такой оценкой Пушкина перекликается сравнительно недавно опубликованный отзыв епископа Игнатия (Д. А. Брянчанинова) о «Евгении Онегине». Святитель, обладавший незаурядным словесным даром, в 1849 г. публикует повесть из Священной Истории «Иосиф» и разъясняет в предисловии свой замысел. Он задается вопросом: изобразив в Онегине эгоиста, произвел ли Пушкин в своих читателях «отвращение от эгоизма»? И сам же отвечает: «Сомнительно... Должно быть, большая часть юных читателей заразилась ядом эгоизма!.. По образцам порока портится человек, по образцам добродетели исправляется».⁸ В противовес книгам вредным, возмущающим не истиной, а увлечением и обольщением, духовный писатель предлагает свою повесть о библейском Иосифе, научающую подлинному благочестию.

Но в этом святитель Игнатий шел по стопам своего великого современника митрополита Московского Филарета (В. М. Дроздова), знаменитого блюстителя чистоты православной святости. За несколько месяцев до выхода в свет книжки «Библиотеки для чтения» с повестью «Иосиф» в 1848 г. в журнале «Звездочка» был опубликован поэтический отклик Филарета на пушкинское стихотворение «Дар напрасный, дар случайный...».⁹ Стихи были написаны поэтом еще в 1828 г., во время творческого кризиса, опубликованы же были только в «Северных цветах» на 1830 г. Вскоре

⁴ Слова и речи Макария, Митрополита Московского, произнесенные в Московской епархии в 1879—1882 гг. СПб., 1890. С. 81.

⁵ *Нилус С. А.* Святость под спудом // Тайны Православного монашеского духа. Форест-вилль. 1977. С. 215.

⁶ Там же. С. 113.

⁷ Из беседы преосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского, при поминовении раба Божия Александра (поэта Пушкина) // Душеполезное чтение. 1899. Ч. 2. № 5. С. 117.

⁸ Богословские труды: Вып. 6. М., 1971. С. 233.

⁹ Маяк. 1840. Ч. 10. Стихотворное послание московского первосвятителя, правда без указания на авторство Филарета, включил в одну из своих статей 1840 г. С. А. Бурачок.

поэт, неожиданно для себя, знакомится со стихами митрополита Филарета. В письме своему верному другу и восторженной почитательнице святителя Е. М. Хитрово он восклицает: «Стихи христианина, русского епископа, в ответ на скептические куплеты! — это, право, большая удача!» (X, 630). Судя по всему, в этом светском по тону письме Пушкин не лукавит: едва ли он придавал большое значение трем четверостишиям, написанным 26 мая, в день своего рождения, в минуту уныния и хандры. Эстетически совершенное, стихотворение с христианской точки зрения таило немалый соблазн, было поэтически греховным, обольстительным.

Поэт обращается с упреками к Богу, выражает своевольное несогласие с Предвечными Планами, вынуждающими его жить и страдать, подчиняться неведомой ему воле, и — более того — прямо обвиняет Бога в своих душевных страстях, умственных сомнениях и колебаниях:

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

(III, 59)

Стихи Филарета виртуозны по исполнению: сохранив ритм, строфику, лексику, даже рифмы пушкинского стихотворения, святитель вкладывает в уста лирического героя совершенно противоположные по смыслу слова, часто пользуясь простым отрицанием. И получается, что пушкинские укорины и обличения Бога в немилосердии и враждебности полны антихристианского духа гордыни. А в стихах Филарета исповедуется полная покорность Божьей воле даже в страданиях, безусловное подчинение этой тайной воле. Во зле, волнующем душу страстью, а ум сомненьем, лирический герой винит только себя:

Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал...¹⁰

И корень этого зла виден духовному взору кающегося христианина: он в забвении Бога, в гордом пренебрежении Его помощью слабым человеком, не способным совладать в одиночку с греховными помыслами. Излечивает и спасает молитвенное призывание Божьего Имени, сокрушенная просьба о помощи:

Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум —
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светел ум.

Цель земного странствия (у Пушкина: «Цели нет передо мною...») указана Христовой Церковью, это — спасение души на пути к свету Истины, к Господу.

Такое вразумление со стороны главного церковного авторитета, которого еще при жизни называли «великим святителем»,¹¹ особенно примечательно, если вспомнить, как суров был митрополит к светской культуре: примерно в это же время он не позволил архимандриту Феодору (А. М. Бухареву), которому, впрочем, покровительствовал, опубликовать книгу в защиту гоголевских «Выбранных мест из переписки с друзьями», так как, видимо,

¹⁰ Митрополит Филарет и А. С. Пушкин // Душеполезное чтение. 1899. Ч. 2. № 6. С. 299.

¹¹ *Нилус С. А.* Указ. соч. С. 295.

не считал взгляды писателя вполне православными. Митрополит Антоний (А. П. Храповицкий) писал, что «Пушкин силою своего светлого ума и благожелательного чувства... находит дорогу даже в довольно черствое сердце покойного митрополита Филарета».¹²

Любопытно, что на это же стихотворение Пушкина существует и менее известный отзыв другого духовного лица, а именно уже упомянутого архимандрита Феодора. В ранней редакции своего богословского труда «Исследования Апокалипсиса» (1854), цитируя пушкинские стихи, он усматривает источник хулы поэта на Бога в испытанных Пушкиным соблазнах одностороннего западноевропейского образования, в «обольщении верой в плотский разум, вместо преданности духу Христову».¹³

По просьбе Е. М. Хитрово, которая была для поэта добрым ангелом-покровителем и «храбро сражалась за его литературную репутацию»,¹⁴ в январе 1830 г. Пушкин пишет знаменитые стансы митрополиту Филарету «В часы забав иль праздной скуки...». Это, по определению Вяч. Иванова, — «мелодическая палинодия», «торжественное и смиренное опровержение своей хулы».¹⁵

Поэт исповедуется в юношеских прегрешениях — неподобающем использовании своей божественной лиры для легкого, остроумного стихотворчества, которое сам же характеризует как «изнеженные звуки безумства, лени и страстей».¹⁶ «Звуки безумства», — это, видимо, о «Гавриилиаде», его «главном поэтическом грехе».¹⁷ Своего авторства он стыдился и, по свидетельству современника, «глубоко горевал и сердился при всяком, даже нечаянном напоминании об этой прелестной пакости».¹⁸ С. Л. Франк в статье «Религиозность Пушкина» (1933) объяснял кощунства поэта своеобразным юродством, тем, что «в нем был... какой-то чисто русский задор цинизма, типично русская форма целомудрия и духовной стыдливости, скрывающая чистейшие и глубочайшие переживания под маской напускного озорства».¹⁹

Однако Пушкин и здесь, и в других своих лучших элегиях оправдания себе не видит. Настроения беспощадного самобичевания и раскаяния, по мнению епископа Антония, преобладают в его творчестве, и потому святитель даже называл Пушкина моралистом: «Мысль эта для многих покажется невероятной, но смотрите, где Пушкин был более великим поэтом, как не в исповедании своих разочарований, своего раскаяния».²⁰ В прекрасном метафорическом образе «чистого елеса» пастырского увещания и вразумления, врачующего «раны совести», раскрывает поэт свое отношение к церковному благочестию, — отношение, проникнутое смиренномудрием и благоговением перед святостью.

Известно, что к личности Филарета как общественного деятеля Пушкин относился неоднозначно. Тем дороже искренность поэтического признания: кающийся поэт чистосердечно благодарит пастыря, «с высоты духовной»

¹² Митрополит Антоний (А. П. Храповицкий). О Пушкине. М., 1991. С. 25.

¹³ Цит. по: Белоруков А. М., священник. Внутренний перелом в жизни А. М. Бухарева (архимандрита Феодора) // Богословский вестник. 1915. Октябрь — декабрь. С. 804.

¹⁴ Семья Хитрово — Фикельмон // Друзья Пушкина: Переписка. Воспоминания. Дневники: В 2-х тт. М., 1985. Т. 2. С. 417.

¹⁵ Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 256.

¹⁶ Соловьев В. С. Литературная критика. М., 1990. С. 188.

¹⁷ Пушкин в русской философской критике. С. 292.

¹⁸ Письмо С. А. Соболевского к М. Н. Лонгинову от 1885 г. // Вересаев В. В. Собр. соч.: В 4-х тт. М., 1990. Т. 2. С. 446.

¹⁹ Пушкин в русской философской критике. С. 382.

²⁰ Митрополит Антоний (А. П. Храповицкий). Указ. соч. С. 8.

простирающего ему руку помощи, являясь посредником между грешным человеком и Господом. Душа поэта, даже объятая духом праздности и уныния, очищаясь в огне Слова Божьего, способна с радостью отвергнуть «мрак земных сует» и прервать «струны лукавой... звон». И путь к Богу, духовному возрождению лежит для Пушкина, как для истинно православного христианина, только через Церковь и содействие ее служителей. Да и понимание истинного пути, по Пушкину, нельзя обрести только собственными усилиями, без поддержки Церкви.

Между прочим, вполне вероятно, что и позднейшее переложение великопостной молитвы преподобного Ефрема Сирина — шедевр «Отцы пустынники и жены непорочны» — навеяно воспоминанием о заочном поэтическом общении с митрополитом Филаретом. Начало преображенной поэтом молитвы — «дух праздности унылой» — соотносится с первой строкой ответа Филарету: «в часы... праздной скуки». Любимой молитвой Пушкина оказывается столь много говорящая русскому православному сердцу молитва, которая повторяется в церкви с многочисленными земными поклонами и в которой «христианином испрашивается полнота добродетелей».²¹

Вызывают недоумение попытки атеистической критики даже в этом, одухотворенном Священным Преданием стихотворении увидеть рассказ «об общечеловеческих пороках и добродетелях, которым церковь традиционно придает религиозный смысл».²² Поэт и здесь смиренно исповедовался и с молитвой прибегал к помощи Церкви, освящающей именно христианскую нравственность, отнюдь не являющуюся плодом какой-то абстрактной мудрости всего человечества. Проникнутая духом святости церковная молитва помогает Пушкину, все более укрепляющемуся в вере, преодолевать то невыносимое ощущение творческого кризиса, «праздной скуки», безысходной тоски, — одним словом, помогает отрешиться от демона уныния.

Духовные пастыри с печалью отзывались о «горестном конце»²³ Пушкина, не сумевшего преодолеть гордыню, погибшего самоубийцей и пожелавшего сделатья убийцей.²⁴ Но с радостью отмечали, что по особой милости Божией к русскому гению поэт сподобился предсмертного покаяния и Святого Таинства причащения. И, пройдя через горнило предсмертных страданий, удостоился — легко в это верить — духовного просветления, «катарсиса», по слову отца Сергия Булгакова, писавшего, что кончина Пушкина озарена потусторонним светом. «Она является разрешительным аккордом в его духовной трагедии...».²⁵ Один из крупнейших православных духовных писателей нашего столетия архимандрит Константин (К. И. Зайцев) подчеркивал: «То, что мог так посягать Пушкин перед тем, как угаснуть, свидетельствует лишь о какой-то особой, именно духовной, ценности и его земного делания».²⁶

Следует отметить, что впоследствии, когда выяснилось значение Пушкина для русской культуры и на всю Россию прозвучала «Речь о Пушкине» Ф. М. Достоевского (1880), ее излишнюю восторженность и «слишком розовый оттенок, вносимый в христианство г. Достоевским»,²⁷ подвергли критике не только К. Н. Леонтьев и К. П. Победоносцев.

²¹ Там же. С. 10.

²² *Марьянов Б. М.* Крушение легенды: Против клерикальных фальсификаций творчества А. С. Пушкина. Л., 1985. С. 116.

²³ *Нилус С. А.* Указ. соч. С. 112.

²⁴ Из беседы преосвященного Никанора... С. 134.

²⁵ Пушкин в русской философской критике. С. 289.

²⁶ *Архимандрит Константин.* Жив ли Пушкин? // Москва. 1992. № 2—4. С. 4.

²⁷ *Леонтьев К. Н.* О всемирной любви, по поводу речи Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике // О Достоевском: Сб. ст. М., 1990. С. 23.

Любопытна реплика архиепископа Никанора в «Слове» 1887 г. о Татьяне Лариной: «Не говорите о высокой нравственности даже известного пушкинского идеала женщины: бедная, жалости сердца достойная! Состоя в супружестве, она всею душою, сердцем и помыслами принадлежит предмету своей страсти, сохраняя до сей минуты для мужа верность только внешнюю, о которой сама отзывается с очень маленьким уважением, чуть ли не с пренебрежением. Где же тут высоконравственный христианский брак?». ²⁸ Преосвященный Никанор делится и своим наблюдением о роковой роли поэта в русской литературе: «Посмотрите, до него все наши лучшие писатели: Ломоносов, Державин, Карамзин, Жуковский — были истинные христиане. С него же, наоборот, лучшие писатели стали прямо и открыто совращаться в язычество, каковые Белинский, Тургенев, граф Лев Толстой». ²⁹

Таким образом, лучшие служители Церкви, обращаясь к светлой памяти Пушкина, не наводили хрестоматийный глянец, а способствовали углубленному представлению о его творчестве, освещая его с точки зрения христианской Истины. Этот подход пастырей, выясняющих прежде всего, что приносит душе произведение искусства — духовную пользу или вред, ведет к Богу или отвлекает, отвращает от Него, — сегодня кажется особенно плодотворным.

Духовные писатели часто говорили о Пушкине в свете евангельской притчи о блудном сыне, чему поэт сам дал повод в стихотворении «Воспоминания в Царском Селе» (1829). И радовались, что глубокий нравственный переворот, совершавшийся в поэте в последние годы, привел к тому, что он «умер христианином, примиренным со Христом и Церковью». ³⁰ Более того, архимандрит Константин прозорливо писал, что судьба России зависит от того, сможет ли она «воспринять урок его смерти»: «Святая Вера, во всей ее простоте, вера отцов и дедов, обретаемая в Церкви православной, в ее благодатных таинствах, в ее учении, — вот где прибежище, где спасение». ³¹

²⁸ Из беседы преосвященного Никанора... С. 112.

²⁹ Там же. С. 134.

³⁰ Там же. С. 133.

³¹ *Архимандрит Константин*. Указ. соч. С. 7.

М. А. Дмитриева

УЧЕНИК И ОППОНЕНТ ВЛАДЫКИ ФИЛАРЕТА

Слова Божия, Слова истинного про-
шу себе свыше, и всем желаю, и во всех
словах ищу и вем Слово сие и учение, кое
от Бога...

Архимандрит Юрьевский Фотий
(Спасский)¹

1

До сих пор личность священноархимандрита Юрьевского Фотия (Спасского) остается загадкой. Эпиграммы А. С. Пушкина, роман Д. С. Мережковского «Александр I» рисуют образ карикатурный. Искусительный дух

¹ Письма архимандрита Новгородского Юрьева монастыря Фотия к Иннокентию, архиепископу Херсонскому // Христианское чтение. 1887. Т. 1. С. 745.

времени, увлекший обоих авторов, искажил черты святого мужа. Биографы о. Фотия С. Миропольский, К. Попов, Е. Карнович вряд ли могли оценить его как особу духовную, как глубинного монаха: достаточно сказать, что в 1878 г., судя по работе Миропольского, невидимую брань в России называли «суеверием» и «галлюцинацией».²

Архимандрит Фотий — тайна, и познать ее можно только через трагизм александровской эпохи, когда в Россию, окровавленную после войны 1812 г. и нашедшую еще в себе силы освободить Европу от ига французов, потянулись представители различных сект, чтобы поколебать ее православную веру и разрушить ее государственный строй.

В 1820 г. о. Фотий посылает государю Александру I план, «как можно избежать в России революцию тихо и счастливо». Нам ли, бедным, живущим в постреволюционное время, называть архимандрита Фотия «навязчивым харизматиком»? Он хотел вдохнуть Дух Божий в официальную, синодальную Церковь. Он восстановил из пепла — при бескорыстном вспомоществовании своей духовной дочери графини А. А. Орловой-Чесменской — три чудных обители: Деревянницкую, Сквородскую и Юрьев монастырь. Только непрестанной молитвой, только монастырями можно было облегчить положение России.

Словесное творчество архимандрита Фотия в александровское время достойно благоговейного удивления. Он пишет так, как тогда уже не писали. Через него словно вопиет забывтая древнерусская книжная традиция. «Кроме Библии и святых отцов ничего не читаю», — говорил он преосвященному Иннокентию, духовному своему отцу. В сочинениях о. Фотия нет и следа западной схоластики, словно и не существовала в России старопротестантская школа богословия. С детства полюбивший мир житий, где каждое событие имеет знак вечности, о. Фотий был дорогим кладезем незамутненного православного учения.

Подобно древним авторам, архимандрит Фотий пишет словно по духовному наитию, не переделывая своих сочинений. Ему не дорого авторство. «Едина моя мольба буде, что когда ты восхочешь издать, николи не моги явно от имени моего, и никому не говори, что мое, даже на словах», — просит он архиепископа Херсонского Иннокентия.³ Фотий пишет на том языке, на котором служит, на котором молится Богу. Такая цельность свойственна только высокодуховным людям. «Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою». Иногда сочинения о. Фотия кончаются жаркими молитвами. Тонкие переливы монашеского настроения соединяют отрывки из псалмов, молитву Святому Духу, великопостную молитву Ефрема Сирина. Господь — незримый свидетель и адресат всех его писаний: «Ты знаешь слезы мои и воздыхание мое слышишь, яко Тебя ради скорблю, стражду. Тебе предаюся, Тя благодаря и Тебя молю, о Господи, помози мне!».

Господь дал о. Фотию глубокий поэтический слух, тонкое филологическое чутье. Огромное количество в его сочинениях по памяти приведенных, искусно сплетенных цитат из Псалтири показывает живое сочувствие к Слову Божию. В текстах его сочинений часто встречаются ритмические вариации, примеры гомеотелевта. О. Фотий тяготеет к торжественному стилю «плетения словес», уподобляясь Св. Кириллу Белозерскому и Св. Епифанию Премудрому. «Чистота в руках человек с Ангелами со вселяет и ликовать и радоваться сотворяет. Чистота в руках легкости не

² Вестник Европы. 1878. Кн. 11—12. С. 611.

³ Письма архимандрита Новгородского... С. 732.

имеет и изнеможение прогоняет. Что ты нареку, о сокровище драгое! Рай еси ты сладости внутри, ладия, немогущая среди самого бурного моря бед потопиться».⁴

Сочинения о. Фотия различны по жанрам: автобиография, проповеди, письма, послания к духовной дочери Анне Орловой. Для братии Юрьева монастыря о. Фотий писал акафисты и каноны, — они бесследно потеряны. Существовали еще фотиевский катехизис «Оглашение веры» и маленькая книжечка «Похвала Пресвятой Богородице». Всего насчитывалось восемь томов фотиевских сочинений и бумаг. «Что на пользу усмотришь, прими, а что не на пользу, не осуди, не все нам бывает угодно, что другим. Всякий имеет свое по себе от Бога данное», — писал архимандрит Фотий, обращаясь к графине Анне и к будущим своим читателям.

Уже первые его проповеди обратили на себя внимание преосвященного Иннокентия (Смирнова), ректора Санкт-Петербургской семинарии. Они назывались так: «О будущем единении в Боге верных» и «В чем состоит смерть души нашей».

«Назначит ли духовное начальство о. Фотию произнести торжественное слово учительное в Казанском соборе всенародно, то он всегда старался противу духу времени составить, за что любим был от многих православных», — чистосердечно пишет о. Фотий в автобиографии.⁵ Он говорит о себе в третьем лице. Как автор, он отстраняется от своего «героя», ориентируясь на житийную традицию. Не себя видит Святым, а монашество для него свято. Двадцативосьмилетний «старый ратоборец» (так Фотий называл себя) подчеркивает не собственную индивидуальность, а власть «служителя алтаря Божию».

«Все было оригинально в его словах, начиная с образа выражения и кончая временем произнесения — на Всенощной, в то время как в столице и после Божественной Литургии говорили во многих церквах вяло и немного», — вспоминает о Фотии современник.⁶ «А при дворе проповедь совсем вывели», — добавил бы сам Фотий.

В 1838 г. в третье воскресенье Великого поста в Юрьевском Новгородском монастыре наблюдалось огромное стечение народа. В холодном Георгиевском храме отпевали священноархимандрита Фотия, умершего от крайнего физического истощения молитвенных трудов ради — в начале Крестопоклонной седмицы. Ему было 46 лет.

2

Они были знакомы лично. Преосвященный Филарет принимал у Фотия (тогда семинариста Петра Спасского) вступительные экзамены в Духовную академию. «Как Ангел, радуясь, смотрел на Петра, выслушивал длинные ответы, сделал три замечания, против имени его крестик поставив».⁷ В дальнейшем Филарет Петра привечал. И Петр слушал Филарета с восхищением: «Безумное было бы дело, если бы он без внимания оставил бы такого человека и не замечал за ним ничего, коему дивились сонмы ученых и коего слава оглашала все государство».⁸

⁴ Послания священноархимандрита Фотия к духовной дочери его девице Анне. М., 1881. Т. 2.

⁵ Автобиография священноархимандрита Фотия Юрьевского Спасского // Русская старина. 1894. Июль. С. 186.

⁶ Труды Киевской Духовной академии. 1875. Т. 1. С. 726.

⁷ Русская старина. 1894. Май. С. 92.

⁸ Там же.

В «Автобиографии» Фотий передает словесный портрет Филарета того времени: «Росту среднего, смугл видом. Власы средние, темнорусые. Браду имел долгу. Лицом всегда светел. У него были глаза острые, пронизательные, вид постен, строг и приятен, поступь не скорая, важная. Голос тих, тонок, но ясен».⁹ «Лично было известно Фотию, что Филарет весьма сердоболен, милостив: и когда Фотий по состоянию здоровья не мог более учиться в Академии (у него были слабые легкие), Филарет доставил ему средства для небольшого отпуска в доме родительском и место учителя при Александро-Невском училище: „Не хочу тебя, Петр Спасский, из виду упускать, будешь в моих очах, и я в тебе имею надежду добрую”».¹⁰

Последующие события, связанные с возникновением в России Библейского общества, Фотия и Филарета внутренне разлучили, они подошли к этому начинанию с разных сторон. Филарет знал, что «самое желание читать священные книги является залогом нравственного улучшения», потому и взял на себя подвиг перевода Священного Писания на русский язык. Фотий в Библейском обществе видел «заведение иностранное и для иностранцев»,¹¹ так как создали его в России английские методисты. Он усматривал здесь «предлог к распространению всемирной библейской религии к всеобщей пагубе и возмущению»,¹² потому и в переводе Священного Писания видел только трагическую сторону — уход от богослужебного, богоблагодатного языка, а не меру, предпринятую для лучшего понимания церковнославянского текста. «От уст его (Филарета. — М. Д.) никогда ни единого слова не слышал напротив веры православной, напротив Церкви Восточной Христовой, — говорил Фотий о Филарете, — но жаль просвещенного мужа, просветителя учебных заведений, — он сам виною помрачения славы земной, — он заседал в деле перевода Священного Писания на простое русское наречие. Как можно было склониться Филарету на мнение и дело людей мирских (Лабзина, Попова), недостойных у него сапога снимать. Подписавшие перевод Нового Завета все, кроме Филарета, преосвященные, неискусны были в знании языков, слабы верою и житием, все могли по неведению своему. Филарет не мог этого сделать: у него каждое слово имело вес и силу в простой беседе».¹³

На отношения Фотия и Филарета повлияла также трагическая судьба епископа Иннокентия (Смирнова), открыто вступившего в борьбу против «духа времени». Пропустив в качестве цензора книгу Станевича «Разговор о бессмертии души над гробом младенца», осуждающую идеи «универсального христианства», Иннокентий был выслан в Пензу, где через шесть недель почил во Господе, охваченный тревогой за судьбу русского православия.

В годы студенчества Фотий равно ценил Иннокентия и Филарета. О них он отзывался так: «Как два светильника в очах Петра всегда были живые, всегда с благоговением само их имя воспоминал... почитал их как властей от Бога данных поставленных во всей силе». Правда, Фотий замечал, что «в Филарете ценил глубину, таинственный смысл и знания, в Иннокентии — ревность и любовь к Богу».¹⁴ Различие позиций своих наставников по отношению к «духу времени» заставило Фотия сделать выбор. Его горячий, порывистой натуре было ближе исповедничество Иннокентия. Он сам был готов «претерпеть за правду всякое гонение».

⁹ Там же. С. 97.

¹⁰ Там же. С. 99.

¹¹ Русская старина. 1896. Июль. С. 184.

¹² Там же. С. 185.

¹³ Труды Киевской Духовной академии. С. 714.

¹⁴ Там же. С. 706.

Последующие отклики Фотия о Филарете носят уже печать резкости: «Он (Филарет. — М. Д.) написал книжицу „Разговор между испытуемым и уверенным в духе неправославном”,¹⁵ советуя каждому оставаться в той вере, в которой родился. Перевод Священного Писания со своими учениками новотворил, для повсеместного распространения своего духа приуменьшил катехизис, пространный и краткий, в котором Символ веры, заповеди Господни и молитва изложены на простом языке».¹⁶

Будущая архивная работа еще прольет свет на взаимоотношения архимандрита Фотия (Спасского) и митрополита Филарета (Дроздова) — двух столпов церковной жизни XIX в. Мы же позволим себе заметить, что их нужно считать представителями разных духовных школ, мужами отличных друг от друга мироощущений.

«Речь внятная, говорит высоко, премудро, но более к уму, нежели к сердцу», — заметил Фотий о Филарете, указывая на главенствующую между ними разницу.¹⁷ Филарет в монашестве любил ученость. И сам был мужем классически образованным. «В наше время, — говорил он, — когда люди более прежнего стараются усилить мысленную деятельность, — особенно нужно воззвать их к размышлению основательному, возвышенному, благочестивому».¹⁸ «Богословие рассуждения», — был любимый оборот его речи.¹⁹

Фотий ученым монахом себя не считал и к тому не стремился. Суровый крестьянский быт, окружавший его в доме родительском, устремил его душу к практическому познанию Божией истины. В письме к Д. А. Державиной, сетовавшей, что русское духовенство — «не Фенелоны», говорил он о сердце, Богу открытом, и в этом усматривал главное. А иначе и «от слова Божия бывает слово сочинено, собрано, сплетено и на основании Пророк и Апостол, но не слово Божие».²⁰

Митрополит Филарет в мистических исканиях своей эпохи видел «живую религиозную потребность», «жажду духовного просвещения»; Фотий придерживался здесь позиции аскетической: «Бред духов злобы поднебесной», — отзывался он о сочинениях Экартсгаузена, Штиллинга и Арндта. «Почему „Путь ко Христу”, — говорил он об известной книге Я. Бёме, — когда Сам Христос есть Путь, Истина и Жизнь».²¹

12 апреля 1826 г. деятельность Библейского общества была приостановлена усилиями митрополита Серафима (Глаголевского), адмирала А. С. Шишкова и самого Фотия. Ими было доказано, что, кроме русского перевода Священного Писания, покровительством князя А. Н. Голицына, общество распространяет иностранную мистическую литературу. И вот, когда тучи рассеялись и православие торжествовало, архимандрит Фотий захотел помириться со своим прежним наставником. Чувство смирения перед владыкой Филаретом вспыхнуло в его душе.

«Благоденствия твои на меня на всякое время имели влияние и к тебе тайне согривали сердце не редко», — напишет он Филарету 23 декабря 1827 г.²² А в ноябре 1837 г., почти перед самой смертью, он скажет так:

---

¹⁵ Пристрастное и негативное отношение к митрополиту Филарету заставило архимандрита Фотия намеренно исказить название его книги «Разговор между испытуемым и уверенным о православии Восточной Греко-Российской Церкви», написанной в 1815 г.

¹⁶ Труды Киевской Духовной академии. С. 785.

¹⁷ Русская старина. 1894. Май. С. 92.

¹⁸ *Зарницкий Л.* Филарет как проповедник. СПб., 1898. С. 15.

¹⁹ *Протоиерей Г. Флоровский.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 172.

²⁰ Христианское чтение. 1887. Т. 1. С. 45.

²¹ Русская старина. 1894. Май. С. 105.

²² Труды Киевской Духовной академии. С. 805.

«Я за знамение Божией благодати полагаю в том, кто из москвичей по Бозе своего пастыря, наставника и учителя Филарета почитает, по Бозе истинно слушает. Я об одном молю, дабы быть ему во Святых».²³

²³ Там же. С. 806.

В. В. Акимов

«СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ ВО ВРЕМЯ БЕССОННИЦЫ» (этап религиозного развития поэта)

Осенью 1830 г. Пушкин покинул Москву и направился в Нижегородскую губернию. Он ехал в родовое имение отца, чтобы принять во владение ту часть, которую выделил ему Сергей Львович по случаю предстоящей женитьбы. Ехал не в предвкушении будущего семейного счастья, а в душевном смятении, — между ним и его будущей тещей произошел конфликт, так что намечавшееся бракосочетание могло быть отложено на неопределенный срок. «Я уезжаю, рассорившись с г-жой Гончаровой, — писал поэт княгине В. Ф. Вяземской. — Не знаю еще, расстроилась ли моя женитьба, но повод для этого налицо, и я оставил дверь открытой настезь» (X, 644).

Своему предприятию Пушкин предполагал посвятить две-три недели, но обстоятельства вынудили его пробыть в Болдине три месяца: началась холера. «Я живу в деревне как в острове, окруженный карантинами», — читаем в письме, адресованном барону А. А. Дельвигу (X, 245). К зыбкости, неуверенности в своем положении, к неприятной изоляции от внешнего мира, сравнимой с тюремным заключением, присоединились и переживания, связанные с боязнью за здоровье и саму жизнь будущей жены, от которой в самый тяжелый период болдинского заточения он не получал писем. «Я совсем потерял мужество», — этот мотив звучит рефреном во многих пушкинских письмах той поры.

Подобное состояние неустойчивости и внутреннего волнения могло привести в тупое, бездеятельное отчаяние посредственную личность, для Пушкина же оно явилось благодатным: он словно пробудился к возвышенным мыслям и глубоким переживаниям. В Болдине «Пушкин предался творчеству с жаром и постоянством, которые поистине могут привести в изумление».¹ «Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал», — признавался поэт П. А. Плетневу (X, 252). Предчувствие такого плодотворного периода было у него еще в Москве: «Осень подходит. Это любимое мое время — здоровье мое обыкновенно крепнет — пора моих литературных трудов настает» (X, 238).

Дорога в Болдино смогла немного отвлечь поэта от его забот, поэтому по прибытии он докладывал Плетневу: «Теперь мрачные мысли мои порассеялись; приехал я в деревню и отдыхаю» (X, 240). Но ощущение покоя не надолго посетило его. Известные обстоятельства вернули тревогу и волнение. Впрочем, это, как нам думается, и явилось одной из причин

¹ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984. С. 262.

творческого подъема. В Болдине Пушкиным были написаны: «Домик в Коломне», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы», «Каменный гость», пять повестей Белкина, «Летопись села Горюхина», две последние главы «Евгения Онегина» и около 30 стихотворений. Там же, в Болдине, в октябре 1830 г. Пушкин написал стихотворение, озаглавленное несколько громоздко: «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы».

Среди пушкинских бумаг того времени сохранился один любопытный листок. На одной стороне его начертано крупными буквами слово «Зависть» (так вначале называлась трагедия «Моцарт и Сальери»), а на другой стороне вчерне написаны стихи:

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня.
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот?
Укоризна или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

Рядом располагалось еще одно повествование:

В начале жизни школу помню я,
Там, маленьких детей, нас было много.
Как на гряде одной — цветов семья,
Росли не ровно мы; за нами строго
Смотрела некая жена...²

Элемент таинственности, свойственный этим двум стихотворениям, их соседство на листе друг с другом, а также соседство с одиноким словом, словно кричащим на всю пустоту страницы, не могут не обратить на себя внимания. Религиозный человек почувствует (и это подскажет ему внутренний голос), что «Стихи, сочиненные ночью...» — мистическое, т. е. таинственно-религиозное стихотворение, имеющее свою внутреннюю жизнь. Этому можно, как будто успешно, возражать, объясняя особое настроение этих стихов известным психологическим состоянием поэта, обострившимся из-за бессонницы. Но мы, вчитываясь в пушкинские строки, имеем основание утверждать, что переживания, отраженные в них, все же более глубинные, что бессонница, ночная мгла и прочее — это символы, или прообразы, чего-то иного, отличного от простого проявления физиологических или нервно-психических процессов.

Несомненно, обычное состояние бессонницы у человека характеризуется каким-то обостренным восприятием реальности. Если при этом человек начинает углубляться в себя, то его сознание словно приходит в соприкосновение с некоей границей собственного бытия. Это рождает мучительные своей неразрешимостью вопросы о смысле жизни и еще более мучи-

² Цит. по: Анненков П. В. Указ. соч. С. 283.

тельную жажду ответа на них. Зрелый человек, лишенный религиозного мировосприятия, не укорененный в религиозной вере, не может не прийти в ужас от той леденящей тьмы, которая обволакивает все его существо при мысли о смерти. Он хочет найти ответ на преследующие его вопросы, но найти его в самом себе не может. Можно попытаться реконструировать внутреннее состояние поэта в ту ночь. Насколько эта попытка правомочна, будет видно из дальнейшего.

Итак, осенней болдинской ночью поэт не мог уснуть, мучимый бессонницей и тревогой, а может быть, и мыслями о жизни и смерти, посетившими его. Он не спал тогда, когда весь мир спал, укутанный тьмой ночи. Вспомним, что той же осенью 1830 г. Пушкин написал трагедию «Пир во время чумы», изобразившую «потрясающий контраст между священным таинством смерти и легкомыслием людей, способных отдаваться наслаждению на краю могилы».³ Трагизм в этом сочинении достигает своего апогея, когда на безумную вакханалию пирующих приходит Священник со словами гневного обличения:

Безбожный пир, безбожные безумцы!
Вы пиршеством и песнями разврата
Ругаетесь над мрачной тишиной,
Повсюду смертью распространенной.
(V, 356)

Люди не хотят думать, вспоминать о смерти даже на пороге ее, бегут мыслей о ней в поисках минутного забвения, забывтья, желая пребывать во тьме.

В ночной тьме, в разверзающейся мрачной тишине Пушкин слышал «ход часов лишь однозвучный» как настойчивое напоминание о неумолимом движении времени, которое в конце концов поглотит все и вся. Сквозь бег времени отчетливо, хотя и неуловимо, проступает вечность, лишаящая смысла, обесценивающая для нерелигиозного сознания «мышью беготню» жизни.

Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот? —

обращается далее к чему-то поэт. Быть может, эти слова относятся к настроению, охватившему поэта? Думается, что ответить на этот вопрос нам поможет слово, сопутствующее слову «шепот». Пушкина тревожит *скучный* шепот. Невольно вспоминаются строки «Сцены из Фауста»:

Фауст
Мне скучно, бес.
Мефистофель
Что делать, Фауст?
Таков вам положен предел,
Его ж никто не преступает.
Вся тварь разумная скушает:
. . . . .
И всяк зевает да живет —
И всех вас гроб, зевая, ждет.
Зевай и ты.

(II, 253)

³ Анастасий, митрополит. Пушкин и его отношение к религии и Православной Церкви. М., 1991. С. 20.

Скуку прививает Фаусту Мефистофель; скучают, тоскуют от душевной пустоты и сознания бессмысленности всякой деятельности и творчества и другие герои, — не только в сочинениях Пушкина, но также и в сочинениях современных ему авторов.⁴ Конечно, Пушкин — дитя своего времени, но внутренняя гармоничность его личности говорит о том, что он вобрал в себя еще с детства оптимизм XVIII столетия, в последний год которого он появился на свет. Однако объясняется ли только этим гармония его творчества? Да, Пушкин протестует против скуки, но нет в нем веры в высокое достоинство и всемогущество человека. Вспомним его трагедию «Борис Годунов», оголившую человеческое несовершенство, темные бездны человеческой души — измену, продажность, клятвопреступления. Так что протест его против скуки похож больше на протест христианина, нежели вольтерьянца.

И тогда как нам назвать то, к чему (или к кому) обращался поэт осенью 1830 г.? Что же все-таки посетило его? Что это за таинственное «ты», на которое Пушкин обрушивает свои вопросы? Думается, что не к плохому настроению, не к докучному сну, не к однозвучному ходу часов, не к лепетанию Парки, языческой богини судьбы, не к беготне жизни обращается поэт. А если предположить, что «ты» — это нечто личностное, очень неотступное от человека, раз оно так тревожит Пушкина? Не является ли этим «ты» дьявол? В своих «Записках» А. О. Смирнова передает нам диалог Пушкина и А. И. Тургенева. «„Я вижу, что у тебя самые правоверные воззрения насчет лукавого“, — сказал Тургенев. Пушкин на это ответил так: „А кто же тебе сказал, что я не правоверный? Я верю Библии во всем, что касается сатаны: в стихах о падшем духе, прекрасном и коварном, заключается великая философская истина. Безобразия никого не искусило, и нас оно не очаровывает“». ⁵ Таковы были слова человека, в молодости увлекавшегося Вольтером и стремившегося ему всячески подражать.

Жизнь Пушкина и его творчество с конца 20-х годов свидетельствуют о большой перемене, происшедшей в нем, перемене, которая заставила его сожалеть о некоторых поступках мятежной молодости, совершенных по научению сатаны (приведенные слова Пушкина позволяют выразиться так ясно). «Скучный шепот», услышанный им болдинской осенью 1830 г., умиротворяющие, но укоряющие и ропщущие. Пушкин образно говорит о прошедшем дне, как о дне утраченном, имея в виду прожитую жизнь. На что потратил поэт свои годы? Мы знаем молодого Пушкина, автора поэм «Монах» и «Гавриилиада», горячего поклонника Вольтера, вольнодумца и страстного бунтаря. Но исчерпывается ли этим молодой Пушкин? Христианские принципы, заложенные в детстве, словно укоряли поэта в том, что он пограл, забыл их. Вот почему на одном листе со «Стихами, сочиненными ночью...» появляются и другие: «В начале жизни школу помню я...».

Известны некоторые попытки расшифровать это стихотворение, объяснить, кто эта «Величаяя Жена», о которой говорит поэт. Митрополит Анастасий видел в ней Церковь.⁶ Б. А. Васильев утверждает, что образ этой «Жены» «исходил из произведения древнерусской иконографии Богоматери „Знамение“, находившейся в Знаменской церкви, построенной императрицей Елизаветой Петровной в березовой роще — рядом с Лице-

⁴ Грачева А. Ф. М. Достоевский и Ф. И. Тютчев о человеке и истории // Русское возрождение. 1995. № 62. С. 46.

⁵ Анастасий, митрополит. Указ. соч. С. 23.

⁶ Там же. С. 56.

ем».⁷ И действительно, эти объяснения очень похожи на правду. «Но я вникал в ее беседы мало», — говорит поэт, дичившийся ее советов и укоров и убегавший в «великолепный мрак чужого сада», где его влекли «двух бесов изображения», «лживых, но прекрасных», которые сковывали его унынием и ленью. «Все кумиры сада на душу мне свою бросали тень». Как удивительно созвучны образы этого стихотворения образам «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы»!

Но вспомним еще одно стихотворение поэта, написанное им в том же 1830 г., — «Бесы». Случайно ли, что оно имеет такой же размер и такую же тональность, что и «Стихи, сочиненные ночью...»? «Бесы» — это не просто «фантастические рисунки, в которых своевольно запутаны черты народной жизни и фантазии»,⁸ а сознание гибельности того пути, по которому шел поэт и все образованное русское общество, признание реального участия в этом пути бесовских сил. И если принять данное утверждение, то станет понятным и упоминавшееся нами выше слово «Зависть».

Итак, «в 1830—1831 гг. молодость Пушкина кончилась, — верно замечает Н. Я. Эйдельман, — немолодым он прожил еще 7 лет».⁹ Да, в 1830—1831 гг. Пушкин стал иным, одновременно потеряв понимание молодого поколения, которое хотело знать его лишь как автора дерзких, вольных, запрещенных стихов, не прощая ему того, что он посмел стать иным. «От них, — писал В. Г. Белинский о стихах Пушкина, изданных в 1835 г., — не закипит кровь пылкого юноши, не засверкают очи огнем восторга».¹⁰ В 1831 г. при всеобщем молчании и равнодушии выходит трагедия «Борис Годунов». И это понятно, потому что вместо стимулирующих человеческие страсти образов Пушкин обращается к сущности человека и к смыслу его существования, вопрошая к той реальности, о которой в образованном обществе 1830-х годов и говорить было не принято. Нежелание, боязнь открыть свои истинные мысли и чувства начертали над стихотворением «Бесы» заметку «Шалость» и затеряли среди прочих бумаг лист со стихами, написанными болдинской осенью.

1828—1830 гг. можно считать рубежом, переломом в мировоззрении Пушкина, временем обращения поэта к вечным истинам христианства. В этом периоде «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» занимают видное место. Они позволяют нам представить картину жизни и творчества поэта более полно и органично.

---

⁷ Гришунин А. Л. Царскосельская икона Божией Матери «Знамение» и стихотворение А. С. Пушкина «В начале жизни школу помню я...» // Пушкинская эпоха и Христианская культура: Вып. IV. СПб., 1994. С. 7.

⁸ Анненков П. В. Указ. соч. С. 282.

⁹ Эйдельман Н. Я. Пушкин. Из биографии и творчества: 1826—1837. М., 1987. С. 346.

¹⁰ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 1. С. 139—140.

«И ПУТНИК УСТАЛЫЙ НА БОГА РОПТАЛ...»
(мотивы необратимости времени
в творчестве А. С. Пушкина)

В старинной мусульманской легенде рассказывается о бедуине, возроптавшем на Аллаха и сурово наказанном за это Богом. Бедуин, испивший воды из источника в оазисе, заснул, и, проспав всю жизнь, проснулся уже глубоким стариком. Но Аллах все же смилостивился над ним и возвратил ему молодость:

И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с Богом он снова пускается в путь.
(II, 193)

Что же привлекло в этом сказании Пушкина, переложившего его в стихи, завершающие написанный в Михайловском цикл «Подражание Корану»? Рассмотрим этот цикл в целом. В нем поэт погружается в чуждый европейскому сознанию мир, пытается понять его изнутри. Мир этот находится в полной власти Бога, его хозяина, а человек в нем — лишь «дрожаящая тварь».

Почто ж кичится человек?
За то ль, что наг на свет явился,
Что дышит он недолгий век,
Что слаб умрет, как слаб родился?

За то ль, что Бог и умертвит
И воскресит его по воле?
Что с неба дни его хранит
И в радостях, и в горькой доле?

За то ль, что дал ему плоды,
И хлеб, и финик, и оливу,
Благословив его труды,
И вертоград, и холм, и ниву?
(II, 189)

Мировоззрение Корана последовательно теистично, Бог Корана властен даже над временем, он может «отменить» протекшие годы и вернуть человеку не только молодость, но и все, что было у него в прошлом. Эта идея власти Бога над временем, вероятно, и поразила Пушкина своим несоответствием европейскому восприятию времени как необратимого потока.

Мироощущение Пушкина в период, когда писалось «Подражание Корану», было антитеистическим. Знаменитое письмо 1824 г. из Одессы, послужившее поводом для ссылки поэта в Михайловское, подтверждает это. Там он пишет про англичанина, у которого берет уроки «чистого афеизма»: «Он исписал листов 1000, чтобы доказать, что не может быть существа разумного, творца и правителя» (X, 70). Пушкин считает эти взгляды наиболее правдоподобными. Я полагаю, однако, что их нельзя рассматривать как атеизм. Это, скорее, антитеизм, отрицание образа Бога

как Творца и Правителя, а не Высшего Начала как такового, чем в действительности и является атеизм.

Чем старше становился поэт, тем явственней он ощущал присутствие этого Высшего Начала. И часто это ощущение было связано у него с тем, что А. Ахматова впоследствии назвала «бегом времени». Бренность человеческой жизни, невозможность возвращения уже случившегося и в то же время желание, чтобы оно вернулось, — сквозные мотивы в его творчестве. Следует заметить, что «возраст души» не совпадает у Пушкина с его фактическим возрастом. Замечательно сказал об этом исследователь графики поэта А. Эфрос: Пушкин шел на десять лет впереди своей официальной хронологии. Дантес убил не тридцатисемилетнего человека, а усталого, уже глядящего в прошлое и подводящего итоги пятидесятилетнего автора «Памятника» и прощальных стихов «Пора, мой друг, пора, покоя сердце просит».¹

Бог для Пушкина не был некоей изначальной данностью, как для мусульманского бедуина, к Богу он приближается через «возрастание души». А в этом «возрастании души» ощущение необратимости времени человеческой жизни играло большую, на мой взгляд, роль. Проследим эти мотивы, начиная с лицейских стихов поэта.

В Лицее Пушкин пишет «Стансы» — вольный перевод Вольтера:

Ты мне велишь пылать душою:
Отдай же мне минувши дни,
И мой рассвет соедини
С моей вечернею зарею!

(I, 220)

Юноша переводит стихотворение, написанное стариком, сетующим о прошедшей жизни. Думаю, что для Пушкина-лицеиста подобные переживания не были органичны, они либо приходили извне, в данном случае из книги Вольтера, либо диктовались правилами жанра. В элегии, например, полагается быть разочарованным, и вот в «Элегии» 1817 г. читаем:

Перед собой одну печаль я вижу!
Мне страшен мир, мне скучен дневный свет:
Пойду в леса, в которых жизни нет,
Где мертвый мрак, — я радость ненавижу.

(I, 212)

«Как иногда внутренне пуст и технически блестящ Пушкин-лицеист, — писал впоследствии Б. Пастернак, — как обгоняют, как опережают его средства выражения действительную надобность в них. Он уже может говорить обо всем, а говорить ему еще не о чем».² Сказано резко, но справедливо. Глубина переживания появляется у поэта позже, уже по окончании Лицея. Причем это обретение глубины сопровождалось у Пушкина тем, что можно назвать двойственностью чувств. Полнее всего эта двойственность выразилась в знаменитом послании «Кривцову» — шедевре ранней пушкинской лирики. Вроде бы стихи эти о молодости, о пире жизни, но в то же время — это и стихи о смерти, и пронизаны они некоей «пепельной грустью». Полного упоения жизнью в них нет. Почему? Может, потому, что смысл жизни мыслится не в реализации каких-либо ценностей, а в наслаждении жизнью как таковой. Цель жизни — сама

¹ См.: Эфрос А. Рисунки поэта. М.; Л., 1933. С. 27.

² Цит. по: Блоковский сборник. Тарту, 1972. № 2. С. 447.

жизнь. В ней нет зрелости и старости, а только одна непрерывная юность. Это эпикурейское мироощущение, но оно вовсе не радостное, вопреки обычному мнению.

Думал ли молодой Пушкин о необратимости времени? Да. Но эта мысль была для него тогда еще достаточно отвлеченной. Вспомним эпизод из «Руслана и Людмилы». Волшебник Финн, любящий отвергшую его Наину, наконец-то добивается ее любви, но только тогда, когда она стала безобразной старухой, магия его бессильна перед временем. Эпизод этот можно назвать лирическим, но не трагическим; какой-либо трагизм противоречил бы жанру «ирои-комической» поэмы.

Перейдем к произведениям периода южной ссылки. Как известно, это время — резкий слом в судьбе Пушкина, поэт ощущает, что целый жизненный этап остался позади. В его лирике появляется тема собственного прошлого («Погасло дневное светило»). Об этом прошлом говорится намеками, на нем лежит флер таинственности:

Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И всё, чем я страдал, и всё, что сердцу мило.
(II, 7)

Но в прошлом была не только настоящая любовь, но и мнимая, понегински рассеянная жизнь. О ней поэт вспоминает без сожаления:

Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья.

Прошрое, таким образом, двойственно, в нем есть и подлинное, и ложное. Это обуславливает двойственное к нему отношение лирического героя. Стихотворение «Мне вас не жаль, года весны моей» начинается с отрицания прошедшего, а заканчивается неожиданным сожалением о том, что оно миновало, и желанием пережить вновь уже раз пережитое:

Но где же вы, минуты умиления,
Младых надежд, сердечной тишины?
Где прежний жар и слезы вдохновенья?
Придите вновь, года моей весны!
(II, 11)

С мотивом необратимости времени связан и мотив «возраста души». На нем строится фабула «Кавказского пленника». Вспомним школьный вопрос: почему Пленник не может ответить на любовь черкешенки? Потому, что у них разный «возраст души». Пленник не только русский европеец, он еще и разочарованный в жизни байронический герой, он старше черкешенки по опыту души. Сюжет «Кавказского пленника» вроде бы напоминает начальную коллизию «Евгения Онегина», но только на первый взгляд. Онегин не байронический, а лже-байронический герой. Он — «москвич в Гарольдовом плаще», его прошлое, в отличие от прошлого Пленника, — пустое. Если посмотреть на «Евгения Онегина» с избранной нами точки зрения, то произведение это можно определить как роман о потерянном, упущенном времени.

Период ссылки в Михайловском — пора человеческой и творческой зрелости Пушкина. Именно тогда он осознает, что ценности — любовь, творчество, дружба как бы противостоят временному потоку. И в то же самое время в его творчестве появляется тема греха — тема, также связанная с мотивом необратимости времени. О грехе, собственно говоря,

написан «Борис Годунов», вернее, о попытке «поправить грех грехом», по выражению В. В. Розанова. Первоначальный душевный порыв Отрепьева — морален, он хочет отомстить преступному царю за убийство младенца, но порыв этот соединен с непомерным тщеславием. Григорий сам хочет стать орудием возмездия, и в результате оказывается, говоря словами того же Розанова, что «поправляющий грех горше поправляемого». Самозванец приводит поляков на русскую землю, и все кончается убийством наследника, т. е. возвращается к тому, с чего началось.

Обострение чувства греха у Пушкина связано с эпизодом, которому, как мне кажется, не придается должного значения. Это — дело о «Гавриилиаде». Обычно этот эпизод рассматривается односторонне, как пример преследования Пушкина правительством. Пушкину действительно по тогдашним законам грозила Сибирь, и он, естественно, этого боялся, но я думаю, тут был не только страх, но и чувство вины за совершенное кощунство.

Грех молодости возвратился тогда, когда автор кощунственной поэмы был уже другим, находился на другой стадии своего жизненного пути. Душа уже рассталась со своим грехом, как вдруг пришло возмездие. Здесь, в сущности, та же ситуация, что и в «Каменном госте», — возмездие за кощунство приходит, когда Дон Гуан готов переродиться, готов к просветлению. Командор явился на зов, но мстит не коварному соблазнителю, а человеку, впервые в жизни полюбившему по-настоящему.

После истории с «Гавриилиадой» в лирике Пушкина появляется тема греховного прошлого. Это стихотворение, обращенное к митрополиту Филарету, и знаменитое «Воспоминание». Пушкин, однако, не отрекается от прошлого, отношение к нему по-прежнему двойственно, только эта двойственность иного рода, чем прежде. Если во время южной ссылки прошлое вспоминалось с любовью и легким сожалением («Я вас бежал, питомцы наслаждений»), то теперь оно воспринимается болезненно, как греховное, но в то же время неотменяемое, поскольку в нем «возрастала душа»:

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалеюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.
(III, 57)

Льву Толстому, как известно, не нравился конец этого стихотворения, он считал, что надо было написать так: «И строк постыдных не смываю». Но «печальных» — это именно по-пушкински, без лишнего ригоризма, без полного отречения от прошлого, что было характерно для Толстого.

Стихотворение это имеет в рукописи продолжение:

И нет отрады мне, и тихо предо мной
Встают два призрака младые,
Две тени милые, — два данные судьбой
Мне ангела во дни былые;
Но оба с крыльями и с пламенным мечом.
И стерегут... и мстят мне оба.
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах счастья и гроба.
(III, 417)

Это уже другой мотив: греховное прошлое мстит. Здесь оно воплотилось в образах двух мстящих ангелов, а в других случаях воплощалось по-иному (в образах ожившего мертвеца или ожившего памятника).

«ВЕЛИЧАВАЯ ЖЕНА»
(царскосельская икона Божией Матери
и стихотворение Пушкина)

Предание говорит, что царскосельская святыня появилась в России во времена царя Алексея Михайловича (1645—1676). Она была принесена ему в дар одним из православных восточных патриархов, которые в ту пору нередко посещали Москву и доставляли туда святыни Востока. Предполагают, что это был, по всей видимости, Св. Афанасий Пателарий, Патриарх Константинопольский, чаще других посещавший Москву и пользовавшийся особым вниманием при царском дворе. Благоговейно принятая царем Алексеем Михайловичем, икона Знамения Божией Матери стала с тех пор фамильной, глубоко почитавшейся святыней.

Петр Великий, основав новую столицу Санкт-Петербург, перенес туда, во дворец, и Святую икону. Перед смертью он, по преданию, благословил ею свою дочь Елизавету Петровну как будущую наследницу престола. Елизавета, получив икону, прониклась особенным к ней почтением. Перед своим восшествием на престол 25 ноября 1741 г., когда приверженцы Елизаветы уговаривали ее произвести дворцовый переворот, арестовать правительницу Анну Леопольдовну и малолетнего императора Иоанна VI, Елизавета долго, 2 часа, молилась перед этой иконой, прежде чем решилась поехать в «сезжую избу» Преображенского полка и поднять восстание. Быстрый и успешный исход предприятия, доставившего ей престол, небожная императрица приписала не одним усилиям своих сторонников, не случайной счастливой удаче, но более всего — божественной помощи, что выразилось с ее стороны в целом ряде действий.

Прежде всего манифест о восшествии на престол был обнародован 27 ноября — в день празднования иконы Знамения. Затем Елизавета украсила икону окладом и велела написать по ее сторонам лики Св. Алексия, человека Божия, и Апостола Петра, имена которых носили первые обладатели иконы: дед и отец Елизаветы, а в середине — праведных Захарии и Елизаветы, в честь собственного тезоименитства. Строящуюся в Царском Селе церковь Елизавета решила посвятить образу Знамения Пресвятой Богородицы. Перед освящением церкви Знамения императрица повелела торжественно перенести в нее святую икону из Санкт-Петербурга. Перенесение это происходило в середине мая 1747 г. Оно продолжалось три дня с остановками на пути и сопровождалось величественным крестным ходом.

По принесении в церковь икона, по указанию Елизаветы, была поставлена вверху иконостаса, прямо над Царскими воротами, поверх изображения Тайной вечери, и долгое время, более восьмидесяти лет (до 1831 г.), оставалась на этом месте. В 1771 г., в ноябре, перед иконой совершались торжественные молебны об избавлении Царского Села от чумы. Моровая язва не коснулась пределов Царского Села и скоро совершенно прекратилась.

В декабре 1788 г. Екатерина II распорядилась построить рядом с дворцом и вблизи от Знаменской церкви большой четырехэтажный дом. Впоследствии в нем поместился Царскосельский лицей, открытый 19 октября 1811 г. Воспитанники Лицея, когда не было службы в Дворцовой церкви, ходили в Знаменскую церковь; ходил в эту церковь и лицеист А. С. Пушкин.

12 мая 1820 г. случился большой пожар, который совершенно уничтожил всю внутренность Лицея и часть дворца. Раздуваемое сильным ветром

пламя грозило и Знаменской церкви. Чудотворная икона Знамения Божией Матери была снята со своего места поверх Царских врат и вынесена из храма, причем она была обращена ликом к пожару. Молитва веры не посрамила: ветер, несший пламя на Знаменскую церковь, точно повинуясь невидимой силе, мгновенно переменял свое направление и начал стихать, после чего огонь стал слабеть, а затем пожар и совсем прекратился.

В 1830 г. А. С. Пушкин написал замечательное стихотворение, которое некоторые исследователи считают таинственным, неразгаданным, но, на наш взгляд, при своем символизме оно имеет самое близкое, непосредственное отношение к иконе Знамения и к сильному ее влиянию на поэта в его школьные годы. Это стихотворение — «В начале жизни школу помню я...». Различные комментаторы произведений А. С. Пушкина узнают в нем царскосельский парк. Но они мало говорят про величавую, таинственную Жену, которая «над школою надзор хранила строго». Видные пушкинисты наших дней на вопрос, кого следует разуметь под Женой, отвечают, что это стихотворение не расшифровано до сих пор.

Не свидетельствует ли противопоставление этой Жене идолов, кумиров, бесов о том, что стимулом для поэта в данном случае служило какое-то особенное, священное изображение? Может быть, им и был чудотворный образ Пресвятой Богородицы, который находился тогда рядом с Лицеом в Знаменской церкви? Он стоял в то время на высоте, поверх Царских врат, и потому невольно сразу же привлекал к себе благоговейное внимание входивших в церковь. Образ должен был, естественно, оказывать свое сильное благодатное воздействие на чуткую впечатлительную душу лицеиста Пушкина, посетившего Знаменский храм, должен был много, внушительно и правдиво говорить душе Пушкина, давать ей благие советы, будить в его совести упреки.

В 1831 г. в Санкт-Петербурге вспыхнула страшная эпидемия холеры. В народе распространялись вздорные, невежественные слухи. Умирало до 600 человек в сутки. В Царском Селе вспомнили о чудесной помощи Царицы Небесной. 5 июля 1831 г. на глазах собравшихся в храме многочисленных богомольцев икона Знамения Пресвятой Богородицы была спущена вниз. По окончании молебна Святая икона на руках священников была вынесена из церкви и, соединившись со многими другими образами, последовала в умирительно-величавом крестном ходе. В конце молебна была с коленопреклонением прочитана молитва: «О Премилостивая Госпоже, Дево Богородице, Ты еси Упование и Надежда и Заступница граду нашему. Стена же Покров и Прибежище всем христианом. Тем и мы, грешнии, на Тя надеемся. Молися, Госпоже, Сыну Твоему и Богу нашему за град наш, и не предаждь нас врагом нашим, но услыши плач и воздыхание людей Твоих, и пощади; и якоже иногда Ненивитяны Сын Твой пощаде покаяния ради, такожде и zde милость Твою покажи, Владычище».

Холера миновала Царское Село.

В 1831 г. в Знаменской церкви были упразднены боковые приделы. На месте правого придела была поставлена чудотворная икона Знамения Пресвятой Богородицы. На месте левого — была сооружена точно такого же размера, как и икона Знамения, икона Божией Матери Казанская.

В августе 1941 г. Детское Село было оккупировано войсками фашистской Германии. В 1944 г. немцы бежали, похитив с собой и иконы Пресвятой Богородицы. Но в одном из брошенных обозов неприятеля в Риге советские войска обнаружили обе святые иконы. Они были доставлены в Ленинград и переданы митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Григорию и весной 1948 г. водружены в церкви Духовной академии.

В. П. Хавроничев

СЛОВО, ГОВОРЕННОЕ В ДЕНЬ ПРАЗДНОВАНИЯ
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ»
ЦАРСКОСЕЛЬСКОЙ

в церкви Св. Иоанна Богослова
при Санкт-Петербургской Духовной академии
10 декабря 1997 г.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа

Радуйся, Селение преславное Сущего на серафимех,
Радуйся, Премудрости Божией Приятелище,
Радуйся, Промышления Его Сокровище, —

так молитвенно обращаются учащиеся духовных школ Санкт-Петербурга к Божией Матери перед ее чудотворной иконой «Знамение» Царскосельской при пении акафиста, совершаемого каждую среду.

Действительно, Божией Матери принадлежит уникальное значение в осуществлении Премудрого Промышления Божьего о спасении рода человеческого, не только 2000 лет тому назад, во время Ее земной жизни, когда Сын Божий по Ее согласию вселился в Ее утробу, но и после взятия Ее в небесную славу.

Особым средством заступничества Божией Матери о людях являются чудотворения от Ее честных образов. Но не только в чудесах, а и в самом явлении икон Божией Матери в их пребывании, перемещении или сокрытии, даже если они происходят по совершенно естественным причинам, православные люди видели и видят *знак*, или по-славянски *знамение*, особого Ее попечения.

Само появление греческой по происхождению иконы Божией Матери «Знамение» совпало с событием, имевшим важные государственные и культурно-исторические последствия. Патриарх Константинопольский Афанасий III, направляясь с этой иконой в Москву, по пути встретился с украинским гетманом Богданом Хмельницким, который вручил ему для передачи русскому царю просьбу о присоединении Украины к России. В столице Патриарх передал благочестивейшему царю Алексею Михайловичу и просьбу украинцев, и икону, которая стала родовой святыней царствующего дома Романовых. Его сын Петр I перевез ее в новую столицу Санкт-Петербург, а перед смертью передал своей дочери великой княжне Елизавете Петровне. Предание сообщает, что он благословил ее этой иконой на будущее царство. Родительское благословение сбылось через 15 лет. Елизавета Петровна, обладая глубокой сердечной верой и отличаясь традиционным благочестием, особенно почитала эту икону и свое восшествие на престол приписывала благодатному заступничеству Божией Матери. В благодарность императрица украсила икону окладом из червонного золота.

В 1747 г. совершилось торжество перенесения иконы в любимый резиденцию Елизаветы Петровны — Царское Село. Икона была помещена в специально сооруженную для нее близ дворца церковь. Таким образом, Царское Село стало *селением* Божией Матери.

Особое, явное для всех жителей Царского Села заступничество Божией Матери по молитвам перед Ее образом «Знамение» было явлено в XIX в. Так, были прекращены пожары Большого Царскосельского дворца в 1820 г.

по молитве Александра I и в 1863 г. — по молитве Александра II и его супруги. В 1831 и 1848 гг. по молитвам жителей город был избавлен от холеры, охватившей всю Россию, в том числе и близлежащий Петербург. Именно во время второй эпидемии Божия Матерь явилась во сне одной благочестивой девице, жительнице Царского Села, и повелела ей создать драгоценную ризу для Своего образа. Узнав об этом, императрица Александра Федоровна пообещала девице свое содействие для исполнения повеления Божией Матери. Вскоре стали поступать пожертвования драгоценностей, в первую очередь от членов Императорской фамилии. Причем необходимые украшения часто поступали по молитвам создательницы. Уже в следующем 1849 г. риза была готова. Пожертвований хватило еще и на создание короны Божией Матери. Таким образом, женские драгоценности, имевшие чисто светский характер и изготовленные зачастую мастерами-иностранцами, по воле Божией Матери и с Ее помощью стали украшением Ее чудотворного образа.

Но в России для нее была создана еще более *драгоценная риза*. По Промыслу Божьему, русскому народу, органически усвоившему и сохранившему унаследованное от греков православие, было определено поделиться его духовными сокровищами с Западной Европой, далеко опередившей Россию в области гуманитарной и материальной культуры. России надлежало стать Европой, оставаясь при этом православной. Для того необходимо было овладеть западными культурными формами и наполнить их своим содержанием. Это двуединое задание выполнялось как раз в то время, когда икона Божией Матери «Знамение» находилась в Царском Селе.

В XIX в. была создана уникальная великая русская литература, общеевропейская по своим формам, национальная по характеру и православная по существу. Произведения Гоголя, Достоевского, Тургенева, Толстого переведены на многие языки мира, и любой человек, будучи не знаком с православием, получил возможность приобщиться к его духу, читая русских классиков. И если в XIX в. было очевидно, что у истоков этой литературы стоит Пушкин, то в XX в. уже стало очевидным, что пути русской культуры XVIII—XX вв. неразрывно связаны с Царским Селом.

За время царствования императрицы Елизаветы Петровны и восшедшей на престол как защитницы российских национальных интересов императрицы Екатерины II Царское Село превратилось в роскошную императорскую резиденцию, основой архитектурного облика которой стали гениальные творения зодчих-иностранцев: Растрелли, Камерона, Кваренги. Так, *селение* Божией Матери стало вершиной русского европеизма и явлением общеевропейской культуры, а уникальные по изысканности творения европейцев стали *архитектурной ризой Божией Матери*.

Царское Село как колыбель русской культуры опознал А. С. Пушкин: «Отечество нам Царское Село», — писал он в стихотворении, обращенном к своим друзьям по Царкосельскому лицей. Но в XX в. стало очевидно, что Царское Село стало отечеством не только для лицейстов, но и для всей русской литературы.

Пушкин опознал и Ту, Которая опекала будущих деятелей русской культуры.

В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья.

Смиренная, одетая убого,
Но видом Величаяя Жена
Над школою надзор хранила строго.

Толпою нашу окружена,
Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.

Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса.
Но я вникал в ее беседы мало.

Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни слова.

(III, 190)

В этом стихотворении Пушкин использовал традиционное противопоставление античного демонизма христианской святости. Поэтический образ Величавой Жены и есть образ Божией Матери Царскосельской. Он вышался над иконостасом в Знаменской церкви, в которой по церковным праздникам и «царским дням» молились юные воспитанники.

Покровительство Божией Матери воспитанникам Лицея особенно очевидно на примере самого Пушкина. При его вспыхивом характере, с культом поединков, одержимости (по собственным признаниям) страстями гордости, сладострастия и любоначалия он все же смог успеть до своей гибели создать литературные шедевры, которые сделали его «солнцем нашей поэзии», родоначальником русской литературы.

И он не остался в долгу. Ни один писатель не посвятил Царскому Селу столько прекрасных стихотворений. Ни один не упомянул Царскосельскую Величавую Жену. Всю жизнь Пушкин стремился в *селение* Божией Матери. И даже свое последнее произведение, заверщенное уже в преддверии гибели, — первый по-настоящему русский и православный роман «Капитанская дочка» — заканчивает сценой в Царском Селе, — сценой милостивого прощения императрицей Екатериной II главного героя и «невольника чести». Окончание этого романа датировано 19 октября — днем основания Царскосельского лицея.

Во времена Пушкина Царское Село стало поэтическим образом русской литературы. Поэт воздвиг «памятник нерукотворный» не только себе, но и «селению преславному» Божией Матери — «городу муз», под Ее покровом создававшемуся.

Великая русская культура была *селением* Божией Матери, Ее *драгоценной духовной ризой*, к созданию которой были привлечены Благим Промыслом не только *верные* — русские и православные люди, но и *многие* — иностранцы и инославные. История иконы Божией Матери Царскосельской еще раз убеждает нас во всеохватывающем и многообразном участии Царицы Небесной в осуществлении Божьего Промысла, о чем поется в древнем акафисте:

Радуйся, Покров миру ширшия небес,
Радуйся, противныя в тожде собравшая,
Радуйся, Древо светлоплодовитое,
От него же питаются *вернии*,
Радуйся Древо благосеннолиственное,
Им же покрываются *мнози*.
Радуйся, яко многосветлое возсияющая просвещение
Радуйся, яко многотекущую источаещи реку,
Радуйся, Ею же облекохомся славою.
Аминь.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ЧЕЛОВЕК О ЛИЧНОСТИ А. С. ПУШКИНА

Не судите по наружности, но судите
судом праведным.

Евангелие от Иоанна, VII, 24

Газетные и журнальные статьи, опубликованные в связи с предстоящим пушкинским юбилеем, поражают полярностью своих суждений: от традиционного преклонения перед гением поэта — до полного отрицания его гениальности и низведения на уровень заурядного литератора. Одни считают, что Пушкин не имеет никакого отношения к православной традиции в русской литературе, другие пытаются его выставить неким светочем православия. Как представитель Русской Православной Церкви скажу сразу, что Церковь к поэту относится как к *мирянину православного исповедания веры Христовой, жившему в первой половине XIX столетия и бывшему чадом своего времени.*

Рассмотрим интересующую нас проблему в ее развитии. Война 1812 г., по свидетельству очевидцев, всколыхнула в российском народе не только патриотические чувства, она «возбудила и в царе, и в народе благоговение перед Вседержителем».¹ Не потому ли император Александр разрешил представителям различных духовных направлений свободно излагать их учения в России? В отечественной истории этот период отмечен господством мистицизма и его повсеместным проникновением. Виднейший его оппонент архимандрит Фотий (Спасский) так характеризует свое время: «Супостат диавол помрачил премудрых и разумных архиереев и учителей до того, что или вовсе не видели, или не хотели видеть злобы вражией на Святую Церковь и веру; враги так между духовными пресмыкались в коварстве лести, что старались казаться благомыслящими, дабы не сомневаясь, „сущие в мире“ (миряне. — *И. М.*) удобнее в сети их попадали. (...) Духовные пастыри и учителя на все слабо смотрели и делали то, что как бы сами к тому споспешествовать хотели. Ни в чем не видно было ни слова Божия, ни дела; частями мир ослепил их очи мысленные и сердечные».² «О духовенстве писались объявления самые постыдные и всем во известие давались, отчего духовенство презренным делалось, всякая немощ публиковалась».³ Книги известного Лабзина «почти все ученые читали с удовольствием, в семинарии выписывали, хвалили и превозносили его, яко учителя веры. Из человекоугодия или по заблуждению архиерей, ректоры, архимандриты, протоиереи и прочие многие из духовных, князья, бояре, ученые потворствовали и желали иметь, как бы некую тайну, учение и просвещение от него; многие, так сказать, в Лабзине и его последователях искали обрести Бога и святость всю, как бы того нигде и не было, кроме его».⁴

Светское общество было охвачено «важными спорами», в том числе — о духовном озарении — непременно с критикой основ веры и обрядов Православной Церкви. Исключение составлял, пожалуй, только Царско-сельский лицей. Его воспитанники получали образование, основанное пре-

¹ *Архимандрит Макарий (Глухареv)*. Письма. Казань, 1905. С. 205.

² Русская старина. 1894. Июль. С. 215.

³ Русская старина. 1894. Сентябрь. С. 216.

⁴ Там же.

имущественно на изучении классического наследия античной культуры и мирской словесности. Изучали, разумеется, и Закон Божий.

Противостоять наплыву инородных вероучителей церковное священноначалие, к сожалению, не имело реальной возможности, ибо, согласно Духовному Регламенту, император являлся фактическим главой Церкви. (В тексте присяги, приносимой членами Синода, читаем: «Исповедую с клятвою крайняго Судию Духовныя сея Коллегии быти Самого Всероссийскаго Монарха, Государя нашего Всемилостивейшего»⁵). Поэтому для отпора чуждым вероучителям священноначалие пользовалось людьми, фанатично преданными родному православию, но часто богословски безграмотными, иногда выдававшими работы Киевской богословской школы за образец православного вероучения, как это делал известный оппонент мистицизма и сектантства того времени архимандрит Фотий (Спасский) (например, противопоставляя катехизис митрополита Петра Могилы катехизису митрополита Филарета Дроздова).

Сам Фотий сознавал недостаточность своего образования и брал в основном эмоции. В его «Автобиографии» читаем: «...будучи сам еще не запечатлен в духе разума веры... и ...имея Единого Бога помощника и наставника... с ревностью в простоте сердца побеждал свободно всех состязующихся. (...) Митрополит, власти духовные и власти военные, хотя не все, но многие, за сие ревнование любили Фотия и подкрепляли».⁶ В своей борьбе он прибегал к таким приемам: однажды, участвуя в беседе графа Аракчеева с митрополитом Серафимом, он припугнул, что если пастор Госнер не будет выслан из столицы, то «едино остается делать, ежели Царь не исправит дело веры и не защитит благочестие, как Царь Благочестивый, — взять Святое Евангелие в одну руку, а в другую Святой Крест, идти в Казанский собор и посреде народа возгласить: Православные! веру Христову попирают; а новую какую-то бесовскую хотят ввести; князь Голицын, Госнер пастор и прочие их сообщники все то делают! Послушай, граф, донеси Царю, что сие быть может сделано; вся Россия узнает; жены и дети найдутся многия, которые за Преподобную Приснодеву Богородицу вступятся, свое сохраняя благочестие. Она Владычица наша вскоре прииде на помощь: все, хотя с горестию, но уничтожит диавольское действо: падет враг и „путь нечестивых погибнет“».⁷ Трудно сказать, возымела ли угроза Фотия решающее действие, но Госнер был вскоре выслан из страны.

Нельзя отрицать субъективность взглядов архимандрита Фотия в оценке современных ему событий, но любопытно его замечание, характеризующее духовный паралич почти всего высшего духовенства. Фотий пишет: «Князь Голицын имел первоседательство в собраниях, на Библейском обществе, перед митрополитами и всеми архиереями; в Синоде особый стол, как глава всех; митрополиты сидели у него по десную и левую сторону везде, а он яко патриарх был всех...».⁸ «Синод силы не имел; правила синодальными и прочими духовными делами канцелярия министра духовных дел. (...) Без ведома и суда синодального нередко архиереи были низвергаемы. Православные были удаляемы, а иные гонимы до гроба»⁹ (см. историю Иннокентия (Смирнова), епископа Пензенского).

⁵ Полное собрание законов Российской Империи: 1720—1722. СПб., 1830. Т. 6. С. 315, стб. II.

⁶ Русская старина. 1894. Сентябрь. С. 228.

⁷ Русская старина. 1894. Ноябрь. С. 232.

⁸ Русская старина. 1894. Сентябрь. С. 221.

⁹ Там же. С. 220.

Однако молчание иерархов Синода во главе с князем Голицыным по вопросам защиты веры православной, «салонная набожность» одних, фанатичность в защите веры предков других, безусловно, отбивали у молодежи александровской эпохи охоту «рыться в хронологической пыли бытописания земли», как верно отметил Пушкин в романе «Евгений Онегин».

Подобное положение вещей в православном обществе России не могло удовлетворять ревнителей и поклонников старины. На волне протеста формируется противостояние группы лиц, сплотившихся вокруг А. С. Шишкова, к сожалению, собравшее не лучшие силы, а потому и действовавшее большей частью политическими интригами и силой своих эмоций.

К чести А. С. Пушкина нужно сказать, что уже в 16-летнем возрасте он довольно ясно представлял себе картину духовного состояния общества того времени. В стихотворении «Тень Фонвизина» (1815) юный поэт писал:

...свет ни в чем не пременялся.
Всё идет той же чередой;
Всё так же люди лицемерят,
Всё те же песенки поют,
Клеветникам как прежде верят,
Как прежде все дела текут;
В окошко миллионы скачут,
Казну все крадут у царя,
Иным житье, другие плачут,
И мучат смертных лекаря,
Спокойно спят архиереи,
Вельможи, знатные злодеи,
Смеясь в бокалы льют вино,
Невинных жалобе не внемлют,
Играют ночь, в сенате дремлют,
Склонясь на красное сукно;
Всё столько ж трусов и нахалов,
Рублевых столько же Кипридов,
И столько ж глупых генералов,
И столько ж старых волокит.

(I, 139)

В это пестрое, в духовном смысле, общество и вступил в 1817 г. талантливый воспитанник Царскосельского лицея, сознавая, что древность и преданность Отечеству его старинного рода в системе нынешних ценностей обесценены. В восьмой главе «Онегина» Пушкин описывает свое вступление в свет:

Я музу резвую привел
На шум пиров и буйных споров,
.....
И к ним в безумные пиры
Она несла свои дары
И как вакханочка резвилась,
За чашей пела для гостей,
.....
А я гордился меж друзей
Подругой ветреной моей.

(V, 143)

Свет с восторгом встретил новую поэтическую звезду, которой сразу же и определил место: быть поэтом-лириком. Популярность, как видим из вышеприведенной строфы, была приятна молодому поэту.

Значение А. С. Пушкина для формирования русского литературного языка общеизвестно. К сожалению, расцвет творчества поэта, во время которого, по его словам, своей лире он вверял «в часы забав иль праздной скуки... изнеженные звуки безумства, лени и страстей», совпал с дискредитацией и запрещением деятельности Библейского общества, трудившегося над переводами Библии на языки народов России, в том числе и на русский. Если бы тогдашние усилия переводчиков Священного Писания увенчались успехом, русский язык приобрел бы полноту, включив в себя понятия, выражающие богооткровенные истины, и освятился бы Словом Божиим. Но этого не произошло, и любой грамотный богослов сожалеет о качестве перевода Библии на русский язык, несмотря на то, что синодальный перевод является официальным и Русская Православная Церковь, не имея другого, принятого на таком же уровне, считает его каноничным.

Вспоминая время остановки переводов священных книг Библии и скорбя об этом, современник поэта архимандрит Макарий (Глухарев), просветитель Алтая, воспитанник Петербургской Духовной академии, пишет: «Все от малого до великого преклонили колена удивления очаровательному гению мира. (...) Произведение Библии на российский язык остановилось в России. (...) Вместо того трубы общественного мнения трубили славу очаровательного стихотворца, овладевшего удивлением чрезвычайно многих умов. (...) Шум браней утих, гром побед умолк, и кровь россиян уже не проливалась за Отечество, и мы воздремали на лаврах и под (его) песнями погрузились в сон, и наши юноши в бреду усыпления и беспечности произносили стихи певца, слова часто гнилые, но... чрезвычайно сладостные. Российское слово было предано под его пером служению уже совсем не тому, какому было посвящено переводившими Библию с оригинальных языков на русский... Мы стали тылом к Истине и обратились к духам обольстителям, которые приятностями... у многих испортили вкус, так что многие уже не хотели и не могли наслаждаться Словом Божиим».¹⁰ (Те же, кто желал этого, вынуждены были пользоваться переводами французским, немецким и английским).

Другими словами, миссионер, богослов, знаток древних языков горевал о том, что в момент своего формирования литературный язык оказался лишенным возможности обогащения. Архимандрит Макарий считал, что слово живого разговорного языка должно быть употребляемо для выражения мыслей не только мирского характера. Или, говоря церковным языком, если слово излагает только «плотское мудрование», то от этого живой язык живого народа беднеет, не имея необходимых терминов, отражающих богооткровенные истины.

К тому же архимандрит Макарий высказывает неожиданное предположение, что яркая популярность А. С. Пушкина в первой половине 1820-х годов обусловлена не столько гениальностью поэта, сколько тем, что его юношеское небрежное отношение к своему таланту было использовано для отвлечения российского общества от насущных проблем просвещения народа истинами Библии. К сожалению, нужно сказать, что среди прочего, что заменило Священное Писание в жизни народа и заняло его место в формировании народного духа, были и некоторые «дары» пушкинской музыки.

Давайте вспомним, как оценивали раннее творчество поэта близкие ему люди. В ответе на «Послание в Сибирь» А. И. Одоевский писал:

Струн вещей пламенные звуки
До слуха нашего дошли,

¹⁰ *Архимандрит Макарий (Глухарев)*. Указ. соч. С. 133, 205.

К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели...
Но будь покоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы...

Наш скорбный труд не пропадет:

И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.
Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы,
И с нею грянем на царей —
И радостно вздохнут народы.

Богослов и миссионер не мог принять такого направления в развитии духа народа и потому так резко высказывался в 1830-е годы по поводу остановки переводов Священного Писания, увидев подмену, которая была предложена руководителями общества того времени.

Мнение архимандрита Макария о Пушкине не вписывается в общепринятые схемы.¹¹ Конечно, безоговорочно согласиться с его оценкой нельзя, ибо и сам поэт был не удовлетворен участью, которую ему предназначили. И хотя молодежь «минувших дней» за его музой «буйно волочилась», он все же «отстал от их союза и вдаль бежал».

Как это могло случиться? Где та мера отсчета, которая помогла А. С. Пушкину переоценить вихрь моды, восторги светского безбожного общественного мнения, остановить волну нечестия, поднимавшуюся на поэтическую душу? Думается, здесь большое значение имели детские годы, проведенные в православной Москве, звуки и образы родного православия.

«Нет во всей вселенной царского христианского града такого, в коем было бы столько святых обителей, соборов церковных, церковей Божиих и часовен. Многое множество глав, золотых и резных, и крестов и прочих зданий церковных и украшений делают Москву превожделенным градом. Звон больших и всяких колоколов в одно время и в великом множестве делает священный трепет самой земли в граде. Град сей христианский есть как бы нечто выше земнаго, подобие небеснаго селения».¹² Это пишет фанатик, аскет архимандрит Юрьевский. Но, кажется, Москва дала так же много душе нашего великого поэта:

Но вот уж близко. Перед ними
Уж белокаменной Москвы,
Как жар, крестами золотыми
Горят старинные главы.
Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церковей и колоколен,

¹¹ Мы знаем, однако, что поэт и христианин В. А. Жуковский в письме к А. С. Пушкину в Михайловское высказал мнение о характере его популярности, в чем-то схожее с мнением архимандрита Макария: «Ты знаешь, как я люблю твою музу и как дорожу твоею *благоприобретенною* славою: ибо умею уважать Поэзию и знаю, что ты рожден быть великим поэтом и мог бы быть честью и драгоценностию России. Но я ненавижу все, что ты написал возмутительного для порядка и нравственности. Наши отроки (то есть все зреющее поколение), при плохом воспитании, которое не дает им никакой опоры для жизни, познакомились с твоими буйными, одетыми прелестью поэзии мыслями; ты уже многим нанес вред неисцелимый. Это должно заставить тебя трепетать. Талант ничто. Главное: величие нравственное. Извини эти строки из катехизиса. Я люблю и тебя и твою музу и желаю, чтобы Россия вас любила» (*Жуковский В. А. Собр. соч.*: В 3-х тт. М., 1980. Т. 3. С. 450).

¹² Русская старина. 1894. Июль. С. 174.

Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

.....
Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля;
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.

(V, 134)

Жизнь Москвы начала XIX в. не прошла для будущего поэта даром, ему запомнился живой образ московского православного общества, душой которого был знаменитый митрополит Платон (Левшин), много сделавший для организации церковной жизни древней столицы. Из его жизнеописания узнаем, что «умный и образованный, обладавший редким умением отличать и выдвигать талантливых людей, митрополит Платон, любя храм и богослужение, дорожил церковною стариною и заботился об ее сохранении. При нем в Московском соборе на гробницах князей и царей русских были устроены медные доски с надписями. Многие места из Святого Апостола Павла, из святых отцов, а также и классиков, греческих и римских, митрополит Платон знал на память и умело приводил в речи. Говоря проповеди без тетради, тем самым придавал им более выразительности. Глубокая чувствительность, всегда сродная Платону, в старости его более проявлялась слезами; слезы он проливал при богослужении, проповедании и при всяком умиленном случае».¹³ Скромность, простота и доступность святителя удивляли современников. Известно, что однажды преосвященный стоял на клиросе за обедней, читал и пел за дьячка. Настало время малого выхода: на ту пору не случилось пономаря, которому надобно было выносить свечу перед Евангелием. Митрополит оглянулся и увидел за клиросом монаха (то был приезжий из какого-то монастыря), попросил его вынести свечу. Тот, поклонясь ему, сказал: «Я — иеромонах!». «Извини, пожалуйста, я этого не знал», — отвечал ему митрополит и, сам взяв свечу, вынес ее.

Жизнеописатель приводит такой диалог митрополита с гостями из Англии. «Вы видите старца, согбенного под бременем лет и недугов», — говорил митрополит. «Я, — отвечал собеседник, — имел честь видеть его, окруженного великолепием, в ночь Святого Воскресения, в Успенском соборе, в Кремле». — «А что вы думаете об этом торжестве?». — «Я об нем думаю как о самом великолепном, какое я только видел, не исключая и благословения в Риме». — «И трогательном», — промолвил Платон. — «Конечно», — отвечал собеседник. Услышав это, он с улыбкой сказал:

¹³ Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX вв. Изд. Введенской Оптиной пустыни. 1994. Ноябрь. С. 142—143.

«Вы провели только одну ночь, чтоб видеть обряд той веры, коей не исповедуете, и называете этот обряд трогательным!».¹⁴

Характер богослужения, принятого при митрополите Платоне, не ограничивался пределами кремлевских соборов, но распространялся на всю Москву, — и на те храмы, в которые ходила семья Пушкиных, также.¹⁵ Не потому ли в Петербурге А. С. Пушкин искал и находил среди множества столичных храмов тот, где ему хотелось молиться, где богослужение совершалось *по-русски*, хотя и на славянском языке.

..... Я живу
Теперь не там, но верною мечтою
Люблю летать, заснувши наяву,
В Коломну, к Покрову — и в воскресенье
Там слушать русское богослуженье.

(IV, 239)

В 1830-е годы Пушкин представлял себе весь спектр духовного состояния общества. В воспоминаниях о Царском Селе поэт сообщает, что школу начала его жизни окружал «чужой сад», в «великолепном мраке» которого находились кумиры. Будучи взрослым человеком, Пушкин называет персонажей мифологии по-православному: «двух бесов изображенья». Эти и подобные скульптуры не были просто памятниками классической древности, они оказывали на юные сердца определенное духовное влияние.

..... два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья.

Один (Дельфийский идол) лик молодой —
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.

Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал —
Волшебный демон — лживый, но прекрасный.

Пред ними сам себя я забывал;
В груди младое сердце билось, — холод
Бежал по мне и кудри подымал.

(III, 191)

Царственное величие кумиров, холод, проникающий в душу от созерцания их, производили двойственное действие на юного воспитанника. Любопытно, что Пушкин, вспоминая, оценивает подобное воздействие как отрицательный душевный опыт. Это и понятно. В молодых сердцах происходило смешение двух культур — античной, языческой и православно-христианской. Отсюда эти состояния:

Средь отроков я молча целый день
Бродил угрюмый — всё кумиры сада
На душу мне свою бросали тень.

¹⁴ Ср.: «Сейчас вспомнил я то счастливое Рождество, когда мы все были у Троицы... Помнишь ли, что мы слушали тогда проповедь прекрасную Платона, которая до слез меня тронула, как он возгласил: „Отец!“» (Андрей Тургенев пишет из Вены 26 декабря 1802 г. А. Кайсарову. Цит. по: Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации: Вып. IV. М., 1989. С. 134).

¹⁵ *Цявловский М. А.* Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: 1799—1826. Л., 1991. С. 18, 26, 28, 30 и др.

Здесь необходимо вспомнить и признать, что поэту не чужды были чувства раскаяния и самоанализа.

Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

(III, 57)

Вспомним 1828 г., дело об авторстве «Гавриилиады». В журнале «Старина и новизна» за 1902 г. есть публикация писем А. С. Пушкина к П. А. Вяземскому из Остафьевского архива, относящихся к этому периоду. В комментариях автор публикации приводит выписки из документов специальной комиссии. «Граф П. А. Толстой (в комиссию входили еще граф В. П. Кочубей и князь А. Н. Голицын. — *И. М.*), исполняя волю Государя от объявления истины, и что Пушкин по довольном молчании и размышлении спрашивал: позволительно ли ему будет написать прямо Государю Императору, и, получив на сие удовлетворительный ответ, тут же написал Его Величеству письмо и, запечатав оное, вручил графу Толстому. Комиссия определила: не раскрывая письма сего, представить оное Его Величеству».¹⁶

Дело было закрыто незадолго до лицейской годовщины, которую Пушкин отпраздновал с друзьями.

Усердно помолившись Богу,
Лицею прокричав ура,
Прошайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

(III, 77)

Это четверостишие написано 19 октября, и тем же числом датируется подорожная, хранившаяся в Остафьевском архиве. В ней значится: «По указу и проч. от С.Петербурга до Торжка воспитаннику Царскосельского Лицея Александру Пушкину с будущим из почтовых давать по 3 лошади с проводником, за указанные прогоны, без задержания». Этот документ свидетельствует, безусловно, не просто о закрытии дела, но о помиловании.¹⁷ На основании чего? Покаяния? Возможно. Слова «строк печальных не смываю» говорят не о гордыне, а скорее о мужестве человека, желающего честно ответить за все свои деяния, не пряча их, ибо суд принадлежит только одному Творцу и Создателю Господу Богу Вседержителю. Возможно, что Пушкин, зная об ответственности христианина перед Богом за нравственные проступки, искренно каялся и ожидал прощения от Бога. Финал его жизни доказал это. Такая кончина по благоволению Божию дана была ему как возможность искупления грехов (см.: 1-е Послание к Коринфянам, XI, 32).

Способность если не покаяния, то раскаяния была в высшей степени присуща Пушкину. О чем сожалел поэт в упомянутом «Воспоминании», о чем «главой поник и зарыдал» в другом стихотворении, сравнивая себя с блудным сыном, «отроком Библии», который неразумно расточил отцов-

¹⁶ Старина и новизна. 1902. Кн. 5.

¹⁷ Здесь очевидны льготы: А. С. Пушкину, как коллежскому секретарю, положены были две лошади, а не три; формулировка «с будущим» (седоком) предполагала меньшую плату (см.: Грановская Н. И. «Если ехать вам случится...». Л., 1989. С. 39, 189).

ское богатство, однако пришел в себя и, возвращаясь к родительскому дому, не дерзал уже называться сыном, а надеялся хотя бы наемником послужить в доме отца?

Среди незавершенных набросков 1823 г. есть у Пушкина проникновенное описание исповеди и церковного покаяния:

Стоят за клиросом чернец
И грешник — неподвижны оба —
И шепот их, как глас из гроба,
И грешник бледен, как мертвец.
(II, 154)

Еще в ветхозаветное время псалмопевец обращался к милосердию Божию с такими словами: «Грех юности моя и неведения моего, не помяни.., Господи» (Псалтирь, XXIV, 7). Для любого члена Церкви Христовой проявление покаянного чувства в собрате есть возможность продолжения общения с ним (см.: 2-е Послание к Фессалоникийцам, II, 14—15; Послание к Галатам, VI, 1—10). Ведь Церковь основана Господом нашим Иисусом Христом для того, чтобы призывать и давать спасение кающимся грешникам.

Вспомним напоследок слова Св. Апостола Павла к его ученикам: «Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы, или *как судят* другие люди; я и сам не сужу о себе. Ибо, *хотя* я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь; судия же мне Господь... Который и осветит скрытое во мраке, и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога» (1-е Послание к Коринфянам, IV, 3—5).

Священник Иоанн Малинин

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ЖИТЕЛЬ ВРЕМЕН

А. С. ПУШКИНА

(20—30-е годы XIX столетия)

Данная работа не претендует на сколько-нибудь полное освещение темы, однако автор хотел бы представить ряд иллюстраций к ней, а также поставить вопрос о расширении источников для ее исследования.

В романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» с точки зрения столичного жителя, современника поэта, охарактеризована сельская жизнь обитателей усадеб, «простая русская семья», в которой «варенье, вечный разговор про дождь, про лен, про скотный двор» или «о сенокосе, о вине, о псарне, о своей родне». «Их разговор благоразумный... не блистал ни чувством, ни поэтическим огнем, ни общежития искусством». Так представляет себе Онегин «господ соседственных селений» — Гвоздиных, Скотининых, да и Лариных.

Были в то время и другие господа, которые, отслужив срок государственной службы, возвращались в родные поместья с желанием исполнить волю государей и дать просвещение подвластным им крестьянам. Таковы Павел и Алексей Александровичи Ширинские-Шихматовы.

Из девяти братьев Ширинских-Шихматовых более всех известен Сергей Александрович, постриженник архимандрита Фотия (Спасского), в иночестве Аникита. «Отзывы» на его литературные труды и общественное

служению встречаются в эпиграммах А. С. Пушкина. Время было в духовном смысле чрезвычайно сложное. Не только Пушкин не принимал общественной позиции С. А. Шихматова, — родные братья не понимали и не принимали многое из взглядов своего младшего брата, находившегося под бдительным попечением богословски полуграмотного архимандрита Фотия. Об этом мы узнаем из семейной переписки братьев, сохраненной и опубликованной священником В. Жмакиным.¹

Братья Павел и Алексей, выйдя в отставку, завели в своих имениях школу, где сами преподавали, а дома занимались богословием, изучая издаваемые от имени Святейшего Синода богословские книги. Уже в середине 30-х годов, известных в истории России как период реакции, они, подготовив своих крестьян для должного современного уровня общения, отпускали их на свободу. И были не одиноки в этом добром служении своему народу.²

В очерке «Путешествие из Москвы в Петербург» в главе «Русская изба» А. С. Пушкин приводит глубокие суждения о положении крестьян в России, о взаимоотношениях сословий: «Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смысленности и говорить нечего. (...) В России нет человека, который бы не имел своего *собственного жилища*. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет *свою* избу. (...) Судьба крестьянина улучшается со дня на день по мере распространения просвещения... Благосостояние крестьян тесно связано с благосостоянием помещиков» (VII, 200).

Письма современника А. С. Пушкина алтайского миссионера архимандрита Макария (Глухарева) (1792—1847) сохранили нам ценнейшие заметки, которые могли бы послужить иллюстрацией и дополнением к этим словам поэта. Необходимо отметить, что письма архимандрита охватывают период с 1821 по 1847 г. В письмах, относящихся к 1820 г., находим меткие характеристики простых людей, встречавшихся отцу Макарию. Вот его наблюдения во время одного из путешествий: «Был ямщиком у нас один отрок, по-видимому непорочный и благонравный, который пением гимнов церковных и сам увеселялся богоугодно и нам предлагал сладчайшее утешение, от которого сокращались и пространство, и время. Как мне было приятно слышать в этих чувственных звуках пение духа, возносившегося к Богу без ведома тщеславной самости, в искренности и простоте, правильное и естественное и притом какое-то чистое и любезное неизъяснимо, не ищущее нравиться человекам, но приятное Богу, Богом благословляемое, и привлекающее к Богу сердца человеческие, „Слава в вышних Богу!“ — пел этот жаворонок в высоте своей, и мне казалось, что искусственные концерты никогда так не радовали меня, как пение юного земледельца; дьячок приходской церкви учил его грамоте. Не правда ли, что грамота далась ему на славу Божию, на украшение и назидание Церкви и на пользу души его? Не правда ли, сделали доброе богоугодное дело, которые наделили его умением читать Псалтирь и Евангелие, Священную Историю и Катехизис, и петь: «Слава в вышних Богу?»».³ Как богослов

¹ Жмакин В., священник. Материалы для истории русской богословской мысли 30-х годов текущего столетия. СПб., 1890.

² Известно, что В. А. Жуковский отпустил на волю своих крепостных, будущий декабрист И. Д. Якушкин поступил так же. Герой пушкинского романа сделал послабление крестьянам, доставшимся ему в наследство от дяди:

Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил.

(V, 32)

³ Архимандрит Макарий (Глухарев). Письма. Казань, 1905. С. 357.

и миссионер отец Макарий с удовлетворением отмечал черту характера россиянина, которую он считал одной из важнейших, а именно — желание «поговорить о Божественном». Так, во время ожидания на одной станции лошадей «разглагольствовал (он) с отставным солдатом, которого многие речи о Божественном столь светлы и ярки были, что надлежало о том порадоваться». В одном из его писем друзьям читаем: «Хотел бы только занять вас поучением, преподанным мне от одного мужика острозрительного, который без всякого, по-видимому, повода стал говорить о подобающем не только Божеству, но и Человечеству Иисуса Христа Богопочтении, и ни к кому, по-видимому, не относя своей речи, хотел кому-то стремена подкоротить, сказав: „Вот видишь, ты и не умеешь Богу молиться“». ⁴ Это рассуждение простого мужика для богослова замечательно в свете знания древних ересей монофизитства и монофелитства.

Описывая свое пребывание в Троице-Сергиевой лавре в 1821 г., Макарий пишет: «При всей ее сытости, еще не выдыхается добрый дух. Некоторые братья такого рода, что и смотреть на них полезно». ⁵ Факт существования в 20-е годы XIX в. подобных монахов, которые могли быть примером внутренней жизни для профессора богословия, достоин внимания. Вспомним наблюдательность А. С. Пушкина, вспомним двух его литературных героев: с одной стороны, Пимена, с другой — того, кто «гонялся за дешевизной».

Если Онегин в кругу своего общения среди провинциальных дворян и помещиков не находил могущих поговорить об «общечития искусстве», то архимандрит Макарий общался как раз с такими людьми. И они были почти везде. В губернском городе Екатеринославе у отца Макария был друг Г. Т. Мизко, о котором мы узнаем из письма некоему С. Г. Чернову. Отец Макарий пишет, что в доме Мизков он сможет, если пожелает, «...получать ежедневно полезнейшие уроки опыта... восполнять недостатки в сведениях... и новыми обогащаться познаниями, жевать корень наук, не ощущая в нем горести, с чашкою чаю в руках, в простосердечной беседе вечерней, в свободной любви к просвещению, без боязни и принуждения школы... учиться искусству во время разлива разговоров свободных держаться твердо на ногах в благоразумной истине и скромности... искусству быть одному с Богом во многолюдстве пестром, беседовать в тайне сердца своего со Иисусом Христом... среди молвы внешних людей, учиться великой науке самопознания, видеть нечистоту свою в нечистоте и чистоте других, предавать себя самого и всякого человека милосердию Иисуса Христа». ⁶

Одним словом, закончивший семинарский курс в общении с этим дворянином смог бы научиться опыту внутренней жизни, так как последний, исходя из любви к Церкви и просвещению, достаточно владеет опытными познаниями духовной жизни, не стесняя себя рамками какой-либо духовной или философской школы. К нему однажды обратился отец Макарий с ходатайством о крепостном крестьянине, поразившем его своей богопросвещенностью. Читаем: «Вы предложили мне в одном из писем Ваших вопрос, чем бы Вы могли послужить и помочь мне. В ответ на это расскажу Вам нечто, оставшееся у меня в душе от путешествия моего из России в Сибирь (1837 год). Приближаясь к Нижнему Новгороду, я увидел впереди ехавшую повозку и услышал, что некто, сидящий в повозке, увеселяется псалмопением. Я подошел и нашел одного средних лет человека, который хотя был покрыт пылью, однако в чертах лица своего имел столь резкое и определенное выражение благородных правил и свойств души, что я

⁴ Там же. С. 22.

⁵ Там же. С. 25.

⁶ Там же. С. 75—76.

невольно восчувствовал к нему почтение. По приглашению моему, предоставив спокойным волам своим тащить телегу, пошел он со мною пешком; и Святая Псалтирь была первым предметом разглагольствования нашего. Здесь еще раз я увидел свидетельство опыта о истине сего изречения: заповедь Господня светла и просвещает очи душевныя; потому что, хотя собеседник мой не более как служитель при доме одного дворянина, но я не мог без удивления слушать его суждения о предметах Божественных; я видел в его суждениях лучи духовного просвещения, и сие просвещение было прекрасным плодом искреннего упражнения в исполнении заповедей Господних. Поручая себя молитвам сего раба Божия, я обещался воспользоваться всяким удобным средством к освобождению его от горькой работы помещичьей; и вот — в Вашем ко мне благотворном расположении мне теперь представляется это средство. Вспомните о слове Пилатовом: „Се человек!“ (Иоанн, 19.5) и выкупите бедного Николая Андреевича Балахонского, которого называют „человек“ в оскорбительном для человечества смысле».⁷

Как представителя ученого монашества того времени характеризует архимандрита Макария его описание встречи с древней Москвой. «Может быть, — пишет архимандрит, — я никогда не чувствовал, что я русский так, как при въезде в Москву; когда въезжал в Петербург, совсем другое было со мною... Густой туман лишил меня наслаждения — видеть Москву как на блюде с горы, которую называют Поклонною; сие лишение отчасти вознаградилось в душе моей приятным мечтанием о происхождении сего названия. Тут, думал я, в старину богомольцы, взглянув на сорок сороков сияющих крестов и куполов, поклонялись Богу отцов своих. Тут целые армии преклонялись пред Господом воинств, и молили благословить оружие, и приносили благодарения за победу над супостатами. Тут, может быть, какая-нибудь благочестивая княгиня и чада ея плакали и кланялись вслед за супругом-отцом, который и сам непрестанно оглядывался и кланялся им, предавая их воле Божией; сей князь в орду поехал, и не было известно ему и любезным его, что с ним случится, — и тут они раскланялись — до радостного свидания в вечности!.. Как вам описать чувствования, неожиданно посетившие душу мою при виде Кремля и Москвы-реки? Как описать на высоте Кремля красующийся царский дворец? Величайшей-любезнейшей царственности — разве так назовешь его? Невольное благоговение заставило меня снять пред ним ушастую шапку; кроткий дождик сходил на голову мне; сладкие капли оросили лицо мое; да здравствует Россия! — восклицала душа моя. Каким же блаженным восторгом възграет дух наш, когда в горнее отечество вступит и узрит град Бога своего, сияющий славою Бога его?..».⁸

Таковы были современники нашего замечательного поэта, жившие в глубинах великой нашей страны, мирские и монахи. И таких, конечно же, встречал во время своих многочисленных странствий Александр Сергеевич Пушкин.

---

⁷ Там же. С. 55.

⁸ Там же. С. 23.

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК В РОМАНЕ «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка.

«Капитанская дочка»
(Пропущенная глава)

Чем же замечателен наш русский народ, или что нужно знать о нашем народе? — хочется спросить у А. С. Пушкина. Откроем его труд о «простом величии простых людей» (Н. В. Гоголь). Позвольте предложить вашему вниманию портрет русского человека на основе сокровенных мыслей и наблюдений автора и описания им персонажей «Капитанской дочки» — Гринева, Савельича, Пугачева.

Внимательно читая роман, мы можем воспроизвести уклад жизни рядового помещика, или, по меткому выражению историка В. О. Ключевского, «нормального русского дворянина» описываемой эпохи. Это те, кто стали «пехотными армейскими офицерами» и вместе с русскими солдатами на своих плечах вынесли с поля боя «дорогие лавры» прославленных полководцев екатерининского царствования. В быту они жили обыкновенными помещиками, многие были любимы крестьянами, «несмотря на свою строгость», ибо «были справедливы и знали истинные нужды подвластных им людей». Хозяйка зачастую «была обожаема крестьянами и дворовыми людьми», как мать Гринева, например; часто у них были общие интересы в хозяйстве и, возможно, даже обмен опытом ведения некоторых домашних дел.¹ Детство Гринева дано в свете единства простого народа с дворянами. В усадьбе тех времен барчук бегал во дворе, может быть, с внуком или племянником дядьки, приставленного за трезвое поведение для его же воспитания и обучения грамоте, и был проникнут общим духом почтения к старшим, насаждаемым в детской среде. Его голос звучал в хоре дворовых ребят, приветствующих проходящего мимо в барский дом близкого к барину слугу.² Автор незаметным штрихом, как бы невзначай напоминает читателю, а стало быть, и своему современнику, о прошедшем детстве, в котором игра в чехарду с дворовыми мальчишками, лазанье по голубятням и общение с дворовыми девчонками нисколько не умаляли достоинства дворянина, — наоборот, дух детской веселости и удали слышен в этом описании.

---

¹ В качестве противоположного примера приведу описание общества помещиков у Гоголя. Жена Манилова получила хорошее воспитание, «а хорошее воспитание, как известно, получается в пансионах. А в пансионах, как известно, три главные предмета составляют основу человеческих добродетелей: французский язык, необходимый для счастья семейной жизни, фортепьяно, для доставления приятных минут супругу, и, наконец, собственно хозяйственная часть: вязание кошелев и других сюрпризов» («Мертвые души», гл. II).

² То, что дети помещиков мало чем отличались от дворовых ребятшек, засвидетельствовал в «Детских годах Багрова-внука» С. Т. Аксаков. Он пишет от лица барчука: «Я знал, что есть господа, которые приказывают; есть слуги, которые должны повиноваться приказаниям, и что я сам, когда вырасту, буду принадлежать к числу господ, и что тогда меня будут слушаться, а что до тех пор я должен всякого просить об исполнении какого-нибудь моего желания».

Дворянин, можно сказать, с пеленок числившийся «по милости» близкого родственника не рядовым гвардейцем, а сержантом гвардии, искусственно поставлен выше того самого Ваньки из «Пропущенной главы», который, скорее всего, был приятелем Петруши Гринева по детским забавам, а теперь «по глупости» стал сообщником Пугачева. Столкновение господина и мужика становится возможным в годы возмужания.

Описывая народ, Пушкин постоянно подчеркивает равную честь простолыдина и помещика, ибо и тот и другой — человек.

Мотив защиты чести чрезвычайно важен. Пушкин нам предлагает две точки зрения на понятие «защита чести». Так, долг перед Зуриным смущает Гринева, и он готов употребить власть для защиты собственной чести. Савельич же — против покрытия долга, случившегося из-за неопытности молодого человека: он видит здесь всего лишь вымогательство. Так же и дуэль. На Западе она была актом защиты чести; но, проникшая на Русь, у простого человека она считалась смертоубийством. «Помилуйте, Петр Андреич! Что это вы затеяли! Вы с Алексеем Ивановичем поборнились? Велика беда! Брань на ворота не виснет. Он вас побранил, а вы его выругайте... а мы вас уж помирим. А то: доброе ли дело заколоть своего ближнего, смею спросить? {...} Ну, а если он вас просверлит? {...} Кто будет в дураках, смею спросить» (VI, 283).

Защита же чести девушки и рана, полученная при этом, понята всеми и вызывает сочувствие Савельича, который в данном случае оправдывает Петрушу в письме к Андрею Петровичу Гриневу. Письмо это является одновременно свидетельством защиты чести молодого барина («Конь о четырех ногах, да спотыкается») и собственной чести («...я не старый пес, а верный ваш слуга»).

Подчеркнутое внимание к достоинству человеческой личности и особенно к достоинству собственному, дерзая утверждать, — плод воспитания народа Православной Церковью, ибо дух Слова Божия не унижает личностные моменты в человеческой природе, а укрепляет и утверждает их, способствуя полному их раскрытию. Святой евангелист Иоанн Богослов рассказывает, что на суде над Господом нашим Иисусом Христом во время допроса один из рабелепствующих служителей ударил Христа по щеке со словами: «Так отвечаешь Ты первосвященнику?» Иисус возразил: «Если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?» (XVIII, 22–23). Таким образом, Его же слова — «Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Евангелие от Матфея, V, 39), предложенные как способ угашения злобы личным мужественным внутренним терпением, — обретают дополнение и развитие, ибо есть и другие слова у Господа (см., например, Евангелие от Матфея, XVIII, 17), научающие верующих в Него преодолевать конфликтные ситуации.

Вернемся к роману А. С. Пушкина и вспомним, что всякое нарушение сердечности в общении персонажей встречает внутреннее сопротивление. Время как бы останавливается и замирает, спокойный тон повествования прекращается до восстановления духа сердечности.

Гринев требует у Савельича денег для уплаты долга Зурину, на что слышит ответ: «Воля твоя, сударь, а денег я не выдам». (По нашим современным понятиям, дворовый человек не мог отвечать в таком духе своему господину, — тому, кто волен был и продать и подарить его). Однако молодой барин впервые проявил свою волю: «„Я твой господин, а ты мой слуга. Деньги мои. {...} А тебе советую не умничать и делать то, что тебе приказывают“». Савельич так был поражен моими словами, что сплеснул руками и остолбенел. „Что же ты стоишь!“ — закричал я сердито. Савельич заплакал» (VI, 264).

Что могло так обидеть старого слугу? Конечно, низведение общения на уровень формальных отношений.³ Размолвка по поводу выдачи денег Зурину и господское, высокомерное отношение Гринева к Савельичу угнетали и того и другого. Знающий грамоту и, безусловно, знакомый с духом братского общения, в котором он и воспитывал Петра Андреевича, Савельич, конечно, читал те места из Священного Писания, где упоминается об обязанности господ помнить, что над ними тоже есть Господь на небесах, у Которого нет лицемерия (Послание к Колоссянам, IV, 1). Савельич надеялся на плоды своего воспитания и не ошибся. Дух прежнего общения, а также воспитанное церковной традицией и свойственное русской душе глубокое осмысление доли собственной вины в случившемся не давали покоя не замутненному пороками сердцу Гринева. «Ну, ну, Савельич! полно, помиримся, виноват; вижу сам, что виноват. Я вчера напроказил, а тебя напрасно обидел. (...) Ну, не сердись: помиримся» (VI, 266). С радостью раскрывается любящее сердце старого человека, честь которого была уважена молодым; то же самое углубление в причины произошедшего позволяет выявить долю его собственной вины: «Сержусь-то я на самого себя; сам я кругом виноват», хотя за несколько минут до этого он сидел с видом оскорбленного достоинства, «угрюмо... отворотись... и молчал, изредка только покрякивая». Душевное общение Савельича с его воспитанником и господином было восстановлено.

Посмотрим, что же способствовало подобному общению друг с другом наших предков в XVIII и начале XIX в. Смею утверждать, что это еще один плод церковного воспитания простых русских людей, населяющих великие пространства нашей Родины. Из романа мы узнаем, что Савельич был первым воспитателем своего барина, он же и научил его русской грамоте. Известно, что на Руси первые слова, которые прочитывал отрок, были из Евангелия: «В начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово», и из Псалтири: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых». Среди других истин Слова Божия, которые часто повторяли детям, была и эта: «Чти отца и мать, да благо ти будет и долголетен будеши на земли» (Десятисловие. Заповедь 5-я). Учитель наверняка не преминул обучить и таким словам из Послания Апостола Павла к Тимофею: «Старцу не твори пакости, но утешай, якоже отца; стариц, яко матерей; юноши, якоже братию; юныя, якоже сестры, со всякой чистотою. Вдовицы чти, истинныя вдовицы» (V, 1—3).

Воспитание закрепляло и другие прекрасные черты души русского человека. Например, благодарность. Гринева говорит: «Мне было досадно, однако ж, что не мог отблагодарить человека, выручившего меня, если не из беды, то по крайней мере из неприятного положения» (VI, 271). Благодарность Гринева была награждена в свое время: «...Я помиловал тебя за твою добродетель, за то, что ты оказал мне услугу», а почтительное отношение к слуге спасло его от петли! «А покачался бы на перекладине, если б не твой слуга», — говорит Пугачев Гринева (VI, 315).

Душа русского человека очень чутка к проявлениям благодарности, любви, сострадания, к гостеприимству и защите основ семейного счастья, беззлобна даже у людей, доведенных до крайности, таких как Хлопуша и Белобородов. Рисуя наружность Пугачева, Пушкин отмечает, что «черты лица его были правильные и довольно приятные, не изъяслявшие ничего

---

³ Иначе ведет себя Савельич, когда в разговор о награждении тулупчиком встречается сам вожатый и указывает, что «холопье дело слушаться и не спорить». Старик, крепя сердце, соглашается, ибо требование основано на здравомыслии и законе уважения добродетели.

свирепого». Безысходность от несправедливого и жестокого отношения к человеку вызывает протест и рождает ответную жестокость. Напротив, доброта и милосердие предотвращают зло.

Незнание души нашего народа и неправильное обращение с ним может повести даже к смерти незнающего. Автор считает, что строгие меры, предпринятые генерал-майором Траубенбергом против неповиновавшихся казаков, привели к его убийству. А усмирение бунта «картечью и жестокими наказаниями» кончилось тем, что мятежники «злостовали втайне и выжидали удобного случая для возобновления беспорядков». (Смирение казаков оказалось внешним и ложным. Чувство справедливости жаждало возмездия, и возможность для него открылась в лице самозванца). Пушкин, вероятно, специально выбрал данный исторический факт, желая показать, что вмешательство иностранцев в жизнь русского народа кроме беды не может принести ничего.

С этим мотивом связан и образ Бопре, который в отечестве своем был парикмахером, потом в Пруссии — солдатом, а в России — гувернером у дворянского недоросля. В ответ на упрек Гринева Савельичу последний возражает: «Помилуй, сударь, — сказал он, чуть не зарыдав, — что это изволишь говорить? Я причина, что ты был ранен! Бог видит, бежал я заслонить тебя своей грудью от шпаги Алексея Иваныча! (...) Вот до чего я дожил... вот каких милостей дослужился от своих господ! Я и старый пес, и свинопас, да я ж и причина твоей раны? Нет, батюшка Петр Андреич! не я, проклятый мусье всему виноват: он научил тебя тыкаться железными вертелами...» (VI, 292). И ранее, во время путешествия в гарнизон, в трактире, несомненные признаки «усердия» Гринева к службе заставили Савельича вспомнить недобрый словом воспитателя-француза: «А кто всему виноват? проклятый мусье. То и дело, бывало, к Антипьевне забежит: „Мадам, же ву при, водкю“. (...) Нечего сказать: добру наставил... И нужно было нанимать в дядьки басурмана, как будто у барина не стало и своих людей» (VI, 263).

Время написания романа — первая половина 1830-х годов. Грядет десятилетний юбилей декабрьского выступления; правительство занято изданием свода законов Российской Империи. В 1836 г. пересматривается уголовное право. Зная душу народа, Пушкин пишет «Капитанскую дочку» словно для того, чтобы сказать свое слово в защиту той прежней старины, где русский человек строил жизнь по нравственным правилам долга, чести, справедливости. Не хотел ли автор предупредить современников, что насилие власти над личностью, опирающееся на свод юридических установлений, не принесет ожидаемого благополучия, ибо такая позиция правительства лишена нравственных принципов, а поэтому не будет понята народом. Не потому ли, повествуя о пытке башкирца, автор как бы случайно вспоминает о «кротком царствовании императора Александра» и просит будущего читателя: «Молодой человек, если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений». В противном случае народ может расколоться на две части: одна, подобно Савельичу, готова будет, согласно боярской воле, «свиной пасти», но однако же при первой возможности «поцелует ручку» у самозванца и встанет на сторону противников существующего строя; другая часть будет «злостовать втайне» и сможет выставить самозванца.

Не случаен финал романа, — милость императрицы, разобравшейся лично в деле одного из преступников. Главу, в которой описано помилование крепостных крестьян их помещиком, Пушкин не ввел в окончательный текст, возможно, для того, чтобы, сосредоточив внимание читателей на

милости самозванца и самодержицы как представителей верховной власти, тем самым сохранить эмоциональный накал повествования.

Так Пушкин в своем последнем романе, обращаясь к читателям с призывом бережно относиться друг к другу, оправдывает свои же слова, что он «в жестокий век... милость к падшим призывал». А одна из заповедей Христовых гласит: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут».

Священник Иоанн Малинин

ДОМ СВЯЩЕННИКА В БОГОСПАСАЕМОЙ КРЕПОСТИ

Наше духовенство, до Феофана, было
достойно уважения...

А. С. Пушкин — П. Я. Чаадаеву,
19 октября 1836 г.

Известно, что Пушкин ходил в храм не по обязанности, а из любви к богослужению (совершаемому по-русски на славянском языке).

..... Я живу
Теперь не там, но верною мечтою
Люблю летать, заснувши наяву,
В Коломну, к Покрову — и в воскресенье
Там слушать русское богослуженье.

(IV, 239)

«Православного русского дворянина»,¹ каким и был Александр Сергеевич Пушкин, безусловно, беспокоило и интересовало место и значение священнослужителя в обществе и в судьбах страны. Да, Пушкин не был равнодушен к поведению служителей Церкви. Известно, что еще в лицейские годы он пишет поэму «Монах». Свое рассуждение на тему монашеской жизни он заканчивает предупреждением:

Держись, держись всегда прямой дороги,
Ведь в мрачный ад дорога широка.

(I, 22)

Понимая, что слабости человеческой природы свойственны и священнослужителям, поэт находит аналогии в Священном Писании. Так, в стихотворении «К другу стихотворцу» (1814), в шутильной форме отговаривая некоего Ариста от поэтической стези, собственные поэтические упражнения автор оправдывает и приводит эпизод из жизни одного священника:

В деревне, помнится, с мирянами простыми,
Священник пожилой и с кудрями седыми,
В миру с соседями, в чести, довольстве жил

---

¹ Так Пушкин характеризует боярина Гаврилу Афанасьевича Ржевского в «Арапе Петра Великого» (гл. V).

И первым мудрецом у всех издавна слыл.
 Однажды, осушив бутылки и стаканы,
 Со свадьбы, под вечер, он шел немного пьяный,
 Попалися ему навстречу мужики.
 «Послушай, батюшка, — сказали простаки, —
 Настави грешных нас — ты пить ведь запрещаешь,
 Быть трезвым всякому всегда повелеваешь,
 И верим мы тебе, да что ж сегодня сам...»
 — «Послушайте, — сказал священник мужикам, —
 Как в церкви вас учу, так вы и поступайте,
 Живите хорошо, а мне — не подражайте».²

(I, 26)

В словаре Пушкина священнослужители называются по-разному. Так, митрополит Филарет — *русский епископ*³ или просто — *Филарет*. Серафим же, петербургский митрополит, именуется *митрополитом* по должности, а протопресвитер Герасим Павский — *по фамилии*, характеристика же ему дана как «умному, ученому и доброму священнику», тогда как на его место «митрополит предлагал *попа* Кочтова, плута и сплетника» (VIII, 46). Таким образом, мы можем наблюдать все формы светского обращения к священнослужителям в XIX в.

Требоисправителя и секуляризованного священнослужителя Пушкин называет *попом*. Например: «В городе говорят о странном происшествии. В одном из домов, принадлежащих ведомству придворной конюшни, мебели вздумали двигаться и прыгать, дело пошло по начальству. Кн. В. Долгорукий нарядил следствие. Один из чиновников призвал *попа*, но во время молебна стулья и столы не хотели стоять смирно» (VIII, 26). Известное сатирическое произведение «Сказка о *попе* и работнике его Балде» заканчивается грозным пожеланием: «Не гонялся бы ты, *поп*, за дешевизной».

Встречающееся иногда у поэта пренебрежительное отношение к священнослужителям было вынесено из годов юности, т. е. из александровской эпохи, когда с подачи министра духовных дел князя А. Н. Голицына Церковью управлял император. Известный архимандрит Юрьевского Новгородского монастыря Фотий (Спасский) пишет в своей автобиографии, что во время духовного разброда общества времен Александра I духовенство Православной Церкви было в общественном презрении. Веротерпимость того времени позволяла издавать различную духовную литературу, в частности, был издан на русском языке Коран, а перевод Священного Писания был приостановлен. Православные издания на русском языке подвергались гонению, достаточно припомнить по этому случаю историю архимандрита, а затем епископа Иннокентия (Смирнова), бывшего ректора Петербургской Духовной семинарии. Архимандрит Фотий свидетельствует: «О духовенстве писались объявления самые постыдные и всем во известие давались, отчего духовенство презренным делалось, всякая немощ публиковалась... Взглянув на полный каталог русских книг, легко можно увидеть, как дух времени развращает русскую литературу и ищет под видом ее потрясти во всех классах народное почтение к нравственности, православной вере, попечительному правительству и истинному просвещению».⁴

² Ср.: «Тогда Иисус начал говорить народу и ученикам Своим, и сказал: на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи. Итак, все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте: ибо они говорят, и не делают» (Евангелие от Матфея, XXIII, 1–3).

³ Здесь и далее курсив в цитатах мой. — И. М.

⁴ Русская старина. 1894. Июль. С. 225. Сентябрь. С. 219.

Воспитанный в духе общественных веяний времени, к тому же дворянин, А. С. Пушкин относился к духовенству критично, однако отдавал должное уважение его роли в истории России и Европы.⁵ Его отношение к русскому духовенству становится ясным из письма, адресованного П. Я. Чаадаеву, датированного тем же числом, что и окончание «Капитанской дочки». Поэт пишет: «У греков мы взяли евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева. Наше духовенство, до Феофана,⁶ было достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями папизма⁷ и, конечно, никогда не вызвало бы реформации⁸ в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве. Согласен, что нынешнее наше духовенство⁹ отстало. Хотите знать причину? Оно носит бороду, вот и всё. Оно не принадлежит к хорошему обществу» (X, 689).

Как же объяснить выпад Пушкина в «Сказке о попе и работнике его Балде»? Думается, цель этого произведения — сатира, посредством которой автор в форме художественного произведения анализирует жизнь секуляризованного духовенства. Он предупреждает, что если духовенство будет искать в простолудине, который «идет, сам не зная куда», не творение Божие — Человека, а «служителя не слишком дорогого», то и получит мирские взаимоотношения работодателя и работника, требующего своего за проделанную работу. А Евангелие свидетельствует нам о том, что Бог слышит «вопли жнецов» и сама «плата, удержанная... у работников... вопиет, и вопли жнецов дошли до Господа Саваофа» (Послание Иакова, V, 1—5). В «Сказке» показано, что неполноценная оплата труда уже в этой жизни горько отражается на судьбе того, кто желает сэкономить на трудах своего работника.

Пушкин рисует бытовую сторону жизни священника, который предстает перед нами прижимистым хозяином, а не служителем Божиим, призванным показывать верующим пример добродетели, а также «...в учительстве чистоту, степенность, неповрежденность, слово здоровое, *неукоризненное*, чтобы противник был посрамлен, не имея ничего сказать о нас худого» (Послание к Титу, II, 7—8). Сказку, где «работник, повар, конюх и плотник» Балда предстает противником и мстителем недобросовестного работодателя, Пушкин заканчивает замечанием, которое вписывается в приведенный выше контекст «Послания к Титу» Св. Апостола Павла: «А Балда приговаривал с *укоризной*».

Да, Пушкин не был равнодушен к носящим сан священнослужителя. В романе «Капитанская дочка» мы встречаем совсем иной образ священника, нежели в упомянутой «Сказке».

Среди второстепенных персонажей романа выделяется супружеская чета — священник местной церкви отец Герасим и его супруга Акулина Памфиловна. В «богоспасаемой крепости» не было ни смотров, ни учений, ни караулов (см. гл. «Поединок»), и жизнь строилась на основе взаимного

---

⁵ В ранних «Заметках по русской истории XVIII века» (1822) читаем: «В России влияние духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно в землях римско-католических. Там оно, признавая главою своею папу, составляло особое общество, независимое от гражданских законов, и вечно полагало суеверные преграды просвещению. У нас, напротив того, завися, как и все прочие состояния, от единой власти, но огражденное святыней религии, оно всегда было посредником между народом и государем. Мы обязаны монахам нашей истории, следственно и просвещением» (VIII, 93).

⁶ То есть до правления по Духовному Регламенту.

⁷ То есть придерживалось духа соборности, а не централизованной власти по примеру управления папой римским.

⁸ Как это сделал Лютер, нарушивший церковную дисциплину.

⁹ Имеется в виду синодальный период.

общения ее обитателей. Введение в повествование семьи священника происходит незаметно, простым упоминанием о том, что комендант крепости «пошел в гости к отцу Герасиму». Далее автор сообщает читателю, что и к коменданту «вечерком являлся отец Герасим с Акулиной Памфиловной, первой вестовщицей во всем околотке».

Любопытно, что внешний вид «богоспасаемой крепости» в романе описан дважды. В первый раз — когда Гринев приближается к месту своей будущей службы. «„Далече ли до крепости?“ — спросил я у своего ямщика. „Недалече, — отвечал он. — Вон уж видна“. — Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы, башни и вал; но ничего не видал, кроме деревушки, окруженной бревенчатым забором. С одной стороны стояли три или четыре скирда сена, полузанесенные снегом; с другой скривившаяся мельница, с лубочными крыльями, лениво опущенными. „Где же крепость?“ — спросил я с удивлением. „Да вот она“, — отвечал ямщик, указывая на деревушку, и с этим словом мы в нее въехали. (...) ...Через минуту кибитка остановилась перед деревянным домиком, выстроенным на высоком месте, близ деревянной церкви» (VI, 274). В другой раз, подъезжая с Пугачевым к крепости, Гринев увидел «деревушку на крутом берегу Яика, с частоколом и с колокольней» (VI, 338).

Интересно описание крепостной жизни: крепость защищали «солдатушки», «человек двадцать стареньких инвалидов», тогда как вступающего победителя встречали «жители (...) с хлебом и солью» под колокольный звон. Посмотреть на расправу и принимать присягу пришло много народу. «Все это продолжалось около трех часов».

Итак, рисуется картина: народ живет самостоятельно, малочисленный гарнизон должен защищать часть государства в виде крепости, жители которой приветствуют разгром своих защитников колокольным звоном. Священник остается с народом и признает вместе с ним своим правителем самозванца. А далее уже правитель берет власть и над священником: «Он объявил отцу Герасиму, что будет обедать у него» (VI, 309). «...Не послать ли за попом, да не *заставить* ли его обвенчать племянницу?» (VI, 341).

Как же ведет себя священник при этой несвободе? Он в своей семье приютил, скрыв истину, дочь человека, судьба которого на сей момент была предрешена, что и отмечено в разговоре Гринева с Пугачевым. «...Можно ли было при твоих людях объявить, что дочь Миронова жива. Да они бы ее загрызли. Ничто ее бы не спасло», — говорит Гринев. «И то правда, — сказал, смеясь, Пугачев. — Мои пьяницы не пощадили бы бедную девушку. Хорошо сделала кумушка-попадья, что обманула их» (VI, 341).

Итак, во время русского бунта, «бессмысленного и беспощадного», священнический дом и семья остались островком здравого смысла и прибежищем гонимого человека, а на все это требовалась достаточная доля мужества. «Поп и попадья крестились, услыша, что Пугачеву известен их обман» (VI, 342).

Где же та внутренняя сила и ее источник, помогающий священнослужителю творить добро, пусть и не глобального масштаба? На чем основываются мужественные действия священнической четы? Для ответа на этот вопрос важен представленный нам разговор Гринева с хозяевами в доме священника. Из всего приема и их разговора Пушкин предлагает нам три реплики, содержащие ключевые понятия, которые помогают определить источник внутренней стойкости этой семьи. Беседуя с Гриневым, Акулина Памфиловна, восклицая, говорит: «„...Да, скажите, мой отец, как это вы с Пугачевым-то поладили? Как он это вас не укокошил? Добро, спасибо злодею и за то“. — „Полно, старуха, — прервал отец Герасим. —

Не всё то ври, что знаешь. *Несть спасения во многом глаголании*»». Далее на замечание Гринева о том, что Пугачев знает об обмане — «„С нами сила крестная! — говорила Акулина Памфиловна. — Промчи Бог тучу мимо. Ай-да Алексей Иваныч; нечего сказать: хорош гусь!“» (VI, 342).

Если разобрать эту сцену с точки зрения внутренней ориентации персонажей, то мы увидим, что священническая чета обращает внимание на все обстоятельства жизни, т. е. *союз сердец молодых* («А мы-то вас каждый день поминали. А Марья-то Ивановна всего натерпелась без вас, моя голубушка»). Здесь же отмечена *доброта злодея*, однако все это отнесено во второй план фразой: «Несть спасения во многом глаголании», т. е. в беде разговорами не поможешь, необходима конкретная деятельность. По этому случаю вспоминаются слова Апостола Иоанна Богослова: «Дети мои! станем любить не словом или языком, но делом и истиною» (1-е Послание Иоанна, III, 18). Слова попадания «Промчи Бог тучу мимо» звучат как молитва. Можно предположить, что другая фраза попадания — «С нами сила крестная!» — просто привычная поговорка, но тогда естественней было бы сказать: «С нами крестная сила!», однако Пушкин поставил слова в таком порядке, и они звучат как свидетельство личной веры.

Итак, выстраивается духовная линия поведения священнослужительской четы. Их цель — творение добра, а в решительные моменты жизни — молитва с надеждой на силу Креста.

В творчестве Пушкина нам представлены два варианта жизни священнической семьи. В «Сказке о попе...» — образ житейски озабоченного священника, у которого в трудный момент нет никого, кто бы дал ему совет, кроме собственной жены. В романе «Капитанская дочка» Пушкин пишет образ других взаимоотношений. Здесь священник и его жена принимают на себя тяжесть утolenия торжествующей злобы. Когда нет других возможностей делать добро, они с усердием готовят по приказу обед злодеям, сохраняя жизнь Марьи Ивановны. «„Барышня жива, — отвечала Палаша. — Она спрятана у Акулины Памфиловны“». — „У попадания! — вскричал я с ужасом. — Боже мой! да там Пугачев!“ Я бросился вон... и опрометью побежал в дом священника... (...) Через минуту попадая вышла ко мне в сени с пустым штофом в руках. (...) „Лежит, моя голубушка, у меня на кровати, там за перегородкою... (...) ...злодей только что уселся обедать, как она, моя бедняжка, очнется да застонет!.. Я так и обмерла. Он услышал... (...) И ведь пошел окаянный за перегородку... и ничего... Бог вынес! А веришь ли, я и батька мой так уж и приготовились к мученической смерти. (...) Что будет, то будет; авось Бог не оставит“» (VI, 310).

Дом священника и образ жизни священнослужителя был знаком А. С. Пушкину с детства. Известно, что семья Пушкиных в 1810 г. в Москве «в приходе Николы, что на „курьих ножках“, снимала жильё у священника».¹⁰ В последнем романе Пушкина *дом священника* существует как отдельно взятое понятие. Здесь он представлен нам как прибежище гонимых, хранилище душевного спокойствия, сердечной стойкости и постоянства. Так, после освобождения Марья Ивановна, посылая Гринева к Акулине Памфиловне, говорит, что она скоро будет там. Автор пишет: «Я повиновался и пошел в дом отца Герасима» (VI, 342). В последний раз упоминается этот дом в замечательной картине: «Пугачев уехал. Я долго смотрел на белую степь, по которой неслась его тройка. Народ разошелся. Швабрин скрылся. Я воротился в дом священника» (VI, 344).

¹⁰ Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: 1799—1826. Л., 1991. С. 34.

И еще одно замечание. Описание покоренного городка-деревушки неожиданно напоминает знакомую петербургскую картину. «Ночь была тихая и морозная. Месяц и звезды ярко сияли, освещая площадь и виселицу. В крепости всё было спокойно и темно. Только в кабаке светился огонь и раздавались крики запоздалых гуляк. Я взглянул на дом священника. Ставни и ворота были заперты. Казалось, всё в нем было тихо» (VI, 316).

Это описание перерастает в символическое, заставляя читателя вспомнить известную столичную *площадь*, после того как некоторые участники защиты чести страны нашли *виселицу*. С площади прекрасно видна знаменитая *крепость*, в которой «спокойно и темно». Площадь, как известно, замыкается зданием, в котором размещалась духовная власть России. Все символы налицо.

Будущность Родины и причины, которые смогли бы отвратить неуправляемое движение народного возмущения, просматриваются почти во всех сюжетах романа.

Сюжет с отцом Герасимом заканчивается трогательной сценой. «Отец Герасим и жена его вышли на крыльцо. (...) „Прощай, Марья Ивановна, моя голубушка! прощайте, Петр Андреич, сокол наш ясный! — говорила *добрая попадья*. — Счастливым путь, и дай Бог вам обоим счастья!” Мы поехали» (VI, 344).

Понятно отношение Пушкина к священнослужителям как к равным с собою гражданам страны, имеющим лишь большую ответственность перед Богом, но, согласно одному из признаков Церкви — соборности, — равный голос вместе с прочими членами Церкви Христовой.

Вспомним напоследок потрясающую сцену в главе «Приступ». «Отец Герасим, *бледный и дрожащий*, стоял у крыльца, с крестом в руках, и, казалось, умолял его (кого? — *И. М.*) за предстоящие жертвы» (VI, 307). Вот, пожалуй, символический портрет русского духовенства синодального периода истории нашей Церкви.

Обратим, наконец, внимание на имя персонажа: отец Герасим, что в переводе с греческого значит «почтенный». Дано ли это имя ради его переводного значения, или в память протопресвитера Герасима Петровича Павского?¹¹ Как бы то ни было, этот персонаж олицетворяет русское духовенство означенного периода жизни нашей Церкви.

---

¹¹ В «Дневнике» (февраль 1833 г.) Пушкин сочувственно пишет о Герасиме Петровиче Павском, законоучителе великого князя Александра Николаевича, отставленном по требованию Синода: «Жаль умного, ученого и доброго священника!» (VIII, 46).

Г. И. Пеев

СВОБОДА И ОБЩЕНИЕ

(по материалам «Капитанской дочки» А. С. Пушкина)

Внимательный читатель «Капитанской дочки» заметит, что по ее персонажам можно составить неполное, но все же объемное представление о социальном срезе русского общества второй половины XVIII в. Перед нами проходят образы крепостного слуги Савельича и разжалованного гвардейца Швабрина, священника Белогорской крепости и ее коменданта, выслужившегося из солдат, казака-самозванца и самой государыни императрицы.

События повести, в ходе которых ее главный герой, Петр Гринеv, вступает во взаимоотношения со всеми действующими лицами прямо или косвенно, могли бы послужить сюжетом для приключенческого романа. Тем более что ключевые из этих взаимоотношений разворачиваются между ним, провинциальным дворянином, офицером, остающимся верным долгу, и казаком-самозванцем, вождем мятежников.

Элементы приключенческого жанра, безусловно, в повести есть. Тем не менее она далеко выходит за его пределы, потому что самые неожиданные встречи и ситуации диктуются в конечном счете не прихотливой занимательностью сюжетной канвы, — они подчинены раскрытию образов лиц, участвующих в них, когда каждый выступает в качестве человека помимо его социального статуса и положения, хотя последнее при этом не отменяется, а иногда даже подчеркивается. Герои повести как бы приподнимаются над своим общественным положением, относятся к нему свободно и выступают друг перед другом во всем богатстве своих внутренних определений. Такие отношения между людьми называют неформальными, и они, подобно круговой поруке, охватывают всех действующих лиц повести — от крепостного слуги до императрицы.

В самом деле, Савельич — крепостной человек Гринева, но их отношения оказываются намного шире связи слуги и господина, когда они регулируются приказом и его выполнением. Дела воспитанника становятся для слуги делами его собственными, и ради них он готов пререкаться с молодым господином, навлекая на себя его гнев, а когда в захваченной Белогорской крепости самозванец творит суд и расправу, Савельич рискует собой ради жизни воспитанника и спасает его. Господин навсегда остается для слуги неопытным ребенком. Но и для воспитанника он не только слуга. Нагрубив, господин усомнился и ищет случая загладить вину, а в минуту опасности для слуги в свою очередь готов рискнуть ради него жизнью. В эту минуту он для него просто «бедный старик». Неформальные отношения между слугой и господином оставляют каждого из них на своем месте, при своем общественном положении. Они далеки от формального равенства: слуга остается слугой, господин — господином. Более того, неформальные отношения придают обязательству, связанному с общественным положением, силу нравственного долга. И именно исполнение этого долга возвышает достоинство человека и ставит его вровень с теми, кто выше его по общественному статусу. В этом взгляде на формальные обязанности как на общественный долг, порожденный внутренней мотивацией человека, и заключается свободное отношение к ним. Своеобразное достоинство звучит в словах, которыми Савельич завершает письмо старому барину, отцу Петра Гринева: «Верный холоп ваш Архип Савельев». Да, действительно холоп, и холоп верный: дело свое делаю честно и честно несу свой земной крест. А потому как человек достоин уважения, а не поношения.

Тема слуги и господина — одна из повторяющихся в мировой литературе. Но едва ли где-нибудь два этих персонажа подобным же образом взаимно уравниваются и признаются в своем человеческом достоинстве, оставаясь каждый на своем месте. Бедный рыцарь «печального образа» творит сумасбродств поболее, чем дворянский недоросль Петруша Гринеv, и Санчо Панса с его трезвым крестьянским реализмом прекрасно видит это. И все же он не относится к Дон Кихоту как к большому ребенку, каким тот в действительности и является, но всегда обращается к нему как к господину, позволяя себе только указать на несообразность некоторых его слов и поступков, чем усиливается комизм этой в целом невеселой истории. Дон Кихот благожелателен к своему слуге и старается держать

свое слово перед ним, но всегда смотрит несколько сквозь него или поверх него. Он остается господином.

С Пугачевым Гринева связывают также неформальные отношения. Их встреча была случайной в условиях, когда они друг без друга не могли бы обойтись. В буран, в степном бездорожье случайный встречный направил кибитку Гринева на постоялый двор, воспользовавшись случаем самому быстрее добраться до него.

Услуга была взаимной. К тому же Гринев в качестве дворянина приказал поднести казаку стакан вина. Взаимные обязательства с чисто формальной стороны были исчерпаны. После этого герои могли бы и разойтись. Однако еще в дороге Гринев обратил внимание на сметку, расторопность, самостоятельность вожакого. А при расставании пожелал «отблагодарить человека, выручившего... если не из беды, то по крайней мере из очень неприятного положения». Гринев, таким образом; увидел в оказавшемся полезным встречном, с которым они вполне в расчете, человека, выручившего его. Вот в этом-то и начало неформального общения, способность приподняться над непосредственностью ситуации. Между тем подобное общение всегда требует некоторой избыточности, выражением чего и стал заячий тулупчик, против передачи которого казаку с плутовским лицом безуспешно протестовал Савельич, хотя его служба господину отличалась той же самой избыточностью. Тулупчик не просто был полезен Пугачеву зимой. Он показывал, что барин увидел в нем человека. Заячий тулуп до известной степени обладал знаковой ценностью, а не просто утилитарной.

Позднее Пугачев и Гринев встретятся в иной обстановке, и за заячий тулуп Пугачев, уже «император Петр Федорович», одарит Гринева жизнью. При всей комической несопоставимости даров (отмеченной Пушкиным, когда Савельич в обмен на тулуп вымаливает жизнь господину), их знаковая ценность одинакова: Гринев отнесся к Пугачеву как человек к человеку, теперь Пугачев отвечает ему тем же. Как мы отметили, неформальные отношения не сглаживают разницу в общественном положении. Первый дар делает Гринев, и это дар барина выручившему его человеку. Второй дар делает Пугачев. И несоизмеримость даров указывает на дистанцию, отделяющую его, теперь «царя», от прежнего дарителя. Отношения, завязавшиеся между ними, оставляют каждого из них на своем пути, и пути эти противоположны: для Гринева — это путь долга; о пути Пугачева Гринев получил представление из заунывной бурлацкой песни и калмыцкой сказки, рассказанной самозванцем. Только широта неформальных отношений, где человек выступает в качестве человека, позволяет принять его целиком, даже в том, в чем примирения между ними быть не может.

Впрочем, отношения Маши Мироновой с императрицей во многом складываются так же, как и отношения Гринева с Пугачевым. Маша понимает сомнительность характера поездки ее суженого с театра военных действий в лагерь самозванца и просит милости, а не правосудия. Милость и есть избыточность, дар, на который рассчитывает капитанская дочка. И она получает его от государыни. Проявляя милость, царица, таким образом, приемлет, правда в форме милости, и поведение Гринева, и великодушие к нему Пугачева. Она включается в их связь.

Для того чтобы между людьми, стоящими на разных ступенях общественной лестницы, могли возникнуть неформальные отношения, они иногда должны быть вырваны из ситуации, в которой оборачиваются друг к другу лишь стороной официальной. Так, Гринев сумел оценить Пугачева в первый раз во время бурана. Их вторая встреча происходит, когда Гринев оказывается перед лицом смерти. Пугачев получает возможность оценить твердость юного офицера, а Гринев — великодушие бунтовщика. Но и

Маша Миронова впервые встречается с императрицей случайно, как с дамой, гуляющей в саду, и дистанция, разделяющая их, в этой первой и решающей встрече сокращается.

Однако для неформальных отношений это необязательно. Часто они вырастают из привычной, повседневной жизни, в которой формальные различия как-то сами собой стираются, хотя и продолжают существовать. Так было в отношениях Гринева с Савельичем. Неформальные отношения пронизывают и атмосферу детства и юности Гринева в отеческом доме, когда он гонял голубей и играл в чехарду с дворовыми мальчишками. Та же атмосфера царил и в Белогорской крепости, управляемой неизвестно кем: то ли комендантом, то ли его женой. В этом случае в неформальных отношениях проявляется известный недостаток: недостаток оформленности, определенности, столь свойственный русской жизни, в чем также выражается свободное отношение к нормам действительности. Пушкин не идеализирует этих «патриархальных» отношений, но и не судит их строго, а иногда с легкой иронией даже любит ими. Он знает: придет время, и недоросль, гонявший голубей, исполнит свой долг, так же как и скромный капитан затерявшейся в степях крепости. Некоторая расслабленность и неопределенность отношений обыденной жизни — это как бы накопление сил, которые тем сильнее и неожиданнее раскроются в решающий момент.

Неформальным отношениям присуща неопределенность и другого рода: она заключена в их хрупкости. Общение Гринева с Савельичем периодически сопровождается конфликтами, что едва ли было возможно, если бы оно было строго формализовано. Полагаясь на великодушие самозванца, Гринев всегда в его присутствии настороже. При том взаимопонимании, которое осуществляется в них, каждый тем не менее остается самим собой, и более глубокое постижение может обернуться радикальным неприятием той или иной ситуации или даже жизненного пути человека в целом. Поэтому калмыцкая сказка, например, производит на Гринева совсем не то впечатление, на которое рассчитывал Пугачев. (Правда, в любви-ненависти, порождаемой неформальными отношениями, гораздо более искушены герои Ф. М. Достоевского). Неформальные отношения — это всегда некая избыточность, некий свободный дар. Он может быть предложен, но может быть и отнят. И горе тому, кто не готов к этому.

Неформальное, свободное отношение к действительности может принимать и иные формы. Напомним, что Швабрин, самый отрицательный персонаж повести, тоже относится к формальным нормам, организующим жизнь, предельно свободно. Он способен оболгать человека; удар шпагой он наносит Гриневу в момент, когда того окликнул слуга. Наконец, он изменяет долгу. Притом Швабрин — бывший гвардеец, человек хорошей фамилии, просвещенный, у него Гринев берет французские книги.

Но и Пугачев предельно свободен в обращении с формальными нормами. Если Гринев неуклонно следует долгу (даже его кажущиеся отклонения от этого пути показывают, как ненавязчиво, но глубоко укоренено это чувство в нем), то образ Пугачева постоянно двоится. Во время первой встречи он — толковый и смысленный вожатый, но уже на постоялом дворе принимает вид заговорщицкий, и Гринев отмечает плутовское выражение его лица. В начале бунта Гринев слышит о нем как о беглом казаке, а в захваченную крепость он является «царем Петром Федоровичем». В этой роли он может являть черты щедрости и великодушия, свойства народного царя, но может лить кровь тех, кто остался верен долгу. Таким таинственно двоящимся он и остается в памяти Гринева.

Пугачев — в известной степени оборотень, как и Швабрин (Пушкин не случайно сводит их). На своем месте Пугачев оказывается во время

казни, в последний раз кивая Гриневу. И все же есть между Швабриным и Пугачевым различие, делающее фигуру последнего притягательной и для автора, и для Гринева, и для читателя. В оборотничестве Пугачева много стихийного порыва, искреннего перевоплощения, благодаря чему он всегда оказывается в какой-то степени на своем месте: он действительно и вожатый, и заговорщик, и народный царь, и злодей. Не эта ли способность к перевоплощению помогает ему понять и принять противника, Гринева, и в этом великодушном принятии остаться для последнего загадкой.

Оборотничество Швабрина иного рода: оно мнимое. Швабрин — то офицер императорской армии, то участник шайки разбойников. Но его холодновато-просвещенный цинизм не позволяет ему быть ни тем, ни другим. Он везде остается самим собой в своем эгоистическом индивидуализме. Если Пугачев везде на своем месте, то неискренний Швабрин повсюду чужой.

Итак, свободное отношение к действительности, выраженное в неформальных отношениях, может привести к свободному принятию ее, и тогда оно реализуется в чувстве долга, в свободном служении ей. Однако оно может осуществляться и в негативном к ней отношении, губительно действующем на нее. «Капитанская дочка» повествует об обоих этих вариантах.

Но откуда берется само это свободное отношение к действительности? Ответ на этот вопрос невозможен без обращения к религии, которая формирует отношение человека к Богу, к самому себе и к действительности в целом. Христианство исходит из триединства Божества и наличия внутривещной жизни в любви, несводимой к земной и даже ей противоположной. Соответственно приобщенность к внутривещной жизни, даваемая Церковью, сопровождается определенной мерой свободы в отношениях человека с действительностью. В отличие от западнохристианских конфессий православие исходит из того, что человеческая природа не безнадежно поражена грехом, но только имеет склонность к нему. Поэтому человек может отпасть от Бога, и в то же время, ведомый Церковью, он способен приподняться над земной реальностью в целом, обрести свободу относительно нее в направлении к Богу. Такая свобода не отменяет этой реальности с ее общественной иерархией, поскольку она санкционирована Церковью. Она предполагает принятие ее, когда общественное положение и обязанности, связанные с ним, уже не рассматриваются человеком с позиции их формального выполнения, а требуют полной самоотдачи и реализации им себя в качестве человека и личности. В этом всегда был «скрытый резерв» России при ее столкновении с силами, казалось бы, превосходящими ее возможности. Такое отношение к действительности составляет основу неформальных отношений, описанных Пушкиным в «Капитанской дочке». Так реализуют себя крепостной слуга, дворянин Гринев, капитан Миронов и сама императрица, подошедшая к судебному делу неформально, как человек, оставаясь при этом государыней. Всех их, помимо отношений служебных, связывают отношения и человеческие, неформальные, ибо именно на службе каждый из них проявляется в роли человека и личности.

Отпадение от Бога (а оно возможно как результат злой воли) означает и неприятие действительности с ее общественной иерархией, освященной Церковью Божией. Но и отпав от Бога, русский человек до некоторой степени сохраняет выработанный православием стереотип поведения, получающий несколько неожиданное применение. Неформальное, свободное отношение к действительности сохраняется, но оно оборачивается тотальным пренебрежением и ломкой всех установлений действительности в качестве лишенных ценности пустых формальностей.

Пренебрегает этими нормами Швабрин (жена коменданта крепости не случайно обронила, что он в Бога не верует). Кровавой ломке подвергает их Пугачев. Между тем самозванство Пугачева не было актом исключительно политическим. При том что в положении самой Екатерины было что-то от самозванства (и это вводило в соблазн многих, в том числе и Пугачева), ее венчала на царство Церковь, — ее власть, следовательно, делегировалась Богом, и незаконное посягательство на нее означало неприятие богоустановленного порядка и его источника.

В. С. Непомнящий

«ДА ВЕДАЮТ ПОТОМКИ ПРАВОСЛАВНЫХ...»

Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу.

А. С. Пушкин. «Борис Годунов»

Пушкину скоро исполнится двести лет. Цифра эта по человеческому счету огромная и не очень вяжется с именем человека, значение которого в нашей культуре, истории и жизни настолько выходит за пределы словесности, литературы, настолько пророчески живо, что и в нынешних катастрофических обстоятельствах, когда до проблем литературы, да и культуры вообще, казалось бы, никому нет дела — только бы уцелеть, — автор «Бориса Годунова» и «Пира во время чумы» кажется современником. Не случайно его имя и его слово то и дело возникают сегодня, порой в неожиданных контекстах, в наших размышлениях и спорах о насущных вопросах жизни, о нашей судьбе. Иной раз кажется: не мы обращаемся к нему, а он властно вторгается в нашу действительность, напоминая о том, о чем людям нельзя забывать даже в самой безумной суматохе.

На одно из таких «вторжений» я и хотел бы обратить внимание. 28 мая 1991 г. исполнилось 400 лет со дня гибели Димитрия, царевича Угличского и Московского. Этот день положил конец царской династии, что вела начало от Рюрика, и послужил исторической причиной эпохи скорбно знаменитого Смутного времени, которая закончилась по возведении на российский престол новой династии — Романовых. 17 июля 1918 г. большевики расстреляли последнего русского царя из царствовавшего триста лет дома Романовых, а также наследника цесаревича Алексея и всю царскую семью.

Первое из этих событий — убийство мальчика-царевича Димитрия, причисленного Православной Церковью к лику Святых, — легло в основу трагедии «Борис Годунов», законченной 7 ноября 1825 г., — произведения, с которого сам Пушкин начинал отсчет своего зрелого творчества. Удивительно то, что, задумав написать трагедию из истории России, молодой Пушкин из всей громады возможных захватывающих сюжетов выбрал именно убийство мальчика, наследника престола, и изобразил то, что последовало за этим преступлением: узурпацию законной власти, совершенную при попусшении народа, хаос и беззаконие, нашествие иноземцев, реки крови, пролитые в братоубийственных сражениях. Но поистине достойно изумления вот что: выбирая этот сюжет, Пушкин превосходно знал, что слух о насильственной смерти царевича Димитрия недостаточно под-

твержден, и все же именно эту версию положил в основу трагедии. Словно кто-то, кому ведомо не только прошлое, настоящ: пиши это, не ошибешься.

И не ошибся. Сбылось все — не прошло и ста лет. Притом в масштабах, неслыханных в старину: и убийство мальчика, наследника престола, но не одного, а вместе с отцом, матерью, сестрами и приближенными; и узурпация власти, и разруха, и хаос, и беззаконие, и братоубийственная война, и нашествие иноземцев, и реки крови — такие, что и не снились XVII веку. И смутное время, длившееся тогда годы, захлестнуло почти весь XX век.

Как и большинство пророчеств, пушкинское пророчество не было услышано, даже когда сбылось. Не понимали его и мы. Хотя читали «Бориса Годунова». Хотя знали о мученической гибели царской семьи. Однако с недавних пор это событие все больше занимает нас, волнует и ужасает. И вот, наконец, настало время: все чаще ставится вопрос о канонизации Русской Православной Церковью царственных мучеников. Точно мы очнулись от навядения. Точно пребывали раньше в каком-то вывернутом мире.

Пушкин такую ситуацию описывал не раз. У него часто изображаются люди с «наоборотным» мышлением и сознанием. Например, тот же Борис Годунов: незаурядного ума человек, а никак не может взять в толк, отчего народ не любит его (убившего царевича и обманувшего этот самый народ), и приходит к выводу, что виноват в этой нелюбви... неблагодарный народ. Барон («Скупой рыцарь»), пускающий по миру своих должников, ненавидит, называет «ведьмой» свою совесть. Князь («Русалка») восклицает, сделав подлость: «...душе как будто легче». Только что отравивший Моцарта Сальери, едва предположив, что великий Микеланджело, вопреки распространенной легенде, не был убийцей, от этой светлой мысли приходит в ужас... Не удивительна ли такая «обратная» логика?

Объясняется эта «обратность» тем, что все эти люди — преступники. Пушкин показывает действие непреложного закона: преступив то, что преступать нельзя; нарушив заповеди, человек как бы проваливается в «нижний» мир, — мир «антиподов», где все вверх ногами и откуда все видится перевернутым, все оценивается наоборот: низ выглядит верхом, черное — белым, ложь — правдой, а незаконное убийство беззащитных людей — не зверством и подлостью, а извинительной, необходимостью «того сурового времени».

И вот теперь, когда мы понемногу выкарабкиваемся на свет Божий из перевернутого мира, в котором физический и духовный террор был законом и нормой, — нормой идеологической и чуть ли даже не «моральной», — народная интуиция понемногу постигает, что начало террору было положено отнюдь не в пору так называемых ошибок или искажений, не в 30-е, ни даже в 20-е годы, — начало было положено в 1918 г. уголовным преступлением, каким был расстрел русского царя и его семьи.

В одной из самых напряженных сцен «Бориса Годунова» (кстати, одной из центральных в трагедии) Борис, встревоженный тем, «что в Кракове явился самозванец и что король и паны за него», интересуется вовсе не тем, что интересовало бы современного «руководителя», — вовсе не численностью и характером угрожающих ему сил; нет, его необычайно беспокоит другое: «Узнал ли ты убитого младенца, — спрашивает он Шуйского, посланного им в Углич, после убийства царевича, — и не было ль подмена?». То есть самое главное для Бориса — кто ему угрожает. Если самозванец, с ним можно бороться на равных. Но если чудом уцелевший наследник, законный царь, — с ним Бог, и дело Бориса безнадежно.

«Никто против Бога да против царя»; «Один Бог, один государь»; «Бог на небе, царь на земле», — такие пословицы, а их у нас было не

счесть, выражали общепринятое, народное отношение к царской власти, народное понимание ее сущности. Сегодня это многим сложно представить, но царская власть не мыслилась как «административная». Понимание ее было не юридическим, не политическим, вообще не мирским, — оно было связано с духовной основой России — православной верой.

«Царство Мое не от мира сего», — сказал Спаситель (Евангелие от Иоанна, XVIII, 36). Эти слова определяют существеннейшую черту православного христианства — «неотмирность». Черта эта глубоко соответствовала национальному характеру, — в его, разумеется, лучших качествах. Нисколько не идеализируя допетровскую Русь и русского человека (он, как и любой другой, бывает всякий), а говоря о характере духовных устремлений, следует сказать, что на Руси идеалом никогда не было богатство или сила, или свобода, или, скажем, равенство, — идеалом была праведная жизнь (в пределе — святость). Конечно, мало кто был без грехов; идеал был невероятно высок, и практика очень редко ему соответствовала, но именно несоответствие-то и сознавалось как грех. В силу этой высоты устремлений, требований к человеку, в силу огромной роли в народном сознании понятия греха допетровская Русь, при всем темном, что в ней было, называлась Святой Русью, и название это было народным.

Абсолютным центром русской жизни была Церковь — не «учреждение», как это часто понимается (и внушается нам), но совокупное, соборное единство всех православных, от крестьянина (видоизмененное «христианин») до царя. Перед Богом и Церковью все были равны. Ни одно важное дело, личное или государственное, не делалось без благословения Церкви; ее пастыри отвечали перед Богом за людские души. Заботой же царя были жизнь и благосостояние православных: царь отвечал за те земные условия, при которых могли осуществляться утверждаемые Церковью христианские идеалы. Таким образом, Церковь и царь служили в конечном счете одной цели — осуществлению на земле Божественного замысла о человеке. Поэтому царское звание было не административным чином, а священным саном, возлагаемым на монарха через Церковь Богом. Передавался он харизматически (благодатным образом) по наследству: законный наследник заведомо был законным царем.

Напомню: речь идет об идеальном смысле всех этих представлений. «Бог на небе, царь на земле» — это вовсе не значило, что царствующий свят, безгрешен или непогрешим, церковные иерархи обличали и царей. Но люди верили, что Бог дает такого царя, какого они заслужили («Прогневали мы Бога, согрешили, — говорит о царствовании Бориса Пимен, — владыкою себе цареубийцу мы нарекли»). Царь и народ — одно: «народ — тело, царь, — голова». Свят не сам царь по своим качествам, — свята воля царская, свято служение царя, его место в жизни страны и народа, свят царский престол в миру, как в храме — алтарь с престолом Бога. Каждый православный перед личным Богом, перед Христом отвечает за свою бессмертную душу. Царь — единственный, кто несет личную ответственность, огромную и страшную, еще и за весь народ, за страну и православное государство. «За царское согрешение Бог всю землю казнит, за угодность милует».

Сакральный (священный) характер царской власти означал еще и то, что в ней виделась, в идеале, еще и наиболее гуманная власть: соблюдая закон человеческий, она была в то же время выше закона («Одному Богу государь ответ держит»). «Зачем нужно, — говорил Пушкин, по свидетельству Гоголя, — чтобы один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон — дерево; в законе слышит человек что-то жесткое и небратское. С одним буквальным исполнением закона не

далеко уйдешь; нарушить же или не исполнить его никто из нас не должен; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномочной власти. Государство без полномочного монарха — автомат: много, много, если оно достигнет того, чего достигли Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? — Мертвечина. Человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит».¹

Словозвучие несомненно гоголевский слог и строй речи здесь слышится подлинная пушкинская мысль. Пушкин глубоко проник в народное, в православное понимание власти и закона. Закон и его исполнение необходимы, чтобы жизнь не превратилась в хаос. Однако закон ведь не должен и не может быть «милостив», иначе это плохой закон, — он должен быть справедлив; но жизнь только «по справедливости», жизнь без милосердия есть ад; милосердным же может быть только человек. Однако проявлять такую милость, которая не нарушает, а превышает закон, может только одно лицо, один человек — властитель, поставленный Богом.

Изучая «Бориса Годунова», эту великую драму, которая, по моему глубокому убеждению, является первой, если не единственной, поистине христианской драмой (что поразительно, ибо, приступая к работе над «Годуновым», Пушкин в своих «головных» убеждениях был еще, если использовать его выражение, «весьма посредственным христианином», и это в лучшем случае), я склонен предположить, что «Борис Годунов» был решающей вехой не только в художественном и духовном, но и в политическом развитии поэта. Писание трагедии было процессом обрывания последних связей с либеральным, декабристским мировоззрением, возникшим в России в послепетровскую эпоху и имевшим западноевропейское происхождение. Духовная интуиция Пушкина, которая всегда шла у него впереди привычек и представлений «посредственного христианина», помогла ему четко отделить от ветхозаветного законничества православную устремленность к благодати, к любви и милосердию, православное упование на образ Божий в человеке, а стало быть, и во властители, — упование, сказавшееся в народной пословице: «Бог милостив, а народ жалостлив» (в результате и возникла у Пушкина, и не оставляла его, тема царской «милости к падшим» — сосланным декабристам).

Такое доверие к личной власти, освященной Богом, к ее человечности было веками присуще характеру народа, не случайно из всех исповеданий избравшего веру в богочеловека Иисуса Христа, Который заповедал: «Блаженны милостивые, ибо помилованы будут» (Евангелие от Матфея, V, 7), Который Себя принес в жертву во искупление человеческих грехов. Сакральность, неотмирность царской власти на Руси связана, таким образом, с православным учением о человеке, с верой в его божественную природу, с православными представлениями о законе и благодати.

Революция Петра — «первого большевика», как его иногда называют, — укрепила материальное могущество России, но надломила духовный стержень православной Руси и способствовала экспансии материализма и атеизма. Уже то, что формула «Православие, самодержавие, народность» стала в XIX в. официальной доктриной, говорило о каком-то духовном надломе в государстве, о том, что составлявшее душу Руси православие обращалось из веры в идеологию, из души — в некое подобие закона, а Церкви отводилась роль соответствующего «ведомства».

---

¹ Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9-ти тт. М., 1994. Т. 6. С. 40.

Один из деятелей русской эмиграции историк и мыслитель архимандрит Константин (Зайцев) впечатляюще говорит о процессе драматических отношений между духовностью допетровской Руси и мирской государственностью Империи, о том, что Святая Русь стала заслоняться имперской Великой Россией, о том, что духовная связь Церкви — т. е. верующего народа — с государством слабела, распадалась, сходила на нет, пока, наконец, от этой связи не осталось одно-единственное звено: человек, обложенный священным саном православного царя (трагический смысл этого итога выглядит тем более многозначительным, что последний русский государь Николай II был одним из относительно немногих глубоко верующих людей своего времени).

В ходе бурных событий начала века царь и в самом деле остался совсем один. Постепенно, в той или иной форме, его предали и оставили все: интеллигенция, чиновный аппарат, военачальники, приближенные. Ради гражданского мира в стране он принес себя в жертву, отрекшись от престола, потом смиренно дал заключить себя в узы — и вскоре был расстрелян по указанию Ленина и Свердлова без суда, быстро и тайно. Династия, унаследовавшая шапку Мономаха в 1613 г. в монастыре Святого Ипатия, была пресечена триста пять лет спустя в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге.

Цареубийства случались и раньше, но впервые в нашей истории убийство монарха, пусть и бывшего, означало упразднение самого сана, уничтожение престола, — места, которое, по вере предков, было свято, места ответчика и предстателя перед Небом за весь народ и всю Россию. Подобное событие означало бы для предков (говоривших: «Без Бога свет не стоит, без царя земля не правится») конец Руси и могло представляться им, пожалуй, лишь как чудовищное, апокалиптическое видение. Но вот это произошло — и множество русских людей отнеслось к этому спокойно, как к делу вполне естественному; будто ничего святого у предков никогда и не было. Люди согласились, что святости отцов можно отменить, что их и нет, что они — фикция, связанная с выдумкой о милосердном Боге, сотворившем человека по Своему образу к подобию, реальность же состоит в том, что человек произошел из зверя. Иными словами, преступление, совершенное в подвале, отразило катастрофу, давно уже совершавшуюся в душах и сознании людей, и потому было воспринято этим новым, безбожным сознанием как норма.

Обращусь опять к Пушкину. «Климат, образ правления, вера, — перечисляет он, — дают каждому народу его особенную физиономию». Трагедия русского народа совершалась в точности по пушкинскому перечислению, в обратном его порядке, начиная с духовной основы: вначале отреклись от веры, в порядке политической реализации этого акта уничтожили образ правления, заменив личную власть (в идеале ограниченную ответственностью перед Богом, христианской совестью) произволом, ничем не ограниченным, а через несколько десятилетий последовал и другой результат — экономический кризис, сказывающийся сегодня и на климате.

Все это, разумеется, не могло не дать, говоря по-пушкински, «особенную физиономию» новому человеку и новому обществу — советскому. Тотальное беззаконие советской эпохи было естественнейшим следствием той катастрофы в сознании людей, которая вывернула наизнанку православную систему ценностей; бессудное убийство человека, который поставлен Богом выше закона, не могло не перечеркнуть все законы Божии и человеческие. Возникший в результате великого грехопадения «новый» мир оказался (как это изображается у Пушкина, о чем говорилось выше) поистине перевернутым миром; и здесь — объяснение того загадочного факта, над

которым нынче бьются историки и политики: каким образом оказалось возможным обвести вокруг пальца, одурманить на многие годы многомиллионный народ, беспрепятственно построить грандиозное царство лжи и зла? Да именно оттого и оказалось это возможным, что все представления о черном и белом, о верхе и низе, о добре и зле оказались перевернуты. «Новая общность людей» подменила идеал христианской любви к ближнему и милосердия идеей классовой борьбы и ненависти; прежние святыни ниспровергались («Пальнем-ка пулей в Святую Русь» — А. Блок «Двенадцать») и заменялись новыми: «Черная злоба, святая злоба» (там же); черное уже громогласно объявлялось белым (цвет святости); вместо библейских и евангельских заповедей заработали другие, черные: ненавись, убий, лжесвидетельствуй, предай, укради (экспроприируй, отними, перераспредели); «белого царя» сменила самая черная диктатура; обещанное бесклассовое общество «всеобщего равенства» обернулось обществом деклассированным, люмпен-обществом, в котором все равны перед всеобщим беззаконием.

Это было коллективное помрачение людей, ввергнутых во тьму, в мир без Бога. Образовавшееся тоталитарное государство стало, по мысли упоминавшегося архимандрита Константина, оборотнем самодержавной Российской Империи, перевернутым ее подобием. Практику этого государства-оборотня осуществляла (и сама в ней осуществлялась) «новая порода» людей — тип «нового человека», которому неведомо понятие греха, который слабо различает добро и зло или переставляет их местами. В этом и объяснение коллективного помрачения, приводящего в недоумение историков и политиков.

Расправа над последним русским царем, его наследником и семьей — преступление, вместившее в себя и предвозвестившее весь ужас содеянного на Руси в XX в., — сегодня наводит на мысль, что все беды нашей жизни не случайны. Сурово сказал однажды Достоевский: русский человек без Христа — проходимец. На нашей истории, на нас, это подтвердилось, — и подтвердилось жестоко. Мы жили и продолжаем жить в зоне преступления, творящегося на нашей земле, в мире перевернутых представлений и по законам этих представлений — так, как будто Бога нет. Но за все на свете надо платить. И пока мы, до сих пор живущие по лжи и злобе, не увидим, что у каждого из нас был — и может быть, не раз — свой убиенный царевич, и не ужаснемся этому, и не перестанем кивать на кого-то, кто испортил нам жизнь, — мы будем продолжать платить. И пусть хоть все хоры запоют, и храмы откроются, и зазвонят все колокола — не будет возрождения России, будет продолжение того погибельного пути, который ведет в наши дни через бессудный расстрел в подвале ипатьевского дома.

Ведь если бы беды наши все вдруг сразу кончились или вовсе не наступили, если бы мы даром получили готовое счастье, расцветшее на крови и костях, на безверии и лжи, на гибели Русской земли, — не страшной ли было бы это насмешкой над правдой, над родом человеческим, над Русской землей? И не прав ли был бы отравитель Сальери, заявивший у Пушкина, что «нет правды на земле, но правды нет — и выше»?

Но даром ничто не проходит, и мы — платим, и это значит, что правда есть. И может быть, это не беда нашей жизни, а великая к нам милость Божья: ведь именно нам, русским людям конца XX в., дано увидеть, что правда «на земле» есть, а главное — что есть она «и выше», что без Христа Россия не может.

В финале «Бориса Годунова» сообщники Самозванца призывают народ продолжить дело лжи: «Кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!».

Но народ, увидевший следствие своего собственного греха, «безмолвствует». И в безмолвии как бы вновь звучат слова, с которых в сущности и началось в трагедии ее основное действие, — слова инока-летописца Пимена:

О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы Бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли.

Это — начало покаяния, личного для каждого, а стало быть, и всенародного; это — начало готовности жить не по лжи, не по злобе и ненависти. К этому зовет финал пушкинской трагедии.

Свою трагедией Пушкин предсказал трагедию нашей жизни. Так, может быть, и финал «Бориса Годунова», пусть даже вымышленный, но взывающий к совести и вере, тоже окажется пророческим и указующим для нас, кого пушкинский Пимен прозорливо назвал «потомками православных»?

Н. И. Грановская

ЮРОДИВЫЙ В ТРАГЕДИИ ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ» (к вопросу о первоисточниках)

В трагедии «Борис Годунов» значительное место занимает юродивый Николка по прозванию Железный колпак. Он является в сцене «Площадь перед собором в Москве», вершит суд над царем, и это важнейший момент трагедии. Николка обвиняет Бориса в убийстве царевича Димитрия, дает ему имя убийцы и мучителя царя Ирода, произносит слова дерзкие и страшные, какие мог произнести только юродивый — носитель совести православного народа в обличии бродяги и безумца.

Из письма Пушкина к князю Вяземскому известно, что поэт придавал образу юродивого особое значение. Говоря о действующих лицах, он высказался прежде всего о нем: «Юродивый мой малый презабавный» (X, 146). Сообщая об оппозиционном характере своей трагедии, опять вспомнил о юродивом: «Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию — навряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!» (X, 146).

Фигура юродивого, пользовавшегося на Руси свободой слова, давала колоссальные возможности. Замысел столкновения царя Бориса с юродивым можно найти уже в самом раннем наброске плана трагедии: «Годунов в монастыре. Толки князей — вести — площадь, весть об избрании (Годунов. Юродивый) — Летописец...».¹

Известно, что, создавая трагедию, Пушкин в основном пользовался X и XI томами «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и некоторыми летописями. Утвердилось мнение, что в основе образа Николки Железного колпака лежат сведения, взятые у Карамзина. Так, Г. О. Ви-

¹ Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом). Фонд Пушкина, тетр. № 2370, л. 45.

нокур в комментарии к «Борису Годунову» пишет: «Образ юродивого основан на кратком рассказе Карамзина о двух московских юродивых... из которых один, „с распущенными волосами ходя по улицам нагой в жестокие морозы, предсказывал бедствия и торжественно злословил Бориса” еще в первый период его царствования, а другой, по прозванию Большой колпак, умер уже в 1589 г.»²

Десятый том Карамзина был хорошо известен Пушкину, однако он продолжал искать и другие исторические источники. 17 августа 1825 г. Пушкин писал Жуковскому: «...нельзя ли мне доставить или жизнь *Железного колпака*,³ или житие какого-нибудь юродивого. Я напрасно искал Василия Блаженного в Четьих Минеях — а мне бы очень нужно» (X, 135).

Князь Вяземский ответил ему за Жуковского в письме от 28 августа и 6 сентября 1825 г.: «Карамзин... хотел отыскать для тебя железный колпак», но дальше прибавлял: «Карамзин говорит, что ты в колпаке немного найдешь пищи, то есть вшей. Все юродивые похожи!»⁴ 13 и 15 сентября 1825 г. Пушкин писал Вяземскому: «Благодарю от души Карамзина за Железный колпак, что он мне присылает» (X, 141). (О присылке житий в Михайловское сведений не имеется). В это время поэт уже приступил к созданию последней части трагедии (третьей по первоначальному замыслу), куда входила и сцена «Площадь перед собором в Москве», а 7 ноября 1825 г. «Борис Годунов» был завершен.

Своего юродивого Пушкин назвал Николкой. Почему же он не дал ему имени одного из московских юродивых — Ивана или Василия, хотя стремился к исторической верности? Карамзин в X томе пишет: «Уверяют, что современник Иоаннов, Василий Блаженный, подобно Николе Псковскому, не щадил Грозного».⁵ Основываясь на этом упоминании, Б. П. Городецкий справедливо отметил, что «имя Николки Железного колпака явилось результатом соединения имен Николы Псковского и Иоанна Большого (или Железного) колпака».⁶

Пушкин нашел нужные ему исторические источники для задуманной им сцены столкновения царя с юродивым. Во-первых, в IX томе «Истории» Карамзина: «Иоанн готовил Пскову участь Новгорода, думая, что и жители оного хотели изменить России. Там начальствовал добрый князь Юрий Токмаков и жил славный благочестием отшельник, Салос Никола: один счастливым советом, другой счастливою дерзостью спасли город. В субботу второй недели Великого поста царь ночевал в монастыре Св. Николая на Люботове, видя Псков, где, в ожидании приближающейся грозы, никто не смыкал глаз; все люди были в движении; ободряли друг друга или прощались с жизнью, отцы с детьми, жены с мужьями... На другой день, вступив в город, он с изумлением увидел на всех улицах, пред домами, столы с изготвленными яствами (так было сделано по совету князя Юрия Токмакова); граждане, жены их, дети, держа хлеб и соль, преклоняли колена... Сия неожиданная покорность была приятна Иоанну... Царь слушал молебен в храме Троицы... и зашел в келию к старцу Салосу Николе, который под защиту своего юродства не убоился обличить тирана в кровопийстве и святотатстве. Пишут, что он предложил Иоанну в дар...

² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 9-ти тт. М., 1935—1938. Т. 6. С. 464.

³ Здесь имеется в виду московский юродивый Иоанн по прозвищу Большой колпак, или Водоносец.

⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт. М., Л., 1937—1949. Т. 13. С. 224.

⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1824. Т. 10. С. 284.

⁶ Городецкий Б. П. Драматургия Пушкина. М.; Л., 1953. С. 173.

кусок сырого мяса; что царь сказал: „Я христианин, я не ем мяса в Великий пост“, а пустынный отвечив: „Ты делаешь хуже: питаешься человеческою плотию и кровию, забывая не только пост, но и Бога!“. Грозил ему, предсказывал несчастья и так устроил Иоанна, что он немедленно выехал из города; жил несколько дней в предместьи; дозволил воинам грабить имение богатых людей, но не велел трогать иноков и священников; взял только казны монастырские и некоторые иконы, со-суды, книги, и как бы невольню пощадив Ольгину родину, спешил в Москву, чтобы новою кровию утолять свою неутолимую жажду к мучительству».⁷

В примечаниях к основному тексту Карамзин приводит псковскую летопись: «„В Великий пост на первой недели февраля прииде царь и великий князь во Псков опритчиною со многою ратью; восхоте разорити град Псков, якоже Великий Новгород; прииде с великою яростию яко лев рыкая, хотя растерзати неповинные люди. Но Господь Бог... вложи в сердце своему угоднику Салосу Николе (*греч.* — юродивый)... и христоролюбивому князю Юрию Токмакову еже преложити сердце царево от ярости на милость ко гражданам“.

„И прииде (царь) благословитися ко блаженному Николе, иже Христа ради похаб ся творя; блаженный же поучи его ужасными словесы, еже престати от велия кровопролития, и не дерзнути, еже грабити церкви. Царь же през сия глаголы ни во что не вменив: повеле у Св. Троицы колокол сняти. Того ж часу паде конь его лучший по пророчеству святого, и поведаша сия царю: он же ужасен вскоре бежа из града и повеле грабити имение у граждан, кроме церковного причту, и стоял на посаде не много, и отойде к Москве; а церковную казну по обителем и по церквем, и иконы, и кресты, и пелены, и сосуды, и книги, и колоколы пойма с собою“. См. Таубе и Крузе 223, и Флетчера *Of the Russe Common-Wealth*, стр. 91. Они пишут, что Никола сказал Царю: „Ивашко! Ивашко! долго ли тебе лить неповинную кровь христианскую?“».⁸

Другим печатным источником, по которому Пушкин мог ознакомиться с преданием о Николе, является работа псковского историка Николая Ильинского «Историческое описание города Пскова и его древних пригородов». Книга сохранилась в библиотеке поэта.⁹ Есть основание предполагать, что появилась она там в годы михайловской ссылки, в пору работы над «Борисом Годуновым».¹⁰ Н. Ильинский пишет: «Во Пскове слышал я часто изустное предание, будто царь Иоанн Васильевич ехал во Псков для такового же наказания псковитян, как и новгородцев; но Николай Блаженный, коего гробница в Троицком кафедральном соборе, дал совет гражданам псковским, чтоб за городом все они государя встретили и чтоб по обеим сторонам дороги близ города поставлены были столы с кушаньем. Они, слушая сего совету и быв известны о строгости, какая оказана в

⁷ Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. 9. С. 153—155.

⁸ Там же. С. 103—104, прим. 297—298.

⁹ См. опубликованный Б. Л. Модзалевским каталог библиотеки Пушкина в сб. «Пушкин и его современники: Вып. IX—X». СПб., 1910. С. 44 (№ 60).

¹⁰ Возможно даже, что появление этой книги у Пушкина было связано с поездкой в Псков в конце октября или начале ноября 1825 г., когда он нанес визит псковскому архиерею Евгению (Казанцеву). В письме Вяземскому от 7 ноября 1825 г. Пушкин сообщал: «...отец Евгений принял меня как отца Евгения» (X, 146). Визит мог быть связан с поисками каких-либо источников. Предшественник Казанцева архиепископ Евгений (Болховитинов), известный писатель-историк, работал в эти годы над «Историей Княжества Псковского» (вышла в свет в 1831 г.). Казанцев мог обратить внимание Пушкина на книгу Ильинского, а может быть, и на «Повесть о начале и основании Печерского монастыря» (М., 1807), содержащую предание о Николе Псковском.

Новегороде, как скоро государь к городу их приблизился, вышли все от мала до велика на сретение, повергаясь пред ним ниц; государь, тронутый сим зрелищем, вышед из своей повозки пошел пешком, но на лице его примечен был великий гнев. Николай Блаженный, коего считали юродивым, сев в то время по обычаю детей на палочку, подъехал к государю, говоря беспрестанно: „Иванушко! Иванушко! покушай хлеба и соли, а не христианской крови“. Государь... оставил весь свой гнев на псковитян и мало побыв возвратился в Москву».¹¹

Пушкин любил «поверять» книжные источники живыми свидетельствами фольклора и современности. Образ юродивого отмечен истинностью и выразительностью. Несомненны в нем реальные наблюдения поэта, встречавшего в Святогорском монастыре и в Пскове возле церквей и на ярмарках нищих, убогих, «Божьих людей». (Только в пушкинское время юродивые уже не обращались к царям запросто, как прежде).

Поэт, безусловно, слышал бытовавшие и в его время на Псковщине различные варианты предания о юродивом Николе, о том, как он спас Псков от гнева Ивана Грозного, не убоявшись «под защитою своего юродства» обличить тирана «в кровопийстве и святотатстве». «По особому уважению» Никола был погребен «под соборным храмом спасенного им города», в усыпальнице псковских князей. Посещая Псков, поэт мог видеть в Троицком соборе могилу юродивого Николы и читать на ней слова кондака, «изъяснявшие чудный его подвиг». Местные предания о Николае Псковском позволили поэту вернее «угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени».

Подобно Николе Псковскому, обвинившему Грозного («Ты пьешь кровь человеческую»), Николка у Пушкина клеймит Бориса Годунова: «...Нельзя молиться за царя Ирода — Богородица не велит» (V, 260).

Черновых автографов сцены с юродивым не сохранилось, и трудно судить, когда именно в процессе работы над трагедией у автора появился интерес к Николе Псковскому, но можно предположить, что в момент обращения к Жуковскому с просьбой прислать ему для работы жития, материалов об этом юродивом Пушкин еще не имел. Псковские предания, по-видимому, привлекли его внимание, когда он заканчивал вторую часть трагедии и работал над третьей, последней. След псковских творческих импульсов остался в тексте трагедии в виде упоминания «ветхого города Ольгина».

---

¹¹ *Ильинский Н.* Историческое описание города Пскова и его древних пригородов. СПб., 1874. Ч. IV. С. 63.

ПЕРВОИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗАМЕТКИ ПУШКИНА О МИТРОПОЛИТЕ ПЛАТОНЕ

Поискам литературного первоисточника исторической заметки Пушкина о митрополите Платоне предшествовала работа с книгами и каталогом Тригорской библиотеки, опубликованным в 1903 г. Б. Л. Модзалевским.

Сохранившиеся книги Тригорской библиотеки изучены недостаточно. Около 180 наименований книг, которые значатся в каталоге Пушкинского Дома как бывшие в Тригорском, не вошли в каталог Б. Л. Модзалевского.¹ Обзорную работу, посвященную теме «Пушкин и Тригорская библиотека», напечатала Т. Ю. Мальцева в 1962 г.² Исследователи не зафиксировали 26 книг А. М. Вындомского,³ два автографа П. А. Осиповой,⁴ автографы тверских Вульфов, а также большинство помет и вложений неизвестных лиц. Исследователи не ввели также в научный оборот родственный тригорским книгам каталог библиотеки Вревских в Голубове, в котором мы насчитали около двух тысяч отдельных томов, изданных до и при жизни Пушкина.⁵ Голубовский каталог хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

Каталог Модзалевского, каталог книг Тригорского в научной библиотеке Пушкинского Дома и каталог Вревских — материал для выявления литературных первоисточников творчества Пушкина.⁶

Предметом данной статьи является сохранившаяся в Тригорской библиотеке книга «„Краткая церковная российская история, сочиненная Преподобнейшим Платоном Митрополитом Московским в Вифании”». В синодальной типографии, Москва 1805 г.» как источник исторической заметки Пушкина о митрополите Платоне и как один из предполагаемых источников трагедии «Борис Годунов». Автор объясняет в ней причины появления Дмитрия Самозванца в царствование Бориса Годунова политикой иезуитов.

В книге 352 страницы. Она переплетена по заказу владельцев. На титульном листе — надпись черными выцветшими чернилами: «Ал. Хвостову». Отметок нет. Все страницы разрезаны, и по внешнему виду можно предположить, что она читалась не один раз.

Имя митрополита Платона (Левшина) (1737—1812) было, пожалуй, самым значительным и ярким среди имен деятелей церковного просвещения XVIII в. Он был первым в истории Русской Церкви (см. исторические работы Никодима Селлия, ум. в 1746 г.), кто обратил внимание на ее прошлое. По словам Георгия Флоровского, «много позже это сочувственное возвращение в историческое прошлое привело к углублению церковного самосознания».⁷ Митрополиту Платону посвящен весь третий том «Истории епархиального управления» М. Н. Розанова. О нем писали в 1857 г. И. М. Снегирев, в 1882 г. — Ф. Надеждин, в 1891 г. — А. Барсов, в 1905 г. — Н. В. Лысогорский, в 1913 г. — В. Виноградов и Н. П. Розанов.

¹ Пушкин и его современники: Вып. I. СПб., 1903.

² Пушкинский сборник. Псков, 1962.

³ Левкова Л. В. Пушкин и Тригорская библиотека // Пушкинский край. 1995. 22 авг.

⁴ Левкова Л. В. История одной книги из библиотеки Тригорского // Сообщение на научной конференции в п. Пушкинские Горы в августе 1993 г.

⁵ Левкова Л. В. Каталог Голубовской библиотеки Б. А. Вревского // Сообщение на научной конференции в п. Пушкинские Горы в августе 1994 г.

⁶ Вацуро В. Э. Пушкин и книга. М., 1982.

⁷ Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1936.

Интересующая нас книга — первый в русской истории систематический курс русской церковной истории. В библиотеке Пушкина этой книги не было, но были другие труды митрополита, что говорит об интересе поэта к его личности и творчеству. Об этом свидетельствует и следующая заметка Пушкина, датированная им 6 июля 1831 г.: «Мнение митрополита Платона о Дмитрие Самозванце, будто бы воспитанном у езуитов, удивительно детское и романическое. Всякий был годен, чтобы разыграть эту роль: доказательство: после смерти Отрепьева — Тушинский вор и проч. езуиты довольно были умны, чтоб знать природу человеческую, и невежество русского народа».⁸

Можно предположить, что мнение митрополита Платона о том, что Дмитрий Самозванец воспитывался у иезуитов, Пушкин прочел в «Краткой церковной российской истории», и прозвище «Тушинский вор» поэт вспомнил в связи с вышеназванной книгой. Так, на с. 179 читаем: «Кто б из человеков такой прехитрый и необыкновенный замысел выдумать мог? По моему мнению, кажется, что сие изобретение было езуитов и се доказательство». Дальше автор приводит шесть доказательств, подтверждающих его мысль. Приведем некоторые из них. «Первый царь Иван Васильевич по несчастию открыл папе и езуитам свободный вход в Россию, вздумав его просить, чтоб он склонил польского короля Стефана Батория с ним перемириться». «...Подхватив в России Гришку ли малолетнего... воспитали его в своих школах и зная расположения россиян об убиении царевича Димитрия и царе Борисе *вложили* в него мысль, чтоб себя открыть под сим именем, и его в том руководствовали». Такие же доводы о причастности иезуитов к делу Лжедмитрия автор приводит несколькими страницами раньше: «Как такое огромное предприятие Гришка не выдумать, кольми паче в деле произвести не мог: то дан ему от короля в учителя... езуит Гаспар Савицкий и другие езуиты и законники латинские» (с. 131).

Глава 68 заканчивается историей первого самозванца. Следующая за ней — повествует о появлении нового самозванца, «пришедшего из Польши... которого прозвали по месту его стояния в селе Троицком Тушине... вором Тушинским» (с. 185).

Можно предположить, что мнение митрополита Платона о самозванце и прозвище «Тушинский вор» Пушкину стало известно, когда он работал над «Борисом Годуновым». А 6 июля 1831 г. он вспомнил данную книгу по следующей причине. В этот день поэт пишет Чаадаеву: «Вы видите единство христианства в католицизме, то есть в папе. Не заключается ли оно в идее Христа, которую мы находим также и в протестантизме? Первоначально эта идея была монархической, потом она стала республиканской» (X, 659).

Размышления Пушкина и Чаадаева о соединении христианских верований, как нам кажется, стоят в одном ряду с идеями митрополита Платона. Так, С. А. Венгеров пишет: «Митрополиту Платону принадлежит если не первоначальное, то первое осуществление так называемого единоверия». Вероятно, обдумывая письмо к Чаадаеву, а именно, размышляя о единоверии, Пушкин вспомнил подобные идеи митрополита Платона, а вместе с ним — и его мнение о политике папы и иезуитов в царствование Бориса Годунова, которое Платон подробно изложил в своей книге.

Комментаторы «Бориса Годунова» книгу, о которой идет речь, не называют среди источников пушкинского произведения. А между тем Пушкин, начиная работать над трагедией, не мог не знать того факта, что после

⁸ Цит. по: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт. М.; Л., 1949. Т. 12. С. 203.

указа Синода в 1778 г. о присылке летописей из всех монастырей, митрополит Платон руководил их сбором и изданием. Сопоставление же текста «Бориса Годунова» с «Краткой церковной российской историей» выявляет ряд смысловых совпадений и исторических реалий. Так, 63 страницы данной книги посвящены истории Дмитрия Самозванца. В главе 61 читаем: «В 1604 г. открылась странная и страшная трагедия. Некто Галицкого боярского сына Иакова, прозванием Отрепьева, сын Георгий 14 лет постригся... Потом бродил он по разным монастырям... пришел в Москву и принят в Чудове... где оказал себя... в чтении и в письме, даже составил каноны Святым, посвящен в иеродьякона Патриархом Йовом, у коего несколько времени жил, переписывая книги... Быв в Чудове, иногда яко шуте монахам говорил, что он царем будет на Москве. А митрополит Иона Ростовский слыша о нем говорил Патриарху, что сей чернец дьявольский сосуд будет. А между тем чернец Григорий, услыша, что его хотят сослать в Соловецкий монастырь, из Чудова сбежал... потом пришел в Москву и поговорил двух монахов Мисаила Повадина и Варлаама».

У Пушкина в сцене «Палаты Патриарха»: «Из роду Отрепьевых, галицких боярских детей. Смолоду постригся неведомо где, жил... шатался по разным обителям... и был весьма грамотен: сочинял каноны святым». «Уж эти мне грамотей! что еще выдумал! *буду царем на Москве!* Ах он, сосуд дьявольский. (...) Поймать... да сослать в Соловецкий на вечное покаяние» (V, 206).

В главе 56 митрополит Платон рассказывает о царе Федоре Ивановиче. Отмечает тихий и кроткий его нрав. Среди его подданных называет Семена Годунова, а дальше пишет: «...Брат его родной, а царю шурин, боярин Борис Федорович Годунов, был человек остроумный, принципиальный и безмерно честолюбивый... Сей боярин умел столь уловить государя, что он ему все почти правление поручил и только именовался государь, а все зависело от Годунова».

У Пушкина Шуйский оправдывается перед Воротынским:

А что мне было делать?
Всё объявить Феодору? Но царь
На всё глядел очами Годунова,
Всему внимал ушами Годунова:
Пускай его б уверил я во всем;
Борис тотчас его бы разуверил...
(V, 189)

Автор «Краткой церковной российской истории» описывает и голод, случившийся в 1603—1605 гг. «Во время случившегося глада, царь весьма попечительно и щедро народ кормил и казны не щадил. А чтоб еще доставить гладному народу пропитание, велел строить имущим людям разные каменные строения и сам строил» и т. д.

Сравним с монологом Бориса у Пушкина:

Бог насылал на нашу землю глад,
Народ завыл, в мученьях погибая;
Я отворил им житницы, я злато
Рассыпал им. . . . .
. . . . .
Я выстроил им новые жилища.
(V, 208)

Этими примерами далеко не ограничивается соответствие пушкинского и платоновского текстов.

Наблюдение над текстом «Бориса Годунова» позволяет сделать вывод о том, что в трагедии отражена тема «Политика папы и иезуитов», которая является основной темой книги митрополита Платона.

Нет, мой отец, не будет затрудненья;
Я знаю дух народа моего;
В нем набожность не знает исступленья:
Ему священ пример царя его.
Всегда, к тому ж, терпимость равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двух годов
Весь мой народ, вся Северная Церковь
Признает власть наместника Петра.

(V, 232)

Нам представляется, что этот ответ Самозванца Патеру и заметку 1831 г. объединяет одна и та же мысль Пушкина о причине появления Дмитрия Самозванца на сцене российской истории. Да, «езуиты довольно были умны, чтоб знать природу человеческую и невежество русского народа», но и Самозванец, пушкинский Дмитрий, «знал дух народа своего». Народ, для которого власть земная более значима («священ пример царя»), чем власть Божественная («набожность не знает исступленья»), да «к тому ж терпимость равнодушна» позволит «всякому» политическому авантюристу «разыграть эту роль». Шесть раз возникает эта тема в «Борисе Годунове». И каждый раз — в связи с Дмитрием.

Чтобы с уверенностью поставить книгу митрополита Платона «Краткая церковная российская история» в круг литературных источников «Бориса Годунова», необходима дальнейшая работа, заключающаяся в сопоставлении текста трагедии, книги митрополита Платона, «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и первого тома «Дополнений к Деяниям Петра Великого» Голикова, предложенного В. С. Листовым и Н. А. Тарховой в качестве одного из первоисточников.⁹

⁹ Временник Пушкинской комиссии: 1977. Л., 1980. С. 113.

Н. С. Новиков

ЛЕТОПИСЬ СЕЛЬЦА МИХАЙЛОВСКОГО И ОКРЕСТНОСТЕЙ, КОТОРУЮ ВЕЛИ МЕСТНЫЕ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ

К Пушкину периода михайловской *ссылки меня привели многолетние разыскания о родине композитора М. Мусоргского. По рукописным книгам Духовной консистории Великолукского архива удалось расширить и уточнить родословную Мусоргских и их сородичей, а самое интересное — обнаружить прототипы произведений гениального композитора, как выяснилось, написанных буквально с натуры. Эти находки подтолкнули обратиться к пушкинской трагедии «Борис Годунов», на сюжет которой Мусоргский написал свою гениальную оперу. Летопись края, называемого ныне Пушкинским, почти три века вели местные священнослужители: я

ознакомился с уникальными по информации и объемными, в несколько тысяч страниц, рукописными фолиантами архива.¹

Как и три века назад, священнослужители именовали себя попами, а свои записи подкрепляли словами: «За ложные сведения повинны мы не только лишиться чинов своих, но и жестокому в гражданском суде истязанию».

В отличие от мемуаров, написанных когда поэт стал знаменитым, ценность записей в церковных рукописных книгах состоит в том, что священнослужители регистрировали события беспристрастно, по служебной обязанности. Сами не зная того, они писали «земли родной минувшую судьбу», писали правду «как бы она ни была солона» (М. Мусоргский). Эту правду в характерах, в натурах людей, в их речи, в реальных жизненных событиях увидел в глубинной части России Александр Сергеевич Пушкин, и Михайловское стало для него не только сокровищницей творчества, но и лечебницей от городской суеты, суетливости, школой мудрости и нового осмысления жизни.

Еще до того как в Опочецком уезде (позже уезде) стал землевладельцем А. П. Ганнибал, в приходские территории Воскресенской и Георгиевской церквей входили: Богородицкая, Спасская, Георгиевская, Михайловская губа, а также вотчины Великопустынского и Святогорского монастырей и даже небольшой надел дома псковского архиерея (деревня в 11 душ). Основными жителями были крестьяне: дворцовые, монастырские, крепостные. Немного позже в числе владельцев значатся князья Шаховские, Юсуповы и «их высокографские сиятельства Разумовские», а также менее знатные: Наперсткины, Подчерковы, Шахматовы. В любимом поэтом сельце Савкине, которое он мечтал приобрести, жили Святогорского монастыря крестьяне, солдатские жены, «хлебопросящие» старцы с семьями (видимо, узаконенные нищие) и позже «отставной каптенармус Стефан Стефанов, сын Затеplinский с женой и четырьмя детьми».

Предки поэта постоянно, т. е. от рождения до смерти, не находились в своих владениях, и священнослужители с ошибками писали их имена и фамилии. (В «Исповедных росписях» за 1758 г. указаны: «Михайловской губы Господина генерала Авраама Петровича Ганябала дворовые люди»). Когда господ не было у исповеди, т. е. они не здесь проживали, дворовых в списках называли по чину. За указанный год — «стряпчий Алексей Тимофеев». В более поздних документах управляющих именуется «прикащиками». В сельце Михайловском «помещика Осипа Абрамовича Ганибала» (иногда «Иосифа Абрамова») в управляющих долгое время значился «Павел Авраамов с женой Прасковьей Сергеевой и пятью детьми». С 1795 г. из Михайловского на исповеди в своей приходской Воскресенской церкви был «капитан Иосиф Абрамов». Через три года его уже именуется «полковник Осип Абрамов». Позже во владельцах Михайловского значится Надежда Осиповна Пушкина, но постоянно «прописаны» здесь только дворовые.

В селе Петровском — «вотчине генерал-майора Петра Аврамовича, сына Ганибала» — продолжительное время также жили дворовые люди. И только в 1793 г. здесь «прописался» сам владелец — «Петр Аврамович

---

¹ Материал подготовлен по рукописным книгам Псковской Духовной консистории Великолукского филиала Государственного архива Псковской области: «Исповедным росписям», «Метрическим книгам», «Клировым ведомостям», начиная с 1740-х годов выборочно, а также по «Журналам заседаний», «Нарядам указов Св. Синода», «Объездным журналам», «Ведомостям о состоянии дел в монастырях», «Делам об освобождении светских лиц от церковной эпитимии по манифесту 1 января 1826 года», «Ведомостям о следственных делах» и ряду других документов.

и того сельца помещица Анна Антонова и дочь ее Надежда Гаврилова». А в сельце Воскресенском — Исаак Аврамович «флота и артиллерии капитан с женой Анной Андреевой и детьми: Екатериной, Петром, Любовью, Александром, еще одним Александром, Димитрием, Семеном, Анной». Любопытно, как священник Федор Яковлев записал Петра Аврамовича Ганнибала: «Арапа Петрова сын».

Соседи поэта из Тригорского были привязаны к своему родовому гнезду. Проматривая записи их приходской Георгиевской церкви, я с интересом узнавал имена владельцев усадьбы и события их сельской жизни. Надо заметить, что священнослужители с особой почтительностью именовали хозяев, во владениях которых стояла эта бедная, без земельного надела церковь: «Его превосходительство господин генерал-майор и кавалер Максим Дмитриевич Вындомский; села Егорьевского помещицы генеральши Екатерины Вындомской дочери»; «вотчины лейб-гвардии Семеновского полка прапорщика Александра Максимовича Вындомского». В 1792 г. записано: «села Тригорского полковник Александр Максимов Вындомский, 43 лет, вдовый, у него дети: Елизавета — 14, Параскева — 13, Григорий — 7 лет». Через шесть лет в доме с вдовым отцом останется только Параскева Александровна, известная позже как Осипова-Вульф, хозяйка Тригорского, добрая покровительница Пушкина. Священнослужители будут величать ее во всех записях «помещица госпожа статская советница». В 1826 г. по Тригорскому прописаны: Параскева Александровна, вдова — 44 лет, дети ее Анна Николаевна — 26 лет, Александра Ивановна — 20, Михаил Николаевич — 18, Евпраксия Николаевна — 15, Аверкий Николаевич — 13, Михаил Иванович — 6, Параскева Ивановна — 3 лет. Поименно названы все дворовые и крестьяне; все они «были у исповеди и Святого Причастия».

К 1840 г. в Тригорском с матерью-вдовой останутся: Анна Николаевна, 37 лет, и Мария Ивановна, 21 года.

В «Метрических книгах» за 1813 г. есть запись: «села Тригорского полковник Александр Максимович Вындомский умер на 63 году натуральной болезнью с покаянием».

Больше всего «следов» в «Метрических книгах» оставила Анна Николаевна Вульф. Она была крестной матерью детей священнослужителей и дворовых людей, соседей-помещиков, свидетельницей при венчании, причем чаще — людей простого звания.

Участники крещения и венчания приглашались в основном «по рангу»: крестными крестьян были крестьяне, дворовых людей — дворовые, духовных лиц — духовные, дворян — дворяне, именитых — именитые. Отклонения от заведенного порядка весьма редки и чем-то обоснованы, как было, например, с родителями Мусоргского, мать которого была крепостной, а отец — дворянином.

Генерал-майор Петр Аврамович Ганнибал также принимал участие в крещении не «по рангу» в феврале 1826 г. Он записан крестным отцом сына дьячка с Пятницкого погоста Троицкой церкви Андрея Никитина и его жены Анны Яковлевой, а крестной матерью отмечена того же сельца Сафонтьева помещицья вдова Анна Михайловна Неелова. А ровно через четыре месяца Петр Аврамович Ганнибал скончался, как записано, в возрасте 70 лет.²

Великолукский архив открывает еще одну сторону жизни в Михайловском и округе, которую можно охарактеризовать как скандальную, кри-

² В эту церковь годом раньше приезжал из дальнего Торопецкого уезда с родины Мусоргского дед будущего Патриарха Тихона, священник Тимофей Терентьевич Беллавин, чтобы определить сына Григория на пономарское или дьяческое место.

минальную, иногда комедийную, а в общем-то жизненную, обычную для всех времен и народов.

Приведем некоторые виды обвинений:

— «крестьян в отбитии пойманных с карчемным вином и о разбитии питейного дома»;

— «крестьянки Агрипины за утопление в речке блудно прижитого сына»;

— «помещицы коллежской советницы Елизаветы... о прижитии ею блудного младенца»;

— «священников за медленное доставление пожертвований для бедных»;

— «дворовой девки Федосьи за прижитие ею блудных детей с помещиком»;

— по донесению пристава: «священнослужителей за то, что не дали подвод и лошадей для поездки в Святогорский монастырь с инструкцией арестовать иеромонаха»;

— диакона Никифора за намерение обесчестить священническую жену³ своим насильственным сожитием, который в ответ написал жалобу на священника и его жену за «нанесение ругательством и боем обиды»;

— «помещика за небытие 5 лет у исповеди»;

— «крестьянки за небытие 3 лет у исповеди»;

— «мещанки Авдотьи за небытие 10 лет у исповеди».

«Михайловский барин» А. С. Пушкин был, вероятно, свидетелем подобных событий или слышал о них от окружающих. Помещик-сосед, надворный советник, за сожительство с крепостной девкой должен был «семь лет ходить на литургию, делать по 21 земному поклону». А грех соблазнения своей крепостной лежал и на поэте.

Все перечисленные выше поступки были «списаны» по манифесту нового императора Николая Павловича от 1 января 1826 г. Благополучно закончилась михайловская ссылка и для Пушкина.

Сопоставление писем поэта, его друзей и знакомых с донесениями агентов, записями священнослужителей наводят на мысль, что Пушкина оберегали и крестьяне, и священнослужители, чуть ли не агенты III отделения, и даже сам царь. Это, конечно, противоречит версии о гонениях на поэта-революционера.

Записи в «Метрических книгах» за годы ссылки поэта дают интересную информацию. К примеру, во владениях Пушкиных — сельце Михайловском и приписанных к нему деревнях — в 1824—1825 гг. было много свадеб: 18 венчаний, наибольшее количество в уезде, своеобразный рекорд. Женихи и невесты (крестьяне и дворовые), с точки зрения нашего времени, были слишком молодыми: им было от 14 до 18 лет.⁴ В этих радостных событиях активное участие принимала знаменитая няня Пушкина, как ее именовали — «помещицы Пушкиной сельца Михайловского вдова дворовая жена Ирина Родионова». (Кстати, во всех записях, в том числе и в «Исповедных», ее нигде не называют Ариной). Любопытно, что няня Пушкина в свои 73 года была частой и, видимо, почетной гостьей в Петровском; и не случайно, а по родственным узам, 5 января 1826 г. Ирина Родионова

³ Кума няни Пушкина.

⁴ Няня Татьяны Лариной вышла замуж еще раньше.

«Да как же ты венчалась, няня?»
— Так, видно, Бог велел. Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет.

значится в числе свидетелей при бракосочетании «помещика Ганибала сельца Петровского дворового человека Тимофея Стефанова 33 лет с дворовой девкой Параскевой Федоровой 21 года». Дословно записано: «Поручители: отец венчальный дворовый человек Егор Харитонов, мать венчальная помещицы Пушкиной сельца Михайловского дворовая жена Ирина Родионова и сторонние того сельца Михайловского дворовый человек Василий Михайлов и Архип Кирилов». (Интересно, что термин *мать венчальная* в метрических книгах Псковской епархии встретился мне только в Опочечком уезде, в пушкинских владениях). В конце этого же года у молодоженов Тимофея и Параскевы появилась дочь Варвара. И снова, на этот раз уже крестной матерью, была Ирина Родионова, а крестным отцом — диакон этой же Воскресенской церкви Никифор Иларионов. В «Исповедных росписях» за 1827 г. по Михайловскому няня Пушкина уже не значится.

Как водится, в жизни радостные события перемежаются с печальными: в интересующий нас период церковнослужителям этой церкви пришлось прожить в мир иной 75 своих прихожан. И только малая часть людей умерла от старости: один утонул, а большинство скончалось от болезней (горячки, чахотки, оспы). Смерть косила детей: 35 младенцев в возрасте от одного года до двух лет умерли от оспы.

Интересно, что в хронике Святогорского монастыря встречаются имена матери и жены поэта. В ноябре 1834 г. Надежда Осиповна сделала дар для монастыря: «пелену, вышитую шерстяной разноцветной пряжею... на ней вышито пять крестов». А в 1839 г. записано: «Жена вдова Александра Сергеевича господина Пушкина» подарила монастырю «оные ризы епитрахиль и стихари». Подарок дорогой — «риза золотой парчи, по зеленому бархату цветы с коронами, на них крест и звезда серебряные вышитые, оплечье и наподольник обложены гисом серебряным... К оным ризам одна епитрахиль таковой же парчи, на ней три креста, вышитые золотом». Известно, что Наталья Николаевна была искусная рукодельница.

Отдадим должное летописцам и назовем церкви, где они служили.

1. Приходская церковь Пушкиных, имела официальное название «пригорода Воронич Опочечкого уезда во имя Воскресения Христова», построена на месте сгоревшей в 1789 г., деревянная, ветхая, починкою исправлена в 1824 г. При ней церковной земли не имеется, священнослужители довольствуются хлебною ругою приходских дворов, коих 188, в них прихожан мужского пола 1009, женского — 1058. В запасе воску покупного 10 фунтов, огарочного не имеется, церковной кошельковой суммы 35 рублей 40 копеек, которая хранится в запечатанном сундуке у церковного старосты крестьянина Федора Родионова (возможно, брат няни поэта). Священник *Иларион Евдокимов Раевский* — 36 лет, закончил низший грамматический класс, начал службу пономарем, потом посвящен в дьячки, а в 1811 г. — в сей церкви в диаконы, с 1815 г. был священником. В семействе у него жена Евфросинья Иванова — 31 год и дети: Александр — 5 лет и Акулина — 2 года. *Диакон Никифор Иларионов* — 36 лет, в семинарии не был, службу начал в Пскове пономарем, потом дьячком в церкви Николы со Усохи, в 1815 г. в сей церкви посвящен в диаконы. В семье жена Александра Петрова — 25 лет и дочь Татьяна — 1 год. *Дьячок Егор Гаврилов* — 62 года, службу начал пономарем в 1777 г., с 1802 г. посвящен в дьячки. В семье жена Улита Захарова — 59 лет, дочь Федосья — 26 лет. *Пономарь Алексей Иванов* — 28 лет, в 1820 г. посвящен в сей церкви. В семье у него жена Евдокия Андреева, 25 лет, дочери Анна — 5, Пелагея — 2 лет, мать-вдова дьяческая Мария Яковлева — 70 лет.

2. Приходская, в основном для жителей Тригорского, во имя Святого великомученика Георгия, деревянная, твердая, построена в 1760 г. *Священник Корнилий Иванов Воронежский* — 47 лет, в семинарии не был, начал службу пономарем в Теребенском погосте, в эту церковь переведен диаконом, а с 1807 г. произведен в священники. В семье у него жена Анна Васильева — 42 лет, дети: Гавриил — 19 лет, окончил Опочечское приходское училище, Мария — 16 лет, Евдокия — 15 лет, Ксения — 12 лет, Матвей — 8 лет. *Диакон Иоанн Ефремов* — 45 лет, в семинарии не был, с 1815 г. определен в эту церковь. В семье жена Екатерина Максимова — 41 год, сын Василий — 11 лет. *Дьячок Василий Корнильев* — 21 год, сын священника, закончил уездное училище, холост. *Пономарь Иосиф Иванов* — 22 года, окончил приходское училище (очень грамотно и аккуратно делал записи во всех документах. — *Н. Н.*). В семье у него жена Матрена Федорова — 20 год, теща вдова пономарская Евдокия Федорова — 41 год, дети ее: Евдокия — 16, Татьяна — 14, Пелагея — 8, Нина — 6 лет. Просфорня Анна Иванова — 58 лет.

3. Церковь для прихожан при Святогорском монастыре во имя Святой мученицы Параскевы, нареченной Пятница, деревянная, твердая, построена в 1795 г. Церковный староста — крестьянин экономической вотчины слободки Тоболени Иван Никитин⁵ с семьей. *Первый священник Федор Федосеев* — 39 лет, в семинарии не был, в семье — жена Татьяна Павлова и четверо сыновей. *Второй священник Александр Михайлов Кухарский*⁶ — 23 лет, закончил семинарию, слушал философию и богословие. В семье жена Пелагея — 18 лет.

Святогорский трехклассный монастырь с двумя церквями: Успенский собор, построенный в 1569 г., и во имя Николая Чудотворца (каменная) — 1784 г. Монастырь возведен на вершине Синичьей горы на месте явления иконы Божией Матери Умиления юродивому блаженному Тимофею. Наиболее значительные иконы — Умиления и Одигитрия. Из монастыря два крестных хода в Псков и Остров, в город Новоржев и Опочку, установленные в память избавления от мора и нашествия иноплемеников, и малые крестохождения в разные местности епархии.

По истории монастыря и его насельников в архиве имеется обширный материал, в том числе и за годы ссылки поэта.

Не подтвердилось подозрение И. И. Пушкина о том, что игумен Иона «хитрил» и приезжал в Михайловское как доносчик. Но осталось много загадок. В пушкинской биографической литературе о михайловском периоде упоминается, что Александр Сергеевич был крестным отцом у крестьянских детей. Обнаружить такие записи в «Метрических книгах» Воскресенской и Георгиевской церквей и других приходов Опочечского и Новоржевского уездов мне пока не удалось.

Любопытно, что за годы ссылки имя Александра Пушкина ни разу не упоминается ни в «Исповедальных росписях», ни в «Клировых ведомостях», ни в других документах Духовной консистории. Можно подумать, что Александр Сергеевич два года не исповедовался — ни в своей приходской церкви, ни в Пятницкой церкви при Святогорском монастыре. Но странно то, что записей о нем нет и в числе провинившихся.

---

⁵ Это он дал секретному агенту А. К. Бошняку положительную характеристику Пушкина (см. Приложение к этой статье).

⁶ Для Пушкина, вероятно, интересный собеседник. Почерк прекрасный.

(9—24 июля 1826 г.). В Новоржеве от хозяина гостиницы Катосова узнал я, что на ярмарке Святогорского Успенского монастыря Пушкин был в рубаше, подпоясан розовою лентою, в соломенной широкополой шляпе и с железною тростью в руке; что он скромен и осторожен, о правительстве не говорит, и вообще никаких слухов о нем по народу не ходит... От уездного заседателя Чихачева я услышал, что он, Чихачев, с Пушкиным сам лично знаком, что Пушкин ведет себя весьма скромно и говаривал не раз: «Я пишу всякие пустяки, что в голову придет, а в дело ни в какое не мешаюсь. Пусть кто виноват, тот и пропадает; я же сам никогда на галерах не буду». Пробыв целый день в селе Жадрицах у отставного генерал-майора П. С. Пуцина, в общих разговорах узнал я, что иногда видали Пушкина в русской рубашке и в широкополой соломенной шляпе; что Пушкин дружески обходился с крестьянами и брал за руку знакомых, здороваясь с ними; что иногда ездил верхом и, достигнув цели путешествия, приказывает человеку своему отпустить лошадь одну, говоря, что всякое животное имеет право на свободу; Пушкин ни с кем не знаком и ни к кому не ездит, кроме одной г-жи Есиповой (Осиповой); чаще же всего бывает в Святогорском монастыре. Впрочем, полагали, что Пушкин ведет себя несравненно осторожнее противу прежнего; что он говорун, часто возводящий на себя небыллицу, что нельзя предполагать, чтобы он имел действительные противу правительства намерения; что он столь болтлив, что никакая злонамеренная шайка не решится его себе присвоить; наконец, что он человек, желающий отличить себя странностями, но вовсе не способный к основанному на расчете ходу действий... По прибытии моем в монастырскую слободу, при Святогорском монастыре состоящую, я остановился у богатейшего в оной крестьянина Столарева. На расспросы мои о Пушкине Столарев сказал мне, что Пушкин живет в трех с половиной верстах от монастыря, в селе Зуеве (Михайловском), где, кроме церкви и господского строения, нет ни церковнослужительских, ни крестьянских домов; что Пушкин обыкновенно приходит в монастырь по воскресеньям; что ему всегда случалось видеть его в сюртуке и иногда, в жары, без косынки; что Пушкин — отлично-добрый господин, который награждает деньгами за услуги даже собственных своих людей; ведет себя весьма просто и никого не обижает; ни с кем не знается и ведет жизнь весьма уединенную. Слышно о нем только от людей его, которые не могут нахвалиться своим барином... От игумена Ионы узнал я следующее: Пушкин иногда приходит в гости к игумену Ионе, пьет с ним наливку и занимается разговорами, — кроме Святогорского монастыря и г-жи Осиповой он нигде не бывает, но иногда ездит в Псков; обыкновенно ходит он в сюртуке, но на ярмонках монастырских иногда показывался в русской рубашке и в соломенной шляпе. На вопрос мой: «Не возмущает ли Пушкин крестьян?» — игумен Иона отвечал: «Он ни во что не мешается и живет как красная девка».

А. К. Бошняк,
секретный агент,
в рапорте генералу графу Витту.

⁷ В кн.: *Модзалевский Б. Л.* Пушкин под тайным надзором. СПб., 1922. С. 13—16.

ПСКОВСКИЕ УСАДИЩА ГАННИБАЛОВ (документы против легенд)

В Великолукском филиале Государственного архива Псковской области хранится рукопись, запись в которой сделана 257 лет тому назад. В этом уникальном документе — новые сведения о предках Пушкина, которые можно назвать и сенсационными, и загадочными.¹

С. С. Гейченко писал: «Доподлинно известно, что Абрам Петрович получил Псковское имение, согласно сенатскому указу от 14 января 1742 года (курсив мой. — Н. Н.) и жалованной грамоте царицы Елизаветы...».² В других публикациях разных авторов указывается эта же дата и даже приводятся фотокопии с подлинного указа и грамоты, которые хранятся в Центральном Государственном историческом архиве. Приходится брать под сомнение общеизвестные факты весьма солидных авторов, да еще не профессионалов, а любителей-краеведу из провинциального города. Однако запись в «Исповедных росписях» Псковской епархии пригорода Воронича Воскресенской церкви за 1740 г. гласит: «Михайловской губы Генерала Ганибала крестьяне». И далее — поименный список крепостных и названия деревень, в числе которых Зуево, Кучане, Оклад и т. д., т. е. нынешние музейные, мемориальные: Михайловское, Петровское и другие. По этой записи, а документ подлинный, получается, что псковские владения принадлежали прадеду поэта еще до известного указа.

И вторая загадка. Во всех публикациях указывается, что в 1742 г. вместе с наделами Авраам Петрович получил повышение по службе — должность коменданта и генеральское звание. Сельские священнослужители не могли приписать Ганнибалу земли и чины, ведь эти «Исповедные росписи» скреплены подписями иеромонаха Святогорского монастыря Пахомия, который замещал умершего священника Воскресенской церкви, и пономаря Ивана Григорьева, много лет служившего здесь. Местные летописцы добросовестно выполняли свой долг, как и записано: «По указу блаженныя ныне достойныя памяти Императрицы Анна Иоанновны 1737 года велено о всех прихожанах всякого чина мужских и женских от престарелых до младенцев верные показания давать...».

В следующем, 1741 г., — такая же запись о владениях А. П. Ганнибала, с указанием его должности и звания. Следует отметить, что указанные даты написаны четко, без поправок.

Новые разыскания в архиве коснулись еще одной загадки. В биографической литературе высказываются противоречивые мнения о том, как долго жил в своих псковских вотчинах А. П. Ганнибал. С. С. Гейченко указывает, что прадед поэта в Петровском «прожил со своей семьей более пяти лет кряду».³ А. М. Гордин, до войны занимавший резкспозицией дома поэта, отстроенного к столетию его гибели, а в 1945—1949 гг. заместитель директора заповедника по научной части, пишет: «Те, кто полагает, что он (Ганнибал. — Н. Н.) годами проживал в своих Псковских имениях, ошибается».⁴ В доказательство автор приводит документы

¹ Новые источники о Ганнибалах: Великолукский филиал Государственного архива Псковской области, ф. 39, оп. 1, д. 1581, л. 21 (1740 г.); д. 1585, л. 1 (1747 г.), «Исповедные росписи».

² Гейченко С. С. У лукоморья. Л., 1977. С. 309.

³ Там же. С. 310.

⁴ Гордин А. М. Пушкин в Михайловском. Л., 1989. С. 13.

о том, что из-за большой занятости на службе Ганнибал был в псковском имении только во время отпуска: «Двадцать семь дней» (из рапорта А. Ганнибала).⁵

Обратимся вновь к документам Великолукского архива. В «Исповедных росписях» пригорода Воронича Воскресенской церкви за 1746 г. деревня Кучане именуется уже как Петровское, и там «господина генерал-майора Аврама Петровича дети: Евдокия, Анна, Елизавета, Петр, Ианнуарий». Указаны дворовые люди, и первым значится Иосиф Фомин с женой Марфой — приказчик. В 1747—1749 гг. также записаны пятеро детей Ганнибала, и все, кроме тех, кому не исполнилось восьми лет, «были у исповеди и Святого Причастия». И эти записи заверены автографами: «руку приложили поп Евфимий Иванов, дьячок Василий Иванов» и тот же пономарь «Иван Григорьев, 66 лет».

Регина Крестина, жена Ганнибала, отец которой был швед, а мать немка, принадлежа к протестантской вере, не могла исповедоваться в православной церкви. Однако, как хозяйка имения, она вела все дела, воспитывала детей. Многочисленные документы архива показали, что в дворянских усадьбах главенствовали женщины в тот период, когда их отцы, мужья, братья, сыновья участвовали в «кампаниях» (войнах) или состояли на государственной службе в столице. Не исключено, что Ганнибал как-то сумел, не подавая рапорта, оторваться от служебных дел и побывать в псковских наделах, но проживать в течение нескольких лет, «утаившись» от священнослужителей своей приходской церкви, он не мог, и это подтверждают «Исповедные росписи».

В Петровском с 1752 г. в числе прихожан детей Ганнибала уже не было, а проживали только «дворовые люди» и их управители: приказчики, стряпчие, писари (их имена указаны в «Исповедных росписях»). Такое «безвластие» без господ продолжалось в псковской вотчине Ганнибала почти 30 лет, и только после смерти Авраама Петровича и его супруги имение «полобовно разделили» между собой сыновья «арапа Петра Великого». Этот объемный, с подробностями раздела документ хранится также в Великолукском филиале архива.

В биографической литературе высказывается предположение, что Авраам Петрович переименовал деревню Кучане в Петровское в честь своего крестного отца, императора Петра I. По новым находкам архива можно предложить иную версию. Вскоре после получения наделов прадед поэта переименовал и другие деревни: «усадище Ивановское», «усадище Петровское», «усадище Генварское» (*усадище* в словаре Даля — «господский дом на селе»). Случайно ли, что эти названия соответствуют именам сыновей Ганнибала: Ивана, Петра, Ианнуария? Четвертый сын — Исаак — еще тогда не родился. Позже и он получит свой надел — деревню Оклад, также переименованную. Примечательно, что прадеду поэта, «арапчонку», при крещении заменили имя Ибрагим на Авраам, и позже своим детям он давал также известные библейские имена. Деда поэта первоначально именовали Ианнуарий, что значит «привратник». В биографической литературе пишут «Януарий», тогда как по документам архива, как и в Святцах, — «Ианнуарий». Позже его переименовали в Иосифа, а писали часто по-простонародному — Осип. Прадед поэта, Авраам Петрович, готовил усадища для сыновей, чтобы они «сохраняли недвижимость в целости», но потомки растранижирили богатое наследство, о чем свидетельствуют судебные дела в архиве, которые читаются как остросюжетный детектив.

⁵ Там же. С. 18—19.

Новые находки в фондах Псковского губернского правления и Духовной консистории позволяют дополнить и уточнить историю мемориальных мест: Святогорского монастыря, Воскресенской и Георгиевской церквей, сел Михайловского, Петровского, Тригорского.

Представляет интерес мало известная биографам, можно сказать трагическая, история села Воскресенского и его обитателей, и наоборот, удивительная в своем постоянстве судьба столь любимого Александром Сергеевичем Савкина, древнейшего поселения, которое не меняло своего названия и владельцев из династии отставных солдат, капранов и каптенармусов (а Михайловское переименовывалось четыре раза).

Новая страница в изысканиях — письма предков Пушкина и их соседей, в том числе из Тригорского, открывающие тайны их взаимоотношений, деловых и личных, а также особенности их характеров. Кстати, разбирать эти рукописные свидетельства, написанные более двух веков тому назад мудреной для нас скорописью, «переводить» на современный язык, осмысливать изложенное — занятие сверхсложное и трудоемкое. Утешает то, что дело это необходимое. В биографической литературе, путеводителях слишком много легенд, домыслов, неверных сведений, не подкрепленных документами. Понять можно: было атеистическое время, когда история и даже поэзия зависели от идеологии.

Надо признаться, что с тех пор как я стал пенсионером и добровольно заточил себя в архив, каждая новая находка, связанная с Пушкинским заповедником, вызывает двойственное чувство. С одной стороны, обычная радость исследователя, с другой — сомнение: ведь своими изысканиями я как бы опровергаю труды С. С. Гейченко — своего благодетеля и «крестного отца». Дело в том, что после первого праздника поэзии в Михайловском я написал очерк «Соловьиная ночь», и знаменитый уже тогда хранитель «Лукоморья» пришел в редакцию «Молодого ленинца», чтобы сказать мне, начинающему журналисту, добрые слова. Позже Гейченко все годы поддерживал мои исследования по Мусоргскому, дал мне рекомендацию в Союз писателей СССР. Однажды преподнес сюрприз: со сцены Большого театра, в юбилейный вечер композитора, откуда шла трансляция по интервидению, дал оценку моих разысканий в архиве. Как бы воспринял Семен Степанович находки, которые противоречат опубликованным материалам? Думаю, он остался бы верен своим убеждениям, что архивные документы помогают снимать «покрывало с отдельных страниц биографии» (речь он вел именно о предках поэта). Кстати, я встречал «следы» Гейченко в Великолукском архиве: 30 лет тому назад он около недели работал с документами Псковской Духовной консистории и, надо сказать, довольно прицельно. Но ведь за такое короткое время невозможно было пересмотреть сотни рукописных книг в тысячи и более страниц, на что у меня только на изучение Пушкина ушло четыре года.

Мне посчастливилось участвовать в научных конференциях в Михайловском, а также в трех международных, и убедиться, что интерес ученых к докладам, основанным на новых находках, весьма велик. Примечательно, что в трудоемких и очень ответственных разысканиях о Мусоргском, Патриархе Тихоне, Пушкине помогает «бригадный метод» — может быть, единственный в своем роде. Это творческое содружество с высокими профессионалами и энтузиастами из музеев Софьи Ковалевской, академика Виноградова, научными сотрудниками Пушкинского заповедника. Наше содружество помогает бескорыстно делиться находками и сведениями, разбирать скоропись и почерк разных эпох, консультироваться по сложным вопросам.

И эту загадку в «Исповедных росписях» за 1740 г. мы обсуждали. Она не простая: отпадает версия, что опального Ганнибала наградила чинами

и землями императрица Елизавета Петровна, так как записи священнослужителей указывают время правления Анны Иоанновны. По опыту исследования родословной Мусоргского я могу предположить, что дальнейшие доводы надо искать в Санкт-Петербурге. Такая уж нелегкая доля у искателей архивных кладов: чем больше «копаешь», тем больше вопросов. Ответить на них — долг краеведов. Вдохновляют же на новые поиски строки А. С. Пушкина:

Но, если обо мне потомок поздний мой
Узнав, придет искать в стране сей отдаленной
Близ праха славного мой след уединенный —
Брегов забвения оставя хладну сень,
К нему слетит моя признательная тень,
И будет мило мне его воспоминанье.

А «след», о котором пишет гениальный поэт, — это корни, родословное древо, правдивая, без прикрас, летопись мемориальных мест, связанных с именами великих сынов России.

И. Т. Будылин

СВЯТОГОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ ПСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

17 мая 1992 г. Святогорский монастырь был возвращен Русской Православной Церкви. В Успенский собор вернулась святыня XVI в. — икона Божией Матери Одигитрии.

В пределах монастыря, у алтаря храма, находится могила А. С. Пушкина. И с этим обстоятельством многое связано и в истории обители, и в современной ее жизни.

«Святогорский Успенский Псковской епархии мужеский 3 класса, по штатам степеню 45, монастырь находится в Опочецком уезде, от губернского города Пскова к югу в 115, от уездных: Опочки, к северо-востоку в 40, от Острова к юго-западу в 50, от бывшего пригорода Воронича в 4, а от Великой реки в 6 верстах», — сообщает первый историк монастыря архиепископ Евгений (Болховитинов) в 1821 г.¹

Рождение Святогорской монашеской обители восходит к древнему преданию о чудесном явлении иконы Божией Матери Одигитрии местному юродивому, пастуху Тимофею, на Синичьей горе. После явления иконы в окрестностях начались исцеления болящих: «православные стицахуся с радостью на поклонение на сю Синичью Гору, яже ныне глаголется Святая Гора, и возвращахуся с пользою душевною, благодаряще Бога и Пречистую Богородицу». А после устройства в 1569 г. обители люди «стицахуся от всех стран на Святую сию Гору, в церковь Богоматери», гласит летопись.

Скромный по размерам главный Успенский собор и ныне радует глаз гармоничностью, точным расчетом при строительстве на вершине холма. Алтарь храма занял священное место явления иконы; поднялись простые, но мощные, полутораметровой толщины стены, и только барабан купола

¹ См.: Описание Святогорского Успенского монастыря / Сост. митрополит Евгений. Дерпт, 1821.

и алтарные апсиды украшены опоясывающим рисунком-«бегунком». Благодаря множеству глиняных голосников под куполом, служба была слышна далеко за стенами собора. Не случайно в мемуарной литературе сохранились упоминания о прекрасном монастырском хоре.

К середине XVIII в. монастырь владел довольно обширными землями, 712 крепостными «мужеска пола». Из имущества обители (по новонайденной описи 1764 г.) обращает внимание «воздух да два покровца лазоревых с цветы, с серебряными на них кресты позумента сребренаго, подложены луданом красным. Подание Благоверной Государыни Царевны и Великой княжны Екатерины Иоанновны».

Екатерина Иоанновна (племянница Петра I) владела в окрестностях землями. А в 1746 г. императрицей Елизаветой они были подарены крестнику Петра I — Абраму Петровичу Ганнибалу («арапу Петра Великого»). Один из его сыновей — Осип, дед А. С. Пушкина, владел знаменитым впоследствии Михайловским. Есть сведения о вышивке, принесенной в дар монастырю матерью Пушкина Надеждой Осиповной. Принимая вклады, монастырь в то же время сам оказывал помощь государству. В трудный 1812 г. «онный пожертвовал Отечеству довольно значительным подаянием денег и вещей золотых и серебряных».

Находясь вблизи западных границ, обитель в древности, видимо, оценивалась и как форпост. Лишь в XVIII в. ее мощные земляные валы были заменены каменными стенами, из камня же к храму выстроены две лестницы. Старинную звонницу сменила «новоманерная» колокольня, и монастырь приобрел нынешние черты.

С древности вплоть до 20-х годов нашего века день явления иконы отмечался крестными ходами и ярмарками, приводившими сюда купцов, калек переходящих, странников-богомольцев со всей Руси. Среди участников этих событий в 1825 г. мы неожиданно встречаем и Пушкина, который (по дневнику его современника купца И. Лапина) «...некоторым образом удивил странною своею одеждою... У него была надета на голове соломенная шляпа — в ситцевой красной рубашке, опоясавши голубую ленточкою, с железною в руке тростию, с предлинными бакенбардами, которые более походят на бороду, также с предлинными ногтями, которыми он очищал скорлупу в апельсинах и ел их с большим аппетитом я думаю около ½ дюж».² Известно, что «михайловский барин» пел здесь со слепцами о Лазаре, архангеле Михаиле.³

Духовное попечительство над А. С. Пушкиным в годы михайловской ссылки поручили настоятелю игумену Ионе. Однако и сам Пушкин охотно бывал в монастыре. Летописи и древние книги в монастырской библиотеке, жизнь монахов, вопросы веры, народные обычаи живой памятью связывали поэта с многовековой историей Руси. Возник замысел трагедии «Борис Годунов». По признанию самого поэта, он «в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени. Источники богатые!» (VII, 115).

В конце XVIII в. у стен храма на средства местных помещиков Львовых и Карамышевых как фамильные усыпальницы строятся два придела — Покровский и Одигитрии. Богатые вклады в монастырскую казну делал и другой помещик — дед Пушкина Осип Абрамович Ганнибал. В 1806 г. у алтарной части Успенского собора появилась его могила, в 1818 — могила бабушки А. С. Пушкина М. А. Ганнибал, в 1819 г. в храме был похоронен младенец Платон (двухлетний брат Пушкина). В марте 1836 г.

² Вересаев В. Пушкин в жизни. М.; Л., 1932. Т. 1. С. 177.

³ Иоанн, игумен. Описание Святогорского Успенского монастыря Псковской епархии. Псков, 1899. С. 11.

из Петербурга для погребения на родовом кладбище Пушкин привез тело матери и тогда же откупил рядом место для своей могилы. А менее чем через год в приделе во имя Божией Матери Одигитрии на панихиде стоял гроб с его телом.

Имя поэта естественно вплетено в историю монастыря. Впоследствии здесь побывали П. Вяземский, П. Плетнев, правитель Черногории и поэт митрополит Петр II Негош, здесь писали свои этюды А. Саврасов, В. Максимов. Со второй половины прошлого века русская интеллигенция все чаще обращала взоры к далекому и глухому уголку Псковской губернии. Постепенно Святогорский монастырь, хранивший в своих стенах великую и скромную могилу, стал приобретать значение одного из символов русской культуры. В 1902 г. был укреплен холм, изящной балюстрадой (архитектор В. Л. Назимов) обнесена могила. В 1895 г. рядом с монастырем на средства домовладельцев было выстроено здание читальни и богадельни имени Пушкина, где хранились книги, реликвии. День рождения поэта в 1911 г. в Михайловском был отмечен открытием колонии для престарелых литераторов.

В 1918 г. заполыхали дворянские усадьбы, было подожжено Михайловское. «Ради чего?» — задавалась вопросом тогдашняя жительница колонии, писательница В. В. Тимофеева-Починковская. «Чтобы не ездили и не вспоминали», — сказал кто-то из погромщиков. А в 1922 г. Святогорский монастырь был закрыт, — как «оплот мракобесия».

В том же году могила Пушкина была взята под охрану государства, вскоре именем поэта назвали ближайшее поселение Святые Горы, чуть позже — колхоз, школу, кинотеатр. Передача церкви и могилы музею решала вопросы их охраны. Год столетия гибели Пушкина стал апофеозом пропаганды поэта и надолго определил восприятие его образа. Судя по публикациям тех лет, «в стране не осталось ни одного человека, который не был бы охвачен лекциями о Пушкине». Торжества у могилы поэта тоже были грандиозны. «Стихи Пушкина помогают нам жить и весело работать, — сказал на митинге председатель колхоза им. Пушкина. — А чем больше мы получим от нашей земли и нашего труда, тем больше у нас будет времени читать сочинения нашего Пушкина и тем успешнее мы будем развивать свою культуру... Все это происходит от того, что у нас наша советская власть, что живем мы под руководством нашего любимого товарища Сталина». Поэт А. Безыменский смог обойтись вовсе без имени Пушкина: «То, что мы видели сегодня, — грандиозный праздник советской культуры. Имя ей — ленинизм, сердце и знамя ее — Сталин». Вспоминать сейчас давние речи, может быть, и не имело смысла, если бы уже в них не была заложена та модель истолкования Пушкина, на которой выросло не одно поколение — вплоть до наших дней. Она определяла ход восстановления монастыря-музея после войны. Об этом говорит путеводитель 1951 г.: «По указанию нашего великого вождя и учителя, крупнейшего знатока Пушкина, И. В. Сталина, президиум Академии наук СССР весной 1945 г. направил в Пушкинский заповедник комиссию специалистов-архитекторов под руководством академика А. В. Шусева, автора проекта мавзолея В. И. Ленина, для разработки плана восстановления пушкинского памятника».

Превращаясь в музей, монастырь терял свой образ монашеской обители, свою духовную ауру. В контексте советской пропаганды (при посещаемости музея 500—800 тысяч человек в год) монастырь сохранил лишь значение архитектурного памятника, достопримечательности, отвеченной дани прошлому. Между тем экспозиция была неизменно соотнесена с очередными идеологическими задачами. В 60-е годы отсутствие икон в храме (они были уничтожены в 20-е годы) объективно отражало новое наступление

на Церковь. Логика проста: «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», Церкви там места нет. Усиливая антиклерикальную тему, преподносят монастырь как «исправительную колонию» для прощтрафившихся монахов.⁴ До недавнего времени в экспозиции музея был представлен так называемый дневник игумена Ионы (как выяснилось впоследствии, фальсифицированный), где описаны блуд, богохульство и пьянство монахов.

В окружении картин 1937 г. на тему дуэли и смерти Пушкина в южном приделе было отмечено место, где стоял гроб с телом поэта во время панихиды. Однако сама религиозная проблематика на долгие годы оказалась наглухо закрытой. Тем не менее значительность трагедии «Борис Годунов», обращение поэта к типам монахов обязывали музей иметь в виду впечатления Пушкина в обители: в одном из помещений храма была воспроизведена предполагаемая обстановка кельи Пимена. Невинное это изобретение вызывало нарекания официальных атеистов, а двуликость экспозиции означала снисходительную дань «абстрактному гуманизму». (В 70—80-е годы в храме появились иконы XIX в.).

Стало модно показывать монастырь зарубежным гостям: от генерального секретаря ООН до писателей, поэтов и просто туристских групп. Особой заботой партийных идеологов были пушкинские даты рождения, гибели, приезда в ссылку. Церемониал их тщательно соблюдался из года в год. Неизбежно — милицейское оцепление. Главное — выступления у могилы партийных и советских работников, писателей, речи на праздничной поляне у дома поэта в Михайловском, в местном доме культуры. Особо ценилось умение связать в них имя и творчество Пушкина с «очередными задачами партии и правительства». ...Вот у древней лестницы к собору и могиле поэта выстраиваются пары с венками: «Пушкину — от Министерства культуры СССР», «...от Союза писателей СССР», «...от хранителей его наследия», «...от туристов». Двое приятелей как-то вклинились в праздничный ряд с венком «Пушкину — от любителей российской словесности». Но их прворно опередили с другим: «Пушкину — от обкома КПСС».

Колокола звучали только в эти дни, вместе с военным духовым оркестром (обычно играли «Славься»). Помню, как всюду сновал главный идеолог области и все подступал к хранителю: «И чтоб в колокола без указаний не звонили!...».

Политизация восприятия монастыря и самого Пушкина приобретала порой формы непостижимые. В 70-е годы древнее, практичное булыжное покрытие вокруг храма неожиданно и поспешно заменили шлифованными плитами, противоречащими самой эстетике XVI в. Попутно подвинули надгробные плиты над могилами предков поэта, убрали бордюры для живых цветов. «Мы делаем это для того, — многозначительно говорил туристам один из выступающих, — чтобы все у могилы Пушкина было так же, как у мавзолея Ленина... Ведь это наши святыни. Нам нужны наши, социалистические молитвы».

Вспоминается обычная картина: у Анастасьевских ворот монастыря тормосит очередной автобус. Из него вываливается группа подростков. Их путь к могиле Пушкина лежит мимо серых щитов со стихами, приличествующими случаю:

Тебе несут грузинки розы,
Литвинки — руту, свой привет,
Дарят узбекские колхозы
Благоуханной джидды цвет.

⁴ См.: Бозырев В. С. Музей-заповедник А. С. Пушкина. Л., 1979. С. 216.

Старушки призывают, цокая по-псковски: «Купите цвятоцки на могилу Ляксандры Сергеица». Но подростки, равнодушно покуривая, идут мимо, подгоняемые преподавателем.

«Спрашивается, в чем смысл сегодняшнего посещения монастыря-музея? — задавались вопросами опытные экскурсоводы в местной газете. — Много ли здесь напоминает о Пушкине? Ведь он не знал музея, но знал монастырь, его библиотеку (где она?), летописи (где они?), ярмарки (увы, их нет). Люди чувствуют ложь декораций, на современном фоне России она все очевиднее. И нет ли нашей вины в том, что Пушкин — автор обязательной школьной программы — в сознании новых поколений начисто отгорожен от Пушкина — части духовной жизни личности?». «Мнение народное» склонялось к возвращению Святогорского монастыря в лоно Русской Православной Церкви. Но когда в 1991 г. церковной иерархией был поставлен вопрос о возвращении монастыря, сама эта идея показалась хранителям музея и друзьям заповедника едва ли не кощунственной. «Как же так? — спрашивали они. — Ну причем здесь церковь, монахи?»; «Пушкин — наша религия»(!); «Руки прочь от Пушкина!»; «А как же могилу Пушкина будут посещать люди других вероисповеданий?» — забеспокоились бывшие идеологи. «Зарастет та тропа? — задавалась вопросом «Советская Россия». — Не совершаем ли мы ошибку, за которую всем нам будет стыдно?» В заголовках газетных статей мелькало: «Нельзя церковь противопоставлять культуре!».

Как-то на сельском кладбище довелось мне видеть странный памятник: крест, увенчанный серпом и молотом. Не образ ли это «наших, социалистических, молитв» и нашего странно двойственного состояния души?

В соответствии с новым законом Российской Федерации 28 апреля 1992 г. состоялась официальная передача Святогорского монастыря Русской Православной Церкви. Оригинальную картину представлял собой в этот день монастырский двор за всю его 400-летнюю историю. Встретились религиозная и светская власти: митрополит Псковский и Великолукский Владимир (Котляров) и новоназначенный директор заповедника (в недалеком прошлом — член обкома КПСС) В. С. Бозырев.

— Мне непривычно слово «товарищ», — сказал владыка. — Разрешите, я вас буду называть «господин директор»?

— А я вас — «уважаемый владыка».

С тем и пошли осматривать владения.

— Как же вы до сих пор не отремонтировали крышу храма, водостоки? Посмотрите, ведь могилу Пушкина заливают вода, оседает холм, в храме трещины... Вы говорите, что Пушкин — ваша религия, но как же можно не любить то место, которое так любил Пушкин?

— Но у нас нет средств...

— Надо было обратиться к людям...

Объясняя происходящее собравшимся, владыка сказал:

— Мы все воспитаны на Пушкине, любим и знаем его стихи. Но будем справедливы: Пушкин похоронен у стен собора, а не собор построен у его могилы. Примем во внимание и то, что поэт хотел быть похороненным не в музее, а в обители. У его христианской могилы должна звучать молитва о нем, если мы действительно любим его... Здания обители требуют ремонта. Любое помещение, когда в нем не живут, постепенно разрушается. Главное сейчас — возжечь первую лампаду. Возобновим богослужения — начнется жизнь.

17 мая 1992 г. празднично загудели колокола собора: начался крестный ход. Из ближайшей приходской церкви святогорская святыня, икона Бо-

жией Матери Одигитрии, торжественно возвращалась на место своего явления в 1569 г.

Во время разграбления монастыря 70 лет назад икону спрятали местные жители, передав впоследствии в приходскую Казанскую церковь. Перенос святыни в Успенский собор означал возобновление регулярных служб и возвращение обители ее исконного имени: Свято-Успенский Святогорский монастырь. Сам факт преобразования на время отодвинул все остальные события, а вскоре последовало новое: 29 мая обитель посетил Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Из ближних и дальних окрестностей пришли все, кто мог. Святейший Патриарх вел службу в храме и преподнес братии подарок — древнюю икону Николая Чудотворца, а также возжег лампаду от привезенного им из Иерусалима Священного Огня.

У могилы А. С. Пушкина Алексей II отслужил литию, внимательно осмотрел новообетенную обитель. «Общими трудами и общими усилиями надо возродить здесь обитель, которая в своих стенах сохраняет могилу великого поэта Земли Русской, — сказал в своем выступлении Патриарх. — С открытием монастыря, я думаю, это место приобретет еще большую притягательную силу».

К дате приезда Пушкина в михайловскую ссылку (9/22 августа 1824 г.) открыта мемориальная доска: «Придел в честь иконы Божией Матери Одигитрии. Здесь в ночь с 5 на 6 февраля 1837 г. стоял гроб с телом русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Перед погребением панихиду совершил настоятель Свято-Успенской обители архимандрит Геннадий». Вскоре в этом приделе, как и в главном храме, возобновилась служба.

Возник вопрос о путях сотрудничества монастыря и музея. Однако на практике единства целей не было. С переносом экспозиции из храма в находящийся рядом братский корпус стало ясно, что люди прежде всего, быть может подсознательно, стремились в храм, а встречали в нем музей. Ныне посещаемость действующего храма возросла, музея же — резко упала. Обнаружилось, что храм по существу был заложником музея.

Обретая монастырь, в стенах которого покоится прах А. С. Пушкина, Церковь возлагает на себя высокую ответственность и стоит в данном случае перед решением весьма специфических задач.

Автору этих строк в 1992 г. посчастливилось найти в архиве неизвестный доселе документ — «Опись Святогорского монастыря» 1764 г., сделанную по приказу императрицы Екатерины II. Тщательно описывает Илья Сонцов каждую деталь убранства, места расположения икон (их сюжеты, размеры, колер), монастырскую библиотеку, службы и т.д. Перед нами — готовая основа восстановительных работ, максимального приближения к пушкинской эпохе.

Главным источником по истории монастыря справедливо считается труд настоятеля игумена Иоанна (1900 г.). Однако «Опись...» 1764 г. в перечне книг отсутствует. Находясь в московском архиве (РГАДА), она прошла мимо внимания исследователей и более поздних лет.

Возникновение документа связано с земельными реформами императрицы Екатерины II. В ходе их подготовки в разные концы России отправлялись особо доверенные офицеры, чтобы произвести максимально полные описи имущества и убранства монастырей, их земель и доходов. Во избежание подачи ложных сведений «методика» описаний была разработана императрицей весьма тщательно. В частности, офицеру предписано было «сочинять описи по самой справедливости», «ежели в чем по показанию крестьянскому окажется вам сумнительство, о том всякими способами наведываться, от кого прилично, к достижению самой истины...».

Опись Сонцова можно воспринять и как отчет, и как летопись, и как точный путеводитель по монастырю и его владениям. Сравнение этого труда с более поздними описаниями позволяет внести в них весьма определенные уточнения. «Опись...» имеет не только историческое, но сугубо современное, практическое значение. Сегодня это — можно сказать, единственный источник информации об убранстве монастыря ближайшего А. С. Пушкину периода.

Известно, что монастырскими летописями пользовался А. С. Пушкин в период работы над трагедией «Борис Годунов». Но какими именно? Возможно, это упомянутые Сонцовым «Две книги храмовые писанные», «Синодик писменный». В «Описи...» представлена монастырская библиотека из 68 книг (38 из них дубликаты): «Евангелия», «Рай мысленный. Киевской печати», «Патерик Печерский», молитвенники, дарственные книги игумена Иннокентия, нотные издания и др. Особое внимание в связи с сюжетом стихотворения Пушкина «Отцы пустынноики и жены непорочны» привлекает книга «Ефрем Новоисправленный».

Проблема взаимоотношений Церкви с музеями в наше время не проста и часто намеренно усложняется. У нас есть уникальная возможность, благодаря вновь открытому документу, связать в Святогорском монастыре интересы Церкви и музея. Канонический образ храма, воссозданный в соответствии с документальными данными, не вызовет возражений и у тех, кто придет сюда не как паломник, а как музейный посетитель в ожидании исторической достоверности.

Возрождая Свято-Успенский Святогорский монастырь, мы находим один из путей обретения того Пушкина, именем которого, по сбывшемуся предчувствию В. Ходасевича, нам суждено перекликаться.

Е. А. Мухина

ОБ ОДНОМ ДУХОВНОМ СТИХЕ ИЗ РЕПЕРТУАРА СВЯТОГОРСКИХ КАЛИК

Глубокий и всесторонний интерес Пушкина к народной поэзии, имевший целью проникновение в самую суть народного сознания, не мог не привести его к устнопоэтической традиции своеобразного религиозного эпоса, восходящего к книжным источникам. В современной фольклористике по отношению к нему установился термин «духовный стих» (впервые это название использовано собирателем В. Варенцовым в 1860 г.). Большей частью духовный стих пушкинской поры собирателями не отделялся от былин в современном понимании жанра и шел под общим названием «старин», так как сами сказители — как крестьяне, так и нищие пилигримы («калики перехожие») — не делали принципиальных различий между эпическими произведениями духовного и светского содержания, поскольку все они создавались и воспринимались носителями православного сознания.

Благодаря воспоминаниям старожилов нам известны некоторые очень важные детали жизни Пушкина в Михайловском. Пушкинский кучер уже после смерти поэта рассказывал о том, как Александр Сергеевич собирал народные песни на ярмарке в Святогорском монастыре: «Народу много

собирается и он бывало туда хаживал, как есть бывало как дома: рубаха красная, не брит, не стрижен, чудно так, палка железная в руках, придет в народ, тут гулянье, а он сядет наземь, соберет к себе нищих слепцов, они ему песни поют, стихи сказывают». ¹ «На ярмарке любил останавливаться у групп, где нищие тянули „Лазаря”»; «простаивал подолгу», записывал незаметно для других карандашом на бумажке все эти «духовные стихи об Алексее Божием человеке, об архангеле Михаиле, о страшном суде и другие подобные канты». ² Духовный стих о Лазаре, судя по этому отрывку, был известен поэту.

Выражение «петь Лазаря» стало в русском языке «синонимом пения нищими духовных стихов и спрашивания ими милостыни» ³ или же синонимом «упрашивания». ⁴

Книжным источником духовного стиха «О Лазаре» послужила евангельская притча (Евангелие от Луки, XVI, 19–16, 31) о вечном спасении нищего Лазаря и вечных мучениях в аду богача, чуждого при жизни нищелюбия и милосердия. Главная мысль притчи звучит в диалоге богача и Авраама, который противопоставляет жизненный удел богача и бедного Лазаря и напоминает о неотвратимости Божьей кары за скаредность. В народно-поэтической интерпретации этот сюжет не только подробно разворачивает диалоги бедняка и богача в земной жизни и в жизни потусторонней, но и вводит новый мотив милостивой и немилостивой смерти.

Ареал распространения сюжета достаточно обширен, он охватывает территорию всей России (сюжет зафиксирован в Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской, Костромской, Орловской, Рязанской, Тамбовской губерниях). Многочисленные записи духовного стиха о Лазаре (нам известно более тридцати текстов, двадцать два из которых хранятся в Архиве Карельского филиала РАН, далее — АКФ) были сделаны фольклористами П. В. Киреевским, П. И. Якушкиным, В. Варенцовым, П. Бессоновым, Е. А. Ляцким, Ф. М. Истоминым, а также карельскими собирателями А. П. Разумовой, Н. И. Савушкиной, Л. А. Быковской, О. Г. Большаковой, В. Г. Дмитриченко и многими другими. Духовный стих включен в фольклорные сборники. ⁵

Обработка евангельской притчи находит свое отражение уже в названии духовного стиха. Некоторые варианты озаглавлены «Лазарь», что не противоречит источнику, — именно так зовут одного из персонажей (бедный Лазарь). В названии «Про богатого и бедного Лазаря» дается установка на определение социального статуса действующих лиц, что также продолжает развитие сюжета первоисточника. Наиболее интересным является название «Два Лазаря», характерное для текстов Архива Карельского филиала РАН. Удвоение имени «Лазарь» тесно связано с идеей кровного родства. Идея братской любви — «братьев во Христе» — настолько глу-

¹ Соколов Ю. М. Пушкин и народное творчество // Литературный критик. 1937. № 1. С. 131.

² Цит. по: Миллюков П. Живой Пушкин (1837–1937): Историко-биографический очерк. М., 1997. С. 105–106.

³ Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1941. С. 288.

⁴ Даль В. И. Толковый словарь. СПб.; М., 1882. Т. 3. С. 550.

⁵ Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. М., 1860; Бессонов П. Калики переходные. М., 1861–1864. Вып. 1–6; Истомин Ф. М., Дютш Г. О. Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. СПб., 1894; Истомин Ф. М., Ляпунов С. М. Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской. СПб., 1899; Стихи духовные. Слова золотые / Вступ. ст. Е. А. Ляцкого. Тексты избрал Е. А. Ляцкий при участии Н. С. Платоновой. СПб., 1912; Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина: В 2-х тт. Л., 1983. Т. 1; Л., 1986. Т. 2; Стихи духовные / Сост. Ф. М. Селиванов. М., 1991.

боко проникла в народное сознание, что порождает в духовном стихе о Лазаре новый мотив по отношению к евангельскому источнику, — мотив кровного родства богача и бедняка.⁶ Удвоение имени «Лазарь» в стихе при этом рассматривается нами как усиление мотива кровного единства вплоть до тождества братьев во Христе.

Собственно-повествовательный характер евангельской притчи, объективированный и лаконичный, в поэтике духовного стиха трансформируется композиционно и стилистически. Усиление драматического начала ведет к разработке речевых планов обоих главных персонажей и в некоторых вариантах речевых планов Авраама и слуг богатого Лазаря. Слагатели стиха конкретизируют место действия («по двору богатый похаживает», выходит «богатой из своих полат») и детализируют образ земной жизни богатого и бедного («Пил-ел богатый — сахар воскушал, / Дорогие одежды богат надевал», «Пировал богатой во вышках своих»; «Лежит же убогий во Божьем труду, ...сам весь во гною»). То же наблюдается и при описании «вечной жизни», где в стихе отражено своеобразное смещение акцентов: если в евангельской притче диалог после смерти происходит между богатым и Авраамом как исполнителем Божьей воли, то в духовном стихе участниками диалога становятся богатый Лазарь и бедный Лазарь, что, на наш взгляд, определено общим развитием действия духовного стиха, обусловленным значительно большей конкретностью народного мышления.

В фольклорном тексте новый мотив милостивой и немилостивой смерти свое художественное решение получает как просьба, мольба богатого Лазаря и бедного Лазаря к Богу и «ответная» смерть праведника и грешника.

Усиление лирического начала, присущего народной поэзии, достигается традиционной фольклорной тропикой: эпитеты (сладкие меды, сахарные уста, чисто поле, белый свет, вольный свет, святые ангелы, пресветлый рай, злая смерть, сыра земля, геенский огонь, вечное житие, превечная мука, кровавы уста, студеная вода и др.), двандва (именье-житье, сударь-батюшка, злато-сребро, пыл-скат, князья-бояра, ладон-демян и др.), тавтологические сочетания (лик ликовать, век вековать, торг торговать и др.).

В лингвостилистическом плане особенно показательны в этом стихе обращения, которые, как известно, играют важную роль в поэтическом сознании. Именно обращение «раздвигает масштабы поэтического сознания и создает предпосылки для расширения внутреннего смыслового пространства лирического произведения».⁷ Фигура обращения, имея две основные коммуникативные функции — контактоустанавливающую и характеризующую, используется в духовном стихе и для оптимально сжатой характеристики действующих лиц, и для свободного передвижения народного певца из реального мира в потустороннее пространство, где изображена встреча двух Лазарей и Авраама.

Наиболее показательной с точки зрения поэтики является контекстуальная антонимичность обращений двух Лазарей друг к другу и богатого Лазаря к бедному в ситуациях земной и загробной жизни. В земной жизни обращения «братец», «брателко», «родимый мой братец», «мой мил братец» всегда и везде характеризуют речь бедного Лазаря, чье поведение согла-

⁶ См. также: Робинсон А. Н. К проблеме «богатства» и «бедности» в русской литературе XVII в. (Толкование притчи о Лазаре и богатом) // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 124 — 156; Белоусов А. Ф. Из наблюдений над русским духовным стихом. I. «Два брата Лазаря» // Сб. ст. молодых филологов к 50-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1972. С. 50 — 66.

⁷ Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М., 1986. С. 97.

суется с духом христианской любви и смирения. При этом эпитеты, определяющие социальный статус богатого, крайне редки:

Братец ты, братец, родной мой,
Сотвори мне-ка, братец, святу милостыньку!⁸

Ой ты, мой братец, славен-богат!⁹

Ах, ты милый братец, богатый человек,
Накорми братец
Накорми, напой тело грешное.¹⁰

Для обращений богатого Лазаря к бедному характерна пейоративная окраска, так как им все время подчеркивается социальная униженность «сироты» Лазаря:

А отстань, отстань братие, убогой Лазарь...¹¹

Ох ты, нищий, убогий...¹²

Отойди от меня нищий-сирота.¹³

Ты, подстольная собака, ходишь крупья собирать...¹⁴

Как видим, евангельский мотив псов, приносящих крохи со стола богача бедняку Лазарю, в народном сознании переосмысливается как отождествление богачом бедного Лазаря с «подстольными собаками», «лютым псом», «борзым кобелем»:

Ой, осмердил ты меня, как лютый пес!¹⁵

Какой я тебе братец, какой я тебе родной:
Мои-ти ведь братья — князья, бояра,
Твои-ти братья — борзые кобели!¹⁶

«Борзые кобели», которым богатый приказал убрать «срамново из перед окна»,¹⁷ становятся заступниками, помощниками бедного Лазаря. Характерно, что евангельский мотив собачьего сострадания убогому Лазарю вполне созвучен народному сознанию и почти не утрачивается в изученных вариантах:

...Дак тьи-то псы да по подстолью ходили
А обронены крошечки да собирали
А ко убогому Лазарюшки в дом носили,
Да тым же яки Лазарюшка воспитывали
А гноючи-те раны ведь зализывали.¹⁸

⁸ *Истомин Ф. М., Ляпунов С. М.* Указ соч. С. 29.

⁹ Стихи духовные. С. 190.

¹⁰ АКФ, № 22, ед. хр. 10 А, с. 35. Здесь и далее сохраняется орфография и пунктуация оригинала.

¹¹ АКФ, № 8, ед. хр. 100. Подлинник.

¹² Собрание народных песен П. В. Киреевского. Т. I. С. 157.

¹³ АКФ, № 79, ед. хр. 24, с. 30.

¹⁴ АКФ, № 79, ед. хр. 936, с. 102.

¹⁵ Стихи духовные. С. 190.

¹⁶ *Истомин Ф. М., Ляпунов С. М.* Указ соч. С. 29.

¹⁷ Там же.

¹⁸ АКФ, № 8, ед. хр. 100. Подлинник.

Видимо, развитие этого мотива отвечало основному идейно-эстетическому замыслу духовного стиха: высветлить особое, противоестественное жестокосердие богача и его тщеславную гордыню, которые в духовном, христианском смысле ставили богатого на самые нижние ступени в иерархии Божьих тварей.

Диалог братьев после смерти, заменивший диалог притчи между богатым и Авраамом, является кульминацией духовного стиха. Земное время и пространство противопоставлены сакральному времени и пространству как в евангельской притче, так и в стихе о Лазаре. В своем инобытии Лазарь богатый и Лазарь бедный попадают на разные полюса сакрального пространства: в рай и ад. Речевой диалог, в который вступают герои духовного стиха, свидетельствует о едином топосе загробного мира в творческом воображении народных певцов (в отличие от упоминаемой пропасти между полюсами сакрального пространства в евангельской притче).

Объем диалога варьируется, что зависит от отсутствия или присутствия перечня грехов, совершенных в земной жизни, при разработке покаянного мотива:

Ай же, ты мой братец, богатой человек,
Как были то мы жили на вольном свету,
В Божью то мы церковь не хаживали,
И праведна моленица не слыхивали,
Холодного, голодного ты не накормил
Голого да босого ты не обнадел,
От темной ноченьки ты не сохранил...¹⁹

Нет необходимости говорить об обращениях бедного Лазаря к богатому, характер которых не изменился в сравнении с земной жизнью. Значительно отличаются формы обращения богатого Лазаря к бедному после перехода в инобытие. Основными являются обращения «братец», «брателко», «братец мой» и т.д., а эпитет «убогий» становится, на наш взгляд, атрибутом не социального положения, а, скорее, ореола святости:

Братец мой, братец, убогий Лазарь!..
Не попомни, братец, грубости моей!²⁰

Братец, ты братец, убогий человек,
Дай-ко ты мне, братец,
Хоть мисень воды.²¹

Итак, евангельская притча в значительной степени трансформирована народно-поэтическим сознанием: введены новые мотивы, смещены некоторые акценты, духовный стих стал более драматичным и лиричным.

Установление и разработка речевых планов героев, где характер обращения играет ведущую роль, позволяет народным певцам в наиболее эмоционально-окрашенном ключе передать ценностные ориентации народной эстетики и интерпретировать идеалы христианского сознания в живых и наивно-реалистичных оценках повседневного социального бытия народа.

¹⁹ АКФ, № 8, ед. хр. 100. Подлинник.

²⁰ Стихи духовные. С. 103.

²¹ АКФ, № 22, ед. хр. 10, с. 36.

СЛУЖБЫ СВЯТОМУ ЦАРЕВИЧУ ДИМИТРИЮ
И ТРАГЕДИЯ А. С. ПУШКИНА
«БОРИС ГОДУНОВ»

Убиение царевича Дмитрия Пушкин считал одним из узловых сюжетов русской истории, стоящих в истоках «величественной драмы» Смутного времени. В письме к П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г., незадолго до премьеры оперы М. Глинки «Жизнь за царя», Пушкин возражает мыслям Чаадаева о «ничтожности» русской истории. Он объединяет сюжеты убийства царевича Дмитрия в конце XVI в. и воцарения юного Михаила в 1613 г. в один замкнутый исторический цикл: «...величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, — как, неужели всё это не история, а лишь бледный и полузабытый сон?» (X, 689).

Многие эпизоды трагедии «Борис Годунов» связаны с повествованием о царевиче Дмитрии: от сюжета о его убийстве в Угличе до перенесения мощей в Архангельский собор Московского Кремля; имя царевича упоминается в первых сценах трагедии, в монологах царя Бориса, речах Патриарха, монологах Пимена, репликах Самозванца. Трагедия и заканчивается образом невинно-убиенного царевича Феодора, ставя один из пророчески-мистических философских вопросов русской истории.

По-видимому, сама идея «Бориса Годунова», его завязка возникли из сюжета об убийстве царевича Дмитрия — Святого, канонизированного Русской Церковью в начале XVII в. В самом начале работы над трагедией, в декабре 1824 г., Пушкин делает подготовительные заметки к «Борису Годунову», озаглавив их так: «Убийство Св. Дмитрия».¹ Это название напоминает заголовок службы или жития Святого Царевича Дмитрия (например: «Убийство Святого и Праведного страстотерца благоверного Царевича Дмитрия»²), что побуждает обратиться к текстам песнопений этому Святому и попытаться понять, был ли Пушкин знаком с ними и входили ли они в круг источников его произведения.

Песнопения служб Царевичу Дмитрию посвящены воспоминанию о событиях, связанных с его убийством и канонизацией, царствованием Бориса Годунова и началом Смутного времени в России. В частности, как сообщает заголовок службы в одном из списков середины XVII в., царевич был убит «повелением Бориса Годунова». В текстах песнопений также содержатся элементы исторического повествования, посвященные «ростриге Гришке еретику» и самому Борису Годунову.

Краткая историческая справка: канонизация царевича Дмитрия состоялась в 1606 г. В рукописной церковной традиции XVII в. песнопения царевичу Дмитрию получили весьма широкое распространение как в нотированных Стихирарях, так и в ненотированных Минеях служебных. Представлены они и в печатных Минеях служебных, начиная с 1627 г. (на 15 мая).³ Майская служба в 1645 г. была перепечатана в октябрьской минее (на 19 октября),⁴ а в том же году в июньской минее (на 3 июня) была напечатана вторая служба

¹ Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом). Фонд Пушкина, тетр. № 835, л. 44; см. об этом: *Цявловский М. А.* Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: 1799—1826. Л., 1991. С. 479.

² Минее служебная на май. М., 1627. Л. 214.

³ Там же. Л. 195—226.

⁴ Минее служебная на октябрь. М., 1645. Л. 247 об. — 260 об.

Царевичу Димитрию.⁵ После этого в Минеях устанавливается традиция печатания только одного праздника — на 15 мая.⁶

Служба на 15 мая имеет заголовок: «Убиение Святого и Праведного страстотерпца Царевича Димитрия»;⁷ на 3 июня — «Служба благоверному Царевичу Димитрию, принесение честных мощей его от града Углича в царствующий град Москву».⁸

В рукописной традиции осталась еще одна служба Царевичу Димитрию — на 19 октября, которая «не удостоилась» быть напечатанной в XVII—XVIII вв., по-видимому, из-за излишней для гимнографического жанра приверженности ее автора к острым политическим характеристикам исторических персонажей, недвусмысленной позиции порицания не только «ростриги Гришки еретика», но и царя Бориса.

Современное издание служебных миней включает тексты всех трех служб — на 19 октября,⁹ на 15 мая¹⁰ и на 3 июня.¹¹

Авторы этих служб неизвестны, за исключением атрибуции одного из канонов, в акростихе которого читается «САВАТИЕ».¹² Среди авторов жития Святого Царевича Димитрия упоминаются предположительно Патриарх Гермоген, князь Симеон Шаховской, а также Димитрий Ростовский.¹³ Принимали ли участие эти авторы в составлении поэтических текстов службы — неизвестно.

Итак, царевичу Димитрию посвящены три большие певческие службы, состоящие из разнообразных по форме и содержанию произведений гимнографической поэзии и мелоса, в своем бытовании связанных непосредственно с пением, певческим произнесением текстов в составе богослужебного православного действия на 19 октября, 15 мая и 3 июня. Это обстоятельство затрудняет изучение реального звучания их как поэтических произведений по сохранившимся книгам XVII—XVIII вв., поскольку напев, который нами в данном контексте не учитывается, влиял на ритмику и на строфику стиха. Однако, коль скоро гимнографические тексты составляют содержание печатных книг — Миней служебных XVII—XVIII вв., при ослаблении и утрате певческой традиции их бытования они могли читаться как во время богослужения, так и вне его всяким, кто возьмет эту книгу и заинтересуется ее содержанием:

Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный...

В Святогорском монастыре, где Пушкин часто бывал, живя в Михайловском, был годовой комплект печатных служебных миней, изданных в Москве в 1776 и 1784 гг.¹⁴ Вероятно, поэту довелось видеть и древние, «харатейные», пергаменные рукописные книги. Никогда не видя их, невозможно написать:

⁵ Минея служебная на июнь. М., 1645. Л. 42—53 об.

⁶ Минея служебная на май. М., 1693, 1711, 1758, 1778, 1799.

⁷ Минея служебная на май. М., 1627. Л. 195.

⁸ Минея служебная на июнь. М., 1645. Л. 42.

⁹ Минея служебная на октябрь. М., 1980. С. 501—515.

¹⁰ Минея служебная на май: Ч. II. М., 1987. С. 125—140.

¹¹ Минея служебная на июнь: Ч. I. М., 1986. С. 72—86.

¹² См.: Былинин В. Е. Русские акростихи старшей поры (до XVII в.) // Русское стихосложение: Традиции и проблемы развития. М., 1985. С. 238—239.

¹³ Солодкин Я. Г. Житие Димитрия Угличского // Словарь книжников и книжности Древней Руси: XVII в. СПб., 1992. Ч. 1. С. 33—34.

¹⁴ См.: Иоанн, игумен. Описание Святогорского Успенского монастыря Псковской епархии. Псков, 1899. С. 73 (№ 22).

Во время работы над «Борисом Годуновым» Пушкин пишет статью, опубликованную затем в журнале «Московский телеграф» в 1825 г., где он излагает свои мысли о древней русской словесности, обнаруживая глубокое знание древнерусской книжности, книжного славянского языка, высокой поэзии священных книг как сокровищницы гармонии: «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заемлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но впоследствии они сблизились, и *такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей*» (курсив А. С. Пушкина) (VII, 20).

Далее Пушкин обнаруживает знакомство и с богослужебными древнерусскими книгами XIII–XIV вв.: «...предки наши, в течение двух веков стона под татарским игом, на языке родном молились русскому Богу, проклинали грозных властителей и передавали друг другу свои сетования. (...) Ломоносов... (...) открывает нам истинные источники нашего поэтического языка. (...) Слог его, ровный, цветущий и живописный, заемлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным. Вот почему предложения псалмов и другие сильные и близкие подражания высокой поэзии священных книг суть его лучшие произведения».

О знании Пушкиным гимнографических жанров уже в момент написания трагедии говорит, причем, и то, что в тексте ее дважды упоминается жанр канона: «...мы не поем канонов Иисусу»; «...сочинял каноны Святых». О том, что Пушкин и впоследствии интересовался богослужебными текстами о Святых, свидетельствует его рецензия на «Словарь о Святых» 1836 г., где упоминаются в цитируемом им предисловии «службы российским Святых», «тропари и кондаки» — т. е. гимнографические жанры песнопений.

В 1836 г. в статье «Российская Академия» Пушкин цитатой из Карамзина связывает понятия церковных книг и стихотворцев — предшественников Ломоносова в доклассической — духовной (а точнее, гимнографической) поэзии: «Мы имели церковные, духовные книги; имели стихотворцев, писателей, но только одного истинно *классического*» (курсив А. С. Пушкина) (Ломоносова) (VII, 251).

Памятниками доломоносовской поэзии начала XVII в. являются и службы Святому Царевичу Димитрию. При знакомстве с ними обнаруживается множество точек соприкосновения с гениальным творением Пушкина. Службы и трагедия соприкасаются не только лексически, текстуально, — сама историческая концепция «Бориса Годунова» восходит к церковной трактовке истории и событий Смутного времени, образов Бориса Годунова как безблагодатного царствующего владыки, самозванцев — «неправедных властолюбителей» — как причину «лютых колебаний» Российского государства.

Попытаемся, хотя бы отчасти, выявить эти созвучия.

¹⁵ Здесь и далее в цитатах, кроме особо оговоренных случаев, курсив мой. — Н. С.

«Лукавый раб и льстец Борисо...»

До сих пор считается окончательно не разрешенным вопрос о причастности Бориса Годунова к гибели Димитрия.¹⁶ С этого вопроса и начинается трагедия Пушкина:

Воротынский.

Ужасное злодейство! Полно, точно ль
Царевича сгубил Борис?

Шуйский.

А кто же?

Кто подкупал напрасно Чепчугова?
Кто подослал обоих Битяговских
С Качаловым? Я в Углич послан был
Исследовать на месте это дело:
Наехал я на свежие следы;
Весь город был свидетель злодеянья;
Все граждане согласно показали;
И, возвратясь, я мог единым словом
Изобличить сокрытого злодея.

Воротынский.

Зачем же ты его не уничтожил?

Шуйский.

Он, признаюсь, тогда меня смутил
Слокойствием, бесстыдностью нежданной;
Он мне в глаза смотрел как будто правый:
Расспрашивал, в подробности входил —
И перед ним я повторил нелепость,
Которую мне сам он нашептал.

(V, 188)

В службах Царевичу Димитрию словно даются ответы на этот вопрос персонажей трагедии Пушкина, и он проявляется не только в земной, «детективной» конкретности — кто именно убил? — но в христианской этической и мистической полноте земного и небесного, тленного мира и нетленного, «мимотекущего царства» временной человеческой жизни и «нетленного царства» вечности:

Царствовавшего на земли отрасль
пострадав терпеливо
и кровию своею обагрив землю
тленного ради и мимотекущего царства
от своих раб убиен бысть
и нетленное царство восприят на небесах...¹⁷

*Завистию богомерзкою неправеднаго властолюбителя
убиен бысть, богомудре,
тебе бо, неведущу лукавого его мышления,
яко незлобив младенец
сам себе на заклание приведе...¹⁸*

¹⁶ См.: *Скрынников Р. Г.* Самозванцы в России в начале XVII века: Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1990; *Скрынников Р. Г.* Борис Годунов. М., 1983; Памятники литературы Древней Руси: конец XVI — начало XVII веков. М., 1987.

¹⁷ Минея служебная на май. 1627. Л. 214.

¹⁸ Стихирарь месячный на октябрь. РГБ, ф. 379, № 63, л. 341.

...Его же богоугодному житию позавиде дьявол,
воздвиге на него уготованного себе сосуда —
злаго властолюбца и губителя Бориса,
он же научением дьяволим закла се благороднаго,
*яко агня незлобива...*¹⁹

В одних песнопениях убийцей называется «лукавый раб», «властолюбец Борис», в других — безымянный «раб», «раб убийца», в третьих — не только он, но и все исполнители злодеяния — «от своих раб», «убийцы беззаконнии», «нощи и тьмы сынове»:

Нощи и тьмы сынове нарекошася
убийцы беззаконнии,
яко агньца тя непорочна
ножом збодоша,
ходатаи твоему венцу божественному,
*Димитрие, бывше...*²⁰

Разжегся завистию раб убийца,
побежден властолюбием,
*и к зависти убийство приплете...*²¹

От раба заколение претерпе, преславне,
*в небесныя обители вселися...*²²

Борис по происхождению не царь, то есть он — раб. Многочисленные варианты темы раба, преступлением посягнувшего на царство, из службы Пушкин переплавляет в монологе Бориса, в диалоге Воротынского и Шуйского:

Я подданным рожден и умереть
Мне подданным во мраке б надлежало
(V, 271)

Сравним:

Нощи и тьмы сынове...

Но я достиг верховной власти... чем?
Не спрашивай. Довольно: ты невинен...
(V, 271)

Сравним:

Завистию богомерзкою неправеднаго властолюбителя...

Перешагнет; Борис не так-то робок!
Какая честь для нас, для всей Руси!
Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач...
(V, 189)

Сравним:

...Вопиючи неповинная кровь твоя,
аки Авелева на Каина,
на раба твоего и убийцу, иже царь бысть,
*и пришедше зле погуби его.*²³

¹⁹ Там же. Л. 348 об.

²⁰ Миняя служебная на май. 1627. Л. 221.

²¹ Там же. Л. 222 об.

²² Там же. Л. 220.

²³ Миняя служебная на май. 1799. Л. 141.

Многие козни умышляше на тя
раб твой и убийца,
да предаст тя неповинней и лютой смерти,
яко же и бысть.
Последи же сам живота своего гонзает,
и царство отбывает.
Ты же, страдалче, во веки царствуеши.²⁴

Рабу же твоему и убийце
даде зде злое отмщение,
во оном же веце
по лукавству сугубая мучения.²⁵

В одной из стихир на 19 октября (не вошедшей в печатные минеи XVII—XVIII вв.) находим сразу несколько зерен сюжета пушкинской трагедии:

Лукавый раб и лъстец Борисо
тщашеся погубить тебя
чародейственным волхвованием
и убийством неправедным,
и сам убо вскоре
увязе в сети своей от Бога
и *разрушися его неправедное царство.*²⁶

Особенно прозрачны реминисценции строки «Лукавый раб и лъстец Борисо», откликающейся у Пушкина в строке «Беда тебе, Борис лукавый» (предварительный вариант), отмеченной тем же ритмом стиха; совпадают по ритмике и содержанию слова «вчерашний раб» (Пушкин) и «лукавый раб» (стихира XVII в.).

Мотив «чародейственных волхваний» из службы переливается в текст трагедии:

Первый.

Где государь?

Второй.

В своей опочивальне
Он заперся с каким-то колдуном.

Первый.

Так, вот его любимая беседа:
Кудесники, гадатели, колдуньи. —
Всё ворожит, что красная невеста.
Желал бы знать, о чем гадает он?
(V, 207)

Также непосредственно, как в древней стихире, мотив волхования соседствует с мотивом крушения царства в монологе Бориса:

Напрасно мне кудесники сулят
Дни долгие, дни власти безмятежной —
Ни власть, ни жизнь меня не веселят;
Предчувствую небесный гром и горе.
Мне счастья нет...
(V, 208)

²⁴ Там же. Л. 142 об.

²⁵ Там же. Л. 140.

²⁶ РГБ, ф. 379, № 63, л. 341.

«От злых и наветных человек...»

Накопление зла, и не только от царей — Бориса, Иоанна, но и от прочих «злых и наветных человек» — как причина «лютых колебаний» в Российской земле проявляется автором службы Царевичу Димитрию:

Лютное колебание бысть в Российстей земли
по смерти твоей, благоверне Димитрие,
от оных злых и наветных человек...
Бог же, молитв ради твоих,
до конца всех погуби
и *лютное колебание* от них укроти.²⁷

Низложи мучащее нас искушение,
*согнетающее злом во глубину погибели...*²⁸

Сходная картина всеобщих бедствий, корень которых — зло, тянущееся из прошлого, усугубляющееся, ничем не пресекающееся, — показывается и Пушкиным, причем если автор XVII в. лишь повествует о времени. Смуты, Пушкин видит круговращение зла в истории:

Шуйский.

.....
Весть важная! и если до народа
Она дойдет, то *быть грозе великой*.

Пушкин.

Такой грозе, что вряд царю Борису
Сдержат венец на умной голове.
И поделом ему! он правит нами,
Как царь Иван (не к ночи будь помянут).
Что пользы в том, что явных казней нет,
Что на колу кровавом, всенародно
Мы не поем канонов Иисусу,
Что нас не жгут на площади, а царь
Своим жезлом не подгребаёт углей?
Уверены ль мы в бедной жизни нашей?
Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук или кандалы,
А там — в глуши голодна смерть или петля.

.....
Легко ль, скажи! мы дома, как Литвой
Осаждены неверными рабами;
Всё языки, готовые продать,
Правительством подкупленные воры.

.....
Ну, слыхано ль хоть при царе Иване
Такое зло?..

(V, 222–223)

Ужасное злодейство! Полно, точно ль
Царевича сгубил Борис?

(V, 188)

²⁷ Миняя служебная на май. 1799. Л. 38 об.

²⁸ Миняя служебная на май. 1627. Л. 224 об.

Ужасное злодейство! Слушай, верно
Губителя раскаянье тревожит...

(V, 189)

И, возвратясь, я мог единым словом
Изобличить сокрытого злодея.

(V, 188)

Зло Бориса — еще не все зло: оно в том, что Борису подобны почти все основные персонажи трагедии — Самозванец, Шуйский, Воротынский, поляки и Марина, казаки, несущийся толпою народ и даже верный царевичу Феодору Басманов, разжигающийся тайной мыслью о царстве:

У царского престола стану первый...
И может быть...

(V, 269)

Не случайно автор службы вспоминает Каина и Авеля, а Пушкин — царя Иоанна, «земли родной минувшую судьбу», «царей великих ...темные деянья».

«...Кровь свою излиял...»

Одновременно с темой-вопросом о носителе преступления с первых строк трагедии Пушкин вводит лейтмотив крови царевича в диалоге князей Шуйского и Воротынского:

Воротынский.

.....
Что ежели правитель в самом деле
Державными заботами наскучил
И на престол безвластный не взойдет?
Что скажешь ты?

Шуйский.

Скажу, что понапрасну
Лилася кровь царевича-младенца.

(V, 188)

В контексте служб Царевичу Димитрию эта тема предстает как лейтмотив в цепочке тематических построений, ведущих к созданию целостного образа Святого — как в службе, так и в трагедии Пушкина. Причем вся топика святости и последование моментов канонизации царевича обнаруживается, прослеживается и выдерживается Пушкиным. Это — темы пролития крови, благоухания мощей и их нетленности, чудес исцелений, удостоверения святости в ниспослании мира Русской земле. Кроме того, в трагедии проявляется еще один сюжет: сюжет канонизации царевича — убийство, удостоверение святости (благоухание и нетленность мощей, исцеление, явление в сновидении), подготовка к первому богослужению, первое богослужение в память о Святом как установление ежегодного церковного поминовения. Все эти этапы канонизации царевича Димитрия представлены в тексте трагедии «Борис Годунов». Специальной научной работы, раскрывающей эту тему, до сих пор нет. Это значит, что Пушкин сам по многочисленным историческим и гимнографическим источникам изучил подробности этого исторического сюжета, проявив в нем все достоверные и легендарные черты.

Один из списков службы Царевичу Димитрию на 15 мая имеет пространственный заголовок: «Убийство Царевича Димитрия Московского. Святый бе Димитрие Царевич сын царя Ивана Васильевича всея Руси. Убиен бысть

на Угличе повелением Бориса Годунова от Никитки Качалова и Данилки Битяговского в лета 7099 (1591). А от рождения своего в осьмое лето. Заклан бысть ножем».²⁹ В печатной минее 1627 г. служба озаглавлена более лаконично: «Убиение благоверного Царевича князя Димитрия Московского и всея Руси новаго чудотворца»³⁰ — в общем заголовке на 15 мая и «Убиение Святого и Праведного страстотерпца благоверного Царевича Димитрия» — непосредственно перед службой.³¹

Как уже говорилось, работу над трагедией Пушкин начал именно с этого заголовка в максимально сокращенном виде: «Убиение Св. Димитрия». Эта ключевая фраза, фиксирующая первоначальный импульс в становлении замысла трагедии, свидетельствует и о том, что Пушкин находился под влиянием церковной традиции освещения событий Смутного времени, и не просто церковной. С самого начала работы над трагедией он пребывает в русле литургического контекста культа Святого Царевича Димитрия.

Сквозная тема служб Царевичу Димитрию — неповинное пролитие крови царевичем и восхождение его в сонм Святых:

*Яко агнец непорочен, кровь свою излиал еси.*³²

*Егда оставль земнаго мира темность,
страдальчески обогрен кровию.*³³

*Кровь свою, яко алавастр мура Христовы,
принесл еси, благоверный Царевич Димитрие...*³⁴

Алавастр — это сосуд для хранения ароматических веществ.³⁵ Благоухание мощей как свидетельство святости подчеркивается в службе:

*Ты, яко крин благоцветущь,
течением крови своя показася, блаженне,
и гроздь мыслены винограда Христова
благовонием чудес облагоухал еси
верно тя, мучениче, славящих...*³⁶

Благоухание как свидетельство святости мы видим и в тексте трагедии Пушкина. Так, Пимен, повествуя о кончине царя Феодора Иоанновича, сообщает о чуде, состоявшем в видении царю некоего «мужа светла», в благоухании тела:

..... а в час его кончины
Свершилося неслыханное чудо;
К его одру, царю едину зримый,
Явился муж необычайно светел,
И начал с ним беседовать Феодор
И называть великим патриархом.
И все кругом объаты были страхом,
Уразумев небесное виденье,
Зане святыи владыка пред царем
Во храмине тогда не находился.

²⁹ Стихирарь месячный на май. РГБ, ф. 379, № 65, л. 329.

³⁰ Миняя служебная на май. 1627. Л. 195.

³¹ Там же. Л. 214.

³² Там же. Л. 223.

³³ Там же. Л. 221.

³⁴ Там же. Л. 219 об.

³⁵ См.: Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1. Ч. 1. С. 14; Евангелие от Марка, XIV, 3.

³⁶ Миняя служебная на май. 1627. Л. 222.

Когда же он преставился, палаты,
Исполнились *святым благоуханьем*
И лик его как *солнце* просиял...

(V, 203)

Созвучный образ благоухания и солнца варьируется в службе:

Чистая душа твоя яко солнце сияет.³⁷

Праведные твоя мощи, благоверне Царевичю Димитрие,
яко цветы *благоуханнии*, пребываемы во Святем храме.³⁸

Праведные твоя мощи *целы и невредимы* пребывают
яко ароматы *благовонны* лежаще во Святем храме.³⁹

Нетленные мощи — свидетельство и удостоверение святости, присутствия благодати Божией — мы видим в службе Царевичу Димитрию:

Яко велию благодать от Бога приял еси:
обретохся мощи твоя *целы и нетленны*,
яко сокровище негибаемо (непогибаемо. — Н. С.).⁴⁰

Но это еще не все: в службе говорится о невредимости тела царевича «по убиении его»:

Тем же от земли Воззавый ты к вечным обителем
соблюдает и по убиении твоём *невредимо* тело твоё,
страдальчески обогрено кровию, благородне Святе Димитрие...⁴¹

Реминисценции мотива невредимого тела царевича явно просматриваются в рассказе Пимена о смерти Димитрия и в свидетельстве Шуйского:

Укрывшихся злодеев захватили
И привели пред *теплый* труп младенца,
И чудо — *вдруг мертвец затрепетал*.
(V, 204)

И мог ли я так слепо обмануться,
Что не узнал Димитрия? Три дня
Я труп его в соборе посещал,
Всем Угличем туда сопровождаемый.
Вокруг его тринадцать тел лежало,
Растерзанных народом, и по ним
Уж гление приметно проступало,
Но детский лик царевича был ясен
И свеж и тих, как будто усыпленный;
Глубокая не запекалась язва,
Черты ж лица совсем не изменились.

(V, 230—231)

Пушкинский портрет живого лика убиенного царевича словно суммирует разнообразные варианты мотива нетленности Святого в службе:

Кровию страдания
тленного смрада избежав, богомудре,

³⁷ Миняя служебная на июнь. 1645. Л. 42.

³⁸ РГБ, ф. 379, № 65, л. 24.

³⁹ Там же. Л. 22 об.

⁴⁰ Там же. Л. 20 об.

⁴¹ Миняя служебная на май. 1627. Л. 223.

И вместо земного — Небесному Царствию
наследник быв, страсотерпче.⁴²

Невинное страдание царевича становится знаменем его небесной силы, одерживающей победу над силами зла:

Дал еси знамение церкви Твоеи, Господи,
новоявленного чудотворца
благоверного Царевича Димитрия,
невинно пострадавшего
и кровь свою яко воду пролиившего.
Тебе бо, всем Владующаго возлюбив,
чистым сердцем и душою сокрушенною,
бысть поборник вере и источник чудесем,
испроверг бесовская ополчения.⁴³

При сопоставлении черновой и окончательной редакции текста проясняется, что в первом диалоге Шуйского и Воротынского Пушкин уже мыслит царевича Святым:

Быть может, кровь царевича Святого...

В окончательном же варианте Пушкин затушевывает мысль о святости царевича:

Конечно, кровь невинного младенца
Ему ступить мешает на престол.
(V, 189)

Возможно, он делает это потому, что на момент разговора персонажей Димитрий еще не был официально признан Святым и не был канонизирован, и дальнейшие события трагедии, собственно, и содержат последовательный рассказ о подготовке канонизации царевича.

«...Мир мирови испроси...»

Зло, накопившееся в мире, подготавливает всеобщую мысль о Святом. Бремя зла преодолевается лишь смиренной молитвой ныне живущих, тех, кто не перестает помнить об этом и через столетия. Зло, по Пушкину и по вере автора служб Царевичу Димитрию, преодолевается только молитвой и силой Божией, и герои трагедии высказывают эту мысль:

..... здесь видел я царя,
Усталого от гневных дум и казней.
.....

Он говорил игумену и братье:
«Отцы мои, желанный день придет,
Предстану здесь алкающий спасенья.
.....

Приду к вам, преступник окаянный,
И схиму здесь честную восприму,
К стопам твоим, святой отец, припадши».
(V, 202)

⁴² Там же. Л. 221 об.

⁴³ Стихирарь месячный на июнь. РГБ, ф. 379, № 66, л. 32 об.

Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.

(V, 199)

В монастырях подобно отобрать
Служителей причетных. В прежни годы,
Когда бедой отечеству грозило,
Отшельники на битву сами шли —
Но не хотим тревожить ныне их;
Пусть молятся за нас они — таков
Указ царя...

(V, 251)

Сравним:

Велиа радость сотворися во всей Российстей земли,
яко молитвами твоими погуби все враги...⁴⁴

Слезное моление о ниспослании мира и прощения, «исправления житию» — это самое «общее место» всех служб, в том числе и служб Царевичу Димитрию:

...Благоверне Димитрие,
мир мирови испроси
и душам нашим велию милость.⁴⁵

Упование христианом, Пречистая Дево,
его же родила еси Бога паче ума и слова,
непрестанно моли с вышними силами
и со благородным Царевичем Димитрием
дати оставление грехом нашим
и исправление житию
верой и любовью присно тя славящим.⁴⁶

...Да плачется убо злыи властолюбец,
ты же, радуяся, предстоиши Святой Троице,
молися о державе сродника твоего
благоугодне быти и сыновом русским спастися.⁴⁷

То же разделение — слез несправедного владыки и слезного моления монахов — мы слышим из уст Ивана Грозного.

И плакал он. А мы в слезах молились,
Да ниспошет Господь любовь и мир
Его душе страдающей и бурной.

(V, 202)

Моление о мире — основа всей речи Патриарха, изобилующей образами озарения, солнца, правды в их христианском значении:

Благословен Всевышний, поселивший
Дух милости и кроткого терпенья
В душе твоей, великий государь;

⁴⁴ Миняя служебная на май. 1799. Л. 140 об.

⁴⁵ Миняя служебная на май. 1627. Л. 219.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

Ты грешнику погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь — да прйдет заблужденье:
Оно пройдет, и *солнце правды вечной*
Всех озарит.

(V, 251)

Те же образы мира, света, озарения правды пронизывают службы Царевичу Димитрию:

Церковь Христову светом благоразумия *озарив,*
тьму же от нее отгнав неведения
и просвещая ту преславных чудес явлением.⁴⁸

На небесех чистая душа твоя яко *солнце сияет.*⁴⁹

Правды венец приим и радость некончаемую,
державу отечества твоего поминай,
мучениче Димитрие.⁵⁰

«Дух милости и кроткого терпенья» у Пушкина в речи Патриарха вырастает также из молитвенных обращений к царевичу в стихирах службы:

...боголюбивую просветив свою душу,
милостынями и нищелюбием светло украшен...⁵¹

«Видите, еже ангели видят...»

Рано или поздно Святые, пролившие кровь, показывают предел злу, совершаемому в мире, влияют на критерии жизни, и потому они есть «источник животворящей светлой (духовной) силы»,⁵² которая просветляет сознание живущих и показывает путь преодоления зла. Поэтому Смутное время рождает своего Святого, царевича Димитрия. Пушкин постепенно проявляет его образ, делает его все более осязаемым для читателя — через символику понятий, удостоверяющих святость в представлениях, типичных для древнерусского мировосприятия.

Речь Патриарха об исцелении слепого пастуха в сцене «Царская дума» является ключевой для нового уровня понимания образа царевича. Здесь это уже не просто убиенный младенец, проливший невинную кровь в Угличе, о котором вспоминают Шуйский, Борис и прочие. Здесь он становится действующим персонажем трагедии — через явленные чудеса исцеления, через невидимое участие, или неучастие, в сюжете, по вере слышащих о нем, причем, как следует из слов Патриарха, — уже шесть лет:

Знай, государь; тому прошло шесть лет —
В тот самый год, когда тебя Господь
Благословил на царскую державу...

(V, 251)

Рассказ пастуха о его исцелении при знакомстве с текстом служб Царевичу Димитрию обнаруживает целый ряд элементов, проявляющих связь с конкретными содержательными элементами. Так, слова

⁴⁸ Там же. Л. 222.

⁴⁹ Миния служебная на июнь. 1645. Л. 42.

⁵⁰ Миния служебная на май. 1627. Л. 224 об. — 225.

⁵¹ Стихира на 19 октября. РГБ, ф. 379, № 63, л. 348 об.

⁵² Колесов В. В. Древнерусский святой // Труды Отдела древнерусской литературы: Т. 68. СПб., 1993. С. 98.

Напрасно я ходил на поклоненье
В обители к великим чудотворцам...

корреспондируют с тремя стихирами Святому Царевичу Димитрию, в которых упоминаются святители московские Петр, Алексей и Иона, а также юродивые Максим и Василий Блаженные, а вкуче с ними — царевич Димитрий:

О, великих божественных даров
царствующему граду Москве,
яко имеет в себе сокровище преобгато
— мощи и телеса нетленны
Святителей *великих чудотворцев*
— Петра, Алексия и Ионы,
с ними же и сего благоверного
Царевича Димитрия.

О, великое Божие дарование на тебе,
Благородне *Царевичу Димитрие,*
яко сочтается числу сих трех великих иерархов,
вкуче же блаженной двоице *Максиму и Василию,*
иже выноу (вечно. — Н. С.) предстоят Богу вседержителю.

Приидите, все московстии народи,
воспоем и возвеличим Христа,
давшего нам великую благодать —
триех сих великих Святителей
со блаженною сию двоицею,
*с ними же и сего благоверного Царевича Димитрия.*⁵³

Строка Пушкина «И я теперь *великий чудотворец...*» ясно суммирует содержание этих трех стихир. В рассказе пастуха мы слышим еще одну переключку со службой: явившийся пастуху во сне голос говорит о присоединении царевича к лику ангелов:

В глубоком сне, я слышу, детский голос
Мне говорит: «Встань, дедушка, поди
Ты в Углич-град, в собор Преображенья...
.....
«Царевич я Димитрий. *Царь небесный*
Приял меня в лик ангелов своих...
(V, 252)

В песнопениях служб мы видим также и ангелов, возносящих душу царевича к Божественному престолу:

Возрадовавшася чини *ангельстии,*
возвеселишася *праведныя лики,*
зряще сию праведную душу, возносиму на небо
и поклоняемую Божественному престолу,
и причтену с мученическими лики,
с ними же ныне славословят.⁵⁴

...и восходит от земля ко небесным,
и видите, яже ангели видят,
и хвалами от ангел веньчается.⁵⁵

⁵³ Минея служебная на июнь. 1645. Л. 52 об.

⁵⁴ РГБ, ф. 379, № 66, л. 22.

⁵⁵ РГБ, ф. 379, № 66, л. 28.

*...душою же на небесех со ангелы и мученики,
ликоствуя... ему же поюще, возопием:
«Страстносче Христово, Димитрие!
с молебники пришло ангельския лики.»⁵⁶*

Пастух рассказывает о своем исцелении у мощей, которому предшествует литургия в соборе, — богослужение, красотой своей приводящей к катарсису, перерождающему плачу, слезам радости:

Вот Углича достиг я, прихожу
В святыи собор, и слушаю обедню
И, разгораясь душой усердной, плачу
Так сладостно, как будто слепота
Из глаз моих слезами вытекала.

.....
..... и только перед гробом
Я тихую молитву сотворил,
Глаза мои прозрели; я увидел
И Божий свет, и внука, и могилку».
(V, 252)

Многочисленные песнопения трех служб воспевают чудеса при мощах и само пение в храме:

Кими похвальными добротами
воспоим Димитрия Царевича страсотерпца,
бесконечную благодать от Христа *приял еси*
и всем подает *неоскуденая исцеления.*⁵⁷

Приидите убо московитии народи,
страсотерпца и мученика Димитрия Царевича
торжество составим и светло со псалмы и песнеми
ликоствующе, празднуем похвалами...⁵⁸

В рассказе пастуха говорится об одном исцелении от мошей, Патриарх же в трагедии Пушкина свидетельствует о многократном исцелении от мощей царевича Димитрия, а это — уже удостоверение святости, непосредственно предшествующее канонизации:

Я посылал тогда нарочно в Углич,
И сведано, что многие *страдальцы*
Спасение подобно обретали
У гробовой царевича доски.
(V, 253)

В песнопениях служб Святому Царевичу Димитрию многократно повторяется мотив всеобщего восторженного воспевания чудес «просвещения» души и тела, избавления от слепоты духовной и телесной:

Воссия днесь память твоя, богоприятне,
в ней же богодарованная ти чудеса,
душа и телеса просвещаеши верных,
любезно припадающих к цельбоносному ти гробу
и многожеланная твоя мощи радостно целующих...

⁵⁶ РГБ, ф. 379, № 63, л. 353 об.

⁵⁷ РГБ, ф. 379, № 66, л. 28 об.

⁵⁸ РГБ, ф. 379, № 66, л. 28.

и сего ради точиши (источаешь. — Н. С.) богодарованная
ти чюдеса неисчетная приходящим с верою.⁵⁹

Святой воспевается не только как исцелитель телес и душ, но и как
«помощник отечеству своему»,⁶⁰ посылающий «исправление житию»⁶¹ на
всей Русской земле:

*...изряден врач русскому царствию,
образ в себе чудотворения нося...⁶²*

*...тем же, благородный Царевич Димитрие,
непрестанно молись Христу Богу
сохранить сродника твоего Царя нашего
и твое отечество и град и люди
от врагов ненаветно.⁶³*

Оттого прославление царевича как Святого и в истории, и в трагедии
Пушкина связывается с Божественным Промыслом спасения Руси, о чем
говорит Патриарх:

Сам Бог на то нам средство посылает...

*Вот мой совет: во Кремль святые мощи
Перенести, поставить их в соборе
Архангельском; народ увидит ясно
Тогда обман безбожного злодея,
И мощь бесов исчезнет яко прах.*

(V, 251, 253)

Мотивы поставления мощей в Архангельский собор и преодоления бе-
совской силы, звучащие в речи Патриарха, обнаруживаются и в службах:

*Придите, вси благочестия рачителие,
во Святую и великую церковь
небесных сил воеводы Архистратига Михаила,
иде же лежат мощи праведнаго сего
благовернаго царевича Димитрия...⁶⁴*

*...тебе, бо, всеми Владующего возлюбив,
чистым сердцем и душею сокрушенною,
бысть поборник вере и источник чудесем,
испроверг бесовьская ополчения.⁶⁵*

И наконец, в каноне Святому Царевичу Димитрию запечатлен момент
пения всем народом Вечной памяти при первом богослужении на перене-
сение мощей в Архангельский собор, и это почти точно повторяется в
трагедии «Борис Годунов» в народной сцене «Площадь перед собором в
Москве»:

Один.

Скоро ли царь выйдет из собора?

⁵⁹ Стихирарь середины XVII в. БРАН, Вятское 9, л. 89.

⁶⁰ РГБ, ф. 379, № 63, л. 355.

⁶¹ Миняя служебная на май. 1627. Л. 219.

⁶² Там же. Л. 214.

⁶³ БРАН, Вятское 9, л. 89.

⁶⁴ Миняя служебная на июнь. 1645. Л. 43.

⁶⁵ РГБ, ф. 379, № 66, л. 32 об.

Другой.

Обедня кончилась; теперь *идет молебствие.*

Другой.

А *царевичу поют* теперь *Вечную память.*

(V, 258)

Сравним в 9-й песни канона:

Егда принесение быша честныя твоя мощи,
страстотерпче Димитрие,
тогда Святители обстояще одр,
Царь же и князи, и вси рустии народи
воскликнуша купно память вечную...⁶⁶

Как видим, внутренний сюжет пушкинской трагедии представляет собой историю канонизации и небесного бытия Святого Царевича Димитрия во всем правдоподобию основных этапов исторического и мистического значения от убиения, благоухания, нетленности тела и мощей, первых чудес исцелений, свидетельствованных пастухом, многочисленных исцелений, удостоверенных Патриархом, общественного мнения, чающего Святого (в словах Пимена), до богослужебного поминовения в Архангельском соборе Москвы и хорового пения Вечной памяти царевичу Димитрию. Этот сюжет имеет свою логику и динамику развития и освещает действия всех персонажей трагедии в идеальной философской системе координат, и именно в этой системе судьба всех земных персонажей получает оценку с позиций православных представлений об Истине.

«Царскою диадемою одеян...»

В трагедии постепенно раскрывается тщета соблазна властолюбия и стремления к царскому венцу. С самых первых строк в устах Шуйского *венец* дискредитируется как некий предмет, не меняющий для обывателей и для всех живущих хода и порядка жизни:

Борис еще поморщится немного,
Что пьяница пред чаркою вина,
И наконец по милости своей
Принять *венец* смиренно согласится;
А там — а там он будет нами править
По-прежнему.

(V, 187)

«*Венец*» Святого Димитрия в тексте службы — иной: это и мученический венец, но еще и царский венец, венец «благородного» Димитрия — рожденного в благом роде, «сына царева»:

Венцем царским от Бога венчался еси,
яко сын царев и мученик непобедим.⁶⁷

Царский венец для персонажей трагедии — легковесен, достигаем для стремящихся к власти:

⁶⁶ Миняя служебная на май. 1627. Л. 225.

⁶⁷ РГБ, ф. 379, № 66, л. 30 об.

Так, родом он не знатен; мы знатнее.
.....

А слушай, князь, ведь мы б имели право
Наследовать Феодору.

(V, 190)

Царевич Димитрий имел не только кровное, но историческое право на престол как потомок царского рода, росток («отрасль») не только древа, но и «корени» русского «царствия»:

Воссия днесь благорастущая *отрасль*
благочестиваго корени
от скипетродержавных русийскаго *царствия*
доброрасленны грезнь израсте
и Христове красен плод прозябе...⁶⁸

Об этом помнят князья Шуйский и Воротынский, примериваясь мысленно к венцу Бориса, употребив древнее торжественное и редкое слово «отрасль»:

Да трудно нам тягаться с Годуновым:
Народ отвык в нас видеть *древню отрасль*
Воинственных властителей своих.
Уже давно лишились мы уделов,
Давно царям подручниками служим...

(V, 190)

Венец царя оспариваем, хотя все знают, что он — от Бога. Венец мученика — неоспорим; он — венец правды, обретаемой от Бога.

Обрете от Христа возмездие,
мудре мучениче, *правды венец* примим...⁶⁹

Царский венец вымалливается всенародно, о чем объявляет думный дьяк Щелкалов с Красного крыльца:

Собором положили.
В последний раз отведать силу просьбы
Над скорбною правителя душой.
Заутра вновь святейший патриарх,
В Кремле отпев торжественно молебен,
Предшествуем хоругвями святыми,
С иконами Владимирской, Донской,
Воздвигется; а с ним синклит, бояре,
Да сонм дворян, да выборные люди,
И весь народ московский православный,
Мы все пойдем молить царицу вновь,
Да сжалится над сирью Москвою
И на *венец* благословит Бориса.

(V, 192)

О всенародном молении говорится во многих стихирах службы Царевичу Димитрию (например, «Приидите все московстии народи», «Приидите днесь рустии собори», «Радуйся, преславный град Москва» и др.), но и не только в них: большинство церковных песнопений собственно и есть всенародное моление. Но в них молят Бога, а в пушкинской трагедии весь

⁶⁸ Миния служебная на май. 1627. Л. 223.

⁶⁹ Там же.

народ во главе с Патриархом, иконами Владимирской, Донской идет молить самого Бориса и сестру его Ирину — вдовствующую царицу, чтобы земная женщина благословила «на венец» земного царя:

Москва пуста; вослед за Патриархом
К монастырю пошел и весь народ.

.....

Народ еще повоет да поплачет...
(V, 187)

Один.

Нельзя ли нам пробраться за ограду?

Другой.

Нельзя. Куды! и в поле даже тесно,
Не только там. Легко ли? Вся Москва
Сперлася здесь; смотри: ограда, кровли,
Все ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народом.

.....

Другой.

Народ завыл, там падают, что волны,
За рядом ряд, еще, еще...
(V, 194—195)

При всем множестве народа молитвы здесь не слышно: это не молящийся, а воющий, фальшиво плачущий и глазающий народ, обращающийся к Борису:

Народ (*на коленях. Вой и плач*).

Ах, смилуйся, отец наш! властвуй нами!
Будь наш отец, наш царь!

(V, 195)

Под всенародный вой и плач Борис Годунов получает царский венец, и народные выкрики запечатлевают момент обретения венца:

Венец за ним! *он царь!* он согласился!
Борис наш царь! да здравствует Борис!

(V, 196)

Сходный момент, воссоздающий облик Святого Царевича Димитрия, — он словно запечатлен в парсуне, как царь, в короне царской (диадеме), со скипетром (но это крест!) — мы видим в Тропаре Димитрию:

Царскою диадемою одеян, богомудре мучениче,
за скипетр крест в руку прием,
явился яко победоносец...⁷⁰

В трагедии речь идет о царском венце, в службе Царевичу Димитрию — о венце Святого. Но — «тяжела ты шапка Мономаха» (Борис), «...златый *венец* тяжел им становился...» (Пимен).

---

⁷⁰ РГБ, ф. 379, № 66, л. 31.

Дмитрий Самозванец повторяет путь Бориса:

Теперь иду — погибель иль *венец*
Мою главу в России ожидает.
(V, 246)

В словах боярина Пушкина «Вряд царю Борису/Сдержать *венец* на умной голове» невольно слышится оппозиция «ум—разум» в соотношении с каноном Димитрию Царевичу:

Украшен разумом, красному Владыце предстоиши,
светел присно, яко победоносец благоприятен.⁷¹

Царевич — «яко победоносец, светел присно», Борису — *не сдержать венец* на умной голове. Борис словно знает об этом, но не хочет верить:

. . . . . Слышал ли ты когда,
Чтоб мертвые из гроба выходили
Допрашивать царей, царей законных,
Назначенных, избранных всенародно,
Увенчанных великим Патриархом?
(V, 229)

И когда Борис передает власть царевичу Феодору, своему сыну, венца — нет. «Мой сын, сейчас ты властвовать начнешь», — говорит он, но Пушкин не дает ему слов о венце. Потому что венец — «от Вседержителевы руки».⁷² Избранный законно, всенародно, увенчанный Патриархом, Борис не верит в божественную силу своей власти, предчувствуя возмездие:

Ни власть, ни жизнь меня не веселят;
Предчувствую небесный гром и горе.
Мне счастья нет . . . . .
. . . . .
И рад бежать, да некуда... ужасно!
(V, 208—209)

В службе мотив возмездия представлен многовариантно, причем в весьма близких пушкинскому тексту выражениях:

Увязе в сети своей от Бога.⁷³
...отмщения же праведнаго не убежа.⁷⁴
И не *уйдешь* ты от суда мирского,
Как не *уйдешь* от Божьего суда.
(V, 204)

И *разрушися* его неправедное царство.⁷⁵

А заклavyй его во веки *мучится в геене огненной*.⁷⁶

⁷¹ Миняя служебная на май. 1627. Л. 224.

⁷² Из стихирь Царевичу Димитрию. Стихирарь 1-й половины XVII в. РГБ, ф. 304, № 443, л. 161 об.

⁷³ РГБ, ф. 379, № 63, л. 341.

⁷⁴ Миняя служебная на май. 1627. Л. 222.

⁷⁵ РГБ, ф. 379, № 63, л. 341.

⁷⁶ РГБ, ф. 379, № 63, л. 348 об.

В монологе Бориса возмездие приходит от неба и изнутри, от собственной совести:

Я, может быть, прогневал небеса...
(V, 224)

... как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек,
И всё тошнит, и голова кружится...
(V, 209)

Что это как не «геена огненная» собственной совести? Борис — «увяз в сети своей от Бога», «побежден мучеником»:

Соблазна лукаваго раба,
и того хитрости превыше,
яко победитель изряден мучениче быв.⁷⁷
Обрете от Христа возмездие.⁷⁸

И кажется, что строка из службы «Но сам убо вскоре увязе в сети своей от Бога» прорастает Божьей карой через «мужика на амвоне», — мужика, забравшегося на «возвышение перед алтарем среди церкви для чтения, пения и проповеди»,⁷⁹ т. е. посягнувшего на священство, верховную духовную власть и «проповедающего» зло:

Народ, народ! в Кремль! в царские палаты!
Ступай! *вязать* Борисова щенка!
.....
Вязать! топить! Да здравствует Димитрий!
Да гибнет род Бориса Годунова!
(V, 278)

В предварительной версии этих строк мотив «связывания» проводится еще более явно:

Ступай! *Связать* Борисова щенка!
Вязать! Вязать! Да здравствует Димитрий!

И вот, на глазах у народа, который только что «несся толпой»:

Есть о ком жалеть? Проклятое племя!
.....
Отец был злодей, а детки *невинны*.
(V, 279)

— рождается в вечность новый невинноубиенный царевич Феодор, еще один новомученик, новая жертва; и это тоже наказание Борису:

Да плачется убо злый властолюбец...⁸⁰

Новое зло Истории в трагедии Пушкина перекликается с молитвой из службы Святому Царевичу Димитрию о преодолении бесконечной глубины зла:

⁷⁷ Минея служебная на май. 1627. Л. 224.

⁷⁸ Там же. Л. 223 об.

⁷⁹ Срезневский И. И. Указ. соч. С. 14.

⁸⁰ Минея служебная на май. 1627. Л. 219.

...низложи мучащее нас искушение,
согнетающее злом во глубину погибели,
страстотерпче Димитрие...⁸¹

И непосредственно через образ новой невинной жертвы — царевича Феодора — круг жертвенности преобразуется святостью круга небесного, в который вступает новомученик: «Вшед мучениче в небеснаго круга течение...».⁸²

**«...Иже Святым его именем дерзнувшего
нареци себе рострига Гришка еретик...»**

В монологе Бориса, заключающем сцену в царских палатах, при сопоставлении его с текстом служб Царевичу Димитрию проявляется особый, глубинный слой символики содержания, и не только глубинный, но и некий высший слой, соединяющийся с понятиями небесных субстанций святости. В монологе речь идет об убиенном младенце Димитрии («все снилося убитое дитя») и о Самозванце, именем царевича угрожающем царству Бориса:

Ух, тяжело!.. дай дух переведу...
Я чувствовал: вся кровь моя в лицо
Мне кинулась и тяжко опускалась...
Так вот зачем тринадцать лет мне сряду
Всё снилося убитое дитя!
Да, да — вот что! теперь я понимаю.
Но кто же он, мой грозный супостат?
Кто на меня? Пустое имя, тень —
Ужели тень сорвет с меня порфиру,
Иль звук лишит детей моих наследства?
(V, 231)

С точки зрения исследования лексики службы Царевичу Димитрию как источника пушкинской трагедии это, пожалуй, — наиболее показательный фрагмент пушкинского текста, от которого тянутся многочисленные нити как к другим моментам трагедии, так и к тексту служб. Здесь — своего рода корень, ядро всех символических и лексических пересечений некоей общности, которую, при неспешном и заинтересованном чтении, составляют трагедия Пушкина «Борис Годунов» и службы Святому Царевичу Димитрию.

Начнем с первых строк этого монолога.

Я чувствовал: вся кровь моя в лицо
Мне кинулась...

Но это не только кровь Бориса, но и кровь убиенного младенца: это он

...кровию свою обagrив землю⁸³

...страдальчески обagrен кровью.⁸⁴

⁸¹ Там же. Л. 224—224 об.

⁸² Там же. Л. 224.

⁸³ РГБ, ф. 379, № 65, л. 334.

⁸⁴ Миняя служебная на май. 1627. Л. 221.

Невероятная тяжесть, внутреннее стремление вниз в контексте памяти царевича Димитрия воспринимается еще более ощутимо, ведь царевич возносится на небеса, к престолу Господню:

*И восходит от земли к небесным*⁸⁵

Христос... от земля *воззавыи* тя
к вечным обителем⁸⁶

Егда *оставль* *земнаго* мира *темность*...
тело свое скрыв на Угличе,
душу же в небесныя обители, Димитрие
вселил еси, прехвалне.⁸⁷

В трагедии Пушкина слова Бориса

Но кто же он, мой грозный супостат?
Кто на меня?

— калька из слов службы Царевичу Димитрию на 19 февраля, — или, лучше сказать, зеркало:

Заклан бысть ко агня,
не сотворив зла никоего же,
ни сопротивися *сопостату* своему...⁸⁸

В службах Царевичу Димитрию мы видим целую гроздь «опровержений»: «святое имя», «свет», «сияние» противостоят этой строке монолога Бориса:

Возсия днесь благоцветущая отрасль.⁸⁹

Наста, празднолюбцы, светлое торжество...
сияющи в мире зарями чудес.⁹⁰

Пречестная память, *освещающи* мира присне.⁹¹

Яко звезда *пресветла* просвещающи.⁹²

Светлое украшение церкви праведныя твои мощи...
сияют бо паче злата и сапфира...⁹³

Боговидением Святыя Троица
божественными зарями *просвещаем*
неизреченным *светолитием* *сияемо*.⁹⁴

На небесех чистая душа твоя
яко солнце сияет.⁹⁵

Святой — пребывающий в свете, на небе, состоящий из света. Служба Царевичу Димитрию соткана вся из многочисленных вариаций слова «свет». Тень — это земное, присущее земле, земному миру (ср.: «Егда оставль

⁸⁵ РГБ, ф. 379, № 65, л. 334 об.

⁸⁶ Миняя служебная на май. 1627. Л. 223.

⁸⁷ Там же. Л. 221.

⁸⁸ РГБ, ф. 379, № 63, л. 351 об.

⁸⁹ Миняя служебная на май. 1627. Л. 223.

⁹⁰ Там же. Л. 221.

⁹¹ Там же. Л. 223 об.

⁹² РГБ, ф. 379, № 66, л. 33.

⁹³ Миняя служебная на июнь. 1645. Л. 43 об.

⁹⁴ РГБ, ф. 379, № 66, л. 29.

⁹⁵ Миняя служебная на июнь. 1645. Л. 42.

земного мира *темность...*); тень — это и есть имя Самозванца, «тьень» света, тень, заслоненная от света некоей фигурой, и это тень не Дмитрия, а самого Бориса Годунова (ср.: «нощи и *тьмы* сынове нарекошася, убиицы беззаконнии...»). Но не только Бориса, — это еще и тень Ивана Грозного, «усталого от гневных дум и казней»: «Тень Грозного меня усыновила...».

В монологе Самозванца мы видим ряд совпадений со службой Царевичу Дмитрию, но они представляют собой одновременно и перевод, и некое суммирование лексики и содержания с заимствованием тех или иных слов и понятий. Сопоставим, например, два стиха: пушкинский из монолога Самозванца и стих из канона службы Царевичу Дмитрию:

Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в *жертву* мне Бориса обрекла.
Царевич я.

(V, 245)

Явился первый враг в Российстей земли по смерти твоей,
иже прежде носяй на себе образ иноческ,
последи же сверже его с себе
и низложи на ся тезоименитство твое.
И бысть *Царь*.⁹⁶

Процитированный стих канона окружен близкими по содержанию и контурам ритма стихами:

Удиви Бог всех своим чудотворением,
яко посла на раба твоего убицу —
некоего врага и отметника правая наша веры,
нарекавшегося тезоименитством твоим,
да *свержет убицу твоего с престола царска,* еже и бысть.⁹⁷

Лютое колебание бысть в Российстей земли
по смерти твоей, благоверный Димитрие,
от оных злых и наветных человек,
лжущихся именем твоим.
Бог же, молитв ради твоих,
до конца всех погуби
и *лютое колебание* от них укроти.⁹⁸

Словно воочию мы видим, как гений Пушкина льет из руды яркого, выразительного, эмоционального, но многословного текста службы свой золотой стих и отдает дань своему далекому предшественнику, оставляя эхо его стихов в переключке слов «сверже» и «жертву», в звучании заключительных строк «еже и бысть», «и бысть Царь» и в строке «Царевич я». На одной чаше весов — самозванство, «пустое имя», на другой — невесомое, но истинно святое имя царевича Дмитрия:

...иже *Святым его именем*
дерзнувшего нареши себе
рострига Гришка еретик
и царство, аки волк, восхитивша —
злаго прелестника и врага Церкви Божией
силою Божией победившего

⁹⁶ Минея служебная на май. 1799. Л. 143.

⁹⁷ Там же. Л. 140.

⁹⁸ Там же. Л. 138 об.

пришествия ради Святых мощей твоих
во царствующий град...⁹⁹

Эти две чаши весов — святое имя царевича и «дерзнувшего нареши себе» ростриги — противопоставлены как в стихире царевичу, так и в тексте пушкинской трагедии. Имя царевича наполнено светом для тех, кто говорит о нем Борису (Патриарх и Шуйский):

Бесовский сын, *расстрига окаянный*,
Прослыть умел Димитрием в народе;
Он *именем царевича*, как ризой
Украденной, бесстыдно облачился.
(V, 251)

Так если сей неведомый бродяга
Литовскую границу перейдет,
К нему толпу безумцев привлечет
Димитрия воскреснувшее имя.
(V, 228)

Но для Бориса имя царевича — не «пустое»: он сам ищет тени, заслона от его неотвратимого незаслонимого сияния:

Безумец я! *чего ж я испугался?*
На призрак сей подуй — и нет его.
Так решено: *не окажу я страха*, —
Но презирать не должно ничего...
Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!
(V, 231)

Борис боится «пустого» имени, так как знает и видит его высший смысл, он давно «предчувствует небесный гром и горе», и в службе Царевичу Димитрию находим сюжетный прообраз этих строк монолога Бориса, *страшащегося имени*:

Чудно паки и дивно видети,
яко раб и убийца,
седа на престоле отечества твоего
и *слыша издавеча благородное имя твое*,
боязнию обдержася и смертью скончася.
Ты же присно живехи в Царстве Небеснем.¹⁰⁰

Пустое имя — пустота в сосуде имени — находят у Пушкина, как и в службе Царевичу, свой древний, традиционный для христианства образ сосуда дьявольского:

Патриарх.

...что еще выдумал! *буду царем на Москве!* (курсив А. С. Пушкина) Ах он, *сосуд дьявольский!* (...) эдака ересь! (...) Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать в Соловецкий на вечное покаяние.

(V, 206–207)

Григорий (*читает*).

«Чюдова монастыря недостойный чернец Григорий, из роду Отрепьевых, впал в ересь и дерзнул, *наученный дьяволом*...».

(V, 217)

⁹⁹ РГБ, ф. 379, № 63, л. 355.

¹⁰⁰ Миней служебная на май. 1799. Л. 141 об.

В той же лексической гамме Самозванец характеризуется и в службе Царевичу Димитрию:

...его же богоугодному житию позавиде *дьявол*,
воздвиге на него уготованного себе *сосуда*
злаго властолюбца и губителя,
он же *научением дьяволим*
закла сего благороднаго, яко агня незлобива.¹⁰¹

... Пустое имя, тень —
Ужели тень сорвет с меня *порфиру*,
Иль звук лишит детей моих наследства?
(V, 231)

Образ порфиры — царской одежды, которую боится потерять Борис как символ своей власти, — в службе Царевичу Димитрию является наивысшим выражением мученического образа, невинно пролитой крови царевича:

Яко цвет краснейши, от царска прозябл еси корене,
прекрасне Димитрие, обагрением страдания твоего,
яко царскою порфирою, обагрился еси кровию.¹⁰²

Димитрий-младенец обагрился неснимаемой порфирой, порфирой мученичества; ее невозможно сорвать. Порфира Бориса — как риза имени царевича, украденная самозванцем:

Он именем царевича, как ризой
Украденной, бесстыдно облачился...

Ужели тень сорвет с меня порфиру...

Однако «ризы» в службе Царевича Димитрия найти не удалось. «Риза» имени царевича на порядок выше царской «порфиры» Бориса, она из другого измерения.¹⁰³ И у нее более высокий прообраз:

Совлекоша *ризы* Моя с Мене
и облекоша Мя в *риз*у червлену,
возложиша на главу Мою венец от терния
и во десную Ми руку вдаша трость,
Лице же Мое не отвратих от заплевания,
судищу пилатову предстах и распятие претерпех
за мирское спасение.¹⁰⁴

Итак, в данной статье представлен материал поэтических памятников XVII в. — служб Святому Царевичу Димитрию — в сопоставлении с текстом трагедии Пушкина «Борис Годунов». На основании сопоставления этих текстов можно видеть, что Пушкин хорошо знал эти службы и в работе над трагедией опирался на их лексику, сюжетное содержание и историческую концепцию памятников гимнографической поэзии по печат-

¹⁰¹ РГБ, ф. 304, № 443, л. 156. По материалам Л. В. Левковой, эта лексика почерпнута Пушкиным из «Краткой церковной российской истории» митрополита Платона (см. наст. сб., с. 198). Наши наблюдения нисколько не противоречат выявленным Л. В. Левковой текстам, поскольку труд митрополита Платона находится в русле церковной традиции русской историографии, базирующейся прежде всего на памятниках агиографии и гимнографии.

¹⁰² Миняя служебная на май. 1627. Л. 225.

¹⁰³ Хотя риза — это вообще любая одежда. См.: Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 3. Ч. 1. С. 120–122.

¹⁰⁴ РГБ, ф. 379, № 65, л. 134–135.

ным Служебным минеям. Не исключена возможность знакомства Пушкина и с певческим рукописным материалом XVII в., поскольку службы Царевичу Димитрию были весьма широко распространены в рукописной монастырской традиции.

Служебные минеи входили в круг книг, которые должны были быть под рукой у любого священника, и Пушкину во время его приходов в Святогорский монастырь оставалось только взять старинные книги и раскрыть их, чтобы увидеть эти масштабные произведения XVII в., оценить их с точки зрения поэтической, впитать их образный строй и испытать желание влить их в горнило своей художественной плавильни. Многие строки этих древних стихов и сами по себе обладают огромной поэтической силой: при сопоставлении их с пушкинскими стихами видишь, что они не блекнут даже в лучах его гения. В них — яркое и мощное слово, сильная поэтическая эмоция, целостная и неповторимая философия истории, жизни, вечности и власти, своя политическая концепция. Несомненно, Пушкин знал и летописи, и многие другие документы русской истории, но эти поэтические памятники ему как поэту были наиболее близки. Это была его родная стихия, и он распоряжался ею, как творец. Пушкин не оставил ясных свидетельств своего знакомства с этими материалами, по-видимому, он даже намеренно скрыл свое знание их от современников и от нас, но они просвечивают во всем строе его трагедии.

Н. С. Серегина

НАЧАЛЬНЫЕ СЦЕНЫ ТРАГЕДИИ «БОРИС ГОДУНОВ» В СВЕТЕ СЛУЖБ ВЛАДИМИРСКОЙ ИКОНЕ БОГОРОДИЦЫ

В первых сценах трагедии «Борис Годунов» Пушкин упоминает Владимирскую икону Богородицы — патрональную икону Российского государства, которую почитали как главную заступницу и помощницу, простирающую свой Покров над христианами и укрепляющую верховную власть. Владимирская икона «помещена» Пушкиным в описание всеобщего моления о царском венце Бориса, — моления, к которому думный дьяк Щелкалов с Красного крыльца призывает народ:

Собором положили
В последний раз отведать силу просьбы
Над скорбною правителя душой.
Завтра вновь святейший патриарх,
В Кремле отпев торжественно молебен,
Предшествуем хоругвями святыми,
С иконами *Владимирской*,¹ *Донской*,
Воздвигется, а с ним синклит, бояре,
Да сонм дворян, да выборные люди,
И весь народ московский православный,
Мы все пойдем молить царицу вновь,
Да сжалится над сирью Москвою
И на венец благословит Бориса.

(V, 192)

¹ Здесь и далее в цитатах курсив мой. — Н. С.

Речь Щелкалова и сцены народного моления из первого действия в свете данного упоминания Владимирской иконы побуждают обратиться к гимнографическим текстам древних служб Владимирской иконе Богородицы, при сравнении которых с образным строем пушкинских народных сцен выявляются текстуальные созвучия, свидетельствующие о знакомстве Пушкина с этими памятниками древнерусской поэзии. И тогда прочтение пушкинского текста в соотнесении с ними раскрывает новый глубинный слой символики национальной культурной традиции, воспринятой и переплавленной великим поэтом.

Известно, что при создании первых сцен трагедии Пушкин взял за основу соответствующие эпизоды «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, который, в свою очередь, опирался на грамоту Земского собора 1598 г., описывающую всеобщее моление народа.² Однако соборное моление, изображенное в грамоте, многократно встречается в русских летописях, в произведениях русской гимнографии, особенно тех, которые посвящены Богородице и Ее иконам. Так, в стихире на Сретение иконы Богородицы Владимирской (26 августа) мы видим изображение крестного хода с самой иконой Богородицы:

Егда изыде Богородице дево
пресвятый ти Образ от града Владимира
с причтом церковным, со иереи и народи,
...егда же приближися ко граду Москве
честное Твое заступление,
тогда исходит пастырь честный
с верными овцами, иереи и мнихи,
и причтом церковным, и с народы,
мужеи и жен, и сосущих младенец...³

Текст этой стихире имеет сходство с летописной повестью о Темир-Аксаке (1395 г.) из Софийской Первой летописи.⁴

Поэт не раз сам бывал свидетелем больших крестных ходов из Святогорского в Спасо-Мирожский монастырь и храм Святой Троицы в Пскове: сведения о них содержатся как в раннем (1821 г.), так и в позднем (1899 г.) изданиях материалов монастыря.⁵ Оба издания сообщают легенду об основании Святогорской обители, несомненно известную Пушкину и в устной версии.⁶ Легенда гласит: в 1563 г. недалеко от городища Воронича пас скот некий юноша Тимофей, и ему было видение — икона Богородицы «Умиления» и глас от нее, повелевший объявить крестный ход с иконами «Умиления» и «Одигитрии» от Воронича на Синичью гору, расположенную в четырех верстах, где, по предсказанию Богородицы, через шесть лет просияет Благодать Божия. И был крестный ход, и на всем пути от Воронича до Синичьей горы начались чудеса — благоухания, исцеления, а на Синичьей горе, прозванной с тех пор Святою, была поставлена часовня, а позднее — Святогорский Успения Богородицы монастырь. После этого большие крестные ходы совершались ежегодно по несколько раз, и

² Фомичев С. А. Драматургия А. С. Пушкина // История русской драматургии: XVII — первая половина XIX века. Л., 1982. С. 274.

³ Цит. по: Серегина Н. С. Песнопения русским Святым. СПб., 1994. С. 426.

⁴ Софийская 1-я летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1851. С. 249.

⁵ Описание Святогорского Успенского монастыря. Б. м., 1821. С. 5—6; Иоанн, игумен. Описание Святогорского Успенского монастыря Псковской епархии. Псков, 1899. С. 45.

⁶ Полный текст ее см.: Серебрянский Н. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. С. 552—561; Охотникова В. И. Новые материалы по литературной истории повести о явлении на Синичьей горе // Труды Отдела древнерусской литературы: Т. 49. СПб., 1996. С. 376—387.

особенно — 29 августа и 8 сентября, с теми же иконами, ставшими святынями монастыря. Крестные ходы не могли не сопровождаться пением полных служб иконам Богородицы, основным источником которых служили песнопения Владимирской иконе и Рождеству Богородицы (8 сентября). Именно здесь во время таких шествий Пушкин мог слышать основной корпус песнопений Владимирской иконе. С текстами служб иконе Богородицы Пушкин имел возможность познакомиться и по годовому комплекту служебных миней: в Святогорском монастыре, где Пушкин много раз бывал, живя в Михайловском, были годовые комплекты миней, изданные в Москве в 1776 и 1784 гг.⁷

Можно догадаться, какая перемена сознания произошла в Пушкине, когда он после впечатлений южной ссылки приехал в Михайловское и погрузился в стихию русской жизни с ее легендами о чудесах, иконах, юродивых и блаженных, которым открывается небесный смысл земных событий.

Так отрок Библии, безумный расточитель
До капли истощив раскаянья фиал,
Увидев наконец родимую обитель,
Главой поник и зарыдал.

Многое из этих впечатлений переплавилось в гениальные строки «Бориса Годунова», в частности крестные ходы с *двумя* иконами Богородицы: «С иконами Владимирской, Донской...».

Почитание Владимирской иконы Богородицы связано с важнейшими вехами истории Российского государства: по преданию, ее заступничество и Покров простирается над Россией от князя Владимира, получившего ее, написанную Св. евангелистом Лукой, из Византии. Владимирской иконе Богородицы посвящены три праздника — 21 мая, 23 июня и 26 августа. Лучшие, хотя и безвестные, гимнографы Древней Руси были творцами гимнографических певческих циклов, восходящих по содержанию к «Сказанию о чудесах Владимирской иконы Богородицы», созданному в церковном окружении князя Андрея Боголюбского в 60-х годах XII в. при перенесении иконы из Киева во Владимир.⁸

Службам иконе Богородицы присуще хоровое начало самого содержания, — многие песнопения призывают ко всенародному молению:

...всенародное торжество града Москвы
прилежным молением славословяще...
...священницы же и князи,
и старейшая чиноначаленицы
чудеси дивяшеся
и преклоньшеся друг ко другу,
глаголаху: «Воспойте Богородицы...».⁹

Участники этого моления — весь народ: «мужи и жены» с грудными («сосущими») младенцами, весь причт церковный — «иереи и мнихи», и церковные пастыри («священницы и князи и старейшие чиноначаленицы»), и над всем этим шествием — икона Богородицы, словно сама идущая над народом («Егда *изыде*, Богородице Дево, Пресвятыи Ти Образ...»).

⁷ Иоанн, игумен. Указ. соч. С. 45.

⁸ Жучкова И. Л. Сказание о чудесах Владимирской иконы Богородицы // Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вып. 1. Л., 1987. С. 416–418; Филипповский Г. Ю. Столетие дерзаний // Владимирская Русь в литературе XII в. М., 1991. С. 5.

⁹ РГБ, ф. 379, № 66, л. 625.

Картина, воспроизводимая Пушкиным в речи Щелкалова, как будто взята из древней стихиры. В ней участвует множество народа «с иконами Владимирской, Донской», «святейший патриарх», «а с ним синклит, бояре/Да сонм дворян, да выборные люди,/И весь народ московский православный» с молитвами и слезами, — «народ еще повоет да поплачет», «все плачут, заплачем, брат, и мы...». Пушкин не забыл и бабу с ребенком («жен и сосущих младенец»), и коленопреклоненное моление «народ завыл, там падают, что волны». Сравним:

Тебе *припадают*, Госпоже
святителей сословие
и собори совокуплении всех,
цари же и князи
и все народо,
любезно молящися Тебе;
ныне *кланяющися*...¹⁰

К Богородице обращаются с молитвой, когда «в скорби душа»:

Тогда христиане,
в скорби душа и телеси Богу молящися
о согрешенных просяще прощение прияти,
к Заступнице рода христианьского прибегающе...¹¹

Пушкин вводит и этот образ в речь Щелкалова:

Собором положили
В последний раз отведасть силу просьбы
Над *скорбною правителя душой*.
(V, 192)

Соборное моление, к которому призывают древние песнопения («Придете, *рустии собори*...»;¹² «Да радуются *рустии собори*...»¹³) отмечает и Пушкин («Собором положили/В последний раз отведасть силу просьбы»).

Предстоят Ти, Госпоже Богородице,
пред иконою Пречистаго Образа
святитель сословие,
цари и князи и вси людие,
иноцы и прости...
моления приносят ото всея душа...¹⁴

Да радуются *рустии собори*,
да ликоствует естество,
яко Твоим, Чистая,
Честенаго Образа пришествием
град наш спасается невредимо...¹⁵

Днесь светло красуется
славнейший *град Москва*...
Священноначальницы же
и князи рустии,

¹⁰ РГБ, ф. 379, № 65, л. 385 об.

¹¹ РГБ, ф. 379, № 66, л. 629, 629 об.

¹² РГБ, ф. 379, № 65, л. 386.

¹³ РГБ, ф. 379, № 66, л. 162.

¹⁴ РГБ, ф. 379, № 65, л. 387.

¹⁵ РГБ, ф. 379, № 66, л. 162.

*и христолюбивых людей достояния множества
вкупе со свечами предтекоша...¹⁶*

*Придете, рустии собори,
Придете, верных совокупления,
во сретение Царицы Богоотроковицы,
се бо грядет Царица
Своим честным Образом
спасти град и люди...¹⁷*

Богородица — устроительница самой государственной власти, Ее Промыслом — «скипетры царей утверждаются»:

*Цари же и князи,
и все христоименитых людей множества
достойно блажат Матере Божию...
...да мир умириши в православии
и царския скипетры утвердиши...¹⁸*

*О, чудо велие и преславно...
како пришествием Ея
животворенным Образом честным
сопротивнии побежаются
и скипетры царем нашим утверждаются...¹⁹*

*Богородице Владычице,
Державеная Помощнице,
укрепи славящаго Тя царя нашего
на враги...²⁰*

Богородица — «Державная Помощница», и в тексте «Бориса Годунова» тема державы тоже соединяется с темой иконы Богородицы, со слезным и соборным молением:

*Ни патриарх, ни думные бояре
Склонить его доселе не могли;
Не внемлет он ни слезным увещаньям,
Ни их мольбам, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу Великого Собора.
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;
.....*

*Что ежели правитель в самом деле
Державными заботами наскучил
И на престол безвластный не взойдет?*

(V, 188)

В молитве Бориса перед гробницей царя Феодора также просвечивает символика песнопений иконе Владимирской Богородицы:

*О праведник! о мой отец державный!
Возри с небес на слезы верных слуг
И ниспошли тому, кого любил ты,*

¹⁶ РГБ, ф. 379, № 66, л. 162 об.

¹⁷ РГБ, ф. 379, № 65, л. 386.

¹⁸ РГБ, ф. 379, № 65, л. 386 об.

¹⁹ РГБ, ф. 379, № 65, л. 386.

²⁰ РГБ, ф. 379, № 65, л. 385.

Кого ты здесь столь дивно возвеличил,
Священное на власть благословенье.

(V, 197)

Сравним:

...тогда множество верных
приступивше ко иконе Твоей...
князь же Василие со слезами вопияше Ти:
«О Дево, что Ти воздам
молися прилежно Сыну Своему и Богу нашему
яко *спастися граду Твоему*».²¹

И даже первоначальный заголовок «Бориса Годунова» — «Комедия о *настоящей беде* Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве...» — созвучен молениям Богородице словом «*настоящей*», имеющим в контексте песнопений Богородице смысл сегодняшней, современной, нашей, переживаемой нами «беды», «напасти»:

К Заступнице рода христианскаго прибегающе
Пресвятей Богородицы молящися
и Образа Ея желающе видети пришествие,
от *настоящая напасти* свободися...²²

Как видим, совпадения и созвучия первых сцен «Бориса Годунова» и служб Владимирской иконе прослеживаются в целом ряде ключевых слов и понятий, в прорисовке общей картины народного моления. Кроме того, речь Щелкалова и речь Бориса «*Ты, отче патриарх...*» по своей целостной форме, т. е. «жанру», а не только по лексике, имеют сходство со стихирами Владимирской иконе Богородицы: начальный раздел — обращение о молении, срединный — воспроизведение характера и «обстоятельств» самого моления, и заключительный — краткая молитвенная просьба:

Да *сжалится* над сиркою Москвою...
(V, 193)

Да *буду благ* и праведен, как ты...
(V, 197)

Сравним:

Избави рабы Своя от всякия беды и печали.²³

Того моли, да спасет душа наша...²⁴

Однако есть в пушкинской трагедии одно общее с богослужебными текстами ключевое слово, которое имеет *другой* смысл и словно радикальным приемом — «ключом» — переводит небесное содержание церковной службы в земной план действия. Более того, троекратно — значит, далеко не случайно — вводя его, Пушкин недвусмысленно показывает, что все действие первых сцен трагедии лишено небесного покровительства Царицы Небесной. В службах Владимирской иконе Богородица именуется *Царицей*:

Тебе вси роды человечести
хваления дары приносят, Владычице,
и молят Тя, яко *Царицы* и Матери Божи...²⁵

²¹ РГБ, ф. 379, № 66, л. 627.

²² РГБ, ф. 379, № 66, л. 629, 629 об.

²³ РГБ, ф. 379, № 66, л. 163, 163 об.

²⁴ РГБ, ф. 379, № 66, л. 162 об.

²⁵ РГБ, ф. 379, № 65, л. 388.

Иже на Тя верою и любовию надеющихся,
чистая Царице Дево Богородице...²⁶

...Се бо грядет Царица
Своим честным Образом
спасти град и люди...²⁷

Богородица — Царица истинная и единая:

...Царице единой поклоняются...²⁸

У Пушкина же в речи Щелкалова мы видим своего рода обман: в тексте, наиболее приближенном по лексике к богослужебному, упоминается «царица» — так, как если бы это была Царица Небесная: «Мы все пойдем молить *царицу* вновь». Сравним: «И молят Тя, яко Царицы...».

Но, оказывается, здесь имеется в виду вдовствующая царица Ирина, монахиня, сестра Бориса Годунова:

Мы все пойдем молить *царицу* вновь,
Да сжалится над сиркою Москвою
И на венец благословит Бориса.

(V, 193)

Именно она, монахиня-царица, предстает перед нами в речи Воротынского:

Но месяц уж протек,
Как, затворясь в монастыре с *сестрою*,
Он, кажется, покинул всё мирское.
Ни патриарх, ни думные бояре
Склонить его доселе не могли;
Не внемлет он ни слезным увещаньям,
Ни их мольбам, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу Великого Собора.
Его *сестру* напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;
Печальная *монахиня-царица*
Как он, тверда, как он, неумолима.

(V, 187)

И в третий раз упоминание царицы уже вовсе лишено молитвенного контекста и максимально прозаично, заземлено:

Теперь они пошли к *царице* в келью,
Туда вошли Борис и патриарх
С толпой бояр.

(V, 194)

Земное, уменьшенное в обратной перспективе подобие царицы земной Царице Небесной усугубляется еще и тем, что именно через нее уговаривают Бориса вступить на царство — подобно тому, как все молитвы Спасителю адресуются Ему через Богородицу:

О пречюдная Владычице Богородице,
молися из Тебе Воплощенному
Христу Богу нашему
...можеша бо *умолити*,

²⁶ РГБ, ф. 379, № 66, л. 627.

²⁷ РГБ, ф. 379, № 65, л. 386.

²⁸ РГБ, ф. 379, № 66, л. 163, 163 об.

яко Милосердаго дланма Своима носивши,
Того моли, да спасет душа наша.²⁹

То же, но — земное — соотношение царицы Ирины и Бориса:

Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;

.....

Мы все пойдем молить царицу вновь,
Да сжалится над сиротою Москвою
И на венец благословит Бориса.

Оказывается, что сцены всенародного моления обращены не к Небесной Царице, а всего лишь к земной. И Пушкин подчеркивает подменность и пустоту такой молитвы:

Баба (с ребенком).

Ну, что ж? как надо плакать,
Так и затих! вот я тебя! вот бука!
Плачь, баловень!

(Бросает его об землю. Ребенок пищит.)

Ну, то-то же.

Один.

Все плачут,
Заплачем, брат, и мы.

Другой.

Я силюсь, брат,

Да не могу.

Первый.

Я также. Нет ли луку?
Потрем глаза.

Второй.

Нет; я слюней помажу.

(V, 195)

Так, с самого начала трагедии нет выхода молитвы к Богу,³⁰ несмотря на то, что в речи Щелкалова народ слышит призыв:

Молитесь, — да взыдет к небесам
Усердная молитва православных.

(V, 193)

От первых сцен, пронизанных лексикой служб Владимирской иконе Богородицы, вдруг вспыхивает ответ в реплике Юродивого в центральной сцене перед собором в Москве, — реплике, ставшей притчевой формулой трагедии Пушкина:

Царь.

...Молись за меня, бедный Николка.

(Уходит)

²⁹ РГБ, ф. 379, № 66, л. 162 об.

³⁰ Юрьева И. Ю. Молитвы в текстах Пушкина // Пушкинская эпоха и Христианская культура: Вып. VI. СПб., 1994. С. 110–115.

Юродивый (*ему вслед*).

Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода — Богородица не велит.
(V, 260)

Но Борис не слышит этих слов — они звучат после ремарки (*Уходит*). Борис Годунов остается без молитвы Богородицы о нем. В этом — безысходность Бориса и вместе с тем и действия всей трагедии. Однако, по тексту служб Владимирской иконе Богородицы, Царица Небесная — с теми, с кем Ее икона, и эта икона имеет свой голос; свою песнь, обращенную к предстоящим ей:

Песнь воспела еси:
«...Сим Образом с вами есмь».

Свет и катарсис трагедии состоит в том, что действие иконы в трагедии Пушкина обретает самостоятельную силу, простирающуюся вне сюжета и над сюжетом, составляет особую священную тайну пушкинского творения и, пожалуй, всей русской истории: поэту, словно отроку Тимофею, и вслед за ним — всем нам, является икона Владимирской Богоматери — главная икона России, чтобы свидетельствовать о Благодати Божией, да воссияет над Русской землей.

Первей написавошия Твоего Образа Икона
евангельских тайн благовестником
и к тебе, Царица, принесену,
да усвоиши ту, сильну соделаеши
спасти чтущих Тя и порадовася,
яко милостива спасению нашему содетелница,
яко уста и глас Иконе бывши,
яко же и Бога зачинающи во чреве,
песнь своспела еси:
«Се отныне блажат Мя вси роди».
И на ту зрящи, глаголя вкупе
и со властию с сим Образом:
«Благодать Моя и сила».
И мы воистину веруем, яко се рекла, Госпоже:
«Сим Образом с вами есмь!»³¹

³¹ РГБ, ф. 379, № 65, л. 387, 387 об.

С. А. Королев

ЧЕРТЫ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Одна из трагических апорий человека Нового времени заключается в том, что о самом простом он вынужден говорить усложненно, дифференцированно, дискурсивно. Тогда как «всякое дыхание да хвалит Господа!».

Итак, нужно разобраться с одной принципиальной аберрацией. Апофатика Руси, ее извечная исихия раздражают многих: от Петра Чаадаева (а

вернее, еще от царя Петра, впервые ясно сформулировавшего это раздражение и давшего ему ход) — через Густава Шпета — к нашим дням, до Андрея Синявского, например.

Если Русь молчала, то, значит, было о чем помолчать, что вымалчивать. Еще Тютчев призывал пасти в немногословное Бытие, не впрягать его, как выразился Гете, в бессовестность овнешняющего действия. Гете замечал: «Действующий всегда бессовестен, совесть лишь у созерцающего» («Максимы и рефлексии»)¹. Сюда же относятся слова Вольтера о том, что есть бесы, которые особенно трудно поддаются заклятию, например бес логики. Стоит прислушаться к Вольтеру, этому ясновидцу по части бесовщины, чтобы не впасть в искушение оседлать этого беса логики на путях так называемого исторического прогресса. И потому, слава Богу, «умом Россию не понять»; однако не всяким умом, а только умом расчленяющим, логикой расчета и присвоения, взятой на вооружение новоевропейским субъектом. Но не логикой «дорогих покойников» Достоевского: Гомера, Платона, Данте, Шекспира, — те все «понимали».

В одном слове — предыстория того, как образовалась в Западной Европе эта логика расчета и присвоения, или «похищения», как пишет Гадамер, объясняя, что «похищение» переводится как «приватизация». *Privatio* — «похищение, отнятие»². Похищение, в данном случае планетарное, есть присвоение мира субъектом, полноты логосного присутствия — ущербно-расчленяющей деятельностью рассудка, а главное, целого — частью. А ведь целое как смысловой объем полноты, плеромы, Софии приоткрывается, по слову поэта, «сквозит и тайно светит» в «наготе» своей «смиренной» и не открывается никакому «гордому взору», — именно как целомудренное «большее» (т. е. полное в духовном объеме) «меньшему» (т. е. ущербности присваивающего рассудка). Гностическому, я бы сказал, донжуанству.

Итак, в Ренессансе человек выкинул себя из универсальных религиозных связей с Бытием и тем самым противопоставил Бытию — целостному, логосному, софийному — себя, как оказалось, в качестве всего-навсего «отвлеченного начала». Трагизм как раз в этом, — в том, что, думая присвоить себе божественную полноту и, значит, полноту божественного ведения, новоевропейский субъект как раз полноту-то этим и разрушил, став игралищем затемненных таким разрушением и вырвавшихся наружу, неподконтрольных ему сил.

Только в религиозном ведении человеку открыт полный объем мироздания, каковому он и соответствует на путях святости. Нарушая свою духовную связь со всем, человек получил в лице этого «всего» непроницаемо-косного врага — «разволшебственный» мир. Смысл дается в свете Логоса. Свет погас, и затемненный, бездуховный в объеме мир превратился в косный «объект» научно-технического освоения, в дурную бесконечность сил, скоростей, атомов; каждая из этих составляющих, как джинн, выпущенный из бутылки, грозит смести самого гностического похотливца (использую выражение Паскаля «похоть знания») с лица земли. Думая безоговорочно подчинить себе «объект», т. е. мир, как предмет захвата и власти, субъект оказывается во все большем подчинении у неуправляемых и неподконтрольных ему сил и энергий.

«На знамени современной цивилизации, — читаем в одной богословской работе, — начертаны слова Р. Бэкона „Знание — сила“». Знание —

¹ Цит. по: Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 123.

² Гадамер Г. Введение к истоку художественного творчества // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993. С. 128.

сила... Знание — власть, можно добавить от себя. И это серия трагических парадоксов, в цепи которых оказался против своего желания новоевропейский субъект...

Наш Пушкин это удивительно чувствовал, и часто тихие бездны его глубокомыслия были связаны с грустным раздумьем над судьбами постренессансной Европы. Можно и так определить призвание Пушкина: *он дал русские ответы на европейские вопросы.*

И первое, что ему было «внятно» (по точному слову Блока), — это тот основной трагический парадокс, в болевой точке которого оказался постренессансный гуманист. В своих безмерных притязаниях на роль миродержца человек на самом деле достиг противоположного: «прорвался» за меру своего образа как абсолютного смысла, «вынул» себя из определенного отношения с Богом, с Премудростью Божией, т. е. освободил себя из того смыслового «приюта» (по выражению Данте), где ему все было в меру, где он был равен своему бессмертию. Новоевропейский гуманист тем самым вверг себя собственным сознательным усилием (*cogito, ergo sum*), в тот хаос, в то «вторичное упрощение» (как определял К. Н. Леонтьев), в то «из ничего», из которого первоначально просиял и он сам, и все мироздание как дар и смысл.

Владимир Соловьев писал: «Когда мнимые христиане отлучили от Духа Христова материальную природу, эту всемирную Магдалину, в нее естественно вселились злые духи».³ Эту метафору буквально реализовал в строе своей мысли Гете, сделав Мефистофеля вечным спутником любознательно-похотливого Фауста. «Фауст, — размышляет С. Аверинцев, — разрушив отжившую средневековую меру и выйдя к техническому активизму, оказался в опасности утратить вообще всякую меру»,⁴ т. е., попросту говоря, утратил возможность опознавать себя в качестве смыслового самождества.

Ведь этим, если присмотреться, мучится Сальери. Легко сказать: «Нет правды на земле, но правды нет и выше». Но дальше онтологически бесосновный субъект вынужден все время подтверждать свое существование. Поэтому Сальери подтверждает его всякого рода методологиями.

У Моцарта же есть онтологическое место в Бытии. Для Пушкина важно, что подлинно «присутствует» только полнота («плерома»), энтелехия смысла. При-сутствует — значит, находится «при сути». «Суть» понимается как «есть». «Есть», говоря языком Аристотеля, — это «энергия», понимаемая как «разверстость» смысла, это именно энтелехия — явленная суть смысла. Следовательно, «есть» образует корнесловие «истины», в буквальном смысле — «естины», по слову отца Павла Флоренского.

Значит, Моцарт, или Гринев, или Царевна, или Татьяна, или Маша Миронова просто ЕСТЬ — в плане светлого тихого НАЛИЧИЯ. Просто — значит, абсолютно полного смысла, тихо присутствующего (ср. хайдеггеровское «здесь-бытие», *Dasein*) в иерархии Божиего Мироздания. И смысл этот «покоится стыдливо в красе торжественной своей», — отмечает псалмодией Пушкин.

А Сальери живет трудно. Но ведь он сам вывел себя за скобки онтологического покоя — своим контраргументом в плане божественного порядка в мироздании. Он воистину испытывает муки Тантала или Сизифа, находясь по своей воле, так сказать, в поту нескончаемого самообоснования. По этой части он ритор-виртуоз и одновременно софист; по грубому определению, он являет собой «помесь» Протагора с Цицероном. Однако

³ Соловьев В. С. Сочинения. М., 1889. С. 353.

⁴ Цит. по: Философская энциклопедия. М., 1970. Т. V. С. 62.

счастья нет и в его измученной душе. Он вынужден как человек новоевропейского менталитета враждовать с Моцартом как с реликтом отвергнутого им Божиего мира.

Возникает интересная параллель с Синявским. Параллель тоже, пожалуй, онтологическая, психологические подробности здесь второстепенны. Простота Пушкина как софийный объем удерживаемого им смысла раздражает. Синявский, как и Сальери, даже усматривает оскорбление в способности (Пушкина и Моцарта) созерцать и передавать смысл Божиего порядка в мироздании. Синявский как эстет и романтик не хочет Бога, ибо Бог обязывает. Тут он согласен с Сальери в том, что как раз и нет обязывающей Правды ни на земле, ни выше. Нет софийного, логосного устройства, а значит, простота Пушкина есть пустота. Для Синявского бытие, онтология, как и для всякого «трансцендентального субъекта», является не более чем «связкой в суждении», лишь «продуктом способности воображения» — в эстетике (Кант). За вычетом сотворенного им самим, творцом-художником, в «остатке» мироздания ничего нет, — нет Логоса воплощенного, нет той красоты мира, увидев которую, Бог сказал, что это хорошо; нет и Софии, Премудрости Божией, той Его славы, которая почит, как сказано Достоевским, на любом листочке, в каждой росинке.

Есть только *фундаментальное сомнение*, по вердикту Декарта. Сомнение как узурпация вероисповедной полноты Логоса. Сомнение как основа «могучести» человека, если использовать терминологию Николая Кузанского. Той «могучести», которая позволяет новоевропейскому субъекту каждый день идти в бой. «И вечный бой, покой нам только снится». Здесь Блок — в парафразе слов Гете. А собственно, в бой с кем и за что? Может быть, «с Кем»? Тогда выходит незадача: за что идти в бой, если, по слову Св. Дионисия Ареопагита, «все создано Богом для Себя в свете истины», в «свете тихом»?

Нет, созерцательный образ мира враждебен сомневающемуся декартовским сомнением; и все революции Европы — начиная с той, что произошла, по выражению Маркса, «в голове одного немецкого монаха» (т. е. Лютера), — направлены на его свержение. И Сальери «свергает» Моцарта, применяя революционную картезианскую методологию. «Cogito, ergo sum» — «мыслю, значит, могу». «Могу» удостоверять разные противоположные «возможности», ибо нет непререкаемых. «Cogito» — значит УДОСТОВЕРЯЮ вместо ВЕРЮ; «cogito» — значит рассекаю, разъединяю в анализе; «cogito» — значит сличаю, устанавливаю; «cogito» — значит санкционирую все, в чем убедился голым рассудком безо всякого ореола обязывающей Высшей Правды.

Но ведь тогда «cogito» — это узурпация, похищение, буквально «приватизация», приватизация этим самым рассудком Высшей Правды. Прокрустово ложе рассудка и «устраивает» Шеллингу и Гегелю «философию тождества», — выходит, тождества павшего тварного разума и Разума Божественного?!

Метод, рассудок, захват — синонимы. А что современная наука имеет характер захвата, в том великий философ не сомневается: «Вы отклоняете ту мысль, что современная техника имеет характер захвата, — пишет Хайдеггер Ясперсу, — но она его имеет, и потому его имеют также новоевропейские естествознание и история» (курсив мой. — С. К.). Захват сущего состоит в том, что отношение к нему, к сущему, «приобретает черты хватки, которая в Новое время развертывается в опредмечивание».⁵

⁵ Вопросы философии. 1993. № 10. С. 149.

Остановимся на слове «опредмечивание», вообще на слове «предмет». Оно для Хайдеггера, в частности, и для истины вообще имеет однозначно отрицательное значение. Ему противостоит в положительном значении понятие «вещь». Вещь веществует в своей логосной самостоятельности. Она адекватна своей полноте. В рамках греческого и средневекового онтологического сознания вещь — «событие бытия», как сказал бы Хайдеггер. Вещь никогда не ошибается, замечал Аристотель, ошибается сознание, ее постигающее.⁶ Тем самым Бытие ставится выше Познания, вот почему попытки мышления в новоевропейской философии обосновать Бытие — безрезультатны!

А вот как перетолковывается понятие «вещь» в рамках римско-латинского мышления, которое отнюдь не удерживает содержательную полноту греческих слов, придавая им зачастую «юридическое» и, следовательно, снижающее значение. Не зная понятия «вещи», римское мышление тщательно этимологизирует позднелатинский схоластический термин «*objectum*». «*Ob-jectum*», пишет Аверинцев, это значит «пред-брошенное оку», т. е. извне предлежащее, «кинутое на потребу» созерцанию как иное ему.

Так вот, слово «пред-мет» как русский перевод понятия «объект» и удерживает латинские черты разделяющего, вмещающего, захватывающего подхода к тому, что должно прозреваться умным видением в непостижимой простоте.

Салери неуместен в контексте моцартовской простоты; последняя оскорбительна для него, трагически полагающего, что картезианская методика удостоверения истины единственно правомерна. Нет способов удостоверить ее объективно представляющим или противопоставляющим сознанием, не подчинив ее (истины) полноты «захвату» рассекающего рассудка или воображающего чувства («эстетики»).

Вообще говоря, захват — это узурпация частью целого. В Новое время распалась триада Истины, Добра и Красоты. Истина стала наукой. Добро — отвлеченной моралью. Красота — только эстетикой, искусством. Все, как в «Золушке» после двенадцати часов ночи (каре́та стала тыквой, кучер стал крысой, мир — Ньютоновой формулой, вода превратилась в H₂O)...

Но претензия эстетики стать Красотой с большой буквы — это тоже захват. Символику трагического соотношения между Красотой Истины и красотой только эстетической дал наш божественный поэт в образах «Сказки о мертвой царевне». Царевна — «свете тихий» — образ, являющий собой абсолютный предикат Бытия, восходящий из молчания, из потаенного в явь открывающегося смысла стыдящимся целомудрием, покоем, смирением. Истинная Красота — благообразна. Она дарит, жертвует, представляется в символике «обратной перспективы» — иконы. Лики ангелов в «Троице» Андрея Рублева являют такое единство, которое выше пола и возраста. Так же и у Пушкина: «Коли парень ты румяный, / Братец будешь нам названный, / Коль старушка, будь нам мать, / Так и станем величать. / Коли красная девица, / Будь нам милая сестрица» (IV, 348).

Пушкин жалеет Царицу за то, что ей не остановиться в темных демонических проявлениях своей красоты — слишком эстетической, слишком языческой, являющейся в разрушительном хаосе космической одержимости. Царице действительно не остановиться, ибо зазор, образовавшийся между ее красотой (перефразируя Канта — «в пределах одной только эстетики») и Красотой как способом проявления Истины и Добра, влечет ее к действию, к демоническому активизму, как любого, впрочем, из новоевропейских

⁶ Аристотель. Сочинения: В 4-х тт. М., 1976. Т. 1. С. 186.

романтических гениев: Наполеона ли, Байрона, Бетховена. Мир Царевны Царица не принимает, да и не должна принять, как Сальери не может принять мир Моцарта.

Такое ощущение, что Пушкин знал слова Григория Нисского, когда «созерцал» свою Царевну: «Божественная красота проявляется не в каком-либо наружном виде и не в прелести внешнего образа... но усматривается в неизреченном блаженстве сообразно с добродетелью».⁷

Наши художники не имели в определенном смысле творческого жеста. Потому что в сущности творит Бог один. Они, скорее, созерцали сотворенный мир, так рассматривали творение, что становилось «невидимое Божие видимо» (Послание к Римлянам, I, 20).

Уже то, что многие произведения наших писателей, композиторов не окончены, — красноречиво. У них нет претензии на завершающее слово о мире. Отсюда и рождается то, что именуется в нашем искусстве «стыдливостью художественной формы». У нас понимали, что гладкой речью можно только скользнуть по поверхности жизни, не выявляя ее глубины. Более того, Мусоргский ли это, или Достоевский, но мы отчетливо слышим в самой основе их жизненного служения плач о себе, о своих малых силах высказать главное. «Из глубины воззвах к Тебе, Господи», — вот духовная основа их творчества. В их словах или нотах словно бы выдохнут покаянный вопрос: каких же слез хватит, чтобы оплакать унижение грехом своего богоподобного образа? Потому-то и нет у наших писателей завершающих слов о мире, что последние слова будут сказаны на небесах и что художественное произведение служит чему-то гораздо более высокому, чем только формальной своей завершенности, земной эстетике.

Поэтому и не закончил Пушкин «Евгения Онегина», Гоголь сжег второй том «Мертвых душ», Мусоргский не дописал, оставил в вариантах обе свои великие оперы, а Достоевский своим последним романом поставил скорее многоточие, чем точку.

Совестливое свое косноязычие перед лицом истины обнаружил даже такой гениальный мастер формы, как Александр Сергеевич Пушкин. И выразил он свое косноязычие не во внешней организации текста, а в смысловой глубине его. Вспомните в «Моцарте и Сальери» эпизод со слепым скрипачом. Моцарт в умилении сердечном смеется над трогательным непрофессионализмом уличного музыканта, а у педанта Сальери юмор отсутствует, он с раздражением прогоняет скрипача, ибо тот дерзнул неумелостью своей, так сказать, косноязычием, испортить великую музыку. Но Моцарт-то у Пушкина знает, что велик по-настоящему только Бог один и что вся мудрость человеческая перед лицом Божиим — безумие. И что он, Моцарт, в этом не исключение, и что его сочинение перед Высшим Судом такое же косноязычие, как и эти простодушные неумелые звуки простого скрипача перед ним самим. Недаром Моцарт деликатно напоминает болезненно самолюбивому Сальери, что их призвание — благоговеть перед Высшей Инстанцией, быть жрецами Единого Прекрасного, благодарными за дар таланта и гения, который свыше.

Пушкин последователен: знает и свое место в культуре, ни в коем случае не пытаясь его превысить. Вот его (как, впрочем, и всей нашей художественной культуры) аскетический жест: «И внемлет арфе серафима в священном ужасе поэт».

⁷ Григорий Нисский. Человек есть образ Божий. М., 1995. С. 6.

ПУШКИН КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ

Представляя актуальные для нас мысли Пушкина на политические, социальные, нравственные и религиозные темы, будем иметь в виду главным образом итог его собственных размышлений в период «зрелости и мудрости», хотя начать придется с начала — с «детства, отрочества», школьных истин и расхожих идей. Между ними — «юность и молодость» с новыми смелыми мечтами, первыми опытами охлаждающей действительности, сомнениями, демоническим отрицанием, наблюдением за политическими событиями, вдумчивым и широким чтением исторических и литературных сочинений, пора созревания таланта и взросления духа. Изменение мыслей Пушкин считал закономерным следствием умственного развития. Он удивлялся Байрону: «Он весь создан был навыворот; постепенности в нем не было, он вдруг созрел и возмужал — пропел и замолчал» (X, 74), а в статье 1836 г. «Александр Радищев» Пушкин писал: «Глупец один не изменится, ибо время не приносит ему развития, а опыты для него не существуют» (VII, 243). Этого закономерного и столь важного, по мысли поэта, изменения его миропонимания советское пушкиноведение предпочитало не замечать. Консервативные идеи поздних сочинений Пушкина замалчивались или трактовались как цензурные уловки, как речь не авторская, а речь персонажей, как просто недоразумения и т. п.¹ Характерно, что даже приведенная выше столь естественная периодизация жизни и творчества Пушкина появляется только в постсоветский период,² ведь из нее неизбежно вытекает определение охранительных мыслей поэта как зрелых и мудрых, а вольнолюбивых его мечтаний — как детских, школьных, молодых.

Показательна в этом плане эволюция трактовки Пушкиным идеи свободы, а также эволюция его взглядов на республику и монархию. Начало свободомыслия в России сам поэт в официальной записке 1826 г. «О народном воспитании» связывал с пребыванием «наших войск во Франции и в Германии» в «походах 13 и 14 года», с приобщением к духу Просвещения и революции (VII, 30). В какой-то степени он был прав: с этого времени либеральные идеи попали в среду молодую, деятельную и вооруженную, которая и составила основной контингент заговорщиков 1825 г., они провозглашались открыто и стали даже модой, «необходимой вывеской хорошего воспитания». Но тайно идеи сокрушения монархии и христианства во имя свободы исповедовались в масонских ложах уже в XVIII в., прорываясь на поверхность в сочинениях вольнодумных или даже «возмутительных», как у Радищева. Кроме этих концентрированных источников, были и более широкие и легальные каналы общей либеральности. Светское образование, литература, театр были в России в значительной степени трансплантацией французского Просвещения в подражаниях, переводах и оригинальных текстах. В театре ставились тираноборческие трагедии Вольтера, в домашних библиотеках читали его кощунственные, антирелигиозные поэмы, в учебных заведениях знакомили с последними европейскими концепциями исторической и политической науки.

¹ См., например, комментарии к таким сочинениям Пушкина, как «Путешествие из Москвы в Петербург», «Александр Радищев», к разоблачающему высказыванию его о Пестеле в «большом» академическом издании 1977 — 1979 гг. (VII, 492 — 493, 498; VIII, 353).

² См.: *Скатов Н. Н.* Русский гений. М., 1987. С. 352.

Так, еще в Лицее Пушкин усвоил культ римской республики и ее поборника Брута, совершившего убийство Цезаря, превозносимое по верному, хотя и не совсем арифметически точному замечанию поэта, — 2000 лет (VII, 34). Действительно, культ республиканской свободы, созданный в римской словесности по образцу греческой демократической риторики, был подхвачен в европейской литературе в популярных трагедиях на римские сюжеты Шекспира, Корнеля, Расина, усилен тираноборческими тирадами в произведениях Вольтера, Лагарпа, Альфиери, наконец, утвержден в публицистике и исторической науке эпохи Просвещения и революции, и прежде всего у Монтескье. На темы его «Размышления о причинах величия и падения римлян» написано пушкинское послание «К Лицинию». В нем четырнадцатилетний лицеист в сжатой поэтической форме и в ярких картинах сумел дать наглядную иллюстрацию к трактату французского просветителя и переформулировать его вывод в афористическую антитезу: «Свободой. Рим возрос — а рабством погублен».³ Еще важнее, что юному автору удалось представить этот вывод как почти двухтысячелетнюю мудрость. Достигается это сведением в одном тексте реминисценций римской и французской культуры. Римские имена и реалии сгущены, французские реминисценции остаются безымянными, ибо даются в обобщенном предвидении и предсказании латинского автора. Стихотворение написано от лица римлянина зрелых лет, благородного происхождения и республиканского духа, который с отвращением наблюдает всеобщее раболепие и продажность, зовет своего собеседника покинуть Рим и «вдали народного волнения», в уединении думает в негодующей сатире описать падение римских нравов для потомства:

Свой дух воспламеню Петроном, Ювеналом,
В гремющей сатире порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу.

Имена Петрония и Ювенала как будто заставляют отнести следующего им сатирика к позднейшим временам, однако поздняя римская литература почти не знает сатиры. К тому же изображенная пушкинским героем действительность скорее соответствует I в., чем последующим векам. Именно в начале империи на переходе от прикровенного принципата Августа к открытому самовластию Юлиев — Клавдиев при памятной еще республиканской свободе могло так возмущать унижение сената и народа перед «любимцем деспота»: яркие картины всеобщего раболепия перед Тиберием и его временщиком Сеяном рисует Тацит⁴ в своих «Анналах».⁵ Этот Луций Элий Сеян, потомок италийского всадника, достигший в Риме — порочностью, коварством и злодействами — высшей должности префекта преторианских когорт, имел право на сопровождение ликторов, и на триумфальную одежду, и колесницу, — право почти уникальное: так, например, при Тиберии народные трибуны могли присутствовать в цирке в пурпурной тоге, но приезжать туда на колесницах им разрешено не было. Таким образом, пушкинский портрет временщика Ветулия с латинским, но не родовым римским именем (ср. Ветурий и Вителлий), нагнетая высшие признаки почета и власти (ликторы, «багряница», колесница в Риме, господство в сенате), получает и обобщающее значе-

³ Текст первой публикации стихотворения (Российский Музеум. 1815. № 5. С. 129—132) цитируется по изданию: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 17-ти тт. М.: Воскресенье, 1994. Т. 1. С. 85—86.

⁴ Авторитет Тацита как историка Рима эпохи упадка для европейски образованного русского читателя засвидетельствован стихотворением Н. М. Карамзина «Тацит».

⁵ См.: *Тацит.* Сочинения: В 2-х тт. СПб., 1993. Т. 1. С. 109—115, 150.

ние, и вместе с тем определенный исторический прототип; позднее в роли временщиков чаще выступали вольноотпущенники императорского дома с их явно греческими именами: Каллист, Нарцисс, Паллас, Эпафродит, Полибий и др.⁶ Историческую опору в описании Тацитом эпохи Тиберия получает и, казалось бы, чисто литературная фигура патриция, покидающего Рим из отвращения к его порокам. Рассказывая о событиях 16—19 гг., историк упомянул о речи в сенате Луция Пизона, «который обрушился на происки при ведении общественных дел, на подкупность судов, на дерзость ораторов, угрожающих обвинениями, и заявил, что он удаляется и покидает Рим, чтобы поселиться в глухой и дальней деревне; закончив речь, он направился к выходу из сената».⁷

Характерна для I в. и присутствующая в сатире Пушкина фигура философа-стойка (Корнут, Сенека, Эпиктет), и такие явления, как богатство вольноотпущенников, падение нравов, расцвет литературного дилетантизма «докучных риториков, Парнасских Геростратов», и бедность клиентов, которые

Оставя ложе сна с запевшим петухом
От знатных к богачам бегут из дома в дом.

Все эти картины имеют множество аналогий в римской сатире: современной (Персий, Сенека, Петроний, Марциал) и ретроспективной (Ювенал).

Опираясь главным образом на латинские источники I в. н. э. в цитатах, пересказах и изложениях, лицейский поэт стремится, однако, дать обобщающую картину Рима эпохи упадка. Отсюда, с одной стороны, представление лирического героя не современником, а позднейшим наследником традиций «Петрона, Ювенала», а с другой — реминисценции римской литературы I в. до н. э. Здесь в первую очередь обращают внимание скрытые цитаты из Цицерона. В речи против Катилины оратор патетически восклицает: «О времена, о нравы!» и вопрошает: «А мы, консулы, будем терпеть Катилину, стремящегося опустошить убийством и пожарами вселенную?» — «O tempora! O mores! (...) Catilinam, orbem terrae caede atque incendiis vastare cupientem, nos consules perferemus?» (Cic. Cat. I, 2—3). У Пушкина полуцитаты «О срам! о времена! Или вселенная на гибель предана?» в той же форме риторического восклицания и вопроса заключают риторическую часть его сатиры. Стихи 15—24 изобилуют фигурами речи: здесь семь риторических восклицаний, пять вопросов, а также обращения, повторения, анафоры, антитезы, синтаксический параллелизм и синонимические повторы с градацией.

Начало и конец пушкинского послания — обращения к Лицинию — несут реминисценции горацанской поэзии. Собеседник лирического героя в русском тексте имеет имя адресата знаменитой оды Горация о правильном пути и золотой середине (Carm. II, 10). Присутствует у Пушкина и горацанский идеал сельской уединенной жизни, отрешенной от городской суеты, честолюбивых забот, народных волнений и занятой поэтическими трудами и философскими размышлениями. Римский поэт в сатире II, 6 прославляет свой приют в Сабинских горах и мечтает, оставив Рим, увидеть его вновь: «О когда я увижу поля». — «O rus, quando ego te aspiciam» (Sat. II, 6, 60). Начало этой строки Пушкин впоследствии возьмет эпиграфом ко второй главе «Евгения Онегина», а в сатире 1815 г., сохраняя весь смысл горацанских мотивов, он меняет только внешние контуры

⁶ См. их характеристику на основе античных свидетельств: *Friedlaender L. Darstellungen aus Sittengeschichte Roms in der Zeit von August bis zum Ausgang der Antonine. Leipzig, 1862. Th. 1. S. 50—92.*

⁷ *Тацит. Указ. соч. С. 55.*

картины, чтобы подчеркнуть ее «местный» средиземноморский колорит и соотнести ее с главной темой:

В деревню пренесем отеческих пенатов;
В тенистой рощице, на берегу морском
Найти нетрудно нам красивый, светлый дом,
Где, больше не страшась народного волнения,
Под старость отдохнем в тиши уединенья,
И там, расположась в уютном уголке,
При дубе пламенном, возжном в камельке,
Вспомнив старину за дедовским фиялом,
Свой дух воспламеню Петроном, Ювеналом,
В гремющей сатире порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу.

Реминисценции античных авторов и вместе с тем изменение исходных мотивов создают обобщенный образ римского сатирика и обобщенную сатирическую картину римского мира «сих веков». Эпоха упадка начинается, таким образом, с Цицерона (который время гражданских войн называл «ночью республики»⁸), включает принципат Августа — время Горация, империю Юлиев — Клавдиев — Флавиев — время Петрония и Ювенала, наконец, правление Антонинов — время воображаемого пушкинского сатирика. Во II в. н. э. в период некоторого культурного подъема и экономической стабилизации было «нетрудно» найти «на берегу морском» «красивый, светлый дом». В III в. н. э. речь идет уже не об упадке нравов, но о распаде империи, а духовный представитель переходной культуры — уже не сатирик, не античный стоик или киник, но неоплатоник или христианский апологет. Таким образом, художественная действительность пушкинской сатиры ограничивается I в. до н. э. — II в. н. э., но взгляд ее лирического героя обращается и в прошлые времена римской доблести («вспомнив старину за дедовским фиялом»), и в будущее. Заканчивается пушкинское стихотворение пророчеством о гибели Рима:

О Рим! о гордый край разврата, злодеянья,
Придет ужасный день — день мщенья, наказанья;
Предвижу грозного величия конец,
Падет, падет во прах вселенныя венец!
Народы дикие, сыны свирепой брани,
Войны ужасной меч прияв в кровавы длани,
И горы, и моря оставят за собой
И хлынут на тебя кипящею рекой.
Исчезнет Рим; его покроет мрак глубокой;
И путник, обратив на груды камней око,
Речет задумавшись, в мечтаньях углублен:
«Свободой Рим возрос — а рабством погублен».

Можно предположить, что в заключительной фигуре философа, размышляющего «о причинах величия и падения римлян», образованные читатели угадывали Монтескье с темой известного его трактата, а в мрачном предсказании чувствовали сходство с пророческими проклятиями Риму в монологе Камиллы из знаменитой трагедии Корнеля «Гораций». Этот текст в качестве аналогии пушкинскому «предсказанию из будущего» указал Б. В. Томашевский.⁹ Но представляется, что дело здесь не только в общем

⁸ «...Мне горько, что на дорогу жизни я вышел слишком поздно и что ночь республики наступила прежде, чем я успел завершить свой путь» (*Цицерон Марк Туллий*. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. С. 327).

⁹ *Томашевский Б. В.* Пушкин (1813 — 1824). Книга первая. М.; Л., 1956. С. 51.

литературном приеме (*vaticinium ex eventu*), но и в переосмыслении знаковых образов¹⁰ в соответствии с художественными задачами. В дополнение отметим александрийский стих пушкинского послания, характерный для высоких жанров поэзии классицизма, а также аналогичную речам героев Корнеля¹¹ патетическую дикцию фразы:

Я сердцем римлянин, кипит в груди свобода,
Во мне не дремлет дух великого народа.

Сочетание латинских и французских источников и реминисценций в послании Пушкина «К Лицинию» объясняет и подзаголовок «С латинского» при его первой публикации и его отсутствие при второй (в сборнике «Стихотворения А. Пушкина» 1825 г.): зрелый поэт больше чувствовал разнородность источников и условность римского исторического колорита сквозь французскую призму. В пушкиноведении эти факты толковались иначе. Подзаголовок «С латинского» объясняли соображениями цензуры и литературной традиции (I, 437), а его снятие — желанием усилить иносказательный смысл сатиры, изображающей, мол, не Рим Цезарей и временщиков, например Тиберия и Сеяна, но Россию Александра и Аракчеева. Сами исследователи признавали, однако, что никаких черт Аракчеева в образе римского Ветулия нет,¹² нет в сатире и намека на Россию, если, разумеется, не считать таким намеком условное выражение «всё на откуп: законы, правота, / И жены, и мужья, и честь, и красота».¹³ В выражении «всё на откуп» не имеется в виду какая-либо политическая система, оно является синонимом продажности, которая, увы, — вечный порок людей и государств, не только деспотических, но и демократических. Знаменитое «О продажный город! Ты погибнешь, если найдется подходящий покупатель» было сказано о римской республике.¹⁴ Пушкинская правка приведенных стихов в издании 1825 г. устраняет всякие сомнения, условное выражение заменяется прямым определением, одновременно усилен римский колорит:

... всё продажное: законы, правота,
И консул, и трибун, и честь, и красота...
(I, 99)

Таким образом, Пушкин сгущает римские исторические реалии, избегая всяких черт современной русской жизни. Потому стихотворение и в первой редакции — «К Лицинию (с латинского)», и во второй — «Лицинию» нельзя отнести к традиции переделок римской сатиры на наши нравы,

¹⁰ Приведем наиболее близкие к пушкинским образам строки из этого монолога в последнем переводе Н. Я. Рыковой: «Рим, ненавистный враг, виновник бед моих... / Пускай соседние воспрянут племена, / А если устоит он все ж под их ударом, / Пусть Запад и Восток восстанут в гнев яром, / И пусть надвинется, враждой к нему горя, / Народы всей земли чрез горы и моря. / Пусть на себя он сам свои обрушит стены, / Себе же в грудь вонзят преступный меч измены, / А небо, услышав и пожалев меня, / Затопит этот Рим потоками огня» (*Корнель П.* Театр. М., 1984. Т. 1. С. 356—357).

¹¹ Ср. патетические заверения героев трагедии «Гораций»: «Гораций — римлянин...», «Я стала римлянкой...», «Хоть ты не римлянин, но будь достоин Рима», «Они достойны Рима», «Вы обе римлянки. (...) Ты стала римлянкой. Ты остаешься ей» (*Корнель П.* Указ. соч. С. 313, 328, 344, 345).

¹² *Томашевский Б. В.* Указ. соч. С. 50.

¹³ См.: *Лесский Г.* Пушкинский путь в русской литературе. М., 1993. С. 141—142.

¹⁴ Слова нумидийского царя Югурты (160—104 гг. до н. э.), сказанные им, когда он покидал Рим в 109 г. Вот как описывает этот эпизод Саллюстий в «Югуртинской войне»: «Выехав из Рима, он, как говорят, несколько раз молча оглянувшись, наконец, произнес: „Продажный город, обреченный на скорую гибель, — если только найдет себе покупателя”» (*Саллюстий Гай.* Сочинения. М., 1981. С. 61).

представленной в сатирических посланиях Буало и Кантемира, Милонова и Рылеева, наконец, в пушкинском памфлете «На выздоровление Лукулла (подражание латинскому)». Здесь у Пушкина римский колорит весьма прозрачен, он ограничивается условными поэтизмами, а у предшественников поэта местные черты присутствуют явно, иногда даже подчеркиваются намеренно. Поэтому вернее понимать римскую пушкинскую сатиру как один из первых опытов гения-протеза и ограничить соотнесение с Россией общим учительным смыслом истории.

Что касается конкретных исторических аллюзий, то, как известно, Пушкин в одних случаях их признавал, в других, напротив, опровергал их правомерность,¹⁵ и это очевидно показывает возможность противоположных подходов. По-видимому, в разных редакциях ранней римской сатиры реализованы они оба. Если 14-летний автор писал свое сочинение погружившись в древность, не думая об Александре и его министрах, то 25-летний поэт исключать подобные «применения» не мог: в письмах к друзьям он сам называет Александра Тиберием и Воронцова Сеяном (X, 74, 123). Видно, для Пушкина существовали некоторые аналогии между римской империей и русской монархией, так что осуждение первой бросает тень и на вторую. В редакции 1825 г. это осуждение усилено. Слова покидающего Рим философа-мизантропа «Я людства ненавижу» заменены либеральной формулой «Я рабство ненавижу», при этом имеется в виду, конечно, не рабство рабов, но раболепие свободных сословий. Таким образом, в пушкинской сатире «Лицинию» — в духе литературной традиции, ведущей свое начало от греческой риторики и римской оппозиционной литературы, — римская империя считалась символом деспотизма и рабства, в то время как идеализированная республика почиталась как воплощение свободы.

Противопоставление античных «свободных» демократий политическому единовластию, как римскому, так и русскому, находим в ряде последицейских стихотворений Пушкина. Их связь с именами его друзей, в том числе и не принадлежащих к заговорщикам 1825 г., показывает, насколько в пушкинском окружении был распространен свободолобивый дух, если даже мирному, добродушному, вялому Дельвигу присущи тираноборческие устремления. Об этом говорит пушкинская надпись к его портрету:

Се самый Дельвиг тот, что нам всегда твердил,
Что коль судьбой ему даны б Нерон и Тит,

---

¹⁵ Так, Пушкин возражает против намеков на конкретное лицо в заметке «О стихотворении „Демон“» (VII, 26 — 27) и опасается таких «применений» при напечатании трагедии «Борис Годунов». В «Письме к издателю „Московского вестника“» он разъясняет при этом различные подходы к историческим аллюзиям в истории литературы: «Хотите ли знать, что еще удерживает меня от напечатания моей трагедии? Те места, кои в ней могут подать повод применениям, намекам, allusions. Благодаря французам мы не понимаем, как драматический автор может совершенно отказаться от своего образа мыслей, дабы совершенно переселиться в век, им изображаемый. Француз пишет свою трагедию с Constitutionnel или с Quotidienne перед глазами, дабы шестистопными стихами заставить Цицилу, Тиберию, Леонида высказать его мнение о Виллеле или о Кеннинге. От сего затейливого способа на нынешней французской сцене слышно много красноречивых журнальных выходов, но трагедии истинной не существует. Заметьте, что в Корнеле вы применений не встречаете, что, кроме „Эсфири“ и „Вереники“, нет их и у Расина. Летопись французского театра видела в „Британике“ смелый намек на увеселение двора Людовика XIV.

Il ne dit, il ne fait que ce qu'on lui prescrit etc.

Но вероятно ли, чтоб тонкий, придворный Расин осмелился сделать столь ругательное применение Людовика к Нерону? Будучи истинным поэтом, Расин, написав сии прекрасные стихи, был исполнен Тацитом, духом Рима; он изображал ветхий Рим и двор тирана, не думая о версальских балетах, как Юм или Walpole (не помню кто) замечает о Шекспире в подобном же случае. Самая дерзость сего применения служит доказательством, что Расин о нем и не думал» (VII, 53 — 54).

То не в Нерона меч, но в Тита сей вонзил —
Нерон же без него правдиву смерть узрит.

(I, 370)

Тит был одним из лучших римских императоров, «любовь и утешение человеческого рода» — «amor et deliciae generis humani» (Suet. Div. Tit. I, 1).¹⁶ Если он осуждается на насильственную смерть наряду со злодеем Нероном, то это значит, что единовластие осуждается в принципе, независимо от качеств правителя и правления. То же осуждение единовластия уже применительно к русской монархии встречаем в надписи «К портрету Чаадаева».

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской;
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он — офицер гусарской.

(I, 371)

В духе воспринятых идей, с юношеским максимализмом престижная, необременительная служба в лейб-гвардейском гусарском полку называется «рабством», а «оковам службы царской» противопоставлена политическая деятельность в «свободных» античных демократиях, независимо от ее характера, созидательного (Перикл) или только разрушительного (Брут). Отметим также аберрацию любви, восхищение поэта своим старшим другом, одушевившее традиционные для жанра надписи похвальные гиперболы. Освободившись от «оков царской службы», Чаадаев стал «светский лев», «маленький аббатик», «басманный философ» презрения к России, ее истории и религии.¹⁷ Зрелый поэт его философию не принял и мягко, с комплиментарными оговорками, щадя самолюбие автора «Философических писем», указал на его неумение писать, незнание отечественной истории, католические пристрастия и общий субъективизм в оценках (X, 282, 464—465). Но Пушкин-юноша, не знавший еще, что оппозиция правительству означает порой враждебность отечеству, мечтает вместе с Чаадаевым о славе сокрушителей российской монархии:

И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

(I, 307)

И подобных искателей геростратовой славы в кругу молодых друзей Пушкина было немало.

Но были в его окружении и люди, понимавшие спасительность царской власти для России. И в первую очередь — Карамзин, полагавший, что российское государство может благополучно существовать только при ус-

¹⁶ В биографии Тита Светоний приводит известные слова императора, характеризующие его правление: «Когда однажды за обедом он вспомнил, что за целый день никому не сделал хорошо, то произнес свои знаменитые слова, памятные и достохвальные: „Друзья мои, я потерял день“» (Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1969. С. 207).

¹⁷ Прославленный за унижение православной России и превознесение католического Запада революционно-демократической критикой и советским литературоведением, Чаадаев, однако, получал и иные, нелицеприятные оценки как его, так и наших современников. Из первых напомним стихотворения Д. В. Давыдова «Современная песня» и Н. М. Языкова «К ненашим». Из вторых — укажем на статью 1957 г. Н. И. Ульянова «Басманный философ (мысли о Чаадаеве)», опубликованную В. А. Кошелевым и А. В. Черновым в журнале «Вопросы философии» (1990. № 8. С. 75—88).

ловии единовластия как абсолютная монархия. На фоне господствовавшего вольнодумства, которое не отрезвил и кровавый опыт французской революции, эти мысли воспринимались как парадоксы. Будучи лицеистом, Пушкин тоже оспаривал «любимые парадоксы» историка и сказал ему, выведя со школьной логикой: «Итак, вы рабство предпочитаете свободе». «Карамзин вспыхнул, — вспоминает поэт позднее, — и назвал меня своим клеветником» (VIII, 50). Такую реакцию можно понять, если Карамзин не отождествлял абсолютную монархию с рабством, а республиканское управление — со свободой; известно, что он с большим сомнением воспринимал разного рода демократические свободы, в том числе и свободу печати.

Пройдет время, и Пушкин оценит справедливость и пронизательность воззрений Карамзина. В 1830 г. в статье «Опыт отражения некоторых литературных обвинений» он, не называя историка по имени, но явно имея его в виду, сочувственно приведет его парадоксальное мнение о свободе печати: «Один из великих наших сограждан сказал однажды мне (он удостоивал меня своего внимания и часто оспаривал мои мнения), что если у нас была бы свобода книгопечатания, то он с женой и детьми уехал бы в Константинополь. Все имеет свою злую сторону — и неуважение к чести граждан и удобность клеветы суть одни из главнейших невыгод свободы тиснения» (VII, 139). А в 1836 г. Пушкин будет готовить к публикации в своем журнале пронизанное монархической идеей сочинение Н. М. Карамзина «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Часть его была напечатана после смерти поэта в 5-й книжке «Современника» за 1837 г.

Но до этого прозрения Пушкину еще предстоит пережить и большие надежды, и большие разочарования. Пик либеральных идей поэта приходится на период южной ссылки. Этому способствуют объективные события и обстоятельства: революционные и национально-освободительные движения в Европе и общение с масонами и заговорщиками в Кишиневе и Каменке. 4 мая 1821 г. Пушкин вступает в масонскую ложу «Овидий» (VIII, 16) и в обращении к ее основателю и главе П. С. Пуцину приветствует масонский путь к свободе «в дыму, в крови, сквозь тучи стрел» (II, 52). А в послании к декабристу В. Л. Давыдову поэт, переосмысливая христианскую символику, выражает надежду и готовность к причащению кровавой чашей революции:

Ужель надежды луч исчез?
Но нет! — мы счастьем насладимся,
Кровавой чаши причастимся —
И я скажу: Христос воскрес.

(II, 40)

Читая подобные революционные признания Пушкина, надо, однако, иметь в виду, что поэт часто говорит на языке своего адресата, разделяя его надежды, но вместе с тем имея и собственные мысли и сомнения. Иногда он выражает их в том же тексте. Так, процитированная выше концовка послания к политическому заговорщику В. Л. Давыдову, полная бодрой надежды, предваряется скептическими размышлениями автора о карбонариях, итальянской революции и о стремлении народов не столько к свободе, сколько к миру и спокойствию:

Но *те* в Неаполе шалят,
А *та* едва ли там воскреснет...

Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет.

(II, 40)

А скептическое отношение к масонским утопиям Пушкин выскажет после своего недолгого пребывания в ложе (с 7 июля по 9 декабря 1821 г.), обратившись позднее к характеристике прекраснотушных мечтаний Ленского. Соответствующие строфы второй главы были написаны в короткий срок с 22 октября по 3 ноября 1823 г. Приведем одну из них, в заключительных шести стихах которой имеется ироническое описание веры в масонских братьев:

Он верил, что душа родная
Соединиться с ним должна,
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждет она;
Он верил, что друзья готовы
За честь его принять оковы,
И что не дрогнет их рука
Разбить сосуд клеветника;
Что есть избранные судьбами,
Людей священные друзья;
Что их бессмертная семья
Неотразимыми лучами
Когда-нибудь нас озарит
И мир блаженством одарит.

(V, 34)

В эти же годы Пушкин пережил сильнейшее увлечение греческим освободительным движением. В 1821 г. греки восстали против турецкого ига. Их борьба за свободу пробудила всеобщее сочувствие в Европе и героический энтузиазм вольнолюбивых поэтических душ. Первый европейский поэт Байрон уехал в Грецию на помощь восставшим. Ссылный Пушкин этого сделать не мог, он надеялся на поддержку греческого дела Россией и тогда был бы рад остаться в Бессарабии (X, 21–23, 27), чтобы вместе с русской армией идти воевать за греков. В стихотворении «Война» (1821) поэт приветствует ее начало, торопит ход событий, мечтает о битвах, готовый и к героической гибели, и к безвестной смерти за свободу. Понимание этой свободы, как почти всегда у Пушкина, многозначно. Национальная независимость соединяется в его сознании с политической демократией и даже с природной вольностью. Поэт поклоняется гречанке с громким именем Эллеферия (*греч.* ελευθερία — свобода) и противопоставляет «холодной России» ее живую красоту (II, 86). В стихотворении «Гречанка верная! не плачь, — он пал героем!» поэт прославляет борца за национальную независимость, сравнивая его героическую гибель с подвигом основателя афинской демократии — тираноубийцы Аристогитона:

Но знамя черное Свободой восшумело.
Как Аристогитон, он миртом меч обвил,
Он в сечу ринулся — и падши совершил
Великое, святое дело.

(II, 61)

Но, следя за ходом борьбы, Пушкин не раз убеждался в том, что греческие гетеристы и их вожди, в первую очередь А. Ипсиланти, были не на высоте исторических задач. И поэт переменял свое первоначальное мнение о греческих борцах за свободу: «Иезуиты натолковали нам о Фемистокле и Перикле,

а мы вообразили, что пакостный народ, состоящий из разбойников и лавочников, есть законнорожденный их потомок и наследник их школьной славы» (X, 74). Жизненный опыт столкновения книжных идей с реальностью кончился острейшим разочарованием и привел к общей переоценке людей и идеалов, к кризису 1823 г. Поэтическое отражение он получил в ряде романтических стихотворений этого периода: «Демон», «Свободы сеятель пустынный», «Кто, волны, вас остановил», «Недвижный страж дремал на царственном пороге». А реальное психологическое объяснение этого кризиса с точки зрения общей, объективной — в одном из писем этого времени¹⁸ «касательно героев», как и всех иных: «Люди по большей части самолюбивы, беспонятны, легкомысленны, невежественны, упрямы. (...) Они редко терпят противуречие, никогда не прощают неуважения; они легко увлекаются пышными словами, охотно повторяют всякую новость; и, к ней привыкнув, уже не могут с нею расстаться» (X, 78).

Если иметь в виду политический контекст приведенных нравственных рассуждений, нельзя не признать в одном из «пышных слов», которыми увлекаются люди, соблазнительное и для современного мира «сладкое слово свобода» в том универсальном смысле, который был придан ему в лозунгах французской революции. В событийном опыте, в творческих размышлениях Пушкину открывается, что свобода — это мечта, не воплоти-мая в жизни. «Эта строфа ныне не имеет смысла, но она писана в начале 1821 года... это мой последний либеральный бред» (т. е. мечтания. — Т. М.), — скажет поэт А. И. Тургеневу в письме от 1 декабря 1823 г. (X, 61) о концовке своей оды «Наполеон».

И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.
(II, 60)

Вечный соблазн, обольщение человеческого рода — свобода — увы, не достижима в действительности. И в жизни народов, потому что прежде всего «народы тишины хотят» и потому что бунты, революции во имя свободы кончаются диктатурой: так Наполеон — «мятежной вольности наследник и убийца» (II, 159). И в жизни личности, где вольнолюбивые устремления сталкиваются с непреодолимыми препятствиями. Герой первой романтической поэмы Пушкина спешит на Кавказ «с веселым призраком свободы», но обретает кандалы и плен, освобождение из черкесского плена будет для героя возвращением к прежним связям и условиям. Алеко бежит из «неволи душных городов» в вольный мир цыган, но и здесь не может стать вполне свободным: его воля сталкивается с волей других людей. Приговор старого цыгана «Ты для себя лишь хочешь воли» разоблачает эгоизм Алеко и свободу как абсолютное понятие. Действительно, если признать волю других, то собственную придется существенно ограничить. А если не признать, не ограничить, то и возникают преступления и кровь, как в «Цыганах» и «Евгении Онегине». Наконец, свобода личности наталкивается и на такие прозаические препятствия, как деньги, «презренный металл», материю ничтожную, но необходимую. Когда романтически настроенный поэт избирает для себя из всего ценностного мира одну свободу, то он слышит трезвое возражение книгопродавца: «...в сей век железный/Без денег и свободы нет» (II, 178—179). Трагическую интерпретацию конфликта свободного творческого волеизъявления с проблемой

¹⁸ Отрывок чернового письма предположительно В. Л. Давыдову. Датируется по оценке греческого восстания периодом с июня 1823 г. по июль 1824 г.

денег находим в «Скупом рыцаре» в драматической ситуации Альбера и в монологе барона о власти денег и порабощении мира:¹⁹

И музы дань свою мне принесут,
И вольный гений мне поработится.
(V, 295)

Итогом размышлений Пушкина о свободе стал знаменательный диалог в «Путешествии из Москвы в Петербург»: «Что такое свобода? — Свобода есть возможность поступать по своей воле. — Следственно, свободы нет нигде, ибо везде есть или законы, или естественные препятствия» (VII, 443). Вместе с невозможностью абсолютной свободы обнаруживается и относительность, даже иллюзорность так называемых демократических свобод. Об этом говорит автору его собеседник, «человек лет 36», англичанин, знакомый с парламентской системой. Его образ, как предполагают, имеет реальный прототип в знакомом Пушкину адмирале К. Фрэнкленде (1797—1876), прибывшем в Россию в 1830 г., а в мае—июне 1831 г. проехавшем из Петербурга в Москву и обратно. Но даже если фигура английского путешественника вымышленна в соответствии с жанром умозрительных путешествий, то его мнения не придуманы, а имеют реальные западные источники и в устных свидетельствах очевидцев, и в ученых исследованиях политических мыслителей, известных поэту. Вот как, к примеру, Пушкин резюмирует содержание книги Токвиля «De la démocratie en Amérique» в своей статье о Джоне Теннере: «С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострашие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму... (...) Отношения Штатов к индийским племенам, древним владельцам земли, ныне заселенной европейскими выходцами... Явная несправедливость, ябеда и бесчеловечие американского Конгресса... чрез меч и огонь, или от рома и ябеды... Остатки древних обитателей Америки скоро совершенно истребятся...». «Такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами» (VII, 298).

С наибольшей ясностью Пушкин выразил понимание иллюзорности демократических свобод в стихотворении 1836 г. «Из Пиндемонти»:

Не дорого цену я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Всё это, видите ль, слова, слова, слова.*

¹⁹ Юмористическое освещение этой же коллизии встречаем во французском эпиграфе к «Египетским ночам»: «Quel est cet homme? — На c'est un bien grand talent, il fait de sa voix tout ce qu'il veut. — Il devrait bien, madame, s'en faire une culotte» — «Что это за человек? — О, это большой талант; из своего голоса он делает все, что захочет. — Ему бы следовало, сударыня, сделать из него себе штаны» (VI, 244).

* Hamlet. (Так Пушкин отметил цитату из шекспировского «Гамлета». — Т. М.).

Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не всё ли нам равно? Бог с ними.

Никому

Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.

— Вот счастье! вот права...

(III, 336)

Если для реальной и духовной свободы личности, свободы творческого созерцания и созидания и монархия, и республика равно стеснительны, то, очевидно, нет оснований рассматривать республику как идеал свободы и противопоставлять ей монархию как рабство и деспотизм. Пересматривая «просветительские» политические оценки, Пушкин переоценивает и традиционные репутации французских «защитников вольности и прав»: Руссо в «Евгении Онегине» назван «красноречивым сумасбродом» (V, 16), Вольтер в послании «К вельможе» охарактеризован как «циник поседельный, / Умов и моды вождь пронырливый и смелый» (III, 160). Наконец, Пушкин подвергает проверке и античные источники европейских просветителей и обнаруживает, что и там имеет место тенденциозное искажение фактов, принятие желаемого за действительное и ретроспективный политический идеализм, когда реальной империи противопоставляется прошлая республика как «золотой век».

Пушкин перечитывает Тацита и определяет автора не по его претензии быть объективным историком («sine ira et studio»), но как «великого сатирического писателя, впрочем, опасного декламатора и исполненного политических предрассудков» (VII, 431). Характерны в этом плане его меткие «Замечания на „Анналы“» и резко расходящаяся с римским историком оценка императора Тиберия в письме к Дельвигу: «...чем более читаю Тацита, тем более мирюсь с Тиберием. Он был один из величайших государственных умов древности» (X, 123). Показательно и стремление поэта «переписать» Тацитов рассказ о Петронии в романной форме и объективном ключе: рассказчик в повести «Цезарь путешествовал» — прекраснодушный, наивный юноша, поэт и философ, ничем не напоминающий сатирического историка. Переосмысляет Пушкин оппозиционную к единовластию римскую историографию и в трактовке главного ее героя, убийцы Цезаря — Брута. Переводя в 1835 г. оду Горация (Сарм. II, 7), он дает этому убежденному республиканцу такую характеристику: «...за призраком свободы / Нас Брут отчаянный водил» (III, 309). В латинском подлиннике она отсутствует и, следовательно, отражает оценку героя русским поэтом, а также его понимание свободы как призрака, тени, иллюзии, борьбы за свободу как «отчаянной», т. е. дерзкой, готовой на преступления и вместе с тем безнадежной. Заметим, что это понимание пронизательно и справедливо в целом, как и в данном конкретном случае. Пушкин точно угадал политический идеализм римских республиканцев. Римская республика отнюдь не была воплощением одной свободы. Политическая реальность была принципиально иной. По авторитетному свидетельству историка Полибия (200—120 гг. до н. э.), в ней, взаимно ограничивая друг друга, сочетались монархическая власть консула, аристократическое управление сената и

демократия народных комиций. Кроме этих ограничений, была еще власть римлян над союзниками и провинциями, свободных над рабами, патронов над клиентами, наконец, отца семейства над жизнью и смертью его членов. Что же в таком случае остается на долю республиканской свободы и кому достается эта доля? Приходится признать ее «призраком», «мифом». «Слова, слова, слова». За олигархию нобилитета — со всеми ее негативными сторонами от ограбления провинций (в чем справедливо обвиняли и Брута) до борьбы партий, ведущей к гражданской войне, — сражались римские аристократы, произвольно называя ее свободой.

В истории «отчаянная» борьба за политические химеры повторилась еще не раз. И Пушкин в свое время видел, как

Метались смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

(III, 342)

И наш XX век был свидетелем, как во имя недостижимых свободы и равенства были разрушены российская империя, а затем и советское государство. Многонациональная интеллигенция российского общества, как мы видим, более полутора столетий предавалась тем же политическим химерам, а Пушкин изжил их за полтора десятка лет своей короткой жизни.

В целом эволюцию его политических взглядов можно представить как разочарование в республике и примирение с монархией. Либеральные друзья поэта укоряли его за измену идеалам и товарищам юности. Пушкин возражал им в стихотворении «Друзьям» (1828) и был прав не только по отношению к прошлому и настоящему, но и к предстоящему ему короткому будущему. И действительно, несмотря на изменившееся мировоззрение («глупец один не изменяется»), измены старым идеалам и товарищам не было. Напротив, не принадлежа к заговору, Пушкин на первой высокой аудитории отважно заявил царю, что 14 декабря встал бы в ряды мятежников. Будучи поднадзорным, мужественно поддерживал заключенных, ссыльных и опальных товарищей и словом и делом, когда представлялась возможность: посылал стихи, книги, помогал в публикации произведений Кюхельбекера и Глинки, на поэму последнего «Карелия» написал благожелательную рецензию, рекомендуя ее читателям «Литературной газеты», не согласившись с прокатолическими концепциями Чаадаева, не стал критиковать их публично, но написал частное и дружеское письмо со многими щадящими самолюбие автора оговорками, но даже и его не отправил. Наконец, он, справедливо говорится в итоговом «Памятнике», как идеал «восславил... свободу/И милость к падшим призывал» (III, 340).

В монархизме зрелого Пушкина советское литературоведение усматривало иллюзорные надежды на Николая, а также тактику и эзопов язык, т. е. полагало, что умнейший человек в России обманывался сам и невольно обманывал читателя. Чтобы верно оценить позицию Пушкина, нужно отрешиться от стереотипов революционно-демократической критики, клеймившей Николая как палача декабристов. Если взглянуть на трагедию объективно — «взглядом Шекспира», как писал Пушкин Дельвигу в феврале 1826 г. (X, 155), то надо признать: со стороны декабристов — губительные для России, безумные и кровавые планы убийства царя и всей царской семьи, учреждения собственной диктатуры, расчленения государства, освобождения крестьян без земли и превращения их в безземельных пролетариев, печатания фальшивых ассигнаций, опасные действия, обман солдат и возмущение войск, агрессивный, кровавый мятеж на Сенатской площади, малодушие, предательство друзей и

знакомых во время следствия, а со стороны царя — решительность и личное бесстрашие во время бунта, ум и гибкость в проведении следствия, наконец, умеренное наказание мятежников. По европейским меркам (в Париже, к примеру, казни совершались публично, действовала гильотина) казнь 5 и ссылка 120 заговорщиков были законными и милосердными. Но русские люди, не имеющие в достаточной степени инстинкта самосохранения по христианскому чувству, по жертвенному духу православия склонны жалеть и (во вред себе) прощать преступников. И народ наш называл преступников «несчастненькими», и русские аристократические семьи стремились облегчить участь заговорщиков, а общественное мнение сочувствовало декабристам и прославляло жертвенный подвиг их жен (так, и позднее суды присяжных оправдывали террористов, и Вл. Соловьев в 1881 г. призывал простить царевубийц).

И Пушкин по русскому чувству жалел «несчастных» (X, 155), думал, что «правительство может пренебречь ожесточение некоторых обличенных» (X, 156) и надеялся «на милость царскую». Милость оказалась более осторожной, чем безоглядно щедрой и по отношению к декабристам, и по отношению к самому поэту. Впоследствии привыкший к независимости Пушкин не раз жаловался на тяготы дворцовой службы, на унижительный полицейский надзор, вплоть до перлюстрации его писем, на стеснительность цензуры. Но всегда он благодарно помнил, что царь вернул его из ссылки и спас от дела о «Гавриилиаде». «Без него я не жил бы», — так запомнили современники слова поэта. Пушкин ценил деятельность царя: «Россию вдруг он оживил/Войной, надеждами, трудами» (III, 47), его личную отвагу и великодушие при посещении холерной Москвы и усмирении холерных бунтов, признавал рыцарем, единственным gentlemen'ом и не винил его в грубостях полицейской опеки, относя многое за счет его окружения: «царь любит, да псарь не любит». Разумеется, личная привязанность Пушкина к Николаю не была тем слепым «набожным усердием к власти царя», которое он находил и прославил у наших предков (VII, 53). Поэт видел и его человеческие слабости, и огрехи управления (дело о воровстве Бринкена, указы, идущие вразрез с законами) и оставил трезвую характеристику Николая: «Il a beaucoup de pragochique et peu de Pierre le Grand». Она считается уничижительной, даже уничтожающей, несправедливо: «немного от Петра Великого» — дело немалое. Но, главное, в своем отношении к русскому государству Пушкин был выше и личных обид, и личных привязанностей: «Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человека с предрассудками — я оскорблен, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал» (X, 689).

В своих политических воззрениях Пушкин исходит из пользы государства как необходимого условия жизни нации и развития национальной культуры и — редкий, если не единственный случай, — совершенно свободен от личного, профессионального или сословного эгоизма. Так, вопреки собственному интересу писателя, он признает необходимость цензуры (VII, 206—207) и считает, вопреки собственному интересу дворянина, указ о вольности дворянства его позором (VIII, 90). Какой контраст в сравнении со своекорыстием циничных философов и политиков, как и революционеров всех мастей! Пушкин бескорыстен и проникателен, потому что взгляды на государственное устройство имеют объективную ценность, а политическая эволюция дает нужный нам пример политического взросления. Пушкин — государственный, почвенник. Тем важнее для нас, если, разумеется, мы

не хотим «переменить отечество», понять и, может быть, с учетом новых реалий даже принять его позицию.

Политическую позицию Пушкина близко знавший его Вяземский определял как либеральный консерватизм. Имея в виду государственный строй России, Пушкина следует назвать либеральным монархистом, сторонником единовластия в государстве и независимости личности в частной жизни. «Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности (*inviolabilité de la famille*) невозможно» (X, 379). Заметим, что Пушкин не ценит декоративных республиканских свобод, но придает значение одной только реальной свободе личности и — совокупности личностей — народа. С его точки зрения, монархия совместима и с той и с другой, в то время как демократия препятствует первой («большинство, нагло притесняющее общество; ... талант... принужденный к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой» — VII, 298), а аристократия — второй. Последнее было очевидно для поэта в явном различии положения государственных и крепостных крестьян. Поэтому Пушкин, не будучи сторонником показного демократического равенства, но, напротив, будучи даже защитником сословного принципа, понимая необходимость аристократии как военного сословия, значение ее как культурной силы, хранителя идеалов чести и благородства, наконец, посредника между властью и народом, тем не менее не сочувствовал попыткам аристократии расширить свои политические права, введя «кондиции» или конституцию.

Так, в «Заметках по русской истории XVIII в.» Пушкин писал: «Аристократия после его (Петра I. — Т. М.) неоднократно замышляла ограничить самодержавие; к счастью, хитрость государей торжествовала над честолюбием вельмож, и образ правления остался неприкосновенным. Это спасло нас от чудовищного феодализма, и существование народа не отделилось вечною чертою от существования дворян. Если бы гордые замыслы Долгоруких и проч. совершились; то владельцы душ, сильные своими правами, всеми силами затруднили б или даже вовсе уничтожили способы освобождения людей крепостного состояния, ограничили б число дворян и заградили б для прочих сословий путь к достижению должностей и почестей государственных. Одно только страшное потрясение могло бы уничтожить в России закоренелое рабство; нынче же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян, желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла, и твердое, мирное единодушие может скоро поставить нас наряду с просвещенными народами Европы» (VIII, 90). Очевидно, что мирное освобождение могло исходить только от монарха. И Пушкин еще в 1819 г. предсказывал народную свободу — «рабство, падшее по манию царя» (I, 319), что затем и свершилось. Ранее аристократия, в том числе и либеральная и революционная, включая и декабристов, не спешила освобождать собственных крестьян. Пушкин и здесь оказался прав, противопоставляя «чудовищный феодализм» монархии как источнику народной свободы. Подобное противопоставление «народной монархии» «дворянину с розгой», а вместе с ними и аристократической или демократической республике находим только у выдающегося социального и политического мыслителя XX в. И. Солоневича, между тем как политическим стереотипам и нашего, и пушкинского времени взгляды Пушкина решительно противоречат.

Начиная с французского Просвещения в XIX и XX вв. принято противопоставлять монархию — сословное государство и свободу и равенство. Пушкин же считает, что равенство в демократии мнимое, что на месте аристократии крови появляется аристократия «денег» или «пишущих талантов», но уже без наследственного культа чести и благородства, что порабощение труда

дополняется здесь порабощением умов, а может и соседствовать с натуральным рабством, как в Америке или при древних демократиях. Поэтому Пушкин отвергает господствующую схему и, как верно пишет С. Франк, заменяет ее совсем иной группировкой признаков. «Монархия — сословное государство — свобода — консерватизм» выступают у него как единство, стоящее в резкой противоположности к комплексу «демократия — радикализм («якобинство») — цезаристский деспотизм». Исследователь отмечает оригинальность, «поразительную пронцициальность и независимость суждения» поэта: «Он усматривает, — вопреки всем партийным шаблонам и ходячим политическим воззрениям, — сродство демократического радикализма с цезаристским абсолютизмом».²⁰ Заметим, однако, что подобное открытие уже было сделано политической мыслью древности, а именно, что демократия чревата тиранией; сравнительная характеристика демократии, олигархии и монархии с показом преимуществ монархии дается, к примеру, в «Истории» Геродота. Были ли известны Пушкину эти политические концепции древности прямо, в цитатах, в пересказе, в изложениях, в подражаниях — вопрос этот подлежит особому исследованию.

Монархические взгляды Пушкина укреплялись его уважением к традиции, к прошлому. «Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим», — писал Пушкин (VII, 136), проницательно угадывая причины «прогрессивного» осуждения истории России в свое и в наше время. В истории России самодержавие было давно сложившейся формой власти, соответствующей и духу народа, и масштабам государства. Ибо большим государствам, как считали даже философы Просвещения, борцы с абсолютизмом Монтескье и Руссо, пригодно монархическая форма управления, а малые и средние могут управляться демократией и олигархией. Показательно, что революционеры-демократы, борцы с русским самодержавием у нас и на Западе всегда стремились и к расчленению государства, понимая, что Россия в своем полном объеме может существовать при условии единовластия, а многовластие в республиканских или олигархических ее частях разом уничтожает великое целое.

Таким образом, и европейская политическая наука, и русская история побуждали Пушкина трактовать монархию как форму правления: во-первых, национальную и, во-вторых, равноценную демократии или аристократии. Понять ее преимущества помогла поэту переоценка республиканской свободы и вместе с ней другого лозунга французской революции — *равенства*. Исходный смысл французского *égalité* определяло основное для античных демократий понятие равенства перед законом — *aequitas*, *ισονομία*. Отсюда поклонение просветителей Закону и противопоставление республики с ее равенством перед законом, а также конституционной монархии с подчинением монарха конституции, — монархии абсолютной, в которой власть монарха ничем не ограничена. Эти представления были близки юному Пушкину, они отразились в его спорах с Карамзиным и в оде «Вольность».

В оде поэт прославляет Закон как основу народного благополучия.

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье;
Где всем простерт их твердый щит,

---

²⁰ Франк С. Л. Пушкин как политический мыслитель // Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 420.

Где сжатый верными руками
Граждан над равными главами
Их меч без выбора скользит
И преступленье свысока
Сражает праведным размахом;
Где не подкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом.
Владыки! вам венец и трон
Дает Закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.

(I, 283—284)

Далее поэт избочливает преступления против Закона как со стороны царей, так и со стороны цареубийц (главные примеры здесь — «мученик ошибок славных» Людовик XVI и его казнь, убийство «увенчанного злодея» Павла I), предупреждает народы и призывает царей признать власть Закона:

И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!

.....

И днесь учитесь, о цари:
Ни наказания, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды.
Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

(I, 284, 287)

Пушкин пишет «Закон» с заглавной буквы и называет его вечным, но из текста ясно, что это риторическая эмфаза, гипербола, что имеется в виду не вечный Божественный закон, не неписанные нравственные законы, а законы человеческие, гражданские, их письменное уложение, свод. Мало того, юный поэт даже как будто противопоставляет писанные человеческие законы неcodифицированным, нравственным, христианским законам. В этом суть спора юного поэта с Карамзиным. Историк считал, что самодержавие, не ограниченное человеческими законами, подчинено законам нравственным. «Самодержавие не есть отсутствие законов: ибо где обязанность, там и закон; никто же и никогда не сомневался в обязанности монархов блюсти счастье народное», — писал Карамзин в 4-й главе VII тома «Истории государства Российского», характеризуя правовые и общественные установления эпохи объединения русских земель. Сохранилась черновая пушкинская заметка, где поэт возражает историку: «Где обязанность, там и закон. Г-н Карамзин неправ. Закон ограждается страхом наказания. Законы нравственные, коих исполнение оставляется на произвол каждого, а нарушение не почитается гражданским преступлением, не суть законы гражданские» (VII, 363). Здесь, как мы видим, Пушкин противопоставляет гражданский закон нравственным обязанностям, отказывая последним в статусе закона, хотя и неписаного, и явно предпочитает первый. Впоследствии он будет решать этот вопрос иначе. Уважение к закону сохранится и впредь, но понимание его как единственного основания гражданского общества, гарантии мира и согласия сословий — односторонняя

мысль скорее теоретика, чем поэта, — уйдет, и одновременно будет возрастать в сознании поэта значение нравственных религиозных императивов. Поэтому неверно, как это обычно делается, представлять Пушкина конституционным монархистом на протяжении всей его сознательной жизни. Этот период должно ограничить временем интенсивного общения поэта с его «конституционными, демократическими друзьями» в Петербурге и в Кишиневе. Потом Пушкин больше, чем конституции, будет доверять «благоволию в человеках» и милости монарха.

Что было причиной произошедшего изменения взглядов? По-видимому, причин было много, в совокупности они и сыграли свою роль. Попробуем на отдельных примерах обозначить основные. В первую очередь здесь следует назвать предметное мышление автора, жизненный опыт, не обязательно собственный, убеждающий в несправедности или жестокости законов:

Закон несправедный, ужасный
К страданью принуждает нас.
(I, 76)

Мы дики, нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казим,
Не нужно крови нам и стонов...
(IV, 168)

Сыграло свою роль и изучение поэтом истории, обнаружившей неравноценность законов, а в отдельных случаях — их субъективность, случайность и неоправданную суровость. Так, Пушкин отличал законы Петра Великого, продиктованные государственной мудростью, от временных его указов, как будто «писанных кнутом».

Имели значение и литературные впечатления — трактовка этих проблем великими поэтами древности и нового времени. Три имени следует назвать здесь прежде всего. Это — Софокл с его трагедией «Антигона», где сталкиваются писаные гражданские законы и неписаные, нравственные, религиозные. Вопреки гражданскому закону, воспевающему хоронить государственных преступников, героиня погребает своего брата по религиозному обряду. За этот подвиг-преступление царь казнит ее. Но и боги, и люди — на стороне Антигоны, почитавшей милосердный Божественный закон выше жестокого человеческого. Царь Креонт осужден мнением народным и наказан гибелью самых близких ему людей, сына и жены. Другой поэт — Гете, показавший в трагедии «Фауст» свою героиню Маргариту осужденной людским судом, но оправданной высшим судом Господним: ее душа спасена для вечной жизни. Наконец, третий, а по значению для Пушкина, вероятно, первый поэт — Шекспир, противопоставивший христианское милосердие ветхозаветной кровавой мести в «Венецианском купце» и жестокости закона в драме «Мера за меру». Последнюю Пушкин перелагает в драматической поэме «Анджело», сократив источник более чем в половину. Он исключил все развлекательные, комические театральные сцены и эпизод наказания Луцио по принципу «меры за меру» и тем усилил тему христианского милосердия, сделав ее единственной и закрепив в концовке: «„Помилуй, государь... (...) Прости же ты его!“ и Дук его простил» (IV, 272).

Не могло пройти мимо внимания поэта и, возможно, сыграло определяющую роль и предпочтение милосердия, милости закону в христианской литературе. Еще апостол Павел в Послании к Римлянам противопоставил ветхозаветный «закон» новозаветной «благодати»: «ибо вы не под законом, но под благодатию» — «οὐ γάρ ἐστε ὑπὸ νόμου ἀλλὰ ὑπὸ χάριτι» (VI, 13).

Этому противопоставлению посвятил свое «Слово о законе и благодати» киевский митрополит Иларион. Речь шла о противоположности духа иудаизма — религии, основанной на подчинении Божественным установлениям, обрядам, и духа христианства, взывающего любви к Богу и Божьей милости. Обозначение религиозных установок социально-нравственными понятиями (νόμος — закон и χάρις — дар, милость, милосердие, расположение) укоренило в христианской культуре оппозицию закона и милости и за пределами чисто религиозной сферы. Потому православное сознание и в области духа предпочитает Благодать Закону (Новый Завет — Ветхому) и в мирской жизни ставит милость, милосердие выше закона. Это мы и видим у православного поэта Пушкина, возвысившего милость над законом более определенно, чем западные поэты, в той или иной мере затронутые влиянием Реформации, изменившей первоначальные акценты в Священном Писании и выдвинувшей на первое место не Евангелие, а Ветхий Завет с его пафосом «закона» и кровавой мести. У Пушкина православная, евангельская трактовка христианства в духе милости и прощения хорошо видна в поэме «Тазит», где принявший христианство черкез щадит кровного врага и потому изгнан отцом-мусульманином; если бы герой-христианин действовал по ветхозаветной морали — закону Моисея «око за око, зуб за зуб», не было бы никакого конфликта.

Наконец, в определении отношения Пушкина к закону и милости первостепенное значение имел, по-видимому, и воспитанный православием национальный характер, проявляющийся в известной русской мягкости («славянский кисель»), бабьей жалости, способности забыть обиду, простить врага, не мстят ему, пожалеть преступника, «несчастненького». Он сказался и в русской речи, формулах обращения, ответа, приглашения, прощания как прощания: «милостивый государь», «милости просим», «прости», «прощай», «простите, если что не так» и т. п.; в русских былинах и сказках с их стремлением смягчить наказание, а то и вовсе простить противника героя; в русских пословицах и поговорках о законе и милости: законы святые, да судьи супостаты. Законы — миротворцы, да законники — крючкотворцы. Где закон, там и обида. *Где закон, там и преступление. Если бы не закон, не было бы преступника. Не будь закона, не стало бы и греха. Не зная закона, не знает и греха.*²¹ Строгий закон виноватых творит. Закон что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет. Закон — дышло: куда захочет, туда и воротит. Хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили. Кто законы пишет, тот их и ломает. Нужда закона не знает, а через шагает. Милость — подпора правосудию. Милость и на суде хвалится. Красна милость и в правде. На милость образца нет. Не худо, что просвира с полпуда. Гнев — человеческое, а злопамятство — дьявольское. Зла за зло не воздавай.²² Где гнев, там и милость. У часу гнев, у часу милость. Кто старое помянет, тому и глаз вон. Старого не поминать. Не поминай лихом. Тому тяжело, кто помнит зло. Мста (месть) не мзда. Милость над грехом, что вода над огнем. Бог милостив. Страшен сон, да милостив Бог. У Бога милости много. Не вели казнить, вели слово вымолвить. Казнить так казнить, миловать, так и миловать. На немилостивых ад стоит.²³

Милость, доброту, благость Н. Я. Данилевский называет высшими нравственными ценностями для русского народного характера, в то время как для

²¹ Выделенные пословицы восходят к Посланию к Римлянам апостола Павла (V, 13, 20).

²² Восходит к Нагорной проповеди (Евангелие от Матфея, V, 39).

²³ См.: Пословицы русского народа: В 3-х тт. / Сост. В. Даль. М., 1993. Т. 1. С. 54—55, 238—241, 473—474.

романо-германского типа высшей добродетелью будет справедливость. Различие психологического склада и главных нравственных установок этнолог объясняет особенностями религии и истории народов. Разумеется, связь эта двусторонняя, и, в свою очередь, истолкование христианства и ход истории зависят от народного характера. Автор обращает внимание на веротерпимость православия, на негативное отношение русского правительства — в течение многих веков — к смертной казни, на столь отличные от испанских конкистадоров и английских переселенцев в Америке русские мирные завоевания, собственно расселение на новых обширных территориях, в результате чего «слабые, полудикие и совершенно дикие инородцы не только не были уничтожены, стертые с лица земли, но даже не были лишены своей свободы и собственности, не были обращены победителями в крепостное состояние»; на «чуждые всякой насильственности отношения как русского народа, так и самого правительства к подвластным России народам, чуждые до такой степени, что нередко обращаются в несправедливость к самому коренному русскому народу; на покровительство правительства и помощь интеллигенции различным проявлениям культуры разных народов, так что, к примеру, национальная финская литература начала развиваться только под протекторатом России к негодованию шведов» (автор рассказывает, как серьезно его уверял один швед, что русское правительство, из вражды к Швеции, искусственно вызвало финскую национальность и сочинило с этой именно целью эпическую поэму «Калевала»); наконец, на бескорыстие «внешней политики России, также нередко к ущербу России».²⁴ В доказательство своих положений автор приводит много исторических примеров и предполагает, что для прояснения русского национального характера большой материал могли бы дать русское искусство, народное творчество и авторская литература, от анализа которых он по ряду причин был вынужден отказаться. В малой части эту лауну может восполнить приведенный выше наш обзор народных пословиц, а также следующее далее рассмотрение творчества Пушкина как выявления определяющих черт русского национального характера и национальной словесности. Из приводимых Данилевским исторических фактов видно, какую великую лож заключало в себе большевистское определение России как «тюрьмы народов». Эти слова характеризовали не царскую Россию — питательницу народов, а намерения и действия самих революционеров-интернационалистов, превративших Россию в «архипелаг Гулаг»; так вор кричит: «Держи вора». Тем не менее старая лож повторяется и поныне, по людскому легковерию или корысти, предугаданным в латинской пословице Ф. Бэкона «Клеветчи смело, что-нибудь да останется» — «Audacter calumniare, semper aliquid haeret».

Можно не сомневаться в том, что от русской истории и словесности, от национального характера, русского образа мыслей и чувств идут и проникающий всю пушкинскую поэзию — от раннего «Романса» до итогового «Паятника» — дух милости и прощения, и примиряющие финалы его «Сказок» и «Повестей Белкина». Приведем отдельные примеры в хронологическом порядке, не предполагая их исчерпать и опуская всякий комментарий.

«Руслан и Людмила» (1820) заканчивается прощением смертельных врагов героя:

Фарлаф пред ним и пред Людмилой
У ног Руслана объявил
Свой стыд и мрачное злодейство;
Счастливый князь ему простил;

---

²⁴ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 28, 189, 190, 199.

Лишенный силы чародейства,
Был принят карла во дворец...
(IV, 78—79)

В «Бахчисарайском фонтане» (1823) поэт сожалеет о гибели преступницы Заремы:

Давно грузинки нет; она
Гарема стражами немymi
В пучину вод опущена.
В ту ночь, как умерла княжна,
Свершилось и ее страданье.
Какая б ни была вина,
Ужасно было наказанье!
(IV, 143)

В «Цыганах» старик-отец вопреки родовому обычаю не мстит убийце дочери и в противовес жестокому государственному закону наказывает его только изгнанием. В такой трактовке образа, думается, сказался прежде всего гуманизм автора поэмы.

В лирическом стихотворении «Коварность» (1824) поэт наказывает предавшего его друга тоже — одним отлучением от дружбы:

Тогда ступай, не трать пустых речей —
Ты осужден последним приговором.
(II, 182)

Для контраста вспомним, какими страшными проклятиями осыпает за измену своего бывшего товарища неистовый Архилох, призывая на него все несчастья: кораблекрушение, плен, рабство.²⁵ И греческий поэт VII в. до н. э. — не исключение, а, скорее, правило для ранней и не только ранней литературы, использующей магию слова для уничтожения противников.²⁶ Как христианин Пушкин помнит, что «сердиться грех» (II, 248) и позволяет себе для «отражения некоторых нелитературных обвинений» своих литературных врагов только насмешливую эпигramму.

Очень живо звучит тема прощения и благодарной памяти в стихотворении «19 октября» (1825). Она слышна и в характеристике Ивана Малиновского:

Ты, наш казак, и пылкий, и незлобный
(II, 350)

и в благодарности учителям:

Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.
(II, 247)

и в примиряющей здравнице царю Александру:

Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.

²⁵ Фрагмент 26 по изданию: *Anthologia lyrica graeca* / Ed. E. Diehl. Lipsiae, 1949. Fasc. 3. Та же злоба и оскорбления в инвективах Архилоха против бывшей невесты Необулы, ее сестры и отца Ликамба (фрагм. 38—47). По преданию эти жертвы его ядовитых ямбов покончили с собой. Русские переводы см.: Эллинские поэты в переводах В. В. Вересаева. М., 1963. С. 210, 213—214.

²⁶ См.: *Elliott R. C. The Power of Satire: Magic, Ritual, Art.* Princeton, 1960.

Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.
(II, 247)

В стихотворении «Стансы» (1826) поэт призывает царя Николая следовать великому Петру во всем — и в великодушной способности простить причиненное ему зло:

Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.
(II, 307)

Среди достоинств и прерогатив царя милость называется поэтом наряду с любовью к народу, человечностью, уважением к просвещению и показательно выдвинута на первый план. В полемическом стихотворении «Друзьям» (1828) картина должного дается через отрицание:

Я льстец! Нет, братья, льстец лукав:
Он горе на царя накличет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.

Он скажет: презирай народ,
Глуши природы голос нежный.
Он скажет: просвещения плод —
Разврат и некий дух мятежный.

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.
(III, 47—48)

Царскую милость, примирение с побежденным врагом прославляет Пушкин в поэме «Полтава» (1828). Один из завершающих ее эпизодов — победный пир Петра Великого:

Пирует Петр. И горд, и ясен,
И славы полон взор его.
И царский пир его прекрасен.
При кликах войска своего,
В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок подымает.
(IV, 216)

Впечатляющую картину разных обычаев и противоположной морали — христианской жалости и кровавой мести «око за око» — сторицей дает Пушкин в поэме «Тазит» (1829). Приведем показательный диалог отца-мусульманина и сына-христианина.

Отец
Кого ты видел?
Сын
Супостата.

Отец
Кого? кого?
Сын
Убийцу брата.

Отец
Убийцу сына моего!..
Приди!.. где голова его?
Тазит!.. Мне череп этот нужен.
Дай нагляжусь!

Сын
Убийца был
Один, изранен, безоружен...

Отец
Ты долга крови не забыл!..
Врага ты навзничь опрокинул,
Не правда ли? ты шашку вынул,
Ты в горло сталь ему воткнул
И трижды тихо повернул,
Упился ты его стенаьем,
Его змеиным издыханьем...
Где ж голова? подай... нет сил...

Но сын молчит, потупя очи.
И стал Гасуб чернее ночи
И сыну грозно возопил:

«Поди ты прочь — ты мне не сын,
Ты не чеченец — ты старуха,
Ты грус, ты раб, ты армянин.
Будь проклят мной! поди — чтоб слуха
Никто о робком не имел,
Чтоб вечно ждал ты грозной встречи.
Чтоб мертвый брат тебе на плечи
Окровавленной кошкой сел
И к бездне гнал тебя нещадно,
Чтоб ты, как раненый олень,
Бежал, тоскуя безотрадно,
Чтоб дети русских деревень
Тебя веревкою поймали
И, как волчонка, затерзали —
Чтоб ты... Беги... беги скорей!
Не оскверняй моих очей!»

(IV, 230—231)

Христианские святые подвиги милосердия поставлены выше славных подвигов войны в стихотворении «Герой» (1830). Оно напоминает о человечном поступке Наполеона — посещении чумного госпиталя в Яффе,²⁷ а в подтексте, умолчании, оборванной концовке, одной подписанной

---

²⁷ Подобное событие в жизни Наполеона оспаривалось мемуаристами. Пушкин знал об этом из сочинения: *Mémoires de M. de Bourienne, ministre d'Etat sur Napoleon, le Directoire, le Consulat, l'Empire et la Restauration / Composés par M. de Villemarest. Paris, 1829—1830. Vol. 1—10.* Здесь говорилось, что Наполеон не прикасался к больным чумою. Завистливое замечание мнимого мемуариста вызвало возражение поэта в знаменитых строках: «Тьмы низких истин мне дороже / Нас возвышающий обман» (III, 189).

датой «29 сентября 1830 Москва» — о дне приезда императора Николая в город, зараженный холерой.

..... Небесами
Клянусь: кто жизнь свою своей
Играл пред сумрачным недугом,
Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет небу другом,
Каков бы ни был приговор
Земли слепой.

(III, 188)

Может быть, кому-нибудь такой поступок русского царя покажется естественным, но не героическим. В таком случае стоит вспомнить, что ни один из большевистских, советских или демократических руководителей России не совершил ничего подобного. Вот наглядное различие между символом нации — монархом, сознающим свое родство с народом, и дорвавшимися до власти временщиками в «этой стране». Любопытно, что пушкинское стихотворение содержит и характеристику такого правителя без любви к своему народу и без милосердия:

Оставь герою сердце... что же
Он будет без него? Тиран...

(III, 189)

Мысль о милосердии присутствует даже в обращении Пушкина к врагам и клеветникам России. В стихотворении «Бородинская годовщина» (1831) речь идет о подавлении польского мятежа, целью которого было восстановление Великой Польши за счет отторжения от России Белоруссии и Украины, включая Киев. Несмотря на агрессивность этих планов, поддержанных врагами России в Европе, несмотря на участие поляков в нашествии на Русь наполеоновских войск, несмотря на память о польской интервенции в 1612 г., Пушкин пишет:

В боренье падший невредим:
Врагов мы в прахе не топтали;
Мы не напомним ныне им
Того, что старые скрижали
Хранят в преданиях немых;
Мы не сожжем Варшавы их;
Они народной Немезиды
Не узрят гневного лица
И не услышат песнь обиды
От лиры русского певца.

(III, 212)

К 1833 г. относится поэма «Анджело» с ее главной проблемой: противопоставление жестокому закону христианского милосердия.

В стихотворении 1835 г. «Пир Петра Первого» поэт спрашивает о причинах торжества, перечисляя великие события истории отечества и жизни царского дома, и дает удивительный ответ: оказывается, царь

...с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;

И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

Оттого-то шум и клики
В Питербурге-городке,
И пальба и гром музыки
И эскадра на реке;
Оттого-то в час веселый
Чаша царская полна
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

(III, 319)

Милость, прощение — одна из определяющих идей повести «Капитанская дочка» (1836). Звучит в ней и русская поговорка «Казнить так казнить, жаловать так жаловать» (VI, 342). В заключительном эпизоде Маша Миронова обращается к императрице Екатерине со словами: «Я приехала просить милости, а не правосудия» (VI, 357). И милость была оказана: «Государыня подозвала ее и сказала с улыбкою: „Я рада, что могла сдержать вам свое слово и исполнить вашу просьбу. Дело ваше кончено. Я убеждена в невинности вашего жениха. Вот письмо, которое сами потрудитесь отвезти к будущему свекру“. Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакав, упала к ногам императрицы, которая подняла ее и поцеловала. Государыня разговорилась с нею. „Знаю, что вы не богаты, — сказала она; — но я в долгу перед дочерью капитана Миронова. Не беспокойтесь о будущем. Я беру на себя устроить ваше состояние“. Обласкав бедную сироту, государыня ее отпустила» (VI, 359).

Наконец, Пушкин, подводя итог своему творчеству, пишет о добрых чувствах, свободе и милосердии в «Памятнике».

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

(III, 340)

Из приведенных примеров очевидно, что тема христианского милосердия имела для Пушкина и явный политический аспект: во многих текстах речь идет прежде всего о милости самодержавного монарха. До конца проясняется вопрос о трактовке Пушкиным милости и закона в связи с самодержавием в словах поэта, переданных Гоголем: «Зачем нужно, — говорил он, — чтобы один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон — дерево; в законе слышит человек что-то жесткое и небратское. С одним буквальным исполнением закона не далеко уйдешь; нарушить же или не исполнить его никто из нас не должен; для этого-то и нужна высшая милость, смягчающая закон, которая может явиться людям в одной полномочной власти».²⁸

Право смягчать закон, милость к человеку — не единственное преимущество самодержавия. Еще важнее — монархия для жизни народа в целом. Царь — символ, олицетворенное воплощение нации, полномочный и ответственный представитель общенациональных интересов, оплот государственности, основы развития национальной культуры, гарант престижа России среди других народов и государств. Пушкин был монархистом, потому что

²⁸ Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями // Собр. соч.: В 9-ти тт. М., 1994. Т. 4. С. 40.

был государственным, почвенником, патриотом, потому что был национальным поэтом. Его преданность национальным русским интересам сказалась и в прославлении побед русского оружия и в лирике, и в имперских концовках его ранних поэм, в героическом эпосе «Полтавы», и в патристических одах 1831 г. И здесь же выразилось сознание Пушкиным нераздельности царя и отечества, царя и народа. Оно и в молитвенном обращении к почившему русскому полководцу, победителю Наполеона:

Внемли ж и днесь наш верный глас,
Встань и спасай царя и нас...

(III, 208)

И в противопоставлении врагам, клеветникам России полномочного слова русского царя и совокупной воли народа:

Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..

(III, 210)

При единстве царя и отечества оппозиция царю, как понимал Пушкин, легко переходит в предательство национальных интересов. И он осуждал «озлобленных людей, не любящих России» и «стоящих в оппозиции не к правительству, а к России».²⁹ Тут поэт заметил слабое место российской интеллектуальной элиты, которая — из фрондерства, европейского просвещения, сентиментального космополитизма, республиканских или католических симпатий, может быть, даже из односторонне и слишком буквально понятого евангельского постулата о любви к врагам — начинает ненавидеть собственный народ и свое отечество. То, что здесь не останавливаются на полпути, показывает обращение Пушкина к российскому полонифилу во время польского бунта. Стихотворение дошло до нас в черновом, недоработанном виде, но мысль поэта вполне ясна:

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды чистый свет увидел,
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.

Когда безмолвная Варшава поднялась,
И Польша буйством опьянела,
И смертная борьба . . . . . началась,
При клике «Польска не згинела!» —

Когда же Дибич . . . . .
Пестро парижский пустомеля
Ревел на кафедре . . . . .
Ты пил здоровье Лелевеля.

Ты руки потирал от наших неудач,
С лукавым смехом слушал вести,

²⁹ Так слова Пушкина записаны в дневнике Н. А. Муханова. См.: Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х тт. М., 1985. Т. 2. С. 181—183.

Когда . . . . . бежали вскачь
И гибло знамя нашей чести.
. . . . . Варшавы бунт . . . . .
. . . . . в дыме.
Поникнул ты главой и горько возрыдал
Как жид о Иерусалиме.

(III, 357)

Пушкин пронизательно угадывает опасность принятия европейской точки зрения (в данном случае — точки зрения парижских ораторов), ибо Европа, как писал он, враждебна российскому государству: «Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна» (VII, 210). Не приемлет поэт в международных отношениях и христианской жертвенности, ибо никто не вправе приносить в жертву целый народ. Для Пушкина бесспорны как долг национального поэта противопоставить врагам и клеветникам России национальную точку зрения, так и право народа, государства на самозащиту, в том числе и вооруженную. Как писал впоследствии Н. Я. Данилевский, в международных отношениях должно действовать правило справедливого воздаяния, иначе даже большой народ будет стерт с лица земли или превращен в питательную среду для жизни других народов.³⁰

Насколько прав был Данилевский, показывает судьба русского народа (столь цветущего в XIX в.) в XX в. В результате целенаправленного геноцида, систематической и постоянной дискриминации (ибо одни только привилегии малым народам есть уже ущемление в правах большой нации) в большевистском, советском и демократическом государстве русский народ, возрадивший с жертвенной помощью культуру и профессиональную интеллигенцию малых народов, ныне обнаруживает существенное понижение своего социального и культурного уровня, нарушение демографической структуры и тенденцию к вымиранию при, надо и здесь сказать правду, явной неблагодарности, злорадстве и агрессии других народов (исключения редки и не меняют общего положения). Пушкин, конечно, не мог ожидать этой русской трагедии в столь скором времени и в таких масштабах. Но он пронизательно угадал две опасности для России: первую — во враждебности Запада, вторую — в антинациональных настроениях российской элиты.

Насколько точно определил поэт вину и болезнь российской интеллигенции, ее ущербность в отношении чувства государственности, патриотизма и национальности, можно увидеть и на отдельных примерах, и на массовых явлениях. Из отдельных примеров прошлого века вспомним В. С. Печерина, принявшего католичество во Франции и пылавшего негасимой ненавистью к России («Как сладостно отчизну ненавидеть/И жадно ждать ее уничтоженья»), а в нынешнем веке — представителя третьей волны эмиграции, нобелевского лауреата И. Бродского, мечтающего об окончательном разрушении России, ее смерти «в березовом гробу». Из массовых явлений укажем на антирусские настроения в Европе XIX в., поддерживаемые русскими либералами,³¹ о чем писали Пушкин в 1830-е гг., Тютчев —

³⁰ См.: Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 33—34, 124—125.

³¹ Известный на Западе историк, романист, публицист и литературный критик, представитель второго поколения русской эмиграции Н. И. Ульянов, размышляя о европейских истоках национального нигилизма у «басманного философа» Чаадаева, пишет: «На начало 30-х гг. XIX века падает небывалый взрыв русофобии в Европе, растуший с тех пор крещендо до самой эпохи франко-русского союза». В объяснение этих настроений писатель приводит слова Герцена: «Они нас ненавидят от страха» (Вопросы философии. 1990. № 8. С. 85). Кроме этого, была и

в 1850—1860-е,³² а в 1870-е гг. Данилевский³³ и Достоевский,³⁴ на про- японскую кампанию в русской печати накануне и во время русско-японской войны,³⁵ наконец, на русофобию, захлестнувшую современные российские средства массовой информации, провоцирующие и поддерживающие дискриминацию русского населения в отторгнутых окраинах и в центре России.

Как видно из многих примеров, ненависть к русскому монарху и правительству и у нас, и за рубежом не означает отрицания какой-либо формы государства, но питается ненавистью и выражает презрение к этой стране и к этому народу. Высказывались мнения о русских как о народе невежественном, глупом, ленивом, с рабской душой, предпринимались в нашем веке и эксперименты по просвещению, перевоспитанию его всеми средствами, как писал Бухарин — «от расстрела до принудительного труда». Думается, что для читателей, любящих Россию и Пушкина, важно ясно

другая причина: алчность, жажда грабежа. О ней случайно проговаривается Кюстин в своей пропитанной ядом ненависти книге «Россия в 1839 году». А именно, описывая богатства храмов Троице-Сергиева монастыря, маркиз замечает: «Французам досталась бы здесь хорошая добыча» (Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991. С. 608). Но и подобные откровенности не остановили российских поклонников Запада. С подобострастием лакея Смердякова они были согласны, если бы «умная нация покорила бы весьма глупую-с», и, как Вл. Соловьев, с философским равнодушием и барским высокомерием были готовы принести в жертву католической или коммунистической Европе православную Россию. Не приходится удивляться, что при пособничестве российской элиты планы врагов России полностью осуществились.

³² Хорошо знающий настроения «европейской закулисы» Тютчев писал об их ненависти к России и двойной морали в политических стихотворениях 1854 и 1867 гг.: «Давно на почве европейской / Где ложь так пышно разрослась / Давно наукой фарисейской / Двойная правда создалась: / Для них — закон и равноправность, / Для нас — насилие и обман, / И закрепила стародавность / Их, как наследие славян» («Славянам»); «Ложь воплотилась в булаг; / Каким-то Божьим попушеньем / Не целый мир, но целый ад / Тебе грозит ниспроверженьем... / Все богохульные умы, / Все богомерзкие народы / Со дна воздвиглись царства тьмы / Во имя света и свободы!» («Теперь тебе не до стихов»). Есть у Тютчева и пронизательная характеристика российских либералов с их рабским поклонением западной цивилизации: «Напрасный труд — нет, их не вразумишь, — / Чем либеральней, тем они пошлее, / Цивилизация — для них фетиш, / Но недоступна им ее идея. / Как перед ней ни гниетесь, господа, / Вам не снискать признанья от Европы: / В ее глазах вы будете всегда / Не слуги просвещения, а холопы» (Цит. по: Тютчев Ф. И. Лирика. М., 1965. Т. 2. С. 137, 192, 196).

³³ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 13—53.

³⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30-ти тт. М., 1972—1987. Т. 25. С. 136—137; Т. 26. С. 27—31, 132—136, 149—161; Т. 27. С. 5—8.

³⁵ Крассноречивые факты прояпонских настроений в Европе и в России приводит свидетель эпохи, видный деятель русской культуры С. М. Волконский в статье «Пушкин или Чехов?». Он вспоминает русофобские разговоры европейской публики и — что более всего — письмо Чехова к Бунину, в котором тот «как почти всегда шутив... и огорчается только одним — грустью за Японию, чудесную страну, которую, конечно, разобьет и всей своей тяжестью раздавит Россия». «Помню, — пишет мемуарист далее, — в те же времена читал в одной газете, как японская мать баюкает свое дитя и поет: „Ты знаешь, почему мы побиваем русских? Потому что русская мать не любит своего отечества“». Антипатриотическим настроениям времени, сказавшимся и в массовом сознании, и в позиции знаменитого писателя, С. М. Волконский противопоставляет Пушкина, который, по меткому определению Г. Адамовича, «свой патриотизм кристаллизовал в государственности», «держал в себе стиль России»: «Встает в памяти пушкинское „О чем шумите вы, народные витии?“. Риторично? Напыленно? Может быть. Но вот это — принцип... „стиль России (...) уже одно заглавие „Клеветникам России“! Разве не лучше это, чем грусть по Японии? Да, клевета на Россию! Велика была поднимающая и возмущающая сила этих слов» (Волконский С. М. Пушкин или Чехов? // Русский рубеж. 1992. № 5 (17). Пушкин 1799—1992. С. 21). Уникальность национальной и государственной позиции Пушкина на фоне антинациональных и антигосударственных настроений российской интеллигенции отмечает и современный публицист М. Лобанов: «И надо было быть Пушкиным, чтобы в такое время, говоря о давнем „споре“ „кичливого ляха“ и „верного росса“, о ненависти Европы к России, подняться на такую высоту патриотического государственного одушевления, как это мы видим в „Клеветникам России“». (...) Общественное мнение в России могло быть каким угодно, но только не в пользу государственности. Не одиноком же был в своей антигосударственности М. Горький, когда отправил телеграмму микадо, поздравляя его с победой Японии в русско-японской войне» (Лобанов М. Из памятного // Литературная Россия. 1995. 20 окт. (№ 42). С. 6).

представлять позицию национального поэта в этом вопросе, тем более что его отношение к русскому народу, его оценку пытаются представить в искаженном виде. Для этого часто используется цитата из «Капитанской дочки» о русском бунте, «бессмысленном и беспощадном», которая, как было показано выше, является конкретизацией применительно к сюжету и образу общей мысли о бесплодности и жестокости любых революций и возмущений у всех народов. Кроме того, как аргумент в этом вопросе приводятся слова поэта, характеризующие общечеловеческие недостатки:

За новизной бежать смиренно
Народ бессмысленный привык.
(III, 187)

..... бессмысленная чернь
Изменчива, мятежна, суверена,
Легко пустой надежде предана,
Мгновенному внушению послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
(V, 228)

..... бессмысленный народ
Поденщик, раб нужды, забот!
.....
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки.
(III, 86)

Между тем эти характеристики не имеют национального аспекта, что доказывается их разнородными источниками или аналогиями. Так, последний пример прямо восходит к Посланию к Римлянам (I, 29–31), а к предшествующим можно найти аналогии у древних и новоевропейских авторов.

В этих и подобных текстах мысль Пушкина состоит, очевидно, в том, что русским людям присущи как общечеловеческие недостатки, так, надо думать, и общечеловеческие достоинства. Чтобы прояснить вопрос окончательно, следует обратиться к тем высказываниям поэта, которые имеют национальный акцент. В этом плане представляют интерес сопоставительные характеристики поляков и русских в драме «Борис Годунов» и в стихотворении «Клеветникам России»: «кичливый лях иль верный росс» (III, 209), а также краткие определения национальных характеров в поэтическом описании пестрого населения юга и перечислении народов России:

Теснится средь толпы еврей сребролюбивый.
Под буркою казак, Кавказа властелин,
Болтливый грек и турок молчаливый,
И важный перс, и хитрый армянин...
(II, 95)

И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.
(III, 340)

Но в первую очередь должны быть осмыслены те характеристики русского народа, которые даются поэтом в критической или публицистической прозе. При этом нужно учесть не только собственные высказывания поэта, но и те чужие мнения, которые он разделяет. Так, в статье «О г-же Сталь и о г. А. М-ве» Пушкин сочувственно цитирует «одну рукопись» об этой «красноречивой, благородной чужеземке», которая «первая отдала полную справедливость русскому народу, вечному предмету невежественной клеветы писателей иностранных» (VII, 17). В статье «Российская Академия» поэт называет «остроумными» в смысле некомического, «важного остроумия», т. е. пронизательными и точными, ответы императрицы Екатерины на вопросы Фонвизина, среди которых есть и такой: «В чем состоит наш национальный характер? — В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корне всех добродетелей, от Творца человеку данных» (VII, 251). Некоторые черты национального русского характера в сопоставлении с французским Пушкин называет в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова»: «Некто справедливо заметил, что простодушие (naïveté, bonhomie) есть врожденное свойство французского народа; напротив того, отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться: Лафонтен и Крылов представители духа обоих народов» (VII, 23).

Среди высказываний Пушкина о русских людях особенно важны те, которые имеют в виду простой народ и крепостное крестьянство. Потому что к ним обыкновенно относятся презрительные оценки иностранцев и тех русских, которые вкусили чужеземного воспитания и отделились от своего народа с барским высокомерием. У Пушкина нет и тени подобного высокомерия и презрения. Природный русский аристократ, он чувствовал живую, кровную связь со своим отечеством и народом. В Светлое Воскресенье он выходил похристосоваться с мужиками и бабами. Он пел на паперти духовные стихи со слепцами и плясал в хороводе с деревенскими девушками. Он любил беседовать со встречаемыми и уверял, что ему ни с кем не скучно — от будочника до царя: у каждого свой ум. Он воспел в лирических стихотворениях свою няню, крепостную крестьянку Арину Родионовну, и изобразил ее в «Евгении Онегине» и «Дубровском». Он любил своего слугу, крепостного крестьянина Никиту Тимофеевича Козлова, в юности за его обиду вызвал на дуэль своего лицейского товарища барона Корфа, не расставался с ним в южной ссылке и в поздние петербургские годы жизни вплоть до кончины. Никита вынес его, раненого, из кареты и услышал обращенные к нему слова: «Грустно тебе нести меня», он же проводил поэта в последний путь и оплакал в нем родного человека. Можно думать, что обрисованный с любовью и добродушным юмором образ преданного Савельича в «Капитанской дочке» вырос из собственного сердечного опыта поэта.

Есть у Пушкина и обобщенное описание народного характера и крестьянского быта. В публицистическом «Путешествии из Москвы в Петербург» оно давалось в двух вариантах: первоначальном — от лица собеседника-англичанина и окончательном — от лица автора. Приведем первый — диалогический — вариант как более развернутый:

Я. Что поразило вас более всего в русском крестьянине?

Он. Его опрятность, смышленность и свобода.

Я. Как это?

Он. Ваш крестьянин каждую субботу ходит в баню; умывается каждое утро, сверх того несколько раз в день моет себе руки. О его смышленности говорить нечего. Путешественники ездят из края в край по России, не зная ни одного слова вашего языка, и везде их понимают, исполняют

их требования, заключают условия; никогда не встречал между ими ни то, что соседи наши называют *un badaud*, никогда не замечал в них ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. Переимчивость их всем известна; проворство и ловкость удивительны...

Я. Справедливо; но свобода? Неужто вы русского крестьянина почитаете свободным?

Он. Взгляните на него: что может быть свободнее его обращения! Есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи?

(VII, 144)

Точно так же, как о пресловутом «рабстве» русского крестьянина, в этом сочинении Пушкин оставил нам свои трезвые мысли и о крепостной нищете. Радищевские описания он считает преувеличением, «карикатурой» и замечает, «что Радищев, заставив свою хозяйку жаловаться на голод и неурожай, оканчивает картину нужды и бедствия сею чертою: *и начала сажать хлебы в печь*» (VII, 199). Далее Пушкин сопоставляет судьбу русского крестьянина с судьбой французского крестьянина и английского рабочего и пишет следующее: «В России нет человека, который бы не имел своего *собственного жилища*. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет *свою* избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности» (VII, 200). И как окончательный вывод: «Благосостояние крестьян тесно связано с благосостоянием помещиков. (...) Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов...» (VII, 200).

Есть в отношении Пушкина к народу и еще одна достаточно редкая черта. А именно: интерес, уважение и любовь к крестьянской культуре. В отличие от «образованцев» прошлого и нынешнего века, которые не находили у русского народа никаких традиций и никакой культуры,³⁶ Пушкин, человек утонченного европейского воспитания, эту культуру оценил и обогатил ею собственное творчество. А для этого он крестьянскую, как и городскую, словесность внимательно изучал, т. е., в отличие от всех самозванных учителей русского народа в XIX и XX вв., великий гений Пушкин сам у народа учился. Напомним известные признания поэта о наслаждении, с которым он слушал народные сказки и песни, в письмах: «...вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны... она единственная моя подруга — и с нею только мне не скучно» (X, 91); «...слушаю старые сказки да песни» (X, 95); «вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!» (X, 86), а также высказывания поэта о народной культуре в критических статьях: «Вслушивайтесь в простонародное наречие, молодые писатели» (VII, 55); «Читайте простонародные сказки, молодые писатели, чтоб видеть свойства русского языка» (VII, 57); «Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка. Критики наши напрасно ими презирают» (VII, 120); «Разговорный язык простого народа...

³⁶ Так, Г. Лесскис пишет об отсутствии в России XVIII в. как личности, так и общества «как носителя нравственных, правовых, культурных и других ценностей» (!?) (Лесскис Г. А. Пушкинский путь в русской литературе. М., 1993. С. 20). Это говорится о христианской стране с тысячелетней литературной традицией, с выдающейся духовной и народной культурой! И это не обмолвка исследователя, а выражение господствующего отношения к русской, особенно народной, культуре в советский и постсоветский период, которое проявилось в искоренении обрядовой поэзии и деревенских обрядов, а затем и самих деревень, в отсутствии научного центра по изучению русского фольклора (в советских республиках национальные центры были), в оборваншемся 20-томном издании русского фольклора, в мизерных тиражах его памятников, наконец, в стремлении заменить, подменить русский фольклор — народную словесность — устными речевыми жанрами, русскоязычным отражением современной денационализированной массовой культуры.

достойн также глубочайших исследований. Альфиери изучал итальянский язык на флорентинском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирям. Они говорят удивительно чистым и правильным языком» (VII, 122). Потому Пушкин и стал национальным поэтом, вобрав в свое творчество все богатства родного языка, изобразив русскую природу и русские характеры и воплотив народные представления о вере и правде. Вспомним здесь его сказки и песни в русском народном духе, а также его «Песни западных славян», где поэт вдохновлялся героическими сказаниями сербов, — народа, разделяющего в XX в. сходную с Россией горестную судьбу и ныне беспощадно уничтожаемого мировым сообществом.

Завершая разговор о Пушкине как национальном и политическом мыслителе, обратим внимание еще на два момента, актуальных для современной России.

Во-первых, Пушкин, понимая относительную пользу европейского просвещения, признавал особый исторический путь России, как и своеобразие русской культуры в широком смысле, включая сюда и православную религию, и государственный и общественный строй, и организацию экономики, например связанного с природой сельского хозяйства: «Но на чужой манер хлеб русский не родится» (VI, 99).³⁷

Во-вторых, при всем своем великодушии, гуманности и милосердии Пушкин не отнимает у народа права на самозащиту, а у поэта — права на нелицеприятный ответ своим недоброжелателям и тем более «клеветникам России», ее явным врагам и тайным недругам. Вот как ответил поэт «господину о двух отечествах» Ф. Булгарину, начавшему травлю русских писателей в своей газете «Северная пчела»: «Простительно выходящу не любить ни русских, ни России, ни истории ее, ни славы ее. Но не похвально ему за русскую ласку марать грязью священные страницы наших летописей, поносить лучших сограждан. И, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцев» (VII, 126). А как Пушкин отвечал всем русофобам на Западе и в России, видно не только из его политических од 1831 г., где он напоминает о вторжении и поражении Наполеона, о польской интервенции в Россию в 1611 и в 1812 гг., о резне русских в предместье Варшавы: «Для вас безмолвны Кремль и Прага» (III, 209), но также из публикации в первом номере «Современника» написанной им биографии Георгия Кониского, архиепископа Белорусского, и извлечений из «Истории Малороссии», где приводятся потрясающие факты преследования, издевательств, грабежей и зверских убийств православного населения инославными врагами (VII, 223—235, 497). В наше время, когда русский народ лишен права на защиту, а русский писатель — права на ответ учредителям, исполнителям, пособникам, хвалителям и провокаторам русского геноцида, стоит помнить и позицию в этом вопросе национального поэта и осмыслить приводимые Пушкиным исторические примеры.

Так в свете истории проясняется позиция Пушкина — национального и политического мыслителя — и подтверждается его проработка.

---

³⁷ Этот стих А. Шаховского из сатиры «Мольер! Твой дар ни с чем на свете не сравнится» Пушкин цитирует в повести «Барышня-крестьянка», подтверждая его истинность наблюдениями над хозяйственными опытами помещика-англомана.

О ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ В ИЗОБРАЖЕНИИ ПРИРОДЫ У А. С. ПУШКИНА

Дивясь божественным природы красотам...

А. С. Пушкин

По воспоминаниям А. О. Смирновой, Пушкин удивлялся глубокому религиозному чувству Расина. И не потому, что французский поэт был ревностным приверженцем учения янсенистов, не потому, что он написал две драмы на библейские сюжеты «Эсфирь» и «Гофолия», — удивляло поэта именно изображение природы. «Чуть встретишь у него упоминание о природе, — так передает Смирнова слова Пушкина, — и сейчас же мысль его возносится к ее Творцу».¹ Можно думать, что то же происходило и с самим Пушкиным, подтверждение тому — в его стихах и прозе. Вот некоторые примеры. В сентябре 1820 г. поэт путешествует по Крыму и видит на мысе Фиолент Георгиевский монастырь, о котором впоследствии пишет в «Письме к Д.»: «Георгиевский монастырь и его крутая лестница к морю оставили во мне сильное впечатление» (в черновом варианте — «единственное сильное впечатление»)² Какого рода было это впечатление, можно догадаться. Пушкин был чуток к природным, зримым воплощениям духовных символов, и лестница от моря к монастырю на вершине горы оживила в его воображении образ «лестницы Иакова» от земли к небу, от дольного к горнему, а ее крутизна вживе являла труд духовного восхождения. В рисунках поэта мы находим изображение лестницы и с трудом карабкающегося по ней человека, в котором истолковательница графического дневника Пушкина Л. А. Краваль предлагает видеть самого автора.³

Библейские ассоциации возникают в сознании Пушкина и при виде горных пейзажей Кавказа и Армении. Вот как описывает он свои впечатления в «Путешествии в Арзрум»: «Казаки разбудили меня на заре. (...) Я вышел из палатки на свежий утренний воздух. Солнце встало. На ясном небе белела снеговая, двуглавая гора. „Что за гора?“ — спросил я ... и услышал в ответ: „Это Арарат“.⁴ Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни, — и врана и голубицу, излетающих, символы казни и примирения...» (VI, 453). Образ библейского ковчега и мысль о Боге присутствуют и в пушкинском стихотворении «Монастырь на Казбеке»:

Высоко над семью гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,

¹ Записки О. А. Смирновой. СПб., 1894, С. 193—194.

² Цит. по: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 17-ти тт. М.: Воскресенье, 1994—1996. Т. 8. С. 438, 1600.

³ *Краваль Л. А.* «Елисавету втайне пел...» // Пушкинская эпоха и Христианская культура: Вып. VII. СПб., 1995. С. 66.

⁴ Комментаторы отмечают, что на самом деле это был Алагез (VI, 555). См.: *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина. М., 1967. С. 372.

Как в небе реюший ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.

Далекий, вожделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!..

(III, 134)

Можно было бы предположить, что библейские ассоциации связаны у Пушкина с конкретными поводами (монастырь, Арарат), если бы они не появлялись в нейтральных, даже в гетерогенных контекстах, рядом с образами античной мифологии и культуры. Так, в «Евгении Онегине» Пушкин вспоминает, как его муза «часто по берегам Тавриды»

Водила слушать шум морской,
Немолчный шепот Нереиды,
Глубокий, вечный хор валов,
Хвалебный гимн отцу миров.

(V, 143)

Так, и в стихотворении «Из Пиндемонти» поэт говорит о счастье жить,

Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья...

(III, 336)

соединяя античные и христианские идеалы: любование искусством и созерцание Творца в Его творениях.

Разумеется, нет никакой нужды объяснять пушкинскую мысль, восходящую от созерцания природы к ее Творцу, влиянием каких-либо новых авторов, и в частности Расина. И у французского трагедиографа, и у русского поэта она происходит из общего источника — христианского учения о сотворении мира Богом. Сложившись в библейской традиции, это учение — при соприкосновении с панэстетизмом античной культуры — приобретает отчетливую эстетическую окраску. В греческом переводе Книги Бытия Божье творение определяется словом *καλον* — ‘красивый’, ‘прекрасный’, ‘хороший’ с эстетическими коннотациями на первом плане, в отличие от древнееврейского *тов*, латинского *bonum*, старославянского *добро*, обозначающих положительную оценку в самом широком смысле.⁵

Красота природы понималась как творение Божественной Премудрости — Софии (Книга Притчей Соломоновых, III, 19—20; VIII, 22—30), софийная — «умная» красота. Ее созерцание было прямым, внепятичным богопознанием. «Если, — пишет христианский апологет Афинагор, повторяя Платона, — мир есть искусство (*τέχνη*) Бога, то, удивляясь его красоте (*θαυμάζων τὸ κάλλος*), я приобщаюсь к Художнику».⁶ Знаменательно, что и у Пушкина мы находим это же восхищенное удивление красоте мира, что, по определению И. Ильина, как раз и было для него путем к богопознанию: «Пушкин... пришел к вере через очевидность вдохновенного созерцания».⁷

⁵ *Tatarkiewicz Wl.* Historia estetyki. T. II. Estetyka średniowieczna. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1960—1967. S. 11—12; *Бычков В. В.* Aesthetica patrum. Эстетика отцов Церкви. Апологеты. Блаженный Августин. М., 1995. С. 192—193.

⁶ Цит. по: *Бычков В. В.* Указ. соч. С. 195.

⁷ *Ильин И. А.* Одинокий художник: Статьи. Речи. Лекции. М., 1993. С. 68.

Мысль о красоте божественной природы развивалась христианскими апологетами и отцами Церкви при молчаливом и полемическом отрицании «человеческого» искусства античной языческой культуры. Приведем соответствующие высказывания христианских мыслителей. Так о «разнообразной красоте» Божьего творения пишет Феофил Антиохийский: «Рассмотри, о человек, дела Его, регулярные смены времен года и движение ветров, упорядоченный бег звезд, правильное следование дней и ночей, месяцев и годов, разнообразную красоту семян, растений и плодов, различные виды четвероногих животных, птиц, гадов и рыб, речных и морских... течение красивых потоков и неиссякающих рек, периодическое выпадение росы и дождей, разнообразные движения тел, восход утренней звезды, предвестницы главного светила». Так превозносит Божий мир Ипполит Римский: «Прекрасно и слишком прекрасно (καλὰ καὶ καλὰ λίαν) все то, что сотворил Бог и Спаситель наш, что видит глаз и о чем размышляет душа, что постигает разум и к чему прикасается рука, что обнимается мыслью и объёмляется человеческим существом. Действительно, что может быть многообразнее красоты (κάλλος) небесного свода? Что многоцветнее вида (εἶδος) земной поверхности? Что [может быть] быстрее движения солнечного [света]? Что может сравниться с приятностью лунного блеска? Что может быть удивительнее многосложной стройности светил? Что окажется плодотворнее своевременных ветров для произрастания плодов? Что может быть чище дневного света? Какое животное может быть совершеннее человека? Все, сотворенное Богом и Спасителем нашим, весьма прекрасно». Здесь подспудно, в подтексте присутствует мысль о неизмеримом превосходстве творчества Бога над искусством человека. Нередко получает она и эксплицитное выражение. «Если ты, — пишет Лактанций, — рассмотришь мир со всем, что в нем есть, то действительно поймешь, что произведение (opus) Бога превосходит произведения человеческие». «Какой театр, построенный человеческими руками, — говорится в трактате Псевдо-Киприана «О зрелищах», — может сравниться с этими делами? Пусть он будет построен из огромных каменных глыб, но горные хребты выше [его]; пусть филенчатые потолки его сияют золотом, но блеск звезд их превосходит. Так никогда не будет удивляться делам человеческим тот, кто признает себя сыном Божиим».

Для европейской культуры, однако, оказались важны обе противопоставляемые эстетические концепции: христианский идеал красоты божественной природы и античный идеал красоты человеческого искусства. Показательно их соединение у Пушкина в процитированном выше программном стихотворении «Из Пиндемонти». Равновесие этих идеалов характерно для пушкинского чувства гармонии, как и для наблюдаемого нами в его творчестве синтеза античных и христианских традиций. В истории европейской культуры они выступают в отдельные периоды с разной степенью интенсивности, в зависимости от чего отдается предпочтение либо красоте искусства и украшенной природы, как в эпоху Возрождения и классицизма, либо первозданной природе — в эпоху романтизма. Наглядным выражением смены духовно-эстетических приоритетов стало вытеснение регулярного французского парка естественным английским, развитие пейзажной живописи и словесного пейзажа в сентименталистской и преромантической литературе.

Особенное значение для европейской культуры конца XVIII — начала XIX вв. имело руссоистское видение природы. Им вдохновлялись в своих лирических пейзажах Гете в «Страданиях молодого Вертера» и Байрон в «Путешествии Чайльд Гарольда». Строфы байроновской поэмы в переводе Батюшкова «Есть наслаждение и в дикости лесов» воспринимались как поэтическая декларация. Характерно, что Пушкин дважды переписывал этот пе-

ревод по публикации в «Северных цветах» на 1828 г.⁸ Безусловной заслугой Руссо было и открытие поэзии горного ландшафта. Описание осени в горах — отрывок из романа «Юлия, или Новая Элоиза» — Карамзин включил в «Письма русского путешественника». Кроме этого текста, по-видимому, Пушкин хорошо знал и первое, самое знаменитое изображение красоты и величия горного пейзажа в XXIII письме Сен-Пре. В нем соседствует описание дикой и возделанной природы, присутствует (в сравнении с театром) мысль о культуре, а в цитате из Петрарки (Сонеты I, X) — мысль о Боге:

Qui non palazzi, non teatro o loggia,
Ma'n lor vece un abete, un faggio, un pino
Trá l'erba verde e'l bel' monte vicino
Levan di terra al Ciel nostr' intelletto.

(«Здесь не дворцы, не театр или лоджия, / Но вместо них ель, бук, сосна / Между зеленой травой и ближней красивой горою / Возносят нашу мысль от земли к небесам»)⁹

Реминисценции этого развернутого на трех страницах пейзажа можно угадать в пушкинской «Тавриде»: в ней речь идет о вере в бессмертие души, и неверующий сравнивается с путником в альпийских горах, ужасающимся при виде разверзающейся бездны. В пушкинской переакцентировке руссоистских мотивов — в выдвигении на первый план мысли религиозной, а на второй, в сравнении, горного пейзажа — по-видимому, сыграла определяющую роль статья Батюшкова «Нечто о морали, основанной на философии и религии», в которой нравственно-религиозные искания наглядно представлены как горное путешествие с руссоистскими ассоциациями.

Реминисценции из Руссо имеются и в пушкинском описании горного пейзажа в поэме «Кавказский пленник»:

Когда, с глухим сливаясь гулом,
Предтеча бури, гром гремел,
Как часто пленник над аулом
Недвижим на горе сидел!
У ног его дымилась тучи,
В степи взвивался прах летучий;
Уже приюта между скал
Елень испуганный искал;
Орлы с утесов подымались
И в небесах перекликались;
Шум табунов, мычанье стад
Уж гласом бури заглушались...
И вдруг на доли дождь и град
Из туч сквозь молний низвергались;
Волнами роя крутизны,
Сдвигая камни вековые,
Текли потоки дождевые —
А пленник, с горной вышины,
Один, за тучей громовую,
Возврата солнечного ждал,
Недосягаемый грозою,
И бури немощному вою
С какой-то радостью внимал.

(IV, 88—89)

⁸ См.: Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977. С. 575.

⁹ Цит. по: Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения. М., 1961. Т. 2. С. 54.

Подобный переход от пейзажного описания к психологическому изображению характерен для Руссо. Вот, например, XXIII письмо Сен-Пре: «Блуждая среди облаков, я выбрался на светлую вершину, откуда в летнюю пору видно, как внизу зарождаются грозы и бури, — таким вершинам напрасно уподобляют душу мудреца, ибо столь высокого величия души не найти нигде, разве что в краю, откуда взят этот символ. (...) На горных высотах, где воздух чист и прозрачен, все испытывают одно и то же чувство, хотя и не всегда могут объяснить его, — здесь дышится привольнее; тело становится как бы легче, мысль яснее; страсти не так жгучи, желания спокойнее. Размышления принимают какой-то значительный и возвышенный характер, под стать величественному пейзажу, и порождают блаженную умиротворенность, свободную от всего злого, всего чувственного. Как будто, поднимаясь над человеческим жильем, оставляешь все низменные побуждения; душа, приближаясь к эфирным высотам, заимствует у них долю незапятнанной чистоты. Делаешься серьезным, но не печальным; спокойным, но не равнодушным; радуешься, что существуешь и мыслишь».¹⁰ Тут герой Руссо, вспоминая цитированные выше стихи Петрарки, обращается мыслью к небу, к Богу.

У Пушкина в «Кавказском пленнике» эта мысль поглощена байроновским демонизмом лирического героя: «И бури немощному вою / С какой-то радостью внимал», а подробное психологическое разъяснение заменено объективными картинками Кавказа. В их описании поэт ссылается на русскую литературную традицию: стихи Державина в «Оде графу Zubову» и Жуковского в «Послании к г-ну Воейкову». Любопытно, что ни Державин, ни Жуковский Кавказских гор никогда не видели и описывали их по рассказам очевидцев, что «зрели ужасы, красоты природы». В осмыслении же дикой, первозданной природы Кавказа как «великолепия творенья» для этих поэтов христианского духа первостепенное значение имела библейская традиция: тексты Книги Бытия, Книги Премудрости Соломона, Книги Премудрости Иисуса сына Сираха, Книги Иова, Псалтири, особенно псалмов 18 и 103, как и парафразирующая их духовная ода. Вспомним здесь переложения Книги Иова и псалма 103 Ломоносовым и оригинальные его «Утреннее размышление о Божием величестве» и «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния», а также многочисленные парафразы псалмов 18 и 103 у Сумарокова, Тредиаковского, Кострова, Шатрова, Хвостова, Глинки и др. Отзвуком этой традиции в послании Жуковского будет мысль о «великолепии творенья» и старославянское «елень» вместо русского «олень», у Пушкина этот же «елень» и церковнославянизм «предтеча», употребленный, однако, метафорически. Как известно, Пушкин был против «превращения муз в церковных певчих» — дублирования светской поэзией «поэзии литургической», он не любил растянутых парафраз, ослабляющих дух и силу выражений оригинала, и восхищался подлинными псалмами Давида, которые читал во французском переводе Леметра де Саси¹¹ и знал на церковно-

¹⁰ Там же. С. 53.

¹¹ La sainte Bible contenant l'ancien et le Nouveau Testament traduite sur la Vulgate / par M. Le Maistre de Sacy. Au frais de la Société Biblique Russe. S. Petersburg. De l'imprimerie de N. Gretsck. 1817. Эта книга была в библиотеке Пушкина. См.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. СПб., 1910. Репринт. изд. М., 1988. С. 158, № 604. Можно предположить, что книга была получена по настоятельной просьбе поэта в письмах к брату в ноябре и декабре 1824 г.: «Библию, Библию! и французскую непременно» (X, 87); «Михайло привез мне все благополучно, а Библии нет. Библия для христианина то же, что история для народа» (X, 89). По-видимому, книга была прислана, ибо в дальнейших письмах из Михайловского поэт уже не повторяет своей просьбы.

славянском языке не только по урокам Закона Божия в Лицее, — по елизаветинской Библии они прочитывались в церкви еженедельно, а на Страстной седмице — дважды. Можно думать, что особенно памятен поэту был псалом 103 о сотворении мира, — «предначинательный» в вечернем богослужении. Приведем его старославянский текст, каким слушал его Пушкин на вечерней службе.

Благослови, душе моя, Господа. Господи Боже мой, возвеличился еси зело, во исповедание и в велепότη облеклся еси; 2 Одейся светом яко ризоу, простираяй небо яко кожу; 3 Покрывай водами превыспренняя своя, полагаяй облаки на восхождение свое, ходяй на крилу ветре-щю; 4 Творяй Ангелы Своя духи, и слуги Своя пламень огненный. 5 Основаяй землю на тверди ея, не преклонится в век века; 6 Бездна яко риза одеяние ея, на горах станут воды; 7 От запреще-ния Твоего побегнут, от гласа грома Твоего убоятся; 8 Восходят горы, и нисходят поля, в место еже основал еси им; 9 Предел положил еси, егоже не прейдут, ниже обратятся покрыти землю; 10 Посылаяй источники в дебрех, посреде гор пройдут воды; 11 Напают вся звери сельныя, ждут онаги в жажду свою; 12 На тых птицы небесныя привитают, от среды камня дадят глас; 13 Напаяй горы от превыспренных Своих, от плода дел Твоих насытитя земля; 14 Прозябаяй траву скотом, и злак на службу человеком, извести хлеб от земли; 15 И вино веселит сердце человека, умастити лице елеем, и хлеб сердце человека укрепит; 16 Насытятся древа польская, кедри Ливанстии, ихже еси насадил; 17 Тамо птицы вогнезятся, еродиево жилище предводи-тельствует ими; 18 Горы высокия еленем, камень прибежище зайцем; 19 Сотворил еси луну во времена, солнце позна запад свой; 20 Положил еси тму, и бысть ночь, в нейже пройдут вси зверие дубравни; 21 Скимни рыкающие восхитити, и възскаги от Бога пищу себе; 22 Возсия солнце, и собращая, и в ложах своих лягут; 23 Изыдет человек на дело свое, и на делание свое до вечера; 24 Яко возвеличишася дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси, исполнися земля твари Твоея; 25 Сие море великое и пространное, тамо гади, ихже несть числа, животная малая с великими; 26 Тамо корабли преплавают, змий сей, егоже создал еси ругатися ему; 27 Вся к Тебе чают, дати пищу им во благо время; 28 Давшу Тебе им, соберут, отверзшу Тебе руку, всяческая исполятся благости; 29 Отвращшу же Тебе лице, възмьются, отымеши дух их, и исчезнут, и в персть свою возвратятся; 30 Послещи Духа Твоего, и созиждутся, и обновииши лице земли; 31 Буди слава Господня во веки, възвеселится Господь о делех Своих; 32 Призираяй на землю, и творяй ю трястися, прикасайся горам, и дымьтятся; 33 Воспою Господеви в животе моем, пою Богу моему, дондеже есмь; 34 Да усладитя Ему беседа моя, аз же възвеселюся о Господе; 35 Да исчезнут грешници от земли, и беззаконници, якоже не быти им. Благослови, душе моя, Господа.

На наш взгляд, этот псалом вместе с многочисленными его парафразами составляет контекст или интертекст к пушкинскому стихотворению «Кавказ». О его литературном контексте исследователи творчества Пушкина почти ничего не говорили,¹² и не случайно. Стихотворение считалось шедевром пушкинского реализма, поэтическим осмыслением впечатлений от кавказской природы, своего рода лирическим комментарием к путевому дневнику. Предполагали, что «Кавказ» увиден поэтом с реальной точки: с перевала или Крестовой горы. О восхождении на эти вершины кратко рассказывается в «Путешествии в Арзрум». Было, однако, отмечено, что с перевала невозможно увидеть одновременно Арагву и Терек.¹³ Добавим к этому, что приводимые исследователями образные параллели к стихотворению¹⁴ рассеяны в разных местах путевых заметок, что прямо свидетельствует о собирательном, синтетическом характере пушкинского пейзажа. Но даже если отвлечься от смысловых параллелей и просто вчитаться в текст стихотворения, можно заметить, что поэт не сохраняет единой точки зрения, но (как в кинематографе) сменяет общую панораму крупным планом: то, что «...нищий наездник таится в ущельи/Где Терек играет в свирепом весельи», увиден с близкого расстояния.

¹² Д. Д. Благой в подробной интерпретации стихотворения называет в качестве единственно-го литературного прообраза описание подобной ситуации в «Кавказском пленнике». См.: *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967. С. 365.

¹³ Это возражение И. Л. Андроникова приводит Д. Д. Благой (Указ. соч. С. 366).

¹⁴ Наиболее полно они приведены в статье А. Д. Григорьевой «Язык лирики Пушкина 30-х годов». См.: *Григорьева А. Д., Иванова Н. Н.* Язык лирики XIX в. Пушкин. Некрасов. М., 1981. С. 70—71.

Наши возражения против слишком «реалистического» истолкования пушкинского «Кавказа» менее всего нужно считать отрицанием важности реальных впечатлений для поэта. Его поэзия — не отвлеченная игра ума, а плод его восприимчивой, чуткой, восторженной души, живо откликающейся на все соприкосновения с внешним миром. Но, если применить к его пейзажным стихотворениям живописные аналогии, то это — так сказать, не этюд с натуры, не живопись на пленэре, а картина, создаваемая в мастерской: тут наряду с реальными впечатлениями природы выступают и художественная задача, и обдуманный план, и традиции живописной школы, словом — реальность духовная. Так вот, на наш взгляд, для Пушкина такой духовной реальностью, в которой и осмыслены его кавказские впечатления, была библейско-христианская космогоническая и поэтическая традиция, трактовавшая мир в его единстве и многообразии как создание Бога-Творца. Можно думать, что библейско-христианская литература в основных космогонических и космологических текстах (к которым принадлежит и процитированный выше псалом 103) оказала прямое воздействие на появление панорамных, «вселенских» пейзажей в живописи европейского Средневековья и Возрождения (Ван Эйк, Мемлинг, Брейгель и др.). Любопытно, что такие панорамные пейзажи отсутствовали в античной живописи и поэзии. Античный политеизм не создавал предпосылок для универсальности; напротив, он способствовал обособлению в описании и изображении отдельных сакральных, идиллических, возвышенно-прекрасных или таинственных пейзажей, освященных присутствием божества или посвященных *genio loci*. И даже если обратиться к Гомеру, который творил в рамках еще не отвердевшей традиции вполне свободно (его справедливо называли *ποητικὸς τῶτος* — самым творческим из всех поэтов), который открыл для поэзии всю обширную область изображения реальности — *μίμνησις* в живописных и пластических подробностях, который изображал жизнь богов и героев, естественно тяготел к возвышенному и величественному и по содержанию, и в соответствии с поэтикой эпического гиперболизма, и в связи с первоначальными космогоническими мифами (принципиально и типологически верно автор античного трактата «О возвышенном» сопоставляет гомеровский эпос по силе изображения величественного с библейской Книгой Бытия),¹⁵ то и у него в знаменитых и многочисленных «гомеровских» сравнениях мы не найдем подобного пушкинскому панорамного пейзажа с обозначением всех стихий, основных элементов космической жизни. И хотя гомеровский эпос и оставляет впечатление вселенской полноты,¹⁶ оно создается не столько единой картиной, сколько сочетанием разных планов изображения, не соединенных автором в объемное целое в силу особенностей эпического повествования, в частности по причине характерного для него закона хронологической несовместимости.¹⁷ Приведем для примера одно из гомеровских сравнений с изображением горного пейзажа, чтобы показать отличие его трактовки от пушкинской:

¹⁵ De sublimatione (Περὶ ὕψους), IX, 8—9. См. русский перевод Н. А. Чистяковой в издании: О возвышенном. М.; Л., 1966. С. 19—20.

¹⁶ Авторитетный исследователь гомеровского эпоса В. Шадевальд убедительно показывает, как поэма о гневе Ахилла превращается в поэму о Троянской войне, как «Илиада» становится *Weltgedicht* (поэмой о мире) в результате развертывания эпического повествования: вокруг Ахилла — поле битвы, далее города, народы, моря, океан, небеса, Тартар, и «все полно великой, малой и мельчайшей жизни» (*Schadewaldt W. Von Homers Welt und Werk. Stuttgart, 1951. S. 155—200*).

¹⁷ Закон хронологической несовместимости — открытая Ф. Ф. Зелинским особенность гомеровского повествования, состоящая в том, что автор не умеет или не хочет изображать одновременные события и либо оставляет одно из них, либо, при важности обоих, изображает одновременные события как последовательные. То же касается и изображения объемного предмета, которое заменяется последовательным описанием каждой из сторон.

Словно как на небе около месяца ясного сонмом
Кажутся звезды прекрасные, ежели воздух безветрен;
Все кругом открывается — холмы, высокие горы,
Долы, небесный эфир разверзается весь беспредельный,
Видны все звезды; и пастырь, дивуясь, душой веселится.¹⁸

Этот величественный ночной пейзаж действительно увиден; характерна фигура очевидца: «пастырь... душой веселится». Заметно, что, несмотря на масштабность картины, стремления представить Вселенную здесь нет. Что бы ни было главной причиной — или мимесис реальности, ибо в ночи замирает жизнь людей, а темнота скрадывает подробности; или мотивированность этой картины сравнением с ночными огнями троянского лагеря, из-за чего, несмотря на избыточные детали, она подчеркнута в одном моменте огня и света; или указанные нами выше религиозно-мифологические причины, способствующие скорее обособлению, нежели собиранию отдельных картин в целостный образ мира, который воссоздан у Гомера только однажды, и то с известной долей условности, в изображениях на щите Ахилла, художественного изделия Гефеста,¹⁹ — ясно, что не здесь истоки пушкинского объемного и универсального пейзажа. Его связь с гомеровским текстом в другом: в эксплицитно выраженной человеческой точке зрения. По сюжету пушкинского стихотворения она представлена почти как сверхчеловеческая («Кавказ подо мною»): при этом романтический демонизм позиции снимается в сознании огромности Божьего мира и в свою очередь снимает традиционную здесь интонацию восторженного благодарения, заменяя ее интонацией спокойного величия. Увиден же этот огромный и многообразный мир явно «умными» глазами — в духе библейско-христианского универсализма и панорамной европейской живописи.

В пушкинском стихотворении земной мир представлен с редкой полнотой, в многообразии и единстве противоположностей: здесь тучи (над тучами угадывается солнце), снега, горы, ущелья, громады скал и теснины, водопады, стремнины рек, рощи — «зеленые сени», «злачные долины», птицы, олени, овцы, люди, их жилье в горах, подобное гнездам (заметим, кстати, что это картина, увиденная снизу, а не сверху), разбойный наездник и мирный пастух, сходящий с гор «к веселым долинам». Завершается стихотворение изображением «играющего» Терека, сопоставленного с буйным зверем, что человеку, начитанному в христианской литературе, напомним стих 26 псалма 103 о создании Богом могучего морского змия, «ругатися ему» — т. е. играть пред Ним (в Септуагинте стоит здесь: ἐπιλαίξειν αὐτῷ). Но даже если пренебречь этой частной ассоциацией, нельзя, как нам кажется, не признать соответствия в полноте изображения мира между псалмом 103 и пушкинским стихотворением. Конечно, Пушкин не писал переложение псалма, но, думается, сохранял его в своем творческом сознании, в творческой памяти, и это помогло ему претворить величественный, но все же частный пейзаж в изображение Вселенной.

Если обратиться к истории создания текста, то эти творческие задачи поэта выступают совершенно отчетливо. В первоначальных вариантах стихотворения упомянуты «священная вершина Кавказа» и «преисподняя долина», в дальнейшем прямые отсылки к Богу и аду сняты, изображение ограничено земным бытием, но решительно отброшены и современные политические аллюзии («Так буйную вольность законы теснят...»). В окончательном тексте земное бытие представлено в вечных своих основах,

¹⁸ Гомер. Илиада, VIII, 555—559 (пер. Н. И. Гнедича).

¹⁹ Описание щита Ахилла занимает в «Илиаде» 127 стихов (XVIII, 478—605). Сравнительное истолкование эпизода дается В. Шадевальдом (Указ. соч. С. 352—374).

не изменившихся с эпохи первотворения и первоначальной истории. Здесь внутреннее оправдание стилистики текста, сформированной архаическим звучанием слов («отселе», «низвергаясь», «сени», «зланный», «пастырь», «нисходит», «брега», «вотще») и архаическим течением паратактических конструкций, в ней находит внешнее выражение религиозно-философский подтекст и контекст пушкинского стихотворения.

С христианской традицией связано у Пушкина не только представление горных и величественных пейзажей (которые сами по себе вызывают мысли о эпохе первотворения), но и изображение природы бедной и скромной. В первую болдинскую осень поэт, завершая «Путешествие Онегина» и размышляя о своей творческой эволюции, обозначил последний ее этап картинами среднерусской природы и крестьянского быта:

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи —
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
Теперь мила мне балалайка
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.
Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желанья — покой,
Да щей горшок, да сам большой.
(V, 174)

Эта строфа вместе с контрастной ей предшествующей понимается обычно как признание поэта в переходе от романтизма к реализму, от описания экзотически-красивого к описанию обыкновенного, будничного. Это в общем верное истолкование могло бы быть единственным, если бы не слово «люблю», которое гораздо полновеснее значения «нравится», «эстетически предпочитаю», оно просвечивает следующие далее картины христианской любовью. Здесь следует вспомнить не одни лишь известные положения библейской традиции «дух веет, где хочет» и «всякое дыхание да хвалит Господа», побуждающие воспринимать весь мир в каждой его части как достойное любви Божье творение, но и особые кенотические интенции христианства. Последние сказываются в представлении о кеносисе — истощании божественной природы в земном явлении Иисуса Христа, претерпевшим позорную крестную смерть ради искупления рода человеческого, и в эстетико-гносеологической теории «неподобных подобий», усматривающей образ божественного величия скорее в малом, чем в великом земном, все равно не адекватном божественному величию, и в аскетической традиции, и в парадоксальном с точки зрения бытовой логики духовно-этическом превознесении малых сих, «нищих духом» — смиренных сердцем, и в практике самоумаления, самоуничужения, столь характерных для православного самосознания. В духе этой традиции и богатая, и по-своему прекрасная среднерусская природа, по контрасту с изобильной, сверкающей яркими красками южной родиной первых цивилизаций, могла восприниматься как бедная и нищая. Заметно, что Пушкин в «Путешествии Онегина» свой среднерусский пейзаж строит тоже кенотически, удаляя из него все, что может показаться богатым, веселым, живым, нарядным и красивым. Так, в первоначальном наброске картины поэт упоминал: «ручей среди

долины», «да через светлую полянку вдали бегущую крестьянку», «к ручью бегущую крестьянку», «колодец», «часовню», «солому свежую в овине», «веселых прачек на плотине», «за нивой дымные овины да стройных прачек у плотины», «детей», «ребят проказливую шайку», «колокольчик ямщика, иль песню».²⁰ В окончательном тексте эти поэтические подробности были устранены или заменены подчеркнуто низкими деталями.

Кенотические интенции отчетливо прослеживаются и в последующей литературе, формируя неадекватный подлинному образ «бедной Руси». Назовем, для примера, «Родину» Лермонтова, где явно примыкание к пушкинскому образцу, и пронзительное тютчевское «Эти бедные селенья...», где прямо выговорен христианский смысл образа. Заметим, однако, что для Пушкина «эта скудная природа» и «бедные селенья» — лишь один из возможных обликов России, который он узнал и полюбил. Но он знает и все другие лики России: ее просторы «от Перми до Тавриды, от финских хладных скал до пламенной Колхиды, от потрясенного Кремля до стен недвижного Китая», «великий Новгород» и «торговый Астрахань», городской шум и деревенскую тишину, бурную весну и короткое цветенье лета, и «зимних праздников блестящие тревоги», и осеннее «очей очарованье». Вспомним, как часто его картины русской природы и жизни предваряются словом «люблю» или «любила» (от лица Татьяны): «Татьяна... с ее холодною красою любила русскую зиму...»; «Она любила на балконе предупреждать зари восход...»; «Люблю я пышное природы увяданье...»; «Люблю тебя, Петра творенье...». И мысленно продолжив цитирование, убедимся в том, что образы России освещены и освящены у Пушкина благоговейным удивлением и христианской любовью. И согласимся с И. А. Ильиным, который видел главный пафос пушкинского творчества и смысл его пророческого призвания в «искреннем, русском православием вскормленном миропритии и богоблагословении», впервые высказанном «от лица России и к России».²¹

²⁰ Пушкин А. С. Указ. собр. соч. Т. 7. С. 490, 503.

²¹ Ильин И. Указ. соч. С. 69.

Т. Г. Мальчукова

СТИХОТВОРЕНИЯ А. С. ПУШКИНА «ВОСПОМИНАНИЕ» И «ПРОРОК» В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В каждом слове бездна пространства...

Н. В. Гоголь

Об отношении Пушкина к христианству сейчас много пишут в научных изданиях и в литературных журналах. Иные авторы находят даже, что — слишком много,¹ что, мол, христианство для Пушкина явление периферийное и что императив православной духовности мешает разглядеть в нем главное — религию искусства или светски остроумного и язычески страст-

¹ См., например, статьи И. Сурат и С. Бочарова в «Новом мире» (1994, № 1, 6).

ного поэта. Больше всего удивляет то, что подобные мнения высказывают специалисты. Им ли не знать, насколько необходимо и обоснованно христианское прочтение классической русской литературы, — «святой», по известному определению Т. Манна. При всем мирском своем содержании и светских жанрах создавалась она художниками христианской культуры, а толковалась чаще всего критиками, которые не принадлежали ей. Отсюда и неполное, неверное понимание текстов, и беспомощность в общих религиозно-философских и нравственно-эстетических вопросах. Сказанное в полной мере относится и к Пушкину.

Современная пушкиниана огромна, едва обозрима, но основного в ней нет: комментированного издания и пушкинской энциклопедии. Как нет и обстоятельных монографий о религии, философии, этике и эстетике поэта. Может быть, это и к лучшему: при действующих вплоть до недавнего времени установках воинствующего атеизма,² при гласных и негласных запретах и утеснениях православной веры христианская культура в творчестве Пушкина не была бы представлена ни подробно, ни объективно, и это заранее обрекало бы и философские работы, и энциклопедическое издание на заведомые искажения, неполноту и односторонность.

Односторонность, которую сам поэт называл «пагубой мысли», господствует и при освещении такой важной проблемы, как истоки и источники пушкинского творчества. Пушкинисты вот уже полтора столетия ревностно исследуют то, что поэт читал, но почти не интересуются тем, что он слышал (кроме разве что народных сказок и песен, записываемых поэтом в Михайловском, и исторических преданий о Пугачеве, собранных в поездке по Оренбуржью). При этом забывают, что вся богатейшая православная культура воспринималась изустно: всю жизнь поэт слышал (и сам произносил) молитвы в домашнем быту и литургическую поэзию в церковном богослужении. И воспитывался он не одним книжным вольтерьянством, но и православным окружением, и в Лицее изучал не только светские науки, но и старославянский язык, Закон Божий, историю Церкви и даже высшее богословие. И позднее, в пору созревания своего таланта, когда Пушкин много читал (преимущественно последние произведения современной науки и художественной словесности, чтоб «в просвещении стать с веком наравне») и сам создавал новую русскую поэзию на манер европейских светских литератур, он не мог забыть о том, с чем он ежедневно сталкивался в православном обряде. Наконец, в годы творческой зрелости, когда были написаны «Борис Годунов» и «Евгений Онегин», «Полтава» и «Капитанская дочка», где так полно выразилась русская душа и были показаны русские характеры и весь православный русский мир в его прошлом и настоящем, когда создавалась христианская религиозно-философская лирика, Пушкин осудил и безбожное европейское просвещение за поверхностные «пошлые умствования», плоское остроумие и религиозный и культурный нигилизм. И, надо думать, эта переоценка произошла не без влияния христианской религиозной философии с ее антиномическим, вмещающим противоречия мышлением, символическим видением мира, особым восприятием времени, соединяющего с настоящим прошлое, будущее и вечное, и трактовкой слова не как произвольного, пустого наименования,

---

² В 1985 г. в Лениздате вышла книга Б. Н. Марьянова «Крушение легенды. Против клерикальных фальсификаций творчества А. С. Пушкина» с разоблачениями Жуковского, Вяземского, Дала, Гоголя, с обличением Достоевского, с поношением «церковного мракобеса» Иоанна Кронштадтского, митрополита Антония «вместе с недобитыми белогвардейцами» и с прославлением деятельности Е. Ярославского, «бессменного руководителя Союза воинствующих безбожников».

но как проявления божественной силы и правды. Уже эти простые предварительные соображения убеждают в том, что понимание пушкинской мысли и слова вне христианской культуры невозможно.

Это подтверждает и история пушкиноведения. Показательно, что самые глубокие суждения о Пушкине были высказаны не позитивистской наукой, а людьми художественно одаренными и религиозными. Так, Гоголь открыл в пушкинском слове «бездну пространства», Достоевский угадал его пророческое значение, а народная сказительница, душа простая, но поэтическая и верующая, выпевая свою пушкинскую былинку, обронила пронзительное: «Годы молоды, да ум тысячелетен». И очевидная причина тому не в масштабе личности, не в уровне образования, а в религиозном — свободном и широком — восприятии времени и пространства, недоступном намеренно ограниченному рационалистическому сознанию.

За полтора века толкования Пушкина позитивистское литературоведение не замечало (за редчайшими исключениями) ни «тысячелетнего ума» поэта, ни «бездны пространства» в его слове. «Словарь языка Пушкина» ориентирует читателя на единственное значение слова для каждого контекста. Такой же единственно точный смысл наука искала и в произведениях Пушкина, толкуя их как отражение действительности, реальной, психологической или литературной ситуации, и обрела на этом пути «историзм» и «реализм», — вещи важные, но все же не исчерпывающие поэтического содержания и не отменяющие его символизма. На узость исторического толкования и указал в 60-е годы М. Бахтин, предлагая понимать классические произведения в «большом времени истории культуры». Сейчас ясно, что его концепция была секуляризированным, обмирщенным вариантом христианской всемирной истории, точно так же, как распространившиеся в 80-е годы мифологические истолкования поэзии Пушкина были, так сказать, паллиативом, облегченными подступами к религиозно-философскому ее изучению.

Необходимый поворот определился совсем недавно. Главную роль в нем сыграло возвращение к пушкиноведческим статьям представителей русской религиозной философии: В. Розанова, С. Франка, С. Булгакова и особенно И. Ильина. Внешним выражением этого возврата стали их публикации. Имели значение и работы В. Непомнящего, в которых автор, не связанный академическими догматами, подошел к пушкинским стихам по-писательски свободно и обратил внимание на их духовный смысл. Сейчас либеральные критики журят исследователя за натяжки. Но, думается, они лукавят, и причина тому — не огрехи исследователя, а то, что Непомнящий прямо говорит о массивной атаке либеральной демократии на православное христианство. Тем не менее изучение пушкинского творчества в свете православия продолжается. Фронтальное исследование широкого круга вопросов предприняли авторы сборников «Пушкинская эпоха и Христианская культура» (Санкт-Петербург, составитель Э. С. Лебедева). Внимание исследователей привлекают преимущественно те произведения поэта, в которых христианство присутствует или опосредованно — в национальном характере, или прямо — темой, образами, сюжетом. Можно заранее предположить, что есть тексты, в которых христианство присутствует подспудно; скрытое за иными реалиями, оно «сквозит и тайно светит».

К открытию христианского смысла таких шедевров пушкинской лирики, как «Воспоминание» и «Пророк», я пришла через изучение духовной поэзии современников Пушкина.³ В 1820-е годы многие поэты писали переложения как псалмов, так и других библейских текстов. Среди них —

³ Полное собрание псалмов: В 2-х тт. М., 1811.

и престарелые «классики» Д. И. Хвостов и Н. М. Шатов, и «младоархаисты» романтики А. С. Грибоедов и В. К. Кюхельбекер, и поэт среднего поколения Ф. Н. Глинка, по собственному его слову, «ни классик, ни романтик», но причастный к обоим направлениям и наиболее плодовитый автор «элегических псалмов». Пушкин эту поэзию хорошо знал, посмеивался над ее авторами (кроме Грибоедова) и в целом относился к ней критически, хотя ее источники — псалмы Давида и переложения священных книг Ломоносова — ценил высоко. С одной стороны, подражатели Ломоносова не сумели воссоздать его гармонического слога: они безразборно, безвкусно и смешно соединяли старославянские слова с фразеологией современной элегии и послания, а библейские мотивы — с реалиями русского быта. С другой стороны, они усугубили исконные недостатки парафрастического жанра — переложения с объяснениями. Если Ломоносов увеличивал исходный текст вдвое, то они (опять за единственным исключением Грибоедова) растягивали его вчетверо и более, и в бесконечном словесном потоке исчезала без следа энергическая краткость и сила выражения подлинника. Кроме того, нужда в объяснении славянского текста отпала с появлением в 1821 г. русского прозаического перевода Псалтири; перелажать его рифмованными стихами означало бы повторять, дублировать литургическую поэзию, «превращать муз в церковных певчих». Оставаясь в пределах светской культуры, Пушкин избегает такого дублирования и в своей лирике 1820-х годов стремится опереться либо на библейские тексты, не востребованные в церковном богослужении (таковы его подражания «Песни песней»), либо на иную религиозно-мифологическую традицию (таковы его «Подражания Корану» и «Подражания древним»). При этом он не распространяет, а скорее сгущает, концентрирует исходные мотивы.

Сравнение религиозно-философской лирики Пушкина с духовной поэзией его современников обнаружило прежде всего различие в творческих установках, в чувстве языка и масштабе поэтического дарования. Но неожиданно проступили и сходство отдельных мотивов, и общность ноосферы христианской культуры. Эта христианская основа явно присутствует и в тех стихотворениях Пушкина, где на поверхности — ветхозаветный мотив или античный образ, как, например, в стихотворениях «Пророк» и «Воспоминание».

Надо сказать, что к пониманию христианского смысла этих стихотворений исследователи творчества Пушкина подходили не раз, но они всегда останавливались на пороге толкования текста. Пройдя этот путь до конца, решаюсь предложить читателям результаты своих наблюдений в надежде, что всем любящим Пушкина будет интересно и радостно заново перечесть его великие шедевры. Пропускаю здесь их литературно-исторический комментарий в контексте светской культуры⁴ и остановлюсь на их отношении к христианской традиции.

Скажу сразу, что эти отношения представляются очень значительными, что стихотворения пронизаны христианским духом и светом, несмотря на то, что на поверхности в одном из них — ветхозаветный мотив, а во втором — античный мифологический образ. Более того, если попытаться понять, прочувствовать, выделить тот, по слову И. Ильина, «Предмет», созерцаемый, переживаемый и воплощенный художником, то это будут — Таинство причащения и Таинство покаяния. Таинство покаяния является темой стихотворения «Воспоминание». Уже В. Розанов заметил его сходство с 50-м псалмом: «...так же велико, оглушительно и религиозно». По-ви-

---

⁴ Он дан в специальных статьях в моей книге «Античность и мы» (Петрозаводск, 1991).

димому, можно соотнести стихотворение Пушкина с семью покаянными псалмами (6, 31, 37, 50, 101, 129, 142), выделив их общие мотивы. Такими мотивами будут:

Покаянная совесть, сознание грехов.

Пс. 31, ст. 5: Беззаконие мое познах и греха моего не покрых, рех: исповем на мя беззаконие мое Господеви...

Пс. 37, ст. 18—19: Яко аз на раны готов, и болезнь моя передо мною есть выну (всегда. — Т. М.). Яко беззаконие мое аз возведу и попекуся о гресе моем.

Пс. 50, ст. 5: Яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой передо мною есть выну.

Упавший дух и телесные силы.

Пс. 6, ст. 3—4: ...смятошася кости моя. И душа моя смятется зело...

Пс. 31, ст. 3—4: обетшаша кости моя... возвратихся на страсть, егда унзе ми терн.

Пс. 37, ст. 3—8, 11: Яко стрелы Твоя унзоша во мне, и утвердил еси на мне руку Твою. Нещь исцеления в плоти моей от лица гнева Твоего, нещь мира в костех моих от лица грех моих. Яко беззакония моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготеша на мне. Возмердеша и согниша раны моя от лица безумия моего. Пострадах и слякохся до конца, весь день сетуя хождах. Яко лядвия моя наполнишася поруганий, и нещь исцеления в плоти моей... Сердце мое смятется, остави мя сила моя, и свет очию моею, и той нещь со мною.

Пс. 101, ст. 4—5: Яко исчезоша яко дым дние мои, и, кости моя яко сушило сохшошася. Узявен бых яко трава, и изше сердце мое, яко забых снести хлеб мой...

Пс. 142, ст. 4—5: И уны во мне дух мой, во мне смятется сердце мое. Помянух дни древния...

Сокрушенное сердце, плач.

Пс. 37, ст. 7, 9: ...весь день сетуя хождах... рыках от въздыхания сердца моего.

Пс. 101, ст. 10: Зане пепел яко хлеб ядых, и питие мое с плачем растворях.

Молитва к Господу о помощи, о прощении, очищении от греха.

Пс. 129, ст. 1: Из глубины възвах к тебе, Господи, Господи, услыши глас мой.

Пс. 50, ст. 3—4, 9, 11—12: Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое. Наипаче омой мя от беззакония моего и от греха моего очисти мя... Окропиши мя иссопом, и очищуся, омыеши мя, и паче снега убелюся. Отврати лице Твое от грех моих и вся беззакония моя очисти. Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей.

Ночное бдение.

В псалмах Давида говорится о сознании греха, сокрушении сердца и молитвах о помиловании всегда (выну), днем и ночью, но есть в них отдельные стихи об исповедании грехов ночью, об одиноком ночном бдении.

Пс. 6, ст. 7: ...измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу.

Пс. 101, ст. 8: Бдех и бых яко птица особящаяся на zde.

Эти места из псалмов разъясняет Иоанн Златоуст в своих поучениях «О исповедании грехов перед Богом» и «О покаянии». Он побуждает христианина каяться в грехах после каждого прожитого дня в одиноком ночном бдении, со слезами, и вспоминать, поминать каждое прегрешение. Тогда Господь простит их. «Аз есмь (говорит Бог) заглаждай беззакония

твоя и не помяну» (Книга пророка Исаии, XLIII, 25). «Видишь ли, — продолжает Иоанн Златоуст, — „Аз не помяну“, говорит Он, таково дело человеколюбия; ты же помяни, чтобы получить побуждение к исправлению. Итак, призвав свою совесть, будем требовать у нее отчета в словах, в делах, в помыслах».⁵ То есть, кроме исповедания грехов перед Богом, в исповеди перед священником с их разрешением — прощением и будущим помилованием — предполагается также суд собственной совести. И этот суд должен быть строгим, а ежевечернее покаяние — слезным. Вот об этом покаянном бдении, о суде собственной совести и пишет Пушкин свое стихотворение «Воспоминание». Заметим, что, называя его, поэт колебался. Наряду с чисто психологическим вариантом «Бессонницы» было и религиозное «Бдение». Затем от религиозного образа поэт отказался в пользу более нейтрального, но бдение осталось в тексте и словесно, и сюжетно. Что же касается нового заголовка «Воспоминание», то, помимо ассоциаций, связывающих его с античностью и новой элегической поэзией, оно имеет и глубокие религиозные корни и смысл. Воспоминание событий Священной Истории, греха первородных и его искупления пронизывает все церковные службы, в первую очередь всенощное бдение и литургию. Заметим, что слово «воспоминание» фигурирует в надписании ряда псалмов, в частности покаянного 37-го «псалма Давиду в воспоминание о судьбе». Кроме воспоминания-поминовения прегрешений и всенощного покаянного бдения, в стихотворении Пушкина присутствуют такие общие мотивы покаянных псалмов, как изображение страданий духа и тела, сердечное сокрушение, слезы, жалобы, стенания. Связь этих последних образов с религиозной лирикой обнаруживает, с одной стороны, их отсутствие в светской поэзии и прозе Пушкина: «Суровый славянин, я слез не проливал» (II, 63); «Чувствительность бывала в моде и в нашей северной природе» (V, 451), т. е. теперь не в моде: «Никто не плакал; слезы были бы — une affectation» (VI, 231). С другой стороны, об этом же свидетельствует их появление в религиозном контексте в стихотворении к митрополиту Филарету:

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

(III, 157)

В стихотворении «Воспоминание» тоже идет речь о потоках, реках слез, но и они не смывают грехов из книги памяти. Здесь в обращенном виде присутствует мотив очищения. Можно усмотреть даже возражение псалмопевцу. У царя Давида — мольба: «Омой! Очисти! Окропи иссопом да убелюся как снег». У Пушкина — или невозможность, или волевое решение: «Не смываю». Но с христианской этикой спора здесь нет. Как мы видели из поучений Иоанна Златоуста, строгий суд над собой, память о прегрешениях не противоречит христианскому учению о Божьем помиловании и прощении; напротив, является их условием. Кроме общих мотивов псалмов, в стихотворении Пушкина было поминовение прегрешений и обид (по обряду вечерней молитвы, по Златоусту и в соответствии с элегической традицией), реминисценции загробного суда, ангелов с «карающим мечом», тайн вечности и гроба, а также таких религиозных чувств и действий, как проклятие и Божий страх — трепет. Вся эта драма покаянной совести была развернута поэтом в тридцати двух строках первоначального текста.

⁵ Иоанн Златоуст. Избранные творения. Собрание поучений: В 2-х тт. М., 1993. Т. 1. С. 135 — 136; 145 — 146.

Таким образом, Пушкин строит свою духовную поэзию не по принципу парафразы — распространения отдельного мотива или текста, но по принципу сгущения, аккумуляции общих мотивов с добавлением важнейших символических образов. Выражаясь языком современной науки, он как бы создавал инвариант, модель покаянного псалма.

Второй особенностью пушкинского стихотворения была нередко отсутствующая в библейских текстах связность, собирание мотивов в единый сюжет и разворачивание его — как замечали его современники — с удивительной «живописной постепенностью». (Здесь мы должны признать влияние европейской, в истоках гомеровской традиции.)

В итоге поэтом создается не вариация, не адаптация библейского текста, но образец новой духовной поэзии. Этому образцу Пушкин придает тонкие черты места и времени. О месте свидетельствует пейзаж белой ночи в большом северном «граде» с «немыми стогнами» — площадями. Этот же образ свидетельствует и о времени расцвета Петербурга. Показателями времени и места будут также реминисценции античного искусства, свидетельствующие о восприятии европейской культурной, скульптурной и поэтической традиций. Воспоминание является как скульптура Клио со свитком в руках (дочь Мнемозины и муза истории, носительница исторической памяти народа). Сигналом связи с современной поэзией были характерные для элегии воспоминания о протекшей юности, подробно развернутые во второй части стихотворения. Потом Пушкин эту часть убрал и тем избежал излишней конкретизации, полного отождествления лирического героя с личностью поэта, добился обобщения сюжета и возможности для читателя идентификации с героем. Теперь, читая исповедь поэта, каждый мог и должен был читать книгу памяти, покаянной совести, как свою. Мы знаем, что так и читали это стихотворение, например, Л. Н. Толстой, В. В. Розанов и А. А. Ахматова, называвшая его «грандиозным». Прочитаем его и мы, — так, как оно было напечатано поэтом в «Северных цветах» на 1829 г.

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень,
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

(III, 57)

Обратимся теперь к стихотворению «Пророк» (1826). Его источником традиционно считают главу VI Книги пророка Исаии. Вместе с тем давно замечено, что взял Пушкин из нее немного: серафима и горящий уголь. Ряд картинных черт в рассказе Пророка (видение во храме, хор ангелов, жертвенный огонь, уголь, взятый клещами с жертвенника, и очищение им уст) у Пушкина опущено, а введены другие, отсутствующие в этом источнике. Поэтому исследователи уже давно пытались найти другой источник,

более близкий к пушкинскому рассказу. Привлекался Коран в связи с подражаниями ему (в 1824 г.). Назывались персонажи иранской мифологии Ормузд и Ариман (Ахурамазда и Ахриман). Последнее известное мифологическое толкование связывает «Пророка» с обрядом инициации. Сближены они на основе общей сюжетной схемы: удаление от людей (одиноким герой), испытание, превращение и возвращение к людям. Но, на мой взгляд, речь в «Пророке» идет не об испытании и возрастном превращении, но о нравственном преображении, воскресении, и в этом все дело. Пушкин опирается на Книгу пророка Исаии (VI, 6–7): «Тогда прилетел ко мне один из серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих, и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен». Но этот источник поэт использует не изолированно, а в контексте христианской культуры и строит свое повествование на важнейших ее мотивах и символах. Можно думать, что необходимыми посредствующими звеньями в христианизации источника были и тексты Евангелия, где пророчества Исаии разъясняются в христианском духе (например, Евангелие от Матфея, XIII, 13–16; Книга пророка Исаии, VI, 9–10), и православная литургия. В литургии Василия Великого и Иоанна Златоуста получила применение и символическое толкование и глава VI Книги пророка Исаии в важнейших ее моментах. Пелась песнь Богу: «Свят, свят, свят Господь Саваоф!». Диаконы изображали серафимов, воскрилия их одежд (орарь) знаменовали их шестикрылость. В духе этих же символических идентификаций Святые Дары означали вместе с тем и горящий уголь, который принес серафим с жертвенника, а ложечка, которой причащали мирян (лжица), означала те клещи, в которых серафим принес огонь с жертвенника.

Соответственно Причащение понималось как очищение, полное внутреннее очищение сердца и духа, а Тело Христово отождествлялось с огнем, что отразилось во многих молитвословиях, песнопениях и молитвах.

Подходя к Причащению, миряне должны произносить стихи Симеона Метафраста:

Се приступаю к Божественному Причащению.
Содетелю да не опалиши мя приобщением:
Огонь бо еси, недостойныя поपालяяй.
Но убо очисти мя от всякия скверны.

Перед Причащением хор поет:

«Слове Божий и Боже, угль Тела Твоего да будет мне, помраченному, в просвещение, и очищение оскверненной души моей Кровь Твоя» (5-я песнь);

«Яко же огонь да будет ми и яко свет, Тело Твое и Кровь, Спасе мой, Пречестная, опалая греховное вещество, сжигая же страстей терние, и всего мя просвещая, поклонятися Божеству Твоему» (9-я песнь).

Читается молитва Иоанна Златоуста (2-я): «...и нечистых устен, и скверного и нечистейшего моего языка. Но да будет ми угль пресвятаго Твоего Тела, и Честныя Твоя Крове, во освящение и просвещение и здравие смиренней моей души и телу, во облегчение тяжестей многих моих согрешений, в соблюдение от всякаго диавольскаго действия, во отгнание и возбранение злаго моего и лукаваго обычая, во умерщвление страстей, в снабдение заповедей Твоих, в приложение Божественныя Твоя Благодати и Твоего Царствия присвоение».

После Причащения читается молитва Симеона Метафраста (3-я): «Давый пищу мне Плоть Твою волею, огонь сый и опалаяй недостойныя, да не

опалиши мене Содетелю мой; паче же пройди во уды моя, во вся составы, во утробу, в сердце. Попали терние всех моих прегрешений. Душу очисти, освяти помышления. Составы утверди с костями вкупе. Чувств просвети простую пятерицу. Всего мя спригвозди страху Твоему. Присно покрый, соблюди же и сохрани мя от всякого дела и слова душетленного. Очисти и омый, и украси мя, удобри, вразуми, и просвети мя».⁶

В свете литургического истолкования образов видения пророка Исаии (уголь — Тело Христова, причащающийся очищается огнем в целом и изнутри, сердечно) понятно углубление и преобразование этого мотива в стихотворении «Пророк». При этом преобразовании поэт имеет в виду и главный символический смысл Святых Даров — символ Крестной Жертвы и Воскресения. Преображение Пророка идет не только через глубокое, внутреннее очищение, восприятие сердцем Божьего огня, света Христова, но и через страдание, смерть и воскресение. Так объясняется кульминация пушкинского стихотворения:

И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Встань, пророк...

(II, 304)

Преображению-очищению сердца в кульминации стихотворения предшествует очищение-преображение языка, слуха и зрения. Так Пушкин обобщает и вместе с тем дробит центральный мотив, выстраивая градацию, лестницу очищения. А в оформлении каждой его ступени вовлекает в орбиту своего изображения христианские образы и мотивы. В преобразении-очищении языка и речи (вместо внешнего очищения уст у Исаии): «И вырвал грешный мой язык,/И празднословный и лукавый,/И жало мудрая змеи/В уста замершие мои/Вложил десницею кровавой», — есть отсылки к Евангелию от Матфея (X, 16): «...будьте мудры, как змии, и просты, как голуби»; к молитве Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми». «Грешный» указывает на главное в христианской этике понятие греха, «лукавый» в славянском переводе передавало греческое «злой» и было обозначением дьявола (так в молитве «Отче наш» — «и избави нас от лукаваго»). В семантическом поле русского слова оно сближается с однокоренными «лук», «лука», «излучина» и получает дополнительные смыслы: кривой, извилистый, хитрый, лживый, которые и выходят у Пушкина на поверхность, не оставляя глубинной связи с лукавым.

Преображению-очищению языка и речи предшествует у Пушкина преобразование зрения и слуха. Речь идет об умном слушании и зрении сердечным оком. О сердечной слепоте и глухоте людей часто говорится в библейских текстах, в том числе и в Книге пророка Исаии в речи самого Бога Саваофа: «...слухом услышите, и не уразумеете; и очами смотреть будете, и не увидите. Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтоб Я исцелил их» (VI, 9—10). В отличие от «этого народа» Исаия знает правду, он видел Бога, он призван открыть глаза и возвестить Божью правду людям. Этот текст разъясняется,

⁶ Цит. по: Псалтирь. М., 1991. С. 150, 240, 241, 244, 249.

указывается и цитируется во всех Евангелиях, особенно подробно у Матфея (XIII, 14–15). Христос говорит о том, что пророчество Исаии сбывается, что люди сердечно слепы и глухи к Божьей правде. «Ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат», — обращается Он к своим ученикам, но знаменательно, что разьяснять притчи, открывать глаза Ему приходится и им. Таким образом, Евангелие переносит мотив первоначальной сердечной слепоты и Божественного Откровения также и на будущих апостолов христианства — пророков Божьей правды. Мы видим, что и здесь Пушкин следует не столько самой Библии, сколько христианскому толкованию ее. У него будущий Пророк первоначально слеп и глух к истине мира, и прилетевший серафим открывает, отверзает ему глаза и уши. Это отверзание достигается касанием рук (перстов) и трактуется как чудо. Так Пушкин реализует библейско-христианский символический образ и реализует его по образцу многочисленных евангельских рассказов о чудесных исцелениях Христа, которые Он совершал касанием руки (Евангелие от Матфея, VIII, 2–3, 15; IX, 25). Среди исцеленных касанием руки много прозревших, и это не случайно, потому что реальное зрение имеет в Евангелии (почти всегда) значение духовного прозрения, ведь око — это светильник, свет в теле. Поэтому прозрение связывается с религиозным обращением, с верой: «Тогда Он коснулся глаз их и сказал: по вере вашей да будет вам. И открылись глаза их» (Там же, IX, 29–30; XX, 34).

Это просвещающее, очищающее, отверзающее значение прикосновения руки Христа отразилось в таком символическом действии христианина, как крестное знамение. Прикосновение правой руки (перстов) ко лбу, к плечам и к груди должно очистить, просветить помыслы человека, его дела и его сердце. Заметим, что у Пушкина просвещение-очищение идет в том же направлении от мысли к сердцу, как в крестном знаменнии, и так же, как в крестном знаменнии, осуществляется правой рукой («десницей») и касанием пальцев («перстов»), и только персты у бесплотного серафима иные, чем у людей: они «легкие, как сон».

Итак, рассказ о преображении Пророка соотнесен у Пушкина с обновлением, очищением христианина в Таинстве причащения и через него с крестным путем, смертью и воскресением Христа. Обрамляется он двумя четверостишиями, построенными на ведущих библейских мотивах и христианских символах. Начинается стихотворение словами: «Духовной жаждою томим». Образ духовной жажды индивидуализирует, оживляет традиционную метафору-символ «духовная пища». Ее источником является Нагорная проповедь: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Евангелие от Матфея, V, 6). Несмотря на видимую простоту замены духовной пищи духовной жаждой, чтобы найти новый религиозный символ, нужны были чутье, прозрение, интуиция гениального поэта. Можно думать, что здесь сказалось и знание Пушкинских поэзии псалмов, где цельный образ духовной жажды (словосочетание) отсутствует, но составляющие его элементы представлены в сравнении: «Имже образом желает елень на источники водные, сице желает душа моя к Тебе, Боже» (Псалом 41, ст. 2). В 62-м псалме (он входит в шестопсалмие, читаемое ежедневно на утренней службе в православной церкви) говорится о жажде Бога в пустыне: «Боже, Боже мой, к Тебе утренюю, возжада Тебе душа моя, коль множицею Тебе плоть моя, в земли пуста и непроходне, и безводне» (ст. 2). Образ пустыни поддерживает, реально мотивирует образ жажды. У Пушкина герой тоже в пустыне. Но пустыня названа не безводной (это было бы тавтологией), а «мрачной». Мрак — один из самых устойчивых символов в христианской литературе, в противоположность «свету»

истинной веры он воплощает бездуховное существование. Наряду с символическим смыслом «мрачная пустыня» имеет у Пушкина и смыслы реальные. Один из них поддержан образом жажды в пустыне, — это черта места, географической местности. Второй содержит воспоминание о пустыне как месте действия библейских народов и пророков, — это черта времени. Третий содержит напоминание о сорокадневном пребывании, — посте Христа в пустыне. Этот буквальный, биографический эпизод из жизни Христа получает символическое отражение в 40-дневном посте христианина перед Пасхой, Светлым Воскресением. Здесь очевидно открываются возможности для включения, вовлечения в сюжет современного христианства, православия, России и самого поэта.

Есть у Пушкина и еще одна точка соприкосновения с этим евангельским эпизодом (Евангелие от Матфея, IV, 3). В пустыне Христу явился дьявол для искушения. Одним из его соблазнов была власть над миром, для чего «...берет Его диавол на весьма высокую гору, и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если падши поклонишься мне» (Там же, IV, 8—9). Этот мотив, как известно, использовал Байрон, развернув его в драме «Каин». В противоположность Байрону Пушкин представляет этот мотив так же кратко, как в Евангелии, но в обращенном виде, так сказать, с обратным знаком. К его герою является серафим, который открывает ему Божественную правду и тайны мира. Эти тайны открываются как зрению, так и слуху Пророка. Что именно открывается его зрению, скрыто умолчанием, которое подразумевает, что его вещие глаза видят все. О восприятии слухом сказано подробнее, его универсальность создается упоминанием контрастных образов и их градаций: «...неба содроганье, / И горний ангелов полет, / И гад морских подводных ход, / И дольней лозы прозябанье». Все эти образы часто встречаются в библейских текстах, в том числе и в псалмах.

Так, в 103-м «предначинательном» псалме (он читается в начале вечерней службы), в котором изображено сотворение мира, упомянуты и «глас грома», и Божьи ангелы, и горы, и воды, и звери, и птицы, и в морях «гади, их же несть числа», и прорастание травы и всяких злаков в пищу животным и человеку («прозябаяй траву скотом, и злак на службу человеку»), и вино, которое «веселит сердце человека». Добавим, что дольняя лоза (виноград) имеет в библейских текстах также и метафорическое значение как символ людей, народа. Но онтологические образы из псалма о сотворении мира переосмыслены у Пушкина гносеологически: речь идет не о сотворении мира, а о его познании. И не только о познании, но и о выражении, воплощении в слове: «виждь, внемли, глаголом жги сердца людей». Здесь открываются пути для осмысления Пророка как поэта, воплощающего все, что он видит и слышит. Было бы заманчиво увидеть здесь указание на соединение разных литературных традиций: как греко-римской с ее мимесисом — воспроизведением зримого мира (*ut pictura poesis*), так и экспрессивной библейской, рассчитывающей прежде всего на эмоциональное и слуховое восприятие. А с другой стороны, указание на собственную поэзию Пушкина, где есть и описательность — живописность, и экспрессивность — музыкальность. Даже если сам поэт о них не думал, можно предполагать эти смыслы в подтексте, интертексте его стихотворения.

В заключительном четверостишии кратко упомянуты все предшествующие образы стихотворения и представлен один из устойчивых библейских мотивов — призвание Пророка. Отметим и на этот раз его христианское переосмысление. Библейский Пророк отправляется к «этому народу». Пушкинский Пророк должен идти к людям, акцент ставится не национальный,

а гуманистический, он напоминает об апостольских словах «нет ни еллина, ни иудея» и об обращении христианства к человеку и человечности. В контексте христианства как мировой религии понятен и широкий, вселенский масштаб деятельности пушкинского Пророка: «обходя моря и земли». В этом контексте меняется и значение последней строки: «Глаголом жги сердца людей». Ее следует понимать не только в ветхозаветном плане, как обличение пороков, но и в новозаветном смысле, как очищение и обновление людских душ.

Если принять во внимание христианское переосмысление библейского источника в стихотворении Пушкина, можно предположить, что он показал в «Пророке» обобщенный образ апостола Христа (как в «Подражаниях Корану» он показал образ пророка (апостола) Аллаха (Магомета)). А если попытаться его конкретизировать, то, по-видимому, можно указать на евангелистов Матфея или Иоанна. Указание на первого будет верным, если считать, что в дополнительных, сравнительных образах стихотворения Пушкина («Отверзлись вещи зеницы, / Как у испуганной орлицы... / Как труп, в пустыне я лежал») отразилась фраза из Евангелия от Матфея (XXIV, 28): «Ибо, где будет труп, там соберутся орлы», в которой Христос пророчествует о своей смерти и ее знамениях. В первоначальном варианте стихотворение Пушкина начиналось цитатой из этой же главы Евангелия от Матфея: «Великой скорбию томим» (ср.: XXIV, 21: «Ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира донныне, и не будет»). Указание на Иоанна будет верным, если предположить, что орлица у Пушкина (ее женский род определен потребностями рифмы и «зеницы») является отражением символа этого евангелиста. Даже если поэт не имел в виду эти смыслы, остается их интертекстуальное значение. Кроме этого, образ орла — частый в Библии. Его главные значения — воплощение юности, бодрости духа и остроты зрения — ярко представлены в псалме 102, ст. 5: «...обновляется, подобно орлу, юность твоя» и в Книге Иова: «По Твоему ли слову возносится орел и устрояет на высоте гнездо свое. Он живет на скале, и ночует на зубце утесов и на местах неприступных. Оттуда высматривает себе пищу: глаза его смотрят далеко. Птенцы его пьют кровь, и где труп, там и он» (XXXIX, 27 — 30). Последний образ был известен Пушкину не только как библейский, но и как отраженный в поэзии Ломоносова: в его предложении Книги Иова и в торжественных одах.

С традицией Ломоносова связана и стилистика пушкинского стихотворения. Но Пушкин вносит в нее свои поправки. Если слог Ломоносова, «ровный, цветущий и живописный, заимлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным» (VII, 21), то Пушкин, следуя принципам Ломоносова в своей поэзии в целом, в духовной своей оде «Пророк» (в отличие от Ломоносова) просторечие исключает. Напротив, церковнославянизмы в его тексте сгущаются до характерного признака стиля. Их так много, что такой знаток языка, как Л. В. Щерба, считал, что вне стихии древнего языка стихотворение «Пророк» было бы невозможным. Эти церковнославянизмы в пушкинском тексте разнообразны. Они — лексические: «зеницы», «отверзлись», «десница», «уста»; семантические: «пустыня», «глагол», «восстань»; образно-символические: «духовная жажда», «мрачная»; словообразовательные: сложные эпитеты (в их истоках гомеровская традиция; ср. у Ломоносова «бурноногий»: «шестикрылый», «празднословный»); морфологические: «виждь», также «мудрыя змеи» (окончание, еще сохраняющееся в высокой традиции), «гад» вместо «гадов» (как у Ломоносова); акцентологические: «внѣмли» вместо «внемлі» (ср.: «вѣнем» в службе). Особо следует отметить повторение личных и притяжательных местоимений, воспроизводящее особенность библейского текста.

Таким образом, в отличие от Ломоносова и в еще большей степени от современной парафрастической поэзии Пушкин не разжижает славянизмы, а сгущает их и применяет их как всестороннюю систему, в чем он отличается даже от наиболее внимательного к стилю Грибоедова, который в стихотворении «Давид» если их и цитировал, то не последовательно. Стилизован в архаическом духе и синтаксис пушкинского рассказа. Отметим здесь свободную расстановку слов, постпозицию согласованного определения («в пустыне мрачной»), препозицию членов предложения, препозицию и дистантное расположение причастного оборота («духовной жаждою томим, в пустыне мрачной я влачился»); постановку глагола на конце предложения («влачился», «явился»), наконец, использование характерного для архаического рассказа «нанизывающего слога» (Аристотель). У Пушкина, однако, этот слог использован как оформление единого сюжета, с градацией действий и возрастающего напряжения; повторяющиеся союзы «и» выступают здесь знаком повышения интонации. Единственное, в чем Пушкин радикально расходится со своим источником, так это в собирании всех, во многом изолированных образов в единый сюжет и развертывании его с живописной постепенностью. Вот здесь он следует эпической европейской традиции, восходящей к Гомеру.

Стихотворение «Пророк» оказывается не пересказом, парафразой или вариацией имеющихся религиозных текстов, а творческим образцом, и, как многие считают, уникальным образцом (так, во всяком случае, думал Достоевский) духовной поэзии, вырастающей из души поэта, личной европейской и русской лирики, на почве античной культуры и христианской религии. Отсюда — пронзительная искренность трагического рассказа поэта, а с другой стороны — бездна смыслов, «бездна пространства», которую отметил в пушкинском слове Гоголь. Она создается поэтом и в результате восприятия, активизации ведущих символов многовековой христианской культуры. Менее всего можно думать, что «Пророк» стоит в поэзии Пушкина 1820-х годов изолированно или что автор имел здесь в виду только художественные цели. По мысли поэта, христианство «есть величайший духовный и политический переворот нашей планеты... В сей-то священной стихии исчез и обновился мир» (VII, 100). В этой «священной стихии» Пушкин пережил и нравственное, и творческое обновление и рассказал об этом в стихотворении «Пророк».

В. А. Котельников

«МОНАСТЫРЬ ЗА ОБЛАКАМИ...»

Пушкину, как никому другому, свойствен избыток жизненных сил и природных даров. Влекомый ими, он, на почве русского европеизма начала века, стремительно развивался как необычайно широкая личность. Не осталось такой культурной сферы, не осталось такого типа мироотношения, какие не были бы объаты и усвоены этой личностью. Пушкин вездесущ и всюду творчески активен. Это активность прежде всего телесно-душевного начала в нем; оно в первую очередь находит блестящее, многообразное выражение во всевозможных формах словесности, в литературном быту, в светском поведении. «Человек внешний» (т. е. по преимуществу телесно-душевный) в Пушкине рано достигает силы и совершенства, рано занимает

главенствующее положение в культурном кругу. «Человек внутренний» (т. е. по преимуществу духовный) возрастает гораздо медленнее, сокровеннее и не сразу обретает голос. Первый образуется в кипении своих и чужих мыслей, чувств, звуков, входит в мир играя. (Такого человека и имел в виду Шиллер, говоря: «Человек играет только тогда, когда он в полном значении слова человек, и он бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет»¹). Второй образуется в труде самопознания, в собирании себя самого к сердечному центру.

Но скоро оба встречаются. Начало встречам положила южная ссылка. По мере сближения в том и другом происходят немалые перемены. У первого взгляд становится задумчивей и внимательней, слух — тоньше, ум — сосредоточенней и серьезней. У второго — богаче жизненный опыт, сложнее психическое содержание, тверже воля к истинной свободе. Самый сильный инстинкт пушкинской личности — инстинкт полноты и цельности ее. Поэтому развитие Пушкина протекает как постепенное соединение человека внешнего с человеком внутренним, как подлинное одухотворение первого и жизненная реализация второго. И совершается это в конце концов в русле христианской традиции. А художественно оформляется в пушкинском творчестве, которое строится не только по законам гармонии, но и по законам ценностной иерархии вещей и слов в мире.

Юный «шалун» Пушкин, погруженный в атмосферу игры с идеями, авторитетами, сакральными предметами, с высоким и низким, со смешным и опасным, — этот Пушкин еще может писать такому же «проказнику умному» Василию Львовичу Давыдову в 1821 г. в дни Великого поста:

Я променял парнасски бредни
И лиру, грешный дар судьбы,
На часослов и на обедни,
Да на сушеные грибы.
Однако ж гордый мой рассудок
Мое раскаянье бранит...

(II, 39)

Но скоро тот же «гордый рассудок» будет не на шутку встревожен, случайно заглянув за пределы видимого мира. В стихотворении «Таврида» (1822) Пушкин, вероятно, впервые так близко к сердцу, так серьезно — хотя и мимолетно пока — пережил созерцание вечности, небытия, задался вопросом о бессмертии. Его натура инстинктивно отвратилась от меонической перспективы — от «ничтожества», как именует ее поэт, стилистически сближаясь в «Тавриде» с высоким одическим слогом XVIII в.

Ты, сердцу непонятный мрак,
Приют отчаянья слепого,
Ничтожество! пустой призрак,
Не жажду твоего покрова!
.....
Ты чуждо мысли человека!
Тебя страшится гордый ум!

(II, 103)

Отвергая небытие личное, Пушкин находит единственную разумную опору в христианской эсхатологии:

Конечно, дух бессмертен мой,

¹ Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7-ми тт. М., 1957. Т. 6. С. 302.

и это звучит уже гораздо тверже, серьезней, чем игривые строки «В альбом Илличевскому» (1817):

Мой друг! неславный я поэт,
Хоть христианин православный.
Душа бессмертна, слова нет,
Моим стихам удел неравный...

(I, 227)

Но в «Тавриде» положительное утверждение бессмертия остается решением мысли, решением общим, отдаленным. Оно не снимает острого, даже мучительного для Пушкина вопроса о посмертной участи земных чувств и отношений. Что станет с теми наслаждениями, воспоминаниями, кои сейчас бесконечно дороги ему и расстаться с которыми кажется ему невозможным? Пушкин создает превосходный религиозно-поэтический образ «миров иных», но не может смириться с мыслью, что душа его, перейдя туда, утратит то, чем жила здесь:

Ужели там, где все блистает
Нетленной славой и красой,
Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия,
Минутных жизни впечатлений
Не сохранит душа моя,
Не буду ведать сожалений,
Тоску любви забуду я?..

Зачем же бессмертие души, если она лишится там страстей, желаний, привязанностей — единственного, что достойно бессмертия?

Во мне бессмертна память милой,
Что без нее душа моя?

Эта тема долго будет волновать Пушкина. В следующем, 1823 г., он вернется к ней, еще выразительнее передав борение между верой в бессмертие, сомнением рассудка, желанием земного счастья, — в стихотворении «Надеждой сладостной младенчески дыша»:

Мой ум упорствует, надежду презирает...
Ничтожество меня за гробом ожидает...
Как! ничего! Ни мысль, ни первая любовь!
Мне страшно!.. И на жизнь гляжу печален вновь,
И долго жить хочу, чтоб долго образ милый
Таился и пылал в душе моей унылой.

(II, 142)

Чем полнее поэт изведывает жизнь, тем сильнее жажда жить и «пить из чаши бытия», тем острее переживаются земные радости, что и является источником большей части пушкинской лирики.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

(III, 169)

Как художественный вкус Пушкина требовал меры и стройности в образах, звуках, красках, так сознание его настойчиво искало стройного порядка в мироздании. Прежде всего собственное существование, преисполненное страстей, наслаждений, горестей, разочарований, заставляло все чаще задумываться над его оправданностью. Приходит время, когда он должен спросить себя: что такое жизнь — игра ли слепой судьбы, или у нее есть некое предназначение?

Порой мысль Пушкина принимает крайне скептическое направление, и им овладевает приступ тоски и уныния, как то произошло в день рождения поэта в 1828 г., когда сложились эти знаменитые строки:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
(III, 59)

Пушкин усомнился в благом даре; и сама верховная воля, вызвавшая человека к жизни, представилась ему враждебным началом:

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал?..

И вот с чем остается человек внешний, вот последний куплет вакхической песни:

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

Не будем повторять старой пошлости, что Пушкин был одинок и не понят, что его окружала среда холодная и неотзывчивая. К нему прислушивались; изливавшиеся в стихах его движения души вызывали сочувственное внимание многих. Слово Пушкина, умонастроение его были существенным элементом русской жизни.

Разумеется, что такие стихи, как «Дар напрасный...», не могли не вызвать отклика. Поэту отвечал живой, искренний голос современника, человека глубоко верующего, образованного и талантливого. То был голос митрополита Московского Филарета (Дроздова), выдающегося иерарха и духовного писателя.²

Он отозвался на «выстраданный стих, пронзительно-унылый» также стихами. Они как будто продолжают речь Пушкина — только уже Пушкина иного, внутренне пережившегося, обретшего новое понимание себя и мира:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.

Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум —
И соиздается Тобою
Сердце чисто, светел ум!

---

² Митрополит Филарет признавался Шевыреву, что это его стихи были помещены (без подписи) в альманахе «Звездочка».

Ошибется тот, кто увидит здесь полемическое возражение богослова светскому поэту или архипастырское вразумление заблудшему сыну. Скорее уж следует видеть христиански кроткую, но вместе с тем и отечески твердую поддержку в минуту душевной немощи ближнего своего.

В сущности же оба стихотворения есть временно разрозненные страницы одного текста, в котором отразился момент русского богопознания. Впрочем, и ветхозаветному человеку были знакомы эти ступени — томление духа и восхождение его к Богу — как две связанные части единого пути. Вспомним 115-й псалом. В начале его Давид признается: «Я веровал, и потому говорил: я сильно сокрушен. Я сказал в опрометчивости моей: всякий человек ложь». Но затем он возвышается над этой скорбно-скептической мудростью (как впоследствии и сын его Соломон в Книге Екклезиаста) и славит благой дар Божий и обновляется духом: «Что воздам Господу за все благодеяния Его ко мне? Чашу спасения прииму и имя Господне призову. Обеты мои воздам Господу пред всем народом Его».

Филарет высказал то, к чему внутренне тяготел Пушкин, что давно зрело в глубине души и уже исколо выразиться в поэтической форме. Человек внутренний достаточно возрос и возмужал в Пушкине, когда он в январе 1830 г. отвечал митрополиту:

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.

(III, 157)

Сквозь благородную сдержанность тона, сквозь дисциплину слога, входящую к высокой риторике, неудержимо пробивается «исповедь горячего сердца», весьма даже близкая в иных чертах к исповеди Митеньки Карамазова перед монашествующим братом Алешей. «Потоки слез нежданных», «раны совести» — это очень интимно, по-пушкински подлинно (ср. стихотворение «Воспоминание», 1828), и в таком психическом освещении особенно отчетливо выступает новое душевное состояние поэта, новое направление духа. Очевидна потребность в строгой самооценке, в «трезвении ума» (аскетический термин), в покаянии, в смирении, в утешении, наконец, в религиозном и творческом вдохновении свыше. Замечательна завершающая стих звучная переключка с «Пророком». Приняв в душу огонь духовный, поэт ныне открыт «музыке горних сфер», он чутко внемлет тому же

серафиму, который некогда раскрыл в Пророке способность слышать зов Божий и исполнять волю Его.

Предвестие нового состояния находим уже в 20-е годы — в том, как разрешается коллизия между двумя знаменательными фигурами пушкинского мира, между двумя началами его натуры: Ангелом и Демоном.

Обаяние демонических соблазнов с ранних пор было знакомо Пушкину. Еще «в начале жизни» они являлись ему в люциферическом блеске языческих кумиров — «то были двух бесов изображенья»:

Один (Дельфийский идол) лик молодой —
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.

Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал —
Волшебный демон — лживый, но прекрасный.
(III, 191)

Лишь много позже Пушкин вполне понял их природу и их власть над его душой. Но тогда — тогда, вспоминает он,

Я предавал мечтам свой юный ум,
И праздномыслить было мне отрада.

.....
Безвестных наслаждений темный голод
Меня терзал.

Тогда он не внимал той Величавой Жене, в чьем образе в 1830 г. он аллегорически воссоздаст черты православной Церкви и дух христианского просвещения:

Смиренная, одетая убого,
Но видом Величавая Жена
Над школою надзор хранила строго.

.....
Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.

Дичась ее советов и укоров,
Я про себя превратно толковал
Понятный смысл правдивых разговоров.

Его помыслами овладевали другие силы:

Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.

(II, 144)

Тоска, скука, уныние, сменяющие «бешенство желаний» и упоение страстей, являются как душевно-телесные воплощения демонического начала. Это всегда отрицание бытийных смыслов, духовная пустота: «сердце пусто, празден ум»; это омрачение сознания и искажение картины мира.

Но происходит встреча Демона, «мрачного и мятежного», с сияющим Ангелом, и в символической этой встрече рождается новое духовное качество:

Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.
(III, 18)

«Жар умиленья» все чаще пробуждается и в самом Пушкине — как чисто христианское, любовно-благодарное отношение к миру, к ближнему, и в поэтическом словаре его это понятие занимает все более важное место. В «Ответе анониму» (1830) он обращается к неизвестному, приславшему поэту стихи по случаю предстоящего брака (то был И. А. Гулянов): «Благодарю тебя душою умиленной» (III, 170). Он наделяет «милую Татьяну» «взором умиленным» и «умиленными очами» (в VII главе, которая писалась в 1827 г.). «Умилительную кротость» находит он в древнерусских летописцах (см. его «Письмо к издателю „Московского вестника“») и переносит ее в образ своего Пимена. Умиление переживает он, произнося великопостную молитву Св. Ефрема Сирина.

К 1830-м годам Пушкин воспринимает как глубоко личную проблематику традиционные философские и этические вопросы христианства. Используя широко разрабатываемые литературой темы, заимствуя сюжеты и образы, он неизменно вкладывает в них свой интимный духовный опыт. Изображая культурно неблизкого ему героя религиозно-мистических исканий, он тесно связывает с ним собственные настроения. Основу для стихотворения «Странник» (1835) поэт взял из книги английского писателя-мистика Джона Беньяна «The Pilgrim's Progress...» (1678). Но в облике и в обстоятельствах беньяновского Кристиана всюду выступает внутренний человек Пушкина. Несомненно, это он — «духовный труженик», влачащий вериги сомнений и влекомый надеждой спасения; это эпизоды его душевных скитаний рисуются в начале:

Однажды, странствуя среди долины дикой,
Незпно был объят я скорбию великой...
(III, 310)

Это о его прозрении повествуется в четвертой части:

Я оком стал глядеть болезненно-отверстым,
Как от бельма врачом избавленный слепец.
«Я вижу некий свет», — сказал я наконец.

Многозначительно совпадение строки «Как раб, замысливший отчаянный побег» с лирической самохарактеристикой в стихотворении «Пора, мой друг, пора» (1834): «Давно, усталый раб, замыслил я побег». В обоих случаях это не былой «поэтический побег» («К морю», 1824) в романтическую беспредельность, но побег из мира дольного в мир горний, в мир истинной свободы.

О том, что было особенно дорого Пушкину в православной духовности, свидетельствует выбор им для стихотворного переложения молитвы подобного Ефрема Сирина. Как вспоминает Вяземский, Пушкин говаривал, что молитва эта «так и дышит монашеством».³

И действительно, молитвенное творчество отца-пустынника Ефрема Сирина совершалось в монашеской келье, оно изливалось из аскетического опыта великого подвижника, который в юности знал немалые нравственные «преткновения», знал и сомнения в Божием промыслении, а затем, претерпев страдания (он был заключен в тюрьму по ложному обвинению),

³ Вяземский Н. А. Полн. собр. соч.: В 12-ти тт. СПб., 1882. Т. 7. С. 508.

стал учеником Св. Иакова Низибийского и удалился в пустыню. Его молитва, с коленопреклонением, венчает великопостные часы и вечерню, выражая собою глубину покаяния и стремление очиститься пред Господом.

«Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему. Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

Пушкин безошибочно ощутил здесь иноческий «дух сокрушенный», столь умилявший его, и вместе с тем — то аскетически-твердое стояние пред Богом, в ясном сознании греховности и немощи своей и в желании преодолеть их в себе с благодатной помощью, — то стояние, что «падшего крепит неведомою силой».

Насколько же созвучен — религиозно и поэтически — оказывается Пушкин молитвенному вдохновению великого аскета и песнеслагателя!

Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначала, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

(III, 337)

Личности Пушкина необходим был трансцендентный упор, ему необходимо было прочное основание для нового, на переломе жизни, «внутреннего строения», для новой духовной и душевной дисциплины. Лирика последних лет говорит об этом вполне определенно. Сама красота, служением которой была его поэзия, постепенно приобретает у него иной смысл, ибо питается иными источниками. Рядом с аполлоническим мелосом слышны знаменные распевы, сквозь узоры мирского искусства видны очертания воцерковленной культуры.

Задатки пушкинской природы, нравственные склонности его (ясно различимые в творчестве) позволяют серьезно отнестись к известному предположению В. Соловьева: «Если бы Пушкин жил в средние века, то... он мог бы пойти в монастырь, чтобы связать свое художническое призвание с прямым культом того, что абсолютно достойно. Ему легко было бы удалиться от мира, в исправление и перерождение которого он, как мы знаем, не верил». Но и не в средние века, а в ситуации XIX столетия для Пушкина оказался возможным близкий к названному исход, на что также указал наш философ: «Поэт избрал другой род аскетизма: он женился и стал отцом семейства».⁴

Не спешите с возражениями Соловьеву — они скорее всего окажутся поверхностными. Лучше прислушайтесь к выстрадавшему мнению К. Леонтьева, который, оставаясь в браке, около пятнадцати лет был полумирским послушником у старца Амвросия в Оптиной пустыни. «С первого взгляда, — говорит Леонтьев, — кажется, например, что монашество, отрекающееся от семьи, есть логическая антитеза семьи. Однако на деле оказывается иное. Брак есть своего рода аскетизм, своего рода отречение. Строгий, религиозный, нравственный брак есть лишь смягченное монашество — иночество вдвоем или с детьми учениками».⁵

⁴ Соловьев В. С. Собр. соч.: В 10-ти тт. СПб., 1913. Т. 9. С. 43, 44.

⁵ Леонтьев К. Н. Отшельничество, монастырь и мир. Их сущность и взаимная связь: Четыре письма с Афона. Сергиев Посад, 1913. С. 39.

В поэзии Пушкина монастырь обычно вдали. Расстояние до него много больше биографического расстояния от Михайловского до святогорских келий: лирическая даль знаменует задачу преодоления этого расстояния душой поэта.

Пейзаж «Монастыря на Казбеке» — превосходный образ христианской аскетики. «Царственный шатер» Казбека — это вершина земного мира, острое Божия творения, озаренное уже «вечными лучами». А монастырь «парит» над вершиной, «как в небе реющий ковчег» — как обитель спасения из потопа мирского греха и несвободы. Когда-то излюбленная тема внешней «воли» теперь переходит у Пушкина в тему внутренней свободы, свободы человека духовного и естественно связывается с аскетическим восхождением к свободе. «Подняться к вольной вышине» значит освободиться от внешнего, от соблазнов и зависимостей, вырваться из мирского ущелья. Не романтическая тоска по небесной бездонности, беспредельности владеет поэтом, но тоска по близости к Богу:

Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!..

И вслед за взглядом, поднятым горé, раздается невольный вздох. Внезапно, и тем более искренно, выговорилось одно из самых задушевных стремлений поэта.

К образу монастыря-ковчег возникает поэтическая параллель: «далекий, возжеланный брег», — образ, принадлежащий романтической традиции и там достаточно неопределенный, условный. Пушкин возвращает его в ряд христианской символики. Далекий брег — пристанище духа, преодолевшего мирское море, обитель дальняя... Она же влечет поэта в 1834 г.:

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

(III, 258)

Как показывают нам факты, Пушкин весьма последовательно шел к новой и, вероятно, заключительной в его биографии жизненной теме: сосредоточенному самопознанию и самоустроению в свете христианских идеалов. Не подлежит сомнению и то, что путь углубляющейся внутренней аскезы был бы органичен и пушкинскому призванию в культуре, и его творческому развитию, и интимно-духовной природе поэта.

В. А. Котельников

ХРИСТИАНСКИЙ РЕАЛИЗМ ПУШКИНА

Видеть в пушкинском «Пророке» продукт чисто литературного интереса к Библии и Корану и результат тонкой стилиевой работы со славянской архаикой многим уже кажется недостаточным. Приходится делать допущения о «настоящей» пустыне, запредельной для всего человеческого, о реальной «встрече с Божественным словом».¹ Действительно, мало сказать,

¹ *Гаспаров Б. М.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. Вена, 1992. С. 242.

что Пушкин крайне серьезен в «употреблении церковнославянизмов»,² мало сказать, что «выбор языковых средств зависит у Пушкина не от описываемого объекта (темы), а от позиции описывающего субъекта»³ (хотя на уровне прагматики это бесспорно так).

В «Пророке» всякое рациональное (или иррациональное) использование слова подчинено чрезвычайному событию, захватившему всю личность Пушкина. О нем свидетельствует не предметно-тематическое содержание стихотворения, не соотношенность с эпизодом из Книги пророка Исаии, а необычная, уже как бы и нелитературная внутренняя напряженность речи, что позволяет исследователю говорить о «перерождении, явленном буквально», о последнем, уже почти надчеловеческом «завершении самоосознания и самоопределения».⁴

Что же происходит в «Пророке»? С точки зрения позитивистского литературоведения — ничего; между другими шедеврами превосходно развитая контаминированная из библейских и коранических источников тема; в ее словесном ореоле, насыщенном высокими славянизмами, еще большую значительность получает фигура современного поэта.

С точки зрения филолога-богослова, чуткого к метафизике языка, происходит вот что: в «Пророке», «самом серафическом из всех своих произведений», Пушкин «дал картину пророческого посвящения, единственную в своем роде, с открытием внутренних чувств и единого духовного чувства, „умного чувства“ древнецерковных аскетических писателей (ноэра эстетизис), этого ключа к внутренним откровениям. Вот почему была Пушкину открыта и тайна русского языка... Мистерию русского языка нужно искать у Пушкина и его прямого ученика Лермонтова».⁵

Происходит акт религиозно-языкового творчества, в котором литературное слово вступает в обжигающе-близкое соприкосновение с ветхозаветным мотивом пророчества. «Славянизмы», «русизмы» оплавляются, сливаются в новом языковом веществе, кристаллически чистом, свободном от мутных примесей тварно-чувственной речи. Это акт личной пушкинской глоссолалии, совершающийся поверх стихийных психических состояний, умонастроений, вкусов. Слово становится столь духовно упорядоченным, прозрачным, что в нем просвечивает Логос, а не буква Писания. Такой результат достигается на предельном и редком подъеме личных языковых даров, на пике развития национального языка. Он не может принадлежать авторской манере, литературному течению. Его нельзя имитировать. Он проявляется экстатически. Это стиль продолжающегося откровения Святого Духа, о чем говорил Григорий Богослов и к чему вернулась русская религиозная философия нашего века.

То есть это язык Церкви. Пушкин выступает создателем русского «православного языка», что правомерно ставит ему в заслугу А. Н. Архангельский;⁶ им же показано, что язык «Пророка» проистекает не только из ветхозаветной книги, но и укоренен в символическом языке церковного Таинства: так, образ «угля, пылающего огнем» восходит не напрямую к

---

² *Мурьянов М. Ф.* Поэтика старославянизмов // Сравнительное изучение литературы: Сборник статей к 80-летию академика М. П. Алексеева. Л., 1976. С. 16.

³ *Успенский Б. А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). М., 1994. С. 174.

⁴ *Скотов Н.* Русский гений. М., 1987. С. 262.

⁵ *Позов А.* Метафизика Пушкина. Мадрид, 1967. С. 64, 187. Ср. суждение С. Н. Булгакова о действительном «обрезании сердца», о реальном призвании к пророческому служению, заключенном в самих пушкинских словах о Пророке (*Булгаков С.* Жребий Пушкина // Наше наследие. 1989. № 3. С. 19).

⁶ *Архангельский А. Н.* «Огнь бо есть...» // Новый мир. 1994. № 2. С. 238.

Исаие, а к молитве Св. Иоанна Златоуста из последования к Святому Причащению.⁷ В ней читаем: «Ниже моих возгнушайся скверных онья уст и нечистых, ниже мерзких моих и нечистых устен, и скверного и нечистейшаго моего языка. Но да будет ми уголь Пресвятаго Твоего Тела, и честныя Твоя Крове, во освящение и просвещение и здравие смиренной моей души и телу». Отсюда «уголь» перешел и в пятую песнь канона.

«Уголь, пылающий огнем» — несомненно символ (но не метафора) Св. Причастия; причем огонь как очищающее начало в нем господствует и многократно упоминается в разных частях последования: в Троицен, в девятой песни канона, в молитвах Св. Симеона Нового Богослова, Св. Иоанна Дамаскина, в стихах Симеона Метафраста.

Замечательно, что пятая песнь канона прямо связывает «уголь» со Словом Божиим. Православное Предание, в лице Св. Василия Великого, разъясняет эту связь: «...под горящим углем будем разуметь истинное Слово, которое, разжигая и обличая, очищает ложь в тех, к кому будет принесено действенною Силою». «И ни мало не странно, — добавляет Св. Василий, — что горящий уголь толкуется о естестве Слова, по свидетельству псалма, в котором говорится: „разжжено слово Твое зело, и раб Твой возлюбие“ (Пс. 118: 140)».⁸

Вот прекрасный комментарий к «Пророку»; вот происхождение «человека словесного» в Пушкине. Через него язык Церкви выходит из ветхой книжности и творчески вступает во внецерковную литературу — в формах пророческого лиризма. Тут не «переложение» пятого евангелиста (как иногда именуют Исаию), а продолжение его речи в новом языковом и культурном контексте.

Следуя своим верховным языковым интуициям, Пушкин легко переступает через прочные, казалось бы, стиливые привязанности, навыки письма. Еще наружно погруженный в словесную стихию «парнасского афеизма», он «из внутреннего убеждения» проповедует П. А. Вяземскому важность первобытно-библейского элемента в русском языке, «грубость и простоту» в противовес «французской утонченности».⁹ Его восхищают псалмы (как он признается П. Я. Чаадаеву в письме от 6 июля 1831 г.), богатые именно этим элементом, и понятно, почему он неодобрительно отнесся к попытке Ф. Н. Глинки «облегчить» библейский слог в эпизоде из Исаии,¹⁰ назвав это подражание «ухарским псалмом» (дневниковая запись от 22 декабря 1834 г.). Пушкина привлекала не внешняя фактура библейско-славянских речений, а онтически цельная их сердцевина, тяжесть первобытия («первобытный наш язык», говорит Пушкин), первосмысла, еще не знающих «вавилонско-французского» расчленения. Их-то и хотели изгнать из поэтического языка те противники Шишкова, которые адресовали (в частности, И. С. Захарову) такого рода обвинения:

Другой хотел быть Цицероном,
Как буйвол в дебрях заревел,
Тяжелым, грубым, древним тоном
Тебе псалом свой прохрипел.¹¹

Пушкин не перелагал псалмов, однако В. В. Розанов отыскал у него псалмодическую струю и, кажется, не ошибся. «Его „Когда для смертного

⁷ Там же. С. 237.

⁸ Творения иже во Святых отца нашего Василия Великого... М., 1891. Ч. 2. С. 208.

⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. М., 1958. Т. 10. С. 76.

¹⁰ У Глинки — «Слова Адонай к мечу» (Сочинения Федора Николаевича Глинки: Духовные стихотворения. М., 1869. Т. 1. С. 435—436).

¹¹ Стихи приписывались А. П. Брежинскому (см.: Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971. С. 490).

умолкнет шумный день...” одинаково с 50-м псалмом („Помилуй мя, Боже”). Так же велико, оглушительно и религиозно. Такая же правда». ¹² Проверим розановское впечатление и посмотрим, какая «правда» заключена в этой вещи. «Одинаковое» с псалмом здесь то, что открывается «сердце сокрушенно и смиренно» — именно так, как у Давида, когда, по согрешению с Вирсавией, он обличен был Нафаном и со страхом и надеждой вопиал к Господу: «Яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну» (Псалом 50, ст. 5). Затем — язык: он действительно слишком «велик» и величествен для обыденной моральной рефлексии, слишком «оглушительен», религиозно-серьезен для элегии. Но это не болезненно-смятенный, захлебывающийся язык уязвленной совести, не находящей слов, образов, тона, не знающей, к кому и как обратить свой голос. Это язык православного самопознания, он подчинен строгой духовной и художественной дисциплине, в нем встречаются Церковь и литература.

В своих истоках он определяется состоянием религиозной метанойи, что и ставит стихотворение рядом с псалмами (в первую очередь с 50-м). Движение же лирического дискурса происходит в русле православной аскетики, ¹³ чей речемыслительный и речеэмотивный инструментарий (тщательно переносимый традицией с греко-сирийской почвы на славянскую и русскую) налицо. А именно: топика, словарь, логикосемантическая композиция высказывания точно соответствуют тому фазису «внутреннего делания», который вводит в покаяние через познание греха, очищение и «трезвение» ума.

Св. Феодор Эдесский говорит о трезвении: «Мы же, братие, не дадим себе забыть о своих падениях, хотя бы казалось, они прощены уже нам в силу покаяния нашего, но всегда будем памятовать о грехах своих и оплакивать их не перестанем». ¹⁴ Аскет и поэт Св. Ефрем Сирин так описывает «вспоминательное» созерцание своей греховности: «Хочу же объявить вам, возлюбленные мои, о великом страхе и трепете души моей, в каком я, бедный и рассеянный, находился в один день. Сидел я наедине в одном нешумном, безмолвном и возвышенном месте, размышлял сам с собою и перебирал жизнь сию, ее заботы, смятение, молву и, заплакав, стал говорить сам себе: „Почему жизнь эта проходит, как тень?.. Для чего же по слабости своей связаны делами и помыслами непристойными?“» ¹⁵

Первое и неперемное условие ясного «вспоминания» грехов и трезвого «рассуждения» о них есть безмолвие, выход из мира — наставляет Авва Исаия: «Но рассуждения достигнуть невозможно тебе, если в возделание его не употребишь сначала безмолвия (удаления от шума мирского)». ¹⁶ Вот откуда «умолкнет шумный день», «вспоминание безмолвно предо

¹² Розанов В. В. Уединенное. М., 1990. Т. 2. С. 432.

¹³ С нею прямо связывает пушкинскую религиозность и творчество С. Л. Франк: «Пушкин на основании внутреннего опыта приходит прежде всего к своеобразному аскетизму, который означает «просветление души, победу над мятежными страстями высших духовных сил благоговения, любви и благоволения к людям и миру. (...) Таково развитие нравственного сознания в узком смысле слова от тяжких, как бы безысходных угрызений совести к тихой сокрушенности и светлой печали (ср., напр., „тяжкие думы”, „в уме, подавленном тоской” в „Воспоминании” с „сладкой тоской” тихого покаяния в „Воспоминании в Царском Селе”). Религиозный характер этого мотива духовной жизни очевиден и там, где он не выступал отчетливо словами. (...) Пушкин, исходя из изложенных отправных пунктов своей самобытной религиозности, достигает основных мотивов христианской веры — смирения и любви» (Франк С. Религиозность Пушкина // Путь. 1933. Сентябрь-октябрь (№ 40). С. 38—39).

¹⁴ Добротолюбие в русском переводе. М., 1900. Т. 3. С. 386.

¹⁵ Творения Св. отца нашего Ефрема Сирина. Сергиев Посад, 1895. Ч. 1. С. 233.

¹⁶ Добротолюбие в русском переводе. М., 1905. Т. 1. С. 353.

мною...». И слово «смертный» Пушкину важно вовсе не в роли книжно-стилевого сигнала, а как смысловыделяющее указание на тварную, тленную природу человека, принадлежащую «шумному дню» и суетному «граду» (не заглядывая в городские улицы, говорит Ефрем Сирин подвижнику, не скитаясь по городским площадям), которой аскетически противоплагается и лирически противостоит «человек внутренний» в поэте («для смертного» — «для меня»).

Еще далеко от того духовного «нощного бдения», о котором сказано: «Душа, трудящаяся над тем, чтобы пребывать в сем бдении, и благоприлично живущая, будет иметь херувимские очи, дабы непрестанно возводить ей взор и созерцать небесное зрелище».¹⁷ Но и «томительное бдение» предвещает и предвзвешивает его,¹⁸ ибо, как уверяет Авва Евагриус Понтийский, «этот томящий людей дух бывает причиною и доброго покаяния».¹⁹ То, что было хорошо известно Симеону Новому Богослову по собственному опыту — «великое томление сердца», от которого человек плачет и вопиет к Господу о падениях своих: «Ныне же, приведши сие на память, вострепетал я и не знаю, что делать». И утоляет томительную духовную жажду «вином сокрушения», «чтобы питием таким очищать себя паче и паче».²⁰ К образу «вина сокрушения» приводит устойчивый в языке аскетики мотив тяжести; он удвоен у Пушкина:

...В уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток.

«Самоуничжение, — говорит Св. Григорий Палама, — и одно само по себе, как некое мысленное точило для умовой части души, тяжело гнетет и сокрушает и спасительное выжимает вино, веселящее сердце человека, внутреннего нашего человека. Вино же сие есть сокрушенное умиление, которое плачем сокрушает страсти и душу исполняет блаженной радости, избавив от сей лютой тяготы».²¹ «Я — душа, подавленная скорбию», — восклицает Ефрем Сирин.²²

Естествен (даже неизбежен) в этом ряду другой пушкинский образ: «Змеи сердечной угрызенья». Его нельзя отнести ни к авторским изобретениям, ни к распространенным поэтизмам. Он связует в новое метафорическое целое, художественно оживляет и заостряет два тропа (один — стершийся до фразеологизма), частых в аскетических сочинениях. Оба находим, например, в подвижническом слове блаженного Диодоха: «Когда благодать не обитает в человеке, духи злые, наподобие змий, гнездятся в глубине сердца»; а «раздвоенному сомнению» уму становятся недоступны премирные блага по причине «частых угрызений обличающей совести».²³ У Св. Иоанна Кассиана Римлянина: «душа, пожираемая угрызениями всекокрушительнейшей печали».²⁴

Замечательна семантика слова «мечты» («мечты кипят»). В ней на глазах бледнеет и угасает набор значений и коннотаций, обычный для поэтического употребления («И сколько неги и мечты!..», «Мечту прекрасную свободы...», «Мечтой то грустной, то прелестной...»). Контекст

¹⁷ Творения Св. отца нашего Аввы Исаака Сириянина. Сергиев Посад, 1911. С. 357.

¹⁸ Потому всякое бдение должно предпочесть сну: «Будем бодрствовать и бдить, отвергнем сон беспечности» (Творения Преподобного Максима Исповедника. М., 1993. Кн. 1. С. 94).

¹⁹ Добротолюбие... Т. 1. С. 626.

²⁰ Слова Преподобного Симеона Нового Богослова: Вып. 2. М., 1890. С. 172, 174, 177, 178.

²¹ Добротолюбие... М., 1900. Т. 5. С. 275.

²² Творения... Ефрема Сирина. Ч. 1. С. 249.

²³ Добротолюбие... Т. 3. С. 18, 54–55.

²⁴ Добротолюбие... М., 1895. Т. 2. С. 64.

актуализует иной семантический слой, связанный с терминологическим употреблением слова в аскетике: «мечтательные помыслы» (Ефрем Сирийский), «ум, очищенный от всякого мечтания о вещественном» (Максим Исповедник), «много будет мечтаний, совершаемых зверем» (Ефрем Сирийский), «демоны принимают на себя подобие и показывают душе мечтания, приводящие ее в ужас» и «многие поруганы были мечтаниями и через то пришли в глубину отчаяния» (Исаак Сирийский). Последний автор дает рядом два словоупотребления, вплотную подводящие к пушкинской симфоре: «Какое море волнуется и кипит так от бури, как мятется ум...» — «окружает его сборище помыслов, заключающих в себе пустые и срамные мечты».²⁵

Мотив, присутствующий в стихах («И с отвращением читая жизнь мою...» и т. д.), варьируется у многих аскетических писателей, не выходя, однако, из установившегося круга понятий и языковых средств, к которым прибегает и Пушкин. Св. Григорий Палама писал инокине Ксении: «Когда же ум отторгнется от всего чувственного и, возникнув от потопления заботою о сем, начнет всматриваться во внутреннего человека, тогда увидев лицо его до отвратительности загрязненным от блуждания долу, во-первых, спешит обмыть его плачем».²⁶

Наконец, тематическая метафора «свиток воспоминания» есть превращение излюбленного аскетами образа «рукописания жизни своей, какое пишем своими руками» (Исаак Сирийский), «рукописания грехов» (Ефрем Сирийский). Это подтверждается сходством сюжетной разработки образа у аскетов и у Пушкина.

Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток:
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

В словах «второго ведения» преподобного Петра Дамаскина: «Хотел я слезами омывать рукописание согрешений моих, Господи, и в остальное время жизни покаянием благоугодить Тебе, но враг обольщает меня и борет душу мою».²⁷ В слове Ефрема Сирина: «...чтоб немногими слезами изгладилось великое рукописание и небольшим плачем угашен был там пламенеющий огонь».²⁸

Очевидно, что в движение лирического дискурса Пушкина широко вовлекается аскетическая традиция — ее речевые жесты, ее лексика, тропы и пр. «Психологическое содержание» углубляется до пневматологического, в литературной исповеди проступает покаянная речь.²⁹

Так богословствует язык поэзии.

²⁵ Творения... Исаака Сириянина. С. 184.

²⁶ Добротолюбие... Т. 5. С. 275.

²⁷ Творения Преподобного и Богоносного отца нашего Священномученика Петра Дамаскина. М., 1902. С. 66—67.

²⁸ Творения... Ефрема Сирина. Ч. 1. С. 199.

²⁹ О. Шпенглер полагал, что в Новое время произошло окончательное замещение Таинства покаяния исповедальностью индивидуального творчества (*Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1922. Bd 2. S. 362*). Такими видятся пути искусства в свете кризисов западного христианства; идея живой религиозно-мистической мотивации словесного творчества — вне подобных представлений, свойственных новейшему гуманизму.

МОЛИТВЫ В ТЕКСТАХ ПУШКИНА

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

А. Пушкин

1

Молитвенные произведения Пушкина нам едва знакомы: в советских изданиях мы не найдем «Молитвы» 1836 г. — это пушкинское заглавие снято. Другие стихотворения на данную тему спрятаны. Между тем молитвы слышны в стихах и письмах Пушкина: это и внутренние молитвы его души, и переложения молитв известных. По свидетельству современников, поэт «был проникнут красотой многих молитв, знал их наизусть и часто твердил их».¹ Во многих произведениях Пушкина молитва играет значительную оценочно-смысловую роль. Есть ясная закономерность в том, о чем и за кого молятся поэт и его герои.² Первое по времени создания произведение Пушкина, которое называется молитвой, относится к 1816 г. Это «Молитва русских», написанная по заказу директора Лицея для исполнения после торжественного богослужения в пятую лицейскую годовщину. В 10-томном полном собрании сочинений стихотворение отнесено к разделу «Коллективное» на том основании, что первая строфа принадлежит В. А. Жуковскому, но коллективного творчества как такового не было: Пушкин по собственной воле (или по заказу директора Е. А. Энгельгардта) использовал известную молитву «Боже, царя храни», сочиненную Жуковским, и продолжил ее двумя оригинальными строфами:

Там — громкой славою,
Сильной державою
Мир он покрыл.
Здесь безмятежною
Сенью надежною,
Благостью нежною —
Нас осенил.

(I, 270)

«Молитва русских» оказывается молитвой лишь по названию. Смеем предположить, что Пушкин *не хотел* молиться за Александра. Его резкое неприятие императора вполне определилось через год: в оде «Вольность» Пушкин вспомнил событие, к которому был причастен Александр I, — убийство его отца императора Павла — и дал этому событию однозначную оценку:

О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..

(I, 287)

¹ П. А. Вяземский — А. Я. Булгакову. Письмо от 5 февраля 1837 г. // Русский архив. 1879. Кн. 2. № 5. С. 244.

² Помимо посланий к Н. Г. Ломоносову (1814), Пушину (1815), В. Л. Пушкину (1816) с темой молитвы связано стихотворение «Сон (отрывок)» (1816), где Пушкин вспоминает «мамушку» своего детства:

Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня...

(I, 168)

Это событие определило отношение Пушкина к Александру. Искренних молитв за царя в сердце Пушкина не было, вероятно, уже в Лицее. К образу царя, захватившего власть через убийство, поэт обратился в 1824—1825 гг. в трагедии «Борис Годунов», где тема молитвы звучит с небывалой доселе в творчестве Пушкина силой.

В первых же сценах сообщается о торжественном молебне Патриарха Иова в Кремле, и думный дьяк призывает народ:

Молитесь — да взыдет к небесам
Усердная молитва православных.
(V, 193)

«Смирять себя молитвой», — поучает Григория монах-летописец Пимен и говорит о себе:

..... Доньне — если я
.....
Не сотворю молитвы долгой к ночи —
Мой старый сон не тих и не безгрешен...
(V, 201)

«Юродивый, вставай, / Богу помолися!» — поет Николка (V, 259). Из рассказа Пимена мы узнаем о молитвах братии Чудова монастыря за Ивана Грозного:

И плакал он. А мы в слезах молились,
Да ниспошлет Господь любовь и мир
Его душе страдающей и бурной.
(V, 202)

Пимен предвидит, как «потомки православных»

Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.
(V, 199)

Можно сказать, что трагедия Пушкина наполнена молитвами. Между тем в ней имеется один герой, за кого никто не молится и кто не молится сам. Это — Борис Годунов. Из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина Пушкин знал, что реальный, исторический Борис Годунов очень заботился о том, чтобы о нем молились, и даже приказывал делать это. Карамзин пишет: «Святое действие души человеческой, ее таинственное сношение с Небом Борис дерзнул осквернить своим тщеславием и лицемерием, заставив народ свидетельствовать пред Оком Всевидящим о добродетелях убийцы!..».³ Карамзин приводит саму молитву, которую Годунов велел составить «для чтения по всей России, во всех домах, на трапезах и вечерах, за чашами, о душевном спасении и телесном здравии „слуги Божия, Царя Всевышним избранного и превознесенного, самодержца всей Восточной страны и Северной; о Царице и детях их; о благоденствии и тишине Отечества и Церкви под скипетром единого христианского Венценосца в мире, чтобы все иные властители пред ним уклонялись и рабски служили ему, величая имя его от моря до моря и до конца вселенныя; чтобы россияне всегда с умилением славляли Бога за

³ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1843. Т. 11. С. 57.

такого Монарха, коего ум есть пучина мудрости, а сердце исполнено любви и долготерпения; чтобы все земли трепетали меча нашего, а Земля Русская непрестанно высилась и расширялась; чтобы юные, цветущие ветви Борисова дома возрастали благословением Небесным и непрерывно осеняли оную до скончания веков!»⁴

Как и Карамзина, Пушкина, вероятно, поразили кощунственный смысл этой подменной молитвы, и он в своей трагедии использовал ее:

Шуйский.

.....
Ну, гости дорогие,
Последний ковш! Читай молитву, мальчик.

Мальчик.

Царю небес, везде и присно сущий,
Своих рабов молению внемли:
Помолимся о нашем государе,
Об избранном тобой, благочестивом,
Всех христиан царе самодержавном.
Храни его в палатах, в поле ратном.
И на путях, и на одре ночлега.
Подай ему победу на враги,
Да славится он от моря до моря.
Да здравием цветет его семья,
Да осенят ее драгие ветви
Весь мир земной — а к нам, своим рабам,
Да будет он, как прежде, благодатен,
И милостив и долготерпелив,
Да мудрости его неистощимой
Проистекут источники на нас;
И, царскую на то воздвигнув чашу,
Мы молимся тебе, царю небес.

(V, 219)

Далее Пушкин показывает, что на самом деле ни хозяин, приказавший мальчику читать молитву, ни гости не молятся за царя; все молча встают, а в заключение Шуйский провозглашает обычную здравицу, выпивая ковш со словами: «Да здравствует великий государь!» (это так же далеко от подлинной молитвы, как стихотворение «Пью за здравие Мери»). «Помолимся о нашем государе», — читает мальчик. Но никто не молится. Эта психологическая линия развита и воплощена в другой сцене, в диалоге Бориса Годунова и юродивого: «Молись за меня, бедный Николка» — «Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода...».

Итак, бояре (вопреки приказу Годунова) и юродивый (несмотря на смиренную его просьбу) отказываются молиться за «царя Ирода», «Бориса-цареубийцу». Сам Борис на смертном одре впервые обращается к Богу. Но с чем?

..... О Боже, Боже!
Сейчас явлюсь перед Тобой — и душу
Мне некогда очистить покаяньем.
Но чувствую — мой сын, ты мне дороже
Душевного спасенья...

(V, 271)

⁴ Там же. С. 56—57.

Он дает наставления сыну, а потом, перед самой кончиной, обращается к своим приближенным, но не к Богу. Главным показателем «закрытости» для Бориса «путей к Богу»⁵ является молитвенное действие, в данном случае — бездействие. Пушкин видит молитву, согласно православной традиции, как вертикаль, связующую человека с Богом. Борис Годунов полностью лишен перспективы движения к Богу, отрезан от вертикали и вращается в горизонтальной плоскости. Пушкин отказывает Борису в возможности покаянной молитвы даже перед кончиной. В этой сцене мы физически ощущаем пропасть, в которую погружена душа «царя Ирода», закрытая для общения с Небом. И на протяжении пьесы мы видим, что «народ безмолвствует»: все уста закрыты для молитв о царе Борисе, ему отказано в молитвенной помощи подданных. Так, через молитву в трагедии дается нравственная оценка и вершится суд над неправедным царем. Именно опора на молитву позволяет Пушкину подняться над субъективными оценками до уровня высшей ценностной иерархии,⁶ установленной не авторской волей, но «правдой вечной», которая, по убеждению Патриарха Иова, «всех озарит» (V, 251) и которая интуитивно ощущается «мнением народным». Люди не просто не хотят молиться за Бориса, это их нравственный императив. Молиться за царя Ирода *нельзя*: «Богородица не велит».

Образ Годунова был задуман Пушкиным в параллели с современностью. Аналогия с Александром I незримо присутствует в трагедии, и Пушкин отлично сознавал, что это будет ясно всем: «Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию — навряд, мой милый», — писал он Вяземскому (X, 146). Александру I не довелось прочесть «Бориса Годунова». Трудно сказать, как сложилась бы дальнейшая судьба поэта, если бы царствование Александра продлилось (за оду «Вольность» с упоминанием убийства Павла I автор был отправлен в ссылку). Не случайно Пушкин называл трагедию своим литературным подвигом. Аллюзии «Бориса Годунова» были настолько явными, что воспрепятствовали выходу пьесы в свет даже в начале следующего царствования. Однако через несколько лет трагедия Пушкина была допущена в печать самим Николаем I — императором, пришедшим к власти законным путем.

2

Включение молитвы в ткань рассказа традиционно для русского фольклора. В народном творчестве молитва часто приобретает сюжетное значение: молитвенное действие становится двигателем событий. Влияние этой традиции ощущается впервые у Пушкина в «Борисе Годунове», где есть вставной сюжет, не имеющий соответствий в главном источнике трагедии — «Истории» Карамзина, но близкий «фантастической поэзии» «преданий русских», которыми Пушкин восхищался в «Четырех Минеях». В пересказе Патриарха Пушкин приводит рассказ пастуха о чудесном исцелении при гробе св. царевича Димитрия (сцена «Царская дума»). Во сне детский голос призывает слепого пастуха в Углич: «Там помолись ты над моей могилкой». Исполнив это, слепец прозревает:

. . . . . и только перед гробом
Я тихую молитву сотворил,
Глаза мои прозрели...

(V, 252)

⁵ Котельников В. А. Православная аскетика и русская литература (На пути к Оптиной). СПб., 1994. С. 148.

⁶ Там же. С. 146.

Влияние той же традиции ощущается в «Песнях западных славян» (1834). Молитва занимает ключевое место в сюжете нескольких песен. В «Видении короля», согласно фольклорной традиции, молитва звучит трижды: творя «великую молитву», герой входит в церковь, в конце с молитвою покидает ее; эти молитвы только упоминаются, приводится в тексте третья — молитва в церкви, причем она служит кульминацией сюжета:

Громко мученик Господу взмолился:
«Прав Ты, Боже, меня наказуя!
Плоть мою предай на растерзанье,
Лишь помилуй мне душу, Иисусе!»

При сем имени церковь задрожала,
Все внезапно утихнуло, померкло, —
Все исчезло — будто не бывало.

(III, 268)

Здесь ощущается глубокая связь с Иисусовой молитвой, и не только с ее текстом («Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного»), но и с ее сокровенным смыслом, который заключен в произнесении имени Иисуса, — при этом «Господь не только призывается, но уже и присутствует в этом молитвенном общении с Ним». ⁷ Имя есть Бог — и Им изгоняется в «Песне» ужасное видение. Пушкин дает зримый образ силы Божьего имени: «При сем имени церковь задрожала» (ср.: «неба содроганье» в стихотворении «Пророк»). В песне «Марко Якубович» молитвы помогают исцелить ребенка, а затем троекратная молитва изгоняет вурдалака. Подобный сюжетный ход не раз встречается в произведениях фольклора. Особое место занимает молитва в сюжете песни «Янко Марнавич» на тему раскаяния и смерти грешника-братоубийцы. Согласно фольклорным канонам, и здесь молитва возникает троекратно. Янко — невольный убийца своего брата, полный покаянных мыслей, «...вошел в церковь Святого Спаса. Там день целый он молился Богу» (III, 269). Ночью дома он молится вновь, и молитвы его совершают чудо — приближают к нему Божию Церковь. В развернутой символической картине заключено типично православное понимание молитвы как связующего звена между Богом и человеком: герой «тихонько стал читать молитву», и из ночной тьмы показался «малый огонечек»; герой продолжил молитву — и возникает чудесное сияние, которое приближается к дому Янко; в этот момент он умирает. Покаянная молитва дает свет даже грешнику-братоубийце, приближая его в смертный час к Богу. Эта песня вызывает невольное сравнение со сценой смерти Бориса Годунова (грешника некающегося и немольящегося):

Все кончено — глаза мои темнеют,
Я чувствую могильный хлад...

К Борису на пороге смерти приближается не Церковь и не Свет, но «темный гроб» (V, 272).

3

В фольклорных произведениях молитва не только служит развитию сюжета, но часто играет роль характеристики: герои оцениваются по их отношению к молитве. В своих подражаниях народным сказкам Пушкин

⁷ Котельников В. А. Указ. соч. С. 22.

прибегал к таким оценкам. Например, при описании злодеев в балладе «Жених»:

Взошли толпой, не поклонясь,
Икон не замечая;
За стол садятся, не молясь...
(IV, 303)

В этой же балладе Пушкин намеревался использовать молитву для более глубокой психологической характеристики главной героини:

Но безответна и бледна
Стоит Наташа снова,
Молитву лишь творит она,
И более ни слова.
(IV, 406)

В других жанровых формах Пушкин широко использует прием раскрытия внутреннего мира, психологического состояния, особенностей характера через молитву. Онегин, ни разу на протяжении романа не совершивший молитвы, противопоставлен Татьяне, которая «молитвой услаждала тоску волнуемой души» (V, 62). Антитезу «характеризующих» молитв мы находим в поэме «Домик в Коломне» (1830). Пушкин описывает молящихся в церкви: графиня «молилась гордо» (где была горда!), Параша «молилась Богу тихо и прилежно» (IV, 239). В противопоставлении героинь Пушкин использует только одну эту черту — их отношение к молитве.

В поэме «Анджело» (1833) дана более развернутая и психологически насыщенная антитеза. Изабелла считает молитву высшей ценностью и предлагает ее правителю как великий дар:

. . . . . прими мои дары,
Они не суетны, но честны и добры,
И будешь ими ты делиться с небесами:
Я одарю тебя молитвами души.
(IV, 257)

Анджело такой дар отвергает, и сам он (подобно Борису Годунову) не может молиться:

. . . . . молиться хочет он,
Но мыслит, молится рассеянно. Словами
Он небу говорит, а волей и мечтами
Стремится к ней одной.
(IV, 259)

Пушкин нашел точное определение неискренней, суетной, лицемерной молитвы грешника:

Устами праздными жевал он имя Бога,
А в сердце грех кипел...

Как несхожа эта «грешная молитва» с истинными «молитвами души»:

Молитвами любви, смирения и мира,
Молитвами святых, угодных небу дев.

Среди стихотворений Пушкина 1830-х годов есть два перевода из Саути. В наброске «Медок» (1830) молитва вслух или в безмолвии раскрывает состояние души героев. Один из них громко

...Господа благодарит, рыдая.
Другой, в безмолвии творя молитву
Угоднику и Деве Пресвятой,
И милостынь и дальних поклонений
Старинные обеты обновляет...

(III, 195)

Второму переводу из Саути — стихотворению «На Испанию родную» («Родрик», 1835) — критики, начиная с Белинского, отказывают в художественной глубине и считают, что он уступает оригиналу, — поэме Саути «Родерик, последний из готов»; в частности, в поэме Саути молитвы Родрика отличаются «эмоциональной напряженностью, музыкальной тонкостью», чего нет у Пушкина.⁸

Вероятно, Пушкин специально поставил перед собой задачу конспективного, краткого пересказа Саути. Однако при всей его краткости в этом переводе молитве отводится ведущее место в раскрытии душевных мук героя. Причем характер Родрика дается в динамике — через молитвы, включенные в повествование на разных его этапах. Вначале Родрик не считает себя достойным ничьих молитв:

Все, рыдая, молят Бога
О спасенье христиан,
Все Родрика проклинают;
И проклятья слышит он.

И с поникшею главою
Мимо их пройти спешит,
И не смеет даже молвить:
Пбмолитесь за него.

(III, 306)

Пушкин предполагал затем кратко упомянуть покаянные молитвы Родрика-отшельника:

В сокрушении глубоком
Беспрестанно слезы льет
День и ночь у Бога молит
Отпущение грехов.

(III, 426)

Однако эти строки были вычеркнуты, и дано более развернутое описание смятенной души Родрика; подавленный грехом и искушаемый дьяволом, он не может молиться:

Хочет он молиться Богу
И не может. Бес ему
Шепчет в уши звуки битвы
Или страстные слова.

(III, 307)

Пушкин заканчивает стихотворение небесным заступничеством святого подвижника за Родрика: герою он обещает Божью помощь, победу над врагами (над соблазном и грехом?) и покой его душе. Отмечено,⁹ что подобный эпизод отсутствует в поэме Саути. Таким образом, сам Пушкин привнес в историю Родрика молитвенное заступничество Святого перед

⁸ Сайтанов В. А. Третий перевод из Саути // Пушкин. Исследования и материалы: Т. XIV. СПб., 1991. С. 102.

⁹ Там же. С. 99.

Богом — высшую, неземную ступень молитвенного действия. Та же тема присутствует в балладе «Жил на свете рыцарь бедный» (1829) и в автобиографическом стихотворении «Чудный сон» (1835), чрезвычайно близком к финалу «Родрика» (об этом — немного позже).

4

В лирических стихотворениях Пушкина, начиная с самых ранних, присутствуют молитвы за его друзей. В посланиях лицейской поры — это просительные молитвы:

Дай Бог, чтоб грозной непогоды
Вблизи ты ужас не видал

.....

Дай Бог под вечер к берегам
Тебе пристать благополучно...

(I, 68)

Подобные молитвы-пожелания встречаются не только в поэтических посланиях Пушкина, но и в его эпистолярной прозе. Ср. письмо Н. М. Языкову: «Дай Бог Вам здоровья, осторожности, благоденственного и мирного жития!» (X, 168).

С 1826 г. в стихах Пушкина звучат молитвенные обращения о друзьях-декабристах. Это молитвы утешения:

Молю святое Провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

(II, 306)

«...Никогда я не проповедовал ни возмущений, ни революции — напротив», — писал Пушкин (X, 155). И когда среди его ближайших друзей оказались сосланные в Сибирь заговорщики, Пушкин поддерживал их не политически, но чисто христиански — молился о них. И еще он «милость к падшим призывал», обращаясь к императору Николаю «с надеждою на милость монарха, не ограниченного никакими законами». Как следует из письма Пушкина, с его непосредственными обращениями к Николаю соединялись молитвенные обращения его няни Арины Родионовны к Господу: «Няня моя уморительна. Вообрази, что 70-ти лет она выучила наизусть новую молитву *о умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости*, молитвы, вероятно, сочиненной при царе Иване», — так с добрым юмором писал Пушкин Вяземскому 9 ноября 1826 г. (X, 167). Очевидно, молитвы за сосланных «друзей, товарищей, братьев» были обязательны в дни лицейской годовщины:

Усердно помолившись Богу,
Лицею прокричав ура...

(III, 77)

Исследователи не отмечают духовных источников стихотворений Пушкина к лицейским годовщинам, между тем одно из них, на 19 октября 1827 г., имеет соответствие в тексте Великой ектеньи:

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,

В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли!

(III, 34)

Сравним: «О плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных, и о спасении их Господу помолимся».¹⁰ Свои молитвы за сосланных декабристов Пушкин усиливает молитвой ангельской, от лица усопшего младенца Николая Волконского:

В сиянье, и в радостном покое,
У трона Вечного Творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца.

(III, 88)

Молитвы о «страждущих и плененных» друзьях составляют устойчивый мотив лирики Пушкина последекабрьского периода. С этими стихотворениями сближается незавершенный набросок «Он между нами жил» (1834), посвященный Адаму Мицкевичу. Глубоко переживая злобные выпады польского поэта, разошедшегося с русскими друзьями после Варшавского восстания, Пушкин не осуждает Мицкевича, но молится о нем:

..... Боже! освяти
В нем сердце правдою Твоей и миром...

(III, 259)

Эти строки напоминают приведенную выше молитву инок Чудова монастыря об Иване Грозном. Некоторые наиболее личные стихотворения Пушкина показывают его внутреннюю обращенность к молитве в конце жизни. «Я мало Богу молюсь и надеюсь, что твоя чистая молитва лучше моих...» — писал Пушкин жене (X, 396). Здесь речь идет о ежедневном труде повторения молитв. По словам друзей, Пушкин «часто твердил» молитвы, но сам он считал, что молится мало. Вероятно, более близка его душе была не устная, но внутренняя сердечная молитва, через которую, согласно святым отцам, человек «собеседует всегда с Богом».¹¹ Отзвуки такой сердечной молитвы мы слышим в автобиографической лирике. Знаменательно в этом отношении стихотворение 1835 г. «Чудный сон мне Бог послал», которое, заметим, Б. В. Томашевский «спрятал» среди черновиков «Родрика» в разделе «Из ранних редакций» (III, 426—427). Недавние исследования¹² доказали самостоятельность стихотворения и его автобиографический характер. Святой старец, явившись во сне, предсказывает лирическому герою:

Скоро, скоро удостоен
Будешь Царствия Небес.
[Скоро странствую земному]
Твоему придет конец.

Уж готов(ит) Ангел смерти
Для тебя Святой венец...

¹⁰ Божественная литургия православной церкви (на немецком, греческом, церковнославянском языках). Майнц, 1989. С. 49.

¹¹ Восторгнутые класы в пищу души, то есть несколько переводов из Святых Отцев Старца Паисия Величковского. М., 1849. С. 36.

¹² Сайтанов В. А. Указ. соч. С. 104—109.

Такое предсказание о мученическом венце и близкой смерти вызывает обращение лирического героя к Господу:

Успокой меня, Творец.
Но Твоя да будет воля,
Не моя...

Здесь Пушкин опирается на евангельский текст моления Христа о чаше перед концом его земного пути: «...не Моя воля, но Твоя да будет» (Евангелие от Луки, XXII, 42).

5

Любимой молитвой поэта была одна из наиболее проникновенных покаянных молитв, сложенная в IV в. Св. Ефремом Сирийским:

«Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми.

Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему.

Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

История обращения к ней Пушкина демонстрирует пройденный им духовный путь. Сначала — дерзко-шутливое применение в письме (в Великий пост 1821 г.) с пожеланиями Кюхельбекеру: «Желаю ему в Париже дух целомудрия, в канцелярии Нарышкина дух смиренномудрия и терпения, об духе любви я не беспокоюсь, в этом нуждаться не будет, о празднословии молчу — дальний друг не может быть излишне болтлив» (X, 23). Затем — в заключительных строках кощунственной поэмы «Гавриилиада»,¹³ сочиненной примерно в то же время:

Даруй ты мне беспечность и смиренность,
Даруй ты мне терпенье вновь и вновь...
(IV, 119)

Но, наконец, благоговейно-молитвенное стихотворение «Отцы пустыньники...» каменноостровского цикла духовных стихотворений 1836 г. Произведение, о котором написано так много, не требует особых комментариев и говорит само за себя. Напомним только историю его публикации. В «посмертном» пятом томе «Современника» по воле императора Николая на первом листе был факсимильно воспроизведен автограф стихотворения. Он представляет собой триптих. Первая часть — размышления Пушкина о Божественных молитвах и о «неведомой силе» любимой им молитвы. Вторая часть — стихотворное переложение текста молитвы Св. Ефрема Сирина. Наконец, завершение — рисунок Пушкина под стихотворением: старец-инок, молящийся в келье.

Так 22 июля 1836 г. завершается молитвенная тема в творчестве Пушкина. В жизни ему еще предстояли в течение полугода молитвы дома и в храме, потом — последние покаянные молитвы на смертном одре, в самый день памяти Св. Ефрема Сирина 28 января 1837 г., и на другой день — христианская кончина. С этого дня начались и продолжают поныне молитвы друзей, родных и всей России об упокоении души раба Божия приснопамятного Александра.

¹³ *Непомятый В. С. Дар: Заметки о духовной биографии Пушкина // Новый мир. 1989. № 6. С. 253.*

ХРИСТИАНСКАЯ ТЕМА
В КРИТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ ПУШКИНА
1830-х ГОДОВ

До 1830 г. мы не встречаем в литературной критике Пушкина рассуждений на духовные темы. Исключение составляют два примера: набросок заметки о стихотворении «Демон» (1825), где характеризуется «вечный враг человечества» (VII, 27), и «Письмо к издателю „Московского вестника“» (1828) в связи со «сценой летописца» из «Бориса Годунова»: Пушкин находит в старых летописцах «усердие, можно сказать набожное, к власти царя, данной им Богом» (VII, 53).

Христианская тема, мощно вступает в критику Пушкина болдинской осенью 1830 г., когда в окруженной холерными карантинами деревне поэт чувствовал себя на острове Пафмосе, писал «Апокалипсическую песнь» (X, 246) — стихотворение «Герой» — и одновременно работал над рецензией ко второму тому «Истории русского народа» Николая Полевого: «История древняя кончилась богочеловеком, говорит г-н Полевой. Справедливо. Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В сей-то священной стихии исchez и обновился мир. История древняя есть история Египта, Персии, Греции, Рима. История новейшая есть история христианства. Горе стране, находящейся вне европейской системы!» (VII, 100).

Здесь перед нами ученый-историк. Личные религиозные переживания Пушкина отлиты в чеканные концептуальные фразы-мысли. То же в написанной четыре года спустя статье «О ничтожестве литературы русской» (1834): Пушкин философски осмысляет здесь церковную историю домонгольской Руси и значение Церкви в эпоху ига (VII, 210).

Предмет указанных статей Пушкина — исторический фон литературы, но еще не сама литература. Первое собственно литературно-критическое произведение Пушкина, прямо связанное с христианской темой, относится к 1832 г., когда Пушкин намеревался издавать газету «Дневник» — своеобразный манифест духа времени, отраженного в современной литературе. Для «Дневника» Пушкин задумал статью «О новейших романах», куда должна была войти рецензия на «Путешествие к Святым местам в 1830 г.» Андрея Муравьева. Эта книга представляла собой не роман, а паломнический дневник, что отмечал сам Пушкин, говоря об авторе: «...молодой наш соотечественник привлечен туда не суетным желанием обрести краски для поэтического романа. (...) Он посетил Св. места как верующий, как смиренный христианин...» (VII, 180—181). Пушкин упоминает в статье паломнические «Путевые записки» Шатобриана 1811 г. и цитирует еще одно произведение этого жанра, опубликованное в «Северных цветах» на 1826 г., — «Русские поклонники в Иерусалиме» Дмитрия Дашкова: «Здесь, у подошвы Сиона, — говорит другой русский путешественник, — всяк христианин, всяк верующий, кто только сохранил жар в сердце и любовь к великому» (VII, 180).

Итак, к заслуживающим большого внимания «новейшим романам» Пушкин относит произведения паломнического жанра. Пушкин признается, что прочел рецензируемую книгу «с умилением и невольной завистью»; не без личного чувства он пишет об Иерусалиме, «ныне забытом христианскою Европою для суетных развалин Парфенона и Ликейя». В этой заметке

Пушкин уже не беспристрастный историк, но, как и автор «Путешествия», он сам — «смиранный христианин, простодушный крестоносец, жаждущий повергнуться во прах пред гробом Христа Спасителя» (VII, 181). Такое лирическое чувство угадывается и в других, по времени более поздних литературно-критических статьях Пушкина на религиозно-христианскую тему.

Эта тема заняла прочное место в пушкинском «Современнике». В первом томе своего журнала Пушкин опубликовал развернутую рецензию на «Собрание сочинений Георгия Кониского, архиепископа Белорусского» и подобрал «несколько из его отдельных мыслей» (VII, 226). Круг религиозных тем, избранных Пушкиным, здесь весьма обширен:

- искупление грехов, в том числе греха соблазна;
- вера и добрые дела — путь к спасению;
- бессмертие души; духовная радость; духовные очи;
- Царство Небесное;
- уединенная молитва;
- чудо победы христианства в мире.

Летом 1836 г., в пору создания духовных стихотворений так называемого каменноостровского цикла Пушкин работал над статьями для третьего тома «Современника». В их числе — рецензия на «Словарь о Святых», изданный кн. Дмитрием Эристовым и Михаилом Яковлевым. Это не первое обращение Пушкина к теме святости: еще в кишиневском стихотворении 1822 г. Пушкин вспоминал «угодника святые мощи», почивающие в монастыре «на тихих берегах Москвы» (II, 132). Тема Святых и святости звучит в трагедии «Борис Годунов» (1825). В начале 1830-х годов Пушкин делал выписки из «Четых Миней» (жития киево-печерских чудотворцев) и из жития преподобного Саввы Сторожевского — основателя монастыря близ Захарова, деревни пушкинского детства, куда он заезжал летом 1830 г.¹ Рецензия 1836 г. на «Словарь о Святых» завершает, таким образом, целый ряд произведений Пушкина, объединенных темой святости. С другой стороны, рецензия продолжает ряд произведений литературно-критического жанра, отмеченных уже упомянутым личностным отношением к христианским ценностям. Пушкин здесь пишет: «...есть люди, не имеющие никакого понятия о житии того св. угодника, чье имя носят от купели до могилы и чью память празднуют ежегодно. Не дозволяя себе никакой укоризны, не можем, по крайней мере, не дивиться крайнему их нелюбопытству» (VII, 326). Из контекста ясно, что Пушкин не относил себя к таким людям и хорошо знал житие своего Святого покровителя.

Исследователи высказывают различные точки зрения: о том, что Пушкин был крещен в память Св. Александра Куштского (9 июня), Св. Александра Константинопольского (30 августа), Св. Александра Невского (30 августа, 23 ноября). Убедительной представляется нам последняя точка зрения (см. работы Э. С. Лебедевой и Н. И. Грановской), согласно которой Пушкин был назван именем наиболее почитаемого в роду Пушкиных Святого благоверного князя Александра Невского.

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил...

(III, 197)

---

¹ Обе упомянутые обширные выписки Пушкина не попали ни в «большое», ни в «малое» полное академическое собрание сочинений Пушкина и могут быть извлечены из собрания сочинений издательства «Academia» (Л., 1929. Т. 9. С. 394—396).

Пушкин пишет, что «Словарь о Святых» имеет «общую занимательность», и естественно предположить, что поэт нашел в нем и своего покровителя. Святой Александр Константинопольский в «Словаре» не упоминается, а житие Святого благоверного князя Александра Невского там как раз освещалось.

Вместе с рецензией на «Словарь о Святых» Пушкин поместил в третьем томе «Современника» рецензию на перевод книги Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека». Это произведение духовной литературы, как пишет Пушкин, приближается к «проповеди Небесного Учителя»: «Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже *половицею народов*; она не включает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием, — и такова ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие» (VII, 322).

Это проникновенное описание Евангелия, не оставляющее никаких сомнений в религиозных чувствах Пушкина,² дополняется цитатой из Евангелия от Луки. Пушкин пишет, что Сильвио Пеллико «принадлежит к сим избранным, которых Ангел Господний приветствовал именем *человеков благоволения*»; Пушкин изумлен «этой ненарушимой благосклонностью ко всем и ко всему» и видит в том «тайну прекрасной души» человека-христианина (VII, 323).

К сожалению, евангельская цитата в этой рецензии Пушкина (как, впрочем, и другие подобные цитаты) никак не комментируется в академических изданиях. Между тем с ней прямо связаны важные свидетельства современников Пушкина. Сохранилось письмо П. А. Плетнева к Якову Гроту от 13 апреля 1846 г., где речь идет о толковании Пушкиным в 1836—1837 гг. стиха 14-го главы 2-й Евангелия от Луки: «Любимый со мною разговор его, за несколько недель до его смерти, все обращен был на слова: „Слава в вышних Богу, и на земле мир, (и) в человецех благоволение“. По его мнению, я много хранил в душе моей благоволения к людям; оттого и самые литературные ссоры мои не носят характера озлобления. А я, слушая его и чувствуя, что еще далеко мне до титла человека благоволения, брал намерение дойти до того».³

И в более раннем письме от 24 февраля 1842 г. — о разговоре с Пушкиным «у Обухова моста во время прогулки» за несколько дней до смерти поэта: «У него тогда было какое-то высокорелигиозное настроение. Он говорил со мною о судьбах Промысла, выше всего ставил в человеке качество благоволения ко всем, видел это качество во мне, завидовал моей жизни и вытребовал обещание, что я напишу свои мемуары».⁴

Итак, по свидетельству одного из ближайших друзей, Пушкин в конце 1836—начале 1837 г., находясь в «высокорелигиозном настроении», думал о принесенном Христом на землю мире и благоволении в людях. Эти его

² Что, впрочем, систематически отрицали советские пушкиноведы. Ср.: «Сколько говорено было, будто Пушкин к концу жизни пришел к религии, заменил верой свой прежний скепсис. (...) И как-то оттесняется в сторону общеизвестная мысль о том, что евангельский сюжет обычное дело для писателя пушкинского времени — ведь в легенде об Иисусе Христе бездна поучительного» (Кунин В. В. Последний год жизни Пушкина. М., 1988. С. 173).

³ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х тт. М., 1974. Т. 2. С. 257.

⁴ Там же. С. 256.

размышления нашли отражение в литературно-критической статье о Сильвио Пеллико. Отразились они и на личности поэта.

Таким человеком благоволения был Пушкин на своем смертном одре: «Смерть обнаружила в характере Пушкина все, что было в нем доброго и прекрасного. (...) Ни одного горького слова, ни одной резкой жалобы, никакого едкого напоминания о случившемся не произнес он, ничего, кроме слов мира и прощения своему врагу».⁵

Именно таким человеком благоволения написаны «Пророк», «Герой», «Странник», «Чудный сон» и «Молитва» 1836 г.

---

⁵ Из письма кн. Петра Вяземского великому князю Михаилу 14 февраля 1837 г. Цит. по: *Кунин В. В.* Указ. соч. С. 528—529.

М. Д. Филлин

ПУШКИНИАНА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Князь П. А. Вяземский как-то вспомнил эпизод из юношеских лет поэта: «Однажды Пушкин между приятелями сильно русофильствовал и громил Запад. Это смущало Александра Тургенева, космополита по обстоятельствам, а также и по наклонности. Он горячо оспаривал мнения Пушкина; наконец не выдержал и сказал ему: „А знаешь ли что, голубчик, съезди ты хоть в Любек”. Пушкин расхохотался».¹ Прожив после этой беседы лет двадцать, поэт так и не добрался до Любека. Но спустя столетие он все же попал за границу, в том числе и транзитом через помянутый немецкий порт, и был явлен миру — «растущий и живой», как свидетельствовал современник. С помощью соотечественников Пушкин вновь «сильно русофильствовал и громил Запад», вызывая нервозность у новых космополитов.

После революции и гражданской войны, в первые годы Русского Исхода, Владимир Набоков (Сирин) писал:

Я занят страшными мечтами
В часы рассветной полутьмы:
Что, если б Пушкин был меж нами -
Простой изгнанник, как и мы?

Так, удалясь в края чужие,
Он вправду был бы обречен
«Вздыхать о сумрачной России»,
Как пожелал однажды он.

Быть может, нежностью и гневом —
Как бы широким шумом крыл, —
Еще не слышанным напевом
Он мир бы ныне огласил.

А может быть и то: в изгнание
Свершая страннический путь,
На жарком сердце плащ молчанья
Он предпочел бы запахнуть, —

---

¹ *Вяземский П. А.* Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988. С. 409.

Боясь унижить даже песней,
Высокой песнею своей,
Тоску, которой нет чудесней
Тоску невозвратимых дней...

Но знал бы он: в усадьбе дальней
Одна душа ему верна,
Одна лампада тлеет в спальне,
Старуха вяжет у окна.

Голубка дряхлая дождется!
Ворота настезь... Шум живой...
Вбежит он, глянет, к ней прижмется,
И все расскажет — ей одной...²

Набоков перебирал возможные варианты бытования Пушкина на чужбине и как будто не мог остановиться ни на одном. Но примечательно: автор, столь чуткий к слову и языку, невзначай перевел стихотворное повествование в будущее и, кажется, совсем близкое время. Словно и на самом деле его и наш герой жив и не было никакой Черной речки...

Ныне, в конце века, мистикой может показаться и пушкиниана первой эмиграции. Раньше о ней почти ничего не знали, ее вроде бы не существовало. Контуры лишь теперь постепенно проступают из мрака «европейской ночи», поглотившей миллионы изгнанников.

России в мучительном XX столетии выпало отсечь от себя три части (о недавнем распаде СССР не говорим). Их почему-то принято называть «волнами», хотя, если вдуматься, волны накатываются на берег и уходят обратно. Была в «волнах» какая-то естественная схожесть, но чисто внешняя. Преобладали различия — глубинные, бытийные. Особенно — между первыми, пореволюционными, беженцами и остальными. Те, кто ушел в начале, имели при себе сокровище, коего не было у последователей. Основу первой эмиграции составляла ее соборность. В данном случае под этим термином понимается онтологический фундамент, духовная общность, скрепляющая самых разных людей и ведущая их по жизни. Известная формула князя С. Н. Трубецкого «Держим внутри себя собор со всеми» вполне здесь применима. Именно со всеми — несмотря на серьезные разногласия в сфере быта и вкуса, в области политической мысли и тактики; любая распря и интрига была мелка в сравнении с глубоко залегавшим единством оказавшихся на чужбине русских. Это «некое сверхвременное единство» (С. Л. Франк) складывалось из трех вер.

Прежде всего, изгнанники верили в Бога. Разумеется, обретались среди них и атеисты, и агностики, но эмиграция в целом была религиозной, православной. Более того, с годами процесс воцерковления, особенно среди молодежи, нарастал. Нестроение в самой Церкви, например пресловутый «карловацкий раскол», ни в коей мере не отшатнули людей от храмов. Зов туда очень точно объяснил когда-то А. С. Грибоедов: «В русской церкви я в Отечестве, в России. Мы русские только в церкви, — а я хочу быть русским». Сплачивала Зарубежье и вера в недалекую Реставрацию. Вера подкреплялась действиями. Не столь важно, что Реставрация понималась по-разному, порою полярно. Главное заключалось в том, что спасение Родины собственными руками и переход к прошлому-будущему были аксиомой почти для всех.

---

² Рувль. Берлин, 1925. 14 июня (№ 1376). (Стихи неоднократно перепечатывались в различных сборниках).

Соборность первой эмиграции выражалась и в возведении в высочайшую степень веры в культуру, особенно в литературу, как средство спасения и возрождения России. Она возникла не на пустом месте; протопресвитер Александр Шмеман сказал на сей счет удивительные слова: «Русская культура после Пушкина захотела строить саму жизнь, спасение души и мира, обновление общества... В этом и ее величие, и ее трагедия».³ Можно только добавить, что упование на мессианскую функцию культуры стократно возросло в эмиграции по сравнению с Россией дореволюционной.

Три веры, ниспосланные первым беженцам, позволяют назвать их — и только их — Зарубежной Россией. Данное название запустил в обращение, кажется, П. Б. Струве в начале 1920-х годов. Запустил, скорее всего, машинально, как антоним России Советской. А термин не только прижился, но и наполнился глубоким содержанием. За ним встал новый Град Китеж, незримое чужакам всемирное государство — без точно означенной территории и пограничных столбов, спаянное изнутри лишь триадой веры, соборностью и великим языком. И не было во всемирной истории с библейских времен другого подобного Исхода. У Зарубежной России была долгая и трудная жизнь, полная неудач, разочарований, но и достижений, ставших как бы искуплением грехов перед покинутой Родиной. Большинство успехов относится к области культуры. Пушкиниана занимает в этом ряду одно из наиболее почетных мест.

Отечественные традиции, избежав модного тогда «разрушения до основания», удалось развить, причем по многим направлениям; особую ценность имеют свершения философские и религиозно-философские — ведь в СССР такие исследования были загнаны в подполье. Уникальна пушкиниана Зарубежной России и тем, что впервые в русской истории удалось всеобъемлюще взглянуть на национального поэта со стороны, «из прекрасного далека». (Последнее оказывалось таковым отнюдь не всегда и не для всех).

Создание пушкинианы началось с первых шагов по чужой земле. Те публикации носили, правда, случайный характер. В основном это были скупые заметки о книжных новинках в России. Вехами же, обозначавшими хронологические рамки явления, есть основания считать, как ни парадоксально, два крупных скандала в Зарубежье, напрямую связанных с именем Пушкина.

Первый инцидент случился в 1924 г., в дни, когда Зарубежье отмечало 125-летний юбилей поэта. К этой дате было приурочено и торжественное заседание в Сорбонне, назначенное на 12 июня, где среди прочих намеревался выступить поэт новой формации Илья Зданевич. Однако организаторы, заранее ознакомившись с текстом его речи, не решились допустить ее к оглашению. Это обстоятельство не смутило ни самого Зданевича, ни его сторонников: запрещенная речь стала распространяться ими в виде гектографированной листовки,⁴ где можно было прочитать следующее: «Мы не присоединяемся к напыщенному юбилейному хору. Когда традиция хлопочет укрепить за А. С. Пушкиным угодную ей репутацию, мы можем только оплакивать убитого поэта». Нужно заметить, что «оплакивал» И. Зданевич Пушкина в выражениях хамских и провокационных. Он дублировал стилистику тех, кто тогда же бесновался на «пароходе современности». Но парижская атака на Пушкина была гораздо умнее и изощреннее радикальных наскоков, популярных в Советской России 20-х годов. В самом деле: тут поэта не подвергали повторной казни, никуда вроде бы не

³ Протопресвитер Александр Шмеман. Пушкин — это наше все // Вестник РХД. Париж, 1987. № 149. С. 120.

⁴ Один из экземпляров такой листовки сохранился в РГАЛИ (ф. 384, оп. 6, ед. хр. 26, л. 65).

«сбрасывали». Недурно было бы лишь освободить его от «реакционеров» и переделать в «непринужденного революционера», «двусмысленного, непристойного» и т. д. А заодно отринуть идущие от Пушкина традиции — дабы «все свободное от литературных приличий» могло господствовать, и тогда судьба поэта России будет отнюдь не печальна, как прежде, а безоблачна, как у гениев на Западе. В целом листовка Зданевича производит тягостное впечатление. Немудрено, что большая часть Зарубежной России возмущенно прореагировала на демарш представителя «левого искусства». Забегая вперед, можно сказать, что первая эмиграция не приняла радикальных новаций в принципе. Разумеется, существование «нетрадиционных направлений в литературе и искусстве не прервалось, но плоды деятельности новаторов чаще всего вписывались в контекст европейской и прочих культур, но никак не в контекст культуры Зарубежной России или — шире — собственно русской».⁵

Другой скандал разразился через полстолетия. Он был вызван появлением книги А. Д. Синявского (Абрама Терца) «Прогулки с Пушкиным»,⁶ книги фамиллярной и, как точно выразился рецензент, «не совсем чистой». Очень характерно, что в ней немало реминисценций — невольных или умышленных — из памятной речи И. Зданевича. «Прогулки» всколыхнули широкие круги эмигрантов. Как и следовало ожидать, представители третьей «волны» выдали несколько благожелательных отзывов. Закономерно и то, что самые резкие и принципиальные возражения принадлежали мафусаилам первой эмиграции, двум уцелевшим гражданам Зарубежной России — Р. Б. Гулю и С. П. Жабе.⁷ Их прощальная схватка стала достойным эпилогом полувековой пушкинианы.

Пушкиниана Зарубежной России — это и сотни переизданий произведений самого Пушкина, и выставки по всему свету, и научные заседания, и детские праздники. Нельзя забыть и о работе прекрасных художников-иллюстраторов. Это и научная полемика между пушкинистами М. Л. Гофманом и В. Ф. Ходасевичем, разрешившаяся судебной тяжбой. Главное достояние — тысячи текстов пушкинских статей и книг. Пришло время писать историю этой пушкинианы. Задача до крайности осложнена тем, что пока даже приблизительно не ясны масштабы феномена — долго мы были «ленивы и нелюбопытны». Но то, что уже выявлено, систематизировано и опубликовано в России, позволяет, на наш взгляд, сделать некоторые предварительные выводы.

Исстари повелось и стало неперменным законом: русские люди не будут стоять насмерть или покорно терпеть сверх всякого терпения за идею отвлеченную, пусть и красивую. Будут путать конституцию с женою великого князя Константина, терпеть сердито, до поры до времени, озираясь на занесенную дубину. А коли заставят плакать от якобы умиления и согласия — то натрут глаза луком, намажут слюной. Великая идея для русских должна отождествляться с именем, с какой-либо личностью; всеобъемлющий лик, видимый отовсюду, обязан красоваться на трепещущем знамени. И тогда многое, казавшееся ранее невозможным, вдруг становится достижимым. С таким феноменом национальной психики вплотную столкнулась и эмиграция. Цель была ясна всем: низвержение большевизма в

---

⁵ Показательно, что несостоявшаяся пушкинская речь И. Зданевича недавно была воспроизведена во французском журнале «Revue des Etudes Slaves» (Paris, 1987. Т. 59. Fasc. 1—2). Охарактеризована она весьма лестно.

⁶ Первое издание книги вышло в свет в Лондоне в 1975 г.

⁷ Гуль Р. Прогулки хама с Пушкиным // Новый журнал. Нью-Йорк, 1976. № 124; Жаба С. П. Терцизированный Пушкин // Вестник РХД. Париж, 1976. № 118.

России. Требовалось имя для реализации этой цели. Много идей и масса программ то и дело возникали в эмигрантской среде. Но их уделом было распространение только узкокорпоративное или региональное.

Императора и наследника злодейски убили. Уцелевшие члены царской фамилии, которые жили за границей, были преисполнены амбиций, но объективно смотрелись мелко. Среди публики рангом пониже, так называемых общественных деятелей, вообще не существовало фигуры, соотносимой с титулом общеэмигрантского вождя. Ну какой вождь, к примеру, из А. Ф. Керенского, на которого пальцем показывали на улице и во всеуслышанье говорили при этом: «Вот человек, который погубил Россию»? Недалеко ушел от него и П. Н. Милюков, уже на заре изгнания чудом избежавший пули в отместку за былые подвиги на ниве «народной свободы». Зато были герои военные, герои настоящие, заслуженные. Например, барон П. Н. Врангель. Но и им не удалось занять вакансию. В отличие от «общественных деятелей», «шпаков», они, как правило, держались правых воззрений и посему не устраивали влиятельное либеральное крыло. Не последнюю роль здесь сыграли банальные личные антипатии. Выходило, что в Зарубежной России не было деятеля, вокруг которого могли бы сплотиться основные силы беженцев. И это неудивительно: ведь эмиграция являлась осколком старой, дореволюционной России, — России времен разрушительного плюрализма и отсутствия, даже при здравствующем императоре, центральной фигуры.

Взоры изгнанников обратились на русское прошлое: на двух исторических лиц — Петра I и Пушкина. В числе инициаторов акции был П. Б. Струве. Отдадим ему должное: мыслитель принадлежал к тем авторитетам, кто наиболее способствовал «возвышению» поэта в Зарубежье. Не по количеству напечатанных работ — их было немногим более 20. Но по идеям, так или иначе связанным с Пушкиным, подхваченным затем эмиграцией и ставшим через это общим достоянием, — ему найдется мало конкурентов. (Здесь, видимо, сказался богатый опыт политика, покаявшегося в былых «освободительных» прегрешениях и отдавшего все силы на благое дело).

Итак, в 20-х годах, почти у истоков пушкинианы, П. Б. Струве выдвинул лозунг: «Эпоха русского Возрождения, духовного, социального и государственного, должна начаться под знаком Силы и Ясности, Меры и Мерности, под знаком Петра Великого, просветленного художническим гением Пушкина».⁸ Слова эти, не раз потом повторенные, не вызвали, кажется, особых возражений в русской ойкумене. Никто бурно не протестовал против того, чтобы Реставрация на родине шла «под знаком Петра», и уж подавно никто не выступал против «солнца русской поэзии». Функции вождя нации были строго разграничены; вообще лозунг П. Б. Струве можно назвать шедевром жанра.⁹

Дальше происходит неожиданное. Имя Петра Великого постепенно, но неуклонно стало задвигаться обратно в прошлое, в «археологию». И вот что странно, не было вроде никаких, столь любезных для русского ума, дискуссий о «неоднозначности» его реформ, о злодеяниях и ошибках царя-плотника, о прямой связи между преобразованиями той поры и русской катастрофой XX столетия. Раз не было дискуссий, ярких обличительных статей — то не было и переоценок, развенчания. Все произошло как бы само собой, но — беспо-

⁸ Возрождение. Париж, 1926. 7 июня (№ 370).

⁹ Надо отметить еще одну крупную заслугу П. Б. Струве в деле объединения эмиграции вокруг имени Пушкина. Именно он определил воззрения поэта как «либеральный консерватизм». Эта формула весьма важна для пушкиноведения, но она же позволила значительно увеличить спектр общественных сил Зарубежья, для которых Пушкин стал приемлем с идеологических позиций.

воротно. Чутким барометром, свидетельствующим об опале, является количество публикаций в эмигрантской прессе. Сперва, в первой половине 20-х годов, их было довольно много.¹⁰ Потом их становилось все меньше и меньше. В итоге же имя и дела Петра Великого стали упоминаться, пожалуй, не чаще имени любого другого крупного русского государственного деятеля. Как показало время, эта опала оказалась бессрочной. Исследовать столь важный факт в рамках данной статьи не представляется возможным. Посему удовлетворимся пока констатацией явления.

На знамени изгнанников остался один Пушкин. С этим персонифицированным стягом Зарубежная Россия просуществовала до конца, ни разу не выпустив из постепенно дряхлеющих рук драгоценного древка.

В 1924 г. в Эстонии по инициативе Союза русских просветительных и благотворительных обществ был устроен праздник, названный Днем русского просвещения. Приуроченный ко дню рождения Пушкина, он прошел с несомненным успехом. А начиная со следующего года, повсеместно и в те же сроки стал отмечаться День русской культуры.¹¹ Три события — два только что указанных плюс обнаружение лозунга П. Б. Струве — были очень близки по времени, и это не случайно. Середину 1920-х годов можно считать датой официального оформления идеологии Зарубежной России. Она сделала свой выбор и оповестила об этом мир. Отныне именно Пушкин становился русской идеологией в изгнании.

Отчасти такой выбор был не нов. И в дореволюционной России поэт и его наследие входили в сферу идеологических интересов и правительства, и различных партий. Особенно наглядно это проявилось в дни общероссийских торжеств 1880 и 1899 гг.

Помещение Пушкина в центр идеологического поля Зарубежья имело множество последствий. Пушкиниана вынуждена была платить дань прагматизму. Можно, конечно, порассуждать о том, что прагматизм сей — вынужденный и благородный; но как ни говори, он был инородным телом. Эмиграцию интересовали определенные темы и сюжеты у Пушкина, а к прочим она относилась довольно прохладно; так, например, возникло крайне мало работ, посвященных любовной лирике поэта или же его главному творению, «Евгению Онегину». Привлекали укладывающиеся в нужную схему прежние взгляды на Пушкина, отличные же от таковых забывались. За примерами далеко ходить не надо: упомянем трескучую и пустую, словно давняя речь с балкона Таврического дворца, статью А. Ф. Керенского,¹² передовицу лидера русских фашистов на Дальнем Востоке К. В. Родзаевского¹³ или заметку в меньшевистском «Социалистическом вестнике».¹⁴ В таком подходе таился печальный парадокс, так и не осознанный, судя по всему, большинством изгнанников. Прежде всего, игнорировалась воля поэта — ведь Пушкин нетерпимо относился к презренной «пользе», о чем недвусмысленно заявлял, например, в стихотворении «Поэт и толпа». С другой стороны, большая часть первой эмиграции на дух не переносила Д. И. Писарева и писаревщину, но ведь вульгарный критик и его эпигоны насакивали на Пушкина именно с этого бока, требуя от поэта не вороха «изящных безделушек», но произведений

¹⁰ Пик пришелся на 1925 г., двухсотлетие со дня смерти Петра.

¹¹ Правая национальная эмиграция стала отмечать в качестве противовеса День Св. Владимира, приходящийся на 15 июля. Отрадно, что многие видные деятели принимали участие в обоих Днях — естественно, как частные лица.

¹² Керенский А. Ф. Пушкин // Новая Россия. Париж, 1937. 7 февр. (№ 21).

¹³ Родзаевский К. Пушкин // Наш путь. Харбин, 1937. 11 февр. (№ 37).

¹⁴ Александрова В. Пушкин и советское общество // Социалистический вестник. Париж, 1937. Т. 1 — 2.

высокого прикладного звучания. Крайности русского сознания вновь сошлись — на сей раз в пушкиниане Зарубежья.

Ее кульминацией стал юбилей 1937 г., необычайно широко отмеченный. Беспрецедентная культурная акция проводилась «во всех пяти частях света: в Европе в 24 государствах и в 170 городах, в Австралии в 4 городах, в Азии в 8 государствах и 14 городах, в Америке в 6 государствах и 28 городах, в Африке в 3 государствах и 5 городах, а всего в 42 государствах и в 231 городе».¹⁵ Но этот подвиг русской культуры в изгнание задумывался и осуществлялся и как грандиозное идеологическое и политическое мероприятие, смотр сил Зарубежной России. Такой дуализм особенно ощущался со стороны. Распознали его и в Кремле, где обыкновенно сквозь пальцы смотрели на потуги «белогвардейцев» в сфере культуры. На сей раз московские представители и агенты во многих странах всячески стремились воспрепятствовать проведению торжеств.

Безусловно, не надо переоценивать влияние прагматизма. Оно не было подавляющим, низводящим всю пушкиниану до набора манифестов или партийных циркуляров, где мелькало имя поэта. *Зарубежная Россия выступовала немало трудов самодостаточных, оставивших далеко позади по своему уровню сугубо «идеологические» работы. Прежде всего, это, конечно, сочинения религиозно-философские*¹⁶ — настоящие шедевры мысли. Однако и они были все-таки частью оформившейся идеологии, вливались в огромный корпус однонаправленных текстов.

Прагматизмом дело не ограничилось. Став заложником идеологии, Пушкин был подвергнут мифологизации. На поэта легло, как удачно выразился Н. Н. Скатов, «бремя всеобщности».¹⁷ Последнее обстоятельство вызвало к жизни «явление необычайное» и «чрезвычайное» (но отнюдь не в гоголевском понимании).

Здесь вновь требуется прибегнуть к наследию П. Б. Струве. Есть у мыслителя два этюда, донныне не оцененные по достоинству.¹⁸ В них он путем тщательного анализа и скрупулезных математических подсчетов пришел к выводу — задолго до создания «Словаря языка Пушкина», — что слова «неизъяснимый» и «непостижный», «ясный» и «тихий» были очень любимы поэтом, и не просто любимы, но, по убеждению П. Б. Струве, они адекватно отражали духовную сущность его творчества. По имеющимся сведениям, такой метод исследования не имеет аналогов в истории пушкинианы Зарубежной России. Но сама она как целое представляет щедрые возможности для методологического плагиата. Как уже отмечалось, пушкиноведение эмиграции охотно использовало аттестации поэта, возникшие в прежние времена; те характеристики, которые устраивали Зарубежье, не противоречили декларированной идеологии.

Начнем с того, что поэт был объявлен «учителем жизни». Сразу же вспоминается, что еще на торжествах 1880 г. в Москве И. С. Тургенев пытался убедить Россию в учительстве Пушкина. Да разве он один! «Вечным наставником» величал Пушкина В. В. Розанов, «учителем» его звали и иные. Ранее этот титул походил на красивый, но пустой звук: за ним

¹⁵ *Лифарь С.* Моя зарубежная Пушкиниана. Париж, 1966. С. 34.

¹⁶ Малая толика их собрана в книге: Пушкин в русской философской критике: конец XIX — первая половина XX вв. М., 1990. В 1998 г. вышла книга «В краю чужом...» (Зарубежная Россия и Пушкин / Сост. М. Филин).

¹⁷ См. с. 3 наст. изд.

¹⁸ *Струве П. Б.* «Неизъяснимый» и «непостижный» // Пушкинский сборник. Прага, 1929. С. 259 — 264; *Струве П. Б.* Дух и Слово Пушкина (с приложением материалов к историческому толковому словарю языка Пушкина) // Белградский Пушкинский сборник. Белград, 1937. С. 265 — 342.

не стояло необходимого в таких случаях ученического смирения. Подлинными педагогами, или, вернее, мэтрами, интеллектуальная элита, несмотря на предупреждения прозорливцев, почти всегда избирала иноземцев и истово поклонялась чужим идолам. Финал известен: идолопоклонники, а заодно и все прочие, были жестоко наказаны. По закону исторических драм прозрение произошло тогда, когда драма уже свершилась.

«Пушкин — наше всё», — другая фраза, повторявшаяся в Зарубежной России как заклинание. Слова эти, как известно, принадлежат Аполлону Григорьеву, человеку очень русскому, они включены им в статью «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» (1859). Критик дал тогда подробное разъяснение своего тезиса, но первой эмиграции оно не понадобилось. Три григорьевских слова без всяких комментариев были превосходным лозунгом — и по форме, и по бездонному содержанию. «Наше всё» — слова в высшей степени русские. В них одновременно и бескрайняя ширь, и безграничное богатство, но и последний бесценный лепт, потеря которого губительна для души: ведь «всё» для русского человека испокон века соседствует с «ничем», с исчезновением. А за последние бастионы на Руси постоять умели всегда.

«Живой Пушкин» — еще один девиз пушкиноведения Зарубежья. Диапазон применения его был неограниченно широк — от заглавия книги безбожника П. Н. Милюкова¹⁹ и вплоть до трудов иерархов Церкви, в том числе тяготевших к фундаментализму. Любопытным следствием бытования этой концепции стало малое количество работ, посвященных дуэли и кончине поэта, — теме, казалось бы, выигрышной для издателей и всегда прельщавшей охочую до подобных сюжетов публику.²⁰ Фраза «живой Пушкин» активно употреблялась и в Советской России, особенно во время параллельных торжеств 1937 г., но с однозначно секулярным оттенком, как эффектный литературный прием.

Вообще-то между пушкиноведением Зарубежья и СССР было гораздо больше общего, чем принято считать. Проблема настолько серьезна, что абсурдно пытаться разрешить ее в пределах абзаца. Поэтому, пользуясь оказией, выскажемся лишь по поводу одного давнего заблуждения. Муссировалось в эмиграции, а с некоторых пор получило хождение и здесь, мнение, будто большевики, восхваляя Пушкина и прочих «классиков», якобы рыли сами себе могилу, подтачивали основы собственного учения. Однако суть залегает много глубже. Именно инъекция русскости в выдыхающийся интернационал спасла режим. Пришло осознание, что стране, наоборот, не выжить без основополагающих национальных ценностей, в частности без Пушкина. Другими звеньями цепи стало восстановление преподавания истории, реанимация полководцев прошлого, возврат к патриаршеству и т. д. Конечно, все это осуществлялось по-большевистски: с преступлениями, адаптированно, конъюнктурно, но — осуществлялось, пока не нашлось серьезных историков-мыслителей, которые взялись бы за создание правдивой летописи мучительного перерождения окоммунистиченной России.

Последняя (по счету, но не по значимости) заученная эмиграцией фраза — «чудо Пушкина». «Чудеса суть дела, которые не могут быть соделаны ни силою, ни искусством человеческим, но только всемогущею силою Божиею».²¹ Такого краткого определения для наших нужд достаточно.

¹⁹ Милюков П. Н. Живой Пушкин (1837—1937). Историко-биографический очерк // Родник. Париж, 1937. (В том же году вышло второе издание книги).

²⁰ Очень серьезно и всесторонне изучалась тема не смерти поэта, а перехода в инобытие. О Пушкине на пороге инобытия создан ряд выдающихся работ.

²¹ Библийская энциклопедия. М., 1990. С. 789.

Итак, четыре наиболее расхожие характеристики Пушкина: Пушкин никогда не умирал для нас, русских беженцев, он по-прежнему живой. Пушкин — наш учитель. Учитель — звание высочайшее, но Пушкин для нас даже больше, чем учитель. Он — «наше всё».

Явление Пушкина среди изгнанников, его миссия — воистину «чудо». Анализируя совокупность пушкинских характеристик, постоянно утверждаемых в сознании эмигрантов, можно сделать вывод: мощными идеологическими усилиями Зарубежья Пушкину фактически присваивалось звание пророка. Делалось это осознанно и целеустремленно, причем люди нередко балансировали на грани срыва в человекобожие. Кому-то довелось и сорваться: такие, говоря о поэте в третьем лице, употребляли токмо заглавную букву.

В компетенцию пророков входят две основные функции. К ним принадлежат, «во-первых, люди, предсказывающие будущее; во-вторых, лица, возвещающие людям слово назидания, увещания и утешения, по особому внушению Св. Духа».

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнишь волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

Не вдаваясь в догматические тонкости, можно сказать, что в некоторой степени пророческие обязанности были по плечу поэту — по части «назидания, увещания и утешения». Вспомним также, что Ф. М. Достоевский, дополняя Н. В. Гоголя, называл явление Пушкина «пророческим». Но между «пророческим явлением» и «пророком» разница примерно такая же, как между «божественными творениями», допустим, Моцарта и Самим Творцом. Кроме того, происхождение пророков никаким образом не зависит от идеологического нажима.

И это еще не все. Поэту отводилась роль не просто пророка, а пророка величайшего и единственного. С его именем упорно стали связывать и спасение России, и грядущее ее социальное переустройство. С газетных полос и с кафедр то и дело раздавалось: «Сим победиши», «Пушкин с нами» и т. п. Словно речь шла о новом Моисее, ведем народ русский через пустыню изгнания на Родину. И как будто не было у этого человека, жившего в начале XIX в. и наделенного великими достоинствами, великих слабостей и пределов влияния. Что правда, то правда — «широк русский человек», беспределен в привязанностях, а тем более — в «первой любви». И можно только гордиться, что прошел некогда по твоей земле курчавый предок, которого соотчичи смогли так полюбить и столькое ему доверить. Невзирая на идеологический фон, нужно преклониться перед культурой, решившейся на отчаянную попытку сделать то, что оказалось не под силу ни правительствам, ни партиям, ни армиям.

Любая идеология имеет фразеологический и смысловой предел, превышение которого может дать губительные последствия. Тогда идеология превращается в демагогию, уже не влияющую на общество, а смахивающую на сомнамбулу, или же попросту рассыпается в прах. Допустимая граница была нарушена и в случае с пушкинианой Зарубежной России.²²

---

²² В истории пушкиноведения случались типологически схожие эпизоды. Один из самых наглядных произошел с выдающимся мыслителем Вл. Соловьевым. В статье «Судьба Пушкина» (Вестник Европы. 1897. № 9. С. 131 — 156) он предъявил к поэту непомерно высокие требования как к христианину и сурово осудил Пушкина за то, что тот не всегда отвечал этим требованиям. Мыслитель как будто забыл, что выносит вердикт человеку. Глубокомысленное назидание было

Русское Зарубежье стимулировало запредельные идеологические упования на Пушкина. Критическая масса накопилась довольно быстро, но пушкиниана не рухнула: ведь уже были созданы и продолжали создаваться труды самоценные. Они и их творцы стали своеобразным страховым полисом пушкиноведения Зарубежной России. Основную причину того, что пушкиниана по-прежнему занимала ведущее положение в жизни эмиграции, следует все же искать в других процессах.

Помимо прочих особенностей существования русских на чужбине отличалось повышенной стандартизацией жизни и большим вниманием к коллективному началу, нежели на покинутой Родине. Там — десятилетиями разбредались кто куда; здесь же, напротив, стремились сесть потеснее, чтобы почувствовать локоть соотечественника. Объединяли немногие общие праздники, считанные клубы и кружки, газеты и журналы, коих не хватало на всех — и из-за скромных тиражей, и из-за дырявых эмигрантских карманов. Применительно к пушкиниане все это имело свои последствия.

Газета была важнейшим — разумеется, после храма — средством сплочения беженцев, неизменным и радостным атрибутом быта. Она изучалась, как правило, от корки до корки и затем передавалась в другие руки. Те же операции проделывались и с журналами. А пушкинская тема была более чем регулярна в периодической печати Зарубежья. Особо выделялись берлинские циклы Ю. И. Айхенвальда и М. Л. Гофмана, пражские и варшавские хроники А. Л. Бема, десятки «подвалов» Г. В. Адамовича и В. Ф. Ходасевича в парижских «Последних новостях» и «Возрождении», исправные публикации П. М. Пильского в Риге. Знакомясь с газетой, читая столь дорогие в чужих краях статьи и заметки на родном языке, жадно проглатывал эмигрант и материалы, касающиеся Пушкина. Выходило, что жители Зарубежной России становились как бы заочными слушателями постоянного пушкинского семинария, раскинувшегося по всем континентам. Семинарий вызывал ответную реакцию. Чтение статей будило «чувства добрые», руки тянулись к тому сочинению Пушкина, а то и к перу с бумагой. Люди, ранее не пробавлявшиеся сочинительством, теперь отдавали ему дань. Сохранились напечатанные опыты врачей, инженеров, офицеров, гимназистов и т. д. У науки нет и никогда не появится точных методов для измерения степени этического воздействия Пушкина и пушкинианы на Зарубежную Россию. В подобных случаях принято ограничиваться примерами из практики. О двух эпизодах, малоизвестных, но впечатляющих, поведаем и мы.

Далеко за пределами Болгарии прославился осевший там некий Виктор Колосовский. Человек, что называется, «с чудиной». Теперь уже трудно прояснить, с чего все началось, но факт остается фактом: в какой-то момент наш герой возомнил себя пиитом и даже публично заявил, что в него «вселился дух Пушкина». Стихи же слагал прямо-таки чудовищные, хотя и очень искренние. Многие посвятил Пушкину.

Он был великий дворянин
И прославился здесь на весь свет,
Как Пожарский и Минин,
Так же и истинный поэт.
Конечно, он известный вам,
Это был Пушкин сам!..²³

блистательным философским и литературным памятником самому Соловьеву, заметной вехой в истории пушкиноведения, но едва ли стало этапом познания Пушкина. Можно, разумеется, сказать и иначе: опыт, пускай даже с отрицательным итогом, всегда — этап, но вряд ли подобная софистика утешила бы автора «Судьбы Пушкина».

²³ Цит. по: Венюк Пушкину: Из поэзии первой эмиграции. М., 1994. С. 64.

Его не без оснований сравнивали с капитаном Лебядкиным, откровенно издевались над автором в частных беседах и прессе. Особенно преуспел саркастичный Вл. Ходасевич. Иные жалели Колосовского, советовали ему оставить пустое занятие. А он продолжал терзать бумагу. И никто, кажется, не попытался взглянуть на происходящее с другой стороны, не задался вопросом: почему он пишет и почему на последние трудовые гроши издает свои феноменальные поделки? Зачем не копит денег, как многие средне-статистические эмигранты, на скромный домик в провинции или не оставляет сбережений в кабаке, скорбя вместе со случайными соседями по стойке об утерянной России? Почему вместо всего этого, положенного и понятного, строчит да строчит о Пушкине? А ведь тут, на глазах изгнанников, происходило совсем не то, что вершил веком ранее приснопамятный граф Д. И. Хвостов, чье сиятельство после приятного раута или изысканного обеда приумножало число рифм. Графоманство графоманству — рознь. И если графоманство графа (!) было обусловлено эпохой царства поэзии, то деятельность Колосовского, жившего во времена отнюдь не поэтические, нитями причудливыми и глубоко запрятанными была связана собственно с Пушкиным. И мнится, что даже такое влияние поэта на потомков не таит в себе ничего предосудительного.

Другой эпизод произошел во Франции. Жил в Париже в предвоенные годы Владимир Львович Бурцев. Фигура известная, можно сказать, знаменитая, хотя и миновавшая зенит славы. В России он некогда помогал революционерам, в частности «гонялся за провокаторами»; самым громким делом Бурцева было разоблачение коварного Азефа. И в эмиграции он считался за левого, хотя и пересмотрел кое-какие взгляды за годы изгнания. Здесь же бывший «охотник» увлекся Пушкиным. Написал даже пару книжек,²⁴ которые пополнили длинный ряд дилетантских сочинений. Сказывалась натура и в статьях: предпочтение отдавалось сюжетам таинственным, авантурным. То выходила из-под пера студия «Каролина Собаньская. Шпионка при Пушкине и Мицкевиче»,²⁵ иной раз шло расследование об «утаенной любви» поэта,²⁶ а порою искали ключи к пушкинским «загадочным письмам».²⁷ Так и текли закатные дни и годы. А потом началась вторая мировая война. Вскоре в Париж пришли немцы. Жить дряхлому и больному Бурцеву стало еще труднее, подчас невыносимо. Что же предпринимает он на краю бездны? В 1942 г. в оккупированном Париже Бурцев печатает на свои средства брошюру «Изучайте Пушкина!». Французская столица к тому времени была лишена собственной эмигрантской прессы. И вот тоненькая книжица на русском языке растекается по мрачному городу, читается соотечественниками. Все видят: на обложке издатель поместил внушительный список книг, которые он — опять-таки в одиночку — собирается выпустить в обозримом будущем. А из названий явствует, что книги, долженствующие вот-вот явиться в этот ирреальный мир, посвящены Пушкину. Все без исключения... Замысел не удалось воплотить в жизнь: в 1942 г. Бурцев тихо скончался в предместье Парижа.

Как видим, пушкиниана Зарубежья приобрела народный характер. Она же была фактором идеологическим. На стыке этих двух начал возникло новое явление, общественное и в то же время очень личностное. Его можно

---

²⁴ Бурцев В. Л. Как Пушкин хотел издать «Евгения Онегина» и как издал. Париж, 1934; Бурцев В. Л. 8-я, 9-я, 10-я главы романа «Евгений Онегин» (к истории искалеченного романа). Париж, 1937.

²⁵ Сегодня. Рига, 1936. № 351.

²⁶ Бурцев В. Л. «Утаенная любовь» Пушкина (А. С. Пушкин и М. Н. Волконская) // Иллюстрированная Россия. 1934. № 48, 49, 51.

²⁷ Бурцев В. Л. Три загадочных письма Пушкина // Иллюстрированная Россия. 1935. № 14.

назвать параллельной идеологией. Умы изгнанников усердно искали одного Пушкина, а их сердца часто находили другого. Это была идеология выживания, или спасения, — в отличие от идеологии победы. Такой идеологии Пушкин соответствовал в полной мере. Интеллигент или простолюдин выживал именно благодаря Пушкину или поступкам вроде бурцевского. Вокруг звучали громкие фразы типа «Сим победиши», он согласно кивал, но втайне сознавал, что «Медным всадником» или «Бородинской годовщиной» не спасти, не вернуть прошлой России, как о том вешали на собраниях и в газетах. Зато читая урывками бессмертные строки, шофер парижского такси, учитель из Моравской Тршебовы или разнорабочий, заброшенный в Буэнос-Айрес, спасал себя — от безысходности, от одиночества, даже от сладкого газа на убогой кухоньке. Именно эту идеологию одинокого выживания попытался выразить в стихах поэт и переводчик Александр Биск. Строки сложились еще в 1921 г., в Варне, в самом начале русского скитания по чужим землям:

Вот Русь моя: в углу, киотом,
Две полки в книгах — вот и Русь.
Склонясь к знакомым переплетам,
Я каждый день на них молюсь.
Рублевый Пушкин, томик Блока,
Все спутники минувших дней —
Средь них не так мне одиноко
В стране чужих моих друзей.²⁸

Пушкин как уединенная мирская молитва... Слова удивительно точные. Красота, быть может, не дала миру погибнуть, но она никогда еще — тем более под протекторатом идеологии — не спасала Россию от катастроф. Опыт Зарубежной России, опыт героический, еще раз подтвердил, что у культуры есть свое достойнейшее место, но у нее нет прав на универсальность. Однако очень многих изгнанников красота, в том числе олицетворенная в Пушкине, обращенная к небу, и в самом деле спасла. Вещие слова все-таки подтвердились.

* * *

История пушкинианы Зарубежной России подразделяется на два периода. Межой между ними стала вторая мировая война. Вначале многое определяли вера, энергия и даже экзальтация; потом преобладали трезвость, умудренность, которые могли показаться усталостью. Ход и итоги войны кардинально повлияли на самосознание первой эмиграции. Многие были подвергнуты переосмыслению. Та соборность, которая присутствовала ранее, теперь едва теплилась. Вера в Бога осталась, но идеология победы над большевизмом неуклонно трансформировалась в прекраснодушную мечту. Набирали силу и настроения фаталистические, примиренческие. Так, в течение нескольких лет весьма популярно было движение возвращенцев.

«Смена вех» коснулась и пушкинианы. Новые реалии заставляли умерить пыл по части идеологизации поэта и его наследия: ведь уже никого не могли прельстить лозунги о Пушкине-победителе, когда Советы устояли в невиданной схватке, а народ, одолевая врага, дрался под иными знаменами и очень часто умирал с иным именем на устах. Зато идеология выживания и личного спасения в Пушкине по-прежнему оставалась в цене. Можно

---

²⁸ Слово. Рига, 1926. № 178; см. также: Биск А. Чужое и свое: Избранные стихи (1903—1961). Париж, 1961. С. 132.

даже предположить, что ее значение возросло. В рамках этой идеологии появилось немало глубоких исследований; она, как и встарь, согревала эмигрантские души, хранила русскость, продолжала культурный род.

Эпоха Зарубежной России завершалась. Один за другим уходили в мир иной изгнанники, так или иначе причастные к созданию пушкинианы. Наступало время делать выводы, подводить итоги. Кое о чем — разумеется, крайне схематично — сказано выше. О многом не договорено, иное даже не затронуто. Наше знание о пушкиниане первой эмиграции находится на том первобытном уровне, что сколько ни пиши статей — все будет мало, общо и предварительно. Цельный взгляд на нее — в будущем.

Напоследок же еще одно наблюдение. Большой бедою пушкинианы была ее замкнутость. Свято храня верность традициям, она — в отличие от эмигрантской литературы, т. е. «изящной словесности» — почти не испытала воздействия модных тогда эстетических идей Запада.²⁹ По причинам известным пушкиниана не имела широкого хождения в Советской России и упоминалась в печати крайне редко, да и то с преобладанием ярлыков над всем прочим. (Роль ее архивистов объективно сохранившие для потомков множество текстов). Очень прохладно, если не пренебрежительно, отнеслась к пушкиниане Зарубежной России западная славистика, всегда тяготевавшая к советским академическим исследованиям.

Ошибочно считать, что первая эмиграция покорно смирилась с изоляцией. Напротив, она всяческими путями пыталась выйти из нее. Можно даже сказать, что некоторые влиятельные деятели стремились, пусть и формальным путем, воссоединить единое русское пушкиноведение. Регулярно и во многих изданиях помещались объективные отклики на новинки литературы о Пушкине в СССР. Отдельные труды перепечатывались полностью, причем отнюдь не в просоветских органах; так дошли до изгнанников работы Н. О. Лернера, Б. В. Томашевского, Ю. Н. Тынянова и некоторых других авторов. Попутно предпринимались попытки наладить диалог с Западом — главным образом посредством рецензирования соответствующих иностранных изданий. В изобилии было и статей о Пушкине на туземных языках; иногда удавалось выпустить в свет даже книги.³⁰ Но все было напрасно. Тенденция к изоляции, несмотря на отдельные успехи, не была преодолена.

Любые аналогии в истории относительноны и опасны для истины. И все же, размышляя о жесткой блокаде пушкинианы Зарубежной России, автор данной статьи невольно подверстывает к этому факту многие другие — те, когда Советы и Запад действовали в унисон.

Как известно, все замкнутые системы, даже при наличии сильной воли к существованию, рано или поздно подступают к последней черте. Заслуга изгнанников в том, что для первой эмиграции роковой момент удалось оттянуть до предела, — черта пролегла там, где одна за другой завершались жизни беженцев. И тогда вновь растворился в истории некогда воссозданный ими Град Китеж...

Теперь, спустя годы и десятилетия, пушкиниану Зарубежной России по праву можно назвать в числе важнейших заветов первой эмиграции. Причем сработал довольно распространенный эффект: завет сей ныне воспринима-

---

²⁹ Показательно, что было создано немало трудов типа «Пушкин и Гофман», «Пушкин и французские романтики» и т. п., но почти нет работ по сравнительному пушкиноведению XX в.

³⁰ Так, в разных странах были опубликованы книги Б. Л. Бразоля, М. Л. Гофмана, Р. В. Иванова-Разумника, князя Д. П. Святополк-Мирского, А. А. Шика и др. Большинство сочинений были популярными, «вводными».

ется уже автономно, вне идеологического хронотопа, но как феномен культуры.

Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.

Не надо определять место этой пушкинианы в русском будущем. Позволительно всматриваться только в день сегодняшний, в 80–90-е годы XX столетия. А означенные лета невольно клонят к суровой публицистике.

Давно уже стало признаком хорошего тона вкраплять в штудии изречение А. И. Герцена, что, мол, когда-то на вызов Петра Великого Россия ответила Пушкиным. Как и любой афоризм, зауженный вдобавок до размеров математической формулы, он неточен. Кроме того, Герцен знал и изучал многие «начала», но не ведал о «концах». Россия отреагировала на крутой перелом и Серафимом Саровским, и Достоевским с Толстым, и Лениным со товарищи, и вечной антипетровской оппозицией. Но безусловно прав автор афоризма в том, что Пушкин жизненно необходим России в самые критические периоды, когда стихийно разливается бескрайнее Русское море и от правого берега до левого бушуют смертельные волны. А Пушкин — это гармония, правильное, умирное, а не мятущееся состояние души и душ, приемлемая равнодействующая. И одновременно — бескомпромиссная русскость, но отринувшая русские пороки и крайности.

Шли годы. В середине 1980-х годов многострадальной державе был брошен очередной вызов. Требовался срочный ответ. И он был дан — как и положено в нашей стране, персонафицированный, однако в виде «харизматических» пародий.³¹ Правда, пародий отнюдь не безобидных. Заговорили о «новом мышлении», в котором мало общего с думами наших предков, об «общечеловеческих ценностях», которые отличаются от выработанной веками и базирующейся на православии русской этики тем, что почитают за дело десятое патриотизм, любовь к Родине, особенно если это Россия. Не было и в помине на высоком идеологическом уровне речи о Пушкине. А ведь при всех изъянах идеологической и политической эксплуатации «веселого имени» такое знамя могло бы серьезно повлиять на ход событий.

Пушкина не только не причислили к очередной службе по России, но наоборот, сызнова попытались избавиться от него. Вместо пушкинианы Зарубежной России обратились к сочинениям третьей «волны», зачерпнули из гнилого болота и ринулись на поэта. Особым почетом окружили упомянутого Абрама Терца, растиражировали гнусную подделку М. Армалинского³² и «серьезнейшее и оригинальное исследование» Ю. Дружникова «Узник России»,³³ где Пушкин представлен «отказником», мечтавшим всю жизнь дать деру на Запад. И все это — на фоне надоевших пошлостей о «тюрьме народов», «царе-деспоте» и т. п. Вот ведь как бывает: первой эмиграции был брошен вызов, и она выговорила нужное имя. Да и большевики, коих можно обвинить в чем угодно, но только не в отсутствии воли, склонились-таки, пусть и с оговорками, перед Пушкиным. А мы-то, на родном пепелище, что же мы?

³¹ Выше шла речь о законе русской истории: дело, важное для России, для всей земли, непременно должно быть соотнесено с чьим-либо именем, с личностью, достойной всенародного уважения. Позволительно предположить, что закон имеет и обратную силу.

³² *Пушкин А. С. Тайные записки 1836–1837 годов / Предисл. М. Армалинского. Миннеаполис, 1986.* (Этот опус, выходящий за рамки всех нравственных норм, перепечатан некоторыми российскими изданиями).

³³ *Дружников Ю. Узник России. По следам неизвестного Пушкина. М., 1993.*

Да, созданы и опубликованы глубокие, не возможные ранее труды. Да, объявились новые подвижники. Но в основном мы только и делаем, что пожинаем заслуженные плоды, упрямо доказывая неведомо кому, что нет и в помине вселенского срама. Но вот и миргородская лужа уже отошла к другому государству. И коли судить по теперешнему глобусу, то однозначно выходит, что небезызвестный камер-юнкер и чиновник 10-го класса по прозвищу «Сверчок» изрядно постранствовал по заграницам. И постреливают кое-где в памятники поэтов, а народы наиболее цивилизованные и суверенные предпочитают попросту сносить их. В Царском Селе, напротив Лицея, в 1988 г. уничтожен прекрасный пушкинский музей; при этом, как говаривал в прошлом веке сатирик, «ни одна либеральная свинья не хрюкнула»...

Пушкиниана Зарубежной России по-прежнему стоит у порога нашего дома. От того, пустим ли мы ее к себе и как встретим — зависит в какой-то мере и наше будущее.

А. К. Харкевич

А. С. ПУШКИН

(речь, сказанная по случаю чествования его памяти
Флорентийской русской колонией
в 100-летнюю годовщину смерти поэта)

В архиве русской церкви во Флоренции хранится несколько рукописей псаломщика и регента церковного хора Адриана Ксенофонтовича Харкевича (1877—1961). Среди них — текст его пушкинской речи, произнесенной 28 февраля 1937 г. в стенах древнего Палаццо Антинори, где собиралась тогда русская колония.

Пушкинские чтения были последней культурной акцией русской колонии, прекратившей свое существование к началу второй мировой войны. В годовщину своей смерти Пушкин, казалось, на миг объединил две враждующие России — советскую и эмигрантскую. А. К. Харкевич, откликаясь на параллельные сталинские торжества, выразил веру в преобразующую силу пушкинского слова, которое сможет исцелить больную Родину. Однако для эмиграции Пушкин был, конечно, иным, чем для граждан СССР: здесь, во Флоренции 37-го года, им мерили и падение России, и ее грядущее возрождение.

Автор публикуемого текста, как и другие представители колонии, не предполагал, что события 17-го года навсегда оторвут его от Родины. Родом с Волыни, из духовного сословия (сын протоиерея) и выпускник Петербургской Духовной академии, Харкевич приехал в Италию в 1902 г., получив должность штатного псаломщика посольской церкви. Несмотря на солидное богословское образование, он не решился принять священнический сан, так как имел ясное представление о своих недостатках. Во Флоренции Харкевич женился на дочери настоятеля церкви протоиерея Владимира Левицкого и на всю жизнь связал свою судьбу с русской общиной, отдавая ей (в первую очередь, церковному хору) свои таланты, знания и любовь к недостижимой России. Помимо литературных ему были близки и исторические интересы: наряду с любопытными и порой весьма желчными мемуарами Харкевич составил список русских могил во Флоренции. Приводим здесь отрывок из обширного текста, написанного в старой орфографии, на сорока страницах (публикатор опустил части биографического характера).

* * *

Помянуть нашего гениального поэта А. С. Пушкина в черную годовщину его столь трагической смерти при настоящих условиях государственного состояния России и нашего собственного беженского быта — задача несколько сложная и своеобразная.

Вспомним майские торжества в 1899 г., в столетнюю годовщину рождения Пушкина; мы почти все были восторженными участниками и свидетелями всеобщего энтузиазма и бодрящей гордости, которыми была проникнута тогда читающая Россия. Замечательно, что и Русская Церковь приняла тогда доступное ей участие в чествовании поэта. А именно: пришлопамятный митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) в речи, произнесенной в Казанском соборе, с истинно церковным достоинством и евангельским настроением воздал должное творениям Пушкина, высоким нравственным образам, начертанным его благородным гением.

Ораторы тогдашних собраний в честь Пушкина с несомненным удовлетворением оглядывались на пройденный Россией культурный путь после смерти Пушкина, на значительное осуществление его заветов, воодушевленно призывали к дальнейшей работе и борьбе за столь дорогие поэту правду и свободу и с горестным сожалением вспоминали те невзгоды и преследования, какие он претерпел в мрачную эпоху своей жизни и деятельности. Это — общепринятая, вполне логичная программа всех юбилейных поминовений.

В настоящий момент такая программа едва ли приложима. Мы живем «рассудку вопреки и наперекор стихиям». Напрасно мы станем оглядываться с гордостью на пройденный после Пушкина путь, напрасно станем искать признаков и проявлений им завещанной и в свое время завоеванной свободы; еще менее подобает нам смущаться обскурантизмом и суровостью режима, в котором прошла его беспокойная и недолгая жизнь. Даже к тому сочувствию, которым проникалось сердце при мысли о политических стеснениях Пушкина, — к этому сочувствию оно почти глухо. Слабо вибрирует нам знакомый призыв по той простой причине, что в наших условиях мы готовы скорее завидовать, чем сострадать политической судьбе Пушкина. Если при понимании его мы все-таки не можем не оглядываться на наше прошлое, то о нашем настоящем лучше на этот момент забыть: слишком уж напоминает оно пушкинскую «Сказку о рыбаке и рыбке» с ее печальным финалом.

Не лучше ли отрешиться от нашей действительности, чтобы унести сердце и воображением в мир пушкинских прекрасных образов и видений, в мир дивной гармонии его неповторимого творчества с его надземной красотой — той красотой, которая, по вере Достоевского, способна спасти мир и прежде всего нашу униженную, оскорбленную и опозоренную родину. Там теперь тоже чествуют Пушкина в так называемом ударном порядке. Это знамение времени! Не могут не чествовать, если Пушкиным там зачитываются, и из каждых пяти выданных для чтения книг минимум одна приходится на его сочинения. Чтение и изучение Пушкина не могут пройти бесследно для сумбура царящих там идей и, верим, помогут их перерождению, подобно тому как чистые струи горного воздуха целительно влияют на отравленное дыхание...

Есть в спорной для многих знаменитой речи Достоевского о Пушкине одно место, на которое до сих пор не поднималось перо критики, — это ее заключение: «Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь. Но Бог судил иначе. Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем». Ровесник Пушкина и его товарищ по Лицею канцлер князь Горчаков скончался в 1883 г. Пушкин с его крепким организмом и поистине железным здоровьем тоже рассчитан был на долгую жизнь. Что было бы с Россией, если бы в 60-е годы властителем русских дум был Пушкин — в ореоле своей славы, своего авторитета, своей еще более

изошренной мудрости в понимании русской жизни и ее коренных вопросов? Ведь еще недавно найдены не известные до сих пор пушкинские рукописи, поразившие пушкинистов глубиной и ясностью его литературно-критических и исторических суждений. К нему вполне можно применить строфы его «Пророка» о постижении тайн жизни и природы. Жил бы Пушкин долее, стала бы явной унесенная им тайна. Но он ушел, и это величайшая из русских потерь.

Еще хуже стало оттого, что и Россия отошла от Пушкина, от его ясности и реалистически-национального подхода к вопросам жизни. Пушкин был вдохновенный реалист, он был народником в самом трезвом смысле этого термина, затуманенного потом романтическими уклонениями и с правой, и с левой стороны; он любил всей душой народ, но не экзальтированной любовью: он запечатлел в своих творениях положительные черты души народной, но он знал доподлинно, как сильны в ней и хаотические начала.

Он был православным русским человеком. «Вы говорите, — замечает он в письме католикофилу Чаадаеву, — что источник, откуда мы черпали христианство, был нечист, что Византия была достойна презрения и презираема и т. п. Ах, мой друг, ...разве Иерусалим не был притчею во языцех? Евангелие от этого разве менее изумительно? У греков мы взяли Евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева».

Пушкин-гражданин так же возвышен, прост и ясен, как и Пушкин-поэт. К несчастью России, этот трезвый судья и гениальный провидец не послужил образцом для вершителей русской жизни в последующие десятилетия, а к концу XIX в. он был забыт и предан самими русскими поэтами, которым показались скучными русская жизнь и пушкинский реализм. Они стали искать новых вычурных вдохновений и форм вне России, ринулись в декадентство — это нездоровое открытие французской молодой богемы, собиравшейся в кабачках Латинского квартала под патронатом одаренного, но ультраизвращенного Верлена (правда, он энергично отрещивался потом от этой новизны, от этих стихов, которые, по его словам, не стихи, а проза, а иногда просто чепуха).

При пересадке на русскую почву чепуха эта приняла махровые proportions. Поэты и поэтессы закружились в вихре мистических наитий (преимущественно с левой стороны), в экстазе символических общений с потусторонними сферами, в нагромождении сладких словосплетений, заглядываний в дверь вечности, им одним приотворенную. Эти жрецы и жрицы Аполлона отвернулись с презрением от прозы обыкновенных смертных, вознесли и возлюбили себя, как богов: кто служил черную мессу, кто пел ее самому себе: «Я весь, я только бог», кто с нетерпением ожидал «третьего новейшего завета», кто воспевал извращенность, истерику и доходил до последней черты при сильных воздействиях алкоголя и наркотиков. За символистами последовали кубисты, футуристы и т. п.

Русская поэзия, созданная гениальным художником-реалистом, устремилась в туман бреда и галлюцинаций и очутилась в клинике. Более серьезные и уравновешенные писатели не изменили традиции реализма, призывали к трезвому взгляду на жизнь и русскую действительность, давали в своих творениях тревожные сигналы о народном неблагополучии. Их читали, избирали в академии и опять принимались за поиски потусторонних откровений. Но реальная жизнь скоро напоминала о себе самым неожиданным образом и в то же время знаменательным: она выслала на литературную арену босяка. Символисты, декаденты и К° встретили его с благосклонным вниманием: новый «перекати-поле» тоже презирал простых

смертных, бредил собственным величием, не признавал неба старого, не ожидал, конечно, и нового, но проповедовал «новую землю», где все будет доступно, все разрешено ему — сильному, беспредельному и бесстыдному.

Надо было понять и признать это явление как грозный симптом, отзвук тех сложных и запущенных недугов, которые давно уже томили и истощали государственную и общественную крепость России, заколебавшейся под ударами дальневосточной войны и натиском в те же годы революции. «Русская тройка» мчалась, уже распутив вожжи. После долгой паузы столыпинского пятилетия ее бег принял бешеный темп; более нетерпеливые седоки перепрыгнули в немецкий блиндированный поезд и оказались первыми у финиша. Этот финиш был финишем России петербургского периода. Жил бы Пушкин долее, или жила бы Россия Пушкиным, этого, конечно, не случилось бы. Полное откровение Пушкина и его заветов начинается лишь теперь, с нашего всероссийского несчастья. В этом — основной смысл и глубочайшее значение нынешних поминовений, через сто лет после его трагической кончины.

Мы в эти дни читали Пушкина и о Пушкине, упивались гармонией его творений, сострадали его горю, его предсмертным мукам, умилялись пред величием души, в час кончины простившей все своим врагам. Лирика Пушкина в своих высших выражениях поднимает нас «горе» от земной суеты, наполняет душу очарованием какой-то чистой, освященной пламенем его вдохновения жизни, притом жизни не призрачной, а действительной, в которую легко верить и которую легко любить. Лирика Пушкина сродни тону Моцарта и кисти Рафаэля, и потому она дает ту же радость, что и они. Мы как бы обласканы дуновением его гения, наш слух полон его строф, в нашем воображении витают созданные им образы, (...) в эти волнующие дни мы все в его волшебной власти! Раздаются все громче и громче русские призывы: «Назад, назад: к Пушкину!». Но разве это так? У Гоголя сказано: «Пушкин — это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через 200 лет». Итак, не назад, а вперед: к Пушкину! Пушкин всегда впереди нас всех. Вперед! За Пушкиным, к Пушкину, к пушкинской светлой и славной России, как она предносилась в его гениальном прозрении.

Флоренция, 1937 г.

Публикация *М. Талалая*

«Таков был конец нашего Пушкина»

СВИДЕТЕЛЬСТВА СОВРЕМЕННОКОВ О ХРИСТИАНСКОЙ КОНЧИНЕ А. С. ПУШКИНА

Ударило два часа пополудни 29 янв., — и в Пушкине оставалось жизни — только на $\frac{3}{4}$ часа! Пушкин раскрыл глаза и попросил моченой морошки. Когда ее принесли, то он сказал внятно:

— Позовите жену, пусть она меня покормит.

Д-р Спасский исполнил желание умирающего. Наталья Николаевна опустила на колени у изголовья смертного одра, поднесла ему ложечку, другую — и приникла лицом к челу отходящего мужа. Пушкин погладил ее по голове и сказал:

— Ну, ну, ничего, слава Богу, все хорошо!

В. И. Даль¹

Пушкин заставил всех присутствующих сдружиться со смертью, так спокойно он ее ожидал, так твердо был уверен, что роковой час ударил. Плетнев говорил: «глядя на Пушкина, я в первый раз не боюсь смерти». Пушкин положительно отвергал утешение наше и на слова мои: «все мы надеемся, не отчаивайся и ты», отвечал:

— Нет; мне здесь не житье; я умру, да видно уж так и надо!

В. И. Даль²

Ожесточения к жизни в нем вовсе не было. Он желал смерти как конца мучений и, отчаиваясь в жизни, не хотел продолжать ее насильственно, бесполезными мерами и новыми мучениями. {...} Оборот к лучшему был непродолжителен, и он вновь убедился в неминуемой близкой кончине и ожидал ее спокойно, наблюдая ход ее как в постороннем человеке, щупал пульс свой и говорил: «Вот смерть идет!». Спрашивал, в котором часу полагает Арендт, что он должен умереть, и изъявлял желание, чтобы предсказание Арендта сбылось в тот же день. Прощаясь с детьми, перекрестил он их. С женою прощался несколько раз и всегда говорил ей с

¹ *Вересаев В. В.* Пушкин в жизни // Соч.: В 4-х тт. М., 1990. Т. 3. С. 254.

² Там же. С. 251.

нежностью и любовью. С нами прощался он посреди ужасных мучений и судорожных движений, но с духом бодрым и с нежностью. У меня крепко пожал он руку и сказал: «Прости, будь счастлив!». Пожелал он видеть Карамзину. Мы за нею послали. Прощаясь с нею, он просил ее перекрестить его, что она и исполнила. Данзас, желая выведать, в каких чувствах умирает он к Геккерну, спросил его: не поручит ли он ему чего-нибудь в случае смерти касательно Геккерна? «Требую, — отвечал он ему, — чтобы ты не мстил за мою смерть, прощаю ему и хочу умереть христианином». (...) Пушкин принадлежит не одним близким друзьям, но и Отечеству, и истории. Надобно, чтобы память о нем сохранилась в чистоте и целости истины. Но и из сказанного здесь много ты можешь видеть, в каких чувствах, в каком расположении ума и сердца своего кончил жизнь Пушкин. Дай Бог нам каждому подобную кончину.

*Князь П. А. Вяземский — А. Я. Булгакову, 5 февр. 1837 г.*³

Бодрый дух все еще сохранял могущество свое, — изредка только полудремотное забвение на несколько секунд туманило мысли и душу. Тогда умирающий, несколько раз, подавал мне руку, сжимал ее и говорил:

— Ну, подымай же меня, пойдем, да выше, выше, — ну, пойдем!

Опамятовавшись, сказал он мне:

— Мне было пригрезилось, что я с тобою лезу вверх по этим книгам и полкам, высоко — и голова закружилась.

*В. И. Даль*⁴

Друзья и ближние молча, сложа руки, окружили изголовье отходящего. Я, по просьбе его, взял его под мышки и приподнял повыше. Он вдруг, будто проснувшись, быстро раскрыл глаза, лицо его прояснилось, и он сказал:

— Кончена жизнь!

Я не дослышал и спросил тихо:

— Что кончено?

— Жизнь кончена, — отвечал он вятно и положительно.

— Тяжело дышать, давит, — были последние слова его.

*В. И. Даль*⁵

Он скончался так тихо, что предстоящие не заметили смерти его. Жуковский изумился, когда я прошептал: «аминь!». Д-р Андреевский наложил персты на веки его.

*В. И. Даль*⁶

За минуту пришла к нему жена; ее не пустили. — Теперь она видела его умершего. Приехал Арндт: за ней ухаживают. Она рыдает, рвется, но и плачет. Жуковский послал за художником снять с него маску. Жена все не верит, что он умер: все не верит. — Между тем тишина уже нарушена. Мы говорим вслух и этот шум ужасен для слуха, ибо он говорит о смерти того, для коего мы молчали. Он умирал тихо, тихо...

*А. И. Тургенев — А. Я. Булгакову, 29 янв. 1837 г.*⁷

³ *Кунин В. В.* Последний год жизни Пушкина. М., 1988. С. 515.

⁴ *Бересаев В. В.* Указ. соч. С. 255.

⁵ Там же. С. 256.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 258.

Когда друзья и несчастная жена устремились к бездыханному телу, их поразило величавое и торжественное выражение лица его. На устах сияла улыбка, как будто отблеск несказанного спокойствия, на челе отражалось тихое блаженство осуществившейся святой надежды.

*Кн. Ек. Н. Мещерская-Карамзина*⁸

Когда все ушли, я сел перед ним и долго, один смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видал ничего подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти. Голова его несколько наклонилась; руки, в которых было за несколько минут какое-то судорожное движение, были спокойно протянуты, как будто упавшие для отдыха после тяжелого труда. Но что выражалось на его лице, я сказать словами не умею. Оно было для меня так ново и в то же время так знакомо! Это было не сон и не покой! Это не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу, это не было также и выражение поэтическое. Нет! Какая-то глубокая, удивительная мысль на нем развивалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубокое удовлетворенное знание. Всматриваясь в него, мне все хотелось у него спросить: что видишь, друг? и что бы он отвечал мне, если бы мог на минуту воскреснуть? вот минуты в жизни нашей, которые вполне достойны названия великих. В эту минуту, можно сказать, я видел самую смерть, божественно тайную, смерть без покрывала. Какую печать наложила она на лицо его, и как удивительно высказала на нем и свою и его тайну! Я уверяю тебя, что никогда на лице его не видал я выражения такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, проскакивала в нем и прежде, но в этой чистоте обнаружилась только тогда, когда все земное отделилось от него с прикосновением смерти. Таков был конец нашего Пушкина.

*В. А. Жуковский — С. Л. Пушкину*⁹

Она тотчас же меня спросила: «Вы видели лицо моего мужа сразу после смерти? У него было такое безмятежное выражение, лоб его был так спокоен, а улыбка такая добрая! — не правда ли, это было выражение счастья, удовлетворенности? Он увидел, что там хорошо».

*С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину, 2 февр. 1837 г.*¹⁰

Ты прав, жалеть о нем не нужно, он умер прекрасной и поэтической смертью, светило угасло во всем блеске, и небо позволило еще, чтобы в течение этих дней агонии, когда оно взирало на землю в последний раз, оно заблестало особенно ярким, необычайно чистым небесным светом — светом, который его душа, без сомнения, узрела в последнее мгновение, ибо... после его смерти на лице его было такое ясное, такое благодное, такое восторженное выражение, какого никогда еще не бывало на человеческом лице! «Великая, радостно угаданная мысль», — сказал Жуковский. И в самом деле, о чем здешнем мог он сожалеть?

*С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину, 3 марта 1837 г.*¹¹

К счастью, я вспомнил вовремя, что надобно с него снять маску. Это было исполнено немедленно; черты его еще не успели измениться. Конечно, того первого выражения, которое дала им смерть, в них не сохранилось;

⁸ Там же. С. 257.

⁹ Там же. С. 260.

¹⁰ *Кунин В. В.* Указ. соч. С. 578.

¹¹ Пушкин в письмах Карамзиных: 1836—1837 гг. М.; Л., 1960. С. 188.

но все мы имеем отпечаток привлекательный; это не смерть, а сон. Спустия $\frac{3}{4}$ часа после кончины... тело вынесли в ближнюю горницу, а я, исполняя повеление государя императора, запечатал кабинет своею печатью...

В. А. Жуковский — С. Л. Пушкину, 15 февр. 1837 г.¹²

(29-го) отслужили мы первую панихиду по Пушкине в 8 час. вечера. Жена рвалась в своей комнате; она иногда в тихой, безмолвной, иногда в каком-то испуге горести.

А. И. Тургенев — А. И. Нефедьевой¹³

29 янв. 1837 г. я зашел поклониться праху поэта. Народ туда валил толпами, и посторонних посетителей пускали через какой-то подземный ход и черную лестницу. Оттуда попал я прямо в небольшую и очень невысокую комнату, окрашенную желтой краскою и выходившую двумя окнами на двор. Совершенно посреди этой комнаты (а не в углу, как это водится), стоял гроб, обитый красным бархатом, с золотым позументом и обращенный стороною головы к окнам, а ногами к двери, отпертой настежь в гостиную, выходившую окнами на Мойку. Все входившие благоговейно крестились и целовали руку покойного. На руках у покойного положен был простой образ, без всякого оклада и до того стертый, что никакого изображения на нем нельзя было в скорости разглядеть; платье было на Пушкине из черного сукна, старого фасона и очень изношенное. В ногах дьячок читал Псалтырь. Катафалк был низкий и подсвечники весьма старые...

*Бар. Ф. А. Бюлер*¹⁴

30 января. Полдень. Мы отслужили еще панихиду. Лицо Пушкина изменилось сильно. Последовало высочайшее повеление судить его, Пушкина, и антагониста Геккерна военным судом. Но он уже пред судом *Божьим*...

*А. И. Тургенев*¹⁵

Мы нашли темно-фиолетовый бархатный гроб с телом Пушкина в полутемной комнате, освещенной только красноватым и мерцающим огнем от нескольких десятков восковых церковных свечей, вставленных в огромные шандалы, обвитые крепом. (...) Гроб стоял на катафалке в две ступеньки, обитом черным сукном с серебряными галунами. Катафалк помещен был против входной двери, в ногах был налож. Тело покойника, сплошь прикрытое белым крепом, было почти все задернуто довольно подержанным парчевым палевым покровом, по-видимому, взятым напрокат от гробовщика или из церкви... Лицо покойника было необыкновенно спокойно и очень серьезно, но несколько не мрачно. Великолепные курчавые темные волосы были разметаны по атласной подушке, а густые бакенбарды окаймляли впалые щеки до подбородка, выступая из-под высоко завязанного черного, широкого галстука.

*В. П. Бурнашев*¹⁶

Вечером мы ходили на панихиду по нашем бедном Пушкине. Трогательно было видеть толпу, которая стремилась поклониться его телу. В этот день,

¹² *Кунин В. В.* Указ. соч. С. 549.

¹³ *Вересаев В. В.* Указ. соч. С. 261.

¹⁴ Там же. С. 268.

¹⁵ *Кунин В. В.* Указ. соч. С. 507.

¹⁶ *Вересаев В. В.* Указ. соч. С. 268.

говорят, там перебивало более двадцати тысяч человек: чиновники, офицеры, купцы, все в благоговейном молчании с умилением, особенно отрядным для его друзей. Один из этих никому не известных людей сказал Россету: «Видите ли, Пушкин ошибался, когда думал, что потерял свою народность: она вся тут, но он ее искал не там, где сердца ему отвечали». Другой, старик, поразил Жуковского глубоким вниманием, с которым он долго смотрел на лицо Пушкина, уже сильно изменившееся, он даже сел напротив и просидел неподвижно четверть часа, а слезы текли у него по лицу, потом он встал и пошел к выходу; Жуковский послал за ним, чтобы узнать его имя. «Зачем вам, — ответил он, — Пушкин меня не знал, и я его не видал никогда, но мне грустно за славу России». И вообще это второе общество проявляет столько увлечения, столько сожаления, столько сочувствия, что душа Пушкина должна радоваться, если только хоть какой-нибудь отзвук земной жизни доходит туда, где он сейчас.

С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину, 2 февр. 1837 г.¹⁷

В эти оба дни та горница, где он лежал в гробе, была беспрестанно полна народом. Конечно, более десяти тысяч человек приходило взглянуть на него, многие плакали; иные долго останавливались и как будто хотели всмотреться в лицо его.

В. А. Жуковский — С. Л. Пушкину, 15 февр. 1837 г.¹⁸

Д. В. Дашков передавал кн. Вяземскому, что государь сказал ему: «Какой чудак Жуковский! Пристаёт ко мне, чтобы я семье Пушкина назначил такую же пенсию, как семье Карамзина. Он не хочет сообразить, что Карамзин человек почти святой, а какова была жизнь Пушкина?».

*П. И. Бартнев*¹⁹

Весь Петербург заговорил о смерти Пушкина, и невыгодное мнение о нем тотчас заменилось самым искренним энтузиазмом: все обратились в книжные лавки — покупать только что вышедшее новое миниатюрное издание Онегина: более двух тысяч экземпляров было раскуплено в три дня.

*Н. И. Иваницкий*²⁰

Итак, свершилось, и мы потеряли прекраснейшую славу нашего Отечества! Я так глубоко огорчена, что мне кажется, что во мне соединяются сожаления и его друзей, и поклонников его гения.

Тысяча прочувствованных благодарностей Вам, мой добрый господин Жуковский, за заботливость, с которой Вы приучали меня то надеяться, то страшиться. Как она тягостна, эта скорбь, которая нам осталась! Когда сможете Вы сообщить мне, как чувствует себя его бедная жена, о которой я не забываю и которую жалею от глубины души!

Вел. кн. Елена Павловна — В. А. Жуковскому, 29 янв. 1837 г.²¹

Милый Андрюша, пишу к тебе с глазами, наполненными слез, а сердце и душа тоскою и горестью; закатилась звезда светлая, Россия потеряла

¹⁷ *Кунин В. В.* Указ. соч. С. 577.

¹⁸ Там же. С. 550.

¹⁹ *Вересаев В. В.* Указ. соч. С. 267.

²⁰ Там же. С. 263.

²¹ *Кунин В. В.* Указ. соч. С. 505.

Пушкина! Он дрался в среду на дуэли с Дантезом, и он прострелил его насквозь; Пушкин бессмертный жил два дни, а вчера, в пятницу, отлетел от нас; я имела горькую сладость проститься с ним в четверг, он сам этого пожелал.

*Е. А. Карамзина — А. Н. Карамзину, 30 янв. 1837 г.*²²

Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!.. Более говорить о сем не имеем силы, да и не нужно; всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери и всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин! наш поэт! наша радость, наша народная слава!.. Неужели в самом деле нет уже у нас Пушкина! К этой мысли нельзя привыкнуть!

29-го января 2 ч. 45 м. по полудни.

*Литературные прибавления к «Русскому Инвалиду», 30 янв. 1837 г.*²³

Сердце содрогается. (...) Этот только что угасший Гений, трагический конец гения истинно русского, однако ж иногда и сатанинского, как Байрон. — Эта молодая женщина возле гроба, как ангел смерти, бледная, как мрамор, обвиняющая себя в этой кровавой кончине, и кто знает, не испытывает ли она рядом с угрызениями совести, помимо своей воли, и другое чувство, которое увеличивает ее страдания. Бедный Жорж, как он должен был страдать, узнав, что его противник испустил последний вздох... (с фр.)

*Императрица Александра Федоровна — гр. С. А. Бобринской, 30 янв. 1837 г.*²⁴

Вчера, входя в комнату, где стоял гроб, первые слова, кои поразили меня при слушании Псалтыря, который читали над усопшим, были следующие: «Правду твою не скрыл в сердце твоём». Эти слова заключают в себе всю загадку и причину его смерти: то есть то, что он почитал правдою, что для него, для сердца его казалось обидою, он не скрыл в себе, не укротил в себе, а высказал, в ужасных и грозных выражениях своему противнику — и погиб!

*А. И. Тургенев — А. И. Нефедьевой, 1 февр. 1837 г.*²⁵

Вчера (30-го) народ так толпился, — исключая аристократов, коих не было у гроба, ни во время страдания, — что полиция не хотела, чтобы отпевали в Исакиевском соборе, а приказала вынести тело в полночь в Конюшенную церковь, что мы немногие и сделали, других не впускали. Публика ожесточена против Геккерна, и опасаются, что выбьют у него окна.

*А. И. Тургенев — Н. И. Тургеневу, 31 янв. 1837 г.*²⁶

...От меня отвернулись с той поры, как простой народ побежал в дом моего противника, без всякого рассуждения и желания отделить человека от таланта. Они также хотели видеть во мне только иностранца, который убил их поэта. (фр.)

*Барон Ж. Геккерн (Дантес) — полковнику Бреверну, 26 февр. 1837 г.*²⁷

²² Там же. С. 507.

²³ Вересаев В. В. Указ. соч. С. 271.

²⁴ Кунин В. В. Указ. соч. С. 505.

²⁵ Там же. С. 572.

²⁶ Вересаев В. В. Указ. соч. С. 273.

²⁷ Кунин В. В. Указ. соч. С. 419.

Вынос тела почившего в церковь должен был состояться вчера днем, но чтобы избежать манифестации при выражении чувств, обнаружившихся уже в то время, как тело было выставлено в доме покойного, — чувств, которые подавить было бы невозможно, а поощрять их не хотели, — погребальная церемония была совершена в час пополудни. По этой же причине участвующие были приглашены в церковь при Адмиралтействе, а отпевание происходило в Конюшенной церкви.

Барон Геккерн-старший — барону Верстолку, 14 февр. 1837 г.²⁸

Долг чести повелевает мне не скрыть от вас того, что общественное мнение высказалось при кончине г. Пушкина с большей силой, чем предполагали. Но необходимо выяснить, что это мнение принадлежит не высшему классу, который понимал, что в таких роковых событиях мой сын по справедливости не заслуживает ни малейшего упрека. Чувства, о которых я говорю, принадлежат лицам из третьего сословия, если так можно назвать в России класс, промежуточный между настоящей аристократией и высшими должностными лицами, с одной стороны, и народной массой, совершенно чуждой событию, о котором она и судить не может, — с другой. Сословие это состоит из литераторов, артистов, чиновников низшего разряда, национальных коммерсантов высшего полета и т. д.

Барон Геккерн-старший — барону Верстолку, 14 февр. 1837 г.²⁹

Все население Петербурга, а в особенности чернь и мужичье, волнуясь, как в конвульсиях, страстно жаждало отомстить Дантесу. Никто от мала до велика не желал согласиться, что Дантес не был убийцей. Хотели расправиться даже и с хирургами, которые лечили Пушкина, доказывая, что тут заговор и измена, что один иностранец ранил Пушкина, а другим иностранцам поручили его лечить.

*Д-р Станислав Моравский*³⁰

Если бы Пушкин умер после долговременной болезни или после быстрого удара, о нем бы пожалели, общее чувство национальной потери выразилось бы в разговорах, каких-нибудь статьях, стихами или прозой; в обществе поговорили бы о нем и скоро бы замолчали, предав его памяти современников, умевших ценить его высокое дарование, и потомству, которое, конечно, сохранит к нему чистое уважение. Но Пушкин умирает, убитый на дуэли, и убийца его француз, принятый в нашу службу с отличием; этот француз преследовал жену Пушкина и за тот стыд, который нанес его чести, еще убил его на дуэли. Вот обстоятельства, поразившие вдруг все общество и сделавшиеся известными во всех классах народа, от Гостиного двора до петербургских салонов. Если бы таким образом погиб и простой человек, без всякого национального имени, то и об нем бы заговорили повсюду... но здесь жертвою иноземного развратника сделался первый поэт России...

В. А. Жуковский — гр. А. Х. Бенкендорфу³¹

На вынос тела из дому в церковь Наталья Николаевна Пушкина не явилась, от истомления и от того, что не хотела показываться жандармам.

Кн. В. Ф. Вяземская по записи Бартенева³²

²⁸ *Вересаев В. В.* Указ. соч. С. 273.

²⁹ Там же. С. 277.

³⁰ Там же. С. 265.

³¹ *Кунин В. В.* Указ. соч. С. 560.

³² *Вересаев В. В.* Указ. соч. С. 274.

В первом часу мы вывезли гроб в церковь Конюшенную, пропели заупокой, и я возвратился тихо домой.

*А. И. Тургенев. Из дневника*³³

Вынос тела был совершен ночью, в присутствии родных Н. Н. Пушкиной, графа Г. А. Строганова и его жены, Жуковского, Тургенева, графа Вельегорского, Аркадия Ос. Россети, офицера генерального штаба Скалона и семейств Карамзиной и князя Вяземского. Вне этого списка пробрался по льду в квартиру Пушкина отставной офицер путей сообщения Веревкин, имевший, по объяснению А. О. Россети, какие-то отношения к покойному. Никто из посторонних не допускался. На просьбы А. Н. Муравьева и старой приятельницы покойника, графини Бобринской (жены графа Павла Бобринского), переданные мною графу Строганову, мне поручено было сообщить им, что никаких исключений не допускается. Начальник штаба корпуса жандармов Дубельт, в сопровождении около двадцати штаб- и обер-офицеров, присутствовал при выносе. По соседним дворам были расставлены пикеты.

*Кн. П. П. Вяземский*³⁴

Назначенную для отпевания церковь переменили, тело перенесли в нее ночью, с какою-то тайною, всех поразившею, без факелов, почти без проводников; и в минуту выноса, на которую собралось не более десяти ближайших друзей Пушкина, жандармы наполнили ту горницу, где молились об умершем, нас оцепили, и мы, так сказать, под стражей проводили тело до церкви.

*В. А. Жуковский — гр. А. Х. Бенкендорфу*³⁵

Наталья Николаевна Пушкина, с душевным прискорбием извещая о кончине супруга ее, Двора Е. И. В. Камер-Юнкера Александра Сергеевича Пушкина, последовавшей в 29 день сего января, покорнейше просит пожаловать к отпеванию тела в Исакиевский собор, состоящий в Адмиралтействе, 1-го числа февраля в 11 часов до полудня.

*Приглашение на отпевание Пушкина*³⁶

Утром многие приглашенные на отпевание и желавшие отдать последний долг Пушкину являлись в Адмиралтейство, с удивлением находили двери запертыми и не могли найти никого для объяснения такого обстоятельства.

*М. Н. Лонгинов*³⁷

Отпевание тела его происходило в церкви Спаса в Конюшенной 1-го февраля в 11 часов утра... Перед церковью, для отдания последнего долга любимому писателю, стеклись во множестве люди всякого звания. Трогательно было видеть вынос гроба из церкви: И. А. Крылов, В. А. Жуковский, кн. П. А. Вяземский и другие литераторы и друзья покойного несли гроб.

*М. А. Коркунов*³⁸

Похороны г. Пушкина отличались особенною пышностью, и в то же время были необычайно трогательны. Присутствовали главы всех ино-

³³ *Кунин В. В. Указ. соч. С. 574.*

³⁴ *Вересаев В. В. Указ. соч. С. 274.*

³⁵ Там же. С. 273.

³⁶ Там же. С. 275.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 276.

странных миссий, за исключением графа Дерама (*английского посла*) и кн. Суццо (*греческого посла*) — по болезни, барона Геккерена, который не был приглашен, и г. Либермана (*прусского посла*), отклонившего приглашение вследствие того, что ему сказали, что названный писатель подозревался в либерализме в юности, бывшей, действительно, весьма бурною, как молодость многих гениев, подобных ему.

Бар. К. А. Люцероде (саксонский посланник)
в донесении саксонскому правительству 8 февр. 1837 г.³⁹

Это были, действительно, народные похороны. Все, что сколько-нибудь читает и мыслит в Петербурге, — все стеклось к церкви, где отпевали поэта. Это происходило в Конюшенной. Площадь была усеяна экипажами и публикою, но среди последней — ни одного тулупа или зипуна. Церковь была наполнена знатью. Весь дипломатический корпус присутствовал. Впускали в церковь только тех, которые были в мундирах или с билетом. На всех лицах лежала печаль — по крайней мере наружная. Я прощался с Пушкиным: «И был странен тихий мир его чела». Впрочем, лицо уже значительно изменилось: его успело коснуться разрушение.

*А. В. Никитенко*⁴⁰

Знать стала навещать умиравшего поэта, только прослышав об участливом внимании царя.

*А. О. Россет*⁴¹

Конюшенная церковь не велика, и туда пускали только тех, у кого были билеты, т. е. почти исключительно высшее общество и дипломатический корпус, явившийся в полном составе. (Один из дипломатов сказал даже: «Лишь здесь мы впервые узнали, что значит Пушкин для России. До этого мы встречали его, были с ним знакомы, но никто из вас — он обращался к одной даме — не сказал нам, что он ваша народная гордость»).

С. Н. Карамзина — *А. Н. Карамзину*, 2 февр. 1837 г.⁴²

Стечение народа было многочисленное по улицам, ведущим к церкви, и на Конюшенной площади; но народ в церковь не пускали. Едва достало места и для блестящей публики.

А. И. Тургенев — *А. И. Нефедьевой*, 1 февр. 1837 г.⁴³

Гений есть общее добро; в поклонении гению все народы родня, и когда он безвременно покидает землю, все провожают его с одинаковою братскою скорбью. Пушкин по своему гению был собственностью не одной России, но и целой Европы; потому-то и посол французский (сам знаменитый писатель) приходил к двери его с печалью своею и о нашем Пушкине пожалел, как будто о своем. Поэтому же Люцероде, саксонский посланник, сказал собравшимся у него гостям в понедельник ввечеру: «Нынче у меня танцевать не будут, нынче похороны Пушкина».

В. А. Жуковский — *С. Л. Пушкину*⁴⁴

³⁹ Там же. С. 277.

⁴⁰ Там же. С. 278.

⁴¹ Там же.

⁴² *Кунин В. В.* Указ. соч. С. 579.

⁴³ *Вересаев В. В.* Указ. соч. С. 280.

⁴⁴ *Кунин В. В.* Указ. соч. С. 547.

Смерть Пушкина представляется здесь как несравнимая потеря страны, как общественное бедствие. (...) Эти чувства проявились уже во время похоронных церемоний по греческому ритуалу, которые имели место сначала в квартире покойного, а потом на торжественном богослужении, которое было совершено с величайшею торжественностью в придворной Конюшенной церкви...

Либерман, прусский посланник при русском дворе,
в донесении своему правительству, — 14 февр. 1837 г.⁴⁵

Служил архимандрит и шесть священников. Рвались — к последнему целованию. Друзья вынесли гроб; но желавших так много, что теснотою разорвали фрак надвое у кн. Мещерского. (...) Мы на руках вынесли гроб в подвал на другой двор; едва нас не раздавили. Площадь вся покрыта народом, в домах и на набережных Мойки тоже.

А. И. Тургенев — А. И. Нефедьевой, 1 февр. 1837 г.⁴⁶

Долго ждали мы окончания церковной службы; наконец, на паперти стали появляться лица в полной мундирной форме... (...) С улицы гроб тотчас же вынесен был в расположенные рядом с церковью ворота в Конюшенный двор, где находился заупокойный подвал, для принятия тела до его отправления в Псковскую губернию.

*М.-Н. Воспоминания из дальних лет*⁴⁷

...Когда тело выносили из церкви, то шествие на минуту загнулось; на пути лежал кто-то большого роста, в рыданиях. Его попросили встать и посторониться. Это был князь П. А. Вяземский.

*П. И. Бартнев*⁴⁸

Между прочими подробностями о смерти и отпевании Пушкина, А. И. Тургенев сообщил (*тригорским соседкам Пушкина*), что уважение к памяти поэта в громадных толпах народа, бывших на его отпевании в Конюшенной церкви, было до того велико, что все полы сюртука Пушкина были разорваны в лоскутки, и он оказался лежащим чуть не в куртке; бакенбарды его и волосы на голове были тщательно обрезаны его поклонниками.

*М. И. Семевский*⁴⁹

От глубоких огорчений, от потери мужа, жена Пушкина была больна, она просила государя письмом позволить Данзасу проводить тело ее мужа до могилы, так как по случаю тяжкой болезни она не могла исполнить этого сама.

А. Аммосов со слов К. К. Данзаса⁵⁰

2 февраля. Жуковский с письмом графа Бенкендорфа к гр. Строганову, — о том, что вместо Данзаса назначен я, в качестве старого друга, отдать ему последний долг. (...) На панихиду. Тут граф Строганов представил мне жандарма; о подорожных и крестьянских подставах. Куда

⁴⁵ Вересаев В. В. Указ. соч. С. 280.

⁴⁶ Там же. С. 281.

⁴⁷ Там же. С. 279.

⁴⁸ Там же. С. 277.

⁴⁹ Там же. С. 276.

⁵⁰ Там же. С. 282.

еду — еще не знаю. Заколотили Пушкина в ящик. Вяземский положил с ним свою перчатку.

*А. И. Тургенев. Из дневника.*⁵¹

3-го февраля в полночь мы отправились из Конюшенной церкви с телом Пушкина в путь; я с почтальоном в кибитке позади тела; жандармский капитан впереди оного. Дядька покойного желал также проводить останки своего доброго барина к последнему его жилищу, куда недавно возил он же и тело его матери; он стал на дрогах, кои везли ящик с телом, и не покидал его до самой могилы.

*А. И. Тургенев — А. И. Нефедьевой, 9 февр. 1837 г.*⁵²

3 февраля в 10 часов вечера собрались мы в последний раз к тому, что еще для нас оставалось от Пушкина; отпели последнюю панихиду; ящик с гробом поставили на сани; сани тронулись; при свете месяца несколько времени я следовал за ними; скоро они поворотили за угол дома; и все, что было земной Пушкин, навсегда пропало из глаз моих.

*В. А. Жуковский — С. Л. Пушкину, 15 февр. 1837 г.*⁵³

...Многие располагали следовать за гробом до самого места погребения в Псковской губернии; наконец, дошли слухи, что будто в самом Пскове предполагалось выпрячь лошадей и везти гроб людьми, приготовив к этому жителей Пскова. — Мудрено было решить, не относились ли все эти почести более к Пушкину-либералу, нежели к Пушкину-поэту. — В сем недоумении и имея в виду отзывы многих благомыслящих людей, что подобное как бы народное изъявление скорби о смерти Пушкина представляет некоторым образом неприличную картину торжества либералов, — высшее наблюдение признало своею обязанностью мерами негласными устранить все почести, что и было исполнено.

*Отчет о действиях корпуса жандармов за 1837 год*⁵⁴

...Имею честь сообщить вашему превосходительству волю государя императора, чтобы вы воспретили всякое особенное изъявление, всякую встречу, одним словом всякую церемонию, кроме того, что обыкновенно по нашему церковному обряду исполняется при погребении тела дворянина. К сему не излишним считаю, что отпевание тела уже совершено.

*А. Н. Мордвинов — А. Н. Пешурову, 2 февр. 1837 г.*⁵⁵

5 февраля. (...) Осипова послала, по моей просьбе, мужиков рыть могилу; вскоре и мы туда поехали с жандармом; зашли к архимандриту; он дал мне описание монастыря; рыли могилу; между тем, я осмотрел, хотя и ночью, церковь, ограду и здания. Условились приехать на другой день и возвратились в Тригорское. Повстречали тело на дороге, которое скакало в монастырь. Гроб внесли в верхнюю церковь и поставили до утра там. (...)

6 февраля, в 6 часов утра, отправились мы — я и жандарм!! — опять в монастырь, — все еще рыли могилу; моим гробокопателям помогали крестьяне Пушкина, узнавшие, что гроб прибыл туда; мы отслужили

⁵¹ Там же. С. 283.

⁵² Там же.

⁵³ *Кунин В. В. Указ. соч. С. 551.*

⁵⁴ *Вересаев В. В. Указ. соч. С. 279.*

⁵⁵ Там же. С. 285.

панихиду в церкви и вынесли на плечах крестьян и дядьки гроб в могилу — немногие плакали. Я бросил горсть земли в могилу; выронил несколько слез и возвратился в Тригорское.

*А. И. Тургенев. Из дневника*⁵⁶

Они (*Пушкин и его мать*) лежат теперь под одним камнем, гораздо ближе друг к другу после смерти, чем были в жизни.

*Ал. Н. Вульф. Дневник, 21 марта 1842 г.*⁵⁷

Кто бы сказал, что даже дворян (*Тригорского*), такая равнодушная по отношению к другим, плакала о нем! В Михайловском г. Тургенев был свидетелем такого же горя.

*Бар. Вревский — С. Л. Пушкину, 21 марта 1837 г.*⁵⁸

...Рано утром внесли ящик в церковь, и после заупокойной обедни всем монастырским клиром, с настоятелем, архимандритом, столетним стариком Геннадием во главе, похоронили Александра Сергеевича, в присутствии Тургенева и нас двоих барышень. Уже весной, когда стало таять, распорядился Геннадий вынуть ящик и закопать его в землю уже окончательно...

*Е. И. Фок (Осипова)*⁵⁹

Со 2 января до настоящего времени я был непрерывно в делах против чеченцев, и наш отряд не имел связи ни с чем... Эта ужасная новость меня сразила, я, как сумасшедший, не знаю, что делаю и что говорю... Если бы у меня было сто жизней, я все бы их отдал, чтобы выкупить жизнь брата. В гибельный день его смерти я слышал вокруг себя свист тысяч пуль, — почему не мне выпало на долю быть сраженным одною из них, — мне, человеку одинокому, бесполезному, уставшему от жизни и вот уж десять лет бросающему ее всякому, кто захочет.

*Л. С. Пушкин — С. Л. Пушкину (отцу), 19 марта 1837 г.*⁶⁰

Вот стихи, которые сочинил на его смерть некий господин Лермонтов, гусарский офицер. Я нахожу их такими прекрасными, в них так много правды и чувства, что тебе надо знать их. (...) Мещерский понес эти стихи Александрине Гончаровой, которая попросила их для сестры, жаждущей прочесть все, что касается ее мужа, жаждущей говорить о нем, обвинять себя и плакать.

*С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину, 10 февр. 1837 г.*⁶¹

Я знаю, что вдова Александра Сергеевича не будет сюда, и я этому рада — не знаю, поймете ли вы то чувство, которое заставляет меня теперь бояться ее видеть?.. но многое должно бы было вам рассказать, чтобы вполне изъяснить все, что у меня на душе — и что я знаю — наконец многоглаголанье, и многописания все выдет *к чему теперь рыданье и жалкий лепет оправданья*. Но ужас берет, когда вспомнишь всю цепь сего происшествия. (...) 29 числа Сергей Львович был в Москве у сына моего Алексея Вульфа и просил его о покупке надгробного камня для

⁵⁶ Там же. С. 285.

⁵⁷ Там же. С. 286.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ *Кунин В. В. Указ. соч. С. 594.*

⁶⁰ *Вересаев В. В. Указ. соч. С. 287.*

⁶¹ *Кунин В. В. Указ. соч. С. 609.*

могилы Надежды Осиповны!!.. без всякого предчувствия, что и прах сына уже вместе ляжет!

*П. А. Осипова — А. И. Тургеневу, 17 февр. 1837 г.*⁶²

Бедная Пушкина сегодня уехала. За ней приехали ее братья и проводят ее в деревню, в Калужскую губернию. Вам, конечно, известно все сделанное императором, чтобы обеспечить благосостояние семьи. Читали ли вы, или, вернее, перевел ли вам Булгаков мое письмо с рассказом о смерти Пушкина? Судьба Геккерна еще не известна, и приговор не произнесен. Передают, что он весел и спокоен, как если б ничего не произошло; о своей душе он говорит так, как будто он убил не свояка своего, не Пушкина! И при каких обстоятельствах притом! Что до его милого папаши, то он изображает из себя лавочника, распродает свою обстановку, и все ходят к нему, как в старый мебельный склад, продаваемый с публичного торга. Вырывают из-под него стул, уверяя, что покупают его.

*Кн. П. А. Вяземский — гр. Э. К. Музиной-Пушкиной*⁶³

Здесь все тихо, и одна трагическая смерть Пушкина занимает публику и служит пищей разным глупым толкам. Он умер от раны за дерзкую и глупую картель, им же писанную, но, слава Богу, умер христианином.

*Император Николай I — кн. Паскевичу, 4 февр. 1837 г.*⁶⁴

---

⁶² Там же. С. 594.

⁶³ Там же. С. 521.

⁶⁴ *Вересаев В. В.* Указ. соч. С. 289.

Протоиерей Владимир Сорокин

ТАЛАНТ А. С. ПУШКИНА В СВЕТЕ ПРАВОСЛАВИЯ

В Евангелии от Матфея приведена притча Господа нашего Иисуса Христа:

«И одному дал он пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе; и тотчас отправился. Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие пять талантов; точно так же и получивший два таланта приобрел другие два; получивший же один талант пошел и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего. По долгом времени, приходит господин рабов тех и требует от них отчета. И подошел получивший пять талантов принес другие пять талантов и говорит: „господин! пять талантов ты дал мне; вот, другие пять талантов я приобрел на них“. Господин его сказал ему: „хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего“. Подошел также и получивший два таланта и сказал: „господин! два таланта ты дал мне; вот, другие два таланта я приобрел на них“. Господин его сказал ему: „хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего“. Подошел и получивший один талант и сказал: „господин! я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал; и убоявшись пошел и скрыл талант твой в земле; вот тебе твое“. Господин же его сказал ему в ответ: „лукавый раб и ленивый! ты знал, что я жну,

где не сеял, и собираю, где не рассыпал; посею надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я пришед получил бы мое с прибылью; итак возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет; а негодного раба выбросьте во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов» (XXV, 15–30).

А. С. Пушкин, видимо, относился к тем, кому Господь дал пять талантов. Получив, он сам умножил их во много раз: поэзия Пушкина и после его кончины приумножает свет и добро.

Своей поэзией Пушкин показал пример, как надо практически истолковывать Евангелие. Служение Богу тем даром, который дал каждому человеку Господь, есть основной признак истинной духовности. В настоящее время довольно часто употребляют термин «духовность» в смысле «общечеловеческие ценности». При этом мало кто задумывается об истинном наполнении этих терминов. Применимы ли они к таланту и поэзии Пушкина? Поэзия его духовна, а к понятию «общечеловеческие ценности» она не имеет отношения, потому что носит не расплывчатый и абстрактный характер, а всегда конкретна, потому что имеет под собой прочный фундамент — православие.

Православие — не привилегия и не повод к горделивому осуждению других. Православие твердо и несомненно верует и исповедует, что Господь Иисус Христос есть воплотившийся Сын Божий, Богочеловек, Искупитель и что Он есть *«путь и истина и жизнь»* (Евангелие от Иоанна, XIV, 6). Полнота истины вверена Господом Его Церкви и неповрежденно сохраняется в Ее живом Предании. Церковь есть *«столп и утверждение истины»* (1-е Послание к Тимофею, III, 15). Вера — это не простое знание о бытии Божиим, но жизнь по закону Божественной Любви, которая и приводит к подлинному познанию Бога и к жизни вечной. Как свет на земле сияет для всех идущих к нему, так и православие, т. е. истинная вера, открыта и доступна всем стремящимся к жизни с Богом, ибо глава Церкви Господь Иисус Христос говорит: *«Приидите ко мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас»* (Евангелие от Матфея, XI, 28). Молитва и труд любви — два крыла истинной веры. Православная Церковь украшена многовековыми трудами многих молитвенников и подвижников веры и благочестия. Видимую сторону благодатных основ и важнейших событий жизни Православной Церкви можно кратко и условно изобразить так:

Творец, Вседержитель, Промыслитель и Спаситель есть Господь Бог — Пресвятая Троица — Отец, Сын и Святой Дух. Воплощение Сына Божия и совершенное Им искупление есть основа нашего спасения (1-е Послание Иоанна, IV, 14).

Сшествие Святого Духа в день Пятидесятницы есть начало исторической жизни Церкви Христовой (Деяния Апостолов, II, 1–3).

Воскресение Христово есть основание веры в воскресение мертвых (1-е Послание к Коринфянам, XV, 13–14).

Крест — *«оружие на диавола»* (стихира воскресна на хвалитех 8 гласа) и знамение победы над грехом (Евангелие от Матфея, XXIV, 30).

Слово Божие, т. е. Священное Писание и Священное Предание, есть источник православного вероучения и надежное руководство для жизни и благочестия (2-е Послание Петра, I, 3).

Пресвятая Богородица Дева Мария — заступница и ходатаица за всех верных Ее Сыну в жизни и смерти. *«Радуйся, всех нас при кресте Сына Твоего усыновившая: радуйся, всегда Матернюю любовь к нам являющая»* (из Акафиста в честь Казанской иконы Божией Матери).

Таинства и богослужение совершаются с целью преподания верующим благодати оправдания и освящения (1-е Послание к Коринфянам, VI, 11).

Святые являют пример веры и благочестия. Они — наши молитвенники и покровители (Послание к Ефессянам, II, 19—20; Откровение Иоанна Богослова, VIII, 3—4). Церковь отмечает дни их памяти и чтит их священные изображения.

Пребывание прародителей Адама и Евы в раю и изгнание их из рая после грехопадения — начало Священной Истории (Бытие, II, III).

Суд Божий — конец Священной Истории (2-е Послание к Коринфянам, V, 10; Евангелие от Матфея, XXV, 31—46; Откровение, XX, 10).

Молитвы о здравии и спасении живых и о упокоении умерших суть свидетельство веры в бессмертие души (Евангелие от Луки, XX, 38) и любви к Богу и ближним (1-е Послание к Коринфянам, XIII, 8).

Человек, отвергающий хотя бы одно из этих положений, не может называть себя православным. Пушкин был православным, и потому основу его духовного поэтического творчества составляло целостное представление о мире и человеке.

Александр Пушкин был крещен в Елоховском соборе в Москве. Можно сказать, Господь послал ему мудрых духовных наставников. Поэт-христианин В. А. Жуковский, друг и учитель (по признанию самого Пушкина), наставлял молодого поэта: «Твой век принадлежит тебе! Ты можешь сделать более всех твоих предшественников. Помни свою высоту и будь достоин своего назначения! Заслужи свой гений благородством и чистой нравственностью! Не смешивай буйства со свободой, необузданности с силой! Уважай святое и употреби свой гений, чтобы быть его распространителем. Сие уважение к святыне нигде так не нужно, как в России».¹

Уважение к святыне! Вот та точка опоры для духовной жизни, без которой невозможно никакое осмысленное и целенаправленное служение.

Детские и юношеские годы поэта пришлось на довольно сложный период в истории России. Многие традиционные устои церковной жизни в то время часто не находили своего осуществления в той части русского общества, которое составляло элиту страны. С этой средой был связан начальный этап жизни Пушкина, она же во многом обусловила воспитание будущего поэта, но именно в конфликте с этой средой уже в первые годы творчества проявилось столь характерное для Пушкина стремление обрести подлинную духовно-нравственную святыню.

В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья;

Смиренная, одетая убого,
Но видом Величавая Жена
Над школою надзор хранила строго.

Это стихотворение имеет самое близкое и непосредственное отношение к иконе Знамения Божией Матери, которая в настоящее время находится в храме Святого Апостола и евангелиста Иоанна Богослова при Санкт-Петербургской Духовной академии и семинарии. Во времена Пушкина она находилась в Знаменской церкви в Царском Селе. Сюда воспитанники Лицея ходили на богослужения. «Образ должен был, естественно, оказывать свое сильное, благодатное воздействие на чуткую впечатлительную душу юного лицеиста Пушкина, посещавшего Знаменский храм, должен был

¹ Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985. С. 368.

много, строго, внушительно и правдиво говорить душе Пушкина, давать ей благие советы, будить в его совести упреки».²

В религиозно-нравственном плане жизнь Пушкина отмечена непостоянством. Были моменты высшего озарения, были сомнения, страсти, было уныние и даже отчаяние. Но все же он находил в себе силы и мужество видеть свое духовное состояние таким, каково оно есть и каким быть не должно. Судя по его поэзии, он понимал свое назначение быть носителем образа и подобия Божия и свое призвание как служение Богу пророческим словом:

И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Художник живет не для себя, талант дается ему как величайшее бремя и величайшая ответственность. Этот дар нужно оплачивать всею судьбой, нужно стремиться ему соответствовать. Мерой стремления к нравственной высоте и определяется духовный уровень личности, направление ее пути. Свое служение Пушкин видел в свете пророческого призвания.

Для понимания жизни как служения Богу важно чувство личной сопричастности к преобразению мира, чувство ответственности за его чистоту. Пушкин знал, перед Кем он в ответе и у Кого он «соработник» («ибо мы соработники у Бога» — 1-е Послание к Коринфянам, III, 9). Вот почему он понимал необходимость видеть себя перед лицом правды и любви Божией. Говоря языком церковным, он знал истинное значение Таинства покаяния. Он постоянно искал, исследовал, спрашивал, слушал, падал, поднимался. И в этом сложном жизненном опыте возрастал духовно. Все время он искал смысл жизни, и он открывался ему в христианском осмыслении предназначения человека.

26 мая 1828 г. в день своего рождения Пушкин пишет стихотворение, полное тоски и отчаяния:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?

Известно, что современниками Пушкина были митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов, 1787—1867) и митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Серафим (Глаголевский, 1757—1843). Митрополит Филарет был выдающимся богословом, прекрасным проповедником и разносторонне образованным человеком. Пушкин не раз встречался с ним. Еще в Царскосельском лицее на переводных (4 января 1815 г.) и выпускных (16 мая 1817 г.) экзаменах по Закону Божию он впервые увидел митрополита. 11 марта 1833 г. поэт был на заседании Российской Академии. В статье «Российская Академия», рассказывая о заседании 18 января 1836 г., на котором он читал «Отрывок из рукописи 1073 года», Пушкин отмечает присутствие митрополита. В примечании к первой песни «Полтавы» поэт писал о «прекрасной речи» Филарета.³

Пессимистические строки Пушкина стали известны митрополиту Филарету, и он ответил поэту известным стихотворением «Не напрасно, не

² *Парийский Л. Н.* О чудотворной иконе Знамения Пресвятыя Богородицы в храме ЛДА: Речь на годовом акте Ленинградской Духовной академии 30 дек. 1955 г. // *One Church*. 1956. Vol. X. № 7—8. P. 207.

³ *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1975. С. 442.

случайно...». Узнав об этом ответе, Пушкин писал Е. М. Хитрово: «Стихи христианина, русского епископа, в ответ на скептические куплеты! — это, право, большая удача» (X, 630). В поэтической форме поэт изложил свою исповедь, в которой раскрывается его духовный облик и где ясно звучит мысль, откуда человеку приходит помощь, если он в отчаянии:

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует.
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.

Современный исследователь творчества Пушкина говорит: «Лицемерить в стихах Пушкин не умел: его ответ был правдой. Он был адресован не только и не столько лично митрополиту, сколько самому себе. Слово о том, что жизнь дается человеку не напрасно, что правда и смысл жизни существуют реально, были собственным органическим ощущением Пушкина».⁴

Пушкин был патриотом своего Отечества, прекрасно понимал и чувствовал духовные ценности русского народа, составлял органическое целое со всей славянской культурой. В знаменитой речи на торжествах по поводу открытия памятника Пушкину в Москве 8 июня 1880 г. Ф. М. Достоевский процитировал Гоголя: «„Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа“... Прибавлю от себя: и пророческое. <...> Повсюду у Пушкина слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь, а коль вера, стало быть, и надежда, великая надежда на русского человека... Никогда еще ни один русский писатель, ни прежде, ни после его, не соединялся так задушевно и родственно с народом своим, как Пушкин. <...> В Пушкине же есть именно что-то сроднившееся с народом *взаправду*... Все эти сокровища... оставлены нашим великим поэтом как бы в виде указания для будущих грядущих... работников на этой же ниве».⁵

Кому многое дано, с того много и спросится (Евангелие от Луки, XII, 47). И заблуждения и ошибки великих людей никогда не остаются без внимания. Жизнь нашего талантливого поэта и его поступки не всегда были безупречны. Но упоминанием о них отнюдь не наносится оскорбление его памяти, «яко несть человека, иже жив будет и не согрешит». Нельзя также забывать о времени и окружении Пушкина, о той среде, где далеко не всегда процветали добродетели. Разделяя многие мирозерцательные и даже житейские предрассудки своего века, поэт, часто следуя порывам неукротимого темперамента, тем не менее всегда ощущал суетность и призрачность мира сего, который был так блистательно воспет им и который, однако, был лишь слабым отражением горнего мира, чашием которого вдохновлялось творчество поэта.

Достоевский сказал о Пушкине, что он был «всечеловек». Можно сказать, что он был человек душевный и духовный. И хотя в жизни своей часто служил плоти, никогда не мог заглушить в себе богато одаренного духа. Он глубоко постигал и веру и неверие, и не только постигал, но и чувствовал, вмещая порой в себя и то и другое. Особенно трагическая

⁴ Непомнящий В. Поэзия и судьба М., 1987. С. 68.

⁵ Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15-ти тт. СПб., 1995. Т. 14. С. 425, 435.

картина предстает в стихотворении «Безверие», которое ревностный архипастырь и образованнейший человек архиепископ Никанор (Бровкович, 1826—1890) признал «высоким и истинно назидательным».⁶

Несчастия, страстей и немощей сыны,
Мы все на страшный гроб родясь осуждены.
Всечасно бранных уз готово разрушенье;
Наш век — неверный день, всечасное волненье.
Когда, холодной тьмой объемя грозно нас,
Завесу вечности колеблет смертный час,
Ужасно чувствовать слезы последней муки —
И с миром начинать безвестную разлуку!
Тогда, беседуя с отвязанной душой,
О вера, ты стоишь у двери гробовой,
Ты ночь могильную ей тихо освещаешь,
И ободренную с надеждой отпускаешь...
Но, други! пережить ужаснее друзей!
Лишь вера в тишине отрадою своей
Живит унывший дух и сердца ожиданье.
«Настанет! — говорит, — назначено свиданье!»
А он (слепой мудрец!) при гробе стонет он,
С усладой бытия несчастный разлучен,
Надежды сладкого не внемлет он привета,
Подходит к гробу он, взывает... нет ответа!
(I, 217)

И далее поэт описывает трагическую участь несчастного, который

...Бога тайного нигде, нигде не зрит,
С померкшею душой святыне предстоит,
Холодный ко всему и чуждый к умиленью,
С досадой тихому внимает он моленью.
«Счастливыц! — мыслит он, — почто не можно мне
Страстей бунтующих в смиренной тишине,
Забыв о разуме и немощном и строгом,
С одной лишь верою повергнуться пред Богом!»

Неверующий человек таких строк не написал бы. Здесь — крик души и жажда истины, ускользающей в водовороте сомнений, мятущаяся душа, утратившая покой в момент богооставленности, потерявшая надежную пристань в бурном море житейском.

Пушкин, по его собственному признанию, хорошо знал Закон Божий, читал Библию, знал многие молитвы. 5 февраля 1837 г. князь П. А. Вяземский писал: «Пушкин никогда не был *esprit fort* (вольнодумец), по крайней мере, не был им в последние годы жизни своей; напротив, он имел сильное религиозное чувство: читал и любил читать Евангелие, был проникнут красотой многих молитв, знал их наизусть и часто твердил их».⁷ Известно вдохновенное переложение великопостной молитвы преподобного Ефрема Сирина: «Отцы пустынники и жены непорочны».

Пушкин посещает монастыри и церкви, приступает к Таинствам, служит молебны не только в церквях, но и на дому, заказывает панихиды. В

⁶ Беседа в неделю блудного сына, при поминовении раба Божия Александра (поэта Пушкина), по истечении 50-летия по смерти его // Поучения, беседы, речи, воззвания и послания Никанора, архиепископа Одесского и Херсонского. Одесса. 1890. Т. 1. С. 238.

⁷ А. С. Пушкин в его изречениях и характеристиках. СПб., 1887. С. 141. (В 1930 г. М. К. Светлова убедительно доказала, что адресат — Д. В. Давыдов. — *Прим. ред.*.)

1825 г. 7 апреля он пишет другу Вяземскому: «Нынче день смерти Байрона — я заказал с вечера обедню за упокой его души. Мой поп удивился моей набожности и вручил мне просвиру, вынутую за упокой раба Божия боярина Георгия» (X, 107).

О русском духовенстве Пушкин говорит с уважением и признанием его заслуг перед отечеством: «В России влияние духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно в землях римско-католических. Там оно, признавая главою своею папу, составляло особое общество, независимое от гражданских законов, и вечно полагало суеверные преграды просвещению. У нас, напротив того, завися, как и все прочие состояния, от единой власти, но огражденное святыней религии, оно всегда было посредником между народом и государем... Мы обязаны монахам нашею историею, следственно и просвещением» (VIII, 93).

«Духовенство... одно в течение двух мрачных столетий питало искру образованности. В безмолвии монастырей иноки вели свою непрерывную летопись, архиереи в посланиях своих беседовали с князьями и боярами, утешая сердца в тяжкие времена искушений и безнадёжности».⁸

Чувствуя себя сыном Православной Церкви, Пушкин понимал ценность православия для русского народа. Он говорил: «Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер».⁹ Во времена поэта был распространен взгляд, что все христианство сконцентрировано в католичестве и что только католичество может выступить в качестве универсальной силы мирового прогресса. П. Я. Чаадаев утверждал, что, обособившись от католического Запада в период церковной схизмы, «мы ошиблись насчет настоящего духа религии», — не восприняли «чистую историческую сторону, социально преобразовательное начало как внутреннее свойство христианства и потому не собрали всех ее плодов, хотя и подчинились ее закону».¹⁰ Пушкин не соглашался с мнением Чаадаева «о нечистоте источника нашего христианства», заимствованного из Византии и направившего русскую историю не по западному пути. Он писал: «У греков мы взяли Евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева. Наше духовенство, до Феофана, было достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало бы реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве» (X, 689).

Высоко ценил Пушкин подвиг миссионерства. Путешествуя по Кавказу, он наблюдал жизнь населяющих его народов, понимал их нужды, сочувствовал им. Выход для них он видел в просвещении светом евангельским. Пушкин пишет о назначении миссионера, как о подвижничестве человека, взявшего на себя тяжёлый крест и несущего его до конца с упованием только на помощь Господа: «Никто еще из нас не думал препоясаться и идти с миром и крестом к бедным братьям, лишенным доньше света истинного. Так ли исполняем мы долг христианства?».

Великие поэты и мыслители всех времен и народов живут в веках. Даже если сами народы уже давно умерли, слава их поэтов и мыслителей жива. Однако при всем величии и мировой славе Пушкина для православного сознания есть и недоуменные вопросы. Один из них — вопрос о смерти поэта. Можно много говорить о том, что привело к кровавой развязке сложной и запутанной истории, следствием которой была дуэль

⁸ Там же. С. 44.

⁹ Там же. С. 71.

¹⁰ Цит. по: *Тарасов Б.* В мире человека. М., 1986. С. 286—287.

между Пушкиным и Дантесом-Геккерном. Существуют разные мнения по поводу этого печального события. И все же, несмотря на всю трагичность исхода дуэли, именно в последние дни поэт, преображенный страданием, пришел к тому внутреннему духовному состоянию, которое позволило ему уйти из этого мира житейской суеты со светлой душой, освобожденной из плена страстей, вражды, жизненных противоречий.

Обратимся к описаниям исследователей. Дуэль состоялась 27 января 1837 г. Тяжелораненного поэта в отчаянном состоянии привезли домой. Приняли все возможные меры. Вызвали самых знаменитых врачей, в том числе личного врача государя императора Н. Ф. Арендта. Многоопытный доктор с первого взгляда убедился, что надежды нет. Несмотря на сильные страдания (рана оказалась смертельной), Пушкин держался с большим мужеством, старался как можно меньше беспокоить родных и близких, особенную заботу проявлял о жене. Он старался не волновать ее даже своими стонами при нестерпимой боли. Зная свое безнадежное положение, он безропотно и терпеливо принимал все попечения врачей, чтобы не огорчать никого. Доктор Арендт сказал об этом: «Я был в тридцати сражениях, видел много умирающих, но мало видел подобного... Для Пушкина жаль, что он не был убит на месте, потому что мучения его невыразимы, но для чести жены его — это счастье, что он остался жив. Никому из нас, видя его, нельзя сомневаться в невинности ее и в любви, которую к ней Пушкин сохранил».

«Трехдневный смертельный недуг, разрывающий связь поэта с житейской злобой и суетой, но не лишаящий ясности и живости сознания, освободил его нравственные силы и позволил внутренним актом воли перешить для себя жизненный вопрос в его истинном смысле».¹¹ Перед смертью «он как будто сделался иной: буря, которая за несколько часов волновала его неодолимою страстию, исчезла, не оставив в нем следа, ни слова, ни воспоминания о случившемся».¹² Это была не потеря памяти, — это было внутреннее возвышение и очищение. Все суетное, низкое, ничтожное отпало, и Пушкин, освобожденный из плена житейских страстей, просветленный тем светом, сияние которого незримо для тех, кто не осенен последними мгновениями земной жизни, предстал во всей красе своей высокой, щедрой и мудрой души.

Во время тяжелейших страданий он вспомнил о приглашении Н. И. Греча на погребение его сына: «Если увидите Греча, — молвил он, — кланяйтесь ему и скажите, что я принимаю душевное участие в его потере». На вопрос, желает ли он исповедаться и причаститься, поэт согласился охотно, и призвали священника.

Своим участием в дуэли Пушкин нарушил слово, данное императору Николаю Павловичу, который после первой несостоявшейся дуэли с Дантесом-Геккерном просил его поставить в известность, если снова возникнет подобное положение. Слово было дано, но не исполнено. (Правда, в бумагах поэта найдено письмо к Бенкендорфу с изложением нового столкновения, видимо, для передачи государю, но оно не было отправлено, возможно, из соображений особой щепетильности в вопросах, затрагивающих честь). И теперь он через доктора Арендта просил прощения за себя и за Данзаса. В ответ было передано письмо Николая Павловича: «Если Бог не приведет нам свидеться в здешнем свете, посылаю тебе мое прощение и последний совет: умереть христианином. О жене и детях не беспокойся;

¹¹ *Протоиерей Иоанн Восторгов*. Вечное в творчестве поэта // А. С. Пушкин. Путь к православию. М., 1996. С. 180.

¹² *Жуковский В. А.* Сочинения. СПб., 1878. Т. 6. С. 12.

я беру их на свои руки». Арендту было повелено немедленно ехать к Пушкину и прочитать письмо, а потом обо всем доложить. «Я не лягу, я буду ждать», — сказал император. Пушкин принял известие с большой радостью, поцеловал письмо, долго не выпускал из рук своих.¹³

Исповедь была совершена протоиереем Петром Дмитриевичем Песоцким, настоятелем церкви во имя Спаса Нерукотворного Образа, что при Главных конюшнях.¹⁴ «Священник после говорил мне о нем и о благочестии, с коим он исполнил долг христианина», — писал в письме к А. Я. Булгакову 6 февраля 1837 г. близкий друг Пушкина князь П. А. Вяземский.¹⁵ Когда К. К. Данзас, желая выведать, какие чувства поэт испытывает к Геккерну (Дантесу), спросил, не поручает ли он чего-нибудь касательно Геккерна, Пушкин ответил решительно: «Требуя, чтобы ты не мстил за мою смерть, прошая ему и хочу умереть христианином».¹⁶

Предчувствуя близость смерти, поэт ни в чем не хотел оставаться должником на земле: он призвал Данзаса и продиктовал ему записку о своих долгах. Утром попросил позвать жену, потом — детей. На каждого он оборачивал глаза, клал на голову руку, крестил и движением руки отсылал прочь. Попросил позвать Е. А. Карамзину, которую всегда уважал за благочестие. Тепло прощался с нею, потом призвал снова, прося: «Благословите меня», затем поцеловал у нее руку. Попрощался с друзьями и близкими. Состояние поэта быстро ухудшалось, однако он был в полном сознании, говорил очень разумно и внятно. Прием опиума на время успокоил его. Но Пушкин понимал, что уходит, и когда Даль, желая утешить его, сказал: «Все мы надеемся, не отчаивайся и ты», — Пушкин возражал: «Нет; мне здесь не житье; я умру, да видно уж так и надо!». Иногда казалось, что наступило улучшение, но это было иллюзорное облегчение перед концом. В последние минуты мысли его были светлы. Ему казалось, что он поднимается вверх. «Раз он подал руку Дале, который не отходил от него, и пожимая ее, проговорил: „Ну, подымай же меня, пойдем!“ Очнувшись, объяснил: „Мне было пригрезилось, что я с тобой лезу вверх по этим книгам и полкам! высоко... и голова закружилась“. Немного погодя, не раскрывая глаз, он опять начал искать руку Даля, потянул ее, сказал: „Ну, пойдем же, пожалуйста...“. Даль по его просьбе приподнял его повыше... вдруг как бы проснувшись, он быстро раскрыл глаза, лицо его прояснилось, и он сказал: „Кончена жизнь!“ Даль не сразу понял, что он говорит, но он повторил отчетливо и положительно: „Жизнь кончена!“ „Тяжело дышать, давит!“ — были последние слова его. Я не сводил с него глаз, — пишет далее Жуковский, — и заметил в эту минуту, что движение его груди, доселе тихое, сделалось прерывистым. Скоро оно прекратилось. Я смотрел внимательно, ждал последнего вздоха, но я его не приметил. Тишина, его объявлявшая, показалась мне успокоением, а его уже не было. Все над ним молчали. Минуты через две я спросил: „Что он?“ — „Кончили!“ — отвечал мне Даль (в три четверти третьего часа пополудни, 29 января). Так тихо, так спокойно удалилась душа его. Мы долго стояли над ним, молча, не шевелясь, не смея нарушить таинства смерти, которое свершилось перед нами во всей умирительной святине своей. Когда все ушли, я сел перед ним и долго один смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видел ничего подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти. Голова его несколько наклонилась; руки,

¹³ Там же.

¹⁴ *Невзоров Н.* К биографии А. С. Пушкина. СПб., 1899. С. 9.

¹⁵ А. С. Пушкин в его изречениях и характеристиках. С. 141.

¹⁶ Там же. С. 144.

в которых было за несколько минут какое-то судорожное движение, были спокойно протянуты, как будто упавшие для отдыха после тяжелого труда. Но что выражалось на его лице, я сказать словами не умею. Оно было для меня так ново и в то же время так знакомо! Это был не сон и не покой! Это не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу, это не было также и выражение поэтическое. Нет! Какая-то глубокая, удивительная мысль на нем развивалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубокое удольствованное знание. Всматриваясь в него, мне все хотелось у него спросить: „Что видишь, друг?“ И что бы он отвечал мне, если бы мог на минуту воскреснуть? Вот минуты в жизни нашей, которые вполне достойны названия великих. В эту минуту, можно сказать, я видел самую смерть. Божественно тайную, смерть без покрывала. Какую печать наложила она на лицо его и как удивительно высказала на нем и свою, и его тайну. Я уверяю тебя, что никогда на лице его не видел я выражения такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, проскакивала в нем и прежде, но в этой чистоте обнаружилась только тогда, когда все земное отделилось от него с прикосновением смерти».¹⁷

«Пушкин принадлежит не одним родственникам и друзьям, но и Отечеству, и истории. И надо, чтобы память о нем сохранилась в чистоте и целости истины. Из сказанного здесь можно видеть, в каких чувствах и в каком расположении ума и сердца своего кончил он жизнь. И что бы он мог сказать, если бы мог воскреснуть?».¹⁸ Нельзя, конечно, угадать, какие слова сказал бы своему другу воскресший поэт, «но можно наверное отвечать за то, чего бы он не сказал. Он не сказал бы того, что твердят его неразумные поклонники, делающие из великого человека своего маленького идола, он не сказал бы, что погиб от злой враждебной судьбы, не сказал бы, что его смерть была бессмысленною и бесцельною, не стал бы жаловаться на свет, на общественную среду, на своих врагов, в его словах не было бы укора, ропота и негодования. И эта несомненная уверенность в том, чего бы он не сказал, — уверенность, которая не нуждается ни в каких доказательствах, потому что она прямо дается простым фактическим описанием его последних часов, — эта уверенность есть последнее благодеяние, за которое мы должны быть признательны великому человеку. Окончательное торжество духа в нем и его примирение с Богом и с миром примиряют нас с его смертью: эта смерть не была безвременною».¹⁹

Смерть по причине дуэли поставила перед священноначалием Русской Православной Церкви вопрос о чине отпевания и месте погребения поэта. По канонам христианской Церкви «по самоубийцам отпевания не подобает быть». В «Книге Правил» по этому поводу сказано: «Аще кто, будучи вне себя, подымет на себя руки, или повергнет себя с высоты... о таком не подобает быть приношение, ибо есть самоубийца».²⁰ Дуэль, как греховное проявление личного самолюбия, Православной Церковью тоже осуждается и приравнивается к греху самоубийства. Архиепископ Одесский и Херсонский Никанор так говорит об этом: «Церковь всегда осуждала поединки, проистекающие из личного самолюбия, из мести за личную обиду, хотя с мирской точки зрения наш поэт и не мог не призывать эту развязку всех

¹⁷ Жуковский В. А. Указ. соч. С. 19–20.

¹⁸ А. С. Пушкин в его изречениях и характеристиках. С. 144.

¹⁹ Соловьев В. С. Собр. соч.: В 9-ти тт. СПб., 1897. Т. 9. С. 56.

²⁰ Книга Правил Святых Апостолов, Святых соборов вселенских и поместных и Святых Отцов. М., 1914. С. 386.

неисходных затруднений своей жизни, как не мог не принять и вынужденный им самим вызов. Понятна сдержанность российского первосвященника, тогдашнего С.-Петербургского митрополита Серафима, который... воспротивился отданию полных погребальных убитому поэту почестей личным участием в отпевании и вообще архиерейским служением».²¹

Митрополит Серафим держался общепринятых церковных правил. А 102-е правило VI Константинопольского собора (691—692 гг.) гласит: «Привявшие от Бога власть решити и вязати, должны рассматривати качество греха, и готовность согрешившаго ко обращению, и тако употребляти приличное недугу врачевание, дабы, не соблюдая меры в том и в другом, не утратити и спасения недугующаго. Ибо не одинаков есть недуг греха, но различен и многообразен, и производит многия отрасли вреда, из которых зло обильно разливается, и далее распространяется, доколе не будет остановлено силою врачующаго. Почему духовное врачевное искусство являющему подобает, во-первых, рассматривати положение согрешившаго и наблюдать, к здравию ли он направляется, или напротив, собственными нравами, привлекает к себе болезнь, и како между тем учреждает свое поведение: и аще врачу не сопротивляется, и душевную рану чрез приложение предписанных врачеств заживляет: в таком случае по достоинству возмеривати ему милосердие. Ибо у Бога и у привявшего пастырское водительство все попечение о том, дабы овцу заблуждшую возвратити, и уязвленную змием уврачевати. Не должно ниже гнати по стремнинам отчаяния, ниже опускати бразды к расслаблению жизни и к небрежению: но должно непременно, которым-либо образом, или посредством суровых и вяжущих, или посредством более мягких и легких врачевных средств, противодействовати недугу, и к заживлению раны подвизатися: и плоды покаяния испытывати, и мудро управляти человеком, призываемым к горнему просвещению. Подобает убо нам и то и другое ведати, и приличное ревности кающагося, и требуемое обычаем: для неприемлющих же совершенства покаяния, следовать преданному образу, якоже Священный Василий поучает нас».²²

Объективная и справедливая оценка печальной кончины А. С. Пушкина не направлена на то, чтобы умалить или унижить его поэтическое вдохновение или талант, она напоминает, что жизнь человека — священный дар Божий, и никто не властен покушаться на него или поступать с ним опрометчиво. Это приобретает особое значение, когда вопрос стоит о влиянии на других: «Горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Евангелие от Матфея, XVIII, 7).

Пушкин скончался от смертельного ранения на дуэли. В записи церковной книги сказано: «Скончался от раны», поэтому митрополит Серафим не возражал против отпевания его по православному чину, но владыка не дал благословения «отданию при погребении поэта торжественных почестей».²³ Здесь вступают в силу принципы церковной икономии и церковной акривии. В первом случае Церковь делает послабление, дабы не «гнати по стремнинам отчаяния», а в другом — дабы «противодействовати недугу» — останавливает от подражания дурным обычаям.

Отпевание поэта было совершено 1 февраля в храме Спаса Нерукотворного Образа. Последнюю панихиду отслужили 3 февраля в 10 часов вечера. В полночь сани с гробом при свете месяца тронулись в путь, к месту послед-

²¹ Поучения, беседы... Никанора... С. 245.

²² Правила Святых Апостолов, Святых соборов вселенских и поместных и Святых Отцов: Вып. 3. М., 1887. С. 609.

²³ Невзоров Н. Указ. соч. С. 11.

него упокоения поэта. Сопровождал гроб один из близких друзей Пушкина А. И. Тургенев. По приезде гроб с телом поставили в храме Успения Божией Матери Святогорского монастыря. Вечером отслужили панихиду. Всю ночь рыли могилу рядом с могилой матери покойного: место погребения было определено самим поэтом еще весной 1836 г., когда он хоронил здесь Надежду Осиповну. Утром, после Божественной литургии, в Успенском храме была совершена последняя панихида. Попрощаться с прахом поэта пришли его тригорские соседи и крестьяне из окрестных сел.

Наша память об Александре Сергеевиче Пушкине выражается не только в чтении его замечательных творений и восхищении ими, но в молитве об упокоении его души. «Имеем ли право молиться за него? Был он крещен, жил и умер христианином, примиренным с Богом и совестью и Христовой Церковью, умер кающимся сыном Отца Небесного, умер в муках наложенного им на себя креста, как и евангельский разбойник, умер на кресте, с воплем покаяния и веры и надежды внити в рай вслед за самим распятым Спасителем».²⁴

Когда мы соизмеряем талант Пушкина с возможностями и идеалом человека-христианина, то видим, что поэт служил Богу и ближнему с усердием и любовью. Своим поэтическим талантом он явил себя миру как личность одухотворенная. Наша молитва об упокоении души усопшего раба Божия Александра в селениях праведных имеет основу в словах Господа нашего Иисуса Христа, которые были сказаны человеку, получившему пять талантов: *«Хорошо, добрый и верный раб! В малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего».*

²⁴ Поучения, беседы... Никанора... С. 254.

Э. С. Лебедева

«НО ДАЙ МНЕ ЗРЕТЬ МОИ, О БОЖЕ, ПРЕГРЕШЕНЬЯ...»

Зачем это так, а не иначе? Естественно ли, чтобы великий человек, в зрелых годах, погиб на поединке, как неосторожный мальчик?

Е. А. Баратынский —
кн. П. А. Вяземскому, 5 февр. 1837 г.¹

1

29 марта 1836 г., в Светлое Христово Воскресенье, в самую заутреню скончалась Надежда Осиповна Пушкина. По народно-православным предстательствам те, кто умирают в Великий праздник Пасхи Христовой, угодны Господу. Мать поэта и была благочестивой христианкой. Хотя отношения с гениальным сыном у нее сложились не простые.

«Пушкин чрезвычайно был привязан к своей матери, которая, однако, предпочитала ему второго своего сына. (...) Но последний год ее жизни, когда она была больна несколько месяцев, Александр Сергеевич ухаживал за нею с такой нежностью и уделял ей от малого своего состояния с такой

¹ Пушкин и его современники: Вып. XVI. СПб., 1913. С. 159.

охотой, что она узнала свою несправедливость и просила у него прощения, сознавая, что она не умела его ценить» (баронесса Е. Н. Вревская).²

В начале апреля Александру Сергеевичу в последний раз легла дорога в псковскую вотчину Ганнибалов: выполняя сыновний долг, он один из всей родни повез тело матери в Святогорскую обитель. Похоронив Надежду Осиповну, внес деньги в монастырскую казну, чтобы обеспечить себе место рядом, у алтарной стены древнего собора. Ганнибалы и Пушкины, жертвователи и благотворители монастыря, «жившие с давних времен в окрестностях... приобрели исключительное право из рода своего умерших погребать у стен Успенского собора».³ К чему же была такая предусмотрительность? В подтверждение ли своего настоящего желания быть погребенным рядом с родными? В предчувствии ли близкой кончины?

Приближалось 37-летие Пушкина — возраст Байрона, роковой для поэтов. «Имея мало истинной веры, он имел множество предрассудков», — писал автор «Пиковой дамы» о своем герое, может быть, думая и о себе (VI, 231). Ворожею Кирхгоф он помнил: помнил и срок, который она назначила, — впрочем, как в любом гадании, с уступкой: если переживешь 37 лет, то будешь жить долго-долго («И силы телесные были таковы, что их достало бы у него на девяносто лет жизни», — считал Н. В. Гоголь⁴). Кто не гадал тогда у Кирхгофши в Петербурге! Грибоедов только рукой махнул: не больше знает обо мне, чем я сам. А Пушкин годами держал в уме невнятное бормотанье немки: белая голова, белая лошадь... Что это, имя? Всадник или блондин, или и то и другое вместе?

37 лет ему исполнилось в мае, а «блондина» он давно опасался. Приятель поэта Сергей Александрович Соболевский в своих воспоминаниях «Таинственные приметы в жизни Пушкина» пишет: «Я как-то изъяснил свое удивление Пушкину о том, что он не принадлежал ни к какому тайному обществу. „Это все-таки вследствие предсказания о белой голове, — отвечал мне Пушкин. — Разве ты не знаешь, что все филантропические и гуманитарные тайные общества, даже и самое масонство, получили от Адама Вейсгаупта направление, подозрительное и враждебное существующим государственным порядкам? Как же мне было приставать к ним? Weisskopf (нем. — белая голова), Weisshaupt, — одно и то же”».⁵

В Святых Горах и о верно другом Войныче беспокоился Александр Сергеевич: земля песчаная — хорошо будет ему здесь лежать. То есть с ним рядом, — смотрел поэт уже как бы из потустороннего мира.

Пушкин вернулся в Петербург, предстояло лето на каменноостровской даче, рождение младшей дочери, последний всплеск его поэзии. И в конце лета, как в конце жизни, был подведен итог: «Я памятник себе воздвиг...», проставлена дата и обозначено место: «21 августа 1836 г. Каменный остров». Кажется, можно уже отложить перо и бумагу, написав «закключительные» слова: «Нет, весь я не умру, душа в заветной лире/Мой прах переживет и тленья убежит». Но жизнь еще продолжалась. Маршруты одиноких прогулок, которые всегда любил поэт, пролегли рядом со старинной церковью Благовещения и кладбищем при ней. Не о том ли кладбище он писал: «Когда за городом, задумчив, я брожу/И на пустынное кладбище захожу»? Неподалеку, рукой подать, каменноостровская церковь во имя Рождества Св. Иоанна Предтечи. В ней 27 июня крестили дочь,

² Вересаев В. В. Пушкин в жизни. М.; Л., 1932. Т. 2. С. 178.

³ Атлас Псковской губернии, издаваемый Псковским губернским землемером Ивановым. Псковская литография, 1838. Л. IV.

⁴ Вересаев В. В. Указ. соч. С. 177.

⁵ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х тт. М., 1974. Т. 2. С. 6.

названную в честь матери. Наталья Александровна появилась на свет 23 мая, в день рождения деда, а через три дня был день рождения отца. Поистине: «И пусть у гробового входа/Младая будет жизнь играть».

Через полгода в морозный январский день⁶ купола и кресты Благовещенской и Предтеченской церковью станут сопровождать поэта на его последнем черном пути на Черную речку и обратно.

В тот первый страшный вечер 27 января, видя непереносимые страдания раненого, доктор Иван Тимофеевич Спасский предложил ему исповедаться и причаститься Святых Тайн. Веками на Руси люди причащались перед смертью, и самым большим горем считалось умереть без покаяния, без отпущения грехов. «Христианския кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны и добраго ответа на Страшнем Судищи Христове просим!» — молились наши предки. Предложение домашнего врача было совершенно естественным: никто из близких не видел в Александре Сергеевиче безбожника. Любимого атеистами «отказа от исповеди» не было, и многолетние намеки советских пушкинистов на какое-то якобы принуждение к исполнению обряда оснований не имеют: Пушкин тотчас согласился, и послали за священником из ближайшей церкви. Это был придворный протоиерей Петр Дмитриевич Песоцкий, настоятель Конюшенной церкви.⁷

Только что отошла вечерня... Открыв церковный календарь, не можем не подивиться совпадению: 28-го января и, значит, уже вечером 27-го Православная Церковь празднует память Святому преподобному Ефрему Сирину. Его великопостную молитву в конце жизни, как известно, Пушкин переложил в стихах: «Но ни одна из них меня не умиляет,/Как та, которую священник повторяет/Во дни печальные Великого поста./Всех чаще мне она приходит на уста». Пушкинское переложение будет напечатано посмертно в журнале «Современник» (по желанию императора — с приложением автографа, в котором изображен молящийся в келье инок. «Государь желает, чтобы эта молитва была там факсимилирована как есть и с рисунком. Это хорошо будет в I книге „Современника“, но не потерять этого листа; он должен быть отдан императрице» (В. А. Жуковский — редакции журнала «Современник»⁸)). Поэтические переложения молитв не особенно поощряются Церковью. Станем уповать, однако, что Пушкину отпущены многие грехи за истинное благоговение, с которым он переложил любимейшую молитву православия, и за то, что через столетие передал дыхание этой древней молитвы нам: ведь были годы,⁹ когда многие «потомки православных» могли узнать о ней только из сочинений Пушкина, не имея доступа ни к церковной литературе, ни к храму:

Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

(III, 337)

«Бывают странные сближения!». Перед старцем-священником лежал человек, изувеченный пулей, истекающий кровью, тот самый, который,

⁶ 27 января тоже знаменательный для семьи день: 30 лет назад в этот день венчались родители Натальи Николаевны.

⁷ Вересаев В. В. Указ. соч. С. 272.

⁸ Кунин В. В. Последний год жизни Пушкина. М., 1988. С. 181.

⁹ Случайно ли, что в эти же годы те, кто трактовал Пушкина как атеиста, при декламации данного стихотворения обязательно спотыкались или совершали лукавую подмену: «Не дай мне зреть...». Примеров было достаточно.

вторя сирийскому пустынноку, молил Господа о даровании ему духа смирения, а между тем рвался к кровавому поединку¹⁰ и предоставил для уничтожения собственную жизнь — дар Божий.

Теперь «дух смирения, терпения, любви» снизошел на умирающего. По свидетельству дочери Н. М. Карамзина княгини Е. Н. Мещерской, Пушкин «исполнил долг христианина с таким благоговением и таким глубоким чувством, что даже престарелый духовник его был тронут и на чей-то вопрос по этому поводу отвечал: „Я стар, мне уж недолго жить, на что мне обманывать? Вы можете мне не верить, когда я скажу, что я для себя самого желаю такого конца, какой он имел”». ¹¹

И другие свидетельства подтверждают христианское умонастроение Пушкина перед кончиной. П. А. Вяземский писал Д. В. Давыдову 5 февраля 1837 г.: «Священник говорил мне после со слезами о нем и о благочестии, с коим он исполнил долг христианский. Пушкин никогда не был *esprit fort* (*фр.* — вольнодумцем), по крайней мере, не был им в последние годы жизни своей; напротив, он имел сильное религиозное чувство: читал и любил читать Евангелие, был проникнут красотой многих молитв, знал их наизусть и часто твердил их». ¹² П. А. Плетнев вспоминал: «Любимый со мною разговор его, за несколько недель до смерти, все обращен был на слова „Слава в вышних Богу, и на земли мир, и в человецех благоволение” (Евангелие от Луки, 2, 14). По его мнению, я много хранил в душе моей благоволения к людям». ¹³

Данзас сказал поэту, что готов отомстить за него тому, кто его поразил. «Нет, нет, — ответил Пушкин, — мир, мир» (А. Н. Веневитинова — С. Л. Пушкину). ¹⁴ Умирая, Пушкин просил княгиню Долгорукову съездить к Дантесу и сказать, что он простил ему. «*Moi aussi je lui pardonne* (Я тоже ему прощаю)», — отвечал с нахальным смехом негодяй (со слов княгини Е. А. Долгоруковой). ¹⁵

В последнее время поэта часто видели в тяжелом душевном состоянии. «Ольга Сергеевна была поражена худобою, желтизною лица и расстройством его нервов. Александр Сергеевич с трудом уже выносил последовательную беседу, не мог сидеть долго на одном месте, вздрагивал от громких звонков, падения предметов на пол; письма же распечатывал с волнением; не выносил ни крика детей, ни музыки». ¹⁶

«Наблюдая Пушкина на балу за несколько дней до дуэли, графиня Наталья Викторовна Строганова (предмет его юношеской влюбленности, в девичестве Наташа Кочубей. — Э. Л.) говорила княгине Вяземской, что у него такой страшный вид, что, будь она его женой, она не решилась бы вернуться с ним домой». ¹⁷ Граф Соллогуб уверял, что Пушкин «в припадках ревности брал жену к себе на руки и с кинжалом допрашивал, верна ли она ему». ¹⁸ Грустная ирония жизни и литературы: ожившая сцена из «Черной шали»...

---

¹⁰ «После я узнал, что Пушкин подошел к нему (виконту д'Аршиаку. — Э. Л.) на лестнице и сказал: „Вы, французы, вы очень любезны. Вы все знаете латынь, но когда вы стреляетесь, вы становитесь в тридцати шагах. У нас, русских, иначе: чем меньше объяснений, тем поединок беспощаднее”» (гр. В. А. Соллогуб; см.: *Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929. С. 378*).

¹¹ *Вересаев В. В. Указ. соч. С. 273.*

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 236.

¹⁴ Там же. С. 275.

¹⁵ Там же. С. 284.

¹⁶ Там же. С. 197.

¹⁷ Там же. С. 234.

¹⁸ Там же. С. 243.

В ноябре 1836 г. Жуковский упрекал Пушкина в агрессивности: «Ты сказал княгине третьего дня: „Я знаю автора анонимных писем, и через неделю вы услышите о мщении, единственном в своем роде: оно будет полное, совершенное; оно бросит человека в грязь”». ¹⁹ Князь Вяземский в ужасе от поведения Пушкина, не умея его понять, в день дуэли (о ней не зная) сказал: «Я закрываю свое лицо и отвращаю его от дома Пушкина». ²⁰

В дружеском кругу Карамзиных в декабре 1836 г. произносились безжалостные рецензии: «... снова начались кривляния ярости и поэтического гнева; мрачный, как ночь, нахмуренный, как Юпитер во гневе, Пушкин прерывал свое угрюмое и стеснительное молчание лишь редкими, короткими, ироническими отрывистыми словами и время от времени демоническим смехом». ²¹

Однако любящая душа, тригорская приятельница, которой он открылся перед дуэлью, взглянула на дело по-другому: «Он счастлив, что избавлен этих душевных страданий, которые так ужасно его мучили последнее время его существования». ²² Видно, иным путем не дано уже было ему обрести «в семействе мир и к ближнему любовь» (IV, 119).

2

Две жизни прожил поэт: 37 лет и 46 часов, и последние часы его явились очищением через страдание. «Смерть обнаружила в характере Пушкина все, что было в нем доброго и прекрасного. Она надлежащим образом осветила всю его жизнь. Все, что было в ней беспорядочного, дурного, болезненного, особенно в первые годы его молодости, было данью его человеческой слабости, обстоятельствам, людям, обществу. Пушкин не был понят при жизни не только равнодушными к нему людьми, но и его друзьями. Признаюсь и прошу в том прощения у его памяти, я не считал его до такой степени способным ко всему. Сколько было в этой исстрадавшейся душе великодушия, силы, скрытого самоотвержения!

Его чувства к жене отличались нежностью поистине самого возвышенного характера. Несколько слов, произнесенных им на своем смертном одре, доказали, насколько он был привязан, предан и благодарен государю. Ни одного горького слова, ни одной резкой жалобы, никакого едкого напоминания не произнес он, кроме слов мира и прощения своему врагу. Вся желчь, которая накопилась в нем целыми месяцами мучений, казалось, исходила из него вместе с его кровью, он стал другим человеком» (кн. П. А. Вяземский — вел. кн. Михаилу Павловичу, 14 февр. 1837 г.). ²³

Почему священник, старец беспорочной жизни, мог сказать: «Я для себя самого желаю такой кончины»? Какой? Смертельной раны на поединке? Нет, такой глубины предсмертного покаяния. Память смертную. Того состояния, о котором христианин молит Господа: «Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья».

Настоятель церкви Императорского Конюшенного ведомства протоиерей Петр Дмитриевич Песецкий проходил кампанию 1812 г. в должности благочинного над духовенством при Петербургском народном ополчении. Фактически, он — третий «военный человек» среди свидетелей мук раненого

¹⁹ Там же. С. 219.

²⁰ Кунин В. В. Указ. соч. С. 432.

²¹ Пушкин в письмах Карамзиных: 1836—1837. М.; Л., 1960. С. 147.

²² Вересаев В. В. Указ. соч. С. 314.

²³ Кунин В. В. Указ. соч. С. 528—529.

в дополнение к обязательно упоминаемым военным врачам Н. Ф. Арендту и В. И. Далю. Так же, как они, священник хорошо понимал, какую нечеловеческую боль причиняет пулевая рана в пах с раздроблением костей малого таза и бедра, с тяжелыми поражениями внутренних органов: на полях сражений, напугавшись умирающих воинов, он видел множество ран. «С начала и до конца своих страданий (кроме двух или трех часов первой ночи, в которую они превосходили всякую меру человеческого терпения) он был удивительно тверд. „Я был в тридцати сражениях, — говорил доктор Арендт, — я видел много умирающих, но мало видел подобного... такого терпения при таких страданиях”». ²⁴ Все присутствующие так или иначе свидетельствуют, что раненый пережил в последние часы жизни духовное преобразование.

Гражданского мужества и стремления не потревожить жену при этой страшной ране было бы явно недостаточно. Без пособия мощных болеутоляющих средств — а их в то время почти не знали — такие страдания для человеческого существа непереносимы: людям изменяет воля, они теряют свою личность. Ничего подобного не было с Пушкиным: дух его господствовал над плотью, и это потрясло всех. «Антонов огонь разливается; он все в памяти», — констатирует в изумлении А. И. Тургенев. ²⁵ Благодатная помощь, преподанная умирающему в Таинстве причащения, поставила его «выше чина естества», — любой христианин это понимает.

Момент кончины раба Божия Александра особенно ярко запечатлен его старшим другом и поэтом В. А. Жуковским.

Он лежал без движенья, как будто по тяжкой работе
Руки свои опустив. Голову тихо склоня,
Долго стоял я над ним, один, смотря со вниманьем
Мертвому прямо в глаза; были закрыты глаза.
Было лицо его мне так знакомо, и было заметно,
Что выражалось на нем, — в жизни такого
Мы не видали на этом лице. Не горел вдохновенья
Пламень на нем; не сиял острый ум;
Нет! Но какою-то мыслью, глубокой высокою мыслью
Было объято оно: мнилось мне, что ему
В этот миг предстояло как будто какое виденье,
Что-то сбывалось над ним, и спросить мне хотелось: что видишь? ²⁶

Двое суток народ толпился на набережной Мойки у дома Волконских. Извозчика нанимали, говоря: «К Пушкину». Толпа видна была из окон Зимнего дворца. Сам дворец не молчал: «Государь, наследник, великая княгиня Елена Павловна постоянно посылали узнавать о здоровье Пушкина. От государя приезжал Арендт несколько раз в день». ²⁷

29 января во второй половине дня двери дома Пушкиных открылись для желающих проститься с усопшим. По разным свидетельствам, пришли десятки тысяч человек. Видимо, только на третий день, 31 января, было решено, где и как его отпоют, и тогда в ночь на 1 февраля друзья перенесли на руках гроб в придворную Конюшенную церковь, ближайшую к дому, где жил Пушкин. Наутро совершен был чин отпевания.

²⁴ Вересаев В. В. Указ. соч. С. 285—286.

²⁵ Там же. С. 289.

²⁶ Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4-х тт. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 393.

²⁷ Вересаев В. В. Указ. соч. С. 280.

«Наталья Николаевна Пушкина с душевным прискорбием извещая о кончине супруга ее, Двора Е. И. В. Камер-Юнкера Александра Сергеевича Пушкина, последовавшей в 29 день сего января, покорнейше просит пожаловать к отпеванию тела в Исакиевский собор, состоящий в Адмиралтействе, 1-го числа февраля в 11 часов до полудня».²⁸ Видимо, Исакиевский собор выбрала Наталья Николаевна, — мнения вдовы не могли не спросить. Она выросла в религиозной московской семье, и мать наверняка посоветовала ей иметь постоянного исповедника, а первое петербургское жилище Пушкиных (на Галерной) находилось вблизи Адмиралтейского Исакиевского собора. Отметим, что сестра Натальи Николаевны Екатерина 10 января 1837 г. венчалась в этом же храме.

Есть свидетельство о том, что выбор церкви принадлежал графу Строганову, устроителю похорон. В. А. Жуковский пишет: «Он назначил для отпевания Исакиевский собор, и причина назначения была самая простая: ему сказали, что дом Пушкина принадлежал к приходу Исакиевского собора: следовательно, иной церкви назначить было не можно. О Конюшенной же церкви нельзя было и подумать, она придворная. На отпевание в ней надлежало получить особенное позволение, в коем и нужды не было, ибо имели в виду приходскую церковь».²⁹

В XX в., не вникая в хронику строительства главного петербургского собора, публика под влиянием популяризаторов пушкинской темы, пренебрегая хронологией, в простоте душевной думала, что «царизм лишил» великого поэта торжественного отпевания в грандиозном Монферрановом сооружении. Это один из самых важных моментов долгодействующей и вездливой вульгарно-социологической легенды. Ее можно услышать и сегодня. Собор Монферрана был отстроен и освящен, как известно, в 1858 г., а «Исакиевским собором, состоящим в Адмиралтействе», петербуржцы называли двупрестольный храм во имя преподобного Исаакия Далматского и Святого Спиридона Тримифунтского, устроенный в одном из залов Адмиралтейства, в том крыле, что выходит на Сенатскую площадь (посвящен Святым, коим празднования падают на дни рождений императоров Петра Великого и Александра Благословенного).

«Особое позволение» на отпевание в Конюшенной церкви, о котором говорит Жуковский, все же понадобилось, и оно было получено. Почему все-таки заменили церковь для отпевания? Вырисовывается целый ряд причин. Во-первых, предвидя, что многотысячная толпа, которая уже четыре дня стояла перед домом Волконских, перекрывая движение по набережной Мойки, обязательно придет к отпеванию и растечется по *Сенатской площади*. Император Николай, видимо, не захотел иметь повтора неприятной ему исторической сцены и выбрал и другую площадь, и другую церковь.

Во-вторых, была еще одна причина, и о ней говорят современники: если бы погребальная церемония двигалась в сторону Адмиралтейства, то она обязательно должна была бы проследовать мимо дома голландского посольства. В столице распространились слухи, что народ выбьет стекла в доме посланника. Жуковский считал, что подобные толки доходили до Геккерна, «и что его испуганное воображение их преувеличивало, и что он сообщил свои опасения и требовал защиты».³⁰

В-третьих, известны затруднения с правящим архиереем — митрополитом Петербургским Серафимом. Жуковский свидетельствует: «Он (граф

²⁸ Там же. С. 273.

²⁹ *Кунин В. В.* Указ. соч. С. 564.

³⁰ Там же. С. 562.

Строганов. — Э. Л. приглашал архиерея, и как скоро тот отказался от совершения обряда, пригласил трех архимандритов».³¹ Князь Вяземский так говорит об этом: «Митрополит Серафим, по чьим-то внушениям, делал разные затруднения».³² И еще: «Когда приглашенный графом Строгановым митрополит отказался прибыть к отпеванию и граф Строганов выражал мне по этому случаю свое неудовольствие и находил отказ незаконным, я подал ему мысль обратиться к графу Протасову, который, будучи прокурором Святейшего Синода, мог разъяснить поводы этого отказа и предложить свое посредничество для устранения, буде возможно, препятствий».³³

Но дело было не в том, что кто-то что-то внушал митрополиту, — очевидны серьезные препятствия к отпеванию дуэлянта. Очевидна и тяжелая для близких затяжка по времени: лишний день ушел на переговоры. 31 января были уже третины, а покойный все еще лежал в доме. Раба Божия Александра уже пора было предать земле и успокоить его душу. (В итоге похороны совершились на 9-й день!).

Возникшие затруднения разрешены были — и это знаменательно — в придворном храме. Таковых в столице было три: соборный храм Императорского Зимнего дворца, Петропавловский собор и... церковь при Главных конюшнях. Ее красотой и архитектурным совершенством восхищались петербуржцы: В. П. Стасов, перестроив ее в 1823 г., создал один из великолепных храмов России и Европы! Этот придворный храм исполнял также функции приходского, и здесь цари молились вместе с народом. Утверждать, как это было принято 70 лет, что Пушкина «унизили» «непрестижной» церковью, не приходится. По свидетельству А. И. Тургенева, чин отпевания совершили архимандрит и шесть священников.³⁴ Не всякий мирянин бывает удостоен столь торжественного соборного отпевания.

Другое дело, что любой почет казался и кажется недостаточным для поклонников поэта. Например, из воспоминаний Н. М. Смирнова не без удивления узнаем: он был уверен, что поэта собирались отпеть, и, по его мнению, было бы вполне естественно, если бы Пушкина отпели и похоронили в Александро-Невской лавре.³⁵ Супруги Смирновы находились в то время в Париже и ни о завещании самого Александра Сергеевича, ни о препятствиях к отпеванию, конечно, знать не могли. Неясность во всем вначале была и у петербуржцев: «Пушкина будут отпевать в понедельник, но еще не знают, здесь ли или в псковской деревне его предадут земле. Лучше бы здесь, в виду многочисленной публики, друзей и почитателей его. Деревня может быть продана, и кто позаботится о памятнике незабвенного поэта!» (А. И. Тургенев — А. И. Нефедьевой).³⁶

Возможно, к идее Конюшенной церкви обратились именно потому, что ее настоятель, отец Петр, исповедал и причастил раба Божия Александра. Пушкин не был убит наповал — Господь даровал ему время для покаяния, и Церковь в своих молитвах поминает его. (В метрической книге церкви Спаса Нерукотворного в графе «От чего приключилась смерть» настоятель записал: «От раны»).

В России дуэлянтов отпевали в виде исключения и только с разрешения правящего архиерея, как правило же, хоронили без церковного обряда, в неосвященной земле, за оградой кладбища: Православная Церковь их рас-

³¹ Там же. С. 564.

³² А. С. Пушкин в воспоминаниях... С. 165.

³³ Кунин В. В. Указ. соч. С. 531.

³⁴ Вересаев В. В. Указ. соч. С. 309.

³⁵ А. С. Пушкин в воспоминаниях... С. 241.

³⁶ Кунин В. В. Указ. соч. С. 506.

смастривала как самоубийц. Получается, что без петербургского митрополита ситуация с Пушкиным разрешиться не могла.

Петербургскую кафедру с 1821 г. занимал митрополит Серафим (Глаголевский). Именно к нему в 1828 г. обратились простые люди с жалобой на то, что барин штабс-капитан Митьков заставляет их слушать богохульную поэму неизвестного автора. Митрополит дал ход делу. Началось расследование. (Привлекли члена Государственного совета и знатока литературы Алексея Николаевича Оленина. «Бывают странные сближения»: как раз в это самое время Александр Сергеевич сватался к его дочери Анне. Сватовство оказалось неудачным). В 1833 г. при принятии Александра Сергеевича в Российскую Академию один голос был подан против: петербургский митрополит имел свое особое мнение и исполнил свой долг. В 1837 г. никто, кроме Серафима, не мог бы задать придворному протоиерею П. Д. Песоцкому того вопроса, о котором упоминает княгиня Мещерская: «...на чей-то вопрос по этому поводу отвечал: „Я стар, на что мне обманывать?“».

Выходит, нужна была предусмотрительность императора Николая, который счел необходимым послать записку Пушкину с лейб-медиком. «Ночью возвратился к нему Арендт и привез ему для прочтения собственноручную записку, карандашом написанную государем, почти в таких словах: „Если Бог не приведет нам свидеться в здешнем свете, посылаю тебе мое прощение и последний совет: умереть христианином. О жене и детях не беспокойся: я беру их на свои руки“. Пушкин был чрезвычайно тронут словами и убедительно просил Арендта оставить ему эту записку, но государь велел ее прочесть и немедленно возвратить» (кн. Вяземский — Д. В. Давыдову).³⁷ Записка была прислана в первую ночь, но, как мы знаем от доктора Спасского, еще вечером раненый причастился. Возможно, его причастили вторично, — это не противоречит обычаям Православной Церкви в отношении тяжелобольных и умирающих.

Много было кривотолков со стороны советских пушкинистов о Николае, в том числе и про эту записку: и зачем писал, и зачем просил вернуть обратно. Попрекаемый литературоведами, авторами пьес, кинофильмов, повестей, царь Николай все же имеет право быть исторически оправдан, хотя бы отчасти. Что им двигало? Христианское чувство и государственный ум, понятия о которых у нас порастрачены, и потому мы ищем каких-то иных мотивов поведения самодержца. Приведем, однако, мнения современников.

«Государь вел себя по отношению к нему и ко всему его семейству, как ангел. После истории со своей первой дуэлью (речь идет об отмененной ноябрьской дуэли с тем же Дантесом. — Э. Л.) Пушкин обещал государю больше не драться ни под каким предлогом, и теперь, когда он был смертельно ранен, он послал доброго Жуковского просить прощения у государя в том, что он не сдержал слова» (Е. А. Карамзина).³⁸

«Государь потерял в нем свое создание, своего поэта, который принадлежал бы к славе его царствования, как Державин — славе Екатерины, а Карамзин — славе Александра. И государь до последней минуты Пушкина остался верен своему благотворению. Он отозвался умирающему на последний земной крик его; и как отозвался? Какое русское сердце не затрепещет благодарностью на этот голос царский? В этом голосе выразилось не одно личное, трогательное чувство, но вместе и любовь к народной славе» (В. А. Жуковский — С. Л. Пушкину).³⁹

³⁷ Вересаев В. В. Указ. соч. С. 274.

³⁸ Кунин В. В. Указ. соч. С. 577.

³⁹ Там же. С. 536.

«Государь не мог выхвалять жизнь Пушкина, умершего на поединке и отданного им под военный суд, но он отдал должное славе русской, олицетворявшейся в Пушкине» (А. И. Тургенев — А. И. Нефедьвой).⁴⁰

Император Николай Павлович твердо знал: в православной России похороны великого человека без отпевания невозможны. Он учитывал, что, не исполни умиравший последнего долга христианина, с церковной иерархией будут большие осложнения. История с запиской, замена церкви (приходской и ведомственной — на придворную) — все говорит о личном вмешательстве монарха в решение вопроса о посмертной судьбе Пушкина-дуэлянта. Конечно, этим жестом, этой подсказкой умирающему император продемонстрировал неуверенность в высоком строе души поэта, в способности к искреннему покаянию, — он судил по фактам буйной молодости «умнейшего человека России» (его слова о поэте в 1826 г.).

Любая власть не терпит столпотворений и народных сборищ без ее санкции, а они продолжались в Петербурге довольно долго: два дня, пока поэт умирал, — перед домом на Мойке, два следующих — когда люди шли к нему в квартиру с ним проститься, и еще один — день отпевания, когда Конюшенная площадь являла собою «ковер из человеческих голов»,⁴¹ когда происходило прощание народа с поэтом. Император нервничал, переусердствовал, может быть, с жандармами и с наведением порядка, обидел этим друзей Пушкина и дал повод для порицаний со стороны новых и новых поколений читателей Пушкина. (Меры по наведению порядка принимались не только представителями власти: «Подъезд с утра был атакован публикой до такой степени, что Данзас должен был обратиться в Преображенский полк с просьбою поставить у крыльца часовых, чтобы восстановить какой-нибудь порядок: густая масса собравшихся загораживала на большое расстояние все пространство перед квартирой Пушкина, к крыльцу почти не было возможности протискаться. Между принимавшими участие были, разумеется, и такие, которые толпились только из любопытства. Данзас был ранен в Турецкую кампанию и носил руку на повязке. Не ранен ли он тоже на дуэли Пушкина, спросил Данзаса один из этих любопытных»⁴²).

4

Конюшенная церковь и площадь перед ней навеки стали символом соборного прощания народа с поэтом.

В самом имени церкви заключен еще один важный символ. Церковь посвящена иконе Нерукотворенного Образа Спасителя (так же, как и храм Императорского Зимнего дворца). Слово «нерукотворный» всем памятно в хрестоматийном стихотворении «Я памятник себе воздвиг...», написанном, что знаменательно, через пять дней после престольного праздника этих двух храмов, ближайших к дому поэта. 16 августа 1836 г. камер-юнкер Пушкин не мог не присутствовать за праздничным богослужением в Зимнем дворце, и слово «нерукотворный» в те дни было у него на слуху. Имел ли поэт право сопоставлять свое творчество с величайшей религиозной святыней, не является ли такое сопоставление дерзостью? Вопрос спорный, и решение его каждый раз зависит от взгляда на соотношение религии и культуры и от того, как понимается явление Пушкина в судьбах России.

⁴⁰ Там же. С. 571.

⁴¹ Вересаев В. В. Указ. соч. С. 306.

⁴² Там же. С. 288.

Наследие Пушкина — это полный отпечаток его духовной жизни, отпечаток поразительной способности к покаянию и безошибочного нравственного чувства. В своем творчестве послушный «веленью Божию», смывший свои заблуждения и грех «Гавриилиады» кровью, очистившийся предсмертным покаянием, Пушкин доказал свое право на такое сравнение.

«В нем глубоко таилась охранительная и спасительная нравственная сила... Эта сила была любовь к труду, потребность труда, неодолимая потребность творчески выразить, вытеснить из себя ощущения, образы, чувства, которые из груди его просились на свет Божий и облекались в звуки, краски, в глаголы, очаровательные и поучительные. Труд был для него святыня, купель, в которой исцелялись язвы, обретали бодрость и свежесть немощь, уныния, восстанавливались расслабленные силы. Когда чуял он налет вдохновения, когда принимался за работу, он успокоивался, мужал, перерождался» (П. А. Вяземский).⁴³ Свой гений поэт безусловно понимал как дар Божий.

⁴³ А. С. Пушкин в воспоминаниях... Т. 1. С. 150.

Э. С. Лебедева

ОТЗВУКИ ДЕЛА О «ГАВРИИЛИАДЕ» В ИСТОРИИ ГИБЕЛИ И ПОХОРОН ПУШКИНА

...Все почти по закону очищается кровью, и без пролития крови не бывает прощения.

Послание к Евреям, IX, 22

О смерти Пушкина написано много, и все же душа народа не успокоена. Вопросы возникают снова и снова. Тема эта рассмотрена: 1) подробнее всего в качестве итога житейской и общественной биографии поэта; 2) гораздо менее — как сюжет национальной легенды; 3) устойчивый мотив русской лирики; 4) финал еще одного художественного произведения, созданного Пушкиным, — «жизни поэта». Недавно началось у нас осмысление кончины Пушкина на иных уровнях: как завершение его духовного пути и как прообраз судеб России.

Именно в этот момент и пришли к нам работы русских религиозных философов и иерархов зарубежной Православной Церкви, говорящих: «Уход его озарен потусторонним светом» (о. Сергей Булгаков) и призывающих нас «воспринять урок его смерти» (архимандрит Константин Зайцев). Теперь уже многим ясно, что кончина его была христианской, что раб Божий приснопамятный убиенный Александр принес искреннее и глубокое покаяние, перед смертью соединился со Христом.

И все же не без страха прикасаешься к обозначенной в заглавии теме. В. С. Соловьев в своей знаменитой работе «Судьба Пушкина» даже не упоминает о «Гавриилиаде». Он строит формулу пушкинской гибели на болезненном самолюбии поэта и моментах пренебрежения величием своего дара, на эпиграммах. И возникает вопрос: имелась ли вообще кощунственная поэма в распоряжении философа? И другой вопрос: насколько широко была она известна русскому читателю в XIX столетии?

В статье «Прообраз биографии нашей России» московский философ В. Н. Тростников пишет: «Возьмем, например, эту омерзительную „Гавриилиаду“. Она написана Пушкиным не потому, что он сам был омерзительным, что намеренно выступал против Богородицы, покровительницы России, желая нанести удар в самое чувствительное место, а потому что бессознательно стремился угодить своим читателям — это, видимо, свойство всякого поэта. Не в том главный ужас, что Пушкин написал эту гадость, а в том, что ее переписывали и читали! А разве сегодня кто-нибудь стал бы переписывать „Гавриилиаду“? Нет, конечно. Значит, отсюда можно сделать вывод, что духовный порядок в наших умах совершенно изменился».¹

Не касаясь последнего заявления, берусь утверждать, что целое столетие «Гавриилиада» была известна очень малому числу людей, — до ее первой комментированной публикации в России, осуществленной Валерием Брюсовым в 1918 г. и вызвавшей шквал противоречивых чувств и мнений общественности.² К чести русского народа следует сказать: по сравнению с другими бесцензурными произведениями молодого поэта «Гавриилиада» распространялась вяло.

Не более года проходило между временем создания эпиграмм или таких стихотворений, как «Noel», «К Чаадаеву», «Деревня», и моментом их «возвращения» к автору. Переписка и распространение их были столь интенсивными, что это вызвало известную реплику императора Александра: «Пушкин наводнил Россию возмутительными стихами».

«Гавриилиада» была написана в апреле 1821 г., как гласит «Летопись жизни и творчества Пушкина», через семь лет она дошла до правительства. В 1826 г. впервые в донесении жандармского полковника И. П. Бибикова графу Бенкендорфу упомянута кощунственная поэма. Но «дело» разразилось только летом 1828 г. В 1837 г. князь А. Н. Голицын рассказал о нем своему сотруднику Ю. Н. Бартневу, который оставил конспективную запись беседы: «Управление князя Кочубея и графа Толстого во время отсутствия Государя. Гаврильяда Пушкина. Отпирательство Пушкина. Признание. Обращение с ним Государя. Важный отзыв князя, что не надобно осуждать умерших».³ Разговор, видимо, происходил вскоре после смерти Пушкина и, возможно, лежал в русле наших размышлений.

Хронологические границы дела — 1828 г., с июня по 31 декабря, когда подводили итоги года и на докладе статс-секретаря появилась резолюция императора Николая: «Мне это дело подробно известно и совершенно кончено».⁴ Разбирательством занималась Временная верховная комиссия — высший орган управления по случаю отъезда государя на войну с Турцией. На первый запрос (в конце июня) Пушкин решительно ответил отказом от своего авторства и упорствовал до октября, когда, наконец, попросил разрешения написать лично государю. Письмо поэта в дело не вошло. В свое время император Николай II распорядился отыскать это дело, однако только в 1951 г. в архиве А. Н. Бахметева, зятя одного из членов комиссии графа Толстого, была обнаружена снятая с него копия. Споры о найденном тексте разрешились в пользу принадлежности его Пушкину.

«Будучи вопрошаем правительством, я не почитал себя обязанным признать в шалости, столь же постыдной, как и преступной. — Но теперь,

¹ Тростников В. Н. Прообраз биографии нашей России // Пушкинская эпоха и Христианская культура: Вып. I. СПб., 1993. С. 31.

² Алексеев М. П. Пушкин. Л., 1972. С. 283—288.

³ Гурьянов В. П. Письмо Пушкина о «Гавриилиаде» // Пушкин. Исследования и материалы: Т. VIII. Л., 1978. С. 284.

⁴ Там же. С. 285.

вопрошаемый прямо от лица моего Государя, объявляю, что „Гавриилиада” сочинена мною в 1817 году.

Повергая себя милосердию и великодушию царскому есмь

Вашего Императорского Величества
верноподданный Александр Пушкин».⁵

«Шалость постыдная и преступная», — поэт уже употреблял подобные характеристики «Гавриилиады», отказываясь от нее перед комиссией: «произведение столь жалкое и постыдное». Как понять эту историю с долгим заpirationством и неожиданным признанием? Советский исследователь поясняет: «Прямо, один на один с высшей властью — только так Пушкин готов разговаривать»,⁶ что, безусловно, верно. Но есть еще оттенок. «Наполеон говорил Александру: „Вы сами у себя поп, это не так глупо”». Эта фраза, оставшаяся в черновике письма Пушкина к Чаадаеву, кажется, проясняет суть дела. В синодальный период главой Церкви был император, — Пушкин и принес покаяние ему как главе русской православной Церкви.

Инициатором дела волею судьбы оказался митрополит Петербургский Серафим (Глаголевский), так как именно к нему явились крепостные помещика штаб-капитана Митькова с жалобой на барина, заставляющего их слушать чтение кощунственной поэмы. По-видимому, в комиссию по делу о «Гавриилиаде» митрополит Серафим не вошел, но зато в январе 1837 г. без его разрешения, как правящего архиерея, похороны по христианскому обряду дуэлянта Пушкина совершиться не могли. Два лишних дня (30 и 31 января) покойный пролежал в доме, — не только потому, что народ шел с ним прощаться: время потрачено было на обсуждение вопроса в высших инстанциях. Существует предположение, что пришлось привлечь святителя Филарета. Митрополит Московский скорее всего был в этот момент в столице, — как обычно, во время зимних сессий Синода. Можно думать, что и здесь он проявил свою христианскую любовь, которую всегда имел к Пушкину, и в 1830 г. доказал это, протянув руку помощи впадшему в грех уныния поэту.

Князь Вяземский пишет о препятствиях, которые чинил архиерей «по чьим-то внушениям». Вряд ли: просто митрополит Серафим (Глаголевский) хорошо помнил 1828 г. В черновом письме В. А. Жуковского графу Бенкендорфу о дуэли и похоронах Пушкина обнаруживается такое непонимание ситуации и поведения митрополита Серафима, что возникает вопрос, читал ли «побежденный учитель» «Гавриилиаду»?

Император Николай и петербургский митрополит не верили покаянию умирающего Пушкина. С этим, видно, и связана странность, о которой говорит княгиня Мещерская: «На чей-то вопрос по этому поводу священник, исповадавший Пушкина, отвечал: „Я стар, мне уже недолго жить, *на что мне обманывать* (курсив мой. — Э. Л.). Вы можете мне не верить, когда скажу, что я для себя самого желаю такого конца, какой он имел”».⁷ Чей же это был вопрос? Кто, кроме двух вышеназванных лиц, осмелился бы допытываться у придворного протоиерея о глубине пушкинского покаяния?

В 1828 г. оценка собственной злополучной поэмы в письме императору Николаю была вполне искренней: к Пушкину пришло сожаление о содеянном. Друг его Нащокин свидетельствует: «Пушкин не любил говорить об этой поэме». С. А. Соболевский вторит ему: «Пушкин глубоко горевал и

⁵ Там же. С. 289.

⁶ Там же. С. 290.

⁷ Вересаев В. В. Пушкин в жизни. М.; Л., 1932. Т. 2. С. 273.

сердился при всяком, даже нечаянном, воспоминании об этой прелестной пакости». По словам А. С. Норова, Пушкин сказал В. И. Туманскому: «Ты, восхищающийся такой гадостью, как моя неизданная поэма, — настоящий враг мой». М. В. Юзефович сохранил в своих записках о пребывании в Кавказской армии в 1829 г. подобный эпизод: «Я помню, как однажды один болтун, думая, конечно, ему угодить, напомнил ему об одной его библейской поэме и стал было читать из нее отрывок. Пушкин вспыхнул, на лице его выразилась такая боль, что тот понял и замолчал».⁸

Сожаление было, а покаяние? Неужели только 27 января вечером, после смертельного ранения Пушкин впервые принес церковное покаяние? Едва ли. По крайней мере, он приступал к Таинствам, венчался, крестил своих детей. В каждом письме, адресованном жене, тревога о ней и детях, надежда на заступничество Провидения:

— Прощай, Христос с вами...

— Целую и благословляю тебя и ребят...

— Обнимаю тебя крепко — детей благословляю — тебя также. Всякий ли день ты молишься, стоя в углу?

— Благодарю тебя за то, что ты Богу молишься на коленях посреди комнаты. Я мало Богу молюсь и, надеюсь, что твоя чистая молитва лучше моих как для меня, так и для нас.

Недавно опубликованы интересные архивные материалы о церквах Михайловского и Тригорского. В исповедальных росписях и клировых ведомостях мелькают знакомые имена пушкинских соседей, Арины Родионовны, Надежды Осиповны. Нет только имени Александра Сергеевича. Но нет его и в списках провинившихся. Наши недоумения разрешаются при мысли об отце Ионе, игумене Святогорского монастыря, которого, к сожалению, И. И. Пущин обрисовал в своих записках как соглядатая и осведомителя, но который оказался высокодуховным старцем, так что современный исследователь даже готов увидеть в нем черты пушкинского Пимена.⁹ Отношения игумена Ионы с поэтом похожи на окормление старцем духовного чада. Подобного рода связи письменной фиксации не имели. Где доказательства, что это было так? Плоды налицо — в творчестве Пушкина. Одной и той же рукой, не принеся покаяния за «Гавриилиаду», вряд ли можно было написать «Бориса Годунова», произведение высочайшей христианской духовности. Между поэмой и трагедией пролегают важные события духовной жизни их автора. О них мы можем только догадываться. О них поэт намекнул нам в таких стихотворениях, как «Пророк» (1826) и «Воспоминание» (1828).

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.
(III, 57)

Среди черновых набросков поэта есть один, свидетельствующий, что Таинство исповеди было знакомо Александру Сергеевичу не понаслышке:

Вечерня отошла давно,
Но в кельях тихо и темно.
Уже и сам игумен строгий

⁸ Гурьянов В. П. Указ. соч. С. 290.

⁹ См.: Новиков Н. С. Драма в Святогорской обители в период ссылки А. С. Пушкина // Христианская культура. Пушкинская эпоха: Вып. XII. СПб., 1996.

Свои молитвы прекратил
И кости ветхие склонил,
Перекрестясь, на одр убогий.
Кругом и сон и тишина,
Но церкви дверь отворена;
Трепещет ..... луч лампы,
И тускло озаряет он
И темну живопись икон
И позлащенные оклады.

И раздается в тишине
То тяжкий вздох, то шепот важный,
И мрачно дремлет в вышине
Старинный свод, глухой и влажный.

Стоят за клиросом чернец
И грешник — неподвижны оба —
И шепот их, как глас из гроба,
И грешник бледен, как мертвец.

Монах

Несчастный, — полно, перестань,
Ужасна исповедь злодея!
Заплачена тобою дань
Тому, кто, в злобе пламенея,
Лукаво грешника блюдет
И к вечной гибели ведет.
Смирись! опомнись! время, время,
Раскаянья ..... покров
Я разрешу тебя. Грехов
Сложи мучительное бремя.

Каков все-таки жизненный сюжет пушкинского ухода? Расхождение поэта со своими читателями? Социально-политический конфликт с самодержавием? С космополитической аристократией? Тяжелая семейная история, ставшая достоянием общества? Князь Вяземский в частных письмах сформулировал это так: «Пушкина в гроб положили и зарезали жену его городские сплетни, людская злоба, праздность и клевета петербургских салонов, безыменные письма. Анонимные письма... лежали горячею отравой на сердце Пушкина. Ему нужно было выбросить этот яд со своей кровью или с кровью того, который был причиною или предлогом нанесенного Пушкину оскорбления».¹⁰

В 30-е годы Пушкин искал счастья «на проторенных дорогах», видел его в «обыденности повседневных привычек», в семейной жизни. А в начале 20-х годов о семейном счастье отзывался весьма иронически. Кошунственная поэма двадцатидвухлетнего автора заканчивалась, напомним, следующим размышлением:

Но дни бегут, и время сединою
Мою главу тишком посеребрят,
И важный брак с любезною женою
Пред алтарем меня соединит.
Иосифа прекрасный утешитель!
Молю тебя, колена преклоняя,

---

¹⁰ Русский архив. 1879. Кн. 2. С. 246.

О рогачей заступник и хранитель,
Молю — тогда благослови меня,
Даруй ты мне беспечность и смиренность,
Даруй ты мне терпенье вновь и вновь,
Спокойный сон, в супруге уверенье,
В семействе мир и к ближнему любовь.
(IV, 119)

Провидческих способностей поэта сегодня никому доказывать не нужно. Прогнозы его обращены к дальнейшему ходу русской истории, к более близкому времени, к себе самому. Дуэль Онегина и Ленского всем пришла на ум, когда автор был убит.¹¹ Пушкин и самим собой являет пророчество о «русском человеке... через 200 лет». (Только нужно понять, в каком именно отношении). Надо ли говорить, что финал его жизни — жуткая ирония в ответ на последние строки «Гавриилиады».

Жениться ему оказалось нелегко, и сетования Князя Гвидона («Люди женятся, гляжу, не женат лишь я хожу») — это и вздох самого автора.

В 1831 г. четвертая матримониальная попытка Пушкина, наконец, увенчалась успехом. Юную красавицу Пушкину окружили мифологическим и литературным ореолом. Она получила прозвание Ундины, Психеи. Супруг представил ее читательской аудитории как Мадонну, опубликовав сонет под таким названием в альманахе «Сиротка».

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.
(III, 166)

В черновиках рисовал ее лицо, оно ему не давалось; один из профилей назван «Моя косая Мадонна». Перо не остановилось, не преткнулось. Хотя уже был написан «Рыцарь бедный» (и автор уже вздрогнул при мысли о посмертной судьбе того, кто поклонялся Мадонне скорее как прекрасной женщине, чем как Божией Матери¹²), хотя уже прогремело дело о «Гавриилиаде».

Накликанная себе самому семейная драма — не единственное, что связывает кощунственную поэму с дуэльной историей. Обратимся к другому, не менее важному мотиву.

В 1977 г. историк М. Сафонов представил новый перевод анонимного диплома, задевавшего честь Пушкина.¹³ В частности, французское *sosi* он предлагает перевести не как «рогоносец», а как «неверный супруг». Таким был, утверждает Сафонов, Дмитрий Львович Нарышкин, таким был и Александр Сергеевич Пушкин. «Диплом» Пушкину «выдан» в качестве заместителя Нарышкина — «командора ордена кукушек».

О намеках «по царственной линии» у Сафонова нет речи. Но их невозможно отменить или спрятать. Текст «диплома» стал известен немногим современникам поэта. В военно-судное дело «диплом» не вошел, и в дальнейшем намек на императора Николая заставлял хранить этот «документ» в

¹¹ Можно найти в ней еще и тайное временное указание: дуэль героев пушкинского романа состоялась через день после именин Татьяны, т. е. 27 января по европейскому календарю (см.: Лотман Ю. М. Роман Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980. С. 22, 302).

¹² Здесь уместно отметить, что пародированию, на наш взгляд, в «Гавриилиаде» подверглась Мадонна, не Богоматерь. Как будто откликнулся спор, происходивший в России XVII в. об иконографии Божией Матери (см.: Дмитриев Ю. Н. Теория искусства и взгляды на искусство в письменности Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1953. Т. 9).

¹³ Смена. 1997. 12 февр.

самых секретных архивах III отделения. Представления о его содержании были самые общие. Н. М. Смирнов, например, в своих мемуарах сообщает: «Пушкин получает письмо на французском языке следующего содержания: „NN, канцлер ордена рогоносцев, убедясь, что Пушкин приобрел несомнительные права на этот орден, жалует его командором онаго”». ¹⁴

Тенденция занижать уровень пушкинской трагедии, превращать ее в банальность воспроизводится вновь и вновь. Сегодня она дополнена еще и современным циничным взглядом на поэта. Но какие бы новые переводы пасквиля ни появились, ясно одно: он метил в двух императоров — почившего и царствующего, первого поэта России и... в звание российского историографа.

Пушкин считал автором «диплома» голландского посланника барона Геккерна, а поводом к его написанию — поведение его приемного сына. В письме к великому князю Михаилу Павловичу П. А. Вяземский сообщил: «...как только были получены эти анонимные письма, он заподозрил в их сочинении старого Геккерна и умер с этой уверенностью. Мы так никогда и не узнали, на чем было основано это предположение, и до самой смерти Пушкина считали его недопустимым. Только неожиданный случай дал ему впоследствии некоторую долю вероятности». ¹⁵

Современники подозревали Петра Долгорукова, Ивана Гагарина, вступившего позже в орден иезуитов, француза Тибо, жившего в доме Карамзиных. Император Александр II в семейной обстановке объявил однажды, что стал известен автор пасквиля на Пушкина и что это — Нессельроде. В 1927 г. дипломат Г. В. Чичерин доказал, что пасквиль составил секретарь графа Нессельроде барон Бруннов. ¹⁶ В последнее время список пополнился именами А. В. Трубецкого, С. С. Уварова, В. А. Соллогуба и А. Н. Раевского.

Есть смысл искать кандидатуру пасквилянта, исходя из мотивов, заложенных в тексте диплома, а они «кричат». Повторяю, затронуты: два императора, великий национальный поэт и звание российского историографа. Кого-то волновало все это, вместе взятое!

21 июля 1831 г. Пушкин писал Бенкендорфу: «Если государю императору угодно будет употребить перо мое, то буду стараться с точностью и усердием исполнять волю его величества и готов служить ему по мере моих способностей. В России периодические издания не суть представители различных политических партий (которых у нас не существует), и правительству нет надобности иметь свой официальный журнал; но тем не менее общее мнение имеет нужду быть управляемо. С радостью взялся бы я за редакцию *политического и литературного журнала*, т. е. такого, в коем печатались бы политические и заграничные новости. Около него соединил бы я писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных, которые все еще дичатся, напрасно полагая его неприязненным к просвещению.

Более соответствовало бы моим занятиям и склонностям заняться историческими изысканиями в наших государственных архивах и библиотеках. *Не смею и не желаю взять на себя звание историографа после незабвенного Карамзина* (курсив мой. — Э. Л.); но могу со временем исполнить давнишнее мое желание написать *Историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III*» (X, 499—500).

Н. М. Карамзин 31 октября 1803 г. специальным указом был официально удостоен звания историографа. В переписке современников положение Пуш-

¹⁴ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х тт. М., 1974. Т. 2. С. 241.

¹⁵ Цит. по: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. М.; Л., 1928. С. 259.

¹⁶ См. наст. сб. С. 422.

кина отражено по-разному. О. М. Сомов — М. А. Максимовичу: «Пушкин сделан историографом Петра Великого»;¹⁷ А. Я. Булгаков — брату: «Лестно для Пушкина заступить место Карамзина»;¹⁸ В. А. Муханов — брату: «Правда ли, что Пушкин сделан историографом?»;¹⁹ Чаадаев — самому Пушкину: «Мне говорят, что Вы назначены или еще каким-то способом поручено Вам написать историю Петра Великого»;²⁰ Е. А. Энгельгардт — Ф. Ф. Матюшкину: «Пушкин, по поручению царскому, назначен историографом Петра!».²¹

В среде дипломатов, для которых Пушкин в 30-е годы стал интереснейшим собеседником как знаток русской истории, его считали историографом. Так, в феврале 1837 г. барон Люцероде, саксонский посланник, сообщал своему правительству о произошедшем в Петербурге: «Государственный историограф (Der Historiograph des Reichs) Александр Пушкин, который достоин быть назван первым поэтом современной эпохи со времен Гете и Байрона, пал жертвой ревности, злонамеренно доведенной до безумия».²²

Члены военно-судной комиссии, весь этот генералитет, в деле о поединке постоянно называли Пушкина камергером, а вдову его — камергершей, пока аудитор Маслов не сделал запрос в придворную контору о том, кто же все-таки Пушкин: камергер или камер-юнкер? Вот как, оказывается, решался болезненный для Пушкина вопрос о его общественном и государственном статусе.²³ Статус поэта был высок, с годами он повышался, и кому-то это явно не нравилось.

Таков внешний облик события, смысл которого все еще не прояснен. А его второй, мистический, план открывается, если *историографа* из оскорбительного диплома сопоставить с *историком не придворным* из «Гавриилиады» (в эпизоде, когда сатана оспаривает библейскую версию грехопадения Евы):

С рассказом Моисея

Не соглашу рассказа моего:

Он вымыслом хотел пленить еврея,

Он важно лгал, — и слушали его.

Бог наградил в нем слог и ум покорный,

Стал Моисей известный господин,

Но я, поверь, — историк не придворный,

Не нужен мне пророка важный чин!

(IV, 111)

«Адские козни», о которых твердил после разразившейся катастрофы князь Вяземский, — это не «происки самодержавия», как хотелось думать советским историкам. «Адские козни» — возможно, не метафора, а реальность. («Адские козни опутали их и остаются еще под мраком. Время, может быть, раскроет их»²⁴). Видел ли этот мистический план Пушкин? Думаю, что да. Да и трудно было не увидеть!

«Бывают странные сближения!». 27 января — день свадьбы родителей его жены, 30-летняя годовщина — семейная дата. В этот морозный январский день купола и кресты Благовещенской и Предтеченской церквей

¹⁷ Русский архив. 1908. Кн. 3. С. 264.

¹⁸ Русский архив. 1902. Кн. 1. С. 87.

¹⁹ Пушкинский сборник: Вып. V. М., 1906. С. 344.

²⁰ А. С. Пушкин. Переписка. М., 1982. Т. 2. С. 328.

²¹ Вестник всемирной истории. 1900. № 1. С. 101.

²² Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. М.; Л., 1928. С. 396.

²³ Наумов А. В. Посмертно подсудимый. М., 1992. С. 335.

²⁴ Русский архив. 1879. Кн. 2. С. 253.

сопровождали Пушкина на последнем пути на Черную речку и обратно. Зашел ли он перед поединком помолиться Царице Небесной, «от внезапных смерти, без покаяния и Святого Причащения избавляющей», испросить в последний раз прощения за оскорбленное им в молодости Благовещение, чтобы «Пречистая сердечно заступилась за него», как за его «рыцаря бедного»? Мы не знаем: ехавший с Пушкиным Константин Данзас, лицейский товарищ и секундант, скуп на подробности. Эти храмы останутся как последние тайные знаки духовного пути поэта, только ему ведомые, не доверенные никому: его лира уже молчала.

Были ему по дороге и другие приметы, символы. Навстречу с велико-светского зимнего катанья ехали жена, «представители света» и даже, как нарочно, именно тот, кто значился в гнусном анонимном пасквиле, — «непременный секретарь граф И. Борх». Жена была близорука («моя косая Мадонна»), он скользнул взглядом мимо, и знаменательна их не-встреча... О чете Борх язвительно отозвался. Данзас, кажется, не понял зловещего смысла этих встреч, спасибо — не забыл, отметил, словно для того, чтобы кто-нибудь их смог потом расшифровать.

Жизнь Пушкина, если судить по внешним обстоятельствам — 37 лет, дуэль, защита чести жены и своей, — была дописана по законам романтического жанра. (Вспомним тезис Ю. М. Лотмана: «Биография Пушкина как факт его творчества»). Но не поэт стал автором последнего акта своей жизненной трагедии: «Какая драма, какой роман, какой вымысел сравнится с тем, что мы видели! Когда автором выступает Провидение, оно выказывает такую силу воображения, перед которой ничтожны выдумки всех сочинителей, взятых вместе. Ныне оно раскрыло перед нами кровавые страницы, которые останутся памятными навеки. Проживи я тысячу лет, мне не уйти от впечатлений этих двух дней, считая с минуты, когда я узнал об его дуэли, и до его смерти».²⁵

Суждения религиозных философов и православных иерархов о кончине поэта достаточно единодушны. В. С. Соловьев: «...окончательное торжество духа в нем и его примирение с миром и Богом»;²⁶ архимандрит Константин (Зайцев): «Смерть Пушкина — особая тема, волнующая, возвышающая. На смертном одре проявилось во всей своей красоте духовное здоровье Пушкина. Не было в ней ни аффектаций, ни поэзы, ни сентиментальности, ни надрыва. И не была его смерть смертью праведника. То была смерть христианина, прожившего сложную, трудную, мятежную жизнь, но не ушедшего от Бога и сосредоточенно приближающегося к последнему пристанищу».²⁷ Выпадает из этого контекста, пожалуй, только видение о посмертной судьбе Пушкина оптинского старца Варсонофия.²⁸

Посмертная жизнь — тайна для живущих, но, может быть, есть сигналы оттуда, проявленные здесь на земле, в тех или иных событиях... Для загадочной судьбы Пушкина, наверное, безразличен тот факт, что в течение семидесяти безбожных лет на Руси многие люди могли узнавать о молитве преподобного Ефрема Сирина только из стихотворения Пушкина, внутри которого она словно была спрятана и сохранялась в благоговейном переложении поэта. Безразлично и то, что некоторые храмы восстанавливаются сейчас именем Пушкина. А также то, что два утраченных цер-

²⁵ Русский архив. 1900. Кн. 1. С. 397.

²⁶ Соловьев В. С. Судьба Пушкина // Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 37.

²⁷ Архимандрит Константин (Зайцев). Религиозная проблема Пушкина // Русский рубеж. 1991. № 7.

²⁸ Беседы старца Варсонофия с духовными детьми. Цит. по: Пушкинская эпоха и Христианская культура: Вып. X. СПб., 1996. С. 24.

ковных праздника возродились в нашей памяти благодаря подсказкам из биографии и творчества Пушкина. Так произошло с праздником Положения Ризы Господней в Москве в 1625 г. То же с почитанием Святого благоверного царевича Димитрия, древние церковные службы которому Пушкин положил в основу трагедии «Борис Годунов» (недавнее открытие доктора искусствоведения Н. С. Серegiной).

Душа Пушкина, как и душа всякого человека, нуждается в молитвах. Станем молиться за него и мы, уповая, что сбудутся слова святого старца, явившегося рабу Божию Александру за полтора года до кончины в «сновиденьи благодатном».

Чудный сон мне Бог послал:
С длинной белой бородою,
В белой ризе предо мною
Старец некий предстоял
И меня благословлял.
Он сказал мне: «Будь покоен,
Скоро, скоро удостоен
Будешь царствия небес.
Путник, ляжешь на ночлеге,
В пристань, плаватель, войдешь,
Бедный пахарь утомленный,
Отрешишь волов от плуга
На последней борозде...

Э. С. Лебедева

ПРОЩАНИЕ ПЕТЕРБУРГА С ПОЭТОМ

9 июня 1991 г. после 68-летней паузы начал возвращаться к богослужбной жизни некогда прекрасный придворный храм в центре северной столицы, — в убогой обстановке, с заменяющими иконостас фанерными цитами, с наклеенными на картон бумажными иконами.

Этому событию предшествовало двухлетнее противостояние верующих музейным специалистам, уже готовым воплотить давно вынашиваемый замысел устройства в Конюшенной церкви чего-то вроде «музея отпевания Пушкина». В тот период и вспомнили имя храма — как будто снова нарекли: он посвящен Нерукотворенному Образу Спасителя, первой в мире иконе. Оказалось, что точка завершения земного пути поэта и итоговое стихотворение о нерукотворном памятнике его поэзии сопряжены таинственной связью.

Храм Спаса Нерукотворного Образа на Конюшенной площади долгие годы был забытым «памятным» пушкинским местом, как ни дико звучит это словосочетание. Историческая память народа молчала. В настоящее время эта церковь внедряется в городской контекст, сложившийся для нее не лучшим образом: транспорт всех видов и марок, автохозяство, таксопарк — на площади узкой и длинной (в конце которой с юго-востока — еще один замечательный Спасский храм, более поздний).

Настало время для осмысления значения не только самой церкви, но и всего здания Императорского Конюшенного ведомства и пространства Конюшенной площади для нашей культуры в целом. Этот архитектурный ансамбль ведет свое начало от петровских времен и включает в себе

несколько исторических пластов, которые в нем и прочтываются. Повторяющие изгиб реки Мойки и формирующие узкую площадь приземистые корпуса стасовской постройки выходят к воде на севере и востоке (со стороны Мойки и со стороны Екатерининского канала), а на юге образуют площадь. Здание находится в естественной органической связи с ландшафтом, имеет сложную конфигурацию с многоугольным внутренним двором. Обобщенно оно смотрится как вытянутый овал, сломленный изгибом реки. Все это сильно напоминает что-то древнее, — скорее всего, характерное древнерусское архитектурно-пространственное образование типа крепости или кремля.

Во дворе, замкнутом низкими корпусами, как крепостной стеной, — несколько построек и сад, в настоящее время захиревший. В центре протяженного северного фасада, обращенного к реке, — огромный павильон с восьмигранной башней: административное здание бывшего Императорского ведомства. Архитектура его напоминает церковную, и не случайно: В. П. Стасов при перестройке в 1816—1823 гг. сохранил воспоминание о первоначальной церкви Конюшенного ведомства (1721 г.), выходившей на набережную Мойки.

Южный фасад, образующий Конюшенную площадь, увенчан надвратной церковью, так что крепость очень похожа на монастырь, и это знаменательно для пушкинской судьбы: великий поэт хотел быть похороненным в древнем, XVI в., монастыре, что и было сделано. Больше того, чин отпевания его совершили в Петербурге: в здании, архитектурный образ которого является «цитатой» древнерусских обителей.

Спорить не приходится, для христианина хороша любая церковь, и «Исакиевский собор, состоящий в Адмиралтействе», избранный первоначально для отпевания Пушкина, — в том числе. Но замена его на храм Спаса Нерукотворного Образа для поэта оказалась промыслительной.

Нерукотворенный Образ Спасителя — отпечатавшийся на холсте при Его жизни лик Иисуса Христа и... нерукотворный памятник поэзии! Впрочем, сравнение имело ведь и реальный план: рукотворный памятник — Александрийский столп, освященный 30 августа 1834 г. в присутствии народных толп и в отсутствие А. С. Пушкина, который выразил свое отрицательное отношение к императору Александру и рукотворным памятникам. («Церковь, а при ней школа полезнее колонны с орлом и с длинной надписью, которую безграмотный мужик наш еще долго не разберет»). И уж, конечно, не к самой дате 30 августа, т. е. Александрову дню, так как доподлинно известно, что поэт глубоко почитал Святого благоверного князя Александра Невского, Небесного покровителя древнего боярского рода Пушкиных.

Церковь Спаса на Конюшенной построена архитектором, который словно сопровождал Пушкина на его жизненном пути. Когда впервыеходишь в просторный светлый стасовский храм с колоннадой, то невольно вспоминается Большой зал Лицея, и возникает сравнение двух храмов: античного, уподобленного древнему Ликею, и православного, совмещающего в себе черты архитектуры христианского Запада и христианского Востока.

В годы перестройки Конюшенного ведомства и сам В. П. Стасов, и русская архитектура уже вставали на путь поисков национального стиля. «Из трагедии 14 декабря 1825 г. сторонники столкнувшихся политических концепций сделали свои выводы. Николай I принял решение положить конец копированию западно-европейской культуры, мышлению в катего-

¹ См.: *Мурьянов М. Ф.* Эпитет «нерукотворный»: Этюды о словоупотреблении Пушкина // Вопросы литературы. 1989. № 4. С. 212—213.

риях, целиком заимствованных извне, доходившему до того, что иные декабристы просили разрешения давать следственные показания по-французски, поскольку русский язык их затруднял.

Процесс обращения к национальным истокам захватил всю русскую культуру II четверти XIX века. В этом историческом почине непреходящая заслуга пушкинского поколения. Первые ощутимые последствия этой работы появились в архитектуре. Уже в 1827 г. объявлено высочайшее повеление „О воспрещении разрушать остатки древних зданий“, за ним последовали распоряжения об обмерах и изготовлении чертежей наиболее древних храмов по всей России и доставке этих материалов в столицу для анализа и обобщений — „на предмет составления образцовых чертежей для построения храмов по наилучшим и преимущественно древним образцам“. Первенцами рождавшегося неовизантийского стиля, который тогда назывался русско-византийским, были постройки В. П. Стасова, важнейшая из которых Десятинная церковь в Киеве (1828—1842), поставленная на фундаменте одноименного храма X века, а несколько ранее ее — церковь Александра Невского русской колонии в Потсдаме (1826—1829). (...) Свидетелем рождения неовизантийского стиля был Пушкин».²

Когда начинаешь вчитываться в архитектурные образы Императорского Конюшенного ведомства и площади, которым суждено было стать зримым символом прощания Петербурга с Пушкиным, то по-новому открываются связи пушкинской кончины с глубинными пластами русской жизни. Если бы Пушкина отпевали в «Исакиевском соборе, состоящем в Адмиралтействе», — а он, как известно, был устроен в корпусе, прилегающем к *Сенатской площади*, — то толпа, пришедшая проститься с поэтом, образовала бы историческую сцену, напоминавшую событие, участником которого Пушкин, по милости Божией, не стал и которое более чем неприятно было вспоминать императору Николаю. Среди причин замены церкви для отпевания эта, безусловно, стоит на первом месте.

1 февраля 1837 г. люди пришли на Конюшенную площадь, движимые не борьбой, не противостоянием, не желанием разрушать, мстить и т. д., но чтобы всенародно, соборно помянуть, оплакать общую потерю, проститься с национальным гением. Конюшенная площадь, прилегающие улицы и набережная Мойки были полны народом, люди сидели на крышах. Широко раскинутые крылья стасовской постройки словно обнимали огромную толпу. Если это и было похоже на что-нибудь знакомое современникам, так не на 14 декабря 1825 г., а на освящение Александровской колонны 30 августа 1834 г. И это было общее движение — не по приказу, но по зову души.

Николай I, четыре дня наблюдавший толпу на набережной Мойки у дома Волконских, тот Николай, которого мы себе рисовали, должен был бы все это прекратить и сразу же отправить гроб с телом Пушкина в глубь России, в Псковскую губернию, для отпевания и захоронения его в Святогорском Успенском монастыре — согласно завещанию. Но оборвать подобные чувства, не дать народу проститься с поэтом царь не считал возможным, хотя это его и нервировало, — какому властителю понравится «несанкционированное» народное собрание! Доказательством его волнений служит тот факт, что назавтра после отпевания «были вызваны 60 тысяч войск пехоты и кавалерии в полном боевом вооружении. Конюшенную улицу, единственный свободный доступ к Конюшенной церкви, заняли войсковыми обозами. Они полностью закрыли доступ к гробу Пушкина».³

² Там же.

³ *Яшин М. И.* Последние часы Пушкина // Нева. 1971. № 12. С. 198.

(Как известно, трое суток тело, до его увоза в Псковскую губернию, оставалось в заупокойном подвале церкви).

Есть одно, с виду косвенное доказательство того, что народная память сохранила прощание с Пушкиным. Через двадцать лет, в 1857 г. в Коношенной церкви служили панихиду по М. И. Глинке, умершему в Берлине. Останки его привезли в Россию только в мае, а в феврале на панихиду собралось столько народу, что некоторым это напомнило отпевание Пушкина. А. П. Керн объединила в своих воспоминаниях оба события: «Я на одном и том же месте плакала и молилась за упокой обоих! {...} Светлые лучи... падали прямо из алтаря на гроб Глинки...».⁴ Но гроба на сей раз не было.

* * *

Внешние обстоятельства гибели великого русского поэта выглядят вполне европейскими: рана, полученная на дуэли в столице, являющей собою «окно в Европу». Характерен список участников дуэли, ее провокаторов, несостоявшихся секундантов и даже лечащих врачей: Дантес, Геккерн, мистифицированный автор анонимного пасквиля — И. Борх, д'Аршиак, Артур Медженис, Данзас, Шольц, Саломон, Задлер, Арендт, Даль. Поразительно это скопление иностранных фамилий (при том, что у их носителей совершенно разные роли в пушкинской трагедии).

Общество болезненно реагировало на тот факт, что убийцей поэта оказался иностранец, да еще и француз: четверть века, минувшие со времени нашествия Наполеона, не такой большой срок, чтобы эта подробность была безразлична народу, о чем написал В. А. Жуковский в черновом письме к графу Бенкендорфу.⁵ «Клеветник России повалил автора „Клеветников России“», — сообщал бывший лицеист И. В. Малиновский бывшему лицеисту барону Корфу,⁶ установив внезапную связь между ультрапатриотическим стихотворением Пушкина и его гибелью. Оба корреспондента помнили, что в Лицее Александр Пушкин имел прозвище «Француз».

В конце века святитель Феофан, ныне причисленный Церковью к лику Святых, дал ответ на вопрос (специально к Пушкину его не прилагая): «Зачем это приходили к нам французы? Бог послал их истребить то зло, которое мы у них переняли. {...} Таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему».⁷ 1812 год был искуплением национального греха увлечения атеистической французской культурой. Не была ли гибель Пушкина эхом, продолжением этого искупления? Если так, то и здесь великий поэт оказался вместе со своим народом.

В русской лирике смерть поэта вызвала сразу же несколько откликов, и некоторые из них укоренены в народном творчестве («Лес» Кольцова, «Песня про купца Калашникова» Лермонтова). «Русская душою», подобно пушкинской Татьяне, Катерина Андреевна Карамзина, вдова историка, привыкла в переписке со своими корреспондентами употреблять французский. Но, сообщая о великой потере сыну Андрею в Париж, она нашла удивительные слова: «Закатилась звезда светлая, Россия потеряла Пушкина».⁸ Образованная дворянка XIX столетия словно обрела голос древней плакальщицы.

⁴ Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1989. С. 74.

⁵ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. М.; Л., 1928. С. 253.

⁶ Литературное наследство: Т. 58. М., 1952. С. 142.

⁷ Цит. по: Россия перед Вторым Пришествием // Материалы к очерку русской эсхатологии. Изд. Свято-Троицкой лавры, 1993. С. 39—40.

⁸ Цит. по: Кунин В. В. Последний год жизни Пушкина. М., 1988. С. 507.

Некролог, помещенный в «Литературных прибавлениях к „Русскому Инвалиду“», выразил чувство общей утраты в образах, чрезвычайно близких русскому православному сознанию. «Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!.. Более говорить о сем не имеем силы, да и не нужно; всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери и всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин! наш поэт! наша радость, наша народная слава!.. Неужели в самом деле нет уже у нас Пушкина! К этой мысли нельзя привыкнуть! 29-го января, 2 ч. 45 м. по полудни». Начальные слова некролога — «Солнце нашей поэзии закатилось» — звучали как парафраз «Слова» митрополита Кирилла, сказанного при известии о кончине Александра Невского.⁹ В Петербурге особенно благоговейно почитали Святого благоверного князя, и «Слово» у многих петербуржцев было на памяти: «Закатилось солнце земли Суздальской». Повтор не воспринимался как простой литературный прием талантливого писателя, но как обращение к корням, истокам русской жизни, а также к началу рода Радшичей и бояр Пушкиных, чьим потомком был Александр Сергеевич. Все это невольно выразил в пушкинском некрологе его автор князь Владимир Одоевский, сам из Рюриковичей, когда на него, при мысли о безмерной потере, вдруг нахлынули родимые образы Древней Руси. Но столь глубокая связь с ними великого поэта, в роду которого, оказывается, было двенадцать Святых,¹⁰ прославленных на Русской земле, только сейчас начинает открываться нашим современникам.

⁹ Житие Александра Невского // Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1981. (Цит. по: Невский проспект. 1990. № 1. С. 26).

¹⁰ Черкашин А. А. Прямые предки и потомки А. С. Пушкина // Слово. 1989. № 6.

Т. П. Волохонская

ДУЭЛИ ПУШКИНА И ЕГО ГЕРОЕВ

1

Тема дуэли в творчестве Пушкина в значительной степени автобиографична. Поэт был не только современником, но и участником многих поединков. «Пушкин всякий день имеет дуэли, — пишет Е. А. Карамзина П. А. Вяземскому 23 марта 1820 г. — Благодаря Бога, они не смертоносны, бойцы всегда остаются невредимы».¹ Письма, дневники, воспоминания передают нам шумную, даже скандальную известность Пушкина-дуэлянта. В некоторых рассказах взрывчатость поэта кажется анекдотичной. Если верить воспоминаниям Л. Н. Павлицева, Пушкин, едва выйдя из Лицея, во время посещения Михайловского вызвал на дуэль своего родственника и соседа П. И. Ганнибала. Ссора вспыхнула во время деревенского бала. «...Павел Исаакович в одной из фигур котильона отбил у него девицу Лошакову... Ссора племянника с дядей кончилась минут через десять мировой и новыми увеселениями...».²

¹ Вересаев В. В. Пушкин в жизни. М.; Л., 1932. Т. 1. С. 85.

² Там же. С. 62.

В 1818 г. произошла ссора между Пушкиным и Кюхельбекером. Н. И. Греч описал ее как шутивную: «Кюхельбекер вызвал Пушкина на дуэль. Пушкин принял вызов. Оба выстрелили, но пистолеты заряжены были клюквою, и дело кончилось ничем».³ П. И. Бартенев, опираясь на записи В. И. Даля, воссоздал события иначе: «Кюхельбекер взбесился и требовал дуэли. Никак нельзя было уговорить его. Дело было зимою. Кюхельбекер стрелял первый и дал промах. Пушкин кинул пистолет и хотел обнять своего товарища, но тот неистово закричал: „стреляй, стреляй!“ Пушкин насилу его убедил, что невозможно стрелять, потому что снег набился в ствол. Поединок был отложен, и потом они помирились».⁴

Отголоски этого поединка — в другой ситуации: «Пушкин и бар. М. А. Корф... жили в одном и том же доме; камердинер Пушкина, под влиянием Бахуса, ворвался в переднюю Корфа с целью завести ссору с камердинером последнего. На шум вышел Корф и, будучи вспыльчив, прописал виновнику беспокойства *argumentum baculinum* (побил палкой). (...) А. С. вспылил в свою очередь и, заступаясь за слугу, немедленно вызвал Корфа на дуэль. На письменный вызов Корф ответил также письменно: „Не принимаю вашего вызова из-за такой безделицы не потому, что вы Пушкин, а потому, что я — не Кюхельбекер“».⁵ Позднее Корф вспомнит о своем гениальном сверстнике желчно, непримиримо: «Вечно без копейки, вечно в долгах, иногда без порядочного фрака, с беспрестанными историями, с частыми дуэлями, в тесном знакомстве со всякими трактирщиками... и девками, Пушкин представлял тип самого грязного разврата».⁶ Вяземский, читая воспоминания, возразил: «Никакого особенного знакомства с трактирами в нем не было... а еще меньше грязного разврата». И в другом месте: «Пушкин был грешен, как все молодые люди».⁷

В поведении поэта сказывался естественный для Вяземского и непонятный для Корфа культ свободы. Люди пушкинского круга исповедовали свободу во всем: не только в политике, но и в любви, в общении, в манерах, что иногда придавало их поведению весьма странные формы. Вспомним театр тех лет, «где каждый, *вольностью* (курсив здесь и далее мой. — Т. В.) дыша, / Готов охлопать *entrechat*, / Обшикать Федру, Клеопатру, / Моину вызвать (для того, / Чтоб только слышали его)» (V, 14).

В 1818 г. из-за несовпадения театральных вкусов у поэта чуть было не случилась дуэль с майором Денисевичем. Обстоятельства их ссоры описаны в воспоминаниях И. И. Лажечникова: «Пушкин был в театре, где на беду судьба посадила его рядом с Денисевичем. Играли пустую пиесу, играли, может быть, и дурно. Пушкин зевал, шикал, говорил громко: „Несносно!“ Соседу его пиеса, по-видимому, очень нравилась. Сначала он молчал, потом, выведенный из терпения, сказал Пушкину, что он мешает ему слушать... Пушкин искоса взглянул на него и принялся шуметь по-прежнему. Тут Денисевич объявил своему неугомонному соседу, что попросит полицию вывести его из театра. „Посмотрим“, — отвечал хладнокровно Пушкин и продолжал повесничать».⁸ Денисевич назвал Пушкина «школьником». Поэт не стерпел обиды и вызвал майора на дуэль. Только

³ Там же. С. 74.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 84.

⁶ Там же. С. 120.

⁷ Там же. С. 476.

⁸ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х тт. М., 1974. Т. 1. С. 171—172.

благодаря стараниям писателя И. И. Лажечникова, свидетеля дуэльных переговоров, дело удалось уладить.

В VIII главе «Онегина» Пушкин вспоминал свое мироощущение в молодые годы: «И я, в закон себе вменяя/Страстей единый произвол...» (V, 143). Эта романтическая ориентация на безудержность натуры диктовала и дуэльную легкость; отсюда — чрезвычайно широкое распространение поединков в конце 1810 — начале 1820-х годов: «Здорово, рыцари лихие/Любви, свободы и вина!/Для нас, союзники младые,/Надежды лампы зажжена!» (I, 345). Так Пушкин обращался к своим приятелям по «Зеленой лампе» — вольнолюбивому литературному обществу тех лет. Среди «лампистов» — известные дуэлянты Каверин, Щербинин; близким другом создателя общества Всеволожского был участник многих дуэлей Якубович. Частые поединки — так же, как «любовь, свобода и вино», — видимо, усиливали праздничное ощущение жизни. Не только память о недавней войне обостряла в молодых честолюбцах чувство внутреннего подъема, расцвета жизненных сил: «В наше время буйство было в моде: я был первым буйном по армии, — вспоминает пушкинский Сильвио из повести «Выстрел». — Мы хвастались пьянством: я перепил славного Бурцова, воспетого Денисом Давыдовым. Дуэли в нашем полку случались поминутно: я на всех бывал или свидетелем, или действующим лицом» (VI, 62).

В 1820 г. в поэме «Кавказский пленник» Пушкин впервые коснулся темы поединка: «Невольник чести беспощадной,/Вблизи видал он свой конец,/На поединках твердый, хладный,/Встречая гибельный свинец» (IV, 91). Дуэли представлены в поэме как пленительное проявление избытка сил, как захватывающая игра: «Любил он прежде игры славы/И жаждой гибели горел». Однако эта игра уже недоступна Пленнику. Герой опустошен страстями, он «...бурной жизнью погубил/Надежду, радость и желанье». В прошлом дуэлянт, теперь он равнодушен даже к «кровавым забавам горцев». Осенью 1822 г. Пушкин поясняет характер Пленника в письме к В. П. Горчакову: «Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века» (X, 43).

Жестокость дуэли, возможная смерть одного из противников — все это до поры до времени не волнует Пушкина; страшной кажется лишь утрата постоянной готовности драться. Через несколько лет тема поединка возникнет в «Онегине» уже совсем в другом ключе.

2

Ранние замыслы «Евгения Онегина» нам не известны, и нет возможности точно установить, когда именно Пушкин решил ввести в свой роман поединок. Судя по воспоминаниям, это был заранее обдуманый и любимый автором план. Адам Мицкевич — видимо, со слов самого Пушкина — говорил в своих лекциях о поэте: «Замечательно, как, продолжая Онегина и задумав поссорить его с Ленским, Пушкин был сильно озабочен поединком, к которому ссора эта должна была повести. В этой заботе есть в самом деле какое-то тайное предчувствие. С другой стороны, есть в ней и признак подвластности его Байрону. Он боялся, что певец „Дон-Жуана“ упредит его и внесет поединок в поэму свою. Пушкин с лихорадочным смущением выжидал появления новых песней, чтобы искать в них оправдания или опровержения страха своего. Он говорил, что после Байрона никак не осмелится вывести в произведении бой противников. Наконец, убедившись, что в „Дон-Жуане“ поединка нет, он зарядил два пистолета и вручил их сегодня двум врагам, вчера еще двум приятелям. Заботы

поэта не пропали. Поединок в поэме его — картина в высшей степени художественная; смерть Ленского, все, что поэт говорит при этом, может быть, в своем роде лучшие и трогательнейшие из стихов Пушкина».⁹

У Байрона не случайно нет поединка: в то время в Англии дуэль была уже редкостью. В России же, напротив, она была настолько значимой чертой жизни, что Пушкин даже не представлял себе рассказа о своих современниках — тем более о людях романтического склада — вне дуэльной темы. Отсюда его ожидание найти поединок в «Дон-Жуане».

В пушкинском романе стреляются два очень разных романтика: пылкий Ленский «верит мира совершенству»; Онегин, напротив, разочарован, скепичен. Автору близки оба героя. Мицкевич верно выразил эту особую лирическую стихию «Онегина»: «Пушкин, начитавшись романами, разделявший чувства друзей своих, молодых, заносчивых либералов, ощущает жестокою пустоту обманов: оттого и разочарование его ко всему, что есть великое и прекрасное на земле, и Пушкин, рисуя байрониста, делает свой собственный портрет. Пушкин был таков. Другая личность романа, молодой русский с распущенными волосами, поклонник Канта и Шиллера, энтузиаст и мечтатель, тоже Пушкин в одну из эпох жизни его».¹⁰ Не потому ли так драматична в «Онегине» сцена дуэли, что конфликт героев в пушкинском восприятии соотнесен с внутренним разладом своей души, с несовместимостью прошедшей юности с наступающей зрелостью? В романе чрезвычайно важны не только приятельские отношения Онегина и Ленского, но и их резкая несхожесть, подобная контрасту стихий: «Они сошлись. Волна и камень, / Стихи и проза, лед и пламень / Не столь различны меж собой» (V, 36).

В связи с дуэлью важнейшей фигурой повествования становится секундант Ленского.

Зарецкий, некогда буян,
Картежной шайки атаман,
Глава повес, трибун трактирный,
Теперь же добрый и простой
Отец семейства холостой,
Надежный друг, помещик мирный
И даже честный человек:
Так исправляется наш век!

(V, 104)

В Зарецком узнают реальные черты Ф. И. Толстого — одного из знаменитых буянов эпохи. Личность Толстого занимала современников. Молодым офицером он принял участие в кругосветном плавании адмирала Крузенштерна, но за аморальное поведение был высажен на берег русской колонии в Северной Америке. Дважды разжалованный за дуэли в солдаты, Толстой ратником участвовал в войне 1812 г., получил Георгиевский крест и вернул офицерское звание. Обладатель больших дарований, блистательный остролов и собеседник, удачливый и не всегда честный игрок, дуэлянт с самой зловещей славой, убивший одиннадцать человек, он был живым воплощением безудержной романтической натуры, привлекаая этим многих, в том числе и Пушкина. В 1820 г. на юге поэт узнал о каких-то негативных отзывах о нем Толстого. Тот распространял оскорбительный для Пушкина слух, будто поэта высекли в тайной канцелярии. Так сложилась одна из самых серьезных в жизни поэта дуэльных ситуаций, на этот раз — с

⁹ Там же. С. 146.

¹⁰ Там же.

лихим и опасным противником. Ссылный Пушкин готовился к поединку с Толстым шесть лет. В 1826 г. враги встретились в Москве, объяснились и примирились. К этому времени свою литературную месть в «Онегине» Пушкин уже осуществил. Некоторые строки о Зарецком прочитывались как строки о Ф. И. Толстом:

Бывало, он трунил забавно,
Умел морочить дурака
И умного дурачить славно,
Иль явно, иль исподтишка,
Хоть и ему иные штуки
Не проходили без науки,
Хоть иногда и сам впросак
Он попадался, как простак.

(V, 105)

Культ страстей сочетается в Зарецком с мелкой расчетливостью, яркость — с ограниченностью.

Умел он весело поспорить,
Остро и тупо отвечать,
Порой расчетливо смолчать,
Порой расчетливо повздорить,
Друзей поссорить молодых
И на барьер поставить их...

Вновь, как в «Кавказском пленнике», Пушкин обнажает в дуэли игровое начало, только на этот раз «кровавые забавы» лишены в его глазах всякой поэзии. Роковая роль Зарецкого в дуэли со всей определенностью высвечивает главную опасность романтической ориентации на яркость природы, порой она давала страшные результаты. Вполне разгадавший Зарецкого Онегин все же оказывается пешкой в его руках, навлекая на себя порицание автора:

...Евгений,
Всем сердцем юношу любя,
Был должен оказать себя
Не мячиком предрассуждений,
Не пылким мальчиком, бойцом,
Но мужем с честью и умом.

(V, 107)

Однако уже в следующей строфе слово «честь» употреблено совсем в другом смысле и с иной интонацией. Онегин размышляет о невозможности отказаться от поединка:

Уж поздно; время улетело...
К тому ж — он мыслит — в это дело
Вмешался старый дуэлист;
Он зол, он сплетник, он речист...
Конечно, быть должно презренье
Ценой его забавных слов,
Но шепот, хохотня глупцов...
И вот общественное мнение!
Пружина *чести*, наш кумир!
И вот на чем вертится мир!

Пушкин сталкивает две разные шкалы ценностей, существующие в обществе. Здесь уместно вспомнить опыт пушкинского общения с человеком ред-

костных представлений о чести — П. Я. Чаадаевым. Еще в ранней молодости Чаадаев поразил поэта способностью подняться над бурным веком и критически осмыслить его обычаи — в том числе обычай поединка. Близко знавший Чаадаева М. И. Жихарев вспоминал: «...без малейшего затруднения... он мог отказаться от дуэли... ему предложенной довольно знатным лицом, приводя причину отказа правила религии и человеколюбия и простое нежелание».¹¹ В отличие от Чаадаева Пушкин не удержался на этой высоте.

В пушкинской дуэльной практике дело не доходило до выстрела: противников обычно примиряли секунданты; бывали случаи, когда поэт стрелял в воздух. Однако его кишиневская дуэль с полковником Старовым могла стать кровавой. Повод был самый незначительный. В казино какой-то молодой офицер заказал кадрили, а Пушкин почти одновременно с ним — мазурку. Музыканты послушались Пушкина, — видимо, как частого посетителя. Полковник Старов, наблюдавший сцену, почел себя оскорбленным за офицера, своего подчиненного, и вызвал Пушкина. И. П. Липранди описал подробности этой дуэли: «Погода была ужасная: метель до того была сильна, что в нескольких шагах нельзя было видеть предмета... Первый барьер был на шестнадцать шагов: Пушкин стрелял первый и дал промах, Старов тоже и просил зарядить и сдвинуть барьер. (...) Барьер был определен — на двенадцать шагов, и опять два промаха. Оба противника хотели продолжать, сблизив барьер, но секунданты решительно воспротивились, и так как нельзя было примирить их, то поединок отложен до прекращения метели».¹² Впоследствии дуэлянты примирились, но засылающая стихия поединка была испытана Пушкиным. Не случайно особое, как бы бездумное поведение человека в дуэльной ситуации жестко зафиксировано в романе. Ответ Онегина Зарецкому — почти автоматический:

Онегин с первого движенья,
К послу такого порученья
Оборотась без лишних слов
Сказал, что он *всегда готов*.

(V, 106)

Среди знакомых Онегина Пушкин называет Каверина — известного гусара, вольнодумца, остролова и повесу. Его присутствие в романе — лаконичная и очень важная характеристика круга, где провели свою юность и Онегин, и сам Пушкин. П. П. Каверин был причастен к так называемой четверной дуэли, широко известной в кругах разгульной петербургской молодежи. Молодой кавалергард В. В. Шереметев был в связи со знаменитой балериной Авдотьей Истоминой. В момент их ссоры А. С. Грибоедов привез Истому на квартиру к своему приятелю Завадовскому. Шереметев вызвал на дуэль графа Завадовского, а приятель Шереметева Якубович — Грибоедова, как участника интриги. Каверин был секундантом Шереметева. Цинизм его поведения на поединке отметили очевидцы: «Когда Шереметев упал и стал в конвульсиях нырять по снегу, Каверин подошел и сказал ему прехладнокровно: „Вот тебе, Васька, и редька“».¹³

В пушкинском романе, кроме Каверина, незримо присутствует еще один участник четверной дуэли — А. С. Грибоедов. Для Грибоедова смерть приятеля Васи Шереметева и собственная причастность к ней стали трагедией. Близкий друг драматурга С. Н. Бегичев свидетельствует: «Я был в отсут-

¹¹ Русское общество 30-х годов XIX века. Люди и идеи: Мемуары современников. М., 1989. С. 62.

¹² Вересаев В. В. Указ. соч. С. 122.

¹³ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 214.

ствии, и Грибоедов писал ко мне в Москву, что на него нашла ужасная тоска, он видит перед глазами умирающего Шереметева, и пребывание в Петербурге сделалось для него невыносимо».¹⁴ Грибоедов ищет забвения на дипломатической службе в Персии; пушкинский Онегин, «убив на поединке друга», пускается в странствия: «Оставил он свое селенье, / Лесов и нив уединенье, / Где окровавленная тень / Ему являлась каждый день...» (V, 147). Но даже пережив как потрясение смерть Шереметева, Грибоедов не находит в себе сил отказаться от дуэли с Якубовичем; как и Онегин, Грибоедов — дуэлянт поневоле.

Знал ли Пушкин о внутренней драме своего тезки-поэта? Ответить трудно. Но переключки в дуэльных переживаниях героя и известного драматурга знаменательны: вопросы, поднятые в романе, ставила жизнь. Многие строки «Онегина» пронизаны отрицанием дуэли как таковой. Иронично подан в романе и сам дуэльный кодекс, и его апологет Зарецкий:

В дуэлях классик и педант,
Любил методу он из чувства,
И человека растянуть
Он позволял — не как-нибудь,
Но в строгих правилах искусства,
По всем преданьям старины
(Что похвалить мы в нем должны).
(V, 112)

Онегин выбирает в секунданты слугу: это демонстративное пренебрежение к процедуре дуэли созвучно пушкинским настроениям и оценкам. Однако есть в романе строки, свидетельствующие о том, что автор не может вполне отрешиться от восприятия дуэли как живого и азартного способа проучить оскорбителя:

Приятно дерзкой эпитафией
Взбесить оплошного врага;
.....
Еще приятнее в молчанье
Ему готовить честный гроб
И тихо целить в бледный лоб
На благородном расстоянии...
(V, 115)

Оказывается, дуэль все еще влечет остротой ощущений; останавливает лишь возможность убить человека: «Но отослать его к отцам / Едва ль приятно будет вам».

Эта воображаемая ситуация прорисована Пушкиным в ледящих душу подробностях:

Скажите: вашу душу
Какое чувство овладеет,
Когда недвижим, на земле
Пред вами с смертью на челе,
Он постепенно костенеет,
Когда он глух и молчалив
На ваш отчаянный призыв?

Заканчивая первую главу романа, Пушкин писал: «Противоречий очень много, / Но их исправить не хочу». В теме дуэли — как и во всем романе —

¹⁴ Там же. С. 27.

живое единство разных, казалось бы, несовместимых ракурсов восприятия. Здесь важен и восторженный взгляд Ленского: «Он верил, что друзья готовы/За честь его приять оковы,/И что не дрогнет их рука/Разбить сосуд клеветника» (V, 34).

Острота и одновременно неразрешимость нравственной проблематики поединка — таковы художественные выводы «Онегина».

3

«Чем кончился „Онегин“? — Тем, что Пушкин женился», — это суждение Анны Ахматовой¹⁵ иронично, но и серьезно: роман действительно вывел и героев и автора к необходимости жизненной прозы. По-новому открывается реальность и не вовремя влюбившемуся Онегину, и Татьяне, чье будущее определено теперь неромантическим замужеством, и самому автору:

Другие дни, другие сны;
Смирились вы, моей весны,
Высокопарные мечтанья,
И в поэтический бокал
Воды я много подмешал.

(V, 174)

Прощаясь с романтической молодостью, Пушкин оставлял позади и «дуэльную легкость», в его восприятии — черту холостого, беспечного быта. Так, в 1835 г., по свидетельству А. Н. Вульфа, Пушкин, провожая своего брата Льва на Кавказ, «...говорил шутя, чтобы Лев сделал его наследником, потому что все случаи смерти на его стороне; раз, что он едет в край, где чума, потом — горцы и, наконец, как военный холостой человек, он может быть еще убитым на дуэли».¹⁶

С конца 1820-х годов у Пушкина — длительный перерыв в дуэльной практике. Однако тема поединка его не отпускает. Один за другим появляются образы дуэлянтов в болдинскую осень 1830 г., когда рождаются «Выстрел», «Каменный гость», «Скупой рыцарь».

В преддверии женитьбы, осмысляя поворот к новой, «обыкновенной» жизни, Пушкин с напряженным вниманием всматривается в мир страстей. Его героям, созданным в Болдине, присущ максимализм в переживаниях и поступках, а где безудержность — там и дуэли. Два эпиграфа — из Баратынского («Стрелялись мы») и из Бестужева-Марлинского («Я поклялся застрелить его по праву дуэли») — сразу намечают тему «Выстрела». Повод к поединку главных героев едва обозначен Пушкиным: это какая-то плоская грубость, сказанная Сильвио графу. Истинная причина вражды — не в скандальной ситуации, а в контрастах этих по-разному ярких натур. Прототипом Сильвио справедливо считают хорошего знакомого Пушкина по Кишиневу И. П. Липранди. «Повесть... сообщена... Белкину, как известно, подполковником И. Л. П. (чин и переставленные инициалы Липранди!). Сильвио очень напоминает реального Липранди: иностранное имя, характер, бретерство, возраст (30 — 35 лет). Сильвио бывший военный, и Липранди с ноября 1822 года в отставке. У Сильвио играют в карты — и к Липранди... собиралась вся военная молодежь...».¹⁷ Сходство несомненное. И все же Липранди — не единственный и, может быть, не главный прототип Сильвио. Куда важнее

¹⁵ Ахматова А. А. О Пушкине. Л., 1977. С. 188.

¹⁶ А. С. Пушкин в воспоминаниях... Т. 1. С. 4.

¹⁷ Эйдельман Н. Я. Вступительная статья и комментарии // Болдинская осень. Стихотворения... написанные А. С. Пушкиным в селе Болдине. М., 1974. С. 187.

более скрытое сходство героя с автором. «...Я привык первенствовать, но смолоду это было во мне страстию», — так определил Сильвио свой характер (VI, 62). А вот как высказался о Пушкине реальный Липранди: «Самолюбие его было без пределов: он ни в чем не хотел отставать от других». ¹⁸ Всегдашняя пушкинская ранимость в Кишиневе была особенно сильна. Связано это не только с индивидуальными чертами поэта, но и с общим состоянием культуры тех лет. «Наше общество так еще устроено, что величайший художник без чина становится в официальном мире ниже последнего писаря», — утверждает пушкинский современный писатель В. А. Соллогуб. ¹⁹ В кишиневской ссылке — при малом чине, почти без средств — Пушкин остро ощущал свое двусмысленное положение поэта. Он «...был пылок и раздражителен от каждого неприятного слова... дорожил чистотой мнения о себе», — так вспоминал о Пушкине его приятель по Кишиневу беллетрист А. Ф. Вельтман. ²⁰ Изнуряющая готовность Сильвио везде видеть обиду и обороняться была глубоко пережита самим поэтом.

Но и в баловне счастья, графе, тоже пушкинские черты! Граф — первый по рождению, без всякой борьбы: «Вообразите себе молодость, ум, красоту, веселость самую бешеную, храбрость самую беспечную, громкое имя, день-ги, которым не знал он счета и которые никогда у него не переводились...» (VI, 62). Пушкин никогда не считал себя красивым, его социальное положение было шатким, денег не хватало. И все же природная сверходаренность брала свое и выплескивалась в свободной игре жизненных сил, во внешности, в манерах. Бывали ситуации, когда окружающие Пушкина люди, невольно сравнивая себя с поэтом, испытывали чувство ущемленной гордости, как Сильвио в присутствии графа. Московский знакомый Пушкина артиллерийский офицер граф В. Д. Соломирский так остро пережил масштаб пушкинской личности, что чуть ли не из-за этого вызвал поэта на дуэль. В 1827 г. Пушкин нередко встречался с ним в доме князей Урусовых. По воспоминаниям современника, Соломирский был «человек образованный, хорошо знавший английский язык, угрюмый поклонник поэзии Байрона и скромный подражатель ему в стихах». Он был влюблен в одну из дочерей князя, и Пушкин, видимо, весьма невыгодно оттенял его таланты. Поэт у Урусовых «бывал весел, остер и словоохотлив. В рассказах, импровизациях и шутках бывал в это время неистощим». Любопытно, что во время своих посещений Пушкин сблизился с Соломирским и даже подарил ему том Байрона с теплой надписью. «Тем не менее ревнивый и крайне самолюбивый Соломирский чем чаще сходил с Пушкиным, тем становился угрюмее и холоднее к своему приятелю». ²¹ Кончилось дело тем, что, придравшись к пустяку, Соломирский прислал Пушкину вызов. Дело с трудом уладили секунданты.

Поэт изнутри знал и переживания Сильвио, и внутренний мир графа: оба жили в его душе. Поведение графа на первой дуэли с Сильвио — «Он стоял под пистолетом, выбирая из фуражки спелые черешни и выплевывая косточки...» (VI, 63) — заставляет вспомнить одну происшедшую в Кишиневе пушкинскую дуэль. Офицер Генерального штаба Зубов играл вместе с Пушкиным в карты, и поэт обвинил его в нечестной игре. Зубов вызвал его. «По свидетельству многих... на поединок... Пушкин явился с черешнями и завтракал ими, пока тот стрелял. Зубов стрелял первый и не попал. „Довольны вы?“ — спросил его Пушкин, которому пришел черед стрелять. Вместо того, чтобы

¹⁸ Вересаев В. В. Указ. соч. С. 120.

¹⁹ А. С. Пушкин в воспоминаниях... Т. 2. С. 298.

²⁰ Там же. Т. 1. С. 280.

²¹ Вересаев В. В. Указ. соч. С. 230—231.

требовать выстрела, Зубов бросился с объятиями. „Это лишнее,” — заметил ему Пушкин и, не стреляя, удалился». ²²

Манера Сильвио-дуэлянта тоже несет в себе много пушкинского. В самой ситуации отложенного поединка узнается затянувшаяся ссора поэта с Ф. И. Толстым. Пушкин наделил Сильвио собственной привычкой стрелять в стены, тренируя руку. Как и в «Онегине», в «Выстреле» словно бы сходятся две половинки авторской души. Эта модель отношений Пушкина к героям-дуэлянтам то с большей, то с меньшей отчетливостью сохраняется и в других его произведениях.

В «Скупом рыцаре» едва остановлен поединок между Бароном и его сыном. Пушкину чрезвычайно близок Альбер, страдающий от недостатка средств и скупости отца: в литературных и дружеских кругах Сергей Львович Пушкин славился своей скупостью (может быть, именно поэтому Александр Сергеевич долго не решался печатать «Скупого рыцаря»). Однако и внутренний мир Барона — искаженный, большой, но вместе с тем мощный — тоже соотнесен с авторским началом. «Я царствую!.. Какой волшебный блеск! / Послушна мне, сильна моя держава...» (V, 297). Как-то очень непросто, не впрямую, но эти слова соотносятся с другими пушкинскими стихами того же года, обращенными к Поэту:

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любовных дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.
Они в самом тебе...

(III, 165)

Своя свобода есть и у Барона:

Мне все послушно, я же — ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;
Я знаю мощь мою: с меня довольно
Сего сознания...

(V, 296)

Кровная связь поэта с героями-дуэлянтами особенно ощутима в «Каменном госте». Лирической струе в этой трагедии Ахматова посвятила целую статью. Она показала, как созвучны пушкинской душе оба враждующих героя — Дон Гуан и Командор. Дон Гуан — испанский гранд, что заставляет нас вспомнить об аристократизме Пушкина; кроме того, Гуан — поэт: его стихи, положенные на музыку, поет Лаура. «Сама ситуация завязки трагедии очень близка Пушкину. Тайное возвращение из ссылки — мучительная мечта Пушкина 20-х годов». ²³ Из-за чего же еще до начала трагедии Дон Гуан убил на поединке Командора? Повода этой дуэли Пушкин даже не сообщает: это не важно. Дуэлянты противостоят друг другу прежде всего по диаметральному несходству своих характеров, а раз так — их столкновение продолжается даже после физической смерти Командора. Ахматова пишет: «Мы имеем все основания рассматривать Командора, как одно из действующих лиц трагедии „Каменный гость”. У него есть биография, характер, он действует. Мы даже знаем его внешность: он „мал был, худощав...”. Но всего удивительнее, что в письме к матери Н. Н. Гончаровой от 5 апреля 1830 года Пушкин пишет: „Бог мне свидетель, что я готов умереть за нее; но умереть для того, чтобы оставить

²² Там же. С. 121.

²³ Ахматова А. А. Указ. соч. С. 94.

ее блестящей вдовой, вольной на другой день выбрать себе нового мужа, — эта мысль для меня — ад».²⁴

Не только в «Каменном госте» — везде, где есть дуэли, Пушкин, вскрывая предельно обостренные конфликты своих героев, обнажает одновременно и противоборство в собственной душе. Его гармония — это всегда гармония, сотканная из противоречий. «Пылкость его души в слиянии с ясностью ума образовала из него это необыкновенное, даже странное существо, в котором все качества приняли вид крайностей», — так вспоминал о Пушкине проницательный П. А. Плетнев.²⁵

4

Прослеженная нами особенность отношений Пушкина к своим героям-дуэлянтам в «Капитанской дочке» как будто бы дает сбой: уж очень неприятен Пушкину Швабрин. Однако схожая с авторской внешностью Швабрина — он «невысокого роста, с лицом смуглым и отменно некрасивым, но чрезвычайно живым» (VI, 277) — заставляет думать, что связь Пушкина с этим персонажем полнокровнее, чем это кажется на первый взгляд. Любопытно, что в более ранних планах неосуществленного поэтом «Романа на Кавказских водах» действовал похожий на Швабрина герой — Кубович. Пушкин предполагал вывести в романе и его соперника в любви — Гранева (почти Гринева). Дело происходит на Кавказе; Кубович предает Гранева черкесам. В последнем варианте плана Пушкин пишет о Граневе: «Он освобожден (казачкою черкешенкою) и является на воды. Дуэль. Якубович убит» (VI, 544).

В черновиках Пушкина — то Кубович, то Якубович. Связь вымышленного персонажа с реальным А. И. Якубовичем очевидна. Конечно, связь непрямая. Якубович был человеком другой судьбы: он был осужден на вечную каторгу в Сибирь за участие в восстании декабристов. Вместе с тем поведение Якубовича во время восстания, видимо, заставило Пушкина почувствовать в нем потенциального предателя. 14 декабря Якубович появляется то в стане мятежников, то среди сторонников императора Николая, вызывая недоумение в обоих лагерях. Возможно, в этом была какая-то политическая игра, но об истинных планах декабриста можно только строить догадки. Надо полагать, Пушкин не простил ему этой двойственности.

Создавая образ Швабрина, Пушкин художнически осудил не только поведение Якубовича, но и свою былую приверженность к людям такого типа — ультраромантическим натурам, способным на «произвол страстей». В молодости Якубович не просто занимал Пушкина, он вызывал в нем зависть. В ноябре 1825 г. поэт писал А. А. Бестужеву: «... вот поэзия! не Якубович ли, герой моего воображенья? Когда я вру с женщинами, я их уверяю, что я с ним разбойничал на Кавказе, простреливал Грибоедова, хоронил Шереметева etc. — в нем много, в самом деле, романтизма» (X, 148).

В 1825 г. поэт уже отходит от безудержной лихости, но все еще не прочь порой «встать на котурны», прослыть жестоким. Со временем некоторые зловещие черты романтизма все больше открываются Пушкину. Его Швабрин — романтик, любовь к женщине — главное содержание его жизни. Однако способность к предательству убивает всякое обаяние этого героя.

Надо сделать над собой усилие, чтобы заметить: при всех различиях Гринев и Швабрин во многом похожи. Оба любят одну женщину. Оба поэты: Швабрин — ученик Тредиаковского, стихи Гринева впоследствии будет хвалить Сумароков. Но в глазах позднего Пушкина причастность к

²⁴ Там же. С. 107.

²⁵ А. С. Пушкин в воспоминаниях... Т. 2. С. 254.

искусству — так же, как и участие в дуэлях, — не является обязательным признаком благородства; поэтами могут быть и низкие люди, а благородного Гринева вызывает на дуэль неблагородный Швабрин. Как это далеко от давнего пушкинского определения поединков в «Кавказском пленнике»!

Знаменательная деталь: если в «Романе на Кавказских водах» автор собирался убить Кубовича, то Швабрин даже не ранен. Случайно — из-за внезапного окрика Савельича — Гринева оказывается не победителем, а побежденным. Точно так же «случайно» в дни восстания он будет чудом огражден от кровопролития: от руки Гринева никто не погибнет! Спасая не только жизнь, но и душу Гринева, автор своей волей «подправит» сцены дуэли и войны, помогая герою выйти с честью из этих жестоких ситуаций. И здесь, конечно, скрытый протест позднего Пушкина против всяких кровопролитий, в том числе и дуэльных.

Пушкин начал обдумывать будущую «Капитанскую дочку» еще в 1833 г., писал ее на протяжении трех лет, но особенно — летом и осенью 1836 г., уже имея за плечами исключительный по напряженности рецидив дуэльной практики: в феврале этого года в его жизни наметились почти одновременно три поединка!

Столкновения с С. С. Хлюстиным и князем Н. Г. Репниным возникли по незначительным поводам; юный граф В. А. Соллогуб «провинился», сказав на балу Наталье Николаевне какую-то неловкую фразу. Все три истории благополучно разрешились: с Хлюстиным и Соллогубом — при посредничестве секундантов; Репнин же в ответ на решительное, похожее на вызов письмо поэта отвечал достойно, вежливо и церемонно, и сам разрешил ситуацию. Как поражает, однако, готовность стреляться, вдруг вновь открывшаяся в зрелом Пушкине! При том понимании дуэли, что сформировалось в итоге у поэта, странно стреляться из-за неудачной фразы! В этой парадоксальной неуравновешенности Пушкина выразилось его тяжелое душевное состояние осенью 1836 г.

4 ноября в жизни поэта вновь возникла дуэльная ситуация, последняя для него. Он получил анонимный пасквиль, где его причислили к ордену рогоносцев. По воспоминаниям Соллогуба, первая реакция Пушкина была хладнокровной: «Пушкин сказал мне: „...безмянным письмом я обижаться не могу. Если кто-нибудь сзади плюнет на мое платье, так это дело моего камердинера вычистить платье, а не мое. Жена моя — ангел, никакое подозрение коснуться ее не может“... Он, казалось, хотел оставить все дело без внимания».²⁶ Однако уже вечером вызов Дантесу был послан.

Была ли эта дуэль обязательной с точки зрения человека пушкинского круга? Жуковский, например, так не считал: «...ради Бога, одумайся. Дай мне счастье избавить тебя от безумного злодейства, а жену твою от совершенного посябления...».²⁷ Вяземский, вспоминая Пушкина в преддуэльные дни, писал: «Он с нами не советовался, и какая-то судьба постоянно заставляла его действовать в неверном направлении».²⁸

Может быть, прежде всего именно в ответ на это неприятие близких Пушкин в январе 1837 г. в известной мистификации «Последний из свойственников Иоанны д'Арк» представил дуэль как необходимую людям и благородную форму протеста. Герой мистификации, английский журналист, приводит в печати якобы недавно найденную переписку дальнего родственника Жанны д'Арк г-на Дюлиса с Вольтером. Дюлис вызывает Вольтера на дуэль из-за «Орлеанской девиственницы», только что им прочитанной.

²⁶ А. С. Пушкин в воспоминаниях... Т. 2. С. 211.

²⁷ Вересаев В. В. Указ. соч. Т. 2. С. 218.

²⁸ Там же. С. 295.

По мнению Дюлиса, «это сочинение преисполнено... грубых ошибок... и нелепою клеветою...» (VII, 350). Вольтер от поединка отказывается. Комментируя этот инцидент, журналист размышляет о нравах Франции тех лет, воспринявшей саркастическую книгу Вольтера с восхищением и благодарностью: «Никто не вздумал заступиться за честь своего отечества; и вызов доброго и честного Дюлиса, если бы стал тогда известен, возбудил бы неистощимый хохот... Жалкий век! жалкий народ!» (VII, 352).

Одиночество, непонимание, окружающее ярких людей, — важнейшая и глубоко личная тема пушкинской лирики 30-х годов.

О люди! жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколеньи
Поэта приведет в восторг и в умиленьи!

(III, 302)

В «Последнем из свойственников...» достоинство человека и его готовность к дуэли как будто бы неразрывно соединены. Такова позиция Дюлиса — и Пушкина.

Но и у Вольтера — каким он представлен в мистификации — своя близость с автором. Вольтер не признает себя создателем «Орлеанской девственницы» — сам Пушкин под страхом суда в 1828 г. отказался от «Гавриилиады». Пушкинский Вольтер пишет: «Могу вас уверить, что я никоим образом не участвовал в составлении глупой рифмованной хроники... Европа наводнена печатными глупостями, которые публика великодушно мне приписывает» (VII, 351). Это — почти точное поведение поэта в 1828 г.

Как всегда у Пушкина, позиции обоих противников созвучны его личному опыту. Ответ Вольтера скрывает горчайшую самоиронию автора, его понимание относительности всякого — даже правдивого и верного — взгляда на жизнь. Развитие дуэльной темы у Пушкина показывает невозможность для поэта поделить людей на безусловно правых и виноватых.

Это — в творчестве. А в жизни Пушкин всеми силами устремлен к поединку. И причина тут, наверное, не только в низости непосредственных противников — Геккерна и Дантеса — и даже не в светской травле, обрушившейся на поэта. Сказывалось и внутреннее состояние Пушкина: многие ощущали в нем в эту пору жажду смерти. Соллогуб заметил: «Он в лице Дантеса искал смерти, или расправы со всем светским обществом».²⁹ Баронесса Вревская вспоминала: «Пушкин видел во всем вздоре, до него доходившем, посягновение на его честь, на свое имя, на святость семейного очага, и, давимый ревностью, мучимый фальшивостью положения в той сфере, куда ему не следовало стремиться, видимо, искал смерти».³⁰

В 30-е годы поэт утрачивал прежние, гармоничные отношения с жизнью. Пушкинская гармония всегда была сложной: она включала в себя исторические катаклизмы и личные драмы поэта, его разочарования, ссоры и дуэли. И вместе с тем, читая Пушкина, мы всегда испытываем присущее поэту ощущение взаимосвязи всего живого, радость бытия. В конце 30-х эта радость стала, видимо, иссякать.

Удивительно: участвуя в последнем поединке Пушкин возвращался, пусть ненадолго, в мир своей молодости, к романтическим представлениям о дуэли, к ее приятию. Не случайно в глазах Лермонтова и многих других

²⁹ Там же. С. 302.

³⁰ Там же. С. 235.

современников пушкинская гибель объяснялась не столько конкретными обстоятельствами, сколько традиционными чертами романтического нрава — максимализмом в вопросах чести, ранимостью, гордостью. «Погиб поэт! Невольник чести, / Пал, оклеветанный молвой, / С свинцом в груди и жаждой мести, / Поникнув гордой головой».

Возврат к былому, к молодости словно дал Пушкину силу и спокойствие перед смертью. Близких поражала психологическая перемена, произошедшая в нем, когда дуэль стала уже неизбежной. Вяземский писал: «Необузданный, пылкий, беспорядочный, сам себя не помнящий во всех своих шагах, имевших привести к роковому исходу, он сделался спокоен, прост и полон достоинства, как скоро добился, чего желал; ибо он желал этого исхода».³¹ Жуковский в конспективных записках передал почти праздничную сосредоточенность, свойственную поэту в день поединка: «Встал весело в 8 часов. — После чая много писал — часу до 11-го. С 11 обед. — Ходил по комнате необыкновенно весело, пел песни. — Потом увидел в окно Данзаса, в дверях встретил радостно. Взошел в кабинет, запер дверь. — Через несколько минут послал за пистолетами».³²

Однако до конца выдержать роль дуэлянта, убежденного в праве на поединок, Пушкин так и не смог. «Придя в себя, Пушкин спросил у д'Аршиака: „Убил я его?“ — „Нет, — отвечал тот, — вы его ранили“. — „Странно, — сказал Пушкин, — я думал, что мне доставит удовольствие его убить, но я чувствую теперь, что нет... Впрочем, все равно. Как только мы поправимся, снова начнем“».³³

Мучительные вопросы — имеет ли дуэль право на существование? оправдана ли между людьми такая вражда? — до конца жизни оставались для Пушкина открытыми. Только перед самой смертью он отказался от всякой мысли о мщении. Вяземский вспоминал: «Ни одного горького слова, ни одной резкой жалобы, никакого резкого напоминания о случившемся не произнес он, ничего, кроме слов мира и прощения...».³⁴

³¹ Там же. С. 295.

³² А. С. Пушкин в воспоминаниях... Т. 2. С. 340.

³³ Там же. С. 265—266.

³⁴ Вересаев В. В. Указ. соч. Т. 2. С. 292.

В. В. Кожин

«ИЗ ЧЬЕЙ РУКИ..?»

Вот уже более полутора столетий мы ежегодно скорбно поминаем день великой и жестокой утраты. Тютчев сказал в своем стихотворении о гибели Пушкина, которое так и называется — «29-е января 1837 года»:

Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..

Всегда храня в душе эти слова, мы гораздо реже вспоминаем первые строки, начальный «вопрос» тютчевского реквиема:

Из чьей руки свинец смертельный
Поэту сердце растерзал?
Кто сей божественный фиал
Разрушил, как сосуд скудельный?

Вопрос по меньшей мере странен: разве не общеизвестно, что это была «рука» получившего в результате неслыханную геростратову славу Жоржа Дантеса?

Но Тютчев был уже тогда тесно связан с другом Пушкина, князем Петром Вяземским, который, по мнению сегодняшних исследователей, лучше чем кто-либо знал историю гибели поэта. В день отпевания Пушкина Вяземский писал: «Многое осталось в этом деле темным и таинственным». Однако и через десять лет, в 1847 г., Вяземский сказал в печати: «Не настала еще пора... разоблачить тайны, окружающие несчастный конец Пушкина».

Приходится признать, что это заключение справедливо донныне. Миллионы людей, благоговейно поминающих сегодня Пушкина, в той или иной мере представляют себе историю его гибели в неверном и по сути дела принижающем образ поэта «освещении». Один из виднейших пушкинистов, более полувека изучавший жизнь и творчество поэта, Д. Д. Благой сокрушался, что в популярных сочинениях о Пушкине «национальная трагедия... превратилась в довольно-таки банальную семейную драму: муж, молоденькая красавица жена и разрушитель семейного очага, молодой красавец кавалергард».

А между тем в последние месяцы жизни поэта был, пожалуй, только *один день*, который давал повод представлять историю его гибели в таком «банальном» виде. 4 ноября 1836 г. Пушкин и несколько его друзей получили так называемый диплом, клеветнически объявлявший о неверности его жены. А поскольку Дантес уже давно преследовал Наталию Николаевну своими ухаживаниями, Пушкин тут же — явно сгоряча — послал ему вызов на дуэль. Однако на следующее утро к поэту заявившая насмерть перепуганный «приемный отец» Дантеса, голландский посланник Геккерн, и Пушкин без всяких споров согласился отсрочить дуэль на сутки; на другой день, 6 ноября, Геккерн примчался снова «со слезами на глазах»; дуэль была отсрочена уже на целые две недели, а затем, еще до истечения срока, 17 ноября, отменена совсем.

И причина была явно не только и не просто в том, что Дантес, спасаясь от громкого скандала и смертельной угрозы, решился вступить в брак с сестрой Наталии Николаевны Екатериной. Это решение прежде всего, так сказать, развязало руки Пушкину, дав ему возможность без какого-либо ущерба для его чести отказаться от своего собственного вызова. И, беря обратно этот вызов (17 ноября), поэт счел возможным признать и устно и письменно, что Дантес вел себя как «честный» человек; позднее, в конце декабря, сообщая в письме к своему отцу о предстоящей свадьбе Дантеса, Пушкин назвал его «добрым малым».

И у нас нет никаких оснований считать эти суждения поэта вопиюще неискренними. Конечно же, Пушкин видел в Дантесе (и совершенно справедливо) заурядного и пошлого юнца. Но он не видел в нем некоего своего «рокового» врага. Дантес вообще был в глазах Пушкина только лишь жалкой марионеткой Геккерна, которому поэт писал, в частности: «...всею поведением этого юнца руководили вы».

Стоит еще раз повторить, что, понимая гибель Пушкина как результат «рокового столкновения» с молодым красавчиком, мы недопустимо принижаем облик поэта. А между тем такого рода представление настолько въелось в сознание многих людей, что они нередко буквально перестают видеть реальный ход событий: так, им кажется, что Пушкин позднее, в конце января 1837 г., будто бы вызвал Дантеса на дуэль во второй раз, — в то время как на деле поэт утром 26 января послал не вызов Дантесу, а крайне оскорбительное письмо Геккерну, который в ноябре сделал все возможное, чтобы дуэль не состоялась, а на этот раз побудил своего

«приемного сына» вызвать Пушкина к барьеру. И даже само это резкое различие ноябрьской и январской ситуаций до сих пор не нашло сколько-нибудь четкого объяснения.

Фигура Дантеса, «линия» Дантеса в сущности заслонила и продолжает заслонять глубокую истинную суть трагедии.

Общепризнано, что клеветнический «диплом», явившийся исходным пунктом трагического развития событий, имел в виду отнюдь не Дантеса, но императора Николая I: ведь в «дипломе» объявлялось, что Пушкин избран-де «коадьютором», т. е. заместителем Д. Нарышкина (кстати, хорошо знакомого поэту), жена которого была известна всем как любовница предшествующего императора, щедро одаривавшего мужа за «услуги» жены.

Пушкин ясно и резко выразил свое отношение к «диплому» уже 6 ноября, когда письменно потребовал от министра финансов Канкрин принять в казну в качестве уплаты долга императору свое имение Кистенево (поэту была предоставлена Николаем I на литературные дела огромная по тем временам сумма в 45 тысяч рублей). Канкрин, конечно, отказался исполнить крайне дерзкое требование, но самим этим требованием Пушкин все же со всей решительностью высказал свое понимание дела и свою волю.

Клевета упала на подготовленную почву. Пушкин еще в мае 1836 г., будучи в Москве, рассказывал своему душевному другу П. В. Нащокину о том, что царь, «как офицеришка, ухаживает» за Наталией Николаевной, и тогда же намекал на это в письме к ней: «И про тебя, душа моя, идут кой-какие толки, которые не вполне доходят до меня, потому что мужья всегда последние в городе узнают про жен своих, однако ж видно, что ты кого-то довела до такого отчаяния своим кокетством и жестокостью, что он завел себе в утешение гарем из театральны воспитанниц. Нехорошо, мой ангел: скромность есть лучшее украшение вашего пола» (X, 449). Нет сомнения, что речь шла о царе. Наконец, и Николай I, как известно, засвидетельствовал, что в последнем разговоре с ним, состоявшемся, очевидно, 23 января 1837 г., Пушкин дерзостно заявил: «Я... вас самих подозревал в ухаживании за моею женою».

Словом, история с Дантесом была для Пушкина своего рода «примесью» к гораздо, даже несоизмеримо более тяжелой «проблеме». В. В. Кунин справедливо говорит в изданной в 1988 г. книге «Последний год жизни Пушкина»: «... в пасквиле содержался гнуснейший намек на то, что и камер-юнкерство, и ссуды, и звание „историографа” — все это оплачено Пушкиным тою же ценою, что и благоденствие Нарышкина. Большого оскорбления поэту нанести было невозможно».

Но две в сущности совершенно различные «линии» (Дантеса и царя) сплелись в глазах будущих исследователей в один клубок. Это было обусловлено, надо думать, прежде всего тем, что Пушкин считал изготовителем «диплома» Геккерна (хотя, о чем еще пойдет речь, отчетливо угадывал и стоящих за ним вдохновителей). И чуть ли не все внимание изучающих историю гибели поэта было направлено на Геккерна и его окружение (в частности, князей Гагарина и Долгорукова).

Вопрос о том, кто именно сфабриковал «диплом», остается и по сей день нерешенным (кандидатуры одна за другой отвергаются). Между тем этот, казалось бы, «технический» вопрос важен, так как может дать в руки исследователей указующую нить.

Как мне представляется, необходимо обратить внимание на документ, который опубликован в № 12 журнала «Нева» за 1976 г. Это письмо Г. В. Чичерина к П. Е. Щеголеву от 18 декабря 1927 г. Прежде чем перейти к существу письма, нельзя не сказать хотя бы коротко о его

авторе, ибо сама судьба обеспечила ему исключительные, прямо-таки уникальные возможности для проникновения в тайну гибели Пушкина.

Георгий Васильевич Чичерин (1872—1936) вырос в истинно дипломатической семье. Его отец Василий Николаевич в 1849 г., всего через 12 лет после гибели Пушкина, начал карьеру дипломата и как бы повторил путь Тютчева: служил сначала в Мюнхене, затем в Турине, позднее был близок к князю А. М. Горчакову. Что же касается матери Чичерина, урожденной Мейендорф, видными русскими дипломатами были ее дед, дядя и двоюродный брат. С отроческих лет Чичерин приобщался к дипломатическим преданиям, документам, трудам. После окончания Петербургского университета он поступил на службу в архив Министерства иностранных дел, принял участие в создании очерка истории этого министерства, написал ряд исследований о русских дипломатах и т. п.

Наконец, как известно, в 1918—1930 гг. Г. В. Чичерин был народным комиссаром иностранных дел СССР (до 1922 г. — РСФСР). Уместно еще добавить, что Чичерин — о чем особенно ярко свидетельствует его замечательная книга о Моцарте — был человеком самой высокой культуры. И вот, прочитав в 1927 г. в журнале «Огонек» сообщение (впоследствии опровергнутое), согласно которому составителем пресловутого «диплома» был близкий к Геккерну князь Долгоруков, Чичерин в письме к знаменитому пушкинисту Щеголеву с полной уверенностью заявил, что в действительности «диплом» написан Бруновым.

Ф. И. Брунов (или, иначе, Бруннов, 1797—1875) родился в Саксонии (выходцем из Саксонии был, между прочим, и будущий патрон Брунова К. В. Нессельроде), с 1818 г. состоял на русской дипломатической службе, в 1823—1826 гг. был чиновником особых поручений при графе Воронцове в Одессе, где, как это известно из воспоминаний Липранди, имел столкновения с Пушкиным, у которого пресмыкательство Брунова перед высшим начальством вызывало отвращение. В 1829—1830 гг. Брунов служил ближайшим личным помощником министра иностранных дел Нессельроде, который затем предоставил своему любимцу самый престижный тогда пост посланника в Лондоне.

Г. В. Чичерин, как уже говорилось, великолепно знал историю и, так сказать, самый быт Министерства иностранных дел (и по семейным преданиям, и благодаря специальным разысканиям, и, наконец, в силу доступности ему любых архивных материалов). Он как бы восстановил в своем письме к Щеголеву сцену, в ходе коей графиня Нессельроде заказала Брунову составление «диплома». При этом Чичерин, знакомый с многочисленными личными письмами Брунова, утверждал, что почерк последнего разительно похож на почерк лица, написавшего «диплом».

В том же самом 1927 г. в малотиражном издании «Московский пушкинист» был опубликован фрагмент из воспоминаний князя А. М. Голицына, поведавшего о заявлении императора Александра II: «...теперь знают автора анонимных писем, которые были причиной смерти Пушкина; это Нессельроде». (Николай I еще ничего не знал об этом и писал после гибели поэта: «Повод к дуэли... никто не постигает»).

«Автор» — это еще, понятно, не значит изготовитель «диплома» как такового. Сделал несколько его экземпляров, по-видимому, именно Брунов. Сам Пушкин, о чем уже шла речь, считал, что «диплом» сфабриковал Геккерн. Но поэт видел, кто стоял за кулисами; чтобы убедиться в этом, необходимо отказаться от одной поистине странной ошибки.

Общеизвестно письмо Пушкина к некоему графу, написанное 21 ноября 1836 г. по поводу «диплома». В свое время Щеголев по всему смыслу и самому тону письма совершенно верно определил, что этим графом был Нессельроде. Но вскоре сам же Щеголев установил, что 23 ноября Николай I принял Пуш-

кина и графа Бенкендорфа; исходя из этого, исследователь пришел к выводу, что упомянутое письмо было направлено Бенкендорфу, который и устроил Пушкину прием у царя. Однако впоследствии стало известно, что поэт *вообще не отправил* указанного письма. Тем не менее оно и поныне считается — вопреки всякой логике — письмом к Бенкендорфу.

До нас дошло более 50 пушкинских писем графу Бенкендорфу, но они выдержаны в совершенно ином тоне. Характерно, что Н. Эйдельман, рассуждая об этом письме, говорил о его «тайнственности», «загадочности», о том, что оно «враждебно к адресату, содержит смелые до дерзости выпады». Все становится на место, если сделать единственно правильный вывод (как и поступил когда-то Щеголев): письмо обращено вовсе не к графу Бенкендорфу, но к графу Нессельроде. Тогда, в частности, обретает полную оправданность то качество письма, которое Н. Эйдельман справедливо определил как «особую инвективную тональность послания, рассчитанную, вероятно, на широкий круг читателей в случае распространения списков». Словом, это письмо Пушкина предназначалось для разоблачения и сочинителя «диплома» и, так сказать, его заказчиков; известно, что Пушкин носил свое письмо к Нессельроде в кармане сюртука, как бы ожидая удобного момента для его «предъявления».

Естественно встает вопрос о том, какую цель преследовали «заказчики». На этот вопрос убедительнее всего ответил Д. Д. Благой в своей уже цитированной выше итоговой работе «Погибельное счастье (женитьба, дуэль, смерть)», вошедшей в его книгу «Душа в заветной лире. Очерки жизни и творчества Пушкина» (1979). Ученый основательно доказал, что в последние годы жизни Пушкин начинает приобретать влияние на позиции царя в сфере культуры и отчасти даже политики. Было ясно, как показал Благой, что роль Пушкина в этом отношении может значительно увеличиться. Вот что вызывало крайнее раздражение и даже опасение в кругу Нессельроде, «непримиримо» (по верному определению Благого) враждебного всей сути Пушкина как гражданина и мыслителя. И затея с «дипломом» имела, как пишет Благой, вполне определенную цель: «столкнуть» поэта с царем, «натравить» его на царя и тем самым предотвратить возможное влияние Пушкина на ход государственных дел.

И есть все основания полагать, что с 4 ноября 1836 г. до 23 января 1837 г. Пушкин терзался сомнениями по поводу «диплома». Но вечером, или, вернее, ночью с 23 на 24 января на балу у Воронцовых-Дашковых состоялась беседа поэта с Николаем I (о которой последний рассказал через много лет, упомянув, правда, только одно поразившее его пушкинское признание: «Я... вас самих подозревал...»). Очевидно, что в ходе этого разговора Пушкин убедился в абсолютной несостоятельности клеветы. Через день, 26 января, он многозначительно заметил в письме к генералу Толю: «Как ни сильно предубеждение невежества, как ни жадно приемлется клевета, но одно слово... навсегда их уничтожает. Гений с одного взгляда открывает истину, а *Истина сильнее царя*, говорит Священное Писание» (X, 486). В тот же самый день, 26 января, Пушкин отправил свое беспощадное письмо Геккерну, которого он считал изготовителем «диплома».

Для понимания ситуации весьма важна такая подробность: во второй половине января в Петербург приехала задушевная приятельница Пушкина, его соседка по Михайловскому Е. Н. Вревская. Она встречалась с поэтом 18, 22 и 25 января. И 25 января Пушкин прямо-таки испугал Вревскую своим гневным возмущением против голландского посланника.

Вполне естественно сделать из этого вывод, что, всецело убедившись во время разговора с царем в клеветническом характере «диплома», Пушкин

уже не мог удерживать в себе kloкочущий гнев против того, в ком он видел его изготовителя.

В заключение вернемся к тому, о чем уже шла речь: почему Геккерн, который в ноябре предпринял всевозможные усилия для предотвращения дуэли, в январе послал Дантеса к барьеру? В дипломатических кругах стало известно, что в день дуэли, 27 января, Геккерн не раз встречался с Нессельроде и показывал ему пушкинское письмо. Но не будет натяжкой предположить, что он имел разговор с Нессельроде уже 26 января, сразу после получения письма и до отправления вызова Пушкину (поэт послал свое письмо рано утром — а по некоторым сведениям даже еще 25 января — между тем как вызов на дуэль был получен им после пяти вечера). Сам Геккерн официально заявил, что прежде чем ответить Пушкину, он «советовался» с графом Г. Строгановым, который, мол, и побудил его принять решение, а Нессельроде он показал пушкинское письмо, когда отступить было уже поздно.

Если верно предположение, что Геккерн познакомил Нессельроде с письмом еще 26 января и тот увидел в пушкинском письме обещание «...скандала, перед которым, конечно, я не останвлюсь», естественно, министр дал понять голландскому посланнику, что дуэль необходима. Ибо «скандал» вполне мог обнаружить, кто был истинным вдохновителем злодейской акции против Пушкина.

Е. Н. Монахова

НАЧАЛЬНИК ПУШКИНА ГРАФ К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

Умен, кто хитрости рукой
Переплетает меж собой
Дипломатические вздоры
И правит нашею судьбой.

А. С. Пушкин. 1817 г.

Государь Александр Николаевич у себя в Зимнем дворце за столом, в ограниченном кругу лиц, громко сказал: «Ну, так вот теперь знают автора анонимных писем, которые были причиной смерти Пушкина; это Нессельроде (с'est Nesselrode)». Слышал от особы, сидевшей возле Государя.

Из записок князя А. М. Голицына.¹

Прежде чем мы обратимся к свидетельству самого канцлера, запечатленному на страницах его подробных мемуаров, — справка из энциклопедии о его отце. «*Нессельроде*, граф Максимилиан-Юлий-Вильгельм-Франц (отец канцлера, графа Карла Васильевича), — тайный советник,

---

¹ *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. М., 1987. С. 392. Среди пушкинистов распространено мнение о том, что здесь имеется в виду не канцлер К. В. Нессельроде, а его супруга Мария Дмитриевна. Такую точку зрения, между прочим, разделял и В. Ф. Ходасевич. Но в таком случае следовало бы сказать не «с'est Nesselrode», а «с'est madame Nesselrode». Мы оставляем за собой право предположить, что в данном случае речь идет именно о канцлере, а не о его жене.

посланник в Лиссабоне и Берлине; род. 24 октября 1724 г., умер во Франкфурте 24 февраля 1810 г. Происходил из ветви Эресгофен (младшей) Бергского графского рода Нессельроде, восходившего к XVI столетию, и был сыном статс-секретаря и конференц-министра курфюрста Пфальцкого и канцлера Бергского герцогства. До поступления своего на русскую службу служил последовательно в Австрии, Голландии, Франции и Пруссии, откуда в 1778 г. был призван императрицей Екатериной II в Россию, обласкан и приближен ко двору. Прекрасно образованный, любезный и обходительный, граф Нессельроде приобрел симпатии русского двора и общества, и, поскольку благодаря своей разнообразной деятельности в нескольких европейских государствах он был хорошо знаком с направлением их внешней политики, то Екатерина II, пожаловавшая его званием действительного камергера, сочла его достойным занять пост русского представителя за границей. Сначала он был послан чрезвычайным посланником и полномочным министром в Лиссабон, а затем переведен на ту же должность в Берлин. В донесениях своих из Берлина он указывал главным образом на то, что руководящая роль в европейской политике принадлежит Англии и что Пруссия слепо следует указаниям из Лондона, чем неоднократно вызывал неудовольствие императрицы. При Павле I Нессельроде, бывшему в чине тайного советника, была пожалована 3 мая 1798 г. в арендное содержание, без платежа арендных денег, мыза Нейгут Курляндской губернии, с подмызками Принденберг и Крузенгоф. Последние годы жизни граф Нессельроде проводил главным образом во Франкфурте, откуда происходила его жена, дочь богатого известного купца-еврея Луиза Гонтар, впоследствии принявшая римско-католическую религию.² (По другим источникам, Луиза Гонтар была протестанткой, и в этой вере был крещен и воспитан ее сын, будущий канцлер Российской Империи).

Образ Нессельроде-отца мелькает на страницах романа Леонида Гроссмана «Записки д'Аршиака» в сцене приема «в огромных залах полуциркульного здания на Дворцовой площади» — в Министерстве иностранных дел. «Густая толпа приглашенных заполняла обширный зал, украшенный огромным портретом дородного мужчины в камзоле, парадном кафтане, пудре и буклях. То был отец вице-канцлера, известный авантюрист прошлого столетия Вильгельм Нессельроде, с беспримечной легкостью менявший страны и повелителей в неутомимой погоне за состояниями и альковными успехами».³

Теперь обратимся к свидетельству почтительного сына, — прежде всего к его обширным мемуарам, отчасти написанным по-французски самим канцлером, отчасти продиктованным им любимой племяннице Марии Федоровне Калерджи-Мухановой. Впервые воспоминания канцлера Нессельроде были опубликованы в 1865 г. на страницах «Русского вестника», издаваемого М. Катковым. Записки эти являются бесценным историческим документом, но доведены они только до 1815 г.

Итак, перед нами жизнеописание одного из знаменитых космополитов XVIII столетия. Невольно вспоминаешь строки из «Евгения Онегина»:

Скажите, чем он возвратился?
Что нам представит он пока?
Чем нынче явится? Мельмотом,
Космополитом, патриотом,

² Русский биографический словарь, издаваемый Императорским Русским историческим обществом. Т. «Нааке-Накенский—Николай Николаевич-старший». СПб., 1914. С. 251.

³ Гроссман Л. П. Записки д'Аршиака. Петербургская хроника 1936 г. М., 1931. С. 174.

Судите сами: «Будучи одним из младших членов старинной фамилии герцогства Берг, он, по тогдашнему обыкновению всех младших в роде, искал счастья везде понемногу. Сначала вступил он в австрийские войска, находился в 1747 г. при сражении под Лауфельтом, где получил в голову рану, следы коей сохранил до самой смерти. Потом постепенно перебивал в службе Палатинского двора, Соединенных Провинций, Франции и Пруссии. Во Франции он состоял полковником в Королевском Немецком полку, вышел в отставку во время немилости своего покровителя герцога Шуазеля, после чего и возвратился в Германию. Находясь в Берлине для устройства домашних дел, он имел случай сделаться известным Фридриху Великому, ему посчастливилось даже понравиться этому государю оригинальностью ума своего, напоминавшего в нем скорее француза, чем немца, быстротой ответов, подчас очень метких. Фридрих предложил отцу моему оставить его при себе, пожаловал ему камергерский ключ и, что было несомненно привлекательнее для отца моего, принял его в число тех умных людей, которые составляли приятельский кружок этого монарха. (Добавим: ярчайшим украшением кружка Фридриха был Вольтер. — *Е. М.*). В течение шести лет отец мой оставался при дворе великого короля, не занимая, впрочем, никакой должности. {...}

Во время пребывания своего в Берлине отец мой познакомился с князем Орловым, который и предложил ему вступить в русскую службу. Императрица Екатерина, вследствие ходатайства ландграфини Дармштадтской, матери великой княгини Натальи Алексеевны, первой супруги императора Павла, изъявила благосклонное согласие на принятие в службу отца моего, пожаловала его в камергеры и вслед за тем назначила на только что учрежденное место посланника при португальском дворе. Пробыв в Португалии шесть лет и выхлопотав себе увольнение, отец мой прибыл в Петербург, но здесь ожидали его новые предложения, помешавшие ему привести в исполнение намерение отдохнуть от дел. Граф Сергей Петрович Румянцев, бывший тогда русским посланником в Берлине, поссорился с тамошним двором из-за этикета, *причем вся вина была на его стороне* (курсив здесь и далее в других цитатах мой. — *Е. М.*). Императрица отозвала виновного и велела предложить отцу моему его место. (Удивительным образом подобная перестановка совершилась и в карьере Нессельроде-сына, который на посту Государственного канцлера Российской Империи заменит родного брата С. П. Румянцева, знаменитого дипломата, ученого, создателя Румянцевского музея — Николая Петровича Румянцева. Но об этом ниже. — *Е. М.*). Как ни мечтал мой отец об отставке, но не было никакой возможности отказаться от предложения, доказывавшего высокое доверие императрицы к его способностям и преданности; притом в Берлине предстояло исполнить поручение весьма важное и трудное по тогдашним обстоятельствам. {...} Обессилить стремления английского министерства, старавшегося вовлечь прусский кабинет в свои планы, — такова была задача, указанная отцу моему, в Берлине. Императрица думала, что вследствие долговременного пребывания при дворе мой отец предпочтительно перед всяким другим обладал средствами, необходимыми для достижения успеха. Это решило выбор государыни. Назначение последовало и сопровождалось лично в отношении меня милостью: по высочайшему повелению я записан мичманом, хотя мне было всего восемь лет».⁴

⁴ Записки графа К. В. Нессельроде // Русский вестник. 1865. Т. 59, № 10. С. 519—521.

С этого момента канцлер Нессельроде упоминает на страницах своих мемуаров отца эпизодически, только когда это нужно ему для описания собственной блистательной карьеры. Жизнь свою престарелый дипломат закончил во Франкфурте, совершенно удалившись от дел. К этому времени Нессельроде-младший уже давно находился в России, где начал службу мичманом на флоте — в Кронштадте, но оттуда быстро был отозван в Петербург милостиво относившимся к нему Павлом I.

Что касается матери будущего российского канцлера, то Луиза Гонтар происходила из семьи богатых франкфуртских банкиров. С этим семейством, довольно прозаическим, связана одна из ярчайших страниц немецкой романтической литературы: Фридрих Гёльдерлин воспел невестку Луизы, Сюжетту Гонтар, под именем Диотимы в стихах и в романе «Гиперион».

Об обстоятельствах встречи родителей канцлера Нессельроде в исторической и художественной литературе нет никаких упоминаний (по крайней мере, опубликованных). Ю. Н. Тынянов, подробно изобразивший в романе «Смерть Вазир-Мухтара» Карла Нессельроде (в гротескных, доходящих до сарказма красках), мельком упоминает: «Карл-Роберт Нессельрод, сын пруссака и еврейки, родился на английском корабле, подплывавшем к Лиссабону».⁵

К вопросу о происхождении канцлера Нессельроде есть одно упоминание в мемуарной литературе XIX в., мимо которого я не могу пройти, не сделав несколько далеко идущих предположений. Тем более что некоторые слухи могли доходить до А. С. Пушкина и влиять на его взаимоотношения с названной личностью. Речь идет о свидетельстве знаменитого князя П. В. Долгорукова, — того самого, кого долгое время подозревали в авторстве анонимного пасквиля, полученного А. С. Пушкиным в ноябре 1836 г. и ставшего поводом к роковой дуэли с Дантесом. Предположение это впоследствии отпало, а записки Долгорукова, как источник разнообразнейших сведений, высоко ценили многие исследователи на протяжении более чем ста лет (от А. И. Герцена до Н. Я. Эйдельмана).

Итак, на странице его «Петербургских очерков», в сноске, есть указание: «Настоящим отцом канцлера Нессельроде был отец графа Лебцельтерна, австрийский дипломат барон Лебцельтерн; дед его, крещеный еврей, был лейб-медиком Карла VI».⁶ Если это так (а многие слова Долгорукого впоследствии подтверждались!), то перед нами совершенно с новой стороны предстает картина политической жизни Петербурга времен восстания декабристов.

Ведь по сути дела П. В. Долгоруков утверждает, что будущий канцлер Российской Империи и австрийский посланник в Петербурге граф Лебцельтерн — единокровные братья, у них один отец. Пикантность ситуации усугубляется еще и тем обстоятельством, что в 1823 г. австрийское посольство являлось также резиденцией Нессельроде, и даже одни и те же курьеры, к удивлению современников, обслуживали одновременно русское Министерство иностранных дел и посольство европейского государства. О каком соблюдении государственных тайн могла идти речь!

Названная резиденция располагалась в доме графа Гурьева (впоследствии дом принадлежал княгине Шаховской) на набережной Фонтанки.⁷ К. В. Нессельроде был женат на дочери «всеворящего министра финансов»⁸ графа Гурьева, который сдавал квартиру австрийскому посланнику.

⁵ Тынянов Ю. Н. Смерть Вазир-Мухтара. Воронеж, 1963. С. 40.

⁶ Долгоруков П. В. Петербургские очерки, 1860—1867 гг. Памфлеты эмигранта. М., 1934. С. 244.

⁷ Столпянский П. Н. Дом княгини М. А. Шаховской по Фонтанке, 27. СПб., 1916.

⁸ Щеголев П. Е. Указ. соч. С. 389.

К 1825 г. Нессельроде покинул дом на Фонтанке, где в момент восстания на Сенатской площади развернулись драматические события. Но прежде чем сказать о них, привожу следующую справку об австрийском посланнике в России графе Лебцельтерне (брате канцлера Нессельроде?).

«*Лебцельтерн*, Людвиг, граф, австрийский полномочный министр в Санкт-Петербурге, сын барона Адама Лебцельтерна, родился в 1774 г., дипломатическую службу начал в 1790 г. причисленным к австрийскому посольству в Лиссабоне, где отец его был посланником (и где родился в 1780 г. Карл Нессельроде! Правда, на корабле, подплывавшем к Лиссабону. — *Е. М.*). Затем с 1797—1800 гг. состоял секретарем посольства в Мадриде, а в 1800 г. переведен был секретарем посольства в Рим; состоя там же с 1805 г. поверенным по делам, граф Лебцельтерн в июне 1809 г. был выслан из Рима Наполеоном. В ближайшие за тем годы, до 1813 г., он находился при князе Меттернихе в Париже; в 1814 г. союзными державами послан был во главе миссии в Швейцарию и потом сопровождал папу Пия VII в Рим. В 1815 г. последовало назначение Лебцельтерна полномочным министром в Санкт-Петербург. Здесь в 1823 г. он женился на старшей дочери Ивана Степановича, графа Лаваль, Зинаиде, на сестре которой был женат декабрист князь Сергей Петрович Трубецкой. Последний, уклонившись от активного участия в бунте 14 декабря 1825 г., выжидал его результатов в доме графини Лебцельтерн (т. е. в доме графа Гурьева на Фонтанке! — *Е. М.*). Это обстоятельство стало известно судебному следствию и, быть может, послужило причиной к отозванию Лебцельтерна, в начале 1826 г., из Петербурга. В 1830 г. он был назначен австрийским полномочным министром в Неаполь; в 1844 г. вышел в отставку и в 1854 г. скончался в Неаполе».⁹

Родство с главой мятежников князем Трубецким сломало карьеру графа Лебцельтерна в России (он был отозван, а его место вскоре занял граф Фикельмон). Каково же было поведение графа Нессельроде в эти тревожные дни? Сам по себе этот вопрос очень важен, а если принять за истину свидетельство князя Долгорукова — речь шла о карьере будущего канцлера, родственника (пусть неофициального) графа Лебцельтерна и князя Трубецкого.

Обратимся к воспоминаниям жены Лебцельтерна (урожденной графини Лаваль) к тому фрагменту, в котором описываются события 14 и 15 декабря 1825 г.: «Государь провел весь вечер и ночь, самолично допрашивая арестованных, которых к нему приводили.

В домах на Исаакиевской площади во многих окнах оказались разбитыми стекла; дом матушки, находившийся рядом с Сенатом, был в их числе. Вместе со всей семьей, включая сестру и зятя (*Трубецких*), она перебралась к своей матери, занимавшей квартиру в доме другой своей дочери, моей тетки (*А. Гр. Белосельской-Белозерской, во дворце на Фонтанке*). Дом этот стоял напротив того, часть которого занимали мы с господином Лебцельтерном. Во время мятежа дипломатический корпус находился на площади подле императора. Господин Лебцельтерн, страдавший лихорадкой уже два дня, сам не мог туда отправиться, а послал нескольких молодых чиновников посольства, которые каждые полчаса по очереди приезжали докладывать ему обо всем, что там происходило. Вечером, узнав, что все наши собрались у бабушки, я тотчас же отправилась туда, и, так как ей было бы затруднительно устроить у себя всех, предложила моей сестре с мужем провести ночь у нас. Она же, как оказалось, опередила меня и еще ранее приходила к господину Лебцель-

⁹ Русский биографический словарь... Т. «Лабзина—Ляшенко». С. 117.

терну, чтобы просить его о том же. Я обрадовалась этому, как радуются институтки всякому нарушению привычного порядка, и была в восторге от того, что мы проведем с сестрой несколько дней под одной крышей. Мы все вместе пришли к нам домой и сидели в кабинете господина Лебцельтерна; туда зашло несколько человек, разговор шел о происшедших днем событиях, назывались имена арестованных; зять мой не говорил ни слова, но подбородок его дрожал. Мы знали, что он дружен был с теми, о ком говорили, и его волнение нас не удивило.

Между полночью и часом мы разошлись; князь и моя сестра — в мою спальню, которую я им уступила; мне приготовили постель на диване в кабинете господина Лебцельтерна, который устроился в соседней комнате, так как все еще чувствовал недомогание. Я крепко заснула и только утром следующего дня узнала о том, что произошло ночью. Между третьим и четвертым часами господин Лебцельтерн услышал стук в дверь и *узнал голос графа Нессельроде, требовавшего, чтобы отворили*. Он встал, открыл дверь, не понимая, что могло вызвать визит в такой час, тем более что граф вошел в сопровождении адъютанта Государя, князя Андрея Голицына, известного под именем Андре-Мишель. Граф сообщил господину Лебцельтерну, что зять мой находился во главе заговора и что Государь требует его к себе для разговора. Он вошел к князю, тот выслушал его, встал и совершенно спокойно оделся. Когда он вышел к этим господам, у тех невольно вырвалось: „Да, конечно, на преступника он не похож“. Тем не менее они увели его, усадив между собой в сани, которые ждали у дверей, и отвезли во дворец. <...>

Каковы же были наши изумление и скорбь, когда в два часа приехала графиня Нессельроде и подтвердила то, что ее муж сообщил ночью господину Лебцельтерну». ¹⁰

Комментарии здесь, наверное, излишни. Огромная роль супругов Нессельроде в аресте декабриста Трубецкого совершенно очевидна, и чем это было вызвано — остается только гадать, если не вспомнить свидетельства князя Долгорукова о близком родстве всех действующих лиц. В этом случае становится понятным стремление Нессельроде отвести от себя все возможные подозрения в сочувствии к мятежникам. ¹¹

Наконец, есть еще одно описание трагической ночи — в письме супруги будущего канцлера Марии Дмитриевны Нессельроде от 6(18) декабря 1825 г., адресованном брату, русскому послу в Гааге Н. Д. Гурьеву, которое она писала, как хронику, на протяжении нескольких дней: «В результате... расследования подозрение пало на зятя Лавалья, князя Трубецкого, который служит при главном штабе армии, расквартированном в Киеве; он находится здесь в отпуску и *ночевал у Лебцельтерна* (эти слова следует запомнить. — Е. М.), может быть, потому, что, квартируя на Английской набережной, он не мог вернуться к себе. В пять часов утра Государь прислал к моему мужу адъютанта с тем, чтобы он отправился его арестовать, что он и исполнил. Трубецкого разбудили; он поехал с Голицыным. Я, однако, сомневаюсь, чтобы этот человек был виновен». ¹²

Через несколько дней в письме от 19(31) декабря, адресованном в Москву матери, Мария Дмитриевна пишет о происшедших событиях не-

¹⁰ *Лебцельтерн З. Н.* Екатерина Трубецкая // Звезда. 1975. № 12. С. 179—194.

¹¹ Интересно, что сцена ареста князя Трубецкого вошла в качестве основного эпизода в фильм о декабристах «Звезда пленительного счастья» (реж. В. Мотыль). Роль графа Лебцельтерна исполнил здесь И. Дмитриев, а роль Нессельроде — Д. Бессонов. Характерно, что министра иностранных дел, приехавшего арестовывать главу заговорщиков, никто не называет по имени.

¹² Красный архив. М.; Л., 1925. Т. 3(10). С. 261—285.

сколько иначе: «Княгиня Туркестанова будет поражена, как и все мы, тем, что князь Трубецкой, зять Лавалья, замешан не только в качестве жоака, но и был их главным руководителем. Против него имеются самые неопровержимые доказательства; кроме того, он проявил малодушие в том, что в самый день выступления он не был с мятежниками, которые его ожидали; он, кажется, укрылся у своей сестры Потемкиной (удивительна эта неуверенность, ведь брату М. Д. Нессельроде только что с уверенностью пишет об аресте в доме Лебцельтернов! Но в письме к матери — о Лебцельтернах ни слова. — Е. М.), — у м-ше Потемкиной ему несколько раз делалось дурно. Когда он предстал перед Государем, он сначала хотел отрицать свое участие, но когда ему предъявили доказательства, он бросился перед ним на колени и трусливо молил о даровании ему жизни. Он — в крепости. Его жена, его семья достойны сожаления; Государь простер свою доброту до того, что утешал их и разрешил им переписываться, но, конечно, посредством открытых писем».¹³

В двух последующих письмах матери Мария Дмитриевна еще более категорична: «По утрам я посещаю некоторых удрученных горем дам, имеющих несчастье видеть своих братьев и родственников участниками заговора. Я до такой степени возмущена этими преступниками, что мне часто хочется сказать все прямо этим дамам. Передайте, пожалуйста, княгине Туркестановой, что м-ше Потемкина горько раскаивается в том, что устроила брак Катаси с Трубецким; по-моему, утешением для нее может служить то, что ведь все общество заблуждалось на его счет...».¹⁴

Самое крайнее мнение об участниках заговора жена будущего Государственного канцлера высказывает в письме к своей невестке Марине Дмитриевне Гурьевой, рожденной Нарышкиной, дочери того самого знаменитого «командора ордена рогоносцев», который фигурирует в роковом пасквиле, погубившем А. С. Пушкина. «...Вы можете себе представить, какая скорбь, какой траур царит повсюду, только и разговору, что об арестах. Несмотря на мое негодование против виновников, дни мои проходят сейчас в утешении их жен, матерей и сестер. Какое это должно быть ужасное чувство — иметь в своей семье преступника! По сравнению с этими извергами приходится и смерть считать чем-то мягким».¹⁵ Мы должны принять во внимание, что жестокость последних слов, возможно, продиктована опасением за собственную безопасность в ситуации «бурь гражданских и тревоги», по выражению поэта.¹⁶

Обратимся вновь к свидетельству П. В. Долгорукова. Он указывает на неслучайность того, что два единокровных брата оказались в России на дипломатических постах: «...не дремал Меттерних, тогдашний полновластный руководитель политики австрийского двора. Он близко сошелся с Нессельродом, ослепил его своим умом, превратил в своего клеветника и подручника, можно сказать, в своего слугу, а для ближайшего наблюдения за его действиями и для сильнейшего на него влияния назначил посланником в Петербург... графа Лебцельтерна, человека умного, весьма ловкого, хитрейшего и который, в сущности, был брат Нессельроду (далее следует уже приводимая нами сноска о родстве Нессельроде и Лебцельтерна. — Е. М.). Лебцельтерн до такой степени сумел войти в доверенность к Александру, что один только из всех иностранных дипломатов в России пользовался правом, с 1807 по 1811 год предоставленном также француз-

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Тютчев Ф. И. Лирика: в 2-х тт. М., 1965. Т. 1. С. 36.

скому послу Коленкуру, видется с Государем, когда он пожелает. Чтобы не задевать самолюбия своих товарищей-дипломатов, умный Лебцельтерн скромно пользовался своим важным правом и, когда Государь жил в Царском Селе (где проводил он большую часть года), то Лебцельтерн для переговоров с ним отправлялся в сад в час Государевой прогулки и там беседовал с царем, будто при случайной с ним встрече. Но чем скромнее он действовал с виду, тем более приобретал влияния, и всеми силами старался внушить Александру боязнь последствий развития либеральных идей». ¹⁷

Далее следует такое резюме П. Долгорукова (в сноске): «Довольно любопытно, что усердный поборник самодержавия, граф Лебцельтерн, и один из главных декабристов, князь С. П. Трубецкой, женаты были на родных сестрах и, невзирая на противоположность политических мнений, были весьма дружны между собою. Трубецкой был даже арестован в то время, когда ночевал у Лебцельтерна. Австрийский посланник Лебцельтерн жил в то время у Аничкова моста, в доме графа Гурьева, выходящего на Фонтанку, а родной брат его, *австрийский министр русских иностранных дел Нессельрод*, жил в той части того же самого дома, которая выходит на Караванную улицу. Они могли переходить один к другому через *внутренний коридор* (! — Е. М.)». ¹⁸

Характерно, что на свидетельство П. В. Долгорукого о близком родстве Нессельроде и Лебцельтерна — как на вполне вероятное — обратил внимание П. Е. Щеголев и даже развил эту тему. Он рассказал о третьей дочери графа Лавалья, Софии, младшей сестре Екатерины Трубецкой и Зинаиды Лебцельтерн, блиставшей умом, красотой и много сделавшей для несчастной своей сестры, которая последовала за мужем в сибирскую ссылку. Уже после восстания, в 1833 г., София Лаваль вышла замуж за графа Александра Карловича Борха, дипломата, камергера, подчиненного К. В. Нессельроде по Коллегии иностранных дел. Супруги Борх как свои были приняты в доме канцлера. В этой связи всплывает имя младшего брата Александра Борха — Иосифа, которое фигурирует (наряду с именем другого родственника Нессельроде — Д. Л. Нарышкина) в анонимном пасквиле, полученном А. С. Пушкиным в ноябре 1836 г. ¹⁹

Возможно, со временем станут известны такие свидетельства или документы, которые прольют новый свет на слова П. В. Долгорукова о родстве Нессельроде и Лебцельтерна, доказав их ошибочность или, наоборот, несомненность. До тех пор пока этого не произошло, можно пойти по пути предположений и посмотреть на историю под непривычным углом зрения. Это даст нам возможность подробнее представить психологию действующих лиц из окружения великого поэта.

Всесильный министр иностранных дел, ставший впоследствии канцлером, играл очень большую роль в жизни А. С. Пушкина. По сути дела, на протяжении многих лет (с перерывом — ссылкой в Михайловское) он был его единственным несменяемым начальником.

Однако в отличие от истории дипломатии в пушкиноведении образ Нессельроде выявлен довольно слабо, если не считать книги П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина». В словаре Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» читаем: «Петербургский знакомый Пушкина. Общение Пушкина с Н. (личное и служебное) относится к июню 1817—июлю 1824, нояб. 1831—январ. 1837 г. — времени службы поэта под его начальством.

¹⁷ Долгоруков П. В. Указ. соч. С. 244.

¹⁸ Там же. С. 245.

¹⁹ Щеголев П. Е. Указ. соч. С. 375.

С Н. связаны зачисление Пушкина в Коллегию иностранных дел, перевод его на юг в канцелярию И. Н. Инзова, исключение со службы и высылка в с. Михайловское, вторичное зачисление в Министерство иностранных дел, разрешение на работу в архивах и исключение со службы, вызванное смертью поэта. Один из современников видел Пушкина и Н. на прогулке по Невскому проспекту (1830-е гг.). Сохранилось одно письмо Пушкина к Н. (1823). Пушкин был также знаком с семьей Н.: его женой Марией Дмитриевной, сыном Дмитрием и дочерьми Еленой (Хрептович Е. К.) и Марией (...) — женой барона Л. Зеебаха, саксонского посланника в Париже». ²⁰

Известно, что начальники довольно редко восхищаются талантами подчиненных. Новороссийский генерал-губернатор граф М. С. Воронцов хотел видеть в своем чиновнике Александре Пушкине «коллежского секретаря», в то время как последний думал о себе «нечто иное». Можно предположить, что министр не намного отличался в этом отношении от генерал-губернатора. А среди подчиненных графа Нессельроде было немало талантливых людей. Прежде всего — поэты Пушкин, Грибоедов, Тютчев. Благодаря им (а не потому, что он оставил свои мемуары) канцлер стал персонажем художественной литературы.

Образ его мелькает на страницах знаменитого романа Ю. Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара». И забыть этот персонаж невозможно.

Вот Александра Грибоедова представляют Нессельроде.

«И вот он стоял, Нессельрод, в глубине зала.

Карл-Роберт Нессельрод, серый лицом карлик, руководитель наружной российской политики.

Прямо, не сгибаясь, стоял коллежский советник в зеленом мундирном фраке перед кондотьером и наемником шепотов.

Наконец движением гимнаста, держащего на шее шест с другим гимнастом, он склонил голову.

— Имею честь явиться к вашему превосходительству.

Карлик высунул вперед женскую ручку, и белая ручка легла в другую, желтую цветом.

Коллежские советники смотрели.

Потом снова раздалось заклинание коллежского советника:

— Ваше превосходительство, имею честь вручить вам от имени его превосходительства главнокомандующего Туркменчайский Трактат (Туркманчайский. — *Е. М.*).

Белая ручка легла на объемистый пакет с сургучами.

Серая головка зашевелилась, еврейский нос дунул, и немецкие губы сказали по-французски:

— Приветствую вас, господин секретарь, и вас, господа, со славным миром.

Карл-Роберт Нессельрод не говорил по-русски». ²¹

Первое, что запоминается: Карл Нессельроде — карлик.

«Нессельрод усадил Грибоедова рядом с собой. В карете было душно и неприятно, карлик забыл дома приятную улыбку. Он снова найдет ее во дворце. В карете же он сидит страшный, без всякого выражения на сером личике и в странном, почти шутовском наряде.

На нем мундир темно-зеленого сукна, с красным суконным воротником и с красными обшлагами. На воротнике, обшлагах, карманных клапанах, под ними, на полах, по швам и фалдам — золото. По борту на грудке

²⁰ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 290.

²¹ Тынянов Ю. Н. Указ. соч. С. 37.

вьются у него шитые брандебуры. На новеньких пуговицах сияют птичьи головки — государственный герб.

Когда же карлик кутает ноги, переливает темно-зеленый шелк подкладки.

На нем придворный мундир. На шляпе его плюмаж».²²

Ни Грибоедов, ни Пушкин ни строчки не посвятили своему начальнику. Канцлера «прославило» тютчевское гневное стихотворение:

Нет, карлик мой! трус беспримерный!..
Ты, как ни жмися, как ни трусь,
Своей душою маловой
Не соблазнишь Святую Русь...

Иль, все святые упования,
Все убежденья потребя,
Она от своего призванья
Вдруг отречется для тебя?..

Иль ты так дорог Провиденью,
Так дружен с ним, так заодно,
Что, дорожа твоею ленью,
Вдруг остановится оно?..

Не верь в Святую Русь кто хочет,
Лишь верь она себе самой, —
И Бог победы не отсрочит
В угоду трусости людской.

То, что Олеговы дружины
Ходили добывать мечом,
То, что орел Екатерины
Уж прикрывал своим крылом, —

Венца и скиптра Византии
Вам не удастся нас лишить!
Всемирную судьбу России —
Нет! вам ее не запрудить!..²³

Вряд ли смысл этого стихотворения исчерпывается «критикой с панславистских позиций австрофильского курса политики» Карла Нессельроде, как сказано в комментарии.²⁴ Личное отношение поэта к министру, за которым стоят годы служебного общения, сквозит в каждом слове.

Боязливость канцлера, его замкнутость были всем известны. Эти качества ярко проявились в переписке с голландским посланником и дальним родственником (через Дантеса) Луи Геккереном по поводу дуэли Пушкина. Письма Нессельроде были опубликованы П. Е. Щеголевым,²⁵ поэтому я не буду останавливаться на них и на той роли, которую супруги Нессельроде, всецело бывшие на стороне врагов поэта, сыграли в дуэльной истории. Щеголев допускал даже, что известное письмо А. С. Пушкина Л. Геккерену от 21 ноября 1836 г. об анонимных пасквилях, порочащих честь его и его жены (X, 691), можно отнести не к А. Х. Бенкендорфу, а к Нессельроде, который до времени скрыл его в тайнике и не дал ему ходу.²⁶

²² Там же. С. 41.

²³ Тютчев Ф. И. Указ. соч. Т. 2. С. 122.

²⁴ Там же. С. 362.

²⁵ Щеголев П. Е. Указ. соч. С. 267—272.

²⁶ Там же. С. 385—386.

Рассказывая о многолетнем пребывании Нессельроде на вершине российской политики, остановлюсь на нескольких эпизодах, которые кажутся мне необычайно важными для понимания его роли в истории Российской Империи и в пушкинской судьбе. Но сначала — справка из энциклопедии.

«*Нессельроде* (граф Карл-Роберт или Карл Васильевич, 1780—1862) — русский государственный деятель. (...) В 1796 г., после обучения в Берлинской гимназии, он приехал в Петербург, где благоволившим к нему императором Павлом был назначен сперва во флот, потом в армию; ни там, ни тут он не обнаружил способностей и скоро был уволен в отставку. После смерти Павла он был отправлен в Вюртемберг, ко двору герцога, с извещением о вступлении на престол Александра I. Из Штудгарта он был переведен в Берлин, потом в Гаагу, секретарем посольства. Во время пребывания в Германии он познакомился с Меттернихом, тогда австрийским посланником в Дрездене, и знакомство это скоро перешло в тесную дружбу. Нессельроде смотрел на Меттерниха снизу вверх; последний казался ему гениальным дипломатом, а его советы всегда спасительными; в свою очередь Меттерних умел хорошо пользоваться слабостями своего ученика. Основную мыслью всей дальнейшей политики Нессельроде был тесный союз с Австрией. Сам Нессельроде в записке о политическом положении России (...) определил свою политику как монархическую и антипольскую. Проникнутый идеями Священного союза, Нессельроде питал искреннюю ненависть ко всякому свободному стремлению как в Европе, так и в России; он находил, что крепостное право одинаково благодетельно как для помещиков, так и для крестьян. (...) Греческое восстание вызывало в нем, как и в Меттернихе; только вражду. В 1807 г. Нессельроде был командирован в Тильзит, в распоряжение русских уполномоченных князей Лобанова и Куракина, а потом отправлен советником посольства в Париж, где вновь встретился с Меттернихом, австрийским послом при французском дворе. В значительной степени под его влиянием депеши Нессельроде, составляемые для русского посла Толстого, дышали ненавистью к Франции. В 1810 г., когда отношение России к Франции стало портиться, Нессельроде по собственному желанию был отозван в Петербург. (...) В 1812 г. его положение при дворе было упрочено женитьбой на дочери влиятельного министра финансов Гурьева. Перед войной с Наполеоном канцлер граф Румянцев настойчиво советовал императору Александру не доверять Австрии и даже предлагал поднять в ней восстание славян. Представителем противоположного мнения явился Нессельроде. После победы над Наполеоном в России Нессельроде, на этот раз вместе с Румянцевым, но вопреки Кутузову, высказался за перенесение войны в пределы Германии и за окончательное ниспровержение французского могущества. С 1812 по 1815 г. Нессельроде постоянно находился при императоре и был влиятельным участником Венского конгресса. Обнаружение тайного договора между Австрией и Францией против России слегка поколебало его положение. В 1816 г. он был назначен управляющим Иностранной коллегией, но, одновременно с ним и как бы в противовес ему, графу Каподистрии поручено было ведение иностранных дел. Таким образом, было как бы два министра иностранных дел, взгляды которых на задачи иностранной политики значительно расходились. Император служил верховным примирителем и посредником между ними, гораздо более склоняясь на сторону Нессельроде. Последний сопровождал Александра на конгрессы в Аахен, Троппау, Лайбах и Верону. В 1822 г. Каподистрия получил бессрочный отпуск, и Нессельроде сделался единственным министром иностранных дел. Политика его по-прежнему состояла в стремлении к сближению с Австрией. В 1830 г. Нессельроде в Карлсбаде виделся с Меттернихом,

осыпавшим его упреками за поддержку греческого восстания; Нессельроде признал... всю справедливость этих упреков и согласился, что революция, начатая греками, всего опаснее именно для России. В 1849 г. Нессельроде способствовал вмешательству России в австрийские дела с целью усмирения венгерского восстания. Ответственность за Крымскую войну в значительной степени *упадает на Нессельроде*. В 1844 г. Нессельроде был сделан Государственным канцлером, в 1856 г. уволен от управления Министерством иностранных дел». ²⁷

В обширных «Записках» канцлера, доведенных до 1815 г., есть много умолчаний. Несомненно, этот исторический источник еще ждет своего исследователя. Образ, встающий со страниц мемуаров Нессельроде, заметно отличается от образа, сложившегося в нашем сознании.

Вот юный Карл впервые попадает в Россию. «Достигнув шестнадцатилетнего возраста (в 1796 г.), я был отправлен отцом моим в Петербург для начатия службы. Я приехал сюда за шесть месяцев до кончины императрицы Екатерины и имел честь быть представленным ей». ²⁸ По воцарении Павла I Нессельроде назначается флигель-адъютантом и переводится из Кронштадта в конную гвардию. В этом качестве он сопровождает императора Павла на коронацию в Москву весной 1797 г.

«В 1798 г. составила́сь против французской республики новая коалиция, в которой Россия впервые приняла участие». Готовился итальянский поход Суворова. «Весной 1799 г. должны были начаться военные действия на всех пунктах. В течение зимы Государь предложил своим адъютантам вступить в действующие войска и принять участие в войне. Я поспешил согласиться на это предложение, причем выказал больше отваги, чем проницательности. Меня поместили в корпус войск, собиравшийся на границах Подолии... я отправился по назначению, но едва достиг Киева, как курьер из Петербурга привез мне приказание Государя вернуться немедленно. Прощай мои воинственно-славные сны! С отчаянием в душе пришлось ехать обратно и отказаться от счастья быть участником в Итальянской кампании, обесмертившей Суворова, имя которого несомненно принадлежит к именам величайших полководцев новейших времен». ²⁹ Было бы странно представить «карлика Нессельроде», переходящим с Суворовым через Альпы! Но ведь и Наполеон был не выше ростом. Это была эпоха карликов. Карлик Черномор в знаменитой поэме А. С. Пушкина появляется после войны 1812-го года!

Вернувшийся в Петербург Нессельроде 9 июля 1799 г. был произведен в полковники. А за месяц с небольшим до этого в Москве родился поэт, которому судьба предназначила стать многолетним подчиненным карлика.

Фортуна в лице Павла I немного поиграла с Карлом Васильевичем: после возвышения последовала отставка, вскоре опять сменившаяся назначением в камергеры. Есть свидетельство о том, что глава заговорщиков фон Пален покровительствовал Нессельроде-сыну. Также юноша часто бывал у Натальи Кирилловны Загряжской, дальней родственницы Натальи Николаевны Гончаровой, к которой послал его отец-дипломат. Она вскоре уехала из Петербурга «от ужасов павловского режима». ³⁰

«Возвратясь из Гатчины, Государь перенес свою резиденцию из Зимнего дворца в только что оконченный Михайловский замок. Здесь я целовал ему в последний раз руку на куртаге 11-го марта, незадолго до его кончины».

²⁷ Энциклопедический словарь / Изд. Брокгауза и Эфрона. СПб., 1897. Т. XX-A. С. 291.

²⁸ Записки графа К. В. Нессельроде. С. 525.

²⁹ Там же. С. 531.

³⁰ Воспоминания графа К. В. Нессельроде // Русский архив. 1905. № 8. С. 481.

Здесь необходимо отметить важное обстоятельство. Мемуары канцлера Нессельроде на русском языке (в переводе с французского) публиковались дважды: в журнале «Русский вестник», издаваемом М. Катковым (1865. № 10. С. 519—568), и в журнале «Русский архив» (1905. № 8. С. 481—534). Издатель последнего, замечательный историк и пушкинист П. И. Бартнев, предпослал «Воспоминаниям графа К. В. Нессельроде» (так они именовались в переводе 1905 г.) следующее замечание: «Неудачный перевод этих воспоминаний уже напечатан был в октябрьской книжке „Русского вестника“ 1865 года, но с неточностями, которые здесь поправлены; опущения же восстановлены. П. Б.».³¹

Мною была проделана сверка двух текстов, и выяснилось, что из описания обстоятельств, при которых трагически завершилось царствование Павла I, в журнале М. Каткова была исключена следующая фраза, — она шла у Нессельроде сразу после сообщения о том, что на последнем куртаге, 11 марта 1801 г., он удостоился поцеловать руку императора: «В ночь с 11 по 12-е последовала страшная катастрофа, возведшая на престол Александра».³²

Следующий фрагмент в издании П. Бартнева также был заново отредактирован и дополнен. В нем говорится о важной миссии, коей был удостоен молодой придворный и начинающий дипломат, — сообщить брату императрицы Марии Федоровны, герцогу Вюртембергскому, о событиях в Петербурге. П. Бартнев восстановил фразу: «...поручение, довольно щекотливое по причине расспросов о кончине императора Павла, которым меня подвергли. Мне посчастливилось не уклониться от того, *что мне приказано было говорить*».

Анализируя ситуацию — близкое знакомство и тесную дружбу отца и сына Нессельроде со всем кругом заговорщиков, прежде всего с фон Паленом, — рискую высказать предположение о полной осведомленности Карла Нессельроде относительно готовящегося убийства Павла I.

Судьба забрасывает Нессельроде в Гаагу до завоевания этой страны Наполеоном, где борются две партии: сторонники принца Оранского (оранжисты) и республиканцы. «Разделение между этими двумя партиями было весьма резкое; презрение со стороны оранжистов и ненависть со стороны республиканцев делали в эту эпоху сближение невозможным. Несмотря на то в Гаге поселены были многие оранжистские фамилии, как, например, Виланды, Васернеры, Геккерены, Вандерштали. Семейства эти составляли основу хорошего общества; дипломатический корпус имел в них сильную поддержку. Амиенский мир открыл возможность многим эмигрантам, расселенным по Англии и Германии, вернуться в отечество, в числе их было много достойных людей, с которыми у меня установились приятельские отношения».³³ Запомним это мимолетное свидетельство. Семья оранжистов Геккеренов из Гааги, к которой принадлежал «отец» Жоржа Дантеса, с давних пор была известна будущему канцлеру. Возможно, именно здесь и зародилась симпатия Нессельроде к голландскому посланнику. В дальнейшем Геккерен в полной мере воспользуется этим, чтобы выпутаться из сложнейшего положения, в каком оказались он и его «приемный сын» после дуэли с Пушкиным.

На это обстоятельство обратил внимание и П. Е. Щеголев. Вспомним: «Из официальных документов мы знаем, что презус военно-судной комиссии

³¹ Записки графа К. В. Нессельроде. С. 542. Ср.: Воспоминания графа К. В. Нессельроде. С. 491.

³² Там же. С. 496.

³³ Там же. С. 560.

по делу о дуэли полковник Бреверн 8 февраля получил от графа Нессельроде два полученных им от барона Геккерна письма Пушкина: одно — от 17 ноября 1836 года и другое — от 26 января 1837 года. 9 февраля эти письма были доложены в комиссии; с них были сняты копии, а подлинники, по требованию графа Нессельроде от 28 апреля того же года, были возвращены сему последнему 1 мая.

26 мая граф Нессельроде направил нашему посланнику в Гааге пакет с документами для вручения барону Геккерну.

Барон Геккерн передал графу Нессельроде пять документов; в военно-судную комиссию Нессельроде передал только два документа из пяти.

Три документа остаются нам неизвестными.

Что они заключали?

Если бы они говорили что-либо в пользу Пушкина, Геккерн, конечно, не передал бы их Нессельроде. Но почему Нессельроде не препроводил эти три документа в судную комиссию?»³⁴

Вернемся, однако ж, к жизнеописанию канцлера. Взлет Нессельроде на дипломатическом поприще связан с выполнением особо щекотливых поручений. История пока о многом умалчивает. Вот, например, случай с французскими дешифровщиками дипломатической почты, отчасти связанный с опалой М. М. Сперанского, которого Нессельроде называет своим другом.

Сведения об этом находим в «Русском биографическом словаре»: «Во время тильзитского свидания Нессельроде состоял при нашем князе Куракине, а после того был назначен советником посольства в Париж (посол — граф П. А. Толстой). „Не к законному королю, а к самозванцу суждено было мне отправиться“, — говорит об том назначении в своей автобиографии Нессельроде (предполагалось его назначение в Митаву ко двору пребывавшего там в изгнании Людовика XVIII). Сам он, однако, признает, что это назначение стало источником его „прекрасной обширной карьеры“. За это время ему пришлось выполнить весьма трудные и порою очень деликатные поручения. Переговоры графа Толстого с Наполеоном были очень ответственного характера: на Нессельроде лежало редактирование всей посольской переписки. Вместе с Толстым он был в Эрфурте, во время второго свидания императора Александра I с Наполеоном. После Эрфурта граф Толстой получил отставку, и в Париж был назначен князь Александр Борисович Куракин. До его прибытия Нессельроде управлял делами парижского посольства.

Ко времени пребывания в Эрфурте относится и сближение Нессельроде со Сперанским. После эрфуртского свидания завязались, как известно, тайные сношения между Александром и Талейраном. Не желая посвящать в эти сношения ни князя Куракина, ни самого министра иностранных дел графа Н. П. Румянцева, Государь, по указанию Сперанского, избрал посредником в этих сношениях Нессельроде, на которого официально в январе 1810 года были возложены хлопоты о заключении нового займа. Через Нессельроде шли у Александра сношения и с Коленкуром после отозвания последнего из Петербурга. Тайная корреспонденция Нессельроде шла через чиновников экспедиции дешифровки депеш Жерве и Бека и направлялась непосредственно Государю, минуя Румянцева, и, кроме того, *тайне от Государя* (! — Е. М.), сообщалась через Жерве Сперанскому. При падении Сперанского это послужило поводом привлечения Жерве и Бека к ответственности. Падение могло угрожать и Нессельроде, если бы

³⁴ Щеголев П. Е. Указ. соч. С. 268.

Сперанский не препроводил перед этим всю его переписку запечатанной Государю».³⁵

Сперанский, безусловно, спас Нессельроде — и отправился в ссылку. Было что-то в молодом советнике, что не позволяло делать его винтиком в машине дипломатии, стрелочником. Он, будучи к этому времени свидетелем нескольких сражений — в их числе кровопролитнейшего при Эйлау, — изощривший свое чутье при выполнении разнообразных комиссий, удостоенный дружбы не только Сперанского, но также Меттерниха, становится незаменимым и начинает теснить конкурентов. И первым таким конкурентом оказался министр иностранных дел, Государственный канцлер Николай Петрович Румянцев. Вот как это происходило.

«Когда к августу 1811 года отношения к Франции приняли крайне натянутый характер, Нессельроде покинул Париж. На обратном пути в Петербург он имел в Вене разговор с Меттернихом о предстоящих событиях. Цель этого разговора — привлечение Австрии к союзу против Наполеона — осталась недостигнутой. По прибытии в Петербург Нессельроде составил докладную записку, в которой были намечены те основания, на которых возможно было бы продолжать переговоры с Наполеоном. Результатом этого было его назначение статс-секретарем, и тогда же Александр I наметил его состоять при своей особе, в случае своего отправления в армию.

С этого времени служебная деятельность Нессельроде принимает все более и более широкий характер, и его роль при Государе и в ведомстве иностранных дел растет по мере того, как падает значение канцлера Румянцева».³⁶

Здесь делаем отступление — ради того, чтобы вспомнить столь замечательную личность, как Николай Петрович Румянцев, заслуги которого перед отечественной историей, наукой и культурой поражают воображение.

Второй сын знаменитого фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайского и Е. М. Голицыной, он фактически являлся внуком Петра I: известно, что настоящим отцом фельдмаршала был царь, а матерью — выданная замуж за царского денщика Румянцева юная очаровательная графиня Мария Матвеева. В характере Николая Петровича были заметны многие черты, которые напоминали его великого деда. Получивший блистательное образование (Екатерина II послала братьев Румянцевых учиться в Германию, Францию, Италию), он рано почувствовал призвание к дипломатической деятельности. (Невольно вспоминается, что канцлер Нессельроде имел за собой лишь неоконченный курс в берлинской гимназии; по его собственному признанию, он всю жизнь ощущал недостатки данного ему образования).

Интересно, что первое свое назначение в качестве посла Румянцев получает в город, откуда происходила мать Нессельроде и где последние годы жизни провел отец Карла Васильевича, — во Франкфурт-на-Майне. Здесь, по словам друзей, «он до того усердно следил за интересами России, что его ненавидели все друзья Пруссии, а сам Фридрих II называл его „дьяволом бешеным“».³⁷

«Павел I произвел Румянцева в гофмейстеры, а в 1801 году он по ходатайству вдовствующей императрицы Марии Федоровны был назначен

³⁵ Русский биографический словарь. Т. «Нааке-Накенский—Николай Николаевич-старший». С. 244.

³⁶ Там же. С. 246.

³⁷ Соловьева Т. А. Румянцевский особняк на Английской набережной. СПб., 1996. С. 51.

Директором водных коммуникаций. При Румянцеве в Петербурге были устроены Обводный и Лиговский каналы, проложен водопровод в Москву из Мытищ, он руководил в столице сооружением Биржи, двух мостов на Мойке, „обложением Невы гранитом” и многим другим». ³⁸ Отчасти благодаря Румянцеву «в гранит оделась Нева, мосты повисли над водами». (А. С. Пушкин не мог не знать об этом).

«В 1802 году Александр I назначил его министром коммерции, в 1807 — министром иностранных дел. (...)

В 1808 году Александр I отправил Румянцева в Париж для переговоров с Наполеоном (...). Вот что писал по этому поводу А. В. Старчевский: „Во время пребывания своего в Париже Румянцев пользовался особенным благоволением императора Наполеона, который, говоря однажды об обширных его познаниях, прибавил, что он не видал еще никого из русских с такими глубокими сведениями в истории и дипломатии”. По возвращении, в 1809 году, Александр I присвоил Румянцеву высший гражданский чин Государственного канцлера.

При преобразовании Государственного Совета в 1810 году граф Николай Петрович Румянцев был назначен его Первым председателем на те случаи, когда отсутствовал император.

Нападение Наполеона на Россию было неожиданностью для сторонника дружеских отношений с Францией и так повлияло на Государственного канцлера, что у него случился удар, в результате которого Николай Петрович начал терять слух. К тому же в мае 1812 года Н. П. Румянцев не пожелал подписать ответ Наполеону по Тильзитскому миру, написанный по приказанию Александра I *графом Нессельроде* от имени русского правительства. После чего Румянцев стал замечать, что его отстраняют от участия в иностранной политике России. Вскоре совестливый и легкоранимый Румянцев подал рапорт об отставке. (...)

Сохранилась и была опубликована переписка Румянцева с Александром I и А. А. Аракчеевым по этому поводу». ³⁹

Документы эти настолько впечатляют, что не могу не привести здесь отрывок, чтобы показать, до какой степени непереносимым для канцлера было его двойственное, крайне мучительное положение — внешне почетное, но на деле унижительное: ведь всеми обстоятельствами политики владел другой человек — Нессельроде.

«Письмо Александру I от 29 апреля 1813 г.

„Всемиловитый Государь.

Поверяю здесь ко священнейшим стопам Вашего Императорского Величества себя и просьбу мою о увольнении меня от службы. Не лета, не болезнь от оной меня выводят — необходимость. Я в вину себе ставлю, Всемиловитейший Государь, что продолжаю слыть государственным канцлером, когда отлучен пребываю от участия и сведения государственных дел...”» ⁴⁰

В августе 1814 г. Николай Петрович Румянцев вышел на пенсию с *пожизненным званием Государственного канцлера*, — такова была воля монарха.

После ухода в отставку Н. П. Румянцев прожил еще двенадцать лет в Петербурге, в своем особняке на Английской набережной, где создал уникальный музей и положил начало собиранию прославившей его по всему миру библиотеки, названной впоследствии его именем.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 52—54.

⁴⁰ Там же. С. 54.

Многие современники Пушкина и его друзья пользовались дружбой и покровительством этого необыкновенного человека. Плетнев писал: «Если чье-нибудь помышление клонилось на путь народной славы, никого не отчуждал граф Румянцев, сей благородный вельможа, от своей поучительной беседы и благородного вспомоществования, был ли то историк или мореход, поэт или художник, грамматик или законовед. Он обратил дом свой в храм общественных муз».

Остается открытым вопрос о знакомстве А. С. Пушкина с отставным канцлером Николаем Петровичем, о посещении поэтом знаменитого особняка на Английской набережной — в двух шагах от Коллегии иностранных дел, где он после окончания Лицея стал служить под началом К. В. Нессельроде и где служил в это время А. С. Грибоедов. Точно известно, однако, что с братом канцлера Сергеем Петровичем Пушкин был хорошо знаком по «Арзамасу», а впоследствии встречал его на «субботах» В. А. Жуковского. Известно также, что в 1831 г. поэт снимал на Галерной улице в Петербурге квартиру рядом с Румянцевским музеем (самого канцлера тогда уже не было в живых) и бывал в квартире будущего академика А. Х. Востокова, который возглавил Румянцевский музей в эти годы.⁴¹

Несомненно одно: совсем по-другому могла бы проходить служба Пушкина и Грибоедова, если бы Н. П. Румянцев не получил долгожданной отставки и не ушел бы от дел. Но история не знает сослагательного наклонения.⁴² Министром иностранных дел, а впоследствии и канцлером, стал Карл Нессельроде.

Вот как об этом пишет он сам на последней странице своих воспоминаний: «Во время пребывания в Петербурге судьба моя окончательно определилась. Канцлер Румянцев, *заведовавший еще по имени* Коллегией иностранных дел, почти совсем оглохший вследствие двух апоплексических ударов, оскорбился тем, что был устранен от участия в договорах, обессмертивших царствование императора Александра, и подал в отставку. Отставка была принята. Я заместил его, получив скромный титул статс-секретаря, заведывающего Коллегией иностранных дел. Титул этот я сохранил до времен императора Николая, пожаловавшего меня в вице-канцлеры при заключении Туркманчайского мира».⁴³

Упоминание Туркманчайского мирного договора сразу вызывает в памяти имя А. С. Грибоедова. Приходят на ум слова Фамусова из комедии «Горе от ума»:

А наши старички?? — (...)
Прямые канцлеры в отставке — по уму!⁴⁴

Уж не имел ли здесь в виду автор бессмертной комедии... Н. П. Румянцева, судьба которого близко коснулась его собственной судьбы? Не отставной канцлер граф Н. П. Румянцев, а «скромный статс-секретарь,

---

⁴¹ Соловьева Т. А. Пушкин на Английской набережной // Санкт-Петербургские ведомости. 1995. 1 февр. С. 6.

⁴² Не повезло Александру Сергеевичу и в другом случае, о чем сообщает историк русской дипломатии С. С. Татищев: «Весной 1822 года, вследствие ловко направленной из Вены дипломатической интриги, Каподистрия подал наконец в отставку, и она была принята Александром... Характерно, что покровительствуемый Каподистрией Пушкин, к грехам которого заботливый начальник относился с отеческою снисходительностью, был исключен „за распутство“ из Министерства иностранных дел в первый же год единоличного управления им графом Нессельроде» (Татищев С. С. Из прошлого русской дипломатии. Исторические исследования и полемические статьи. СПб., 1890. С. 53—54).

⁴³ Воспоминания графа К. В. Нессельроде. С. 534.

⁴⁴ Грибоедов А. С. Сочинения. Л., 1940. С. 64.

заведывающий Коллегией иностранных дел» был начальником Грибоедова и настаивал на отъезде его в Персию: об этом мы читаем в письме к С. Н. Бегичеву от 15 апреля 1818 г. из Петербурга. А. С. Грибоедов писал: «...объясню тебе непритворную мою печаль. Представь себе, что меня непременно хотят послать, куда бы ты думал? — в Персию, и чтоб жил там. Как я ни отнекиваюсь, ничто не помогает; однако я третьего дня, по приглашению нашего министра (Нессельроде. — *Е. М.*), был у него и объявил, что не решусь иначе (и то не наверно), как если мне дадут два чина, тотчас при назначении меня в Тайеран. Он поморщился, а я представлял ему со всевозможным французским красноречием, что жестоко было бы мне цветущие лета свои провести между дикообразными азиатцами, в добровольной ссылке, на долгое время отлучиться от друзей, от родных, отказаться от литературных успехов; которых я здесь вправе ожидать, от всякого общения с просвещенными людьми, с приятными женщинами, которым я сам могу быть приятен. (Не смейся: я молод, музыкант, влюбчив и охотно говорю вздор, чего же им еще надобно?). Словом, невозможно мне собою пожертвовать без хотя несколько соразмерного возмездия.

— Вы в уединении усовершенствуете ваши дарования. (Так и слышится сдержанный французский ответ Нессельроде. — *Е. М.*).

— Нисколько, В(аше) с(иятельство). Музыканту и поэту нужны слушатели, читатели; их нет в Персии...

Мы еще с ним кое о чем поговорили; всего забавнее, что я ему твердил о том, как я сроду не имел ни малейших видов честолюбия, а между тем за два чина предлагал себя в полное его распоряжение». ⁴⁵

Еще одно упоминание А. С. Грибоедова о К. В. Нессельроде находим в его письме к И. Ф. Паскевичу от 3 декабря 1828 г. из Тавриза: «Расшевелите наше сонное министерство *иностраннных и престраннных дел*. Напишите, В(аше) с(иятельство), прямо к Государю Ваше мнение насчет Аббас-Мирзы, что хорошо бы его вооружить против турков. Я без особого подтверждения начальства не могу на себя это взять. В 1821 году я это очень успешно произвел в действие и получил головомоюку от Нессельроде, хотя Ермолов вполне одобрил меня. Так и теперь может случиться. Вы похвалите, а *черти меня расклюют*». ⁴⁶

Но вернемся назад к нашему рассказу о канцлере.

«В январе 1812 года я вступил в брак с девицею Гурьевой, доставившей мне 37 лет счастья. (Это единственное упоминание Марии Дмитриевны Нессельроде на страницах мемуаров ее супруга! — *Е. М.*). Вскоре за тем последовало событие, которое могло бы иметь вредное влияние на мою судьбу: я разумею ссылку Сперанского, *близкого мне друга, главной моей опоры у Государя* во все продолжительное время царской к нему немилости. Ссылка его последовала в ночь с воскресенья на понедельник. Во вторник Государь призвал меня и с ангельскою добротою рассеял мои опасения относительно переписки моей со Сперанским; переписка эта была отослана Сперанским Государю запечатанная и лежала у него в кабинете. Я застал императора еще сильно взволнованным необходимостью, в которой он, справедливо или нет, нашел себя поставленным расстаться с человеком, характер коего любил, дарования коего высоко ценил. Сперанский был, очевидно, жертвою Балашова и Армфельта, воспользовавшихся общественным мнением, враждебным к преобразованиям, которых желал Государь, осуществление которых возлагал на Сперанского. Они представили Его

⁴⁵ Там же. С. 472.

⁴⁶ Там же. С. 577.

Величеству, что накануне войны, в которой лишь любовь к родине могла быть спасением, неблагоразумно оскорблять народное чувство, держа при себе человека обвиняемого в измене, в тайных сношениях с Францией. Сношения эти ограничивались перепискою с герцогом Бассано для получения подробных сведений о наполеоновских учреждениях, которым хотели подражать в России. Так, Государственный совет был организован по образу французского Государственного совета. Преобразовательные замыслы Сперанского были намного шире».⁴⁷

Удивительна эта обширная вставка в «Записках» Нессельроде: обычно он не останавливался подробно на характеристиках общественных деятелей. После рассказа о ссылке своего друга мемуарист резюмирует: «Недолго прожил он после признания заслуг его. Сперанский был человек с большими сведениями, неутомимый работник, характера мягкого, благовожительного, но недовольно энергичного, что и было причиной его бедствий».⁴⁸

Как уже говорилось, падение Сперанского знаменовало для Нессельроде начало блистательного возвышения. «Время с 1812 по 1816 год, когда ему было вверено управление Министерством иностранных дел, было периодом его жизни, подготовившим для него то положение, какое ему было суждено занять во вторую половину царствования Александра I и сохранить в течение всего царствования Николая I. В 1812 году Нессельроде заметно начинает выдвигаться с момента разрыва с Наполеоном. В марте этого года он последовал за Государем в главную квартиру действовавшей армии, через Вильну. Нессельроде был составлен рескрипт на имя председателя Государственного совета князя Салтыкова, возвещавший о решении покинуть Вильну и начать отступление после того, как Наполеон вступил в пределы России. После отъезда Государя из армии Нессельроде получил приказание оставаться при фельдмаршале Барклае-де-Толли и редактировать известия об армии. Он присутствовал, между прочим, при сражении под Витебском».⁴⁹ От Гжатска Нессельроде был отозван в Петербург. Вернулся он к армии только в свите Александра в конце года, когда Наполеон отступил уже за Березину. С этого момента Нессельроде неотлучно находится при Государе — до самого вступления союзников в Париж. Он участвует во всех переговорах, несколько раз встречается с Меттернихом. После сдачи Парижа Нессельроде вместе с полковником Михаилом Орловым ведет переговоры об условиях капитуляции. Он вместе с Талейраном редактирует прокламацию от имени союзных государств о том, что они не вступят ни в какие переговоры ни с самим Наполеоном, ни с кем бы то ни было из членов его семейства.

Знаменательным было то, что в побежденный Париж вошел первым (такова ирония истории!) не император Александр I во главе союзных войск, а карлик Нессельроде, спешивший на встречу с Талейраном, предавшим своего повелителя Наполеона. Вот как описывает это событие будущий канцлер: «День был воскресный, погода стояла превосходная. Я въехал в Париж в сопровождении одного казака; (...) бульвары были покрыты разряженною толпой. Казалось, народ собрался, чтобы погулять на празднике, а не для того, чтобы присутствовать при вступлении неприятельских войск. Талейран был за туалетом. Полупричесанный, он выбежал ко мне навстречу, бросился в мои объятия и осыпал меня пудрой. После первых минут волнения он велел позвать людей, состоявших с ним в

⁴⁷ Воспоминания графа К. В. Нессельроде. С. 551.

⁴⁸ Там же. С. 552.

⁴⁹ Русский биографический словарь. Т. «Нааке-Накенский—Николай Николаевич-старший». С. 251.

заговоре. То были герцог Дальберг, аббат де Прадт, барон Луи. Покуда мы рассуждали, император во главе своей армии вступил в город».⁵⁰

«Вслед за этим он был назначен уполномоченным для переговоров о мирном договоре, который и был им подписан вместе с Разумовским (первый парижский трактат 18 мая 1814 года). Канцлер Н. П. Румянцев, *не сочувствовавший войне за освобождение Европы*, ото всех этих событий стоял совершенно в стороне и уже с начала 1813 года начал просить об отставке. Его просьба была удовлетворена после возвращения императора Александра в Петербург, 1 августа 1814 года, а 10 августа того же года „статс-секретарю, тайному советнику Нессельроде“ было повелено „продолжать докладывать Его Величеству по всем делам иностранного департамента, как то исполнялось во все течение последней с французами войны...“».

Наиболее впечатляющее свидетельство о том, как Нессельроде сумел стать необходимым императору Александру I (вследствие чего началась его головокружительная карьера в России), мы находим в воспоминаниях графини Роксандры Эделинг, урожденной Стурдзы, доверенного лица императрицы Елизаветы Алексеевны.

Она пишет: «Через несколько дней Государь уехал, сопровождаемый благословениями всех своих подданных. Он взял с собой немногих, и эти немногие были люди довольно посредственные, в числе которых я должна назвать графа Нессельроде, представляющего собою поразительный пример того, *как слепо счастье льнет к ничтожеству*. Этот министр, которого имя записано на всех великих международных актах Европы, в то время был еще только статс-секретарь. Сначала его поместили к князю Куракину в Париж, оттуда он должен был извещать Государя о всем, чего мудрый посол не мог заметить. Чтобы успешно исполнить это трудное поручение, *граф Нессельроде прибеж к перу и дарованию* одного из своих товарищей, *барона Криднера*, мать которого написала роман „Валерию“. Молодой человек отличался умом, усердием и честностью. Он охотно принялся собирать сведения, нужные для отечества в его тогдашних тяжелых обстоятельствах. Государь остался ими доволен и возымел хорошее мнение о способностях графа Нессельроде. Канцлер Румянцев занимал свою должность только для виду (эта характеристика не случайная: в обществе того времени были силы, составлявшие Н. П. Румянцеву определенную репутацию. — *Е. М.*). Государь работал с князем Гагариным, молодым человеком, который подавал блестящие надежды. Его сумела поместить на эту должность М. А. Нарышкина, и он пошел бы очень далеко, если бы тут не замешалась любовь. Они влюбились друг в друга и стали думать, как бы получить возможность удалиться от двора и от своих семейств и предаться взаимной страсти. Князь Гагарин сослался на здоровье. Государю нужен был секретарь; в это время приехал Нессельроде, уже получивший некоторую известность. *Его выбрали на место Гагарина, женили на дочери министра финансов*, и в несколько недель, прежде чем он успел опознаться (графиня Эделинг, видимо, хочет сказать: прежде чем император разобрался в ситуации. — *Е. М.*), у него была богатая, ловкая жена, значительное место и сильные покровители. Дело устраивалось ко всеобщему удовольствию, *только не Государя, который скоро заметил ничтожество своего секретаря и заподозрил в неверности женщину, которую он так любил*. Но быстрота политических событий не давала ему досуга обратить должное внимание на мелкие происки близких к нему лиц. Он был весь занят той ролью, которую Провидение ему назначило в великой драме, тогда начинавшейся, и он поспешил в Вильну».⁵¹

⁵⁰ Воспоминания графа К. В. Нессельроде. С. 532.

⁵¹ Из записок графини Эделинг, урожденной Стурдзы // Русский архив. 1887. № 1. С. 221.

«После Венского конгресса 30 августа 1815 года вторым секретарем по ведомству иностранных дел был назначен граф Иоанн Каподистрия. (...) Так продолжалось до августа 1822 года, когда Каподистрия покинул службу. Заместитель ему назначен не был, и с этого момента Нессельроде один стоял во главе ведомства с тем же званием управляющего министерством, которое и сохранил до конца своей службы. 24 марта 1828 года, по случаю заключения Туркманчайского мира с Персией, он был пожалован вице-канцлером, а 17 марта 1845 года канцлером. (...) Большое доверие к Нессельроде Государя Александра Павловича, его преемника Николая I, а равно императрицы Марии Федоровны не раз выражалось в тех поручениях, которые ему давались независимо от его прямых обязанностей. (...) После вступления на престол императора Николая I и следствия по делу декабристов Нессельроде был назначен в число членов Верховного уголовного суда по этому делу.

Время министерства Нессельроде совпадает со знаменательным моментом в истории русской дипломатии, когда разрешение традиционных задач русской политики, главным образом в восточном вопросе, осложнялось и затруднялось той ролью, какая выпала на долю России в Европе как результат событий 1812—1814 гг. Степень личного влияния Нессельроде на ход русской политики не соответствовала, однако, тому положению, которое он занимал. Определенный сторонник идей так называемого легитимизма, Нессельроде являлся не столько их оригинальным истолкователем, сколько добросовестным исполнителем».⁵²

В этом, пожалуй, суть характера канцлера — не инициатор (как Румянцев!), но точный исполнитель. Недаром у Ю. Тынянова в «Смерти Вазир-Мухтара» говорится: «...открывалась старая рана — венский учитель (имеется в виду Меттерних. — Е. М.) отрекся от петербургского ученика, он ругал его на всех языках Дантоном и идиотом.

Карл-Роберт Нессельрод должен был при всем том управлять, управлять, управлять.

Днем и ночью, не разгибая спины, радоваться.

И его не хватило.

Управление он сдал своей жене, себе оставил — радость. Это была трудная задача. Он знал, что в Петербурге его прозвали печеной рожей, и один писака сочинил про него ужасный площадный пасквиль: что он *peteur* (вонючка), а не министр Европы».⁵³

Оставив в стороне множество негативных характеристик «австрийского министра русских иностранных дел», также не проследивая дальше весь его поистине огромный послужной список — за время своей государственной деятельности Нессельроде участвовал в десятках переговоров и дипломатических встреч, определявших европейскую и мировую политику, — в глазах большинства современников и потомков он оставался личностью достаточно бледной, лишенной своеобразия. Пожалуй, лишь Тютчев, хорошо узнавший за десятилетия службы своего патрона, удостоил его горячим презрением в вышеприведенном стихотворении. Думается, что с этим стихотворением тесно связано другое, написанное немного позже, — «По случаю приезда австрийского эрцгерцога на похороны императора Николая».

⁵² Русский биографический словарь. Т. «Нааке-Накенский—Николай Николаевич-старший». С. 254.

⁵³ Тынянов Ю. Н. Указ. соч. С. 40. Сила и влияние карлика Нессельроде в России были велики, примером чему может служить история с Петром Негошем — югославским поэтом, правителем и митрополитом Черногории, вскоре после похорон Пушкина посетившим Псков. См. об этом: Нико С. *Мартинович*. Петр II Петрович Негош в Пскове // Временник Пушкинской комиссии: 1966. Л., 1969. С. 59—61.

Нет, мера есть долготерпению,
Бесстыдству также мера есть!..
Клянусь его венчанной тенью,
Не все же можно перенести!

И как не грянет отовсюду
Один всеобщий клич тоски:
Прочь, прочь австрийского Иуду
От гробовой его доски!

Прочь с их предательским лобзаньем,
И весь апостольский их род
Будь заклеймен одним прозваньем:
Искарриот, Искарриот!

*1 марта 1855 года. СПб.*⁵⁴

Австрийский эрцгерцог Вильгельм прибыл в Петербург 27 февраля 1855 г. «Стихотворение отражает возмущение русских придворных и официальных кругов политикой Австрии во время Крымской войны, в частности — отказом соблюдать нейтралитет. Австрийскому императору принадлежал титул „апостолического величества“».⁵⁵

Стихотворение Тютчева — это отклик на приезд австрийского эрцгерцога после Крымской войны, проигранной Россией, и последовавшей за этим кончины Николая Павловича, сдавшего своему наследнику «команду не в должном порядке», — возможно, вследствие той политики, которую проводил на протяжении десятилетий кабинет Нессельроде.

Четвертому русскому императору он уже не служил. В 1858 г. Нессельроде удалился от дел, а 11 марта 1862 г. — умер. Канцлер был похоронен в Петербурге на Смоленском лютеранском кладбище. Могила его, в очень плохом состоянии, сохранилась до наших дней.

Для нашей же темы немаловажно, что именно император Александр II, отставивший всесильного канцлера, высказал мысль о том, что причиной гибели Пушкина, инициатором написания анонимного пасквиля был не кто иной, как граф Карл Васильевич Нессельроде.

---

⁵⁴ Тютчев Ф. И. Указ. соч. Т. 2. С. 138.

⁵⁵ Там же. С. 367.

Е. Н. Монахова

ВОПЛОЩЕНИЕ ЗЛА

(Дантес и Геккерен у М. А. Булгакова
и В. В. Вересаева)

Не многих исследователей занимал вопрос о месте таких персонажей пьесы «Последние дни», как Дантес и Геккерен, в нравственной системе Михаила Булгакова. Бросается в глаза, что в поистине необъятной галерее образов, созданных им, названные выше занимают особенное положение.

Погубившие Пушкина, потушившие «солнце нашей поэзии» — кто они в художественном мире Булгакова? «Великосветский шкода» (В. В. Маяковский) в компании опытного интригана высшего дипломатического ранга,

«в распутном гнезде которого фабрикуются всевозможные сплетни, чернящие доброе имя людей» (В. В. Вересаев)? Или нечто большее?

С кем можно сравнить булгаковских смертельных врагов поэта? С врагами господина де Мольера, королевского комедианта, — безжалостным дуэлянтом-убийцей маркизом д'Орсиньи по прозвищу «Одноглазый, помолись!» и весильным архиепископом города Парижа, главой Кабалы Священного Писания маркизом де Шарроном? С критиком Латунским и Алоизием Могарычом, предавшими и погубившими Мастера? Несомненно, это образы одного ряда, но все же — не вровень с Дантесом и Геккереном. Никого страшнее, преступнее их для Булгакова не существует. И только такой мерой булгаковского отношения к Пушкину возможно измерить отношение его к людям, погубившим поэта.

Ведь кто же Пушкин для Булгакова? *Человек с огненными глазами* («Записки на манжетах»). *Пушкин — не стихи* (письмо к П. С. Попову). *Никого не трогающий чугунный человек на бульваре*, в словах которого заключена непонятная, непостижимая сила («Мастер и Маргарита»). Он — *командор нашего русского ордена писателей* (письмо к П. С. Попову).

Если внимательно перечитать переписку Булгакова с Вересаевым¹ — двух соавторов пьесы «Последние дни» (первоначальное название «Александр Пушкин»), то бросится в глаза беспокойство первого именно по поводу образа Дантеса. «Вообще в Дантесе у нас серьезная неслаженность. Вы пишете: „Образ Дантеса нахожу в корне неверным и, как пушкинист, никак не могу принять на себя ответственность за него“. Отвечаю Вам: я в свою очередь Ваш образ Дантеса считаю сценически невозможным. Он настолько беден, тривиален, выхолощен, что в серьезную пьесу поставлен быть не может. Нельзя трагически погибшему Пушкину в качестве убийцы предоставить опереточного бального офицера. (...) Дантес не может восклицать „О, ля-ля!“. Дело идет о жизни Пушкина в этой пьесе. Если ему дать несерьезных партнеров, это Пушкина унизит. Я не могу найти, где мой Дантес „хнычет“, где он пытается возбудить жалость Натальи? Укажите мне это. Он нигде не хнычет. У меня эта фигура гораздо более зловещая, нежели та, которую намечаете Вы».

Вересаев в предыдущем письме говорил о Дантесе: «Крепкий, жизнерадостный, самовлюбленный наглец, великолепно чувствующавший себя в Петербурге (...) действовавший на Наталью Николаевну именно своею животною силою дерзкого самца...». Как видно, большого значения этому персонажу соавтор Булгакова не придавал, считая его просто орудием в гораздо более сильных руках.

Булгаков никак не мог подобного мнения разделять. В примечании к вышеназванному письму он опять возвращается к мучающему его вопросу о Дантесе: «...я хотел бы ввести в пьесу оригинальную фигуру Дантеса (...) Вся беда в том, что пушкинисты (и это я беруся доказать) никакого образа Дантеса в своем распоряжении не имеют и ничего о нем не знают. О нем нет данных ни у кого. Самим надо выдумать Дантеса».

Последние слова звучат как парадокс: Как это нет данных ни у кого из пушкинистов? А Щеголев! А сам Вересаев! В следующем письме к соавтору, составляя «специальный этюд о Дантесе, чтобы продемонстрировать... все чудовищные затруднения», Булгаков обращается к трудам и того и другого исследователя, а еще — к П. В. Анненкову, Л. П. Гроссману, А. Ф. Онегину (Отто). Со своей стороны, параллельно с работой над пьесой «Александр Пушкин» Вересаев составлял (и выпускал в свет от-

¹ Булгаков М. А., Вересаев В. В. Переписка по поводу пьесы «Пушкин» («Последние дни») // Вопросы литературы. 1965. № 3. Далее все цитаты — из этого издания.

дельными частями) двухтомник «Спутники Пушкина», куда включил весьма обширные главы-характеристики: «Барон Жорж-Шарль Дантес» и «Барон Якоб-Теодор-Борхард-Анна ван Геккерен де Беверваард». Нет сомнения, что и с этими материалами Булгаков был хорошо знаком.

За множеством ценных исторических сведений, которые приводит в своих очерках Вересаев, проглядывает явно поверхностная, не удовлетворявшая Булгакова-драматурга характеристика людей, ставших причиной гибели гениального поэта. О Дантесе сказано почти как в письме Булгакову: «Статный красавец высокого роста, очень живой, веселый, остроумный. В свете он имел большой успех. У него была какая-то врожденная способность нравиться. Этим только можно объяснить, что пустоватый и малообразованный офицер был радушно принят даже в таких высококультурных домах, как дома Вяземского, Карамзина и самого Пушкина. Дамы носили Дантеса на руках и вырывали его друг у друга»: Примитивности вересаевской характеристики Дантеса противоречат даже те сведения, которые он сам же приводит в конце очерка. Какой непростой, опасный человек угадывается за такими, к примеру, данными: «Дантес в конце февраля 1837 года в письменном своем показании суду, прося допросить некоторых свидетелей из высшего света, с горечью прибавлял: „Правда, все эти лица от меня отвернулись с той поры, как простой народ побежал в дом моего противника, без всякого рассуждения и желания отделить человека от таланта. Они также хотели видеть во мне только иностранца, который убил их поэта”».

Дантес в конце 1840-х годов, после февральской революции во Франции сделался из легитимиста бонапартистом и заслужил в числе других депутатов Национального собрания гнев Виктора Гюго, поименно заклеившего их в примечаниях к стихотворению «Сходя с кафедры». Вересаев поместил эти сведения в своем монтаже «Спутники Пушкина», а в «Систематическом своде подлинных свидетельств современников (Пушкин в жизни)» есть и такое свидетельство из «Сборника биографий кавалергардов» С. А. Панчулидзева: «По словам одного из наших соотечественников, знавшего в Париже Дантеса, это был человек очень одаренный и крайне влиятельный, даже большой оригинал; он был замешан во всех событиях и происках Второй империи».

Образ пустоватого и малообразованного офицера после таких слов рассеивается, как дым. Интуиция прирожденного драматурга и большого писателя подсказывает Булгакову необходимость создания грозного, необыкновенного персонажа: не орудия в чужих руках, а самостоятельного носителя зла.

Еще более опасен Дантес в неразрывной его связи с Геккереном. О характере этого рокового для Пушкина союза Булгаков вполне догадывался в процессе работы над пьесой. Доказательство тому — одна из центральных сцен произведения: сцена домашнего разговора Дантеса и Геккерена, вслед за которой Булгаков непосредственно переходит к дуэли, построенной необычайно лаконично, через диалог двух зловещих персонажей.

На мост входит Дантес. Шинель его наброшена на одно плечо и волочится. Сюртук в крови и снегу. Рукав сюртука разрезан. Рука обвязана окровавленным платком.

Геккерен. Небо! О небо! Благодарю тебя! *(Крестится)* Обопрись о меня. Платок, на платок!

Дантес. Нет. *(Берется за перила, отплевывается кровью).*

Геккерен. Грудь, грудь цела ли?

Дантес. Он хорошо прицелился. Но ему не повезло...

.....

Геккерен (тихо). А тот?

Дантес. Он больше ничего не напишет.

По логике ответа Дантеса в контексте пьесы следует, что его противник, Пушкин, не напишет ничего, компрометирующего голландского посла и его приемного сына. Но Булгаков эти роковые слова заставляет звучать смертным приговором Пушкину-поэту, который «больше ничего не напишет» вообще.

Верность интуиции Булгакова в вопросе о Дантесе и Геккерене подтверждает, на наш взгляд, опубликованное уже после смерти драматурга письмо бывшего голландского посланника в Петербурге своему приемному сыну по поводу награждения последнего орденом Почетного легиона: «Были три императора (российский, французский, австрийский) и один молодой француз; один из могущественных монархов изгнал молодого француза из своего государства, в самый разгар зимы, в открытых санях, раненого! Два другие государя решили отомстить за француза, один назначил его сенатором в своем государстве, другой пожаловал ему ленту Большого Креста, которую он сам основал, за личные заслуги! Вот история бывшего русского солдата, высланного за границу. Мы отомщены, Жорж!».²

Булгаков как будто провидел возможность такого письма, рисуя своего Дантеса на балу во дворце Воронцовой, когда будущий убийца поэта упрекает его жену за благосклонность к русскому императору и принуждает ее этим к свиданию.

Дантес. Проклятый бал! К вам нельзя подойти. Вы беседовали с императором наедине?

Пушкина. Ради Бога, что вы делаете! Не говорите с таким лицом, нас могут увидеть из гостиной.

Дантес. Ваша рука была в его руке. Вы меня упрекали в преступлениях, а сами вы вероломны.

Пушкина. Я приду, приду. В среду в три часа. Отойдите от меня ради всего святого.

Булгаковский Дантес вполне способен мстить императорам.

Всякую попытку Вересаева исправить образы главных антигероев пьесы о Пушкине и даже переоснастить их излишними отвлекающими подробностями Булгаков воспринимал болезненно: «...Вы, не считаясь ни с предыдущими, ни с последующими сценами, не обращая никакого внимания на то, что для Геккерена составлен специальный сложный характер, вставляете излишний, боковой, посторонний номер с торговлей — упрощенческий номер.

Но и этого мало. Тут же еще Дантес позволяет себе объяснить зрителю, что Геккерен — спекулянт. Причем все это не имеет никакого отношения ни к трагической гибели поэта, ни к Дантесу, ни к Наталье, вообще не имеет права существования в этой пьесе. <...>

На том основании, что Вам не нравится изображенный Дантес, Вы, желая снизить его, снабдили его безвкусными островами, чем Дантеса нового не создали, но авторов снизили — чрезвычайно. <...>

Любовные отношения Натальи и Дантеса приняли старинную форму грубейшего флирта, который ни в какой связи с пьесой не стоит. <...>

Дантесу, которого Вы предьявляете, жить в пьесе явно и абсолютно нечем, и естественно вполне, что он начинает говорить таким языком, который повергнет в изумление всех... То есть, не он действует и говорит,

² Звенья. М., 1951. Т. 9. С. 184.

а кто-то за него, его устами говорит и явно языком какого-то исследования о Дантесе. {...}

Викентий Викентьевич, сказать, что мой Дантес плох, — можно, но этого еще недостаточно — нужно показать другого Дантеса. То, что Вами написано, это не только не Дантес, это вообще никто, эту роль даже и сыграть нельзя».

Все эти доводы Булгакова, с которыми он буквально набрасывается на Вересаева, не стесняясь в выражениях, яростно атакуя своего соавтора-оппонента, показывают, каково было его отношение к Дантесу. «Это хорошо, что Вы высказываете свое литературное мнение в прямых и резких словах; тем самым Вы, конечно, и мне даете право делать то же самое. Я воспользуюсь этим правом, когда буду говорить о Дантесе». И Булгаков говорит о Дантесе постоянно, почти в каждом письме Вересаеву.

Можно предположить, что в творчестве Булгакова нет персонажа, по поводу которого он так беспокоился бы, активно пытаясь доказать правильность своего понимания этого образа, ради которого он так раскрыл бы свою писательскую кухню. Создавая своего Дантеса, Булгаков обратился к Пушкину, к его драматической прозе: «Вы называете выстрел Дантеса (в картину) „безвкусным“. А я считаю, что выстрел, навеянный пушкинским выстрелом Сильвио, есть самая тонкая концовка картины и что всякая другая концовка будет хуже. Я готов признать, что у меня нет вкуса, но вряд ли кто-нибудь признает, что у меня нет опыта. И вряд ли кто-нибудь докажет, что выстрел Дантеса хоть в чем-нибудь нарушает историю».

Страстность Булгакова мучительно действовала на Вересаева, который по сути дела не склонен был придавать большого значения личностям «фактических убийц Пушкина», с самого начала представляя их как орудие могущественных социальных сил. «Я за лето измучил Вас, Вы измучили меня. Мы оба готовы друг друга ненавидеть, — пишет Вересаев. — Дальше идти некуда. Делайте с пьесой, что хотите, отдавайте в театр в том виде, в каком находите нужным. Я же оставляю за собой право, насколько это для меня окажется возможным, бороться за устранение из Вашей прекрасной пьесы часто изумительно ненужных нарушений исторической правды и усиление ее общественного фона. Преданный Вам В. Вересаев». Никакого соглашения в этом вопросе у соавторов быть не могло изначально.

Вересаев, написавший для «Спутников Пушкина» этюды о Дантесе и Геккерене, возможно, восстановил этим свое нарушенное в яростной полемике с Булгаковым душевное равновесие. Он привел множество свидетельств современников, которые казались ему необычайно важными, объясняющими ситуацию с точки зрения «исторической правды и общественного фона». Собственное же отношение к людям, непосредственно погубившим «солнце нашей поэзии», он невольно высказывает в одном из писем к Булгакову: «Геккерен — мелкий мерзавец, которого брезгливо сторонились другие члены дипломатического корпуса, — слишком, видите ли, упрощается и чернеет, если он будет показан еще и как беззастенчивый спекулянт. Исторически верная и полная характеристика Геккерена и его содержания Дантеса, — фактических убийц Пушкина, — это — „боковой номер“ для пьесы!.. „Слишком черно“? Почему же Вы в „Турбиных“ сочили возможным одними черными красками рисовать полковника-крысу и звероподобных петлюровцев?». Последний вопрос Вересаева ясно показывает, в каком ряду автор популярных книг о Пушкине видит врагов поэта: третьестепенные персонажи исторической драмы, послушные исполнители, ничтожества.

Булгаков не отступает, он придумывает Дантеса сам, все время ощущая при этом дьявольскую сущность характера своего персонажа, памятью слова

князя Вяземского: «Адские козни!». Эюд Булгакова о Дантесе, вложенный в одно из писем к Вересаеву, — это по сути попытка понять истинную сущность человека, навсегда проклятого людьми культуры. Думается, что и Пушкин не мог бы не разделить подобного мнения о людях, которым мстил за свою поруганную честь и честь своей жены.

Чем ответить врагам поэта — пусть даже через сто лет? Как восстановить подлинный масштаб Пушкина — не камер-юнкера, не оскорбленного мужа придворной красавицы, а «первого романтического поэта России»? Писатель находил такой способ! Вырвав из текста анонимного пасквиля — документа, имеющего целью оскорбить Пушкина, — слово «командор», Булгаков ставит его в новый, положительный контекст и награждает Пушкина почетным титулом «командора нашего ордена русских писателей»!

М. Д. Филин

ПЕРЧАТКА ДРУГА

В конце 1936—начале 1937 гг. в среде русских масонов, осевших в Париже после исхода с родины, царило заметное оживление. Все Русское Зарубежье намеревалось торжественно отметить столетие со дня смерти Пушкина, объявив его национальным праздником в изгнании. Вольные каменщики не игнорировали юбилея. Более того, их приготовления начались загодя, едва ли не раньше приготовления «профанов». Двумя годами ранее в книге «Знаменитые русские масоны», вышедшей в парижском издательстве «Свеча», историограф ордена Т. А. Бакунина с удовлетворением писала, что членам лож «дорога и ценна мысль о том, что в их рядах вместе с другими выдающимися и замечательными людьми был и величайший из русских поэтов, носитель высокого дара вдохновенного проникновения в природу вещей — того дара, который масоны называют „царственным искусством“ и которое, по их мнению, является тайной, необъяснимой для профанов и открывающейся только посвященным».¹ В ходе грядущих празднеств должно было укоренить в общественном сознании факт пушкинской принадлежности к вольным каменщикам и, пользуясь магией имени поэта, привлечь в ложи новых братьев, попутно укрепив в вере уже «посвященных».

И вот долгожданные дни настали. Во всех православных храмах французской столицы были отслужены панихиды. Появилась однодневная газета «Пушкинь», в создании которой участвовали наиболее маститые деятели культуры. Чуть ли не ежедневно проходили научные заседания, вечера и концерты в честь великого соотечественника. В зале Плейель готовилась к открытию выставка «Пушкин и его эпоха», ее инициатором и душой был балетмейстер С. М. Лифарь. Эмигрантские газеты и журналы из номера в номер печатали юбилейные материалы. Увидели свет несколько ценных книг и сборников. Тяготы жизни на чужбине, казалось, на время позабылись. Господствовало всеобщее воодушевление.

В те дни в одну из парижских лож пришло около трехсот человек. Беспрецедентное паломничество было обусловлено темой собрания. С речью о Пушкине выступил Михаил Александрович Осоргин — писатель и жур-

¹ Бакунина Т. А. Знаменитые русские масоны. М., 1991. С. 93.

налист, оратор ложи «Северная звезда», подчинявшейся «Великому Востоку Франции».² Как вспоминала в своей книге «Люди и ложи» Н. Н. Берберова, в аудитории «были представлены все русские ложи. Это был большой день в жизни русского эмигрантского масонства».³ Почти сразу же речь брата Осоргина, переделанная в статью под названием «Пушкин — вольный каменщик», была опубликована в крупнейшей эмигрантской газете «Последние новости».⁴ По некоторым сведениям, достаточно авторитетным, это издание находилось под контролем масонов. Есть основания полагать, что упомянутая статья носила программный характер и отражала позицию братства в целом. Исходя из этого уместно рассмотреть ее подробнее.

Прежде всего М. А. Осоргин поведал эмигрантам, что Пушкин масоном был недолго, и вряд ли принадлежность к братству вольных каменщиков могла заметно отразиться на его произведениях. Только в одном стихотворении (в послании к П. С. Пушину) он прямо выдает свою связь с братством, и с некоторым основанием можно сблизить с масонством его «Пророка». Но тут же автор подчеркнул: «Что Пушкин стал масоном — более чем естественно. В его время, как и в предшествовавшие эпохи, екатерининскую и павловскую, значительное число людей выдающихся и образованных входило в масонские ложи; по последним историческим данным, в России конца восемнадцатого и начала девятнадцатого века масонов было свыше 3500, если говорить только о тех, имена которых точно установлены».

Известно, что, выйдя из Лицея, юный поэт едва не стал членом петербургской ложи «Три добродетели», а в итоге в 1821 г. вступил в кишиневскую ложу «Овидий», о чем записал в дневник: «4 мая был я принят в масоны». Обряду посвящения в подвале дома молдаванина Михалаки Кацики М. А. Осоргин уделил особое внимание и описал церемонию с большим тщанием. Автор вообще увлекался изучением символики и обрядов масонства, находя в этом занятии «большое наслаждение», «поэзию и глубокую философию». Но не только личные пристрастия руководили им. Похоже на то, что, воскрешая прошлое и доказывая публике «каноничность» кишиневского действа, М. А. Осоргин — символически, посмертно — вновь принимал Пушкина в вольные каменщики. Само название статьи как бы декларировало всегдашнее, былое и современное, членство поэта в братстве.

Выводы статьи не менее любопытны. Закрытие российских лож в 1822 г. автор расценил как «реакционный акт Александра I». Для М. А. Осоргина и прочих братьев несомненно, что «Пушкина, человека независимого духа, проникнутого передовыми взглядами того времени, многое роднило с масонской идеологией свободы личности и торжества просвещения». Наконец, в заключение заявлено: «Можно сказать одно: эпизод с масонством Пушкина много значительнее и интереснее десятков любовных эпизодов, на изучение которых во всех нескромных деталях пушкинисты тратят столько сил. Но более подробное исследование этого эпизода — дело историков».

Недавно пришла к читателю умная и обстоятельная книга Михаила Назарова «Миссия русской эмиграции», редкое по объективности исследование темы важнейшей и воистину неисчерпаемой. Многие мифы, старые и новейшие, развенчиваются на ее страницах. Пожалуй, это первый опубликованный в России обобщающий труд, где история многострадального Русского Зарубежья изучается не с набивших оскомину либеральных и космополитических

² Позднее, в 1938 г., М. А. Осоргин стал досточтимым мастером этой ложи. Кроме того, еще в 1932 г. он открыл собственную ложу «Северные братья».

³ Цит. по: Вопросы литературы. 1990. № 3. С. 198.

⁴ Последние новости. Париж, 1937. 10 февр. (№ 5801).

позиций, но с точки зрения русских национальных традиций и интересов. Правдиво, без обычных политических спекуляций рассказывается и о масонской деятельности части изгнанников. Касаясь же пушкинских торжеств 1937 г. и участия в них вольных каменщиков, М. Назаров пишет: «Пушкин в молодости тоже вступил в одну из лож — в те времена это было модно, но вряд ли этот очень краткий период его „вольнодумства“ оправдывает спекуляцию его именем в русских ложах XX века».⁵

Не оправдывает, — это совершенно справедливо; однако не только и не столько о «спекуляциях» тут нужно, на наш взгляд, говорить, сколько о добросовестном, по-своему, заблуждении «братьев». Дело в том, что есть эпизоды, которые, быть может, дают вольным каменщикам в руки некие козыри и делают их притязания на Пушкина достаточно, с внешней стороны, убедительными. Здесь-то и имеет место заблуждение, которое необходимо у одних читателей развеять, у других — предупредить.

«Я как-то изъявил свое удивление Пушкину о том, что он отстранился от масонства, в которое был принят, и что он не принадлежал ни к какому другому тайному обществу, — вспоминал его приятель С. А. Соболевский. — „Разве ты не знаешь, — отвечал поэт, — что все филантропические и гуманитарные тайные общества, даже и самое масонство, получили... направление, подозрительное и враждебное существующим государственным порядкам? Как же мне было приставать к ним?“».⁶

Не только созревающие политические и государственные воззрения удаляли Пушкина от вольных каменщиков. С некоторых пор ему открылось нечто неизмеримо более значительное, нежели молотки, циркули и фартуки, — утерянный было путь к «заоблачной келье». «Переворот или естественный переход Пушкина от неверия (в котором, впрочем, и раньше было больше легкомыслия, снобизма, нежели серьезного умонастроения) совершается в середине 20-х годов, когда в Пушкине мы наблюдаем определенно начавшуюся религиозную жизнь, — писал о. Сергей Булгаков. — Ее он в общем, по своему обычаю, таил, но о ней он как бы проговаривался в своем творчестве».⁷ Счетные книги ложи «Овидий», которые хранились с давних времен у поэта, так и не были использованы по предназначению, — их Пушкин употребил для поэтических черновиков. И, срываясь и отступая на каждом шагу, — начал *восхождение*.

Однако вольные каменщики не забыли кишиневского брата, не сочли его «уснувшим». Масонство, высочайше запрещенное Александром I в 1822 г., подчинилось лишь внешне, продолжая конспиративную деятельность в тайных кружках. И ровно через десять лет после «Послания в Сибирь», в дни общерусской трагедии 1837 г., масоны, выглянув на мгновение из «катакомб», напомнили о себе.

Если бы масонство было лояльно к самой русскости и существовало в четко обозначенном пространстве, большой беды не было бы. Трудно что-либо возразить, когда говорят о вкладе вольных каменщиков «в историю общественной мысли и шире — в историю русской культуры» (Б. И. Краснобаев). Как бы ни относиться к этому вкладу, — он был, и притом значительный. Но дело в том, что масонство — по природе своей — не могло (да и не желало) ограничиваться светскими культурно-просветительскими функциями. В основе учения было заложено стремление к универсальности. Эта изначальная претензия определяла неизменную стратегию ордена. Касательно России речь шла о *привитии* масонской мистики к

⁵ Назаров М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. Т. 1. С. 133.

⁶ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х тт. М., 1974. Т. 2. С. 6—7.

⁷ Протоиерей Сергей Булгаков. Жребий Пушкина // Новый град. Париж, 1937. № 12. С. 30.

православию, с последующим преодолением его, постепенной подменой православия новой всемирной «религией братства». Такая вкрадчивая экспансия таила в себе огромные опасности, и недаром наиболее прозорливые и крепкие в вере русские клирики бескомпромиссно восставали против нее. К ним, в частности, принадлежал и архимандрит Фотий (Спаский), одно имя которого по сей день вызывает ненависть прогрессистов. Во многом благодаря его деятельности и влиянию на императора Александра I последовало повеление о закрытии лож. Архимандрит Фотий писал тогда: «Нечестие пресеклось, армия богохульная диавола паде, ересей и расколов язык онемел, общества же богопротивные, яко же ад, сокрушились».⁸ Увы, он заблуждался, и заблуждался жестоко.

Апологеты масонства любят напоминать, что многие выдающиеся русские люди почитали за должное стать членами братства. Однако вольные каменщики забывают, что есть и другие, более обширные реестры «исторических лиц» — тех, что за версту обходили масонские ложи. «Святцы» масонов всего лишь повторяют избитую истину: часть высшего слоя российского общества, ориентированная после Петровских реформ на западные идеалы, подверглась духовной коррозии. (Среди простолюдинов, сумевших противостоят «порче», идеи «свободы, равенства и братства» не распространились. По подсчетам той же Т. А. Бакуниной, в XIX в. по всей империи было инициировано в ложи только 56 ремесленников и крепостных⁹).

В пользу «совместимости» православия и масонства свидетельствует, по мнению апологетов, факт участия некоторых священнослужителей в работе лож. Т. А. Бакунина выявила 27 таких «экуменистов».¹⁰ Как и в предыдущем случае, здесь почти незаметно подменены критерии: проступки облазненных, близкие к отпадению, ничтоже сумняшеся выдаются за доблесть. На самом деле двадцать семь масонов в рясах возвещали о нарастающем нестроении в Русской Церкви, о «западном пленении», но никак не о начавшемся полубоковом воссоединении ее с братством вольных каменщиков.

Размышляя о русских масонах той эпохи, протоиерей Георгий Флоровский заметил: «Это были люди, потерявшие „восточный“ путь и потерявшиеся на западных».¹¹ А другой мыслитель, о. Василий Зеньковский, выразился о масонском учении еще определеннее: «С одной стороны, оно привлекало к себе людей, искавших противовеса атеистическим течениям XVIII века, и было в этом смысле выражением религиозных запросов русских людей этого времени. С другой стороны, масонство, увлекаемая своим идеализмом и благородными мечтами о служении человечеству, само было явлением внецерковной религиозности, свободной от всякого церковного авторитета. С одной стороны, масонство уводило от „вольтерианства“, а с другой стороны — от Церкви; именно поэтому масонство на Руси служило основному процессу секуляризации».¹² Эти слова применимы к русским ложам всех систем, они различны только по *степеням прозелитизма*. Но сам прозелитизм как главный стратегический принцип присутствовал всегда и всюду: иногда агрессивный и циничный, порою обходительный и завуалированный. История с пушкинским «Пророком», которого вольные каменщики пожелали прибрать к рукам, — явление того же порядка. Парижские мероприятия 1937 г., где были выдвинуты притязания уже на *всего* Пушкина, — еще один образчик. Суть всюду одинакова.

⁸ Цит. по: Иванов В. Православный мир и масонство. М., 1993. С. 26.

⁹ Бакунина Т. А. Указ. соч. С. 116.

¹⁰ Там же. С. 117.

¹¹ Протоиерей Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Париж, 1988. С. 114.

¹² Протоиерей В. В. Зеньковский. История русской философии. Париж, 1989. Т. 1. С. 105.

Эта суть учения была явлена со всей очевидностью и в январе 1837 г., в дни злосчастной дуэли и смерти русского национального поэта.

Масоны — русские и заграничные — приняли самое активное участие в событиях, завершившихся разменом выстрелами на Черной речке. Не был одиночкой Дантес, входили они и в партию Пушкина. Намеки на некие «адские козни» можно обнаружить в письмах князя П. А. Вяземского к графине Э. К. Мусиной-Пушкиной. Любопытно, что день дуэли пал на важнейший для каменщиков праздник: 27 января — день святителя Иоанна Златоуста (перенесение мощей).¹³ И вокруг самого события ощущается присутствие членов братства. Тут нет ничего удивительного: значительная часть петербургского высшего света так или иначе была связана с масонством. (Даже сам граф А. Х. Бенкендорф согрешил в молодости и очутился в ложе «Соединенные друзья»).

Но несомненное участие масонов в событиях нельзя отождествлять с «масонским заговором» против Пушкина. Между тем такое отождествление происходит на каждом шагу.

Другими словами, мы склоняемся к мнению, что масоны — как тайное общество, спаянное железной дисциплиной и безоговорочным подчинением приказам сверху, — в деле не участвовали, они действовали как частные лица, причем нередко брат противоборствовал брату. Заговора с целью уничтожения поэта, разработанного в недоступных недрах лож, не было. Те же, кто настаивает на заговоре, сами того не подозревая, моделируют ситуацию абсурдную: получается, что вольные каменщики устроили в те январские дни ожесточенную самовольную междоусобицу. К тому же вряд ли в 1937 г. масоны могли всячески возвеличивать, объявляя «своим», человека, умерщвленного по решению самих вольных каменщиков и, значит, подвергнутого «радиации», исключению из рядов ордена. Ведь «при окончательной радиации даже имя бывшего брата оказывалось под запретом и никогда больше не упоминалось, — писала Н. Н. Берберова в книге «Люди и ложи». — Братьям давалось право клясться именем Великого Геометра, что такой-то не состоит и никогда не состоял в членах тайного общества».¹⁴

Организованного участия масонов в деле не было. Но все же что-то витало в воздухе, сказывалось в частных действиях частных лиц, стихийно и одновременно упорно втягивая Пушкина и всю дуэльную историю в некий круг, где царил ощутимо масонский дух. И здесь любопытен один эпизод, вполне, может быть, невинный субъективно, но именно поэтому показательный и даже зловеющий.

В сумерках 27-го числа раненого поэта привезли в дом на Мойке и бережно внесли в квартиру. Вскоре он уже знал, что положение безнадежно, но держался мужественно. В ту ночь император Николай I прислал к Пушкину лейб-медика Арендта с письмом следующего содержания: «Если Бог не приведет нам свидетеля в здешнем свете, посылаю тебе мое прощение и последний совет: умереть христианином. О жене и детях не беспокойся. Я их беру на свои руки».

Состояние становилось критическим. По просьбе умирающего послали за «ближайшим священником» (протоиереем Петром Песоцким из Конюшенной церкви). Пушкин исповедался и причастился. Князь П. А. Вяземский сообщил позднее Д. В. Давыдову: «Священник говорил мне после со слезами о нем и о благочестии, с коим он исполнил долг христианский». Князю вторила Е. Н. Мещерская: «Он исполнил долг христианина с таким

¹³ Соколовская Т. О. Обрядность вольных каменщиков // Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1991. Т. 2. С. 84—85.

¹⁴ Цит. по: Вопросы литературы. 1990. № 1. С. 176.

благоговением и таким глубоким чувством, что даже престарелый духовник его был тронут и на чей-то вопрос по этому поводу отвечал: „Я стар, мне уже недолго жить, на что мне обманывать? Вы можете мне не верить, когда я скажу, что я для себя самого желаю такого конца, какой он имел"». В более сухой форме, но то же самое отметил и А. И. Тургенев: «Пушкин... послал за священником, и он приобщился после исповеди. Священник уверяет, что он доволен его чувствами».

Утром наступившего дня поэт прощался с женой и детьми, клал руку им на голову, потом крестил каждого. Делал последние распоряжения и расставался навсегда в этом мире с друзьями. П. А. Плетнев сказал: «Глядя на Пушкина, я в первый раз не боюсь смерти». А постоянно наносивший визиты Арндт «отходил со слезами на глазах от постели его и говорил, что он никогда не видел ничего подобного. Такое терпение при таких страданиях».

Умиравший великодушно простил своих врагов и обязал друзей ни в коем случае не мстить за него: Пушкин «желал умереть христианином». В тот день он передал через отправившегося во дворец В. А. Жуковского прощальные слова императору: «Скажи ему, что мне жаль умереть; был бы весь его». Эта фраза уже полтора столетия смущает отечественных либералов. Иные отрицают ее подлинность, считая верноподданнической выдумкой радевших о поэте и его семье мемуаристов. Другие, напротив, ухватившись за пушкинские слова, видят в них замаскированный сарказм, чуть ли не перифраз Вольтера. Лучшего доказательства непонимания духовной биографии Пушкина, чем этот либеральный кукиш, пожалуй, не найти. Фраза, несомненно, была произнесена. Пушкин, нарушив данное царю слово не драться, просто не мог уйти из жизни, не покаившись. Кроме того, он — при всех оговорках — любил Николая как государя и человека. На пороге инобытия он, мысленно еще раз «читая жизнь свою», переносился в прошлое. Думается, что «был бы весь его» — воспоминание о первой встрече с императором в Москве в сентябре 1826 г. Тогда, по окончании аудиенции, Николай I молвил: «Ну, теперь ты не прежний Пушкин, а *мой* Пушкин». Ответ царю был доставлен через десять с половиной лет. Ответ чисто пушкинский, из тех, что невозможно придумать.

29 января 1837 г. в 2 ³/₄ часа пополудни Пушкин скончался. Это была истинно христианская кончина просветленного и очищенного через страдания. Предстояло погребение.

Тут возникли нештучные препятствия. Петербургский митрополит Сегафим (Глаголевский), не жаловавший поэта и при жизни, воспротивился отданию полных погребальных почестей архиерейским служением. С канонических позиций он был прав: поединок, проистекающий из личного самолюбия, Церковь всегда сурово осуждала и приравнивала к самоубийству. Подобные коллизии в русской истории случались и всякий раз становились предметом сложных переговоров и согласований. Так и здесь: с большим трудом высокопоставленным лицам, среди коих современники выделяли графа Г. А. Строганова, удалось в какой-то мере смягчить ситуацию. По некоторым слухам, замолвил слово и сам митрополит Филарет (Дроздов). В итоге совместными усилиями добились того, что чин погребения имел традиционный православный вид.¹⁵

В восемь часов вечера 29 января отслужили первую панихиду. В ближайшей за тем дни их было несколько. Барон Ф. А. Бюлер, зашедший в квартиру поклониться поэту, вспоминал: «На руках у покойного положен

¹⁵ О том, сколь сильно было противодействие, можно судить по фактам, приведенным во «Временнике Пушкинской комиссии: Вып. 3» (М.; Л., 1937. С. 408). Тема поединка-самоубийства всегда была важной в трудах русских клириков о Пушкине.

был простой образ, без всякого оклада, и до того стертый, что никакого изображения на нем нельзя было вскорости разглядеть; платье было на Пушкине из черного сукна, старого фасона и очень изношенное. В ногах дьячок читал Псалтырь». Ту же картину запечатлел сенатор К. Н. Лебедев: «В ногах читал басом чтец в черной ризе». А. И. Тургенев записал в дневнике 31 января: «Зашел к Пушкину. Первые слова, кои поразили меня в чтении Псалтыри: „Правду твою не скрыл в сердце твоем...”».

Отпевание происходило 1 февраля, в одиннадцать часов утра. Первоначально оно было назначено в Адмиралтейской церкви, но в итоге состоялось у Спаса Нерукотворного Образа в Конюшенной. Служили архимандрит и шесть священников. Разумеется, на груди покойного лежала икона. В руках — разрешительная молитва. На чело возложили венчик. По окончании службы пришло время последнего целования. Все было кончено и, казалось, прошло подобающим образом. Оставалось только заколотить гроб. И вот тут-то случилось непредвиденное.

2 февраля А. И. Тургенев отметил в дневнике: «Заколотили Пушкина в ящик. *Вяземский положил с ним свою перчатку*». А позднее, 28 февраля, он же уточнил в письме к брату Николаю: «*Жуковский и Вяземский положили свои перчатки в гроб*, когда его заколачивали». И как бы недоумевая, добавил: «И в этом видели что-то и к кому-то враждебное».

Тут необходимо небольшое отступление. Прошло несколько десятилетий, и князь П. А. Вяземский сделал попытку откреститься от участия в сомнительном эпизоде. В Остафьеве он постепенно создавал музей, где помещались и пушкинские реликвии, в том числе связанные с дуэлью. Хранилась там и перчатка — парная той, что была брошена в гроб. В особой записке князь пояснил: «Перчатка моя; другая перчатка была брошена в гроб его Жуковским». Объяснение выглядит малоубедительным: выходит, Жуковский взял у князя его перчатку, а тот глядел на происходящее со стороны. Так или иначе, оставшуюся перчатку (теперь она в Музее-квартире на Мойке) продолжают определять как парную той, что бросил в гроб сам Вяземский.

А. И. Тургенев должен был быть хорошо осведомлен о причинах недовольства. Ведь друзья Пушкина совершили, нимало не таясь, акцию сугубо масонского толка и тем самым омрачили православный ритуал. Свидетель, к сожалению, умолчал о *цвете* перчаток, а он в данном случае немаловажен. Если Вяземский и Жуковский в последний миг сдернули с рук оказавшиеся на них в тот день перчатки, то можно подумать, они поступили так, скорее всего, по наитию, «на всякий случай». Но ведь в гробу очутились перчатки *белые* — не подходящие, кажется, ко времени года и траурным обстоятельствам.

Пара белых перчаток — один из непрменных и наиболее значимых атрибутов вольных каменщиков. Они вручались профану при посвящении в ложу «в напоминание того, что лишь чистыми помыслами, непорочной жизнью можно надеяться возвести Храм Премудрости».¹⁶ Перчатки сопровождали масона на протяжении всей жизни и клались в гроб умершего брата. Это *обязана* была сделать «его жена или близкий друг».¹⁷ Получилось, что в данном случае это сделали Вяземский и Жуковский. Представляли ли они себе достаточно ясно смысл такого поступка (ведь, совершив его публично и тем самым в качестве символического корпоративного акта, они покусились, от имени вольных ка-

¹⁶ Соколовская Т. О. Указ. соч. С. 94.

¹⁷ Вопросы литературы. 1990. № 3. С. 208. Через восемьдесят лет после описываемых событий покончил с собой в связи с неудачей корниловского наступления на Петербург генерал А. М. Крымов. Н. Н. Берберова упомянула об этом в книге «Люди и ложи»: «Терещенко был на его похоронах и положил ему перчатку в гроб».

менщиков, на православное таинство, на христианский чин погребения)? Совершено ли это было «со значением», или в качестве эмоционального жеста, использующего лишь форму масонского ритуала?

Что касается Вяземского, то его имени нет в авторитетных справочниках и масонских документах. Известно, что он всячески подчеркивал свою антипатию к любым тайным обществам. Вместе с тем масонские контакты, особенно во второй половине 1810-х и начале 1820-х годов, имели место на каждом шагу, а масонские симпатии могли быть связаны с либеральными воззрениями князя в ту пору.¹⁸ Нет полной ясности и с Жуковским. Некий масон, укрывавшийся под криптонимом В. К. (т. е. вольный каменщик), писал в предисловии к книге Т. А. Бакуниной: «Осторожность исследователя не позволяет включать имена тех, о принадлежности которых к Братству нет проверенных и окончательных сведений; но несомненна близость к масонским кругам, и личная и идейная, писателя Жуковского».¹⁹ В том же духе высказался и М. А. Осоргин в «Последних новостях»: «Нет документов, но есть все вероятия предполагать, что масоном был и Жуковский в своей молодости». Позднейшие изыскания еще более укрепили ученых в мысли, что он «был принят в масонство или за рубежом, или в одной из тайных лож начала XIX века».²⁰

Так или иначе, вышло, что параллельный отпеванию масонский обряд исполнили те, кто, кажется, лучше всех знал и понимал зрелого Пушкина, наблюдал выбранный поэтом путь. Печальный парадокс! Уход Пушкина потряс обоих друзей его, и, разумеется, прощаясь с ним, они стремились сделать все как *лучше*. Оба не без оснований считались людьми самостоятельными, свободно мыслящими и не раз доказали это. И все же они были сыновьями века, и сыновья зависимость у них была развита сильнее, нежели у Пушкина: он противостоял моде, когда считал, что мода противна его духовному строю.

Пушкин был многогрешным человеком. В дни бурной юности, почти потеряв веру, он переходил порою все мыслимые границы и кощунствовал — в жизни, в творениях. С годами у него обозначилось возвратное движение к «началу своему», по существу — вторичное и окончательное воцерковление, выстраданное и через испытания закаленное, бескомпромиссное.

У Жуковского все сложилось иначе, можно сказать — проще. Ему изначально была дана вера — высокая и спокойная. Амплитуда юношеских духовных колебаний не превышала допустимую норму, за которой — безверие. Пушкин — примерно с середины 1820-х годов — напоминал путника, устремившегося к *вершине*. Преодолевая кручу, он остро чувствовал высоту, глубоко проникался открывающейся красотой. И с каждым шагом вверх свежесть восприятия возрастала, не успевая притупиться. А Жуковский издавна знал ту страну. Он жил там. Жил высоко, но — на *плоскогорье*. И волей-неволей свыкался с ним. Накал чувства, страстный порыв вверх, как у Пушкина, здесь не требовался: вершина все равно была недосыгаема. Если верить запискам А. О. Смирновой,²¹ то Жуковский прекрасно понимал, что и здесь обойден своим давнишним учеником.

¹⁸ Вполне возможно, что Вяземский вступил в какую-либо заграничную ложу. Такое могло произойти, например, в Варшаве, где князь был на службе в течение нескольких лет.

¹⁹ Бакунина Т. А. Указ. соч. С. 7.

²⁰ Там же. С. 126.

²¹ «Записки» считаются фальсификацией, но, как справедливо заметил С. Л. Франк, их достоверность «совершенно очевидна по *внутренним* основаниям, как бы недостоверны ни были многие свидетельства этих сомнительных мемуаров» (Франк С. Л. Этюды о Пушкине. Париж, 1987. С. 48). Эти вопросы рассматриваются в пушкиноведении очень упрощенно и схематично. Один из недавних примеров — статья Г. Пахомова «Жуковский и Пушкин: Верующий и скептик» (Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1975. № 9. С. 52 — 61).

Однажды он будто бы воскликнул: «Как Пушкин созрел, и как развилось его религиозное чувство! Он несравненно более верующий, чем я». Нет, Жуковский не сорвался вниз, но плоскогорье имело свои особенности. Свыкшись с ним, иной раз и горный мираж можно было принять за горный свет, — это удел многих.

По утверждениям друзей, Пушкин в конце жизни пребывал «в каком-то высоко религиозном настроении». Он *готовился*. Его поведение в последние сорок шесть часов было безупречно, что признано даже «фундаменталистами». Никогда ранее так четко не проступала цель: «выше, выше». Но его будут упорно пытаться отправить на «Великий Восток»; спустя столетие перчатки пушкинских друзей обернутся парижскими торжествами и про странной статьей в «Словаре русских масонов», изданном в Брюсселе.²²

А по дороге в Святогорский монастырь вслед за гробом ехал в кибитке сумрачный Александр Иванович Тургенев, старинный приятель и камергер. Он же — член ложи «Полярная звезда»; деталь, может быть, и случайная, но символическая для эпохи, нареченной впоследствии пушкинской. То была эпоха, когда в России, вслед за Европой, расцвел духовный дуализм, породивший множество идолов, «лживых, но прекрасных», в частности признавший сосуществование православия и масонства делом допустимым и плодотворным. В плену такого дуализма оказались многие, отнюдь не худшие люди империи. Лишь некоторым удалось преодолеть соблазн, отстоять право на цельность и «самостоянье». Среди них был наш поэт. Мы не знаем, чего ему стоило это преодоление. Но именно во внутренней борьбе он и стал Пушкиным.

---

²² *Bakounine Tatiana. Le répertoire biographique de francs maçons ruses (XVIII et XIX siècles)*. Bruxelles, 1940. В 1967 г. вышло в свет второе издание «Словаря».

М. Д. Филин

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Утро 27 января 1837 г. выдалось чудным. Екатерина Андреевна Карамзина, вдова знаменитого историка, села за письмо любимому сыну Андрею, находившемуся за границей. «...Софи и Саша отдыхают после вчерашнего бала у графини Разумовской», — сообщала заботливая мать. И безмятежно добавила: «Светит яркое солнце, три градуса мороза. Итак, хочу прогуляться, сделать несколько визитов...».¹

Дотошный камер-фурьер отметил в журнале, что в Петербурге на градус теплее. Солнце просыпалось. В девятом часу в дом на Мойке принесли пригласительный билет на похороны сына литератора Н. И. Греча. Хозяин был у же на ногах. В. А. Жуковский оставил такую запись о поведении Пушкина этим утром: «Встал весело в 8 часов — после чаю много писал — часу до 11-го. С 11 обед. Ходил по комнате необыкновенно весело, пел песни...».² Время летело быстро. До рокового поединка оставалось совсем недолго... На лист синеватой почтовой бумаги легли следующие строчки, адресованные писательнице Александре Осиповне Ишимовой:

---

¹ Переписка Карамзиных. М., 1956. С. 165.

² А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х тт. М., 1974. Т. 2. С. 340.

27 января 1837 г. В Петербурге.

Милостивая государыня
Александра Осиповна,

Крайне жалею, что мне невозможно будет сегодня явиться на Ваше приглашение. Покамест честь имею препроводить к Вам Barry Cornwall. Вы найдете в конце книги пьесы, отмеченные карандашом, переведите их как умеете — уверяю Вас, что переведете как нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открыл Вашу «Историю в рассказах» и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью

честь имею быть,

милостивая государыня,

Вашим покорнейшим слугою.

27 янв. 1837.

А. Пушкин.

На первый взгляд, обычное послание, коих Пушкиным — редактором «Современника» — писано множество. Но перед нами — его *последнее письмо*! Оно заслуживает особого внимания. Через много лет Ишимова вспоминала: «Человек его с письмом и книгою отправлен был им ко мне перед самым отъездом его на смерть, и когда он пришел от меня, то Ал[ександр] Серг[еевич] уже привезен был раненым! Это письмо, как последнее писанное им, долго ходило по рукам и его родственников, и при дворе и возвращено было мне не ранее как месяцев через 10 одним из опекунов его детей, графом Строгановым».³

А. О. Ишимова (1806—1881) более чем на сорок лет пережила Пушкина. Она завершила «Историю России в рассказах для детей». Затем опубликовала «Рассказы старушки». В течение многих лет издавала журналы для детей «Звездочка» и «Лучи». Задавалась ли она вопросом: почему именно к ней обратился Пушкин, заранее соглашаясь на все условия?

25 января Пушкин уже обращался к Ишимовой с предложением «принять участие в издании „Современника“» (X, 483). На это письмо последовал незамедлительный ответ с согласием. Так редакция «Современника» обрела нового сотрудника.

Отметим, что Пушкин давно и всерьез интересовался творчеством Барри Корнуолла. В его библиотеке, в частности, находился английский литературный сборник с разрезанной статьей о писателе. Мотивы Корнуолла звучат в некоторых произведениях поэта («Закливание», «Эхо»). Он сам переводит «Песню» («Пью за здравие Мери») и пытается перевести «Сокола» — один из отрывков, предложенных впоследствии Ишимовой. И все же отчего именно Корнуоллу суждено было стать последним литературным собеседником Пушкина? Чем объяснить пристрастие к определенным драматическим отрывкам? Наконец, почему выбор редактора пал на малоизвестную писательницу, только что издавшую первую часть «Истории России в рассказах для детей» и ничем не проявившую себя на поприще художественного перевода?

В руках у Ишимовой оказалась книга «The Poetical Works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall», изданная в Париже в 1829 г. Этим экземпляром Пушкин, по-видимому, пользовался еще в Болдине. Отсутствует 152-я страница, где находилась переведенная им «Песня». Подчеркнуты отдельные слова. Но — самое главное — отмечены сцены, предназначенные для перевода. Их пять: «Лудовик Сфорца», «Любовь, излеченная снисхождением», «Средство победить», «Амелия Уентурт» и «Сокол». Что объединяет их? Казалось бы, ничего, кроме имени автора, обработавшего странные сюжеты. Но связь все-таки есть, и связь поистине

³ Файнштейн М. Ш. Писательницы пушкинской поры. Л., 1989. С. 51.

удивительная! Перед нашими глазами шаг за шагом проходит жизнь Пушкина в последние годы, спроецированная на произведения английского писателя. Отражены все узловые моменты биографии. От женитьбы и до... Впрочем, не будем загадывать вперед, а обратимся к тексту перевода Ишимовой, помещенному в VIII томе «Современника» за 1837 г. Читатель помнит: Пушкин начал переводить пьесы Корнуолла с «Сокола». Пойдем же и мы по пути, подсказанному поэтом.

Сюжет «Сокола», заимствованный у Боккаччо, довольно прост. Юный Фредерико из рода Альбериги, не обремененный большим состоянием, страстно влюбляется в прекрасную Джиау. Но предмет его воздыханий проявляет на первых порах требуемую приличиями холодность, и безутешный страдалец вынужден коротать дни и ночи в обществе сокола — своего единственного достояния. Волею судеб Джиау оказывается в его скромном жилище. Не имея угощения, Фредерико решается приготовить редкое и лакомое блюдо из своего любимца. Пораженная глубиной его чувства, Джиау соглашается стать супругой Фредерико, — счастливый конец незатейливой истории, многократно повторяющийся в мировой литературе. Очевидно, в дальнейшем героев ожидает долгая и безоблачная жизнь. «Все счастливые семьи похожи друг на друга...». Так, вероятно, мог бы сказать и сам Пушкин, дважды сватавшийся к Н. Н. Гончаровой и наконец обвенчавшийся с ней морозным февральским днем 1831 г. Но если у Корнуолла брак завершает историю возвышенной любви, то пушкинская история с женитьбы лишь начинается.

«...Каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». 26 января 1834 г. в дневнике Пушкин фиксирует: «Барон Д'Антес и маркиз де Пина, два шуана, будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет» (VIII, 28). Так появляется на сцене бравый кавалергард. Здесь нет нужды останавливаться подробно на перипетиях истории, всколыхнувшей великосветские салоны. Они общеизвестны. Неосторожность жены глубоко тревожила Пушкина. По воспоминаниям А. П. Керн, он так отзывался о ее увлечениях: «Это последние штуки Наталии Николаевны. Отсылаю ее в деревню».⁴ Но не успел этого сделать. Гром грянул 4 ноября 1836 г., когда был получен анонимный пасквиль, в котором Пушкину присваивалось звание историографа ордена рогоносцев. Состоялось мучительное объяснение.

«Мне кажется, сударыня, что вы принимаете слишком много участия в этом молодом человеке... Говорю вам, что ваша безумная привязанность к этому мальчику вовсе неуместна». Нет, эти слова принадлежат не Пушкину. Они высказаны разгневанным супругом в адрес Амелии Уентуорт — героини следующей пьесы Корнуолла. Речь шла о юноше Карле, которому Амелия оказывала некоторые знаки внимания. «Он совершенно невинен перед тобою. Что же касается до меня, то я также слишком невинна, чтобы просить за себя...», — оправдывается супруга. Однако ее тайные свидания с юным поклонником не прекращаются. Продолжаются и сердечные излияния Карла: «Я думал, что мы можем некогда жить вместе в какой-нибудь отдаленной стране, и в моих мечтах развивалось столько планов блаженства для нас и для всего, что окружало бы нас — и милым верховным гением всего были всегда вы!». Он был и еще более решителен, восклицая: «Так придите ко мне: у меня есть для вас убежище и сердце, где вечно, вечно вы будете царствовать! Амелия! Милая Амелия! Скажите мне одно слово ласки и согласия!».

Знакомые интонации: так (или почти так) восклицал и Дантес, бросившись перед Natalie на колени во время злополучного свидания в доме Идалии Полетики. «Свидания, за которое муж заплатил своей кровью, а

⁴ Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1989. С. 83.

я — счастьем и покоем всей своей жизни, — вспоминала много лет спустя Н. Н. Пушкина-Ланская. — Бог свидетель, что оно было столь же кратко, сколько невинно. Единственным извинением мне может послужить моя неопытность на почве сострадания...».

Третий отрывок носит название «Средство побеждать». Здесь впервые перед читателем предстает верховный правитель. Отныне он постоянно будет в центре внимания. «Повесть, похожая на сей очерк, рассказывается об одном из герцогов Гизских», — сообщает в начале перевода этой пьесы. Действующих лиц в пьесе двое: Принц и чужестранец Цезарио, поступивший к нему на службу (!). Цезарио задумывает преступление. Представ перед Принцем, он сознается во всем. «Помнишь ли ты, чтобы я когда отказал тебе в сострадании моем или в добрых советах? Красота Аврелии, этой хитрой прелестницы, имела гораздо более власти над тобой, нежели благодарность. О, стыд!», — упрекает Принц своего раскаявшегося подданного. И, сменив гнев на милость, продолжает: «Слушай: никто не знает о ссоре нашей. Схороним ее в груди нашей и будем говорить, как всегда». Тайна была призвана скрыть подробности дела, в котором замешана женщина.

В обстановке глубокой секретности предпочитал действовать и Николай I. Произошло то, что должно было произойти. Придворная молва о похождениях Дантеса, обласканного по приезду в Россию, дошла до монарха. Царь, сам отдавший немалую дань «васильновым дурачествам», в отношении других выступал сторонником пуританских нравов. Известно, что после одного из полковых смотров в 1836 г. Николай имел продолжительную беседу с глазу на глаз с зашедшим слишком далеко ловеласом. Это было предупреждением. В соответствии с монаршей волей Дантеса после свидания стали назначать во внеочередные караулы. Одно за другим следуют взыскания за незначительные проступки. На балах в Аничковом дворце на время перестают видеть жонглирующего каламбурами красавца. По мнению императора, предотвращающего неслыханный скандал, эти меры должны были повлиять на Дантеса, отрезвить его. Через 15 лет, в октябре 1851 г., барон, обращаясь к царю по поводу наследства после умершей жены, не без иронии напоминает Его Императорскому Величеству о «благовоении, которым оно уdstаивало отличать его во всех случаях». И Николай, всячески отрицавший свое участие в описываемых событиях, понимает прозрачный намек. Он тут же приказывает генерал-адъютанту Орлову рассмотреть просьбу «для принятия возможных мер». Прошлое еще свежо в его памяти. Тогда меры воздействия, предпринятые против Дантеса, не принесли ожидаемых результатов. Тот исправно продолжал играть роль сгорающего от страсти любовника.

Поэт метался, пытаясь спасти и свою честь, и репутацию жены. Но силы были явно не равны. «Он (Пушкин. — М. Ф.) увлеклся к смерти силою почти сверхъестественною и, так сказать, обязательною», — писал В. А. Соллогуб в своих воспоминаниях. Это был переломный момент: Николай, бывший до той поры наблюдателем и «доброжелательным» советчиком, активно вмешался в ситуацию. 23 ноября в 4-м часу дня Пушкин был вызван во дворец. В камер-фурьерском журнале читаем: «По возвращении (с прогулки. — М. Ф.) Его Величество принимал генерал-адъютанта графа Бенкендорфа и камер-юнкера Пушкина». Впоследствии Е. А. Карамзина писала: «После истории со своей первой дуэлью П[ушкин] обещал государю больше не драться ни под каким предлогом».⁵ Поэт оказался связан словом, данным царю. Приближалась развязка.

⁵ Пушкин в письмах Карамзиных: 1836—1837. М.; Л., 1960. С. 170.

В системе аллюзий, построенной поэтом, особое значение имеет пьеса Корнуолла «Любовь, излеченная снисхождением», написанная также по мотивам Боккаччо. Центральная фигура пьесы — дон Педро, король Сицилии. Он покровительствует юноше Ипполиту, безнадежно влюбленному в Лизану. Та в свою очередь готова на все ради короля. Но великодушный дон Педро не принимает жертву. Вот одна из его проповедей: «Милая девушка, сердце мое благодарит за твое чувство: я должен быть твоим рыцарем, прекрасная Лизана, и горе дерзкому, который осмелился показать неуважение к цветам твоим: я буду носить их. Пусть они составятся из белого, подобно девической чистоте твоей, и румянца розы: он покажет, что сердце твое так же пламенно, как непорочно». Заметим, что дон Педро вовсе не отвергает Лизану, продолжая считать себя ее рыцарем. И тут же король деликатно предлагает Лизане стать супругой Ипполита. Юная девушка вынуждена уступить высочайшему желанию: «Я буду любить его, как супруга моего, — Вас, как благороднейшего из друзей моих».

Образ правителя здесь раздваивается. С одной стороны, это добропорядочный дядюшка, в самой изысканной форме толкующий (не без резонанса) о «непорочности» юного создания. С другой стороны, это усердный соединитель сердец (если не сводник), стремящийся наделить счастьем подданных. Невольно возникают ассоциации с Николаем I, продолжившим на свой лад деяния сицилийского короля. Есть основания предполагать, что скоропалительная женитьба Дантеса на Екатерине Гончаровой была предопределена императором. Его рука чувствуется повсюду. О правилах, существующих для русских, вступающих в брак с иностранцами, на время забывается. Неожиданно через А. Х. Бенкендорфа царь присылает Н. Н. Пушкиной 10 тысяч рублей с уверенностью, что ей «доставит удовольствие сделать... свадебный подарок» сестре. Даже сверхосторожный голландский посланник тонко намекал В. А. Жуковскому на «вмешательство третьих лиц». Немудрено, что и Ольга Николаевна, дочь Николая I, обмолвилась в своих мемуарах «Сон юности»: «Дантес должен был жениться на младшей сестре г-жи Пушкиной, довольно малоинтересной особе». Многозначительное «должен был» недвусмысленно указывало на государя: лишь он своей властью мог вынудить Дантеса на этот шаг.

Но император не только поселил под одной крышей нелюбящего мужа и обожавшую его женщину. В поле зрения постоянно находится и жена Пушкина. Куртуазные разговоры с Наталией Николаевной, слегка приправленные нравуочениями, были известны поэту. Пушкин считал, что царь, «как офицеришка, ухаживает за его женою» (свидетельство П. В. Нащокина).

Отдадим должное: Николай вел свою партию весьма осмотрительно. «А так как люди всегда люди, то болтали много вздора, а я слушал, — полезное занятие для тех, кто умеет это», — самодовольно сообщалось сестре Марии Павловне 4 февраля 1837 г. И все-таки однажды он проговорился. Барон М. А. Корф, бывший лицейский товарищ Пушкина, записал в своем дневнике любопытный монолог монарха в духе дон Педро: «Под конец жизни Пушкина, встречаясь часто в свете с его женою, которую я искренно любил и теперь люблю, как очень добрую женщину, я раз как-то разговорился с нею о комеражах (*сплетнях*), которым ее красота подвергает ее в обществе; я советовал ей быть сколько можно осторожнее и беречь свою репутацию и для самой себя, и для счастья мужа, при известной его ревности. Она, верно, сказала это мужу, потому что, увидя где-то со мною, он стал меня благодарить за добрые советы его жене. — Разве ты и мог ожидать от меня другого? — спросил я. — Не только мог, — ответил он, — но, признаюсь откровенно, я и вас самих

подозревал в ухаживании за моею женою. Это было за три дня до последней его дуэли». ⁶

Сам того не замечая, император признался, что именно его душеспасительная беседа вызвала ядовито-насмешливую благодарность поэта («за добрые советы») и скорую дуэль. Для Пушкина это была последняя капля, переполнившая чашу терпения. «Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности (*inviolabilité de la famille*) невозможно: каторга не в пример лучше», — писал он жене в 1834 г. (X, 379).

Символично звучит последняя фраза В. А. Жуковского в заметках о гибели Пушкина: «Только в семье своей убежище». И в это убежище, в свой дом, поэт не собирался допускать никого. В письме А. Х. Бенкендорфу 21 ноября 1836 г. Пушкин подчеркивал: «Будучи единственным судьей и хранителем моей чести и чести моей жены и не требуя вследствие этого ни правосудия, ни мщения, я не могу и не хочу представлять кому бы то ни было доказательства того, что утверждаю» (X, 693). В этих строках — прямой вызов монарху, неоднократно вторгавшемуся в священную для поэта область.

В письме Ишимовой у Пушкина есть два ключевых слова, помогающих понять его замысел. Пушкин сокрушается, что не сможет *сегодня* посетить Ишимову и *покамест* посылает ей посылку с пьесами Корнуолла. Если поединок окончится благополучно, то у редактора «Современника» еще будет возможность обсудить детали. В этом случае книга посылается лишь «покамест». Но не исключен и роковой исход дуэли, поэтому необходимо переслать книгу именно «сегодня». Тем более что пятая пьеса, отмеченная Пушкиным, обретает исключительное значение только в случае трагической развязки.

Действие «Лудовика Сфорца» основано на происшествии из итальянской истории. Эпиграф, взятый из трагедии Бомонта и Флетчера «Дева», многозначителен. Эванда говорит королю: «Остановись, государь, остановись: ты слишком разгорячился». Эти слова становятся лейтмотивом всей пьесы. Государь Лудовик Сфорца, дядя молодого герцога, присутствует на его свадьбе с Изабеллой. Он поражен красотой невесты. На вопрос, почему племянник никогда раньше не говорил о таком сокровище, герцог отвечает: «Я молчал потому, что боялся соперников» (вспомним ответ Пушкина Николаю: «...я и вас самих подозревал в ухаживании за моею женою»). Стремясь завладеть Изабеллою, Сфорца умерщвляет счастливого супруга.

Кульминацией пьесы становится вторая сцена. После смерти герцога за пышным столом, уставленным яствами, идет разговор государя с молодой вдовой. Изабелла признает его могущество: «Ты имеешь право на все, государь: молва, разносимая о тебе в народе, так щедро осыпает тебя похвалами, что каждое сердце должно пламенно желать принадлежать тебе. И даже я, вдова, еще не совсем позабывшая свои горести, и даже я здесь, я — сквозь слезы улыбаюсь тебе, как солнце апреля...». С этими словами она подносит ему кубок с отравленным вином. Сфорца выпивает его и, чувствуя приближение смерти, слышит ужасное обвинение, брошенное ему Изабеллою: «Ты *убийца супруга* моего!».

Так заканчивается последний из пяти драматических отрывков, избранных Пушкиным. Напомним их содержание: возвышенная любовь, преодолевшая все преграды; юный поклонник, вносящий разлад в размеренную супружескую жизнь; мудрость государя, спасающего заблудшего от роко-

---

⁶ Версаев В. В. Сочинения: В 4-х тт. М., 1990. Т. 3. С. 195.

вого шага; правитель, дающий наставления подданным и устраивающий их судьбы; государь в роли убийцы.

25 января Пушкин посылает решительное письмо Геккерну. Дуэль становится неизбежной. «С начала этого дела я вздохнул свободно только в ту минуту, когда именно написал это письмо», — говорил он. И в тот же день (!) поэт пишет первое письмо Ишимовой с предложением взяться за Корнуолла. Настало время действовать. Предстояло свести счеты не только со своим. «Он в лице Дантеса, — подчеркивал В. А. Соллогуб, — искал... расправы с целым светским обществом».⁷

Драматические отрывки Корнуолла, где монарх предстал хитрым льстецом, сладострастным святошей, сводником и, наконец, убийцей, — «месть полная и совершенная». Месть, возможная только после гибели.

Дом, семья — священные понятия для поэта. Их независимость должно отстаивать — даже от самодержавной экспансии. Пушкин так и сделал: как муж, как рыцарь, он вышел к барьеру. Но дом — это непременно и женщина, хранительница очага и воспитательница детей. Ее голосом в защиту дома и должен был стать перевод Ишимовой, достигающий апофеоза в словах: «Ты убийца супруга моего!».

Письмо к Ишимовой много лет служило доказательством оптимизма, «деловитого» настроения Пушкина, его намерения жить и работать после так или иначе разрешившейся дуэли. Однако материал, избранный им для перевода, доказывает обратное: он открывает бурю страстей, загнанность, душевный тупик. Становится понятнее свидетельство сестры поэта о его тяжелом нервном состоянии, о том, что он вздрагивает от звука колокольчика, что его раздражают голоса детей. Какая же сила духа потребовалась умирающему, чтобы перед самой кончиной возвыситься «над мелочами жизни и бурями судьбы»!

---

⁷ Вересаев В. В. Указ. соч. С. 168.

М. Д. Филин

ПОБЕГ

«Кончина Пушкина озарена потусторонним светом», — сказал более полувека тому назад видный русский мыслитель о. Сергей Булгаков. И деятели Церкви, и воцерковленные миряне пристально вглядывались в таинство ухода Пушкина. Ухода не разгаданного, не понятого современниками и потомками, так как не в силах человеческого воображения одолеть границу мира здешнего, переступить тот самый порог; не в силах вообще, ну а применительно к Пушкину, может быть, — в особенности.

Все, что произошло с момента рокового выстрела на Черной речке и до последнего вдоха поэта, наполнено бездонным затаенным смыслом, непостижимыми знаменьями, сблизениями отнюдь не «странными». Никто, кажется, и не пытался обнаружить в предсмертных словах и поступках Пушкина, допустим, какие-либо прообразы будущей русской жизни. (Набор известных фактов из десятилетия в десятилетие только выстраивали, слегка варьируя, в скорбный, но сугубо заземленный ряд. И этого вполне хватало, чтобы взять публику за живое). А ведь такие намеки-прогнозы, сбывшиеся впоследствии, несомненно, были.

Автора этих строк давно не покидает странное недоумение. Кажется, что в те моменты, когда нестерпимая боль на время отступала и вокруг дивана не толпились бессильные доктора, с Пушкиным происходило нечто необычное. Было, конечно, и самое обыденное, из века в век сопровождавшее уход человека: поэт нередко виделся с женой, и беспокоился о ней, и прощался с детьми... Но — как будто по обязанности, блюдя этикет расставания. Чудится: откуда-то, но не из забытья, возвращался он в преддуальное время. И пребывал в таком состоянии недолго, и не задерживал уходящую минуту, и торопил часы на камине. «Смерть идет», — повторял Пушкин.

Похоже на то, что тяжелораненого властно тянуло назад, в собственное прошлое. Похоже на то, что не только тянуло, но и сам он страстно тянулся в былое, и главной сиделкой поэта и самой задушевной его собеседницей стала *история*...

Вспомним хотя бы некоторые фрагменты этого удивительного ухода.

Никто не подсчитывал, но очевидно, что К. К. Данзас был одним из наиболее частых и желанных посетителей кабинета Пушкина. Он провел у дивана много больше времени, чем Наталья Николаевна. И закахивал Данзас туда не как неудачливый секундант — что теперь было проку в его секундантстве? — но именно как лицеист первого курса, сотоварищ безмятежной юности. Лицей в Царском Селе давно стал страницей истории, прошедшим временем, но никогда не забывался. Призывая Данзаса, поэт находил эту страницу. А кольцо, снятое с холодеющей руки и подаренное другу, было в какой-то мере даром Лицею, и «садам Лицея», и счастливым 1810-м годам.

И еще о Лицее, со дня окончания коего минуло почти двадцать лет. Уже перед самой смертью Пушкин пожалел, что рядом с ним нет ни И. И. Пушина, ни И. В. Малиновского, других сокурсников. «Мне бы легче было умирать», — сказал поэт, видимо, вновь погруженный в воспоминания.

«Карамзина? тут ли Карамзина?» — воскликнул умирающий в очередную минуту облегчения. Когда же Екатерина Андреевна оказалась в комнате, Пушкин попросил, чтобы именно она его перекрестила. И здесь современность, январь 1837-го, отступала перед *историей*: ведь Е. А. Карамзина когда-то была для поэта «предметом его первой благородной привязанности». Так, на правах давнишнего наивного воздыхателя, он и прощался с нею — вдова знаменитого историографа и светская знакомая, встречавшаяся еще на медни, не удостоилась бы, наверное, такого расставания, а тут в кабинет на Мойке будто впорхнул призрак давно ушедших дней.

Особая тема — прощание поэта с императором Николаем I. Курсировавший между дворцом и последним жилищем Пушкина лейб-медик Н. Ф. Арендт привез записку, в которой, по свидетельствам современников, значилось: «Если Бог не велит нам более увидеться, прими мое прощенье, а с ним и мой совет: кончить жизнь христиански. О жене и детях не беспокойся. Я их беру на свое попечение». Письмо было приказано вернуть по прочтении царю. Тогда, ночью, измученный Пушкин не имел сил ответить сам. Слова прощания выпало передать В. А. Жуковскому, отправившемуся утром в Зимний дворец. Слова были удивительные, предельно искренние: «Скажи, что мне жаль умереть; был бы весь его». Целых полтора века эти слова исхитряются поносить, считают, что они выдуманы пушкинскими друзьями — ради пенсий и прочих поблажек семье. А это — обращенная назад реплика Пушкина в его многолетнем диалоге с императором. Диалог начался в сентябре 1826 г. в Москве, когда прощенный Пушкин, вызволенный по высочайшей воле из северной

глуши, предстал перед новым русским царем, познакомился с ним и долго беседовал наедине. Тогда, в первопрестольной, молодой император по завершении аудиенции удовлетворенно молвил: «Ну, теперь ты не прежний Пушкин, а мой Пушкин».

«Мой Пушкин» — «Был бы весь его». Переключка, на наш взгляд, очевидна. Правда, события показали, что первоначальный самодержавный вывод был тогда преждевременным. Однако перед кончиной Пушкин дал ответ-обет, пусть и в сослагательном наклонении. Ответ из числа тех, что придумать невозможно. Вот и приходится тем, кто доньне уверяет публику, будто умирающий даже на смертном одре боролся с «царизмом», лгать и передегеривать.

Примеров возвращения его в прошлое накануне смерти можно привести еще немало. Даже морошка, которую Пушкин вспомнил в миг критический, не похожа только на прихоть больного: ягода несла в себе вкус жизни в Михайловском. И — восторг от морошки. Как же странно после этого читать в письме В. А. Жуковского к отцу поэта от 15 февраля 1837 г. о прощании с детьми: «Потом потребовал детей; они спали; их привели и принесли к нему полусонных. Он на каждого оборачивал глаза молча; клал ему на голову руку; крестил и потом движением руки отсылал от себя». Сухо и буднично — будто Пушкин собирался на месяц-другой в Болдино или в путешествие по пугачевским местам.

Он уходил в инобытие, отсылая от себя суетный январь, делая большой крюк в былое. Если вдуматься, то уже в «Памятнике» он подчинил себя *истории* и сейчас подтверждал это. Готовясь к таинственному переходу, поэт, как и предвидел, неуклонно двигался «к началу своему». Читал ли он жизнь свою «с отвращением», как иногда ранее? Вряд ли. Ибо ранее он жил, теперь же представлял себя в распоряжение *вечности*.

Много написано о христианской кончине Пушкина. О том, как он запретил мстить, с какою радостью исповедался... Все так и было. Но был и уход в неприметный для окружающих монастырь, послушание *истории*, равнодушие к быту. А история, как сопричастность бывшему, есть не наука, а часть души христианина. Души, помнящей и ветхозаветные времена, и еще не истлевшие «отеческие гробы», и слова императора, и все прочее. Пушкинское неприметное суровое послушание было в высшей степени примерным, образцовым. И в этом — еще одно подтверждение подлинного преобразования его в часы перед уходом.

Прошлое становилось для поэта и скорым будущим; взятые в совокупности, они и являются бытием, — известно точное время, когда они слились: 29 января, в 2 и $\frac{3}{4}$ часа пополудни.

Все смерти похожи друг на друга, каждая кончина уникальна по-своему. Возьмем одно из самых потрясающих описаний смерти в русской литературе — «Смерть Ивана Ильича». Там перед трехдневным финальным криком тоже мелькали воспоминания. В частности, о счастливом детстве. Но: «Как только начиналось то, чего результатом был теперешний он, Иван Ильич, так все казавшиеся тогда радости теперь на глазах его таяли и превращались во что-то ничтожное. И часто гадкое. И чем дальше от детства, чем ближе к настоящему, тем ничтожнее и сомнительнее были радости».

Вот где, смеем подумать, наипервейшая разница между уходом Пушкина и уходом большинства людей. Различие — в векторе, то бишь в направлении движения дум, порывов души. У большинства прошлое упиралось — и будет упираться всегда — в трагическое сегодня. А Пушкин пустился в иной путь, в противоположную от «сегодня» сторону. Туда, куда направился один из главных его героев — Странник. Это был вожделенный Побег.

Но тут уж мы приближаемся к вопросам, о коих говорить не должно. Разве что процитировать самого поэта:

Побег мой произвел в семье моей тревогу,
И дети и жена кричали мне с порогу,
Чтоб воротился я скорее. Крики их
На площадь привлекли приятелей моих;
Один бранил меня, другой моей супруге
Советы подавал, иной жалел о друге,
Кто поносил меня, кто на смех подымал,
Кто силой воротить соседям предлагал,
Иные уж за мной гнались; но я тем боле
Спешил перебежать городовое поле,
Дабы скорей узреть — оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата.

(III, 312)

Написано в 1835 г. А как все сошлось в 1837-м — вплоть до деталей...

Е. Л. Шамарина

ЦАРЬ И ПОЭТ

Мысль... быть сподвижником великого человека и совокупно с ним действовать на судьбу великого народа...

А. С. Пушкин. Арап Петра Великого.

1

Императрица Екатерина II с появлением на свет третьего внука не замедлила сообщить: «Сегодня в три часа утра мамаша родила большущего мальчика, которого назвали Николаем. Голос у него бас, и кричит он удивительно; длиною он аршин без двух вершков, а руки немного менее моих. В жизнь мою в первый раз вижу такого рыцаря. Если он будет продолжать как начал, то братья окажутся карликами перед этим колоссом».¹

Через несколько дней после рождения великого князя Николая Павловича были объявлены некоторые милости. Екатерина II писала московскому главнокомандующему М. М. Измайлову, что, рассмотрев дело о продаже запрещенных книг некоторыми купцами, приговоренными за это к разным наказаниям, она «для рождения любезного внука» всемиловитейше их прощает и «для рождения внука» погоревшим дворцовой деревни Панок крестьянам жалует по 25 рублей на каждый двор.

Дитя равняется с царями...
... Он будет, будет славен,
Душой Екатерине равен...

Эти державинские строчки из стихотворения «На крещение великого князя Николая Павловича» в царствование Николая I часто приводились как пророчество.

¹ Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 2.

Восшествие на престол произошло 14 декабря 1825 г. «Дорогой, дорогой Константин! Ваша воля исполнена: Я — император, но какою ценою, Боже мой! ценою крови моих подданных», — писал Николай Павлович брату.² И ему же, через два года после этих событий (29 ноября 1827 г.): «Никто не ощущает большей потребности, чем я, быть судимым с снисходительностью. — Но пусть же те, которые судят меня, примут во внимание, каким необычайным образом я вознесся с поста недавно назначенного начальника дивизии на пост, который занимаю в настоящее время, кому я наследовал и при каких обстоятельствах».³ Французскому послу графу Лаферронэ Николай I признавался: «Никто не в состоянии понять ту жгучую боль, которую я испытываю и буду испытывать во всю жизнь при воспоминании об этом дне».

Воспоминание о мятеже 14 декабря и связанном с ним обширном заговоре оставило в уме императора неизгладимые следы, от которых он действительно не мог освободиться до смертного одра. Н. К. Шильдер, его историк, отмечал: «Печальные события, ознаменовавшие первый день его царствования, должны были сопровождаться, сверх сего, еще и другим явлением: они поставили государя в совершенно особые условия ко всякому свободному и независимому выражению какой бы то ни было политической мысли, не согласовавшейся с его собственными, крайне определенными воззрениями. Таким образом, это печальное событие надолго отдалило возможность какой бы то ни было либеральной реформы в России».⁴

Высказанный взгляд вполне согласуется со следующими строками рукописной исторической записки графа Д. А. Толстого: «Что сделал для великий государь для своего народа, если бы на первом шагу своего царствования он не встретился с 14 декабря 1825 г., неизвестно, но что это печальное событие должно было иметь на него огромное влияние, — кажется несомненным. Ему, по-видимому, следует приписать то нерасположение ко всякому либеральному движению, которое постоянно замечалось в распоряжениях императора Николая. Одаренный сильною волею и обширным государственным умом, он твердою рукою повел Россию к предложенной им цели, стремясь неуклонно по пути, самим им избранному, а так как характер этого великого государя был вполне национальным, то вышло, что Россия не только безропотно, но даже охотно за ним следовала».⁵

По мнению английского дипломата, «трагическая смерть его отца императора Павла, таинственная смерть старшего брата императора Александра I в отдаленном городе империи и смуты, которые грозили возникнуть при его вступлении на престол вследствие отречения цесаревича Константина — все эти обстоятельства не могли не ожесточить сильный и деятельный ум и расположить его править своим народом железной рукой, не употребляя бархатной перчатки».⁶ Как считал Бисмарк, «Николай руководствовался в своих действиях убеждением, что по воле Божьей он призван быть вождем монархического движения против надвигающейся с Запада революции».⁷ В беседе с французским послом Николай I заявил: «Я обязан дать этот урок России и Европе».⁸

² Там же. С. 298.

³ Там же. С. 314

⁴ Там же. С. 312.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 315.

⁸ Цит. по: *Невелев Г. А.* Истина сильнее царя. М., 1985. С. 31.

Царствование Николая Павловича продолжалось 30 лет, нас же в особенности интересуют первые десять, так как они связаны с именем Пушкина. 24 июля 1826 г. весь двор из Петербурга переезжает в Москву, где 22 августа совершается Священное коронование императора Николая Павловича. 28 августа генерал-адъютант Дибич получает высочайшее повеление: «Пушкина призвать сюда. Для сопровождения его командировать фельдъегеря. Пушкину позволяется ехать в своем экипаже свободно, под надзором фельдъегеря, не в виде арестанта. Пушкину прибыть прямо ко мне».⁹

8 сентября 1826 г. знаменитый поэт Александр Сергеевич Пушкин стоял перед новым императором. Им стал 29-летний человек, цветущий, от природы умный, чрезвычайно себялюбивый, требовательный и придирчивый военачальник. (Последнее найдет отражение в дневнике Пушкина: «Вчера был парад, который как-то не удался. Государь посадил наследника под арест на дворцовую обвахту за то, что он проскакал галопом вместо рыси», — запись 12 мая 1834 г.). Аудиенция, состоявшаяся в Кремле 8 сентября 1826 г., — начало отношений императора и поэта.

В 1848 г. Николай I, беседуя с бароном Корфом, сообщил ему о своем разговоре с Пушкиным в Чудовом дворце: «Я, — говорил государь, — впервые увидел Пушкина после моей коронации, когда его привезли из заключения ко мне в Москву совсем больного... Что сделали бы Вы, если бы 14 декабря были в Петербурге? — спросил я его между прочим. — Стал бы в ряды мятежников, — отвечал он. На вопрос мой, переменялся ли его образ мыслей и дает ли он мне слово думать и действовать иначе, если я пушу его на волю, он наговорил мне пропасть комплиментов насчет 14 декабря, но очень долго колебался прямым ответом и только после длинного молчания протянул руку, с обещанием — сделаться другим».¹⁰

Итогом аудиенции стало следующее:

- Пушкину разрешается жить в обеих столицах;
- он освобождается от общей цензуры;
- личным цензором поэта становится сам царь.

По словам Пушкина, государь между прочим сказал ему: «Довольно ты подурачился, надеюсь, теперь будешь рассудителен, и мы более ссориться не будем. Ты будешь присылать ко мне все, что сочинишь; отныне я сам буду твоим цензором». Граф Бенкендорф 30 сентября 1826 г. сообщал Пушкину: «Сочинений ваших никто рассматривать не будет; на них нет никакой цензуры. Государь император сам будет первым ценителем произведений ваших и цензором». Пушкин с восторгом по этому поводу писал Н. Языкову: «Царь освободил меня от цензуры. Он сам мой цензор. Выгода, конечно, необъятная» (X, 168).¹¹

Весть о возвращении Пушкина быстро разнеслась среди московского общества и, как пишет Анненков, в торжествах, сопровождавших день

⁹ Шеголев П. Е. Пушкин. Очерки. СПб., 1912. С. 254.

¹⁰ Вересаев В. В. Сочинения: В 4-х тт. М., 1990. Т. 2. С. 288.

¹¹ Император взял на себя роль и цензора Пушкина, и «судьи в последней инстанции». Он обладал правом первопрочтения пушкинских строк. В исследовательской литературе чаще всего говорится о «невыгоде» этого положения для поэта. Однако были случаи, когда монарх ограждал поэта от резких нападок критики. Когда Булгарин в «Северной пчеле» напечатал рецензию на вышедшую в свет VII главу «Онегина», император писал Бенкендорфу: «Я забыл вам сказать, любезный друг, что в сегодняшнем номере „Пчелы“ находится опять несправедливейшая и пошлейшая статья, направленная против Пушкина; к этой статье, наверное, будет продолжение: потому предлагаю вам призвать Булгарина и запретить ему отныне печатать какие бы то ни было критики на литературные произведения и, если возможно, запретите его журнал» (Пушкин А. С. Письма. 1826 — 1830. М., 1928. С. 399).

коронования, она была радостно встречена публикой, особенно литературно образованной. На балу, который давал в честь коронования Николая Павловича французский посол граф Мармон, обращаясь к Блудову, император сказал: «Знаешь, что я нынче долго говорил с умнейшим человеком в России?»¹² и назвал Пушкина.

Возвращение поэта по своей значимости не уступало коронационным торжествам. «Завидую Москве, она короновала императора, теперь коронует поэта», — писал современник. «Я должен вам сказать о том, что в настоящее время занимает Москву, особенно московских дам. Пушкин, молодой и знаменитый поэт, здесь. Все альбомы и лорнетки в движении...» (Ф. Малевский — сестрам, 27 сентября 1826 г.).¹³

Чем же на деле обернулись для поэта царские милости?

Действительно, он мог жить в обеих столицах, но только на каждый переезд нужно было испрашивать разрешение у графа Бенкендорфа. Когда после смерти Пушкина Жуковский будет разбирать бумаги поэта и в том числе обширную переписку Бенкендорфа с Пушкиным, то он напишет шефу жандармов: «В ваших письмах нахожу выговоры за то, что Пушкин поехал в Москву, что Пушкин поехал в Арзум. Но какое же это преступление? (...) А эти выговоры, для вас столь мелкие, определяли жизнь его: ему нельзя было тронуться с места свободно, он лишен был наслаждения видеть Европу, ему нельзя было произвольно ездить по России...».¹⁴

Можно говорить о том, что жандармская слежка была установлена сразу же после возвращения поэта из ссылки, а не в 1828 г., когда было завершено следствие о распространении запрещенных стихов из «Андрея Шенье». Это подтверждают донесения, адресованные Бенкендорфу: «Я слежу за сочинителем Пушкиным насколько это возможно. Дома, которые он наиболее часто посещает, суть дома княгини З. Волконской, князя Вяземского, бывшего министра Дмитриева и прокурора Жихарева». «8 ноября 1826 г. сочинитель Пушкин, о котором я уже имел честь говорить Вам, только что покинул Москву, чтобы отправиться в свое псковское имение».

Поднадзорность поэта давала возможность жандармам и полиции вмешиваться в его личную жизнь. В дневнике Пушкин отмечает: «Московская почта распечатала письмо, писанное мною Наталье Николаевне, и, нашед в нем отчет о присяге великого князя, писанный, видно, слогом не официальным, донесла обо всем полиции. Полиция, не разобрав смысла, представила письмо государю...» (VIII, 38). А сколько сарказма и иронии в строчках, обращенных к жене: «...будь осторожна... вероятно, и твои письма распечатывают: этого требует государственная безопасность» (из письма к Наталье Николаевне от 8 июня 1834 г.).

Освобождение от общей цензуры, дарованное царем, на деле обернулось для Пушкина усиленной цензурой. В августе 1835 г. Пушкин вынужден уже обратиться с «всеуниженным вопросом: какую новую форму соизводит он (Комитет цензуры. — *Е. Ш.*) предписать мне для представления рукописей моих в типографию?» (X, 503).

Известно, что Пушкин привез из Михайловского «Бориса Годунова» и уже через два дня после возвращения из ссылки читал свою трагедию в кругу друзей. Отклик на это, казалось, вполне обычное «происшествие» не заставил себя ждать. «Ныне доходят до меня сведения, что вы изволили читать в некоторых обществах сочиненную вами вновь трагедию» (граф

¹² Вересаев В. В. Указ. соч. С. 293.

¹³ Там же. С. 298.

¹⁴ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. М., 1987. С. 279.

Бенкендорф — Пушкину). Жуковский с возмущением комментирует эту ситуацию: «В одном из писем вашего сиятельства нахожу выговор за то, что Пушкин в некоторых обществах читал свою трагедию прежде, нежели она была одобрена. Да что же это за преступление? Кто из писателей не сообщает своим друзьям своих произведений для того, чтобы слышать их критику».¹⁵

«Прощен и милостью окован», — слова, сказанные Пушкиным о своем предке (в поэме «Езерский»), могут явиться характеристикой того положения, в котором он сам оказался.

3

В 1822 г. кишиневский знакомый Пушкина Владимир Федосеевич Равевский, будучи арестованным, написал стихотворение «К друзьям», имея в виду и Пушкина:

Воспой величие царей,
Их благость должную к народу,
В десницах их его свободу
И право личное людей.

Быть может, смелый голос твой
Дойдет до кесаря молвою,
Быть может, с кротостью святою
Он бросит несуровый взор
На мой ужасный приговор...

Нельзя не заметить совпадения этого совета «первого декабриста» с замыслом «Стансов».

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.
.....

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

(II, 307)

Почему Пушкин решил, что наступил подходящий момент для подобных поучений? Исследователь политической лирики Пушкина отвечает так: «Прежде всего основание для возникновения подобных иллюзий дал сам Николай I, который просил Пушкина представить свои соображения и предложения о воспитании юношества, т. е. о „предмете“, имеющем большое государственное значение».¹⁶ Напоминая об этом поручении царя, Бенкендорф писал 30 сентября 1826 г.: «Вам предоставляется совершенная и полная свобода, когда и как представить ваши мысли и соображения». Пушкин понимал, что от него ждут осуждения той системы воспитания, которая в результате привела молодое поколение блистательных людей на Сенатскую площадь. Статья написана, царский заказ выполнен, и Пушкин через Бенкендорфа узнает высочайшее мнение: «Его величество... заметить

¹⁵ Там же. С. 281.

¹⁶ Цит. по: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX вв. М.; Л., 1959. С. 100.

изволил, что принятое вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее вас самих на край пропасти и повергшее в оную толикое число молодых людей. Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному» (VII, 462).

Статья не пришлась ко двору. А «Стансы» вызвали много кривотолков среди современников поэта. «Либералы, однако же, — вспоминал Вяземский, — смотрели с неудовольствием на сближение двух potentатов (Пушкина и Николая I). Начали обвинять Пушкина в измене делу патриотическому; а как лета и опытность возродили в Пушкине обязанность быть воздержаннее в речах своих и осторожнее в действиях, то начали приписывать перемену эту расчетам честолюбия».¹⁷

Совершенно несомненна связь пушкинских стихов с традицией Державина и стихами Рылеева того периода, когда будущий вождь Северного общества еще не исключал возможности поучений царям с целью склонить их к «общему благу». В думе «Державин» Рылеев превозносил Державина за то, что тот был «органом истины священной». В примечании к думе сказано: «Он был Гораций у своей государыни. (...) Державин хвалит, укоряет, учит...».

К традиции, допускающей обращение к царю с поучением, относится в «Стансах» упоминание Я. Ф. Долгорукого, одного из ближайших соратников Петра I, гражданскую смелость которого как человека, говорящего правду царю, восхвалял Державин в «Вельможе» и Рылеев в оде «Гражданское мужество».

Однако Пушкина обвинили в лести не только во враждебных ему кругах, но и в среде его друзей. В ответ на эти обвинения Пушкин написал новые стансы — «Друзьям»:

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

О, нет! хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.

Текла в изгнанье жизнь моя;
Влачил я с милыми разлуку,
Но он мне царственную руку
Простер — и с вами снова я.

Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою.
И я ль в сердечном умиленьи
Ему хвалы не воспую?

¹⁷ Цит. по: *Немировский И. В. Декабрист или сервиллист? // Легенды и мифы о Пушкине.* СПб., 1995. С. 184.

Я льстец! Нет, братья, льстец лукав:
Он горе на царя накличет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.

Он скажет: презирай народ,
Глуши природы голос нежный.
Он скажет: просвещения плод —
Разврат и некий дух мятежный.

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

(III, 48)

«Языком сердца говорю» — цитата из знаменитого державинского «Лебеда»:

Вот тот летит, что строя лиру,
Языком сердца говорил...

Мотивы стихотворения «Друзьям» близки думе Рылеева «Державин» и особенно оде «Видение» (1823), адресованной цесаревичу Александру.

Люби народ, чти власть закона
.....

Твой долг благотворить народу,
Его любви в делах искать;
Не блеск пустой и не породу,
А дарованья возвышать
.....

Дай просвещенные уставы,
Свободу в мыслях и словах,
Науками очисти нравы
.....

Люби глас истины свободной,
Для пользы собственной любви,
И рабства дух неблагородный —
Неправосудье истреби.

Будь блага подданных ревнитель:
Оно есть первый долг царей.
Будь просвещения покровитель:
Оно надежный друг властей.

Выступая со «Стансами», Пушкин считал, что выполняет общественный долг, проявляет гражданское мужество. Однако был понят превратно. Впервые, пожалуй, он так резко разошелся во мнениях с читающей публикой.

Оба стихотворения входят в условно очерченный в работах Л. М. Аринштейна николаевский цикл. «Пророк» может считаться первым из стихотворений, относящихся к Николаю. Автограф был при Пушкине на аудиенции в Кремле. В случае если бы разговор принял другое направление, поэт готов был вручить «Пророка» Николаю I.¹⁸ «Стансы» — второе стихотворение предполагаемого цикла, затем «Друзьям» — 1828 г. В 1830 г. — «Герой».

¹⁸ Вересаев В. В. Указ. соч. С. 292.

Стихотворение «Герой» построено как спор Поэта и Друга, а предмет спора — слава Наполеона. Поэт развивает мысль, что милосердие превыше военной славы, и истинное величие Наполеона — не в его восхождении к трону, а в незаметном на первый взгляд эпизоде Египетского похода, когда во время эпидемии чумы будущий император посетил в Яффе чумные бараки с обреченными на смерть людьми:

..... он,
Не бранной смертью окружен,
Нахмуясь ходит меж одрами,
И хладно руку жмет чуме,
И в погибающем уме
Рождает бодрость...

(III, 188)

Под стихотворением подпись: «29 сентября 1830 Москва», хотя оно написано в Болдине. В сентябре 1830 г. в пораженную эпидемией холеры Москву прибыл Николай I, чтобы самолично убедиться, что принимаются все меры по обузданию эпидемии. Своим посещением император, рискуя собственной жизнью, желал выразить сочувствие тысячам больных и их родственникам.

Следующие стихотворения николаевского цикла непосредственно связаны с политической ситуацией 1830—1831 гг., а именно с польским восстанием. Поляков Пушкин осуждал и летом 1831 г. впервые заявил о своей поддержке в этом вопросе русского царя стихотворением, посвященным памяти Кутузова: «Перед гробницею святой». Полтора месяца спустя Пушкин написал «Клеветникам России», затем — «Бородинскую годовщину».

В 1831 г. Пушкин принят на службу с перспективой занять должность придворного историографа. Лицейский соученик его Комовский свидетельствует, что Пушкин встретился с государем в царскосельском саду и на вопрос: «„Почему он не служит?“ — отвечал: „Я готов, но кроме литературной службы не знаю никакой“». Тогда государь приказал ему сослужить службу — написать историю Петра Великого». 22 июля 1831 г. Пушкин писал П. А. Плетневу: «...царь взял меня на службу — но не в канцелярию, или придворную, или военную — нет, он дал мне жалование, открыл мне архивы, с тем, чтобы я рылся там и ничего не делал. Это очень мило с его стороны...» (X, 286).

Если александровская эпоха прошла под знаком преимущественного государственного почитания Екатерины, то Николай I воцарился с именем Петра Великого на устах. Пушкин после аудиенции в Кремле поверил в то, что судьба послала России второго Петра Великого. И поэт не был в этом одинок. Он не устает отыскивать примеры из истории царствования Петра, на которые хочет указать Николаю.

Но сохранилась могила,
Где двух страдальцев прах почил:
Меж древних праведных могил
Их мирно церковь приютила.

(IV, 220)

Эти строки из «Полтавы» Пушкин сопровождает примечанием, в котором обращает внимание на благородное поведение Петра, возвратившего тела казненных им «преступников» родным: «Обезглавленные тела Искры и Кочубея были отданы родственникам и похоронены в Киевской лавре...» (IV, 224). Николай I стремился стереть из памяти современников все, что было связано с именами декабристов. Родственникам казненных не разрешили выдать останки для захоронения.

Особенности новой службы для Пушкина стали проясняться постепенно, вполне определившись только к 1834 г., когда он писал жене: «...я не должен был вступать в службу и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. (...) Теперь они смотрят на меня как на холопа, с которым можно им поступать как им угодно» (X, 381).

Пушкин намеревался порвать все отношения с царем, уйти в отставку, уехать в деревню и вернуть утраченную независимость. Прощение об отставке ему пришлось взять обратно: ценою свободы был запрет заниматься в архиве. Об этом в дневнике сказано: «Прошедший месяц был бурен. Чуть было не поссорился я со двором, — но все перемололось. Однако это мне не пройдет» (VIII, 41). «В нем много от прапорщика и немного от Петра Великого», — в сердцах записал Пушкин в дневнике 21 мая 1834 г. как что-то, якобы не свое мнение.

Сопоставления продолжаются в творчестве. Первый том «Современника» открывается стихотворением «Пир Петра Первого». «Наконец появилось то, что ожидалось с таким нетерпением — «Современник» Пушкина, и с первой же страницы чувствуется отпечаток его духа. (...) Не распространяясь уже о стихе, сама идея стихотворения прекрасна, это урок, преподанный им нашему дорогому и августейшему владыке — без всякого вступления, предисловия или посвящения, журнал начинается этим стихотворением, которое могло быть помещено и в середине, но оно в начале, и именно это обстоятельство характеризует его», — 14 апреля 1836 г. писал в своем дневнике Л. И. Голенищев-Кутузов, человек из враждебного Пушкину лагеря.¹⁹

...Он с подданным мирится;
 Виноватому вину
 Отпуская, веселится;
 Кружку пенит с ним одну;
 И в чело его целует,
 Светел сердцем и лицом;
 И прощенье торжествует,
 Как победу над врагом.

(III, 319)

В основу «Пира Петра Первого» легла невыдуманная история, рассказанная между прочим М. В. Ломоносовым в «Слове похвальном Петру Великому»: «Простив он многих знатных особ за тяжкие преступления, объявил свою сердечную радость принятием их к столу своему и пушечной пальбой». В «Истории Петра» эту мысль Пушкин повторяет: «Петр, простив многих знатных преступников, пригласил их к своему столу и пушечною пальбою праздновал с ними свое примирение».

Проблема — литература и власть, монарх и поэт — нашла отражение во втором томе «Современника». Размышляя о себе, о своем собственном положении, Пушкин обращался к истории, искал поддержки в судьбах писателей-предшественников — Фонвизина, Радищева, Карамзина. В статье «Российская Академия» Пушкин печатает вопросы Фонвизина Екатерине. Это была смелая попытка Фонвизина начать с императрицей открытую дискуссию по злободневным политическим вопросам. Статья напечатана без подписи. Отчет написан на основании отдельно изданной брошюры «Заседание, бывшее в Российской Академии 18 января 1836 года». Правда,

¹⁹ Цит. по: Временник Пушкинской комиссии: 1962. М.; Л., 1963. С. 51.

Пушкин умолчал о том, что своими ответами Екатерина пресекла всякую возможность дальнейшей полемики.

Пушкин печатает статью «Французская Академия», — речи Скриба и Вильмена, которые были произнесены на заседании, состоявшемся 28 января 1836 г. Скриба принимают во Французскую Академию, и он вспоминает, как он, ученик Наполеоновского лицея, впервые оказался в этой зале. Именно тогда Скриб впервые увидел Арно, главного секретаря университета, автора «Мариин в Минтурне», трагедии, «которой прелестные стихи мы знали наизусть. Думал ли я тогда, что ученик займет место своего учителя». Скриб прославился своими комедиями, и его принимают в Академию на место умершего Арно, и Скриб в своей речи вспоминает о нем: «Дружба и доверие связывали Наполеона и поэта — драматурга Антуана Арно. Наполеон дал ему одно из первых мест в университете, место начальника отделения народного просвещения в Министерстве внутренних дел, принимал в своем доме, делал участником домашних разговоров. Наполеон сам хотел сочинить трагедию: на этот жанр у него были свои умозаключения, своя теория, как и что нужно описывать в трагедиях. Арно долго этому сопротивлялся, и однажды после долгого спора Наполеон сказал: „Как бы то ни было, но мне хочется сочинить с вами вместе трагедию“. — „Охотно, — отвечал Арно, — тогда, когда мы сочиним вместе план сражения!“».

«Так, искусно работая с „чужим текстом“ (Шишкова, Скриба, Вильмена), Пушкин предлагал читателю свое понимание отношений, которые должны складываться между монархом и писателем».²⁰

В третьем томе «Современника» Пушкин печатает статью «Вольтер». Дружеские отношения между Вольтером и принцем, а потом и королем Пруссии, развивались на глазах всей Европы, подтверждая то, что проповедовал Вольтер и к чему стремился Пушкин: просвещенная монархия, когда монарх, воспитанный философом, советуется с ним, — есть наилучшая система государственного правления.

Пушкин пишет о Вольтере: «Наперсник государей, идол Европы, первый писатель своего века, предводитель умов и современного мнения... <...> К чести Фридерика II скажем... он не стал бы унижать своего старого учителя, не надел бы на первого из французских поэтов шутовского кафтана, не предал бы его на посмеяние света...» (VII, 286). Здесь слышны намеки на отношение Пушкина к пожалованному ему придворному званию камер-юнкера. Статья «Вольтер» была написана спустя три года после записи в дневнике: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове» (VIII, 27). О степени глубокого чувства обиды, испытанного поэтом, можно заключить уже по необыкновенно частому упоминанию в дневнике о камер-юнкерстве и о неприятных тяготах, с ним связанных. Пушкин, очень скупой на записи, на протяжении двадцати пяти печатных страниц возвращается к этой теме десять раз. «Великий князь намедни поздравил меня в театре: — Покорнейше благодарю, Ваше Высочество; до сих пор все надо мною смеялись, Вы первый меня поздравили» (VIII, 28).

«Пожалование в камер-юнкеры нанесло неизгладимую обиду Пушкину и сыграло крупную роль в эволюции личного его отношения к царю. Камер-юнкерство усилило весьма ощутительным образом зависимость Пуш-

---

²⁰ Краснобородько Т. И. Тема «литература и власть» на страницах второго тома пушкинского «Современника» // Пушкин. Исследования и материалы: Т. XIII. Л., 1989. С. 128 — 131.

кина от Николая I». ²¹ Отныне он должен был в известные дни надевать камер-юнкерский мундир и представляться ко двору, по долгу своего звания украшать своим присутствием придворные балы, соблюдать правила придворного этикета.

Привязав Пушкина еще одной нитью, император оказался очень требовательным в мелочах. «Приехал в мундире (в Аничков. — *Е. III.*). Мне сказали, что гости во фраках. Я уехал...», — запись в дневнике 26 января 1834 г. (VIII, 28). Чтобы только не выступать в паре с молодыми камер-юнкерами на торжестве открытия Александровской колонны, Пушкин уезжает из Петербурга за пять дней до торжества. 6 декабря 1834 г. камер-юнкер Пушкин должен вместе со своими молодыми товарищами поздравлять императора с Ангелом: «Ни за что не поеду представляться с моими товарищами камер-юнкерами, молокососами 18-тилетними. Царь рассердится, — да что мне делать? (...) Я все-таки не был 6-го во дворце — и рапортовался больным. За мною царь хотел прислать фельдъегеря или Арнта» (VIII, 42—43). «Мелочная доука, принесенная придворным званием, раздражала и язвила Пушкина, недаром он высчитывает в дневнике все эти нудные придирки, смехотворные, но неприятные покушения на частную жизнь, на независимость поэта». ²²

Современники по-разному увидели отношение поэта к своему придворному званию. Н. М. Смирнов: «Пушкина сделали камер-юнкером, это его взбесило». В. И. Сафонович: «С удовольствием принял звание камер-юнкера, а вертелся в кругу людей, не слишком симпатизировавших двору».

Император узнает об отношении Пушкина к его монаршему благоволению из письма, перехваченного почтой. «...Рапортуюсь больным и боюсь царя встретить. Все эти праздники просижу дома. К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди; и мне, вероятно, его не видать. Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут» (X, 370).

На почте прочли письмо, и о нем стало известно императору. Эпизод с перлюстрацией письма открыл новую черту в лике самодержца. «...Какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! (...) Что ни говори, мудрено быть самодержавным». «Государю неугодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностью. Но я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутком не буду и у царя небесного» (VIII, 38).

«Пушкин наблюдал и изучал императора Николая в его государственной деятельности, в его... придворной жизни, и, наконец, в его личных отношениях к нему. Темы наблюдений были весьма щекотливы, и Пушкин в своих записях был нарочито сдержан, ограничивался только занесением в дневник фактов и событий, но воздержаться от оценок он все же не мог. Это и дает возможность нарисовать образ Николая I, каким он был в глазах Пушкина, и сделать некоторые выводы об отношении поэта к царю». ²³

Несколько выразительных штрихов о Николае I-управителе отметил Пушкин в дневнике: «Вчера государь император отправился в военные поселения (в Новгородской губернии) для усмирения возникших там беспокоейств. (...) Кажется, все усмирено, а если нет еще, то все усмирится

²¹ Щеголев П. Е. Первенцы русской свободы. М., 1987. С. 385.

²² Там же. С. 386.

²³ Щеголев П. Е. Указ. соч. С. 379.

присутствием государя. Однако же сие решительное средство, как последнее, не должно быть все употребляемо. Народ не должен привыкать к царскому лицу, как обыкновенному явлению. (...) Царю не должно сближаться лично с народом. (...) Государь не может явиться везде, где может вспыхнуть мятеж» (VIII, 19–20). Здесь просматривается позиция Пушкина по отношению к власти вообще.

У Пушкина был свой идеал государя — вождя, героя, раба долга, склоняющегося перед законом и интересом государственным. Прав историк П. Е. Щеголев, утверждавший, что «идеальный царь — создание поэтического воображения Пушкина, в действительности таких царей никогда не существовало, и менее всего подходил под понятие идеального царя Николай I. (...) Процесс развития взглядов Пушкина на царя и отношений к нему тесно связан с жизнью созданного им поэтического образа самодержца и государя в его творчестве, с теоретическими представлениями о монархе и власти».²⁴

---

²⁴ Там же.

Л. А. Краваль

ЦАРСТВЕННЫЕ ОСОБЫ В РИСУНКАХ ПУШКИНА

Пушкинские зарисовки царственных особ очень важны для понимания отношения к ним поэта. Поэтические характеристики слишком зыбки, слишком многозначны, слишком драгоценны для такой простой цели. Вот пример зыбкости поэтического слова:

Но есть волшебники другие,
Которых ненавижу я:
Улыбка, очи голубые
И голос милый...

Если в этих стихах «Руслана и Людмилы» Пушкин имел в виду императора Александра I (как предполагают некоторые исследователи), то есть вероятность, что слово «ненавижу» нагружено, в той или другой степени, своим сущностным значением. Если же здесь имеются в виду красавицы (как считают другие исследователи) или (как предполагаю я) конкретно императрица Елизавета Алексеевна, запомнившаяся многим на маскараде в Аничковом дворце 13 сентября 1817 г. в костюме волшебника, то смысл этого слова будет почти противоположным: люблю, но обижен, но раздосадован, но ревную, но огорчен... А кроме того, возможна, не исключена одновременная направленность стихов обоим адресатам, — для пушкинской поэзии такое не редкость.

Или, скажем, в X главе «Евгения Онегина» сказано об Александре I: «плешивый щеголь, враг труда». Куда уж, кажется, определенней! Однако существует предположение И. М. Дьяконова, очень обоснованное, что X глава — это дневник Онегина. И значит, резкость этой характеристики принадлежит герою, а не автору, так же как (замечу от себя) афоризм: «О русский глупый наш народ» (с излюбленным онегинским словом «глупый»; например: «Какие глупые места», или: «Как эта глупая луна/ На этом глупом небосклоне»).

Зато уж в рисунках своих Пушкин выражает отношение к изображенному лицу с предельной ясностью, используя для этого разные приемы и, в частности, френологическую деталь. С френологией — учением о неровностях черепа, якобы отражающих черты характера, — Пушкин был знаком по книгам Лафатера и Галля. В рукописи «Графа Нулина» были стихи, не вошедшие в печатный текст: «Граф местной памяти орган/Имел по Галеовой примете». В «Дубровском»: «Слуги стали разносить тарелки по чинам, в случае недоумения руководствуясь лафатеровскими догадками, и почти всегда ошибочно». В рисунках Пушкина френологические черты обнаруживаются явственно. Так, голову Старого беса в иллюстрации к «Сказке о попе и работнике его Балде» Пушкин «сконструировал» в точном соответствии с френологией. В верхней части лба, у линии волос, где френологи видят орган доброты, он изобразил впадину, выщерблину: у нечистой силы никакой доброты быть не может. Следующий за органом доброты — орган религии — Пушкин акцентировал, ибо, по учению френологов, этот орган развит не только у Святых, но и у магов, колдунов и прочих экстрасенсов: сатанизм — тоже религия. Далее, на темени, должен быть орган постоянства, твердости и независимости духа. У Святых обычно наблюдается ровный высокий купол, ибо все эти три органа у них развиты. У бесов же ничего подобного быть не может, и поэтому далее, за бугром религии — обвал, обрыв.

В портретах декабриста С. И. Муравьева-Апостола Пушкин всегда отмечает высокое темя — орган постоянства, твердости и независимости духа. Муравьев-Апостол — единственный в Южном обществе, кто резко выступал против царевийства и пролития крови и с постоянством и твердостью отстаивал свое независимое мнение. Прорисовкой высокого темени Пушкин выражает свою солидарность с Муравьевым-Апостолом, свое восхищение им.

И точно так же осенью 1829 г. в ушаковском альбоме Пушкин рисует императора Александра I (определен М. Беляевым). Пушкин и прежде не шаржировал (или почти не шаржировал) черт Александра I, но и таким прекрасным никогда не рисовал. В выражении его лица столько силы, ума, воли мы никогда не видали. Нет сомнений, что Пушкин узнал что-то новое об Александре, что-то такое, что перевернуло его прежние представления о нем. И вот, чтобы не было никаких сомнений в этом новом понимании царя, Пушкин рисует его с четко крутым лбом агнца и высоким теменем — знаком постоянства, твердости, независимости духа. Притом заметим, что линия темени прочерчена дважды, а голова изображена лишней волос намеренно — чтобы черту эту выявить. Не случайность, а переоценка ценностей. Высокая, высочайшая оценка!

А вот великого князя Константина Павловича Пушкин рисовал совсем иначе. В рукописи «Руслана и Людмилы» в конце 1818 г. поэт нарисовал его профиль, характерно плоский, похожий на фигурную скобку, отметил при этом довольно крутой лоб, какой был у него на самом деле. А затем, поправляя природу, резкой жирной чертой срезал ему этот «орган» доброты. Позднее, в 1828 г., в рукописи стихотворения «Анчар» (прямо возле строк «А князь тем ядом наплат...»), рисуя зыбкий вертикальный профиль великого князя Константина, Пушкин оставил ему его крутой лоб, но на темени (орган твердости, постоянства и независимости духа) вместо выпуклости разверз воронку, провал. Дело не в том, злой он или добрый, — словно слышим мы голос поэта, — дело в том, что он подвержен влияниям, колеблем ими.

На обороте счета «Северным цветам на 1832 г.» Пушкин рисует императрицу Александру Федоровну в окружении трех ее дочерей. Вверху справа — профиль великой княжны Марии Николаевны. Он слегка на-

бросан, недорисован, неотделан, но лоб и голова — точно очерчены циркулем. «Что тут говорить, — слышим мы голос поэта, — совершенство!...».

Об отношении Пушкина к царственным особам можно судить также и по именованным зарисовкам. Пушкин имел обыкновение в день того или иного Святого рисовать его соименника, тем самым как бы вознося за него молитвы чествуемому Святому. За кого же из царственных особ молился Пушкин? Со слов А. О. Смирновой мы знаем, что он молился за Петра I. В рукописи стихотворения «Иностранке» есть зарисовка Петра I (определение Е. Савельевой, старшего научного сотрудника Саратовского художественного музея). Поскольку на следующем листе проставлена дата «22 июня 1822», рисунок можно датировать 12 июня, днем памяти подобного Петра Афонского.¹

Осенью 1828 г., в ожидании царского решения дела о «Гавриилиаде» и в надежде на великодушие императора, которого называли «рыцарем Европы», Пушкин рисует Николая I в образе средневекового рыцаря. По последовательности записей и зарисовок ясно, что рисунок сделан между 12 и 16 октября. 14 октября чествуется память Николы Святоши, князя Черниговского. Можно думать, что именно в этот день Пушкин молился за императора Николая I.

Молился он и за Александра I. Во время путешествия по Кавказу в 1829 г. Пушкин нарисовал его в группе лиц, где изобразил и себя в папахе, и Александра Одоевского в солдатской шинели (надо думать, в этом отразились слухи о переводе Одоевского на Кавказ солдатом — вследствие ходатайства А. С. Грибоедова к генералу И. Ф. Паскевичу). Итак, три Александра: ясно, что именованный день. А так как в этой группе нарисован еще и Алексей Николаевич Оленин (определен А. Эфросом), а в верхней части листа есть помета «25 мая, Коби», то понятно, что зарисовки в нижней части листа сделаны 20 мая, в день обретения мощей святителя Алексия и чествования мучеников Александра, Астерия и Фалалея.

Но особенно выразителен из именованных, а значит и молитвенных, зарисовок портрет наследника, великого князя Александра Николаевича (в будущем — императора Александра II), сделанный в заголовке IX главы повести «Дубровский». На пустом и как бы титульном листе написано: «Том второй. Глава IX», и под этими надписями — портрет цесаревича, очень нежный, трепетный, трогательный. По дате в конце главы («14 декабря» (1832)) понимаем, что глава начиналась 12 декабря, и портрет наследника нарисован в день празднования священномученика Александра, епископа Иерусалимского. Это был также день рождения Александра I, и помета «14 декабря» (исправленная из «13 декабря») говорит нам о воспоминании поэта о покойном императоре. А кроме того, можно думать, что дата 14 декабря проецировалась на образ цесаревича, пророча и ему революцию в конце царствования. Из воспоминаний А. П. Араповой известно, что Пушкину было видение цесаревича по колена в крови, и он связывал это видение с грядущей революцией. Сравнение наследника с Александром I видится и в заглавии «Том второй». Не правда ли, для такой небольшой повести, как «Дубровский», разделение на тома удивляет? А удивившись и задумавшись, понимаем: это Пушкин видит (и провидит!) нечто общее в Александрях, Первом и Втором (будущем), — в характерах, в масштабах личности, в либерализме, в ожиданиях, на них возлагаемых, в судьбе...

¹ Что подтверждает и мое предположение о княжне Анне Гирей, крестнице генерала Раевского, как одной из адресаток стихотворения «Иностранке»: 12 июня — обретение мощей благоверной великой княгини Анны Кашинской и памятная дата в отношениях поэта и Анны; 12-м июня 1828 г. помечено стихотворение «Не пой, красавица, при мне...».

ПУШКИН В ВОСПОМИНАНИЯХ ДОЧЕРИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

В 1881—1882 гг. дочь Николая I великая княжна Ольга Николаевна, королева Вюртембергская, написала воспоминания «Сон юности».¹ Не имея детей, она посвятила свои воспоминания внучатым племянницам, Эльзе и Ольге Вюртембергским, и рукопись на французском языке перешла к сыну одной из них, принцу Альбрехту Шаумбург-Липпе. По воле мемуаристки записки ее не могли быть обнародованы до истечения 50 лет после ее смерти и появились только в 1955 г., но не во французском оригинале, а в неполном немецком переводе.

Русский перевод записок, сделанный с этого немецкого перевода и с новыми сокращениями, появился в Париже в 1963 г.,² и страницы мемуаров, посвященные смерти Пушкина, вызвали живой интерес в среде пушкинистов.

Предлагаемый ниже текст отрывка воспоминаний публикуется с разрешения Штутгартского государственного архива, где рукопись хранится в настоящее время.

Воздух был заряжен грозой. Ходили анонимные письма, обвиняющие красавицу Пушкину, жену поэта, в том, что она позволяет Дантесу ухаживать за ней. Негритянская кровь Пушкина вскипела. Папá, который проявлял к нему интерес, как к славе России, и желал добра его жене, столь же доброй, как и красивой, приложил все усилия к тому, чтобы его успокоить. Бенкендорфу было поручено предпринять поиски автора писем. Друзья нашли только одно средство, чтобы обезоружить подозрения. Дантес должен был жениться на младшей сестре г-жи Пушкиной, довольно малоинтересной особе. Но было слишком поздно; разбуженная ревность не смогла быть отвлечена. Среди шести танцоров находился Дантес! Несколько дней спустя он дрался на дуэли, и Пушкин пал, смертельно раненный его рукой. Можно представить себе впечатление на Папá. Эта смерть Пушкина была событием, общественной катастрофой. Вся Россия горячо отнеслась к его кончине, требуя возмездия. Папá собственноручно написал к умирающему слова утешения, обещая помощь и покровительство его жене и четверым детям. Пушкин умер спокойно, благословляя Папá, держа руку в руке жены, настоящим христианином. Я помню слезы Мамá, смущенный вид дяди Карла в течение долгого времени.³

Жуковский и Плетнев (наш учитель русского языка), оба друзья Пушкина, члены «Арзамаса»⁴ и его литературного круга, постоянно нам о нем говорили. Мы заучивали его стихи, предпочитая их всяким иным; «Мазепу»,⁵ «Бахчисарайский фонтан», «Бориса Годунова». Мы поглощали его

---

* Георгий Михайлович Воронцов-Вельяминов — праправнук А. С. Пушкина, внук Наталии Александровны Пушкиной, в замужестве Воронцовой-Вельяминовой, дочери старшего сына поэта — Александра Александровича. — *Прим. ред.*

¹ Напечатаны в сокращении во «Временнике Пушкинской комиссии: 1970». Л., 1972. С. 24—29.

² Сон юности: Записки дочери Николая I великой княжны Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской / Пер. М. Б. Будберг фон Бенингсгаузен. Париж: Военная быль, 1963 (тираж 500 экз.).

³ До этого упоминается танцевальный вечер, устроенный в Зимнем дворце принцем Фридрихом Карлом Прусским, братом царицы, гостившим в Петербурге и пригласившим на него нескольких офицеров Кавалергардского полка, без разрешения его командира. Императрица была на этом вечере. Николай I и великий князь Михаил Павлович считали, что приглашения офицеров во дворец должны даваться не по их способностям к танцам, а в награду за хорошую службу. Поэтому, когда царь и его брат внезапно появились в зале, вечер, по словам мемуаристки, «плохо кончился и даже обычные шутки дяди Карла не помогли». Этим случаем объясняется «смущенный вид дяди Карла». — *Прим. автора.*

⁴ П. А. Плетнев не был членом «Арзамаса».

⁵ Т. е. «Полтаву».

последнее произведение, «Капитанскую дочку», которое печаталось в журнале «Современник». Издание этого журнала было благоговейно продолжено Плетневым. Папá освободил Пушкина от контроля цензуры, читая сам его рукописи. Он надеялся таким образом дать возможность свободного взлета гению, заблуждения которого обнаруживали пылкую, но не испорченную душу. Архивы были ему открыты, и он набрасывал историю Петра Великого. Смерть застигла его посреди этих трудов. «Капитанская дочка», результат его исторических исследований, раскрывает, чем он мог бы стать на этом новом поприще. После Пушкина ни одно имя не может сравниться с его именем. Лермонтов, Вяземский, Майков, Тютчев — прелестные таланты, но ни один из них не гений. Некрасов стал популярен только в одном жанре — в прославлении бедняков. Алексей Толстой — мистичен в своем возвышенном слого, но однообразен.

В. Д. Берестов

«КАК ЗА ЦЕРКОВЬЮ, ЗА НЕМЕЦКОЮ...»

В ПОИСКАХ ЛЕСТНИЦЫ ЧУВСТВ

Читая народные песни в записях Пушкина (см. Приложение к III тому десятитомника (1949) и уточненный текст в «Литературном наследстве», т. 79), я и не мечтал найти среди них неизвестные стихи самого поэта. Я искал лестницу чувств. Что это такое?

В 1832 г. Пушкин набросал план статьи о русских песнях. За «Вступлением» — обрывочное: «*Но есть одно в основании*». Поэт с кем-то спорит своим «но» и почти все пункты плана посвящает своеобразию наших народных песен, тому, что выделяет их в мировом песенном творчестве. Тут и «*оригинальность отрицательных сравнений*» (вспомним «Не белы снежки» и т. п.), и осмысление народом своей судьбы («*Исторические песни*»), и самобытность народного обряда («*Свадьба*»), насыщенного песнями, от причитаний невесты до веселых застольных.

Далее: «*Семейственные причины элегического их тона*». Позже Пушкин пояснил: «Вообще несчастье жизни семейственной есть отличительная черта во нравах русского народа. Шлюсь на русские песни: обыкновенное их содержание — или жалоба красавицы, выданной замуж насильно, или упреки молодого мужа постылой жене». Значит, поэт имел в виду традиционные необрядовые лирические песни. К народной лирике, конечно же, относится и заключительный пункт пушкинского плана: «*Лестница чувств*». Не здесь ли то «одно», что лежит «*в основании*»? Не в ней ли, не в лестнице ли чувств, нашел поэт самую отличительную, самую оригинальную, самую русскую черту нашей песни?

Рискну сформулировать пушкинское определение «лестницы чувств». Оно примерно такое: «Национальное своеобразие русской народной лирики выражается в том, что в традиционной необрядовой песне одни чувства постепенно сводятся к другим, противоположным».

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

...Известная примета!
Начав за здравие, за упокой
Сведем как раз.

«Что-то родное» и есть национальное своеобразие. «Сведем» — вот и лестница! По ней сводят чувства: от разгулья удалого (за здравие) — к сердечной тоске (за упокой). И обычно («Известная примета!») в одной и той же песне.

Но есть песни, тоже очень русские («родные звуки звонкой песни удалой»), где чувства не сводятся, а поднимаются по лестнице. Пушкин в своих стихах просит ямщика:

Пой: «Лучинушка, лучина,
Что же не светло горишь?»

А вот текст «Лучинушки» в пушкинской записи:

Лучина — лучинушка березовая!
Что же ты, лучинушка, не ясно горишь,
Не ясно горишь, не вспыхиваешь?
Али ты, лучинушка, в печи не была?
— Я была в печи вчерашней ночи,
Лихая свекровушка воду пролила,
Воду пролила, меня залила.
— Сестрицы голубушки, ложитесь спать:
Ложитесь спать, вам некого ждать!
А мне, красной девице, всю ночку не спать:
Кровать убирать, мила дружка ждать;
Убравши кроватушку, сама лягу спать.
Первый сон уснула — без миленького;
Второй сон уснула — без сердечного;
Третий сон уснула — зоря белый день.
Из-под белой зорюшки мой милый идет,
Собольею шубочкой пошумливает,
Пуховой шляпочкой помахивает,
Сафьянны сапожки поскрипывают...

Песня начинается «сердечной тоской»: догорающей лучиной и лихой свекровью. А заканчивается «разгульем удалым»: белой зарей и нарядным возлюбленным. Между беспросветной тоской и беззаветной радостью — ступени лестницы чувств: и обида на свекровушку, и прощание с подругами, и жалость к ним, что им некого ждать (а мы-то собрались жалеть героиню песни!), и любовное томление, и красота зари. Удивителен почти кинематографический монтаж «Лучинушки». Потому и вместились столько различных чувств в ее 19 строк. Сначала крупным планом лучина: время глагола настоящее, тон лиричный (4 строки). Далее средний план — молодая женщина и лучина: время прошедшее, тон сказочный (лучина ответила!) (3 строки). Затем мы видим освещенные лучиной лица подруг: разговор в повелительном наклонении, интонация бытовая (2 строки). Дальше глаголы в будущем времени, другой план: красавица одна в темной избе (3 строки). Потом три пробуждения, каждый раз окно все светлее, и наконец — залитые зарей изба и двор за окном (3 строки): время глагола опять прошедшее. И наконец, в последних трех стихах — настоящее, но уже другое: то ли сбывшееся, то ли приснившееся, то ли пригрезившееся когда-то при свете догорающей лучины. Крупным планом — приближающийся возлюбленный. Интонации праздничные, плясовые. Пе-

реключение планов, времен, тона, бытового и сказочного, драматического и игрового, — это и есть «лестница чувств».

И вот — октавы пушкинской «Осени», так не похожие на народный стих. Монтаж не менее прихотлив и смел, чем в «Лучинушке». Начав с осени, поэт переходит не к зиме, а сразу к весне, когда у него «чувства, ум тоскою стеснены» (сердечная тоска?). Потом — о зиме, после нее — о лете, снова об осени. Мы радуемся охоте, ночной прогулке в санях с возлюбленной, блестящим тревогам зимних праздников, жалеем нелюбимое дитя в семье родной, сострадаем обреченной чахоточной деве и даже чуть влюбляемся в нее. И наконец, «в камельке забытом огонь опять горит» (не от «Лучинушки» ли?), и нам дается возможность испытать творческие чувства гения в пору высшего подъема.

Громада двинулась и рассекает волны.
Плывет. Куда ж нам плыть?..

По лестнице чувств, переключая тон, планы, стили, времена, сюжетные ситуации (их смена в традиционной народной лирике заменяет сюжет), Пушкин поднимает нас, как по трапу, на океанский корабль поэзии.

ЧЬЯ ЭТО СУДЬБА?

Как за церковь, за немецкую,
Добрый молодец Богу молится:
— Как не дай, Боже, хорошу жену, —
— Хорошу жену в честной пир зовут,
Меня, молодца, не примолвили.*
Молоду жену — в новы саночки,
Меня, молодца, — на запяточки.
Молоду жену — на широкий двор,
Меня, молодца, — за воротички.

Эта песня среди пушкинских записей, сделанных в Михайловском, поражает звучанием и содержанием.

Итак, в большом городе, где есть иноверческий храм, где православный почему-то должен молиться Богу за немецкую церковь, живет человек, женатый на красавице. Ее за молодость и красоту зовут на зимние праздники к некоему лицу, столь могущественному, что от приглашения не откажешься. А мужа красавицы унижают какие-то ОНИ. Смотрят на него как на холопа, на ливрейного лакея, которого можно поставить на запятки саней, везущих красавицу ко «широкому двору». Зовут жену одну, без мужа, а если тот явится вместе с ней, то выставляют его за ворота. Чья это судьба? И кто эти ОНИ?

Заглянем в письма и «Дневник» Пушкина. «Теперь они смотрят на меня как на холопа, с которым можно им поступать как им угодно», — пишет поэт жене после пожалования в камер-юнкеры. В «Дневнике» — о причине этого: «Двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове». Вот вам и ОНИ. Вот и «хороша жена», которую «в честной пир зовут». Вот и обращение с мужем, как с холопом («на запяточки»). И все же неужели ОНИ дошли до того, что Пушкина (!) выставили за ворота? Запись от 26 января 1834 г.: «В прошедший вторник зван я был в Аничков. Приехал в мундире. Мне сказали, что гости во фраках. Я уехал, оставя Наталью Николаевну». Вот вам и «меня, молодца, — за

* Пригласить. (Прим. Пушкина).

воротнички». А на Масленицу, 4 марта того же года, произошло следующее. «Избранные званы были во дворец на бал утренний, к половине первого. Другие на вечерний, к половине девятого. Я приехал в 9. Танцевали мазурку, коей оканчивался утренний бал». (Итак, поэт не был в числе «избранных» и приехал один). «Дамы съезжались, а те, которые были с утра во дворце, переменяли свой наряд. Было пропасть недовольных; те, которые званы были на вечер, завидовали утренним счастливым». (Среди этих счастливых — Наталья Николаевна. Она танцевала на обоих балах). «Все это кончилось тем, что жена моя выкинула. Вот до чего доплясались». Вот соответствие стиху «Меня, молодца, не примолвили».

Какие унижения, какие беды! «Как не дай, Боже, хорошу жену», т. е. жену прекрасную и любимую, — вот что вырвалось у автора песни.

Записано рукою Пушкина, речь о Пушкине, о фактах, подтвержденных «Дневником». ОНИ могли унижить, сжить со свету и неведомого доброго молодца из песни, и великого поэта:

С богатырских плеч
Сняли голову
— Не большой горой,
А соломинкой...

Так писал Алексей Кольцов. Выходит, об этом рассказал и сам Пушкин, взяв для стихов форму народной песни и излюбленный кольцовский размер (стихovedы называют его кольцовским пятисложником).

Продолжаю с помощью свидетельств самого же Пушкина исследовать неожиданную находку. Замечая, что песня куда более трагична, чем дневник и письма 1834 г. «Я уехал, оставя Наталью Николаевну, и, переодевшись, отправился на вечер к С. В. Салтыкову. Государь был недоволен и несколько раз принимался говорить обо мне». Итак, в «Дневнике» описано недоразумение, пусть обидное, но недоволен-то царь, а не Пушкин. Поэт как бы отплатил за обиду, не вернулся, его отсутствие замечено. Более того, Пушкин перестает ездить в Аничков, и царь, встретив его жену на балу у Трубецких, снова выражает свое раздражение: «Из-за сапог или из-за пуговиц ваш муж не явился в последний раз?». (Французское выражение «из-за сапог» означает и «без повода, по капризу»). «Мундирные пуговицы, — поясняет «Дневник». — Старуха гр. Бобринская извиняла меня тем, что у меня не были они нашиты».

А в песне героя намеренно оскорбили, выставили «за воротнички».

В «Дневнике» Пушкин как бы отмщен: ждали, что он вернется, стерпит унижение, но поэт не вернулся на этот бал, не приехал на следующий... В песне же — обида неотмщенная, несмыываемая, да еще и нанесенная не одним, а может, и не самим царем, а всеми ИМИ, кто сделал так, чтобы великого поэта — «за воротнички».

Песня, конечно же, написана позже событий, о которых идет речь в ней и в «Дневнике». Поэт сочинит ее тогда, когда увидит их в новом свете, когда что-то заставит его к тем событиям вернуться. Тут я прервал свои размышления, ибо вспомнил, что песня напечатана не в собрании сочинений, а в приложении к нему, а это значит, что, по мнению науки, даже не одной науки, а целых двух, пушкинистики и фольклористики, она принадлежит не Пушкину, а народу, безымянным авторам и исполнителям. Кто же и когда ее пел?

ЗЛОВЕЩЕЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

Самое точное прочтение песни и итоги ее изучения как пушкинистами, так и фольклористами даны в книге «Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского» («Литературное наследство», т. 79). Нахожу снимок автографа. Летучий пушкинский почерк. Сокращения «хо же» вместо «хорошу жену», «мол» вместо «молодцу». К «примолвили» пояснение — «пригласить». «Часто в пир» исправлено на «в честной пир». Под снимком: «Михайловское. Конец 1824 — начало 1825». Будь эта дата написана самим Пушкиным, все равно не поверил бы!

Узнаю, что песня «Как за церковью...» найдена в старой тетради поэта вместе со сказками и еще тремя песнями, записанными в Михайловском. Смотрю фотокопию в московском музее А. С. Пушкина. Песня — последняя по порядку в фольклорном разделе тетради. Так я и думал! Значит, поэт хотел, чтоб его стихи, попадись они кому-либо на глаза, были приняты за народную песню, записанную раньше событий, о которых идет речь. Вот он и спрятал их в конце фольклорного раздела в старой тетради. Он спрятал, а я нашел. Выходит, я — первооткрыватель? Но не тут-то было.

Ищу все, что сказано об этой песне пушкинистами и фольклористами. Начал с пушкинистов. С самого первого из них. П. В. Анненков уже в 1857 г. напечатал «Как за церковью...» в 7-м томе составленного им собрания сочинений под заголовком «Песенка, записанная Пушкиным» и пояснил, если это можно назвать пояснением: «Нельзя ручаться, чтоб эта песенка не была составлена самим Пушкиным. Во всяком случае она — позднейшее произведение народа, если принадлежит народу». Это странное примечание адресовано сразу двум видам проницательных читателей. Одних оно должно было запутать, а других навести на мысль, что перед ними стихи о судьбе поэта, плач по Пушкину; народ сложил бы ее лишь после смерти поэта, узнав обстоятельства его драмы. Но, намекает Анненков, ежели «позднейшее произведение народа» — в то же время и «песенка, записанная Пушкиным», то, как вы думаете, кто ее автор? Столь хитроумным намеком первый пушкинист ввел в заблуждение не только цензуру XIX, но и пушкинистику XX в.

Песню печатали среди пушкинских стихов еще в трех дореволюционных собраниях сочинений, потом она тихо ушла в примечания, приложения, а в самое полное — «большое» академическое собрание — не вошла совсем: это ж не сам Пушкин, а лишь его запись! И больше никто из пушкинистов не сомневался в ее принадлежности народу (записано как фольклор — значит, народная). Но удивительная вещь! Песня постепенно стала чужой не только для пушкинистов, но и для фольклористов. Они очень легко нашли варианты для первых трех записанных здесь же песен, а для четвертой народных вариантов не нашлось, будто никто, кроме Арины Родионовны, ее не пел, никто, кроме Пушкина, не записывал.

Вот что говорят фольклористы.

1900 г., П. Шейн: «Во всех знакомых мне сборниках песен я не мог найти соответственной параллели».

1929 г., В. Чернышев: «Только нахождение в произведениях народного творчества близких вариантов к этой песне могло бы удостоверить, что в бумагах Пушкина мы имеем запись, а не сочинение».

1953 г., Т. Акимова: «Народного варианта этой песни неизвестно... Если и считать песню о „хорошей жене“ подлинной, надо особо отметить, что она очень редкая».

На автографе правка. Раньше было «Хорошу жену часто в пир зовут», а стало «в честной пир». Не черновик ли это собственных стихов? —

предположил Чернышев. Но пушкинисты отвергли гипотезу фольклориста: нет, это фольклорная запись. Поправка же, считал М. Цявловский, «легко объяснима тем, что Пушкин хорошо не расслышал, как пропела или сказала ему Арина Родионовна».

Что же, няня своей песней предсказала поэту судьбу на десяток лет вперед: и женитьбу на первой красавице, и камер-юнкерство с «честными пирами» в Аничковом, и унижительные эпизоды с мундиром и фраком, с утренним и вечерним балами? А если прав Чернышев, который не сомневался в ранней дате записи и не искал в ее тексте связей с судьбой поэта, то получается, что Пушкин сам себе все это предсказал и внес зловещее пророчество туда, куда записывал фольклор, хоть тогда не было нужды в такого рода мистификации.

Текстологических аргументов я во внимание не принял. Вещь на стыке двух наук, каждая из них от нее отказалась, какая уж тут текстология! Даже в десятитомнике 1957 г. стоит «мою» вместо «молоду», «вороточки» вместо «воротички», «примолвили» и «пригласили» вместо подчеркнутых Пушкиным «примолвили» и «пригласить». Даже через сто лет после анненковской публикации четыре стиха из девяти еще читались неточно.

Правда, ошибка Анненкова — «Как не дай, Боже, молоду жену», превращавшая песню в странный призыв жениться на пожилых дамах, была исправлена, и «хороша жена» вернулась в текст, но зато из него надолго ушла «молода жена»: «Мою жену — в новы саночки», «Мою жену — на широкий двор». А с «молодой женой» ушел и кольцовский пятисложник, ритм авторских стилизаций, подражаний народной песне. Из песни, как видно, не только слова, но и слога не выкинешь без ущерба для смысла. Но был один ошеломляющий аргумент против пушкинского авторства. Песня, сообщает Шейн, «как видно из писем поэта к своей жене, очень была известна в его время». Акимова: «Подлинная народность этой песни подтверждается самим Пушкиным». Наконец, А.Соймонов в 1968 г.: «Последняя песня тетради № 4 — лирическая, семейная. Пушкин цитирует ее в письме к жене около 30 сентября 1832 г.», т. е. еще до камер-юнкерства. Вот эта цитата:

«Грех тебе меня подозревать в неверности к тебе и в разборчивости к женам друзей моих. Я только завидую тем из них, у коих супруги не красавицы, не ангелы прелести, не мадонны etc. etc. Знаешь русскую песню —

Не дай Бог хорошей жены,
Хорошу жену часто в пир зовут.

А бедному-то мужу во чужом пиру похмелье, да и в своем тошнит». Конечно, шутливое «Не дай Бог хорошей жены» — это не прямое горестное моление: «Как не дай, Боже, хорошу жену». И «часто» было заменено на «честной». И «во чужом пиру похмелье, да и в своем тошнит» не означает еще «не примолвили» и «за воротички». Что же до «мадонн» и «ангелов прелести», тут поэт вспомнил свое стихотворение «Мадонна»:

Исполнились мои желанья, Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

И вот вместо «Творец ниспослал» озорное «не дай Бог». Точно так же поэт мог, разумеется, обратить в шутку народную песню «Как за церковью...». Написал же он жене в 1834 г.: «Не таскайся по гуляниям с утра до ночи, не пляши на бале до заутрени». Тут Пушкин спародировал

настоящую народную песню, которую потом, в «Капитанской дочке», ревнивая Маша при сходных обстоятельствах скажет Гриневу:

Во беседах во веселых
Не засиживайся,
На хороших, на пригожих
Не заглядывайся.

Значит, «цитата» в письме 1832 г. шуточная, она пародирует и сонет «Мадонна», посвященный Н. Н. Пушкиной, и какую-то народную песню, может, действительно существовавшую, — «Как за церковью...». Что ж, пусть будет народная песня. Но ведь она записана рукою Пушкина и предсказывает его судьбу!

ЧТО ОКАЗАЛОСЬ ЗА НЕМЕЦКОЮ ЦЕРКОВЬЮ

1836 год. Пушкин переводит на французский для литератора Лёве-Веймара несколько народных песен. Вот плач войска по погребенном императоре. И — в обратном переводе на русский — знакомая формула: «Во соборе Петропавловском... молодой матрос Богу молится». Тут — молодой матрос в Петропавловском соборе, а там — добрый молодец за немецкою церковью. Однако в песнях такого рода имя церкви указывалось точно.

Немецкая церковь... То есть лютеранская. В Петербурге их было немало. Которая же имеется в виду? Может быть, еще жива память о том, какую церковь звали именно Немецкой?

И вот я позвонил историку архитектуры А. Ф. Крашенинникову, выросшему в Ленинграде, и спросил у него, как с Московского вокзала проехать к Немецкой церкви. Тот невозмутимо ответил, что мне нужно доехать любым троллейбусом до Казанского собора и пройти по Невскому проспекту чуть вперед. Я, естественно, поинтересовался, почему из всех протестантских церквей именно эта зовется Немецкой. Выяснилось, что церковь Святого Апостола Петра на Невском можно считать главной лютеранской кирхой Петербурга. Она построена при Петре I и названа в честь его Небесного покровителя, при Пушкине она была заново отреставрирована.

Еду к Крашенинникову, смотрим планы Петербурга, старинные книги. Вот немецкая кирха, за ней финская, шведская, голландская, наконец, Конюшенная церковь, где Пушкина отпевали. А вот и «хороша жена»! На картинке в «Библиотеке для чтения» за 1834 г. придворная дама в кокошнике, в голубом сарафане. «При императорском дворе, — сообщает журнал, — дамы нынче являются в торжественных случаях не иначе, как в русском национальном платье, великолепном и прелестном». Так являлась в Аничков и Наталья Николаевна, уже не «мадонна», а и впрямь «хороша жена», русская красавица.

Еду в Ленинград. Прямо с поезда — на Невский. Спрашиваю первых встречных про Немецкую церковь. «Петрикирхе?» — и мне любезно показывают дорогу. Вот и церковь. Фигуры апостолов. Две башни. Выхожу на Большую Конюшенную. У Конюшенного моста сворачиваю на Мойку. Захожу во двор Музея-квартиры. Когда соседние дома еще не были надстроены, из пушкинских окон, глядевших во двор, наверное, можно было увидеть задворки Немецкой церкви. Если бы Пушкин давал адрес не «На Мойке близ Конюшенного мосту» в доме кн. Волконской, а «За Немецкою церковью в доме кн. Волконской», письма все равно нашли бы адресата.

Образ доброго молодца, который вздумал молиться русскому Богу за немецкой церковью, перестает меня смущать. Он молился у себя дома. Пушкин жил в доме на Мойке с осени 1836 г. Значит, песня написана не раньше этой даты. Она, конечно, пушкинская. Не могла же няня

предсказать поэту еще и квартиру за лютеранскою церковью Св.Петра, и «хорошу жену» в официально утвержденном кокошнике и сарафане, и перевод для Лёве-Веймара, сделанный незадолго до переезда в дом за Немецкой церковью!

СЕДОБОРОДЫЙ ПУШКИН В ПОЛОСАТОМ КАФТАНЕ

Можно ли представить Пушкина с мужицкой бородой, в мужицком кафтане, на глазах у царя и света входящего во дворец? Оказывается, можно. Полосатым кафтаном он называл камер-юнкерский мундир, а про бороду сказано в одном из писем к жене: «Говорят, что мы будем ходить попарно, как институтки. Вообрази, что мне с моей седой бородкой придется выступать с Безобразовым или Реймарсом». А это — из другого письма: «Ты спрашиваешь, как я живу и похорошел ли я? — Во-первых, отпустил я себе бороду; ус да борода — молодцу похвала; выйду на улицу, дядюшкой зовут». Вот он, добрый молодец из песни!

Строительным материалом для этих стихов в народном духе послужило не менее четырех народных песен. Одна из них — обрядовая, о приезде сватов (ее приводит В. Чернышев):

А за церковью, за немецкою
А ладо, ладо! за немецкою,
А за другюю за турецкяку
Там налетело голубей стадо.

Сваты — голуби. Церковь — сразу и кирха и мечеть, все перерядили ряженные, переиначили скоморохи.

Вторая песня — траурная, из нее — «Добрый молодец Богу молится».

Третья — тоже свадебная. Ею величают на пирах мужа самой красивой жены. Пушкин, конечно же, не мог не огнести ее к себе и к жене. Это знаменитая песня «У голубя, у сизого золотая голова, у голубки, у голубки позолоченная», известная во множестве вариантов.

Мужа-кормильца, сумевшего сохранить красоту своей жены, чествуют на свадебных пирах, приплясывая и прихлопывая в ладоши: «Как бы мне, как бы мне хороша такая жена!.. Я бы в лете, я бы в лете в карете ее катал, я бы в зиме, я бы в зиме в новых писанных санях», — это записал В. Даль, друг Пушкина, на Урале. А на Псковщине добавляют, что счастливец сам бы «на запяточках стоял», «белы руки у перчаточках держал».

«Хорошу жену» просят у судьбы по всей России, ее мужу воздают честь. Таковы народные нравы. Противопоставление народных нравов господским есть и в четвертой песне, которую использует Пушкин. Из нее в письмо 1832 г. и в первоначальную редакцию «Как за церковью...» попал стих, близкий стиху «Хорошу жену часто в пир зовут». Песня есть в собрании Киреевского, Пушкин наверняка ее знал:

У барина была барыня гожа,
У крестьянина получше его:
— «Крестьянин мой, поменяемса женой!»
— «Боярин мой, не меняюся женой!
Твоя жена не годится никуда.
Мою жену часто в гости зовут,
Мою жену во колясочке везут,
Меня, мужа, на веревочке ведут.
Меня, мужа, по жене чествят:
Моей жене сладка меду подают,
А мне, мужу, быть, болотная вода».

Судьба безвестного мужика схожа с судьбой гения. Но одного обносят на пиру, другого унижают «у воротичек». Правка уточнила смысл. Муж той, кого «часто в пир зовут», — фигура скорее комическая. «В честной пир» — как бы взято из былины, это уже обида богатыря, Ильи Муромца, в княжеском пиру. Обида за бесчестье, за неприличное, с точки зрения народа, обращение с мужем красавицы.

Не менее четырех песен выведены из своих контекстов и введены в новый, небывалый. За этим стоит поэт-ученый, свободно говорящий на языке фольклора, проникший в самую суть народной лирики.

НАД ПУШКИНСКОЙ ТЕТРАДЬЮ

Приходно-расходная книга кишиневской ложки «Овидий» служила поэту в Михайловском (1824—1826). С одного ее конца идут черновики «Цыган», «Полтавы», «Онегина». Если ж перевернуть ее вверх ногами и листать в обратном направлении, то откроется с виду скучноватый, без рисунков и неистовой правки, отдел народных сказок и песен.

За четырнадцать страницами сказок — записи двух песен разинского цикла: «Песня о сыне Сеньки Разина» и «Как на утренней заре, вдоль по Каме по реке». Песни записаны порыжевшими чернилами, такими же, как и черновики поэта. Третья песня — «Во славном городе во Киеве» — народная баллада ужасов, записана более темными чернилами. Ими же в первой песне поэт заменил «губернатора» на «воеводу» и т. д. Осталась еще одна чистая страница, и на ней-то черными чернилами автограф стихов «Как за церковью, за немецкою». Поправка «честной» вместо «часто» внесена более светлыми чернилами. На фотокопии я не различил разницы в цвете, теперь вижу.

Цвет чернил в слове «честной» и есть тот текстологический вопрос, что открыл мне дверь в заветную комнату-сейф в Пушкинском Доме. Цвет чернил, почерк — это не моя сфера. Но рядом со мной — хранительница рукописей Пушкина Р. Е. Терebeneина. Это она по просьбе фольклориста Соймонова прочла для «Литературного наследства» точный текст песни. Впервые за сто с лишним лет! После ее чтения ясно видишь в автографе именно «мол» и «воротички». Стихи стали богаче, теплее после того, как Терebeneина увидела «и» вместо «о», «мол» вместо «мою». А как обогатилось звучание: «мол» в словах «молится», «молодец», «молоду» слышится в девяти стихах восемь раз. Что же касается ритма, то новое прочтение прямо-таки расколдовало стихи. И у песни «Как за церковью...» тут же нашлась старшая сестра, сочиненная и вправду в Михайловском, — плач Ксении Годуновой перед портретом покойного жениха. Кольцовский пятисложник, задолго до Кольцова записанный по-кольцовски:

Что ж уста твои
Не промолвили,
Очи ясные
Не проглянули?..

«Обращаюсь к русскому стихосложению», — писал Пушкин в 1834 г. Он думал, как избавить поэзию от банальных рифм и интонаций, и надеялся, что «будущий поэт» воспользуется для этого «настоящим русским», т. е. идущим от фольклора стихом. Песня «Как за церковью, за немецкою» — опыт этого будущего стихосложения. Поэт есть поэт. Преодолевая душевную муку, он решает новую творческую задачу во имя будущего:

Как за церковью,
За немецкою,
Добрый молодец
Богу молится;
— Как не дай, Боже,
Хорошу жену,
Хорошу жену
В честной пир зовут,
Меня, молодца,
Не примолвили.
Молоду жену —
В новы саночки,
Меня, молодца,
На запяточки.
Молоду жену —
— На широкий двор,
Меня, молодца, —
— За воротички.

Так бы я и печатал эти стихи в третьем томе десяти томника — следом за «Памятником», где Пушкин глядит на свое творчество глазами народа из будущего. «Как за церковью...» — личная судьба поэта, как бы увиденная глазами народа из прошлого. Автограф поэта — вынужденная стилизация под фольклорную запись. Стихи, написанные кольцовским пятисложником, Пушкин для публикации записал бы скорее всего по-кольцовски, как свой плач Ксении Годуновой.

В таком чтении особенно слышны богатейшие созвучия, рифмы (типа «молодец — молится» и даже «церковью — немецкою»), перетекания слов, делающие стихи «Как за церковью...» образцовым произведением Пушкина-чудотворца.

Есть тут и свойственное «*лестнице чувств*» переключение времен и планов: настоящее время, пожелание на будущее, снова настоящее, но опасения молодца уже сбылись. А тон переключается на напоминание о других народных песнях. На одном конце *лестницы* — свадебный народный пир, величание «голубя с золотою головой». На другом — принудительная поездка не по своей воле, унижение богатыря. Там — крестьянская изба, здесь — Аничков дворец, там — «разгулье удалое», а здесь — «сердечная тоска».

Л. Е. Смирнова

НАБЕРЕЖНАЯ МОЙКИ, 13

Двести лет отделяют нас от эпохи, названной пушкинской. Пытаюсь осмыслить «дела давно минувших дней», мы порой объединяем сюжеты, никак между собой не связанные, находим смысл в «странных сближениях». Так, ничего не значащий факт прибытия Ж. Дантеса в Петербург в 1833 г. на корабле «Николай I» становится значимым: в нашем сознании эти два имени уже соединены знанием последующих событий, — впервые соседствуют имена людей еще не знакомых, но уже сведенных вместе, чтобы сыграть каждому свою роль в предстоящей трагедии.

10 января 1837 г. молодой блестящий кавалергард Егор Осипович Дантес венчался в церкви Адмиралтейского ведомства, которая через полмесяца будет указана в билетах, сообщавших об отпевании А. С. Пушкина.

Никак не пытаясь вскрыть «тайный смысл» другого совпадения, отмечу, что в год «перевода» Пушкина по службе на юг (1820 г.) горел Екатерининский дворец в Царском Селе, летней резиденции русских императоров (тогда, же пострадало и здание Лицея, в котором, по словам Каразина, «государь воспитывает себе и отечеству недоброжелателей»), а в год смерти поэта вспыхнул сильнейший пожар в Зимнем дворце.

Пожалуй, особо притягательную силу имеют повторяющиеся цифры, числа. Так, любопытно проследить за настойчивым появлением числа 14 в творческой и личной биографии нашего героя. Например, в Лицее он занимал комнату под номером 14. Два стихотворения с названием «Воспоминания в Царском Селе» написаны с промежутком в 14 лет (1815—1829). В 1817 г., окончив Лицей, Александр Пушкин приезжает в Петербург. Спустя 14 лет, женившись, он увозит молодую жену подальше от тещи и московских теток в северную столицу, — начинается новый этап петербургской жизни, оказавшийся последним. В 14-ю годовщину Лицея написано стихотворение «Роняет лес багряный свой убор».

Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часу редеет;
Кто в гробе спит, кто дальний сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут...

(II, 247)

Рядом с пушкинской лицейской «кельей» — комната Ивана Пущина, числящаяся под № 13. Ту же нумерацию имеют сейчас дома на набережной Мойки, где когда-то жил Иван Пущин (№ 14), и Александр Пушкин, когда приехал с дядюшкой в Петербург, «с тем чтобы устроиться куда-либо на учение» (№ 13). Здесь же — дом княгини Волконской (№ 12), где Пушкин провел последние месяцы и минуты своей жизни.

Часто одни и те же люди играли огромную роль в начале и конце жизни Пушкина. Мы помним о том, что Александр Иванович Тургенев хлопотал за 12-летнего племянника Василия Львовича, и во многом благодаря его стараниям Александр Пушкин был определен в Царскосельский лицей. Он же стал единственным из друзей Пушкина, кому позволено было сопровождать тело поэта в Святогорский монастырь. Выехал Тургенев в Святые Горы из Демутова трактира. Название этой гостиницы не раз встречается нам при изучении биографии Пушкина. В ней поэт бывал до ссылки в гостях у приятелей, сам останавливался неоднократно в 1827—1831 гг. О Пушкине у Демута вспоминает Ксенофонт Полевой. Михаил Юзефович оставил романтическое описание работы поэта над «Полтавой» в этой гостинице. Сюда к Пушкину приходил молодой Гоголь. В Демутовом Пушкин встречал будущих героев «Евгения Онегина», здесь поселил ротмистра Минского и привел сюда Самсона Вырина.

Демутов трактир — одна из самых старых и известных гостиниц Петербурга. Начинаясь она с шести покоев, сдаваемых внаем купцом Демутом с января 1770 г., и уже в 1794 г. упоминалась наряду с известными отелями «Лондон», «Париж», «Королевский» и считалась едва ли не лучшей. Судя по многочисленным воспоминаниям постояльцев, гостиница была знаменита во все времена не столько условиями и обхождением, сколько возможностью выбрать номер в соответствии с социальным и финансовым положением. Так, небогатые приезжие могли позволить себе лишь дешевую маленькую комнату на верхнем этаже окнами во двор. Так поступила Надежда Дурова, когда привезла в столицу свой «Записки кавалерист-девицы». А известный оригинал, путешественник и коллекционер Алексей Салтыков («Индеец») занимал

целый бельэтаж окнами на Мойку. В Демутовом жили М. П. Бестужев-Рюмин, К. Н. Батюшков, А. С. Грибоедов и П. Я. Чаадаев — как говорили, «самый заметный и самый блистательный из всех молодых людей в Петербурге». В гостинице был зал, где давали концерты и читали лекции. Так, в 1820 г. А. И. Тургенев, Н. М. и Е. А. Карамзины и «много лиц из великосветского общества» посещали лекции по истории французской литературы и театра, которые читал Дюпре де Сент-Мора. Здесь некоторое время была мастерская художника Хозроя (Конроэ) Дузи, принимавшего участие в росписи Исаакиевского собора.

Шли годы. Менялись хозяева гостиницы, неоднократно перестраивалось само здание (в 1832 г. фактически выстроено было новое «на подвалах»), — лишь название гостиницы оставалось прежним. В 70-х годах XIX в., когда от старого здания уже почти ничего не сохранилось, надстроенный четвертый этаж украсила роскошная вывеска «Hotel Demouth». И уже новые имена привлекают внимание к этому «постоялому двору». Среди тех, кто останавливался здесь, — И. С. Тургенев, А. И. Герцен.

Демутов трактир, овеянный легендами своей более чем вековой историей, притягательностью и значительностью имен людей, в нем живших, вскоре и впрямь стал легендарным: упоминания о нем во множестве рассыпаны в мемуарах, адресных книгах и официальных документах XIX в. Между тем точный адрес Демутова трактира был утерян. И только в 30-е годы нашего столетия А. Яцевич определил его: Мойка, 40.¹ По этой же стороне Мойки, чуть дальше у Певческого моста — дом № 14, не так давно отмеченный мемориальной доской, — дом Пуцциных.

Вспоминая поступление в Лицей и свое знакомство с будущим другом, Иван Иванович Пушкин упомянул о том, что тот «жил вместе с дядей на Мойке». Где именно? «Едва проснувшись, он в одном белье подбежал к окну. Черный глубокий канал лежал внизу, в каменном гладком русле. Кругом был камень и стены. Друзья наняли для Василия Львовича три комнаты, довольно мрачные, в Демутовой гостинице, на Мойке». Так начинается вторая часть романа Юрия Тынянова «Пушкин», впервые опубликованная в «Литературном современнике» в конце 1936 — начале 1937 г. Можно предположить, что широкая известность гостиницы Демута, а также авторитет Тынянова, ученого и писателя, способствовали рождению нашей уверенности в том, что в 1811 г. Василий Львович и Александр остановились у Демута. Этот адрес закреплен в книгах о пушкинском Петербурге, многочисленных статьях, путеводителях. И все-таки здесь кроется ошибка.

Заглянем в настольную книгу пушкинистов «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина». Если в первом издании этого труда (1951) М. А. Цявловский под августом 1811 г. приводит лишь цитату из упомянутых записок И. И. Пуццина, то во втором издании (1991) к ней прибавлено письмо В. Л. Пушкина П. А. Вяземскому, где он сообщает свой адрес: «На Мойке, близ Конюшенного моста, в доме купца Кувшинникова»!

Автор одной из адресных книг Санкт-Петербурга замечает: «...нигде, ни в городах России, ни даже вне оной, не производится такая скорая продажа домов, как здесь, и потому нигде хозяева так часто не переменяют своих жилищ». Нужно заметить, что поиски дома Кувшинникова осложняла не только частая смена хозяев, но и неоднократное изменение принципа нумерации домов. Облегчило задачу то обстоятельство, что владельцы домов, расположенных в центральных частях столицы, в большинстве случаев люди солидные, не спешили расставаться с особняками на Миллионной улице, на-

¹ Яцевич А. Пушкинский Петербург. СПб., 1993. С. 360.

бережной Мойки. На картах города, составленных в 1849 г., где указаны номера домов, их расположение и имена владельцев, дома в интересующем нас районе «близ Конюшенного моста» большей частью принадлежали тем же семьям, что и четыре десятилетия назад. Сопоставив данные 1849 г. и данные адресных книг 1809, 1822, 1837 гг., удалось установить современный адрес дома Кувшинникова, где в 1811 г., до переезда в Царское Село, жил А. С. Пушкин. В 40-х годах XIX в. он значился как дом по набережной Мойки, 12,² в наше время — дом № 13.³

Случайностей не бывает. Все имеет свои причины. Мы не всегда можем проследить их, да и нет в том нужды. Назовем случившееся совпадением или Провидением Божиим, в зависимости от нашего мировоззрения. Сам поэт был внимателен к подобным «сближениям». Так, он считал, что праздник Вознесения Господня имеет в его жизни особое значение: родился он в день Вознесения, помолвлен в день Вознесения, венчался в церкви Большого Вознесения. В ключевые, поворотные моменты жизни Пушкин пытался вернуться туда, где был когда-то счастлив, откуда начинался его путь. Так, в 1831 г. он привозит молодую жену в Царское Село, чтобы «пожить в кругу милых воспоминаний» о Лицее, лицейских друзьях, собственной юности. В 1836 г. — поселяется в доме княгини Волконской, нынешний адрес — Мойка, 12. Круг замкнулся. В этом уголке старого Петербурга начиналась петербургская жизнь поэта — «На Мойке, близ Конюшенного моста, в доме купца Кувшинникова». По набережной Мойки гулял он с Большим Жанно, которого назовет своим первым другом. «На Мойке, близ Конюшенного мосту в доме княгини Волконской» пройдут последние часы его жизни, когда он скажет: «Как жаль, что нет теперь здесь ни Пушина, ни Малиновского, мне бы легче было умирать». В Большом зале дворцового флигеля, приспособленного когда-то В. П. Стасовым под нужды Лицея, 8 января 1815 г. прозвучали «Воспоминания в Царском Селе», принесшие славу лицеисту. В церкви Спаса Нерукотворного Образа (что «близ Конюшенного мосту»), творении зодчего Стасова, 1 февраля 1837 г. пропета Вечная память великому поэту...

Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...

² Цылов. Планы Санкт-Петербурга 1849. СПб., 1853.

³ Смирнова Л. «Близ Конюшенного мосту...» // Вечерний Петербург. 1993. 5 июня.

М. Ф. Мурьянов

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ЧЕРНОЙ РЕЧКИ

ПУСТОЕ СЕРДЦЕ

Оба первых поэта России — Пушкин и Лермонтов — погибли в расцвете лет на дуэли.

Современное им дворянское общество находило, что оскорбленную честь можно восстановить либо публичным извинением (просить его считалось более или менее унижительным), либо обменом пистолетными выстрелами с обидчиком на поединке — или по одному выстрелу, или «до первой крови», или «до повалу». Правые и неправые имели в среднем одинаковый

шанс быть убитыми, т. е. дуэль не была правосудием и, более того, сама преследовалась законом. Тем не менее ее светский престиж был очень высоким, ценилось спокойное бесстрашие, с которым дуэлист смотрел в глаза смерти. Дрогнувший, даже если он был тысячу раз прав в самом поводе к дуэли, покрывал себя несмываемым позором.

На гибель Пушкина Лермонтов тотчас отозвался стихотворением «Смерть Поэта», имевшим небывалый по величине общественный резонанс и пространившимся во множестве списков. Оно и поныне является хрестоматийным, каждое новое поколение учится понимать Россию 1837 г. прежде всего по этому стихотворению, чья неистовая гневность обернулась распоряжением царя о психиатрическом освидетельствовании автора.

Известны слова Николая I: «Ненавижу дуэль. Это — варварство. На мой взгляд, в ней нет ничего рыцарского». Он и в самом деле сурово наказывал попавшихся. Однако к дуэли Пушкина отношение монарха оказалось необычным: Дантес, боявшийся быть запоротым казачьими нагайками в Петропавловской крепости, приговоренный военным судом к смертной казни, отделался разжалованием и высылкой во Францию. А четыре года спустя чисто символически был наказан и убийца Лермонтова — посажен на три месяца на гауптвахту.

Стихотворение «Смерть Поэта» оказалось невозможным опубликовать, пока был жив Николай I. Оно было напечатано только после катастрофической Крымской войны, в 1858 г. (сначала в Англии, а затем без последних 16 стихов — в России), и тем самым обрело новый смысл, прозвучав как проклятие рухнувшему николаевскому режиму.

Язык и поэтика стихотворения являются предметом внимательного изучения, интересная сводка литературы по этому вопросу дана в «Лермонтовской энциклопедии». Работа филологов продолжается, она идет с нарастающей точностью, уже заставившей, например, Н. М. Шанского дать своим этюдам об этом стихотворении выразительное название: «Художественный текст под лингвистическим микроскопом».¹ Лингвистическую микроскопию применим и мы на следующих строках стихотворения:

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет.
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.

Перед нами законченное изображение Дантеса на дуэли, изображение не только позы, но и — что гораздо существеннее — внутреннего состояния убийцы в роковое мгновение, изображение отчетливо зрительное, как бы живописное, хотя и созданное средствами словесного искусства.

Хочется найти сравнение с натурой и с другими образцами портретов, т. е. с сопоставимыми произведениями поэзии. Но это невозможно. Во-первых, никому из нас не известна «натура», доподлинное душевное состояние в дуэльной ситуации; во-вторых, имеющаяся систематика сюжетов мировой поэзии XIX в. не дает по теме «дуэль» ровно ничего. Лермонтов, во многом обязанный своей начитанности, литературной образованности, в таких случаях, как этот, исходил из живого опыта, не из книжного знания. Следовательно, мы поставлены перед необходимостью интерпретировать этот уникальный поэтический портрет, исходя из него самого.

В психологизме этого портрета (а психологизм здесь основное; черты лица, прическа, глаза, костюм совершенно не интересовали художника)

¹ Русский язык в школе. 1971. № 3.

имеется контрастная противоположность между внешним и внутренним началами. Смысл этих начал стягивается к двум ключевым словам, *удар* и *сердце*, которые нам и надлежит рассмотреть под «лингвистическим микроскопом».

Примем во внимание варианты чернового автографа:

Его противник хладнокровно
Наметил выстрел,

Сошлись, противник хладнокровно
Навел удар... надежды нет...

Первоначальное *выстрел* уступило место окончательному *удар*. Зачем понадобилась эта замена? Обыденное сознание (оно зафиксировано в переводах стихотворения на другие языки) подразумевает, что наведен пистолет или, если мыслить метонимически, выстрел из этого оружия. Однако пистолетный выстрел не принято называть ударом. Допустим, что его могли так называть в офицерской среде, откуда далеко не каждый жаргонизм попадал в тексты, на которых основывается академический словарь русского литературного языка. Допустим даже, что в данном поэтическом контексте функция такого жаргонизма — это характеристика самого Дантеса, почти что его прямая речь. Но трудно представить себе, чтобы жаргон мог проникнуть в столь патетическое стихотворение, что поэту в такой момент могло изменить чувство стиля. Гораздо больше оснований предположить другое. Синтаксическое соседство *спасенья*, слова, имевшего в эту эпоху философское содержание и унаследованного из церковнославянского языка, дает возможность догадываться, что *удар* — это недосказанное *удар судьбы*, сделанный рукой ничтожного, мало что понимающего Дантеса.

Причинность событий и так называемая судьба занимали умы многих. Дуэлисты и карточные игроки поколения 1830-х годов свою жизнедеятельность имели обыкновение связывать с проблемой фатализма. Тем самым они основывались — иногда сами того не подозревая — на учении очень древнем, получившем свой окончательный вид в философии Шеллинга, находившего, что возможны только три философские системы — фатализм, субъективный атеизм и религия, при этом фатализм исходит из того, что все без исключения события предопределены неотвратимой, слепой судьбой. Хорошо известно, что убийцы Пушкина и Лермонтова на старости лет объясняли свою роль убийц тем, что они всего лишь являлись невольным орудием судьбы.

В таком контексте глагол *наводить* имеет значение отнюдь не стрелковое. Так в фольклоре *наводят* порчу. И вместе с тем в силу многозначности глаголу *наводить* присуща своя роль в том, что мы как бы видим позу убийцы, во весь рост, анфас, медленно, спокойно поднимающего руку с пальцем на курке. Магия слова, поэтическое *наваждение*! В черновике стихотворения был *противник*, в окончательном тексте — *убийца*. Разница огромна, не каждый текст выдержит такую замену. К примеру, ее не выдержал бы известный пассаж из пушкинской повести «Выстрел», содержащей описание кишиневской дуэли Пушкина с прапорщиком Зубовым: «Я стоял на назначенном месте с моими тремя секундантами. С неизъяснимым нетерпением ожидал я моего противника».

Если из третьего стиха вычленим фразу *сердце бьется ровно*, то это — нейтральное выражение, описывающее безмятежное состояние души и тела. Можно было бы сказать — превосходный медицинский факт, если не знать, что в эту минуту никто не проверял пульс и не прикладывал стетоскоп к груди человека, о котором идет речь. Эта же фраза в приме-

нении к некоему гвардейскому офицеру николаевской эпохи, изготовившемуся к выстрелу на дуэли, обретает новый смысл, она означает, что далеко не все спокойно, но этот дуэлист спокоен, что дуэлист, хотя мы его и не знаем, — настоящий гвардейский офицер, каким ему и положено быть. Если же нам становится известным, что дуэлист — действительно гвардейский офицер, но он перед этим тяжко оскорбил фамильную честь человека и теперь готов застрелить его на дуэли, причем его мишенью является Пушкин, то эта же фраза характеризует дуэлиста Дантеса именно так, как отозвался о нем Лермонтов: «Я презираю таких авантюристов — эти Дантесы и де Баранты заносчивые сукины дети».²

Однако непосредственно из контекста рассматриваемого четверостишия ничего этого мы «не знаем». А знаем самое страшное — из лаконичного эпитета к *сердцу*, начинающего стих:

Пустое сердце бьется ровно.

Пустое сердце — троп редчайший и означающий не всегда одно и то же. В «Словаре русского литературного языка» имеется цитата из неназванного тома «Архива братьев Тургеневых»: «Сладостный луч надежды проникает в пустое сердце мое, и я оживаю».³ Природа этой пустоты — другая, наше читательское чувство к человеку — совсем иное. В стихах Пушкина тоже есть признание, предназначавшееся для поэмы «Кавказский пленник»:

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Эта пустота — уже в прошлом. В настоящем человек страдает — значит, его сердце этим заполнено, оно переживает процесс облагораживания.

Великую загадку жизни человек издревле связывал с биением сердца, воображение наделяло этот чуткий комок материи такими свойствами, которые не имеют никакого отношения к данным науки о сердце — кардиологии наших дней. Соответственно этому язык строил удивительные метафоры, играющие важную роль в поэзии. О сердце человека и поньше можно сказать, что оно *доброе, горячее, пламенное, восковое, ретивое, золотое, львиное*. Или, наоборот, *злое, черствое, каменное, железное*, даже — по Далю — *воробьиное* (когда в ничтожном человеке кипучий нрав). В крайнем случае можно сказать, что такой-то человек — вообще бессердечный. *Пустое сердце* встретить в языке поэзии можно гораздо реже, чем его противоположность, *полноту сердца* — этим тропом увлеклись многие романтики, особенно Новалис.

В чем же причина того, что из всех поэтических примеров на *пустое сердце*, которые удается выявить, единственно лермонтовский контекст производит жуткое впечатление?

Здесь художественное прозрение поэта поднялось над сомнительными, преходящими условностями светского дуэльного псевдоправа и раскрыло в прогремевшем на всю Россию выстреле 27 января 1837 г. то, чем он является в своей вечной сущности — преднамеренным убийством.

Юристам приходится иметь дело с этим тяжчайшим преступлением, но судят они об убийстве как-то извне, даже если до мельчайших, тщательно

² Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 126.

³ Словарь русского литературного языка. М.; Л., 1961. Т. 11. С. 1716.

классифицируемых подробностей. Лишь сердцеведам-художникам дано вникнуть во внутренний — иногда очень сложный — мир злодея, распознать все, что в нем происходит в кровавый миг. Лермонтов назвал то, что было, — холодной пустоту.

ПОСМЕРТНАЯ МАСКА

Человек ушел из жизни, навсегда. Остается память о нем. Поэтов помнят по их стихам. И все-таки поэт и его поэзия — далеко не одно и то же. Поэт — это личность, во всей полноте значений этого слова. Личность врезается в память своей внешностью, всегда неповторимой. Когда мы вспоминаем человека, перед нашим внутренним взором возникает его лицо.

За считанные дни до смерти Пушкин просил награвировать свой портрет на стали. Просьба была обращена к мастеру, резцу которого все мы поныне обязаны своими привычными представлениями о том, какой была внешность М. В. Ломоносова, А. С. Грибоедова и многих других великих русских. Это был гравер Н. И. Уткин. Заказ был выполнен, но этот офорт, датированный 1838 г., признается не очень удачной вариацией знаменитого уткинского офорта 1827 г. с портрета кисти О. А. Кипренского;⁴ от последнего облика Пушкина он возвращает нас ко времени, которое самому заказчику, надо полагать, казалось в 1837 г. бесконечно далеким.

В день кончины Пушкина в дом были вызваны профессор скульптуры Академии художеств С. И. Гальберг и формовщик Балин, снявшие гипсовую маску с лица умершего. По скульптурному негативу было изготовлено примерно 15 масок первого отлива, они были розданы на память родным и близким. Сведения об этом опубликованы вместе с очень хорошего качества фотографией маски.⁵ Здесь же объяснено и значение маски — она «дает представление об облике поэта в последние годы его жизни и сохраняет надлежащее значение первоисточника для последующей иконографии».

Чуткость ко всему, что с этим связано, не в последнюю очередь должна относиться к самому слову *маска*. Что же это такое, маска? Большой академический словарь русского языка объясняет: «5. Слепок из гипса или другого материала, снятый с лица человека... Франц. *masque*, от араб. *mashara* — насмешка».⁶ Неудовлетворенность лаконичностью объяснения предмета дополнилась чувством неловкости от этимологической справки. Начнем разбираться заново!

Маска мученической смерти не может дать истинное представление об облике жизни, да еще во все последние годы сразу. Смерть преобразует человека. Как соотносятся маска и живое лицо Пушкина, документировано записью В. А. Жуковского, присутствовавшего при кончине: «Я сел перед ним и долго один смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видел ничего подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти... Что выражалось на его лице, я сказать словами не умею. Оно было для меня так ново и в то же время так знакомо!.. Какая-то глубокая удивительная мысль на нем развивалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубокое, удовлетворенное знание... Никогда на лице его не видал я выражения такой глубокой, величественной, торжественной мысли...

⁴ Принцева Г. А. Николай Иванович Уткин. Л., 1983. С. 90—92.

⁵ Февчук Л. П. Посмертная маска Пушкина // Пушкин и его время: Вып. 1. Л., 1962. С. 395—398.

⁶ Словарь русского языка. М.; Л., 1957. Т. 6. С. 656—657.

Я вспомнил вовремя, что надобно с него снять маску. Это было исполнено немедленно; черты его еще не успели измениться. Конечно, того первого выражения, которое дала им смерть, в них не сохранилось».⁷

Примечательно, что Жуковский признался в неумении сказать словами то, что он увидел. Выразить неизреченное призвано изобразительное искусство. Посмертная маска — особый жанр изобразительного искусства, самый реалистический и самый одухотворенный. Изготовление маски — только начало творческого акта скульптора, завершается этот акт созданием скульптурного образа. Высший художественный результат наиболее вероятен — при прочих равных условиях, — когда скульптор знал изображаемого им человека в жизни.

Гальберг пережил Пушкина не надолго, но исполнить бюст поэта успел, это творение нашло у современников благодарное признание и стало классическим. Гальберг считался первым скульптором России, многие ставили его выше воспетых Пушкиным скульпторов Кановы и Торвальдсена. Знал ли он живого Пушкина? По этому вопросу высказывалась неуверенность,⁸ но в отчете Академии художеств за 1836 г. записано, что Гальберг работает над скульптурным портретом Пушкина.⁹ Работа над посмертной маской была для Гальберга большим художественным переживанием, единственным в своем роде переломным событием. Идея запечатлеть великое живое преобразовалась и дала образ вечности, мемориал. Концом жизни и началом вечности, границей между двумя безднами явилась маска. «Бездна бездну призывает гласом хлябей своих».

Издrevле искусство любило прием персонификации, он давал возможность выразить неизобразимое. Когда возникла необходимость изобразить бездну, рисовалось что? — Ее олицетворение, в виде маски!¹⁰ Но каким словом она называлась?

Во французском языке слово *masque* обнаруживается не ранее 1511 г., тогда как в латыни *masca* найдена в лангобардском эдикте 643 г., со значением «волшебница, колдунья». В 680 г. *masca* имеет в английской латыни значение «маска».¹¹ Оба смысла не так уж далеки друг от друга: существует обширная этнологическая литература, зафиксировавшая магические функции маски в верованиях и обрядах многих народов мира. *Masca* — это изначально сеть, в которую закутывали покойника перед погребением, она должна была не пускать его обратно к людям; затем этим словом стали называть воображаемого выходца с того света, и наконец — лицо этого существа.¹²

В романской филологии есть тенденция считать *masca* словом долатинским, т. е. принадлежащим языку исчезнувшего народа этрусков, обитавшего на Апеннинском полуострове до римлян. Этрусками имели обычай изготавливать посмертные маски, это стало одним из источников высокого портретного искусства римских скульпторов.¹³ По другой гипотезе, *masca* происходит, через посредство незасвидетельствованного прилагательного

⁷ Жуковский В. А. Сочинения. М., 1980. Т. 3. С. 509—510; ср. гексаметры «А. С. Пушкин». М., 1980. Т. 1. С. 316—317.

⁸ Временник Пушкинской комиссии: 1970. Л., 1972. С. 101—102.

⁹ Пушкин и его современники: XXXVII. Л., 1928. С. 201.

¹⁰ Lexikon der christlichen Ikonographie. Freiburg, 1971. Bd 3. S. 234.

¹¹ Bloch O., Wartburg W. von. Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris, 1975. P. 395.

¹² Mehren G. Sinn und Gestalt der Maske. — Antaios: Bd 11. Sonderheft «Maske». Stuttgart, 1969. S. 138.

¹³ Drerup H. Totenmaske und Ahnenbild bei den Römern. — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung: Bd 87. Rom, 1980. S. 81—129.

massica, от существительного классической латыни *massa* (тесто),¹⁴ что как раз совпадает с фактом изготовления масок из гипсового теста, если оставить без рассмотрения бездонный выход в такое значение *massa* как «первичная материя, хаос» — в языке Овидия.

Посмертная маска Пушкина была и остается тем, что хоть однажды видит каждый любящий творчество зрелого Пушкина, и уж во всяком случае без нее не обходится ни один художник, работающий над созданием живописного или пластического образа поэта. Понимание, герменевтика маски — проблема, где в совместные раздумья включается филолог.

---

¹⁴ *Le Robert*. Paris, 1985. Т. 6. Р. 284.

М. Ф. Мурьянов

НАДГРОБИЯ ПУШКИНЫХ В ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОМ МОНАСТЫРЕ

Генеалогия Пушкиных была разработана на основании документальных данных, собиравшихся свыше тридцати лет, Б. Л. Модзалевским.¹ М. О. Вегнер дополнил сведения о ближайших к поэту поколениях, проследил генеалогию женских линий.² Вслед за этим в 1940-х годах академик С. Б. Веселовский глубоко проанализировал материал истории рода Пушкиных, показал за перечнем имен и дат живую картину нескольких столетий.³

Однако сведения о Пушкиных, похороненных в усыпальнице Псково-Печерского монастыря, по Тартускому договору 1920 г. отошедшего к буржуазной Эстонии, остались непроверенными. Эпиграфический материал усыпальницы был издан Институтом археологии АН СССР (в настоящее время — РАН),⁴ но надписи, относящиеся к Пушкиным, не были здесь прокомментированы и сопоставлены с данными пушкиноведения. Цель настоящего сообщения — взаимная увязка «Родословной росписи» и археологического материала и оценка полученных результатов; при этом нами были использованы сведения, в августе 1975 г. полученные по запросу Рукописного отдела Пушкинского Дома от наместника монастыря архимандрита Гавриила.

Псково-Печерский монастырь возник возле Святой горы, у подошвы которой стоит Успенский собор (1473), имеющий снаружи только фасадную стену; его внутренние помещения выкопаны в толще горы. В нее же уходит рядом с собором туннель с разветвлениями, общей длиной около 200 метров, представляющий собой усыпальницу; здесь же оборудован алтарь, где совершают заупокойную литургию.⁵ Для индивидуальных захоронений делались ниши, которые замуровывались керамическими плитами (керами-

---

¹ Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В. Пушкины. Родословная роспись. Л., 1932.

² Вегнер М. О. Предки Пушкина. М., 1937.

³ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 39—139 (глава «Род и предки А. С. Пушкина в истории»; опубликовано также: Новый мир. 1969. № 1. С. 170—203; № 2. С. 205—241). Ср.: Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 74, 112.

⁴ Плешанова И. И. Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика: Вып. 6. М., 1966. С. 149—206.

⁵ О возникновении и смысле обычая хоронить в монастырях и храмах см.: Kötting B. Der frühchristliche Reliquienkult und die Bestattung im Kirchengebäude. Köln; Opladen, 1965.

дами) с рельефной надписью; их число доходило в конце прошлого века до 400. В настоящее время в доступных частях усыпальницы насчитывается 66 керамид старшего периода — второй половины XVI в., куда относятся все интересующие нас погребения. Всего здесь было похоронено не менее семи Пушкиных, данные о которых приводятся ниже.

1. Сисой Пушкин, имеющий по «Родословной росписи» № 103, умер 25 IX 1558 — на месяц раньше, чем датируется самая древняя из ныне существующих керамид, закрывающая прах воина Ивана Федорова Чихачева, который «убьен бысть от немец» 28 X 1558.

2. Инок Симеон Васильев Пушкин, умер 24 I 1565. Его керамида тоже утрачена, но в конце XIX в. она стояла на своем месте,⁶ которое известно: «обратно направо, по длинной братской 5-й улице».⁷

3—5. «Сразу положены трое Пушкиных», умерших, однако, в разное время — в 1561, 1569 и 1570 гг.; имена их неизвестны, керамид нет.⁸ Перезахоронение — событие совершенно исключительное, так как по каноническому праву могилы неприкосновенны.

В «Родословной росписи» под № 147 и № 179 значатся умершие в Псково-Печерском монастыре Андрей Иванович Злоба, в иноках Александр (умер 26 XII 15..), его жена Пелагея, в инокинях Параскева (умерла 19 III 15..), и Иван Андреевич (умер 4 IX 15..); третий может быть сыном или отцом первого. Наиболее вероятно, что это одна семья и она являлась объектом перезахоронения, или же число Пушкиных в усыпальнице увеличивается до 10.

Для двух последних Пушкиных керамиды сохранились:

6. «Преставися раб Божий Петр Стефанов сын Пушкин убьен от немец под Ельманом» — 7 IV 1575. Он был помещиком Шелонской пятинны Новгорода.⁹

7. «Преставися раб Божий Иона Пушкин» — 22 XII 1599.¹⁰ Текст этой керамиды исправляет погрешность «Родословной росписи», где Иона значит-ся умершим не то 22 XII 1641 (№ 180), не то 22 XII 1642 (№ 63). Теперь очевидно, что это Иван (Субота) Стефанов Пушкин, в иночестве Иона, родной брат Петра Стефанова, почему их и похоронили рядом; между ними находилась керамида Симеона Васильева, о которой сказано выше.

Таким образом, за период 1558—1599 гг. приблизительно каждый десятый поступающий в Псково-Печерскую усыпальницу был из рода Пушкиных; захоронения их предвеляют начало хронологического ряда керамид и завершают XVI век. Ни один другой род не похоронил здесь столько своих представителей — факт выдающийся и до настоящего времени остававшийся невыявленным. Вспомним, что на соборе 1598 г., избравшем на царство Бориса Годунова, присутствовали псково-печерский игумен Иоаким и десять Пушкиных, подписавшие документ об избрании Бориса. По сравнению с представительством других фамилий это число «представ-ляется совершенно исключительным».¹¹

Все Пушкины, похороненные в Псково-Печерском монастыре, достоверно не были прямыми предками поэта;¹² ни одно из этих имен не названо в

⁶ Плешанова И. И. Указ. соч. С. 192.

⁷ Первокласный Псково-Печерский монастырь. Остров, 1893. С. 156.

⁸ Плешанова И. И. Указ. соч. С. 192.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 122.

¹² В 70-х годах в Липецкий краеведческий музей поступила с бывшего кладбища при Вознесенской церкви надгробная плита прямого предка Пушкина — капитана Алексея Федоровича Пушкина, позволяющая сделать хронологическое уточнение: он умер не в 1777 г., как значится в «Родословной росписи» (№ 344), а в 5 ноября 1779 г. См.: Панюшкин С. Здесь жили Пушкины //

его бумагах, относящихся к собственной родословной и к работе над «Борисом Годуновым».¹³ Наиболее вероятно, что Александр Сергеевич их и не знал, поскольку в исторической литературе, изданной до 1837 г., они не упоминаются,¹⁴ а первое списывание всех текстов керамид было произведено лишь в 1883 г. по распоряжению псковского архиерея Нафанаила.¹⁵ В таком случае, в чем же состоит значение этих сведений для пушкиноведения?

Как русский историк и владелец поместья на Псковщине, Пушкин знал о выдающейся роли Псково-Печерского монастыря в прошлом края и коротко упомянул об этом в набросках к «Истории Петра». В пушкинское время немислим был псковитянин, в доме которого было ничего не известно о проходивших здесь многолюдных престольных праздниках, о крестных ходах от монастыря до Пскова (на 44 версты), устраивавшихся дважды в году, причем весеннему сопутствовала большая ярмарка; это были табельные праздничные дни для Пскова. Не было дня, чтобы на монастырских литургиях не присутствовали люди всех сословий, прибывшие сюда из ближних и дальних мест, включая Сибирь; даже Александр I был здесь дважды, в 1819 и 1822 гг.

В этих условиях все интересующиеся знали по псково-печерским богослужениям, что в синодиках монастыря записаны роды «Пушкина-окольников и других Пушкиных».¹⁶ Особенностью монастырского богослужения является то, что на поминовении синодики раздаются для немого прочтения не только духовенству, но всем присутствующим мужчинам. Таким образом, хотя керамиды, скрытые в усыпальницах, были никому не известны, синодики способствовали формированию общественного мнения о древности и исторической роли фамилии Пушкиных.¹⁷ Боярин Тихомир Юрьев сын Пушкин, убитый 2 октября 1552 г. при взятии Казани (№ 109₅ по «Родословной росписи»), фигурировал в синодике главного храма Руси — Успенского собора Московского Кремля, где его имя ежегодно провозглашалось в Неделю православия;¹⁸ как показало исследование академика Ф. И. Успенского об этом ритуале, такое поминовение имело не только семейное, но и общегосударственное значение.¹⁹ Дядя поэта Василий Львович получил сведения об этом предке в 1799 г. из Московского главного архива Министерства иностранных дел, оформившего документы о родословии Пушкиных.²⁰

Все это питало сознание фамильной традиции,²¹ способствовало проявлению особого внимания к исторической роли своего рода. В имеющем

Литературная Россия. 1975. 7 ноября. По жене капитана, Сарре Юрьевне, приходящейся поэту прабабкой, он являлся Рюриковичем в тридцать первом колене (*Вегнер М. О.* Указ. соч. С. 189).

¹³ Ср.: *Скрябиников Р. Г.* Борис Годунов и предки Пушкина // *Русская литература.* 1974. № 2. С. 131 — 133.

¹⁴ Описание Псково-Печерского первоклассного монастыря. Дерпт, 1832.

¹⁵ *Шереметов С.* Псково-Печерский монастырь. СПб., 1895. С. 138.

¹⁶ Первоклассный Псково-Печерский монастырь. С. 147. Окольничество получили следующие Пушкины: Никита Михайлович (1619), Борис Иванович (1646), Степан Гаврилович (1648), Иван Федорович Шиш (1682).

¹⁷ Митрополит и ученый Евгений Болховитинов отозвался на смерть поэта словами: «Я его знал во Пскове, где его фамилия» (*Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1975. С. 42).

¹⁸ *Долгова С.* «Во дни Александра Невского...» // *Литературная Россия.* 1974. 5 апр. С. 16.

¹⁹ *Успенский Ф. И.* Синодик в Неделю православия. Одесса, 1893.

²⁰ *Лукомский В. К.* Архивные материалы о родоначальнике Пушкиных Радше // *Временник Пушкинской комиссии:* Т. VI. М.; Л., 1941. С. 398 — 408.

²¹ Представляет интерес в связи с этим исторический факт погребения младенца Платона Пушкина, родного брата поэта, в 1819 г. в алтаре Успенского собора Святогорского монастыря: эта почесть, не оказываемая даже псковским архиереям, свидетельствует о том, что род Пушкиных имел какие-то особые отношения к данной обители — вероятно, являлся крупным вкладчиком. Директор Музея-заповедника А. С. Пушкина С. С. Гейченко установил в 1948 г., что могила Платона Пушкина находилась здесь изначально.

черты автобиографичности «Романе в письмах» (1829) Пушкин писал: «Я без прискорбия никогда не мог видеть уничтожения наших исторических родов; никто у нас ими не дорожит, начиная с тех, которые им принадлежат. (...) Я не корчу английского лорда... мое происхождение, хоть я им и не стыжусь, не дает мне на то никакого права. Но я согласен с Лабрюером: *Affecter le mépris de la naissance est un ridicule dans le parvenu et une lâcheté dans le gentilhomme*».²²

Та же мысль выражена в «Отрывке» (1830): «Он столько же дорожил тремя строчками летописца, в коих упомянуто было о предке его, как модный камер-юнкер тремя звездами двоюродного своего дяди» (VI, 392).

Об этом говорят и следующие строки поэта:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

---

²² «Подчеркивать пренебрежение к своему происхождению — черта смешная в выскочке и низкая в дворянине».

Ю. И. Левина

«ПРАДЕД МОЙ ПУШКИН»

Среди набросков осени 1830 г., объединённых названием «Опровержение на критики», имеется отрывок, в котором Пушкин, отвечая на пасквильную статью Булгарина, кратко излагал историю своего рода. Там впервые был упомянут его прадед со стороны отца: «Прадед мой был женат на меньшей дочери адмирала графа Головина, первого в России Андреевского кавалера и проч. Он умер очень молод и в заточении, в припадке ревности или сумасшествия зарезав свою жену, находившуюся в родах» (VII, 135). Почти дословно строки эти повторены в рукописи, озаглавленной исследователями «Начало автобиографии».

В работах, посвященных генеалогии поэта, имеются немногочисленные сведения об Александре Петровиче Пушкине. Основные материалы были собраны Б. Л. Модзалевским.¹ По этим сведениям, Александр Петрович — один из пятерых сыновей стольника Петра Петровича Пушкина (1644—1692), родился после 1686 г., но не позднее 1692 г. Служил в лейб-гвардии Преображенском полку (в 1718 г. — солдат, в 1722 г. — сержант, капитанармус). Имел земельные владения, унаследованные от отца, в 1713 г. делился с братьями; в 1718 г., по духовному завещанию своего двоюродного дяди Ивана Ивановича Пушкина, получил большое имение (в том числе село Болдино). Был женат на дочери Ивана Михайловича Головина, главного кораблестроителя («обер-серваера») при Петре I. Факт «смертоубийства» им своей жены подтвержден еще дореволюционными публикациями документов Верховного тайного совета; отсюда же известно, что после его смерти (во время следствия) оставались малолетние дети —

---

¹ Модзалевский Б. Л. Род Пушкина // Пушкин (Соч.) / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1907. Т. 1. С. 1; Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В. Пушкины. Родословная роспись. Л., 1932.

Лев и Мария, а также 800 рублей долга в рекрутскую счетную канцелярию, который «ради сиротства и скудости детей спрашивать с них не стали».²

Раздел, посвященный А. П. Пушкину в книге М. Вегнера,³ ограничен этими же данными. В последующие годы биографией прадеда Пушкина никто специально не занимался, и фактических сведений о нем почти не прибавилось; лишь в опубликованных семейных документах из архива А. С. Пушкина сохранился точный перечень всех принадлежавших Александру Петровичу имений,⁴ и сравнительно недавно была установлена дата его свадьбы, на которой присутствовал сам Петр I.⁵

Примечания, помещенные в собраниях сочинений Пушкина к «Началу автобиографии», никак не комментируют отрывок, относящийся к прадеду, и сведены лишь к сжатой биографической справке на основе материалов Б. Модзалевского.⁶ Вероятно, этот текст просто не привлек внимания авторов примечаний, так как никто из них не указывает на одну явную ошибку Пушкина, которая, на наш взгляд, заслуживает быть отмеченной: упоминая о женитьбе прадеда на дочери Головина, Пушкин назвал ее отца, своего прапрадеда, графом и первым Андреевским кавалером, что не соответствовало действительности. Следует напомнить, что среди близких к Петру деятелей, занимавших высокие посты в государстве, было несколько Головиных. Самый выдающийся из них — двоюродный брат Ивана Михайловича, Федор Алексеевич Головин — человек широко образованный, крупный государственный деятель и дипломат, он был среди первых помощников Петра и пользовался его особым доверием. Именно он получил титул графа, стал первым в России фельдмаршалом, первым Андреевским кавалером, первым был награжден орденом Александра Невского и т. д.⁷ Несомненно, что именно эту, широко известную фигуру петровского времени и имел в виду Пушкин, когда писал упомянутые выше строки. Небезынтересно также отметить, что еще до женитьбы Александра Петровича Пушкина на Евдокии Ивановне Головиной заключались браки между членами этих семейств: родной брат Федора Алексеевича, Иван Алексеевич, а также его сын, Николай Федорович, были женаты на Пушкиных.⁸ Вероятно, родственный круг общения и способствовал женитьбе прадеда поэта на Головиной.

В архиве Преображенского приказа нами было обнаружено дело «О сержанте Преображенского полка Александре Петрове Пушкине, виновном в убийстве жены своей...». Оно датировано 1726 г., имеет около трехсот страниц и осталось незаконченным. В деле находятся тексты допросов свидетелей и самого Александра Петровича, запись осмотра тела убитой

² Сборник Русского исторического общества: Т. 79. СПб., 1891. С. 220—221.

³ Вегнер М. Предки Пушкина. М., 1937. С. 187—188.

⁴ Литературный архив. М.; Л., 1938. С. 89—94.

⁵ Телетова Н. К. Забытые родственные связи Пушкина. Л., 1981. С. 9.

⁶ Следует отметить некоторые мелкие ошибки и неточности в примечаниях к собранию сочинений Пушкина: всюду указана дата рождения «1686 г.», хотя в «Родословной росписи» (под № 297) сообщается, что в 1686 г. родился Илья Петрович, брат Александра Петровича. В собрании сочинений в 10 томах (М., 1978. Т. 7. С. 355) Л. А. Пушкин назван владельцем «смежных с Болдином нижегородских деревень», что неверно.

⁷ См.: (Казанский П.). Родословная Головиных, владельцев села Новоспасского. М., 1847. С. 179—209; Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1893. Т. 9, кн. 17. С. 71; Вегнер М. Предки Пушкина. С. 163—180. Вегнер в специальной главе о Головиных указывает, что Федор Алексеевич был первым Андреевским кавалером, но никак не соотносит это с текстом Пушкина.

⁸ См.: Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В. Пушкины. Родословная роспись. С. 40 (№ 52, 55).

жены, опись вещей московского дома А. П. Пушкина, его последние завещания. Записи допросов сделаны различным почерком, в ряде случаев с многочисленными вставками и зачеркиваниями, читаются с большим трудом.⁹ Выписки из дела и копии основных документов посылались из Москвы в Петербург, в Преображенскую канцелярию.

Наиболее интересным документом является «своеручное письмо» Александра Петровича, написанное им через месяц после ареста и приложенное в писарской копии. Письмо большое, исповедального характера и содержит подробный рассказ обо всем происшедшем. В самом начале, каюсь в своем грехе, он сообщает, что хочет рассказать «о противностях» своих «к покойной жене» «по ея противности к нему». Он описывает взаимоотношения с женой начиная с их помолвки (30 ноября 1719 г.), многие бытовые детали их жизни, свои обиды и переживания, мысли и поступки, — все, включая подробности убийства.

В процессе чтения этой исповеди складывается впечатление, что пишет человек с большой психикой. Он приводит эпизоды домашней жизни, воссоздает диалоги и значительным мелким поступкам приписывает не свойственное им значение, делает выводы, не адекватные реальным фактам. Сопоставления сказанного в письме с материалами допросов подтверждают это впечатление. В последние годы жизни он, видимо, страдал манией преследования, ему казалось, что жена «впала в блуд» с домашними слугами и вместе с ними задумала его убить.

Он рассказывает, что женился по любви и, несмотря на то, что жена оказалась «не девственна», простил ей это и жил с ней «как надлежит доброму человеку», но примерно с 1724 г. почувствовал перемену в ее отношении к нему. Еще в 1723 г. Александр Петрович в течение полугода «был зело болен горячкою, отчего был в беспамятстве», и лечил его «лекарь Преображенского полку». В феврале 1725 г., получив очередной отпуск, он приехал из Петербурга в Москву, где имел собственный «двор»,¹⁰ но в его отсутствие жена жила в доме своего отца (в Китай-городе). В Москве он снова долго болел: была у него «сердечная болезнь и захватывало дух», «кровяная рвота» и снова был «в беспамятстве». С конца июля того же года Пушкины всей семьей, с детьми,¹¹ уехали в деревню. Сначала заехали в наследственную родовую вотчину Александра Петровича, деревню Латыгоре, затем погостили у его родного брата Федора Петровича (в его рязанской деревне), а с августа поселились в деревне Ислево Шацкого уезда, пушкинской родовой вотчине, где они бывали часто. Именно там 17 декабря произошло трагическое событие.

Из материалов дела во всех подробностях рисуется чрезвычайно тяжелая, драматическая картина. Можно проследить всю хронологию поступков Александра Петровича с начала декабря, нарастание и обострение его болезненного состояния. Ему «зело... тошно» и «сердце замирает», он охвачен страхом и предчувствием гибели, боится своих «людей», хочет уехать. «Декабря десятого числа, — вспоминал он в своем исповедальном письме, — встав псутру рано, велел лошадей оседлать верхом... и, взяв с собою денег и простясь с женою моею и детьми, намерен был уехать...

⁹ ЦГАДА, ф. 371, оп. 1, д. 13702. Некоторые слова и отдельные фразы остались неразобранными.

¹⁰ Находился «в Троицкой слободе у Неглининских прудов». Позднее наименование улиц см.: *Вегнер М.* Предки Пушкина. С. 205.

¹¹ Александр Петрович сообщает о своих детях: Марии, родившейся 25 декабря 1721 г., Лье — 22 февраля 1723 г., Михаиле — 6 сентября, умершем в июле 1725 г. У Модзалевского и Вегнера приведены иные (видимо, неверные) данные и названо четверо детей (двое умерших).

и уже... в доме моем и полку не быть, и хотел уехать, куда Бог путь покажет». Последнюю неделю перед убийством, охваченный страхом, он постоянно выезжает из дома то в соседнее свое село Устье, то к соседу «куму» Богданову, непрестанно посещает церковную службу, молится, плачет, прощается с детьми. Подозревая слуг в злом умысле, он приказывает взять их «под караул», заковать «в железо», но через день-два под влиянием жены, «опамятававшись», велит их освободить.

Из дела видно, что объективных причин для таких страхов не было. В показаниях его соседа А. С. Богданова сообщается, что А. П. Пушкин уговаривал его поехать в город Шацк и просить у командиров драгун «для провожания его», так как крепостные люди хотят его убить. Богданов же ответил, что командиры станут смеяться («что де людей своих боишься») и драгун не дадут. Он приводит свой ответ Александру Петровичу: «За что де людям твоим убить тебя до смерти, что они от тебя ни токмо биты не бывали, и они ж у тебя не голодные и не наги, про то ты и сам ведаешь, и бить тебя им до смерти не за что».

Сложившаяся ситуация обострялась общими суевериями того времени. В деле фигурируют колдуны, упоминаются порошки и корешки, которые давали пить Александру Петровичу. Жена считала, что его «испортили», и разыскивала различных знахарей для его излечения. В эти декабрьские дни по ее просьбе привели из соседней деревни лекаря — мужика Анания, который лечил заговорами и рвотными порошками. Впоследствии в своих показаниях А. П. Пушкин называл этого мужика колдуном и считал виновником происшедшего.

Примерно 14 декабря Авдотья Ивановна послала с нарочным письмо Федору Петровичу Пушкину; текст его имеется в деле: «Государь мой, Федор Петрович, доношу тебе, брат ваш Александр Петрович в жестокой болезни, от которой не чаем животу его спасение, изволь не мешкая, к нему в шацкую деревню в Ислево. (...) У подлинного пишет Авдотья Пушкина...».

17 декабря с утра Александр Петрович с женой были в церкви, после службы просили прощения у своих «людей». После обеда легли спать и заперли дверь, чтобы им не мешали. Через некоторое время Пушкину показалось, что около их кровати стоит «колдун» — мужик Ананий, и он в гневе стал спрашивать, как смел мужик войти к ним в комнату «без доклада». «Зело стало мне тошно без меры, — пишет сам Александр Петрович, — пожесточалось сердце мое, закипело и как бы огонь, и бросился я на жену свою... и бил кулаками и подушками душил... и ухватил я кортик со стены, стал ея рубить тем кортиком...». Нянька услышала крики, позвала слуг, выломали двери. Слуги обезоружили Александра Петровича, исступленное состояние его сразу прошло. Впоследствии, в своей «исповеди» от 4 февраля 1726 г., он писал: «И до того моего злого часу, умыслу ко убивству жены моей от меня не было... и такое убивство жены своей... в беспамятстве учинил». Авдотью Ивановну перенесли в другую комнату, она вскоре скончалась, успев исповедаться. Как сообщил на допросе священник, она просила передать отцу, чтобы «не проливал де за то мужа и людей их крови». Вскоре в деревню приехал Федор Петрович, и братья с телом Авдотьи Ивановны выехали в Москву. По приезде туда Александр Петрович явился с повинной.

«Дело» и начинается с «промеории... Московской губернской канцелярии в Преображенский приказ» о том, что 1 января 1726 г. «Преображенского полку 2 роты сержант Александр Петров Пушкин... в Яузских воротах кричал караул и сказал за собою... дело», а затем «объявил, что де он... изрубил жену свою до смерти». Из губернской канцелярии

А. П. Пушкин был отослан в Преображенский приказ, где и стали заниматься расследованием этого убийства. Было осмотрено тело умершей Авдотьи Ивановны, произведена опись имущества московского дома, домашние слуги были взяты «для распросу в Преображенский приказ». Уже через десять дней после взятия под стражу Александра Петровича управляющий Преображенским приказом князь И. Ф. Ромодановский отдал распоряжение о его освобождении из тюрьмы на поруки, «понеже, он, повидимому, весьма болен и при смерти», чтобы «от страха не умер безвременно и от того следствие о убийстве жены не было б безгласно». 21 января А. П. Пушкин был отдан под расписку родным братьям, Федору и Илье, с запрещением отлучаться из Москвы.

Кроме «своеручного письма» Александра Петровича, в деле имеется и запись его первоначальных устных показаний, сильно отличающихся от того, что он сообщил позднее. Не упоминая о своих обидах на жену, он показал, «что до смертного убийства жил с женою все в любви, и ссоры с нею домовной и никакой не бывало, и ни за что ее рукою и малой лаской не зашибывал, того ради что она была ему любовна и во всем послушна, и противления от нее никакова никогда не слыхал, и никаких непотребностей и причин над нею не видал. Такое злое убийство произвели дворовые люди...». В показаниях дворовых людей также сообщалось, что до убийства Пушкин с женою жили «все в любви, а ссоры и драки и брани меж ними никогда не бывало» и что после совершения убийства Пушкин «по той своей жене тосковал». Аналогичные сообщения сделали и братья Александра Петровича.

Последним по времени документом в деле является завещательное письмо Александра Петровича, помеченное 12 февраля 1726 г.: «...пишу сие изустное письмо в целом уме и разуме, ежели Бог переселит меня от века сего в будущую вечную жизнь...». Он просит в нем поминать его «многогрешную и недостойную» душу, просит прощения у матери жены своей, Марии Богдановны Головиной, у всех родственников и свойственников, «знаемых и незнаемых». Затем он переходит к завещательным просьбам и распоряжениям. «Также прошу слезно, чтоб тело мое многогрешное приказати погresti в Варсонофьевском девичьем монастыре, где положены родители наши,¹² или где благоволите, да будет воля ваша, также прошу самим Богом и Пресвятой Богоматерью слезно, поручаю ему с братом своим, Богу и Пресвятой Его Владычице... рожденных мною детей моих бедных, которые малые остались в горестном и во всеконечном сиротстве, воспитать и учить страху Божьему... людей моих всех, крепостных и бескрепостных, что есть ныне в доме моем, всем воля, куды пожелают, или как в том указе Ея Величества повелено будет, а дом мой пожаловал, оставляю владеть детям моим... в деревнях наследник сын мой Лев и во всем, дочери моей Марьи, ежели будет жива, дать сыну моему приданое за нею пять тысяч. Писал своей рукою в самой скорости, однако ж сие изустное мое письмо оставляю детям моим в крепость, якобы вместо завещательного письма моего. И вручаю вас Богу и Пречистой Его Богоматери, да будет над вами Божеская милость». Письмо заканчивается денежными распоряжениями и перечнем долгов. 24 февраля текст завещания был отправлен в Петербург.

На этом дело обрывается, вероятно, из-за смерти Александра Петровича. Точная дата смерти прадеда Пушкина остается неизвестной, но, как сви-

¹² В Варсонофьевском монастыре были похоронены его отец и дед. См.: *Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В.* Пушкины. Родословная роспись. С. 34, 41. В этом же письме имеется распоряжение дать монастырю «по обещанию... всякого хлеба 20 четвертей».

детельствуют приведенные документы, это произошло не ранее 12 февраля 1726 г. в Москве, а не в 1725 г. в Петербурге, как считалось до сих пор.¹³ Нет возможности определить и точную причину смерти, но, видимо, она была следствием тяжелого психического заболевания. В деле отсутствуют какие-либо медицинские свидетельства, поэтому причину нельзя установить более конкретно.

Такова история событий, о которых кратко сообщал А. С. Пушкин в автобиографических записках. Материалы найденного дела не только дают реальный комментарий к пушкинским строкам, но и знакомят нас с некоторыми внешними деталями биографии, домашним укладом и особенностями личности прадеда Пушкина. Во всех показаниях свидетелей утверждается, что до «смертного убийства» он был «в своем уме и разуме», т. е. вел обычную жизнь человека своего круга. В своем исповедальном письме наряду с маниакальными утверждениями он достаточно реально рисует картины повседневной жизни, детально воссоздает домашние разговоры с женой. И неважно, достоверны или нет воссозданные беседы, но они интересны тем, что передают взгляды Александра Петровича, его мысли, чувства, привычки.

В самом начале письма, рассказывая о своей помолвке, он вспоминает следующий эпизод: «...и быша сговорен... непрестанно бывал в доме тестя своего... и с женою моею всегда имел разговор, и по многим разговорам говорила мне покойная жена моя, что не будещи меня ты любить и станещи бити, и я в том, во уверение ей, написал ей своеручное письмо, и со клятвою в сохранение ея чести и в любви моею к ней и отдал ей, и дал в том верную поруку». Впоследствии, когда, по его словам, жена вернула ему в 1723 г. это письмо, то Александр Петрович почувствовал обиду и сказал ей: «Ради чего так? в писме художова ничего нет, токмо писано о любви моею к тебе и о сохранении чести твоею».

Рассказывая о том, что жена переменялась к нему (примерно со времени его болезни), А. П. Пушкин писал: «Однако хоша признавал ея многуу к себе против прежних годов отмену в любви ея ко мне, и в сожительстве, в словах и других наветах, однакож за лицемерством ея (нрзб.) того в ней скоро признать было невозможно, понеже я от сердца мое верное и любовное к ней сожительство имел и рассуждал больше о рожденных от нас детях, которые и ныне остались малы в горестном и во всеконечном сиротстве».

В начале февраля 1725 г. в Клину, по пути из Петербурга в Москву, Александр Петрович узнал о смерти императора Петра I: «...уведомился о всенародном нашем несчастье, что не стало в животе Его Императорского Величества, об чем много зело плакал...». Александр Петрович встретился с женой после долгой разлуки: «И покойная жена... жила еще в доме у отца своего на китайском дворе. И поехал в дом к отцу поутру рано... и еще жена моя спала, и когда я вшед к ней в спальную палату, встала и села на постеле, якобы со многова сна, ниже что мне отвечает и не говорит... И встав с постели, стала с окна писма убирать, а какие того я не посмотрел, и замкнула в шкатулку свою... и стала у окошка. И зело стало мне печально, видя ее весьма отмену... ко мне. И спрашивает меня, что де ты зело печален, никогда таким в приезде не было, и глаза заплаканы и опухли, ради чево так? Выслала всех домашних, стала расспрашивать, что де ты так себя крушишь и о чем, не те ли вести, что

¹³ См.: Сборник Русского исторического общества. С. 220. Ошибка в указании года могла объясняться тем, что начало нового года по старому календарю считалось с 1 сентября, а по новому, принятому в государственных учреждениях, — с 1 января.

наслышана о всенародном нашем несчастье? На то жене моей отвечивал: воистинно всенародная горестная печаль, очень горестно должно плакать, а нам с тобою весьма особливо надобно плакать, памятуя неизреченную милость к родителю твоему и к нам, неудостойным...».

Замечает он, что в спальную палату к жене пришел «казначей Васька Степанов, волосы напудря и мундир переменяв, уже кафтан имея васильковый и пуговицы серебряные». На вопросы жены, не ревнует ли он «к упомянутому казначею», он отвечал: «Ты мой нрав знаешь, я что не ревнив, толко (нрзб.) и береги души своей, как престать Суду Божью, мне за душу твою не отвечать, то как хочешь, только чтоб я не видал...».

Жаловался Александр Петрович на жену и за то, что она «приваживала» в дом «колдунов» и хотела, чтобы он у них лечился; он же «говаривал и покрикивал» на нее за это. Описывая споры с женою о «колдунах», он приводит такие свои слова: «И я за то стал-от на нее кричать и бранил, что не такова ты отца дочь, таких бездельников колдунов в дом приводишь, и пророчествуют тебе недоброе о смерти мужней!». И велел ей в дом «колдуна не пускать — чтоб оно в дом не водела, за что будешь от меня наказана, и она, покойная жена моя, оболстл меня (нрзб.) словами, якобы любит меня сердечно (нрзб.) и я от простого своего сердца так положил, однакож упоминал ей».

Приверженность жены к «колдунам» он отмечал в письме не раз: «И помянутый колдун... в бытность болезни моей на Москве и без меня всегда тайно и явно дневал и ночевал... и я на то ея спросил, ради чего без меня всегда у тебя живет колдун? — кладов де искал, да про тебя спрашивала (т. е. гадала. — Ю. Л.), как ты ко мне будешь из Питербурха. И я на то сказал, пора покинуть неистовое дело, обо мне что ево спрашивать, я к тебе по всякую почту пишу, и уж многие писма были от меня что буду к вам в Москву».

Недоволен он отношениями жены со слугами, считая, что она недостаточно строга, потакает им и слишком с ними близка. Так, например, когда А. П. Пушкин тяжело болел, то жена, по его словам, стала «разговаривать много с холопами» и с людьми советоваться о его болезни; но же ей сказал: «...ты де жена, что много разговариваешь обо мне с холопами и людьми, что моего тебе ничего не достанетца, а дети у нас еще малы...». Упрекал он ее и в том, что наняла в его отсутствие в дом слугу — «бескрепостного» человека: «И я стал жене своей покойной говорить и рассуждать — нашто ты такова наняла (нрзб.) что бездельник, пьяница и плут, и непотребной, поносной, и тех людей (нрзб.) жаловать, уж годы не такие, что многа держать людей, и для чего ты не отписала ко мне в Питербурх, приняла и вдвой ему хлеба и понедельное жалованье отпустила, а крепости на него никакой не имеетца, не лучше ли ево отпустить, и она жена моя, zelo на меня осерчала и стала плакать, я де себя сокрушу, ежели ты ево отпустишь, я де приняла не ради ево, ведаю де, что он непотребен, а приняла ради (нрзб.) у меня девок учит золотом шить... И я на то сказал ей, что не видал от них услуги, чрезмеру жаловать не надлежит... и сказал ей, как ты хочешь...».

Бывало, что Александр Петрович собственноручно наказывал слуг: «И я его, Васку, ...высек плетью на конюшне... и как я ево бил, она, жена моя, кричала мне в окно, что убьешь ты до смерти ево и будешь также сослан на каторгу, как Василий Головин». Опасаясь своих слуг, в деревне, как уже упоминалось выше, Александр Петрович заковал их в «железо», посадил на цепь в домашнюю тюрьму и хотел отдать в «розыск», но потом выпустил их. Во многих показаниях описывается, как накануне убийства Пушкин с женой просили прощения у «людей»: «И поклонился людям

своим и говорил, что враг попутал». В одном из показаний приводится даже ответ обиженных, «что они бо без вины вам всегда виноваты»; рассказывается и о том, что приходили крестьяне просить подушных денег, и Александр Петрович деньги им дал. Вероятно, обращение Александра Петровича со слугами и крестьянами не особенно отличалось от общепринятого, но, несомненно, он был человеком неуравновешенным, вспыльчивым и временами жестоким.

Найденные материалы позволяют отметить его острую впечатлительность, наблюдательность, цепкую память и внимание к деталям, тягу к письменной речи и незаурядную способность передавать свои мысли и чувства на бумаге. Пишет он местами чрезвычайно выразительно. В последних письмах Александр Петрович предстает человеком глубоко религиозным и набожным. Вспоминая о своей жизни в деревне зимой 1725 г., он писал: «...и забавы, почитай, себе никакой не имел, толка больше читал книги и отдавал долг Богу моему, вечерне и заутрени всегда были, уже сердце мое большое гибель оною слышало...». Но при оценке этих писем нельзя, разумеется, забывать, что одно из них — для судебного следствия, другое — вместо завещания, что написаны они смертельно больным человеком и после свершения им тяжкого преступления.

Известно, что по своим семейным и служебным связям Александр Петрович принадлежал к людям петровского окружения. Приведенные отрывки из его письма свидетельствуют и о его личной приверженности к государю. В атмосфере почитания Петра, у Головиных, воспитывался и сын его Лев Александрович, дед великого поэта. Можно полагать, что у этой ветви рода Пушкиных подобное отношение к Петру Великому стало семейной традицией, сохранявшейся вместе с преданиями о старине.

На основе названных документов можно сказать немного и о прабабке Пушкина Авдотье Ивановне. Она была грамотной, управляла домом и, как сказано в допросе дворового человека, «была она их помещица весма с людьми добра». Судя по всему, она была заботливой женой, тревожилась за мужа и по своему разумению пыталась ему помочь. Согласно общему уровню своего времени, Авдотья Ивановна верила в колдунов, «порчу», наговоры и т. п. Приведем любопытное свидетельство соседа по имению о том, как в церкви, когда Пушкин, «стоя у клироса, стал плакать», то и жена его, «глядя на него, стала плакать и, призвав его, Богданова, стала говорить, что с ним сделалось, что он плачет и в лице переменялся, думаю де ево испортил онога села Устья дьячок Лукьян» за то, что Пушкин «того дьячка грозился бить...». Из дела видно, что Авдотья Ивановна особенно боялась того, чтобы поступки мужа не вызвали доносов слуг. Так, когда Александр Петрович посадил подозреваемых слуг «под караул» и хотел отдать «в розыск», то жена его стала «крушитца и плакать безмерно», говоря, что если он отдаст их «в розыск», то один из слуг хочет сказать на него «государево слово и дело». Подобные примеры показывают, что Авдотья Ивановна хорошо знала реальную обстановку своего времени, когда «милость» очень часто внезапно сменялась опалой.

Характеристику жизни прадеда Пушкина дополняет описание вещей его дома, знакомящая с внутренним убранством жилища и с конкретными деталями быта. Приведем некоторые описания: «В первой светлице образ Нерукотворного Спаса, писан на холсте, над дверьми, да картина о блудном сыне, стол раздвижной, верхняя доска с резьбой мелкой, печь ценинная (из цветных иразцов. — Ю. Л.)... подле печи, вместо завеса, шпалеры клееные цветные... в четырех окнах оконницы стеклянные большие». В другой комнате «11 картин больших, которые писаны на холстах живописным письмом, две картины небольшие, писаны також на холстах, а те

все картины в рамках, в той же горнице 18 стулов, в том числе 9 с позолотою, стол дубовой, круглой, складной, стол придвижной в углу, на котором ставитца посуда, в семи окнах оконницы стеклянные, печь ценинная». В третьей комнате также имеются картины; она служила, видимо, спальней, там называется кровать под балдахином, перечисляются различная одежда, сундуки, поставцы, ларцы и многие другие вещи домашнего обихода. Во всех комнатах дорогие иконостасы. Среди упоминаемых вещей имеется различная серебряная посуда, серебряные шандалы, зеркало «в рамках и с коронкою личною», коробочка китайской работы, «щеточка, что зубы чистят, в футлярце», «всякие вотчинные писма», хранившиеся в поставце. Мебель, одежда и многие другие предметы соответствовали новой европейской моде петровского времени. Называются в описи и книги: несколько молитвенников и «новая табель о рангах печатного уставу».

Как уже упоминалось, после смерти А. П. Пушкина остался долг в счетную канцелярию, который взыскивать с малолетних детей не стали; в прошении, написанном от их имени, сказано, что отец их еще «при жизни своей деревнишки заложил, которые и ныне в долгу» и что за ним остались еще и другие различные платежи.¹⁴ Правдивость этих жалобных ссылок на «скудость» подверг сомнению М. Вегнер, указывая, что «о размерах его (А. П. Пушкина. — Ю. Л.) долгов мы ничего не знаем».¹⁵ В следственном деле имеются конкретные данные и об этих оставшихся долгах: большая сумма, тысяча рублей, была взята под залог шацких деревень «на домовные нужды» и для погашения прежних займов. Были и мелкие задолженности: за взятые товары, за работу «иноземцу золотого дела... за складен алмазный», за починку серебряных вызолоченных часов. Были и денежные займы. Оставались неоплаченными и долговые обязательства дяди Ивана Ивановича, перешедшие к А. П. Пушкину как его наследнику.

Размеры доходов Александра Петровича остаются неизвестными, но, вероятно, их не хватало для поддержания модного образа жизни, соответствующего людям его круга. Обремененность долгами «на домовные нужды» сопутствовала прадеду поэта в течение всей его жизни.

Закончив рассмотрение новых документов, касающихся непосредственно Александра Петровича, вернемся к автобиографическим запискам поэта.

Несмотря на чрезвычайный лаконизм фразы, посвященной прадеду со стороны отца, содержание ее свидетельствует, что Пушкин достаточно подробно знал его историю и верно передал ее основные особенности: «...умер в заточении, в припадке... сумасшествия зарезав свою жену...». В двух вариантах этого текста имеются некоторые разночтения; в наброске 1830 г. сказано: «в припадке ревности или сумасшествия», в статье «Начало автобиографии» — просто «в припадке сумасшествия», а ревность, как возможная причина убийства, здесь не упомянута. Но там же, в последующем отрывке, посвященном Ганнибалу, рассказывая о его первом браке, Пушкин сделал такое замечание: «В семейственной жизни прадед мой Ганнибал так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин». Знакомство с биографией А. П. Пушкина подтверждает правомерность сопоставления семейной жизни обоих прадедов.

Несомненно, что обиды А. П. Пушкина на жену и его ревность, зафиксированные письменными показаниями, воспринимались его близкими как реальность, и сам его «припадок сумасшествия» рассматривался как ре-

¹⁴ Сборник Русского исторического общества. С. 196.

¹⁵ Вегнер М. Предки Пушкина. С. 184.

зультат семейных переживаний. Можно с уверенностью полагать, что именно в таком освещении эта история дошла до поэта.

В биографии Пушкина давно установлено, что бабушка его М. А. Ганнибал еще в детские годы поэта была для него источником рассказов «о родне и толстобрюхой старине».¹⁶ М. А. Ганнибал воспитывалась в семье своего отца Алексея Федоровича Пушкина; ее дед Федор Петрович принимал непосредственное участие в судьбе своего родного брата; именно это семейство было во всех подробностях осведомлено об истории Александра Петровича, и, конечно, среди семейных хроники не могла быть забыта фигура двоюродного деда Марии Алексеевны — родного прадеда Пушкина.

Семейные предания, слышанные Пушкиным в детстве, запоминались, вероятно, неодинаково, и вполне можно допустить, что отдельные эпизоды и рассказы трансформировались в его сознании. Так, например, по записи Пушкина, прадед зарезал жену, «находившуюся в родах». По следственным документам, Авдотья Ивановна была «чревата» и в скором времени ожидала ребенка.

Драматическая история прадеда получила, на наш взгляд, своеобразное продолжение в рассказе, посвященном деду, Льву Александровичу. В статье «Начало автобиографии» Пушкин характеризовал своего деда как человека пылкого и жестокого и приводил ряд эпизодов, свидетельствующих о его семейной тирании: «Первая жена его умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе». Известно, что публикация этого отрывка в 1840 г. вызвала гневное опровержение С. Л. Пушкина.¹⁷ Он считал даже, что его сын «попал в руки злонамеренного осведомителя». «Отец мой никогда не был жесток... Он был любим, уважаем, почитаем... Он был примерный господин для своих людей, оплакиваем ими, как детьми; многие из вольных, по тогдашнему обычаю, пожелали быть его крепостными. Взаимная любовь его к покойной матери была примерная. (...) Не было дня, в который не съезжались бы к нам родные и знакомые, все уважающие моего родителя. Слово его было закон, и честность в сохранении своих обязанностей была главной чертой его характера. Часто он созывал бедных на сытный обед, после которого оделял их деньгами, — и я теперь еще с умилением вспоминаю, как толпа нищих тянулась по обширному двору нашего дома с молитвой о его долголетию». Известного своим благочестием Льва Александровича хоронил сам митрополит Московский Платон (Левшин). Прах его погребли «в самой церкви Донского монастыря».

Нам удалось найти архивные документы, проясняющие историю с «французом-учителем», они и устанавливают справедливость многих возражений Сергея Львовича. Венецианский подданный Харлампий Меркади, преподававший в России французский, итальянский и греческий языки, жил некоторое время в доме Л. А. Пушкина, а затем — у его шурина Александра Матвеевича Воейкова. Однажды, когда к Воейкову пришел Пушкин, Меркади был подвергнут побоям, привешен за руки на конюшне, а затем отправлен в деревню Воейкова, где долгое время содержался в домашней тюрьме и также подвергался наказаниям. Выпущенный через несколько месяцев, он подал жалобу; над Пушкиным и Воейковым был учинен военный суд при Военной коллегии. Суд установил, что главным действующим лицом в избиении и на-

¹⁶ Там же. С. 296.

¹⁷ *Пушкин С. Л.* Об обрывке из дневника А. С. Пушкина // *Современник*. 1840. Т. 19. С. 102–106. Об этом см.: *Вегнер М.* Предки Пушкина. С. 214–218; *Эйдельман Н.* Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984. С. 11–14.

казании учителя был Воейков, роль же Пушкина была невелика, хотя вся история была связана с подозрениями в любовных отношениях 28-летнего Меркади с женой Льва Александровича.¹⁸ Происшествие с учителем разыгралось в конце 1754 г., суд закончился в начале 1756 г., а в 1757 г. у Пушкиных родился третий сын Александр, т. е. первая жена была еще жива, и их нормальная семейная жизнь продолжалась.

Упомянув о «странностях» деда, Пушкин рассказывает, что и «вторая жена... довольно от него натерпелась. Однажды велел он ей одеться и ехать с ним куда-то в гости. Бабушка была на сносях и чувствовала себя нездоровой, но не смела отказаться». И далее рассказывается о том, что ей пришлось разрешиться в карете. Документальных комментариев к данной части текста у нас нет, но, убедившись в справедливости возражений С. Л. Пушкина по поводу истории с учителем, нельзя не считаться с его опровержениями и этой части текста, касающейся жизни его отца.

Каковы возможные источники подобных aberrаций в представлениях Пушкина о личности своего деда? Обратим внимание на то обстоятельство, что сказанное о Льве Александровиче удивительным образом соответствует особенностям Александра Петровича. Именно он бесспорно отличался странностями, именно его с полным правом можно было назвать человеком «пылким и жестоким». Эпизод с беременной женой, не смевшей отказаться поехать в гости, мог возникнуть как раз в той напряженной атмосфере, которая была в доме Александра Петровича. Отражение близких этому ситуаций имеется в следственном деле: в последние дни перед убийством, в весьма возбужденном состоянии, он много раз отправлялся в гости вместе с беременной женой. В показаниях соседа приводится такой эпизод: «И стал Пушкин говорить жене понести образ до церкви, а она ему, Пушкину, говорит, „чтоб де пеша с собою не брал ее, того ради, что она чревата, и за дальностью церкви...”». Все это дает возможность предположить, что слышанные в детстве рассказы из жизни прадеда и деда частично смешались в памяти и воображении поэта. Многие черты прадеда он ошибочно перенес на деда.

Как известно, с конца 1820-х годов в творчестве Пушкина — в сюжетной кантовке ряда его произведений — присутствует мотив безумия героя. Несомненно, что запомнившиеся с детства рассказы о тяжелой семейной истории должны были оставить след в художественном сознании Пушкина.

---

¹⁸ ЦГАДА, ф. 7, оп. 1а, д. 1695; Военно-исторический архив, ф. 8, оп. 1/89, д. 1789.

А. М. Панченко

РУССКИЙ ПОЭТ, ИЛИ МИРСКАЯ СВЯТОСТЬ КАК РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА

Поэт (независимо от того, пишет он стихами или прозой) — вечная русская проблема. Нигде так не мучат поэтов при жизни и так не чтут после смерти, как в России. Мы прибегаем к ним с сегодняшними заботами, уповая на помощь Пушкина и Гоголя, Достоевского и Толстого, — людей, которые давно скончались и у которых была другая жизнь и другой опыт. Ясно, что мы числим их не по разряду истории, но по разряду вечности. «У мертвого лет не бывает», — сказал Достоевский, который в уповании на поэтов всецело нам подобен (вспомним его «Речь о Пушкине»). На

рациональном Западе — и католическом, и протестантском — сейчас дела обстоят иначе. При всем уважении к Руссо, Шекспиру, Гете французы, англичане, немцы не станут отягощать их насущными своими вопросами.

Попробуем в этой русской особенности разобраться.

Обстоятельства дуэли Пушкина с Дантесом (самого поединка, а не его предыстории) известны до мельчайших подробностей, однако народное мнение с этим не согласно. Народ подозревает, что от него утаено нечто крайне важное, народ тится снять покров с тайны, кажущейся ему роковой. Не желая смириться с тем, что Пушкин пал в равноправном поединке, народ ищет доказательств убийства. Не дуэлянт ему нужен, а мученик, Святой. Прижизненные его грехи мученику как бы не вменяются, ибо по православному (и католическому) канону все грешны, все без исключения, — святые праотцы, пророки, апостолы, равноапостольные, святители, отцы и учителя Церкви, великомученики и священномученики, страстотерпцы и исповедники, преподобные, плотоубийцы, скитальцы, верижники, столпники, юродивые и блаженные, великопостники, бессребреники, затворники и молчальники... — все вообще угодники Божии. Один Иисус Христос, обладавший полнотою божеской и полнотою человеческой, — без греха.

Наши предки говаривали: «Праведным посылает Бог грешных смерть, а грешным праведных смерть». Эту поговорку можно было бы и к Пушкину применить, если, конечно, смотреть на вещи с позиции здравого смысла. Похристиански дуэль — дело богопротивное, потому что дуэлянт — убийца и самоубийца (независимо от того, уцелел он или нет). Однако нации чрезвычайно хотелось обелить Пушкина, и она кончину его оценила как сугубо, дважды праведную. Это мучение, гибель от рук палачей — «свободы, гения и славы палачей», как сформулировал Лермонтов. Это и «успление», которое описал Жуковский, всматривавшийся в лицо усопшего друга:

...Какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
Было объято оно, мнилось мне, что ему
В этот миг предстояло как будто какое виденье,
Что-то сбывалось над ним, и спросить мне хотелось: что видишь?¹

Предсмертное видение часто описывается в житиях Святых. Умиравший кого-то видит, с кем-то беседует — и преображается, как преобразился Пушкин: «В жизни такого мы не видали на этом лице...».

Пристальное, даже болезненное внимание к смерти поэтов — нечто вроде русской культурной привычки. Показательны, например, вспышки неверия в самоубийства Есенина и Маяковского, хотя, казалось бы, для XX века это дело обыкновенное. И Мандельштам в Чердыни бросался из окна, и Цветаева на себя руки наложила... Откуда же сомнения? Все оттуда, оттуда — от подспудного желания обелить поэтов. Ибо самоубийца заведомо губит душу, для него уготована вечная мука в преисподней. Впрочем, Господне милосердие безгранично, и в русском месяцеслове есть один Святой-самоубийца. Это северный подвижник Кирилл Вельский. Не стерпев воеводских притеснений, он принародно, на глазах потрясенного мучителя утопился.

Старообрядчество чтит сотни и тысячи предавших себя огненной смерти. Вот стихотворный пример из «Винограда Российского», сочиненного на Выгу старообрядческого мученика:

Так о отец Варлаам огнем испечеса
И яко хлеб сладчайший Богу принесеса...²

¹ Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4-х тт. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 393.

² Цит. по: Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 34.

Старообрядцы, точнее часть из них, оправдывают добровольно скончавшихся в горях: в никонианском мире иссякла благодать, им ничего не оставалось, кроме как покинуть его, принести себя в жертву Христу. Но это — чрезвычайная ситуация, это одна из самых мощных за всю нашу историю вспышек национального пессимизма, перешедшего в эсхатологическое отчаяние. А чем оправдать Кирилла Вельского, наложившего на себя руки задолго до раскола? Если исходить из буквы православия — нечем, если же из духа его — любовью, по-русски — жалостью. Блаженный Кирилл — раннее воплощение того типа, который литературно канонизован в «несчастеньких» Достоевского. Мы жалеем Кирилла Вельского, читая житие, как жалеем художника Пискарева из «Невского проспекта», как жалеем Марину Ивановну Цветаеву. Она была верующая, знала, на что шла, но она безмерно страдала, и кто бросит в нее камень?

Впрочем, вернемся на грешную землю и попытаемся сделать обзор писательских типов. Древняя наша словесность большей частью анонимна. Ее история — история «памятников», т. е. текстов и книг, и в гораздо меньшей степени — творцов. Писатели «самоустраиваются» из своих сочинений, потому что боятся «самосмышления», боятся впасть в гордыню, первый из семи грехов смертных. Они страшатся личной точки зрения. Их цель — выразить общее, земское, соборное мнение.

Культ соборности — характернейшая черта великорусского православия. Следствия этого культа многообразны, они и сейчас дают о себе знать, притом с большой силой, они — и во благо, и во зло. Из знаменитой триады «свобода, равенство и братство» Русь превыше всего ценила второй и третий члены — и с подозрением относилась к свободе, воле. «Вольному воля, а спасенному рай». Это пословица, это глас народа, самооценка и установка, мировоззренческая и поведенческая. Свобода трактуется как некая пустота и бездна (а в бездне пребывает дьявол), а на нынешнем жаргоне «беспредел», как непричастность христианской «полноте», искажение благообразия и благочиния. Если свобода не умеряется слезами, молитвой, покаянием, т. е. смирением и страхом Божиим, — она порождает зло. О том, что эта национальная подозрительность обоснованна, свидетельствует чрезвычайная затрудненность перехода к эпохе личностей (такой переход — в специфических, конечно, формах — закономерен для всей Европы, его знаки — Ренессанс и Реформация). В XVI в. наступила осень русского средневековья. Началось размножение личностей — и на вершине социальной пирамиды, и у ее подножия. Многие из них суетятся и дергаются, будто в них вселился бес (чего, впрочем, исключить нельзя).

Вспомним первого венчанного царя, Ивана Грозного. Царь занимался сочинительством. Подчиняясь одному из архаических монарших запретов, он собственноручно не писал. Надиктованное им — в основном «поток сознания», мутный, но в художественном отношении блестящий, ибо автор был талантлив.³

А самозванцы, эти «выдвигенцы», алчущие власти? Первый из них (и единственный, кто посидел на троне) — тоже русский писатель. Хотя время от времени высказываются сомнения относительно тождества его с Гришкой Отрепьевым и вообще относительно отечественного его происхож-

---

³ Ср.: «Слог его отличается твердостью, чистотою языка и едкостью иронии, но обличает тревожный дух и отсутствие теплоты душевной. Обладая обширною начитанностью и отличною памятью, Грозный царь любил употреблять выражения из Святого Писания и Творений Отцов, также примеры из истории церковной и гражданской, любил составлять и песнопения церковные» (Толстой М. В. История Русской Церкви. Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1991. С. 428).

дения, но это зряшные сомнения. Самозванец в дипломатических бумагах именовал себя «императором» и подписывался латиницей, через «п» и в два слова: in perator.⁴ Ну, о чем тут толковать? Лжедмитрий — лжеписатель, ему верить нельзя. В канонах Святым, сочиненных в Москве, в Чудовом монастыре, он был православен, потом стал расстригой, переходил и в арианство, и в католичество. Ему поется анафема, и он ее заслужил.

Нет веры и человеку, которого самозванец приблизил и с которым состоял в предосудительных отношениях, — князю Ивану Хворостинину. Его в либеральной историографии окрестили первым западником, называли даже Чаадаевым XVII века (!). Верно, он бранил Московское царство, жаловался, что здесь жить нельзя, «люди глупой», попирает нормы православного поведения и даже разуверился в воскресении мертвых (это было уже в 1620-х годах, после того как из польского плена вернулся Патриарх Филарет). Князь Иван был также одним из первых москвичей, приучившихся сочинять, как тогда говорили, «на вирш», рифмованными строчками. При обыске у него нашли несколько стихотворных тетрадок, а в них сплошная хула и ругань:

Московские люди сеют землю рожью,
А живут все ложью.

За все это Филарет отправил первого западника в Кирилло-Белозерский монастырь, где к вольнодумцу для вразумления приставили «крепкого житием» инока. И князь Иван исправился (заметим, что его не били и голодом не морили). Взяв за образец один украинский трактат, он скомпилировал пространное и громоздкое стихотворение «Изложение на еретиков-злохульников». Он вознес хвалу православию и осудил инославие, тем более ереси (отрицать воскресение мертвых — ересь). Нет смысла задаваться вопросом, когда Хворостинин высказывался искренне. Ясно, что «наполовину» он был трус и лжец.

Таковы непочтенные личности (о почтенных речь впереди). Их достаточно всегда и повсюду. На Западе старшими и младшими современниками Грозного были Генрих VIII Английский, Филипп II, Екатерина Медичи, и это тираны ничем не лучше московского царя.

Дело, впрочем, не только в порочности человеческой природы, но и в специфике эпохи. Европа переживала религиозный кризис, и Россия не осталась в стороне от этого мучительного процесса, хотя у нас он начался позже и, возможно, заканчивается только теперь. Суть процесса в том, что культура обособляется от веры, становится секуляризованной и автономной. Для многих это драма и даже трагедия. Одни в обособлении видят вероотступничество, попрание святынь — и впадают в отчаяние. Другие радостно прощаются со «страхом Божиим». Раньше они полагались на Бога, теперь — на самих себя. Но человек слаб, его на каждом шагу подстерегают соблазны, причем это касается не только заурядных обывателей, но и людей недюжинных, одаренных. Не всем же дано прожить жизнь так достойно, как прожил ее казненный Генрихом VIII лорд-канцлер Томас Мор или задушенный Малютой Скуратовым митрополит Филипп (Кольчев). «Обратная сторона титанизма» (выражение А. Ф. Лосева), или упование на себя, воплощается и в творческих подвигах, и в преступных деяниях. Кризис — это нарушение органического сознания, его раздвоение, культурная шизофрения (вспомним описанное Гоголем и Достоевским рус-

---

⁴ См.: Пащенко А. М. Указ. соч. С. 16.

ское двойничество). Равновесие раз за разом восстанавливается, но для этого надобно время.

Литератор-профессионал появился на московском «феатре» при царе Алексее Михайловиче (тоже, кстати говоря, писателе: его перу, в частности, принадлежит «Урядник сокольников пути», замечательное по словесному изяществу наставление по соколиной охоте). Возглавил цех «трудников слова» Симеон Полоцкий, переселившийся в Москву в 1664 г. Он работал с усердием и производительностью почти графоманскими: исписывал за день восемь страниц нынешнего тетрадного формата, все больше стихами, и почерк его «зело бе мелок и ум писист» (из свидетельства жившего с ним в одних покоях Заиконоспасского монастыря Сильвестра Медведева). Это и проповеди, и вирши «на случай», по поводу церковных и светских праздников, рождений, именин, новоселий, бракосочетаний, кончин многочисленных членов царского семейства, это и стихотворения просветительские, из античной, раннехристианской, западноевропейской (но не русской) истории, — они собраны в монументальной поэтической энциклопедии с заглавием «Вертоград (т. е. сад. — А. П.) многоцветный».

Симеон Полоцкий в Москве учредил (и занял) должность придворного поэта, и все шестнадцать отпущенных ему судьбою зрелых лет жил припеваючи. Государи Алексей Михайлович и Федор Алексеевич щедро его жаловали. У нищего белоруса завелись слуги, собственный выезд (сено получалось с лугов села Коломенского), столько всякого добра, что Симеону отвели погреб в стене Китай-города. И денег у него было в достатке, несколько мешков в монастырском подвале, он их и не трогал, так что мешки погнили. Умер Симеон в славе и в почете, удостоился пышного погребения. Хорошо быть поэтом?

Как сказать... Западник Симеон Полоцкий благоденствовал в стольном граде, «близ царя», а его знакомец и оппонент протопоп Аввакум, вождь старообрядчества, томился в земляной тюрьме в далеком Пустозерске на Печоре, «в месте тундряном и безлесном». Аввакум тоже профессионал, хотя и стал им в силу обстоятельств. Прирожденный бунтарь и борец за «светлую Русь», защитник простецов, он в Пустозерске располагал единственным оружием — пером. «Попризнавшись со стражниками», Аввакум и его соузники наводнили Россию возмутительными сочинениями. Пустозерцам удавались предприятия поистине фантастические. Во время Крещенского Водосвятия 1681 г., когда на Кремлевском холме и по берегам Москвы-реки собрались сотни тысяч людей, один старообрядец с колокольни Ивана Великого «метал» в толпу политические карикатуры с «хульными надписями», порочащими царя, светских и духовных властей. Оригиналы изготовил протопоп Аввакум! За этот бунт пустозерская четверица была приговорена к смертной казни. 14 апреля 1682 г., через полтора года после кончины Симеона Полоцкого, Аввакум и его сподвижники взойшли на костер. Плохо быть писателем!

Впрочем, Аввакум сам виноват: ведь он знал, что за оскорбление Величества по головке не поглядят. Ему бы не бунтовать, не настаивать, что сатана выкупил светлую Русь, очервленив ее кровью мучеников за древнее благочестие, что царя Алексея бесы терзают в аду, что Патриарх Никон и его преемники продали Христа...⁵ Взять бы ему пример с Симеона Полоцкого, и прожил бы он в благоденствии.

Так, да не так. Место придворного поэта после Симеона занял Сильвестр Медведев, природный русак, сын курского подьячего. Близость к царевне Софье дорого ему обошлась. Его расстригли, долго держали в застенке,

⁵ См.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960. С. 136.

пытали, заставили подписать покаянное исповедание с отказом от «латинских мудрствований» и 11 февраля 1691 г. отрубили голову на Красной площади, а тело похоронили в яме у Покровского Убогого монастыря, вместе с бродягами и родства не помнящими. За что такая горькая участь?

Разумеется, Сильвестра Медведева, как и других сподвижников поверженной царевны, обвиняли в заговоре на жизнь Петра, — облыжно обвиняли, потому что никакого заговора и в помине не было. Что ж, политика — дело грязное, ей без лжи не обойтись. Однако казненных были считанные единицы, и отчего к ним причислили Сильвестра — монаха, богослова и поэта? Именно оттого, что он дерзал быть богословом и поэтом.

Среди обвинений есть и такое: Сильвестр будто бы покушался на патриарший престол. Это нелепость. Профессионалы потому и профессионалы, что смотрели на литературный труд как на призвание и высоких церковных должностей не искали. (Люди следующего поколения, принадлежавшие к тому же цеху «латинствующих», украинцы Стефан Яворский и Св. Димитрий Ростовский, не хотели переезжать в Москву и ставиться в митрополиты, и только крутая рука Петра вынудила их согласиться). Поклеп на Сильвестра — действительно нелепость, но психологически понятная и, так сказать, естественная. Этот поклеп имеет самое прямое отношение к проблеме русского поэта, проблеме религиозно-культурной.

В самом деле: с точки зрения человека православного и воспитанного по-старомосковски, учительность — прерогатива Церкви, ее освященных соборов, архипастырей во главе с Патриархом. Поэт, новая фигура в Московском государстве, предъявляет претензии на учительство. И Симеон Полоцкий, и Аввакум (он тоже написал несколько поэтических текстов в национальной манере, с ориентацией на богослужебный молитвословный стих) сравнивали себя с апостолами.

Зряй, человек, сей гроб, сердцем умилися,
О смерти учителя славна прослезися.
Учитель бо zde токмо един таков бывый,
Богослов правый, Церкви догмата хранивый...⁶

Так начинается эпитафия Симеону Полоцкому, сочиненная по заказу царя Федора Алексеевича (тоже поэта) Сильвестром Медведевым и вырезанная на двух позолоченных каменных плитах, которые установили над гробом Симеона в трапезной Заиконоспасского монастыря. Эта эпитафия — вызов Патриарху Иоакиму. Покойник, всего-навсего иеромонах, объявлен не просто учителем, но и единственным в своем роде, первым. Пусть нет и не может быть поползновения на сан, но очевидна претензия на обладание истиной. Поэт соперничает с архипастырем, потому что культура вступает в состязание с верой.

Это — не слова, это и дела. В исходе XVII в., как раз при Иоакиме, из православного богослужения исчезают немногие (сравнительно с католической практикой) театрализованные «действия» — Пещное, Страшного Суда, Шествие на ослии в Вербное воскресенье. Эти сюжеты тотчас переключиваются в драматургию (Симеон Полоцкий, в частности, пишет «комедию» о Навуходоносоре и трех отроках, в печи не сожженных), ибо в 1672 г. в государевом селе Преображенском учреждается первый в русской истории театр.

⁶ Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 188.

Первая пьеса и первый спектакль — «Артаксерксово действо» (переложение ветхозаветной Книги Есфири) — своего рода назидательная историческая повесть с заговорами и гаремными интригами. Это громоздкое и бесталанное переложение. Нет сомнения, что спектакль был крайне скучен, к тому же ставили и разыгрывали его любители из Немецкой слободы и из Московских приказов (профессиональных актеров в Москве в ту пору попросту не было). Тем не менее царь Алексей Михайлович в тот знаменательный день высидел в той «комедийной храмине» десять часов подряд! Почему государь, обладавший недюжинным художественным вкусом, не покинул «действо»? Он не решился уйти из театра, как не привык уходить с церковного богослужения.⁷

Культура объявила себя соперницей веры и при Петре, казалось, выиграла это соперничество. Смысл Петровских реформ вовсе не европеизация, как принято думать, смысл ее — секуляризация, обмирщение. Петр упразднил Патриаршество, учредил Синод и сам себя назначил главою Церкви, «Крайним Судиею Духовной коллегии». «Устами Петровыми» в сфере религии (точнее, идеологии) был архиепископ Феофан Прокопович, человек умный и ученый, но авантюрного склада, умевший «находить себе счастье, не справляясь с совестью» (Филарет Черниговский). Впрочем, у птенцов гнезда Петрова совесть была вообще не в чести. Эта «бессовестность» — черта не столько индивидуальная, сколько эпохальная. Рушилась старосветская нравственность, поскольку рушилась духовная власть Церкви («папешский се дух», — восклицал Феофан). Высшая инстанция — государь, который объявляется хранителем и толкователем истины, «власть высочайшая... надсмотритель совершенный, крайний, верховный и вседействительный, то есть имущий силу и повеления, и крайнего суда, и наказания над всеми себе подданными чинами и властями, как мирскими, так и духовными. И понеже и над духовным чином государское надсмотрительство от Бога установлено есть, того ради всяк законный государь в государстве своем есть воистину епископ епископов».⁸ «Епископ» в буквальном значении — «надсмотритель». Феофану Прокоповичу мало этой почти кощунственной игры словами, он называет царя и «Христом» (в буквальном смысле — «помазанником»).

Все должны склониться перед монархом, и поэт, конечно, не составляет исключения. Петр не признавал за ним апостольских привилегий, он низвел его до степени чиновника, выполняющего полезную и рутинную работу по составлению учебников, словарей, ораций на торжественные случаи, церковных текстов, переводов и т. п. Это не служение, это служба. При Петре все служили до смерти, до старости или до тяжкого увечья. Впрочем, служащему человеку требуется отдохновение; соответственно «человеку пера», вне и помимо прямых обязанностей, позволяется развлекать себя и других, скажем, сочинять любовные песенки, шуточные вирши, авантюрные повестушки. Кстати, сам Петр был таким «человеком пера». Он и переводил, и редактировал (даже церковные службы), и «развлекался» текстами, составившими чин «всешутейного, всепьянейшего, сумасброднейшего собора». Петр — «недреманное око» тогдашней литературы и издательской политики и практики, ее «надсмотритель».

Естественно, не все поэты захотели смириться с униженным своим положением. Одни, особенно из радикальных старообрядческих кругов, самозванного «помазанника-христа» сочли и объявили антихристом и от-

⁷ Панченко А. М. Указ. соч. С. 154.

⁸ «Регламент духовный» (Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству исповеданий). СПб., 1879. Сер. 1.

казались от молитвы за государя. Другие, как местоблюститель Патриаршего престола и первый глава Синода митрополит Стефан Яворский, пытались отстоять христианскую свободу и сочинять по совести. Власть, естественно, прибегала к репрессиям. Были и казни радикалов, и запрещение книг (например, «Камня веры» того же Стефана Яворского), и лишение права публичной проповеди.

Труднее всего пришлось русскому писателю при Анне Иоанновне. Один из проповедников елизаветинской эпохи так вспоминал об этом тяжелом десятилетии, когда Феофан Прокопович богословские и литературные речи разрешал с помощью тайной канцелярии, а Бирон прямо-таки третирует православие: «На благочестие и веру нашу православную наступили, но таким образом и претекстом, будто они не веру, но непотребное и весьма вредительское христианству суеверие искореняют. О, коль многое множество под таким предлогом людей духовных, а наипаче ученых, истребили, монахов порасстригали и перемучали. Спроси ж, за что? Больше ответа не услышишь, кроме того: суевер, ханжа, лицемер, ни к чему не годный».⁹

Феофан и другие идеологи времени императрицы Анны понимали, что писатель опирается на общественное мнение — неважно, сочувственное в каждом конкретном случае или враждебное: почитатели и враги согласно воспринимали писателя как преемника, «заместителя» пастыря и как нового пастыря. Общественное мнение попытались переменить, а поэта скомпрометировать, низведя его до шута. В феврале 1740 г. в Петербурге строили знаменитый Ледяной дом — брачный чертог для шута князя Голицына — Квасина и шутихи — калмычки Бужениновой. К шутовской свадьбе этих недостойных и несчастных стариков понадобились шутовские же стихи. Сочинить их приказали Тредиаковскому, который считался тогда лучшим мастером поэтического цеха, причем наперед приготовили «краткую материю», программку будущего стихотворения. При ее вручении кабинет-министр Артемий Волынский публично прибил Тредиаковского. «Правое мое ухо оглушил, а левый глаз подбил, что он изволил чинить в три или четыре приема», — так несколько дней спустя жаловался Академии наук униженный поэт.¹⁰ Посаженный под караул и снова избитый, Тредиаковский сочинил там требуемые стихи и затем, ряженный и в «харе» (т. е. маске), прочел их на дурацкой свадьбе в потешной зале, куда его доставила стража.

Русские поэты долго помнили о позоре своего собрата. Наверное, помнил об этом Ломоносов, когда 19 января 1761 г. писал знаменитое письмо И. И. Шувалову: «Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у Самого Господа Бога, Который дал мне смысл, пока разве отнимет».¹¹ Помнил об этом и Пушкин, сказав о Тредиаковском, что «в деле... Волынского играет он лицо мученика», — Пушкин, который в последние свои годы любил повторять горделивые слова Ломоносова, потому что тяготился навязанной ему царской опекой и глядел на свой камер-юнкерский мундир как на шутовской наряд. От этого мундира поэту удалось избавиться только в гробу. В могилу Пушкин лег во фраке, в чем император и Бенкендорф усмотрели вызов.

Впрочем, царь (даже такой царь, как Петр Великий) предполагает, а Бог располагает. Верно, что заведенное Петром литературное чиновничество, светское и духовное, с тех пор не переводилось и стало неперемнным

⁹ *Амеросий (Юшкевич)*. Слово на высочайший день рождения Ея Величества Императрицы Елисаветы Петровны декабря 18 дня 1741. СПб., 1741. С. 13.

¹⁰ См.: Москвитянин. 1845. № 2. С. 43—46.

¹¹ *Ломоносов М. В.* Собр. соч. М.; Л., 1948. Т. 8. С. 229.

элементом русской жизни. Однако дилетантизм, поэтическое «развлечение» вне службы дало неожиданные результаты. На вершине литературной иерархии XVIII в. оказались дворяне, которые ощущали себя господами. От них в век женского правления зависела судьба трона. Их боялись, с ними считались, им была дана воля (в известных, конечно, пределах). Это касалось и поведения, и творчества. У господ, имевших охоту сочинять, сложилось особое, независимое мироощущение, а также и особое отношение к творчеству. Об этом лучше всего сказал Пушкин в «Египетских ночах». Вот встреча светского льва Чарского с бедным итальянцем, дерзнувшим по неведению назвать себя его «собратом».

«Вы ошибаетесь, Signor, — прервал его Чарский. — Звание поэтов у нас не существует. Наши поэты не пользуются покровительством господ; наши поэты сами господа, и если наши меценаты (черт их побери!) этого не знают, то тем хуже для них. У нас нет оборванных аббатов, которых музыкант брал бы с улицы для сочинения *libretto*. У нас поэты не ходят пешком из дому в дом, выпрашивая себе вспоможения. Впрочем, вероятно, вам сказали в шутку, будто я великий стихотворец. Правда, я когда-то написал несколько плохих эпиграмм, но, слава Богу, с господами стихотворцами ничего общего не имею...» (VI, 247).

Это правда, но это и поза. Правда в следующем: первенствующие поэты XVIII в. — люди сановные и чиновные, кавалеры. Антиох Кантемир — посланник в Англии и во Франции, Ломоносов умер «превосходительным», Херасков был директором и куратором Московского университета, М. Н. Муравьев — попечителем того же университета и товарищем министра, Державин — кабинет-секретарем Екатерины, сенатором, министром юстиции, и т. д. и т. п. Таково правило, хотя, конечно, есть из него исключения. В чем же поза? В отрицании принадлежности к цеху поэтов. «Однако ж он был поэт, — пишет Пушкин, — и страсть его была неодолима: когда находила на него такая *дрянь* (так называл он вдохновение), Чарский запирался в своем кабинете и писал с утра до поздней ночи. Он признавался искренним своим друзьям, что только тогда и знал истинное счастье» (VI, 245). Значит, Чарский был поэт Божией милостью, — кстати, он потому и переименовал высокомерное отношение к итальянцу, потому и «сжал ему руку с чувством искреннего раскаяния», что гость был импровизатором, обладателем «неизъяснимого», высшего дарования.

Симеон Полоцкий утвердил в русском сознании культурную пару «поэт — монарх». Для Симеона это была не только отвлеченная, но живая и житейская проблема: ведь сам он — первый в истории Москвы профессиональный стихотворец. Новая в обществе фигура, он находился «вне мест». Ему надлежало завоевать место под солнцем. Он хотел творить свободно, без «свидетельствования» церковных властей во главе с Патриархом. Но высшая степень свободы в монархической стране — прямая, без посредников зависимость от государя. Государь, естественно, выступает как покровитель, меценат. Какова же роль поэта?

Диапазон возможностей широк. Можно избрать сервильную позицию, воспевать благосклонно внимающего звукам лиры монарха, рассчитывая на то, что он осыплет певца высочайшими милостями. Эта панегирическая струя очень сильна и в петербургский период, ей отдали дань почти все поэты — Кантемир, Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков, Петров, Державин... Поздний отголосок традиции — пушкинские «стансы», за которые автору пришлось оправдываться. Однако и панегирическая поэзия проблемна. В ней ощущается драматизм, и он неизбежен, если поэт заботится о публичной репутации. Он не просто «воспевает», он дает монарху советы, «печалуется» перед ним, действительно усваивает пастырские функции.

Пусть с 1721 г. в России отменено Патриаршество, пусть Синодом ведает обер-прокурор в мундире, кафтане или сюртуке, но вовсе не отменена культурная привычка, согласно которой у человека и у нации должен быть духовный отец. История русской души в петербургский период есть история его поисков. Униженная Церковь в век Просвещения не в состоянии выдвинуть кандидата или кандидатов. Главным претендентом выступает монарх. Это прежде всего Петр, Отец Отечества, Великий, Первый — и действительно первый православный великоросс, которому были изваяны и воздвигнуты кумиры. Монарх получает пастырское прозвище, — именно пастырское, потому что русское сознание сопоставляет его не с титулатурой западных властителей, а с прозваниями святых отцов, таких как *Василий Великий*, *Иоанн Златоуст*, *Григорий Богослов*: Екатерина Великая, Александр I Благословенный, Александр II Освободитель, Александр III Миротворец. В этом ряду нет Анны (ее не любили), нет Елизаветы (она была очень православна и на какое-либо прозвание не претендовала), нет по понятным причинам Петра III и Павла I, нет и Николая I — и поделом ему (за проигрыш Крымской кампании, за ханжество, за «холодное, ледяное, как петербургский климат», православие, по меткой характеристике Герцена).

Однако поползновения монарха остались втуне, даже притязание Петра. «Ужо тебе!» — эти слова Евгения, обращенные к Медному всаднику, можно считать гласом народа, а «глас народа — глас Божий». Какое тут духовное отцовство... Заметим, кстати, что в великорусском месяцеслове нет ни одного царя, — при множестве святых князей. Вряд ли это случайность: святости удостаивается тот, кого любят, царей же у нас не любили, а боялись. Кого же выбрать?

Русь испокон веку гордилась своими угодниками Божиими — в частности, самим их «изобилием», которое считалось порукой Господнего благоволения и покровительства. Одна из героинь Лескова, «баба», которых он так любил изображать, говорила собеседнику примерно следующее: *батюшка, все Святые русские были...* Россия нуждалась в Святых, жизнь «без святости» ее тяготила. Однако Петр как бы приостановил русскую святость. Об этом можно судить и по «Духовному Регламенту», в котором отношение к канонизации явно скептическое (под влиянием протестантизма), и по церковной практике петербургского периода. «Два последних синодальных столетия отмечены чрезвычайно ограничительной канонизационной практикой: к лику общечтимых Святых причислены всего четыре угодника (кстати, один из них поэт — Св. Димитрий Ростовский). В XVIII в. нередки случаи, когда епархиальные архиереи собственной властью прекращали почитание местных Святых, даже церковно канонизованных. Лишь при императоре Николае Александровиче, в соответствии с направлением его личного благочестия, канонизации следуют одна за другой: семь новых Святых за одно царствование».

Итак, от царей нация отвернулась, Святых меньше приобрела, нежели потеряла. Остались поэты. И нация выбрала Пушкина.

Профессор-протоиерей Владимир Мустафин

ПРАВОСЛАВИЕ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ
ПУШКИНСКОГО ВРЕМЕНИ

(вступительное слово на Первых Христианских
Пушкинских чтениях, 11 февраля 1992 г.,
Санкт-Петербургская Духовная академия)

Время Пушкина — начало XIX в. Россия к этому времени была уже около трех четвертей века дворянской монархией. Дворяне же, благодаря своему привилегированному положению, благодаря наличию досуга, были самым образованным сословием общества. Умы образованных людей в конце XVIII — начале XIX в. волновали следующие духовные явления: вольтерьянство, которое отождествлялось с насмешливым, неконструктивным вольнодумством; масонство в нескольких его вариантах; сентиментально-мистический квиетизм (мистика — романтическая, она же и сентиментальная).

Особенно распространено было масонство на рационалистической подкладке. (Вообще это, конечно, противоречие, потому что масонство — тоже в сущности мистика. Теоретически — противоречие, но на практике рационализм и мистика часто переплетаются, потому что никаким иным способом, кроме как рационалистическим, мистические идеи не выразишь, так что без рационализма не обойтись). Масонство на рационалистической подкладке имеет несколько направлений. Среди них нужно выделить две группы: масонов-просветителей и масонов-деистов.

Из просветителей самой яркой фигурой был Н. И. Новиков, осуществлявший свою деятельность с помощью книгоиздательств. Он известен и как непримиримый противник крепостного права. В этом отношении его идейным союзником был А. Н. Радищев. Конечно, Радищев превосходил Новикова своим радикализмом, но уступал ему по культуре. Заметными масонами-просветителями были И. В. Лопухин и С. И. Гамалея, сотрудник Новикова. Другой круг масонов — масоны-деисты. Среди них — А. Ф. Лабзин, сторонник некоего универсального христианства. Концепция универсального надцерковного христианства — противоправославная. Она не всегда выражалась в лоб, в частности у М. М. Сперанского, но тем не менее и он был последователен в своей концепции, не говоря уж о Лабзине. Здесь нужно вспомнить Венский конгресс и Унию Священную, которая свела в политическом союзе трех монархов: православного, католического и протестантского и тем самым в немалой степени способствовала распространению идеи универсального христианства.

В начале XIX в. Россия имела уже столетнюю историю Петровских реформ. Православие в особенности испытало на себе следствия этих крутых преобразований. Со времени Петра Великого Русской Православной Церковью правил не Святейший Патриарх, а некая коллегия — Святейший Синод во главе с обер-прокурором, т. е. государственным чиновником. Российская Церковь к этому времени имела четыре Духовные академии: первые две — старые (Киевская и Московская), а в 1797 г. возведены были на уровень академии Александро-Невская семинария в Петербурге и Казанская. Кроме того, с 1721 г., со времени Духовного Регламента, в России развернулась широкая сеть средних учебных заведений: сначала это были школы, а с 1737 г. — и семинарии. В каждой епархии была семинария. Развитие среднего духовного образования — особая страница в истории русского просвещения. В сущности это была первая ступень и первая инстанция, с которой распространилось образование на все уровни русского общества, не только духовного, но и светского.

Но была другая сторона православия — в XVIII—начале XIX в., которая так и не стала широко известна, — та, о которой заговорили позже, в XX в. Эта сторона православной жизни связана с именами Паисия Величковского, Тихона Задонского и Серафима Саровского — особых персонажей русской истории, светочей русской духовности и даже русской философии. Этими именами обозначается та особая религиозность, которая широко распространилась в XIX и XX вв. в лоне Православной Церкви и которая резко отличалась от всего предыдущего. Религиозность Московской Руси — это обрядовое православие (я ничего не хочу сказать о нем плохого), это бытовое христианство и это попытка оправославить все государство Русское, сделать из него Святую Русь. А Паисий Величковский, Тихон Задонский и особенно Серафим Саровский — носители иного типа духовности. Это религиозность внутренняя, где все святое, все идеалы относятся к Тому Миру, к Тому Царству, которое не от мира сего.

Таковы основные духовные движения в русском обществе в интересующее нас время. Возникает вопрос, как же к этому всему и ко многому другому, что появилось в 20-е и 30-е годы (т. е. в пору уже сознательной жизни Пушкина), — например, к возникновению политического масонства в среде офицерской молодежи или к пробуждению философского интереса к системам Шеллинга и Гегеля — как к этому всему относился Пушкин?

Вопрос не праздный по той причине, что Пушкин — особая фигура в истории России. Причем его высокая оценка оправдывается не только теми характеристиками, которые давались ему позже, например Достоевским в 80-х годах, и даже не той характеристикой, которую дал ему Герцен. А теми, которые давали ему современники, знавшие его при жизни. Например, Гоголь. Почему такая высокая оценка? Ведь она должна удивлять. Или Баратынский. Последний писал Пушкину в 1828 г. в Михайловское: «Возведи русскую поэзию на ту степень, на какую возвел Петр Великий Русское государство». Такое отношение к совершенно еще молодому поэту удивляет. Сейчас мы привыкли к этой высокой оценке, но вообще-то она нуждается в оправдании. Не имея возможности оправдывать или объяснять ее, я просто фиксирую, что это было так. Среди деятелей XIX в. Пушкина считают наиболее прозорливым человеком универсальных способностей, что и выражает наиболее адекватно вообще идею русского человека и всю сущность русской православной культуры. Если с этой стороны подойти к Пушкину, тогда важно уяснить, как относился он ко всем явлениям духовной жизни. Оценки столь выдающегося человека будут иметь значение и для нас, как те, с которыми необходимо считаться и нам.

Пушкин был очень отзывчив на все более или менее заметные и со- держательные явления, какой бы области жизни они ни касались. При этом, как свидетельствуют его ближайшие друзья, наиболее даровитые, — Вяземский, Жуковский, — Пушкин обнаруживал точность и глубину оценок. Это должно нас удивлять, поскольку с точки зрения обывательской Пушкин был просто ловкий рифмоплет. От такой репутации трудно отмежеваться, она нас преследует с отроческих лет, благодаря школьному курсу и различным диким и нелепым мнениям о личности и творчестве Пушкина.

Именно потому, что его оценки были глубокими и точными, они никогда не были вызывающе крайними: впадать в крайности свойственно незрелым и аффектированным умам. Будучи, например, непримиримым противником крепостного права, о чем он сам заявлял в открытую, он вместе с тем был и противником насильственных политических перемен, направленных на ликвидацию этого крепостного права, ибо подобные потрясения страшны для общества по своим последствиям и в то же время бесполезны для достижения цели. «Не должно торопить время. Лучшие, прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов». В определенной степени сочувствуя свободомыслию Радищева, Пушкин вместе с тем не принимал общего характера его мировоззрения, его образа мышления, невежественного презрения ко всему прошедшему, слабоумного изумления перед своим веком. «Глупец один не изменяется, ибо время не приносит ему развития, а опыты жизни для него не существуют».

Восхищаясь гениальной государственной преобразовательной деятельностью Петра Великого, Пушкин в то же время его не идеализировал и глубоко сочувствовал древнерусским началам общечеловечности и семейной жизни. Пушкин не раз говорил, что неуважение к предкам есть первый признак дикости и варварства. Симпатии Пушкина по отношению к его современникам также были на стороне тех, кто занимал мудрую центристскую позицию в оценке явлений жизни.

Так, например, в споре крайнего консерватора А. С. Шишкова с умеренным Н. М. Карамзиным по вопросу о русском языке Пушкин явно был на стороне последнего. Речь о языке зашла в связи с планировавшимся тогда переводом Библии. Группа противников перевода — консерваторы А. С. Шишков, А. А. Аракчеев, архимандрит Фотий, митрополит Серафим (Глаголевский). Защитники перевода, придерживающиеся крайней точки зрения, — А. Н. Голицын, тогдашний министр «сугубого министерства», и уже известный Лабзин. Умеренную позицию занимал архиепископ Филарет. Эта позиция состояла в том, что Библию на русский язык переводить нужно, но этот перевод не должен заменить собою все символические вероучительные книги православия. В сущности эту точку зрения поддержал и Пушкин. Еще один пример его центристской, мудрой позиции: Пушкин возражал против крайне пессимистической оценки русской истории П. Я. Чаадаевым, сводящейся к отрицанию этой истории. В объяснении с Чаадаевым Пушкин выбрал простую трезвую отсылку к фактам русской истории, к летописям: русская история иная, нежели западная, но она есть, и она не менее значительна.

Эти примеры точной, мудрой, центристской оценки многих явлений общественной жизни побуждают нас узнать то, что для нас важнее всего: каково же было отношение поэта к религии вообще и к православию в частности. Отношение Пушкина к религии и православию непрерывно углублялось. Все помнят легкомысленные стихи его лицейской юности. Поэтому, ссылаясь на эти богохульные стихи, спрашивают: о какой же религиозности здесь можно заводить речь, можно ли серьезно говорить о

православии Пушкина? Это, конечно, аргумент очень слабый. В среде молодежи того времени, воспитанной на вольтерьянстве, свободное отношение к религиозным темам и символам было широко распространено. Как человек впечатлительный, Пушкин не мог не отреагировать на эту моду. Но надо отметить, что его стихи этого рода были скорее легкомысленными и шутливыми. Сравнивая их с аналогичными стихами Лермонтова, поражаешься пушкинской легкости и ненапористости. У Лермонтова поражает тяжелый цинизм там, где у Пушкина всего лишь шутка.

Обращают на себя внимание строчки письма из Одессы к другу, где Пушкин говорил, что берет уроки атеизма у некоего англичанина-философа и что этот атеизм он признает наиболее правдоподобной философией. Но сам-то поэт позже отзывался об этом своем письме так: «Можно ли школьническую шутку взвешивать как преступление, а две пустые фразы судить как всенародную проповедь?». Шутка, мальчишество...

В воспоминаниях А. О. Смирновой, опубликованных в 70-х годах в «Русской старине», можно встретить прямые отзывы Пушкина о религии и атеизме: «Я часто задаюсь вопросом: чего они (атеисты) кипятятся, говоря о Боге. Они яростно воюют против Него и в то же время не верят в Него. Мне кажется, что они теряют даром силы, направляя свои удары против того, что, по их же мнению, не существует!». Аргумент, конечно, убийственный — по отношению к атеизму. О происхождении религии, о ее роли, по свидетельству той же Смирновой-Россет, у Пушкина была стройная и глубокомысленная теория: «И я в конце концов пришел к тому убеждению, что человек нашел Бога именно потому, что он, Бог, существует. Нельзя найти то, чего нет, даже в пластическом искусстве. Идея Божества прирождена нам. Особым таинственным внутренним инстинктом мы познаем иную потустороннюю действительность, которая столь же реальна, как и все, что можем трогать, видеть, испытывать. В народе есть врожденный инстинкт этой действительности, т. е. религиозное чувство, которое он даже и не анализирует; он предпочитает религиозные книги, не рассуждая об их нравственном значении. Когда начинаешь читать Писание, его вкусы становятся понятны, потому что в нем находишь всю жизнь. Религия создала искусство и литературу. С самой глубокой древности, все, что было великого, все находится в зависимости от этого религиозного чувства, так же как идея красоты вместе с идеей добра, какую мы находим в народных сказках, где злодей всегда отвратителен». Красноречивое свидетельство отношения поэта к религии!

Что касается Библии, то этот вопрос в 20—30-е годы стоял остро: читать Библию, или не читать? Проблема не простая. Например, все мистики, антиправославные деятели, говорят: давайте переводить Библию на все языки, печатать и раздавать, и люди будут ее читать и, сами ее комментируя, будут извлекать необходимые им истины. Идея спорная по той причине, что Библию читать-то может каждый разумный человек, она для каждого написана, но ведь она не проста для толкования. В этом споре Пушкин занял самостоятельную позицию, свидетельствующую, во всяком случае, о том, что он к Библии не относился равнодушно. Давать ли детям читать Библию, или Священную Историю, т. е. выборки сюжетов, наиболее назидательных? За последнее стоял А. С. Хомяков. Пушкин же решительно предпочел Библию: «Англичане правы, что дают Библию детям. Для чистых все чисто, невинное воображение ребенка никогда на загрязняется, потому что оно чисто». Точка зрения спорная, но тем не менее четкая. Пушкин всегда, когда дело касалось более или менее серьезных предметов, серьезных тем, говорил без всякой двусмысленности.

В зрелый период своего творчества Пушкин все больше и больше проникался глубокой симпатией к культуре и жизни народа, что для дворянина было не так уж привычно. В конце жизни он занялся «Историей Пугачева», ездил в экспедицию в Поволжье и на Урал. Его друг, доктор Даль, сам знаток русского быта и языка, свидетельствует о том, что Пушкин изучал народный язык, записывал для себя и восхищался всеми русскими поговорками, пословицами, областными речениями. Именно в это время у Пушкина сложилось мнение о сущности нации, сущности народности: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу». Русский народ отличается от других благодаря особенностям своей религии, т. е. благодаря православию. «Греческое исповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер».

Православие Пушкин ценил очень высоко: он считал, что благодаря православию мы имеем и просвещение. «Мы обязаны монахам нашей истории, следственно и просвещением». Поэтому Пушкин порицал Екатерину (причем во всех других случаях он ее высоко ставил) за то, что она «явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени. Но, лишив его независимого состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла сильный удар просвещению народному. Семинарии пришли в упадок. Многие деревни нуждались в священниках. Бедность и невежество этих людей, необходимых в государстве, их унижает и отнимает у них самую возможность заниматься важною сей должностью».

В заключение следует напомнить о том, что у Пушкина есть стихотворное переложение молитвы Ефрема Сирина, стихотворение «Пророк», менее известное переложение «Отче наш». Хотя сегодня оно и не входит в собрание его сочинений, в конце XIX в. его принимали как бесспорно пушкинское. Но самым главным свидетельством в пользу верного и уважительного отношения поэта к православию является его интерес к народной жизни, к истории. Прав был Гоголь, который говорил, что с Пушкиным Россия потеряла очень много. Не надо забывать, что он погиб совсем молодым: 37 лет — возраст для человека философского плана небольшой.

Перед смертью, по словам священника, исповедавшего его, Пушкин проявил себя истинным христианином. Свидетельства друзей о последних годах и днях его жизни говорят о том, что Пушкин, конечно, был уже бесспорно православным человеком и находился на пути исчерпывающего освоения православия.

В. С. Непомнящий

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРИ ОТКРЫТИИ ХРИСТИАНСКИХ ПУШКИНСКИХ ЧТЕНИЙ (Москва, 17 февраля 1992 г.)

Двухсотлетие А. С. Пушкина ставит наше национальное достоинство перед серьезным испытанием. При всех потерях, понесенных в результате пережитой в XX в. исторической трагедии, Россия сохраняет репутацию страны высокой духовности. То, как и чем она встретит двухвековую

годовщину величайшего национального гения, во многом символизирующего неповторимый характер этой духовности, докажет и всему миру, и нам самим, насколько справедлива такая репутация сегодня. Было бы ошибкой как в культурном, так и в политическом смысле позволить себе смотреть на подготовку к этой годовщине как на дело чисто домашнее или только внутрикультурное; дело это поистине общенародное, государственное по значению, дело не только национальной чести, но и национального выживания — культурного, духовного, а стало быть, и физического: не стоит забывать, к примеру, что исполнение в голодном и промерзшем блокадном Ленинграде Седьмой симфонии Шостаковича было несомненным вкладом в спасение Отечества.

Речь идет не о внешней пышности юбилейных торжеств.

Известные слова Гоголя о том, что Пушкин есть «русский человек в его развитии, в каком он явится, быть может, чрез двести лет», мы, современники пушкинского двухсотлетия, должны понять не как некое прорицание, а как обращенное к нам требование приблизиться к более верному, более близкому к истине пониманию пушкинского наследия и его места в нашей истории и жизни. Чтобы празднование имело неложный смысл и реальное культурное значение, подготовка к нему и должна включать в себя начало целенаправленного процесса приближения к Пушкину, а во многом — и пересмотр ставших привычными представлений о нем.

Впервые в нашей истории проводится конференция на тему «Пушкин и христианская культура». Событие это тем более важно, что речь идет не просто об одной из тем пушкиноведения, но о теме, ключевой для правильного понимания Пушкина, освобожденного от фальсификации.

Всякая большая фальсификация нуждается в методологическом фундаменте с подменой понятий, истин и ценностей. И если говорить о фальсификации истории русской культуры, то здесь фундаментом было игнорирование, или искажение, или поругание духовных основ этой культуры. И прежде всего, того бесспорного исторического факта, что русская культура — так, как она складывалась на протяжении веков, — есть культура христианская, выросшая — при всех сложностях пути, отклонениях и «ересях» — на почве православия, православных представлений и ценностей. Отрицать это — все равно что отрицать тот факт, что материалом этой культуры был русский язык.

Особенно болезненно фальсификация сказывалась на понимании творчества Пушкина, ибо, в силу сложности пушкинского духовного пути и пушкинской многозначности и многосторонности, смещения и искажения нередко проделывались здесь сравнительно успешно.

Неверно было бы преуменьшать достижения нашего пушкиноведения. Но духа пушкинского творчества они коснулись менее всего; наоборот, они использовались зачастую так, чтобы изгнать самые помышления об этом духе, перевести все в плоскость тотального эмпиризма. Гордясь своею «строгостью», «точностью», «опорой на факты», наконец «историзмом», наука упорно не замечала или искажала тот факт, что Пушкин — при всех сложностях его пути, при всей многообъемности творческого метода — есть человек и деятель русской христианской культуры, культуры православного народа. Между тем это — несомненный исторический факт, не менее достоверный, чем научно установленная дата, атрибуция или прочтение неразборчивого автографа. Этого основного факта не могут поколебать никакие частные отклонения, действительные или кажущиеся, так как все они располагаются вокруг этой христианской оси и совершаются относительно нее. Более того, именно при посредстве Пушкина русская

светская культура окончательно определилась методологически и ценностно как культура, говорящая на языке новозаветных идеалов, или, проще сказать, Христовых заповедей; и все отклонения тоже располагаются около этой оси. Такое утверждение, возможно, вызовет у многих несогласие или недоумение, это и будет лишним свидетельством того, как искажены наши представления.

Теперь нам предстоит заново обрести более верные, как я убежден, представления о Пушкине, осознать их и включить в научный оборот. Мы, присутствующие, не являемся тут первооткрывателями: процесс этот шел потихоньку на протяжении уже примерно четверти века, шел затрудненно и сложно (как по внешним идеологическим и цензурным, так и по внутренним причинам нашей собственной косности и малообразованности). Нынешняя конференция должна, помимо прочего, открыто манифестировать этот процесс, его суть и цели.

Тут необходимо одно замечание. Сбитость идейных и духовных ориентиров дает о себе знать еще и в том, что вопрос о Пушкине как представителе, творце и деятеле русской христианской культуры сплошь и рядом подменяется вопросом об исповедании Пушкина: верил ли он в Бога, в Христа, и как верил, или не верил вовсе (вопрос, включающий порой такие тонкости, в которых не всякий человек и не всегда себе-то может дать отчет), каковы были его отношения с Церковью, с религиозными догматами. Притом сплошь и рядом на такие вопросы пытаются ответить, привлекая цитаты, отдельные высказывания, художественные и иные, взятые вне большого контекста пушкинского духовного пути, — метод бесперспективный вообще, а особенно в изучении Пушкина. Хочется, во-первых, напомнить слова из одного письма Гоголя — о том, что приписывать кому бы то ни было неверие есть дело греховное и страшное. Во-вторых, христианство — религия персоналистическая. Бог создал каждого человека как уникальную индивидуальность, и даже самый ортодоксальный христианин верует неповторимо, личная вера всегда тайна, и тайна сия велика есть. Наконец, в-третьих, от проблемы личной веры Пушкина уйти невозможно, и в пределах нашей темы мы постоянно будем с нею сталкиваться, и каждый будет ее для себя как-то решать, впадая порой в крайности, в искушение представить поэта то пленником скептицизма, то апостолом духовного «плюрализма», то, наоборот, чуть ли не образцом православного благочестия, — несмотря на все это, надо все же отделять эту проблему, как находящуюся вне компетенции науки, от проблемы объективного религиозного смысла пушкинского творчества и духовного пути.

Именно эта проблема, в отличие от названной выше, является полноценным предметом научного изучения, способного дать более или менее объективные результаты. Именно тут в нашем распоряжении есть достаточно твердые факты: тексты Пушкина — феномены его творческого мышления, деятельности его духа — и, главное, его аксиология, его система ценностей, воплощенная не столько вербально, сколько художественно, не в декларациях, а в поэтике, в методах и приемах его художественного строительства. Осмелюсь утверждать, что в области ценностей мы — при внимательном и добросовестном изучении — никакого релятивизма и «плюрализма» не найдем, тут все удивительно твердо и ясно, и все стоит на тех же местах, что и в христианской, православной системе ценностей, в вере русского народа.

Конечно, и здесь многое зависит от исследователя, от его собственных убеждений и исповедания; и здесь верно утверждение, что каждый, пишущий о Пушкине, пишет автопортрет; и здесь, в науке, есть области, где вера руководит знанием. И все же кое-что объективное относительно

художества Пушкина как художества христианского мы из анализа явлений пушкинского художественного мира можем почерпнуть.

Наконец, последнее. Та манифестация, какую мне хотелось бы видеть в нашей конференции, важна не только в «цеховом», но и в широком смысле. В нынешнее время происходит немало печального, возмутительного и зловещего в нашей культуре и вокруг нее, и многое здесь связано с тем фактом, что культура выброшена на рыночную панель. Я имею в виду и эскалацию аморализма в литературе, журналистике, книгоиздательском деле, и моду на «разоблачение» и «свержение» русской классики, и вообще засилье некомпетентности и бескультурия в делах культуры — одним словом, результаты безграмотного понимания свободы слова как неестественности никакими нравственными запретами, как свободы одичания. Я имею в виду также открытое наступление на православие уже не с коммунистических, а с либеральных позиций: от стремления превратить нашу религию в «шоу» и «историко-географическую достопримечательность» (как выразился Святейший Патриарх в письме к вице-мэру Москвы) до чуть ли не прямых призывов пресечь деятельность Православной Церкви, чтобы не путалась под ногами прогресса. Все это вместе с поощряемым властями и средствами массовой информации нашествием чуждых культов, магии и рядящегося в «национальные» одежды язычества наводит на мысль, что мы имеем дело со стихийно нарастающей массивированной атакой на наш менталитет, на национальные духовные основы, неразрывно, тысячелетне связанные с православным христианством, которое не случайно, но именно в полном соответствии с нашим духовным строем было когда-то избрано в качестве наиболее истинного исповедания. Эта опасность не менее серьезна, чем экономические и политические сложности нашего времени.

В подобных сложных и драматических обстоятельствах, как и всегда в истории, наилучший выход для каждого — честно делать свое дело. Наша конференция — попытка следовать этому хорошему правилу. Всех нас соединила сегодня прикосновенность к теме «Пушкин и христианская культура». Само небезразличие к ней осознанно или неосознанно свидетельствует, поверх профессиональных интересов, что не все в нас потеряно и вытоптано, что духовные основы наши живы и что русская культура готова постоять за себя.

Послесловие

Мир Пушкина в последние годы, можно сказать, преобразился. Открылся целый культурный пласт, в котором изобилие фактов и сведений, частью неизвестных, частью забытых, обусловлено «новой» точкой зрения, и у многочисленных почитателей поэта привычная иллюзия полноты их знаний о нем исчезает. Начался пересмотр атеистических пушкиноведческих навыков, распространившихся от академического до школьного уровня. Появилась потребность восстановить православные основы пушкинской России и возможность серьезно оценить духовный путь поэта — не преувеличивая, не превознося его вольнодумства и не впадая в кумиротворение.

По понятным причинам сама духовная сущность русской жизни, современной Пушкину, была искажена, и определенные явления, события, исторические лица из контекста эпохи попросту удалены.

Сегодняшние читатели Пушкина, воспитанные в советской школе, не без удивления узнают, что его предки строили и освящали храмы, делали вклады в монастыри, некоторые из них перед смертью принимали постриг, подобно почитаемому ими Святому благоверному князю Александру Невскому. Сам поэт участвовал в жизни Православной Церкви, был крещен, венчан, крестил своих детей и не раз бывал восприемником от купели; грешил, но и каялся, сподобился христианской кончины.

Процесс переосмысления эпохи и личной биографии А. С. Пушкина — несомненное следствие христианского возрождения России, и в частности открытия многих церквей, исторически связанных с великим поэтом, с его древним родом.

По рождению и воспитанию Пушкин принадлежал православному миру. Сознание его, как у всякого русского человека, было пронизано христианскими символами и образами. Даты церковного календаря хранились в его великолепной памяти, и черновики поэта свидетельствуют о том, что он прекрасно помнил именины своих родных, многочисленных друзей и знакомых и имел обыкновение рисовать их в эти дни на полях черновиков (открытие саратовской исследовательницы Л. А. Краваль). Самые же парадные свои, «именинные», автопортреты Александр Сергеевич приурочивал к дням прославления Святого благоверного князя Александра Невского. Сейчас установлено (А. А. Черкашиным), что среди предков поэта было несколько русских Святых, в том числе и благоверный князь.

Словно заново мы узнаем, что Пушкин придавал особое значение тому, что родился в праздник Вознесения Господня, замечал связь некоторых важных событий его жизни с этим великим торжеством, мечтал построить в селе Михайловском церковь и посвятить ее Вознесению. Случилось так, что он и венчался в Вознесенской церкви у Никитских ворот в Москве...

Многого не вмещало сознание тех, кто изучал Пушкина в стране государственного атеизма. «Время в моем романе расчислено по календарю»:

на расшифровку этого пушкинского заявления, очень важного для понимания центрального произведения поэта, филологи потратили большие усилия, и только недавно профессор В. А. Кошелев в статье о евангельском календаре «Евгения Онегина» показал, что именно с этим календарем соотнесены главные события в жизни пушкинских героев. Это одно из многих открытий последнего времени.

Однако переосмысление захватанной атеистами темы «Пушкин» начинается не просто, иногда даже, можно сказать, идет болезненно. Возвращение творчества поэта в контекст христианской культуры происходит в современной реальности. Для многих людей, обученных в советской школе, несоединимы понятия «Пушкин» и «православие». Возражают не только те, кто активно не приемлет христианства и не хочет расставаться со «своим» Пушкиным, но и те, кто себя (чаще всего недавно) причислив к православию, смотрят свысока на поэта и не признают в нем православного христианина; имея уши, не слышат того, что великий русский поэт творил на языке православной культуры и всецело ей принадлежал.

Прошли те двести лет, которые имел в виду Гоголь, представляя себе Пушкина как русского человека в его полном развитии. И время показало, что не только творчество поэта являет для нас, его «поздних потомков», прообразовательный смысл, но и события его жизни и даже подробности его кончины. Тема гибели Пушкина до сих пор еще не получила окончательного решения, и вряд ли это произойдет вскоре: однако уже сегодня новые материалы и изыскания создают такой контекст произошедшей катастрофы, который соответствует новому, углубившемуся взгляду на смысл исторического дела Пушкина, на пройденный им духовный путь.

Многолетняя пропаганда, превознося вольнодумство и юношеские дерзости Пушкина, упорно и последовательно внушала мысль о том, что христианская кончина его — плод фантазии описавшего ее «придворного поэта» В. А. Жуковского, а также результат «клерикальной фальсификации». Так как отечественное пушкиноведение представляло собой важную отрасль марксистско-ленинской идеологии, то этой неправде могла противостоять только не доступная советскому читателю зарубежная пушкиниана. Она-то и удерживала на высоте тему духовного пути великого русского поэта и его кончины как перехода в инобытие. Сегодня по милости Божией и у нас есть возможность не только думать, но и говорить об этом серьезно и откровенно.

Э. С. Лебедева

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аббас I, шах персидский 24, 28—31, 38
 Аббас-Мирза 441
 Абрам Терц *см.* Синявский А. Д.
 Авгарь, царь 79
 Август Гай Октавий 263, 265
 Аверинцев Сергей Сергеевич 258, 260
 Авраамов Павел, управляющий у Осипа
 Абрамовича Ганнибала 202
 Аграфена *см.* Закревская А. Ф.
 Адамович Георгий Викторович 289, 351
 Азеф Евно Фишелевич 352
 Айхенвальд Юлий Исаевич 351
 Акимова Татьяна Михайловна, фольклорист 486, 487
 Аксаков Константин Сергеевич 62
 Аксаков Сергей Тимофеевич 174
 Алекса, потомок Радши 8
 Александр, архиепископ Константиноградский (Константинопольский) 12, 13, 340, 341
 Александр I (Благословенный) 10, 38, 58, 59, 77, 89, 98, 100—108, 117—119, 121, 125, 126, 129, 131, 142, 160, 162, 177, 179, 266, 267, 282, 329, 330, 332, 389, 391, 395, 403, 430, 431, 434, 436—440, 442—444, 451—453, 468, 473, 478—480, 502, 522
 Александр II 28, 37, 42, 160, 399, 422, 424, 445, 480, 522
 Александр III 42, 522
 Александр Куштский 11
 Александр Невский 7—13, 15, 19, 20—23, 41, 54, 89, 93, 340, 341, 403, 404, 531
 Александр Ярославич *см.* Александр Невский
 Александра (Алина), падчерица П. А. Осиповой (Вульф) 54, 55
 Александра Федоровна, императрица, супруга Николая I 160, 365, 479
 Алексей, Божий человек 218
 Алексей Михайлович, царь 26, 33, 157, 159, 517, 519
 Алексий I, Патриарх Московский и всея Руси 44, 216
 Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси 19, 23, 530
 Алексий, митрополит Московский и всея России, чудотворец 235
 Алексий, юродивый 157
 Алина *см.* Александра, падчерица П. А. Осиповой (Вульф)
 Аллах 152, 314
 Альфиери (Альфьери) Витторио 44—46, 263, 293
 Амвросий (А. М. Гренков), оптинский старец 322
 Аммосов А. 369
 Анастасий (Грибановский), митрополит 150
 Андреевский Ефим Иванович 361
 Андрей Боголюбский 250
 Андрей Владимирович, патриарший стольник 26
 Андроников Иракий Луарсабович 299
 Анна, татарка, крестница генерала Н. Н. Раевского *см.* Гирей Анна
 Анна Ивановна, компаньонка Раевских *см.* Гирей Анна
 Анна Иоанновна, императрица 38, 208, 520, 522
 Анна Кашинская 58, 480
 Анна Леопольдовна 157
 Анненков Павел Васильевич 16, 75, 446, 469, 486, 487
 Антоний (Вадовский), митрополит Санкт-Петербургский 357
 Антоний (Алексей Павлович Храповицкий), митрополит Киевский и Галицкий 140, 304
 Аракчеев Алексей Андреевич 163, 266, 439, 525
 Арапова Александра Петровна 24, 480
 Арндт (Арт) Николай Федорович 360, 361, 379, 380, 388, 391, 405, 454, 455, 465
 Арий, ересиарх 69
 Арина (Ирина) Родионовна (Родионова), няня А. С. Пушкина 204, 205, 291, 336, 396, 487
 Аринштейн Леонид Матвеевич 473
 Аристогитон 270
 Аристотель 258, 260, 315
 Армалинский М. 355
 Армфельт (Армфельдт) Александр Густавович 441
 Арндт, мистик 146
 Арно Антуан, драматург 476
 Арсений, тригорский повар 59

- Архангельский Александр Николаевич 324
- Архип Кирилов, дворовый человек 205
- Арчил Вахтангевич, грузинский царь 32
- д'Аршиак (Огюст?) 386, 405, 419
- Афанасий III Пателарий, Патриарх Константинопольский, Святой 157, 159
- Афинагор 295
- Ахматова Анна Андреевна 107, 153, 309, 413, 415
- Баевский В. С. 59
- Байрон Джордж Гордон Ноэль 46, 53, 261, 262, 270, 296, 313, 384, 400, 408, 409, 414
- Бакунина Татьяна Алексеевна 450, 453, 457
- Балахонский Николай Андреевич 173
- Балашов 441
- Балин, формовщик 498
- Баратынский Евгений Абрамович 54, 383, 413, 524
- Барклай-де-Толли Михаил Богданович 442
- Барсов А. 198
- Барсуков Николай Платонович, историк, археолог 131
- Бартнев Петр Иванович 12, 13, 132, 364, 369, 407, 436
- Бартнев Ю. Н., сотрудник князя А. Н. Голицына 394
- Бассано (Маре), герцог 442
- Батюшков Константин Николаевич 296, 297, 493
- Бахметев Алексей Николаевич 394
- Бахтин Михаил Михайлович 305
- Башуцкий Александр Павлович 39
- Бегичев Степан Никитич 411, 441
- Безобразов Михаил Александрович 489
- Безыменский Александр Ильич 213
- Бек, подчиненный К. В. Нессельроде 437
- Бекк 97
- Белинский Виссарион Григорьевич 142, 151
- Беллавин Т. Т., священник 203
- Белосельская-Белозерская А. Г. 428
- Беляев М. 479
- Бем А. Л. 351
- Бенкендорф Александр Христофорович 52, 91, 366, 367, 369, 379, 394, 395, 399, 405, 423, 433, 454, 461—463, 469—471, 481, 520
- Беньян Джон 52, 321
- Берберова Нина Николаевна 451, 454, 456
- Берхгольц Фридрих Вильгельм 21, 22
- Бессонов Д., актер 429
- Бессонов Петр Алексеевич, фольклорист 218
- Бестужев-Марлинский Александр Александрович 413, 416
- Бестужев-Рюмин Михаил Павлович 57, 493
- Бетховен Людвиг ван 110, 261
- Бёме Якоб 146
- Бибиков И. П., жандармский полковник 394
- Биргер, воевода 19
- Бирон Эрнст Иоганн 520
- Биск Александр 353
- Бисмарк Отто Эдуард 468
- Благодй Дмитрий Дмитриевич 299, 420, 423
- Блаженный Августин 97
- Блаженный Диадокх 327
- Блок Александр Александрович 193, 258, 259
- Блудов Дмитрий Николаевич 470
- Боборыкин Петр Дмитриевич, писатель 116
- Бобринская Анна Владимировна 111
- Бобринская Софья Александровна 365, 367, 485
- Бобринский Алексей Алексеевич 111
- Бобринский Павел Алексеевич 367
- Богданов А. С., сосед А. П. Пушкина 506, 510
- Бозырев Владимир Семенович 215
- Боккаччо Джованни 460, 462
- Большакова О. Г., карельская собирательница 218
- Бомонт Френсис 463
- Бонди Сергей Михайлович 59, 103, 105
- Бортнянский Дмитрий Степанович 135
- Борх Александр Карлович, дипломат 431
- Борх Иосиф Михайлович 401, 405, 431
- Bossuel 97
- Бочаров С. Г. 59, 303
- Бошняк А. К., секретный агент 206, 207
- Бразоль Б. Л. 354
- Бреверн Алексей Иванович, полковник 365, 437
- Брежинский А. П. 325
- Брейгель Питер 300
- Бринкен Р. Е. фон де 275
- Бродский Иосиф Александрович 288
- Бродский Николай Леонтьевич 59
- Бруннов (Брунов) Филипп Иванович 399, 422
- Брут Марк Юлий 103, 263, 268, 273, 274
- Брюллов Александр Павлович 54
- Брюсов Валерий Яковлевич 394
- Буало Никола 267
- Буженинова, калмычка, шутиха кн. Голицына 520
- Булгаков Александр Яковлевич, московский почт-директор 361, 372, 380, 400

- Булгаков Михаил Афанасьевич 445 — 450
 Булгаков С. В. 35
 Булгарин Фаддей Венедиктович 56, 293, 469, 503
 Бунин Иван Алексеевич 25, 289
 Бурачок С. А. 138
 Бурнашев Владимир Петрович 363
 Бурцев Владимир Львович 352
 Бурцов (Бурцев) Иван Григорьевич 408
 Бурьенн Луи Антуан Фовеле де 90
 Бутурлин Дмитрий Петрович 17
 Бутурлина Анна Артемьевна 18
 Бутурлина Анна Петровна 116
 Бухарин Николай Иванович 289
 Быковская Л. А., карельская собирательница 218
 Бэкон Роджер 257
 Бэкон Френсис 281
 Бюлер Федор Андреевич 363, 455
- Вавилов Николай Иванович 47**
 Валтасар, царь, библ. 59
 Ван Эйк 300
 Варенцов В., фольклорист 217, 218
 Варсонофий, оптинский старец 401
 Василий Блаженный, московский юридивый 195, 235
 Василий Великий, Святой, архиепископ Кесарийский 310, 325, 522
 Василий Михайлов, дворовый человек 205
 Васильев Борис Александрович, священник 150
 Вацуро Вадим Эразмович 120
 Вегнер М. О. 500, 504, 505, 511
 Вейсгаупт Адам 384
 Вельтман Александр Фомич 414
 Вельяминов П. Я. 18
 Венгеров Семен Афанасьевич 77, 199
 Веневитинов Алексей Владимирович 110
 Веневитинова Анна Николаевна 386
 Веревкин, оставной офицер путей сообщения 367
 Вересаев Викентий Викентьевич 445 — 450
 Верлен Поль 358
 Верстолк Сулен Ж. Ж. ван 366
 Веселовский Степан Борисович 8, 500
 Ветулий 263, 266
 Виельгорский (Вельегорский) Михаил Юрьевич 367
 Вильгельм, австрийский эрцгерцог 445
 Вильгельм-Фридрих 111
 Вильмарк М. де 90
 Вильмен Анри 476
 Виноградов Виктор Владимирович 198
 Виноградов Л. А. 16
 Винокур Григорий Осипович 194
 Вирсавия, библ. 326
 Витсен Николаас, голландский посол 33
- Владимир, митрополит Псковский и Великолукский 215
 Владимир Мономах, князь Киевский 8
 Владимир Святой, князь Киевский 8, 78, 250
 Владимиреску Тодор 54
 Воейков Александр Матвеевич, шурин Л. А. Пушкина 512, 513
 Воейков Александр Федорович 298
 Воейков В. Н., ктитор церкви Святых и праведных Захарии и Елисаветы 42
 Войныч см. Нашокин П. В.
 Волконская Зинаида Александровна 470, 488, 492, 494
 Волконский Петр Михайлович 115
 Волконский Сергей Михайлович 289
 Вольтер 76, 101, 150, 257, 262, 263, 273, 417, 418, 426, 455, 476
 Волынский Артемий Петрович 18, 520
 Воронецкий Корнилий Иванов, священник 206
 Воронцов Артемий Иванович 10, 14, 17 — 19, 55
 Воронцов Иван Илларионович 18
 Воронцов Михаил Семенович 56, 422, 432
 Воронцов-Вельяминов Георгий Михайлович, праправнук А. С. Пушкина 481
 Воронцов-Дашков Александр Романович 18, 19
 Воронцова Елизавета Ксаверьевна 56
 Воронцова Прасковья Федоровна 18
 Воронцова-Дашкова Екатерина Романовна 18
 Востоков Александр Христофорович 440
 Врангель Петр Николаевич 346
 Вревская Евпраксия Николаевна 384, 418, 423
 Вревский Борис Александрович 371
 Всеволод II Ольгович (Олегович), князь Киевский 8
 Всеволожский Никита Всеволодович 55, 408
 Вульф Алексей Николаевич 371, 413
 Вульф Анна Николаевна 54, 203
 Вындомская Елизавета Александровна 203
 Вындомская Параскева Александровна см. Осипова (Вульф) П. А.
 Вындомский Александр Максимович 198, 203
 Вындомский Григорий Александрович 203
 Вындомский Максим Дмитриевич 203
 Вяземская Вера Федоровна 366, 386
 Вяземский Петр Андреевич 78, 87, 90, 92, 93, 98, 100, 106, 116, 169, 194 — 196, 213, 304, 321, 325, 332, 336, 342, 361, 369, 370, 372, 377, 378, 380, 383, 386, 387, 390, 391, 393, 395, 397, 399,

- 399, 400, 406, 407, 417, 419, 420, 447, 450, 454, 456, 457, 470, 472, 482, 493, 525
- Вяземский Павел Петрович 367
- Гавриил, архимандрит 500
- Гаврила Алексич, потомок Радши 7, 8
- Гаврила Владимирович, патриарший стольник 26
- Гаврилов Егор, дьячок 205
- Гаврилов М. Г. 135
- Гагарин 443
- Гагарин Иван Сергеевич 399, 421
- Гад, пророк, библ. 113
- Гадамер Ганс Георг 257
- Галль Франц Йозеф 479
- Гальберг Самуил Иванович 498, 499
- Гамалея Семен Иванович 523
- Гамсун Кнут 38
- Ганнибал Абрам (Ибрагим) Петрович 17, 25, 202, 208, 209, 212, 511
- Ганнибал Александр (первый), сын Исаака Абрамовича Ганнибала 203
- Ганнибал Александр (второй), сын Исаака Абрамовича Ганнибала 203
- Ганнибал Анна, дочь Абрама Петровича Ганнибала 209
- Ганнибал Анна, дочь Исаака Абрамовича Ганнибала 203
- Ганнибал Анна Андреевна, жена Исаака Абрамовича Ганнибала 203
- Ганнибал Екатерина, дочь Исаака Абрамовича Ганнибала 203
- Ганнибал Евдокия, дочь Абрама Петровича Ганнибала 209
- Ганнибал Елизавета, дочь Абрама Петровича Ганнибала 209
- Ганнибал Димитрий, сын Исаака Абрамовича Ганнибала 203
- Ганнибал Иван, сын Абрама Петровича Ганнибала 17, 209
- Ганнибал Ианнуарий (Януарий, Иосиф, Осип), сын Абрама Петровича Ганнибала, дед А. С. Пушкина 209, 212
- Ганнибал Исаак, сын Абрама Петровича Ганнибала 203, 209
- Ганнибал Любовь, дочь Исаака Абрамовича Ганнибала 203
- Ганнибал Мария Алексеевна, родная бабушка А. С. Пушкина 8, 18, 212, 512
- Ганнибал Надежда Осиповна *см.* Пушкина Н. О.
- Ганнибал (Ганибал) Осип Абрамович (Иосиф Абрамов) 202, 212
- Ганнибал Павел, сын Исаака Абрамовича Ганнибала 406
- Ганнибал (Ганибал) Петр Абрамович (Аврамович) 202, 203, 209
- Ганнибал Петр, сын Исаака Абрамовича Ганнибала 203
- Ганнибал (Ганибал) Прасковья Сергеева, жена Павла Абрамовича Ганнибала 202
- Ганнибал Семен, сын Исаака Абрамовича Ганнибала 203
- Гаспар Савицкий, иезуит 199
- Гаусс Карл Фридрих, математик 69, 71
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих 259, 524
- Гейне Генрих 58
- Гейченко Семен Степанович 208, 210, 502
- Геккерн (Геккерен) Луи Борхард де Беве-ваард ван, барон, нидерландский посланник 361, 363, 366, 399, 405, 418, 420—424, 433, 436, 437, 445—449, 464
- Геннадий, архимандрит, настоятель Свято-Успенской обители 216, 371
- Генрих VIII Английский 516
- Георгиев Э. (Е.) 49
- Георгий Кониский (Конисский), архиепископ Белорусский 133, 293
- Георгий Флоровский, протоиерей 453
- Герасим *см.* Пушкин Гаврила Григорьевич
- Герберштейн Зигмунд, немецкий дипломат и путешественник 47
- Гермоген (Ермоген), Патриарх, священномученик 223
- Геродот 277
- Герцен Александр Иванович 114, 115, 288, 355, 427, 493, 522, 524
- Гельдерлин Фридрих 427
- Гёте Иоганн Вольфганг фон 100, 257, 258, 279, 296, 400, 514
- Гизо (Гизот) Франсуа 4
- Гирей Анна, княжна 56, 58, 480
- Гликман И. Д. 134
- Глинка Михаил Иванович 222, 405
- Глинка Федор Николаевич (Фита) 55, 122, 274, 298, 306, 325
- Гнедич Николай Иванович 301
- Гоголь Николай Васильевич 3, 111, 138, 160, 174, 190, 261, 286, 303, 305, 315, 350, 359, 376, 384, 492, 513, 516, 524, 527—529, 532
- Годунов Борис Федорович, русский царь 4, 27, 29, 82 198—200, 222—225, 228, 229, 254, 256, 330, 501
- Годунов Семен 200
- Голенищев-Кутузов Павел Иванович 475
- Голенищев-Кутузов (Смоленский) Михаил Илларионович, светлейший князь, фельдмаршал 119, 434, 474
- Голиков Иван Иванович 201
- Голицын Александр Николаевич, оберпрокурор Синода 102, 137, 146, 163, 164, 169, 179, 394, 525

- Голицын Андрей Михайлович (Андре-Мишель) 422, 424, 429
 Голицын Дмитрий Владимирович, московский генерал-губернатор 57, 90
 Голицына Е. М., мать Н. П. Румянцев-ва 438
 Голицына Наталья Степановна 54
 Головин Иван Алексеевич 504
 Головин Иван Михайлович 503, 504
 Головин Василий 509
 Головин Николай Федорович 504
 Головин Федор Алексеевич 504
 Головина Евдокия Ивановна, прабабка А. С. Пушкина 503, 504, 510, 512
 Головина Мария Богдановна, жена И. М. Головина 507
 Голубинский Федор Александрович, протоиерей 136
 Гомер 137, 257, 300, 301, 315
 Гонтар Луиза, мать К. В. Нессельроде 425, 427
 Гонтар Сюзетта, невестка Луизы Гонтар 427
 Гончарова Наталья Ивановна 15, 52, 147, 415
 Гончарова Н. Н. см. Пушкина Н. Н.
 Гончарова (Геккерн-Дантес) Екатерина Николаевна, сестра Н. Н. Пушкиной 389, 420, 462, 481
 Гораций Флакк 264, 265, 273, 472
 Гордин Аркадий Моисеевич 208
 Гордин Яков Аркадьевич 54
 Городецкий Борис Павлович 195
 Горчаков Александр Михайлович 357, 422
 Горчаков Владимир Петрович 408
 Горький Максим 289
 Госнер, пастор 163
 Гофман Модест Людвигович 345, 351, 354
 Грамматин Николай Федорович 48
 Грамотин Иван, думный дьяк 30
 Грановская Нина Ивановна 12, 53, 340
 Греч Николай Иванович 16, 379, 407, 458
 Грибоедов Александр Сергеевич 306, 315, 343, 384, 411, 412, 416, 432, 433, 440, 441, 480, 493, 498
 Григорий (Чуков), митрополит Ленинградский и Новгородский 158
 Григорий I, папа римский 19
 Григорий XIII, папа римский 69
 Григорий Александрович по прозвищу Пушка 7
 Григорий Богослов 324, 522
 Григорий Нисский 261
 Григорий Палама 327, 328
 Григорьев Аполлон Александрович 349
 Григорьев Иван, пономарь 208, 209
 Григорьев П. П. 116
 Григорьева А. Д. 299
 Гришка Отрепьев см. Лжедмитрий
 Гроссман Леонид Петрович 425, 446
 Грот Яков Карлович 341
 Гуковский Григорий Александрович 59
 Гуль Роман Борисович 345
 Гулянов Иван Александрович 321
 Гурьев Д. А. 427, 428, 431, 434
 Гурьев Н. Д. 429
 Гурьева Марина Дмитриевна 430
 Гюго Виктор 447
 Давид, царь, библ. 112—115, 121, 123, 135, 136, 306, 307, 319, 326
 Давыдов Василий Львович 269, 271, 316
 Давыдов Денис Васильевич 268, 377, 386, 391, 408, 454
 Даль Владимир Иванович 47, 60, 209, 304, 360, 361, 380, 388, 405, 407, 489, 497, 527
 Дальберг, герцог 443
 Даниил, пророк, библ. 100
 Данилевский Николай Яковлевич 280, 281, 288, 289
 Данзас Константин Карлович 361, 369, 379, 380, 386, 392, 401, 405, 419, 465
 Данте Алигьери 105, 257, 258
 Дантес Геккерен Жорж Карл 153, 156, 365, 366, 372, 379, 380, 391, 405, 417, 418, 420, 421, 423, 427, 433, 436, 445—447, 448—450, 454, 460—462, 464, 481, 491, 495—497, 514
 Дантон Жорж Жак 55, 444
 Дашков Дмитрий Васильевич 339
 Декарт Рене 259
 Дельвиг Антон Антонович 54, 55, 74, 76, 92, 93, 97, 100, 147, 267, 273, 274
 Демут Филипп Яков 492, 493
 Денисевич, майор 407
 Дерам Джон Георг, английский посол 368
 Державин Гавриил Романович 18, 118, 122, 133, 134, 142, 298, 391, 472, 521
 Державина Дарья Алексеевна 146
 Дибич Иван Иванович 114, 469
 Димитрий, Святой митрополит Ростовский 223, 518, 522
 Димитрий, царевич 82, 188, 199, 222—225, 228—247, 332
 Дионисий Ареопагит 259
 Дмитриев Иван Иванович 134, 470
 Дмитриев Игорь Борисович, актер 429
 Дмитрий Донской 17
 Дмитриченко В. Г., карельская собирательница 218
 Долгорукий Василий Васильевич 179
 Долгоруков Петр Владимирович 399, 421, 422, 427—431
 Долгоруков Яков Федорович 472
 Дорофеев Абрам 39

- Достоевский Федор Михайлович 6, 82, 108, 136, 141, 160, 186, 193, 257, 259, 261, 289, 304, 305, 315, 350, 355, 357, 376, 513, 516, 517, 524
 Дружников Юрий Илья 355
 Дубельт Леонтий Васильевич 367
 Дузи Хозрой (Конроэ), художник 493
 Дурова Надежда Андреевна 492
 Дьяконов И. М. 478
 Дюпре Сент-Мора де 493
 Евагриий Понтийский 327
 Евгений (Болховитинов), митрополит Киевский 196, 211
 Евгений (Казанцев), псковский архиеп-рей 196
 Евфимий, игумен Симонова монастыря 31
 Евфимий (Трунов), иеромонах 138
 Егор Харитонов, дворовый человек 205
 Екатерина, дочь П. Ф. Воронцовой 18
 Екатерина II Великая, императрица 46, 157, 160, 216, 286, 291, 391, 425, 426, 435, 438, 467, 474, 476, 521, 522, 527
 Екатерина Иоанновна, великая княжна, племянница Петра I 212
 Екатерина Медичи 516
 Елена, царица, Святая, мать Константи-на Великого 25, 35
 Елена Павловна, великая княгиня 364, 388
 Елизавета Алексеевна, императрица, жена Александра I 478
 Елизавета Петровна, императрица 18, 22, 38, 150, 157, 159, 208, 211, 212, 522
 Елиоз 28
 Епифаний Премудрый 143
 Еромолов Алексей Петрович 441
 Есенин Сергей Александрович 514
 Ефрем Сирин 80, 85, 100, 141, 143, 311, 321, 326—328, 337, 338, 401, 527
 Ефремов Иоанн, диакон 206
 Жаба Сергей Павлович 345
 Железный колпак *см.* Иоанн Блажен-ный
 Жерве Андрей Андреевич 437
 Жихарев М. И., прокурор 411, 470
 Жуковский Василий Андреевич 11, 13, 15, 78, 111, 142, 166, 171, 194, 195, 197, 298, 304, 329, 332, 361—364, 366—370, 374, 380, 385, 387—389, 395, 405, 417, 419, 440, 455, 456—458, 462, 463, 465, 466, 460, 471, 498, 499, 514, 525, 532
 Завадовский Александр Петрович 411
 Загоскин Михаил Николаевич 79, 135
 Загряжская Наталья Кирилловна 435
 Задлер Карл Карлович 405
 Закревская Аграфена Федоровна 104, 105
 Закревский Арсений Андреевич 90
 Занд Карл 54
 Захаров И. С. 325
 Зданевич Илья 344, 345
 Зеебах Л., саксонский посланник, зять К. В. Нессельроде 432
 Зеебах Мария Карловна, дочь К. В. Нес-сельроде 432
 Зелинский Фаддей Францевич 300
 Злоба Андрей Иванович (в иноках Алек-сандр) 501
 Злоба Иван Андреевич, сын или отец А. И. Злобы 501
 Злоба Пелагея (в инокинях Параскева), жена А. И. Злобы 501
 Зубов Александр Николаевич или Ки-рилл Николаевич 414, 415, 496
 Иаков (Иоанн) Низибийский 322
 Иваницкий Николай Иванович 364
 Иванов Алексей, пономарь 205
 Иванов Василий, дьячок 209
 Ива́нов Вячеслав Иванович 140
 Иванов Евфимий, поп 209
 Иванов Иосиф, пономарь 206
 Иванов Федор, священник 10
 Иванов-Разумник Р. В. 59, 354
 Иванова Анна, просфорня 206
 Игнатий Богоносец, епископ Сирийской Антиохии 96, 99
 Игнатий (Д. А. Брянчанинов), епископ Кавказский 138
 Игорь, князь Киевский 8
 Иеремия, пророк, библ. 100
 Измайлов М. М., московский главноко-ман্ডующий 467
 Израиль, библ. 112
 Иисус Христос, библ. 65, 70, 81, 100, 112
 Иларион, диакон 97
 Иларион, митрополит Киевский 280
 Иларионов Никифор, диакон 205
 Илличевский Алексей Дамианович, 317
 Ильин Иван Александрович 83, 133, 295, 303, 305, 306
 Ильинский Н. 196
 Илья, игумен Симонова монастыря 31
 Илья, пророк 62
 Инзов Иван Никитич 432
 Иннокентий, игумен 217
 Иннокентий (Смирнов), епископ Пен-зенский 144, 145, 163, 179
 Иннокентий (Борисов), архиепископ Хер-сонский 143
 Иоаким, игумен 501
 Иоаким, Патриарх Московский и Все-российский 32, 40, 58, 518

- Иоанн, Св. евангелист 314
 Иоанн, игумен, настоятель Святогорского монастыря 216
 Иоанн (Снычев), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский 11, 80
 Иоанн Блаженный по прозвищу Большой колпак, или Водоносец, московский юродивый 54, 195
 Иоанн Алексеевич, великий князь 37
 Иоанн Богослов 37, 96, 102—105, 110, 124
 Иоанн (Иван) IV Васильевич Грозный 7, 47, 82, 157, 195—197, 199, 229, 233, 330, 515, 516
 Иоанн Дамаскин 325
 Иоанн Златоуст, Св. Патриарх Константинопольский 307, 308, 310, 325, 454, 522
 Иоанн Кассиан Римлянин 327
 Иоанн Кронштадтский 80, 304
 Иоанн Маленкой, ключарь 36
 Иоанн Малинин, священник 79
 Иоанн Милославский 54
 Иоанна (Жанна) д'Арк 417
 Иоанникий (Ионикей), келарь Спасо-Нового монастыря 30
 Иоахим Флорский 123
 Иов, первый Патриарх Всероссийский 200
 Иона, игумен Святогорского монастыря 206, 207, 212, 214, 396
 Иона, Св. митрополит Московский 235
 Иона Ростовский, митрополит 200
 Ипполит Римский 296
 Ипсиланти Александр Константинович 54, 56, 57, 270
 Ипсиланти Георгий Константинович 57
 Исаак Сириин 51, 328
 Исаакий Далматский 389
 Исаия, пророк, библ. 104, 106, 126, 127, 311, 312, 325, 326
 Истомин Ф. М., фольклорист 218
 Истомина Авдотья (Евдокия) Ильинична 411
 Иуда-предатель, он же Иуда Искариот 65, 112
 Иустин Философ 97
 Ишимова Александра Осиповна 458, 459, 460, 463, 464
 Каверин Петр Павлович 407, 411
 Казначеев Александр Иванович 54
 Кайсаров Андрей Сергеевич 168
 Калерджи-Муханова Мария Федоровна 425
 Каллист 264
 Канкрин Егор Францевич 57, 421
 Каноба Антонио 499
 Кант Иммануил 260, 409
 Кантакузин Георгий Матвеевич 56, 57
 Кантемир Антиох 267, 521
 Капнист Василий Васильевич 18
 Каподистрия Иоанн (Иван) Антонович 54, 434, 440, 444
 Каразин В. Н. 492
 Карамзин Андрей Николаевич 362, 364, 365, 368, 371, 458
 Карамзин Николай Михайлович 8, 54, 134, 136, 142, 194—196, 201, 224, 249, 263, 268, 269, 277, 278, 297, 330—332, 386, 391, 399, 400, 447, 475, 492, 493, 525
 Карамзина Екатерина Андреевна 361—365, 380, 391, 405, 406, 458, 461, 465, 493
 Карамзина Софья Николаевна 362, 364, 368, 371
 Карл VI 427
 Карл Фридрих, герцог Голштинский 21
 Карнович Евгений Петрович 143
 Катилина 264
 Катков Михаил Никифорович 425, 436
 Катосов, хозяин гостиницы в Новоржеве 207
 Каховский Петр Григорьевич 58
 Кацика Михалаки 451
 Квасин, шут кн. Голицына 520
 Керенский Александр Федорович 346, 347
 Керн Анна Петровна 13, 58, 405, 460
 Керн Ермолай Федорович 57
 Керцелли Лариса 57
 Кесарь см. Цезарь Юлий
 Кипренский Орест Адамович 498
 Киприан, митрополит Крутицкий (Сарский и Подонский) 31, 32, 37
 Киреевский Иван Васильевич 134, 136
 Киреевский Петр Васильевич 53, 218, 486
 Килилл см. Константин Философ
 Кирилл, митрополит Киевский 11, 406
 Кирилл Белозерский 143
 Кирилл Вельский, блаженный 514, 515
 Кирхгоф Александра Филипповна 384
 Киселев Николай Дмитриевич 57
 Киселев Павел Дмитриевич 56
 Китаева Анна Кузминична 78
 Kliefoth 97
 Ключевский Василий Осипович 174
 Козлов Иван Иванович 134
 Козлов Никита Тимофеевич, дядька А. С. Пушкина 291
 Коленкур Луи Арман, французский посол 431, 437
 Колосовский Виктор 351, 352
 Кольцов Алексей Васильевич 405, 485, 490
 Комовский Сергей Дмитриевич 474
 Кондорсе Жан Антуан де 56
 Константин (К. И. Зайцев), архимандрит 141, 142, 192, 193, 401

- Константин, римский император 69
 Константин Павлович, великий князь 58, 94, 468, 479
 Константин Философ (в монашестве Кирилл), создатель славянской письменности 48—50
 Корб Иоганн Георг 34
 Корде Шарлотта 54
 Коркунов Михаил Андреевич 367
 Корнелий Бруин де 34—37
 Корнель Пьер 263, 265, 266
 Корнуолл Барри 459, 460, 462—464
 Корнуг Луций Анней 264
 Корныльев Василий, дячок 206
 Коробин Василий 30
 Корсунский И. 115
 Корф Модест Андреевич 407, 462, 469
 Костров Ермил Иванович 298
 Кочтов Иоаким Семенович, протоиерей 179
 Кочубей Василий Леонтьевич 474
 Кочубей Виктор Павлович 169, 394
 Кочубей Наташа *см.* Строганова Н. В.
 Кошелев Александр Иванович 134
 Кошелев Вячеслав Анатольевич 68, 268, 532
 К. П. П. 9
 Краваль Любовь Александровна 76, 294, 531
 Краснобаев Б. И. 452
 Крашенинников А. Ф. 488
 Криднер (Крюднер), барон 443
 Крузенштерн Иван Федорович 409
 Крылов Иван Андреевич 135, 291
 Крымов Александр Михайлович, генерал 456
 Ксения, инокия 328
 Кувшинников, купец 493, 494
 Кувишинов Остафий, дяк 30
 Кудрявцев-Платонов Виктор Дмитриевич 136
 Кунин Виктор Владимирович 421
 Куракин Александр Борисович 434, 437, 443
 Кутайсов 90
 Кутневич Василий, профессор Московской Духовной академии 136
 Кухарский Александр Михайлов 206
 Кюгельхен Карл Фердинанд фон, художник 58
 Кюстин Астольф де 289
 Кюхельбекер Вильгельм Карлович 100, 274, 306, 338, 407

 Лабзин Александр Федорович 145, 162, 523, 525
 Лабрюер Жан де 503
 Лаваль Екатерина Ивановна *см.* Е. И. Трубецкая
 Лаваль Зинаида Ивановна, жена Л. Лебцельтерна 428, 431
 Лаваль Иван Степанович 428
 Лаваль София Ивановна 431
 Лагарп Жан Франсуа де 263
 Лажечников Иван Иванович 407, 408
 Лазукова М. 59
 Лактанций 296
 Лапин И., купец 212
 Лафатер Иоганн Каспар 479
 Лаферронэ Пьер Луи Август, французский посланник 468
 Лафонтен Луи Ипполит 291
 Лебедев К. Н., сенатор 456
 Лебедева Элеонора Сергеевна 305, 340
 Лебцельтерн Адам, отец Л. Лебцельтерна 428
 Лебцельтерн Людвиг, австрийский полномочный министр в С.-Петербурге 428—430
 Левицкий Владимир, протоиерей 356
 Левицкий Дмитрий Григорьевич 18
 Левкей (Левкий), архимандрит Симона монастыря 31
 Леметр де Саси *см.* Местр де Саси
 Лемонте 291
 Ленин Владимир Ильич 192, 213, 214, 355
 Леонид (Л. В. Краснопевков), епископ Ярославский 112
 Леонтьев Константин Николаевич 141, 258, 322
 Леопольд I, император Австрийский 34
 Лермонтов Михаил Юрьевич 82, 111, 138, 303, 324, 405, 418, 482, 494—498, 514, 526
 Лернер Николай Осипович 354
 Лесков Николай Семенович 522
 Лесскис Г. А. 292
 Лёве-Веймар Франсуа Адольф 488
 Лжедмитрий (Отрепьев, Гришка Отрепьев) 4, 27, 43, 83, 154, 198—201, 515
 Либерман Август, прусский посланник 368, 369
 Липранди Иван Петрович 411, 413, 414, 422
 Листов В. С. 76, 201
 Литта Джулио (Юлий Помпеевич), граф 41
 Лифарь Сергей Михайлович 450
 Лобанов, князь 434
 Лобанов Михаил Евстафьевич 289
 Ломоносов Михаил Васильевич 22, 122, 142, 224, 298, 306, 314, 315, 475, 498, 520, 521
 Ломоносов Николай Григорьевич 329
 Лонгин, сотник, святой мученик 37
 Лонгинов Михаил Николаевич 367
 Лопухин Иван Владимирович 523

- Лосев Алексей Федорович 516
 Лотман Юрий Михайлович 59, 401
 Лошакова, девица 406
 Лука, Св. евангелист 35
 Лукомский В. К. 8
 Лунин Михаил Сергеевич 57
 Луций Пизон 264
 Луций Элий Сеян 263, 266, 268
 Лысогорский Н. В. 198
 Львов Николай Александрович 18
 Людовик XVI 278
 Людовик XVIII 434
 Лютер Мартин 180, 259
 Люцероде Карл Август, саксонский посланник 368, 400
 Ляцкий Евгений Александрович 218
- Майков Аполлон Николаевич 482
 Макарий, митрополит Московский и Всероссийский 138
 Макарий (М. Я. Глухарев), архимандрит 165, 166, 171—173
 Максим Блаженный 235
 Максим Исповедник 328
 Максимов В. 213
 Максимович Михаил Александрович 400
 Малевский Франтишек Иероним 470
 Малиновский Иван Васильевич 282, 405, 465, 494
 Мальцева Татьяна Юрьевна 198
 Малюга Скуратов 516
 Мандельштам Осип Эмильевич 514
 Манн Томас 304
 Манюель Иосиф 41
 Марат Жан Поль 54
 Мария, дочь П. Ф. Воронцовой 18
 Мария Магдалина Святая равноапостольная 37, 52, 57
 Мария Николаевна, великая княжна 479
 Мария Павловна, великая княжна 462
 Мария Федоровна, императрица, жена Павла I 38, 436, 438, 444
 Марк Карл 259
 Маркус 90
 Мармон Огюст Фредерик, французский посол 470
 Марьянов Б. Н. 304
 Матвеева Мария 438
 Матфей, Св. евангелист 128, 312
 Марциал Марк Валерий 264
 Маслов, аудитор 400
 Магюшкин Федор Федорович 400
 Маяковский Владимир Владимирович 445, 514
 Медженис Артур 405
 Мейендорф *см.* Чичерина, мать Г. В. Чичерина
 Мемлинг Ганс 300
 Меншиков Александр Данилович 21
- Мережковский Дмитрий Сергеевич 142, 143
 Меркади Харламбий, учитель в доме Л. А. Пушкина 512, 513
 Местр де Саси (Le Maître de Saci), фр. переводчик Библии 101, 102, 298
 Меттерних Клеменс Лотар Венцель 430, 434, 438, 442, 444
 Мефодий Святой равноапостольный, просветитель славян 48
 Мещерская (Карамзина) Екатерина Николаевна 362, 386, 391, 395, 454
 Мизко Г. Т. 172
 Милонов Михаил Васильевич 267
 Милорадович Михаил Андреевич 55
 Милославский Иоанн Михайлович, боярин 37
 Миллоков Павел Николаевич 346, 349
 Минин Козьма 27
 Миропольский С. 143
 Митрофан, Св. епископ Воронежский 112
 Митьков, штабс-капитан 391, 395
 Михаил (Десницкий), митрополит Санкт-Петербургский 102
 Михаил Павлович, великий князь 387, 399, 481
 Михаил Федорович *см.* Романов Михаил Федорович, царь 24, 26, 27, 29, 30, 31, 32, 222
 Мицкевич Адам 337, 408, 409
 Модзалевский Борис Львович 196, 198, 500, 503—505
 Моисей, пророк 280, 350
 Молчанова А. И., жена А. Ю. Пушкина 16
 Монтестье Шарль Луи 263, 265, 277
 Монферран Август Августович 389
 Мор Томас 516
 Моравский Станислав-Аполлинарий 366
 Мордвинов Александр Николаевич 370
 Моро Жан Виктор 98, 106
 Морозов Петр Осипович 77, 99, 105, 107
 Мотыль Владимир Яковлевич 429
 Моцарт Вольфганг Амадей 3, 350, 359, 422
 Муравьев Андрей Николаевич 28, 37, 38, 339
 Муравьев Михаил Никитич 521
 Муравьев-Апостол Сергей Иванович 55, 58, 479
 Мuryанов Михаил Федорович 79
 Мусин-Пушкин Иван Алексеевич 35, 36
 Мусина-Пушкина Эмилия Карловна 372, 454
 Мусоргский Модест Петрович 201—203, 210, 211, 261
 Муханов Владимир Алексеевич 400
 Муханов Николай Алексеевич 90, 98, 113, 287

- Муханов Павел Александрович 113, 115
 Муханов Петр Александрович 113
- Набоков (Сирин) Владимир Владимирович 342, 343
- Надеждин Николай Иванович 94, 95
 Надеждин Ф. 198
- Назаров Михаил 451, 452
- Назимов В. Л., архитектор 213
- Наполеон I Бонапарт 37, 79, 90, 93, 94, 99, 103—108, 110, 117—126, 129—131, 261, 271, 284, 287, 293, 395, 405, 428, 434—442, 474, 476
- Нарцисс 264
- Нарышкин Александр Львович 100, 338
- Нарышкин Дмитрий Львович 398, 421, 431
- Нарышкина М. А. 443
- Нарышкина М. Д. *см.* Гурьева М. Д.
- Наталья Алексеевна, великая княгиня, первая супруга Павла I 426
- Нафан, пророк 326
- Нащокин Павел Воинович 56, 384, 395, 421, 462
- Неелова Анна Михайловна, псковская помещица 203
- Некрасов Николай Алексеевич 482
- Нектарий, архиепископ Вологодский и Великопермский 30
- Непомнящий Валентин Семенович 305
- Нессельроде Дмитрий Карлович 432
- Нессельроде Карл Васильевич 114, 399, 422—445
- Нессельроде Максимилиан-Юлий-Вильгельм-Франц, отец К. В. Нессельроде 424, 425
- Нессельроде Мария Дмитриевна, жена К. В. Нессельроде 422, 424, 429, 430, 432, 441
- Нефедьева А. И. 363, 368—390, 392
- Никанор (А. И. Бровкович), архиепископ Херсонский и Одесский 138, 142, 377, 381
- Никита Иоаннов, священник 16
- Никитенко Александр Васильевич 134, 368
- Никитин Андрей, дьячок, крестник Петра Абрамовича Ганнибала 203
- Никитин Иван, церковный староста 206
- Никифоров-Волгин Василий Акимович 131
- Никишов Ю. М. 59
- Никодим Селлий 198
- Никола Псковский (Никола Салос), блаженный 195—197
- Николай I, император 14, 51, 58, 59, 77—79, 91, 93—95, 98, 106—109, 111—114, 125, 127, 129, 204, 274, 275, 283, 285, 332, 336, 338, 372, 379, 389, 391, 392, 394, 395, 398, 403, 404, 416, 421—423, 440, 442, 444, 445, 454, 455, 461, 462, 465, 468—474, 477, 478, 480, 481, 491, 495, 522
- Николай II, император 192, 394
- Николай Кузанский 259
- Никон, шестой Патриарх Московский и Всероссийский 517
- Новалис 497
- Новиков Николай Иванович 523
- Новоселов С. К. 40
- Норов Авраам Сергеевич 396
- Обнорский Сергей Павлович 46
- Овидий Назон 500
- Одоевский Александр Иванович 165, 480
- Одоевский Владимир Федорович 10, 11, 406
- Оленин Алексей Николаевич 391, 480
- Оленина Анна Алексеевна, дочь А. Н. Оленина 58, 391
- Ольга Святая равноапостольная, великая княгиня 54
- Ольга Вюртембергская, внучатая племянница вел. кн. Ольги Николаевны 481
- Ольга Николаевна, великая княжна, королева Вюртембергская 481
- Онегин (Отто) Александр Федорович 25, 446
- Орлов Алексей Федорович 55, 426, 461
- Орлов Михаил Федорович 56, 442
- Орлова Анна *см.* Орлова-Чесменская А. А.
- Орлова-Чесменская Анна Алексеевна 143, 144
- Осипова П. *см.* Осипова (Вульф) П. А.
- Осипова (Вульф) (урожд. Вындомская) Прасковья Александровна 54, 55, 198, 203, 207, 372
- Осоргин Михаил Александрович 450, 451
- о. Василий Зеньковский 453
- о. Гавриил Полянский 97
- о. Герасим Павский *см.* Павский Г. П.
- о. Николай Музовский 97
- о. Сергей Булгаков 141, 305, 324, 393, 452, 464
- о. Павел Флоренский 258
- Отто-Онегин А. Ф. *см.* Онегин (Отто) А. Ф.
- Павел, Св. апостол 62, 87, 89, 167, 170
- Павел I, император 9, 25, 33, 39, 40, 41, 278, 329, 332, 425—427, 434—436, 438, 468, 522
- Павлицев Лев Николаевич 75, 406
- Павский Герасим Петрович, протоиерей 97, 101, 179, 183
- Паисий Величковский 524

- Пален Петр Алексеевич 435, 436
Палладий (П. И. Раев), митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский 42
Паллас Петр Симон 264
Панчулидзе С. А. 447
Параскева Федорова, дворовая девка 205
Парни Эварист Дефорж 101
Паскевич Иван Федорович 372, 441, 480
Пастернак Борис Леонидович 153
Пахомий, иеромонах Святогорского монастыря 208
Пахомов Г. 457
Перикл 268, 270
Перовский Лев 90
Персий 264
Песоцкий Петр Дмитриевич, протопресвитер 80, 380, 385, 387, 390, 391, 454
Пестель Павел Иванович 58, 262
Петр, Св. апостол 62, 65, 96, 157, 488
Петр, Св., митрополит Московский 43, 235
Петр, настоятель Конюшенной церкви см. Песоцкий П. Д.
Петр I (Великий), император 3, 17, 20—22, 32, 34, 37, 42, 79, 83, 107, 157, 159, 191, 209, 275, 276, 279, 283, 346, 347, 355, 389, 399, 400, 438, 472, 474, 475, 480, 482, 488, 503, 504, 508, 510, 518—520, 522, 524
Петр III, император 399, 522
Петр Афонский 480
Петр Дамаскин 328
Петр Могила, митрополит Киевский 163
Петр II Негош, митрополит Черногории, поэт 213, 444
Петрарка Франческо 297, 298
Петроний 263, 264, 265, 273
Печерин Владимир Сергеевич 288
Пешуров Алексей Никитич 371
Пий VII, римский папа 428
Пильский П. М. 351
Писарев Дмитрий Иванович 347
Платон 257
Платон (Левшин), митрополит Московский и Коломенский 167, 168, 198, 200, 512
Плетнев Петр Александрович 13, 14, 116, 147, 213, 341, 386, 416, 440, 455, 474, 481, 482
Плюшар Адольф Александрович 46
Победоносцев Константин Петрович 141
Погодин Михаил Петрович 90, 92—99, 130, 133
Пожарский Дмитрий Михайлович 27
Полевой Ксенофонт Алексеевич 492
Полевой Николай Алексеевич 92, 339
Полетика Идалия Григорьевна 460
Полибий 264, 273
Полоцкий Симеон 517, 518, 521
Понтий Пилат 94, 125
Попов К. 143, 145
Попов Павел Сергеевич 446
Потемкина Елизавета Петровна, сестра С. П. Трубецкого 430
Потоцкая Софья Станиславовна 55
Потоцкая Софья, мать С. С. Потоцкой 55
де'Прадт, аббат 443
Прасковья, дочь П. Ф. Воронцовой 18
Прасковья Федоровна, супруга царя Иоанна Алексеевича, урожденная Салтыкова 42
Преннер К.-Т. 18
Протагор 258
Протасов Николай Александрович 390
Протопоп Аввакум 102, 517, 518
Псевдо-Киприан 296
Пугачев Емельян Иванович 83, 175, 176, 304, 527
Пушкин Александр Александрович, старший сын А. С. Пушкина 15, 25, 481
Пушкин Александр Львович, сын Л. А. Пушкина 513
Пушкин Александр Петрович, прадед А. С. Пушкина 10, 503—513
Пушкин Александр Юрьевич, двоюродный брат матери А. С. Пушкина 10, 14, 16
Пушкин Алексей Федорович, прадед А. С. Пушкина 18, 501, 512
Пушкин Борис Иванович, «советный человек» царя Алексея Михайловича 26
Пушкин Василий Львович, дядя А. С. Пушкина 8, 9, 25, 329, 493, 502
Пушкин Гаврила Григорьевич (в схиме Герасим), предок А. С. Пушкина 8, 27
Пушкин Иван Иванович, двоюродный дядя А. П. Пушкина 503, 511
Пушкин Иван (Субота) Стефанов 501
Пушкин Илья Петрович, брат А. П. Пушкина 504, 507
Пушкин Иона см. Пушкин Иван (Субота) Стефанов 501
Пушкин Лев Александрович, дед А. С. Пушкина 25, 504, 505, 507, 510, 512, 513
Пушкин Лев Сергеевич, брат А. С. Пушкина 13, 371, 413
Пушкин Михаил Александрович, сын А. П. Пушкина 505
Пушкин Петр Петрович, отец А. П. Пушкина 503
Пушкин Платон Сергеевич, брат А. С. Пушкина 212, 502
Пушкин Сергей Львович, отец А. С. Пушкина 9, 10, 12, 13, 17, 18, 76, 147, 362—364, 368, 370, 371, 386, 391, 415, 512, 513

- Пушкин Симеон Васильев 501
 Пушкин Сисой 501
 Пушкин Степан Гаврилович, «советный человек» царя Алексея Михайловича 26
 Пушкин Петр Стефанов 501
 Пушкин Тихомир Юрьев 502
 Пушкин Федор Петрович, брат А. П. Пушкина 505—507, 512
 Пушкин (Косой) Григорий Гаврилович, «советный человек» царя Алексея Михайловича 26, 27
 Пушкин Черной (Толстой) Петр Тимофеевич 26
 Пушкина Авдотья Ивановна *см.* Головина Е. И. 506
 Пушкина Е. А. *см.* Розенмайер Е. А. фон дер
 Пушкина Мария Александровна, дочь А. П. Пушкина 504, 505, 507
 Пушкина Надежда Осиповна, мать А. С. Пушкина 14, 18, 202, 205, 212, 383, 384, 396
 Пушкина Наталья Александровна, дочь А. С. Пушкина 385
 Пушкина (Воронцова-Вельяминова) Наталия Александровна, дочь А. А. Пушкина
 Пушкина (урожд. Гончарова, во втором браке Ланская) Наталья Николаевна, жена А. С. Пушкина 15, 16, 24, 25, 80, 117, 205, 360, 366, 367, 372, 385, 389, 398, 417, 420, 421, 435, 448, 460—462, 465, 470, 476, 481, 484, 485, 488
 Пушкина (урожд. Чичерина) Ольга Васильевна, бабушка А. С. Пушкина 10, 13, 14, 17, 25
 Пушкина Ольга Сергеевна, сестра А. С. Пушкина 14, 17, 75, 386
 Пушкина Сарра Юрьевна (урожд. Ржевская), жена А. Ф. Пушкина 502
 Пушкина-Ланская Н. Н. *см.* Пушкина Н. Н.
 Пущин Иван Иванович 12, 206, 329, 396, 465, 492, 493, 494
 Пущин Павел Сергеевич 207, 269, 451
 Радишев Александр Николаевич 262, 292, 475, 523, 525
 Радша (Рача) 7, 8, 13, 26
 Раевский Александр Николаевич 54, 399, 480
 Раевский Владимир Федосеевич 471
 Раевский Иларий Евдокимов, священник 205
 Раевский Николай Николаевич 56, 480
 Разумова А. П., карельская собирательница 218
 Разумовский Алексей Кириллович 135
 Разумовский 443
 Ралли (в замужестве Стамо) Екатерина 56
 Ралли Мариола 56
 Расин Жан 263, 267, 294, 295
 Рафаэль Санти 359
 Рача *см.* Радша
 Регина Крестина, жена А. П. Ганнибала 209
 Реймарс 489
 Репнин (Репнин-Волконский) Николай Григорьевич 417
 Ржевская М. А. *см.* Ганнибал М. А.
 Римская-Корсакова Мария Ивановна 57
 Родзаевский К. В. 347
 Родич, кишиневский полицмейстер 55
 Розанов Василий Васильевич 83, 111, 155, 305, 306, 309, 325, 348
 Розанов М. Н. 198
 Розанов Н. П. 198
 Розенмайер фон дер Елена Александровна, дочь А. А. Пушкина, старшего сына А. С. Пушкина 25
 Рокотов Федор 18
 Романов Михаил Федорович, царь 24, 26—32, 38
 Романюк С. 16
 Ромодановский И. Ф. 507
 Россет (Россети) Аркадий Осипович 364, 367, 368
 Ростопчин Федор Васильевич 18
 Рублев Андрей 84, 260
 Румянцев Николай Петрович 426, 434, 437—440, 443
 Румянцев Сергей Петрович 426, 440
 Румянцев-Задунайский Петр Александрович 438
 Руссо Жан Батист 277
 Руссо Жан Жак 273, 277, 297, 298, 514
 Рыкова Н. Я. 266
 Рылеев Кондратий Федорович 55, 57, 267, 472, 473
 Рюрик 8, 188
 Sabel 97
 Савва Сторожевский (Савва Звенигородский) 340
 Савельева Е. 480
 Савельева Лидия Владимировна 48
 Саврасов Алексей Кондратьевич 213
 Савушкина Н. И., карельская собирательница 218
 Сайтанов В. А. 52
 Саллюстий Гай 266
 Саломон Христофор Христофорович 405
 Салос Никола *см.* Никола Псковский
 Салтыков Алексей («Индец») 492
 Салтыков Николай Иванович 442
 Салтыков П. И. 93

- Салтыков Сергей Васильевич 485
Салтыков Сергей Сергеевич 42
Салтыкова Анна Васильевна, племянница царицы Прасковьи Федоровны 42
Салтыкова П. Ф. см. Прасковья Федоровна, супруга царя Иоанна Алексеевича
Сальери Антонио 3
Саути Роберт 53, 334, 335
Сафонов М. 398
Сафонович В. И. 477
Свердлов Яков Михайлович 192
Светлова М. К. 377
Светоний Гай Транквилл 268
Святополк-Мирской Д. П. 354
Святослав, князь Киевский 8
Селивановский С. 48
Семевский М. И. 369
Семенко И. М. 59
Сенека Луций Анней 264
Серафим (С. В. Глаголевский), митрополит Московский и Коломенский, с 1821 г. — митрополит Петербургский 102, 137, 146, 163, 179, 375, 382, 389—391, 395, 455, 525
Серафим Саровский 51—53, 355, 524
Сергий Радонежский 91, 112, 133
Серегина Наталия Семеновна 402
Сильвестр (Симеон) Медведев 517, 518
Сильвестр Печерский 65
Сильвио Пеллико 341, 342
Симеон Метафраст 310, 325
Симеон Новый Богослов 325, 327
Синявский Андрей Донатович (Абрам Терц) 257, 259, 345, 355
Скалон Николай Александрович 367
Скатов Николай Николаевич 348
Скворцов Иван Васильевич 9, 16, 17
Скриб Эжен 476
Смирнов Николай Михайлович 390, 399, 477
Смирнова (урожд. Россет) Александра Осиповна 79, 150, 294, 457, 480, 526
Снегирев Иван Михайлович 198
Собакин Михаил Васильевич, окольничий 20
Собольевский Сергей Александрович 384, 395, 452
Соймонов А., фольклорист 487, 490
Сократ Схоластик 96
Соллогуб Владимир Александрович 386, 399, 414, 417, 418, 461, 464
Соловьев Владимир Сергеевич 258, 275, 289, 322, 350, 351, 393, 401
Соломирский Владимир Дмитриевич 414
Соломон, сын Давида 319
Солоневич Иван Лукьянович 82, 276
Сомов Орест Михайлович 400
Сонцов Илья 216, 217
Софокл 279
Софония, пророк 102
Софья Алексеевна, царица 517
Спасский Иван Тимофеевич 360, 385
Сперанский Михаил Михайлович 437, 438, 441, 442, 523
Спиридон Тримифунтский 389
Сталин Иосиф Виссарионович 213
Сталь Жермена де Голштейн 291
Станевич Е. И. 145
Старк Вадим Петрович 12, 13
Старов Семен Никитич 411
Старчевский А. В. 439
Стасов Василий Петрович 390, 403, 404, 494
Stern 97
Стефан Баторий 199
Стефанов Стефан, отставной каптенармус 202
Столарев, крестьянин 207
Строганов Григорий Александрович 367, 369, 389, 390, 424, 455, 459
Строганова (Кочубей) Наталья Викторовна 386
Струве Петр Бернгардович 344, 346—348
Струйс, голландский путешественник 29
Стурдза Александр Скарлатович 54, 137
Стурдза Роксандра см. Эделинг Р.
Суворов Александр Васильевич 76
Silvera 97
Сумароков Александр Петрович 298, 416, 521
Сурат И. 303
Суццо Михаил Георгиевич 368
Сущков Николай Васильевич 133
- Tait 97
Талалай Михаил Григорьевич 359
Талейран Шарль Морис 437, 442
Тархов Александр Евгеньевич 59
Тархова Надежда Александровна 201
Тащицев Сергей Сергеевич 440
Тацит Публий Корнелий 263, 264, 273
Теймураз, царь грузинский (кахетинский) 29, 30
Темир-Аксак 249
Теннер Джон 272
Теребенина Римма Ефремовна 490
Тиберий Клавдий Нерон 266, 267, 273
Тимофеев Алексей, стряпчий 202
Тимофеева-Починковская В. В. 213
Тимофей блаженный, пастух 206, 211, 249
Тимофей Стефанов, дворовый человек 205
Тит, римский император 268
Тихон, Патриарх Московский и всея Руси 203, 210

- Тихон Задонский 524
 Тихонравов Николай Саввич 30
 Тойбин И. М. 59
 Токвиль Алексис 272
 Токмаков Юрий, князь 195, 196
 Толстой Алексей Константинович 482
 Толстой Д. А., граф 468
 Толстой Лев Николаевич 142, 155, 160, 309, 355, 513
 Толстой М. В. 91, 114, 115
 Толстой Петр Александрович 113, 115, 169, 394
 Толстой Петр Андреевич 40, 41, 434, 437
 Толстой Федор Иванович 409, 410, 415
 Томашевский Борис Викторович 265, 337, 354
 Торвальдсен Бертель 499
 Третьяковский Василий Кириллович 298, 416, 520, 521
 Тростников Виктор Николаевич 394
 Троянов Нестор 39
 Трубецкая Екатерина Ивановна 431
 Трубецкой Александр Васильевич 399
 Трубецкой Николай, князь 90
 Трубецкой Николай Сергеевич, исследователь 49
 Трубецкой Сергей Николаевич 343
 Трубецкой Сергей Петрович, декабрист, зять И. С. Лавалы 428—431
 Туманский Василий Иванович 54, 396
 Тургенев Александр Иванович 81, 97, 110, 116, 130, 150, 271, 342, 361, 363, 365, 367—371, 383, 388, 390, 392, 455, 456, 458, 492, 493
 Тургенев Андрей Иванович 168
 Тургенев Иван Сергеевич 160, 348, 493
 Тургенев Николай Иванович 365, 456
 Туркестанова Варвара Ильинична 430
 Тынянов Юрий Николаевич 354, 427, 432, 444, 493
 Тюрин Е. Д., архитектор 17
 Тютчев Федор Иванович 257, 288, 289, 419, 420, 422, 432, 444, 445, 482

 Уваров Сергей Семенович 46, 399
 Ульянов Н. И. 268, 288
 Урусамбек, персидский посол 31
 Успенский Ф. И. 502
 Уткин Николай Иванович, гравер 498
 Ушаков Дмитрий Николаевич 44

Фасмер М. 49
 Федор Алексеевич, царь 34, 37, 39, 40, 517, 518
 Федор Иоаннович (Иванович), царь 29, 200

 Федор Никитич см. Филарет, Патриарх Московский и всея Руси
 Федор Родионов, церковный староста, возможно, брат няни А. С. Пушкина 205
 Федосеев Федор, священник 206
 Федотов Георгий Петрович 81, 156
 Фемистокл, афинский государственный деятель и полководец 270
 Феодор (А. М. Бухарев), архимандрит 139, 140
 Феодор Едесский 326
 Феофан Затворник 405
 Феофан Прокопович 178, 180, 378, 519, 520
 Феофил Антиохийский 296
 Феофилакт (Русанов), епископ 116
 Фердинанд, король Болгарский 42
 Фикельмон Шарль Луи 428
 Фикельмон Дарья (Долли) Федоровна 78
 Филарет (Дроздов Василий Михайлович), епископ Ревельский, архиепископ Тверской и Кашинский, митрополит Московский и всея Руси 28, 37, 75, 81, 85—89, 91, 97—99, 101, 102, 108—117, 119, 127—141, 144—147, 155, 163, 179, 308, 318, 319, 375, 395, 455
 Филарет, Патриарх Московский и всея Руси, отец царя Михаила Федоровича Романова 24, 26, 27, 28, 30, 31, 32, 37, 38, 516
 Филарет (Амфитеатров Федор Георгиевич), митрополит Киевский и Галицкий 135
 Филарет (Д. Г. Гумилевский), архиепископ Черниговский 519
 Филипп II 516
 Филипп (Ф. С. Колычев), Св., митрополит Московский и всея Руси 516
 Флетчер Томас 463
 Флоровский Георгий 198
 Фок (Осипова) Екатерина Ивановна 370, 371
 Фома Неверный, Св., апостол 65
 Фомин Иосиф, приказчик 209
 Фомина Марфа, жена приказчика Фомина Иосифа 209
 Фонвизин Денис Иванович 118, 291, 475
 Фотий, Св., митрополит Киевский и всея Руси 37
 Фотий (Спаский Петр Никитич), архимандрит Юрьевский 137, 142—146, 162, 163, 170, 179, 453, 525
 Франк Семен Людвигович 140, 305, 326, 343, 457
 Фридрих II Великий 426, 438

- Фридрих Карл Прусский 481
Фрэнкленд К., адмирал 272
- Хайдеггер Мартин 259, 260
Харитон, игумен 29
Харкевич Адриан Ксенофонович 356
Хворостинин Иван, князь 516
Хвостов Ал. 198, 298
Хвостов Дмитрий Иванович 306, 352
Харсков Михаил Матвеевич 521
Хитрово Елизавета Михайловна 57, 78, 88, 97, 133, 139, 140, 376
Хлюстин Семен Семенович 417
Хмельницкий Богдан 159
Ходасевич Владислав Фелицианович 217, 345, 351, 352, 424
Хомяков Алексей Степанович 136, 526
Хрепович Елена Карловна, дочь К. В. Нессельроде 432
- Цветаева Марина Ивановна 514, 515
Цветков Сергей Федорович 9
Цезарь Гай Юлий 68, 103, 108, 263, 273
Цицерон Марк Туллий 258, 264, 265
Цявловская Татьяна Григорьевна 53, 56
Цявловский Мстислав Александрович 12, 487, 493
- Чаадаев Петр Яковлевич 9, 56, 78, 82, 180, 199, 222, 256, 268, 274, 288, 325, 358, 378, 395, 400, 411, 493, 516, 525
Черейский Лазарь Абрамович 431
Черкашин А. А. 8, 531
Чернов А. В. 268
Чернов А. Ю. 57
Чернов С. Г. 172
Чернышов В., фольклорист 486, 487, 489
Чехов Антон Павлович 47, 289
Чистякова Н. А. 300
Чихачев Михаил Николаевич, уездный заседатель 207
Чихачев Иван Федоров, воин 501
Чичерин Василий Николаевич 422
Чичерин Георгий Васильевич 399, 421, 422
Чичерина, мать Г. В. Чичерина 422
Чичерина О. В. см. Пушкина О. В.
- Шадевальдт В. 300, 301
Шаликов (Шаликашвили) Петр Иванович 92, 93
Шанский Н. М. 495
Шагобриан Франсуа Рене, де 5, 339
Шатров Николай Михайлович 113, 114, 298, 306
Шаумбург-Липпе Альбрехт 481
Шаховская М. А. 427
Шаховской Александр Александрович 293
- Шаховской Семен (Симеон) Иванович 30, 223
Шварц Дмитрий Максимович 53
Шевырев Степан Петрович 132, 133, 318
Шейн П., фольклорист 486, 487
Шекспир Уильям 100, 257, 263, 274, 279, 514
Шеллинг Фридрих Вильгельм 259, 496, 524
Шереметев Василий Васильевич 411, 412, 416
Шеффер Пауль 43
Шик А. А. 354
Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих 316, 409
Шильдер Николай Карлович 468
Ширинский-Шихматов Алексей Александрович 170, 171
Ширинский-Шихматов Павел Александрович 170, 171
Ширинский-Шихматов Сергей Александрович (в иночестве Аникита) 170, 171
Шишков Александр Семенович 45, 102, 146, 164, 325, 476, 525
Шмеман Александр, протопресвитер 344
Шольц Вильгельм (Василий) Богданович, фон 405
Шостакович Дмитрий Дмитриевич 528
Шпенглер Освальд 328
Шпет Густав Густавович 257
Штиллинг 146
Шубин Алексей Яковлевич 38
Шувалов Иван Иванович 520
- Щеголев Павел Елисеевич 421—423, 431, 433, 436, 446, 478
Щерба Лев Владимирович 314
Щербинин Михаил Андреевич 407
Щусев Алексей Викторович 213
- Эйдельман Натан Яковлевич 151, 423, 427
Эккартсгаузен Карл 146
Эдлинг (Эделинг) Роксандра 56, 443
Эльза Вюртембергская, внучатая племянница великой княжны Ольги Николаевны 481
Энгельгардт Егор Антонович 56, 329, 400
Энеева Н. 44
Эпафродит 264
Эпиктет 264
Эристов Дмитрий Алексеевич 76, 340
Эрколе Зани 29
Эфрос Абрам Маркович 54—56, 58, 153, 480
- Ювенал 263, 265
Югурта, нумидийский царь 266
Юзефович Михаил Владимирович 396, 492

Яворский Стефан, митрополит 518, 520
Языков Николай Михайлович 268, 336,
469
Яковлев Михаил Лукьянович 76, 340
Якубович Александр Иванович 407, 411,
412, 416
Якуна, потомок Радши 8
Якушкин Иван Дмитриевич 171
Якушкин П. И., фольклорист 218
Ясперс Карл 259
Ярослав Всеволодович, великий князь
19
Ярослав Мудрый, князь Киевский 8, 19,
78
Ярославский Емельян 304
Яцевич Андрей Григорьевич 493

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. Н. Скотов.</i> Вместо предисловия	3
Мир Пушкина в свете православия	
<i>Н. И. Грановская.</i> Небесный покровитель рода Пушкиных	7
<i>Э. С. Лебедева.</i> «Святому Невскому служил» (к вопросу об обстоятельствах крещения и о Небесном покровителе А. С. Пушкина)	11
<i>Е. Н. Иванова.</i> Крестный отец А. С. Пушкина	16
<i>Архимандрит Августин (Никитин).</i> Почитание Святого благоверного князя Александра Невского в Петербурге	19
<i>Е. Н. Монахова.</i> Христианская святыня дома Пушкиных	24
<i>Архимандрит Августин (Никитин).</i> Риза Господня и Россия	28
<i>М. Ф. Мурьянов.</i> Пушкин о московской речи	44
<i>Л. В. Савельева.</i> Новый комментарий к заметке А. С. Пушкина о славянской азбуке	48
<i>Л. А. Краваль.</i> Пушкин и преподобный Серафим	51
<i>Л. А. Краваль.</i> Пушкин и Святцы	53
<i>В. А. Кошелев.</i> Евангелийский календарь пушкинского «Онегина»	59
<i>Н. И. Моисеева.</i> Время Пушкин исчислял по православному календарю	67
<i>Э. С. Лебедева.</i> Пушкин и даты церковного календаря	74
<i>А. Л. Казин.</i> Поэт Православного царства	81
<i>Священник Иоанн Малинин.</i> К литературной переписке митрополита Филарета и А. С. Пушкина	85
<i>В. Г. Мороз.</i> «Апокалипсическая песнь» Пушкина (опыт истолкования стихотворения «Герой»)	90
<i>В. Г. Мороз.</i> Скрижаль свободы (святитель Филарет и наполеоновская легенда Пушкина)	117
<i>А. П. Дмитриев.</i> Митрополит Московский Филарет и культура пушкинского времени	131
<i>А. П. Дмитриев.</i> Духовные пастыри XIX в. о А. С. Пушкине	137
<i>М. А. Дмитриева.</i> Ученик и оппонент владыки Филарета	142
<i>В. В. Акимов.</i> «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» (этап религиозного развития поэта)	147
<i>С. Г. Стратановский.</i> «И путник усталый на Бога роптал...» (мотивы неоправданности времени в творчестве А. С. Пушкина)	152
<i>Л. Н. Парийский.</i> «Величаяя Жена» (царскосельская икона Божией Матери и стихотворение Пушкина)	157
<i>В. П. Хавроничев.</i> Слово, говоренное в День празднования иконы Божией Матери «Знамение» Царскосельской в церкви Св. Иоанна Богослова при Санкт-Петербургской Духовной академии 10 декабря 1997 г.	159
<i>Священник Иоанн Малинин.</i> Православный человек о личности А. С. Пушкина	162
<i>Священник Иоанн Малинин.</i> Провинциальный житель времен А. С. Пушкина (20–30-е годы XIX столетия)	170
<i>Священник Иоанн Малинин.</i> Русский человек в романе «Капитанская дочка»	174
<i>Священник Иоанн Малинин.</i> Дом священника в богоспасаемой крепости	178

Г. И. Пеев. Свобода и общение (по материалам «Капитанской дочери» А. С. Пушкина)	183
В. С. Непомнящий. «Да ведают потомки православных...»	188
Н. И. Грановская. Юродивый в трагедии Пушкина «Борис Годунов» (к вопросу о первоисточниках)	194
Л. В. Левкова. Первоисточник исторической заметки Пушкина о митрополите Платоне	198
Н. С. Новиков. Летопись сельца Михайловского и окрестностей, которую вели местные священнослужители	201
Н. С. Новиков. Псковские усадьба Ганнибалов (документы против легенд)	208
И. Т. Будылин. Святогорский монастырь Псковской епархии	211
Е. А. Мухина. Об одном духовном стихе из репертуара святогорских калик	217
Н. С. Серегина. Службы Святому Царевичу Димитрию и трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов»	222
Н. С. Серегина. Начальные сцены трагедии «Борис Годунов» в свете служб Владимирской иконе Богородицы	248
С. А. Королев. Черты православной культуры	256
Т. Г. Мальчукова. Пушкин как национальный и политический мыслитель	262
Т. Г. Мальчукова. О христианской традиции в изображении природы у А. С. Пушкина	294
Т. Г. Мальчукова. Стихотворения А. С. Пушкина «Воспоминание» и «Пророк» в контексте христианской культуры	303
В. А. Котельников. «Монастырь за облаками...»	315
В. А. Котельников. Христианский реализм Пушкина	323
И. Ю. Юрьева. Молитвы в текстах Пушкина	329
И. Ю. Юрьева. Христианская тема в критических статьях Пушкина 1830-х годов	339
М. Д. Филлин. Пушкиниана Русского Зарубежья	342
А. К. Харкевич. А. С. Пушкин (речь, сказанная по случаю чествования его памяти Флорентийской русской колонией в 100-летнюю годовщину смерти поэта)	356

«Таков был конец нашего Пушкина»

Свидетельства современников о христианской кончине А. С. Пушкина	360
Протоиерей Владимир Сорокин. Талант А. С. Пушкина в свете православия	372
Э. С. Лебедева. «Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья...»	383
Э. С. Лебедева. Отзвуки дела о «Гавриилиаде» в истории гибели и похорон Пушкина	393
Э. С. Лебедева. Прощание Петербурга с поэтом	402
Т. П. Волохонская. Дуэли Пушкина и его героев	406
В. В. Кожин. «Из чьей руки...?»	419
Е. Н. Монахова. Начальник Пушкина граф К. В. Нессельроде	424
Е. Н. Монахова. Воплощение зла (Дантес и Геккерен у М. А. Булгакова и В. В. Вересаева)	445
М. Д. Филлин. Перчатка друга	450
М. Д. Филлин. Последнее письмо	458
М. Д. Филлин. Побег	464
Е. Л. Шамарина. Царь и поэт	467
Л. А. Краваль. Царственные особы в рисунках Пушкина	478
Г. М. Воронцов-Вельяминов. Пушкин в воспоминаниях дочери императора Николая I	481
В. Д. Берестов. «Как за церковью, за немецкою...»	482
Л. Е. Смирнова. Набережная Мойки, 13	491
М. Ф. Мурьянов. По обе стороны Черной речки	494
М. Ф. Мурьянов. Надгробия Пушкиных в Псково-Печерском монастыре	500
Ю. И. Левина. «Прадед мой Пушкин»	503
А. М. Панченко. Русский поэт, или мирская святость как религиозно-культурная проблема	513

<i>Приложение. Профессор-протоиерей Владимир Мустафин. Православие в духовной жизни России пушкинского времени (вступительное слово на Первых Христианских Пушкинских чтениях, 11 февраля 1992 г., Санкт-Петербургская Духовная академия)</i>	523
<i>В. С. Непомнящий. Вступительное слово при открытии Христианских Пушкинских чтений (Москва, 17 февраля 1992 г.)</i>	527
Послесловие	531
Именной указатель	533

Духовный труженик. А. С. Пушкин в контексте русской культуры. СПб.: Наука, 1999. — 551 с.

ISBN 5-02-026796-1

Представленный сборник статей посвящен рассмотрению историко-культурной модели жизни русского общества пушкинского времени. Потребность восстановления корней русской жизни и серьезной оценки духовного пути поэта — без преувеличения его вольнодумства и без впадения в идолопоклонство — объединяет коллектив авторов. Их совместный труд обращен не только к прошлому, но и к настоящему и будущему, поскольку внутренним объединяющим мотивом книги является известная мысль И. А. Ильина о том, что история личного развития Пушкина «раскрывается как постановка и разрешение основных проблем всероссийского духовного бытия и русской судьбы».

В основу книги положены работы авторов серии «Пушкинская эпоха и Христианская культура» (СПб., 1993 — 1998) и участников Христианских Пушкинских чтений в Санкт-Петербургском Центре Православной Культуры (1992 — 1998).

ДУХОВНЫЙ ТРУЖЕНИК А. С. ПУШКИН В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Художник Л. А. Яценко
Технический редактор Е. И. Егорова
Корректоры Н. И. Журавлева, Н. И. Капитонова,
И. А. Крайнева и Э. Г. Рабинович
Компьютерная верстка Т. Н. Поповой

Лицензия № 020297 от 23 июня 1997 г. Сдано в набор 28.12.98.
Подписано к печати 22.04.99. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Петербург. Печать офсетная. Усл. печ. л. 45.
Уч.-изд. л. 49.9. Тираж 2000 экз. Тип. зак. № 3143. С 95

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12